

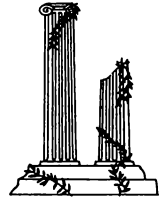
Д Diaspora

Д Diaspora

V

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

V

Альманах основан Владимиром Аллоем

Ответственный редактор:

Олег Коростелев

Россия, Москва, 125015, ул. Бутырская, д.9, кв.128
Тел.: 7095. 285.60.40. E-mail: okorostelev@mail.ru

Редактор-издатель:

Татьяна Притыкина

Россия, СПб, 196070, а/я 345
Тел.: 7812.387.17.73. E-mail: isphenix@hotmail.ru

Представители альманаха:

А.В.Лавров. Россия, С.-Петербург, 197046, ул. Б.Дворянская (Куйбышева), д.22, кв.31. Тел.: 7812. 233.84.87. E-mail: lavrov@TP3917.spb.edu

John E. Malmstad. Slavic Dept. Barker Center. 12 Quincy Street. Harvard University. Cambridge, MA 02138. USA. E-mail: malmstad@fas.harvard.edu

Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds. Leeds LS2 9JT England. Tel. 0113. 233 32 89. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Elda Garetto. Via Salvo d'Acquisto, 20. 21020 Casciago (va), Italia.
Tel./Fax: 0332. 22 02 45. E-mail: elda.garetto@skylink.it

Catherine Gousseff. Centre d'Études du monde russe, École des Hautes Études en Sciences Sociales. 54, bd. Raspail 75006 Paris. E-mail: gousseff@ehess.fr

Адрес издательства:

Россия, 191123 С.-Петербург
Кирочная ул., 31

Диаспора
V

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

Athenaeum – Феникс
Париж – Санкт-Петербург

2003

ББК 63.3
УДК [947+957]
Д-441

Д-441

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Вып.5.
СПб.: Феникс, 2003. 752 с., ил.

В настоящем томе альманаха читатель найдет написанные в эмиграции воспоминания графа Д.И.Толстого и записки артиста балета Николая Триполитова о гастролях по Европе с труппой полковника де Базиля; окончание истории хранения и расходования «колчаковского золота» и последнюю часть исследования о российских кинематографистах за рубежом; переписку Г.В.Адамовича с Ю.П.Иваском и И.В.Одоевцевой, письма Д.П.Святополка-Мирского к А.М.Ремизову; стенограмму выступления Давида Бурлюка во время его визита в Советский Союз в 1956 и много других материалов. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3

ISBN 5-85042-077-0
ISBN 5-85042-082-7

© Феникс, 2003

D

Наследие

Д.И.Толстой
АВТОБИОГРАФИЯ
Публикация С.В.Шумихина

Предлагаемый читателю документ принадлежит перу графа Дмитрия Ивановича Толстого (1860–1940) – представителя одной из родовитейших русских дворянских фамилий. Он был написан в 1933–1934 специально для Русского Заграничного исторического архива в Праге (РЗИА) и ныне хранится в РГАЛИ. В годы перестройки этот фонд был переведен с режима «специального» (то бишь секретного) хранения на общедоступный.

Собственно говоря, публикуемый текст исчерпывает большинство наших знаний о его авторе. Несколько больше известно о его старшем брате, Иване Ивановиче Толстом, чьи мемуары не так давно были изданы в Москве¹. Вместе с тем Д.И.Толстого, который разделил судьбу сотен тысяч русских беженцев (возможно, их счет шел и на миллионы – точной статистики нет), а затем никакими особенно выдающимся деяниями в эмигрантской общественной жизни не проявил себя, вряд ли было бы справедливо причислить к обывательской массе. И хотя сам автор считал, что «жизненное поприще, пройденное гладко, без ярких событий и особых потрясений», мало для кого из посторонних может представлять интерес, его записки, как любой документ по прошествии известного времени, приобрели безусловную историческую ценность. В летописи русской революционной смуты и последующего рассеяния они не должны бы затеряться и не заслуживают архивного забвения. Тем более что оба «непременных условия», выдвинутых Д.И.Толстым перед будущими публикаторами его воспоминаний, соблюдены: истекло 10 лет со дня смерти автора и политический режим в

¹ Толстой И.И., граф (1856–1916) – нумизмат и археолог. В 1905–1906 – министр народного просвещения, последний перед революцией петроградский городской голова. См.: Воспоминания министра народного просвещения графа И.И.Толстого. М., 1997; *Толстой И.И. Дневник. 1906–1916.* СПб., 1997; Мемуары графа И.И.Толстого. М., 2002. Все названные публикации подготовлены Л.И.Толстой.

России переменялся (в последнем, во всяком случае, нас с большим или меньшим успехом стараются убедить уже не один год).

Воспоминания графа Д.И.Толстого составляют две единицы хранения (Ф.1337. Оп.5. Ед. хр.65, 66). Первая тетрадь – рукопись на отдельных листах, вторая (продолжение текста) – рукопись в блокноте. В обеих единицах сохранены пакеты, запечатанные овальными печатями красного сургуча (по нашему предположению, с изображениями знаков Зодиака – на одной Козерога, на другой – попарно четырех Раков или, возможно, Скорпионов). На пакетах инвентарные номера РЗИА и одинаковые надписи: «Пакет поступил в регистратуру в распечатанном виде. Зав. отд. <подпись нрзб>. 18.X.33».

При подготовке рукописи к печати исправлены без оговорок очевидные опiski и явные грамматические погрешности, которых, впрочем, немного. Стилистические шероховатости сохранены, а особо несообразные случаи подтверждены публикаторским <так!>. Авторские сокращения, не имеющие вариантов прочтения («т. к.» – так как, «т. е.» – то есть и т. п.), сохранены. Злоупотребление Д.И.Толстого заглавными буквами (для всех придворных, военных, дипломатических, административных чинов и должностей, названий месяцев и дней недели и т. п.) сведено к минимуму. Публикаторские конъектуры даны в скобках.

Текст печатается с незначительными сокращениями.

АВТОБИОГРАФИЯ

графа Дмитрия Ивановича Толстого,
бывшего директора С.-Петербургского Императорского Эрмитажа,
товарища управляющего
Русским музеем Императора Александра III в Петрограде,
2-го обер-церемониймейстера Высочайшего Двора

Меня пригласили написать мою автобиографию, чтоб поместить вместе с другими воспоминаниями в Пражский русский исторический архив¹. Откровенно говоря, не без колебаний решаюсь представить на суд будущих поколений обзор моей малоинтересной жизни. Дело в том, что я могу считать себя исключительно счастливым человеком. А какой интерес может представлять для постороннего исследователя жизненное поприще, пройденное гладко, без ярких событий и особых потрясений? Кроме тяжелых эпизодов кончины моих родителей и общего разорения и беженской судьбы, тяжело отозвавшихся на всех людях моего класса, ничего выдающегося в моей жизни отметить не приходится. В семейной жизни я был, можно сказать, исключительно счастлив до самой старости; 44 года, проведенных в полном духовном единении и согласии с женой-другом, служившей мне во всех обстоятельствах поддержкой и нравственной помощью, близкие и дружеские отношения с моими детьми и их

семьями могут служить редким примером семейного счастья. Политически значительных положений я не занимал и на судьбы родины никакого влияния иметь не мог. Такая жизнь может показаться лишь серой и для постороннего неинтересной. Все же если я решаюсь оставить письменный след о моей жизни, то лишь потому, что будущий исследователь может найти какие-нибудь новые черточки исчезнувшего после революционной катастрофы быта.

Отдельная записка с более подробным описанием, как революция отразилась на управляемых мною музеях, может представить больше общего интереса².

Предоставляя свои записки в распоряжение Русского исторического архива в Праге, я ставлю непременно условием, чтоб таковые не издавались, буде того пожелают, ранее 10 лет после моей кончины, а записки о музеях не ранее перемены режима в России, во избежание преследования большевиками упомянутых и названных в ней лиц.

Гр<аф> Д.И.Толстой

* * *

Отец мой, Иван Матвеевич Толстой, сын сенатора Матвея Федоровича и его жены Прасковьи Михайловны, рожд<енной> Голенищевой-Кутузовой (дочери фельдмаршала, князя Смоленского), пожалованный в 1866-м году в графское достоинство, был при моем рождении в 1860 году товарищем министра иностранных дел, обер-гофмейстером Высочайшего Двора, а затем министром почт и телеграфа. Мать моя Елизавета Васильевна, рожд<енная> Тулинова, дочь Василия Яковлевича Тулинова, Воронежского губ<ернского> предводителя дворянства, и его жены Марии Ивановны, рожд<енной> Дубенской. Род Тулиновых был купеческого происхождения, обладал заводами на посессионных основаниях³, с приписанными к ним крепостными крестьянами, со времен Петра Великого обладателями известного в России Тулиновского конского завода, и поместьями.

Родился я в г. Царском Селе в Китайской деревне в ночь с 30 на 31 мая 1860 г. Отца моего я помню довольно смутно, но слышал всегда о нем как о человеке добром, отзывчивом и очень обаятельным.

Помню первую свою поездку с родителями для лечения отца в Карлсбад в 1867 г., поездом до Варшавы, а затем до какой-то австрийской станции, откуда уже в экипаже на курорт, до которого тогда железная дорога еще не доходила. В Варшаве припоминается приезд в гостиницу к моим родителям тогдашнего наместника графа Берга⁴. Поразило мое воображение его посещение потому, что экипаж его, при проезде через город, был окружен казачьим конвоем – Польша тогда не была еще умиротворена после мятежа 1863 года, и опасались покушений.

После неудачного лечения в Карлсбаде мы переселились сперва в Шлангенбад, а затем в Висбаден, где мой отец и скончался от неправильного лечения сильной малярии, пойманной им на охоте в России. Лечили же его от болезни печени. Помню то сильное впечатление, которое произвела на меня первая смерть в семье. Кончина отца так потрясла безумно любившую его мою мать, что оставила неизгладимый след на ее здоровье, и она психически заболела. Ровно через три года после кончины отца она покончила с собою самоубийством. Мой брат Иван, старше меня на два года, вместе со мною вломились через плохо запертую дверь в ее комнату и наткнулись на ее бездыханное тело, висевшее перед образами в углу; этот ужас оставил во мне неизгладимое впечатление на всю жизнь.

По мнению знавших ее серьезных людей, она была женщина далеко не обыденного ума. У нее всего было 8 детей, которым она отдавала много любви и забот, но только трое пережили ее; из последних только двое достигли преклонного возраста: мой брат Иван, бывший впоследствии камер-секретарем и вице-президентом Академии художеств, затем министром народно<ого> просвещения при премьерстве графа Витте и петроградским городским головой. Старший меня на 10 лет брат Матвей умер 24<-х> лет, будучи кавалергардским корнетом, женатым на графине Александре Валерьяновне Канкриной, вышедшей <через> три года после его смерти за англичанина Stop Phillip Stanhore, ставшего впоследствии лордом Weardale.

После кончины матери с нами поселилась незамужняя старенькая сестра моего отца Екатерина Матвеевна Толстая, крестная мать нас, обоих младших братьев. Это было удивительно любвеобильное и добрейшее существо; от нее я получил много любви и ласки. Очень религиозная, воспитанная в правилах православной церкви, она требовала от нас неукоснительного посещения церковных служб, привила мне уважение к Божьему храму и привычку посещения церкви. Всю свою жизнь она была болезненного склада, очень малого роста и неправильного телосложения. Даже в молодости она в свет не выходила, ко Двору представлена официально не была, а в старости по гостям не ездила, а только бывала в церкви да у ближайших родственников, но составляла из себя центр для всяких многочисленных племянников и племянниц с их семьями. В обыденное время мало кто у нее бывал, но зато в день именин 24 ноября вся ее гостиная наполнялась близкими и дальними родственниками и знакомыми, подходившими к руке с поздравлениями и пожеланиями. Она довольно и застенчиво улыбалась, когда я в конце этого дня мог насчитать до 80 лиц, посетивших ее.

Между поздравителями неукоснительно бывал престарелый, более 80 лет, генерал Монтрезор⁵, состоявший когда-то ординарцем при фельдмаршале Кутузове-Смоленском, деде тетушки Екатерины

Матвеевны, которую он особенно уважал уже по той причине, что она была внучкой его знаменитого начальника; вещественным доказательством его культа фельдмаршала была всегда коробка с конфетами. Сама тетушка свято чтит память деда своего и старалась и нам привить культ героя <18>12-го года, что в нас, из противоречия, вызывало к нему скорее скептическое отношение. Она была недовольна слишком реалистическим изображением Кутузова в «Войне и мире», находя его опошленным в описаниях его в романе.

Когда мы остались сиротами без родителей, возник вопрос о нашем воспитании и школе. При жизни матери, ввиду ее нервного состояния, доктора советовали разлучить ее от детей <так!>, о которых она слишком много заботится и волнуется, и уговорили ее согласиться на помещение брата Ивана и меня пансионерами в Пажеский корпус⁶. Как отец, так и мать всегда мечтали дать нам классическое образование – гимназию и университет. И вот, когда ее не стало, многие из родни, сами военные и часто бывшие пажи, старались повлиять на наших опекунов (генерал-адъютанта Николая Матвеевича Толстого, брата отца, Алексея Ираклиевича Левшина, двоюродного брата моей матери, и Петра Алексеевича Морица, секретаря Императрицы Марии Александровны и друга нашей семьи), чтоб прежний план помещения нас в корпус был удержан, несмотря на исчезновение главного его основания – болезни матери. Но семейный совет вместе с опекунами не решился поддерживать вышеуказанный план, в особенности ввиду заявления старшего моего брата Матвея, который, несмотря на то что личные его симпатии были всецело на стороне военного воспитания, не мог скрыть, что родители наши всегда стояли для нас за классическую гимназию и университет. То же заявил наш тогдашний воспитатель немец Хр. Гиль. Брат Иван, 12<-ти> лет, категорически заявил, что в пажи идти не желает, к чему и мне пришлось присоединиться, несмотря на то что золотые галуны на пажеском мундирчике в глубине души меня и привлекали.

Ввиду близости моего отца к Императору Александру II, ко Двору которого, еще когда тот был Цесаревичем, он был взят, мы с детства довольно много видали этого Государя. Помню его величественную фигуру в министерском доме на набережной Мойки при соединении ее с Б<ольшой> Морской, куда он приезжал с визитом к моей матери, в ее гостиной или подымающегося по лестнице, причем я сбросил вниз его белую кавалергардскую фуражку, которую он шутя надел мне на голову, о чем мне часто позднее со смехом напоминал. В продолжение нескольких лет мы с братом были приглашаемы по воскресеньям во дворец к обеду с царскими детьми – Сергеем и Павлом. На этих обедах, под председательством воспитателя Великих князей св<иты> адмирала Д.С.Арсеньева⁷, бывали также племянники Государя Константиновичи и Михайловичи,

принцы Мекленбург-Стрелицкие и другие товарищи-однолетки — Голицыны, Гейдены, Оболенские, Исаковы, Озеровы и Шиллинги.

После стола происходила оживленная игра в больших залах дворца или в запасных половинах. Для нас и нескольких других великокняжеских товарищей были, по Высочайшему повелению, изготовлены военным портным солдатские формы лейб-гренадерского Эриванского Е<го> В<еличества> полка; унтер-офицерскую форму получил старший из нашей компании Великий князь Николай Николаевич (будущий Главнокомандующий великой войны). Предполагались воинские учения под руководством гвардейского фельдфебеля, но до этого как-то не дошло, и вся затея канула в воду. Вспоминаю, как Государь обратился ко мне, только что облекшемуся в первый раз в форму, с вопросом, какого я полка, на что я чистосердечно ответил: «Не знаю». Император только всплеснул руками и от стыда за меня закрыл ими лицо.

Помнится, как перед появлением Государя в комнатах сыновей впереди бежал скороход и торопливо открывал обе створки дверей: монархи не могли открывать, как простые смертные, сами одну створку... К этому же времени принадлежит искание пасхальных яиц с сюрпризами на пасхальной неделе в покоях Императрицы. Помню, как по требованию Государя мне пришлось вскарабкаться на его колено, чтобы с ним похристосоваться, что я тогда собирался заменить поцелуем его руки. Помню также одно чаепитие в малой гостиной Императрицы. Маленькое общество состояло из Государя с Государыней, двух их сыновей, меня с братом и Гоги Шиллинга (сына состоявшего при Вел<иком> кн<язе> Алексее Александр<овиче> капитана Шиллинга), умершего офицером конного полка. Во время вкусного чая и наслаждения великолепными фруктами стал ощущаться, к немалому нашему беспокойству, сильный запах сероводорода. Императрица стала поводить носом, приговаривая: «Ça ne sent pas la rose»^{*}; лишь сильная краснота, покрывшая лицо бедного Гоги, выдала невольного виновника отравления воздуха.

Одно время мы брали уроки танцев с Сергеем и Павлом. Оба Великих князя были учтивыми и привлекательными мальчиками; было, однако, установлено, что мы им говорили «Вы», в то время как они обращались к нам на «ты». Характерно для этикета того времени, что часто бывавший у царских сыновей их товарищ Давид Озеров не допускался во внутренние царские покои, потому что носил плебейскую гимназическую форму (по крайней мере, так тогда объясняли, что сын высокого придворного чина, постоянно бывавший у Вел<иких> князей, никогда не появлялся у Императрицы). Сергей Александрович был серьезным и тогда уже интересовался чтением, но

^{*} «Это пахнет не розой» (франц.).

имел задатки женственности, и во время игр и ряжения в разные наряды, находившиеся в одной из зал в сундуках, присылаемых обыкновенно Королевой Греческой Ольгой Константиновной, он всегда выбирал себе женский наряд, разыгрывая из себя какую-нибудь царицу или волшебную принцессу⁸. Павел Александрович был живее, проще, но менее развит, а между товарищами более популярен.

Из других товарищей игр среди Великих князей приходится вспомнить Николая Николаевича (младшего), Константиновичей и Михайловичей. Будущий главнокомандующий русской армией в великую войну был в то время высоким, красивым и стройным юношей, но мне он тогда не был симпатичен; он мне казался заносчивым, резким, относившимся с высокомерным презрением к младшим детям. В играх он всегда принимал начальственную роль и требовал от меньшей братии беспрекословного подчинения, относясь, однако, без заносчивости к более сильным, чем он, мальчикам. Иное впечатление производил Константин Константинович, обаятельный, ласковый и всегда любезный и ровный. Брат его, Дмитрий Константинович, как-то не оставил следа в моей памяти, хотя мы с ним были совсем однолетки и в хороших отношениях.

С Кавказа временами приезжали сыновья наместника Вел<и-кого> кн<язя> Михаила Николаевича – Николай и Михаил, тоже принимавшие участие в наших сборищах и играх. Помню Николая Михайловича как приятного товарища, внимательно и доброжелательно относившегося к младшим.

В поздней своей жизни он показал себя серьезным исследователем-историком и культурным человеком. Он имел, однако, репутацию интригана и был невоздержан и остер на язык. При всем том у него было доброе и отзывчивое сердце, и он много и легко помогал своим товарищам по полку, преимущественно кавалергардам, в трудных денежных обстоятельствах.

Михаил Михайлович, исключительно красивый в молодости, выдавался, однако, ограниченностью своих умственных способностей. В позднейшем времени он вел себя по меньшей мере странно при своем жениховстве с моей двоюродной племянницей гр<афиней> Екатериной Никол<аевной> Игнатьевой. Эта хорошенькая и в высшей степени очаровательная и блестящая девушка была внучкой с материнской стороны моей родной тетки княгини Анны Матвеевны Голицыной и дочерью гр<афа> Николая Павловича Игнатьева, известного посла российского в Константинополе, а затем министра внутренних дел в начале царствования Александра III. Увлеченная красотой молодого Великого князя и его положением, Екат<ерина> Ник<олаевна> приняла его предложение, но тут вмешалась строгая Вел<икая> княгиня-мать Ольга Федоровна и категорически запретила морганатический брак.

Михаил Михайлович клялся, что он добьется своей цели, и поручил сказать своей неудавшейся невесте, чтоб она не сомневалась в нем и что он ей навек верен, что ему не помешало через несколько месяцев жениться, тоже вопреки воле родителей, на графине Софье Тор<н>би (Меренберг), внучке великого поэта А.С.Пушкина⁹. За этот брак он был лишен права въезда в Россию и большей части великокняжеских преимуществ, которые, и то далеко не полностью, были возвращены ему значительно позже. Что касается Ек<а>терины> Ник<олаевны> Игнатьевой, то она через некоторое время поступила сестрой милосердия в Свято-Троицкую общину в С.-Петербурге. Действовала сестрой в японскую войну, а также на великой войне, неутомимо работала везде на передовых позициях, заслужив общее уважение, а также все возможные отличия. Скончалась она почти внезапно, возвращаясь с фронта в поезде санитарном, в котором была старшей сестрой¹⁰.

До 15-летнего возраста я воспитывался дома, а в 1876-м году поступил в 6-й класс 3-й С.-Петербургской гимназии, которую только что тогда окончил мой брат Иван. Трудно было первое время шестнадцатилетнему юноше привыкать к необычной для него обстановке, и за 3 года пребывания в гимназии у меня не сложилось ни с кем из товарищей близких дружеских отношений, хотя, в общем, ко мне относились мои одноклассники совсем доброжелательно. Между нами оказалось довольно много прикосновенных к тайным революционным кружкам. Вся атмосфера среди молодежи того времени была густо насыщена недовольством, протестом против правительства; я невольно испытывал влияние окружающего и сам невольно заражался сочувствием и интересом к революционному движению. Помню мое ярое сочувствие, разделявшееся в то время очень многими, и не только крайними революционерами, преступлению Веры Засулич, стрелявшей в обер-полицеймейстера ген<ерала> Трепова¹¹. Настроение мое поддерживалось подпольными листовками, тайно передаваемыми мне левыми товарищами по классу. Учился я в гимназии прилежно, добросовестно вызубривая к урокам заданное, и окончил курс с наградой серебряной медали.

В 1879 году я поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета. Шел я в университет с каким-то благоговейным чувством, полагая найти в его стенах выяснение мучивших меня вопросов и осуществление каких-то смутных идеалов. Но беспорядочные сходки с истерическими выкриками, неосуществимыми требованиями, митинговые речи меня совсем не удовлетворяли и казались несерьезными. Главные устроители и руководители сходок отличались нарочитой небрежностью <к> своей наружности, нечесаными длинными волосами, полународными костюмами – косоворотками и высокими сапогами. Среда эта меня, воспитанного в

иных условиях и в более возвышенных ожиданиях от университета, не могла привлечь, несмотря на мои либеральные наклонности, вынесенные из гимназии.

Убийство Царя-Освободителя, высоко уважавшегося в нашей семье, вырвало у меня окончательно всякие увлечения революционными идеями. Помню день, в который было произведено это злодеяние: шла в университете защита докторской диссертации профессора Файницкого. Во время диспута донесся до университета отдаленный звук взрыва, и я полушутя сказал кому-то рядом со мной находившемуся в зале: «Не покушение ли?» В то время к ним, так сказать, привыкли, и они стали почти бытовым явлением.

Возвращаясь в санях с братом домой, мы заметили у Салтыковского подъезда Зимнего дворца небольшую толпу людей, что в нас уже возбудило тревогу, а встретив знакомого генерала, мы узнали о совершенном злодеянии. Оно произвело на всех потрясающее впечатление, хотя Александр II за последнее время потерял много из своей популярности как среди широкой публики, так и среди так называемого «высшего общества», благодаря, с одной стороны, своей ретроградной политике за последнее время, а также своей женьтибе на княжне Долгорукой¹², с другой. Когда я поспешил на Дворцовую площадь, я там нашел громадную толпу, жутко молчаливую, как бы не могущую прийти в себя от ужасного происшествия: только когда новый Государь со своей женой, окруженный казачьим конвоем, проехал от Зимнего дворца по площади, раздалось приглушенное «ура!», и все поняли, что Императора Александра II не стало.

В университете я посещал довольно аккуратно лекции, но серьезно не занимался, а только усиленно готовился к экзаменам, которые я удачно сдавал за все 4 года учения. Особенно интересны были лекции А. Грановского (госуд<арственное> право), Сергеевича (история русск<ого> права), Коркунова (энциклопедия права).

Довольно характерный эпизод произошел у меня с профессором политической экономии Вреденом. Этот профессор из года в год читал лекции по изданному им печатному руководству, и записок студенты по его предмету не составляли; но, когда редактор из нашей среды просил его разрешения издать программы к экзамену, Вреден этого ему делать не позволил, заявив, что не может допустить эксплуатацию студентов товарищем (за изданные программы взималась маленькая плата) и что назначает двух студентов, которые должны взять на себя расходы по изданию, т. к. он уверен, что эти два лица достаточно состоятельны, чтоб это сделать, а именно князь Ливен и граф Толстой. Очевидно, мерилom нашей состоятельности для этого экономиста были наши титулы, т. к. о нас он едва ли мог быть осведомлен. На наше заявление, что мы согласны на этот рас-

ход (выразившийся, сколько мне помнится, в размере 30 рублей на каждого), но что мы опасаемся, что наши однокурсники могут не пожелать принимать от нас этой, хотя бы и малой, жертвы, нам было отвечено, что желающие могут жертвовать на студенческую благотворительную столовую взамен платы за программу. Так и было объявлено, но не более десяти человек из всех однокурсников пожелали внести свою лепту в столовую.

И в университете я мало с кем сошелся, но с одним однокурсником я заключил тесную дружбу на всю жизнь. Только внезапная кончина моего друга Валерьяна Порфирьевича Лобойкова, постигшая его в Париже в 1932 году, могла оборвать наши сердечные отношения. До революции он служил в Императорской Академии художеств, где был в последнее время ее секретарем, гофмейстером Высочайшего Двора, близким ко Двору Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны. Человек он был удивительно тонкой души и верный друг. Он и другой наш приятель и его однокашник по 1-й Петербургской гимназии и университету – П.И.Полетика жилали подолгу, во время каникул, у меня в деревне при селе Чертовицком, Воронежской губернии и уезда. <...>

Окончив университет со степенью кандидата, после подачи довольно слабой диссертации по дотальному праву в 1889 году, я, осенью того же года, после лета, проведенного в Чертовицком, решил совершить путешествие по европейским странам, мною еще не посещенным, – Италии и Испании, в Египет и Палестину, которые меня давно притягивали.

Ехать с собою я пригласил старого своего воспитателя, немца из Висбадена Хр. Хр. Гиля, составившего себе авторитетное имя в нумизматике, в особенности русской и Босфорско-Киммерийского. В путешествии нашем мы быстро объехали Италию с севера до Сицилии, осматривая (довольно поверхностно, надо признаться) достопримечательности Флоренции, Рима, Неаполя, Палермо и других городов Сицилии. То же можно сказать и о нашей поездке в Испанию: в последней самое сильное впечатление произвела на меня Гренада с ее изумительной Альгамброй¹³.

Окончив свое испанское путешествие Малагой, мы переплыли пароходом в Гибралтар, а оттуда пересекли все Средиземноморье до Порт-Саида, а отсюда, сев на маленький почтовый пароход, добрались до Измаилии, откуда, уже по железной дороге, проехали в Каир. Помню, какое захватывающее впечатление произвел на меня внезапно открывшийся из окна вид на две величественные пирамиды, появившиеся на горизонте, о которых столько слышал и читал.

Сам Каир того времени, с его пестрой восточной суетливой жизнью, сильно, говорят, теперь утративший свой прежний характер,

меня очаровал. Булакский музей, пирамиды с их Сфинксом, мечети оставили во мне несравнимые воспоминания. Не преминул я при помощи услужливых арабов вскарабкаться на вершину Хеопсовой пирамиды, одного из семи классических чудес мира. Вид с нее, с одной стороны на цветущую долину Нила, а с другой – на безбрежную песчаную пустыню, производит сильное впечатление. Очень интересно было путешествие на пароходе вверх по Нилу до Луксора, где мы прожили неделю в довольно тогда еще первобытной гостинице, которая была нашей главной квартирой при осмотре окрестностей – знаменитого Карнакского храма, колоссов Мемнонских и долины гробниц и пр. Только впечатление от афинского Акрополя могло сравниться с тем, что у меня осталось в памяти от Египта и его памятников; к тому же изумительная игра света при восходе и заходе солнца в Египте положительно ни с чем не сравнима.

В Иерусалим мы проехали морем из Александрии до Яффы, а затем в довольно плохом экипаже до Иерусалима, т. к. тогда железных дорог еще и в постройке не было. Расположились мы у Яффских ворот города в палатках, приготовленных по заказу агентством Кука, с прислугой и навесом. Приехали мы в Вербное воскресенье и пробыли всю Страстную <неделю> до понедельника Святой <недели>.

Должен признаться, что на религиозное мое чувство Иерусалим не произвел хорошее впечатление, хоть храм Воскресенья, Гроб Господень и другие древние святыни меня очень заинтересовали. Церемония благодатного огня оставила смешанное впечатление. Проявление со стороны православных арабов сначала нетерпения в ожидании чуда, а затем – дикий восторг по совершении его имели какой-то почти языческий характер¹⁴. В пасхальную ночь я разговлялся у патриарха Никодима; один из приглашенных обратился к нему за столом со смелым, но не совсем тактичным вопросом: как следует понимать явление благодатного огня? На это патриарх ответил: «Если имеете веру, верьте в чудо; если не можете, объясните себе, что церемония совершается в память бывшего в старину чуда».

В Палестине мне удалось еще посетить Вифлеем, тогда еще очень характерный восточный город; был, конечно, в православном соборе и в пещере Рождества Христова. Из Палестины мы пароходом поехали в живописную Смирну, где провели два дня, съездив к развалинам Ефеса. На пароходе русские паломники, возвращавшиеся из Иерусалима, стройно пели пасхальные стихиры, что производило удивительно трогательное впечатление даже на иностранцев; происходило это пение по ранним утрам и по вечерам, при заходе солнца.

После красивой, но малоинтересной Смирны мы переехали в Пирей и в Афины. Акрополь и днем и ночью, при полной луне, произвел на меня потрясающее впечатление как своими дивными памят-

никами, так и восхитительным видом, открывавшимся от Пропилей на морские заливы, острова и окрестности.

Последним заграничным городом, посещенным нами, был Константинополь, сохранявший в то время еще многое из старого турецкого быта, с женщинами в неуклюжих, выходных на улицу <так!> костюмах, скрывавших фигуру, и с завешенными до глаз лицами.

В русском посольстве выхлопотали на мое имя султанское позволение на осмотр императорских сокровищ в Старом серале. Вместе с нами, по желанию посольства, осматривал сокровища и большой русский хор известного в то время Славянского, человек сорок взрослых и детей, совершавший артистическое «tournée». На следующий день в константинопольской французской газете была напечатана заметка, что гр<аф> Толстой со своей семьей посетил Старый сераль, – очевидно, вполне турецкое понятие о семье. При нашем посещении присутствовал флигель-адъютант султана, угощавший нас на террасе дворца шербетом и кофе в маленьких чашечках, вставленных в золотые подстаканники, усыпанные алмазами. Из Константинополя через Одессу мы вернулись после 5½-месячного путешествия обратно в Россию.

Все, что я видел и вынес из своих странствий, еще больше развило во мне интерес и любовь к старине и искусству. Должен заметить, что я давно, чуть ли не с детства, интересовался стариною, искусством и музеями. Под руководством нашего воспитателя Хр. Гиля мы с братом Иваном рано стали собирать старинные русские монеты. Собрание при нашем с ним разделе перешло к брату, оно было одно из самых полных и богатых. После кончины моего брата его сын и мой племянник Ив<ан> Ив<анович> Толстой пожертвовал его в Эрмитаж в 1917 году; дальнейшая судьба этого исключительного собрания мне неизвестна. Брат лично много над ним поработал и издал несколько серьезных нумизматических трудов.

Сам я стал собирать русские гравированные портреты, и у меня составила выдающаяся коллекция, которая была хорошо известна в любительских кругах. Позже, ввиду финансовых соображений и отсутствия интереса к ней <коллекции> в моей семье, я, не без боли в сердце, решил продать ее петербургскому торговцу эстампами Фельтену¹⁵ и перевести полученные деньги в Берн, где с 1906 года учились мои сыновья. После революции 1905 года и большой разрухи в русских учебных заведениях мы решились отправить их в Швейцарию с их отличным и милейшим воспитателем, бернским швейцарцем д<окто>ром О.Чулке.

По возвращении из путешествия и после лета, проведенного в Чертовицком, я вернулся в Петербург и поступил в Министерство иностр<анных> дел, сперва в Департамент внутренних сношений, а затем в Канцелярию министерства.

Параллельно со службой, о которой будет сказано ниже, я в это время вел очень светскую жизнь, бывая много на балах и вечерах, полюбив очень танцы; в кутежах и попойках моих сверстников участвовать не любил и от них уклонялся. В те годы петербургское общество много принимало, и я помню один сезон от Рождества до Великого поста, когда успел участвовать на 40 балах <так!>. <...>

Много выступая в свете, я, естественно, знакомился со всеми светскими барышнями и, хотя в глубине души мечтал о семье, не видел среди окружавших девиц такую, с которой решился бы связать свою судьбу, пока не познакомился ближе с дочерью ген<ерал>-ад<ъютанта> Мих<аила> Ив<ановича> Черткова, Еленой Михайловной, которая как своей наружностью, так и всем своим духовным обликом вполне отвечала всем моим чаяниям и мечтам. Побывав в чертковском имении Киевской губ<ернии> и бывая часто у них на квартире в Петербурге, подолгу разговаривая с Еленой, я окончательно ее полюбил и решился 25 марта 1889 года сделать ей предложение, которое, однако, встретило больше удивления, чем сочувствия. По ее словам, вполне ценя меня и питая ко мне самые искренние дружеские чувства, она считает совершенно невозможным принять мое предложение, не чувствуя ко мне более глубокого влечения. Все же, приглашенный и на следующее лето в деревню к Чертковым, я не терял надежды в благополучном исходе моего шага. И действительно, после долгого обсуждения и отчасти под влиянием своих родителей, сочувствовавших моему жениховству, Елена, в конце концов, дала свое согласие. 7-го января 1890 года мы были обвенчаны в Петербурге, в церкви Департамента уделов на Литейном, в присутствии многочисленных приглашенных. Мне кажется, что мало бывает столь счастливых браков, как наш, по удивительному согласию в чувствах, стремлениях, понятиях и отчасти вкусах. Более сорока лет провели мы вместе в такой согласии и взаимной поддержке, деля радость и горе, без столкновений и каких-либо серьезных взаимных недоразумений.

Женился я, будучи 3-м секретарем Канцелярии Министерства иностранных дел. Здесь я снова сошелся с другом детства С. Д. Сазоновым. Подружился я с ним еще 11<-ти> лет от роду, когда мы оба проводили лето на даче в Катеринентале близ Ревеля. Мы тогда так привязались друг к другу, что после того, как разъехались, он в Москву, а я в Петербург, мы несколько лет еще переписывались, и вот теперь мы оказались на службе в одном и том же учреждении. Он прошел по всем ступеням служебной карьеры, побывав и в заграничных посольствах и кончив министром. Я же вскоре после своей женитьбы предпочел покинуть деятельную службу.

Служба в Канцелярии была несложна, скорее, механического характера – шифрование и расшифрование дипломатических депеш,

что меня вначале очень интересовало; изредка составление несложных бумаг, переписка их начисто, и только ночные дежурства во времена политических международных осложнений со срочным разбором получаемых ночью депеш бывали порою утомительны, но и не лишены интереса. Помню суету во время Балканских событий – недоразумений с принцем Александром Батенбергским и с выбором Фердинанда Кобургского князем Болгарским 12-м¹⁶.

В нашей канцелярии царствовал дух тесного товарищества и взаимопомощи на дежурствах: сложились дружеские отношения на дальнейшую жизнь. Помимо Сазонова узы дружбы соединяли меня с бароном Модестом Николоевичем Корфом, внезапно скончавшемся на вокзале г. Мюнхена, куда был только что назначен посланником, с А.П.Дубенским, отдаленным моим родственником, бывшим впоследствии министром-резидентом в Дармштадте, с С.Н.Свербеевым, кончившим свою дипломатическую карьеру последним перед войной русским послом в Берлине. С теплым чувством всегда вспоминаю ту благожелательную поддержку и дружескую атмосферу, в которой мы тогда все жили.

Считаю своим долгом сказать несколько слов о верном моем товарище и друге Сазонове, вошедшем, благодаря великой войне, в историю. Его многие, преимущественно немцы, обвиняли как одного из главных виновников мировой войны 1914 года. На это обвинение, мне кажется, дают удовлетворительный ответ его собственные воспоминания, вышедшие в 1927 году в Париже¹⁷.

Он не мог советовать Государю прекратить начатую мобилизацию и тем обнаружить весь ее план перед противником, всегда готовым к нападению и только выжидавшим наиболее удобный к тому момент. Помню его тревогу, близкую к отчаянию, в последние дни перед объявлением войны Германией; он далеко не был уверен в нашей военной мощи, несмотря на самоуверенность военного министра Сухомлинова и других военных, тем более что в 1913-м году он же мне передавал заверение этого Сухомлинова, что к 1915-му году мы будем вполне подготовлены к войне с Германией (что, впрочем, кажется, можно признать хвастливым преувеличением).

О политической фигуре Сазонова мне не приходится говорить, представляя это делать историческим исследователям; скажу лишь свое мнение о его человеческой личности, как она мне представляется за более чем полустолетие тесной дружбы. Он был человеком даровитым и высококультурным, добрым и верным в отношениях. Упрекнуть его, пожалуй, можно было в том, что чувство беспристрастия в нем не было достаточно развито: он многое прощал в своих друзьях, чего не пропускал в людях, которых почему-либо не любил, и довольно легко поддавался личным впечатлениям. Он стал другом всей моей семьи, распространив свои чувства на мою жену и

на моих детей. Почти ежегодно он старался посетить нас, помимо Петербурга, в том или ином месте в деревне или за границей, где мы тогда проводили лето. По политическим убеждениям он был монархистом конституционного направления, по типу английских консерваторов; думаю, что долгое пребывание в нашем лондонском посольстве оставило на нем отпечаток.

Служа еще в Канцелярии, я был пожалован в камер-юнкеры, не совсем обычным к тому путем и без ходатайства о том с чьей бы то ни было стороны. Как выше было сказано, я много выезжал, был большим танцором, приглашаемым на балы, и попал, как таковой, и в Аничков дворец. Здесь Императрица Мария Федоровна, зная меня еще ребенком, бывавшим в гостинной ее свекрови Императрицы Марии Александровны, заметив на моем вицмундире белые форменные Министерства иностранных дел пуговицы, выразила свое удивление танцевавшему с ней гофмаршалу Вл. Оболенскому, что у меня нет придворного звания, и повелела представить меня на следующую Пасху в списки жалуемых в камер-юнкеры. Забавно, что министр иностранных дел Н. К. Гирс, вообще человек любезный, при моем представлении ему по случаю пожалования, как то требовалось по правилам, выразил свое удивление и даже неудовольствие, что министр Двора выхлопатывает придворные звания для лиц, за которых он, Гирс, не ходатайствует, а не удовлетворяет его просьбу.

Семья моя скоро увеличилась рождением в ноябре сына моего Ивана, а через полтора года спустя так!> родился второй сын Андрей, а еще через 7 лет появилась на свет Божий дочь Ирина, вышедшая, уже в беженстве, в г. Дубровнике, замуж за графа Романа Владимировича Мусина-Пушкина. Уже вскоре после своей женитьбы и свадебного путешествия в Италию, Ривьеру и Париж я покинул Канцелярию и был назначен чиновником особых поручений при Министерстве иностранных дел, что, однако, никаких особых обязанностей на меня не возлагало, а после моего отказа отправиться секретарем при русском посольстве в Лондон я и от этих обязанностей отказался и был просто причислен к министерству, что давало мне полную свободу в передвижениях.

Скоро после меня женился и брат мой Иван на маленькой актрисе Александринского театра Л. П. Грачевой, исполнявшей маленькие выходные роли, хорошенькой, от которой имел уже двух детей – сына Ивана и дочь Людмилу. Людмила Платоновна оказалась оригинальным, импульсивным и довольно талантливым, хотя и мало-воспитанным существом. Она была порядочной женщиной, глубоко преданной своему мужу, в котором видела все совершенства, не стремилась быть как все, и в этом отношении в ней мещанства никакого не было. Женитьбы моя и брата нас несколько духовно друг от

друга не отдалили, и наша с юности душевная дружба не потерпела <ущерба>, хотя образ жизни у нас был разный. Наша близость выражалась <в> глубокоом, сочувственном взаимном понимании, часто ощущаемом в простом обмене взгляда<ми>.

В 1899 году <...> мы с женой и детьми отправились на юг, провели месяц в Monte Carlo и осели на более продолжительное время в Риме. В продолжение четырех месяцев мы с женою систематически и с увлечением осматривали все его разнообразные художественные и исторические сокровища.

Жили в гостинице Grand Hotel, и там же находился также Вел<икий> кн<язь> Георгий Михайлович, недавно перед тем назначенный управляющим Русского музея Императора Александра III в С.-Петербурге. Встречаясь и часто разговаривая со мной, Георгий Михайлович вынес впечатление, что я горячо интересуюсь искусством, и по совету состоявшего при нем полковника Ф.В.Эшаппара по возвращении в Петербург предложил стать его помощником, или «товарищем», как официально была обозначена моя новая должность. Предложение это мне показалось заманчивым, и после недолгого колебания, я его принял в начале 1901 года.

В это время зарождался Этнографический отдел в музее и набирались сотрудники. Директором, или заведующим, был назначен Д.А.Клеменц, заведующими отделениями – Н.М.Могилянский, заступивший после ухода Клеменца и скончавшийся профессором этнографии в Праге в 1932 году, Ляцкий и Иноземцев.

Д.А.Клеменц был интереснейшей и милейшей личностью; сын немецкого пастора и киргизки, он унаследовал от нее характерные черты лица и был сам похож на киргиза. Был он когда-то деятельным социалистом-народником и исходил чуть ли не всю Россию под видом книгоноши. Когда он был арестован и заключен в тюрьму, была перехвачена его записка к партийным товарищам, убеждавшая их не касаться личности Царя-Освободителя. Перехваченная записка облегчила его участь, и он был административно выслан в Восточную Сибирь, где серьезно занялся этнографией и досконально изучил быт сибирских инородцев. Академия наук избрала его сотрудником, затем выхлопотала ему возвращение в Петербург, и по ее рекомендации он приглашен <был> в Русский музей.

Дело в Этнографическом отделе кипело с самого начала, посылались за сборами бытовых предметов экскурсии сотрудников во все стороны России, в славянские страны, и была собрана громадная, богатейшая коллекция, систематизирована и размещена по отличным стальным, с зеркальными стеклами, шкафам. К сожалению, выставка была готова уже после революции и была представлена к обозрению широкой публики, когда меня уже в России не было. Совет Этнографического отдела под председательством Великого князя, а

за его отсутствием – под моим собирався еженедельно и обсуждал все текущие вопросы, командировки, покупки и проч. Сам я, будучи не подготовленным ко многим вопросам, соприкасавшимся с наукой, был счастлив находиться в центре этой работы и многому научиться от своих сотрудников, серьезных работников и специалистов этнографии.

В Художественном отделе я чувствовал под собою более твердую почву, давно посещая все выставки и интересуясь живописью. Помимо упомянутого выше собрания гравированных портретов мне принадлежало несколько ценных портретов Боровиковского (большой погрудный, очень тонкий, старой дамы и два маленьких на жести – супругов Львовых-Никольских), Дау (гр<аф> Мордвинов, Шишков и др.), небольшое собрание рисунков русских художников, старых и современных. На выставках любил приобретать картины и обладал несколькими картинами и этюдами Левитана, Репина, Нестерова, Серова, Ал. Бенуа, В. Васнецова, Шишкина и др. Было у меня еще собрание миниатюр – портретов семейных и чужих.

К этому должен упомянуть не относящуюся к современному искусству коллекцию золотых, стеклянных и иных предметов из раскопок на Юге России. Среди этих вещей выделялась бронзовая голова молодого воина, часть невыясненного предмета, чудного греческого изделия, вероятно III до Р.Х. века, отданная мною Эрмитажу перед окончательным отъездом моим из Петрограда, и золотая бузина с надписью Θεοο Σαίταφαρνο, изданная <так!> в книге Кондакова и моего брата¹⁸ и едва ли не давшая мысль известному фальсификатору Рахумовскому окрестить свое произведение, попавшее одно время в Лувр, короной Сайтофарна.

В Художественном отделе тоже собирався часто совет, на котором, главным образом, решались вопросы о покупке картин от частных лиц или с выставок. Скоро после моего поступления в музей я был выбран в члены Академии художеств. В начале моей службы в Музее я принимал участие в Академической комиссии, выбиравшей для покупки картин<ы> на выставках. Но скоро стали обнаруживаться острые несогласия между мною и академиками.

Дело в том, что сильная партия с М.П.Боткиным во главе энергично противилась приобретению для Музея произведений с выставок «Мира искусства» или иных, более свежего, не академического и не передвижнического направления. Бывали случаи, что комиссия между двумя картинами одного и того же художника, помещенных <так!> на разных выставках, выбирала к покупке менее интересную и более слабую вещь, лишь бы не рекомендовать что-либо с выставки «Мира искусства»; между мною и членами-академиками происходили временами довольно резкие столкновения. Кончилось тем, что я перестал принимать участие в их комиссии и решал эти вопро-

сы часто при помощи совета моей жены, да и самостоятельно. Так, покупка интересного портрета известной артистки Иды Рубинштейн за моей личной ответственностью вызвала в М.П.Боткине взрыв негодования, вылившийся в обращение на заседании Академии художеств к ее президенту (Вел<икой> кн<ягине> Марие Павловне старшей) с жалобой на музейные порядки и с просьбой положить конец скандальному засорению отечественного хранилища недостойными его произведениями. Надо сказать, что и управляющий Музеем (Георгий Мих<айлович>), под очевидным влиянием Яхт-клуба¹⁹, не сочувствовал помещению этого произведения в залах Музея, и только заявление мое, что мне придется покинуть там свою деятельность <так!>, если картина будет оттуда удалена, заставило его примириться с этим приобретением.

В заседании Академии я довольно резко огрызнулся на речь Боткина, и в конце концов меня с Серовым оставили в покое. Впрочем, управляющий Музеем редко поддерживал меня в приобретении образчиков более новых, свежих школ; так, мне не удалось поместить в Музей картину, гремевшую в то время своими красками, – «Бабь», или «Смех», Малявина²⁰. Рериха также удалось у нас представить лишь незначительной картиной «Зловещее». Порою вмешивалось придворное начальство: так, за покупку портрета Максима Горького кисти И.Репина я получил неприятное замечание от начальника канцелярии Мин<истерства> Императорского двора Мосолова²¹, находившегося недопустимым помещением его в правительственный музей. На это я счел нужным заявить, что я отказываюсь в своей деятельности преследовать какие-либо политические цели в ту или иную сторону, а если она не удовлетворяет министерство, то меня могут уволить. Все же портрет пришлось временно не выставлять.

В нашем Совете я тоже имел мало поддержки. Старые хранители П.А.Брюллов и Н.В.Лемох мало сочувствовали какому-либо новому направлению, а второй из них вообще не признавал картины «без рассказа», что было, можно сказать, принципиальным требованием передвижников. Только поступление после кончины Лемоха в Музей молодого хранителя П.И.Нерадовского внесло свежую струю в нашу довольно душную атмосферу.

Мое положение в Музее, а также и в Академии давало мне возможность знакомиться со многими художниками, и с некоторыми из них довольно близко. Репина я знал как-то менее интимно, чем многих других, и, сколько мне помнится, у нас в доме он не бывал, хотя был довольно близко к моему тогда вице-президенту Академии художеств <так!>. Но у него в мастерской я бывал и видел его знаменитых «Запорожцев» в незаконченном еще виде. У меня самого было два хороших этюда фигур к этой картине. Признавая его выдающееся мастерство и талант, все же я как-то особенной симпатии к

нему не ощущал; он представлялся мне неискренним человеком, с какой-то напускной скромностью, «хитрым мужичком», как кто-то его прозвал. Его речи, слышанные мною, мне представлялись неумелыми, с фальшивыми жестами и интонацией, а личный разговор оставлял какое-то неудовлетворенное чувство.

Кто мне казался очень интересным, это Вал<ентин> Серов, несмотря на его хмурую наружность и малую общительность вообще. На самом деле при ближайшем знакомстве он обнаруживал себя высококультурным человеком, глубоко преданным искусству, с ясным взглядом, разбирающимся в художественных вопросах и нелицеприятным, хотя и достаточно строгим в суждениях. Картины его и портреты производили, на первый взгляд, <впечатление> бойко, как бы с размаху написанных; но в действительности он долго и упорно работал над каждым своим творением, переделывая и переписывая начатое и снова начиная, пока не оставался более удовлетворен своим произведением, хотя мне кажется, что полного довольства собой он никогда не достигал. Так, при блестящем портрете моей малолетней дочери, прекрасно и просто написанном, при самой разнообразной и сложной технике (акварель, сепия, рафаэлевские карандаши и пастель), ему потребовалось 10 сеансов, несколько полных уничтожений первых набросков и подготовок, и все же он оставался им не вполне удовлетворен. Девочка была хорошенькая и привлекательная, художник же опасался впасть в «сладость» при передаче ее черт и выражения и обрадовался, когда мог схватить улыбку с выставленными только что выросшими двумя передними зубами, несоответственными лицу, что, по мнению ее матери, даже ее безобразило. Когда Серов, физически некрасивый, малый ростом, сутуловатый, но с умным взором, начинал, не стесняясь, говорить об искусстве и художниках, он становился привлекательным и бывал очень интересен.

Другой художник, которого я довольно хорошо знал и который даже приезжал к нам в деревню, – М.Нестеров. Это был тоже человек развитой и интересный, наружно похожий на начетчика и глубоко православный. Для себя я приобрел две его картины – «За приворотным зельем» и «Соловецкий угодник», но отказался купить для Музея его популярную картину «Святая Русь», на что он, кажется, рассчитывал. В пейзаже и народной группе этого большого холста было много вкуса и настроения, но театральная фигура Христа ему совсем не удалась, в чем он, впрочем, сам сознавался.

Знавал я также Сурикова и Малявина. Последний, прославившийся своими многочисленными красными «Бабами», большой колорист и тонкий рисовальщик, был оценен и за границей, и, между прочим, его большая картина («Смех»?) находится в Венецианском музее. Мне очень хотелось приобрести для Музея большой, блестя-

щий его холст с выставки «Мира искусства», но враждебное отношение Академической комиссии, в которой я в то время еще участвовал, и несочувствие управляющего Музеем мне тому помешали. Сам Малявин производил тогда впечатление доброго малого, талантливое самородка, еще мало окультуренного; цену, однако, себе и своим впечатлениям (по-видимому, надо: «производимому впечатлению»). – С.Ш.) знал.

Первобытной силою веяло от Сурикова, природного сибиряка, под маской простоватого человека, несомненно, культурного и высоко-талантливого. Его суждения об искусстве и художниках были всегда оригинальны и обдуманно. Он очень дорожился <так!> своими картинами, и при моем посещении его мастерской в Москве мне удалось купить лишь несколько этюдов его картин – «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири» и «Переход Суворова через Альпы».

Рерих, член кружка «Мира искусства», составил себе последнее время громкое имя, и в Америке имеет теперь музей своего имени. Только одну его картину, из ранних, удалось мне, несмотря на противные течения, приобрести для Музея, под названием «Зловещее» (несколько воронов на берегу сурового Ледовитого океана). На меня Рерих, который в то время был секретарем Общества поощрения художеств, производил впечатление далеко не прямого, хитрого, с которым дело иметь было нелегко.

Кого я одно время много видел – это Александра Ник<олаевича> Бенуа, известного художественного критика, писателя и выдающегося акварелиста. Очень культурный и тонкий ценитель, хотя не всегда беспристрастный, в общении он был очень приятен и интересен; обладая громадными историческими знаниями и логическим умом, не говоря о писательском таланте, он мне всегда казался интересным, а общение с ним – весьма поучительным. К сожалению, некоторые черты неискренности его характера под наружной привлекательностью неволью предупреждали против него. После довольно продолжительных приятельских отношений он, со времени революции, по-видимому, предпочел порвать со мной. Впрочем, еще в последнее время царского режима между нами произошло какое-то недоразумение, оставшееся для меня невыясненным.

Дело в том, что в одной из своих статей в газете «Речь» он жестоко нападал на работу недавно поступившего в Эрмитаж реставратора Богословского, рекомендованного, между прочим, его же близким приятелем бар<оном> Ник<олаем> Ник<олаевичем> Врангелем (в то время уже покойным). Его статьи настолько встревожили общественное мнение и всех, интересующихся искусством, что было признано целесообразным собрать, под моим председательством, комиссию из художников, критиков, хранителей и экспертов, чтоб выяснить о пригодности <так!> реставраций Богословского, которыми

одни восхищались (как, напр<имер>, Врангель), а другие панически, так сказать, критиковали (как Бенуа). Нужно заметить, что состав, которым реставратор чистил картины, последний не обнаруживал, желая держать изобретение в секрете. На нашем заседании, между прочим, было доказано, что картина В. Катена («Мадонна со святыми»), к которой, по словам нашего критика, до сих пор не касалась никакая реставраторская рука до Богословского, была в 19-м столетии дважды реставрирована, что явствовало из архивных данных нашего Музея. Это совершенно изменяло смысл нападок Бенуа; но на мой вопрос, убедился ли он в данном случае, что его нападки не вполне заслужены, и не согласился ли бы он тут, в заседании, взять обратно свои в данном случае <незаслуженные> обвинения, он как-то конфузливо ответил, что считает неудобным мне тут отвечать, но, если бы он мог видеть меня по-прежнему, интимно, в уютной беседе в моем кабинете, он мог бы кое-что объяснить. К вышеизложенному я должен прибавить, что в день заседания я был совсем болен, с температурой 39°, и не был в состоянии выяснять наши отношения, а по окончании нашего собрания принужден был лечь в постель и проболел несколько дней.

Что касается нашей комиссии, то мне кажется, что она не прошла совсем бесплодно, с одной стороны, умерив слишком большой пыл нашего реставратора, которого к тому же принудили открыть тайну своих нехитрых составов, а с другой – доказав воочию критику, что его нападки не всегда были достаточно обоснованы. Характерно для Бенуа, что в первые же дни революции он ходил по улицам Петрограда, луща подсолнечные семечки, в подражание загулявшей солдатне. После мартовского переворота²² он был приглашен в сотрудники Эрмитажа, и после моего оттуда <ухода> был, если не ошибаюсь, и старшим хранителем, пока сам не покинул советский рай, переселившись в Париж. В 1922-м году, в мою бытность в Баден-Бадене, он приезжал туда вместе с новым директором Эрмитажа, заместившим меня Тройницким, который любезно заехал туда, чтоб навестить меня и сообщить о том, что делалось в нашем музее; но Бенуа не нашел удобным меня тогда повидать.

Симпатичным представлялся другой член «Мира искусства» – Добужинский, человек воспитанный и приятный в общении. То же можно сказать о Билибине, прославившемся своими иллюстрациями, в особенности русских сказок. Менее симпатичным казался К. Сомов, отличный, талантливый рисовальщик и тонкий акварелист, часто слегка порнографический в своих произведениях и, можно сказать, претенциозный.

Одним из главных вдохновителей этой группы в начале ее деятельности был С. П. Дягилев, знаменитый устроитель балетных и оперных русских спектаклей за границей, человек, так сказать, аме-

риканского склада по размаху своей деятельности, начавший в Петербурге устройством выставок иностранных художников. Первое мое знакомство с ним происходило, когда я на такой выставке купил несколько акварелей (Бартельса, Патерсона, Аллена). Он был, говорили, «специальных нравов», и ему приписывали особые отношения к некоторым артистам его труппы. Культурный, образованный и благовоспитанный, характера он был довольно нервного, но энергии совсем исключительной, чего наружность его, впрочем, не выражала. Всегда деятельный, полный все новых блестящих проектов, которые ему большей частью и удавалось осуществить, несмотря на всевозможные препятствия, финансовые и иные. Музею Александра III ему удалось оказать несколько ценных услуг.

Близко к «Миру искусства» стоял еще один очень талантливый молодой человек – бар<он> Ник<олай> Ник<олаевич> Врангель, которого я пригласил на службу в Эрмитаж. Он был младшим братом бар<она> П.Н.Врангеля, последнего главнокомандующего Добровольческой армией, спасшего эвакуацией из Крыма много сотен тысяч человеческих жизней. Ник<олай> Врангель рано составил себе почетное имя в литературе по искусству. С выдающейся памятью, большим вкусом и способностью к анализу и усидчивому труду, он уже в ранней молодости мог считаться одним из выдающихся знатоков по искусству²³. Для Музея Александра III он составил роскошное издание, полное репродукций и интересных исторических, порой анекдотического характера, сведений²⁴. Несмотря на привлекательность и интерес этого труда, должен признаться, он не имел большого успеха и плохо раскупался.

Я хлопотал о пожаловании ему <Врангелю> камер-юнкерского звания, когда неожиданно разразился скандал: он нанес оскорбление действием старику М.П.Боткину, за что был присужден мировым судьей к отбыванию наказания в арестный дом. Вызвано было это тем, что М.П.Боткин, вице-председатель Общества поощрения художеств, запретил, в последнюю минуту, открыть для публики в помещении музея Общества прекрасно, с большим вкусом устроенную, главным образом Врангелем, выставку старых мастеров из частных собраний, под предлогом недостаточной безопасности от огня. Во время подготовительных работ, посещая предназначенное к выставке помещение, Боткин никаких замечаний, по уверениям устроителей, не делал, а только накануне дня открытия категорически заявил, что открывать для публики он не допустит. Ввиду постоянного нескрываемого недоброжелательства Михаила Петровича к Врангелю и его сотрудникам из «Мира искусства», после усиленной мольбы не топить интересное дело, с одной стороны, и резкий отказ продолжать разговор – с другой, Врангель потерял голову и ударил старика по лицу. Характерно для Боткина, что он допустил дело до ми-

рового судьи после того, как всюду объявлял, что из христианского всепрощения не желает преследовать обидчика, за что получил тогда же хвалебное писание (вероятно, описка – вместо «послание». – С.Ш.) от Льва Толстого, которое было вставлено под стекло в раму и вывешено заметно на стене в квартире²⁵. Отсидев присужденное судьей время в арестном доме, Врангель написал своей жертве извинительное письмо с признанием своего действия ничем не оправдываемым. Врангель скончался во время войны в санитарном поезде, в котором служил комиссаром, от какого-то общего самоотравления желчью. Может быть, задатки этой болезни давно в нем таились, и его неужержимость в столкновении с Боткиным может ею отчасти быть объяснена.

Художник, тоже которого я хорошо знал и который гостил нередко у нас в усадьбах, А.Э.Браз, из евреев, принявший христианство, чтобы жениться на хорошенькой немке. Он был вполне культурный человек, учившийся живописи в Академии у Репина и в Мюнхене. Он написал отличный официальный портрет моего тестя Черткова и очень удачный мой. Портреты моей тещи Ольги Ивановны и моей жены ему не удалось, зато у меня было несколько хорошеньких пейзажей Чертовицкого и Кагарлыка (имения Чертковых).

Особо я должен упомянуть Илью Семеновича Остроухова, типичного москвича, не раз угощавшего меня у себя на дому обедами и концертами (пианистов Орлова и Ландовской²⁶). Сам незаурядный пейзажист (у Третьякова его картина «Сиверко»), он долго стоял во главе Третьяковской галереи. Весьма состоятельный человек, участник богатой чайной фирмы, он много тратил денег на приобретение картин, всевозможной старины, инкунабул и в особенности русских икон, коих он был одним из первых любителей-собрателей. Очень увлекающийся и самоуверенный, он был склонен хаять чужое и превозносить свое; нельзя, впрочем, отрицать, что подбор его собраний был исключительно хорош. Он и Русскому музею оказал несколько ценных услуг, но в иных случаях вступал <в> соревнование с нами.

Один из таких случаев был при пожертвовании в наш Музей княгиней Ольгой Константиновной своего портрета, писанного В.Серовым. Портрет этот изображал княг<иню> Орлову, одну из самых видных светских женщин Петербурга, в не совсем как бы естественной позе. Как всегда у Серова, великолепно написанный (за 52 сеанса!), он вызвал, однако, жестокую критику со стороны многочисленных поклонников этой, можно сказать, самой элегантной дамы светского Петербурга того времени. Изображена она была на портрете сидящей на низком табурете, что придавало ее тонкой, изящной фигуре невыгодный ракурс, в открытом вечернем платье и громадной черной шляпе с перьями, правую руку она держала у груди с вытянутым к себе пальцем. Серов сам объяснял мне значение этой позы:

он хотел в этом портрете выразить светское самодовольство Орловой, которая сама на себя указывала, подразумевая: «Я – княгиня Орлова, и мне все позволено!» Это произведение сильно нашумело как в художественных, так и светских кругах, а сама княгиня под влиянием своих друзей была готова с ним расстаться. Пользуясь таким ее настроением, я стал горячо ее убеждать пожертвовать его нашему Музею, но тут встретил сильную конкуренцию Третьяковской галереи в лице Остроухова, поддержанного известным петербургским врачом С.С.Боткиным, женатым на дочери П.М.Третьякова. Все же в конце концов мои убеждения победили, и прекрасный этот портрет был наконец водворен в залы Русского музея Александра III в Петербурге.

Еще один портрет, Шаляпин в роли царя Бориса в первом действии оперы Мусоргского, заказанный лично мною Александру Головину, вызвал немало пересудов. С его автором у меня были довольно приятельские отношения; я перед тем еще купил для Музея несколько его эскизов декораций для оперы «Каменный гость», что не было одобрено управляющим и хранителями. Увидав в Третьяковской галерее портрет Шаляпина в роли Олоферна (из оперы «Юдифь» Серова), я пришел от него в восторг и просил Головина написать для нашего музея с Шаляпина что-нибудь в том же роде. После краткого совещания было решено остановиться на Шаляпине-Борисе в полном царском одеянии. Портрет, в рост, получился блестящий; но своеобразная техника и некоторые подробности, а также перспектива фигуры вызвали у зоилов критические замечания, не говоря о том, что и цену многие находили чрезмерною (8000 рублей, сколько помнится?). Сам Головин, при интересной наружности, был приятным в обращении, художником вполне оригинальным, очень увлекавшимся искусством и приятным собеседником.

При Художественном отделе стал обогащаться первоначально довольно бедный отдел христианских древностей. Его расширению послужил богатый вклад Императора Николая II, купившего на свои личные средства великолепное собрание Лихачева. Елизавета Михайловна Терещенко, высококультурная и добрейшая женщина, и ее сын Михаил Иванович оборудовали шкафы две залы, где поместилась часть этого собрания, которое они еще обогатили несколькими весьма ценными вкладками. При содействии И.С.Остроухова музеем было тоже приобретено несколько ценных икон.

В 1909 году скончался директор Императорского Эрмитажа Иван Александрович Всеволожский; вскоре после его кончины я получил из Крыма письмо от управляющего Двором Великого князя Георгия Михайловича, в котором меня извещали, что последний выдвигает перед Министерством Двора мою кандидатуру на освободившееся место директора Эрмитажа. Дорожа своей службой

в Музее Александра III, я не желал покидать места товарища управляющего и телеграфировал Ф.В.Эшаппару просьбу прекратить все шаги насчет Эрмитажа. В дополнительном письме к нему я объяснил, что бросить дело, которое меня интересует и с которым я сжился, было бы для меня тяжело. В ответ на это я был приглашен в имение Вел<икого> кн<язя> Георгия Михайловича в Крыму – Хараки, погостить и одновременно представиться Государю, по случаю назначения директором <Эрмитажа> с оставлением в должности товарища управляющего Русским музеем. Должен сознаться, что в итоге положение мое во главе двух первых художественных музеев Петербурга доставило мне, в сущности, немалое удовлетворение.

Служба в Эрмитаже протекала почти все время довольно однообразно и тихо, что, главным образом, объясняется крайне скудными средствами, отпускаемыми на приобретения во все отделения, выражавшимися в невероятно малой сумме – 10000 рублей в год! Почтенные ученые, хранители средневекового отдела – Ленц, А.И.Смирнов, с их помощниками Макаренко, Елагиным и Кубе; по картинам – Э.К.Липгарт и Д.А.Шмидт и молодые бар<он> Врангель и А.А.Трубников; по классическим древностям Придик, Вальдгауер, Струве; по египетским древностям В.С.Голенищев, по минцкабинету²⁷ Марков, по гравюрам Веселовский; по зале драгоценностей, серебру и фарфору бар<он> Фелькерзам, С.Н.Тройницкий, Каулл – все усердно занимались научной обработкой вверенного им материала и подробной инвентаризацией, добросовестно приходя ежедневно на службу, каждый в свое отделение. Обогащались наши собрания однако крайне скудно. Только отдел древностей, получаемых преимущественно от раскопок на юге России, получал довольно аккуратно через Археологическую комиссию почти ежегодно новые обогащения. Приобретения покупкой за недостатком ассигнуемых средств были скудны и редки. Все же, за время моего директорства в Эрмитаже, посчастливилось получить несколько ценных пожертвований по завещанию: от гр<афа> Павла Серг<еевича> Строганова, от гр<афа> Григ<ория> Серг<еевича> Строганова и от А.З.Хитрово. Генер<ал> Петр Павл<ович> Дурново пожертвовал драгоценную картину El Gresco и кн<язь> С.М.Волконский громадную картину Себ<астьяна> Риччи. Удалось мне также после длинных хлопот и стараний, при содействии начальника Кабинета Его Велич<ест>ва генер<ала> Е.Н.Волкова, исхлопотать приобретение для Эрмитажа из сумм Импер<аторского> Двора за 150000 руб., с уплатой в рассрочку, от ректора Академии худ<ожеств> Леонтия Ник<олаевича> Бенуа очень интересную «Мадонну», приписываемую большей частью экспертов кисти Леонардо да Винчи. Большевицкая революция помешала продавцу получить полностью условленную цену. При помощи упомянутого начальника Кабинета Его Велич<ест>ва старое амосовское

отопление нагретым воздухом было заменено новым пароводяным, более современным, не столь высушивающим полотна и не дающим такой копоти, как прежде.

Признаюсь, что Эрмитаж, при громадном разнообразии своих коллекций, требовал, собственно говоря, более ученого директора, чем каким являлся я <так!>, хотя найти специалиста по всем отделам едва ли являлось возможным. С другой стороны, по традиции на эту должность всегда назначался любитель с придворной должностью и как-нибудь прикосновенный к искусству, и этим требованиям я отвечал.

Получив квартиру в здании так называемого Павильона Эрмитажа, выходящую окнами на набережную с дивным видом на самую широкую часть Невы, на Васильевский о<стров> с Биржей и Петербургскую сторону с Петропавловской крепостью, я имел возможность, не выходя на улицу, ходить в свое учреждение, т. к. наше помещение соединялось внутренними лестницами и ходами с галереями и с Зимним дворцом.

10 месяцев в году я проводил с семьей в городе, а 2 месяца ежегодного летнего отпуска – частью в деревне у моего тестя, в Киевской губ<ернии>, частью за границей, на курортах, в горах или на берегу моря – в Биаррице или на Лидо близ Венеции. <...> В июне 1914 года я проходил курс лечения в Теплице. На обратном пути в Россию мы остановились дня на два в Вене и в день выезда оттуда заметили какое-то необычайное волнение публики на улицах и, приехав на станцию к отходу поезда, узнали о сараевском убийстве австрийского престолонаследника. Жена с дочерью поехали в Кагарлык, я же вернулся в Петроград.

Когда грянула война, мой сын Иван был уже год корнетом Кавалергардского полка; младший Андрей, только что окончивший университет и сдавший большую часть государственных экзаменов, находился на Кавказе, охотясь там с товарищами. Мой брат, бывший в то время петроградским <городским> головой, предупрежденный военными властями о необходимости подготовиться к мобилизации, сообщил мне по секрету о вероятной близости войны, и я тотчас телеграфировал жене в Кагарлык следующее: «Ваник вероятно едет за границу, если хочешь увидеть, приезжай немедленно». Жена, конечно, сейчас же собралась и приехала с Ириной налегке, почти без всякого багажа, полагая скоро вернуться в деревню и не отдавая себе отчета в серьезности положения. Впрочем, тогда, даже после начала войны, все были как-то убеждены, что она долго не продлится (позже такое же мнение высказывалось о власти большевиков). Андрея тоже вызвали депешей с Кавказа, и он, порядочно проблуждавший по России из-за неурядицы на железных дорогах, вызванной мобилизацией, наконец приехал в Петроград и тотчас стал хлопотать о поступлении в тот же Кавалергардский полк, уже отходивший эше-

лонами к границе. С Иваном мы уже к этому времени с тяжелым сердцем попрощались. Андрею приходилось заводить себе лошадь, и он так спешил на фронт, что готов был купить таковую у извозчика <так!>. Но когда я увидел кривые ноги подведенного к нашему подъезду апокалипсического животного, я энергически запротестовал. Ему затем удалось приобрести приличного казацкого коня, который ему хорошо послужил на войне. Старший сын успел принять участие в первом деле полка под Каушеном²⁸, в котором отличился бар<он> П.Н.Врангель (будущий Главком Добрармии²⁹), взяв вражескую батарею в конном строю.

Оба мои сына за все 6 лет войны (великой и добровольческой) участвовали во многих делах, в произведении разведки, сидели в окопах. Как и все родители, мы много намучились за эти шесть лет беспокойством о них, порой неведением об их судьбе, о чем и вспоминать тяжело. При общем патриотическом подъеме тяжело было сидеть, так сказать, сложа руки, когда все что-то делали в отношении к войне <так!>, если лично не могли в ней участвовать, и я обратился к Главному комиссару Северо-Западного района генералу Волкову (начальнику Кабинета Е<го> В<еличества>) с просьбой найти мне работу в Красном Кресте; тогда он пригласил меня в свои помощники. По совести говоря, у меня нет сознания, чтоб в этой должности я принес какую-либо серьезную пользу, но я являлся аккуратно ежедневно на службу в управление, а по вечерам часто принимал участие в заседаниях правления района; на них приглашались хирурги, врачи, заведующие поездами и госпиталями, представители городского самоуправления и другие прикосновенные к деятельности Кр<асного> Креста лица; тут обсуждались и решались часто важные вопросы, связанные с интересами раненого воинства и обслуживающего его персонала.

Когда Волков перешел в Западный Район (Варшава), к нам был назначен бывший петроградский губерн<ский> предвод<итель> дворянства А.Д.Зиновьев, очень милый и приятный человек, который просил меня остаться и при нем помощником. Когда он уезжал в объезд района, мне приходилось решать текущие дела и председательствовать в совещаниях. В такое время пришла ко мне на прием какая-то девица с письмом на имя Зиновьева от Гр<игория> Распутина следующего, сколько мне помнится, содержания: «Милай, окажи внимание и устрой подательницу». Я на это сказал просительнице, что я передам записку Зиновьеву, но сомневаюсь, чтоб она оказала ожидаемое действие. Особа эта объяснила мне, что всюду обращалась в поисках работы, но безуспешно, и «пришлось, – как она выразилась, – просить содействия старца». Как я предупреждал просительницу, записка «старца» никаких последствий не дала, а Зиновьев ее только сохранил, как интересный автограф. Самого Распу-

тина я видел как-то раз, случайно встретив его на Невском; он был в богатой шубе и бобровой шапке и его сопровождала одна из его поклонниц.

Тяжелое время войны переживали мы преимущественно в Петрограде, а летом в Царском Селе, где была нами нанята дача. А.А.Вырубова³⁰, моя родственница по своей матери, просила жену мою позволить моей дочери бывать у нее, чтоб встречаться с царскими дочерьми. На эту просьбу последовало наше согласие под одним непременным условием – чтоб никто посторонний при этом не присутствовал, что и было соблюдено: ни Распутина, ни морских офицеров с яхты «Штандарт», о которых ходила молва, что они вели себя фамилярно даже с Вел<икими> княжнами, дочь моя там не встречала. Цесаревич обыкновенно присутствовал на этих собраниях, принимал участие в играх и проявлял какое-то детское увлечение Ириной, отчего нередко над ним подтрунивали его сестры. Мальчик был очень привлекателен, не только своей физической красотой, но всем своим характером и живостью, что подтверждается всеми близко его знавшими. Императрица тоже изредка заглядывала к Вырубовой на эти сборища.

Об общей тяжелой атмосфере, царствовавшей в Петрограде во время войны, при общей неразберихе в правительстве и непрерывающейся министерской чехарде говорить здесь не приходится: она отмечена всеми, и, мне кажется, мы все более или менее одинаково мучительно ее переживали. Всякие были и небывлицы распространялись по городу, да и по всей стране и сильно всех нервировали; в воздухе чувствовалось приближение катастрофы; все же быстрота совершившейся революции поразила всякого своей неожиданностью.

В это время я находился в дружеских отношениях с Мих<аилом> Ив<ановичем> Терещенкой³¹, который часто у нас бывал. Человек высококультурный, хороший музыкант, отличный лингвист, с блестящей памятью и приятный собеседник, участвуя в каких-то тайных совещаниях, держал нас в самые последние дни переворота в курсе исторических событий, далеко, однако, не пользовавшихся моим сочувствием. От него мы впервые узнали потрясающую весть об отречении Государя. Немало я был тоже поражен, когда он пришел сообщить нам, что принял пост министра финансов при Временном правительстве.

27-го февраля 1917-го года я пошел утром в Исаакиевский собор и, выйдя на площадь, был поражен не виданным мною еще никогда интересным явлением природы, о котором, мне кажется, ни в газетах, ни в воспоминаниях нигде не упоминалось. Было морозное утро; небо чистое, но в дымке, и на его голубизне выделялись кругом солнца два отчетливых концентрических круга, пересекаемых солнечными лучами. На четырех местах пересечения каждого из кругов

виднелись ясно по четыре фальшивых солнца. Всё на улице было так занято наблюдением за тем, что делалось на земле, что, вероятно, не обращало своих взоров к небу, и явление прошло, можно сказать, незаметно.

Накануне уже в городе было беспокойно, кое-где на отдаленных от центра улицах поразнесли и пограбили магазины и лавки. Но в утро 27-го городская жизнь, казалось, шла спокойно. К вечеру же все переменялось, и до нас во дворце стали доноситься отдельные выстрелы, и скоро запылали за Невой пожары. 28-го февраля все, казалось, становилось тревожнее, перестрелка увеличивалась, а нам в нашей квартире было слышно, как через залу, находившуюся над нашим помещением, прошла в главную часть Зимнего дворца какаят-то военная команда, стуча сапогами и волоча за собою пулеметы. Наутро 1-го марта началось на набережной и на Дворцовой площади бешеная суета, всюду мчались автомобили, полные вооруженных солдат и рабочих, беспорядочно стрелявших из винтовок.

Почти весь этот день я провел в Эрмитаже, ожидая событий и обеспокоенный судьбой вверенного мне учреждения, и только изредка наведывался в свою квартиру, чтоб успокоить встревоженную семью, в то время как за нашими окнами посвистывали пули. О том, как отразилась революция в Эрмитаже и в Русском музее <так!>, мною описано более подробно в особой записке³². Здесь же скажу лишь вкратце, что мне пришлось в этот день оставаться в Эрмитаже до поздней ночи, в переговорах с пьяными солдатами Преображенского полка, заподозрившими, что с крыши нашего здания их казарма обстреливается из пулеметов. В пьяном угаре они чуть-чуть не закололи, сваливши его на пол, нашего почтенного старшего хранителя А.И.Смирнова, который неосторожно стал с ними спорить. Но все, слава Богу, благополучно обошлось, и преображенцы, уже в более трудовом виде, поднявшись на другой день на крышу, убедились, что никаких пулеметов там и быть не могло.

Зайдя в течение вечера к себе на квартиру, мне пришлось наблюдать из своего окна, как к запертым воротам проезда, в котором находился подъезд к нам, подъезжал большой грузовой автомобиль, полный вооруженных солдат, и какой-то старший, по-видимому, чин разговаривал с вызванным им дворником-татариним, после чего подъезжавшие отъехали в сторону главного здания Зимнего дворца. Не без волнения смотрел я через щелку гардин на происходившее, ожидая каждую минуту своего ареста, т. к. по телефону сообщали со всех сторон об арестах всевозможных должностных лиц и высших военных чинов, которых большую часть отвозили, не без насилия и грубости, в здание Госуд<арственной> думы, где многим пришлось провести несколько тяжелых дней под арестом, а некоторым переселиться оттуда в Петропавловскую крепость в ожидании суда³². По-

добная участь меня благополучно миновала благодаря, преимущественно, удачному ответу дворника, который на вопрос: «Есть ли тут кто-нибудь из начальства?» махнул рукой в сторону Зимнего дворца, прибавив: «Начальство там!» В первые смутные дни я не покидал Эрмитажа и своей квартиры и красным бантом себя не украшал (знаком радости, как сочувствующие революции это называли), что многие делали из малодушия.

В Эрмитаже переворот обошелся сравнительно благополучно, без сильных трений и серьезных недоразумений. Удалось войти в мирное соглашение с «младшими служащими» (служителями), которые вели себя вполне прилично; удалось с ними столкнуться по многим щекотливым вопросам (напр<имер>, требование 8-часового рабочего дня), и они продолжали добросовестно исполнять свои обязанности. Работа хранителей и их сотрудников продолжалась вполне нормально, как всегда. Во главе всего Министерства Двора был поставлен... Головин³⁴ (бывший председатель 2-й Гос<ударственной> думы), а его помощником специально по музейским и художественным вопросам П.М.Макаров, очень симпатичный и культурный человек (отвозивший позднее царскую семью в Тобольск и показавший себя при этом с самой выгодной стороны).

Немало было беспокойства с вопросом об ограждении Эрмитажа от всяких случайностей в столь неспокойное время, для чего мною был выхлопотан воинский караул, который ежедневно сменялся.

В <Русском> музее революция отозвалась не так просто; весь состав средних и низших служащих был совсем иного рода, чем в Эрмитаже: служители галерейные, наружные сторожа и дворники, техники при отоплении и пр., под влиянием крайних элементов из среды регистраторов этнографических коллекций, стали энергично предъявлять всякие революционные требования. Пришлось затравленной администрации Музея просить о назначении особого комиссара, не компрометированного своим старым начальническим положением. К нам в Русский музей был назначен М.В.Челноков³⁵ (бывш<ий> московск <ий> гор<одской> голова), который и внес некоторое успокоение в разбушевавшиеся революционные волны.

Только 4-го марта, когда как будто наружно все в городе успокоилось, решил я покинуть Эрмитаж и выйти на улицу, общий вид которой я нашел сильно изменившимся. Везде бродили в разнузданной форме солдаты, матросы в лайковых перчатках. Тротуары были засорены семечками, на углах ораторствовали окруженные толпой зевак какие-то штатские; нигде никакой полиции не виделось, и в движении экипажей был беспорядок. Толпа, впрочем, имела веселый и бодрый вид, слышались песни и крики. Отречение Государя, столь многими желаемое, произвело на нас, естественно, самое удручающее впечатление. Пресловутый «Приказ №1»³⁶ по войскам пополнил

душу тревогой за судьбу всей войны, в частности, за наших сыновей, из которых старший в это время был на фронте, а младший, державший экзамен на офицера, был в Петрограде с нами. Но к нам судьба была милостива, и для сыновей переворот обошелся сравнительно благополучно.

В первое лето после начала войны я не решался удаляться от Петрограда, а артритические мои боли сильнее обострялись и мне приходилось серьезно снова полечиться, и я испросил у Макарова отпуск на месяц, чтоб ехать в Евпаторию на грязи, куда и отправился с дочерью. Жена приехала туда несколько позднее, оставшись еще на несколько дней в Петрограде для найма квартиры, т. к. не составляло никакого сомнения, что так или иначе нам придется покинуть наше дворцовое помещение. Ей удалось нанять прекрасное помещение на Гагаринской улице, в мраморном доме (бывш^{<ее>} им^{<ение>} Кушелева-Безбородки), которое, однако, пришлось впоследствии уступить, по требованию домохозяина, одному большевицкому агенту (Миклош Миклошвар), купившему, между прочим, часть моей мебели; другая, самая ценная, с некоторыми портретами и картинами, была сдана в склад, а остальное перевезено позднее в маленькую квартиру, нанятую мною в том же доме на Гагаринской, но во дворе. Почти все это имущество наше пропало при большевицком перевороте.

В Евпатории мне пришлось мельком увидеть старуху Брешко-Брешковскую³⁷, пресловутую «бабушку русской революции», как ее прозвали социалисты. Встречали ее здесь торжественно и возили ее напоказ, при восторженных криках поклонников, в коляске по набережной, причем какая-то особа, сидя в пол-оборота рядом с ней, почтительно держала над нею зонтик. В экипаже, помимо самой «бабушки» и ее поклонницы, на передке и на козлах сидело несколько мужчин, которые что-то кричали и размахивали руками во все стороны.

Уезжая после лечения из Евпатории, я убедил жену не возвращаться в Петроград, т. к. там нельзя было рассчитывать на более или менее нормальный образ жизни, а поселиться на зиму в Киеве, поблизости к своему имению, откуда при благоприятных условиях можно было бы получать продовольствие. Сам же я вернулся обратно в Павильон Эрмитажа, как раз на следующий день после подавленного казаками первого выступления большевиков³⁸. При погребении павших в борьбе с большевиками казаков на ступенях Исаакиевского собора я впервые увидел и услышал говорящего к публике <так!> Керенского; я был тогда свидетелем увлечения им окружающей толпы. Слов его расслышать мне не удалось, но я мог видеть, как самая разнообразная публика бежала с криками восторга за его автомобилем, бывшим царским, подобно тому, как в не столь

отдаленные времена, может быть, та же толпа, бегала за царским экипажем, занятым его бывлым царственным хозяином.

По решению Художественного совета под председательством Головина, было решено все наиболее ценное и интересное перевезти из Эрмитажа и Русского музея в Москву; наш фронт все более слабел, а немцы ближе прордвигались к северной столице, так что считалось более осторожным укрыть в более безопасное от нашествия место все наиболее драгоценное или имеющее художественное, историческое или научное значение. Опасаясь за судьбу всех этих бесценных предметов, как во время более или менее спешной упаковки, так и во время путешествия по беспокойной стране, мне все же пришлось подчиниться распоряжению, и у нас везде началось лихорадочная работа по укладке и вывозу нашего драгоценного имущества. Тут кстати заметить, что все за незначительным исключением багополучно, уже при большевиках, вернулось обратно. Отправив два транспорта и начав подготавливать третий, ввиду вполне налаженной в обоих учреждениях работы, я решил выхлопотать себе короткий отпуск в Киев, чтоб повидать жену и дочь и переговорить об имущественных вопросах. Около 12-го октября я сел в международный вагон и покинул на 10 дней Петроград.

Повидав семью и более или менее устроив дела, после довольно благополучного путешествия я вернулся обратно на свою довольно-таки тревожную тогда службу. Путешествие в то время далеко не всегда проходило благополучно из-за массы дезертиров, бежавших с фронта, беспрепятственно штурмовавших поезда и набивавшихся без различия классов в вагоны, располагавшихся часто на крышах. Только благодаря тому, что на каждой более значительной станции проводники международных вагонов, в которых я путешествовал, энергично противились нападениям толпы, громко заявляя, что вагон – международный, что неминуемо почему-то производило устрашающее воздействие, я съездил в Киев и обратно благополучно.

В городе я снова застал очень тревожное настроение; еще не вполне улеглись впечатления от корниловского выступления и самоубийства генерала Крымова, которое осталось далеко не выясненным³⁹; были такие лица, которые хотели обльжно обвинить в этой смерти моего приятеля Терещенко; но я могу по совести засвидетельствовать, в каком отчаянии он был от самоубийства этого генерала, на которого он вообще возлагал большие надежды, да и в это время рассчитывал на него, чтоб распутать создавшиеся между Главнокомандующим и главой Врем<енного> правительства недоумения. Теперь, по моему возвращению в Петроград, в публике шли зловещие слухи о готовящемся новом, но более серьезном выступлении большевиков. Но М.И.Терещенко, будучи тогда министром иностр<анных> дел, меня успокаивал; он был еще очень опти-

мистически настроен и надеялся, что Врем<енное> правительство сумеет справиться со всеми затруднениями. Он положительно был под каким-то гипнозом Керенского, который испытывал тогда, впрочем, не он один.

В это же время, под влиянием событий и разговоров с П.Н.Шефером⁴⁰, я пришел к убеждению, что мне пора покинуть свое место в Музее, предоставив заменить меня в качестве директора выборному лицу. Будучи простужен за путешествие <так!>, пришлось просить членов совета музея вместе с Челноковым собраться у меня на квартире и здесь сообщить им, что слагаю с себя обязанности по управлению Музеем; на это заявление мне пришлось выслушать несколько теплых и лестных для меня слов от сослуживцев.

Собравшиеся ко мне хранители были в очень тревожном настроении, т. к. по дороге ко мне встречали много кучек вооруженных рабочих, а Челноков лишь с трудом мог выйти каким-то задним ходом из Мариинского дворца, где он был на заседании, и который был окружен громадной, шумящей и зловеще настроенной толпой. В последовавшую ночь пало Временное правительство, большая часть членов которого, кроме успевшего бежать Керенского, была заточена в Петропавловской крепости, и воцарилась большевицкая власть.

Юнкерский караул от Временного правительства был насильственно сменен восставшими преобразенцами, а Зимний дворец обстрелян крейсером «Аврора», пришедшим из Кронштадта и ставшим на Неве у Николаевского моста. В Эрмитаже, где я проводил тревожную ночь под звуки бомбардировки, цоканье пулеметов и ружейную стрельбу, все обошлось, можно сказать, благополучно, что мною подробно описано в отдельной записке о революционных днях в Эрмитаже и Музее.

Утром мне сообщили по телефону из моей квартиры, что она разграблена проникшей в нее из дворца внутренними ходами разношерстной толпой. С пропуском от нового, большевицкого коменданта Зимнего дворца, преобразенского прапорщика из писарей, мне удалось попасть на свою квартиру вместе с моими племянником и племянницей, приехавшими в тревоге узнать о моей судьбе. В квартире мы застали полный хаос – взломаны были сундуки, часть их содержимого разбросана по полу, разграблены шкафы и комоды, исчезли все туалетные принадлежности, платье, обувь и белье! Как ни странно, менее всего пострадал мой кабинет, хотя кто-то старался, безрезультатно, впрочем, взломать мой письменный стол.

Замечательно, что стоячая витрина, за стеклом которой блесело золото из раскопок Юга России, осталась нетронутой. Моя кухарка уверяла, что она спасла эту коллекцию, сказав грабителям, что это ничего не стоящие игрушки; сама эта особа была под сильным подозрением участия в грабеже белья. Того же никак нельзя сказать о

другой прислуге, эстонке: она просила грабителей уделить что-нибудь из моих вещей для ее жениха, и то, что ей удалось получить из моих вещей, она добросовестно передала мне, и это было единственное, что было спасено из моего белья. Та же девушка на требование ворвавшейся толпы указать мое местопребывание и угрозы покончить со мною мужественно отвечала, что ей неизвестно, где я нахожусь, но что она не понимает, <за> что меня так преследуют, т. к., по ее словам, я «настоящий большевик»!

Мой племянник приютил меня у себя, на Песочной улице, на Петроградской стороне, и там мне пришлось прожить следующие 8 месяцев, окруженному лаской и вниманием племянницы и племянника. Простуженный, в жару, я должен был первые три дня просидеть в комнате, получая, впрочем, совсем успокоительные известия по телефону из Эрмитажа, а когда вернулся на свою службу, мне сообщили, что (новый) дворцовый комендант вызывает меня к себе. Оказалось, что молодой лакей, служивший тогда у меня, был захвачен с поличным, с уворованными у меня запонками и булавками, а у сына – ценным ружьем. Свои вещи я немного позднее получил аккуратно обратно, кроме ружья сына. Воришка был арестован и предан суду, куда, однако, доставлен не был, и дальнейшая его судьба мне осталась неизвестной.

После моего переезда к племянникам жизнь моя как будто утряслась и вошла как бы в новую колею: <я> ежедневно ходил утром в Эрмитаж, завтракал на своей казенной квартире, днем часто посещал Музей и к вечеру возвращался на Песочную ул<ицу>. Из моей отдельной записки о революции интересующиеся могут узнать, как она в дальнейшем отразилась на подведомственных мне учреждениях и на моей службе вообще. Здесь лишь вскользь упомяну о попытках украинской организации получить от Эрмитажа все вещи малороссийского происхождения, что мне, при помощи хранителей, удалось отклонить, несмотря на приказ, подписанный самим Лениным и Луначарским, который теперь заменил Головина.

Упомяну еще о грабеже царских винных погребов, помещавшихся под зданием Эрмитажа. Громили эти погребя целую ночь напившиеся солдаты, преимущественно соседние-преображенцы, причем не обошлось без человеческих жертв, утонувших в разлившемся вине. Искали и в моей квартире соблазнительную влагу, но безуспешно, и все обошлось благополучно, а залежавшиеся у меня несколько бутылок пришлось раздать по сторонам.

К этому времени относится мое свидание с английским послом по просьбе М.И.Терещенко, переданной мне его глубокопочтенной и добрейшей матерью Елизаветой Михайловной. Дело в том, что министр иностранных дел Врем<енного> правительства был посажен, вместе с другими министрами, в Петропавловскую крепость, и над

ними предполагался большевицкий суд. Крейсировавшие перед крепостью канонерки, пришедшие из революционного Кронштадта, наводили особенную панику на Елизавету Михайловну. Ее сын поручил ей просить меня получить от Бьюкенена разрешение в случае надобности, откровенно говорить на суде о переговорах, ведущихся между двумя правительствами, что могло быть полезным для обвинения, пока неизвестно, впрочем, в чем. Большой посол принял меня в постели и не нашел никаких препятствий к удовлетворению желаний Терещенки. Последнему, выпущенному вскорости из крепости, удалось перебраться за границу, а затем и его матери с младшим сыном удалось выехать из России, что им, мне кажется, обошлось недешево, в смысле финансов.

Служебные мои отношения при новом большевицком начальстве, сперва довольно неясные и сложные, к весне и лету более определились и оформились, а все неприятности и осложнения мной подробно описаны в особой записке. Меня неудержимо тянуло в Киев, к семье, и благодаря помощнику Луначарского Ятманову⁴¹ я получил официальный отпуск. Младшему сыну Андрею удалось приехать ко мне в Петроград, и после долгих обсуждений мы наконец решились воспользоваться украинским поездом, уходящим в Киев в июне месяце. Ввиду нашего киевского имени <так!>, комендант поезда охотно принял нас в число своих пассажиров. Пришлось ехать в вагоне третьего класса через Москву и Оршу. Между спутниками оказалось много знакомых, с другими скоро перезнакомились, и мы проехали 5 дней пути довольно приятно, хотя без больших удобств. В Москве местный совдеп хотел почему-то меня задержать, заявляя, что никакие пропуска или дозволения петроградские для Москвы не обязательны; все же в конце концов этот инцидент окончился благополучно, и мы поехали дальше.

Забавно наивные порядки царствовали в то время еще у большевиков. Когда наш поезд перевели в Москве с Николаевского на Смоленский вокзал, нам было объявлено, что комиссия будет проверять у нас всех документы. Между нашими спутниками были такие, у которых никаких бумаг не имелось, как, напр<имер>, у Д.М.Жеребцова, моего товарища по 3-й гимназии, а затем сослуживца по Министерству иностр<анных> дел, и у полковника Винберга (автора книги «В плену у обезьян»⁴²). Им наше поездное начальство посоветовало во время обхода комиссии просто выйти на перрон и замешаться в толпу, беспрепятственно там стоявшую или прогуливавшуюся. Жеребцов так и поступил и сейчас же после удаления комиссии мог легко вернуться в вагон и продолжать свое путешествие. Винберг, который себя плохо чувствовал, не послушал доброго совета и был высажен и задержан в Москве, впрочем, ненадолго, т. к. через несколько дней тоже появился в Киеве.

Итак, мы благополучно отбыли из Москвы и приехали в Оршу, пограничную станцию большевицких владений, поздно вечером. Тут нас задержали и собрались делать систематический обыск всего багажа, которого в действительности было очень много, несколько вагонов, что задержало бы нас на очень продолжительное время; говорили, что перевозились целые обстановки. Большевики, по их словам, искали «мануфактуру»; фактически же они с совершенным цинизмом грабили все, что им попадалось под руку. Но стойкость и находчивость нашего коменданта предотвратили эту беду: он пригрозил переехать на локомотиве на германско-украинскую сторону и привезти оттуда немецкий батальон, чтоб охранить наш поезд. Испугавшись этой угрозы, комиссары отказались от своего намерения и выпустили нас беспрепятственно.

Утром на станциях за большевицкой границей, охраняемых немецкими часовыми, представилась совершенно иная картина, чем в покинутой «Совдепии»: везде был порядок, тишина; за решетками платформ крестьянами в изобилии предлагались белый хлеб, которого мы давно уже не видели, молоко, творог, яйца, ягоды и пр. Несмотря на всю оскорбительность хозяйничанья немцев на родной, русской земле, невольно чувствовалось какое-то успокоение нервов, сознание личной безопасности, от которого так отвык за время нашей «Великой, Бескровной Революции» и в особенности с момента прихода большевиков ко власти.

В Киеве я застал жену, дочь и старшего сына, за месяц перед тем женившегося на княжне Надежде Викторовне Кочубей, дочери Виктора Сергеевича, бывшего начальника Департамента уделов. Все были еще под сильным впечатлением недавних петлюровских и большевицких насилий. По особому счастью, сын мой благополучно избег участи многих своих товарищей по полку, расстрелянных большевицкими бандами. Квартиру, занимаемую моей семьей на Банковской улице, посетил большевицкий отряд, но менее свирепо настроенный, чем многие другие. Жена моя, больная, лежала на кровати, и старший требовал тишины от товарищей, говоря: «Тут мама больна». Несмотря на то что сын мой не скрыл своего офицерского звания, все ограничилось весьма поверхностным обыском и конфискованием револьвера. Говорили, что младший дворник, хотя и большевизанствующий, имел симпатию к моему сыну и сочувственно о нем отозвался после того, как видел его переносимым на руках в больницу рабочего, раненного на улице шальной пулей. Одно время в Киеве было положение такое, что ни одному военному нельзя было показаться на улице без риска быть застреленным. Моей дочери приходилось одной ходить разыскивать и хоронить тела друзей, замученных и убитых злодеями; жена моя, совсем тогда больная, не могла быть ей в помощь.

После петроградских революционных порядков Киев представился оживленным, нормальным городом. Только присутствие многочисленных немецких офицеров и солдат производило тяжелое впечатление на русскую душу; порядок повсюду был, несомненно, внушительный. Надо признаться, что немцы, несмотря на свое господствующее положение, вели себя, в общем, прилично и особенно вызывающих с их стороны действий не замечалось.

Политика же их на Украине была, несомненно, столь же неустойчива, как и коварна. Представителям различных партий сулили свою поддержку в смысле чаяний данного собеседника: одним они говорили, что сочувствуют единой России, других уверяли в своих симпатиях к самостийной Украине, с третьими соглашались в неизбежности федеративного государства. Монархистов они убеждали, что они, естественно, будут всячески поддерживать монархию в России, республиканцам давали понять, что Германия считает для нас единственно приемлемым государственным строем республику. Молодые немецкие офицеры старались войти в липкинские круги⁴³, завести знакомство с лучшим обществом и, в общем, вели себя прилично; временами устраивали пароходные поездки по Днепру с приглашением к участию местного общества.

Большую роль в это время играл в Липках граф Альвенслебен, прикомандированный к гетману Императором Вильгельмом. Говорили, что он личный друг кронпринца, принадлежал к немецкой «военной партии» и был фанатическим монархистом. Рассказывали, что на его письменном столе рядом с портретами Императора Вильгельма и кронпринца стояли фотографии Государя Николая II и Наследника. На него наши крайние правые возлагали все свои надежды, верили каждому его слову, разносили по городу всякие его изречения, придавая им какой-то сакраментальный смысл.

Впрочем, эти круги были тоже уверены, что Скоропадский работает на единую Россию, с монархом из царствовавшего дома во главе. Многие из них ожидали снова увидеть на престоле Императора Николая II, в трагическую кончину которого они категорически отказывались верить. Самостийные речи гетмана они объясняли требованиями момента и внутренней политикой и упорно уверяли, что, когда царь вернется, его верноподданный Скоропадский положит к его стопам замиренную Украину. Главным представителем этого направления был Ф. М. Безак, бывший член Государственной думы и предводитель дворянства, мечтавший о восстановлении старого строя, лишь с незначительными изменениями. Его горячо поддерживала его жена Елена Николоевна (рожденная Шипова), вкладывавшая во все еще какой-то мистический дух; она основывала свою уверенность в целостности Государя и его семьи на своих вещих снах. Ярким примером ее безусловной веры в свои сны может служить

<выдача?> ею своего нежно любимого мужа большевикам после падения Скоропадского, на основании какого-то приснившегося ей сна, в то время как он благополучно скрывался в тайном месте. Его засадили в тюрьму, где ему пришлось провести немало времени и откуда его с трудом, при помощи немцев, удалось высвободить.

Гетман Скоропадский, с которым я слегка был знаком в Петербурге, когда он был еще молодым кавалергардским офицером, был политически весьма неясной фигурой; наиболее приверженные к нему и ценившие его люди говорили, что он представитель государственной идеи, самопожертвованно работающий на создание государственной ячейки порядка, первого камня к фундаменту будущей России, не пренебрегая той формы, в которую она выльется окончательно. Неустойчивость его принципов объяснялась, как выше сказано, требованием каждой данной минуты и приспособлением к обстоятельствам. Многие считали его чистым авантюристом, честолюбцем, уверенным в конечной победе германцев, почему <он> всю свою судьбу и связал с ними и был их послушным орудием. Как и сами немцы, своих собеседников он то уверял, что он мечтает о единой России, то говорил другим о федерации, то выступал с речами широкого украинца-самостийника⁴⁴. Окружал его небольшой военный «Двор», и выходы его часто напоминали появление настоящего монарха в публике. Он был молодежав, ловко сложен, почти красив, одевался картинно в черкески, иногда, под праздники, в белую, которая очень шла ему к лицу. Правление его вселяло мало доверия, и многие надеялись на продолжительность его беспринципного, оппортунистического режима. В киевской широкой публике боролись разные течения, главным образом российское, с одной стороны, и самостийное – с другой. По объявлении об убийстве Государя были отслужены по церквам панихиды, и наиболее торжественная в Софийском соборе. Тут собралась масса народа, даже двор был весь заполнен, многие плакали; но тут же в дверях храма украинцы устроили демонстрацию с пением хохлацких песен и с выкриками: «Кто хочет молиться за русского царя, пускай едет в Москву»; дело не обошлось без мордобития.

В деревнях шло сильное брожение под влиянием, преимущественно, соц<иал>-революционеров и развивалась злоба против немцев, которые являлись охранителями помещичьих интересов. У нас в Кагарлыке был расположен германский взвод при офицере.

Всюду шла пропаганда, последствием которой, между прочим, было убийство германского командующего войсками ген<ерала> Эйхгорна⁴⁵. На железных дорогах тоже было далеко не благополучно, потому что в июле вспыхнула железнодорожная забастовка, остановившая недели на 3 всякое движение. В это время все собирались съездить полечиться на Одесский лиман, но проходили дни за

днями, и поезда всё не ходили. Только благодаря особой протекции удалось мне с Андреем проехать в Одессу на экстренном поезде г. Гербея, бывшего тогда министром Украинского Гетманского правительства. Поезд, шедший с большой осторожностью, сопровождала воинская часть. Все же мы благополучно прибыли в Одессу, которая была занята австрийцами. Последние, славящиеся вообще своим приятным обхождением и учтивостью, вели себя здесь как-то вызывающе и менее тактично, чем немцы в Киеве; объясняется это, может быть, тем, что тут было много венгерцев, вообще озлобленных против славян, да и органы украинского центрального управления были отсюда далеко.

В то время как я жил на Куяльницком лимане, ночью в номерах санатории, в которой я лечился, был произведен обыск, который, однако, по необъяснимому исключению, меня не коснулся; оказалось – искали оружие, т. к. за несколько дней перед тем австрийский пост был кем-то обстрелян. Соседка моя по комнате, старая еврейка, была возмущена обыском и все повторяла: «Они ищут пушек, но какие же, подумайте, пожалуйста, прошу вас, могут быть в менэ пушкэ?»

Вскоре после того раздался ужасающий грохот взрыва, и над Одессой взвились громадные клубы черного и желтого дыма – большие склады артиллерийских снарядов, кем-то подожженные, взрывались с страшным треском в продолжение более суток, а пожар длился несколько дней подряд. Любопытно было наблюдать за бегством собак из города: в полной панике, поджав хвосты, летели они сломя голову по дорогам и по полям с совершенно растерянным видом. Впрочем, не одни собаки бежали от бедствия, но и люди, которые тянулись пешком и на телегах с насоро собранным своим скарбом, от угрожающей опасности, сами не зная куда.

Наша лечебница находилась верстах в 5<-ти> по воздушной линии от места катастрофы, но и у нас в некоторых окнах полопались стекла; вечером и ночью жутко было прислушиваться к канонаде, но зрелище, подобное непрекращающемуся фейерверку, было грандиозно, в особенности при первоначальном взрыве, который мне удалось увидеть случайно, когда я тогда вышел погулять в поле около лимана – клубы громадного дыма вылетели клубом <так!> высоко за кучевые облака, и раздался первый, оглушающий грохот.

Окончив курс лечения и за прекращением железнодорожной забастовки, мы вернулись нормальным путем в Киев. Здесь мы застали настроение еще более тревожное, чем было тогда, когда мы уезжали на лиман, хотя липкинская публика, т. е. «сливки» киевского и петроградского, спасшегося от большевиков, общества, продолжала благодушествовать, верить в победу немцев и их благожелательство к царской России, а также в твердость гетманской власти. Они все

еще верили в скорое возвращение большей части благ земных и надеялись, что снова заживут былой жизнью на своих насиженных местах; общество ходило в театры, играло в карты, любезничало с немцами и мало беспокоилось.

Дети мои съездили в Кагарлык, чтоб удостовериться, что несколько хуторов было революцией сровнено с землею, а парк с его побитыми мраморными статуями порядочно загажен. Было слышно в городе, да заметно и в деревне, что недовольство в народе растет, что гетман держится только немцами, которые высасывают из украинцев все соки и вывозят все, что только могут.

Доходили слухи неопределенные о Добровольческой армии, которую организовали Корнилов и Алексеев, в газетах об этом почти не печатали, а офицеров, старавшихся туда пробраться, говорили, часто арестовывали; свободно допускалось лишь формирование новой Астраханской армии под покровительством немцев⁴⁶. Эта затея, однако, не удалась и кончилась ничем; по-видимому, имелось в виду убедить патриотически настроенные элементы в готовности Германии восстановить былую великую Россию, лишь бы русские согласны были идти в союзе с нею. Корнилов, Алексеев и Деникин, как известно, держались союзнической ориентации.

Сыновья мои, служившие во время всей великой войны в Кавалергардском полку, решили с некоторыми другими своими однополчанами пробраться в Добровольческую армию и постараться воссоздать там свой старый полк, окончательно распавшийся после большевицкого переворота. Не очень-то мне верилось в удачный исход добровольческого предприятия, но я не мог не сочувствовать стремлению моих сыновей принять участие в попытке спасти родину, как бы спасение это ни казалось, при данных обстоятельствах, более чем гадательным. Жена в этом деле, как обыкновенно бывало у нас, разделяла мое мнение, какими бы новыми тяжелыми тревогами за жизнь детей эта внутренняя жестокая борьба нам, родителям, ни угрожала.

Итак, решено было нами с дочерью и женой старшего сына не оставаться в Киеве, на который, казалось, надвигается новая волна большевизма. Андрей отправился через Одессу морем в Новороссийск, чтоб приготовить для нас помещение. Между тем после перемирья шли переговоры между немцами и союзниками, и можно было предвидеть, что их хозяйничанью на Украине, равно как поддержке гетманскому правительству, должен скоро прийти конец. Из Новороссийска Андрей телеграфировал, что для нас взята дача, и мы, не откладывая в долгий ящик, решили двинуть туда сухим путем, по железной дороге.

Нам посчастливилось выбраться из Киева накануне призыва на службу в украинские войска всех наличных в крае русских офице-

ров. Благодаря любезности одного знакомого нам офицера из штаба гетмана (Будда-Жемчужин, бывший конногвардеец, который и сам скоро перебрался к добровольцам), мы получили целый классный вагон в наше распоряжение. Всех нас в вагон поместилось 13 человек: жена и я, дочь, сын Иван с женой, сестра последней с мужем Воеводским, Косиковский (оба кавалергарды), молодой бар<он> Меллер-Закомельский и четверо женской прислуги, и мы сравнительно удобно добрались до Новороссийска, не меняя вагона.

Это можно было совершить, мне кажется, только в это революционное, беспорядочное время: дело в том, что вагон был дан на мое имя, в сущности, только до Ростова, но на словах было сказано: «Постарайтесь проехать и дальше». В Ростове Г.С.Воеводский и сын мой отправились к начальнику станции просить его не прицеплять вагон к поезду, отходящему на Кубань, а «задержать его до следующего утра, чтобы дожидаться выгруженного по ошибке на промежуточной станции нашего багажа». На вопрос железнодорожного начальства, на чье имя вагон и кто такой гр<аф> Толстой, ответили, что это какое-то официальное лицо, чуть ли не украинский министр. Дозволение было дано, багажа мы дождались, и никто не заметил, что вагон был, в сущности, предоставлен только до Ростова. Так, благодаря обману, в котором я, впрочем, лично был неповинен, нам удалось удобно доехать до Новороссийска.

По приезде через Дон мы больше уже не видели немецких солдат на станциях и были обрадованы появлением трехцветного национального флага. Как в дореволюционное время, на платформах тут дежурили жандармы в формах, напоминающих старые; они постарому вытягивались перед движущимся поездом; на станциях казачки продавали хлеб, молоко, фрукты и всякую снедь. По приезде в Новороссийск, где на станции нас встретил Андрей, первое время нам пришлось провести в переполненных, грязных, довольно примитивных гостиницах, пока нанятую нам дачу кн<ягини> Голицыной приводили в обитаемый вид после большевицкого в ней хозяйничанья.

Одно время нам угрожала реквизиция этой дачи под лазарет. Губернатором Новороссийской области тогда состоял ген<ерал> Кутепов, столь трагически исчезнувший впоследствии в Париже⁴⁷. Я посетил его и просил не лишать мою семью убежища, уже нами нанятого и приводимого на мой счет в порядок, к тому же едва ли подходящего под лазарет, как всей своей постройкой, так и отдаленностью от города: дача эта находилась на Туапсинском шоссе в расстоянии 6–8 верст от города. Жена и дети поспешили перебраться туда, за цементные заводы, хоть помещение далеко еще не было приведено в надлежащий вид. Сыновья отправились в Екатеринодар устроить свои полковые дела, мне же пришлось еще несколько дней проси-

дочь в гостинице, пока предназначенная мне на даче комната стала обитаема.

Пока я еще сидел в городе, было несколько случаев ограбления на Туапсинском шоссе. Был остановлен ближайший наш сосед по даче ген<ерал> Евг<ений> Ник<олаевич> Волков, бывший начальник Кабинета Его Велич<ест>ва, заменивший немного позднее ген<ерала> Кутепова в Новороссийске, где он когда-то при царском правительстве занимал уже должность губернатора. К счастью, во время нападения на него, у Волкова денег с собой не было, и грабителям пришлось ограничиться отнятием у него венчального кольца, по которому они потом и были обнаружены. Все же Волков был связан и отведен в глубь леса, пока разбойники останавливали и грабили проезжавших по дороге. Приблизительно в то же время и на том же месте был ограблен на крупную сумму денег бывший попечитель Рижского учебн<ого> округа Пругченко, у которого к тому же отняли богатую шубу.

Зажив, наконец, на даче, мы пробыли там с октября 1918 года до середины сентября 1919<-го>, когда пребывание на ней стало далеко не безопасным, как это станет ясным из дальнейшего повествования. Ближайшими нашими соседями по берегу залива были: милейшая собственница прекрасной дачи Ольга Викентьевна Козловская, у которой жили ее родственники ген<ерал> Волков с женой Верой Николаевной и сестра последней Любовь Александр<овна> Свечина. Мы часто с ними общались, и общество милейшей О.В.Козловской было для меня всегда большим утешением. Соседство всех этих милых и весьма обязательных людей скрасило и во многом облегчило нашу жизнь под Новороссийском. Нанятая нами дача стояла красиво на площадке над заливом, и от нее открывался довольно приятный вид на залив, город, окружающие его горы и часть открытого моря; кругом был небольшой сад.

Климат Новороссийска, вообще довольно мягкий, отличался, однако, одной очень неприятной особенностью – осенью и зимой из-за гор появлялась так называемая бора, страшной силы ветер Nord-Ost; продолжительность его была разная: от 3-х до 12 дней. Во время этого ветра жизнь в городе и окрестностях замирала, базары пустели, и все старались сидеть по домам, в особенности зимой, когда бедствие сопровождалось снежной крупой и гололедицей. Местные жители рассказывали об опрокинутых вагонах, фэзтонах, унесенных с седоками и кучерами в море, и опрокинутых базарных лавках.

Наша жизнь под Новороссийском скоро наладилась, хотя и не без некоторых осложнений – было очень трудно найти кухарку: на них был большой спрос со стороны нахлынувших отовсюду беженцев, а местным бабам мужа рабочие, большею частью большевики или зеленые⁴⁸, не позволяли идти в услужение к буржуям. Дочь моя, вы-

учившись самоучкой стряпать, неделями готовила кушанье на всю семью. Раза два в неделю она ездила на телеге в город за провизией, уезжая в 6 часов утра и возвращаясь в десятом.

Вначале и мне пришлось несколько раз ходить на базар для надобностей кухни, и тут дело не обходилось без некоторого анекдота. По роду своей прежней жизни я до того никогда лично не занимался кухонными вопросами и не имел понятия о виде мясной провизии в сыром виде, а тут мне как-то поручили купить на базаре филейной говядины. Увидя в лавке груды мяса, я обратился к приказчику с просьбой отрезать мне столько-то фунтов заказанной мне говядины, когда я получил возмущенное замечание хозяина: «Разве вы не видите, что тут продается только свинина?!»; во второй лавке, куда я сунулся, получил еще более грубый, издевательский ответ с заявлением, не слепой ли я, что не вижу, что тут торгуют только бараниной; и только в третьем месте мне удалось получить какой-то длинный кровавой кусок, который мало отвечал кулинарным понятиям о филе.

Город Новороссийск, хотя и ставший довольно оживленным благодаря воинским добровольческим частям и нахлынувшим как из России, так и с Кавказа беженцам, представлял из себя довольно унылую и беспорядочную картину, напоминающую, впрочем, заурядные уездные городишки, но все же тут ощущалась старая Россия. Рабочее население и подонки были очевидно большевицки настроены, но зачатки порядка виднелись во всем; военные, часто пестро и скверно обмундированные, уже имели некоторую выправку.

Сыновья мои, принявшие участие в организации конного полка из офицеров и солдат, набранных большею частью из старших кавалергардов, конногвардейцев и кирасир, а также из случайных добровольцев, стали участвовать в делах против большевиков. По несколько раз им удалось приехать к нам на побывку. В начале марта у нашей снохи, жены Ивана, родился сын, крещенный именем Матвея.

Во время наступления в 1919 году большевиков на Крым большое количество беглецов оттуда прибыло в Новороссийск, и нам посчастливилось приютить у нас на даче жену товарища по полку сыновей М. В. Безобразова, с малым ребенком и его сестрой Н. В. Родзянко. Сам Безобразов в это время уже воевал в Доброй армии вместе с нашими сыновьями. Они прожили в отведенной им комнате несколько месяцев, и я всегда с удовольствием вспоминаю наше немного тесное, но мирное и согласное сожителство.

Кроме Козловской с Волковым и Воеводским, которые устроились на цементном заводе, мы изредка видали супругов Марченко и принцессу Елену Георгиевну Альтенбургскую (рожд<енную> герц<огиню> Мекленбург-Согрениц).

Большим событием в нашей жизни было появление в заливе английской эскадры с адмиральским судном «Empereur of India» во гла-

ве и с французским броненосцем. Прошла эта эскадра через Босфор в Черное море после занятия Константинополя союзниками. Появление ее было замечено довольно далеко в море, а подходила она тихо, осторожно, не зная, кем Новороссийск занят и какой она встретит прием. Впереди шел миноносец под белым флагом, чтоб выяснить, не хозяйничают ли в городе большевики. Город, однако, при первом известии о приближении эскадры стал лихорадочно готовиться к торжественной встрече, воздвигать арки, разукрашиваться трехцветными флагами. Даже заводы вывесили национальные флаги, хотя рабочие смотрели довольно злобно на приход этой неожиданной помощи буржуйам и белой армии. Удостоверясь, что их ожидает дружественный прием, английские суда вошли в порт, а французский броненосец стал на наружном рейде.

Все местное начальство вышло на встречу английского адмирала Сеймура со свитой; чествовали их обедами и ужинами с музыкой, а затем отправили их в Екатеринодар к генералу Деникину, где проходили новые чествования и празднества с угощением в их честь. За банкетом военные представители союзников обещали Добрармии всяческую помощь, обмундирование, до носовых платков включительно, артиллерию, военные припасы и пр., а один французский полковник посулил доставку кавалерии в сто тысяч лошадей (sic!).

Прибытие союзников приподняло сильно у всякого настроение и укрепило у противников большевиков надежды на счастливый исход затейливой борьбы; всякие же сторонники крайних левых течений притихли и ушли в подполье или за горы. Мы скоро познакомились с адмиралом Сеймуром и офицерами, которые нас посещали, приглашали на свои суда и на всякие угощения и вообще были, большей частью, крайне внимательны и любезны. Особенно в этом отношении отличался старший помощник командира судна «Grafton», долго стоявшего стационаром в нашей бухте, командор Кеппель, который был к нам удивительно мил и оказал нам здесь и позже, в беженстве, много полезных услуг. Не могу, конечно, приписать все эти знаки внимания симпатией к нам, старикам, и должен признать, что все это происходило, главным образом, благодаря нашим молодым дамам, пользовавшимся большим успехом среди морских офицеров, и в особенности моей дочери, тогда красивой и оживленной девушке, к тому же отлично говорящей по-английски. Моряки нас снабжали текущей английской литературой, а порою восточными лакомствами, вывезенными из Константинополя, и устраивали с молодежью веселые пикники и парусные состязания. Эти дружеские отношения сослужили нам в дальнейшем большую службу.

К осени положение на Кавказе сильно ухудшилось, и в окрестностях Новороссийска появились банды зеленых. «Empereur of India» тоже давно ушел в плавание по Черному морю и в Константинополь,

на нашем рейде оставался лишь «Графтон», и положение у нас становилось изо дня в день более тревожным. Зеленые, скрывавшиеся на горах, становились все наглее, производили нападения на наши места, и в стычках было несколько убитых среди офицеров расквартированного близ нас броневого отряда. Англичане стали убеждать нас перебраться в Ялту, снова очищенную от красных и защищаемую деникинскую армию. Я съездил с дочерью туда и нанял помещение в хорошенькой вилле, в восточной части, недалеко от Армянской церкви.

Вернувшись в Новороссийск, мы оказались на нашей даче под перекрестным огнем между винтовками и пулеметами зеленых и судовыми орудиями англичан. В это время на рейд пришел миноносец под начальством знакомого уже нам commandor Woodward. Наши английские друзья, очень обеспокоенные нашей судьбой, предложили всей нашей семье перебраться пока на «Grafton», а сами послали депешу адмиралу де Робаку с просьбой разрешить перевезти всю нашу семью на миноносце в Ялту. Разрешение было получено, и, переночевав на «Графтоне», мы все, с нянькой и девушками, по дивному морю переехали в Ялту. Безобразовы за некоторое время до нас тоже перебрались в Крым, а О.В.Козловская с Волковыми переехали в Константинополь.

В Ялте мы прожили сравнительно спокойно с сентября 1919 г. до января 1920 года, хотя периодически, можно сказать, в городе распространялись панические слухи, то о прорыве большевиков через Перекопский перешеек, то о нападении с гор зеленых, то о внутреннем восстании красных, собирающихся захватить казенные учреждения и готовящих резню всем буржуам.

Составился из приезжих в Крым лиц комитет под председательством П.П.Извольского (бывш<его> обер-прокур<ора> Свят<ей>шего Синода, позже, в беженстве, принявшего священство и ставшего настоятелем русской церкви в Брюсселе). Был и я приглашен в этот комитет и послан вместе с прис<яжным> повер<енным> Н.В.Тесленко в Севастополь, чтоб постараться заручиться помощью находящихся там консулов и иностранных военных и морских частей на предмет облегчения выезда из Крыма в случае возможной эвакуации. Из предпринятых комитетом шагов только передача капитану броненосца «Queen Elisabeth» прошения на имя Верховного комиссара в Константинополе адмирала sir John Derobek с перечнем имен лиц, желающих выехать за границу, имела, может быть, некоторые благоприятные для нас практические последствия в дальнейшем. Лично мне удалось визировать паспорта моей семьи в разных консульствах, что, впрочем, нисколько не облегчило нам впоследствии въезд в те страны, для которых я выхлопотал эти визы.

Вернувшись в Ялту, я получил визит <так!> командира английского миноносца «Somme», который просил меня быть ему в по-

мощь в случае нужды перед местным начальством и вообще держать его в курсе ялтинских происшествий, пока судно его будет стоять в нашем порту. По его просьбе я почти ежедневно ходил беседовать с ним на мол.

В середине января 1920 года сын Андрей, находившийся в то время в Феодосии, сообщил нам по телефону, что дела на перешейке принимают весьма угрожающий вид, что за нами, по приказанию английских морских властей, должен в Ялту прийти миноносец, чтоб доставить нас в Константинополь, что он и его брат умоляют нас не отказываться от этой помощи, т. к. оба они при данных условиях тревоги о нашей судьбе не могут быть ни минуты спокойными и нести добросовестно свою ответственную военную службу. Очень тяжело было принимать решение покидать родину неизвестно на какой срок, но все же под влиянием этих уговоров мы наскоро собрались, оставив немало всякого добра на произвол судьбы.

Через два дня появился обещанный миноносец, но остался стационаром в Ялте, а привез приказ миноносцу «Somme» везти нас немедленно в Константинополь. Кроме нашей семьи, велено было забрать тоже семью Н.М.Звегинцевой (так называемая Биша, рожденная Раевская) и русскую жену какого-то английского офицера, с ребенком. Командир любезно предоставил мне с женой и дочерью свою каюту, а остальных поместил в кают-компанию, категорически запретив впускать в его собственное помещение каких бы то ни было детей, так что снохе моей и внуку не позволено было разделить с нами капитанскую каюту, мало, впрочем, поместительную. С тяжелым сердцем и не всегда подавленными слезами отошли мы от Ялтинского мола около 5 часов пополудни 20 января 1920 г.

На другое утро, с рассветом, при тумане и мелком дожде, мы входили в Босфор. Благодаря военному судну, привезшему нас, все формальности карантина и таможи были сокращены до минимума и прошли для нас почти незаметно, но устроиться в городе оказалось нелегко. В русском посольстве свободного места не оказалось, и отсюда нас направили в Старый русский госпиталь в Шишли, реквизируемый во время войны турками под воинские части и потому сильно загрязненный. Пришлось отдать менее грязную комнату снохе с ребенком и няней, а самим кое-как разместиться на двух кроватях без матрасов и постельных принадлежностей, а дочери стараться ночью заснуть на столе, постланном пледами и подушками.

На следующий день я энергично занялся приисканием более удобного помещения, и мне, благодаря посольскому швейцару, удалось найти две плохонькие комнаты в скверенькой гостинице на улице Via Vedenik (довольно плохой славы), около rue Des Petit Champs, куда мы и поспешили перебраться. При худой погоде в мою комнату задувало через плохую ставню снегом, согревались комна-

ты чадящими мангалами, от которых легко угорали; но приходилось мириться с неудобствами и быть благодарным, что имеются постели и крыша над головой. Покровительство наших друзей англичан и тут нас не оставило и во многих отношениях помогло нам пережить тяжелое первое время изгнания, о чем будет сказано ниже.

Пребывание наше в Константинополе не прошло гладко и без событий. Пока по обстоятельствам можно было, мы ходили с женой и дочерью по достопримечательностям Стамбула, которые, впрочем, большею частью были мне знакомы по первому посещению Константинополя. Но в облике толпы произошла значительная перемена; не говоря о прогуливающих военных, всех родов оружия, армий союзников, причем особенно выделялись живописные индусы и си<к>хи, наружный вид женщин-турчанок заметно изменился: их было видно теперь на улицах с открытыми или лишь слегка, наполовину задернутыми вуалью лицами и в модных платьях.

Моя сноха, к великой своей радости, случайно встретила на улице свою сестру, С. В. Воеводскую, только что приехавшую из Новороссийска; через день, однако, последняя жестоко заболела злокачественной ангиной с нарывом в горле, так что вызванный доктор посоветовал немедленно поместить ее во французский госпиталь, где она на третий день скончалась от заражения крови на руках своей сестры и моей дочери, которые по очереди дежурили у ее постели; уход за больными в этом учреждении, днем порученный католическим монашенкам, а ночью невежественным местным сиделкам, был очень плохой. Дочь моя и сноха оказались тоже зараженными этой болезнью и были отправлены в английскую больницу, где, после месяца наших тревог, от отличного, внимательного ухода <так> со стороны всего медицинского персонала были возвращены благополучно к жизни.

После своего выздоровления моя дочь была любезно приглашена на дачу над Босфором английским майором с женой, с которым мы были знакомы по Новороссийску. Ирина могла за две недели на хорошем воздухе поправиться и отдохнуть, после чего снова вернулась к нам в гостиницу.

Скоро удалось через все тех же англичан выправить моей снохе Надежде Викторовне необходимые визы и отправить ее с сыном и нянькой морем через Марсель в Ниццу, где тогда находились родители Кочубеи. Наши британские друзья убедительно советовали нам поселиться предварительно на острове Мальте, откуда обещали нам устроить постоянное сообщение с Добрармией, продолжавшей биться в Таврии, и способствовать связи с нашими сыновьями. Столь заманчивое предложение нас окончательно убедило направиться на этот средиземный остров под британским владычеством, и, исхлопав все необходимые визы, мы запаслись билетами на итальянский

пароход, который должен был нас доставить в Бриндизи, откуда мы предполагали направиться в Сиракузы, где уже должны были взять пароход <так!>, отходящий на Мальту.

Накануне отъезда из Константинополя у моей дочери поднялась температура при небольшом насморке; призванный врач посоветовал не откладывать отъезда и скорее покинуть нездоровый, полный всяких инфекций город. Когда мы благополучно поместились в двух каютах на пароходе, дочь моя почувствовала себя плохо, и к вечеру температура поднялась до 40°, а на следующий день она покрылась сильной сыпью. Тут мы вспомнили, что она виделась со своею двоюродною сестрою Кирой Сухово-Кобылиной, рожд<енной> княжной Гагариной, перед самым заболеванием последней корью.

Не желая возбуждать переполоха и паники на пароходе, мы тайно пригласили оказавшегося на нем русского врача осмотреть больную. Он допустил наличие кори, но не отрицал возможность сыпняка и посоветовал не сходить на берег в Бриндизи, а продолжать путешествие до Венеции еще на два дня, когда картина кори должна была окончательно выясниться. Поступить так, однако, нам не удалось: в Бриндизи, по-видимому, по доносу каютной прислуги был произведен медицинский осмотр, и итальянский портовый врач категорически определил сыпной тиф и всех нас троих тотчас отправил в карантин, в народную больницу за городом.

В это время в городе и его окрестностях свирепствовала эпидемия натуральной оспы, и мы оказались окруженными больными этой страшной болезнью. Как я ни убеждал местных врачей, что болезнь моей дочери несомненная корь, которой она заразилась от больной родственницы, все мои заявления вели ни к чему <так!>, и нам было объявлено, что нас выпустят из карантина не ранее, как через три недели после окончательного выздоровления больной, что представлялось крайне неопределенным; было указано побольше открывать окна в комнате, где мы были помещены все вместе, втроем, впускать побольше воздуха и света (последнее несмотря на воспалительное состояние глаз дочери). Больничный доктор был настолько встревожен представлявшейся ему картиной сыпняка и возможностью заразы, что после первого осмотра больной больше в наше помещение не входил и справлялся о ее здоровье из-за двери. Температура же у моей дочери на следующий уже день стала падать и сыпь бледнеть, но итальянцы продолжали упорствовать в своем первоначальном диагнозе. За нами ходили очень добродушные и милые монашенки, но в смысле больничном совсем неумелые и кормившие нас впроголодь макаронами и скудными овощами, что не помешало администрации госпиталя представить мне перед отъездом счет по расходам на наше питание.

После почти двух недель пренеприятного пребывания в карантине с выздоравливающей, положительно, дочерью и изнервничавшейся от близости окружавших нас оспенных <так!> я потерял терпение и написал в существовавшее еще тогда в Риме наше посольство с просьбой обратить внимание на наше тяжелое положение и, по возможности, прийти нам на помощь. Последствием моего письма было посещение нас итальянским адмиралом, командиром (вероятно, описка – вместо «комендантом»). – С.Ш.) порта, перед которым врачи рассыпались в уверениях наличия сыпного тифа, что, однако, не помешало нам через три дня быть выпущенным на волю, можно сказать, без всякой малейшей дезинфекции.

Вырвавшись из карантина, мы отправились через Неаполь, Палермо в Сиракузы, где пробыли три дня в ожидании парохода, и отсюда на Мальту. Здесь мы прожили в первый раз четыре месяца (май – август). Дочь моя подружилась со многими английскими семьями, хорошо была принята в обществе и много выезжала, будучи принята членом в теннисовый <так!> и купальный клубы и участвуя в многочисленных пикниках, которые англичане так любят.

Главный город Мальты – Валетта, – живописно расположенный на высоком берегу над глубокими морскими бухтами, имеет своеобразный характер смешения Востока с Западом, как, впрочем, и весь остров, густо покрытый небольшими городками. Растительность редка, и на всем острове имеется лишь два настоящих сада, достойных такого наименования. Все женщины, не принадлежащие к высшей буржуазии или туземной аристократии, ходили в черных покрывалах, натянутых с одной стороны на своеобразные обручи. Все народонаселение очень набожно и посещает ежедневно свои церкви; говорит оно на собственном мальтийском языке, смеси арабского с итальянским; любопытно, что в то время никакой литературы на собственном мальтийском языке не существовало, как равно и газеты не было на таковом. Дополнительное богослужение, как и проповеди в храмах, были на итальянском языке, который и был выразителем культурной жизни, а английский являлся официальным правительственным языком. Весь остров очень каменист, и известный писатель и художественный английский критик Рёскин называл Мальту «самым богатым собранием камней». По преданию, вся земля, на которой сеяли пшеницу, кукурузу и другие злаки, а также картофель, была когда-то вывезена первыми колонистами острова с материка Италии. Вся площадь острова была довольно однообразна, но игра света, в особенности при заходе солнца, была очень красива и живописна, напоминая африканские закаты.

Любопытны были на острове несколько доисторических памятников – дольмены, менгиры⁴⁹ и подземные храмы – гипохи. Во дворце губернатора я нашел, не без удовольствия, прекрасный, во

весь рост, портрет Екатерины II с подписью Левицкого, пожалованный одному из Гроссмейстеров Мальтийского ордена самой Императрицей.

В августе мы покинули Мальту на пароходе рейсом в Марсель, чтоб повидаться с женой сына Ивана и ее маленьким сыном, которые гостили в Ницце у Кочубеев. Из Ниццы я поехал с женою для своего лечения в Дах и, будучи там, получил из Крыма депешу от Андрея, сообщающую, что Иван, тяжело раненный в грудь, поправляется и надеется в скором времени приехать для окончательной поправки к нам на Мальту, куда мы собирались снова ехать, в этот раз со снохой и внуком. По возвращении в Ниццу были заказаны места на русском пароходе старого Добровольного флота, идущем из Марселя через Тунис в Валетту; моих спутниц забавляла мысль побывать на африканской земле. Наше плавание происходило при прекрасной погоде и тихом море, а Тунис с его пестрым арабским населением, восточными улицами и базаром всех очень заинтересовал. Уже первый выезд в Тунисскую лагуну производил красочное впечатление, с сотнями розовых фламинго, ярко выступавших на глубоко-синем фоне воды.

В Валетту мы прибыли, к великой общей радости, в тот же день, что и раненый мой сын. Его рана, полученная в Таврии во время конной атаки на большевиков, оказалась очень серьезной (были прострелены легкие и сердечная сумка!), и лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств и исключительно внимательному за ним уходу удалось спасти его от угрожающей смерти. Он был тогда очень слаб, да и на всю жизнь у него остались следы от поранения, хотя наружно он производил впечатление крепкого и здорового человека.

Для дочери возобновилась веселая светская жизнь, в которой изредка участвовал и мой сын с женой. Что касается нас, т. е. моей жены и меня, мы вели очень тихую жизнь, почти нигде не бывая, хотя не могли не принять несколько любезных приглашений со стороны командующего флотом sir John Derobek или адмирала Seymour'a. Были мы тоже на Garden Party генерал-губернатора фельдмаршала Plumer'a.

Будучи на Мальте, мы прочли в местной газете потрясающее известие о крымской эвакуации армии генерала Врангеля. Сын тотчас же собрался ехать в Константинополь, чтоб «быть на месте и разделить судьбу товарищей»; немало усилий пришлось нам приложить, чтоб отговорить от этого, в сущности, бесполезного шага его, еще слабого и далеко не поправившегося еще от тяжелого ранения. От английских друзей получилась депеша о благополучном прибытии в Константинополь Андрея, состоявшего в то время при Врангеле, что успокоило наши тревоги о нем.

В марте 1921 г. мы решились покинуть гостеприимную Мальту и перебраться в Италию, где я должен был лечить мой все ухудшающийся артрит. Доплыв пароходом до Сиракуз, мы поездом отправились в Рим, остановились на сутки по дороге в Таормине, чтоб познакомиться Ирину с этой очаровательной местностью, с его поэтическими развалинами греческого театра на фоне величественной Этны. В Риме мы прожили 3 месяца, с наслаждением снова окунувшись в осмотр остатков древности и Возрождения.

Полечившись затем в Абано, около Падри, где мне удалось снова насладиться обозреванием фресок Мантеньи и Джотто, я для Nachkur* провел с семейю 4 недели в итальянском (после войны) Тироле, местечке Zeis am Schlern, где мог слегка предаться своему любимому спорту – альпинизму. Моей страсти к восхождениям унаследовал <так!> мой сын Андрей, и он совершил в Доломитах несколько очень серьезных подъемов на высокие вершины.

Осень и зиму 1921 г. мы провели в Каннах на французской Ривьере, и там состоялась свадьба Андрея, присоединившегося к нам еще в Риме, с княгиней М.П.Оболенской, рожд<енной> графиней Шуваловой. Присутствовали в церкви лишь ближайшие родственники жениха – сын Иван с женой, приехавшие из Далмации, куда они поехали, чтоб быть ближе к затеянному нами там делу, и родственники шуваловские – старая гр<афи>ня Воронцова с сыном и его женой Шереметевою и княгиня Голицына (рожд<енная> Карлова).

Осенью 1922 года мы перебрались в Далмацию, в Дубровник (Рагузу), в высшей степени живописный старинный городок, на котором бывшая владелица Адриатического побережья – Венеция оставила глубокий отпечаток. Поехали мы туда по советам Е.Н.Волкова, который увлек меня в участие в лесопильном предприятии около Сараева, представлявшемся тогда интересным и сулящем блестящее будущее, которое, однако, в конце концов не оправдало себя, поглотив без пользы довольно крупные суммы у всех его участников. Живя в одной гостинице «Лапад» в предместье города с семейей гр<афа> Вл<адимира> Вл<адимировича> Мусин<а>-Пушкина, женатого на гр<афине> М.И.Воронцовой, мы с ними близко сошлись, сын их Роман стал скоро женихом моей дочери, их свадьба состоялась в Дубровнике в октябре, а затем молодые укатили в свадебное путешествие в Италию.

Мы с женой продолжали, как всегда, вести тихую и однообразную жизнь, и только приезд ген<ерала> Врангеля, объезжавшего рассеянные по Сербии воинские части, всколыхнул наше сонное болото. Все имевшиеся налицо беженцы, военные и штатские, принимали участие в большом банкете, на котором провозглашались тос-

* Отдых после курса лечения (нем.).

ты, говорились тосты (вероятно, описка – вместо «речи»). – С.Ш.), пелись гимны и здравицы. В общем, прием, оказанный Врангелю, был блестящий, восторженный. Я мог вполне оценить его природный дар слова и умение увлекать за собою массы.

Из Дубровника в феврале месяце 1923 года мы <отправились> морем до Триеста, а затем по железной дороге переехали в Баден-Баден, где тогда находился сын Андрей с женой и пасынком. Это было как раз в то время, когда французские войска стали занимать немецкие земли. На правом берегу Рейна, в Мюнхене, где нам пришлось переночевать, чувствовалась большая растерянность, а мы, продолжая на восток свое путешествие, находились в полном неведении, что нас в дальнейшем ожидает. Но Баден оказался незанятым, а для обладавших иностранной валютой, благодаря инфляции, жизнь представилась крайне дешевой. Марка ежедневно катастрофически падала, а валюту в фунтах, долларах или франках приходилось из осторожности ежедневно же разменивать, по колеблющемуся курсу. К концу нашего пребывания в Германии текущие расходы выражались в миллиардах марок – даже на простое письмо приходилось наклеивать почтовую марку в 1–2 миллиарда герм<анских> марок. Извозчику, перевозившему меня из гостиницы на станцию с проездом менее ½ часа, пришлось уплатить 15 миллиард<ов> марок.

В Бадене у Андрея весной родился сын Иван, второй из наших внуков. Жили мы там в гостинице «Zum Bahren» в конце Lichtenstein allee сравнительно роскошно за небольшую сумму швейцарских франков и в конце лета переехали в Висбаден, занятый тогда французами, чтоб побыть с сыном Иваном и его семьей; он тоже служил там в местном банке.

Висбаден, полный французских военных, с парадами и «нубами» (оркестрами африканских войск), производил впечатление полу-французского города. Из нечего делать я стал пополнять свою коллекцию русских почтовых марок, начатую мною за полтора года перед тем, по привычке старого коллекционера всегда собирать что-нибудь из доступной для кармана области. Одно время я увлекся этим собиранием, и в конце концов у меня составила довольно полная и ценная коллекция русских марок, от самых первых годов изданий и до большевицких выпусков 1931 года.

В конце сентября 1923 года скончался Сергей, после операции. Отец зятя гр<аф> Вл<адимир> Вл<адимирович> Мусин-Пуш-кин и мы с женой поспешили в окрестности Тулона, где моя дочь жила с мужем в ожидании ребенка на купленной ею маленькой крестьянской усадьбе. Здесь и мы поселились на 1½ года в довольно примитивной, но уютной обстановке, окруженные прекрасной природой, в 8-ми километрах от города Тулона. Зять Пушкин, съездивший повидать мать и сестер в Сербию, занимался здесь культурой фруктовых

деревьев и огорода, а также разведением кур; в последней отрасли его занятий я ему немного помогал, наблюдая за кормежкой птиц. Почти ежедневно я ходил в город за провизией и всякими припасами, возвращаясь назад с автобусом. В начале зимы мы все занимались сбором оливок, что имело своеобразный интерес.

Для родов дочери мы переехали в мае месяце 1924 г. в Ниццу, где 6-го июня родился старший сын Пушкиных Владимир. Осенью мы снова вернулись в усадьбу под Тулон, где к нам присоединились прибывшие к родам Ирины графиня-мать Мус<ина>-Пушкина с сыном Владимиром и дочерью Марией (ныне светл<ейшей> княг<иней> Голицыной), нанявшие поблизости маленький домик. Но когда зимой моя дочь снова оказалась в ожидании, было решено окончательно проститься с Тулоном и деревенской усадьбой, не приспособленной к помещению более обширной семьи и представляющей многие неудобные стороны – отдаленность от медицинской помощи и вообще от культурных центров. На вторые роды Ирины мы снова переехали в Ниццу и здесь окончательно обосновались после рождения второго сына Пушкиных – Алексея (... (число пропущено. – С.Ш.) сентября 1925 г.). С тех пор мы живем постоянно в Ницце, откуда <я> ездил несколько раз молиться в Aix-les-Bain и два раза под Париж (Versailles и Ville d'Arsay), чтоб повидать Андрея, у которого родился второй сын – Иван.

В Ницце я вполне удовлетворен нашей тихой, спокойной жизнью; мы мало кого видаем и только изредка принимаем участие в каких-нибудь общественных или благотворительных собраниях. Будучи избран членом церковного совета, мне приходится <так!> интересоваться вопросами, связанными с жизнью и деятельностью русских ниццских храмов. Главным центром для русской колонии является русский православный собор, а глубокоуважаемый его настоятель архиепископ Владимир (Белостоцкий), всеми любимый, – соединительным звеном для всей его паствы. Отколовшиеся группы карловчан⁵⁰ немногочисленны, а последователи большевизанствующего еп<ископа> Венъямина⁵¹ и того незначительнее количество. Отпразднованный юбилей 25-летия хиротонии преосвященного Владимира показал, насколько настоятель наш популярен, почитаем и любим. К сожалению, сыновья мои, в начале нашего пребывания в Ницце занятые в небольшом русском банке, открыв неблагоприятное ведение его дел, должны его были покинуть и, в поисках заработка, переселились в Париж, где и до сих пор живут в более или менее трудных условиях.

К о н е ц

Ницца

Гр<аф> Д.Толстой

Прошу читателя извинить небрежность этой рукописи, которую я писал с усилием, больною рукой, на 74-м году жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский Заграничный исторический архив (РЗИА) существовал в Праге в 1923–1945. Архив был образован в рамках принятой правительством Чехословакии программы, получившей название «Русская акция». В декабре 1945 документы рукописного отдела архива и дублетные экземпляры эмигрантских периодических изданий были переданы правительством ЧСР в дар Академии наук СССР в честь ее 220-летнего юбилея. Документы поступили на хранение в ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ), а в 1960-е некоторые фонды литераторов, деятелей культуры и творческих эмигрантских организаций были переданы из ЦГАОР в ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ). Все это время документы были фактически выведены из научного оборота, находясь в так называемом «спецхране», и могли быть использованы лишь немногими «доверенными» историками в более или менее тенденциозных трудах (например, «Агония белой эмиграции» Л.К.Шкаренкова). Подробную справку о РЗИА см.: Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Т.2: «Периодика и литературные центры». М.: РОССПЭН, 2000. См. также: Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель / Отв. ред. Т.Ф.Павлова. М.: РОССПЭН, 1999.

² Упомянутая «Записка» опубликована: Революционное время в Русском Музее и в Эрмитаже: Воспоминания графа Д.И.Толстого / Публ. С.Г.Блинова // Российский архив. Т.2-3. М., 1992. С.330-361.

³ Посессионные крестьяне (от *possesio* (лат.) – владение) – в крепостной России официальное название крепостных рабочих, закрепленных за фабрикой или заводом.

⁴ Берг Федор Федорович, граф (1793–1874) – генерал-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 года, экспедиций в Среднюю Азию (1823 и 1825), Русско-турецкой войны 1828 года. Возведен в графское достоинство великого княжества Финляндии в 1856, в день коронации Александра II. В 1863 был назначен наместником Царства Польского.

⁵ Монтрезор Карл (Карл-Викентий) Лукьянович (1786–1879) – генерал от кавалерии; в 1812 – поручик Волынского уланского полка, адъютант М.И.Кутузова. За отличие в сражении при Бородине произведен в штаб-ротмистры, за сражение при Красном – в ротмистры.

⁶ Пажеский Его Императорского Величества корпус – существовавшее в 1802–1917 привилегированное военное учебное заведение, куда принимались только зачисленные предварительно, по высочайшему повелению, в пажи к высочайшему двору сыновья и внуки лиц, состоящих или состоявших на службе в чинах первых трех классов.

⁷ В рукописи описка: «С.Д.Арсеньева». Имеется в виду Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915) – генерал-адъютант, адмирал, директор Морского корпуса, член Государственного Совета, воспитатель великих князей Сергея и Павла Александровичей.

⁸ Намек на развившиеся впоследствии гомосексуальные склонности Сергея Александровича, которые не были секретом в придворном обществе и высшем свете.

⁹ Графиня София Николаевна Меренберг (в первом браке графиня де Торби; 1868–1927) – с февраля 1891 мorganатическая жена великого князя Михаила Михайловича (1861–1929). Разгневанный этим брачным союзом Александр III телеграфировал великому герцогу Люксембургскому Адольфу и принцу Нассаускому Николаю Вильгельму: «Этот брак, заключенный наперекор законам нашей страны, требующим моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имевший места». Это вынудило супругов навсегда остаться в Англии. Подробнее см.: *Русаков В.М.* Рассказы о потомках Пушкина. Л., 1982. С.188–190).

¹⁰ Ср. в воспоминаниях генерала Игнатьева:

Моя двоюродная сестра Катя Игнатьева была несколько старше меня, но настолько очаровательна, что я был влюблен в нее с семилетнего возраста. Я учился еще в Киеве, когда она по-явилась барышней на петербургских балах и сразу покорила сердца молодежи, а главное – на свое несчастье – сердце великого князя Михаила Михайловича. Он сделал ей официальное предложение. На следующий день дядя мой, Николай Павлович, как полагалось, надел мундир и поехал к отцу великого князя, старику Михаилу Николаевичу, испросить его согласия на этот брак, но получил категорический отказ: невеста была недостаточно высокого происхождения. Великие князья имели право жениться только на девушках коронованных семейств.

Чтобы залечить незаслуженно нанесенную ей рану, Катя посвятила всю свою остальную жизнь работе сестры милосердия.

(*Игнатьев А.А.* 50 лет в строю. М., 1948. С.200)

¹¹ Народолюбка Вера Засулич в 1878 стреляла в петербургского градоначальника (не обер-полицейстера, как ошибочно пишет Толстой) Ф.Ф.Трепова, протестуя против наказания розгами товарища по партии, который был высечен в Доме предварительного заключения за то, что отказался снять шапку перед Треповым. Покушение Засулич произвело сильное впечатление на широкие круги общества. 31 марта 1878 суд присяжных ее оправдал.

¹² В 1880, после смерти императрицы Марии Александровны (1824–1880), Александр II оформил мorganатический брак со своей многолетней любовницей княжной Долгоруковой Екатериной Михайловной (1847–1922), получившей титул княгини Юрьевской.

¹³ Альгамбра (от *Kelat-al-hamrah* (*арабск.*) – красный замок) – название прежней цитадели Гранады, старинная крепость мавританских государей, выдающийся памятник мавританской архитектуры.

¹⁴ Нисхождение благодатного огня наблюдается в иерусалимском храме Гроба Господня на православную Пасху. По-видимому, южная пыльность и экзальтация богомольцев, шедшая вразрез с православной благоговейностью, вызвала внутренний протест Д.И.Толстого.

¹⁵ Фельтен Альфонс Францевич владел магазином эстампов и картин (Невский пр., 20), а также позолотной мастерской.

¹⁶ Речь идет об отречении от престола под давлением болгарских офицеров-русофилов князя Болгарии Александра Баттенбергского (сентябрь

1886). Несколько месяцев Болгария оставалась без верховной власти (Россия воспротивилась кандидатуре датского принца Вальдемара в качестве претендента на болгарский престол). В это время вакансию пытались заполнить и разные проходимцы, вроде «корнета Савина» (Николая Эразмовича Савина, графа де Тулуз-Лотрек, как он себя величал). В июне 1887 князем (с 1908 – царем) Болгарии стал Фердинанд I Кобургский (1861–1948), по национальности австриец. Он вовлек Болгарию в Первую мировую войну на стороне Тройственного союза; в 1918 отрекся от престола. Отец Бориса III (1894–1943).

¹⁷ Воспоминания Сергея Дмитриевича Сазонова (1861–1927) переизданы: *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М.: Международные отношения, 1990.

¹⁸ См.: *Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства (изд. совместно с графом И.И.Толстым). Вып.1-6. <СПб.>, 1899.

¹⁹ Императорский Санкт-Петербургский яхт-клуб, учрежденный в 1860, помещался на Морской ул., 21. Командором в описываемое время был министр императорского двора граф В.Б.Фредерикс. Яхт-клуб представлял собой элитарное, полузакрытое собрание высшей аристократической знати, настроенной ультраконсервативно и даже составлявшей своего рода оппозицию справа правительству.

²⁰ Картина «Смех», изображающая группу хохочущих крестьянок, была представлена Малявиным на конкурс Академии художеств в 1899. Совет Академии большинством голосов картину отверг, и только вмешательство Репина помогло Малявину получить звание художника. «Смех» был удостоен золотой медали на Всемирной выставке в Париже в 1900, и в 1901 картину приобрел Венецианский музей современного искусства.

²¹ Мосолов Александр Александрович (1854–1939) – генерал-лейтенант, начальник канцелярии Министерства императорского двора, автор записок: *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992.

²² Имеется в виду Февральская революция 1917 года.

²³ Из последних изданий см., например: *Врангель Н.* Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. В книге, кроме работ Н.Н.Врангеля, публикуются воспоминания о нем.

²⁴ См.: *Врангель Н.* Русский музей Императора Александра III. Живопись и скульптура. СПб., 1904.

²⁵ Это письмо, а также письмо Толстого к Н.Врангелю см. в изд.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т.77-78. М., 1956. С.263-264; Т.79. С.139-141. Как писал о М.П.Боткине Борису Садовскому Георгий Блок: «...тот, которого Врангель съездил по морде и которому Толстой за это прислал милостивый рескрипт на Ремингтоне (“всегда Вас любивший, а теперь особенно полнобивший” – хранится в Пушк<инском> Доме)» (РГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Ед.хр.55. Л.6).

²⁶ Скорее всего, имеются в виду пианист Николай Андреевич Орлов (1892–1964), ученик К.Киппа и К.Игумнова, эмигрировавший после революции, и польская клавесинистка и пианистка Ванда Ландовска (Lan-dowska; 1877–1959), гастролировавшая в России как клавесинистка в 1907.

²⁷ Имеется в виду нумизматическое отделение.

²⁸ Город Кэушень в современной Молдове.

²⁹ Не вполне точно: после разгрома войск А.И.Деникина на Северном Кавказе в конце марта 1920 остатки Добровольческой армии, сведенные в отдельный Добровольческий корпус генерала Кутепова, были эвакуированы в Крым, где вошли в состав Русской армии под командованием П.Н.Врангеля.

³⁰ Вырубова (урожд. Танеева) Анна Александровна (1884–1964) – с 1904 фрейлина императрицы Александры Федоровны. После замужества оставалась ее близким другом. Была поклонницей Распутина, проводила его влияние при дворе. С 1920 в Финляндии; умерла послушницей православного монастыря. Автор воспоминаний (М., 1991; не путать с фальсификацией ее «дневника», предпринятой П.Е.Щеголевым и А.Н.Толстым в ленинградском альманахе «Минувшие дни» в 1928).

³¹ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) – крупный предприниматель (из семьи киевских сахарозаводчиков), меценат (основатель издательства «Сириин», где впервые был опубликован «Петербург» Андрея Белого). В Первую мировую войну председатель Киевского областного и товарищ председателя Всероссийского Военно-промышленных комитетов, масон и противник самодержавия. После Октябрьского переворота был арестован вместе с другими членами Временного правительства в Зимнем дворце и посажен в Петропавловскую крепость. Выпущен из крепости весной 1918; бежал за границу. В 1920–1930-е крупный финансист во Франции и на Мадагаскаре.

³² См. примеч. 2.

³³ Подробнее об этом см. записки заведующего арестантскими помещениями Петропавловской крепости, опубл.: Записные книжки полковника Г.А.Иванишина / Публ. А.Д.Марголиса, Н.К.Герасимовой и Н.С.Тихоновой // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб., 1994. С.477-572).

³⁴ Головин Федор Александрович (1867–1937) – один из основателей кадетской партии. «После Февр<альской> Рев<олюции>ции 1917 <года> был назначен Врем<еменным> Пр<авительст>вом комиссаром всех учреждений быв<шего> Мин<истерства>ва им<ператорского> Двора (куда входили и все имп<ераторские> Театры). В дела театров вмешивался мало. Намечался в председатели Союза деятелей иск<усств>в» (Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 81). Остался в России, работал в советских учреждениях. 21 ноября 1937 по обвинению в принадлежности к антисоветской организации был расстрелян.

³⁵ Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) – земец, член II и III Государственных дум, кадет, в 1914–1917 московский городской голова. Умер в эмиграции в Югославии.

³⁶ Б.Н.Энгельгардт, назначенный Временным комитетом Государственной думы комендантом Петрограда, вспоминая события 1 марта, писал о появлении «Приказа №1»:

Вскоре курьер сообщил мне, что со мной желает переговорить член Совета рабочих депутатов. Я вышел в коридор, где меня встретил солдат в расстегнутой шинели с папироской в зубах.

«К вам являлись представители целого ряда войск с требованием издания новых правил, регулирующих взаимоотношения офицера и солдата, – сказал он. – Совет рабочих депутатов придает очень большое значение этому вопросу и предлагает Временному комитету и, в частности, лично вам как специалисту совместно разработать его». – «Временный комитет считает, что разработку таких правил следует отложить до более спокойного времени», – возразил я. Солдат усмехнулся и, круто поворачиваясь на каблуках, бросил мне через плечо: «Тем лучше, сами напишем...»

На следующий день, между 2 и 4 часами дня, на стенах Петрограда появился знаменитый «Приказ №1», в корне разрушивший основы старой дисциплины.

<...> Был пятый час утра 2 марта. Залы Таврического дворца опустели, члены Военного комитета все разъехались, деятельность Военной комиссии замерла и я решил уехать также, чтобы выспаться как следует, а не на двух стульях моего кабинета, как приходилось дремать в течение двух последних ночей. <...> Утром <...> я направился к брату моей невесты, у которого она жила в то время.

Я шел пешком. Трамваи не ходили, извозчиков не было, но в городе наступило спокойствие, чувствовалось даже какое-то праздничное настроение. По дороге мне бросились в глаза расклеенные на стенах домов объявления. Я подошел к одному из них и прочел: объявление оказалось тем самым «Приказом №1», писать который меня приглашали в Совет рабочих депутатов. Я не мог забыть слова, брошенные мне вчерашним солдатом: «Сами напишем...»

И действительно, Совет рабочих депутатов написал самостоятельно нечто совсем новое, в корне меняющее все старые взаимоотношения в войсковых частях и фактически лишаящее начальство возможности управлять вверенными ему частями. Старая армия при наличии новых порядков управления ею уцелеть долго не могла – это казалось мне ясным. Поэтому этот «Приказ №1» сразу же представлялся мне первым шагом революции в новую область: теперь дело касалось не только упразднения самодержавного царя, тут поднимался вопрос о крутых переменах в области старых взаимоотношений, старых порядков. Я чувствовал, что за этим шагом последуют другие, разрушающие все основы старой государственности. Революция шла много дальше, чем мне это казалось допустимым, и я невольно задумывался над тем, какими средствами может быть положен предел ее развитию.

Все эти мысли, внезапно нахлынувшие мне в голову, я формулировал час спустя в беседе с моей невестой и ее братом. Картины, которую я нарисовал им, описывая все пережитое в Таврическом дворце за эти дни, утрата привычного для них «порядка» невольно вызвали с их стороны тревожный вопрос: «Что же делать, чтобы не допустить полного развала?»

«Чтобы остановить развившееся движение, есть лишь одно средство – окунуть руки по локоть в кровь, – сказал я, – однако в настоящую минуту я не вижу для этого ни возможностей, ни охотников...»

В дальнейшем охотники лить кровь в братоубийственной войне нашлись, и потоки крови были пролиты, но остановить революцию они не смогли.

(*Энгельгардт Б.Н. Революция и контрреволюция* (Авторизованная машинопись). – Личный архив публикатора)

В настоящее время воспоминания Б.Н.Энгельгардта готовятся к печати.

³⁷ Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934) – старейший член партии эсеров, член ее ЦК. После Октября 1917 – в эмиграции. Умерла в Чехословакии.

³⁸ Имеется в виду вооруженная демонстрация 4 июля 1917 в Петрограде.

³⁹ В своих воспоминаниях Б.Н.Энгельгардт, свидетель событий, к тому же хорошо знавший Крымова, писал: «Крымов почувствовал, что войска вышли из его рук, что они не будут беспрекословно выполнять все его распоряжения, и счел себя вынужденным пойти на переговоры с Керенским, а затем и на полную капитуляцию. Он лично прибыл в Петроград и после разговора с Керенским, уже арестованный (но не обезоруженный), застрелился» (*Энгельгардт Б.Н. Революция и контрреволюция*).

⁴⁰ Шеффер Петр Николаевич (1868–1942) – член Императорской Археологической комиссии и сотрудник Русского музея, коллежский советник. Подробную справку о нем см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995.

⁴¹ В воспоминаниях «Революционное время в Русском музее и Эрмитаже» Д.И.Толстой дает такой портрет Григория Степановича Ятманова (1878–1949):

...зырянин по происхождению, из иконописцев, расписывавших когда-то под руководством Л.Н.Бенуа новый Варшавский Православный собор (впоследствии снесенный. – *С.Ш.*); человек он от природы был очень неглупый, с характером, но малоразвитой и некультурный, но не лишенный апломба. Говорил он как человек неинтеллигентный, употреблял, например, часто слово «лаборатория», к вящему удовольствию людей более его грамотных. Лицо у него было бритое, а волосы так стрижены, что казались париком. Одевался он в дешевенький штатский костюм с ярким галстухом. Ятманов производил впечатление человека осторожного, работающего на большевизм, но с оглядкой и далеко не всегда откровенно. По видимому, он имел, по крайней мере вначале, влияние на Луначарского.

(Российский архив. Т.2-3. С.354-356).

⁴² Крайний монархист и антисемит по своим убеждениям, Федор Викторович Винберг (1861–1927) в 1917 был арестован большевиками, в тюрьме вел дневник, изданный на следующий год в Киеве под заглавием «В плену у обезьян: Записки контрреволюционера». В Киеве арестовывался петлюровцами. Эмигрировав в Германию, занялся издательской деятельностью, в частности, опубликовал в берлинском журнале «Луч жизни» «Протоколы сионских мудрецов». Похоронен в г. Шель во Франции. Его вдова выпустила сборник стихов и воспоминаний о муже.

⁴³ От названия аристократического района Киева – Липки.

⁴⁴ Скоропадскому принадлежат воспоминания, частично опубликованные, см.: *Скоропадский П.П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний / Публ. А.Варлыго // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.17. М.; СПб., 1994. С.7-115. Содержание воспоминаний свидетельствует о желании гетмана создать независимую Украину в рамках федерации и невозможности для его правительства найти фарватер между радикальными украинфилами (Український Національно-Державний Союз) и заполнившими украинские центры сторонниками единой и неделимой России, бежавшими от большевиков. Эти обстоятельства привели гетманство к краху, и 14 декабря 1918 Скоропадский отрекся от власти, передав ее своему последнему правительству, и выехал в Германию. «Судьба распорядилась таким образом, что после 1933 (прихода Гитлера к власти) Скоропадский хотя и жил в Германии до самого дня своей гибели от ранения в апреле 1945, но на службе у нацистов не состоял, а ведь можно уверенно сказать, что возможности для этого он имел неограниченные» (Там же. С.10).

⁴⁵ Генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн – начальник германских оккупационных войск в Киеве. 30 июля 1918 по приговору партии левых эсеров был убит бомбой, брошенной матросом Борисом Донским.

⁴⁶ Об Астраханской армии В.А.Амфитеатров-Кадашев в своих воспоминаниях (частично опубликованы: *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы дневника / Публ. С.В.Шумихина // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.20. М.; СПб., 1996. С.435-635) отзывался так:

...«Веселая вдова» (по названию оперетты Ф.Легара, символизирует нечто крайне несерьезное. – *С.Ш.*), в степени, значительно превышающей даже Украинскую Державу. Состоит частью из астраханских казаков, калмыков и киргизов, бежавших на Дон после январского разгрома Астрахани большевиками (когда была убита дочь В.Дурова), частью из добровольцев. Знамя – открыто монархическое. Глава ее – кн<язь> Тундутов, киргиз, личность из разряда тех, про которые в прежнее время говорили: «и какого только народу у русского царя нету!» <...> Атаманство <...> довольно подозрительное: он не избран Кругом, который не мог собраться, ввиду занятия Астрахани большевиками, а как-то самопроизвольно возник, не без участия немцев. В моменты конфузливые, он до сих пор ставит перед своим именем две буквы «и. д.» (? – *С.Ш.*) атамана (дело в том, что настоящий атаман ген<ерал> Бирюков, раненный и взятый в плен красными при разгроме Астрахани, до сих пор жив и томится в большевицкой тюрьме), но, при всяком удобном случае, норовит от этих умаляющих букв избавиться. <...> Впрочем, главным заправилкой Астраханской армии является не это чучело, а И.А.Добринский, хитрый авантюрист, неглупый, но с неуравновешенной фантазией, жуликоватый, но не без неврастенического порыва, в котором иногда бывает искренен...

(РГАЛИ. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.6. Л.12-13об.).

⁴⁷ Генерал Александр Павлович Кутепов (1882–1930), председатель Русского общевоинского союза, был похищен в Париже агентами ОГПУ, доставлен в Марсель и, по официальным сведениям, умер на советском пароходе по пути следования в Новороссийск.

⁴⁸ «Зеленые» – первоначально название дезертиров, укрывавшихся в лесах. Летом 1919 уклонение от мобилизации и дезертирство из Белой армии приняло массовый характер на Северном Кавказе, в Дагестане, в Крыму. Организовывались «красно-зеленые» партизанские отряды, которые вели с белыми вооруженную борьбу; была даже создана повстанческая «красно-зеленая» армия, численностью до 15 тысяч человек.

⁴⁹ Дольмен (от бретонского: *tol* – стол и *men* – камень) – мегалитическое (III–II тысячелетие до н. э.) сооружение в виде большого каменного ящика, накрытого плоской плитой. Распространены в приморских районах Европы, Азии и Северной Африки. Менгир (от бретонского: *men* – камень, *hir* – длинный), мегалитическое (III–II тысячелетие до н. э.) сооружение в виде вертикально врытого в землю камня 4–5-метровой длины. Кроме Мальты, встречаются в Северной Африке, Индии, Сибири и на Кавказе.

⁵⁰ Карловчане (от названия города Сремске Карловцы в Сербии, центра русской эмиграции в начале 1920-х) – сторонники созданного в 1921 в Сремских Карловцах на Общецерковном заграничном собрании Временного высшего церковного управления. 5 мая 1922 ВВЦУ было упразднено Московским патриархом Тихоном и Синодом, но не подчинилось идущему из Советской России патриаршему указу. Этим было положено начало продолжающемуся и по сей день расколу между Российской и Зарубежной православной церквями.

⁵¹ Митрополит Вениамин (Федченков; 1881–1961) – с 1920 глава военного духовенства («епископ армии и флота») при Русской Армии П. Н. Врангеля. Эвакуировался из Крыма вместе с армией, был в Константинополе членом Русского совета при Врангеле, затем продолжал служение в Сремских Карловцах. Поддержал идущий из Москвы указ патриарха и Синода о необоснованности претензий заграничного ВВЦУ говорить от имени всей церкви и об его упразднении (см. предыдущее примеч.). В 1923–1924 продолжал служение в Карпатской Руси (тогдашняя Чехословакия), затем профессор парижского Православного Богословского института во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1927 подписал декларацию митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности к советской власти. С 1933 владыка Вениамин – архиепископ Алеутский и Северо-Американский, временный экзарх Московской патриархии в Северной Америке. В 1947 вернулся в СССР и был назначен на Рижскую и Латвийскую кафедру, в 1951–1955 управлял Ростовской епархией. В 1958 был, согласно прошению, уволен на покой и поступил на жительство в Свято-Успенский Псковско-Печорский монастырь.

А.Я.Савич
«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...»

Из воспоминаний

Публикация, запись и комментарий Б.Я.Фрезинского

Об Але Яковлевне Савич я узнал из воспоминаний Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые читал по мере их публикации в «Новом мире» Твардовского в 1960–1965. Впервые же увидел ее на похоронах Эренбурга в Москве 4 сентября 1967 (за полтора месяца до того она похоронила мужа – Овадия Герцовича Савича). В семидесятые годы мне много рассказывала об А.Я. Ирина Ильинична Эренбург, она же рассказывала потом Але Яковлевне обо мне. Наше личное знакомство с А.Я. состоялось в Москве в январе 1981. С тех пор мы регулярно встречались 10 лет (А.Я. умерла 21 апреля 1991). Это бывало всякий раз, как мне удавалось выбраться из Питера в Москву (ежегодно, обычно зимой и летом – в каникулярную пору), а в 1982 еще и в Комарово, куда А.Я. приехала с Р.Я.Райт-Ковалевой пожить в писательском доме творчества. Приходилось мне иногда навещать А.Я., всякий раз по ее приглашению, и в московских больницах, куда ее определяли (инфаркт и другие беды) – когда она уже шла на поправку. Между встречами мы перезванивались и переписывались, хотя писание писем было для А.Я. при ее вечных хворях не всегда легким (все же больше сорока ее писем у меня сохранилось).

Я был восхищен А.Я. – ее обаянием, образованностью, воспитанностью, сочетанием светскости с внутренней интеллигентностью, деликатностью. При этом она обладала твердостью характера, сдержанностью, которая делала равно спрятанными и неприязнь, и откровенную симпатию, тонким и неизменным чувством юмора и, конечно, неизбывной жадностью к новостям литературы, культуры, науки и политики. Поближе ее узнав, я почувствовал, что она человек обидчивый, хотя умела это скрывать, и надо было очень раздосадовать ее, чтобы проявилась упоминаемая мной твердость ха-

рактера, которая делала ее голос ледяным (именно таким голосом однажды говорила она при мне по телефону со знаменитой литературной особой, к которой в то время уже полностью утратила доверие).

Альсгута Яковлевна Савич (урожденная Мазэ) родилась 27 февраля 1904 (н.ст.) в Москве. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь звал А.Я. ее полным именем: все, и друзья и просто знакомые, звали ее только Аля Яковлевна (старые друзья, которых почти уже не оставалось, – просто Аля, Аленька). Ее отец Яков Исаевич Мазэ (1859–1924) – широко известный в свое время московский еврейский деятель и публицист – был общественным раввином Москвы (в 1913 он выступал экспертом защиты на печально знаменитом процессе по делу Бейлиса). В семье Мазэ было трое детей: старшая дочь Виталия (она скончалась в 1935), средняя Альсгута и младший сын Сади – много обещавший филолог и лингвист, арестованный ГПУ еще в 1920-е, затем чудом освобожденный и отпущенный в Палестину как убежденный сионист. (Вскоре он, однако, переправился в США, получил второе, юридическое, образование, участвовал в работе Нюрнбергского трибунала, стал юрисконсультom американского конгресса. В послесталинские времена не раз приезжал в СССР, принимал у себя в Вермонте А.Я., постоянно с ней переписывался. Он умер уже после того, как не стало сестры...)

Судя по рассказам А.Я. о ее детстве, дети обожали отца; их отношение к матери было куда более сдержанным. Одно свое письмо мне (от 11 июня 1986) А.Я. написала на дореволюционном именном бланке отца, подчеркнув: «Этому листочку около 70 лет!» – жест был торжественным.

Как-то я послал А.Я. в подарок изданную в ГДР на идиш книжку «Козочка с иллюстрациями первоклассного, едва ли не волшебного графика А.Л.Каплана. Книжка эта ее порадовала, и 3 марта 1983 А.Я. мне написала: «Вы очень меня тронули... А “Козочку” в детстве моем нам отец напевал, и мы подпевали в пасхальные вечера (среди многого другого), правда, на древнееврейском, как тогда назывался иврит. Правда, с некоторыми изменениями. Это были незабываемые вечера – отец умел вкладывать в них что-то неповторимое... Каплан тоже очень нравится. Впервые видела его работы у И.Г.<Эренбурга>».

А.Я. владела ивритом и идиш, в молодости она строго соблюдала еврейские обряды (в частности, употребляла только кошерную пищу) – в парижских письмах Эренбурга В.Г.Лидину встречаются шуточки на сей счет. Только постепенно, уже живя во Франции, А.Я. оставила давние семейные традиции. Сразу оговорюсь: она вовсе не была ограниченным еврейским ортодоксом – закончила русскую гимназию, владела немецким и французским языками, затем пошла учиться на механико-математический факультет МГУ (правда, закончив его, никогда по специальности не работала).

Овадий Герцович Савич (1896–1967) родился в Варшаве, но с четырех лет жил в Москве, воспитываемый нежно и мудро любившей его матерью. А.Я. была знакома с ним с детства. В 1923 А.Я. и О.Г. поженились. Всю жизнь их связывало поразительно по глубине и нежности чувство; разбирая бумаги А.Я. после ее смерти, мне пришлось перелистать переписку Савичей – волнующее, незабываемое ощущение.

О.Г.Савич начинал актером (еще в 1915); в Гражданскую войну служил в передвижной красноармейской драмтруппе. Стихи Савич писал с детства,

его первая поэтическая публикация появилась в московском альманахе «Альфа» в 1915. В начале 1920-х его матери удалось выбраться из Советской России в Германию, а после прихода к власти Гитлера перебраться в США; это обстоятельство в определенной мере повлияло на жизнь сына.

В 1924 умер отец Али Яковлевны, очень мужественно и стойко державший при не жаловавшем его большевистском режиме. Рукопись воспоминаний (на иврите), написанных им уже почти ослепшим, в 1918–1922, удалось вывезти за рубеж его сыну, и в 1936 четыре тома этих воспоминаний увидели свет в Тель-Авиве (нынешняя Еврейская энциклопедия сообщает, что воспоминания Мазэ «полны живого юмора и чувства собственного достоинства и служат ценным материалом по истории российского еврейства и литературы на иврите»). Уже давно один из красивейших проспектов старого Тель-Авива носит имя Мазэ. Как-то А.Я. показала мне хранящуюся у нее посмертную маску отца – гипс был непривычно тонированным, темнокоричневым (вскоре она переправила маску в Израиль). После смерти отца А.Я. молодые Савичи надолго перебрались на Запад (жили сначала в Тюрингии, потом долго в Берлине, у матери Савича Анны Тимофевны, затем переехали в Париж).

Еще в начале 1920-х, бросив театр, Савич начал писать прозу, и в 1923–1929 вышло не меньше шести его прозаических книг, включая замечательный роман «Воображаемый собеседник», переиздания которого А.Я. так и не дождалась (роман вышел в год ее смерти). К стихам О.Г.Савич вернулся после Отечественной войны, но никогда их не печатал (многие пронзительные строки в них посвящены жене); часть его поздних стихов, переданных мне А.Я., удалось напечатать уже в нынешнее время – в «Звезде» (№4 за 1998) и в «Литературной газете» (17 июля 1996).

В Париже А.Я. вслед за Ириной Ильиничной Эренбург поступила в Институт профессиональной ориентации и в Институт социальной психологии при Сорбонне, где ей пригодилось знание математической статистики. (Помню ее фразу: «Эта учеба стоила тогда безумных денег – 500 франков: 5 пар дивных туфель можно было купить». И еще: «Профессор любезно предложил мне взять деньги, только если я сдам выпускной экзамен».) Через два года А.Я. закончила оба института.

Осенью 1935 в Москве тяжело заболела мать А.Я., и ей пришлось срочно возвращаться домой. Вскоре заболела и горячо любимая сестра, с которой у А.Я. были очень доверительные отношения. 1935-й год вспоминался ей всегда с ужасом – сначала умерла сестра, оставив маленького сына, названного в память деда Яковом, затем мать. Вернуться в Париж сначала было невозможно по обстоятельствам семейным, а затем власти наотрез отказали в зарубежном паспорте. Савич работал над повестью на французском материале, бросать ее не хотел и надеялся, что жене вскоре вернут паспорт.

Весь 1936 год Эренбург напрягал влиятельных друзей и знакомых (в частности, М.Кольцова, которого он благодарил в семье за «содействие Але Савич»¹), чтобы А.Я. выпустили, но все было безуспешно. Так Савичи

¹ Фрезинский Б. Великая иллюзия – Париж, 1935 // Минувшее: Исторический альманах. Вып.24. СПб., 1998. С.230. В дальнейшем – Великая иллюзия, с указанием стр.

оказались надолго разделенными. Первое время по возвращении в Москву А.Я. держала себя вполне по-парижски, но времена стремительно, на глазах становились людоедскими, и страх все более овладевал ею (впрочем, опасность, что если Савич вернется, то его арестуют, была и в самом деле абсолютно реальна). Именно в ту пору зять Эрэнбурга писатель Б.М.Лапин прозвал Алёу Яковлевну «дитя террора»...

В 1937 Эрэнбург, бывший тогда военным корреспондентом «Известий» в Испании, увез Савича в Барселону, где тот стал корреспондентом «Комсомольской правды», а потом и ТАСС. Овадий Герцович пробыл в Испании до конца гражданской войны, вместе с остатками республиканской армии весной 1939 перешел французскую границу, был временно интернирован и вернулся в СССР, только когда получил информацию (от того же Б.М.Лапина), что повальные репрессии приутикли. Вернувшись в Москву, Савич занялся переводами испаноязычной поэзии, став выдающимся испанистом, общепризнанным мэтром поэтического перевода.

В 1930-е А.Я. было нелегко найти работу в Москве; ее парижские дипломы никакого значения уже не имели, так как педология объявлена была в СССР лженаукой. Ей удалось окончить годичные курсы иностранных языков при горно, а затем перейти в Московский институт иностранных языков, где через два года ее оставили преподавателем французского. К этой работе А.Я. относилась очень серьезно и тщательно и продолжала заниматься ею до 1951, когда Савич заставил жену работу бросить... Впрочем, это уже другой сюжет, так как в «Диаспоре» публикуется лишь часть воспоминаний А.Я.Савич, касающаяся ее жизни за рубежом (1924–1935).

Теперь о том, как создавались эти записки.

О первой нашей встрече с А.Я. договорилась Ирина Ильинична Эрэнбург. Я подготовил ряд вопросов и несколько старых фотографий, на которых знал не всех изображенных.

А.Я.Савич охотно пошла навстречу и сразу познакомила меня со многими своими литературными друзьями и знакомыми, считая, что они могут оказаться полезными не только в части эрэнбурговских разысканий, но и в публикаторских делах (ее письма содержали отсылки к разнообразным ее друзьям и знакомым, сообщения о том, что она отыскала в своих старых бумагах из интересующего меня; то же самое было и при встречах в Москве, в Комарове и в Питере). При этом с домашним архивом А.Я. была аккуратна, внимательно сохраняя все бумаги мужа, оставшиеся после его смерти, да и свои, уцелевшие к тому времени. Она неизменно заказывала машинописные копии разобранных ею рукописей дорогостоящим для ее скромного бюджета машинисткам.

Недооценка или умаление покойного Овадия Герцовича вызывали у А.Я. обиду и, думаю, внутреннюю ярость, а обиды она не забывала. Впрочем, познакомившись вскоре со многими учениками, коллегами и друзьями Савича, я был поражен всеобщим обожанием его (не знаю случая, чтобы кто-нибудь когда-либо сказал о Савиче дурное слово). Работа А.Я. над книгой «Избранное» Савича, стоившая ей огромного напряжения духовных и физических сил, увь, кончилась ничем: подготовленный еще в начале 1970-х большой том не издан и поныне.

Итак, в первую встречу я задавал свои заранее продуманные вопросы (сначала очень взвешенно, потом – свободнее), А.Я. отвечала, ее ответы я записывал в блокнотик. Диктофоном я не пользовался, сжато записывая самое выразительное и существенное в блокнотики, а потом дополняя записи уже по памяти. Теперь жалею, что не имел диктофона, – сохранился бы и замечательно красивый, низкий голос А.Я., ее интонации, смех.

Когда за несколько лет записей набралось много, я их свел воедино, избрав форму интервью: вопросы и ответы, и отпечатал на машинке. Но это было не хронологическое воспроизведение реальных бесед, а некий суммарный, структурированный текст. Форма интервью оказалась для него неудачной, и Але Яковлевне явно не понравилась. 21 мая 1985 она писала мне: «А что, если часть нашего материала подать как мои письма Вам? Это ведь естественно?» При встрече мы обсудили такой вариант, и А.Я. от него отказалась.

Рассказывая о наших беседах, я вспомнил один трудный день в жизни А.Я. и поразившую меня силу ее характера. Это было, если не ошибаюсь, в 1982: мы заранее договорились, что я приду к А.Я. работать, но за день до того И.И.Эренбург сообщила мне, что в больнице умер племянник А.Я. Яков Шварц (домашние его звали Кова), которого А.Я. фактически вырастила, человек искрометного юмора, – единственный ее родственник в России. Я позвонил А.Я., чтобы выразить сочувствие, и спросил: сможем ли мы впоследствии продолжить нашу работу? На это А.Я. строго возразила: завтрашняя встреча не отменяется, т. к. похороны послезавтра. Я замаялся, понимая, что ситуация нелегкая, но не смел ослушаться. Ни единым жестом в тот день А.Я. не показала, чего ей стоило говорить со мной о давнем; ни слова не обронила о своем горе...

При каждой встрече я продолжал свой «допрос», А.Я. отвечала, вспоминая что-то новое. Записи множились, становилось понятно, что записанный материал надо представить единым текстом рассказчика, но это означало внедрять в записи А.Я. формальные связки, фактически заменявшие забракованные вопросы. Тогда возникла идея отказаться от связного повествования, придав тексту форму специально смонтированной мозаики воспоминаний. Однажды А.Я. показала мне тонкую ученическую тетрадку, куда ею еще в самом конце 1960-х, когда она чувствовала себя крепче и могла заниматься литературной работой, были занесены некоторые сюжетно не связанные друг с другом записи. Краткие и выразительные (в них отчетливо слышался голос автора), они очень мне понравились; я получил разрешение включить их в общий текст и понял, что все записанное мною должно по возможности быть такого же уровня и стиля.

Так несколько записей А.Я. стали для моей работы образцом. Во всяком случае, я постарался исключить из текста избыточные связки, а рассказанное Алей Яковлевной поправить стилистически, приблизив к ее письменной манере. Выбор мозаической структуры записок позволил уточнить и общий монтаж эпизодов, сделав записки более емкими. Только после этого, заново перепечатав весь текст, я отдал его Але Яковлевне на прочтение. Дальше работа снова стала совместной: А.Я. что-то вычеркивала, меняла слова, когда чувствовала, что сказанное ею не вполне точно выражает мысль, я дополнял материал вновь записанными сюжетами, определяя для них место в

общем тексте, затем снова перепечатывал все и отдавал на прочтение. Так, методом проб и ошибок, мы постепенно приближались к окончательному варианту.

Однажды я предложил включить в текст записок некоторые из адресованных А.Я. писем (Савича, Эренбурга, Бабеля) – А.Я. долго сомневалась, потом уступила. 17 июня 1985 она писала: «Обязательно расскажете, когда приедете, что хотите взять для “нас” из писем О.Г.?» (к тому времени я соответствующим материалом располагал).

Приведу строки из писем А.Я. 1986–1987 годов, относящиеся к этой работе:

30 апреля: «Во второй папке ?”моих”?» (испанцы ставят 2 вопросительных знака – Вы ведь знаете, – и мне это кажется настолько выразительным, что решила скрасть) воспоминаний – все в порядке, одна там неточность, но сейчас не помню. Спасибо за все...»

21 октября: «Спасибо за рукопись. Надо о ней поговорить, в письме не смогу рассказать то, что хочу... К жизни приспосабливаюсь все меньше и меньше могу ко всему относиться с юморком. И.И.<Эренбург>, кажется, сердится на меня, что я не показываю ей рукопись. Но мои нервы все хуже переносят критику, а она неизбежна... Честно скажу Вам: “мои мемуары” мне нравятся, – читаю их, и “минувшее проходит предо мною”. Сколько души ушло в каждый эпизод, сколько радости было в жизни. Вероятно, и поэтому сжимаюсь при мысли о критике. Понимаете ли Вы меня?».

В письме 29 декабря А.Я. назвала себя «Ваш скромный соавтор».

Название записок долго не складывалось, возникло оно из цитированного здесь письма от 21 октября 1986. Прочитав его, я предложил А.Я. назвать воспоминания «Минувшее проходит предо мною». Она приняла это радостно. Но потом, в разгар перестроечных лет, появились в каком-то журнале заметки одного ловкого литератора как раз о мемуарах Эренбурга, и именно под таким названием. В разговоре с А.Я. мне пришлось упомянуть об этом (тогда мы в принципе обсуждали вопрос о публикации записок). Она огорчилась и сказала: «Ну что ж, значит, будет другое название...», но вернуться к этому уже не пришлось – вскоре А.Я. не стало. Кто помнит (за редчайшими исключениями) старые журнальные заметки, да и какой они конкурент живым воспоминаниям! – так что единственно правильным мне кажется публиковать воспоминания А.Я.Савич, озаглавив их общеизвестной фразой пушкинского Пимена, которую когда-то она употребила, говоря о записках в своем письме...

Прах А.Я.Савич покоится в стене кладбища Новодевичьего монастыря в одной нише с прахом Овадия Герцовича – возле того места, где погребен Илья Эренбург и куда захоронили прах Любови Михайловны и Ирины Ильиничны. Все нашли вечный приют неподалеку друг от друга...

Имена, дающиеся в тексте в сокращенном виде: А.Я. – Аля Яковлевна Савич, О.Г. – Овадий Герцович Савич, А.М. – Александра Михайловна Коллонтай, В.Г. – Владимир Германович Лидин, Е.И. – Евгений Иванович Замятин. И.Г. – Илья Григорьевич Эренбург., Л.М. – Любовь Михайловна Козинцева-Эренбург.

В 1923 году мы с О.Г. решили пожениться. «Есть одно условие, – сказал О.Г., – ты должна понравиться Лидину¹ и Эренбургам».

С В.Г.Лидиным мы вскоре увиделись в Камерном театре, куда О.Г. нас пригласил, и, как рассказал мне О.Г., Лидин ему тогда заметил: «Эта девушка очень *distingué**, но, друг мой, зачем вы женитесь на женщине, которая старше вас?» Мы с О.Г. очень смеялись – мне было всего 18 лет, и я была на семь с половиной лет моложе Савича (вероятно, в театре я очень стеснялась и держалась слишком солидно; впоследствии, смеясь, я не раз напоминала Лидину эту историю).

О том, насколько О.Г. привязан к Эренбургу, мне было известно и потому знакомиться с И.Г. было боязно, и я удирала, когда предстояла встреча с ним.

Первые Эренбурга я увидела в том же 1923 году² в Доме Герцена на Тверском бульваре. Эренбург был еще совсем молодой, очень своеобразный. Он должен был читать в этот вечер что-то свое и на лету советовался с О.Г., что именно стоит прочесть (они были тогда еще на «вы»). Мы с О.Г. договорились, что в тот вечер он не будет меня представлять Эренбургу, и мне пришлось весь вечер отворачиваться, а Эренбург (он всегда был любопытен) поглядывал в мою сторону: с кем это пришел Савич? Я не слушала толком его выступление, хотя и знала, что О.Г. потом будет спрашивать, как мне понравилось...

Так продолжалось несколько лет, а потом – неминуемо – встреча с Эренбургами произошла; встретили они меня ласково... <... >

Берлин начала двадцатых годов. Эренбург, приезжая в Берлин, всегда останавливается в пансионе «Prager Diele».

Наш дом был открыт для советских писателей, приезжающих в Берлин. Они всегда приходят к Савичу, и мы к этому привыкли.

Вот Федин. В свои молодые годы он, как и Савич, был актером. Но он, пожалуй, и в жизни производил впечатление актера.

Нам тогда очень нравились «Города и годы»³.

Ольга Дмитриевна Форш остановилась в Берлине по пути в Париж⁴. Форш – мудрая, все понимает. У нее темные умные глаза, с какой-то чертовщинкой. Она умеет рассказывать, и устные ее рассказы мне кажутся сильнее того, что выходит из-под ее пера.

Рассказ о нищей роженице. В больничную палату, где она лежит, приносят список революционно-звучных имен для новорожденных. Имена быстро расхватывают, и для ее малютки остается только одно имя – «Кларсеткина» (так слитно и очень смешно Форш произносила имя Клары Цеткин). Роженица недоумеает...

*Заметная (франц.).

Рассказывая, Форш жестикулирует (был у нее такой характерный жест тремя пальцами), да и блеск черных глаз удачно дополняет повествование...

В ее гостиничном номере, куда она меня пригласила, стол, накрытый плюшевой скатертью, на нем огромный букет цветов. Он лезет мне в глаза, мешает, но отодвинуть не решаюсь. О<льга> Д<митриевна> неожиданно прерывает рассказ: «Это же вам мешает! Почему не отодвинули?». Она замечает все...

Еще запомнились ее слова из того разговора: «Детей своих я воспитала, а внуков – нет уж, этим я заниматься не буду».

Ольга Дмитриевна Форш сказала мне, когда мы с ней познакомились: «Когда я прочла “Пансион фон-Оффенберг”⁵ Овадия Герцовича, я подумала, что это человек, прошедший огонь, воду и медные трубы».

А Тынянов⁶, прочтя «Короткое замыкание» (книга рассказов 1927 года), решил:

– Савич – крестьянский писатель.

«Воображаемого собеседника» О.Г. написал в Берлине. Его мать Анна Тимофеевна считала, что О.Г. очень мало находится на воздухе, и ему следует гулять куда больше. И вот, когда однажды она вытщила О.Г. на прогулку, он рассказал ей – глава за главой – подробный план романа, который пришел ему в голову. Затем О.Г. сел за работу. Он писал три недели не вставая. Когда роман был готов, оказалось, что он поразительно совпал с первоначальным планом (написанный роман был всего на одну главу короче рассказанного). О.Г. писал всегда от эмоционального толчка, без предварительного сбора материала. Рукопись романа он никому не показывал, кроме Груздева⁷, который увез ее из Парижа в Ленинград. Когда в 1928 году роман вышел в ленинградском издательстве «Прибой», его прочли многие писатели. Прочли и одобрили (о «Воображаемом собеседнике» хорошо отзывались Тынянов и Эренбург, Пастернак и Форш). Борис Леонидович прислал О.Г. очень большое и восторженное письмо о романе. Как и многое другое, оно, к великому сожалению, не сохранилось.

С той поры Эренбург часто называл Савича «воображаемым собеседником».

Париж нам показывал Эренбург. Обязанности нашего гида он взял на себя сразу, как только мы приехали в Париж.

И.Г. был изумительным гидом. О Париже он знал все. Любил показывать чудеса – например, вид от Лувра через площадь Согласия и

Луксорский обелиск на Триумфальную арку (если встать спиной к Лувру, то перед вами открывается пятикилометровая перспектива, обелиск виден в самой середине Триумфальной арки на площади Etoile. Этот вид невозможно забыть...)

Когда летом 1927 года мы приехали в Париж, Эренбурги сняли нам номер в гостинице на том же бульваре St. Marcel, где жили сами.

Район бульвара St. Marcel – район средних, небогатых парижан. Скромные дома и квартиры – вода только на лестнице, уборная на этаже, одна на несколько квартир. Район шумный – три раза в неделю здесь устраивались рыночные дни, привозили тенты и столы (рынки выносились прямо на широкий бульвар).

Квартира Эренбургов не слишком удобная. На четвертом этаже – ателье Л.М., а выше (надо подняться по внутренней лесенке) – их двухкомнатная квартирка, где первое время жила и дочь Эренбурга Ирина⁸. Внизу стояла газовая ванна – это в Париже была редкость.

И в это ателье Л.М. нас позвали одно время пожить.

Хозяйство вела пожилая femme de ménage*, которая очень хорошо готовила. Утром она торжественно появлялась с метровой длины белым батоном (bâton – по-французски палка), опираясь на него, словно на посох. Лестница была довольно грязная, но зрелище казалось забавным, и замечаний ей, конечно, никто не делал. К завтраку все являлись к столу, и не было случая, чтобы Ирина, правда, в тоне просьбы, весьма милой, но и достаточно настойчиво не требовала свои права <так!>: «Илья, ну Илья, налей же еще вина, ну Илья, ну Илья!» «Ребенок» требовал свою законную порцию (во Франции к завтраку школьники получали воду, разбавленную вином). И.Г. не всегда сдавался, но иногда подливал Ирине вина.

По воскресеньям мы приглашали хозяев в ресторан. В этих случаях волшебный гид по волшебному Парижу знал, как всегда, куда идти.

В Париже мы жилали по-всякому: в гостиницах, в меблированных комнатах. Некоторое время жили в «Hotel Istria», где в 1924 году Эльза Юрьевна Триоле⁹ поселила Маяковского. И мы там вспоминали его стихи:

Мне тесно здесь,
в отеле Istria
На коротышке rue
Campagne Première.

* Приходящая домашняя работница (франц.).

Мне жмет.

Парижская жизнь не про нас –
В бульвары тоску рассыпай.

Направо от нас –

Boulevard Montparnasse

Налево – Boulevard Raspail.¹⁰

После целого ряда переездов я наконец нашла подходящую квартиру у Порт де Ванв. «Подыскала, и хорошо», – сказал О.Г. (его это мало интересовало). А И.Г., напротив: «Я пойду посмотреть». Когда мы с И.Г. двинулись вперед, пришлось и О.Г. с Л.М. плестись за нами.

Дом – новый, построен напротив линии фортов, хозяин – итальянец. Квартира удобная, даже с мусоропроводом, и недорогая. (В 1983 году я побывала там – все изменилось...)

Мебели не было. Нас выручила приятельница И.Г. Дениз¹¹, отдавшая нам старую мебель своей бабушки. (Бабушка Дениз – известная в прошлом писательница Северин, сохранился ее портрет кисти Ренуара.)

Тюфяк для тахты пришлось отдать на перебивку. Его привезли в мое отсутствие, и он оказался на 15 сантиметров уже тахты. Ирина Альтман¹² изумленно спросила О.Г.: «Вадя, зачем же вы приняли такой тюфяк?» Последовал невозмутимый ответ: «Но ведь никого не было дома, и я принял»...

Приблизительно в это же время Эренбурги переехали на улицу Cotentin, где прожили до 1940 года (до отъезда из занятого немцами Парижа). Эта их последняя квартира была на первом этаже. Неподалеку проходила железная дорога, и от вокзала Montparnasse шел непрерывный поток грузовиков. Шум стоял страшный, но Эренбурги к нему скоро привыкли. Зато квартира была вполне модерн – газ, мусоропровод и т. д. <...>

Как звали Путермана, никто не знал¹³. В письмах к нам он всегда подписывался «Отец», а мы его звали «Папаня». Он был профессиональным журналистом, редактировал журнал «Lu», который издавал Луи Вожель. Близкий приятель Эренбурга, он жил с ним по соседству; обедать они всегда ходили вместе, а ресторан выбирался в зависимости от состояния бюджета. Приземистый, но не маленький, широкий в плечах, Путерман был очень вспыльчив. Потом оказалось, что он страдал сильной гипертонией, но мы, еще молодые, этого не понимали...

Иногда он проводил с Эренбургами и нами часть каникул, иногда путешествовал как бы по следам Эренбурга – ездил в Испанию, по-

сылал нам оттуда веселые открытки. Ему всегда можно было довериться...

Бар «Куполь». Перегородка отделяла его от кафе. Здесь пили чай, кофе, коктейль или выжатый лимон (подавался стакан воды, разрезанный лимон и соковыжималка). В бар «Куполь» Эренбурги отправлялись из ресторана, здесь их всегда можно было застать по вечерам, и все знали об этом.

Если Эренбурги приходили в «Куполь» поздно, это наверняка значило, что обедали они с кем-нибудь из друзей. Иногда их спутниками оказывались Семен Борисович Членов¹⁴ и его приятель, директор советского банка в Париже Навашин¹⁵.

Семена Борисовича мы звали «Эсбе». Он работал юрисконсультом в советском торгпредстве, а с И.Г. был знаком еще с гимназических лет. Семью Членовых я знала в Москве и раньше; дядя Эсбе – крупный московский врач – лечил моих родителей. Эсбе – умница, блестящий рассказчик, он великолепно вел торгпредские дела, отлично понимал, что к чему.

Вернувшись к <19>35 году в Москву, я встретила Эсбе; иногда он заходил к нам домой. Настроен он был скорее негодующе – ругал и наши хозяйственные беспорядки, и многое в тогдашнем искусстве. Подчас его раздражение казалось предельным...

Последняя встреча с Эсбе возле «Метрополя». Я была с друзьями; увидев Эсбе, улыбнулась ему, а он, буркнув «здрасьте», прошел мимо. Я обиделась, а узнав через несколько дней, что Эсбе арестован, все поняла – он уже знал, что за ним следят, и не хотел меня подвести.

Судьба его друга Навашина тоже трагическая. Его кокнули <так!> в Париже, когда он, видимо, предчувствуя судьбу, стал невозвращенцем...

С Эльзой Триоле мы познакомились в Париже в 20-е годы.

Эльза уже развелась с Триоле, но еще не встретила с Арагоном¹⁶ (Арагошей – говорила она всегда на русский лад). В ту, доарагоновскую пору она жила неустроенно, но безденежье переносила с достоинством (сэндвичи и кофе-крем – ее обычная еда того времени). Нужно было зарабатывать на жизнь, и, продолжая писать, Эльза научилась делать изумительные украшения (в конце концов они начали пользоваться большим спросом). Она подарила мне ожерелье; в Эльзином колье изображена Л.М. на известном портрете Фалька¹⁷.

Когда мы познакомились, Эльза была уже автором нескольких русских книг. «Земляничка» – самая популярная из них. У Эренбур-

гов и у нас в ходу была фраза из «Землянички»: «С таким лицом в гости не ходят».

Эльза была необыкновенно привлекательной и хорошенькой тогда в Париже. Не думаю, чтобы она была слишком добрым человеком, но это никакого значения в данном случае не имеет.

Странный вечер у Эльзы – она пригласила меня к себе, а я как-то испугалась идти одна и стала уговаривать Любовь Михайловну пойти со мной. «Нет уж – Эльза позвала вас, вы и идите», – отказалась Л.М. И вот этот странный вечер у Эльзы. Мне показалось, что ей просто хотелось узнать кое-что про Эренбургов... И она была разочарована...

Эльза была слишком женщина, и Арагону, наверное, пришлось пережить многое. Тогда, в <19>28 году, когда я его впервые увидела, он был еще совсем молодой и как-то более симпатичный, не такой капризный, как после войны.

Помню его возмущение, когда Бретон оскорбил И.Г.¹⁸ (Арагон пошел отдавать ему пощечину)... Конечно, он был блестящий поэт, но в его стихах нет той сердечности, что у Элюара...

Тувим¹⁹ приехал в Париж. Он прочел свой перевод «Медного всадника» – блестящий. И.Г. очень любил Тувима, и Эренбурги проводили с ним много времени.

Раз в Соурбле они пришли вместе, и Тувим бросился к О.Г.: «Я должен попросить у вас прощения...» Тут же Эренбурги рассказали, что Тувим пришел к ним с волновавшим его вопросом и рассказал о том, что на Montparnass'е он встретил в кафе европейского вида человека, который читал какой-то молодой женщине много русских стихов. Эренбурги в один голос ответили – это Савич.

Тувим считал, что он выдал какую-то тайну О.Г.

Сержа Фотинского²⁰ Эренбург звал «Фотя». Они были старые друзья, еще с дореволюционных лет. Фотинский приехал во Францию из России, женился на француженке (его жена Лиан Ренар происходила из семьи ремесленников; она изумительно вкусно готовила; в Париже у нее была своя квартира с уборной по старинке на лестнице, а у Фоти ателье в другом районе. Фотинского Лиан считала гением).

В 1935 году Эренбург уговорил Фотинского съездить в СССР, посмотреть новую жизнь страны и навестить родственников. Фотинский собрался и отправился в Москву. Когда срок его путешествия истек, ему неожиданно отказали в выездной визе. Он прибежал к Лидину и возмущенно жаловался на чиновников, а Лиан приходила ко мне и жаловалась на судьбу. Слава богу, все устроилось, И.Г. стал

хлопотать, и Фотинского выпустили во Францию. Но в Россию он уже больше не ездил.

После его смерти Лиан удалось пристроить оставшиеся от него картины. В последние годы у Фоти ослабло зрение, он видел все как-то стерто, его живопись изменилась – это понравилось публике, и его поздние вещи имели успех.

Египетская армянка, дочь фантастически богатых родителей, скульптор Дарья Гамсараган вышла замуж за венгра и поселилась в Париже. Нас с ней познакомил Эренбург. У нее было большое ателье, и мы часто встречали там Новый год. Время от времени Дарья приглашала Эренбургов и нас обедать (это были всегда очень редкие египетские блюда, изумительно вкусные), и тогда она неизменно говорила по-русски (ее научил И.Г.): «Прошу, – сказал Собакевич»...

После войны Дарья приезжала в Москву, недавно я была у нее в Париже, мы до сих пор обмениваемся с ней новогодними поздравлениями и сувенирами. В 1968 году Парижский монетный двор выпустил бронзовую медаль памяти Эренбурга работы Дарьи... А в 1986 году консьержка вошла в ее квартиру – Дарья лежала в кровати мертвая...

«Лазик Ройтшванец»... Недавно мне привезли из Парижа наш экземпляр этой ненаходимой книги²¹. Он чудом уцелел. «Дорогому Саве и Драве тоже. И.Эренбург» – эта надпись И.Г. напомнила, как одно время, зная, что в Болгарии текут такие реки – Сава, Драва и Морава, – он стал звать меня Дравой, иногда – Дравкиным.

Обложку парижского издания «Лазика» сделали Л.М. и польский архитектор Сениор, живший тогда в Париже.

Когда И.Г. писал «Лазика», он развлекал нас сюжетами книги – это ему нравилось. В кафе на Монпарнасе Эренбург любил обращаться к друзьям с просьбой – придумать название, заголовок или подпись к фотографии. За это назначалась, как мы тогда говорили, консомация – скажем, стаканчик коньяка или аперитива... Сениор был довольно остроумный человек и с удовольствием принимался за это дело. По-русски он говорил смешно (например, «я сейчас лягну в кровать и буду медленно спать»). Когда из Польши ему приходили посылки (Сениор называл их «пачками»), мы собирались не в кафе, а дома, устраивалось нечто вроде складчины...

В 30-е годы Сениор отправился в Москву в качестве специалиста-архитектора, там женился. Перед самой войной он вернулся домой и погиб в гитлеровском лагере...

Антология «Мы и они»²² возникла из-за безденежья. Придумал собрать высказывания французов о России и русских о Франции, конечно, Эренбург. Уговорить Савича ему никогда не стоило труда. Решили, что трудиться будем вчетвером – Эренбурги и мы с О.Г. Работа предстояла большая. Составили список книг, которые надо было перечитать, и начали делать выписки.

Наша двухкомнатная квартира была вся завалена книгами и листками с выписками. На столе, на полу, на диване – всюду лежали книги. Когда Эренбурги пришли и увидели, что у нас творится, И.Г. обвел рукой вокруг и сказал назидательно: «Видите, как надо работать!» (Л.М. от работы отлынивала).

Собрали предварительный материал. И.Г. и О.Г. начали группировать его по разделам. Так была составлена эта, теперь очень редкая, книга. Потом были планы сделать такие же антологии по Германии и другим странам, но ничего из этого не вышло. Только Франция.

Летние каникулы с Эренбургами – это было удовольствие. И.Г. умел их организовать (навыки профессионального путешественника). У нас, его спутников, в процессе подготовки путешествия забот было немного.

Поездок по Европе было много. Замечательная программа «Замки Луары», поездка к Кандинскому в Баухауз²³ вместе с Моголи Надем²⁴ (он был творчески связан с Баухаузом), поездки в Бретань, по Скандинавии, в Словакию, в Бельгию...

Но самая первая поездка – в июле 1927 года – на север Франции, в Бретань. Несколько недель блужданий по побережью. Здесь было чему поразиться. Р.Р.Фальк побывал в Бретани позже нас, в начале 30-х годов, и, рассматривая недавнюю книжку о Фальке²⁵, где есть репродукции его портретов бретонков в их национальных костюмах, бретонских рыбаков в красных робах, я снова все это вспомнила.

В то время женщины в Бретани еще носили старинные национальные костюмы – белые накрахмаленные чепцы различных форм, иногда напоминавшие сахарные головки, и черные платья с обтянутым лифом, юбки, широкие книзу. Это было чудо! В Бретани мы все носили эспадрили – холщевые туфли на веревочной подошве. Эренбургу купили костюм из грубого холста красной парусины (такие паруса были у рыбаков) – прямая кофта с открытым воротом и брюки, а Савичу – такой же синий костюм...

В конце поездки мы обосновались на острове Бель Иль ен мер* в Бискайском заливе. Добирались туда пароходиком (эту старую калолу страшно качало). Остров живописен фантастически – в отлив

* На море (франц.).

океан уходит очень далеко, и на суше остаются скалы, как высокие, солидные кладбищенские памятники (в прилив, а тем более в непогоду волны идут стеной, а пена летит по воздуху).

Портовый отельчик у самого причала. Местные жители занимались ловом сардин. Нас кормили сардинами, жареными на решетке без масла – способом *grillé*. Мы купались, ходили под парусами. И.Г. много фотографировал, любил по-репортерски поймать характерный момент. Вот мы на веранде какого-то кафе. Схвачен характерный жест О.Г. – рука тянется за бумажником (И.Г. называл Савича расточителем: чуть что, О.Г. сразу лез за бумажником, и Эрэнбург его поддрознивал: «Почему же не платить, если можно заплатить»).

В ту первую поездку в Бретань некоторое время с нами пробыл в приморском городке рыбаков Конкарно Владимир Германович Лидин. Он ходил повсюду с блокнотиком – заносил в него впечатления. Это нас забавляло, как и то, что В.Г. каждое утро мыл голову в тау...

Лидин – легкий остроумец, его шутки были очень хороши! В Конкарно он нескончаемо нас смешил – хохот был до упаду.

Он писал хорошие книги – «Мышиные будни», «Морской сквозняк». Уже после войны я как-то сказала ему:

– Рюрик, раньше ты писал совсем не так!

Он ответил серьезным голосом:

– Если б не революция, я никогда не стал бы писателем.

После этого я уже не задавала ему вопросов.

Здесь следует объяснить, почему «Рюрик». Однажды В.Г. рассказал анекдот про человека, которого звали Рюрик Абрамович Солитер (по-французски «солитер» – одинокий). Мы рассмеялись, и т. к. сам В.Г. тщательно скрывал свое еврейство, И.Г. прозвал его Рюриком Абрамовичем. Это имя прижилось, а Лидин прозвал И.Г. – Моней.

Лидин гордился дружбой с Эрэнбургом, хотя часто на него обижался. Он был очень самолюбив и не всегда забывал свои обиды. Те несколько страничек, которые в своих воспоминаниях он уделил И.Г., это подтверждают²⁶. Во всяком случае, мне показалось, что там совершенно нет масштаба литературного и человеческого значения И.Г.

Он написал теплые воспоминания об О.Г. и как-то мне позвонил:

– Аля, я написал о Саве, я тебе пришлю, может быть, нужно кое-что убрать?

Я его поблагодарила. В книгу своих воспоминаний написанное о Савиче Лидин не включил...

Роман Якобсон²⁷... В 20-е годы он жил в Праге и уже тогда был дружен с Эренбургом, они встречались и в Праге, и в Берлине, и во Франции. Им явно было интересно друг с другом.

В 1927 году мы долго путешествовали по Бретани, и, когда выбрались на побережье, Роман и его жена Соня (живая и остроумная женщина, врач по профессии) к нам присоединились. Роман и И.Г. вели долгие беседы, прогуливаясь по берегу моря. Помимо бесконечных литературных разговоров был у них еще один серьезный и глубокий интерес – политика...

У Якобсона, как и у Сартра, глаза смотрят в разные стороны, но Роман все видел и замечал. В Бретани нас веселили его безумно комические номера. (Один такой случай я напомнила Роману в нашу последнюю встречу.) Произошел он как раз в Бретани. Мы добрались автобусом до моря, чтобы купаться... Начался прилив, мы собрались уходить, чтобы поспеть к последнему рейсу автобуса. А Роман, видите ли, возвращаться не желает, ему еще хочется купаться. Эренбурги, Соня и мы с Савичем пошли на остановку, сели в автобус. Уже подходит время отправления, а Романа все нет. И.Г. просит шофера чуть обождать, и вдруг я, сидевшая спиной к морю, чувствую, что автобус затрясся. Оборачиваюсь и вижу, что автобус трясется от хохота пассажиров: по дороге бежит Якобсон, в одной руке у него купальный костюм, в другой – ботинки, бежит он босой, с солидным брюшком (это сейчас Роман стал стройным), глаза – в разные стороны! Еле успел...

Как-то он протянул Соне ногу: завяжи, пожалуйста, мне ботинок – тебе ближе!

Мы несколько раз отдыхали в Бретани, и мне теперь нелегко разделить в памяти эти поездки.

В Кемперле, маленьком городке возле столицы Бретани Кемпера, И.Г. неожиданно заболел каким-то кишечным заболеванием, и Соне пришлось его лечить. Они оба смущались, и И.Г. сказал нам по этому поводу:

– Соня – врач, она должна была найти подход.

А Л.М. дразнила Эренбурга тем, что, пока он лежал больной, они с Романом распили изумительную бутылку вина, и И.Г. сердился, что без него...

Расставшись с Якобсоном, Соня жила в Брно. Ее второй муж – чех, композитор, он погиб во время гитлеровской оккупации Чехословакии. Мы встречались с Соней и после войны; с Романом она сохранила добрые отношения – юмор ей не изменял (помню, я как-то похвалила ее сумочку, она ответила: «О, это подарок третьей жены моего первого мужа!»).

Рассказы Сони об оккупации, как объявляли, сколько людей приговорили к расстрелу, а на следующее утро все отсчитывали точное число выстрелов, как объявляли имена следующих жертв, – все это ввергало нас, сидевших за обедом у Эренбургов, – в ужас...

Другое лето мы провели с Якобсонами в Бидаре, маленьком приморском городке возле Биаррица. Жили в пансионате, где была сказочная кухня (Роман, как и И.Г., был гурман). Там было очень коварное море, много воронок...

Роман – необычайно одаренный человек, редкая умница. Уже в 70-е годы я встретила в Москве с одним американским физиком, дача которого в Вермонте расположена по соседству с дачей Якобсона. Физик восхищался: Якобсон сидит в своем садике и пишет статьи «прямо из головы» – без справочников и книг...

Лето 1967 года. Эренбург смертельно болен. Роман Осипович приехал в СССР, рвался к Эренбургу, но его не пустили на дачу к И.Г. – 60 километров от Москвы слишком далеко для иностранцев, допустимый предел – 50. Вместе с П.Г.Богатыревым²⁸ он пришел ко мне, потому что уже не было Овадия Герцовича, а дни Якобсона в Москве были сверхнасыщенными, его буквально рвали на части, – ну, а выносливость у него была не меньше, чем у И.Г.

Последний приезд Якобсона. Уже нет ни Савича, ни Эренбурга. Он позвонил мне по телефону...

В одну из поездок в Тур (родина Бальзака) мы остановились в Блуа. Утром отправились в ресторан. И.Г. посмотрел меню и ушел. Мы ждем его, наконец позавтракали, а он возвращается сияющий – поел где-то в другом месте, здесь ему не понравилось. Это было в его характере: не понравилось – встал и ушел...

Говоря о еде, И.Г. всегда употреблял слово «харч», это было слово его обихода. Уже после войны, когда О.Г. часто болел и поездки на дачу его затрудняли, И.Г., приглашая нас в Новый Иерусалим, обычно говорил: «Ну что ж, харч будет хороший», и затем, с иронической усмешкой: «Изысканное общество» (это – о себе)...

Лето 1929 года. Несколько неожиданное предложение И.Г. – отправиться путешествовать на север Европы. Маршрут уже был тщательно разработан – Швеция, Норвегия, Лофотские острова, Заполярье, Дания. И.Г. запасся огромным количеством рекомендательных писем, так что всюду было к кому обратиться. Действительно, принимали нас всюду радушно.

Мы двигались с юга Швеции на север Норвегии, а потом, на пути к дому, побывали в Дании.

Ворох эренбургских фотографий остался от этой поездки – Стокгольм, Мальме, Свольвер, Тромсе, Кируна, Лофотские острова, шлюзы (надоевшие нам в путешествии), фьорды, пристани и причалы, дивная готика корабельных мачт, пейзажи (И.Г. очень много снимал в поездках и печатал снимки всегда сам. Помню, мы как-то возвращались с Монпарнаса, и И.Г. предложил: «Давайте попечатаем вместе»; я увидела тогда, что у него есть все необходимое для фотодела – увеличитель, всякие ванночки и пр.).

Интересных людей И.Г. отыскивал всюду. На севере Швеции, в центре угледобычи Кируне, он познакомился с молодым шведом-коммунистом, который работал одно время в Донбассе, влюбился там в русскую девушку и привез ее в Швецию. Он была, что называется, женщина простая, делать ей в Швеции было нечего, и она занималась тем, что покупала в магазинах вещи, а потом возвращала их назад. По-шведски она не понимала ни слова и общалась с мужем только жестами (в крайнем случае они лезли в словарь – оба словаря, русско-шведский и шведско-русский, лежали у них на столе). Этот курьезный случай очень занимал И.Г., он много размышлял о нем, додумывал диалоги и т. д., а потом написал очерк «Без языка»²⁹ (наверное, и сегодня актуальный).

Мы добрались до Заполярья, приехали к лопарям. У И.Г. было письмо к местному пастору, он и возил нас, показывал свой край (пастор внешне никак не походил на религиозного деятеля – ходил в сапогах, кожаной куртке и в кепке).

Приходилось много плыть на пароходах. Возвращаясь с севера, мы плыли вдоль берегов Норвегии на товарном пароходе, вовсе не предназначенном для перевозки туристов. Кормили нас тем же, что ела команда, – треской. О.Г. плохо переносил морскую качку, и меня поразило, что И.Г., который ненавидел медицину и к врачам обращался лишь в самых крайних случаях, оказался необычайно наблюдательным по части симптомов болезни. Он первым пришел к заключению, что у О.Г. на следующий день после качки всегда бывает жуткое состояние.

В ту поездку нам много пришлось ходить пешком. И.Г., как всегда, был неутомим.

Меня и в Париже поражала его феноменальная работоспособность. Он ведь мог работать с восьми утра до двух ночи – писать, принимать гостей, а то и делать в день по тридцать километров. А Л.М. была невыносливым человеком, быстро уставала. Однажды, путешествуя по Франции, мы долго плутали в гористой местности, разыскивая гостиницу. Л.М. несла лишь свой ящичек для красок, а мы втроем – все прочие вещи. И вдруг Л.М. остановилась и говорит:

– Ну почему я должна идти как вьючное животное?

Мы рассмеялись и потом всякий раз повторяли эту фразу.

В другую прогулку днем неожиданно ударила жара. Л.М. стало тяжело таскать свое пальто. Она бросила его и спрашивает у И.Г., купит ли он в Париже ей другое? И.Г. сказал «нет», и Л.М. пришлось вернуться и подобрать пальто.

И.Г. не понимал, как это можно устоять, и сердился на нас. Сердился он бывало и за то, что хотим остановиться в комфортабельной гостинице с водопроводом и горячей водой. «На природе, – увещал он нас, – можно умыться и в тазу». В маленькой гостинице на Лофотских островах я разбила красивый кувшин, и с нас дорого за него содрали. «Любовь к размыванию не приводит к добру», – ворчал И.Г.

На одной железнодорожной станции в Норвегии мы никак не могли найти камеру хранения. Пришлось поставить вещи на перроне. И.Г. спросил у кого-то из местных, можно ли оставить вещи без присмотра. «Они нам не мешают», – таков был ответ. Много позже в Москве я рассказала эту историю жене сатирика Рыклина³⁰. «А я знаю это, – сказала она, – я читала об этом у Эренбурга».

В Осло И.Г. решил, что следует нанести визит в полпредство, позвонил туда по телефону, и А.М.Коллонтай³¹ нас приняла. Мы знали ее книжки о семье и браке, легенды об ее увлечениях революционными моряками и относились к ней немного иронически. Разговор состоялся недолгий, о политической ситуации в Норвегии, а затем – предложение А.М. устроить в полпредстве вечер по случаю нашего приезда.

Полпредство размещалось в очаровательном особняке. Нижний этаж занимала канцелярия, а наверху – апартаменты посла. (Там в красивой овальной раме висел портрет то ли матери, то ли бабушки А.М. – она не стеснялась своего происхождения.) В А.М. больше всего поразило необычайное чувство демократизма. Это было не первое советское полпредство, которое мы посетили, но такой дружественной, товарищеской обстановки не видели нигде. Простой парень, совсем недавно присланный из Москвы, работал в полпредстве. А.М. брала его с собой на прогулки, показывала Осло, рассказывала историю Норвегии.

Коллонтай узнавали на улице! Я это видела своими глазами, когда А.М. пошла с нами погулять по городу. Когда мы зашли в кафе, там сразу поставили русскую пластинку (они, конечно, не отличали царские от советских). Ее известность в Осло напомнила мне известность Качалова на московских улицах.

Советские граждане тогда редко появлялись в Норвегии, и к нашему вечеру в полпредстве готовился весь его коллектив. Предполагалось, что вечер будет на первом этаже, но потом молодежь полпредства решила, что там будет неуютно, и попросила А.М. принять нас всех у себя наверху.

Эренбург и Савич повезли в подарок Коллонтай свои новые книги, Л.М. – новую гуашь, а я – букет анемонов (И.Г. их обожал, раньше их не было в Москве, теперь они иногда появляются, и Ирина и я сразу же везем их на Новодевичье...).

На вечере Эренбург и Савич читали куски из новой прозы, им задавали массу вопросов. Потом А.М. рассказывала о Скандинавии. Мы любовались ею. Казалось, что собралась одна семья, – так она держалась со всеми.

Не обошлось, конечно, без комического. А.М.Коллонтай в хозяйственные вопросы не вникала. Эта пожилая очаровательная женщина была очень мягким руководителем. Всем хозяйством ведала ее, как бы это сказать, камеристка – простая русская женщина, называвшая себя, конечно, личным секретарем А.М. Чувствовала она себя в полпредстве как царь и бог. Столы уже были накрыты к приему, и когда мы проходили через буфетную, то застигли «личного секретаря» за работой – она руками хватала ветчину и отправляла в рот...

Новый, 1931 год мы встречали в Берлине, у старших Савичей. Собирался круг друзей. Из Праги должен был приехать Роман Якобсон. О.Г. пригласил и профессора Яценко (в прошлом редактора берлинского журнала «Русская книга», а теперь зарабатывающего какими-то лекциями в малых странах, кажется, в Латвии; он как раз был в Берлине)...³²

Совершенно неожиданно И.Г. заболел, и стало ясно, что они с Л.М. не смогут двинуться из Парижа. Привычка И.Г. – если ему что-нибудь не удавалось, он начинал страшно злиться, и впечатление было такое, что мы все виноваты в этом. Так и теперь мы чувствовали себя виноватыми в том, что И.Г. заболел...

Дня за три до Нового года мы с О.Г. собрались и отправились в Берлин. Тридцатого неожиданно пришла телеграмма «Venons tout, de tême» («А все-таки мы едем»). Тридцать первого, часа в четыре, когда мы все крутились по дому и, конечно же, были еще не готовы, появились Эренбурги: Л.М. в вечернем платье, ярко накрашенная для электрического освещения, и И.Г. в смокинге. Им было скучно сидеть в гостинице, и они пришли, не дожидаясь вечера.

К встрече Нового года была закуплена масса разнообразных бумажных шапочек. И.Г. выбрал себе красный цилиндр, он выглядел очень нарядно и distingué.

Как все было чудесно, весело, шумно, вкусно; много разных напитков. Якобсон разошелся, целуя всех подряд, и стильный И.Г. очень выгодно выделялся на его фоне. Кузен А.М.Эфроса³³ (как и все Эфросы – с элегантной бородкой), друживший с родней Савича, встал на колени перед красивой Соней Якобсон и повторял только одно слово: «Богиня!...»

Кто мог себе представить, что ждало Берлин через два года...

Евгений Иванович Замятин³⁴ приехал в Париж в 1932 году.

Мы встречали его триумфально. О.Г. считал Замятина самым серьезным современным прозаиком. И.Г. также очень ценил его и гордился замятинским отзывом о «Хуренито»³⁵.

Замятин приехал вместе с женой – полной красивой женщиной, настоящей русской красавицей. В Париже все худеют, и она через какое-то время вся ссохлась, грустно было вспоминать, какой она приехала.

Вскоре после приезда Е.И. мы устроили в его честь обед³⁶. Было много волнений и суеты вокруг этого обеда, но, кажется, он прошел вполне удачно. В Париже меня постоянно дразнили, что я всех перекармливаю. После обеда я подала чай, и Е.И. неожиданно попросил: «А нет ли у вас куска белого хлеба?» Я приняла это за обычную шутку, но он повторил вопрос, и Л.М. удивилась на мою нерасторопность: «Аля, Евгений Иванович просит белого хлеба!» Тут я пришла в себя, и Е.И., как будто и не обедал, принялся за хлеб с чаем. Только потом я поняла, из какого голода он приехал.

Педантизм и странности Замятина. Когда его жене пришлось куда-то уехать, мы пригласили Е.И. пожить у нас. Он накупил огромные черные листы бумаги и каждый вечер кнопками прикалывал их к рамам, занавешивая таким способом окно (все рамы были исколоты). Кофе и чай он варил только на минеральной воде «Vitel», совершенно безвкусной, закупая ее ящиками.

Однажды Замятин пригласил меня в театр. Он был вполне элегантный кавалер, однако новые ботинки, по-видимому, так отчаянно жали ему, что, к моему изумлению, Е.И. разулся, но тут начался антракт, и он был в полном замешательстве.

В Париже Замятин как-то быстро потерял себя. Он все писал и никак не мог дописать своего «Атиллу»³⁷. Все больше сближался с русскими эмигрантами, подружился с Юрием Анненковым. Мы делились реже и реже.

Если только не ошибаюсь, О.Г., когда он был актером, играл в какой-то пьесе А.М.Ремизова, и потом, уже в Париже, мы были раза

два у Алексея Михайловича дома. О.Г. меня подготовил к ремизовским чертикам, без которых, конечно же, не обошлось, но разговор с А.М. <Ремизовым> мне не запомнился. Сохранилось в памяти лицо и фигура А.М.<Ремизова> и еще – его знаменитая жена³⁸...

Мы жили во Франции безвыездно, а И.Г. регулярно ездил на родину, и мы всякий раз ждали его возвращения, вестей и новостей. Как-то И.Г. возвращается из Москвы, мы встречаем его на вокзале и видим, что из кармана у него торчит рукопись. И.Г. вытащил ее.

– На, читай, – сказал он Савичу. – Я не мог тебе этого не привезти!

Так мы познакомились со знаменитой пьесой Николая Эрмана «Самоубийца», запрещенной в СССР³⁹. Чудо-пьеса! Многие словечки из нее вошли в наш обиход.

И.Г. был очень чувствителен к смешному и, возвращаясь из поездок, обо всем смешном всегда рассказывал в первую очередь. Помню рассказ об одном французском политическом деятеле, которому жена кричала:

– Я на свои деньги сделала тебе искусственные зубы, а ты улыбаешься ими чужим женщинам!

Ильф и Петров приехали в Париж в 1933 году. Они сразу понравились И.Г. и всем нам. Через своего приятеля кинорежиссера Майльстоуна⁴⁰ И.Г. устроил для них заказ на киносценарий, и это помогло им пожить в Париже подольше. Мы встречались на Монпарнасе почти каждый вечер.

Однажды Ильф и Петров застали меня одну и поразили вопросом: что побудило И.Г. возиться с ними, устраивать сценарий и т. д.? «Да вы просто ему понравились», – сказав, что было на самом деле, я почувствовала, что мне не поверили. Признаюсь, меня это смутило – добрые отношения казались мне главным в жизни, а деловые подходы удивляли...

Потом в Москве встречи с Ильфом – случайные, на каких-то собраниях, его милые, шуточные записочки (кажется, в Политехническом музее)... А потом его похороны...

С Петровым И.Г. особенно подружился во время войны; Евгений Петрович посвятил И.Г. в свою личную драму – И.Г. относился к этому очень сочувственно...

Парижский конгресс 1935 года.

Эренбург занимался подготовкой Парижского конгресса писателей в защиту культуры в 1935 году очень много – и крупными вопросами, и бытовыми⁴¹. Он долго добивался, чтобы на конгресс смогли приехать Бабель и Пастернак, и это ему удалось, когда советская делегация уже находилась в Париже (они приехали позже остальных). И.Г. занимался и подбором переводчиков для делегатов, не знающих французского. Все его русские друзья были мобилизованы.

К Фотинским прикрепили Анну Караваеву⁴². Она ежедневно агитировала Лиан за СССР. В августе в Париже стоит невыразимая духота, и город пустеет. Караваева говорила Лиан: «Духота у вас тут. А у нас в СССР вот такие горы снега!» – «Как? – ужасалась Лиан. – Даже летом?»

Мне достались Микитенко и Корнейчук⁴³. Корнейчук был еще молоденький и веса не имел. Микитенко поэтому вел себя так, чтобы я занималась только им. Впрочем, его интересовал не столько Париж, сколько фривольные журналы.

Вместо Тициана Табидзе на конгресс направили Галактиона⁴⁴. Он не понимал по-французски, но услугами сопровождающих не пользовался. Пошел слух, что он интересуется наркотиками... Помню удивление И.Г.: как это, не зная языка, Галактион нашупал то, что ему было нужно...

Несколько раз я была на заседаниях конгресса. Речи были разные. Всеволод Иванов говорил о литфондовых делах, и это было скучно, а Кольцов⁴⁵ выступал интересно. Удивил всех Бабель: он сел за стол, надел очки и повел изумительно живую и вместе с тем умную беседу по-французски.

Бабеля мы с О.Г. любили давно. Познакомил нас с ним Эренбург, когда Бабель довольно долгое время находился в Париже (было это в 1932–1933 году). Семья Бабея жила в Париже. Он познакомил нас со своей прелестной дочкой. Неожиданно она произнесла ругательное слово. «Откуда ты это знаешь» – удивился Исаак Эммануилович. Последовал ответ: «У меня же есть уши!» От той поры, несмотря на все обстоятельства, у нас уцелело коротенькое письмецо Бабея:

Нальчик, 3.XII <19>33

Все скитаюсь, незабываемые и любезные сердцу парижане. Обскакал черноморское побережье, кочевал месяца полтора по ущельям Балкарии и долинам Кабарды (Кабард<ино-> Балкарская область достойная, по моему мнению, не только внимания соотечественников, но и прочих), теперь утверждаюсь в колхозе,

после чего перееду в украинский колхоз, интеллигентной жизни вести не собираюсь. Единственно, что постарел: бродяжить хочется, но уже со всей фамилией. Кстати о фамилии – видите ли их, пьете ли совместно safe-crème? Ночую где-нибудь в ауле – вспоминаю Париж, и жизнь кажется неправдоподобной. Не забывайте меня, подайте голос. Эренбургу и Путеру пишу особо.

Любящий вас И.Б.

И вот Бабель снова в Париже. Мы с О.Г. пригласили его на обед. Он пришел и рассказывал массу интересного (два его рассказа О.Г. записал, и они были опубликованы в 1968 году⁴⁶). Мы знали, что Бабель страшно любопытен. И вот он обнаружил на столике мой красивый портсигар алжирской работы, а в нем безумно большой счет. Как много шума и расспросов навертел вокруг этого счета Исаак Эммануилович. Пришлось сказать – а выпытывал он очень настойчиво, – что впервые я потратила такие бешеные деньги, заказав пальто у дорогого портного...

С тех давних парижских лет мы знали, как относился к Бабелю И.Г. – как ценил его мнение, как безусловно верил его вкусу, как любил его и его книги. Книги Бабеля долго не издавали, да и теперь их практически не издают. В 60-е годы однажды при нас у Эренбурга зазвонил телефон. Как оказалось, звонили по издательским делам. И.Г. тогда спросил, как книга Бабеля? Ему начали объяснять, что нет бумаги, и он на это очень резко ответил: «Снимите тогда том моего собрания и издайте том Бабеля!»

Вернусь к Парижскому конгрессу.

Николай Семенович Тихонов упивался Парижем, ходил ночами по городу, был настроен безумно лирически, писал изумительные стихи (некоторые из них посвящены Л.М.; они еще не все напечатаны). Он даже как-то отдалился от нашей делегации и почти все время проводил с Эренбургами и с нами. Его «Парижская тетрадь» рождалась на наших глазах⁴⁷. И сейчас слышу голос Тихонова:

Плывет над площадью пустой
Июльских дней настой.
И бронзовый стоит над ней
Веселый маршал Ней.⁴⁸

После конгресса Тихонов поехал в Бельгию. И так как он ни слова не понимал по-французски, И.Г. надоумил его отправиться вместе с О.Г. Тихонов продолжал писать стихи и привез в Париж цикл «Бельгийские пейзажи».

Борис Леонидович Пастернак приехал на конгресс больным. Эренбург встретил его и опекал, а Пастернак все время жаловался: «Я болен, а меня заставили приехать, они меня насильно привезли» и т. д. Это очень тревожило и пугало И.Г. – Пастернака пустили в Париж по его настоянию, а вдруг Б<орис> Л<еонидович> повторит с трибуны то же, что все время повторял всем. Но Бориса Леонидовича ждал триумф: когда послышалось его характерное мычание, зал разразился овацией. Большое впечатление на всех произвели его слова: «Поэзия – в траве, к ней надо нагнаться»⁴⁹. Речь Пастернака переводил Мальро⁵⁰, переводил со всем блеском своего таланта, он даже как будто продолжил ее от себя. Б<орис> Л<еонидович> стоял все это время на сцене. После выступления Пастернак за кулисами подавленно спрашивал только об одном: кто его проводит в гостиницу...

А в 1940 году после возвращения И.Г. в Москву Пастернак как-то боялся его и однажды при встрече даже отошел в сторону...

В советскую делегацию на Парижском конгрессе входил, конечно, и Алексей Толстой. Свою старую ссору с ним И.Г.⁴¹, разумеется, помнил, но злобы у него не было. И.Г. любил смешное, и сцену с покупкой табака в Ленинграде (как Толстой, случайно встретив Эренбургов в табачном магазине, отозвал Л.М. и сказал ей, что И.Г. покупает дрянной табак, а надо брать другой) нам рассказывал. В Париже они уже встречались как друзья. Обычно – на Монпарнасе. Толстой расспрашивал про Францию, вел себя барином. Вдруг он начал жаловаться: «Денег нет», и О.Г., который очень легко одалживал деньги, достал бумажник и отдал Толстому все, что у него было (франков сто или двести – сумму для нас значительную). Толстой, понятно, об этом тут же забыл, и И.Г. потом долго издевался над Савичем (издеваться он в таких случаях обожал!).

Руководителем советской делегации на Парижском конгрессе был А.С.Щербаков⁵². После одного заседания И.Г. повел Щербакова, Кольцова и еще кого-то из нашей делегации, а также нас с О.Г. в восточное кафе при парижской мечети. Там все было стилизовано под Восток, низкие стульчики и т. д. В кафе И.Г. завел разговор о соцреализме. Тогда этот вопрос еще дискутировался, и разговор был горячим. Щербаков очень долго молчал, слушал разговор, а потом тоном наставника изрек всем известную формулу: «Соцреализм – это изображение действительности в ее революционном развитии».

Впечатление было страшное, как будто первоклассник говорит с профессурой, поучая ее...

Когда в октябре 1935 года я скоропалительно уезжала из Парижа, И.Г. поручил мне пойти в Москве к Щербакову и доложить ему, что возможен визит в СССР Андре Жида⁵³. За Андре Жидом тогда у нас очень ухаживали, и И.Г. счел необходимым доложить этот вопрос (он как раз входил в круг дипломатических задач). Я явилась, и Щербаков меня принял в рабочем кабинете. Он был вполне любезен и, кажется, даже узнал меня (после Парижского конгресса, на котором мы встречались, прошло совсем немного времени).

Вскоре Андре Жид действительно приехал в Москву. Принимали его с почестями. Была создана специальная группа по его обслуживанию (ее возглавила секретарша Кольцова Болеславская⁵⁴). А.Жид приехал вместе со своим издателем, русским эмигрантом⁵⁵. Все попытки пустить ему пыль в глаза кончились ничем: его русский спутник все отлично понимал и просвещал Жида. Как раз в то время умер в СССР от скарлатины французский писатель Эжен Даби, и это произвело на Жида мрачное впечатление⁵⁶. Уже к моменту его отъезда стало ясно, что поездка ему не понравилась. Дальнейшее известно...

Вскоре после моего визита к Щербакову я случайно столкнулась с ним лицом к лицу на какой-то выставке (кажется, Тышлера⁵⁷). По еще неизжитой привычке – увидев знакомого, казалось, нужно обменяться несколькими словами, я их сказала Щербакову. И тут он сразу дал мне почувствовать дистанцию, буркнув в ответ нечто нечленораздельное...

В январе 1937 года О.Г. уехал из Парижа в Испанию (Эренбургу не стоило труда уговорить его поехать вместе – И.Г. как корреспондент «Известий» находился в Испании с августа 1936 года; теперь и О.Г. поехал с ним – от «Комсомолки»). О.Г. пробыл в Испании неотлучно до февраля 1939 года. Время от времени мне удавалось переговорить с ним по телефону (когда он передавал информацию для газеты и ТАССа), кроме того, О.Г. часто и много мне писал. Самые интересные его письма – о людях и всяких взаимоотношениях – я уничтожила тогда же (шел ведь 1937 год!), а большую часть писем у меня дважды крали <так!> на улице вместе с сумкой, в которой я их всегда носила. Письма были очень интересные, во время Испанской войны все друзья просили читать им выдержки из них. Фрагменты уцелевших писем были опубликованы в 1986 году к пятидесятилетию Испанской войны⁵⁸.

В декабре 1937 года Эренбургу разрешили на короткое время оставить Испанию, и он приехал в Москву. О.Г. мне писал в это время: «Обо всем все тебе расскажет И.Г. Я провожал его до границы и немножко простудился, а в доме у нас холодно и мрачно. И.Г. ты, наверное, увидишь еще до получения этого письма. Я так завидую ему, его поездке... Я нарочно не пишу о многом, зная, что И.Г. тебе расскажет все. Но он не передаст, хоть я и сказал ему, всей моей тоски...»

В новогоднюю ночь 31 декабря 1937 года О.Г. написал мне большое письмо; в нем были такие слова:

Многое дал мне этот год, я узнал Испанию так, как из чужих стран знаю, м<ожет> б<ыть>, только Францию, да и <то> вряд ли. Узнал сконцентрированно и широко. Я понял, что такое война, видел ее вблизи, и притом – современную – и на фронте, и в тылу... Мне кажется также, что я стал человечнее как внутренне, так и в моих писаниях... Узнать Испанию теперь – это тоже счастье... Как мне хочется передать тебе не только мою тоску по тебе, но все то радостное и успокаивающее, что должно вытекать из предыдущего. За окном ветер и снег, руки коченеют, а мне хочется улыбнуться...

<...>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Владимир Германович Лидин (Громберг; 1894–1979) – московский писатель, с которым Савич был очень дружен с самого начала литературной работы.

² Точнее, в январе 1924.

³ Константин Александрович Федин (1892–1977) – советский прозаик; летом 1928 приехал в Берлин; его первый роман «Города и годы» (1925) был в те годы популярен.

⁴ У писательницы О.Д.Форш (1873–1961) в Париже жила дочь, к которой она в 1927 приезжала.

⁵ Рассказ из книги О.Савича «Пловучий остров» (М., 1927).

⁶ Савичи опекали писателя Ю.Н.Тынянова (1894–1943) во время его поездок на Запад, о чем свидетельствует надпись Тынянова на двухтомном издании его романа «Смерть Вазир-Мухтара» (Берлин: Петрополис, 1929): «2 тома Вазир-Мухтара в виде скромного дара дорогому Овадию Савичу и маме Але» (Собрание публикатора).

⁷ Илья Александрович Груздев (1892–1960) – член группы «Серапионовы братья», литературный критик и один из ведущих деятелей питерского издательства «Прибой». Общался с Савичем в Берлине в августе 1928.

⁸ Ирина Ильинична Эренбург (1911–1997) – тогда школьница, затем студентка факультета социальной психологии Сорбонны, впоследствии, в Москве, – переводчица французской литературы.

⁹ Эльза Триоле (1896–1970) – сестра Л.Ю.Брик; в пору, когда с ней познакомилась А.Я.Савич, Триоле еще не была французской писательницей.

¹⁰ Из стихотворения «Верлен и Сезан» (1924–1925).

¹¹ Актриса Дениз Монробер (тогда по мужу – Лекаш) была подругой Эренбурга с конца 1920-х; ее имя упоминается в мемуарах «Люди, годы, жизнь».

¹² Речь идет о балерине Ирине Петровне Рачек, в то время – жене художника Н.И.Альтмана. Альтманы жили в одном доме с Савичами.

¹³ Об Иосифе Ефимовиче Путермане (1885–1940), которого Бабель звал Путером, см. в статье: *Фрезинский Б.* Две судьбы: Художник и журналист (Парижский круг Ильи Эренбурга) // Русское еврейство в зарубежье. Т.4(9). Иерусалим, 2002. С.202-210.

¹⁴ О друге гимназических лет С.Б.Членове (1890–1937) – юрисконсульте советского посольства в Париже, профессоре – Эренбург написал в 1-й книге «Люди, годы, жизнь».

¹⁵ Дмитрий Сергеевич Навашин (1889–1937) – директор советского банка в Париже, невозвращенец, сохранявший близкие отношения с советскими дипломатическими кругами; был убит агентами НКВД в Булонском лесу в Париже. Советская печать обвиняла в убийстве Навашина троцкистов.

¹⁶ Французский поэт Луи Арагон (1897–1982) начинал как сюрреалист, затем, вступив во французскую компартию, стал яростным сторонником СССР.

¹⁷ Портрет Л.М.Козинцевой-Эренбург кисти Роберта Рафаиловича Фалька (1886–1958) находится в частном собрании (Санкт-Петербург).

¹⁸ Андре Бретон (1896–1960) – французский писатель, вождь и идеолог сюрреализма. В 1935, ознакомившись с памфлетом Эренбурга «Сюрреалисты» (1933), вошедшим в изданную по-французски книгу Эренбурга «Глазами советского писателя», ударил автора памфлета, за что был изгнан с Парижского антифашистского конгресса писателей (см.: Великая иллюзия. С.198).

¹⁹ Юлиан Тувим (1894–1953) – польский поэт, близкий друг Эренбурга (они познакомились в Берлине в 1922). Тувиму посвящена глава в мемуарах «Люди, годы, жизнь».

²⁰ Серж Фотинский (Абрам Саулович Айзеншер; 1887–1971) – французский художник; был дружен с Эренбургом с 1910-х. О нем см. в статье: *Фрезинский Б.* Две судьбы: художник и журналист... С.192-202.

²¹ *Эренбург И.* Бурная жизнь Лазика Ройтшванца. Париж, 1928. В России эта книга Эренбурга впервые опубликована в 1989.

²² *Савич О., Эренбург И.* Мы и они: Франция. Берлин: Петрополис, 1931.

²³ Об этой поездке Эренбург писал в «Письмах из кафе» (см.: *Эренбург И.* Виза времени. Л., 1933. С.29; см. также: *Эренбург И.* Собр.соч.: В 8 т. Т.4. М., 1991. С.25-26)

²⁴ Ласло Моголи-Надь (1891–1946) – венгерский художник и фотограф, связанный с высшей школой строительства и художественного конструирования Баухауз, располагавшейся до 1925 в Веймаре, а затем в Дессау.

²⁵ Фальк Р.Р. Беседы об искусстве. Письма. Воспоминания о художнике. М., 1981.

²⁶ Лидин В. От Бретани до Пензы // Новый мир. 1979. №6. С.64-67.

²⁷ Роман Осипович Якобсон (1896–1982) – лингвист и литературовед; о его дружбе с Эренбургом см.: Фрезинский Б.Я. Илья Эренбург и Роман Якобсон // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.101-108.

²⁸ Петр Григорьевич Богатырев (1893–1971) – славист и фольклорист, друг Якобсона; тогда жил в Праге.

²⁹ Впервые напечатан в кн.: Эренбург И. Виза времени. Берлин: Петрополис, <1929>.

³⁰ Григорий Ефимович Рыклин (1894–1975) – сатирик, фельетонист; сотрудник «Правды», редактор «Крокодила».

³¹ Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) – советский политический деятель, дипломат (см.: Фрезинский Б. А.М.Коллонтай и И.Г.Эренбург: Шведские страницы // Всемирное слово. 2002. №15. С.24-34).

³² Александр Семенович Яценко (1877–1934) – профессор правоведения, журналист, издатель. С 1918 в Берлине. Редактор журнала «Русская книга» (1921; в 1922–1923 – «Новая русская книга»), в котором много сотрудничал Эренбург. С 1924 – профессор Каунасского университета. В начале 1930-х вернулся в Берлин.

³³ Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) – известный московский искусствовед.

³⁴ Евгений Иванович Замятин (1884–1937) – русский писатель. С 1932 – в Париже. О взаимоотношениях Замятина и Эренбурга см.: Фрезинский Б.Я. Эренбург и Замятин // Новое литературное обозрение. 1996. №19. С.162-185.

³⁵ См.: Замятин Е. Эренбург // Россия. 1923. №8; см. также: Фрезинский Б.Я. Эренбург и Замятин // Новое литературное обозрение. 1996. №19. С.162-190.

³⁶ Об этом обеде Замятин 22 февраля 1932 писал из Парижа в Ленинград К.А.Федину: «А погода пока все еще неважная, кризисная... Хотя если пойдешь, например, обедать к Савичу – какой там кризис! Устрицы на льду, артишоки, сыры, черт в ступе. Пили, кстати, вермут и вспоминали тебя: по-моему, Савич на тебя чем-то похож. Завтра вечером – у Эренбурга, там званый вечер с французами...» (Письма Е.Замятина К.Федину // Русская литература. 1998. №1. С.104).

³⁷ Последний, незавершенный роман Замятина.

³⁸ Серафима Павловна Ремизова (урожд. Довгелло; 1876–1943) – палеограф, жена А.М.Ремизова (с 1903). С 1921 в эмиграции в Берлине, с 1923 – в Париже; преподавала славянско-русскую палеографию в Школе восточных языков при Сорбонне (1924–1939).

³⁹ Николай Робертovich Эрдман (1902–1970) – драматург, сатирик, комедиограф; его пьеса «Самоубийца» была запрещена в 1930. В 1933 Эрдман был арестован и сослан в Сибирь.

⁴⁰ Льюис Майльстоун (Леонид Мильштейн; 1895–1980) – американский кинорежиссер. Эренбург познакомился с ним в 1933 и по его заказу написал

сценарий на основе своего романа «Жизнь и гибель Николая Курбова» (эскизы костюмов и декораций сделал Н.И.Альтман), но фильм снят не был.

⁴¹ Международный антифашистский конгресс писателей в защиту культуры проходил в Париже с 21 по 25 июня 1935. Подробнее см.: Великая иллюзия. С.166-239.

⁴² Анна Александровна Караваева (1893–1979) – советская писательница. В описываемое время – главный редактор журнала «Молодая гвардия»; автор книг о социалистическом труде уральских передовиков производства. На конгрессе представляла советских писательниц.

⁴³ Писатели Иван Кондратьевич Микитенко (1897–1937, расстрелян) и Александр Евдокимович Корнейчук (1905–1972) представляли Украину в составе утвержденной Политбюро ЦК ВКП(б) советской делегации на конгрессе писателей.

⁴⁴ Поэт Галактион Васильевич Табидзе (1892–1959) представлял Грузию в составе советской делегации на Парижском конгрессе; он был кузеном поэта Тициана Юстиновича Табидзе, не допущенного на конгресс и впоследствии расстрелянного (1937).

⁴⁵ Журналист Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд; 1898–1940) в качестве доверенного лица Сталина занимался подготовкой конгресса; его отношения с Эренбургом, одним из инициаторов этой акции, были достаточно напряженными (см.: Великая иллюзия. С.183-190 и далее).

⁴⁶ Из воспоминаний О.Савича // Вопросы литературы. 1968. №8. С.165-170.

⁴⁷ Цикл «Парижская тетрадь» Николая Семеновича Тихонова (1896–1979) опубликован с посвящением «Л.М.К.» (Козинцевой-Эренбург) в кн.: Тихонов Н. Тень друга. М., 1936. Этот сборник был подарен автором А.Я.Савич с надписью: «Милой Але Яковлевне Савич дружески эту печальную книгу стихов о Европе 1935 года. Пусть 1937 год внесет хоть какие-нибудь облегчения в эти мрачные строки. Н.Тихонов. 1937 г. Ленинград» (Собрание публикатора).

⁴⁸ Первая строфа стихотворения без названия из сборника «Тень друга».

⁴⁹ В опубликованном тексте это место изложено иначе (см.: Международный конгресс писателей в защиту культуры. М., 1936. С.375).

⁵⁰ Андре Мальро (1901–1976) – французский писатель и государственный деятель. Являлся одним из организаторов Парижского конгресса, был близким другом Эренбурга. Савичи хорошо знали его самого и его брата Ролана.

⁵¹ Эренбург дважды ссорился с А.Толстым в 1921 (весной – в Париже и осенью – в Берлине). Существует версия, что Эренбург в мае 1921 был выслан из Парижа по доносу Толстого.

⁵² Александр Сергеевич Щербаков (1901–1945) – сталинский аппаратчик, в описываемую пору руководитель Союза советских писателей, затем секретарь ЦК ВКП(б) и кандидат в члены Политбюро.

⁵³ Андре Жид (1869–1951) – французский писатель.

⁵⁴ Болеслава Самуиловна Болеславская-Вульфсон – сотрудник Иностранной комиссии Союза советских писателей; находилась в дружеских

отношениях с А.Мальро и А.Жидом. В 1940 арестована, в 1941 расстреляна. См. о ней: Фрезинский Б. Пять сюжетов из истории франко-советских культурных связей // Всемирное слово. 2000. №13. С.77-85; см. также: Диалог писателей: Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., 2002.)

⁵⁵ Жак Шифрин – сотрудник издательства «Nouvelle Revue Française» при одноименном журнале; выходец из России.

⁵⁶ Эжен Даби (1898–1936) умер в Севастополе 23 августа 1936. Впрочем, большее впечатление произвел на А.Жида сам сталинский режим и, в частности, проходивший во время его пребывания в СССР московский процесс, по решению которого были расстреляны сподвижники Ленина Каменев и Зиновьев.

⁵⁷ Александр Григорьевич Тышлер (1898–1980) – русский художник; приятель Л.М.Козинцевой-Эренбург и соученик по киевской студии А.А.Экстер.

⁵⁸ «Я до сих пор влюблен в эту страну»: Письма О.Савича из Испании / Публ., предисл. и примеч. Б.Фрезинского // Литературное обозрение. 1986. №7. С.102-108.

Н.И.Триполитов
ВОСПОМИНАНИЯ

Публикация Андрея Корлякова

Свои воспоминания Николай Ильич Триполитов озаглавил «Мое первое (1923 год) и последнее (1948 г.) турне с Русским балетом, руководимым Col<one!> W. de Basil». Они невелики по объему и, к сожалению, не закончены. Но это не умаляет их ценности, поскольку они вносят много нового в историю русского балета за рубежом. Начать с того, что автор уже в заглавии называет 1923-й годом начала «Русских балетов Монте-Карло» – тогда так как большинство книг и исследований о русском балете в период между двумя мировыми войнами достаточно четко и ясно прослеживают весь путь этой труппы, называя в качестве первой даты 1932 год, когда В. де Базиль принял на себя руководство ею.

История труппы обстоятельно описана в нескольких капитальных монографиях¹. Ей посвящен ряд статей и воспоминаний². Однако ни в одном из этих изданий ни слова не говорится о том, чем занимался полковник де Базиль в первые десять лет эмиграции.

Биография Василия Григорьевича Воскресенского (16.09.1888 – 27.07.1951), вошедшего в историю мирового балета под именем полковника В. де Базиль, была очень бурной и необычной даже для людей того легендарного поколения. Уроженец города Ковно, он с юных лет пошел по военной части: в Первую мировую воевал на Персидском фронте, служил в Отдельном

¹ *Detaille G., Mulys G. Les Ballets de Monte-Carlo. 1911–1944 / Preface de Jean Cocteau. Paris: Editions Arc-en-ciel, 1954; Anderson J. The One and Only. The Ballet Russe de Monte Carlo. New York: Dance Horizons, 1981; Walker K.S. De Basil's Ballets Russes. London: Hutchinson, 1982; Garsía Márquez V. The Ballets Russes: Colonel de Basil's Ballets Russes de Monte Carlo. 1932–1952. New York: Alfred A. Knopf Inc., 1990.*

² См., например: *Суриц Е.Я. Полковник де Базиль // Независимая газета. 1998. 18 сентября; Danilova A., Brubach H. Choura: The Memoirs of Alexandra Danilova. New York: Alfred A. Knopf Inc., 1986.*

Кавказском кавалерийском корпусе генерала Н.Н.Баратова, принимал участие в легендарном рейде конной сотни В.Д.Гамалия 1-го Уманского полка в Месопотамию³, за что был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и английским Крестом. В Гражданскую служил в кубанских частях Добровольческой армии, в отряде генерала Бичерахова. Вскоре после эмиграции Воскресенский открыл в себе талант антрепренера: В 1925 в Париже совместно с двумя другими антрепренерами – князем А.А.Церетели и И.С.Зоном – создал агентство «Цербазон», был администратором балетной труппы Русской оперы, организовал собственную балетную труппу, «воскресившую лучшие традиции нашего балета»⁴.

Имя Николая Триполитова практически не упоминается в работах о труппе «Les Ballets Russes de Monte-Carlo», хотя из записок следует, что он играл далеко не последнюю роль в антрепризе Базиля на самой ранней стадии ее становления. Начало своей балетной карьеры в Париже Триполитов в предлагаемом ниже документе описал довольно подробно, остается лишь добавить несколько слов о его дальнейшей судьбе.

Расставшись с первой труппой В. де Базиля, Триполитов создал со своей женой – талантливой балериной Ольгой Смирновой – собственную антрепризу. С программой, состоящей из эксцентричных балетных миниатюр, супруги объехали практически весь мир и имели большой успех. Имена Николая Триполитова и Ольги Смирновой одними из первых вошли во французскую балетную энциклопедию наряду с супругами Александром и Клотильдой Сахаровыми. В 1935 Ольга попала в больницу с перитонитом, и хирурги не смогли ее спасти.

Новой партнершей (и второй женой) Николая стала Ксения Рюбом (происходившая из русских шведов), ученица знаменитой Любови Егоровой. С ней он продолжал выступать самостоятельно до 1948, когда В. де Базиль обратился к нему с предложением снова войти в состав труппы.

Николай Триполитов приступил к воспоминаниям на склоне лет и успел вчерне закончить лишь описание событий первого года своего пребывания в труппе, остальная часть записок осталась намеченной конспективно. Из этого конспекта видно, что первоначально он планировал изложить всю историю балетной труппы полковника де Базиля. Эти планы Триполитова остались неосуществленными.

Записки представляют собой две тетради, исписанные мелким почерком. В написании некоторых слов встречаются ошибки, что следует отнести к небрежности автора (например, «Covent-Garden» он пишет то как «Coven-Garten», то «Cowen-Garden»). Все стилиевые особенности в публикации сохранены, лишь кое-где проставлены отсутствующие знаки препинания.

Хочется поблагодарить вдову автора, Ксению Триполитову, ныне преподавателя балетной школы в Париже, сохранившую воспоминания и давшую любезное разрешение их опубликовать.

³ Подробнее см.: *Стрелянов (Жулабухов) П.Н.* Корпус генерала Баратова. 1915–1918. М., 2002.

⁴ См. некролог: Часовой. 1951. №312(9). С.19.

МОЕ ПЕРВОЕ (1923 год) И ПОСЛЕДНЕЕ (1948 г.) ТУРНЭ
С РУССКИМ БАЛЕТОМ, РУКОВОДИМЫМ COL<ONEL> W. DE BASIL

Незримые, но властные персты переставляют фигуры людей на шахматной доске жизни, и никто не знает ни дня, ни часа, когда и куда переставит его Судьба.

В. ф<он> Берг. «Последние гардемаринь»¹

Предисловие

Очень часто мне, как лицу, имеющему отношение к балетному миру, задавались вопросы о том, каким образом W. de Basil сделался директором русского балета, не будучи никогда сам не только балетным артистом, но не имевшим ранее никакого отношения ни к сцене, ни к театру.

Вопросы эти задавались мне не только людьми не театральными, но даже и артистами балета, которые слышали или просто знали о моем давнишнем знакомстве с W. de Basil и о моем участии в его первоначальной балетной деятельности.

Мне кажется, что я не ошибусь, если скажу, что еще и теперь многие даже из мира театрального, и в частности из мира балетного, не знают о том, как, когда и при каких обстоятельствах зародилось первоначальное ядро русского балета под дирекцией W. de Basil.

Будучи одним из первых сотрудников и участников зародившегося в 1923 году русского балета, вдохновителем и неутомимым организатором коего был W. de Basil, я хочу познакомить читателя, интересующегося этим вопросом, с историей начала образования русского балета под руководством W. de Basil, его первых шагов и дальнейшего его развития.

Пройдя тяжелый путь, проявляя неутомимую энергию для преодоления всех препятствий театрального мира, сколько нужно было положить труда и любви к своему делу, чтобы довести его до той славы, свидетелем которой явились страны всего мира, <такие> страны, где насаждалось искусство русского балета под руководством W. de Basil.

В те далекие годы, когда W. de Basil творил свое маленькое дело, русский балет С.П.Дягилева уже успел завоевать себе прочную мировую славу и известность.

Это обстоятельство, видимо, не смущало W. de Basil, да, впрочем, вряд ли он тогда и думал о том, что его маленькое, только зарождающееся балетное дело впоследствии принесет такие плоды, разрастется в настоящий Grand Ballet Russe с мировой славой и известностью.

Как мы уже знаем, спустя несколько лет после смерти Дягилева² W. de Basil удалось собрать вокруг себя музыкально-художественные и артистические силы русского балета и организовать блестящий сезон, снова в том же Monte-Carlo, откуда прогремела слава Русского балета Дягилева по всему миру.

В 1925 году я разошелся с W. de Basil, ушел по другой дороге, хотя и не терял связи с ним никогда и всегда следил за его дальнейшей театральной деятельностью.

Прошло еще несколько лет, грянула война, W. de Basil со своей труппой успел покинуть Европу и очутился за океаном.

И только спустя 23 года, в 1947 году, нас судьба снова столкнула, и я опять стал сотрудником и участником русского балета, возглавляемого Col~~onel~~ de Basil.

Так же, как я был участником и свидетелем первых шагов W. de Basil на балетном поприще в 1923 году, так же я стал участником и свидетелем его последних шагов и конца существования Русского балета, совершив последнее триумфальное tournée по Испании в 1948 году. А со смертью W. de Basil закрылась последняя страница истории Русского балета и, видимо, навсегда. После этого балет больше не возобновлялся, т. к. после W. de Basil больше не нашлось ни вдохновителя, ни последователя. На этот раз можно сказать, что русский балет за границей умер, т. к. некому больше крикнуть: «Да здравствует Русский балет!».

<Тетрадь первая>

Мое первое знакомство с W. de Basil

9 сентября 1923 года я прибыл в Париж. Не теряя времени, уже на следующий день я отыскал балерину Елизавету Германовну Глюк³, под руководством которой были мои первые шаги по хореографическому пути и с которой, еще будучи в Константинополе, я немало выступал. Тут же она мне сообщила, что начала работать с неким антрепренером Василием Григорьевичем Воскресенским (W. de Basil), с которым совершила уже поездку в Швейцарию и который в данное время организует свой маленький ensemble⁴, с которым недели через две и собирается совершить tournée по Франции. Высказала она также мне свое пожелание устроить меня в этот наметавшийся маленький балет, для чего условилась со мной отправиться к W. de Basil, чтобы познакомиться с ним и переговорить о моем поступлении в труппу.

Сказано – сделано. В тот же день мы отправились к W. de Basil, с которым и состоялась моя первая встреча и знакомство. Это было 12 сентября 1923 года.

Хотя переговоры наши были и не сложны, но все же продолжались они еще два дня, и только 15-го числа был окончательно решен вопрос и даже подписано письменное соглашение о том, что я поступаю в труппу Русского балета на жалованье 20 Fr. в день, а также и моя партнерша, танцовщица Ольга Смирнова⁵, с которой мы одновременно прибыли в Париж из Константинополя, где танцевали вместе вплоть до самого отъезда во Францию. Подписав такого рода соглашение, обе стороны остались довольны: я был доволен тем, что так скоро по приезде в Париж нашел работу по своей специальности, да еще и со своей партнершей, а W. de Basil тем, что нашел подходящих артистов со своим уже готовым репертуаром и костюмами, который можно было вставить в программу будущего спектакля.

Таким образом, вся труппа для предстоящего tournée состояла из 8 человек, включая самого директора, и получила она название «Ballet Russe W. de Basil». В те отдаленные времена по Франции путешествовало не так уж много спектаклей, провинция не была избалована разнообразием театральных зрелищ, а зрелище балетного характера было просто новинкой. Кроме нашего tournée, балетного, была еще одна конкурирующая группа под водительством известной если не всем, то очень многим старой московской танцовщицы Арцыбушевой Марии Александровны⁶. Но эта группа была недолговечна, и в конце концов «Ballet Russe de Basil» остался единственным балетным спектаклем, разъезжающим по провинции. Каким-то чутьем театрального предпринимателя уже тогда W. de Basil почувствовал правильность своего хода; и он, конечно, не ошибся. Объездив огромное количество городов, почти повсюду бывали битковые сборы <так!>, и спектакли проходили с неизменным успехом. Расчет был правильный, т. к., повторяю, в те времена балетный спектакль для провинции был совершенной новинкой.

В состав труппы вошли: первой танцовщицей Елизавета Германовна Глюк (танцовщица московского театра), первым танцовщиком Димочка Гречихин⁷, танцовщицы Olga Смирнова, Нина Леонидова⁸ (жена W. de Basil), Галина Глухарева и Ваш покорный слуга. Кроме вышеуказанных лиц, с нами был симпатичнейший Николай Иванович Дубянский, как пианист и Chef d'orchestre, и, наконец, сам W. de Basil, позже принимавший участие в спектакле под псевдонимом Чернова. Надо считать, что именно этот состав балета и это первое tournée, организованное W. de Basil в сентябре 1923 года, и есть начало балетной и театральной деятельности W. de Basil, которая продолжалась без малого 30 лет и которая продолжалась бы, наверно, и по сию пору, если бы смерть, которая последовала 27 июля 1951 г., не положила конец его жизни, а следовательно, и его кипучей театральной деятельности.

Зафиксировав окончательно состав труппы, мы приступили к усиленной подготовке так называемого показательного спектакля, который должен был состояться 25 сентября 1923 года в театре Belleville в Париже. Этому спектаклю W. de Basil придавал большое значение и чрезвычайно волновался, т. к. на нем должны были присутствовать лица, от которых зависело предстоящее *tournee* и вообще дальнейшее существование нашей труппы. С тех пор мало что изменилось в театральном мире. Так же как и в прошлые времена, важное театральное начинание сопряжено с бесконечными волнениями, препятствиями, сомнениями – словом, тернистый театральный путь остался все тот же.

Первый спектакль Ballet Russe W. de Basil в Париже
25 сент<ября> 1923 года

Программа W. de Basil была составлена по всем правилам настоящего большого спектакля, т. е. в 3-х выступлениях и с двумя антрактами. К этому времени, т. е. к 25-му числу, приготовить даже маленький балет не было никакой возможности, а потому спектакль носил характер чисто дивертисментный. Были номера сольные, дуэты и *trio*. Музыкальное сопровождение было вполне на высоте; W. de Basil настаивал на музыке серьезных композиторов, и почти вся программа сопровождалась такими именами, как Rimsky-Korsakoff, Saint-Saëns, Brahms, Glasounoff, Delibe, Tchaikovsky и т. д.

Официальным *maître de Ballet* считался общий друг всей балетной молодежи Алексей Федорович Васильев⁹, что и было указано в программах и афишах. Но практически программа составила как-то без его непосредственного участия. А.Ф.Вас<ильев> приходил тогда на репетиции, подбадривал нас, давая иногда дружеские советы, – этим и ограничивалось его участие в труппе как *maître de ballet*. Одновременно с репетициями происходили шитье и примерки костюмов. Спектакль предполагалось дать в сопровождении оркестра, а потому писались и приобретались оркестровки; помню почему-то, что, когда нужно было уже всю музыку приготовить и подложить по партиям в порядке спектакля, все ноты оказались настолько перепутаны, что по просьбе W. de Basil я просидел почти всю ночь за разборкой и приведением в порядок партий.

Наконец все было готово, и наступил торжественный день – день дебюта «Ballet Russe W. de Basil». Накануне спектакля была генеральная репетиция, были исправлены последние недочеты и шероховатости, и вот в день спектакля мы все забрались в театр за два или три часа до начала. Всем энергично ведал и распоряжался W. de Basil. Каким-то чудом успевал он быть одновременно и у кассы, и разложить и приготовить костюмы, и переговорить по делу с каки-

ми-то лицами, и быть вовремя на сцене к поднятию занавеса, и делать указания для световых эффектов и т. д. Словом, теперь припоминаю, что энергия у W. de Basil была неистощимая. Он один выполнял функции пяти или шести человек одновременно. И так было во все время нашего tournée.

Не стану говорить о том, что спектакль прошел прекрасно и с большим подъемом и успехом. (Да как же могло быть иначе?) Все мы, участники этого «исторического» спектакля в Th<âtre> Belleville 25 sep<tembre> 1923, – во главе с самим директором W. de Basil, были чрезвычайно довольны и счастливы, т. к. предполагаемое tournée было окончательно зафиксировано, и 30 сентября мы всей труппой уже покинули Париж, отправившись в tournée по Франции. Таким образом, начало русского балета было положено, и это был краеугольный камень того большого и фундаментального здания, которое впоследствии выросло благодаря неутомимой энергии W. de Basil. Он, не отступая от традиций прославленного русского балета С.П.Дягилева, был достойным его последователем, что подтверждается его дальнейшей деятельностью, его стремлением постоянно сохранять старые традиции и привлекать в сотрудники, по примеру Дягилева, любимого им дела артистов, художников и композиторов, людей одаренных и талантливых.

Отъезд в tournée по Франции 30 sept<embre> 1923 года

Наконец наступил день отъезда из Парижа. Еще за час до отхода поезда вся труппа была уже в сборе на вокзале. Видимо, директор хотел нас побаловать и обставить наш отъезд для первого раза с помпой, а потому мы уезжали вторым классом. Кроме того, нас провожало немало народу, и нельзя было ударить лицом <так!>, нужно было поддержать престиж и показать, что дирекция не останавливается ни перед какими затратами и что все вообще обстоит как нельзя лучше. Позже мы вторым классом уже ездили нечасто, разве за редким исключением.

Словом, устроились мы все очень комфортабельно, т. к., кстати, и пассажиров, и поездов на этот раз вообще <было> мало. Напутствуемые наилучшими пожеланиями провожающих, в 9 ч<асов> вечера мы покинули Париж. И с этим отбытием как бы открывалась новая страница истории Русского балета W. de Basil.

1 октября утром мы прибыли в Pontarlier – маленький провинциальный городишко на самой границе Швейцарии, где и выступали в этот же вечер, положив, таким образом, начало нашему tournée. Спектакль прошел прекрасно и с большим успехом. На следующий день утром снова в поезд, и едем дальше. Следующим городом был Dole, затем Dijon, Chalon-sur-Saons, Bourg, Lons-le-Saumier, Besan-

çon, Montbeliard, Belfort, Nancy, Verdun, и так почти каждый день, как на синематографической ленте, менялись и проходили перед глазами различные города. Так продолжалось до конца декабря 1923 г. За эти три месяца мы побывали, наверно, в сорока или больше городах. Иногда были просидки <так!> в течение 2-х или 3-х дней, и если мы в таких случаях попадали в следующий город заранее, то директор наш «рекомендовал» не очень показываться на улице, дабы местные жители не видели бы заранее артистов предстоящего спектакля в безработном состоянии. W. de Basil считал почему-то, что это плохая реклама для балета, – не знаю, быть может, он был и прав. Во всяком случае, в течение двух или трех дней подобное распоряжение дирекции выполнялось нами очень приблизительно, что служило поводом к неприятным последствиям, т. е. нарушениям добрых отношений между дирекцией и артистами. Правда, продолжалось это обыкновенно недолго.

За это время приходилось давать спектакли в самой разнообразной обстановке. Иногда это была просто *salle de fête*¹⁰, и помню однажды, в такой *salle de fête* даже не было еще электричества – было только газовое освещение. Рампа и все освещение на сцене тоже были газовые, и все мы выглядели в этот вечер на сцене просто какими-то утопленниками.

Но все же по большей части театры были очень хорошие, с хорошей сценой, световыми эффектами и удобными артистическими уборными. Как правило, сборы были повсюду полные, и успех наш спектакль повсюду имел очень большой. Очень часто многие номера программы приходилось бисировать. Вообще наш директор W. de Basil проявил свои организаторские способности в полном объеме. Все было всегда налажено буквально с математической точностью. Огромные афиши, возвещающие о спектакле «Ballet Russe W. de Basil», красовались по всему городу, в назначенный час музыканты уже были в театре в ожидании репетиции, предварительная продажа билетов шла полным ходом, в это время на вокзале, за отсутствием носильщиков, мы сами во главе с директором выгружали большой багаж и доставляли его в театр, – словом, вся работа была хорошо организована, каждый знал свои обязанности, и все шло как по маслу. Деловой корреспонденцией занималась Галина Глухарева, а потому свободного времени у нее было меньше, чем у других участников труппы. Часто мы слышали призывы W. de Basil: «Галина, идите писать!». Галина безропотно усаживалась и под диктовку директора строчила письма, которые тут же летели дальше с инструкциями в города, где нам предстояло давать спектакли. Так проходили дни, недели и месяцы, почти монотонные, а потому всякое нарушение этой монотонности возбуждало всегда интерес всех участников труппы и вносило оживление в нашу маленькую жизнь. Довольно

часто нас развлекал, например, вдруг почему-то отказ Нины Львовны Леонидовой выступать. Она была дама очень милая, но капризная и частенько вступала в пререкания со своим супругом W. de Basil, и, как следствие этого, вдруг перед самым спектаклем отказ от выступления. В таких случаях W. de Basil просил меня или Николая Ивановича Дубянского пойти и уговорить Н<ину> Л<еонидовну> изменить принятое решение и сменить гнев на милость. Все наши логически представленные доводы о том, что нельзя срывать спектакль, что при полном сборе это грозит W. de Basil большими неприятностями с вытекающими отсюда всеми тяжелыми последствиями, не приводили обыкновенно ни к чему, и тогда W. de Basil, видя, что если он не примет крутых мер сам, то действительно спектакль может быть сорван и будет большой скандал. W. de Basil предпочитал тогда, чтобы этот скандал все же был в данном случае только семейным, но никак не общественным. Обычно это ему удавалось, правда, с большими трудностями, и в последнюю минуту Н<ина> Л<еонидовна> все же выходила на сцену с заплаканными глазами, и спектакль шел своим порядком. Не всегда, конечно, вносила оживление такого рода в нашу труппу Н<ина> Л<еонидовна>. Однажды я сам выкинул тоже так называемый «номер», который надолго нарушил монотонность внутренней жизни нашей труппы. За давностью лет, конечно, все эти неприятности, казавшиеся тогда очень важными, потеряли свою остроту, и позже, когда мы снова встретились с W. de Basil, мы часто вспоминали все эти эпизоды из нашего прошлого и вместе много смеялись.

Это было в двадцатых числах novembre 1923 года. По расписанию мы, окончив спектакль в Chalon s/Marne, должны были, к нашей общей радости, в 2 часа ночи взять поезд на Париж, где предполагалось пробыть только одни сутки, чтобы затем следовать дальше в Саен. Приехав в Париж после почти двухмесячного отсутствия, я повстречал много старых друзей, прибывших также из Константинополя. Подвернулись чьи-то не то именины, не то рождение, было по этому случаю немало выпито – словом, по молодости лет, как говорится, сильно загуляли. Между тем труппа должна была уезжать из Парижа на следующий день в 8 часов утра. Зная об этом, я заказал в отеле, чтобы меня разбудили в 6 часов утра. Не помню уже, в котором часу я попал в свой отель, но только когда я проснулся и взглянул на часы, они показывали ровно 8. Это и был час отбытия труппы. В первую минуту я плохо соображал, но вдруг мне стало совершенно ясно, что я жестоко опаздываю и что исправить это в данный момент нет никакой возможности. Я буквально не знал, что предпринять. Ехать на вокзал было бесполезно – поезд уже ушел. На душе было тревожно и неприятно от сознания своей, правда неумышленной, вины, а главным образом от того, что, не явив-

шись к отъезду, я подвожу товарищей и все могут подумать, что я умышленно остался в Париже, тем более что за несколько дней до этого случая я уже говорил с W. de Basil о том, что я в скором времени попрошу его меня отпустить из труппы. Так оно и получилось. Я чувствовал, что это еще далеко не конец, и действительно, спустя некоторое время я услышал стук в дверь. Было это около часу дня. Открываю и вижу перед собой W. de Basil, взволнованного и возбужденного до крайности. Должен сознаться, что сцена эта была весьма неприятная. Оправдываться и объяснять мой поступок у меня как-то в эту минуту не хватило мужества и храбрости, чувствуя, что никакие мои объяснения все равно не убедят директора <в моей> правдивости, а потому, махнув на все в душе рукой, предоставил все своему нормальному течению. Да, впрочем, никаких объяснений W. de Basil, видимо, выслушивать от меня и не собирался. С него было достаточно факта моей неявки (по его мнению, конечно, умышленной) на вокзал, чтобы остаться в Париже. Получив предложение, в коротких, но сильных словах, от директора следовать за ним, мне ничего не оставалось другого, как согласиться на это, и, сев в taxi, мы тотчас же отправились на вокзал. Как потом я узнал, мое отсутствие на вокзале в назначенный для отъезда час всеми было также истолковано как действие злоумышленное, а посему, когда я прибыл под конвоем W. de Basil в Caen, товарищи меня встретили не очень по-дружески. Я тут снова не дал объяснений моему поступку, уже из какого-то упрямства, а потому в течение нескольких дней отношения у меня со всеми были натянутые. Потом уже мне рассказывали, что меня ждали до последнего момента. Видя, что я все же не явился, W. de Basil на какой-то маленькой станции только успел выскочить из поезда, чтобы уже на ходу же вскочить в поезд, направлявшийся в Париж. Таким образом, он отыскал меня в Paris и как блудного сына снова водворил на свое место. Мы прибыли в театр, когда все уже были загримированы и готовы к выступлению. До поднятия занавеса оставалось десять минут. В душе я был все же рад, что не подвожу своих товарищей, хотя наружно я играл роль обиженного, непонятого и невинно пострадавшего. Но, как я уже указал раньше, — время все сглаживает, и, конечно, и это маленькое событие, нарушившее нашу монотонную трудовую жизнь, тоже скоро сгладилось.

Продолжение tournée en Belgique

Продолжая tournée, мы 1 novembre переехали французскую границу и очутились в Бельгии. Здесь мы с неизменным успехом давали свои спектакли при полных сборах. В течение 2-х недель мы были в городах: Malines, Gand, Louvain, Charleroi, Liège et Verviers.

Возвратившись обратно во Францию, постепенно приступили к постановке нового балета, но так как постоянные переезды мешали регулярной и продуктивной работе, дело продвигалось довольно медленно. Но все же при всякой возможности репетиции возобновлялись. Ставился новый балет восточного характера.

Либретто было написано W. de Basil, и в этом же балете он сам участвовал под фамилией Чернов. Не помню теперь, какому композитору принадлежала музыка для сопровождения этого балета. Сам директор играл роль старого восточного колдуна, который по ходу действия предсказывал главной танцовщице какие-то неприятности, за что мы по повелению магараджи этого колдуна изгоняли со сцены, иногда проделывая это в довольно решительной форме, что нас очень забавляло, т. к. можно было подурочиться под видом исполнения задуманной мизансцены. Как-то само собою получилось так, что гримировал всегда для этой роли W. de Basil я сам. W. de Basil без очков плохо видел, и ему самому гримироваться было трудно. В ряде случаев, когда наши добрые отношения с W. de Basil бывали чем-либо нарушены, я к этой своей обязанности гримера относился не совсем добросовестно, а зачастую даже и умышленно гримировал его с намерением подшутить, придавая выражению лица не тот облик, который полагался по роли. Это всегда вызывало у участвующих в этом балете еле сдерживаемый смех, а сам W. de Basil всегда недоумевал, почему все так весело его встречают, когда по ходу действия выход старого колдуна должен был вызывать страх и ужас у окружающих. Узнал правду об этом W. de Basil тоже уже гораздо позже и, конечно, не сердился за наши, в сущности, невинные проказы.

Этот новый восточный балет, как и предполагалось, в первый раз увидел рампу в Nantes – это было в первых числах декабря. Балет имел очень большой успех и надолго остался в репертуаре, равно как и выдержки из «Лебединого озера», где W. de Basil также участвовал, изображая роль чудовища.

Между тем *tournée* продолжалось с тем же успехом, и к 20 декабря оно должно было закончиться и вся труппа – возвратиться в Париж. Оставалось несколько дней до окончания *tournée*, и W. de Basil, предвидя уже новое *tournée* в январе 1924 года, начал переговоры с каждым из нас в отдельности. W. de Basil обладал каким-то удивительным шармом и способностью уговорить своего собеседника всегда в том, что ему было нужно. Кто знал лично W. de Basil, наверно, не станут отрицать этой его персональной особенности. В моей памяти сохранилось много случаев, подтверждающих мои слова. Так было, конечно, и на этот раз. Все мы устали, всем за три месяца путешествия надоело болтаться по бесконечным пересадкам, и почти все думали оставить труппу и больше в *tournée* не ехать. Но тут-то и

появился на сцене шарм W. de Basil, и в последнем городе, как сейчас помню – Poitiers, перед Парижем, все мы после задушевных переговоров подписали с W. de B<asil> новые контракты с 1 января на весь 1924 год. Закончив на этом первое tournée, мы в двадцатых числах декабря вернулись в Париж.

1924 год

Первого января 1924 года мы уехали снова в Бельгию, в город Azzas, где дали три спектакля, после чего вернулись в Париж на два дня. В конце декабря, будучи в Париже, репетиции продолжались ежедневно, и спектакль наш уже значительно окреп и принял более профессиональный облик. В таком виде мы снова бесконечно меняли театры и города Франции. Почти после каждых 5–6 недель путешествия мы неизменно возвращались в Париж, отдыхали несколько дней и снова уносились дальше. Во время таких поездок несколько раз выступали даже в больших cinémas в Paris. Так продолжалось с небольшими перерывами до начала сентября 1924 года. Во время летнего сезона мы посетили почти все курорты Франции, а также Бельгии. Тут-то и сказались организаторские способности W. de Basil, не считая уже приобретенного опыта в деле руководства труппой. Во всяком случае, tournée наше во время летнего сезона было организовано блестяще, и по окончании его у всех нас осталось самое отрадное впечатление. Переезды из одного города в другой были так налажены, что мы не чувствовали почти никогда усталости и к спектаклю были постоянно en forme¹³. Отношения с директором установились самые дружеские; почти за год совместной работы мы хорошо друг друга узнали и стали больше понимать один другого.

Однажды произошел весьма курьезный случай, доставивший нам немало веселья. Не помню, в каком городе это произошло, но вспоминаю, что спектакль был весьма торжественный. Сцена была небольшая, кулисы неглубокие, и пожарный кран, укрепленный в боковой стене, находился, может быть, в каких-нибудь полутора метрах от края сцены. Шел номер «Смерть Азы» на музыку Грига, в котором главную роль играла Нина Львовна Леонидова (жена W. de Basil), а я изображал саму смерть, которая в известный, самый патетический момент появилась перед Азой. Одет я был в белый балахон, имея на лице маску, изображавшую череп.

И вот нужно же было случиться именно так, что, когда в самый патетический момент я появился на сцене, выйдя из противоположной кулисы, где был пожарный кран, именно в этот самый момент почему-то из этого самого крана широкой струей, словно водопад, бурно и с большим шумом хлынула вода. И так как сам кран был близко от сцены, то весь этот водопад на глазах у публики стал за-

ливать сцену. Видя такую картину, легко догадаться, как реагировали артисты, находящиеся на сцене. Мрачная смерть, подобрав фалды своего балахона, немедленно ретировалась в противоположную водопаду кулису, а за ней вприпрыжку последовала и сама, не успевшая на этот раз умереть, Аза. Не стану говорить о том, как реагировала на это публика, – в зале был, конечно, гомерический хохот. Директор рвал и метал и разразился ругательствами по адресу пожарного, дежурившего у крана, который, впрочем, сам так растерялся, что не сразу закрутил кран.

Каким образом кран вдруг отпал и превратился в водопад, так выяснено и не было. Пришлось на некоторое время прекратить спектакль, пока все придет в порядок, и спустя десять минут спектакль продол<жился>.

<Тетрадь вторая>

Итак, в начале сентября 1924 года мы снова очутились в Париже. В то время в Париже проживал известный еще по России театральный предприниматель Зон¹². Нашему директору W. de Basil удалось заинтересовать Зона своей уже хорошо сколоченной труппой, давшей в течение года большое количество спектаклей и приобретшей уже некоторую известность в театральном мире. В один из ближайших дней после нашего приезда в Париж для Зона был дан пробный спектакль, после чего всем нам было предложено им же, Зоном, подписать контракт в один из его театров в Риме. В это время Зон стоял во главе большого театрального дела, имевшего театры по всем крупным центрам Европы. Контракт с Зоном все мы подписали с 6 января по 6 <июня> 1925-го – сохраняя свою принадлежность к Русскому балету W. de Basil. Все это нам улыбалось, т. к. открывались какие-то новые перспективы. Но до этого момента было еще много времени. Между тем W. de Basil уже организовал поездку в St. Sebastiano, куда мы должны были прибыть 12-го октября. Работа предстояла в Курзале, где мы должны были оставаться 2 нед<ели>, и каждую неделю нужно было менять программу, а потому своим небольшим составом пришлось увеличить труппу <так!> и добрать еще двух танцовщиц, а также бывшего тогда в Париже польского танцовщика Parnel¹³ со своей партнершей Павлицевой. У этой танцевальной пары был свой обширный репертуар. Таким образом, соединив нашу программу с репертуаром Парнеля, да еще кое-что поставив для ансамбля, – получилось 2 программы, с которыми мы успешно выступали в Курзале San Sebastiano в течение двух недель. Помню, в этом году октябрь в Испании был на редкость теплым, и мы после дождливого и холодного Парижа буквально наслаждались теплом и солнцем.

Это была наша первая поездка в Испанию, и все мы от нее остались очень довольны.

Программа наша заканчивалась обыкновенно кавказским танцем-лезгинкой, в которой участвовало только четверо. Для поднятия настроения все, кто был свободен, а часто и театральные рабочие призывались на помощь, хлопать в ладоши и подпрыгивать, стоя в кулисах. Иногда не было настроения и желания спускаться специально для этого на сцену, и мы куда-нибудь исчезали и делали вид, что не слышим призывов директора; тогда хлопки были жидкие, настроение не создавалось, и после спектакля W. de Basil на провинившихся обрушивался с упреками. Виновные преступники скромно выслушивали его, обещая в следующий раз не манкировать.

27 октября 1924 г. мы уже снова вернулись из Испании в Paris. В нашей труппе между тем произошли некоторые изменения. Первая танцовщица Elise Gluck и Дм. Гречихин отказались от службы у Зона. Я и O. Smirnova еще раньше подписали контракт в балете Русской оперы, отправляющейся в Испанию 15 novembre на сезон до 5 janvier 1925. После этого мы предполагали поехать прямо в Италию к Зону, согласно подписанному ранее контракту. Но для этого нужно было оставаться в Париже, чтобы участвовать на репетициях для Зона. Нужно было выбрать или одно, или другое. Балетную труппу для Испании возглавил Ф.А. Васильев, наш старый знакомый, и тоже уговаривал нас не подводить его и ехать в Barcelone. С другой стороны, W. de Basil уговаривал оставаться в Париже, чтобы позже ехать в Италию к Зону. Не помню уже, как все это окончилось, но мы все поехали в Barcelone с балетом Русской оперы.

– Описание времен в Barcelone.¹⁴

Вернулись в Париж 7 janvier 1925 года и стали работать самостоятельно. Между тем труппа, переформированная и обновленная новым танцевальным элементом, уехала в Италию. Спустя короткое время труппа попала в Африку, где выступления были не совсем удачными и tournée, организованное уже 3 июля, окончилось почти катастрофой. До нас доходили сведения, что труппа там очутилась в тяжелом материальном положении и с большими трудностями вернулась в Париж. Позже мне об этом рассказывал сам W. de Basil.

В течение всего лета 1925 года я работал со своей партнершей самостоятельно, т. к. фактически труппа, руководимая W. de Basil и переданная в антрепризу Зона, больше не существовала. Я довольно часто все же встречался с W. de Basil, который не оставлял мысли снова составить свою *compagnie* со своим старым составом и в увеличенном виде. Как раз к этому периоду времени относится организация театрального общества и одновременно театрального агентства, инициатором которого был все тот же неутомимый организатор

W. de Basil. В состав этого нового театрального предприятия входили князь Церетели¹⁵, известный театральный деятель еще в России, упомянутый уже мною также театральный деятель Зон и наш директор W. de Basil.

Из сокращенных фамилий этих трех лиц составилось название новой театральной фирмы и предприятия «Цер-Ба-Зон» – сокращенно, что нужно было подразумевать: Церетели, Basil, Зон.

Агентство это существовало много лет, и на долю W. de Basil, как всегда, выпадала самая трудная и ответственная работа, с которой он блестяще справлялся.

Там же, в этом агентстве «Цербазон», зародилась впервые мысль о создании постоянной русской оперы в Париже.

Эпоха создания Русской оперы¹⁶

Первый сезон в 1930 году в Théâtre de Champs Elysées. Балетмейстер Бронислава Нижинская¹⁷.

1932 – Разделение – 2 балета. Ballet Russe de Monte-Carlo¹⁸.

Сезон в Bruxelles et Голландия.

– Champs Elysées.

Снова поездки в Belgique, Голландия; Германия и Швейцария.

1933 год

Возвращение в Opéra Monte-Carlo, обслуживали Opéra и балетные спектакли. Балетмейстер Massine¹⁹. Поездка Barcelona – Liceu. Paris – Châtelet – Chaliapin. – Рабрзб. Поездка в Лондон – Mitchel – Alhambra²⁰ сезон.

Декабрь – Юрок²¹ – Америка.

В Америке разъединение труппы, возвращение в Monte-Carlo, где была балетмейстером Нижинская, Мясин – Basil – Америка.

Соединились в Barcelona как одна группа. 1934.

1934 – Снова сезон в Paris, Champs-Elysées

Выезд в London Cowen-Garden. 1934. Сезон. Мясин – балетмейстер.

1934–1935 – снова Америка с Юрок. Сначала в Мексике и Рабрзб., а потом Северная Америка.

1935 в начале – снова возвращаемся в Barcelona (сезон). Испания и London – Cowen-Garden так!.

Америка.

1936

Сезон в Scala – Berlin.

Copenhagen.

London – Covent-Garden.

<В 19>36-м гражданская война в Испании, поэтому из Америки в London.

1936–1937

Образование двух компаний с Войциховским²². Филиппов²³.

Ballet –

Другая компания в Америке.

Снова в London – 1938, начало сезона 19 августа, выехали в Австралию (Новая Зеландия) 1-й компанией, обратно в мае 1939 вернулись в London, должны были ехать в Berlin.

Компания была в Париже.

18 ноября 1939 снова собрали компанию и уехали в Австралию. «Orcaades».

<нрзб.> London'a.

Lifar – <нрзб.> 5–6 танцев.

Ставим Икара.

Compagnie оставалась в Австралии до 10 августа <19>40-го года.

1940 – Попали в Los-Angeles, с Юроком.

Пробыли там до конца <19>41-го года.

<Зимой 19>41-го года в Мексике (когда U.S. вошли в войну), затем Южная Америка, в Brasil прибыли 9 апреля 1942. Argentina, Чили, Uruguay – Южная Америка.

Снова Мексика. 1945 – 1 janvier переехал границу.

Затем Куба и обратно в Brasil.

В octobre 1946 – прибыли в New-York. Dir. Artistique. Окончили в mai 1947.

Первые слухи о прибытии в Европу русского балета Col~~onel~~ de Basil. 1947 май и были sept~~embre~~.

– Прибытие балета – sept~~embre~~ 1947.

– Визит к Basil-ю, после разлуки <нрзб.>.

– Первый спектакль в Париже.

Вторичное поступление в труппу русского балета Col~~onel~~ de Basil в марте 1948 года.

В середине марта 1948 свидание с Basil.

Прибытие артистов из Америки.
Репетиции под руководством Григорьева²⁴.

Паспорта и визы.

Compagnie в 70 человек.

10 avril отъезд в Испанию (сбор в 7 ч<асов>).

Специальный вагон 2-го класса.

11-го утром испанская граница, таможня, паспорта, завтрак и в 8 вечера прибытие в Barcelone. Изобилие продуктов после Парижа.

На следующий день 12-го начались репетиции, до 20-го – première 20 avril.

16 mai закончили сезон в Barcelone. 17-го выехали утром и в 11½ вечера прибыли в Madrid. Поиски отеля до 2-х ночи.

20 мая премьеры в Th<éâtre>.

30-го закончили сезон в Madrid.

1 juin прибыли в Valencia – играли.

Прибытие балета в Париж

В мае месяце 1947 г. разнеслись слухи о прибытии балета Basil-a в Европу. Действительно, спустя короткое время стало известно, что балет в Лондоне. Это подтвердилось тем, что из Парижа было ангажировано несколько танцовщиц. С большим нетерпением балет ожидали в Paris. Наконец, только в начале octobre появились афиши, объявляющие о сезоне балета в Palais de Chayllot²⁵. Сезон был испорчен тем, что в это время была забастовка métro и публика, живущая далеко от театра, не могла попасть на спектакли. Несмотря на это, сезон прошел блестяще. Париж увидел снова настоящий Русский балет.

Я снова встретился с Basil после долгой разлуки. Давали репертуар больших хореографов: балеты Фокина²⁶ Le Coq d'or²⁷, Carnaval²⁸, Scheherazade²⁹, Le Prince Igor³⁰, L'oiseau de Feu³¹, Paganini³² и др. Главным режиссером по-прежнему был Григорьев, сотрудник балета Дягилева, первым тан<цовщиком> был Докудовский³³, премьерши Морозова³⁴, Moulin³⁵.

Беседы с Basil-ем относительно репертуара.

Начало марта 1948 года. Переговоры с Basil относительно поступления в труппу.

Подготовка поездки по Испании.

Начало репетиций. Приезд артистов из Америки.

Отъезд назначен на 8 avril 1948.

Наконец получены визы, и отъезд назначен на 10<-e> число (avril).

Сезон окончился, и начались переговоры о поездке балета в tournée. В первую голову намечалась Испания. Я часто виделся с

Basil-ем. Получил предложение снова вступить в труппу вместе с женой. После недолгих переговоров мы дали свое согласие и в начале марта 1948 года вступили в состав труппы Русского балета Col~~onel~~ de Basil.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эпиграф взят из книги Владимира Владимировича фон Берга «Последние гардемарины» (Париж: Изд. Военно-морского Союза, 1931), в которой рассказывалось о Морском корпусе, ушедшем с Врангелевской армией из Крыма в Бизерту (Тунис).

² Организованные Сергеем Павловичем Дягилевым (1872–1929) ежегодные балетные Русские сезоны продолжались с 1909 по 1913. Созданная им постоянная труппа Русского балета существовала с 1911 до смерти Дягилева в 1929. Подробнее см.: *Лифарь С. Дягилев и с Дягилевым*. Париж, 1939; *Григорьев С. Балет Дягилева*. М., 1993.

³ Елизавета Германовна (Элизабет) Глюк – балерина, балетмейстер; в эмиграции в Константинополе, затем в Париже.

⁴ труппа (*франц.*).

⁵ Ольга Михайловна Смирнова (2.03.1903 – 12.06.1936) – балерина, дочь генерал-лейтенанта Михаила Николаевича Смирнова (1861–1933). Умерла от перитонита на операционном столе в 1936.

⁶ Мария Александровна Арцибушева (Арцибушева) – балерина, хореограф, педагог, до революции директор московского Театра миниатюр.

⁷ Дмитрий Михайлович Гречихин (?–1961) – артист балета.

⁸ Нина Львовна Леонидова – балерина, первая жена В.Г. Воскресенского.

⁹ Правильно: Федор Алексеевич Васильев – артист балета, балетмейстер, педагог.

¹⁰ зал для празднеств (*франц.*).

¹¹ в форме (*франц.*).

¹² И.С.Зон – театральный деятель, до революции владелец театра в Москве.

¹³ Феликс Парнель (Parnell; 13.12.1898 – 4.4.1980) – польский артист балета.

¹⁴ В тексте рукописи этого описания нет.

¹⁵ Акакий (Алексей) Ростомович Церетели, князь (1840–1942) – грузинский поэт, театральный деятель. В 1896 организовал оперную труппу в Харькове, которая гастролировала по югу России, а затем в Петербурге, куда переехала в 1904, получив название «Новая опера». В 1917 эмигрировал в Париж, где продолжил свою деятельность импресарио. В 1921 совместно с французским агентом А. Каном организовал театральное бюро по найму артистов, создал труппу для оперных сезонов в Барселоне. Устраивал выступления Шаляпина. В 1929 принял участие в создании Русской оперы в Париже, в 1930 пригласил в качестве компаньона и администратора Русской оперы полковника де Базилля.

¹⁶ Далее идет конспект предполагавшегося текста воспоминаний.

¹⁷ Бронислава Фоминична Нижинская (1890/1891 – 1972) – балерина, педагог, балетмейстер, сестра Вацлава Нижинского. С 1921 в эмиграции; участница труппы Дягилева, руководитель парижской труппы «Польский балет» (1937), основатель балетной школы в Лос-Анджелесе (1938), руководитель школы «Ballet Theatre» в Нью-Йорке (с 1952).

¹⁸ Труппа «Les Ballets Russes de Monte-Carlo» была создана полковником де Базилом и французским импресарио Рене Блюмом (Blum; 1878–1942) в 1932 на основе балетных трупп Оперного театра Монте-Карло и Русской оперы Парижа. В 1935 организаторы поссорились, труппа раскололась, и к следующему сезону каждый основал свое дело. Блюм создал труппу «Le Ballet de Monte-Carlo» (в 1938–1939 его труппа вернулась к прежнему названию «Le Ballet Russe de Monte-Carlo», а после войны возобновила свою деятельность в США, где просуществовала до 1962). В. де Базилю на звал труппу своим именем – «Les Ballets Russes du Colonel de Basil» (в 1938–1939 труппа называлась «Le Ballet Russe», а с 1939 «Original Ballet Russe» и под таким названием просуществовала до 1948).

¹⁹ Леонид Федорович Мясин (Massine; 1895–1979) стал главным балетмейстером «Les Ballets Russes de Monte-Carlo» после ухода Баланчина в 1933. После разделения труппы ушел с де Базилом и работал у него до 1937, после чего создал собственную труппу.

²⁰ Имеется в виду лондонский мюзик-холл «Alhambra».

²¹ Сол Юрок (Hurok; наст. имя Гурок Соломон Израилевич; 1888–1974) – американский импресарио. Родился в России, эмигрировал в США в 1906. С 1914 организовывал в Америке гастрольные выступления многих выдающихся музыкантов, певцов, танцоров, театральных деятелей, в том числе Федора Шаляпина, Анны Павловой. См. его воспоминания: *Hurok S. Hurok presents: A memoir of the dance world*. New York, 1953.

²² Леон Войцеховский (Вуйчиковский; Wójcikowski; 20.02.1899 – 23.02.1975) – польский артист балета.

²³ Ф.Д. Филиппов – администратор труппы, заменивший де Базиля.

²⁴ Сергей Леонидович Григорьев (1883–1968) – артист балета. В 1909–1929 режиссер и администратор в труппе Дягилева, с 1932 работал в труппе «Les Ballets Russes de Monte-Carlo» (затем в «Les Ballets Russes du Colonel de Basil» и «Original Ballet Russe» – до 1952).

²⁵ Правильно: Palais de Chaillot. Концертный зал в районе Трокадеро.

²⁶ Михаил Михайлович Фокин (1880–1942) – артист балета, балетмейстер, педагог. В 1909–1912 и 1914 художественный руководитель, балетмейстер и танцовщик «Русских сезонов» и труппы Дягилева. В 1918 уехал на гастрольные выступления в Швецию, из этой поездки на родину не вернулся. С 1919 жил в США, с 1921 – в Нью-Йорке; основатель и руководитель балетной школы (1921–1942). В 1936 работал в труппе «Les Ballet russe de Monte-Carlo», в 1937–1939 – в труппе «Les Ballets russes du Colonel de Basil».

²⁷ «Золотой петушок» – балет с пением в трех актах на музыку одноименной оперы Н.А. Римского-Корсакова (оперное либретто В.И. Бельского на сюжет «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина), впервые поставленный М.М. Фокиным в 1914. В 1937 в Лондоне с труппой «Les Ballets russes

du Colonel de Basil» Фокин создал 45-минутную балетную версию «Золотого петушка».

²⁸ «Карнавал» – одноактный балет на музыку одноименного фортепьянного цикла Р.Шумана. Впервые балет в постановке М.М.Фокина был показан 20 февраля 1910 на благотворительном спектакле в Петербурге, а три месяца спустя, 20 мая 1910, «Карнавалом» открылся второй «Русский сезон» Дягилева в берлинском Театре дес Вестенс.

²⁹ «Шехерезада» – хореографическая драма в одном действии по мотивам «Сказок 1001 ночи» на музыку одноименной симфонической сюиты Н.А.Римского-Корсакова. Премьера постановки М.М.Фокина состоялась 4 июня 1910 во время второго «Русского сезона» Дягилева в Париже.

³⁰ Премьера балета «Князь Игорь» (постановка А.А.Санина, хореография М.М.Фокина) в исполнении труппы «Русский балет» состоялась в Королевском театре Друри Лейн.

³¹ «Жар-Птица» – одноактный балет в двух картинах по мотивам русских народных сказок (композитор И.Ф.Стравинский, сценарист М.М.Фокин) – был написан для «Русских сезонов» Дягилева. Премьера состоялась 25 июня 1910 в парижской Опере, во время второго спектакля партию Ивана-царевича исполнял Фокин, Жар-птицы – Т.Карсавина.

³² «Паганини» – одноактный балет в трех картинах, поставленный М.М.Фокиным на музыку «Рапсодии на тему Паганини» С.В.Рахманинова (сценарий написан совместно Рахманиновым и Фокиным). Впервые показан труппой «Original Ballet Russe» на сцене лондонского театра «Ковент-гарден» 30 июня 1939.

³³ Владимир Докудовский (31.05.1920 – 24.12.1998) – артист балета, родился в Монте-Карло. С 1934 работал в балетной труппе Оперного театра Монте-Карло, с 1936 принимал участие в выступлениях других русских трупп Парижа, а также в польском балете Нижинской. В 1939 с труппой «Le Ballet Russe» уехал в США и продолжал выступать в «Original Ballet Russe» вплоть до прекращения деятельности труппы. В 1966 организовал балетную школу «American Ballet Theatre» в Нью-Йорке («Консерватория Докудовского»).

³⁴ Ольга Александровна Вершинина (по мужу Воскресенская; артистическое имя Морозова; 19.08.1911 – 9.10.1993) – балерина, вторая жена В. де Базиля (с 1938).

³⁵ Женестьева Мулен – балерина.

Д

**Статьи,
исследования**

Виктор Юзефович
РОССИЙСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО*
Первое десятилетие: В Берлине и Москве

«Возможно, что некоторые идеи, вызвавшие создание такого учреждения, и не оправдали себя, некоторые за короткое время пережили себя уже, но то, что осталось для дальнейшего, все же столь крупно, существенно и интересно, что этого достаточно, чтобы продолжить дело с тем же увлечением, с той же любовью, на пользу служения любимому музыкальному искусству...»

(Николай Струве. Письмо к Александру Оссовскому от 12(25) марта 1914, Берлин)¹

Возвращение на родину культурного наследия русской эмиграции сделалось одним из значительнейших событий интеллектуальной жизни России последних десятилетий. Интенсивность этого процесса в разных областях культуры весьма не одинакова, и, если сравнивать с философией, литературой, изобразительным искусством, театром и кино, в этом ряду музыка оказалась далеко не на первом месте. Творчество таких композиторов, как Сергей Рахманинов, Игорь Стравинский, Николай Метнер, Александр Гречанинов, таких музыкантов-исполнителей, как Федор Шаляпин, Яша Хейфец, Владимир Горовиц, Натан Мильштейн, прочно вошло уже в понятие

* В настоящем выпуске «Диаспоры» публикуется первая часть исследования.

¹ Кабинет рукописей Российского Института истории искусств (Санкт-Петербург) (далее – КР РИИИ). Ф.22 (А.В.Оссовский). Оп.1. Ед.хр.172. Л.31.

«русская музыкальная культура». Появились первые книги и исследования о композиторах Александре Черепнине², Иване Вышнеградском³, о музыкальном деятеле Петре Сувчинском⁴.

Однако малоизученных имен и явлений гораздо больше. До сих пор не написаны многие биографии, не исследованы творческие принципы, не уточнен исторический вклад в русскую музыку композиторов Федора Акименко, Фомы Гартмана, Ефима Голышева, Владимира Дукельского, Николая Лопатникова, Артура Лурье, Николая Набокова, Николая Обухова, Владимира Усачевского, Иосифа Шиллингера, музыковедов и критиков Виктора Вальтера, Евгения Гунста, Леонида Сабанеева, Бориса Шлецера, Иосифа Яссера, дирижеров Осипа Габриловича, Сергея Кусевицкого и Николая Соколова, оперных режиссеров Федора Комиссаржевского и Александра Санина, множества первоклассных музыкантов-исполнителей – к примеру, виолончелиста Григория Пятигорского или певицы Нины Кошиц. Не прослежена история многих русских музыкальных учреждений за рубежом – творческих союзов и объединений, издательств, учебных заведений, газет и журналов.

Этим и вызвано появление настоящего очерка об истории Российского музыкального издательства (РМИ). Учрежденное в 1909 замечательным русским музыкантом Сергеем Александровичем Кусевицким (1874–1951), оно функционировало вплоть до 1948. Большая часть его истории разворачивалась за пределами России.

Жизнь Кусевицкого, наполненная неустанным трудом, вместила в себя множество событий и встреч. Было в ней немало триумфов, случались и поражения. Родившийся в российской провинциальной семье, Кусевицкий возвысился до вершин культуры своего времени, сделался одним из выдающихся ее деятелей и строителей, получил несколько наград из рук Николая II, удостоился ордена Почетного Легиона в Париже и множества почетных титулов в Америке. Он пережил три русские революции и две мировые войны. Ему посчастливилось тесно общаться со Скрябиным и Рахманиновым, Стравинским и Прокофьевым, Дебюсси и Равелем, Коплендом, Гершвином и Бернштейном.

Кусевицкий прославился как один из крупнейших исполнителей-контрабасистов за всю историю этого инструмента. Сольные концерты его на контрабасе были явлением одинаково уникальным как

² *Корабельникова Л.* Александр Черепнин: Долгое странствие. М.: Языки русской культуры, 1999.

³ *Иван Вышнеградский. Пирамида жизни / Автор проекта, сост., ред. А.Бретаницкая.* М.: Композитор, 2001.

⁴ *Петр Петрович Сувчинский и его время / Автор проекта, сост., ред. А.Бретаницкая.* М.: Композитор, 1999.

для России, так и для Запада. Ему довелось гастролировать в главных музыкальных центрах Европы, выступать под управлением дирижера Артура Никиша, играть перед Чайковским и Львом Толстым, появляться на эстраде вместе с Собиновым и Шаляпиным. Не удовлетворившись, однако, карьерой контрабасиста, он осваивает под руководством Артура Никиша дирижирование и после успешных дебютов в Европе возвращается в Россию. Капитал своей жены Наталии, дочери купца-миллионера Константина Ушкова, и все собственные гонорары Кусевицкий вкладывает в широкую и разностороннюю музыкально-общественную деятельность.

Просветительский дух основанных в 1909 «Концертов С.Кусевицкого» и ориентация на современный репертуар сделали их одним из высших достижений культурной жизни предреволюционной России. Созданный дирижером оркестр – первый в России оркестр, не связанный обязательствами играть оперные и балетные спектакли в театре, – быстро сделался лучшим в России.

Всему этому предшествовало учреждение Кусевицким Российского музыкального издательства, в котором на небывало выгодных условиях публиковали свои сочинения Гречанинов, Метнер, Прокофьев, Рахманинов, Скрябин, Стравинский, Танеев и многие другие композиторы XX века.

РУССКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА И ПОЛОЖЕНИЕ КОМПОЗИТОРОВ

В свое время меж музыкантами в ходу была острота Макса Регера, вопрошавшего: «Что общего между композитором и свиньей?» Ответ на этот вопрос звучал так: оба они ценятся только после смерти... Положение русских композиторов как нельзя лучше подтверждало печальный юмор немецкого коллеги.

Еще с начала XIX века в России функционировало множество музыкальных издательств. Наиболее значительным из них было издательство Петра Юргенсона, основанное в 1861 в Москве при поддержке и одобрении Николая Рубинштейна. Отличное знание издательского процесса и музыкального рынка, предприимчивость и настойчивость обеспечили Юргенсону успех. Совершенствование полиграфической техники и увеличение тиражей позволили значительно удешевить нотную продукцию. У Юргенсона увидели свет почти все произведения Чайковского. Фирма его пользовалась высоким международным авторитетом.

В последней четверти века наиболее значительные русские издательства объединяются, мелкие сходят со сцены, в чем сказались общие процессы развития капитализма в России. В 1885 Юргенсон присоединил к своей фирме издательство Матвея Бернарда в Петер-

бурге, которое публиковало главным образом романсы и фортепианные пьесы русских композиторов. Годом позднее укрупнил свое дело и другой видный нотоиздатель – Карл Гутхейль, фирма которого была основана в Москве в 1859 его отцом Александром Гутхейлем. Одной из крупнейших в России сделалась эта фирма после присоединения старинного петербургского издательства Федора Стелловского, выпускавшего сочинения русских композиторов.

В 1885 начинает свою работу издательство «М.Беляев в Лейпциге». Основанное богатым коммерсантом-лесопромышленником и высокообразованным меломаном Митрофаном Беляевым, оно имело своей целью (как и учрежденные им в том же году «Русские симфонические концерты») широкую пропаганду русской музыки и материальную поддержку композиторов. Здесь издавались произведения Бородина, Римского-Корсакова, Глазунова, Лядова, Скрябина, Танеева (до 1909), некоторые сочинения Мусоргского и Чайковского. Накануне 10-летнего юбилея издательства каталог его содержал 850 названий, в 1914 – около 3000, более четверти которых составляла музыка современных авторов. «Всецело отдавшись служению искусству, он признавался, – вспоминал о Беляеве Александр Глазунов, – что начал терпеть убытки, но этот материальный ущерб был ему дороже прежней прибыли»⁵.

Выплачивая композиторам больший гонорар, чем платили им другие издатели, Беляев никогда не претендовал на поспектакльные отчисления за исполнение сценических произведений. Издания Беляева не знали равных себе и в тщательности полиграфического выполнения. Немало нового, прогрессивного из опыта издательства Беляева послужит Кусевицкому образцом для подражания.

К началу XX века продолжали свою деятельность и два другие петербургские издательства – основанное в 1869 «В.Бессель и К^о» и открытое в 1875 издательство Юлия Циммермана. Первое публиковало оперы композиторов «Могучей кучки» (причем, впервые в России, не только партитуры, но и оркестровые и хоровые голоса). Со вторым, имевшим свои отделения в Москве, Лейпциге, Лондоне и Риге, сотрудничали Балакирев, Ляпунов, Танеев, Метнер, Гречанинов.

Первые полтора десятилетия XX века вносят в музыкально-издательское дело России значительные изменения. В 1904 ушли из жизни Беляев и Юргенсон. Издательство Беляева после смерти своего основателя и в особенности после кончины в 1908 Римского-Корсакова превращается постепенно в сугубо коммерческое пред-

⁵ Глазунов А. Памяти Митрофана Петровича Беляева // Памяти Митрофана Петровича Беляева: Сб. очерков, статей и воспоминаний. Париж: Изд. Попечительного совета для поощрения русских композиторов и музыкантов, 1929. С.20-21.

приятие. «...Ни для кого не тайна, – напишет в 1914 Мясковский, – что оставленное М.П.Беляевым наследие как в форме издательства, так и организации концертов в течение последних лет <...> выродилось точно в вотчину какого-то небольшого круга музыкантов с весьма малоустойчивой художественной совестью, большой склонностью к кумовству и полнейшим равнодушием не только к общественным интересам, но и просто к вопросам искусства»⁶. В 1915 в связи с антинемецкими настроениями в России Гутхейль продаст свое издательство Кусевецкому, а Циммерман переведет дело в Лейпциг.

Несмотря на широкий разворот музыкально-издательского дела, материальное положение русских композиторов оставалось поистине плачевным. Более чем скромны был гонорары, которые получал Чайковский от Юргенсона. Эксклюзивное право публикации всех произведений Мусоргского буквально за гроши приобрел Бессель. Скрябин оказался после смерти Беляева на грани материального краха. Танеев, мечтавший о сочинении кантаты «По прочтении псалма», долгие годы не находил издателя, который согласился бы выплатить ему хотя бы минимальный аванс, – большинство предпочитало публиковать более ходовые произведения мелкой формы...

Положение русских творцов музыки осложнялось помимо всего тем, что Россия не была членом Бернской конвенции по охране авторских прав. Западные концертные и оперные менеджеры ничего не платили русским композиторам за исполнение их музыки – так же, как не платили им и музыкальные издатели за публикацию их произведений. Задачу в корне изменить эту ситуацию ставит перед собой в 1906 Кусевецкий.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ КУСЕВИЦКОГО ПО ПОДДЕРЖКЕ КОМПОЗИТОРОВ

Стремление в корне изменить положение русских композиторов сделалось для Кусевецкого побудительным стимулом, когда он задумался об учреждении нового музыкального издательства, построенного на принципиально иной финансовой основе.

Идея эта возникла у Кусевецкого и Рахманинова в начале 1906 в Германии. Они к тому времени знали друг друга уже почти полтора десятилетия. Знакомство их состоялось осенью 1892. Молодой композитор находился на этапе стремительного творческого роста. Чайковский назвал его одним из наиболее перспективных композиторов.

⁶ *Мизантроп* <Н.Мясковский>. Петербургские письма. XVI(1) // Музыка. 1914. №178, 19 апреля. С.331.

Год спустя Кусевецкий присутствовал на премьере оперы Рахманинова «Алеко» в Большом театре. Будущее обещало композитору славу, настоящее вынуждало во имя скромного заработка выступать в концертах гораздо чаще, чем ему хотелось. На одном из таких концертов и состоялось знакомство музыкантов⁷.

Освобождение композиторов от кабальных условий, которые навязывались им издателями, выдвигалось Кусевецким как приоритетная задача нового издательства. Это сразу же поставило его в ряд с самыми известными в России меценатами. Ему было здесь с кого брать пример. Надежда фон Мекк прославила себя бескорыстной помощью Чайковскому, Савва Мамонтов открыл Московскую частную оперу, Митрофан Беляев, как мы уже знаем, основал музыкальное издательство и Русские симфонические концерты, а также учредил ежегодные Глинкинские премии для поощрения русских композиторов. Михаил Абрамович Морозов регулярно поддерживал Императорское Русское музыкальное общество и Московское филармоническое общество. Маргарита Кирилловна Морозова оказывала финансовую поддержку Скрябину и, позднее, Николаю Метнеру. Капиталист Протопопов пожертвовал миллион рублей на строительство нового здания Московской консерватории. Константин Ушков постоянно помогал молодым музыкантам.

Российское музыкальное издательство оставалось еще в проекте, Кусевецкий не дебютировал еще как дирижер, но работа его по продвижению к слушателям сочинений современных русских композиторов уже началась. Живя в 1905–1909 в Берлине и готовя себя к дирижерской карьере, он знакомится с Луизой Вольф. Вдова основателя и многолетнего руководителя Концертной дирекции Германа Вольфа, она успешно продолжала дело своего покойного мужа. С ее помощью в 1907–1908 Кусевецкий устраивает авторские концерты Глиэра и Танеева.

⁷ Рахманинов оказался в самом начале длинной череды композиторов – русских, западноевропейских, американских, – с которыми посчастливилось сотрудничать Кусевецкому как издателю и дирижеру. Встрече с Рахманиновым предшествовала лишь встреча с Чайковским. 26 апреля 1892 в театре Шеллапутина в Москве, в антрепризе Прянишникова, Кусевецкий слушал «Евгения Онегина» под управлением автора; присутствовал 7 марта 1893 на сцене Большого театра на премьере сюиты из балета «Щелкунчик». В том же году контрабасист был представлен Чайковскому, который пригласил его посетить свою московскую квартиру на углу Поварской улицы и Садового кольца. Кусевецкий сыграл на контрабасе виолончельное переложение знаменитого *Andante Cantabile* из Первого квартета Чайковского под аккомпанемент автора. Хотя личное знакомство с Чайковским так и ограничилось этой единственной встречей, Кусевецкий не раз повторит впоследствии, что имя Чайковского стоит первым в черед композиторов, с которыми столкнула его судьба.

Глиэр приехал в Берлин еще в начале зимы 1905. Кусевицкие сняли для него квартиру. Хорошо знакомы были они и с женой композитора Марией Робертовной (урожд. Ренквист), вместе отдыхали одно лето в Швейцарии, другое в Биаррице. Уроки композиции, которые Кусевицкий брал у Глиэра, походили скорее на уроки теории музыки и гармонии: пробелы в образовании, полученные в Московском филармоническом училище, будущий дирижер ощутил намного раньше, чем об этом заговорили критики. Высоко ценя творчество композитора, Кусевицкий словно не хотел отпускать его далеко от себя и готов был в любую минуту прийти ему на помощь. «Вы обещали сказать, если Вам нужен будет презренный металл, – писал он Глиэру. – Я прошу Вас, как только Вам будет надо, мне написать, и сейчас же Вам переведу»⁸.

В программе двух камерных концертов Глиэра в Бетховенском зале Берлина (февраль–март 1907) прозвучали его имевшие большой успех у публики и прессы Первый и Второй квартеты, Третий секстет, фортепианные пьесы в исполнении Леопольда Годовского и романсы. Пела их под аккомпанемент автора певица, специально приглашенная Кусевицким из Парижа.

Для двух авторских концертов Танеева Кусевицкий приглашает в Германию самого композитора и знаменитый Чешский квартет. Этот ансамбль имел прочные связи с русской музыкальной культурой в целом и с Танеевым в частности. В 1897 «чехи» блистательно исполнили его Второй квартет, а два года спустя композитор посвятил им свой Четвертый квартет. В последние годы жизни Танеев будет многократно играть с ними лучшее из своих камерно-ансамблевых сочинений – Второй фортепианный квинтет.

Первый из концертов Танеева состоялся 9 декабря в Берлине, второй – через два дня в Вене. Квартетисты организовали также концерт 14 декабря в Праге. Исполнение Фортепианного трио ре мажор (оп. 22), Шестого струнного квартета си-бемоль мажор (оп. 19) и Фортепианного квартета ми мажор (оп. 20) привлекло внимание западной музыкальной аудитории, мало знакомой еще тогда с творчеством Танеева. «От всей души поздравляю Вас с огромным успехом, который Вы всюду имели, – писал Кусевицкий композитору. – Несмотря на обилие концертов в Berlin'e, Ваш вечер в музыкальных кругах до сих пор не забыт. Посылаю Вам берлинские рецензии, такие единодушные похвалы – очень большая редкость»⁹.

⁸ Кусевицкий – Глиэру, (почтовый штемпель: 8(21) июля 1906, Биарриц). – РГАЛИ. Ф.2085 (Р.М.Глиэр). Оп.1. Ед.хр.747.

⁹ Кусевицкий – Танееву. 7 января 1909, Берлин. – Там же. Ф.880 (С.И.Танеев). Оп.1. Ед.хр.297.

ЗНАКОМСТВО КУСЕВИЦКОГО СО СКРЯБИНЫМ

Основанию Российского музыкального издательства предшествовало также знакомство Кусевицкого со Скрябиным. Музыка композитора он открыл для себя еще в студенческие годы: не раз слушал концерты Скрябина-пианиста, присутствовал на московских премьерах Первой (1902) и Второй (1903) симфоний Скрябина, осуществленных Василием Сафоновым; находился, подобно многим современникам, под властью несравненного обаяния композитора. Лично познакомиться им, однако, не довелось ни тогда, в Москве, ни в 1907, в Париже, в дни «Русских исторических концертов» Сергея Дягилева.

В апреле 1908 Кусевицкий получил письмо от друга юности композитора Ольги Монигетти. Она сообщала о тяжелом материальном положении Скрябина и просила помочь с изданием его сочинений. Тотчас же Кусевицкий телеграфировал Скрябину: «Продлите пребывание в Лозанне до начала июня. Необходимо видеть по важному делу. Кусевицкий»¹⁰. В начале июня он специально отправляется в Швейцарию, чтобы лично познакомиться с композитором.

Завершив «Поэму экстаза» и Пятую фортепианную сонату, Скрябин действительно находился на трудном переломе своего жизненного пути. Положение его резко изменилось со смертью в начале 1904 Митрофана Беляева. Это он издавал произведения Скрябина и оказывал ему существенную материальную поддержку. Это он устроил первые зарубежные гастроли композитора. Это он от имени «тайнственного любителя русской музыки» чуть ли не ежегодно награждал его Глинкинскими премиями. А теперь Попечительный совет издательства прекратил ежемесячную выплату композитору 200 рублей и сообщил ему, что гонорары за его сочинения будут сокращены вдвое.

Отказавшись от сотрудничества с беляевским издательством, Скрябин был на грани материального краха. Он обратился в Лейпциге в издательство Циммермана и послал туда для ознакомления несколько своих сочинений. В ответном письме сообщалось, что, хотя лейпцигские профессора отозвались о его музыке неодобрительно, «издательство с удовольствием будет печатать мелодические вальсы с оплатой по 25 рублей за каждый»¹¹. Скрябин взялся было издавать свои сочинения самостоятельно, но быстро понял, что не обладает ни малейшими практическими навыками ведения дел.

¹⁰ Кусевицкий – Скрябину. Телеграмма от 17(30) апреля 1908, Париж. – Гос. Центральный музей музыкальной культуры им. Глинки (далее – ГЦММК). Ф.31 (А.Н.Скрябин). №579.

¹¹ Цит. по: Мейчик М. А. Скрябин. М.: Музгиз, 1935. С.21.

Именно в этот период жизни композитора Кусевицкий протягивает ему руку помощи. «К чести Сергея Александровича должна сказать, что он исполнил мою просьбу с такой деликатностью, редкой добросовестностью, что буквально вытащил Александра Николаевича из его безвыходного положения», – вспоминала Монигетти¹². «Он пришел как “легендарный принц”, подобно тому, как некогда к бедствующему и изгнанному Вагнеру явился посланец Людовика II Баварского», – напишет позднее о Кусевицком Леонид Сабанеев¹³.

Условия жизни Скрябина в Лозанне показали Кусевицкому постыдные спартанскими. Композитор снимал маленькую квартиру без мебели, одалживая у домовладельца деньги на пропитание. В рабочем кабинете его не было ничего, кроме рояля, стола и единственного стула. Предложив стул гостю, сам Скрябин присел на подоконнике. Так и проходила их первая беседа. Вокруг возвышались груды только что награвированных экземпляров Пятой сонаты, с которыми автор ее совершенно не знал, что делать.

Кусевицкий признался Скрябину, какое сильное впечатление произвела на него его Вторая симфония, исполнявшаяся в Париже под управлением Никиша, расспросил его, над чем он сейчас работает, поделился размышлениями о положении русских композиторов, рассказал об идее и принципах работы будущего музыкального издательства. Скрябин был увлечен, захвачен этим планом, обещал свое посильное сотрудничество в его реализации.

«Скрябин сказал мне, – вспоминал позднее Кусевицкий, – что давно задумал грандиозное сочинение, “Мистерию”, за которую уже частью взялся, но обстоятельства не дают ему возможности сосредоточиться на крупном и заставляют писать мелочи. Если бы ему обеспечить несколько лет спокойной работы, он закончил бы “Мистерию” – самое большое в пять лет. Он хотел поэтому, чтобы издательство дало ему такое обеспечение – по 5000 рублей в течение пяти лет. За это он будет давать издательству мелкие пьесы, и, когда “Мистерия” будет готова, она также будет отдана Российскому музыкальному издательству. На все это я согласился тут же»¹⁴.

Встреча оставила самые благоприятные впечатления у обоих музыкантов. Скрябин впервые за несколько лет ощутил стабильность своего материального положения, сулившую ему оптимальные

¹² Монигетти О. Воспоминания. Александр Николаевич Скрябин в нашей семье // А.Н.Скрябин: Человек. Художник. Мыслитель. М.: Гос. мемориальный музей А.Н.Скрябина, 1994. С.34.

¹³ Сабанеев Л. Воспоминания о Скрябине. М.: Классика-XXI, 2000. С.99.

¹⁴ Цит. по: Энгель Ю. А.Н.Скрябин: Биографический очерк // Музыкальный современник. 1916. №4-5. С.71.

условия для творчества. Обещанное Кусевицким ежегодное содержание в 5000 рублей (по тем временам приблизительно 2500 долларов) более чем вдвое превышало сумму, которую выплачивала композитору опекавшая его Маргарита Кирилловна Морозова. Не получал он и половины этих денег даже в лучшие времена и от издательства Беляева. Кусевицкий, в свою очередь, обрел в лице Скрябина и для будущего издательства, и для своих будущих концертов композитора и пианиста, который сделается вскоре подлинным кумиром России.

«Очень мы сожалеем, что нам не удалось хоть еще несколько часов побыть в Вашем обществе, и особенно жалко, что нам не пришлось поговорить более подробно о наших будущих действиях относительно Ваших семейных дел, – писал Кусевицкий Скрябину, покидая Лозанну. – Мы утешаемся, что Вы доставите нам удовольствие и приедете к нам погостить в Биарриц, и там мы обо всем поговорим»¹⁵.

В момент знакомства с Кусевицким положение Скрябина осложнялось еще и перипетиями его личной жизни. Несколько лет уже жил он с Татьяной Федоровной Шлецер. Однако первая его жена, Вера Ивановна Исакович, не давала развода, что делало невозможным для него возвращение в Москву. Да и за рубежом, в частности в 1907 году в Америке, ему пришлось пережить немало неприятностей из-за неоформленных легально отношений со Шлецер. Давая приют в своем доме в Биаррице не состоявшим в законном браке Скрябиным, Сергей и Наталия Кусевицкие пошли против негласных традиций русского общества той поры.

Июньская встреча Кусевицкого и Скрябина в Лозанне длилась два с небольшим часа. В августе Скрябин и Татьяна Шлецер провели у Кусевицких в Биаррице почти месяц. Музыканты сошлись ближе, подружились и их жены. Частыми гостями Кусевицких были отдохавшие в то лето в Биаррице Георгий Конюс, первый музыкальный педагог Скрябина, и русский скульптор Серафим Судьбинин. На короткое время приезжал в Биарриц Леонид Собинов. Об «очаровательном сердечнейшем гостеприимстве наших друзей, которые окружают нас трогательными заботами», писал из Биаррица Скрябин¹⁶.

Были ли у Скрябина иные, помимо материальных, причины для сближения с Кусевицким? Без сомнения, были. О Кусевицком все вокруг говорили как об одном из наиболее талантливых в России молодых дирижеров. Продолжительные беседы с ним, а впоследст-

¹⁵ Кусевицкий – Скрябину. 27 мая (9 июня) 1908, Париж. – Гос. музей Скрябина (далее – ГМС). Ф.3 (А.Н.Скрябин). №694.

¹⁶ Скрябин – Морозовой. 12(25) августа 1908, Биарриц. – В кн.: Скрябин. Письма / Сост., ред. и примеч. А.Кашперова. М.: Музыка, 1965. С.511.

вии наблюдения за дирижером, властно захватывающим оркестр и аудиторию, давали Скрябину надежду, что он найдет в Кусевицком единомышленника, который разделит с ним идею «магического воздействия на психику, заклинательного принципа искусства»¹⁷. Композитор надеялся, что с помощью Кусевицкого ему удастся реализовать свои идеалы. Надежды эти еще более укрепятся в нем после того, как в руках Кусевицкого окажется лучший в России симфонический оркестр.

По вечерам, за чашкой чая, в Биаррице нередко затевались философские беседы. Философия Скрябина, являя собой сложный сплав, попытку своеобразного синтеза трудов Канта, Фихте, Гегеля, Шеллинга и Блатватской, позволяла ему теоретически обосновать собственную художественную концепцию. Смысл ее сводился к прославлению духовного начала в человеке и в мире как начала божественного. Скрябин пытался было «обратить» в свою веру Кусевицкого, Судьбинина и Конюса, но не встретил с их стороны понимания. Как писал Конюс, «обиженный в своих лучших (теософских) чувствах, Скрябин нашел нас недостойными быть initiés¹⁸ новой веры и круто оборвал собеседования»¹⁹.

Поделился Скрябин с Кусевицким и своим замыслом обновления всех видов искусства, слияния их в некое синтетическое искусство, цель которого – преобразование самой жизни. Осуществить такого рода замысел и должна была новаторская «Мистерия». На все свои прежние сочинения, включая Третью симфонию и «Поэму экстаза», композитор смотрел лишь как на подступы к будущей «Мистерии».

Знакомство со Скрябиным еще раз подтвердило Кусевицкому своевременность его плана создания нового музыкального издательства. Расставаясь со Скрябиным, он рассматривал обещанные композитору деньги как своеобразный аванс, который тот должен будет покрывать со временем своими новыми произведениями. Уже тогда Кусевицкому было ясно, что будущее издательство не сможет никому другому платить такие же высокие гонорары. Не случайно в одном из писем к Скрябину Кусевицкий просил: «...если Вы, может быть, будете писать Рахманинову, то не пишите ему, на каких условиях Вы первые пять лет будете отдавать Ваши сочинения, во избежание всяких разговоров. <...> Я думаю, будет лучше, если вопрос о Вашем гонораре первые пять лет будет нашим частным делом»²⁰.

¹⁷ *Сабанев Л.* Скрябин. М.: Скорпион, 1916. С.229.

¹⁸ адепты (*франц.*).

¹⁹ Георгий Конюс – Л.Собинову. 21 августа (3 сентября) 1908, Берлин. – В кн.: Леонид Витальевич Собинов: В 2 т. Т.2: Статьи, речи, высказывания; Письма к Л.В.Собинову; Воспоминания о Л.В.Собинове. М.: Искусство, 1970. С.105.

²⁰ Кусевицкий – Скрябину. <Между 27 мая (9 июня) и 10(23) июля 1908>, Биарриц. – ГМС. №150.

То, что деловые отношения со Скрябиным не были зафиксированы каким-либо официальным документом, впоследствии делается существенной помехой в устранении конфликта между музыкантами.

ВСТРЕЧА С КРОПОТКИНЫМ.

УЧРЕЖДЕНИЕ РМИ, ЕГО РУКОВОДСТВО И УСТАВ

План и структура нового издательства многократно обсуждались Кусевицким с другими музыкантами, и прежде всего с Рахманиновым. Они встречались в Берлине и Лейпциге, куда Рахманинов часто приезжал из Дрездена, где жил в 1906–1909, в Париже в 1907 – в дни «Русских исторических концертов» Сергея Дягилева. Бесправие русских композиторов Рахманинов сполна испытал и сам. Несколько издателей в Англии и Америке разбогатели на публикациях его имевшей на Западе огромную популярность Прелюдии *cis moll*, в то время как автор ее получил за все эти публикации... 15 долларов!

От первоначальной идеи самоиздательства русских композиторов пришлось отказаться. Опыт «беляевцев» наглядно убеждал: композиторы не способны сами управлять фирмой, да и тратить их время на решение проблем, далеких от творчества, – организационных, правовых, финансовых – вряд ли целесообразно. В окончательном виде РМИ мыслилось Кусевицким как стройная система для решения широкого комплекса проблем музыкальной жизни России.

Вкладывая в издательство собственный капитал, Кусевицкий намеревался тем не менее строить его работу на демократической основе. Наиболее важные аспекты деятельности РМИ должны были, по его замыслу, быть отданы в компетенцию Совета из нескольких выдающихся музыкантов. С самого начала были у Кусевицкого на этот счет и немалые сомнения. Он ясно сознавал, сколь несхожи художественные приоритеты людей искусства. Сумеет ли Совет приходиться к единому мнению относительно новых музыкальных произведений, которые следует издавать в первую очередь?

Желая утвердиться в своих намерениях, казавшихся порой самому ему идеалистическими, Кусевицкий решает посоветоваться с известным русским революционером-анархистом Петром Кропоткиным. Человек знатного происхождения, князь, выпускник Пажеского корпуса в Петербурге, географ, геолог и биолог, Кропоткин был широко и разносторонне образован. Бежав из России из-под ареста, он уже много лет жил в Англии. С большим интересом прочитал Кусевицкий его изданные незадолго до этого «Записки революционера». Глубина, пронизательность суждений Кропоткина о жизни различных слоев русского общества – от членов царской семьи до провинциального крестьянства – покорила его.

Весной 1909 в Лондоне состоялась встреча Кусевицкого с Кропоткиным. В ней принял участие и гастролировавший в то время в английской столице Леонид Собинов. Кусевицкий сразу же отметил, что в своих оценках явлений культуры Кропоткин руководствуется прежде всего нравственным принципом. Идея издательства, призванного встать на защиту прав композиторов, оказалась поэтому близка ему как бы а priori. Отвечая на сомнения Кусевицкого относительно работы Совета будущего издательства, Кропоткин высказал убеждение, что искусство не терпит демократии. Как бы новое дело ни было поставлено, подчеркнул он, последнее решение должно оставаться за его учредителем.

Кусевицкий не раз вспоминал впоследствии, сколь неожиданно было услышать подобный совет из уст апостола русского анархизма. Предвидение Кропоткина оправдалось в дальнейшей деятельности РМИ не раз. Кусевицкий будет иметь случай рассказать об этом Кропоткину в 1919, после возвращения его в Россию.

Российское музыкальное издательство было учреждено 25 марта 1909 в Берлине. Юридическая регистрация его в Германии гарантировала русским композиторам охрану их авторских прав. Каким образом скажется это впоследствии на судьбе самого издательства – и позитивно, и трагикомически, и поистине драматично, – Кусевицкий не мог тогда, конечно, предположить. Но так или иначе, учрежденное вне пределов России по одним причинам, оно окажется десятилетие спустя в ее диаспоре по совершенно другим...

Уставной капитал РМИ составлял, по одним источникам, 500.000, по другим – 1.000.000 рублей²¹. Кусевицкий не раз будет подчеркивать впоследствии, что деньги, инвестированные им в издательство, были его собственными. В качестве учредителя РМИ в документах значится, однако, имя Наталии Кусевицкой. Точно так же будет сказано и шесть лет спустя в бумагах о приобретении Кусевицким издательства «А.Гутхейль». «Я хотел, во-первых, чтобы ее имя было ассоциировано со всеми сторонами моей деятельности; во-вторых, она была для меня не только нераздельным партнером в жизни, но также моим постоянным советчиком, помогавшим мне во всем, что касалось бизнеса и его деталей», – напишет позднее Кусевицкий²².

²¹ Расхождения в суммах коммерческих сделок – обычное явление для русской прессы тех лет. На самом деле, как свидетельствует акт об учреждении издательства, капитал этот равнялся 1.000.000 немецких марок. Акт этот чудом сохранился в Германии после двух мировых войн и в марте 1947 был привезен из Берлина в Лондон Ральфом Хоксом, который намеревался купить РМИ у Кусевицкого (Г.Пайчадзе – Кусевицкому. 29 марта 1947, Париж. – Архив С.Кусевицкого в Библиотеке Конгресса, Вашингтон (далее – АК-БК)).

²² Кусевицкий С. Заметки о Российском музыкальном издательстве (рукопись). – Там же. С.5.

Готовясь к открытию РМИ, Кусевецкие ни на что более не жертвовали своих средств. Этим объясняется их уклонение, в частности, от просьбы Максима Горького и Луначарского войти в число пайщиков планировавшегося тогда издания 15-томной «Энциклопедии для изучения России».

К работе по составлению Устава РМИ Кусевецкий привлек известного русского юриста, председателя 1-й Государственной Думы Сергея Андреевича Муромцева. Помогали ему композитор и музыкальный критик Евгений Гунст и учредитель «Кружка любителей русской музыки» Аркадий Михайлович Керзин. Оба имели, помимо музыкального, юридическое образование. Отбор произведений для публикации и их оценка, как и предполагалось, вменялись в обязанности Совету РМИ. Кусевецкие оставляли за собой финансовую сторону дела.

Для ведения административных дел в берлинскую контору РМИ был приглашен Николай Густавович Струве. Музыкант-теоретик, композитор, поэт, он закончил класс композиции Феликса Дрезеке в Дрезденской консерватории и имел широкий круг знакомств в музыкальных сферах Германии. Многие годы Струве дружил с Рахманиновым и пользовался его неизменным уважением. Ему посвятил композитор симфоническую поэму «Остров мертвых». Сестра Струве была замужем за бароном Николаем Дризенем, основавшим в 1907 вместе с Николаем Евреиновым знаменитый Старинный театр в Петербурге. На музыкальные вечера в дом Струве в Берлине наряду с немецкими музыкантами не раз приходили Рахманинов, Собинов, Юлиан Конюс. «Преданность Струве новому начинанию, его горение интересами издательства были безграничны, – вспоминал Александр Оссовский. – В качестве управляющего делами РМИ он был его душой»²³.

Получая рукописи композиторов, Струве пересылал их поочередно членам Совета. Каждому из них посылался также опросный лист, в который по ознакомлении с музыкой следовало внести букву «F» («Für») или «G» («Gegen»), что означает по-немецки «за» или «против». Здесь же писалась одна из трех цифр – «1», «2» или «3», что указывало, по какой категории выплачивать автору гонорар – высшей, средней или низшей. Спорные ситуации выносились на Пленум Совета РМИ.

За партитуры опер, балетов, симфоний, симфонических сюит композиторы получали до 3000 рублей, за инструментальные концерты, оркестровые увертюры и камерно-ансамблевые сочинения – от 200 до 500 рублей, за инструментальные пьесы малой формы и

²³ Оссовский А. С. В. Рахманинов // Воспоминания о Рахманинове. В 2 т. / Сост. и ред., коммент. и предисл. З. Апетян. 4-е изд., доп. М.: Музыка, 1974. Т. 1. С. 380.

романсы – от 50 до 100 рублей. Автору принятого к публикации произведения высылался авансовый гонорар. Участником прибыли он становился после того, как выручка с продажи тиража покрывала сумму издательских издержек.

Сопоставляя в 1915 положение композиторов, чьи сочинения публиковались у Юргенсона и в РМИ, Рахманинов напишет: «В Российском музыкальном издательстве <...> существуют еще более повышенные процентные отчисления (в пользу авторов. – В.Ю.): 25% до погашения гонорара и 50% по погашении всех расходов по изданию»²⁴.

На место управляющего московской конторой РМИ (также по совету Рахманинова) был приглашен Федор Иванович Гришин. Выходец из крестьян Рязанской губернии, он в юности начал карьеру в нотном магазине Юргенсона, где дослужился до должности главного продавца. Московские музыканты, приходившие на Неглинку в магазин Юргенсона, хорошо знали Гришина. Они отзывались о нем как о человеке «редкой честности и большой внутренней культуры», вспоминали, что он «прекрасно разбирался в музыкальной литературе, был частым посетителем симфонических концертов, овладел иностранными языками <...>, держался всегда сдержанно, с чувством собственного достоинства и вместе с тем очень скромно»²⁵.

Дипломатические переговоры с братьями Борисом и Григорием Юргенсонами взял на себя Рахманинов. «Эту щекотливую операцию Сергей Васильевич провел тактично, умело и сравнительно безболезненно, – читаем мы в воспоминаниях композитора Александра Гедике. – Словом, братья Юргенсоны отпустили своего замечательного работника Гришина без скандала, хотя вряд ли это могло быть им приятно»²⁶.

В 1911 отмечалось 25-летие трудовой деятельности другого старейшего работника издательства Юргенсона – Германа Богдановича Газенклевера. Гришин с гордостью называл себя его учеником, писал о редкой способности этого «скромного труженика» музыкального фронта «отдать всю жизнь любимому делу, в малом сделать большое»²⁷. Те же слова можно было бы сказать и о самом Федоре Гришине.

²⁴ Рахманинов – Гунсту. 17 июля 1915, Халила (Финляндия). Цит. по: *Никольская И.* «Самый лучезарный из творцов»: Из личного архива Е.О.Гунста // Музыкальная академия. 1993. №4. С.172.

²⁵ *Ламм О.* Первые годы Государственного музыкального издательства: Деятели и люди // Советская музыкальная культура: История, традиции, современность. М.: Музыка, 1980. С.193.

²⁶ *Гедике А.* Памятные встречи // Воспоминания о Рахманинове. Т.2. С.17.

²⁷ *Гришин Ф.* К юбилею труженика // Музыка. 1911. №18, 2 апреля. С.411.

ВЫСТРАИВАНИЕ ПРИОРИТЕТОВ

Всю работу РМИ с самого начала его существования Кусевицкий ориентировал на широкие контакты с композиторами молодого поколения. Он ясно сознавал, что именно они – музыканты, не успевшие завоевать прочного положения, музыканты, представляющие новые направления в искусстве, – в первую очередь нуждаются в моральной и материальной поддержке. «Данные для приема к напечатанию следующие, – писал Кусевицкий, – талантливость, самостоятельность творчества и, конечно, абсолютная музыкальная грамотность»²⁸. В противовес издательству М.Беляева, публиковавшему, главным образом, петербургских композиторов, РМИ предпочитало сочинения композиторов-москвичей.

Жанровым приоритетом РМИ, не без связи с активной деятельностью Кусевицкого-дирижера, сразу же стали симфонические партитуры. Желая преодолеть инерцию, с которой другие издатели относились к публикации дорогостоящих партитур и тем более – оркестровых голосов симфоний, Кусевицкий заботился вместе с тем и о пополнении новыми сочинениями собственного дирижерского репертуара. Работа РМИ, как в начале его истории, так и в последующие десятилетия, неразрывно связывалась Кусевицким с собственной исполнительской деятельностью, с основанными им «Концертами» – сначала в России, затем в Париже, наконец, с Бостонским оркестром, который дирижер возглавлял четверть века.

Трудно отыскать сколько-нибудь значительного русского композитора, который не публиковался бы в РМИ, не пользовался бы его поддержкой. Исключения составили, пожалуй, лишь Александр Глазунов и Николай Мясковский. «...Пользуюсь случаем повторить, что будем счастливы напечатать Ваши сочинения», – писал Кусевицкий Глазунову еще до официального учреждения РМИ²⁹. Музыка Глазунова не раз звучала в «Концертах С.Кусевицкого» как под управлением автора, так и в программах самого Кусевицкого. Выдающейся была интерпретация дирижером Восьмой симфонии Глазунова. Публиковаться же композитор продолжал в издательстве М.Беляева.

Неоднократно в предреволюционные годы пытался издать в РМИ свои произведения Мясковский, но напечатанными оказались только «Сонет Микеланджело» и «Три наброска на слова Вячеслава Иванова». Отклонена, в частности, была предложенная к изданию Вторая

²⁸ Кусевицкий – Оссовскому. 18 августа 1909, Дергачи Харьковской губ. Цит. по: *Оссовский А. С. В. Рахманинов. С.377.*

²⁹ Кусевицкий – Глазунову. 5 марта 1909, Берлин. – ГЦММК. Ф.303 (С.А.Кусевицкий). Ед. хр.87.

симфония. Уже после эмиграции, в 1924, Кусевицкий опубликует цикл фортепианных пьес Мясковского «Причуды».

Первыми из опубликованных в РМИ произведений оказались хоры Танеева, романсы Метнера, сочинения Георгия Конюса и романсы Георгия Катуара. Произведения членов Совета Скрябина и Метнера, а также сочинения Танеева решено было принимать к публикации без всякого обсуждения.

СОВЕТ РМИ. НЕСХОЖЕСТЬ ТВОРЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

В Совет РМИ, помимо Кусевицкого и Рахманинова, вошли композиторы Александр Скрябин, Николай Метнер, Александр Гедике (до февраля 1911), музыкальный критик Леонид Сабанеев. В связи с планами публикации серии научно-теоретических изданий в Совет был введен также авторитетный петербургский музыковед Александр Оссовский. Кусевицкий не без основания надеялся на более взвешенные и объективные суждения Оссовского в сравнении с суждениями непосредственных творцов музыки.

Любопытная деталь, немало говорящая о характере основателя РМИ. Зная, что Оссовский – близкий друг и сподвижник Зилоти, Кусевицкий не изменит своего благожелательного отношения к нему, хотя «Концерты С.Кусевицкого» постоянно находились в острой конкуренции с «Концертами А.Зилоти». Не изменит и после того, как Оссовский выступит в печати с критикой Кусевицкого-дирижера.

Первое заседание Совета РМИ состоялось ровно через семь месяцев после учреждения издательства – 25 октября 1909. Как и почти все последующие, оно проходило в доме Кусевицких на углу Смоленского бульвара и Глазовского переулка³⁰. Мемуаристы не раз будут писать о нем как о «доме бульдогов» – два французских бульдога роскошно возлежали в гостиной на коврах; как о «шикарном и довольно безвкусном»³¹. Огромный кабинет Кусевицкого, «где с потолка свешивались какие-то лиловые огурцы-лампы, похожие на баклажаны»³², будет казаться «более соответствующим высокопоставленному сановнику, чем артисту»³³.

Воспоминания Оссовского доносят до нас двойственность атмосферы заседаний Совета. Внешне они носили характер неофициального дружеского обмена мнениями, «протекали мирно, без резких

³⁰ С 1915, когда Первая мировая война вынудила Кусевицких переехать из своего особняка в одну из квартир принадлежавшего им доходного дома, Совет стал собираться в помещении магазина РМИ на Кузнецком мосту.

³¹ Сабанеев Л. Воспоминания о Скрябине. С.39.

³² Там же. С.43.

³³ Оссовский А. С.В.Рахманинов. С.378.

конфликтов, в полном взаимном уважении»³⁴. Председательствуя на них, Кусевицкий внимательно выслушивал членов Совета, высказывал, как правило, свою точку зрения, стараясь, однако, никому ее не навязывать. Согласно Уставу РМИ, Совет сохранял автономию от его владельцев-учредителей. Вместе с тем постоянно ощущалась некая натянутость, чопорность, не исчезающая даже во время традиционно завершавших заседания завтраках или обедах: отделанная резным деревом столовая, серебро, хрусталь, дорогой фарфор, вымуштрованный лакей, разносивший блюда...

Присутствовавшая на всех заседаниях Наталия Кусевицкая была «молчалива, как сфинкс, мнения своего не высказывала, участия в голосовании не принимала, но про себя, несомненно, делала выводы из услышанных высказываний членов Совета и затем втихомолку воздействовала на мужа»³⁵.

Редко позволявшая своим чувствам прорываться наружу, Наталия казалась холодной, а то и надменной тем, кто мало знал ее. Нечто царственное проглядывало во внешности Наталии – и в молодости, и в зрелые годы. Композитор Владимир Дукельский считал, что во внешности ее есть что-то от Екатерины II. Те же, кто знал ее ближе, ощущали, что за сдержанностью Наталии таится натура сильная и страстная. Она была отлично воспитана, высоко интеллигентна и прекрасно образованна, обладала разносторонне одаренной натурой. Социальные науки изучала под руководством известного профессора – философа Максима Ковалевского, слушала лекции в Сорбонне, свободно говорила на немецком, французском и английском языках, игру на фортепиано осваивала у профессора Московской консерватории Елены Бекман-Щербины, хорошо разбиралась в музыке, была талантливым скульптором. У Наталии были свои основания хранить молчание на заседаниях Совета РМИ: в музыкальные проблемы вмешиваться она полагала для себя неуместным, следить же за курсом издательства – этого не без ее участия спущенного на воду и финансируемого ею корабля – считала необходимым...

Уже вскоре после начала работы Совета обнаружили разногласия между его членами. «Кусевицкий имел самые лучшие намерения, пригласив в жюри по принятию сочинений шесть самых видных музыкантов <...>, – напишет позднее Сергей Прокофьев. – Но каждый из них был настолько индивидуален, что принимаемое одним непременно отвергалось другим»³⁶.

³⁴ *Оссовский А. С. В. Рахманинов. С. 378.*

³⁵ Там же.

³⁶ *Прокофьев С. Автобиография // С. С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания / Сост., ред., примеч. и вступит. статья С. Шлифштейна. 2-е изд., доп. М.: Гос. музыкальное издательство, 1961. С. 146.*

Музыкальные вкусы и приверженности не всегда совпадали и у членов Попечительного совета беляевского издательства – Римско-го-Корсакова, Лядова и Глазунова. Никогда не расходились они, однако, в своих суждениях столь кардинально, как члены Совета РМИ.

Единым фронтом выступали, как правило, Рахманинов и Метнер, который «с щепетильной добросовестностью относился к исполнению обязанностей члена Совета»³⁷. Они могли по-разному оценивать конкретное произведение, но неизменно оставались единомышленниками в неприятии всяческих проявлений «модернизма».

В будущем Рахманинов примет и «модернистические» полотна Врубеля, и «Весну священную» Стравинского. Но, как и Мясковский в оценке «Петрушки» Стравинского, он будет больше ценить не то, что авторы их – эти великие новаторы искусства – смогли оторваться от взрастивших их классических традиций, а то, что они не уклонились от их усвоения. В молодые годы Рахманинов был еще более непримиримым.

Антиподом Рахманинову и Метнеру выступал на заседаниях Совета Скрябин. Он был убежден, что РМИ должно широко открыть свои двери новаторству. «...В любом, самом новаторском, самом левом музыкальном произведении важно прежде всего удостовериться, есть ли у композитора свой творческий принцип, – утверждал Скрябин, – надо понять этот принцип и оценивать произведение композитора с точки зрения выдержанности принципа, порождающей, в свою очередь, выдержанность стиля. Наличие стиля решает все»³⁸.

Когда Скрябин высказывал что-либо подобное на заседаниях Совета РМИ, на лице Рахманинова появлялась, по воспоминаниям Оссовского, «легкая ироническая улыбка»³⁹. Разногласия между музыкантами не ограничились бы, надо думать, улыбкой, если бы Скрябин дольше оставался в Совете издательства...

Почва для конфликтов между членами Совета РМИ существовала, таким образом, изначально. Кусевицкий сразу оказался как бы меж двух огней и должен был постоянно уравновешивать различные творческие позиции им же приглашенных в Совет музыкантов. От собственной позиции он не отступал при этом ни на шаг. Отличное подтверждение тому – тактика его поведения в конфликтах, которые возникнут в Совете по вопросу издания сочинений Стравинского и Прокофьева. Но речь об этом пойдет ниже.

³⁷ Оссовский А. С. В. Рахманинов. С. 379.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

РАХМАНИНОВ И РМИ

Самым авторитетным членом Совета на первом этапе истории РМИ был Рахманинов. Интенсивные гастроли по России и за ее рубежами не позволяли ему присутствовать на всех заседаниях Совета – едва Совет начал работу, пианист уехал в длительное турне по Америке. Тем не менее он старался вникать во все дела издательства, никогда не отказывался просмотреть новые сочинения, высказать суждения о них. «Фактически возглавляя сложнейшее дело, Сергей Васильевич не жалел своих сил и обнаружил в этой работе огромный организационный талант, а Кусевицкий мог спокойно заниматься своими концертами, чувствуя себя как за каменной стеной, имея таких помощников, как Сергей Васильевич, Струве, Гришин, Ламм⁴⁰ и другие», – вспоминал Гедике⁴¹.

Муссировавшиеся в музыкальных кругах Москвы слухи о том, что занятый своими концертами Кусевицкий совершенно не вникал в дела издательства, не соответствуют действительности. Самое живое, самое непосредственное участие принимал он во всей деятельности РМИ – во всяком случае, на первом этапе его истории.

Столь же беспочвенными были и суждения о том, будто Совет оставался лишь совещательным органом, «свелся к протекциям Рахманинова в случаях, когда он заинтересован, и к личному желанию <...> владельца»⁴².

На самом деле Рахманинов не преследовал в РМИ никаких личных целей. Свои сочинения он по-прежнему публиковал в издательстве «А.Гутхейль». Летом 1910 в ответ на просьбу своего друга Михаила Слонова разрешить ему издать его «Литургию» композитор писал: «...я не могу уйти от Гутхейля, а если бы на этот раз ушел, то должен был бы неминуемо попасть не к тебе, а в Р<оссийское> Муз<ыкальное> изд<ательство>, которое уже вот около двух лет как “за нос вожу” (с моей стороны, конечно, невольно)»⁴³.

⁴⁰ В 1912 Кусевицкий пригласил в РМИ музыковеда, текстолога и пианиста Павла Александровича Ламма. По собственным его словам, он работал «как руководитель художественной стороны дела и организатор научной разработки архивов рукописей...» (*Ламм П.* Автобиография. Цит. по: *Ламм О.* Первые годы Государственного музыкального издательства. С.192).

⁴¹ *Гедике А.* Памятные встречи. С.18.

⁴² Яворский – Мясковскому. 15 июля 1913, Москва. – В кн.: Болеслав Яворский: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп; общ. ред. Д.Шостаковича. М.: Советский композитор, 1972. Т.1: Статьи. Воспоминания. Переписка / Ред.-сост. И.Рабинович. С.289.

⁴³ Рахманинов – Слонову. 13 июля 1910, Ивановка Тамбовской губ. – В кн.: С.Рахманинов. Литературное наследие: В 3 т. / Сост.-ред., вступит. ст., коммент., указ. З.Апетян. М.: Советский композитор, 1980. Т.2: Письма. С.17.

Исключительно чуткий в вопросах этики, Рахманинов не торопился уходить от Гутхейля к Кусевицкому и по иной причине. «...Печатать что-либо у близких людей воздерживаюсь, – писал он, – так как невольное нанесение материального ущерба друзьям более неприятно и неловко, чем таковое “фирмам”, с которыми ты связан только деловыми отношениями»⁴⁴.

Рахманинов очень много значил в жизни Кусевицкого. В годы работы концертмейстером группы контрабасов оркестра Большого театра, играя под управлением Рахманинова «Жизнь за царя» Глинки и «Пиковую даму» Чайковского, Кусевицкий восхищался его дирижерским мастерством. Пример Рахманинова определил во многом его решение оставить контрабас и уехать в Германию, чтобы учиться дирижированию. Поддерживая первые шаги Кусевицкого на дирижерском поприще, Рахманинов участвовал в его дебютах 1908 года в Берлине и Лондоне, играя под его управлением свой Второй фортепианный концерт. Отношения с РМИ, сам замысел которого вынашивался Рахманиновым вместе с Кусевицким, складывались тем не менее у композитора достаточно парадоксально.

Хотя Рахманинов стоял у истоков РМИ (Кусевицкий обсуждал с ним план и структуру издательства еще до его учреждения) и поначалу активно участвовал в работе, его сочинения оказались вне тематических планов РМИ. Первые три своих фортепианных концерта (оп. 1, 18 и 30), «Цыганское каприччио» (оп. 12), Вторую симфонию (оп. 27), Первую и Вторую фортепианные сонаты (оп. 28 и 36), симфоническую поэму прелюдий (оп. 32), этюдов-картин (оп. 33) и романсов (оп. 34) Рахманинов опубликовал в издательстве «А.Гутхейль». Первым сочинением Рахманинова, изданным Кусевицким после приобретения им издательства «А.Гутхейль», была «Всенощная» (оп. 37)⁴⁵. За ней последовали «Шесть романсов» (оп. 38) и второй цикл этюдов-картин (оп. 39).

Сводный каталог РМИ и издательства «А.Гутхейль» (о приобретении его Кусевицким речь пойдет ниже) вбирает в себя едва ли не все сочинения Рахманинова – от Первого фортепианного концерта (оп. 1) до «Трех русских песен для хора и симфонического оркестра» (оп. 41). Издана будет также оркестровая транскрипция «Этюдов-картин» Рахманинова, выполненная по заказу Кусевицкого Отторино Респиги.

⁴⁴ Рахманинов – Слонову. 13 июля 1910, Ивановка Тамбовской губ. – В кн.: С.Рахманинов. Литературное наследие. Т.2: Письма.

⁴⁵ Единственным исключением была «Полька W.R.», опубликованная ранее в РМИ (1911) в сборнике фортепианных пьес русских композиторов. То была виртуозная, в духе Леопольда Годовского, пьеса – транскрипция польки, которая запечатлелась в памяти Рахманинова с детства: ее любил играть его отец.

Имя Рахманинова не часто появлялось и в дирижерских программах Кусевицкого. Впервые вместе с Кусевицким он выступит только 2 февраля 1912, сыграв в Москве под его управлением тот же Второй фортепианный концерт. То было первое исполнение музыки композитора в программах «Конcertов С.Кусевицкого». Помимо Второго и Третьего фортепианных концертов на протяжении первых пяти сезонов в них прозвучала (дважды) лишь симфоническая поэма «Остров мертвых». При этом она была исполнена здесь только через три года после проведенной самим Рахманиновым премьеры. Вторая симфония – через шесть лет, поэма «Колокола» – через два года.

В последующие сезоны рахманиновские сочинения стали появляться у Кусевицкого чаще, а в период между 1912 и 1918 Рахманинов ежесезонно выступал в «Конcertах С.Кусевицкого» как пианист. Кусевицкий дирижировал фантазию «Утес», Вторую симфонию, кантату «Весна», поэму «Колокола». Музыка Рахманинова отводились не раз монографические программы. Композитор участвовал в ноябре–декабре 1914 в концертах оркестра Кусевицкого в Киеве, Харькове, сбор с которых был переведен в фонд помощи раненым на войне.

Тем не менее Рахманинов ощущал себя относительно «Конcertов С.Кусевицкого» в двойственном положении. В Москве он как дирижер имел контракт с Филармоническим обществом. Исключительное право на исполнение его музыки в Петербурге принадлежало «Конcertам А.Зилоти». Произведения Рахманинова не оказались в центре творческих интересов Кусевицкого еще и потому, что, в отличие от сочинений Стравинского или Прокофьева, они вовсе не нуждались в активной пропаганде, настойчивом продвижении к слушателю. Эталонные интерпретации им давал сам Рахманинов – и за клавиатурой рояля, и за дирижерским пультом.

В московский период своей жизни Рахманинов и Кусевицкий поддерживали дружеские отношения, хотя интенсивные гастроли пианиста не оставляли возможности для частых встреч. Возвращаясь в Москву, Рахманинов посещал музыкальные вечера в доме Кусевицких, не раз играл здесь сам, чудесно аккомпанировал Антонине Неждановой. Бывали и Кусевицкие у Рахманиновых. Изредка появлялся композитор и на репетициях оркестра Кусевицкого – в дни подготовки исполнения Кусевицким его Второй симфонии весной 1914, на генеральной репетиции кантаты Танеева «По прочтении псалма» 31 марта 1915.

22 декабря 1917 в Петербурге на квартире дирижера Оперного театра Народного дома Марка Голинкина Кусевицкий участвовал в вечере проводов уезжавшего из России Рахманинова. Отъезд прервет контакты композитора с Кусевицким на три года. Эмигрировав

из России, Рахманинов тем не менее вновь окажет существенную помощь РМИ.

СОТРУДНИЧЕСТВО СО СКРЯБИНЫМ

История РМИ начиналась в пору горячих споров вокруг личности и творчества Скрябина. Русский философ Сергей Трубецкой был одинок, утверждая уже в начале века, что Скрябин создал свои оригинальные сочинения, «не сообразуясь с требованиями публики, а сам предъявляя ей новые и весьма повышенные требования»⁴⁶. Суждения критики о композиторе долго еще сохраняют в России полярную противоположность. Одни будут подчеркивать его крайний субъективизм, мрачную эмоциональную окраску его музыки, полную оторванность ее от жизни (Александр Коптяев). Другие – акцентировать грандиозность его замыслов, их внутреннюю силу (Владимир Стасов).

На два враждебных лагеря останутся разделены и слушатели концертов, в которых звучала музыка Скрябина. Мало кто из композиторов имел за всю историю музыки таких страстных почитателей и мало кто – таких истовых ниспровергателей. Не только шумными аплодисментами, но и не менее шумным шиканием и свистом встречались в России премьеры Второй симфонии Скрябина, проведенные в 1902 Александром Лядовым в Петербурге и в 1903 Василием Сафоновым в Москве, премьеры его Пятой сонаты, которую представил москвичам в 1907 Марк Мейчик. Только после триумфальной парижской премьеры Третьей симфонии под управлением Артура Никиша (1905) и премьеры «Поэмы экстаза» в Нью-Йорке под управлением Модеста Альтшулера (1908) о творчестве Скрябина впервые заговорят в России как о «предуказании той дороги, по которой может пойти далее русская музыка»⁴⁷.

В своем стремлении всячески поддержать Скрябина, сделать его сочинения своеобразной визитной карточкой нового издательства Кусевицкий оказался, таким образом, среди наиболее прогрессивных русских музыкантов. Если для многих современников истинным камнем преткновения становилась тесная взаимосвязь музыкальных и философских идей Скрябина, то в представлении Кусевицкого музыка композитора сохраняла свою самоценность. В 1920, пять лет спустя после смерти Скрябина, будет сказано, что «художественное достоинство его произведений, в смысле чисто музыкальном, не

⁴⁶ С.Т.<Трубецкой>. По поводу концерта Скрябина. Письмо в редакцию // Курьер. 1902. 5 марта.

⁴⁷ См.: Хроника // Русская музыкальная газета. 1910. №9-10, 28 февраля. Стлб.258.

находится ни в какой органической зависимости от его литературных программных предпосылок»⁴⁸. Как издатель и как дирижер Кусевицкий руководствовался подобным убеждением намного раньше.

Долгое время существовало устойчивое представление, будто Скрябин «признавал и мог наслаждаться только своими собственными произведениями»⁴⁹, что, хотя он и был членом Совета РМИ, его «по существу мало волновали дела РМИ»⁵⁰. Суждения эти нуждаются в существенной корректировке.

Реализация собственных музыкальных идей, конечно же, волновала Скрябина больше, чем любая «чужая» музыка. Какой большой художник – не эгоцентрист?! Тем не менее композитор активно включается в работу Совета РМИ, о чем убедительно говорят его письма к Струве. Считалось, что они безвозвратно утеряны, но, к счастью, их удалось обнаружить в архиве Кусевицкого в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Письма эти (21 письмо, датированное 1909–1912) были, по-видимому, переданы в свое время Николаем Струве Кусевицкому и затерялись в несметном количестве бумаг его архива. Знакомство с письмами убеждает, насколько заблуждались в суждениях о Скрябине музыканты, даже близко знавшие его.

Регулярно получая рукописи предложенных к изданию новых произведений, Скрябин знакомился с ними и давал свои письменные отзывы. «Если бы Вы только знали, – писал он Струве, – как мне трудно высказываться относительно присланных Вами сочинений. Дело в том, что у меня еще не установлена точка зрения, а от такой-то и зависит главным образом приговор»⁵¹.

Под «точкой зрения» имелась в виду, вероятно, мера строгости критериев. Многие сочинения принадлежали перу молодых авторов. Тем более непросто было Скрябину, отвечая на вопрос о целесообразности их публикации, писать «G» («Gegen» – «Против»).

Характерны соображения Скрябина о конкретных авторах. «Более других, по-моему, талантлив Бюцов»⁵² (если это молодой чело-

⁴⁸ Лурье А. Скрябин и русская музыка: Доклад. Апрель 1920 // Музыкальная академия. 1997. №2. С.143.

⁴⁹ Сабанев Л. Скрябин. С.249.

⁵⁰ Оссовский А. С.В.Рахманинов. С.379.

⁵¹ Скрябин – Струве. 8 мая 1910, Брюссель. – АК-БК.

⁵² Владимир Евгеньевич Бюцов – русский композитор, в юности близкий друг Петра Сувчинского. В будущем, в начале 1920-х, будет заведовать в Берлине музыкальной частью театра-кабаре «Синяя птица». Среди сочинений Бюцова – скрипичный концерт (1921), музыка к трагедии «Савонарола» (1922). «О Бюцове я говорил Кусевицкому в апреле в Париже, – читаем мы в одном из писем Сергея Прокофьева 1922 года. – Он ответил: “скучно и сухо”...» (Прокофьев – Сувчинскому. 11 июля 1922, Этталь. Цит. по: Польшева Е. «Я часто

век). Ему я бы сказал “да” для поощрения. Если же это не начинающий композитор, по-моему, печатать не стоит. Сочинение Штейнберга⁵³ только корректно. Ему тоже можно сказать “да” разве из тех же соображений. Что же касается Портнова, то я произношу прямо “нет”»⁵⁴.

«Да» сказано было Скрябиным симфонической поэме Рейнгольда Глиэра «Сирены». «Мило звучит, местами музыка не дурна, хотя не вполне самостоятельна»⁵⁵. «“Да” – Трем песням из вокального цикла Юлии Вейсберг и романсу Александра Крейна “Я ласк твоих страшусь”»⁵⁶.

В новых произведениях Скрябин жаждал прежде всего услышать – и это вполне соответствовало основному критерию Кусевицкого – собственный стиль автора, индивидуальность его музыкального мышления. Не находя искомого, композитор с досадой сетовал: «Оригинальных сочинений на этот раз не имеется»⁵⁷.

ТРИУМФ «ПРОМЕТЕЯ»

Не было другого композитора, для которого Российское музыкальное издательство сделало бы так много, как для Скрябина. Первыми сочинениями Скрябина, которые он передал Кусевицкому, были «Три пьесы для фортепиано» (оп. 52; 1907). В последующие годы РМИ опубликовало его Пятую, Шестую и Седьмую фортепианные сонаты, «Прометей» и несколько фортепианных пьес (оп. 58, 59, 61 и 63).

Летом и осенью 1909, живя в Брюсселе и будучи освобожден Кусевицким от забот о добывании хлеба насущного, Скрябин полностью погружается в работу. «Дорожу скорейшим выходом в свет своих сочинений», – пишет композитор Струве и просит не задерживать присылку корректур⁵⁸. Месяц спустя: «Очень Вам благодарен за присылку <Пятой> сонаты в новом издании»⁵⁹.

с ним не соглашался...»: Из переписки С.С.Прокофьева и П.П.Сувчинского // Петр Сувчинский и его время. С.73.

⁵³ Максимилиан Осеевич Штейнберг (1870–1943) – наиболее известный из упомянутых Скрябиным композиторов. В 1908 закончил Петербургскую консерваторию по классу Н.Римского-Корсакова. О каком конкретно произведении Штейнберга идет речь, из письма не ясно. Можно предположить, что это была одна из двух первых его симфоний или кантата «Русалка» на стихи Лермонтова.

⁵⁴ Скрябин – Струве. 8 мая 1910, Брюссель. – АК-БК.

⁵⁵ Скрябин – Струве. Брюссель. – Там же.

⁵⁶ Скрябин – Струве. 25 ноября 1909, Брюссель. – Там же.

⁵⁷ Скрябин – Струве. 8 мая 1910, Брюссель. – Там же.

⁵⁸ Скрябин – Струве. <До 17 июня 1909>, Брюссель. – Там же.

⁵⁹ Скрябин – Струве. 18 июля 1909, Брюссель. – Там же.

Особенно много времени отдает Скрябин сочинению «Прометея» («Поэмы огня»). Композитор торопится, желая закончить симфонию к концу декабря 1909, пишет, что работает «с утра до ночи над партитурой “Прометея”»⁶⁰, сетует, что «на печатание имеется времени немного», так как исполнение новой симфонии намечено Кусевицким «уже в начале нашего (русского) февраля» 1910 года⁶¹.

Работа над партитурой, однако, затягивается, сроки исполнения переносятся, и лишь 5 сентября 1910, уже из Москвы, Скрябин сообщает: «Вчера я отвез в издательство “Прометея”»⁶². В этом и в последующих письмах он просит обратить особое внимание корректоров на выставленные им в партитуре ключи, высказывает пожелания относительно гравировки партитуры, настаивает на необходимости иметь не менее недели на корректуру, обещает сделать позднее фортепианное переложение «Прометея»⁶³.

Возвратившись в начале января 1910 в Россию, Скрябин поселяется вместе с женой и детьми в особняке Кусевицкого. Композитору создаются здесь все условия для творчества. Его привлекают замечательная библиотека, собрание картин современных русских художников, включая работы Врубеля; встречи с Танеевым, Рахманиновым, пианистом Александром Гольденвейзером, певцами Антониной Неждановой, Иваном Алчевским.

Кусевицкий обсуждает со Скрябиным детали исполнения его партитур, вводит его в текущие дела РМИ. Интенсивность работы Скрябина в эти два года поразительна. Обнаруженные недавно письма композитора к Струве помогают еще раз понять, как много значила для Скрябина оказанная ему Кусевицким поддержка. Вместе с тем в бурном ритме его творчества было словно некое предчувствие того, что так успешно начавшееся сотрудничество с РМИ окажется таким недолговечным...

Блистательный интерпретатор творчества Скрябина, по отзывам многих современников – лучший его интерпретатор, Кусевицкий дирижировал все его симфонические сочинения. Музыка Скрябина явно доминирует над всей остальной современной музыкой в первых двух сезонах основанных Кусевицким в 1909 «Концертов». Сочинения композитора дирижер включает в свои зарубежные программы. Впервые в Англии осуществляет он исполнение Первой симфонии (28 апреля (11 мая) 1909) и «Поэмы экстаза» (29 апреля (12 мая) 1910).

Менеджмент Лондонского симфонического оркестра пытался в 1910 уговорить Кусевицкого изменить программу, но он настоял на

⁶⁰ Скрябин – Струве. 25 ноября 1909, Брюссель. – АК-БК.

⁶¹ Скрябин – Струве. 19 декабря 1909, Брюссель. – Там же.

⁶² Скрябин – Струве. 5 сентября 1910, Москва. – Там же.

⁶³ Скрябин – Струве. 8 и 27 сентября 1910, Москва. – Там же.

включении в нее «Поэмы экстаза». «Может быть, всем сразу и не понравится эта музыка, – обратился он к оркестру на первой репетиции, – но я уверен, что через несколько лет вы будете с гордостью вспоминать, что вы первые ее играли»⁶⁴. После концерта артисты оркестра заявили ему, что «эти “несколько лет” уже прошли, и они рады, что исполнили “Экстаз”»⁶⁵.

Летом 1910 Скрябин участвовал в первом турне оркестра под управлением Кусевицкого по Волге. Во всех одиннадцати городах он с большим успехом исполнял свой Фортепианный концерт. Одним из «коньков» репертуара Кусевицкого долгие годы оставалась «Поэма экстаза». Партитура только что заверщенного Скрябиным «Прометея» готовилась к печати в РМИ, когда Кусевицкий провел ее мировые премьеры (2(15) марта 1911, Москва; 9(22) марта, Петербург). Они сделались значительным событием культурной жизни России. Успех Скрябина и Кусевицкого был поистине колоссальным.

«Своей необычностью “Прометей”, можно сказать, ошеломил публику», – писал Энгель⁶⁶. Не только публику, но и критиков. Суждения их о «Прометее» колебались от апологии до полного непризнания. Восторженные, однако, явно преобладали.

Кусевицкого признавали «единственным дирижером, вошедшим в мир скрябинских гармоний, постигшим этот мир если не умом, то чувством»⁶⁷. Исполнение «Прометея» называли «безупречным»⁶⁸. Оно представлялось «подвигом оркестра и дирижера», подвигом, который «должен войти в историю»⁶⁹.

Кусевицкий был горд, что ему предстоит издать симфонию, о которой писали как об «эпохе в жизни музыкального искусства, эпохе не меньшей, чем появление Девятой симфонии <Бетховена> или “Тристана” <Вагнера>»⁷⁰, которую причисляли к «величайшим художественным созданиям всемирной музыки»⁷¹.

Утверждая традицию повторного обращения к новым партитурам, Кусевицкий снова исполнит «Прометея» в обеих русских сто-

⁶⁴ Цит. по: Энгель Ю. А. Н. Скрябин. С. 87.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ <Ю. Энгель>. <Премьера «Прометея»> // Московские ведомости. 1911. 3 марта.

⁶⁷ Сабанеев Л. Музыка // Аполлон: Русская художественная летопись. 1911. №6, март. С. 99-100.

⁶⁸ Там же. С. 100.

⁶⁹ Прокофьев Г. «Прометей» («Поэма огня») А. Н. Скрябина <Концерт Кусевицкого 2 марта> // Русская музыкальная газета. 1911. №11-12, 13-20 марта. Стлб. 312.

⁷⁰ Сабанеев Л. Музыка. С. 99-100.

⁷¹ Каратыгин В. «Прометей» Скрябина // Аполлон. 1911. №7, апрель. С. 108.

лицах в начале следующего сезона. Чуть более полугода минуло со дня премьеры симфонии. Но если в марте Кусевицкий и Скрябин были близкими друзьями, то в октябре меж ними пролегла пропасть.

РАЗРЫВ СО СКРЯБИНЫМ

Конфликт Кусевицкого со Скрябиным и последующий полный разрыв отношений с композитором сделался первым серьезным кризисом Российского музыкального издательства. Начался конфликт с того, что композитор счел недостаточным гонорар, который Кусевицкий предложил ему, приглашая принять участие во втором волжском турне. В пылу музыканты наговорили друг другу много резкостей. Деньги, разлучающие нередко даже самых близких людей, не были, однако, ни единственной, ни тем более главной причиной конфликта между композитором и дирижером. Точно так же, как и отрицательное воздействие на каждого из музыкантов близкого окружения⁷². Совершенно несхожими были сами их личности. Идеа-

⁷² При всем том положительном, что Наталия Кусевицкая сделала для своего мужа, она, в особенности в начале его дирижерской и издательской карьеры, несомненно, диктовала ему свою волю в вопросах финансового характера. О Татьяне Шлецер современники писали как о женщине столь же волевой, энергичной, сколь и ревнивой, относившейся с всегдашним недоверием к тем, кто был рядом со Скрябиным, включая и ближайших его друзей. «Она держится с преувеличенной строгостью, как принцесса крови, – вспоминал Эмиль Купер. – <...> Мне ее фигура сразу показалась какой-то трагической, роковой. Впечатление усиливалось от ее темного цвета и неподвижности» (*Купер Э. Незаконченная автобиография музыкальной карьеры. (Рукопись). – ГЦММК. Ф.334 (Э.А.Купер). №1. Л.40-41).* «С людьми, которых по тем или иным причинам не признавала Татьяна Федоровна, Скрябин обычно порывал всякие отношения, иногда к явному вреду для самого себя и своего дела», – читаем мы у философа и историка культуры Валентина Асмуса (*Асмус В. А.Н.Скрябин в письмах // Александр Скрябин. Письма / Сост. и ред. А.В.Кашперова. М.: Музыка, 1965. С.6-7).*

Сам Скрябин еще до того, как разгорелся конфликт, сетовал, что Татьяна Федоровна требует от него, чтобы он не держал себя с Кусевицкими на дружеской ноге. «Я лично, кроме глубокой благодарности к Сергею Александровичу и Наталии Константиновне, ничего не могу чувствовать, – делился композитор с Ольгой Монигетти. – <...> Я не могу заставить себя быть несправедливым, идти против своей совести; никто не вправе от меня этого требовать!» (*Монигетти О. Воспоминания. Александр Николаевич Скрябин в нашей семье. С.50-51).* См. также: «Какое это для меня мучение, ни к кому нельзя относиться просто, по-человечески, искренне, везде требуются какие-то глупые ходули! А я не умею и не люблю ходить на ходулях! <...> Почему я не должен относиться дружески к Сергею Александровичу как к собрату по искусству? В чем тут унижение?» (*Монигетти О. Воспоминания. (Машинопись). – ГМС. №14/3318. С.224-225).* От себя Монигетти, стоявшая у истоков знакомства Скрябина с Кусевицким, добавляет: «Вопросы его обнажают скрытые пружины гордыни и непо-

лист и мечтатель, начисто лишенный практической сметки, плохо разбиравшийся в людях Скрябин и совершенно чуждый мистике рационалист, сочетавший в себе таланты творческий и практический, любивший и умевший руководить людьми Кусевицкий.

Скрябин не находил у Кусевицкого сочувствия своей мистически-религиозной философии, той, по определению Сабанеева, «мистической настроенности» всего творчества⁷³, которую жаждал найти у дирижера и издателя своих сочинений. Он отлично понимал, что никто другой не способен предложить ему ни планомерного издания его сочинений, ни столь тщательно подготовленного их исполнения, – исполнения, в котором дух его музыки будет схвачен и воплощен с такой тонкостью. Кусевицкий, со своей стороны, все яснее осознавал, насколько органичны для Скрябина непоколебимая убежденность в своей философии, осознание своей миссии в культуре, настойчивая устремленность к торжеству синтетического искусства и даже ощущение самого себя как Мессии.

Почва для конфликта между ними тем не менее реально существовала. Несколько искр оказалось достаточно, чтобы пожар разгорелся. Кусевицкий замыслил в то время провести цикл концертов из произведений Скрябина. Согласно предварительной договоренности, Композитор должен был выступить в нем дважды – с исполнением Фортепианного концерта и сольной фортепианной партии в «Прометее». Затем оба произведения оказались сведенными в одну программу. Возмутившись, Скрябин назвал все концертно-издательское предприятие Кусевицкого «лавочкой» и отказался от сотрудничества с ним.

К концу мая 1911 разрыв между Скрябиным и Кусевицким оказался неминуемым. Проведя ряд переговоров с издательствами Беляева и Юргенсона, Скрябин обращается с письмом к Кусевицкому:

Остался один пункт, относительно которого я (мы) не приняли еще никакого решения. Это издание моих сочинений. Считаю себя вправе (не найдешь ли ты лучшим) ввиду создавшихся условий (создавшейся обстановки) покончить и с этим последним вопросом. Я со своей стороны освобождаю тебя от данного слова и хотел бы, чтобы и <ты> поступил так же. Так как наши денежные счета могут быть окончены в марте <1912>, то я и буду до этого числа (окончательного срока) мои сочинения отдавать в Российское музыкальное издательство, а с первого апреля буду считать себя свободным.⁷⁴

мерного тщеславия, которыми руководствовались близкие Скрябина, и прежде всего Татьяна Шлецер» (Там же. С.225).

⁷³ Сабанеев Л. Воспоминания о Скрябине. С.75.

⁷⁴ Скрябин – Кусевицкому. 16(29) мая 1911, Москва (черновик). – Цит. по: Александр Скрябин. Письма. С.569.

Двумя днями ранее Скрябин направил письмо в РМИ на имя Струве. «Прошу Вас не отказать известить Совет о том, что по независящим от меня обстоятельствам я лишен возможности продолжать мою работу в издательстве в качестве члена жюри», – писал он⁷⁵.

Струве пытается изменить решение Скрябина. «Почти трехлетняя работа на пути развития дела издательства с его основания связывает Вас с этим учреждением, – пишет он, – и я не могу себе представить, чтобы из-за обстоятельств, не имеющих прямого прикосновения к Вашей деятельности в издательстве, к Вашим отношениям с ним, могла бы порваться эта связь. По-моему, нельзя согласиться с тем, чтобы из-за личных отношений людей, работающих в одном учреждении на пользу общественного дела, могло бы страдать это дело...»⁷⁶

«Передай Попечительному совету мою признательность за внимание, – пишет в эти же дни Скрябин Лядову в ответ на переданное ему приглашение вернуться в беляевское издательство, – и скажи, что в принципе я был бы рад вернуться, но могу начать переговоры, лишь когда окончательно выяснится мое отношение к издательству Кусевицкого...»⁷⁷

В те же недели Скрябин переносит свои пианистические выступления в «Концерты А.Зилоти» – несмотря на то, что за восемь сезонов их существования музыка его не звучала в них ни разу.

Несколько писем написал в этот период Скрябину и Кусевицкий. Одно из них, датированное июлем, было воспринято Скрябиным особенно болезненно⁷⁸. «От К<усевицкого> я получил такое возмутительное по своим странным, ни на чем не основанным претензиям письмо, что до сих пор не могу очнуться, так был взбешен», – сообщает композитор⁷⁹.

⁷⁵ Скрябин – Струве. 14 мая 1911, Москва. – АК-БК.

⁷⁶ Струве – Скрябину. 8 июня 1911, Берлин. – КР РИИИ. Ф.22. (А.В.Оссовский). Оп.1. Ед.хр.231.

⁷⁷ Скрябин – Лядову. 15 мая 1911, Москва. – Цит. по: Письма А.Н.Скрябина к А.К.Лядову // Орфей. Кн.1. Пг., 1922. С.177-178.

⁷⁸ К сожалению, ни упомянутое письмо Кусевицкого, ни написанные в этот период письма Скрябина к Кусевицкому не дошли до нас. Таинственная фраза об этих письмах мелькает в книге Ф.Бауэrsa о Скрябине: «...один человек в России утверждает сегодня, что они находятся в его собственности» (пер. наш). – *Bowers F. The New Scriabin. Enigma and Answers. New-York: St. Martin's Press, 1973. P.85.* Во втором издании той же книги автор пишет, будто бы Скрябин утверждал, что его письма к Кусевицкому были уничтожены Наталией Кусевицкой. См.: *Bowers F. Scriabin. A Biography. 2nd ed., rev. Mineola (N.-Y.): Dover Publishers Inc., 1996. P.224.*

⁷⁹ Скрябин – Сабанееву. 7(20) июля <1911>, Образцово-Карпово. Цит. по: Александр Скрябин. Письма. С.574.

В августе Кусевицкий, в свою очередь оскорбленный поведением композитора, напоминает ему о соглашении, которое было достигнуто между ними в 1908. Он пишет:

Прямых ответов, Александр Николаевич, на вопросы, поставленные тобой, получить ты не можешь вследствие того, что тобою забыта та часть нашего словесного договора, где имеется в виду, что после пятилетнего срока твои сочинения будут издаваться в Российском музыкальном издательстве. Отсутствовать это условие в нашем договоре не могло уже потому, что эти пять лет, в которые ты получаешь обеспечение в размере 5000 рублей в год, дают тебе возможность работать над произведениями, которые могут быть оконченными только впоследствии и, конечно, должны быть изданными в Российском музыкальном издательстве.

В то время, когда выработывался этот договор, это условие казалось вполне естественным; срока же мы обозначить не могли, так как это только связывало бы тебя.

Отношения, существующие теперь между нами, требуют более определенных условий – получилось положение не вполне удобное: за истекшие три года тебе было мною передано 16.500 рублей по договору и 1000 рублей взаимнообразно; за эти три года тобою было написано: «Прометей» и две фортепианные пьесы, гонорар за эти вещи, включая и Пятую сонату, и две фортепианные пьесы, переданные тобою издательству, не превышает 3.000 рублей; итого уже теперь тобою получено лишнего 13.500; значит, каким-либо способом должен же ты, во всяком случае, компенсировать полученный тобою излишек. Самое лучшее будет, если мы, по возвращении в Москву, через посредничество Н.Г.Струве выработаем условие, уравнивающее положение обеих сторон; я указываю именно на Николая Густавовича Струве, так как он – единственное лицо, которому был известен наш устный договор.⁸⁰

Сергей Кусевицкий

Совершенно обескураженный, композитор, казалось, не учитывал, что ежегодные субсидии, получаемые им от Кусевицкого, вовсе не были безвозмездными. Он должен был возмещать их, представляя для издания в РМИ все новые сочинения. Концертные его выступления у Кусевицкого не имели, правда, к этому отношения. Нарушены оказались, однако, Скрябиным и его прямые обязательства: некоторые из своих произведений он отдавал фирме Беляева и издательству Юргенсона.

До последнего времени считалось, что никаких документов о дальнейших финансовых взаимоотношениях Кусевицкого со Скрябиным не сохранилось. И снова на помощь приходят найденные в архиве Кусевицкого письма Скрябина к Струве. Оставаясь в добрых

⁸⁰ Кусевицкий – Скрябину. 10(23) августа 1911, Дергачи Харьковской губ. Цит. по: Александр Скрябин. Письма. С.573-574.

отношениях со Струве – деловых и дружеских, – Скрябин посылает в РМИ Шестую и Седьмую сонаты и несколько мелких фортепианных пьес, держит их корректуру. В сопроводительном письме он пишет:

...считаю присланные мною в издательство сочинения законченными до 1 марта, а потому долженствующими быть напечатанными на тех же основаниях, как и другие мои произведения, изданные в Росс<ийском> муз<ыкальном> издательстве; следовательно, с гонораром за них должно поступить так же, как с гонораром за другие сочинения. Ни в какие новые отношения с Росс<ийским> Муз<ыкальным> издательством я вступить не могу, так как имею, что Вам известно еще с зимы, с 1-го марта дру-
гого издателя в лице братьев Юргенсонов...⁸¹

Проходит еще месяц, и Скрябин направляет Струве новое письмо:

Только что вернулся из Брюсселя и застал Ваше письмо, которое меня очень удивило. Напр<имер>: я совершенно не могу объяснить себе такую Вашу фразу: «Вы пользовались гонораром издательства и действительно получали деньги от нас». Деньги (пять тысяч в год) я получал от С.А.Кусевицкого, а не от Издательства, и хотя я и расписывался в получении мною гонорара, но это, как Вы знаете, была формальность, необходимая для того, чтобы ввести Издательство во владение моими сочинениями.

<...> Вы не совсем поняли меня, многоуважаемый Николай Густавович: я говорил Вам в Москве относительно процентов с моих произведений, от которых я отказываюсь (т. к. вопрос о них при нашем уговоре с С.А.Кусевицким не был выяснен), отказываюсь до того момента, пока не будет покрыта полученная мною от С.А.Кусевицкого сумма. Что же касается гонорара за мои последние соч<инения>, то мне и в голову не приходило, что может возникнуть вопрос о вручении мне его. С.А.Кусевицкий свободен принять или не принять деньги, на мое же решение это повлиять никак не может.⁸²

По отзывам многих современников, и Скрябин, и Кусевицкий немало страдали от произошедшего между ними разрыва. Уже после смерти Скрябина Кусевицкий узнал, что в последние свои дни композитор не раз выражал желание встретиться с ним, чтобы покончить с разделившей их ссорой...

Сочинения Скрябина остаются в программах «Концертов С.Кусевицкого» и после разрыва дирижера с композитором. Вскоре после внезапной кончины композитора (1915) Кусевицкий проводит цикл из его симфонических произведений. «Прометей» делается в Рос-

⁸¹ Скрябин – Струве. 2 сентября 1912, Bratenberg (Suisse). – АК-БК.

⁸² Скрябин – Струве. 6 октября 1912, «Les Charmettes», Genval, près Bruxelles (Belgique). – Там же.

сии предреволюционных лет символом грядущих социальных потрясений. Музыка Скрябина окажется исключительно созвучной времени и в первые годы после большевистского переворота.

НАЧАЛО СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАВИНСКИМ

К первому периоду истории РМИ восходит начало его многолетнего сотрудничества с Игорем Стравинским и Сергеем Прокофьевым. Временами бывало оно очень непростым, но неизменно оставалось плодотворным.

Долгие годы Кусевицкий как издатель и как дирижер боролся за Стравинского. Боролся, будучи убежден с первого знакомства с музыкой композитора в ее непреходящей художественной ценности. Боролся с конкурентами, желавшими первыми представить публике сочинения Стравинского. Боролся с публикой, оказавшейся не готовой к их восприятию. Боролся с критикой, пытавшейся отлучить Стравинского от магистральных традиций русской музыки. Наконец, боролся с самим собою, ибо ему недоставало поначалу дирижерской техники для воплощения партитур Стравинского.

Кусевицкий мог, конечно, не знать, как уничижительно отзывались о Стравинском и его сочинениях (от «Петрушки» до «Соловья») недавние его друзья – издатель «Музыкального современника» Андрей Римский-Корсаков, сын Николая Римского-Корсакова, и его зять Максимилиан Штейнберг – во взаимной переписке. Но он не мог не знать их статей, опубликованных тогда же в газетах и журналах. Издавая партитуры Стравинского и осуществляя их русские премьеры, Кусевицкий бесповоротно принял сторону композитора.

Активным пропагандистом ранних сочинений Стравинского был в России дирижер Александр Зилоги. В его концерте 23 октября (5 ноября) 1910 впервые в России прозвучала сюита из балета «Жарптица». Кусевицкий присутствовал на этой премьере. Музыка произвела на него сильное впечатление, и он сразу же решил, что произведения композитора должны издаваться в РМИ. Партитура «Жарптицы» была, однако, уже обещана Стравинским Юргенсону. Речь могла идти о следующем крупном сочинении композитора. Им стал балет «Петрушка». С изданием его будет связан первый серьезный конфликт, возникший весной 1911 между членами Совета РМИ.

Стравинский издавался поначалу у Беляева, Бесселя и Юргенсона⁸³. Условием сотрудничества с РМИ он сразу же поставил публи-

⁸³ Первые двое опубликовали лишь по одному сочинению композитора: Беляев – в 1908 клавир и в 1912 партитуру его Сюиты для меццо-сопрано и симфонического оркестра «Фавн и пастушка» (оп. 2; 1906–1907); Бессель, как хранитель прав Мусоргского, – его «Песню Мефистофеля о блохе», инструменто-

кацию всех своих сочинений. Кусевицкий принял это условие. Одно за другим РМИ выпускает в свет новые произведения Стравинского. В 1912 – «Два стихотворения Бальмонта для пения с фортепиано для высокого голоса и фортепиано» («Незабудочка цветочек» и «Голубь»), партитуру и оркестровые голоса балета «Петрушка» (позднее, в 1922, будут выпущены также авторский четырехручный клавир балета и «Три фрагмента из “Петрушки” для фортепиано»), в 1913 – авторский клавир для фортепиано в четыре руки балета «Весна священная»⁸⁴, партитуру, инструментальные голоса и авторское переложение для голоса с фортепиано «Три стихотворения из японской лирики для сопрано и инструментального ансамбля», в 1914 – «Три песенки (из воспоминаний юношеских лет)»: «Сороченька», «Ворона» и «Чичер-Ячер» (с русским текстом; в 1922 появятся издания с французским текстом и с двумя параллельными текстами), в 1923 – авторский клавир оперы (лирической сказки) «Соловей»⁸⁵.

Партитуру «Петрушки» Кусевицкий получил из рук автора вскоре после окончания им балета и тотчас же отправил ее в берлинскую контору РМИ к Струве. Ко времени парижской премьеры балета 31 мая (13 июня) 1911 партитура не была еще издана, и Пьер Монте дирижировал, пользуясь, по всей вероятности, второй издательской корректурой⁸⁶.

Кусевицкий присутствовал и на этой премьере. Вместе с приехавшим из Берлина Николаем Струве он сидел в ложе Стравинского рядом с его женой Екатериной Носенко. На следующий день Кусевицкие пригласили на завтрак Стравинских, Струве и художника Александра Бенуа – создателя декораций и костюмов парижского спектакля. Обсуждались сроки выхода из печати партитуры балета.

В августе 1911 в конторе РМИ в Берлине состоялась еще одна встреча Кусевицкого со Стравинским. Композитор держал в то вре-

ванную Стравинским для оркестра (1909). Юргенсон выпустил несколько сочинений композитора: в 1909 – партитуру и оркестровые голоса *Scherzo fantastique* для оркестра (оп. 3; 1907–1908), в 1910 – «Пастораль для меццо-сопрано и фортепиано» (1907) и «Две песни» на стихи С.Городецкого, (оп. 6; 1907), в 1911 – «Четыре этюда для фортепиано» (оп. 7; 1908), клавир «Жар-птицы» (1909–1910), «Два стихотворения П.Верлена для баритона и фортепиано» (оп. 9; 1910) и авторский клавир балета «Жар-птица», в 1912 – партитуру и оркестровые голоса «Жар-птицы» и партитуру Первой сюиты из балета, в 1913 – партитуру, клавир и хоровые голоса кантаты «Звездоликий» (1911–1912), наконец, в 1914 – партитуру и оркестровые голоса его Симфонии *Es dur* (оп. 1; 1905–1907).

⁸⁴ Большая и карманная партитуры «Весны священной», как и оркестровые голоса балета, будут выпущены РМИ в 1921.

⁸⁵ Без указания года издания в РМИ была также выпущена инструментальная Стравинским бетховенская «Песня Мефистофеля о блохе».

⁸⁶ Вторая корректура «Петрушки» хранится в настоящее время в музыкальном отделе Национальной библиотеки Франции в Париже.

мя третью корректуру «Петрушки» в связи с новыми незначительными изменениями, внесенными им в партитуру после парижской премьеры балета. Все это предшествовало заседанию Совета РМИ, расколовшему его надвое. Мнения высказывались самые разные – вплоть до крайнего: «Петрушка» – вовсе не музыка. Лишь благодаря непреклонности Кусевицкого при голосовании, издавать ли партитуру балета, было набрано большинство голосов. Он заявил, что в случае отклонения «Петрушки» незамедлительно выйдет из Совета. Помогла и примирительная позиция Рахманинова – огромное дарование Стравинского ощущалось им, вероятно, подсознательно, вопреки даже собственным творческим приверженностям.

Так начиналось сотрудничество РМИ со Стравинским, которому суждено будет продлиться вплоть до середины 1930-х – времени публикации его мелодрамы «Персефона».

Конфликт в Совете РМИ живо напомнил Кусевицкому его беседу с Кропоткиным и дал ясно осознать, что подобные столкновения с членами Совета РМИ ждут его и в будущем. Новый, гораздо более серьезный конфликт возникнет четыре года спустя в связи с изданием «Скифской сюиты» Сергея Прокофьева. Но для разрешения его Кусевицкий будет к тому времени обладать новыми возможностями.

Характерная деталь: Струве, ведший предварительные переговоры со Стравинским и убежденный, что большинство членов Совета выскажется за издание «Петрушки», начал печатать партитуру еще до одобрения ее Советом. «Хотя гонорар я Стравинскому и выплатил и уже партитура трех картин награвирована, – писал он в апреле 1911, – я делал все это как бы от имени Сергея Александровича лично, оставляя вопрос открытым»⁸⁷.

Партитура «Петрушки» появилась из печати весной, оркестровые голоса – осенью 1912. РМИ выпустило также 500 роскошных экземпляров с иллюстрациями Бенуа. Стравинскому был выплачен гонорар в размере 4000 рублей. Публикацию «Петрушки» горячо приветствовал Мясковский. Музыка Стравинского, писал он, «сама жизнь», и будь жив Римский-Корсаков, он непременно «встал бы на сторону этого сочинения, он не мог бы не сознавать или хотя бы не чувствовать, что исключительно радужный талант Стравинского плоть от плоти его»⁸⁸.

Между изданием партитуры и оркестровых голосов «Петрушки» состоялась русская премьера фрагментов балета. Желанием осуществить ее Кусевицкий загорелся сразу же после того, как получил от

⁸⁷ Струве – Оссовскому. 15(28) апреля 1911, Берлин. – КР РИИИ. Ф.22 (А.В.Оссовский). Оп.1. Ед.хр.172.

⁸⁸ Мясковский Н. «Петрушка», балет Иг. Стравинского // Музыка. 1912. №59, 14 января. С.72.

Стравинского партитуру для публикации ее в РМИ. Благодаря дружбе с Эрнестом Ансерме композитор обеспечен был в те годы симфоническими оркестрами в Монтрё, Женеве и Лозанне. В России наиболее активным пропагандистом его ранних сочинений выступал Александр Зилоти, в концертах которого впервые на родине композитора прозвучала сюита из балета «Жар-птица» (23 октября (5 ноября) 1910).

Тем не менее Стравинский был кровно заинтересован в Кусевицком – и как в издателе, и как в дирижере. «Я живу между Берлином, Веной, Будапештом и Монте Карло, – пишет композитор. – <...> Где Сергей Александрович <Кусевицкий>? Мне очень важно знать это. Приедет ли он в Париж, и сумею ли я увидеться с ним?»⁸⁹

Стравинский не склонен был, однако, поначалу разрешать Кусевицкому исполнение балета «Петрушка» во фрагментах. «Сюиты из “Петрушки” я не делал, – писал он, – “Петрушку” можно исполнять как симфонию – подряд все четыре картины <...> “Петрушку” надо исполнять от начала до конца без единой купюры, изменения или особого окончания. Я долго думал об использовании этого сочинения для концертной эстрады и теперь пришел к этому выводу»⁹⁰.

После того как сорвались по разным причинам предполагавшиеся исполнения «Петрушки» – в Павловске под Петербургом Александром Аслановым и в Москве Константином Сараджевым, – Кусевицкому удалось убедить Стравинского в целесообразности исполнения фрагментов балета. Выбранные им три фрагмента включали в себя «Русскую» из первой картины, всю вторую картину и танцы из четвертой. Позднее и сам Стравинский дирижировал этой сюитой из своего балета.

Премьеры «Петрушки» были осуществлены Кусевицким 23 января (5 февраля) 1913 в Петербурге и 30 января (12 февраля) в Москве и вызвали огромный интерес. Как и в дни первых исполнений скрябинского «Прометея», Кусевицкий снова оказался в эпицентре ожесточенной полемики. Мнения критиков о музыке «Петрушки» вовсе не были единодушными. Немало было, в частности, обвинений в том, что «в погоне за реализмом Стравинский слишком сгущает

⁸⁹ Стравинский – Струве. 7 апреля 1912, «Кларан». Цит. по: *Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in Pictures and Documents*. New-York: Simon and Schuster, 1978. P.86. В русском издании переписки Стравинского в данном письме композитора имеется несколько купюр и цитируемые фразы отсутствуют. См.: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. В 2 т. Т.1: 1882–1912 / Сост., текстологич. ред. и коммент. В.Варунца. М.: Композитор, 1998. С.328-329.

⁹⁰ Стравинский – Держановскому, 5(18) июня 1912, «Устилуг». – Цит. по: Деклерк Ю. Московский концерт «из Стравинушки» // Музыкальная академия. 1993. №3. С.202.

краски, превращая музыку в фотографирование пьяного разгула»⁹¹, что «его герои сморкаются без платков, а героини ходят в грубых платках»⁹². Всячески подчеркивалось, что «Стравинский ненавидит чистую музыку, уделяя вообще музыке лишь незначительное участие в общем впечатлении»⁹³, что, судя по сыгранным фрагментам партитуры, «чисто музыкальный удельный вес ее – совершенно ничтожен»⁹⁴.

Вместе с передовыми деятелями русской музыки – Мясковским, Держановским, Каратыгиным – Кусевицкий принял «Петрушку» восторженно. Его вовсе не смущало, что партитура являет собой художественный лубок, что в основу ее положены элементы «низкой» фольклорной музыки, что «смело и дерзновенно Стравинский попирает старые устои, на которых мы выросли и воспитались»⁹⁵. Подобно Держановскому, он ощущал «Петрушку» от начала до конца «живым организмом, трепещущим от всепоглощающего задора, неисчерпаемого юмора, сверкающим пылом молодой свежей крови», и именно в этой цельности виделось ему оправдание «художественным “трюкам”, неистовствам и излишествами» партитуры⁹⁶.

Характерно, что отзывы на воплощение Кусевицким «Петрушки» оказались куда более единодушными, чем суждения о самой музыке. «Исполнены были отрывки превосходно и сильно заинтересовали публику своей необычностью», – заметил отзывавший Стравинскому во вдохновении и теплоте Леонид Сабанеев⁹⁷. Мясковский писал, что «Петрушка» при исполнении «оказался еще более восхитительным, чем в партитуре»⁹⁸. Назвав «Петрушку» «без сомнения, одним из самых блистательных, самых талантливых и самых интересных произведений современной не только русской, но и европейской музыки», Каратыгин подчеркнул: «... впечатление, произведенное на меня “Петрушкой”, было тем более сильным, что он был с таким блеском передан Кусевицким»⁹⁹.

⁹¹ <Б/н.> Концерты Кусевицкого // Вечернее время. 1913. 24 января.

⁹² Коптяев А. Симфонический концерт Кусевицкого // Биржевые ведомости. 1913. 24 января (веч. вып.).

⁹³ Там же.

⁹⁴ Коломийцов В. Концерты С.Кусевицкого // День. 1913. 25 января.

⁹⁵ <Б/н.> Концерты в Петербурге // Русская музыкальная газета. 1913. №5. Стлб.137.

⁹⁶ Аркель <В.Держановский>. «Петрушка» у Кусевицкого // Утро России. 1913. 1 февраля.

⁹⁷ Сабанеев Л. Концерт Кусевицкого // Голос Москвы. 1913. 1 февраля.

⁹⁸ Мясковский – Прокофьеву. 26 января 1913, Петербург. – В кн.: С.С.Прокофьев и Н.Я.Мясковский: Переписка / Сост. и подгот. текста М.Козловой и Н.Яценко; коммент. А.Киселева; отв. ред. Д.Кабалевский. М.: Советский композитор, 1977. С.104.

⁹⁹ Каратыгин В. 7-й концерт Кусевицкого // Речь. 1913. 24 января.

Вслед за московской премьерой «Петрушки» последовала целая серия исполнений фрагментов балета. Полностью партитура прозвучала в Москве 14 мая 1915 под управлением Эмиля Купера.

С именем Стравинского оказался связан один из пиков общественного интереса к Российскому музыкальному издательству и к «Концертам С.Кусевицкого» за всю их историю. То были годы издания четырехручного авторского клавира «Весны священной» (1913) и ее русской премьеры (1914). «Не пугайся, если будут свистеть на “Sacre”, – писал Стравинский матери, – это в порядке вещей. Телеграфируй тотчас, что происходило на концерте»¹⁰⁰. Причиной этого предостережения был скандал на премьере балета «Весна священная» 28 мая 1913 в Театре Елисейских полей в Париже.

«Свистки, крики, топанье ногами – все это смешалось в какой-то невообразимый гул, совершенно заглушивший оркестр, – рассказывал по возвращении из Парижа соавтор балета художник Николай Рерих. – Музыку можно было слышать только урывками, и уже это обстоятельство как бы служит доказательством, что вся демонстрация не имела никакого отношения к спектаклю... Я сам слышал, как какой-то музыкант, показывая на ложу, в которой сидели дамы, крикнул им с негодованием: – Проститутки десятого квартала! Вам место на улице!.. Дошло до того, что люди вызывали друг друга на дуэль. Боясь, чтобы дело не дошло до рукопашной, во время представления велели осветить зал...»¹⁰¹

О получившем широкую огласку скандале на премьере «Весны священной», скандале, которого, быть может, не знала еще история театра, писали в ту пору куда больше, чем об огромном воздействии музыки Стравинского на французских композиторов. Как вспоминал Дариус Мийо, «Дебюсси был озабочен ее возвышением, Флоран Шмитт заявил, что ему ничего не остается другого, как сжечь собственные сочинения»¹⁰².

Парижский скандал не остановил Кусевицкого в его намерении издавать и исполнять «Весну священную». Он тотчас же обращается к Стравинскому за разрешением включить «Весну» в программу своих концертов и получает согласие композитора. Год спустя после того, как Кусевицкий представил в России «Петрушку», он проводит русскую премьеру «Весны священной» – 5(18) февраля 1914 в Москве и 12(25) февраля в Петербурге.

¹⁰⁰ Стравинский – Анне Стравинской. 7(20) декабря 1913, Кларан. – В кн.: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами... Т.2: 1913–1922. М., 2000. С.185.

¹⁰¹ См.: Петербургская газета. 1913. 26 мая. Цит. по: Р. Кто виновник парижского балетного скандала? // Независимая газета. 1992. 18 июня.

¹⁰² *Milhaud D. Notes sans musique. Paris: Rene Juliard Sequana, 1949. P.71.*

«“Весна” в Москве – большое событие, – телеграфировал он Стравинскому. – Прошла вчера с огромным успехом. Страшно сожалею о Вашем отсутствии»¹⁰³.

Слова об успехе премьеры «Весны» не были преувеличением. «...Вот целую неделю как живу звуками “Священной весны”, – писал в те же дни Стравинскому Александр Бенуа, – начал в Москве и продолжил в Петербурге и сейчас буквально тоскую о том, что больше на долгое время не удастся слышать эту музыку – о которой я даже не могу сказать, хороша она или превосходна, ибо просто я ею весь взбаламучен...»¹⁰⁴

Кусевицкий снова – в который уже раз! – оказался в центре острых дискуссий. Как о «свалке нечистот» писал о партитуре Стравинского Цезарь Кюи¹⁰⁵. «Родом музыкального шарлатанства» назвал ее Леонид Сабанеев, негодуя, что «эту макулатуру принимают за новые откровения»¹⁰⁶.

По две статьи о «Весне» опубликовали Мясковский и Каратыгин. Мясковский писал о «Весне» как о сочинении «хотя точно вытесанном из камня, но на редкость жизненном, свежем и волнующе пленительном»¹⁰⁷. Вопреки резко негативному отношению к Кусевицкому, о «магическом жезле» которого он писал не иначе как с едкой иронией, Мясковский и после исполнения им «Весны» признавал ее «произведением ярким, самобытным, увлекающим своей живой ритмикой, почти сплошь сильным, а временами пленительным»¹⁰⁸.

Правда, в личной переписке композитора проскользнула нотка невольной ревности к Стравинскому. «Худо, что россияне опять корчат из себя какую-то невинность, – писал Мясковский, – одновременно с самой торгашеской развязностью печатают “священную белиберду” Стравинского...»¹⁰⁹

Каратыгин писал в первой из своих статей о «впечатлении ошеломляющем, но двусмысленном»¹¹⁰. «Много нарочитого и тенденци-

¹⁰³ Кусевицкий – Стравинскому (телеграмма). 6(19) февраля 1914, Москва. Цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами... Т.2. С.216.

¹⁰⁴ Бенуа – Стравинскому. 14(27) февраля 1914, Петербург. – Там же. С.231.

¹⁰⁵ Кюи – Марии Керзиной. 16 февраля 1914, Петербург. – В кн.: Цезарь Кюи. Избранные письма. Л.: Музыка, 1955. С.446.

¹⁰⁶ Сабанеев Л. Концерт Кусевицкого // Голос Москвы. 1914. 6 февраля.

¹⁰⁷ Мясковский Н. О «Весне священной» И.Стравинского // Музыка. 1914. №167, 1 февраля. С.108.

¹⁰⁸ Мизантроп <Н.Мясковский>. Петербургские письма. XV(1) // Там же. №171, 1 марта. С.194.

¹⁰⁹ Мясковский – Прокофьеву. 3 июня 1913, Шмемке. Цит. по: С.С.Прокофьев и Н.Я.Мясковский. Переписка. С.106.

¹¹⁰ Каратыгин В. 7-й абонементный концерт Кусевицкого // Речь. 1914. 14 февраля.

озного в этой музыке. Но и масса интересного», – заключал он¹¹¹. Во второй статье, не изменив изначального мнения о большом значении партитуры для русской музыки, критик писал, что «ее историческое, симптоматическое значение все же превышает художественное»¹¹².

С немалым основанием теми же словами можно было бы сказать и о первых исполнениях «Весны священной». Значение исполнений Кусевицким «Весны священной» не ограничивалось, конечно, тем, что «оркестр проявил мужество выучить эту вещь»¹¹³. Они сделали подлинной реабилитацией партитуры после скандала на парижской премьере¹¹⁴ и, более того, способствовали окончательному утверждению творчества Стравинского в России.

Что же до качества воплощения партитуры, то многолетняя работа дирижера над ней тогда еще только начиналась. «С.Кусевицкий с «Весной» не справился, но не будем ему за это пенять, ибо все же «Весну» он сыграл», – писал Мясковский¹¹⁵. И даже согласившись с этим мнением критика, нельзя не подивиться смелости дирижера и издателя. Вслед за изданием клавира «Весны священной» РМИ выпустит в 1921, год спустя после эмиграции Кусевицкого из России, большую и карманную партитуры балета и его оркестровые голоса.

В 1913 РМИ начало также работу по изданию только что завершенной Стравинским оперы (лирической сказки) «Соловей». В 1914 был выпущен ее авторский клавир с русским и французским текстом. В 1921 выйдут в свет партитура и оркестровые голоса симфонической поэмы «Песнь соловья», написанной Стравинским на музыкальном материале второго и третьего действия оперы «Соловей». Наконец, в 1923 появится из печати партитура самой оперы.

Об отношении РМИ к Стравинскому и его сочинениям красноречиво говорят строки из адресованных ему писем Струве. «Обращаюсь к Вам с большой просьбой высказать нам Ваши предложения по поводу издания (в деталях) до отправки сочинений в гравировку», – пишет директор РМИ по поводу готовившихся к изданию «Петрушки» и «Весны священной»¹¹⁶.

¹¹¹ Каратыгин В. 7-й абонементный концерт Кусевицкого // Речь. 1914. 14 февраля..

¹¹² Каратыгин В. «Весна священная» // Там же. 16 февраля.

¹¹³ Л.С.<Абанеев>. Концерт Кусевицкого // Театральная газета. 1914. №6. С.7.

¹¹⁴ Русские премьеры Кусевицкого предшествовали исполнению «Весны священной» Пьером Монте в апреле 1914 в Париже, о котором сам Стравинский вспоминал впоследствии как о «блестящей реабилитации» своей музыки (Стравинский И. Хроника моей жизни. Л.: Музгиз, 1963. С.97).

¹¹⁵ Мизантроп <Н.Мясковский>. Петербургские письма. XV(1) // Музыка. 1914. №171, 1 марта.

¹¹⁶ Струве – Стравинскому. 2 или 3 февраля (н. с.) 1913, Берлин. Цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами... Т.2. С.18.

«Я с лихорадочным нетерпением жду “Соловья”, – делится он с композитором полгода спустя. – Вы меня так заинтересовали, так захватили, Игорь Федорович, рассказами о нем! И сюжет, и обстановка, и Ваше увлечение работой, Ваша радость... все говорит за то, что в сумме должно получиться грандиозное произведение, своеобразной, сказочной (звучит немного парадоксально) красоты! Итак, счастливого часа, счастливейшего часа – допеть Вам свою “соловьиную песню” на вдохновенной высоте!!»¹¹⁷

В истории с неосуществленной в 1913–1914 постановкой «Соловья» в Свободном театре в Москве Струве выступил своеобразным посредником между режиссером театра Константином Марджановым, Стравинским и Сергеем Дягилевым, который также предполагал ставить оперу в своей парижской антрепризе. Неоднократно Струве советовал композитору, как следует распутывать отношения внутри этого создавшегося «треугольника».

Не менее важными, чем человеческие отношения с руководителями РМИ, были для Стравинского отношения чисто деловые, коммерческие. Большие привилегии композитор получал, в частности, благодаря обыкновению РМИ не продавать его оперные и балетные партитуры, а предоставлять их театрам на определенных договорных условиях. Так, за предоставление нотного материала «Петрушки» «Русскому балету» Дягилев обязался выплачивать РМИ определенный процент со сбора с каждого его спектакля. Первоначально заключенный по этому поводу контракт был продлен весной 1916 еще на один год. Дягилеву пришлось согласиться с условием, согласно которому за показ балета во время гастролей дягилевской труппы в США издательству будет выплачена в рублях двойная сумма.

Первая мировая война и русская революция надолго разлучают Стравинского и Кусевицкого. Контакты их возобновляются лишь в 1921 публикацией партитуры симфонической поэмы «Песнь соловья», написанной на музыку из оперы «Соловей»¹¹⁸.

ИТОГИ ПЕРВОГО ПЯТИЛЕТИЯ. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ПРИБРЕТЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «А.ГУТХЕЙЛЬ»

Отчеты о первых годах деятельности РМИ звучат весьма оптимистично: дело постоянно расширяется, представительства издательства открываются, помимо Берлина, Москвы и Петербурга, в

¹¹⁷ Струве – Стравинскому. 28 сентября (11 октября) 1913, Берлин. Цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами... Т.2. С.152.

¹¹⁸ Информация об издании партитуры в 1917 (см.: Там же. С.697) ошибочна.

Лейпциге, Лондоне, Париже, Брюсселе и Нью-Йорке. «Работы было немало, – писал Струве в отчете за 1911 год. – Дело стало теперь такое большое и с каждым днем все увеличивается...»¹¹⁹.

Три года спустя, накануне Первой мировой войны, Струве заметит, что «своей деятельностью издательство и магазины завоевали себе крупное положение среди учреждений такого рода в России, оказали влияние на целый ряд обстоятельств – в отношениях композиторов с издателями, с публикой <...>, создали себе солидное имя и за границей»¹²⁰.

Издания РМИ отличались высоким полиграфическим качеством. Почти все они публиковались в единообразных плотных, желто-оранжевых обложках. Эскиз для них выполнил художник Иван Билибин в свойственной ему манере стилизации под славянскую старину. Было в этих обложках нечто от старинных новгородских рукописей. Над названием произведения, набранным по-русски и по-немецки (позднее, с наступлением войны, немецкие заголовки уступили место французским), красовалось изображение гуслира, заимствованное Билибиным из русского букваря XVII века. Обращала на себя внимание исключительная четкость печати, характерная для лейпцигской типографии Карла Рёдера (она же обслуживала издательство Беляева).

Единообразная обложка не могла, естественно, в равной степени отвечать различной по стилю музыке, публикуемой издательством. Критика справедливо укоряла РМИ, к примеру, в несоответствии «кричащей лубочности» билибинской обложки поздним сочинениям Скрябина¹²¹. По настоятельной просьбе Скрябина для первого издания его «Прометей» обложка была заказана бельгийскому художнику-теософу Жану Дельвилю. Он выполнил ее в огненно-оранжевой гамме цветов, поместив в центре мистическое изображение двуполого существа с вытарашенными глазами – андрогина.

Для распространения своих изданий РМИ открыло два нотных магазина – в августе 1909 в Москве на Кузнецком мосту, 5 (дом Джамгаровых) и в ноябре 1911 в Петербурге на Большой Морской улице, 11. Одно лишь открытие магазинов обошлось Кусевицким в 150 тысяч рублей. Для налаживания работы в Петербурге Кусевицкий перевел туда из Москвы многоопытного Федора Гришина.

Постоянно публиковавшаяся в русских газетах и журналах реклама магазинов РМИ рекомендовала покупателям «обширный склад

¹¹⁹ <Н.Струве>. Отчеты о работе Российского музыкального издательства. 1911 г. – КР РИИИ. Ф.22 (А.В.Оссовский). Оп.1. Ед.хр.172. Л.14.

¹²⁰ Струве – Оссовскому. 10(23) марта 1914, Берлин. – Там же. Л.29об.

¹²¹ Л.С. <Л.Саминский>. Библиография // Музыка. 1913. №111, 5 января. С.16.

нот и книг по всем отраслям музыкального знания всех русских и иностранных издательств, <...> большой выбор томовых изданий и опер, <...> партитуры карманного формата, музыкальные календари». Сообщалось также, что магазины располагают всеми русскими и иностранными музыкальными журналами и осуществляют подписку на них. Предлагался широкий ассортимент портретов выдающихся музыкальных деятелей и открыток с этими портретами, а также «нотная бумага и тетради, свежие струны и музыкальные принадлежности»¹²².

Война существенно подорвет работу издательства. Еще весной 1914 РМИ с успехом представляло свою продукцию на Всемирной книжной выставке в Лейпциге. Теперь же зарегистрированное в Германии издательство окажется на вражеской территории. Прервутся контакты Кусевицкого с берлинской конторой РМИ. Позднее ее удастся перевести в Москву, куда возвратится из Германии Струве. В Берлине вопросами размещения продукции РМИ по типографиям заниматься будет сначала Эрик Цингель, затем Федор Вебер.

Вскоре, однако, германские власти конфискуют гравировальные доски РМИ – равно как и издательства Беляева. Невозможно станет печатать ноты в типографии Рёдера, вместо которой решено будет использовать московскую нотопечатню Гроссе. «Здесь гравируют хорошо, и я надеюсь, что с печатью можно будет добиться хороших результатов», – пишет Струве¹²³. Но и типография Гроссе пользоваться вскоре сделается невозможным. «Все дела <...> сильно осложнились и частью должны были замереть на время. <...> И впереди все еще новые и новые тучи...» – пророчески писал Струве¹²⁴.

28 мая 1915 в Москве группа молодчиков, руководствуясь оголтелыми националистическими настроениями, разгромила ряд магазинов и контор, владельцами которых были немцы и австрийцы. В их числе оказались музыкальные магазины Дидерикса, Лемберт-Лекайне, Бесселя, Гутхейля, Детлафа, Эберле, Зейванга, Циммермана, Гроссе. «На Кузнецком мосту и в Кузнецком переулке валялись на мостовой выброшенные из окон второго этажа разбитые вдребезги рояли и пианино, – вспоминал современник, – на Неглинном проезде и на Большой Никитской перед зданием консерватории валялись груды разорванных нот»¹²⁵.

¹²² Музыка. 1911. №31, 1 июля.

¹²³ Струве – Стравинскому. 14(27) августа 1915, Москва. Цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами... Т.2. С.337.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ *Ширинский В.П.* Страницы жизни, творчества и концертной деятельности. Воспоминания. Статьи. Материалы / Сост. Н.Ширинская. М.: Филология, 1996. С.27-28.

Издательство Циммермана, в котором печатались сочинения Балакирева, Танеева, Ляпунова, Метнера, Гречанинова, прекратит существование на территории России. Юлий Циммерман, немец, много лет проживший в России, предпочтет уехать на родину и продолжить работу своего издательства в Лейпциге. Карл Гутхейль, будучи немцем по происхождению и австрийцем по подданству, также решит незамедлительно покинуть Россию.

Сразу же после разгрома своего магазина на Кузнецком мосту Гутхейль обращается к Кусевицкому с предложением купить принадлежащее ему издательство. «Гутхейль предложил нам купить его фирму, – писал в те дни Струве. – Вопрос этот очень интересный и серьезный...»¹²⁶

Фирма «А.Гутхейль», как уже говорилось, считалась одним из крупнейших в России музыкально-издательских предприятий и представляла собой хорошо налаженное дело. Каталог издательства включал в себя, наряду с так называемой коммерческой музыкой – разного рода салонными миниатюрами, цыганскими романсами, облегченными фортепианными транскрипциями западной классики, – произведения Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Серова, Рахманинова. «А.Гутхейлю» принадлежали, в частности, права на публикацию оперы Даргомыжского «Русалка» и трех опер Серова.

Принадлежал фирме также давно приобретенный, хранившийся в подвале и всеми забытый архив издательства Федора Стелловского. Среди неожиданных находок, которые обнаружит там Кусевицкий осенью 1915, окажется считавшаяся утраченной рукописная партитура знаменитого «Вальса-фантазии» Глинки.

Карл Гутхейль принял Кусевицкого в своем особняке в Пречистенском переулке. Договоренность о продаже издательства была достигнута сразу же. Названная Гутхейлем цена не вызвала возражений Кусевицкого. Не остановила его и неопределенность общественно-политической и экономической ситуации России в годы войны.

Сообщая о приобретении Кусевицким издательства за 300 тысяч рублей¹²⁷, «Русская музыкальная газета» писала:

Этому обстоятельству можно только порадоваться, так как фирма Гутхейля палец о палец не ударила, чтобы крупные произведения русских композиторов были бы изданы с должной тща-

¹²⁶ Струве – Оссовскому. 7 июля 1915, Москва. – КР РИИИ. Ф.22 (А.В.Оссовский). Оп.1. Ед.хр.172.

¹²⁷ По другим сведениям, покупка издательства обошлась Кусевицкому в 250 тысяч рублей. На самом деле, согласно подписанному у нотариуса Тихомирова в Москве «Запродажному акту», издательство «А.Гутхейль» было приобретено за 200 тысяч рублей золотом. Купчая оформлена была на Сергея и Наталию Кусевицких.

тельностью – несмотря на популярность опер Даргомыжского и Серова, они до сих пор не появились в издании печатных оркестровых партитур (партитура «Юдифи» была издана на казенный счет, так же как раньше партитуры Глинки были изданы на счет Л.И.Шестаковой); К.Гутхейль ограничивался перепечаткой старых досок Стелловского. <...> Теперь, с переходом издательства в руки культурного музыкального деятеля, можно надеяться, что и отношение к этим произведениям перестанет быть торгашеским.¹²⁸

Публикация произведений русских композиторов-классиков не сделалась, однако, для Кусевицкого приоритетной задачей. И не потому вовсе, что руководствовался он «торгашеским отношением» к издательской деятельности. Ориентированный на музыку современных авторов, Кусевицкий шел вразрез с какими бы то ни было коммерческими интересами. Как напишет секретарь «Концертов С.Кусевицкого» Любовь Рыбникова, при всей убыточности концертного предприятия Кусевицких, оно стоило им «сущие пустяки по сравнению с Российским музыкальным издательством, куда было вложено несколько миллионов и, кроме того, ежегодно вносились колоссальные суммы»¹²⁹.

Последний директор РМИ Гавриил Пайчадзе вспомнит много лет спустя:

...По «Гутхейлю» у нас чистого дохода никогда не было, т. к. все получаемые суммы шли на покрытие текущих расходов и на восстановление фонда, погибшего во время Первой мировой войны, причем денег на это не хватало, и Сережа <Кусевицкий> должен был время от времени помогать «Гутхейлю» из своих личных средств, каковые субсидии ему возвращены не были.¹³⁰

Главная для Кусевицкого причина приобретения второго издательства заключалась, как сам он признавался позднее в беседе с Сергеем Прокофьевым, в том, «чтобы противостоять реакционным течениям Рахманинова и Метнера»¹³¹. Он никогда не сожалел об этом приобретении. После окончания Второй мировой войны большую радость доставит ему неожиданное письмо, полученное от дочери Карла Гутхейля Алисы Плате...

¹²⁸ Русская музыкальная газета. 1915. №33-34, 16–23 августа. Стлб. 530.

¹²⁹ Рыбникова Л. Из воспоминаний. (Машинопись). – ГЦММК. Ф.303 (С.А.Кусевицкий). Ед.хр.76. С.7.

¹³⁰ Г.Пайчадзе – О.Кусевицкой. 18 октября 1950, Париж. – АК-БК.

¹³¹ Прокофьев С. Curriculum Vitae. – Архив С.Прокофьева, Центр русской музыки. Goldsmiths University of London. Цит. по: Польдяева Е. «Я часто с ним не соглашался...» С.59.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ТАНЕЕВЫМ

Огромное значение РМИ в активизации интереса к новой русской музыке было неоспоримо уже на первом этапе его деятельности. Свидетельством тому сделалось, в частности, сотрудничество издательства с Танеевым, Метнером и Гречаниновым.

Личность Сергея Ивановича Танеева, подчинившего служению музыке всю свою жизнь, его сочинения, деятельность его как педагога и многолетнего директора Московской консерватории вызывали неизменное восхищение как Кусевицкого, так и Рахманинова. Танеев жил неподалеку от Кусевицких в небольшом скромном старомосковском доме одного из арбатских переулков. Быт его был отлажен с точностью часового механизма. Работоспособность не знала границ, пунктуальность служила примером для окружающих. Дом Танеева являлся своеобразным магнитом для московских музыкантов. Кусевицкий встречал здесь Рахманинова, Скрябина, Катуара, позднее – Глиэра, Мясковского, Прокофьева. Они играли Танееву свои новые сочинения. Затем завязывались интереснейшие беседы, подавался традиционный чай.

«Среди многих интеллектуалов, кому дала жизнь Россия, Сергей Иванович был одним из самых исключительных, – напишет позднее Кусевицкий. – Помимо музыки, он обладал глубокими познаниями в естественных науках, социологии, философии. <...> У нас были длинные, интереснейшие беседы, и он восхищал меня ясностью своих идей...»¹³²

Танеев был для Кусевицкого воплощением музыкальной совести, примером истинно творческого отношения к классическому наследию. О его книге «Подвижной контрапункт строгого письма» он напишет в предисловии к ее первому английскому изданию (1948) как об «одном из величайших когда-либо созданных музыкальных трактатов»¹³³. Танеев никогда не казался Кусевицкому воплощением академизма. Близким ему было убеждение композитора в том, что истинное творчество не знает жестких регламентирующих норм. «В области музыкальной интерпретации он осмеливался часто подходить к грани радикализма. Вспоминаю, когда я готовился к своему первому исполнению Девятой симфонии Бетховена, я ходил с ее партитурой к Танееву. Его концепция была настолько поразительной и свободной от установившихся традиций, что даже я, предрасположенный к революционности, оказался не готовым принять ее»¹³⁴.

¹³² *Koussevitzky S.* Introduction to the first English edition of Serge Taneev's «Inverible Counterpoint in the Strict Stile» (1948). Typescript. P.1. – АК-БК.

¹³³ Ibid.

¹³⁴ Ibid.

Желанием сделать музыку Танеева более известной за рубежами России руководствовался Кусевицкий, организовав в 1908 в Берлине и Вене концерты из его камерных сочинений. В том же году он включает антракты к опере «Орестея» в программу своего дирижерского дебюта в Берлине и исполняет их в первом же сезоне своих московских «Концертов».

Став издателем, Кусевицкий получил возможность оказать композитору более действенную помощь. Произведения его, как говорилось уже, принимались к публикации, согласно Уставу РМИ, без обсуждения их Советом издательства. В РМИ были опубликованы все произведения композитора, написанные после 1909. Среди них такие значительные, как Двенадцать хоров а cappella для смешанного хора на стихи Якова Полонского (оп. 27) и Шестнадцать хоров а cappella для мужского хора на стихи Константина Бальмонта (оп. 35), Концертная сюита для скрипки с оркестром (оп. 28, 1909), Фортепианный квинтет соль минор (оп. 30) и, наконец, кантата «По прочтении псалма» для солистов, хора и оркестра (оп. 36). Одно из наиболее выдающихся созданий русской музыки, кантата, как и «Прометей» Скрябина, не появилась бы на свет без Кусевицкого и РМИ.

В русской хоровой музыке первых двух десятилетий XX века композиторское и исполнительское творчество активно стимулировали друг друга. Московский Синодальный хор, подобно Придворной певческой капелле в Петербурге, являл собой высшее достижение исполнительского мастерства в русском хоровом пении того времени. Не случайно одна за другой появляются адресованные хору партитуры Танеева, Гречанинова, Рахманинова и Кастальского. Не случайно на дирижерском пульте Кусевицкого оказываются в 1915 партитуры кантат «Хвалите Бога» Гречанинова и «По прочтении псалма» Танеева, поэмы Рахманинова «Колокола» и, позднее, Демественной литургии¹³⁵ Гречанинова.

Какой широтой музыкального горизонта, какой тончайшей чуткостью ко всему новому, талантливому должен был владеть Кусевицкий-издатель, чтобы в потоке создающейся современниками музыки выявить и отобрать для РМИ все эти партитуры! Ведь в них оказались запечатленными присущие русскому обществу первых двух десятилетий XX века настроения мятежности, экстатического подъема, соборности¹³⁶, размышления о судьбе родины и нравствен-

¹³⁵ Термином «демество» обозначалось в русской традиции исполнение духовной музыки вне церкви с целью воспитания нравственности, религиозных настроений, усиления интереса к обрядовой стороне религии. См.: *Компанейский Н.* Современное демество // Русская музыкальная газета. 1902. №47, 24 ноября.

¹³⁶ Слово «собор» имеет одним из своих значений «собрание». Говоря о присущем русскому обществу той эпохи настроении соборности, мы имеем в виду

ном долге человека, стремление к постановке и разрешению мировых, вселенских проблем...

Какой яркой способностью творческого перевоплощения должен был обладать Кусевицкий-дирижер, воплощая все эти партитуры на концертной эстраде! После прославления героически-личностного начала в дерзновенно богоборческом «Прометее» – некий отстраненный объективизм, «надличностность» «Псалма», вслед за ним – трагизм и безысходность «Колоколов» с их своеобразным балансированием между субъективным и эпически-обобщенным взглядом на мир. После эмоциональных протуберанцев скрябинского стиля – стройность, ясность, стремление к идеальной уравновешенности в кантате Танеева. После гигантского оркестра «Прометей» – скромный, тяготеющий к классическому оркестр «Псалма»...

В 1913 во время одной из бесед с Кусевицким Танеев признался ему в своей заветной мечте сочинить новую большую партитуру. Дирижер впоследствии вспоминал:

...он сказал мне, как хотелось бы ему написать кантату, работа над которой должна занять два года интенсивного труда, но что он не может и мечтать об этом, продолжая давать уроки, материально обеспечивающие его. Я немедленно предложил дать ему необходимую сумму денег и опубликовать кантату в принадлежащем мне Российском музыкальном издательстве... Сумма, названная им, была даже по тем временам на удивление мала: 3000 рублей (что было эквивалентно \$1500) – на два года жизни! Это говорит о том, насколько скромно он жил. Он категорически отказался от большей суммы.¹³⁷

Танеев с благодарностью принял предложение Кусевицкого и активно включился в работу над партитурой. В начале января 1915 кантата «По прочтении псалма» была завершена. Кусевицкого покорили монументальность и удивительная цельность этой длящейся около полутора часов партитуры (в основу ее были положены стихи русского поэта и философа первой половины XIX века Алексея Хомякова – всего-навсего 40 поэтических строк!), редкое стое единство в ней формы и содержания. Покорило и блистательное переосмысление Танеевым восходящего к библейской эпохе жанра псалма – глубоко личностного, исповедального, наполнение его живым эмоциональным высказыванием и высоким моральным пафосом. Тотчас же кантата была принята Кусевицким к изданию. Одновременно началась и подготовка ее премьеры.

страстное стремление объединиться, отыскать общую платформу – вопреки разделяющим общество границам: сословным, политическим, идеологическим. Не случайно старая русская пословица гласит: «Собором и черта одолеем».

¹³⁷ Koussevitzky S. Introduction to the first English edition... P.2.

Кусевицкий ощущал некую итоговость «Псалма» для творчества композитора – даже невольно приходило ему на ум в этой связи сравнение кантаты Танеева с «Реквиемом» Моцарта, Девятой симфонией Бетховена, Шестой Чайковского. По злой иронии судьбы «Псалом» оказался последним сочинением Танеева...

Кантата представляла немалые трудности для хора – даже для такого высокопрофессионального, как Хор Архангельского, участвовавшего в ее премьере в Петрограде. По этой причине премьера несколько раз откладывалась. Первые ее исполнения состоялись наконец 11 марта 1915 в Петрограде и 1 апреля в Москве. «Я никогда не видел Сергея Ивановича таким счастливым, как на этом первом исполнении его кантаты», – вспомнит позднее Кусевицкий¹³⁸.

Газеты были полны откликов как о музыке, так и о ее воплощении Кусевицким. Борис Асафьев писал об огромном значении кантаты для русской музыки, подчеркивая, что Танеев открыл «в полифонии широкие безбрежные дали творческих возможностей и стремлений в тот момент, когда могучая чаровница – гармония в упоении своими великими завоеваниями и достижениями изнемогала от сладостного томления в утонченном творчестве Дебюсси и Скрябина. <...> Впечатление осталось столь сильное, какое только и может остаться после исполнения подлинно правдивых, живых произведений музыкального искусства...»¹³⁹.

Следуя своему обыкновению, дирижер повторит исполнение «Псалма» 25 января 1915 в последнем из серии утренних концертов московского сезона 1914/1915 года. Им же откроет он следующий (1915/1916) сезон своих концертов в Москве (26 октября) и в Петрограде (16 ноября). «Исполнение кантаты Оркестром Кусевицкого доставило художественное наслаждение не меньше, чем сама музыка Танеева, – писал Каратыгин. – За исключением нескольких отдельных неточностей, передача Кусевицкого была безукоризненной. Какая точность и чистота игры! Какая выпуклая и убедительная нюансировка! Какая полнота и сочность оркестровой звучности!»¹⁴⁰

Премьеры «По прочтении псалма» оказались последними встречами Кусевицкого с Танеевым. Два месяца спустя, простудившись на похоронах Скрябина, композитор скончался. Исполнения «Псалма» в начале сезона 1915/1916 года состоялись уже после смерти композитора...

¹³⁸ Koussevitzky S. Introduction to the first English edition... P.2.

¹³⁹ Глебов И. Петроградские куранты. «По прочтении псалма», кантата С.И.Танеева // Музыка. 1915. №216. С.210.

¹⁴⁰ Каратыгин В. Кантата Танеева «По прочтении псалма» <По поводу первого концерта Кусевицкого> // Хроника Музыкального современника. 1915. №8. С.6.

Кусевицкий сделался так или иначе причастным к двум наиболее ярким жанрам музыки Танеева: хоровому – как первый исполнитель кантаты «По прочтении псалма», и камерно-инструментальному – как организатор выступлений Танеева совместно с Чешским квинтетом в Берлине и Вене в 1908, а затем, осенью 1913, танеевского цикла в рамках камерной серии «Концертов С.Кусевицкого» в Москве.

Склонность Танеева к классической строгости письма, к полифонической манере изложения с большим внутренним темпераментом предрасполагали его к камерно-инструментальному жанру. Как, впрочем, и великолепное владение фортепиано. Параллельно с симфоническими собраниями в рамках «Концертов С.Кусевицкого» регулярно проводились серии камерных концертов, что было совершенно естественно для их учредителя – блистательного контрабасиста. В камерных сериях столь же определенно, как и в симфонических программах, ощущалась нацеленность Кусевицкого на современную музыку, на творчество молодых композиторов. И столь же неразрывно программы их связаны были с деятельностью руководимого Кусевицким РМИ.

Особый смысл имело приглашение Кусевицким для проведения танеевского цикла петербургского Квартета имени герцога Г.Г.Мекленбург-Стрелицкого. Это был поистине выдающийся струнный квартет¹⁴¹, активно пропагандировавший русскую камерную музыку, в его репертуаре были все камерно-ансамблевые произведения Танеева. Именно он осуществил цикл концертов из произведений композитора. В трех программах (18, 19 и 21 сентября 1913) ансамблистами были исполнены все шесть его струнных квартетов и, вместе с самим Танеевым, – фортепианные трио *D dur*, квартет *E dur* и квинтет. Два года спустя танеевский цикл был сыгран Мекленбургским квартетом и в Петрограде.

Надо сказать, что в 1880–1890-е, в пору появления первых камерно-ансамблевых сочинений Танеева, критики обвиняли их автора в сухости, отказывали ему во вдохновении, обрекали его квартеты остаться уделом лишь избранной, интеллектуальной публики. Среди немногих музыкантов, сразу же оценивших истинное значение камерной музыки Танеева, были члены знаменитого Чешского квартета и Кусевицкий. Теперь же, после концертов танеевского цикла, совершенно очевидной сделалась жизненность камерно-инструментальных ансамблей композитора. Не это ли было главной целью Кусевицкого и как организатора концертов, и как издателя? Реали-

¹⁴¹ Название свое квартет, просуществовавший вплоть до 1922, получил по имени известного мецената, члена дирекции Императорского Русского музыкального общества герцога Г.Г.Мекленбург-Стрелицкого.

защитой его принципов творческой деятельности, которые сам он формулировал как пропаганду современной музыки?

РМИ, МЕТНЕР И ГРЕЧАНИНОВ

Вопреки Гражданской войне, разрухе, слому и коренной перестройке всех культурных учреждений первых послереволюционных лет Кусевицкий остается верным «центральной линии» своего творчества. Как исполнитель и как издатель он по-прежнему нацелен на наиболее значительные новые произведения русских композиторов.

С Николаем Метнером Кусевицкий был знаком с 1907, когда приглашал его участвовать в одном из берлинских концертов, в котором сам выступал как контрабасист. Он хорошо знал, насколько неоднозначно принимается музыка композитора слушателями и критикой. Мясковский писал о Фортепианной сонате Метнера ми минор (оп. 25, №2) как об «одном из глубочайших созданий современности»¹⁴². Каратыгин, хотя и называл Метнера выдающимся талантом, недостатками его музыки полагал отсутствие истинной эмоциональности, «механическое творчество», «великую сухь»¹⁴³.

Кусевицкого-дирижера не смущало, что сочинения Метнера встречали достаточно прохладный прием у критики. Кусевицкого-издателя не останавливала также и консервативная позиция Метнера в Совете РМИ, выступавшего, в частности, в 1915 вместе с Рахманиновым против приема к изданию «Скифской сюиты» Прокофьева, которую сам Кусевицкий активно поддерживал.

В выборе своих программ, равно как и в выборе партитур для издания в РМИ, Кусевицкий руководствовался прежде всего собственными творческими приоритетами. Метнер опубликовал в РМИ свои сочинения, начиная с оп. 16 (Три ноктюрна для скрипки и фортепиано) и до оп. 31 (Три пьесы для фортепиано). Наиболее крупные из них – Соната для скрипки и фортепиано си минор (оп. 21), Фортепианные сонаты соль минор (оп. 22), ми минор (оп. 25) и ля минор (оп. 30), Соната-баллада для фортепиано фа-диез мажор (оп. 27).

Проведенная Кусевицким премьера Первого фортепианного концерта Метнера стала событием. Дирижер знал о том, что композитор работает над этой партитурой. Задуманный в 1914 концерт писался более трех лет, – Метнер был мало приспособлен для переживания крупных общественно-политических разломов, которыми оказались

¹⁴² *Мизантроп* <Н.Мясковский> Петербургские письма // Музыка. 1913. №118, 23 февраля. С.139.

¹⁴³ Цит. по: *Апетян З.* <Вступит. ст.> // Н.К.Метнер: Воспоминания. Статьи. Материалы / Сост.-ред., автор вступит. ст., коммент., указат. З.Апетян. М.: Советский композитор, 1981. С.5.

насыщены эти годы. «Работа двигается с исключительной медленностью, а иногда просто не двигается, мозги решительно протестуют, отказываются работать»¹⁴⁴.

В декабре 1917 Кусевицкий познакомился с музыкой Первого концерта. Исполненная Метнером по рукописной партитуре, она произвела на него исключительно сильное впечатление. Партитура не была, однако, завершена автором, и назначенную на январь 1918 премьеру пришлось отложить на конец апреля, но и эта дата оказалась нереальной.

Долгожданная премьера этого произведения была осуществлена Кусевицким в рамках экстренного концерта 12 мая 1918 в Москве с участием автора как солиста. «Состоялся концерт. Это был настоящий праздник», – писала жена композитора¹⁴⁵. В немногочисленных отзывах прессы (это был один из сложнейших периодов Гражданской войны в России) подчеркивалась особая событийность премьеры в дни безвременья, что Кусевицкому более всего импонировало.

Оставаясь верным своему обыкновению повторять премьеры наиболее значительных произведений, дирижер сразу же обещал Метнеру, что они непременно еще раз сыграют его Фортепианный концерт. Повторное исполнение состоялось в одной из программ Кусевицкого первой половины следующего сезона (24 декабря 1918) вопреки всем сложностям времени.

Для творческой судьбы Метнера Первый фортепианный концерт имел решающее значение. Именно эта партитура заставила Каратыгина признать, что сочинения композитора – «отнюдь не мертворожденные – подлинно живые существа»¹⁴⁶. Тем более обидным для Кусевицкого стала невозможность издать партитуру концерта – мешали сначала национализация РМИ, а затем отъезд дирижера из России. Первое издание партитуры осуществил в 1921 Музыкальный сектор Государственного издательства.

Первый концерт еще раз прозвучал в исполнении автора и оркестра под управлением Кусевицкого 24 декабря 1919. Это была последняя творческая встреча дирижера с композитором. Неоднократные попытки Метнера, эмигрировавшего из России годом позже Кусевицкого, получить ангажемент в его парижских концертах окажутся безрезультатными¹⁴⁷...

¹⁴⁴ Николай Метнер – Эмилию Метнеру. Август–сентябрь 1917, Михайловское, Москва. – В кн.: Н.К.Метнер. Письма / Сост. и ред. З.Апетян. М.: Советский композитор, 1973. С.173.

¹⁴⁵ Анна Метнер – Эмилию Метнеру. 13–15 мая 1918, Москва. – ГЦММК. Ф.132 (Н.К.Метнер). №2290-2310. Л.34.

¹⁴⁶ Каратыгин В. Концерт Н.Метнера для фортепиано с оркестром до минор // Каратыгин В. Избранные статьи. М.; Л.: Музыка, 1965. С.264.

¹⁴⁷ Мы вернемся еще к этому во второй части нашего исследования.

Знакомство Кусевицкого с Александром Гречаниновым состоялось задолго до учреждения РМИ – в 1898 в Московском Художественном театре. Страстно любящий театр, близко знакомый с его основателями Станиславским и Немировичем-Данченко, Кусевицкий сделался завсегдатаем репетиций и спектаклей «художественников». Гречанинов же получил заказ на сочинение музыки к первому их спектаклю – трагедии А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович».

Позднее, в 1903, работая в оркестре Большого театра, Кусевицкий участвовал в исполнении оперы Гречанинова «Добрыня Никитич», в которой, как в «Князе Игоре» Бородина, оживали образы русского эпоса.

Первым из принятых в РМИ произведений Гречанинова была Первая симфония (оп. 6). За ней последовали опера «Добрыня Никитич» (оп. 22) (клавир), Вторая симфония («Пасторальная») (оп. 27) (партитура и фортепианное переложение в четыре руки), кантата «Хвалите Бога» («Laudate Deum») (оп. 65), Третий квартет (оп. 75), Фортепианное трио (оп. 78), Liturgia Domestica (клавир).

В программах «Концертов С.Кусевицкого» симфонии Гречанинова не появлялись. Внимание дирижера было устремлено к иному жанру его творчества, получившему в те годы наибольшую известность. Вместе с Сергеем Рахманиновым и Александром Кастальским Гречанинов возглавил «Новое направление» русской церковной музыки XX века.

Музыкально-эстетические воззрения трех композиторов во многом не совпадали. Сближало их негативное отношение к секуляризации духовной музыки на западный манер. Слово «секуляризация» поясняется в словаре Даля как «обращенье церковных и монастырских имуществ в светское владенье»¹⁴⁸. Композиторы выступали, однако, не столько за закрепление церковной музыки как безраздельного «имущества» церкви, сколько за то, чтобы, и оставаясь в «светском владении», она не теряла своей высокой духовности. Они постоянно находились тем самым как бы «между канонам церкви и канонам искусства»¹⁴⁹.

Ко времени сочинения кантаты «Хвалите Бога» Гречанинов был уже автором нескольких духовных сочинений – двух литургий, Страстной Седмицы, Всенощного бдения. И хотя некоторые из них предназначались не для церковного богослужения, а для концертно-

¹⁴⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.4. М.: Русский язык, 1980. С.171.

¹⁴⁹ Рахманова М. Русская духовная музыка в XX веке // Русская музыка и XX век. Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века / Ред.-сост. М.Арановский. М.: Гос. институт искусствознания, 1997. С.377.

го исполнения, партитуры их, согласно традиции, были рассчитаны на хоровое пение без сопровождения. На кантате «Хвалите Бога» и Демественной литургии Кусевицкий остановил свое внимание не случайно – они означали в творчестве композитора выход за рамки хорового канона а cappella и обращение к инструментальному сопровождению.

В своих мемуарах Гречанинов вспомнит о посещении в Москве католической церкви, где исполнялась месса и звучал орган: «Скажу откровенно – я завидовал им и ревновал, почему же вся эта роскошь музыкальная им дозволена, а у нас почитается за грех»¹⁵⁰. Введение в хоровую партитуру оркестра и органа было новым, непривычным для русской духовной музыки. Как бы в оправдание себе композитор взял в качестве эпиграфа кантаты строку из Святого Писания: «Хвалите Его во струнах и органе».

Премьеры кантаты «Хвалите Бога», проведенные Кусевицким 11 февраля 1915 в Москве и 18 февраля в Петрограде, раскололи критику надвое. Одни – прежде всего блюстители ортодоксального церковного канона – не могли принять излишне светское претворение композитором традиционных текстов, указывали на приземленность эмоций, недостаток истинно религиозного мистицизма. Другие приветствовали партитуру как попытку обновить консервативнейшую область музыкального искусства, отнеслись к ней как к «позднему отголоску реформы Глинки в области светской музыки»¹⁵¹.

Подобно реформировавшим русскую светскую музыку Глинке и композиторам «Могучей кучки», Рахманинов, Кастальский и Гречанинов на самом деле стремились прежде всего сохранить национальную традицию. Применительно к жанру духовной музыки традиция эта означала осмысление всякого написанного для церкви произведения как богослужения. И они «сделали то, что не удавалось ни теоретикам церковной музыки в XIX веке, ни великим мастерам – Глинке, Чайковскому, Римскому-Корсакову: нашли убедительный и естественный стиль духовного пения»¹⁵².

Кусевицкого, который не придерживался ортодоксальных взглядов ни в религии, ни в искусстве, менее всего смущало нарушение Гречаниновым церковных канонов, будь то сочетание хора с оркестром и органом, чисто светское толкование традиционных церковных текстов или пышные «одеяния», в которые облакались им порой

¹⁵⁰ Гречанинов А. Моя жизнь. Нью-Йорк, 1951. С.111.

¹⁵¹ Энгель Ю. Седьмой концерт Кусевицкого // Русские ведомости. 1915. 13 февраля.

¹⁵² Рахманова М. Русская духовная музыка в XX веке. С.384.

строгие мелодии знаменного распева¹⁵³. Разделял дирижер и стремление композитора симфонизировать традиционные формы русского церковного пения. Для обоих музыкантов не существовало антитезы, звучавшей в утверждениях ортодоксов, что «русская церковная музыка – молитва, а не концерт»¹⁵⁴. И Бог, и Музыка жили внутри каждого из них. Дирижер вполне разделял само отношение композитора к молитве не как к «прошению» перед Богом, а как к «внутреннему обращению к Богу, живущему в нас», как «сосредоточение с лучшим моим “я”»¹⁵⁵.

Премьера Демественной литургии Гречанинова состоялась в «Концертах С.Кусевицкого» в Москве 30 марта 1918 – тремя годами позднее премьеры кантаты «Хвалите Бога». Написанная для голоса solo в сопровождении клавишного инструмента, литургия была представлена слушателям самим композитором и певицей Полиной Доберт. Для отношения Кусевицкого к духовным сочинениям Гречанинова характерна компоновка программ концертов, в которых они были впервые представлены: исполнение кантаты «Хвалите Бога» предворяла Девятая симфония Бетховена, перед Демественной литургией звучала музыка Баха. Тем самым дирижер и издатель словно бы включал эти партитуры в контекст общемировой музыкальной культуры.

Премьера Демественной литургии состоялась незадолго до того, как в Советской России был наложен строжайший запрет на исполнение всякого рода религиозной музыки, запрет, оставшийся в силе более шести десятилетий¹⁵⁶.

ПРОРЫВ В РМИ ПРОКОФЬЕВА

Появление на музыкальном горизонте России Сергея Прокофьева вызвало новые баталии среди слушателей и критиков. Спектр оценок музыки молодого композитора простирался от восторженного признания до отчаянного отрицания. Наиболее прозорливые ценители подмечали ее свежесть и искренность, присущий ей неиссякаемый запас энергии, редкое сочетание гротесковости, остроумия и

¹⁵³ Знаменный распев – основной вид древнерусского церковного пения. Название его происходит от славянского слова «знамя», означающего «знак». Для нотной записи применялись безлинейные знаки – крюки или знамена.

¹⁵⁴ Поль В. Привет А.Т.Гречанинову // Русская мысль. 1954. 15 октября.

¹⁵⁵ А.Гречанинов – В.Гречаниновой. 22 марта 1916, Москва. – ГЦММК. Ф.22 (А.Т.Гречанинов). №235. С.130.

¹⁵⁶ Позднее Гречанинов создаст в Париже вторую редакцию Демественной литургии, в которую введет хор, оркестр и орган. Первое исполнение ее состоялось 25 марта 1926 в парижской церкви Notre Dame des Blancs Manteaux с участием хора Николая Афонского и Александра Мозжухина.

глубокого лиризма. «... В лице Прокофьева мы имеем дело с живым и, что важнее всего, своеобразным, индивидуальным талантом», – писал уже в 1912 Каратыгин¹⁵⁷. Мясковский восклицал, что «только слепые от природы или ослепленные предвзятостью могут не видеть сильного и самобытного таланта, чреватого еще более богатыми возможностями»¹⁵⁸.

Будучи на девять лет моложе Стравинского, Прокофьев словно пытался сократить эту возрастную разницу: его Первый фортепианный концерт (1912) появился всего годом позже «Петрушки», его Скифская сюита (1914) – лишь на год позднее «Весны священной». И все-таки имя автора «Жар-птицы» было уже овеяно славой, когда Прокофьев писал лишь свой симфонический эскиз «Осеннее», и даже к 1914 году мало кому дано было понять, каким чудесным лебедем русской музыки окажется автор «Гадкого утенка».

Сотрудничество РМИ с Прокофьевым складывалось поначалу совершенно не так, как со Стравинским. Если Стравинского как автора домогался Кусевицкий, то Прокофьеву в двери РМИ пришлось стучаться самому. Послав летом 1910 в издательство рукописи своей Первой фортепианной сонаты (оп. 1) и Четырех этюдов (оп. 2), он получил от Струве ответ столь же любезный, сколь и неутешительный. «Доводим до Вашего сведения, – говорилось в нем, – что Совет не нашел возможным издать эти произведения»¹⁵⁹.

Прокофьев был, однако, слишком уверен в самом себе, чтобы предаваться отчаянию. «Сообщаю Вам “радостную” весть, – делится он с Николаем Мясковским, – РМИ вернуло мне сонату и этюды с соответствующим печатным бланком, которых у них заготовлено сотни <так!>. Но если они хотели поразить меня в сердце, то, безусловно, ошиблись точкой...»¹⁶⁰ Композитор намеревался издать эти произведения сам, но затем отдал их Юргенсону – как и Четыре пьесы для фортепиано (оп.3).

Три года спустя Прокофьев предпринимает вторую «атаку» на Кусевицкого. Он специально отправляется из Петербурга в Москву для того, чтобы познакомить дирижера и издателя со своей музыкой. «Разрешите обратиться к Вам с покорнейшей просьбой выслушать от меня мои сочинения, – писал композитор. – В воскресенье я буду в Москве в Вашем концерте и беру на себя смелость представиться

¹⁵⁷ <Каратыгин В.> Среди печати // Музыка. 1912. №94, 8 сентября. С.769.

¹⁵⁸ М. <Н.Мясковский>. Библиография: С.Прокофьев. Оп. 2. Четыре этюда для фортепиано. Издание П.Юргенсона // Там же. С.772.

¹⁵⁹ Струве – Прокофьеву. 9(21) августа 1910, Берлин. – РГАЛИ. Ф.1929 (С.С.Прокофьев). Оп.2. Ед.хр.527. Л.1.

¹⁶⁰ Прокофьев – Мясковскому. 7 сентября 1910, Долинская. Цит. по: С.С.Прокофьев и Н.Я.Мясковский: Переписка. С.88.

Вам»¹⁶¹. Этим письмом открывается интереснейшая переписка между Прокофьевым и Кусевицким, которая продолжалась несколько десятилетий вплоть до смерти дирижера в 1951¹⁶².

Опасаясь, что он может быть не принят Кусевицким, Прокофьев запасается поддержкой хорошо знавшего его по Петербургской консерватории Александра Оссовского. «Позволь рекомендовать твоему вниманию предъявителя этого письма молодого композитора Сергея Сергеевича Прокофьева, – писал Кусевицкому Оссовский. – <...> Сочинений, которые он везет тебе, я еще не знаю. Но я знаком с его Фортепианным концертом, другими фортепианными пьесами, частью изданными уже у Юргенсона, с его виолончельной балладой, романами. В них чувствуется несомненный и притом своеобразный талант. Поддержать этот талант еще на первых его шагах представляется мне достойной задачей...»¹⁶³

По совету композитора Александра Юрасовского, Прокофьев посетил 24 февраля 1913 последний в сезоне концерт «Симфоническое утро по общедоступным ценам», один из тех, что регулярно давались в рамках «Концертов С.Кусевицкого». Сам Кусевицкий дирижировал в них сравнительно редко, но в тот день под его управлением исполнялись «Остров мертвых» и Третий фортепианный концерт Рахманинова (солист – Исайя Добровейн) и «Поэма экстаза» Скрябина. Встреча Кусевицкого с 22-летним Прокофьевым, состоявшаяся по окончании концерта в артистической Большого зала Благородного собрания, положила начало более чем 30-летней дружбе музыкантов.

Кусевицкий выказал самое доброе отношение к композитору, с интересом выслушал его игру, обещал внимательно ознакомиться с его сочинениями. В Петербург Прокофьев возвращался с надеждой, что произведения его будут включены и в издательские планы РМИ, и в программы «Концертов С.Кусевицкого». «Позвольте еще раз выразить Вам свою живейшую благодарность за то доброе отношение, которое Вы выказали к моим сочинениям», – писал он Кусевицкому по возвращении из Москвы¹⁶⁴.

Принять решение об издании сочинений Прокофьева, обойдя совет РМИ, Кусевицкий, однако, не мог. Зная же отношение Рахманинова и Метнера к «модернистам», не надеялся найти в Совете под-

¹⁶¹ Прокофьев – Кусевицкому. 21 февраля 1913, Петербург. – РГАЛИ. Ф.1929 (С.С.Прокофьев). Оп.1. Ед.хр.375.

¹⁶² Фрагменты этой переписки опубл.: «Спасибо маэстро: не посрамил земли скифской!» / Публ. и коммент. В.Юзефовича // Советская музыка. 1991. №4-6.

¹⁶³ Оссовский – Кусевицкому. 21 февраля 1913, Петербург. – РГАЛИ. Ф.1929 (С.С.Прокофьев). Оп.1. Ед.хр.375.

¹⁶⁴ Прокофьев – Кусевицкому. 27 февраля 1913, Петербург. – Там же.

держку прокофьевской музыке. Да и был ли он сам готов в 1913 к безоговорочному признанию новаторской музыки Прокофьева?

Чуть больше месяца спустя Прокофьев снова обращается в РМИ, посылая туда на этот раз партитуру пьесы для оркестра «Сны» (оп. 7) и Балладу для виолончели и фортепиано (оп. 15). «Покорнейше прошу провести их через жюри и, если жюри найдет возможным, то издать их», – пишет он¹⁶⁵.

Однако и эта попытка Прокофьева оказалась неудачной. Рукописи были присланы обратно. «Совет не нашел возможным издать эти произведения», – говорилось в письме Струве. Им была сделана, однако, приписка: «Совет интересуется Вашими дальнейшими сочинениями и просит присылать таковые издательству»¹⁶⁶.

Подобная вежливая формулировка была, впрочем, хорошо знакома Прокофьеву. Еще в 1910 Зилоти отказался включить в программы своих концертов его симфоническую картину «Сны». «Зилоти прислал мои “Сны” и в сопроводительном письме говорит, что очень интересуется последующими моими сочинениями, считает меня очень талантливым и пр. и пр., но “Сны” играть, конечно, не будет. И дурак!» – писал Прокофьев¹⁶⁷. Будто негласная антипрокофьевская коалиция существовала между Зилоти и Кусевицким! Композитор надеялся, что «Сны» прозвучат в Москве под управлением Эмиля Купера. Но и это исполнение не состоялось.

«Не попробуете ли <обратиться> со “Снами” к Кусевицкому», – советовал тогда Прокофьеву Мясковский¹⁶⁸. Композитор решил не предпринимать никаких шагов сам. «С Кусевицким Вы, пожалуйста, сцепитесь, – читал Мясковский в ответном письме, – он нужен не только как игратель, но и как издатель»¹⁶⁹.

Из слов этих очевидно, что уже в молодые годы Прокофьев выказывал в своем отношении к Кусевицкому явный прагматизм. «Игратель и издатель» далеко не сразу оказался готовым к исполнению музыки Прокофьева. «Сны», исполненные в 1910 под управлением самого композитора в Петербурге, в Москве прозвучали только летом 1911 под управлением Константина Сараджева. Там же летом под управлением Александра Метнера прозвучал симфонический эскиз Прокофьева «Осеннее».

¹⁶⁵ Письмо Прокофьева в РМИ. 8 апреля 1913, Петербург (черновик). – РГАЛИ. Ф.1929 (С.С.Прокофьев). Оп.2. Ед.хр.427.

¹⁶⁶ Струве – Прокофьеву. <Апрель–май 1913>, Берлин. – Там же. Ед.хр.527. Л.3.

¹⁶⁷ Прокофьев – Мясковскому. 5 августа 1910, Сонцовка. Цит. по: С.С.Прокофьев и Н.Я.Мясковский: Переписка. С.84.

¹⁶⁸ Мясковский – Прокофьеву. 13 августа 1910, Петербург. – Там же. С.85.

¹⁶⁹ Прокофьев – Мясковскому. 19 августа 1910, Сонцовка. – Там же.

Моральным возмещением Прокофьеву теперь, по прошествии трех лет, стало приглашение Кусевицкого выступить в его «Концертах». Это было особенно важно для композитора потому, что в Петербурге двери ведущих концертных организаций оставались еще тогда для него закрытыми. Не звучала музыка Прокофьева ни в «Концертах А.Зилоти», за что их учредитель дважды подвергся резкой критике со стороны Мясковского, ни в «Русских симфонических концертах» Митрофана Беляева. После смерти Беляева концерты эти, также как и его издательство, становились все более консервативными. «Было когда-то передовое учреждение, а теперь – Митрофаньевское кладбище», – писал с присущей ему едкостью Прокофьев¹⁷⁰. Приглашая Прокофьева, Кусевицкий проявил известную осторожность: программа утреннего общедоступного концерта 16 февраля 1914, в которой Прокофьев исполнил свой Первый фортепианный концерт, была проведена не им самим, а Александром Орловым. Играл Прокофьев, по его словам, «довольно плохо», а Орлов аккомпанировал «средне»¹⁷¹. Несмотря на все это, дебют Прокофьева в «Концертах С.Кусевицкого» означал начало долголетнего творческого сотрудничества музыкантов.

Сомнения Кусевицкого относительно возможности одобрения сочинений Прокофьева Советом РМИ подтвердились в 1915, когда обсуждалась партитура его «Скифской сюиты» («Ала и Лоллий»). «Рахманинов решительно, со всей силой своего авторитета, выступил против принятия этой, по его мнению, варварской, новаторски дерзкой, нарочито какофонической музыки», – вспоминал Оссовский¹⁷².

Рахманинова поддержал Метнер, чье отношение к музыке Прокофьева было стабильно негативным. По словам самого Прокофьева, после одного из его концертов Метнер воскликнул: «Если это музыка, то я не музыкант»¹⁷³.

Ситуация сложилась для Кусевицкого весьма щекотливая. Большинство голосов было на стороне Прокофьева («за» голосовали Оссовский, Гедике и сам Кусевицкий). Пойти против мнения Рахманинова и Метнера означало бы поставить себя как владельца издательства выше наиболее авторитетных членов его Совета и в конечном счете испортить всякие отношения с ними. И тогда Кусевицкий при-

¹⁷⁰ Прокофьев – Мясковскому. 31 мая 1913, Вержболово. – В кн.: С.С.Прокофьев и Н.Я.Мясковский: Переписка. С.105.

¹⁷¹ Надпись С.Прокофьева на ст.: *Яворский Б.* Сергей Прокофьев, ор. 106. 1-ый концерт для фортепиано с оркестром // Музыка. 1914. №169, 15 февраля. С.156-157. – ГЦММК. Ф.3 (В.В и Е.В. Держановские). №2067.

¹⁷² *Оссовский А. С.В.Рахманинов. С.383.*

¹⁷³ *Прокофьев С.* Автобиография // С.С.Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания. С.158.

нимает соломоново решение: опубликовать «Скифскую сюиту» в недавно приобретенном им издательстве «А.Гутхейль», что ему не требовалось согласовывать ни с кем. Струве писал Прокофьеву осенью 1916:

С.А.Кусевицкий говорил с Вами по поводу издания Ваших произведений фирмой «А.Гутхейль, Москва», и Вы изъявили желание вступить с нами в переговоры по этому поводу. Полагая, что для выяснения вопросов, связанных с этим, удобнее всего было бы переговорить с Вами лично, мы просим Вас сообщить нам, не собираетесь ли Вы в ближайшее время в Москву. Если Вы не предполагаете этого, Вы, *может быть*, будете любезны уведомить нас, какие сочинения у Вас имеются в настоящее время для издания и, приблизительно, на каких условиях Вы передали *бы* Ваши авторские права издателю.¹⁷⁴

Какой разительный контраст с тоном писем, которые Прокофьев получал из РМИ еще три года назад! Несмотря на то что Первая мировая война существенно подорвала деятельность РМИ, Кусевицкий готов был к переговорам с Прокофьевым о долгосрочном сотрудничестве. Композитор тотчас же ответил согласием. Встреча Прокофьева со Струве и Кусевицким состоялась в Москве в двадцатых числах ноября 1916 и оказалась на редкость продуктивной. Речь на ней шла о публикации нескольких сочинений композитора, включая только что завершенную им оперу «Игрок».

Месяц спустя, в декабре, Прокофьев получил новое письмо из издательства. Условия, предложенные для заключения контракта с Прокофьевым, были таковы:

- 1) За сочинения для разных инструментов, романсы и т. д. – от 100–200 рублей.
- 2) За камерные сочинения (сонаты, трио, квартеты и т. д.) – от 400–500 рублей.
- 3) За симфонические произведения (симфонии, сюиты, фантазии и т. д.) – от 400–1000 рублей.
- 4) За концерты для разных инструментов – от 400–800 рублей.
- 5) За балеты и оперы – от 2000–3000 рублей.¹⁷⁵

Прокофьеву гарантировалась выплата 10 процентов с продажной цены экземпляра, со второго издания начиная. В отличие от практики многих зарубежных издательств, «А.Гутхейль» полностью сохранял за композитором право исполнения его сочинений. Романсы Прокофьева издательство готово было начать гравировать немедленно по их присылке. Клавир оперы «Игрок», за которую автору

¹⁷⁴ Струве – Прокофьеву. 31 октября 1916, Москва. – РГАЛИ. Ф.1929 (С.С.Прокофьев). Оп.3. Ед.хр.527. Л.4.

¹⁷⁵ Струве – Прокофьеву. 17 декабря 1916, Москва. – Там же. Л.7-7об.

выплачивалась сумма в 3000 рублей, предполагалось издать в продолжении 1917 года, если, как писал Струве, «условия печати и издательской деятельности в связи с войной не изменятся, не ухудшатся»¹⁷⁶.

Предположение Струве оказалось пророческим: война и революция в корне изменили условия не только издательской деятельности, но и всей жизни в России. Впрочем, и после октябрьского переворота 1917 года, и даже после того, как Советы национализировали в 1918 РМИ, сочинения Прокофьева продолжали публиковаться Кузевицким под маркой издательства «А.Гутхейль». До конца 1917 вышли в свет «Два стихотворения для голоса с фортепиано» (оп. 9) – «Есть другие планеты» (Константин Бальмонт) и «Отчалила лодка» (Алексей Апухтин), «Гадкий утенок» по сказке Андерсена для голоса и фортепиано (оп. 18), Двадцать фортепианных пьес «Мимолетности» (оп. 22), «Пять стихотворений для голоса с фортепиано» (оп. 23) и «Пять стихотворений Анны Ахматовой для голоса с фортепиано» (оп. 27). В 1918 появились из печати Третья (оп. 28) и Четвертая (оп. 29) фортепианные сонаты, затем – уже после отъезда Кузевицкого из России – Первый скрипичный концерт (оп. 19) (1921 – клавира, 1924 – партия).

Книжные издания. Оптимизм КУСЕВИЦКОГО-ИЗДАТЕЛЯ

Книжные издания никогда не были приоритетными для издательства и Кузевицкого. Тем не менее РМИ было выпущено несколько интересных книг. Так, в 1913 вышли в свет на русском, французском, немецком и английском языках «Основы оркестровки» Николая Римского-Корсакова, подготовленные к печати Максимилианом Штейнбергом. «Прекрасное издание этой книги должно быть поставлено в крупную европейскую заслугу Российскому музыкальному издательству», – подчеркивала пресса¹⁷⁷.

В РМИ были опубликованы также учебник по постановке голоса (Dr. Baratoux «De la Voix») и, в 1917, небольшая книжка Константина Бальмонта «Светозвук в природе и световая симфония Скрябина». Бальмонт был в те годы одним из наиболее популярных в России поэтов. Его называли самым музыкальным поэтом. В 1915 после концерта, данного Кузевицким в память Скрябина, Бальмонт, поклонник творчества Скрябина, написал стихотворение «Кузевицкому, играющему на контрабасе», включенное им позднее в стихотворный сборник «Перстень» (1920).

¹⁷⁶ РГАЛИ. Ф.1929 (С.С.Прокофьев). Оп.3. Ед.хр.527. Л.7-7об.

¹⁷⁷ *Саминский Л.* О последней книге Н.А.Римского-Корсакова // Музыка. 1913. №123, 30 марта. С.228.

Ряд книг – монография «Бетховен» Рихарда Вагнера, «Эскиз новой эстетики музыкального искусства» Ферручио Бузони¹⁷⁸, «Клод Дебюсси и его творчество» Даниэля Шенневьера, – изданных Кусевицким, не имел непосредственного отношения к РМИ. Он публиковал их как частный издатель и, как правило, в связи с событиями своих «Концертов». Большинство из них являли собой новинки западной музыковедческой мысли. Вместе с некоторыми нотными изданиями (клавир и голоса финала Девятой симфонии Бетховена, сочинения Брамса, Гуго Вольфа) они составили «Концертную библиотеку Кусевицкого».

В конце 1913 по решению Совета РМИ была начата работа над капитальным многотомным исследованием «Очерки по истории русской музыки». Предполагалось, что объектом изучения станет как светская, так и церковная музыка России. Живой интерес к проекту выказывал Рахманинов. К работе были привлечены Александр Оссовский и Александр Кастаньский. Однако из-за трудностей военного времени проект остался неосуществленным. Мечтал об издании в РМИ собрания своих музыкальных фельетонов Цезарь Кюи, неоднократно просивший поговорить об этом с Кусевицким основательницу известного музыкально-просветительского общества «Кружок любителей русской музыки» Марию Керзину, но и этот проект не был реализован. Слишком несходны были эстетические позиции Кюи и Кусевицкого относительно новой русской музыки.

Издательская тактика Кусевицкого многократно свидетельствовала о присущем ему неиссякаемому оптимизму. В самые критические моменты истории РМИ он оставался полон новых замыслов. В разгар Первой мировой войны им приобретает издательство «А.Гутхейль». Продолжается неутомимый поиск новых музыкальных дарований: в 1916–1917 РМИ публикует ранние произведения Анатолия Александрова – романсы (оп. 2), первую тетрадь ставших широко известными «Александрийских песен» на стихи Михаила Кузмина (оп. 8), Прелюдии для фортепиано (оп. 10). Возникают и такие глобальные проекты, как предложенный Павлом Ламмом и оставшийся нереализованным проект академического издания произведений русских композиторов-классиков.

И даже после большевистского переворота, когда многим вокруг будет казаться, что рушатся все устои культурной жизни, даже после национализации РМИ Кусевицкий выдает Сергею Прокофьеву аванс в 6.000 рублей под будущее издание его «Скифской сюиты», балета «Шут» и оперы «Игрок». Прокофьев находился в это время в Кисловодске, и контракт остался не подписанным им. Позднее он писал,

¹⁷⁸ Эта книга – совместное издание С.А. и Н.К. Кусевицких и Андрея Дидерихса.

что со стороны Кусевицкого «был тут и широкий жест, но также коммерческий расчет: рубль быстро обесценивался, в керенки не верил, мои же сочинения могли сохранить свою ценность»¹⁷⁹.

Простим Прокофьеву присущую ему сардоничность и скажем лишь, что РМИ и в будущем будет приносить Кусевицкому, наряду с радостями, немало огорчений. А пока, в пору ломки всех устоев российской действительности, хотя судьба РМИ оставалась для него неясной, он стремился сделать все возможное, чтобы не изменилась направленность деятельности издательства.

Ему удалось после национализации РМИ сохранить в нем Федора Гришина, который направит свои старания к тому, чтобы и в новых условиях существования издательство осталось верным служению интересам русской музыки. Именно благодаря Гришину удалось сохранить содержимое чемодана, о котором так беспокоился в Париже Прокофьев, обвиняя в утере его и Кусевицкого, и Артура Лурье. В чемодане находились письма и дневники Прокофьева, а также рукописи некоторых его сочинений. «Чемодан Ваш <...> не был взломан, – писал Прокофьеву Николай Мясковский, – так как Федор Иванович Гришин, под чьим бдительным оком он до сих пор хранился, дал нам ключ, которым и открыл чемодан...»¹⁸⁰

* * *

В первое десятилетие существования РМИ в нем опубликовали свои произведения Анатолий Александров, Иосиф Ахрон, Михаил Багриновский, Александр Гедике, Рейнгольд Глиэр, Александр Гречанинов, Исайя Добровейн, Георгий Конюс, Георгий Катуар, Александр Крейн, Теодор Лещетицкий, Артур Лурье, Анатолий Лядов, Николай Метнер, Николай Мясковский, Сергей Прокофьев, Сергей Рахманинов, Владимир Ребиков, Николай Римский-Корсаков, Леопольд Рудольф, Илья Сац, Александр Скрябин, Николай Слонимский, Игорь Стравинский, Сергей Танеев, Сергей Толстой, Александр Чесноков...

Охвачен широчайший пласт русской музыки – стилевой и жанровой. Определены приоритеты издательства, вобравшие в себя едва ли не все лучшее, что дала миру русская музыка начала XX века, – прежде всего сочинения Танеева, Рахманинова, Скрябина, Метнера, Гречанинова, Стравинского, Прокофьева.

Первое десятилетие РМИ полностью оправдало идею издательства как системы, призванной решить широкий комплекс проблем му-

¹⁷⁹ Прокофьев С. Автобиография // С.С.Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания. С.161.

¹⁸⁰ Мясковский – Прокофьеву. 12 августа 1923, Москва. – В кн.: С.С.Прокофьев и Н.Я.Мясковский: Переписка. С.168.

зыкальной жизни России. Все звенья этой системы работали исправно. Заказы композиторам новых произведений и их субсидирование обеспечивало им возможность сосредоточиться на сочинении музыки. Постоянное вложение Кусевицкими капитала в оба принадлежавших им издательства позволяло публиковать наиболее талантливые партитуры, выплачивая композиторам небывалые по тем временам гонорары. Права авторов были защищены от беспрепятственных переизданий их сочинений за рубежами России, равно как и от безвозмездных их исполнений. Распространение продукции издательств осуществлялось с помощью специальных нотных магазинов в Москве и Петербурге и за рубежами России. Наконец, благодаря неразрывной связи РМИ с деятельностью Кусевицкого как дирижера и музыканта-просветителя, благодаря ориентации «Концертов С.Кусевицкого» на пропаганду современной музыки новым сочинениям, принятым к публикации, гарантировалось первоклассное исполнение.

Для музыкальной жизни России все это было равнозначно революции. Не раз справедливо подчеркивалась общность ориентации РМИ и прогрессивных русских книгоиздателей начала XX века – Ивана Сытина, Козьмы Солдатёнова, Зиновия Гржебина, Иосифа Кнебеля. Впрочем, принципы, на которых строилось РМИ, оказались во многом новыми и для издателей Запада.

В противостоянии критике, в конфликтах с членами Совета РМИ Кусевицкий твердо отстаивает приоритеты издательства. В конфликтах этих сполна выявляет он как талант дипломата (в случае с «Петрушкой» Игоря Стравинского), так и гибкость предпринимателя (в случае со «Скифской сюитой» Сергея Прокофьева). Издание «Скифской сюиты» под маркой «А.Гутхейля» невольно напомнило культурной России поступок Саввы Мамонтова в отношении Михаила Врубеля. В 1896 им были заказаны художнику два огромных панно для Нижегородской ярмарки – «Принцесса Греза» и «Встреча Микулы Селяниновича с Ильей Муромцем». Узнав, что академическое жюри отвергло панно за «претенциозность», Мамонтов выставил для их экспозиции на выставке специальный павильон...

Дальнейшую судьбу РМИ, к сожалению, никак не назовешь счастливой, но издательство принесет еще русской музыке немало доброго.

(Окончание следует.)

Рашит Янгиров
В КАДРЕ И ЗА КАДРОМ
Российские кинематографисты за рубежом (1925–1930)
Часть третья

В СТОРОНУ РОЗЕНТАЛЯ

По всем данным, у Эйзенштейна, озабоченного устройством своей судьбы на Западе, не было ни времени, ни желания прислушаться к суждениям зарубежных соотечественников. Разъезды сводили его не только с мировыми знаменитостями, но и с эмигрантами, причем революционный художник его статуса должен был так или иначе демонстрировать свое с ними классовое расхождение. Опыт по этой части у режиссера имелся: негативное отношение к зарубежной России, окрашенное радикальным нигилизмом авангарда, он развернул еще в постановке «Мудреца» (1923)¹, а позже не раз

* Первая и вторая часть работы опубл.: *Янгиров Р. В кадре и за кадром. Ч.1: Российские кинематографисты-эмигранты во Франции (1924–1930) // Диаспора: Новые материалы. Т.2. СПб., 2001. С.217-268; Ч.2: Российские кинематографисты за рубежом (1924–1930) // Там же. Т.4. Париж; СПб., 2002. С.315-390 (далее – Диаспора-2 и Диаспора-4, с указанием стр.).*

¹ Выразительную, хотя и далекую от объективности характеристику этого творческого опыта Эйзенштейна эмигрантский читатель получил от одного из «невозвращенцев»: «...как ни пали морально люди в советской России, как ни отвыкли партийные чиновники от других инструментов для передвижения, кроме собственного брюха, никто до такой низости – до сталинизма – не спускался. <...> Но в конце концов все же такой человек нашелся. Это был товарищ Эйзенштейн. Начал он с “театра пролетарской культуры”. Там исполнялись стихи его собственной продукции. Я их слышал. Содержание их было разнообразно. Как известно, акад<емик> Павлов доказал, что при правильной постановке дела собака на всякое внешнее раздражение может реагировать истечением слюны. Совершенно независимо от академика Павлова аналогичный опыт агитпроп ЦК проделал с товарищем Эйзенштейном, и, надо сказать, с блестящим

декларировал и печатно. Сколь искренней была его неприязнь к «белогвардейцам», или то был прием ригоризма? Присутствовала ли вообще эта тема в сознании Эйзенштейна и не стояли ли за этим определенные переживания и психологические травмы, полученные в общении с эмигрантами?

Известно, что во время первой поездки в Берлин весной 1926 режиссер свободно общался с русскими берлинцами² – с подругой по-

успехом. <...> Телеграмма из Парижа насчет эмиграции, ЦК, палец, и товарищ Эйзенштейн испускает слюну <...>:

“Париж на Сене,
И мы на Сене.
В Пуанкаре нам
Одно спасенье.
Мы были люди,
А стали швали,
Когда нам зубы
Повышибали”.

Бывает, просто требуется посрамить религию. И товарищ Эйзенштейн сочиняет и заставляет своих артистов распевать на мотив “Аллаверды”:

“Иуда – коммерсант хороший:
Продал Христа – купил калоши”.

Сказать правду, от таких антирелигиозных произведений тошнило даже коммунистов. Но с последовательностью, заслуживающей всяческого поощрения, товарищ Эйзенштейн свое преклонение перед коммерческими талантами проявил на более широком поприще» (*Бажанов Б.* О советском зверинце. Маяковский и Эйзенштейн // *Возрождение* (Париж). 1930. 29 апреля. С.2 (далее – *Возр.*)). Любопытно, что автор статьи вольно или невольно обыгрывает в ней «собачий» образ уже известного нам письма Эйзенштейна к Луначарскому, опубликованного в ноябре 1928 «Известиями» (см.: *Дiaspora-4.* С.349).

На самом деле автором «вольной композиции текста» пьесы А.Островского «На всякого мудреца довольно простоты» и всех рифмованных реприз спектакля был Сергей Третьяков, а Эйзенштейну принадлежал сценарий и монтаж аттракционов (постановка, режиссура, планировка манежа, костюмы, реквизит). Описание спектакля и образцы реприз из этого спектакля см.: *Февральский А.* Театральная молодость // Эйзенштейн в воспоминаниях современников. М., 1974. С.122-126; *Левшин А.* На репетициях «Мудреца» // Там же. С.139-149.

² См. об этом: *Bulgakowa O.* Sergei Eisenstein: A Biography. Berlin; San Francisco, 2001. P.64 (далее – *Bulgakova*, с указанием стр.). Эмигранты-кинематографисты (Владимир Гайдаров, русские статисты) упоминаются в конспективных записях режиссера об этой поездке, правда, в печатном отчете они отсутствуют, см.: *Эйзенштейн С.* Германская кинематография. Из путевых впечатлений // *Вестник работника искусств* (М.). 1926. №10; перепеч.: *Киноведческие записки* (М.). 1997/98. №36/37. С.60-65 (далее – КЗ, с указанием номера и стр.). Ср. также с письмом одного из русских берлинцев: «...Вас здесь как немцы, так и прочие аборигены вспоминают с нежностью и никак все понять не могут, почему Вы не остались здесь хоть на одну картину» (письмо Александра Лагорио С.Эйзенштейну от 8 июля 1926, Берлин – Москва. – РГАЛИ. Ф.1923.

койного отца Елизаветой Михельсон, с родственниками матери и др., однако осенью 1929 все радикально изменилось – он всячески избегал таких встреч и контактов, чувствуя за собой слежку³.

Впоследствии в его памяти сложился собирательный образ эмигранта: «подозрительный русский с лакейской физиономией»,⁴ чей удел – подавать пальто западным господам и советским гениям¹ или шпионить за ними. Во всяком случае, именно так описан один из мнимых парижских знакомцев в «Мемуарах»:

За всеми нами, конечно, слежка.

Оплачивать разезды шпика от Парижа в Финистер и из Нормандии до Ниццы полиция, конечно, не может, – отели, суточные, прокорм... <...> И Тиссэ с Александровым беззаботно разезжают по Франции в безотлучном сопровождении некоего господина Курочкина, любезно приставленного к ним префектурой.

Господин Курочкин на полном иждивении киноэкспедиции, а в часы досуга делится с остальными двумя участниками поездки своими сокровенными мечтами.

У господина Курочкина на примете одна средних лет вдова. У нее не только – не слишком большие, но совершенно достаточные деньжонки, но еще почему-то... моторная лодка.

А к моторным лодкам господин Курочкин равнодушен...⁵

Поясняя воображаемому читателю особый «мнезический» ракурс, избранный для экспонирования жизненных встреч, Эйзенштейн как будто бы коннотировал его со своим опытом рисовальщика:

Я не думаю ухватывать здесь профили.

Дай бог закрепить изгиб брови, угол рта, прищур глаза или манеру курить сигару.

Ведь я же не журналист, старающийся положить в столбцы профиля образ увлекательного бизнесмена, популярной женщины-драматурга, спичечного короля или музыкального кумира.

Оп.1. Ед.хр.1897. Л.3 (далее ссылки на этот фонд – РГАЛИ, с указанием описи, единицы хранения и листа)).

³ Bulgakova. P.100.

⁴ Эйзенштейн С. Метод. Т.1: Grundproblem. М., 2002. С.97 (далее – Метод, с указанием стр.).

⁵ Эйзенштейн С. Мемуары: В 2 т. Т.1. М., 1997. С.163 (далее – Мемуары, с указанием тома и стр.). Проверить справедливость этой характеристики теперь невозможно, так как полицейское досье на Эйзенштейна и его спутников было уничтожено «за давностью срока», по-видимому, в начале 1960-х. Тем не менее это свидетельство кажется сомнительным: реальный В.М.Курочкин был техническим сотрудником бийанкурской студии, помощником Жака Фейдера на постановке фильма «Новые господа». См.: Последние новости (Париж). 1928. 20 сентября. С.4 (далее – ПН). Не участвовавший в натуральных съемках Эйзенштейн знал о нем лишь понаслышке и, по-видимому, не задумывался о том, что Александров и Тиссэ не могли обойтись без ассистента, способного поддержать их языковой контакт с внешним миром.

Ведь я не пишу о них, о том, на что ушли их силы, на что ушло их время.

Я пишу о своем времени.

И они – лишь встречный поток образов, на которых мимолетно задерживалось отпущенное мне, уносящееся вскачь мое время.

Иногда задевая локтем, иногда задерживаясь днями, иногда – годами, но западая <в память>, совсем не в ногу с длительностью общения, но с яркостью впечатления, забавностью встречи, личными <причинами>...⁶

Однако мемуарные виньетки меньше всего ассоциируются с экспрессивной графикой его рисунков:

Карикатурность почти всех человеческих фигур, выстроенных по принципу профильного искажения черт, которые столь быстро пролетают перед глазами со страниц «Мемо», что не успевают сложиться в ясные и твердые образы. И этот прием сохраняется даже тогда, когда решаемая художественная задача не имеет ничего общего с карикатурным изображением.⁷

«Искажение» – прием не стилистический, но конструкционный. Это извод киноцентричного сознания, монтирующего бывшее с небывшим, важное с незначительным, – для максимальной зрелищности и достоверности «ленты» своей жизни. Таким же образом экспонированы и персонажи, которых прихотливая фантазия автора по мере надобности выделяет из общей «мизансцены» для эффектного «крупного плана». Складывая иерархию подлинных и мнимых «друзей в беде», автор вывел из нее маргиналов-эмигрантов, обозначив их присутствие «по краям» – но не из-за отсутствия к ним интереса, а для обострения повествовательной интриги. Упомянув Федора Дана, Александра Керенского, Василия Маклакова, Александра Коновалова, Николая Некрасова, Степана Лианозова, Михаила Терещенко и других «альтернативных» героев новейшей российской истории, он свел их физическое существование до бесплотных теней-марионеток в картине «Октябрь»⁸. Вспоминая людей искусства – Николая Евреинова, Сергея Животовского, Константина Миклашевского, Павла Муратова, Михаила Чехова, Михаила Фокина и др., среди которых, между прочим, были его личные знакомцы и творче-

⁶ Мемуары. Т.1. С.25.

⁷ Автобиография. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. №1 / Под ред. В.А.Подороги. М., 2001. С.27.

⁸ Ср.: «Это не случайно, что в Советском Союзе особенно остро воспринимают классовое лицо. Никакой марксистский анализ не мог бы точнее различить классовые прослойки, чем превосходная типология советских фильм. Кто не помнит группы и депутации в эйзенштейновском «Октябре»? Буржуазно-либеральные демократы и меньшевистские интеллигенты. Они точно носят свой знак на лбу, как бы они ни поступали, что бы они не делали» (Балаш Б. Дух фильмы. М., 1935. С.32).

ские учителя, мемуарист отправил их в небытие после эмиграции из России⁹.

В архиве режиссера остались отрывочные указания на встречи с эмигрантами, но их явно недостаточно для того, чтобы прояснить все обстоятельства и детали этого общения. Возобновил ли он в Париже отношения с приятелем петроградской юности Мумиком – Владимиром Вейдле¹⁰, с «невозвращенцами» Валерием Инкижиновым и его женой Верой Барановской¹¹? О чем беседовал в Лондоне с

⁹ Приведем здесь некоторые отзывы режиссера о людях искусства. О Евреинове: «<Он> особо серьезной роли в нашем театре не сыграл, скорее числился в нем курьезом, да с 23-го, кажется, года и перестал принадлежать к нам» (Метод. С.125). О Миклашевском: после эмиграции он, по ироническому предположению Эйзенштейна, стал «невропастом в Италии» (Мемуары. Т.1. С.215), хотя режиссер не мог не знать его книги «Звуковое кино», вышедшей в свет накануне приезда группы в Берлин. О Михаиле Чехове: глухо и недостоверно описывая свое участие в кружке московских розенкрейцеров, Эйзенштейн все же оставил «разоблачающую» ремарку: «Михаил Чехов совмещает фанатический прозелитизм с кощунством. <...> Цинизм этого типа обычно неразлучен с верой. Таков и Чехов. Здравомыслящим остаюсь я один» (Там же. С.64).

¹⁰ О нем см.: Мемуары. Т.1. С.283; см. также: «...Обнимаю мать знаменитого сына»: Письма С.М.Эйзенштейна Ю.И.Эйзенштейн. 1921–1925 / Публ. В.Забродина // КЗ. 2000. №48. С.204 Впрочем, печатные выступления Вейдле, косвенно направленные и против Эйзенштейна, указывают на невозможность их общения в Париже. Ср.: «Как бы в некоей предустановленной симметрии к заграничным снобам, сосюжающим в гостиных о стихийной мощи пятилетки и космическом размахе ГПУ, существуют в Москве коммунистические дамы, изъясняющиеся на иностранных языках, литературные критики, сравнивающие Гладкова с Прустом, артистического вида молодые люди, способные поддержать беседу с польским атташе на тему о непрерываемом превосходстве советского театра или рабоче-крестьянской музыки. Конечно, совзетов меньше, чем комснобов: первых производят или терпят исключительно в меру необходимости <...>. Совзет редок, но он не менее характерен для московской фауны, чем рьяный комсомolec или матерый чекист; характерен он уже тем, как сочетаются в его душе или хотя бы в его устах культ Ленина с культом Аполлона, как упоркнул он к орхидеям в то самое время, когда потянуло на капусту западных его союзников...» (Вейдле В. Советские эстеты // ПН. 1933. 14 октября. С.5).

¹¹ В Берлине они встретились во время эйзенштейновской «халтуры» – на съемках фильма «Giftgas» (см.: *Bulgakowa*. P.99). В Париже актриса добивалась встречи с режиссером: «Многоуважаемый Сергей Михайлович! Я бы очень хотела повидаться с Вами. Не откажите в любезности сообщить, где и когда я могла <бы> Вас видеть» («пневматичка» Барановской от 10 апреля 1930. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1633). Весьма выразительным представляется отзыв Эйзенштейна о своем бывшем преподавателе в мейерхольдовских Государственных высших режиссерских мастерских (ГВЫРМ):

«Инкижинов – профессиональный актер?

Да, он профессиональный актер. Пудовкин работает с актерами, в этом мы с ним расходимся, и в наших произведениях много непохожего. <...> Он снимает актера Инкижинова так, как будто тот не актер. Каждый актер не только может

Федором Комиссаржевским¹² и в Париже – с композиторами Игорем Маркевичем¹³ и Николаем Набоковым¹⁴, с Петром Сувчинским, с внуком Герцена, с другими соотечественниками, не упомянутыми в подневных записях¹⁵? Откликнулся ли на обращение актера Михаила Визарова по приезду в Голливуд¹⁶? Чем завершились его отношения с некогда знаменитым русским кинокомиком Аркадием Бойтлером, который присоединился к группе Эйзенштейна в Мексике¹⁷? К сожалению, эти и другие вопросы остаются без ответа.

играть любого персонажа, но и сам по себе является персонажем. Вот почему Пудовкин обычно не снимает одного и того же актера в своих фильмах» (цит. по: Принципы нового русского фильма: Доклад С.М.Эйзенштейна в Сорбоннском университете // *Эйзенштейн С. Избранные произведения*: В 6 т. Т.1. М., 1964, С.553. О том, насколько объективна эта характеристика, можно судить по забытым обстоятельствам творческой биографии Инкижинова: ко времени отъезда за границу он утвердился не только как актер, но и как режиссер, хотя его фильмы «Расплата» (1926), «Вор» (1927) и «Комета» (1930) подверглись жесткой официальной критике и были быстро сняты с экранов. Отстраненный отзыв Эйзенштейна относится ко времени, когда советская лояльность Инкижинова вызывала большие сомнения, а он сам работал в студии, на которую, как мы увидим, имелись виды у самого Эйзенштейна.

¹² «Не знаю, писал ли Тебе, что познакомился здесь с Комиссаржевским. Человек мрачный, угрюмый и необщительный» (письмо С.Эйзенштейна М.Штрауху от ноября 1929, Лондон – Москва. – РГАЛИ. Ф.2758. Оп.2. Ед.хр.1598. Л.11об. Оpubл.: «...Жить в условиях неустойчивого равновесия»: Письма С.М.Эйзенштейна М.М.Штрауху из-за границы. 1929–1931 / Публ. В.Забродина // КЗ. 2002. №60. С.194. Публикатор сообщает, что режиссер намеревался посвятить этой фигуре специальную главу в «Мемуарах», но по каким-то причинам этого не сделал).

¹³ Маркевич Игорь Борисович (1912–1983) – дирижер, педагог и композитор; в детские годы был вывезен родными из России; до конца 1940-х жил попеременно в Италии и Франции; с 1957 – руководитель Парижского симфонического оркестра.

¹⁴ Набоков Николай Дмитриевич (1903–1978) – двоюродный брат В.В.Набокова, композитор. Можно предположить, что, встречаясь с композиторами, Эйзенштейн (по-видимому, по совету П.Сувчинского) пытался привлечь их к работе над фильмом «Сентиментальный романс». Учитывая, что Маркевич и Набоков в тот период тесно сотрудничали с «Les Ballets Russes» Сергея Дягилева, интерес режиссера к этому виду искусства и его деятелям представляется весьма любопытным.

¹⁵ См. подневные записи Эйзенштейна в: *Agenda de Poche* <записной книжке – франц.> на 1930. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.1119.

¹⁶ «У меня есть сильное желание поработать с Вами в Москве. Обо мне Вы можете узнать у московских актеров с пятнадцатилетним стажем. К этому прибавьте 11 лет в Америке, из них 8 в Hollywood'e. Прошу Вас сообщить мне, есть ли у меня шанс на работу в Московском кино. <...>» (письмо Михаила Визарова С.Эйзенштейну от 14 мая 1930, Голливуд – Нью-Йорк. – Там же. Оп.1. Ед.хр.1705).

¹⁷ См. об этом: *Bulgakowa*. P.126.

И лишь от одного парижского впечатления режиссер не смог избавиться годы спустя¹⁸. Его рассказ о «короле жемчуга» Леонарде Розентале и его подруге Маре Якубович¹⁹ почти лишен эмигрантских коннотаций, но, по обыкновению, выстроен из умолчаний и глумливой иронии, а факты разбавлены фантазиями:

Я разговариваю <по телефону> с Сен-Морисом <Сан-Морицем> в Швейцарии.

Естественно в первую очередь снести с человеком, который может продемонстрировать финансовую заинтересованность в нашем пребывании в Париже.

Таков именно господин Леонард Розенталь. <...> Какое же отношение имеет господин Розенталь к нам?

Здесь все дело в Маре.

Мадам Мара вовсе не мадам Розенталь.

Она гораздо больше.

Она – подруга мосье Розенталя, а маленькая, недавно родившаяся Рашель обеспечивает узы этой дружбы, которые никак не могут легализоваться, так как настоящая мадам Розенталь отказывается дать необходимый развод.

Кроме маленькой Рашели у Мары Гри – еще одна дочь – уже взрослая. Вот с этой-то дочерью на руках (дочь тогда была еще совсем маленькой) мадам Мара падает от голода на ступенях одного роскошного особняка, выходящего другим фасадом прямо в парк Монсо.

До этого она только-только успевает позвонить в золоченый бронзовый звонок роскошного подъезда.

Так кончаются бедственные скитания молодой дамы, вслед за Врангелем покинувшей Крым и бедствующей сперва в Константинополе, а затем голодающей в Париже.

С момента падения на ступеньки для мадам Мары начинается жемчужный сон, усыпанный бриллиантами (и какими! Я видел эти «ривьеры» – бриллиантовые каскады и потоки на какой-то премьере).

И все это потому, что на порог почему-то выходит сам легендарный Розенталь во всем блеске своей рыжей бороды лопатой!

Он вызывающе носит рыжую бороду, и в сочетании с фраком и белым галстуком это дает неплохую красочную гамму!

Господин Розенталь пленен красотой молодой дамы, без чувств склонившейся около его порога.

И молодая дама обеспечена на многие годы.

¹⁸ Впервые это знакомство было описано им в 1939. См.: *Эйзенштейн С. Визиты к миллионерам // Литературная Россия* (М.). 1968. 7 ноября. С.12-14.

¹⁹ О них см.: *Дiaspora-2. Характерно, что, восстанавливая исторический контекст «Мемуаров», комментатор не вышел за пределы эйзенштейновского дискурса, оставив Розенталя «французским миллионером», а Мару – его «содержанкой» (Мемуары. Т.2. С.510, 530). Столь же информативна и характеристика В.Вейдле – «русский поэт» (Там же. С.507).*

«Золушки» и «Спящие красавицы» – это не только балеты.²⁰

Но какое же отношение имеет к нам «Золушка»?

Очень простое.

«Золушка» это наша халтура.

Жить же надо...

За время моих лекций в Лондоне Гриша <Александров> знакомится с «Золушкой» и ее покровителем.

Мадам Мара немного поет и мечтает сниматься.

²⁰ Реальная судьба избранницы Розенталя была несравненно драматичнее, чем о ней рассказал мемуарист. По свидетельству младшей дочери, вскоре после революции пропал без вести муж Мары Лев Клейн, и она с двухлетней дочерью Ольгой и няней попала на юг России. Крымская эвакуация была сопряжена для них «с опасностью, ужасом и приключениями. Ее едва не расстрелял какой-то военный отряд и в самый последний момент спас знакомый французский офицер, чем-то обязанный ей в прошлом. После многочисленных приключений человек по имени Гордеев <...> взял всех троих в Париж, где мама, обладавшая чудным контральто, пыталась работать в цыганском ансамбле. Кто-то рассказал ей о Леонарде и о том, что он помогает русским беженцам, и она стала искать встречи с ним. Это была любовь с первого взгляда, и с тех пор они не расставались. <...> После встречи с Леонардом мама, конечно, больше не работала. Все друзья и близкие звали его Лола. Я всегда восхищалась им. Он был энергичный, моложавый, забавный, незаурядный человек и любящий отец; именно он привил мне любовь к искусству» (письмо Рашели Розенталя к Марине Сорокиной от 11 апреля 2000. – Сообщено М.Сорокиной). Первая жена Розенталя дала согласие на развод лишь много лет спустя после начала романа с Марой, а их официальный брак был заключен в 1933.

Есть основания думать, что эта история была хорошо известна в Париже и легла в основу популярного у французского и эмигрантского читателя романа Жоржа Кесселя «Le Nuits des Princes» (1928; рус. пер. – «Княжеские ночи» (Рига, 1928)). Книга была экранизирована в 1929 Марселем Л'Эрбье, однако фильм (отчасти озвученный) вызвал тяжбу писателя с режиссером, по мнению первого, искажившего авторский замысел (см.: <Б/н.> Жорж Кессель и Л'Эрбье // ПН. 1930. 21 февраля. С.5). Тем не менее показ фильма, состоявшийся 5 февраля того же года, встретил одобрительный прием эмигрантской аудитории, особо отметившей в нем то, что «вся вокальная часть картины (соло, хоры, крики толпы) выполнена на русском языке» (см.: <Б/н.> «Княжеские ночи» // Там же. 1930. 6 февраля. С.5). Об участии в фильме казаков-статистов см.: <А.Морской> «Кентавры» // Иллюстрированная Россия (Париж). 1929. №18, 27 апреля. С.14 (далее – ИР).

Небезынтересна и судьба Рашели Розенталя. По окончании нью-йоркской Высшей школы музыки и искусств (High School of Music and Art) она продолжила учебу у Ольги Преображенской, Жана Луи Барро, Эрвина Пискатора, Мерца Каннингема, Ганса Хоффмана и др., а с 1955 основала ряд сценических групп в США, режиссировала и солировала. С 1989 Р.Розенталя руководит балетной компанией ее имени в Лос-Анджелесе и преподает в различных университетах страны. С ее работами, завоевавшими многочисленные награды в области искусства, многие критики связывают революцию в современном национальном театре. О ней см.: *Roth M. Rachel Rosenthal: A Monograph*. Baltimore, 1997.

Снимается маленький музыкальный фильм, в котором мадам Мара – уже Мара Гри – поет за ослепительно белым роялем <...>²¹

Много лет спустя племянник Розенталя киносценарист Иосиф Прут рассказал о неслучайности этого знакомства и указал на свое в нем участие:

В 1929 году Сергей Эйзенштейн, Григорий Александров и Эдуард Тиссэ получили разрешение выехать за границу: снимать Мексику, историю ее революции, ее великих сынов.

Путь советских кинематографистов должен был лежать через Париж, и я дал моим трем друзьям рекомендательное письмо к дяде Леонарду.

Он принял их весьма радушно, обеспечил всем необходимым для жизни в столице Франции. А чтобы ребята получили средства для продолжения путешествия за океан, поручил им снять небольшой фильм о своей новой молодой жене-пианистке <...>.

Мои «мальчики» быстро сняли двухчастевку «Белый рояль». Фильм имел успех в артистических кругах Франции, а троица кинематографистов получила дополнительные средства для предстоящего путешествия.²²

Еще одна версия принадлежит внуку Григория Александрова, который рассказывает о событиях, произошедших в канун нового, 1930 года:

Кто-то из новых друзей-французов пригласил деда в дом Леонарда Розенталя <...>. Там дед встретил Мару Владимировну Розенталь и с первой же минуты влюбился. <...> В тот вечер Григорий был неотразим: красивый, статный, в шикарном фраке (взятом, кстати, напрокат). Фрак Александров надел впервые в жизни <...>. Розенталь заинтересовался молодым советским режиссером и решил заказать ему фильм, в котором главную роль сыграет Мара. Естественно, дед с увлечением взялся за работу. Они с Тиссэ написали сценарий, ездили на выбор природы, целыми днями пропадали на студии «Би<й>анкур» в парижском пригороде Булонь. «Сентиментальный романс», как впоследствии назвали фильм, стал их первым опытом звукового кино. Эйзенштейн, который формально возглавлял группу,

²¹ Мемуары. Т.1. С.161-162. Здесь – очередная неточность: Мара была профессиональной певицей и на протяжении 1930-х неоднократно выступала с радиоконцертами. Ср.: «В пятницу, 8 января, в 18 час<ов> 50 м<инут>, м<ада>м М.Розенталь исполнит перед микрофоном радиостанции Пост-Паризьен цыганские романсы под собственный аккомпанемент» (ПН. 1937. 7 января. С.4); «М.В.Розенталь будет петь цыганские романсы по радио во вторник, 21-го с<его> м<есяца> в 7 ч<асов> 45 м<инут> вечера (“Пост Паризьен”, на коротких волнах). Выступление М.В.Розенталь состоится с оркестром в составе: И.Давыдовский (рояль), С.Кочетова (гитара), Э.Розова (скрипка) и И.Кириша (виолончель)» (М.В.Розенталь в радио // Там же. 1937. 19 сентября. С.5) и др.

²² Прут И. Неподающийся. О многих других и кое-что о себе. М., 2000. С.22. О российских корнях и связях Розенталя см.: Там же. С.16-21.

от работы фактически отказался и в съемках не участвовал – то ли чего-то боялся, то ли уже грезил Америкой, куда так страстно стремился. Снимали почти четыре месяца, одновременно продолжая бесконечную переписку с «Юнайтед Артистс» по поводу будущего контракта – без твердых гарантий им в Голливуде делать было нечего.²³

Несмотря на расхождения в деталях, все эти версии указывают на то, что путешественники заранее готовились к встрече с Розенталем и не ошиблись в выборе. Их знакомство началось в первых числах декабря 1929 с визита в особняк Мары близ парка Монсо (8, avenue Ruysdaël):

Мимоходом в Париже завтракали у одного из акционеров Гомона – «короля жемчуга». Имеет 43 дома на одних Елисейских полях и всю торговлю жемчугом. То есть завтракали не у него, а у его «дамы». Я давился со смеху: он – «русский» – рыжебородый дядя из Ковно или вроде этого! И *надо* было видеть, как она после завтрака, пропев ему «Черные Гусары», ласкала рыжую бороду и только ворковала: «Леонардо... я хочу – примитив...» (Его собственное имя – Леонард!) Я *никак* не мог понять, в чем дело? Оказалось – итальянский примитив (живописи) – «какую-нибудь» Мадонну. Стены позолочены и расписаны обезьянами и рыбками! Стоила эта прелесть около *миллиона* франков! (Смеху было!) Как видишь – впечатления разнохарактерны – теперь знаю, как снимать и ставить денежных магнатов!²⁴

²³ Григорий Александров: «Не знаю, была ли между дедом и Орловой страстная любовь...» // Караван историй (М.). 2002, ноябрь. С.192. Существование некоей романтической интриги в этой истории подтверждается предупреждением Эйзенштейна своему ассистенту: «Не возбуждай ревности короля! Смотрите, не б<...>ствуйте» (письмо С.Эйзенштейна Г.Александрову от 11 декабря 1929, Лондон – Париж. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1457. Л.8об.-9).

²⁴ Письмо С.Эйзенштейна М.Штрауху от 9 декабря 1929, Париж – Москва. – Там же. Ф.2758. Оп.2. Ед.хр.1598. Л.21 (курсив автора письма). Впечатление от общения с Розенталем запомнилось режиссеру, и два года спустя он пишет об этом тому же адресату: «...были разные встречи: от настоящего Сид Граумана – директора самого Kitsch'евого кино и мюзик-холла в мире (я сейчас могу уже делать подобные утверждения!) – “Китайского театра” в Голливуде до... короля жемчуга в Париже – Леонарда Розенталя (еврей, фрак и... рыжая борода лопатой по пояс!)...» (письмо С.Эйзенштейна М.Штрауху от 6 марта 1931. – Там же. Ед.хр.1601. Л.6; ср. с письмом В.И.Вернадского от 26 февраля 1924: «Дом Розенталя – дворец – на улице Рюксдаля! С огромным вкусом и особой, не показной роскошью. Настоящие картины старых школ – немецкие или голландские примитивы, в нише великолепная китайская статуя одной из “божеств” буддизма...» (Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные письма» академика В.И.Вернадского / Публ. и коммент. М.Ю.Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб., 1998. С.323). Ср. также с рассказом Рашилы Розенталя: «Мои родители никогда не говорили плохо об Эйзенштейне и о других людях, участвовавших в фильме, это я помню точно. <...> Я полагаю, что Эйзенштейну было просто стыдно за то, что он сделал фильм по чужой идее и

Режиссер, полагавший, что не задержится в Париже перед отъездом в Голливуд, почти не скрывал пренебрежительной иронии по отношению к «буржуазным» знакомцам, но по мере того, как эти надежды таяли, его «советская гордость» становилась все более неуместной. Обстоятельства требовали переждать неблагоприятную паузу и найти на это время полезное и «хлебное» занятие. Следовало воспользоваться знакомством с Розенталем, чтобы, сойдясь с ним поближе, заручиться содействием в переговорах с потенциальными заказчиками и, по возможности, получить денежное вспомоществование.

Поначалу эту деликатную задачу режиссер поручил помощнику, а сам отправился в Лондон для продолжения голливудской рекогносцировки. Его отъезд совпал с полным истощением бюджета группы, что серьезно затруднило Александрову исполнение светских обязанностей:

Дорогой Учитель!!!

Денег! Денег!! И денег!!! Надо оплатить за продление виз <так!>. Надо переехать в дешевый отель. Надо есть. <...> Здесь мы с Борисом <Ингстером>²⁵ живем провинциальной жизнью, ибо у нас нет денег и мы не можем даже в музеи и кинематографы ходить, не говоря уже о других местах.

Что делать? Пишите!!!

Завтра показываем «Генералку» Розенталу, который очень интересуются.

из-за денег. Мой отец был щедрым человеком, и я уверена, что он щедро с ним расплатился. Не очень-то прилично было Эйзенштейну после этого плохо отзываться о нем и о моей матери» (из письма Р.Розенталь автору статьи от 31 июля 2001).

²⁵ Ингстер Борис Михайлович (наст. фам. Азарх; 1903–1978) – младший брат Алексея Грановского, двоюродный брат Мары, которого Эйзенштейн взял в ассистенты вскоре после знакомства с Розенталем. Став «оруженосцем» советского режиссера, он сопровождал его в разъездах, но, по-видимому, отсутствие надлежащих документов ограничило его возможности. См., например, письмо (от 29 ноября 1929) голландского «F.I.M-Film» с извещением, что голландская въездная виза Ингстера задерживается и он не сможет сопровождать Эйзенштейна в Амстердам (РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2447. Л.8). Весть о появлении нового участника группы дошла до Москвы и вызвала вопрос: «На данном этапе как работает и – что – ваш новый “негр”?» (письмо П.Аташевой С.Эйзенштейну от 25 февраля 1930, Москва – Париж. – Там же. Оп.1. Ед.хр.1621. Л.50). Следом за Эйзенштейном Ингстер попал в Голливуд и довольно скоро внедрился в кинопроизводство (начав в фильме с Мэрион Дэвис), по-видимому, сохраняя контакты с советской группой. См.: 2 Soviets, No Propaganda, Are Living in Hollywood // Variety (Los Angeles). 1931. 9 June (вырезку из газеты см.: РГАЛИ. Ф.2617. Оп.1. Ед.хр.80. Л.5). Впоследствии Ингстер получил известность как сценарист, режиссер и продюсер и не без успеха работал в кино и на телевидении США, Франции и Англии.

Вот у Розенталя мы только и бываем через день – да в Полпредстве. Вот вся наша жизнь (очень печально). <...> Целую – Гриша.²⁶

Отчаяние Александрова росло с каждым днем, и он забрасывал Эйзенштейна мольбами о помощи:

Денег... Шлите. Мы не можем выехать из Астора, ибо не можем заплатить за номер, а счет нам уже доставили.

Эдуард пришлет <деньги> только в конце будущей недели (обещает только).²⁷

И, наконец:

Shlite dengi Pogibaem. Grisha Boris.²⁸

Розенталь был влиятельным акционером общества «Гомон» и, по-видимому, пробовал лоббировать интересы группы Эйзенштейна во французских киносферах, но его действия не привели к успеху. К концу декабря 1929 стало очевидно, что шансов получить интересный и выгодный контракт на кинопостановку во Франции у советских кинематографистов не осталось²⁹. Отныне их дальнейшая судь-

²⁶ Письмо Г.Александрова С.Эйзенштейну от 10 декабря 1929, Париж – Лондон. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1605. Л.33.

²⁷ Письмо Г.Александрова от 12 декабря 1929, Париж – Лондон. – Там же. Л.36. Имеется в виду гонорар за фильм «Frauennot, Frauengluck» («Женское несчастье – женское счастье»), снимавшегося Тиссэ в Швейцарии по заказу продюсера Лазаря Векслера. Ср. с признанием режиссера: «...снимали аборт в женской клинике в Цюрихе – это als Entgelt (в возмещение) за то, что нас возили и катали, и опять же халтурка» (письмо к М.Штрауху от 20 сентября 1929, Берлин – Москва. – Там же. Ф.2758. Оп.1. Ед.хр.1597. Л.27).

²⁸ Телеграмма от 12 декабря 1929, Париж – Лондон: – Там же. Оп.1. Ед.хр.1605. Л.37. Ср.: «...вся троица постоянно испытывала недостаток в средствах. Правда, Эйзенштейн получал какие-то субсидии, брал взаймы под будущие гонорары, но редко делился деньгами с сотоварищами. Иногда он на несколько недель исчезал, присылая им телеграммы то из Лондона, то из Амстердама или Берлина. Что там делал Эйзенштейн – неизвестно» (Григорий Александров: «Не знаю, была ли между дедом и Орловой страстная любовь...»). С.192).

²⁹ Одно из последних указаний на переговоры с «Гомон» см.: *Arnaud M. Installation du film parlant en France ou? L'avenir en rose Sergei Mikhailovitch Eisenstein, metteur en scene // Paris Montparnasse. 1929. №11, 15 decembre. P.28-29.* Ср. с отзывом творческого антагониста: «...я прочел, что Эйзенштейн с группой во Франции, что-то там делает, почему не в Америке? Оказывается, что никакого контракта с Америкой и не было, сплошная липа. Поехали они за свой страх, на свои деньги. В Америку их не пустили. Жилось трудно, перебивались. Эйзенштейн что-то заработал на книге и статьях, об ангажементе же нет и речи. Очень просто – по заграницам захотелось покататься. А должно быть, “всюду полно”, если даже Эйз<енштейна> не приглашают» (письмо Олега Фрелиха к жене от 8 марта 1930, Ташкент – Москва. – РГАЛИ. Ф.2760. Оп.1. Ед.хр.13. Л.55-55об.).

ба попала в зависимость от расположения обитателей особняка близ парка Монсо. Вернувшись к премьере «Генеральной линии» в советском полпредстве, Эйзенштейн, надо думать, быстро оценил ситуацию. Удерживая в дипломатических рамках романтический интерес Александра к Маре, он тоже включился в игру по оболыщению богатого мецената, одновременно интригуя парижскую публику рекламными анонсами:

В настоящее время я нахожусь в отпуске после двух лет напряженной работы над фильмом «Генеральная линия», и я прежде всего намерен отдохнуть. Я должен все же сказать, что, несмотря на это, у меня есть масса различных планов и, возможно, что я буду вскоре снимать во Франции. <...> Это совсем еще не решено, я говорю это не наверняка. Во всяком случае, я с удовольствием снимал бы здесь. К этому есть большие шансы, но ничего определенного еще нет.³⁰

К тому же ему, похоже, пришелся по душе пиетет, с которым его принял парижский бомонд. На это, например, указывает глухая и, как обычно, перевернутая проговорка в черновых записях к «Мемуарам»:

I'm lionized (здесь: я царствую. – Р.Я.) в салонах. <...> У Мары добиваются меня пригласить...³¹

Постоянно адресуясь к литературным ассоциациям³², в данном случае он поневоле попал в положение героя расхожего сюжета отечественной литературной классики, но, надо думать, тут же от них отмахнулся. Зато тактика оболыщения, избранная режиссером, привела к быстрому успеху. Розенталь сам предложил ему постановку фильма, оговорив главное условие: героиней картины должна была стать Мара, инициировавшая эту затею. Таким образом, ее творческие амбиции переплелись с личным интересом Розенталя. Не испытывая симпатий к любым советским представителям³³ и тем более к

³⁰ *Mitry J. Les veritables projets de S.M.Eisenstein // Pour Vous (Paris). 1929. 5 decembre. P.11 (пер. наш).*

³¹ Мемуары. Т.1. С.407. Ср. с язвительным комментарием одного из «доброжелателей» режиссера: «Эйзенштейн готовит здесь фильм, который субсидирует король бриллиантов Розенталь. По этому поводу говорится (мною), что он нашел путь от «Капитала» Маркса к «капиталу» Розенталя» (открытие Льва Никулина к Всеволоду Иванову от февраля 1930, Париж – Москва. – РГАЛИ. Ф.350. Оп.1. Ед. хр.14. Л.102об.).

³² Ср., например.: «Конечно, по пути невозможно отделаться от литературных реминисценций...» (Мемуары. Т.1. С.188).

³³ Свой антибольшевизм Розенталь продемонстрировал еще в начале 1920-х, публично обвинив Москву в уголовных махинациях и демпинге на международном рынке драгоценных камней: «Я слишком хорошо знал страдания русских людей, ограбленных большевиками, для того, чтобы согласиться косвенно помочь советскому правительству, содействуя реализации «конфискованных» драгоценностей. Посредничество смахивало бы на соучастие» (<Бн.> Больше-

завсегдатаям особняка на улице Гренель, он все же попал под обаяние героя парижской молвы и решил проэксплуатировать его талант, рассчитывая на то, что экзотический состав участников будущего фильма помимо артистической славы принесет и коммерческий успех. Но наряду с деловыми расчетами не следует забывать и о филантропическом «рефлексе» Розенталя: на протяжении многих лет он тратил немалые средства на благотворительность и меценатство, устраивая разнообразные акции помощи соплеменникам и бывшим соотечественникам³⁴.

Надо думать, кризисная ситуация притушила привычную иронию Эйзенштейна, и он не долго раздумывал, принимая условия Розенталя и Мары. Если творческое самолюбие режиссера и было уязвлено, то его в известной мере могло восстановить любезное приглашение присоединиться к поездке на горный курорт в дни новогодних каникул, где участники сделки могли в спокойной обстановке обсудить ее детали и план предстоящих съемок:

В Сан-Морице нас встретит Розенталь, и будет устроена поездка в другой курорт к кузине Бориса <Ингстера>. <...> Целую – Гриша.³⁵

визм и брильянты // Бессарабское слово (Кишинев). 1922. 4 июня. С.1-2 (пересказ статьи Розенталя из парижского журнала «La Revue Mondiale»)).

³⁴ Об этом одобрительно отзывались современники и немало писала эмигрантская печать. Ср., например, в письме 1922 года К.Бальмонта: «Он совсем не похож на банального богача. Он простой, милый, умный и приветливый человек». Цит. по: Письма К.Д.Бальмонта к Дагмар Шаховской / Публ. Ж.Шерона // Звезда (СПб). 1997. №8. С.165-166. «Никто не знает, сколько миллионов Леонард Розенталь тратит теперь в год на разные благотворительные цели, как помогает он русским, сколько получили от него французские лаборатории и другие научные учреждения» (*Седых А.* Русские, которыми гордится Франция // Сегодня (Рига). 1930. 14 сентября. С.4). Об этом же: <Б/н.> Фонд Леонарда Розенталя // ПН. 1927. 29 января. С.3; *Познер С.* Евреи Парижа. 1. Леонард Розенталь // Народная газета (Пряшев). 1925. 11 ноября (газетная вырезка из архива С.Познера в Иерусалимском архиве русского еврейства). См. также: Минувшее. Вып.23, С.321-324; *Сорокина М.* Аймек Гуарузим – Foundation Rosenthal // Евреи России – иммигранты Франции. Иерусалим; Париж; М., 2000. С.48-49; Русская Прага. Русская Ницца, Русский Париж. Из дневника Бориса Лазаревского... / Публ. С.Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Т.1. Париж; СПб, 2001. С.665-666. Дружбой с «королем жемчуга» гордились самые именитые эмигранты, например, Шалапин, соседствовавший с ним в курортном местечке Сен Жан де Люс близ Биаррица (см.: *Седых А.* Далекое, близкие. New York, 1962. С.133; *Он же.* Шалапин на отдыхе // ПН. 1933. 17 сентября. С.4. О Розентале см. также: <Б/н.> Изумруд Леонарда Розенталя // Там же. 1928. 7 августа. С.3; <Б/н.> «Чашка чая» у Л.Розенталя // Там же. 1929. 14 июня. С.2.

³⁵ Письмо Г.Александрова С.Эйзенштейну от 10 декабря 1929, Париж – Лондон. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1605. Л.33. Об этой поездке Александров не без гордости сообщил и Аташевой, прибавив: «нужны смокинги е... и... мать (их,

Однако отказ швейцарских властей выдать визы недавно высланным из страны советским кинематографистам отложил, а затем и вовсе отменил эту поездку. О своих ближайших планах режиссер сообщил матери, но ни словом не обмолвился о предстоящих съемках:

Как видишь, я снова в Париже, где провожу праздники, так как с Швейцарской визой (St. Maurice <так!>) вышла заминка, и я поеду туда не раньше 1-го <января>. Дней на 10. Затем «турнэ» с докладами Амстердам, Роттердам, Гаага, Брюссель, Антверпен. Затем снова сюда, до разрешения вопроса с Америкой...³⁶

По-видимому, во второй декаде января 1930³⁷ группа Эйзенштейна начала работать над картиной, получившей название «Romance sentimentale». Канон предполагает, что всякий дебют в новой области (тем более в такой новации как звуковое кино) должен быть памятной вехой в творческой биографии мастера. Однако в данном случае произошло обратное: авторы постановки, так же как и в случае с берлинской «халтурой» – фильмом «Giftgas», наотрез отказались от своего труда, что надолго скрыло его в лабиринтах мировой киноистории³⁸. Примечательно, что, в отличие от американских контрактов, они, по-видимому, вовсе не настаивали на предоставлении бесплатной копии картины Советскому Союзу, на что у них, как мы увидим, были веские причины. Отечественный зритель фильма никогда не увидел, и лишь теперь, как справедливо полагает автор единственного его киноведческого анализа, можно адекватно оценить визуальные и смысловые коды этого «кентавра», по-новому осмыслив через этот опыт линии судьбы и творчества Эйзенштейна и Александрова³⁹.

очевидно, предполагалось купить в счет аванса за работу. – Р.Я.)). – Там же. Оп.2. Ед.хр.2366. Л.32.

³⁶ Письмо С.Эйзенштейна Ю.И.Эйзенштейн от 25 декабря 1929, Париж – Ленинград. – Там же. Оп.1. Ед.хр.1551. Л.15-15об.

³⁷ Встреча группы с Розенталем после его возвращения из Швейцарии состоялась, по-видимому, вечером 6 января в «Жемчужном особняке» (Maison de Perle) Мары. См.: Agenda de Poche на 1930. – Там же. Оп.2. Ед.хр.1119. Л.18.

³⁸ Ср: «...фильм делается руками Александрова и Тиссэ» (Мемуары. Т.2. С.163). В наброске «Светлой памяти маркиза», написанном почти одновременно с «Ерорée», Эйзенштейн вновь ни словом не обмолвился о личном участии в постановке, обстоятельно перечислив при этом кинопроекты той поры, оставшиеся неосуществленными будто бы из-за его политических убеждений: «...не для того воспитала меня советская власть... кинематографистом!» (Там же. С.69-73). В свою очередь, его помощник, вспоминая этот заграничный вояж, ограничился краткой репликой: «...фирма “Гомон” предоставила нам возможность снять экспериментальный звуковой фильм “Сентиментальный романс”» (Александров Г. Эпоха и кино. М., 1978. С.122).

³⁹ Босенко В. Старый «Сентиментальный романс» // КЗ. 2001. №54. С.285-294 (далее – Босенко, с указанием стр.). См. также: *Bulgakowa*. P.102-103.

Фабульная канва двадцатиминутной ленты на сегодняшний взгляд весьма незатейлива: небольшой пролог, составленный из выразительного монтажа картин осеннего ненастья (деревья в бурю, шторм на море) на музыку Алексея Архангельского⁴⁰, затем камера переходит в богато обставленный интерьер, где героиня, аккомпанируя себе на черном рояле, исполняет романс «Жалобно стонет ветер осенний...»⁴¹. Постепенно минорная тональность музыки сменяется

⁴⁰ Архангельский Алексей Алексеевич (1881–1941) – композитор, автор популярных романсов на слова известных русских поэтов; в 1900–1910-е руководил музыкальной частью в театрах Корша и «Летучей мыши». В 1920 вместе с балиевской труппой эмигрировал через Константинополь в Париж. Ср.: «В Архангельском необыкновенно удачливый Балиев обрел как бы самую душу своего театра, его музыкальный стиль. Каждая новая постановка последних лет – это Архангельский и Балиев, Балиев и Архангельский. <...> Создатель своеобразной иллюстрационной музыки и оперной миниатюры, Архангельский зачинатель русской оперетты, до него не существовавшей» (Янтарев Е. К юбилею Алексея Архангельского // Жизнь искусства (Пг.; М.). 1921. №3. С.4). См. о нем в эмиграции: *Поплавский Ю.* Наши современники. Композитор Алексей Архангельский. Беседа с А.Архангельским // Театр и жизнь (Париж). 1929. №16, октябрь. С.12-13 (далее – ТИЖ). Во время очередных гастролей «Летучей мыши» композитор остался в США и был приглашен на работу в Голливуд, но его карьера там не удалась. Удачно дебютировав в английской комедии «18 Minutes» («18 минут») (1935, режиссер Монти Бэнкс), он написал музыку к фильму «Sins of Man» («Грехи человеческие») (1936, режиссеры Отто Брауэр и Григорий Ратов, по сценарию Осипа Дымова), после чего отошел на второстепенные роли. «Я лично работаю мало. После картины “Sins of Man” я написал только маленькие эпизоды к картине “Ladies in Love” и ничего больше» (письмо к Николаю Евреину от 24 октября 1936, Беверли Хиллз – Париж. – Rare Book and Manuscript Library. Bachmeteff Archive of Russian and East European History (Columbia University. New York). Evreinov Coll. Box 1). Фильм «Грехи человеческие» под названием «Песня колоколов» демонстрировался в Париже в августе того же года. Ср. с отзывом парижской зрительницы: «Грустно, что в этом поражении участвуют два русских имени: Осип Дымов и А.Архангельский» (Н.Б.<ерберова>. «Песня колоколов» // ПН. 1936. 21 августа. С.4).

⁴¹ Вопреки утверждениям о «старинности» этого музыкального сочинения, ставшего смысловым и звукозрительным стержнем фильма, оно насчитывало всего лишь 25-летнюю, но весьма заметную историю в русской художественной культуре. Его, например, упомянул в своем дневнике А.Блок (см.: *Блок А.* Собр. соч.: В 7 т. Т.7. С.377. Текст романса имеет несколько вариантов. Оригинал см. в изд.: «Жалобно стонет ветер осенний»: Романс. Посвящается Варе Паниной / Слова В<ари> П<аниной?>; музыка Я.Пригожего. <Б/м.>, 1904:

Жалобно стонет ветер осенний,
Листья кружатся поблекшие...
Сердце наполнилось тяжким сомнением,
Помнится счастье ушедшее.
Помнятся вешние песни веселые,
Нежные речи приветные,
Очи лазурные, рученьки белые,

мажором, и с помощью анимационных эффектов (тех же, что Александров потом использовал в «Веселых ребятах») с героиней происходит метаморфоза: она уже в белом платье сидит на открытой площадке за белым роялем и поет жизнеутверждающую песню о любви, которую иллюстрируют идиллические картины цветущей природы, лебеди в пруду, голуби в ясном небе и ракурсная репродукция родеоновского «Поцелуя». «Конец фильма».

Эклектичность художественной конструкции «Романса» настолько очевидна и выразительна, что кажется нарочито ироничной, если принять ее за открытую демонстрацию авторского отношения к материалу. Во всяком случае, именно так его восприняли иностранные друзья и коллеги Эйзенштейна, хотя разноречивость их восприятия лишь подчеркнула общее негативное впечатление.

Критик Леон Муссинок:

Александрову удалось установить некоторые контакты – ведь надо же было найти средства к существованию, – что позволило начать работу над фильмом «Сентиментальный романс», который стал первым опытом звукозрительного построения. Однако после съемки нескольких сцен Эйзенштейн полностью передал работу в

Счастье любви бесконечное.

Все, что прошло, любил бесконечно я

<вариант Вари Паниной: “Все что бывало, любил беззаветно я”>,

Все, во что верилось мне в те дни,

<вариант Вари Паниной: “Все, во что верилось мне”>,

Все эти ласки и речи приветные,

Были лишь грезы, мечты одни

<вариант Вари Паниной: “Были лишь грезы однс”>.

Грезы, так что же, к чему пробуждение?

Осени холод, ненастие, тьма,

Жаль мне, исчезла пора увлечения,

Счастье, любовь без ума.

Существовал вариант с добавленной пятой строфой:

Но неужели исчезли навеки дни счастья,

И осужден я судьбой жить без любви.

И без слов счастья,

Жить с моей тоской.

Третий вариант романса (слова А.Пугачева, музыка Чернявского) перевел смысловые обертона в эмигрантский контекст:

Медленно кружатся листья осенние,

Ветер в окошко стучит...

Память о тех счастливых мгновениях

Душу мою берedit.

Киновариант в исполнении Мары текстуально и по музыке не совпадает с вышеуказанными, и его можно считать четвертым вариантом романса. Подробнее об этом сочинении см: Русский романс на рубеже веков / Сост. В.Мордерер и М.Петровский. Киев, 1997. С.147, 329-330.

руки Александра и Тиссэ, которым пришлось уступить пожеланиям заказчицы, настоятельно претендовавшей на роль певицы в фильме. Эйзенштейн непередаваемо комически пародировал игру этой особы...⁴²

Английский ассистент Эйзенштейна Айвор Монтэгю:

Гриша <Александров> ухитрился очаровать французского продюсера и получить средства на создание короткометражного фильма «Сентиментальный романс», первой звуковой ленты, снятой троицей, где фигурировала молодая протезе продюсера и два больших белых рояля. Когда картина была показана в Лондоне, она подверглась – не без оснований – резкому осуждению критиков, которые, пожалуй, могли бы еще стерпеть один рояль, но два!

Согласно одному из условий договора, в титрах фильма в качестве режиссера должен был быть указан Эйзенштейн, независимо от того, кто был фактическим постановщиком. Эйзенштейн неизменно стоял на стороне Гриши, когда разыгралась буря, и ни в чем не признавался: он яростно заявил в газетах, что фильм был экспериментом и что «ему непонятно, почему искусство не может иметь права на белые рояли, если наука имеет право на белые мыши».⁴³

Режиссер Альберто Кавальканти:

Я встретил его <Эйзенштейна> на просмотре «Сентиментального романса» – маленького фильма, который нас всех страшно разочаровал.⁴⁴

И, наконец, самый непримиримый оппонент картины – сюрреалист Луис Бунюэль:

⁴² Цит. по: *Муссиак Л.* Личность гения // Эйзенштейн в воспоминаниях современников. М., 1974. С.209. Между тем, сразу после просмотра картины критик апеллировал к авторству Эйзенштейна, а не Александра: «Я видел “Роман” <так!>. В прессе он имел большой успех. Но, между нами говоря, сам я не был в особом восторге. Он очень хорошо сделан, операторская работа прекрасна, но в нем не хватает того лиризма, который мы любим в Ваших фильмах и который так присущ Вам. И потом, трудно уловить: то ли фильм сверх меры сентиментален, то ли немного ироничен. Вот сразу Вы обнаружили во мне злостного критика...» (письмо Муссиака к Эйзенштейну от 2 августа 1930, Париж – Голливуд. Цит. по: *Муссиак Л.* Избранное. М., 1981. С.211 (далее – *Муссиак*, с указанием стр.).

⁴³ Цит. по: *Монтэгю А.* В Голливуде // Эйзенштейн в воспоминаниях современников. С.222-223 (далее – *Монтэгю*, с указанием стр.). Следует заметить, что белый рояль, как и белые телефоны, стал семантическим знаком пошлости на экране лишь к концу 1930-х. В начале звуковой эры белый цвет считался производственной нормой: «Поскольку это возможно, стены и все предметы, которые не находятся на полу, должны быть окрашены в белый цвет, чтобы дать в помещении рассеянный свет. Все ненужные декорации и предметы следует всегда убирать во избежание всяких вредных отражений» (*Гомон Л.* Тональный французский фильм // Звуковое кино: Сб. статей. М., 1930. С.57).

⁴⁴ *Кавальканти А.* Мои встречи // Эйзенштейн в воспоминаниях современников. С.217. Возможно, это был просмотр черного материала.

После восторженного приема фильма «Броненосец “Потемкин”») я был весьма разочарован, увидев во Франции на студии «Эпинеи» его <Эйзенштейна> картину «Сентиментальный романс» – с белым роялем и прочими банальностями. Я стал разыскивать Эйзенштейна в кафе Монпарнас, чтобы побить его, но не нашел. Позднее он рассказал мне, что это был фильм его ассистента Александрова. Неправда. Я сам видел, как он снимал на студии «Бианкур» сцену с лебедями.⁴⁵

Прежде чем обратиться к истории реализации этого проекта и мотивациям его участников, следует рассмотреть обстоятельства, сопровождавшие «кинореволюцию» во французском кинопроизводстве.

До прихода группы Эйзенштейна на съемочную площадку национальный опыт в области звукового кино насчитывал всего несколько месяцев⁴⁶. Как и повсюду, переход к звуку проходил весьма болезненно и сопровождался острой конкуренцией различных технологий. Крупные киностудии предпочитали не рисковать. Подобно английским предприятиям, они тяготели к американским стандартам и готовы были вкладывать средства лишь в технически апробированные и коммерчески выгодные проекты. Таким образом, инициатива в экспериментах со звуком перешла к малому производству, участники которого охотно занимались ими в малобюджетных постановках, рассчитанных на быстрый возврат вложенных средств и удовлетворение зрительского спроса⁴⁷. Особенно в этом отличались кинематографисты-эмигранты, поскольку сумятица вокруг экранных новаций давала им шанс утвердиться в новых реалиях производства.

Пионером звукового кино во Франции стал Николай Евреинов. Еще в конце 1928 он вместе с Анри Этьеваном занялся съемками немой картины – экранизацией романа Золя «Fecoudite» («Плодородие»)⁴⁸, а в конце весны 1929, параллельно с постановкой оперы «Рус-

⁴⁵ Бунюэль Л. «Мой последний вздох»: Воспоминания. Сценарии. М., 1997. С.156.

⁴⁶ Первым французским звуковым фильмом стал хроникальный сюжет о похоронах маршала Фоша. См.: ПН. 1929. 29 марта. С.3.

⁴⁷ Ср. с литературной рефлексией на появление звука:

<...> Звук поцелуя, треск оплеухи,
Концерт лягушек и примадонн,
И визг младенца, и хрип старухи,
И лай собачий, и граммофон...
Безумье звуков! Триумф науки!

(Lolo <Л.Мунштейн>. «Мувитон». Рассказ киноладельца // Возр. 1929, 15 ноября. С.3)

⁴⁸ «В постановке приняли участие художники Мстислав Добужинский, Александра Экстер, Цезарь Лакка и Петр Шильдкнехт, в числе актеров были

лан и Людмила» в «Русской частной опере в Париже»⁴⁹, начал постановку серии короткометражных звуковых картин⁵⁰ – «Пьеретта и кувшин молока», «Искры Мюзик-холла» и «В стране Рамона»⁵¹. Уже в октябре фильмы вышли на экран «American Cinema» на Монмартре, и эксперимент Евреинова был достойно оценен зрителями и критикой:

Эта первая во Франции синхронизационная продукция (звуковое и говорящее кино) выполнена по сценариям и под личным управлением русского режиссера.⁵²

Спустя два года кинематографическая карьера режиссера завершилась выпуском совместной с Николаем Римским⁵³ комедии «Pas sur la bouche» («Только не в губы»). Описывая этот этап его творческой биографии, наблюдатель сообщает:

Диана Каренн и Алекс Аллин (Александр Александровский). Пр<оизводст>во “Ecran D’Art” Василия Иванова и “La Central Cinematographique” Якова (Жака) Натансона» (<Б/н.> «Плодородие» // ПН. 1929. 15 марта. С.3).

⁴⁹ См. об этом: *Покровский Н.* «Руслан и Людмила» // *Заря* (Харбин). 1930. 4 мая. С.7; *Е.П.* «Руслан и Людмила» (Из беседы с Н.Н.Евреиновым) // ПН. 1930. 23 мая. С.3.

⁵⁰ Информацию см.: Там же. 1929. 13 сентября. С.3.

⁵¹ Ср.: «Через несколько дней будут закончены записи трех малометражных звуковых картин производства гг. Натансона и Григориана. Сценарии написал и руководил постановкой Евреинов. Первая картина представляет собой инсценировку популярного французского романа 18-го столетия. Вторая – современный мюзик-холл, и третья – мексиканское любовное приключение. Во всех трех фильмах главным действующим лицом является известный певец Мато» (<Б/н.> Три фильма Евреинова // *Возр.* 1929. 11 июня. С.4). См. также: *Аргус.* Евреинов на сцене международного искусства // *Русский голос* (Нью-Йорк). 1929. 26 мая. С.5.

⁵² <Б/н.> Н.Н.Евреинов // Там же. 1929. 15 октября. С.5. Ср.: «К несчастью, эта “звуковая система” <«Меловокс»> не имела никакого успеха, и по этому способу <продюсер> Натансон больше не крутил» (*Кашина-Евреинова А.* Н.Н.Евреинов в мировом театре XX века. Париж, 1964. С.58). Об интересе Евреинова к звуку вообще и в соединении его с экраном см. в нашей публ.: «За революционным фронтом я плетусь в обозе 2-го разряда...»: Из писем К.М.Миклашевского к деятелям театра // *Минувшее.* Вып.20. М.; СПб., 1996. С.422-427. В том же газетном сообщении упоминалось, что «в ряды сторонников говорящего фильма» встал и аниматор Владислав Старевич, завершивший работу над «звуковой опереттой» «Маленький парад». На самом деле это был немой фильм (выпуск – февраль 1929), но через полтора месяца он вышел повторно, в озвученной версии, сделанной Старевичем совместно с Михаилом Левиным. См.: *Beatrice L., Martin F.* Ladislav Starewitch. Filmographie illustree et commente. Annecy’91. 1991. P.41.

⁵³ Римский Николай Александрович (наст. фам. Курмашев; 1886–1942) – актер театра и кино, работавший на кинофабриках Григория Либкена и Иосифа Ермольева. С 1920 – в эмиграции; работал во французском кино как актер, режиссер и сценарист.

Законтрактованный большой кинематографической фирмой «Оссо», Н.А.<Римский> ушел в интересовавшую его работу с головой. Его можно было встретить с раннего утра в студиях «Эпинеи», где, окруженный своими помощниками, он работал до позднего вечера и часто – ночами. По поводу кино у Н.А.<Римского> родилось немало интересных и смелых мыслей, и мы ждали от него новой книги о кино.⁵⁴

Книга осталась ненаписанной, однако этот производственный эпизод привел режиссера к интересным сопоставлениям своего прежнего опыта с новым и определил его понимание специфики звукового и, в частности, музыкального фильма:

Тут понадобилась основательная работа в чисто ритмической области архитектоники фильма, и я рад, что мне довелось не только как сценаристу и режиссеру, но и как теоретику музыки приложить здесь свои знания и способности. А это для синеаста <кинематографиста> очень нелишне при фильмовании оперы или оперетты. <...> Возникает, например, совершенно своеобразная проблема нарастания ритмов от одной части к другой, чтобы публика, словно по волшебству, оказалась как бы втянутой в увлекающий ее водоворот спектакля. Эта работа над ритмом коснулась, ясно, не только «музыки для уха», но и «музыки для глаза». Другими словами – действие и диалог пришлось подчинить тем же ритмическим требованиям, каким подчинены и сама музыка оперетты, ее вокальные «ансамбли», куплеты и оркестровые номера.

Достигнут ли нами тот ритмический идеал, к которому мы здесь стремились? Удалось ли представить на экране (чего мы добивались) жизнь как музыкальный анекдот и вместе с тем как соблазнительную грезу? Покорил ли в «говорящей» фильме публику Ник<олай> Римский так, как он обычно покорял ее в «немом» фильме? На все эти вопросы, я думаю, наилучшим ответом может служить отклик публики...⁵⁵

Особую роль в технологическом переустройстве французского экрана сыграл продюсер Семен Шифрин⁵⁶. В середине июня 1928 его «Общество Бийанкурских студий (АСЕ)» было преобразовано в

⁵⁴ <А.Вериховский?> С высоты Эйфелевой башни: Обзор художественной жизни // Мир и искусство (Париж). 1931. №1. С.4.

⁵⁵ Кино: Revue internationale du cinema (Paris). 1931. №12, 9 октября. С.5. См. также еще один опыт режиссерской рефлексии на кинематограф: Евреинов Н. Киновар как парадокс // Мир и искусство (Париж). 1931. №1. С.5-6.

⁵⁶ Шифрин Семен Савельевич (1894–1985) – организатор кинопроизводства и продюсер, многолетний парижский контрагент Владимира Венгерова, работавший во французском, американском и итальянском кино. О его бакинских корнях см. в воспоминаниях Я.Вейншала, частично опубликованных: Вейншал Я. Воспоминания / Публ. В.Хазана // Диаспора-4. С.7-71 (полный текст готовится к печати В.Хазаном, Иерусалим). О его работе во французском кино см. в первой части нашей работы: Диаспора-2. С.232-233.

«Sequana-Film»⁵⁷ – формально независимую компанию, в финансовом и прокатном отношении ассоциированную с «Гомон». Уже осенью того же года новое предприятие удачно дебютировало фильмом «Новые господа»⁵⁸, ставшим боевиком сезона, далее последовала экранизация пьесы Эжена Лабиша «Двое робких»⁵⁹ (обе – совместно с Société «Albatros»). Чутко уловив конъюнктуру, летом 1929 Шифрин вместе с коллегами Михаилом Фельдманом и Луи Нальпа посетил германские, голландские и английские киностудии, где ознакомился со спецификой звукового производства⁶⁰. Осенью продюсер начал реконструкцию съемочного павильона, пристроив к нему новый корпус, специально оборудованный для звуковых работ. Работы завершились в самом начале следующего года, и с тех пор бийанкурская кинофабрика стала едва ли не самой популярной съемочной площадкой французских кинематографистов.

Производство первых «разговорных» (в отличие от «шумовых», «звуковых» или «поющих» – по тогдашней терминологии) картин предусматривало параллельную их съемку в разных языковых версиях для последующего международного проката и участие творческих сил из разных стран. Шифрин был одним из самых последовательных пропагандистов «интернациональных постановок», но особые надежды возлагал на соотечественников – кинематографистов из метрополии. Свое кредо он изложил в одном из интервью:

Кино требует большой приспособляемости, меткости и быстроты ориентации, размаха. Вот почему русские артисты, режиссеры, директора фирм – преуспевают и за короткое время заняли повсеместно выгодное положение. Жизнь последних лет научила нас многому, выработала в нас большой диапазон чуткости, многогранности переживаний, смелости и решительности в делах. А это все качества, наиболее необходимые кино. Результат наших мытарств и скитаний из страны в страну пригодился. По всему миру признали русских кинорежиссеров и артистов, во всех странах пользуются уважением русские кинохудожники и директора. Но я не могу себе представить объединение русской зарубежной кине-

⁵⁷ Возр. 1928. 23 июня. С.5.

⁵⁸ Фильм «Les Nouveaux Messieurs» («Новые господа») (режиссер Жак Фейдер, ассистент режиссера В.М.Курочкин, художник Лазарь Меерсон; выпущен 5 апреля 1929). См. о нем: <Б/п.> Кино-кулисы // ПН. 1928. 20 сентября. С.4.

⁵⁹ «Les Deux Timides». Режиссер Рене Клер, оператор Николай Рудаков, художник Лазарь Меерсон; фильм выпущен 5 декабря 1928). Среди актеров в нем участвовали Петр Бачев и А.Дракули. См. о нем: <Б/п.> «Двое робких» // Там же. 1928. 7 декабря. С.3.

⁶⁰ <Б/п.> В бийанкурских студиях // Там же. 1929. 30 августа. С.3. К тому же в Берлине Шифрин заключил соглашение с «Тетра-Film» о копродукции четырех постановок с участием интернациональной команды техников и исполнителей (в их числе был и Михаил Чехов). См.: Там же.

матографии, выявление ею своего национального лица. Мы – дрожжи в тесте, но не материал, из которых оно делается. К тому же благодаря своей легкой приспособляемости к окружающим нас условиям, нашему умению быстро ориентироваться и умело братья за дело мы, впитывая в себя чужие черты быта и нравов, сами не замечая этого, теряем свои особые национальные качества, вкусы, потребности, взгляды и самую манеру работать. Национальное искусство может жить только на родной земле.

Вот почему там, на нашей Родине, несмотря на все неблагоприятные условия, кинематография развилась не только в смысле артистическом, но и в своей технике, которая почти не уступает европейской, а нередко и поражает нас своею смелостью и остроумными новшествами. Правда, там у русских кинодеятелей очень много возможностей и средств. Даже студии уже не так далеко ушли от наших. Ярким доказательством их достижений является то обстоятельство, что в последнее время Англия и Америка стали покупать их картины довольно часто, хотя на экранах в этих странах, как и во Франции, они проходят очень редко. Объясняется это, конечно, только особым отпечатком сценариев этих картин. Благодаря своей специфичности эти картины не могут быть коммерческими. Исключительно художественной и коммерческой ценности производство можно было бы создать, если бы тамошние режиссеры и артисты работали здесь объединенно с французскими кинематографическими силами. Тем более что во Франции интерес финансового мира к кино в последнее время сильно возрос, техническое оборудование производства стоит на должной высоте и вполне возможна чисто индустриальная работа. Не хватает нам режиссеров. А если создаются выдающиеся мастера, то их забирают к себе другие страны. А без режиссеров не может быть и актеров – первые делают последних. Вот почему <...> русские режиссеры сыграли бы здесь громадную роль. Тогда мы могли бы поставить вещи исключительной художественной ценности, могли бы создать и кадры новых специалистов для «звуковых» картин, которым принадлежит будущее.⁶¹

Как мы уже знаем, реализацию этой программы Шифрин начал в декабре 1929 со съемок «звуковой и говорящей» франко-шведской картины «Желтый капитан», пригласив на главную роль своего одноклассника по петроградскому Политехническому институту Валери Инкижинова⁶². Параллельно с этим продюсер занялся малобюд-

⁶¹ Морской А. Наши интервью. С.С.Шифрин // ИР. 1929. №17, 20 апреля. С.12.

⁶² См.: <Б/н.> «Желтый капитан» // Возр. 1929. 27 декабря. С.4. Впоследствии Инкижинов рассказывал, что внутреннее решение остаться на Западе сложилось у него после подписания контракта с Шифриным. См.: *Bizet J.-A. Entretien avec Valery Inkijinoff* // Cinema-72. 1972. №168, juillet–aout. P.73. Публично он заговорил об этом лишь несколько лет спустя. См. ответ В.Инкижинова на анкету журнала «Pour Vous» (перепеч.: ПН. 1935. 2 мая. С.4).

жетным производством – одновременно с большой картиной в бийанкурской студии снималась серия «малометражных скетчей» на испанском материале – звуковые фильмы «Танго», «Бадега» и немой – «Андалузская женщина». Таким образом, «халтурщики» вряд ли могли найти в Париже более подготовленную площадку для исполнения розенталевского заказа, нежели студия Шифрина.

Приход в бийанкурскую студию достроил полноценный эмигрантский контекст «парижской эпопеи», существование которого Эйзенштейн и Александров утаили от Москвы (или она сделала вид, что его не заметила?), а впоследствии замолчали в своих мемуарах⁶³.

Этот проект был воспринят по-разному. Московский «тайный агент» Эйзенштейна Пера Аташева была против:

Старичок, не соглашайтесь на постановку и больше внимания на свою внутренность. <...> Поезжайте в Америку на курс лекций – это же можно легко устроить. И вам – сейчас это больше нужно, чем что-нибудь другое.⁶⁴

Однако Льву Монозону⁶⁵, с которым режиссер постоянно сверял свои голливудские расчеты, идея понравилась. Он понимал, что в

⁶³ Ср. с фильмографической справкой, реконструированной нами по различным источникам:

«Le Romance sentimentale». ч/б; 35 мм; 600 м., звук.

Пр-во «Sequana-Film». Реж. Григорий Александров и Сергей Эйзенштейн. Опер. Эдуард Тиссэ. В гл. роли: Мара Гри (Мария Якубович). Композ. Алексей Архангельский, худож. Лазарь Меерсон, монтаж: Григорий Александров, Сергей Эйзенштейн и Леонид Азарх. Продюсер Леонард Розенталь. Исполн. продюсер Семен Шифрин, ассист. реж. Борис Ингстер. Зав. звук. частью инж. Георгий Лампен. Зав. озвучанием: проф. Михаил Левин. Съёмки фильма производились с января до 5 апреля 1930 в парижском пригороде Фонтенбло, в Бретани и Ницце (натура) и в бийанкурской студии (павильон). Показ парижской прессе: конец июня – начало июля 1930; выпуск в прокат – 12 сентября 1930 (зал «Vieux Colombier», Париж). Прокат «Pathe-Nathan» (Франция и Бельгия), «Tobis-Klangfilm» (Германия и Европа). Надписи в копии из коллекции Госфильмофонда на французском и английском языках.

⁶⁴ Письмо П.Аташевой С.Эйзенштейну от 3 января 1930, Москва – Париж. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1621. Л.38-38об.

⁶⁵ Монозон Лев Исаакович (1886–1938) – экономист, чиновник советских заграничных учреждений (Амторг и по совместительству – представитель «Совкино» в США и др.), в 1926–1931 – председатель Амкино. По возвращении в СССР – заведующий кафедрой экономики и организации кинопроизводства во ВГИКе, сотрудник НИКФИ, студий «Мосфильм» и «Фильмтяжпром». Взявшись за устройство голливудской поездки Эйзенштейна, он, однако, не сумел добиться своевременного возвращения режиссера в Москву, и это, по-видимому, предопределило его собственный досрочный отзыв на родину. См. отзыв о нем: Мемуары. Т.2. С.350. 15 писем режиссера к нему опубли.: Юренев Р. С.Эйзенштейн – письма из Мексики // Прометей: Историко-биографический альманах. Т.9. М., 1972.

создавшейся ситуации любая, пусть и проходная, работа со звуком будет выгодна в видах на Голливуд:

<...> такая фильма для Вас явилась бы самым лучшим трамплином для Соед<иненных> Шт<атов>. Я не говорю, что это обязательный путь в америк<анский> «рай», но <ничего>, кроме пользы, это не дало бы, если... если это осуществимо. <...> Кстати, если Вам удастся через своих местных друзей заинтересовать каких-нибудь из представителей америк<анских> фирм в Англии или во Франции, было бы также не бесполезно. В этом случае я просил бы только немедленно сообщить мне, дабы я мог написать на <так!> руководителей компании.⁶⁶

В отличие от Эйзенштейна, погруженного в международные интриги, его ученик с первых же дней парижской жизни охотно занялся тем, ради чего поехал за границу:

Торчу на фабриках, на съемках, сам снимаю маленькие эксперименты и чувствую всю огромную силу этого нового явления в человеческой жизни! Что это за секреты Ерофеева и Сухаребского? Никаких секретов нет!⁶⁷

Неудивительно, что история постановки «Сентиментального ромansa» почти не отражена в бумагах Эйзенштейна – ее документируют письма-отчеты Александра⁶⁸. Судя по ним, в январе 1930 съемки картины шли полным ходом:

<...> день и ночь снимаем, и писать некогда. Осталось 3–4 дня, чтобы окончить декорации – потом будет снег.

Снимать тонфильм очень интересное, но вместе с тем и очень тяжелое <дело>.

На подготовку и регулировку каждого куска уходит час или два. Но, в общем, снимаем хорошо. Научились многому и учимся еще.

Что будет?

Эйзен изредка заезжает гостем с журналистами и дает интервью.⁶⁹

⁶⁶ Письмо Л.Монозона С.Эйзенштейну от 2 января 1930, Бремен – Париж. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1984. Л.1.

⁶⁷ Письмо Г.Александрова П.Аташевой от 23 декабря 1929. – Там же. Оп.2. Ед.хр.2366. Л.32. Имеются в виду документалист Владимир Ерофеев и деятель научно-популярного кино Лазарь Сухаребский, выступившие в советской печати с интригующими декларациями о технологических секретах, вывезенных из командировок в Германию.

⁶⁸ Будучи формальной гражданской женой и душеприказчицей режиссера, Пера Моисеевна Аташева (урожд. Фогельман; 1900–1965) при передаче его архива на государственное хранение присоединила к нему и собственные бумаги, в том числе и письма Александрова.

⁶⁹ Письмо Г.Александрова П.Аташевой от 3 февраля 1930, Париж – Москва. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2367. Л.6. Несколько февральских дней Александров потратил на съемку природы в Фонтенбло (см.: Там же. Л.11). Укажем здесь, что

Недостаток опыта все же сильно влиял на темп работы постановщика и сбил первоначальный производственный график. След этих неурядиц – в недатированном письме Эдуарда Тиссэ к Эйзенштейну, где вскользь упоминается о скандале с Шифриным из-за срывов рабочего графика⁷⁰. Лишь в последний день февраля Александр доложил:

Перл!

Павильоны окончены! Безжалостная точность работы ателье сменяется партизанской неопределенной работой на натуре. Теперь мы зависим от капризов солнца – и в момент этих капризов будет время писать письма-статьи и собраться с мыслями. <...> Я поставил себе предельно сложные съёмочные задания – чтобы понять возможности тон-съёмки. И от этого тысячи неудач и ошибок – но результаты все же вдвое или <в>трое лучше, чем все, что тут делается. Это приятно, и за это люди уважают. Зато в следующей работе ошибок не будет, а следовательно, и качество еще вырастет. Школу ателье – я окончил. Теперь предстоит более тонкая учеба, ибо едем на берега океана снимать бурю и моей изобретательности надо будет бодрствовать и быть начеку <...>.⁷¹

В отличие от прежних постановок, свою новую работу советские кинематографисты анонсировать не спешили, и информация о ней появилась лишь в начале марта, причем – без упоминания Эйзенштейна:

Известный русский режиссер <так!> г. Александров и г. Тиссэ в настоящее время заканчивают очень оригинальную постановку, являющуюся интересным опытом художественного монтажа звука. Сюжет и звуковой сценарий написаны на мотив и слова популярного романа «Жалобно стонет ветер осенний». Главную роль в этом музыкально-звуковом фильме, называемом «Романс», исполняет молодая русская артистка Мара Владимировна Грий <так!>, которая имеет все данные, чтобы в скором времени сделаться одной из звезд европейского звукового экрана.⁷²

прозвище «Перл», придуманное Эйзенштейном по имени популярной американской актрисы Перл Уайт, утвердилось за Перой Аташевой среди участников его группы. Ср.: «Никогда, ни в каком порыве игривой нежности не называйте меня Перлой, уж очень от этого имени веет честной <так!> фаршированной еврейской старой девой, да при том еще толстой, пре-толстой. Пощадите же мое большое место» (письмо П.Аташевой С.Эйзенштейну от 8 июня 1927. – Там же. Оп.1. Ед.хр.1621. Л.4).

⁷⁰ Публикатор ошибочно включил его в ряд американских писем 1931 года (см.: Эдуард Тиссэ: «Работали мы с нагрузкой 100%» / Публ. Г.Масловского. КЗ. 1990. №8. С.111).

⁷¹ Письмо Г.Александрова П.Аташевой от 28 февраля 1930, Париж – Москва. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2367. Л.9.

⁷² <Б/н.> Романс // Возр. 1930. 7 марта. С.4. Заметка была проиллюстрирована кадрами из фильма – деревья в бурю и Мара за рулем (это изображение бы-

Роковую роль в работе могла сыграть история с высылкой Эйзенштейна, последовавшая за сорбонским скандалом. Однако она произвела парадоксальный эффект: занявшись поисками влиятельных защитников и организацией общественного протеста против «полицейского произвола», режиссер оставил съемочные дела целиком на усмотрение Александра⁷³. Исполнение решения парижской префектуры удалось отложить на три недели, но 14 марта режиссеру было отказано в продлении визы⁷⁴. Александр, на сей раз не уверенный в благополучном исходе дела, лишь намекнул московской корреспондентке о новых трудностях:

Эйзен остался пока в Париже, ибо очень есть к тому сложные обстоятельства, о которых, думаю, напишет сам.⁷⁵

Тот, однако, чувствовал себя совершенно свободным от необходимости отчитываться в действиях перед кем бы то ни было и тем более – перед Москвой. Тем временем туда доходила обрывочная и искаженная информация о новых приключениях группы, весьма возбуждавшая фантазию друзей:

О твоих похождениях в Париже здесь идут и ходят <так> всякие толки и легенды. Кто говорит, что тебя избили, кто говорит, что лишь собирались, что Вас высылают, что за Вами были погони белых и т. д. Здорово!⁷⁶

То, что казалось столь романтичным со стороны, вряд ли радовало героя истории и его помощников. Время уходило на утомительные и зачастую пустые хлопоты, а съемочные дела пришли в полное расстройство. Остро переживая неопределенность ситуации, Александр решил было паковать чемоданы и возвращаться в Москву:

ло представлено как опыт постановки света в павильоне). По мнению исследователя, экранный псевдоним героини Гри (никогда ею более не использовавшийся) возник «не без участия Эйзенштейна. Возможно, это своего рода шутовое фонетическое производное от обиходного имени Гриши Александрова-Мормоненко поры его дебютов» (*Босенко*. С.291).

⁷³ Ср. с замечанием Аташевой в письме к Эйзенштейну от 25 февраля 1930: «Наслышана я, что вы насчет съемок не очень охочи, все больше насчет спать да по знаменитым гостям ходите» (РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1621. Л.55-55об.).

⁷⁴ Там же. Ед.хр.463. См. также ходатайства Французской Лиги прав человека и гражданина о продлении визы Эйзенштейну, копии реляций начальника Парижской префектуры министру внутренних дел А. де Монзи и др. – Там же. Ед.хр.464, 468; Мемуары. Т.1 (гл. «Изгнание дьявола»).

⁷⁵ Открытка Г.Александрова П.Аташевой от 15 марта 1930, Бретань – Москва. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2367. Л.15.

⁷⁶ Письмо Фридриха Эрмлера С.Эйзенштейну от марта 1930, Ленинград – Париж. – Там же. Оп.1. Ед.хр.2284. Л.13. Эйзенштейн оставил без ответа предложение Дмитрия Марьянова прислать ему в помощь сотрудника берлинской киноконторы Е.Гольверка. См.: Там же. Ед.хр.1592. Л.7-7об.

В префектуре и в тайной полиции заведены дела о наших личностях и, как говорят, – двести документов и доносов неоспоримо доказывают, что С.М.<Эйзенштейн> – начальник фильмовой пропаганды большевиков, а я – агент ГПУ, приставленный к нему для политической окраски его поведения. <...> Эйзенштейна уже высылали, но наши заступники удержали исполнение приказа до сегодняшнего дня. Идут усиленные хлопоты о продолжении визы и возможности закончить фильм «Романс» и т. д. Но чем все это кончится, пока не известно. <...> Наши отношения с С.М.<Эйзенштейном> полны неясностей, и еще неизвестно, как они пойдут. Я ему пока верен в дружбе, ибо имею и предложения лично – самостоятельно ехать в Холливуд и ставить картины. – Но пока <этого> не делаю.

Ругаю его часто и много, ибо он кокетничает своей репутацией, созданной здесь.⁷⁷

Видимо, в те же дни он записал в дневнике об одной из стычек:

Я предупредил С.М.<Эйзенштейна>, чтобы он не повторял ошибок, которые уже делал. Эйзенштейн долго притворялся непонимающим, и мне пришлось сказать ему прямо и громко, чтобы не забывал Тиссэ, меня и других в интервью. Ибо он не один делает наши картины.⁷⁸

Таким образом, раздражение и разочарование от ничтожных результатов парижского «сидения», исподволь скопившееся у помощника Эйзенштейна, вышли на поверхность. К этому прибавилась и личная обида – Александров был уязвлен пренебрежением к его вкладу в общее дело и нежеланием режиссера делиться планами на будущее. Ощувив собственные силы и возможности в процессе самостоятельной работы, он усомнился в непогрешимости Учителя и даже заподозрил его в своекорыстной игре.⁷⁹

По-видимому, эти эмоциональные срывы стали предвестиями грядущей «измены», которую режиссер никогда не простил своему помощнику. Обострялся ли этот конфликт «отцовской ревностью» Эйзенштейна или сексуальной подоплекой, о которой так много судачили современники, а за ними и биографы? Однозначного ответа

⁷⁷ Письмо Г.Александрова П.Аташевой от 24 марта 1930, Париж – Москва. – Там же. Оп.2. Ед.хр.2367. Л.16. Сообщение о натурных съемках в Фонтенбло см. в его недатированной открытке. – Там же. Л.11.

⁷⁸ Цит. по: Григорий Александров: «Не знаю, была ли между дедом и Орловой страстная любовь...» С.192. Об этом он позднее рассказывал и биографу режиссера. См.: Юрнев Р. Сергей Эйзенштейн: Замыслы. Фильмы. Метод. М., 1988. Ч.2: 1930–1948. С.10–11.

⁷⁹ Ср. с отзывами Александрова в его письмах в Москву: «Он по гостям и редакциям, по балам и театрам – а я по лабораториям и фабрикам и специалистам» (письмо Г.Александрова П.Аташевой от 10 марта 1930, Париж – Москва. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2367. Л.12об).

нет, а переписка кинематографистов содержит лишь слабые намеки на это⁸⁰. Так или иначе, но раскол, внезапно обозначившийся среди единомышленников, всерьез обеспокоил близких:

Вам трудно простить многое, как человеку. Вы чересчур любите «негров» вокруг себя. Я понимаю, что вам некогда заниматься утеплением отношений с людьми. Да, для вас это является вещью неорганической, и термин у вас существует для этого специальный – «капиздролить» <?> <...> Как складывается ваша семейная жизнь с Гришей, как он себя чувствует – все еще фоксиком?⁸¹

Но режиссера занимали лишь собственные дела. Ему вновь пришлось искать заступничества у влиятельных друзей и поклонников для того, чтобы продлить визу. В числе эйзенштейновских ходатаев наверняка был и Розенталь, которому, надо думать, была не по душе эта сомнительная суета:

⁸⁰ В письмах Александрова к Эйзенштейну можно найти следы чувства большего, чем дружба, хотя, возможно, это были лишь знаки многолетней игры во влюбленность. Жалуясь на долгую разлуку с Учителем, он, например, завершал письмо словами: «Впервые целую не очень крепко. Сижу у камина и плачу...» (1 октября 1923, Ясная Поляна – Москва. – Там же. Оп.1. Ед.хр.1605. Л.1); «Люблю Ольгу (О.И.Иванова – первая жена Александрова. – Р.Я.) безумно и скачу (в связи с этим про меня черт знает что думают – сифилис, педераст и еще хуже, а я на все положил и занимаюсь исключительно профессиональным делом)» (письмо Г.Александрова к П.Аташевой от 23 декабря 1929, Париж – Москва. – Там же. Ед.хр.2366. Л.32). В беседе с биографом Александров отрицал какую-либо пикантную составляющую своих отношений с Эйзенштейном, но его основной простодушно-наивный аргумент выглядит весьма лукаво. См.: Кушников М. Светлый путь, или Чарли и Спенсер. М., 1998. С.91-95.

Необычный образ режиссера был представлен читателям специального издания «для мужчин» через несколько месяцев после его отъезда из Парижа. См.: *Porquesoi J. Eisenstein... intellectual decadent // Adam. La revue de l'Hommes (Paris). 1930. 15 aout. P.16.* Приведем здесь и еще одну шпильку Учителю от бывшего ученика – насмешливо-издевательскую открытку (и последнюю во взаимной переписке), о многом напомнившую невъездному адресату: «Шлем приветы и лучшие пожелания из Парижа. Л.Орлова, Гр. Александров» (открытка от 10 октября 1947, Париж – Москва. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.1786. Л.6).

⁸¹ Письмо П.Аташевой С.Эйзенштейну от 3 января 1930, Москва – Париж. – Там же. Оп.1. Ед.хр.1621. Л.38об.-40. В дальнейшем она не раз беспокоилась по поводу этой ситуации: «Меня интересуют ваши взаимоотношения с Гришей» (письмо от 25 февраля 1930. – Там же. Л.50); «Настоящая линия – это ударная бригада Эйзенштейна (не сердитесь, но про себя я в этом искренне убеждена)...» (письмо от 1 марта 1930. – Там же. Л.55об.). Сгладить этот конфликт удалось лишь несколько месяцев спустя: «...Гриша говорил, что Тебя беспокоят мои с ним отношения? Да, действительно, в них были осложнения, но сейчас это “все в прошлом”. – Было же это результатом ненормальности нашего общего положения, неизвестностями etc. и, следовательно, повышенной нервозности и взвинченности» (письмо С.Эйзенштейна Ю.И.Эйзенштейн от 6 июня 1930. – Там же. Ед.хр.1551. Л.28об.).

Ему совершенно явно не хочется быть замешанным во всю эту историю. По-моему, он даже не против того, чтобы я поспешно покинул пределы Франции.⁸²

Однако отказаться от поддержки законтрактованного режиссера он уже вряд ли мог, тем более что Эйзенштейн, желая предотвратить отказ спонсора от обязательств, обнародовал свое участие в съемках, что с формальной точки зрения уже давало ему основания остаться в стране до их завершения:

Я приехал во Францию по приглашению фирмы Гомон для производства опытов по сниманию звучащего фильма. После приезда в Париже для «Секвана-Фильм». В фильме – всего одно действующее лицо, женщина, которая исполняет известный романс «Жалобно стонет ветер осенний». В остальном действуют силы природы. В главной и единственной роли выступает Мари <так!> Гри, дебютировавшая для экрана в Ялте как партнерша Николая Римского.⁸³

Недостаточность рекламных анонсов заставила режиссера указать на единоличное авторство еще не завершенной картины, что было озвучено прессой:

«Сентиментальный романс». Таково название фильма, который Эйзенштейн со своим помощником Александровым успел сработать в Париже для «Секвана-Фильм». В фильме – всего одно действующее лицо, женщина, которая исполняет известный романс «Жалобно стонет ветер осенний». В остальном действуют силы природы. В главной и единственной роли выступает Мари <так!> Гри, дебютировавшая для экрана в Ялте как партнерша Николая Римского.⁸⁴

Лишь задействовав все мыслимые и немыслимые связи (среди них были и весьма сомнительные, как, например, заступничество актрисы Мари Марке – любовницы премьер-министра Андре Тардьё⁸⁵), удалось сломить неумолимую полицейскую машину. 1 апреля

⁸² Мемуары. Т.1. С.163.

⁸³ <Б/н.> Эйзенштейн о своей высылке // ПН. 1930. 22 марта. С.4 (изложение интервью режиссера газете «Le Soir»). Эта публикация последовала за тем, как накануне режиссер был сначала допрошен полицейскими в своем гостиничном номере, а затем препровожден ими в префектуру для нового допроса. См.: Agenda de Roche на 1930. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.1119. Л.36об. Для того чтобы привлечь к себе симпатии парижской публики, в ход пошли необычные интонации: «Советский кинорежиссер С.М.Эйзенштейн, получив предписание парижской префектуры покинуть Францию, обратился к сотруднику «Сине-монд» с вопросом: “Ну, скажите, неужели я похож на большевика с ножом в зубах, ведь нет же?”» (ПН. 1930. 1 апреля. С.4).

⁸⁴ <Б/н.> «Сентиментальный романс» // Там же. 1930. 28 марта. С.5. Сведений о об участии Мары в крымских кинопостановках разыскать не удалось.

⁸⁵ Ср.: «“Она не откажется переговорить с Тардьё в постели...” Ура! Последний штрих наложен. Мое дело дойдет до постели господина премьер-министра!» (Мемуары. Т.1. С.186-197).

виза Эйзенштейну была продлена – для завершения работы над картиной.

Министерство внутренних дел разрешило советскому кинорежиссеру С.М.Эйзенштейну продлить свое пребывание в Париже еще на 15 дней. Эйзенштейн сейчас занят работой над фильмом «Сентиментальный роман» в Бийанкурской студии для «Секвана-Фильм». Так как этого срока для завершения работы недостаточно, то Эйзенштейн возбудил ходатайство о новой отсрочке.⁸⁶

По-видимому, в те же дни режиссер вернулся в съемочный павильон, чтобы засвидетельствовать прессе личное участие в творческом процессе⁸⁷, но уже через несколько дней он покинул Париж, отправившись вместе с Леоном Муссиаком в автомобильное путешествие на Лазурный берег⁸⁸, а его помощники тем временем отправились в Ниццу снимать весеннюю натуру для финала картины.

4 апреля Александров сообщил Эйзенштейну о завершении работы и на следующий день вернулся в Париж⁸⁹. Вскоре группа собралась в студии, где ей предстоял самый трудный и ответственный экзамен – звуковой монтаж картины. Эта ситуация вновь возвращает нас к одному из главных вопросов этой истории – был ли Эйзенштейн полноценным участником картины, или же, как полагают многие, ее следует считать творением его помощника? Все, как буд-

⁸⁶ <Б/н.> Эйзенштейн // ПН. 1930. 4 апреля. С.5. Это сообщение было повторено советской прессой со ссылкой на третий источник и сопровождалось идеологической мотивацией: «По сообщению “Licht-Bild Buhne”, т. Эйзенштейну продлили французскую визу не только до окончания им картины, которую он в настоящее время ставит, но на все время, которое понадобится т. Эйзенштейну для постановки новой большой картины из жизни французского пролетариата» (<Б/н.> Продлили визу // Кино-фронт (Л). 1930. №17, 26 апреля. С.3). Действительно, «парижская печать приписывает московскому кинорежиссеру С.М.Эйзенштейну намерение крутить в Париже фильм “Дорога в Буэнос-Айрес”». См.: ПН. 1930. 29 апреля. С.5. Однако вопрос, насколько «пролетарским» был этот замысел, остается открытым, но очевидно, что он был каким-то образом связан с приездом президента аргентинской компании «Лос-Анджелес филмс К^о» М.Эмигулашвили, планировавшего открыть во Франции международное предприятие с русским производственным отделом (Там же. 1930. 1 мая. С.4). Этот проект упомянут Эйзенштейном в письме к П.Аташевой от 10 мая 1930. (см.: КЗ. №36/37. С.222). Однако впоследствии он развернул этот сюжет совершенно в иную сторону. См.: Мемуары. Т.1. С.230-232 («Путь в Буэнос-Айрес»).

⁸⁷ См. недатированные рекламные фотографии съемочной группы в декорациях фильма (Эйзенштейн, Александров, Мара Гри, Тиссэ, Шифрин и др.). – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2110. Л.1-2. См. также фотографии Эйзенштейна в Париже, в том числе и его портрет в интерьере гостиничного номера, сделанный фотографом А.Кертесом: Там же. Ед.хр.2111. Л.1.

⁸⁸ Об этом см.: Муссиак. С.212-214; *Bulgakowa*. Р.106.

⁸⁹ РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1786.

то, указывает на последнее⁹⁰, но высказывания самого режиссера настойчиво убеждают, что отсутствие на съемочной площадке не отменило его определяющей роли.

Начать с того, что съемочная технология парижской картины была выстроена в полном соответствии с установкой, выдвинутой Эйзенштейном еще в 1928, по следам «Звуковой заявки», и, даже работая самостоятельно, Александров лишь следовал его указаниям:

Звуковая часть киноленты снимается отдельно от незвуковой. По заранее выработанному плану заснимаются на пленку те звуки, шумы и музыка, которые нужны. Вполне возможно, что эта работа производится параллельно с засъемкой незвуковой части ленты, возможно, что она производится и раньше, но также и возможно – и вполне осуществимо благодаря новым усовершенствованиям – что она производится и позже, после того, как незвуковая часть и отдельные куски киноленты уже засняты.⁹¹

Еще один аргумент – рассуждение об эффектах «шумового фильма», возникшее в воображении Эйзенштейна еще до Парижа и воспроизведенное затем в звукозрительном строе пролога фильма:

<...> я мог бы вообразить, что <...> стоят у моря и слышат памятью сердца далекое пение. И, не будучи сентиментальным, вы иногда наверняка чувствуете, что пейзаж может плакать. Мы должны учиться делать громким неслышимое.⁹²

По приезде в Нью-Йорк режиссер вновь обозначил свое присутствие в общей работе:

В звуках и речи можно гораздо больше высказать, чем это было возможно до сих пор, можно передавать идеи, возбуждение, но надо бережно относиться к перенесению театральной техники в звуковое кино. <...> Говорящая фильма должна превратиться в звуковую, т. е. такую, которая воспроизводит все звуки жизни, а не только диалоги, необходимые для действия. Публика не знает еще зрительного и звукового могущества таких фильм. Только мы, кинематографисты, которые провели ряд проб в ателье, можем иметь об этом представление.⁹³

⁹⁰ Для этого утверждения есть основания. Среди них и такое: вряд ли случайно сразу же после возвращения в Москву искушенный в политических играх Александров получил заказ на постановку «идеологического извода» «Романса» – короткометражную звуковую картину «Интернационал» (см.: Александров Г. Как мы работаем // Кино <газета>. (М.). 1932. №48, 18 октября. С.2-3 (далее – ГК(М.)).

⁹¹ Сольский В. Разговор с Эйзенштейном о звучащем кино // Звучащее кино. М., 1929. С.83.

⁹² Веземанн Г. Разговор с Эйзенштейном. 1929 г. // КЗ. №36/37. С.326.

⁹³ <П.Аташева?> С.М.Эйзенштейн за границей // ГК(М.). 1930. №45, 10 августа. С.1. Об этом см. также: Л.М.<оносзон>. Эйзенштейн в Америке // Там же. №44, 5 августа. С.2.

В последующие недели он еще не раз рассказывал американским журналистам о парижском опыте, а затем решил адаптировать его и для советского читателя. Для этого была использована отлаженная схема: вырезки со своими интервью он отослал Аташевой, а та подготовила черновик «статьи Эйзенштейна о звуке». Поводом для ее публикации было избрано важное событие – Первая Всесоюзная конференция по звуковому кино (конец августа – начало сентября 1930, Москва)⁹⁴. Участие в ней ключевых фигур советской кинематографии, несомненно, требовало заочного участия и Эйзенштейна. Статья, правда, не увидела света – возможно, потому что запоздала, а может быть, режиссер, увлеченный голливудскими проектами, решил не привлекать внимания к отыгранному эпизоду в преддверии новых, более впечатляющих успехов⁹⁵. Изложенные в этом тексте подробности озвучания «Романса» указывают на то, что он был полностью в курсе дела и направлял работу своего помощника:

Искажение, несовпадение звука как противопоставление звуковому натурализму.

Советская техника монтажа позволяет такой метод работы. Звук будет монтироваться в зрительно-моторную композицию прямо «на столе» и на столе же будет собираться. Идея такого звукомонтажа раньше считалась неприемлемой кинопрактиками за границей. Но Александрову в работе над «Сентиментальным романсом» удалось до некоторой степени осуществить наши мысли в этой области. Ему удалось смонтировать звук «на столе», правда, еще в коротких кусках, но принцип в этих кусках оправдался полностью. Были сделаны следующие основные вещи в «игре со звуком»: вписывание и врисовывание звука, ускорение или замедление, обратный ход звука, специальная регулировка, съемка на засвеченной пленке – все это дает замечательные эффекты. Например, удалось заснять на рояле (имеется в виду на-

⁹⁴ См., например: Месман В. Звуковое кино в руках «глухих» режиссеров // Вечерняя Москва. 1930. 2 августа. С.3 (далее – ВМ); Л.В<ак>с. Поправка, весенняя жизнь. Звуковое кино – на подготовку кадров // Там же. 29 августа. С.3; <Б/н.> Об «утопии» и «фантастике» (На Всесоюзной производственно-технической конференции по звуковому кино) // Там же. 30 августа. С.3; Л.В<ак>с. Мимо цели. На конференции по звуковому кино // Там же. 2 сентября. С.3; Он же. Звуковое кино ждет своих строителей. Конференция работала на холостом ходу // Там же. 3 сентября. С.3; и др.

⁹⁵ Аташева сообщила Эйзенштейну, что опубликовала от его имени приветственную телеграмму участникам конференции, за что получила похвалу Сергея Третьякова: «...по его мнению, я здорово фигуры для вас на поле расставляю» (письмо от 22 августа 1930. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1621. Л.80). «Эйзенштейн, Александров и Тиссэ прислали звуковой конференции телеграмму следующего содержания: “Горячо приветствуем первую звуковую конференцию. Будущее советского кино в руках конференции. Возврата к нему нет. Скорей вперед в звучащее будущее”». – См.: Рабис (М.). 1930. №35-36, 5 сентября. С.21.

ложение звука. – Р.Я) морской шторм, котор<ый> вышел в тысячу раз сильнее съемки настоящей океанской бури. То, что нами сделано по искажению звука и по созданию новых, не существовавших до сего времени звуков, по монтажу получилось хорошо и необычайно сильною физиологическою воздействием. Очевидно, поэтому наш маленький эксперимент – фильма «Романс» – вызвал такую бурю.

Там, где не хватало снятых звуков, мы подрисовывали, ретушировали прямо на пленке – и получалось то, что надо. Некоторые куски просто подрисовывали на пленке ре<й>сфедером – взрыв, гром и т. д. *Теория рисованного звука подтверждена и в данный момент уже сильно разработана.*⁹⁶

И, наконец, еще одно обстоятельство в вопросе авторства. Контракт на постановку фильма утрачен и, скорее всего, был предумышленно уничтожен исполнителями. Это позволяет теперь считать, что Эйзенштейн был введен в титры лишь для рекламы – по настоянию заказчика и продюсера⁹⁷. Оспорить этот тезис позволяют внехудожественные обстоятельства парижской «эпопеи».

Как мы видели, решающей причиной, толкнувшей кинематографистов на постановку «Романса», было желание восполнить свой нищенский бюджет, складывавшийся по принципу «общего котла» (судя по всему, Эйзенштейн пользовался преимущественным правом в расходах)⁹⁸. Вряд ли они затевали работу для того, чтобы истратить гонорар на оплату проезда Александрова в Америку, – в ян-

⁹⁶ *Аташева П.* Эйзен о звуке. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2306. Л.33-34. Судя по пометам Аташевой, источниками этого текста были интервью Эйзенштейна из газет: Los Angeles Times. 1930. 22 July; Philadelphia Evening Bulletin. 1930. 28 July. Фрагмент этого текста был опубликован (*Клейман Н.* О плане озвучания фильма С.Эйзенштейна «Генеральная линия («Старое и новое») // Рождение звукового образа: Художественные проблемы звукозаписи в экранных искусствах и на радио. М., 1985) и может считаться характерным образчиком текстологии отечественных публикаций режиссера. Отсутствие точной архивной ссылки можно объяснить невнимательностью, но сличение печатной версии с автографом обнаруживает в ней произвольно вставленные слова и непрочитанные имена (например, Гитилла вместо – Штилле, который упоминался в одном из посланий Эйзенштейна в Москву: «Сейчас ознакомились с самым интересным патентом – Stiller Plattner – на стальной проволоке. <...> Я глубоко убежден, что будущая техника звукового фильма целиком будет базироваться на нем» (письмо к Илье Трайнину от 9 декабря 1929, Кембридж – Москва. – Архив РАН. Ф.586. Оп.5. Ед.хр.31 Л.1). Об этом см.: *Штилле Э.* Электромагнитная запись звука // Звуковое кино: Сб. статей. М., 1930). Публикатор без всяких оговорок снял из цитируемого отрывка «неудобные», на его вкус, фразы (в нашей цитате они выделены курсивом). Еще один пример – параллельная с автографом публикация отрывка («Pro Doma Suo» (Метод. С.582-583) – дает пытливому читателю возможность оценить текстологическую скрупулезность публикации).

⁹⁷ Мемуары. Т.1. С.404; *Босенко.* С.293; *Bulgakowa.* P.109.

⁹⁸ Выразительный экскурс в финансовые дела группы см.: *Bulgakowa.* P.100-101.

варе 1930 они об этом еще не смели мечтать⁹⁹. Очевидно другое: денежный аванс, полученный перед началом съемок, дал им возможность пережить трудное межвременье в ожидании добрых вестей из Голливуда, при полном отсутствии иных финансовых источников¹⁰⁰. Учет этого нюанса в бытовых делах группы позволяет считать Эйзенштейна полноценным соавтором и участником постановки.

В вопросе об авторстве «Сентиментального романа» есть и творческий аспект, возможно, более других повлиявший на отказ режиссера от своей работы. Будучи неутомимым экспериментатором, он и в «халтуре» не мог отказаться от новаций. Случай дал хорошую возможность для опытов, и он решил попробовать себя не только в звуке, но и в цвете. Давно испытывая теоретический интерес к этой проблеме, Эйзенштейн заинтересовался модной новинкой – оптической системой Бертона, соперничавшей в тот период с американской системой «Technicolor». Эта технология, сулившая, по уверениям ее пропагандистов, необыкновенные перспективы, привлекла общее внимание:

Кино-революция продолжается. Говорящий фильм перестает быть черным и белым. Он приобретает краски. Способ «техникolor» состоит в том, что каждый кадр фильма повторяется трижды в основных цветах. Проходя через аппарат, основные цвета сливаются, и получается цветная гравюра.

Но другой способ (Бертон) уже полностью разрешает задачу цветного фильма. Это – способ оптический. Каждый кадр покрыт тысячами микроскопических линз. Такой фильм, пропущенный через аппарат, дает на экране море, небо, цветы, загар, седину, веснушки на лицах людей в натуральных естественных цветах и полутонах. В некоторые мгновения перед зрителем не полотняный экран, а как бы пролом в стене, сквозь который он видит настоящую природу и живых людей.

Краски дают некоторый объем предметам, экран перестает быть плоским. <...> Вообще, мы накануне общего изменения стандарта пленки, потому что теперь для записи звука у настоящей пленки приходится отнимать узенькую полоску и этим уменьшать изо-

⁹⁹ Ср.: «Розенталь грозился не выплатить гонорар за фильм, если сопоставщиком в титрах не будет значиться Сергей Эйзенштейн. Тому не оставалось ничего другого, как дать согласие. Без оператора и ассистента, которым не на что будет пересечь океан, Эйзенштейн не смог бы планировать съемки американского фильма...» (Босенко. С.293).

¹⁰⁰ Ср.: «Съемки этого фильма были единственным финансовым источником для группы до заключения контракта с «Парамаунтом»» (Муссиная. С.272; из комментария к переписке Эйзенштейна с Муссиной). Тем не менее Аташева тогда безуспешно пыталась добиться от руководства «Союзкино» какой-либо финансовой поддержки группе. См. ее письмо к Эйзенштейну от 15 марта 1930. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1621. Л.66.

бражение на экране. Для кинотехники это означает полный переворот.¹⁰¹

В самый разгар сорбоннского скандала режиссер писал в Москву:

Мы сейчас очень заняты – влезли в звук и цвет и работаем пока над маленькой тонфильмой. Впереди все еще неизвестность.¹⁰²

Эта сторона постановки, кажется, не заинтересовала зарубежную печать, зато сообщения об эксперименте попали в советскую прессу:

Группа Эйзенштейна, находящаяся сейчас во Франции, производит съемку звуковой картины «Романс» в натуральных цветах. Натуральность цветов в этой картине будет осуществлена по способу Бертона. Способ Бертона отличается тем, что съемка производится на обычной пленке, которая уже в готовом виде покрывается особой эмульсией, содержащей мельчайшие частицы, окрашенные во все цвета спектра. Посредством особой линзы во время демонстрации картины эмульсия возвращает изображению на экране натуральный цвет заснятого предмета.¹⁰³

Реальность экспериментов со звуком и цветом режиссер подтвердил в интервью, данном по приезду в Нью-Йорк:

...изобретенный во Франции метод применения краски в кино превосходит все то, что я до сих пор видел в этой области.¹⁰⁴

¹⁰¹ <Б/н.> Новая киноэпоха // ПН. 1930. 2 мая. С.4. Ср. со свидетельством Льва Никулина, увидевшего фильм, выполненный в этой технологии, на экране парижского кинотеатра: «Я видел это вместе с Эйзенштейном, Александровым и Тиссе, сделавшими “Броненосец «Потемкин»” и “Октябрь”. В некоторые мгновения перед нами был не полотняный экран, а как бы пролом в стене, сквозь которую мы видели настоящую природу и живых людей. <...> Враждебные киноорганизации на Западе открыто признают, что только русские, советские русские и американцы умеют делать хорошие фильмы. А с немцами фильмами в Америке почти кончено. Мы можем потерять первенство на Западе, потерять возможность внедрения советской идеи через экран только потому, что переживаем детство звукового фильма. <...> Советская фильма должна заговорить» (Никулин Л. Новая киноэпоха // Известия (М.). 1930. 27 февраля. С.5). Сохранилось и еще одно свидетельство интереса к цветному кино: записка инженера Алексея Шефтеля режиссеру: «Очень буду рад Вас повидать и поговорить о технике цветного и звукового фильма» (РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.2242). См. также черновик письма Эйзенштейна к Шефтелю (Там же. Ед.хр.2010).

¹⁰² Письмо С.Эйзенштейна М.Штрауху от 19 февраля 1930; Париж – Москва. – Там же. Ф.2758. Оп.1. Ед.хр.1599. Л.70б.

¹⁰³ ГК(М.). 1930. №11, 25 февраля. С.2. Ср: «С.Эйзенштейн, находящийся сейчас в Париже, работает над звуко-цветной фильмой и получил приглашение из Берлина на лекции и, в частности, об этом фильме» (Кино-фронт (Л). 1930. №1, 5 февраля. С.3).

¹⁰⁴ <Из интервью газете «International Herald Tribune»> // Там же. №41, 20 июля. С.6; то же: <П.Аташева?> Эйзенштейн о звуковом и цветном кино // ВМ. 1930. 13 августа. С.3. См. также: Mr. Eisenstein's Next Film. Russian Director Intends to Make Ideal combination of Color and Sound // The New York Times. 1930. 16 February; Dana H.W. Revolution in the World of Make-Believe. Eisenstein,

Однако фильм вышел на экраны черно-белым. Можно думать, что перед печатью прокатных копий продюсер решил отказаться от дополнительных расходов по цветовому оформлению картины, а кинематографисты к тому моменту уже не могли вмешаться в дело. Других сообщений о цветной версии «Сентиментального романа» разыскать не удалось, а сам режиссер, по всей видимости, предпочел забыть об этом досадном обстоятельстве¹⁰⁵. Последнее «производственное» сообщение о картине, исходившее, вероятно, от исполнителя, вернуло ее авторство в первоначальную версию:

Александров, правая рука уехавшего в Голливуд Эйзенштейна, оставшийся в Париже, соноризирует <озвучивает> в студии Эпине короткометражный поющий фильм «Сентиментальный романс».¹⁰⁶

В начале июня 1930 работа над фильмом была наконец завершена, и во французской прессе появились анонсы предстоящей новинки:

<«Сентиментальный романс»>. Это название небольшого звукового фильма, поставленного Эйзенштейном и Александровым во время их недавнего пребывания во Франции. Мы еще не видели этот фильм, который скоро появится на экранах, но вот что, в частности, говорит о нем М.Ж.Винсент-Брешиньян: «...Мы узнаем людей, обладающих тем, что можно назвать визуальной чуткостью и пониманием того, что из себя представляют зрительный ряд <картины> и искусство монтажа. Своим последним фильмом они дополняют его недостававшим компонентом — записанной музыкой. Фильм — звуковой, принципиально звуковой по своему характеру, и музыка в нем играет особую роль. Она или сливается с изобразительным рядом, или нюансирует его... Этот фильм многому учит... Он не потерял ни одного из достижений немого кино, и кинематографическое искусство в нем по-прежнему и прежде всего представлено визуальным рядом...»¹⁰⁷

Картина, отмеченная экзотическим авторством, заинтересовала эмигрантского обозревателя. Тонкий знаток музыки Борис Шлецер,

Russian Master of Screen Sets Forth His Theories // Boston Evening Transcript. 1930. 1 March (вырезки из газет см.: РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1973).

¹⁰⁵ Ср. с комментарием: «Исследовательский и творческий интерес к проблеме цвета возник у Эйзенштейна в конце 30-х гг.» (*Эйзенштейн С. Избранные произведения*. Т.3. С.650). Ни в одном из теоретических текстов режиссера, посвященных цвету в кино, и словом не упоминается о парижском опыте.

¹⁰⁶ ПН. 1930. 31 мая. С.4. Александров отплыл из Марсея в Америку 31 мая, отправив в Москву последнее упоминание о работе над фильмом: «... и картину в эти дни синхронизировать и тон-монтировать надо было, и еще министерство <внутренних> дел. Теперь все кончается... Полагаю одержать победу к вторнику 27-го и выехать в среду 28-го в Америку!» (письмо Г.Александрова П.Аташевой от 24 мая 1930, Париж — Москва. — РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2367. Л.27).

¹⁰⁷ «Romance sentimentale» (недатированная вырезка из неустановленной французской газеты). — РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр. 2841. Л.70.

давно интересовавшийся экспериментами в области «механической музыки», не знал обстоятельств, сопровождавших рождение фильма, и судил о нем как рядовой зритель, но тем не менее верно расшифровал его смыслы:

На днях мне пришлось присутствовать при демонстрации «Сентиментального романса» (Секвана-фильм), нового звукового, точнее, музыкального фильма Александрова (помощника Эйзенштейна), представляющего, мне кажется, оригинальное разрешение труднейшей и усиленно разрабатываемой ныне задачи сочетания звуковых и зрительных образов. <...> «Сентиментальный романс» – фильм бессюжетный и разработан в виде лирической поэмы. В этом его своеобразии и значении.

Весь он вырос, так сказать, из текста и мелодии старинного романса путем постепенного наслаивания ряда ассоциаций звуковых и зрительных. Первый же куплет дает, таким образом, богатый материал для осенних музыкально-зрительных картин: мы видим бурю на море, дождь, обнаженный лес, затем комнату, освещенную догорающим камином, и одинокую женщину; она садится за рояль и поет; и в дальнейшем фильм развертывает пред нами ряд видений, соответствующих светлому или меланхолическому настроению последующих куплетов. Мысль, повторяю, замечательная и чрезвычайно плодотворная.

До сих пор музыка в звуковых фильмах играла роль служебную, подчиненную; мне известен лишь один пример действительно музыкальной ленты: года три тому назад в «Вье Коломбье» демонстрировался фильм «В море» с партитурой, написанной для механического рояля самим автором картины: параллелизм между звуковой тканью и зрительными образами был абсолютный, но чувствовалось все же, что музыка подведена, так сказать, под картину¹⁰⁸. Гораздо более удачное разрешение той же проблемы являет нам большая серия «Мик<к>и», где звуковые образы определяют самый ритм и характеры развития фильма во всех его подробностях¹⁰⁹. Но лишь в «Сентиментальном романсе»

¹⁰⁸ Имеется в виду фильм «Прогулка в море» (режиссер и композитор Жан Гремийон). Анализу этой картины рецензент посвятил специальную работу: Шлецер Б. Музыка и кинематограф (По поводу одной фильмы) // Звено (Париж). 1927, №222, 1 мая.

¹⁰⁹ Имеются в виду первые звуковые опыты анимации Уолта Диснея, демонстрировавшиеся на экранах Парижа в конце 1929. Ср. эту оценку с отзывом анонимного рецензента: «...нский гениальный американский синестаз придумал соединить эти забавные скетчи-карикатуры со столь же забавной, юмористической и часто звукоподражательной музыкой, зарегистрированной на той же пленке, что и рисунок, и, следовательно, строго с ним синхронизированной. Результаты получились поистине поразительные. В некоторых парижских кинематографах показывают в настоящее время ряд таких короткометражных фильмов, вызывающих гомерический, несмолкаемый хохот публики: никогда ни Шарло, ни Гарольд Ллойд, ни Бастэр Китон не пользовались столь громким

впервые музыкальная мысль, хотя качественно и ничтожная, дает начало системе движущихся образов.

При выполнении этого интересного задания не обошлось, однако, без некоторых мелких дефектов. Автор партитуры г. Архангельский прекрасно справился со своей задачей там, где он дает нам лишь имитативную музыку, там, где он организует музыкально шумы ветра, дождя, моря, падающих деревьев и пр.; но ему предстояло также и развить самый музыкальный материал старинного романса, варьировать его и связать воедино со стихийными эпизодами; в этом именно и состояла, мне кажется, наиболее трудная и интересная часть его работы. Она-то менее удалась ему, несмотря на отдельные остроумные выдумки в первой части фильма, в особенности когда впервые раздается мелодия романса. Исполнительница последнего, г-жа Мари Гри, единственный персонаж фильма, чрезвычайно привлекательна своей естественностью и простотой: поет и играет как будто для себя, отдаваясь своим мечтам. Голос ее звучит хорошо: упрекну ее единственно в излишнем подчеркивании цыганского стиля романса, что не совсем вяжется с характером иллюстрирующих мелодию и текст зрительных образов, не чуждых под конец некоторой элегантно, условной красоты. Вообще, конец картины менее удачен: между отдельными видениями нет достаточной связи, внутреннее напряжение падает. Но фотографии великолепны: силуэты обнаженных деревьев, пруд под дождем, все почти осенние видения новы и необычайно остры и выразительны.¹¹⁰

Этот отзыв стал самым развернутым комментарием, которым был встречен фильм во французской прессе, и само существование этого текста снимает вопрос исследователя: «был ли у авторов прямой расчет именно на эмигрантскую публику в кинозалах, и если нет, то кто, кроме русскоязычных зрителей, был бы в состоянии оценить исполнение героиней романса на языке оригинала?»¹¹¹ Несомненно,

успехом. Причина последнего, по-видимому, – психологического характера: до сих пор мы воспринимали движущиеся на экране рисунки как условность, карикатуру. Вдруг эта карикатура заговорила, запела и зазвучала – да как зазвучала! <...> То, что показывают сейчас, – только начало, почти механический сплав живого рисунка с юмористической музыкой. Но несомненно, что в ближайшем будущем спрос на подобные картины вызовет органическое творчество композиторов, которые станут писать музыку специально для рисунков. Работа эта настолько благодарна, что ею не побрезгуют, пожалуй, ни Стравинский, ни Дарюс Мило <Мийо>...» (*Р<атнер Е.>*). Звучащие рисунки // Возр. 1929. 13 декабря. С.4).

¹¹⁰ Шлецер Б. «Сентиментальный романс // ПН. 1930. 4 июля. С.4.

¹¹¹ Босенко. С.290. Эмигрантские зрители были очень чутки к проявлениям «русскости» на экране. Ср.: «В этом фильме есть много захватывающего. Но самое захватывающее – это изображение того русского развала <так!>, который сказывается в картинах пляски, песен и попоек; это клочки русских песен, русского творчества, русских обычаев, которые вызывают в нас щемящее чувство

французские обозреватели разглядели эмигрантский подтекст, заложенный в картину. Один из них, например, отметил художественный эффект пролога, отсылающего зрителя к утраченному прошлому – излюбленному мотиву эмигрантской рефлексии:

Не нужно искать в этом фильме революционной динамики «Потемкина» или бьющего через край лиризма «Генеральной линии». Это всего лишь небольшая, но прекрасная поэма, воспевающая ностальгию осенних пейзажей, когда все живое в них испытывает бесконечную грусть от ухода прекрасного сезона. Земля, покрытая холодом и дождями, кажется, медленно агонизирует. Это время внутреннего смятения, когда душу будоражат горькие и грустные воспоминания детства, невольно возникающие на наших устах. Эта пронзительная тема воплощена с ошеломляющим знанием дела, с уникальным чувством и умом в передаче состояний природы. Возможно, это не тот случай, где нужно было демонстрировать оригинальность режиссерского видения, но «Сентиментальный романс» – подлинно жизненная поддержка <для зрителя>.¹¹²

Оценивая визуальное построение и монтажные конструкции фильма, он высоко оценил мастерство его создателей:

Кто-то из критиков заметил, что говорящий фильм не потерял ни одного из завоеваний немого фильма. Фильм Эйзенштейна – наглядная демонстрация правоты этой мысли. До сих пор (за исключением, пожалуй, «Мелодии мира»¹¹³) внутренняя связь между звуком, словом и изображением не была выявлена с таким мастерством и совершенством: первый всегда служит остальным.

не только потому, что это наше родное, но и в силу того торгового характера, с каким все это преподносится полупьяным иностранным миллионерам в рамках ложного веселья. Много горечи под видимой удаью, много нищеты под этой роскошью. Эта скрытая сторона, которой “гордый взор иноплеменный” не видит, нас волнует глубоким волнением невысказанных оскорблений, и каждый взрыв смеха и восхищения больно ранит русское сердце. Эта смесь близкого, родного с чуждым, далеким обычаем, это обесценение ценностей, потопленным <так!> в пошлости, – это есть одна из форм того послевоенного и послереволюционного вырождения, которое отлично представлено Кесселем в его романе и очень ловко в картинной краткости изображено в фильме “Княжеские Ночи”» (Волконский С. «Княжеские Ночи» // ПН. 1930. 11 февраля. С.4).

¹¹² М.С. Les films du mois. Romance Sentimentale // Cine Magazine (Paris). 1930. №8 (Aout). P.60 (пер. наш). Рецензия завершалась поздравлениями Шифрину в связи с тем, что тот сумел «ангажировать иностранного постановщика, который уже завоевал Америку». См. также другие публикации французской прессы, сохранившиеся в архиве Эйзенштейна: обложка журнала «Cinematographie Française» (Paris) (1930. №610, 12 juillet) и рекламное фото из фильма (вырезку см.: РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.2841Л.68-69).

¹¹³ Имеется в виду фильм германского экспериментатора Вальтера Руттмана «Мелодия мира», единодушно признанный критиками лучшим опытом «синтеза изображения и звука». См., например: <Б/н.> Новое искусство // Возр. 1929. 6 декабря. С.4.

Он нюансирует и объединяет все в общую глубокую гармонию. Можно было упрекнуть создателя «Потемкина» в некоторых технических наивностях, таких как, например, «взрыв звезд» и другие искусственные «фейерверки». Иногда он следует своему творческому началу и торопится соединить сразу несколько коротких планов, хотя, возможно, замедленность была бы более уместной в этой меланхолической поэме.¹¹⁴

«Сентиментальный романс» вышел на парижские экраны 12 сентября 1930¹¹⁵ и, вопреки мнению биографов, не стал однодневкой, но удержался до конца марта 1932, что подтверждает его зрительский успех¹¹⁶. Судьба международного проката картины известна гораздо хуже. Как ни странно, но советская печать стараниями неутомимой Аташевой отнеслась к сомнительной с идеологической точки зрения картине весьма благожелательно: во-первых, подтвердив участие в ней режиссера и, во-вторых, рекламируя фильм хвалебными отзывами европейской прессы:

Перед отъездом в Голливуд группа Эйзенштейна поставила в Париже короткометражную картину в 600 метров «Сентиментальный романс». Несмотря на то, что картина очень небольшая и демонстрируется всего 30 минут, что очень коммерчески невыгодно для кинотеатров, – все-таки она идет с большим успехом по всей Западной Европе.

«Знаменитый русский режиссер Эйзенштейн, – отмечает «Рейх Фильмбент», – во время своего пребывания в Париже поставил новую картину под названием “Сентиментальный романс”. Фильма, несомненно, отличается от всего того, что гениальный режиссер Эйзенштейн до сих пор показал. Это просто мастерская работа фо-

¹¹⁴ М.С. Les films du mois. Romance Sentimentale. Ibid. P.60.

¹¹⁵ Ср.: «<Кинотеатр> “Мариво” открывает сегодня новую программу двумя фильмами. Пойдет сделанный в Париже советскими кинорежиссерами Эйзенштейном и Александровым звуковой фильм “Сентиментальный романс” с участием русской певицы Мары Гри (псевдоним) и французский фильм “Подсудимая, встаньте” с участием Габи Морлей» (ПН. 1930. 12 сентября. С.3). См. также рецензия на фильм Мориса Турнера: *Волконский С.* «Подсудимая, встаньте!» // Там же. 26 сентября. С.4. Ср. с репликой Леона Муссиака в письме к Эйзенштейну (сентябрь 1930): «...“Сентиментальный романс”, анонсированный в “Мариво”, еще не появился на экране» (цит. по: *Муссиак.* С.245). Ср. также со свидетельством кинематографиста-невозвращенца Лео Моги (Леонида Могилянского; 1899–1976) – монтажера жуанвильской студии «Paramount»: «“Романс” с огромным успехом демонстрируется в б<ийанкурском> кино» (письмо к С.Эйзенштейну от 1 августа 1930, Париж – Голливуд). – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2366. Л.5об).

¹¹⁶ См.: «<Кинотеатр> Studio de L’Etoile <...> Последние дни <...> Самый поразительный звуковой фильм советской продукции “Сентиментальный романс” С.М.Эйзенштейна. – Непрерывно от 2.30 до 7 ч<асов>. Веч<ером> в 9 ч<асов>» (ПН. 1932. 29 марта. С.5).

тографии, описание природы, немые картины, которые глубоко действуют на зрителя. Она имеет у парижской публики и у парижской прессы горячий прием». «Это совсем маленькая фильма и очень большое событие с точки зрения кинематографической эстетики, – пишет рецензент «Тан». – Это первый раз, когда профессиональный “туз” решил разбить тяжесть кинематографической формулы для того, чтобы дать нам произведение искусства, форма и объем которого вдохновлены лишь точной логикой. Нам представили форму без анекдота, лишенную того, что называется действием... Это первая дерзость, важность которой можно даже не подчеркивать. Появление такого произведения имеет большое значение в истории кинематографии».

«Эта фильма не простое художественное произведение. Это одно из важнейших событий в истории кино», – пишет «Тон унд Бильде».¹¹⁷

Тем не менее выпуск фильма на европейские экраны поставил продюсера в сложное положение. Занимаясь его продажей, Шифрин прежде всего рассчитывал на Германию. В разгар переговоров в дело неожиданно вмешалась политика, поставившая сделку на грань срыва: в германской прессе появилось заявление режиссера Ганса Рихтера о ложном авторстве Эйзенштейна¹¹⁸. К нему тут же присоединились и «классовые друзья»: руководство компании «Прометейс» обратилось к режиссеру с просьбой печатно отмежеваться от фильма, так как «недобросовестная» реклама Шифрина наносит урон международному престижу советского кино вообще и репутации режиссера в частности¹¹⁹. В этой ситуации Шифрин обратился к Эйзенштейну за дополнительной верификацией, предусмотрительно написав письмо по-французски:

Дорогой Сергей Михайлович,
Благодарю Вас за телеграмму¹²⁰, которую Вы послали по поводу «Романса». Вам объяснили причину, для чего нам нужно

¹¹⁷ <П.Аташева> С.М.Эйзенштейн в Америке // ГК(М.). 1930. №45, 10 августа. С.1. Ср.: «...во время пребывания в Париже Эйзенштейн поставил для фирмы “Пате-Натан” звуковую фильму “Сентиментальный романс”. В основу фильма положена русская народная песня Архангельского, мотив которой проходит по всей фильме. В своей первой звуковой фильме Эйзенштейном сделана попытка разрешения проблемы тонфильмы, исходя исключительно из музыкального материала» (Кельс З. Советские режиссеры за границей. Эйзенштейн в Америке // Кино-фронт (Л). 1930. №51, 15 октября. С.2).

¹¹⁸ Bulgakova. P.103. В письмах Рихтера к Эйзенштейну этот фильм вообще не упоминается (см.: РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.2071).

¹¹⁹ Телеграмма С.Шифрина С.Эйзенштейну (б/д), Берлин – Голливуд. – Там же. Оп.1. Ед.хр.2342. Л.39.

¹²⁰ Телеграмма, засвидетельствовавшая авторство Эйзенштейна, была послана после того, как 4 июня в Нью-Йорк прибыл из Парижа Александров и передал режиссеру просьбу Шифрина (см.: Bulgakova. P.109).

было иметь это послание, так как покупатель на Германию¹²¹ решил воспользоваться сообщениями прессы, муссировавшимися г. Гансом Рихтером. Разумеется, я выступил с опровержением, и отправил его заказным письмом.

Фильм будет продан, скорее всего, на весь мир и даже на Соединенные Штаты. В принципе, я уже договорился с «Метро-Голдвин-Майер» и надеюсь, что через несколько дней смогу Вас известить о заключении этой сделки¹²². Теперь же прошу Вас написать маленькое письмо с подтверждением Вашей телеграммы и добавлением, что между нами есть договоренность о том, что во всей рекламе, на экране и т. д. фильм будет анонсироваться как фильм Эйзенштейна и Александра. Это позволит положить конец дискуссии с упомянутым покупателем и заставит его заплатить вам причитающееся¹²³.

Буду очень признателен, если вы сможете отослать это письмо с обратной почтой. Надеюсь, что у Вас все в порядке и что мы скоро увидим Ваши новые фильмы. У меня все в порядке, и, надеюсь, что Вы вскоре увидите наши фильмы на американских экранах.

Большой привет.

Ваш Шифрин¹²⁴

Озабоченность продюсера была вполне оправданной. По-видимому, он догадывался, что в условиях жесткого идеологического давления советский режиссер мог отказаться от картины и сорвать этим кампанию по ее продаже. Откликнулся ли адресат на это обращение и чем завершилось выяснение отношений с Шифриным, оста-

¹²¹ Имеется в виду компания «Tobis-Klangfilm», купившая права на показ фильма в Германии и других странах Европы. Биограф отмечает, что в Германии «Романс» демонстрировался вместе с «Потемкиным» и, так же как и в Англии, не имел никакого успеха (см.: Там же. Р.103). Этому противоречит свидетельство одного из русских берлинцев: «С радостью и гордостью за вас всех (группу) читаю восторженные рецензии о Вашей первой звуковой картине, поставленной в Париже. Европейская кинопресса гремит о Вас, о Ваших будущих гигантских планах, и все, все, все с любопытством ждут Вашей первой звуковой картины и новых достижений в этом направлении. Факт, что Вам удалось провести в жизнь не только Ваши художественные, творческие планы, но и рядом с этим устроить прекрасно свое материальное благополучие...» (письмо Юлия Кауфмана С.Эйзенштейну от 27 июля 1930, Берлин – Голливуд. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1850. Л.5).

¹²² Американская премьера фильма (под названием «The Sentimental Romance») состоялась 16 октября 1931 в нью-йоркском кинотеатре «Cameo» (см.: Там же. Оп.1. Ед.хр.2499). Об этом см. также: ГК(М.). 1931. №62, 16 ноября. С.4.

¹²³ Еще одно свидетельство существования контракта с Шифриным: действующей практикой предусматривалась выплата авторам отчислений от международного проката их фильмов.

¹²⁴ Письмо С.Шифрина С.Эйзенштейну от 22 сентября 1930, Париж – Голливуд. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.2045 (пер. наш).

ется неизвестным, но можно предположить, что Эйзенштейн разрешил коллизию в присущей ему манере. Он мог подтвердить свое авторство западной аудитории, что сулило ему дополнительные финансовые поступления (и, видимо, сделал это, судя по дальнейшим рекламным анонсам, сохранившим его имя), но в то же самое время дезавуировал его для «своих», не имевших доступа ни к картине, ни к аутентичным источникам информации.

С запозданием откликаясь на недоумение парижского друга относительно картины, режиссер приоткрыл ему, насколько счел нужным, свои карты в этой истории, правда, перевел сообщение в разряд конфиденциальной и не подлежащей оглашению информации. Сделано это было не из излишней скромности, а по прагматическим соображениям: откровенничая с друзьями о действительном или мнимом авторстве фильма и его особенностях, режиссер не хотел повредить официальной версии, выработанной совместно с Шифриным:

...О! Чуть не забыл!

«Романс»... Вы хорошо понимаете, что в этом фильме от меня немного (если не сказать вообще ничего!), – это между нами, – за исключением принципов и возможностей применения звука, которые в этом фильме популяризируются до такой степени, что фильм должен нравиться даже той публике, которая платит за вход. Вероятно, сказывается и большое личное влияние, но будьте уверены, что в «душе» я не с красавицей Марой Гри... Все это строго конфиденциально.

А потом успех этой «штуки» доставляет противоестественную радость, когда подумаешь о равнодушии к «Генеральной линии» тех, кому так нравится «Романс»! Во всяком случае, от этого фильма мы взяли все, что хотели, – возможность проделать очень ценные опыты в монтаже, а кроме того... получили деньги и смогли просуществовать в Париже до отъезда за океан!

Целую бэби – «белого и черного» – и остаюсь, как всегда (см. выше), странной смесью «сентиментальности» и цинизма!

Попросите Жанну прислать мне все, что писали о нашем отъезде и о «сентиментальной» стороне вопроса.¹²⁵

Это – последний отзыв режиссера о фильме и о своем в нем участии. С того времени картина больше его не занимала, и о существовании «Романса» прочно забыли в СССР.

В СТОРОНУ ГАНСА

Картина парижской «эпопеи» Эйзенштейна была бы неполной без учета его кинематографических контактов, некоторые из них в данном контексте представляют для нас большой интерес. Один из

¹²⁵ Письмо С.Эйзенштейна Л.Муссинаку от 15 июля 1930, Мексика – Париж (цит. по: Муссинак. С.249). Жанна – жена адресата.

таких – Абель Ганс, на которого фильмы советского режиссера оказали немалое влияние¹²⁶. Пребывание советской киногруппы в Париже по времени совпало с новой работой французского мастера и, что еще более важно, совпало по месту – некоторое время съемки двух картин шли едва ли не параллельно на одной съемочной площадке и с теми же сотрудниками.

Еще в начале весны 1929 появились слухи о том, что «Абель Ганс отказался от своего намерения поставить фильм на евангельскую тему и решил теперь попытаться изобразить на экране конец мира»¹²⁷. Книга знаменитого астронома Камилла Фламариона, описавшая гипотетическую возможность катастрофы земной цивилизации при столкновении с кометой, навела французского режиссера на идею монументальной экранной фрески, в которой «он хочет выявить “подлинное лицо человека под влиянием смертного страха”»¹²⁸.

Рекламные анонсы следовали один за другим, поражая воображение аудитории, прежде всего, техническими деталями:

А.Ганс начнет съемки картины «Конец мира» (по К.Фламариону) в жуанвильской студии. Картина будет звуковая и в отдельных частях будет снята для тройного экрана, как это было уже сделано А.Гансом в его «Наполеоне».¹²⁹

В начале августа 1929 были проведены первые натурные съемки¹³⁰, и тогда же новый проект стал предметом общих ожиданий, обещавшим небывалый творческий и технологический прорыв в кинематографии.

¹²⁶ См. об этом: *Bosseno C.-M., Tsikounas M. Gance / Eisenstein, un imaginaire, deux espaces temps // 1895. Revue de l'association de recherche sur l'histoire du cinema (Paris). 2000. №31.*

¹²⁷ Возр. 1929. 1 марта. С.4; *Arnoux A. Avec Abel Gance avant la Fin du Monde // Pour Vous (Paris). 1929. №27, 23 mai. P.11.*

¹²⁸ <Б/н.> «Конец мира» // Возр. 1929. 28 июня. С.3.

¹²⁹ Возр. 1929. 25 июня. С.4. Сообщалось также, что в картине был приглашен сниматься Конрад Вейдт, которому за три месяца работы было обещано 68 тысяч франков (Там же. 13 июля. С.4); см. также: *Leprohon P. Une nouvelle production d'Abel Gance: la Fin du Monde // Cinemonde (Paris). 1929. №39, 18 juillet. P.667.* Все звуковые эпизоды фильма предполагалось снимать в лондонских студиях. Пока Ганс продолжал разработку отдельных частей сценария, в Париже производились съемки «случайных массовых сцен» (Возр. 1929. 14 сентября. С.4). Таким образом был снят «ночной праздник в Версальском парке, когда многочисленная толпа любовалась эффектным зрелищем действия фонтанов и фейерверка» (ПН. 1929. 10 сентября. С.5); см. также: *Leprohon P. A Versailles, Abel Gance nous parle de la Fin du Monde // Pour Vous (Paris). 1929. №43, 12 septembre. P.14.* В конце года Вальтер Рутманн принял приглашение Ганса стать вторым режиссером фильма (см.: Возр. 1929. 6 декабря. С.4).

¹³⁰ См.: ПН. 1929. 11 августа. С.4.

Это произведение обещает занять главное место в европейской продукции 1929—1930 г<г>. В момент, когда французский кинематограф переживает период общего застоя и колебания, новый фильм знаменует огромное напряжение сил и подъем французской фильмовой промышленности. Значительность вложенных капиталов, блестящее распределение ролей между французскими и интернациональными артистами и огромная фигурация обеспечивает «Конец света» блестящий мировой успех. Значительная часть произведения развертывается на тройном экране. Эту часть можно будет демонстрировать обычным аппаратом. «Конец света» будет звуковым и говорящим, при применении совершенно нового метода. Голос и звуки природы будут играть в нем роль, еще неизвестную в американских и немецких фильмах...¹³¹

Одно из первых интервью режиссер дал репортеру русской газеты. В преддверии дебюта в звуковом кино Ганс развернул перед читателями свое отношение к этому феномену:

Я с головой бросился в это новое интересное дело. Немой экран беспрерывно развивался и шел вперед — это верно, но все же он был уже накануне стабилизации с неизбежной традицией в результате. Для меня, человека очень живого, в традиции уже есть угроза.

Конечно, стереоскопичность экранных теней является сейчас первой задачей изобретательской мысли. Между плоским изображением и звуком нет окончательного синтеза. Звук до какой-то степени предполагается трехмерным...

Умрет ли немой? Совсе нет. Я мыслю его существующим. Конечно, ему придется признать третьего между собой и публикой и примириться. <...> Конечно, вас интересует язык говорящего экрана. Да, действительно, — это падает большой тяжестью на производство. С другой стороны, не подлежит сомнению то, что границы между народами теперь обведены рельефнее. Ну что же делать? Это знамение времени. Национализм наперекор Третьему Интернационалу всюду готов расцвести пышным цветом. Муссолини, например. <...> Вы говорите об эсперанто как об общем языке? Пусть тогда лучше все участники фильма переговариваются между собой сигнальными флажками. Как на кораблях. К сожалению, зрители не состоят сплошь из одних матросов.¹³²

Впечатленный размахом режиссерского замысла, Сергей Волконский познакомил эмигрантского читателя с его деталями:

Автор грандиозного фильма «Наполеон» Абель Ганс, несомненно, обладает огромной силой воображения. И его воображение как нельзя более «кинетическое». Он берет от явления и со-

¹³¹ <А. Филиппов?> «Конец мира» // ТиЖ. 1929. №17, октябрь. С.21.

¹³² Вальгор <В. Горянский>. У Абеля Ганса // Возр. 1929. 31 августа. С.6.

битый именно ту сторону, которая является специальной сущностью кинематографа, привилегией его изобразительных возможностей. Он играет пространством и временем. Он, прежде всего, озабочен осуществлением одновременности свершающихся событий. Тонкая нить личной жизни проходит у него в густоте общих всеместных событий. Он перебрасывает, накапливает, ошеломляет. Во всякой минуте он чувствует, если так можно выразиться, – «фронт». Изображаемое им событие проходит в ряде одновременных фотографических «наложений», дающих впечатление причины, проявленной в многочисленных последствиях.

Единовременность, в жизни доступная лишь в порядке сознания, тут является в порядке зрительном благодаря процессу «наложения» – когда из уходящей в туман картины выступает другая (так называемый «фондю»), ощущение одновременности получается почти без перерыва.

Этим приемом Абель Ганс сильно воспользовался <так!> в «Наполеоне». Но по самому содержанию картины, действие которой происходит на Корсике, во Франции и в Италии, географический масштаб ее ограничен; он ограничен в смысле разнобразия этнографического. Но вот мне удалось познакомиться со сценарием нового задуманного Гансом фильма «Конец мира». Это, во всяком случае, самое «обширное» из всех виденных до сего времени фильмовых заданий. Начиная с тысячного года, когда христианское человечество было уверено, что наступает «конец», часто возвращалось это страшное ощущение – всегда в связи с появлением какой-нибудь кометы. Комету же использовал и автор этого фильма. Но он поставил небесное явление в обстановку современной жизни со всеми условиями, созданными наукой и техникой. Астрономия, телеграф, радио, воздухоплавание, все способы оповещения, размножения в печати – все пущено в ход. Земной шар превратился в какое-то кипение муравейника, где страх и ужас растут в том невероятном нарастании, на которое способен только экран при его пренебрежении пространственными трудностями.

Картины смятения во всех концах мира. Остановка работ, мучения людей, целых государств. И среди овладевающего большинством отчаяния, уныния и бессилия – мужество и настойчивость отдельных личностей, борющихся против надвигающегося «конца». Гибель слабых, возвышение сильных: безжалостная «чистка» уже не какой-нибудь партии, а «чистка» всего человечества.

Возникают водители человечества, учителя, пророки. Рядом с отпором, с противодействием, с напряжениями волевого характера – под влиянием проповеди и общности опасности разрастается любовь, бледнеет сознание разниц людских – классовость, народность, расовость. Здесь проходит через всю картину образ некоего Жана Новалиса, до известной степени героя личного духа в этой драме массового человечества. Он поднимает людские толпы,

но чем больше они приходят в движение, тем больше он скрывается, уходит в тень – личность исчезает, дух его действует...

Таковы элементы этого кинематографического «действия». В этом есть нечто от «мистерии». Мистерии, в которой участвуют все научные, технические изобретения новейшей жизни. Нельзя не признать все это новым словом экранного зрелища. Очень много, конечно, будет зависеть от выполнения, а главное, от отбора лишнего. Подобную картину легко перегрузить, в особенности в конце; может элемент ужаса приестся, потерять силу воздействия. Но и автор, и его два ближайших помощника гг. Иванов и Сойфер хорошо знают экран и публику, а Абель Ганс никогда не страшился затрат, связанных с урезками кинематографической ленты.

Фильм этот должен осуществить, по плану авторов, собираемый тип немого, сонорного и говорящего кино. Сценарий вполне закончен; уже много подробностей снято, и в ноябре должны начаться съемки. Они будут производиться по всему свету, ибо тут будут сцены европейские, американские, китайские, индийские, африканские.

Я забыл сказать, что, как всегда (до сих пор, по крайней мере), переполох оказался преждевременным: комета, причинив значительные ожоги нашей планете, – пронесется мимо. Все кончается картинами счастья и безмятежности, развертывающихся <так!> на глазах умиленного пророка. Будем надеяться, что и к самому осуществлению этого интересного задания приложима будет поговорка – «Все хорошо, что хорошо кончается!»¹³³

Как и прежде, Ганс привлек к съемкам немало эмигрантов: оператора Николая Рудакова, художников-декораторов Лазаря Меерсона, Георгия Пожедаева, Цезаря Лакку¹³⁴ и уже знакомого нам музыканта и композитора Михаила Левина.¹³⁵

¹³³ Кн. С.В.<олконский>. «Конец мира» // ПН. 1929. 1 ноября. С.5.

¹³⁴ Бывший декоратор фирмы Ханжонкова Цезарь Лакка установил своеобразный рекорд: во время съемок «Конца мира» он по неделям не выходил из павильона. «За сравнительно короткий срок (кстати сказать, при помощи русских рабочих) он поставил 38 декораций вроде внутренности церкви в стиле итальянского ренессанса, дворца принца Изара, где происходит пред светопреставлением – вакханалия и др. В настоящее время он готовит еще более грандиозные декорации: улица на Монмартре (она будет разрушена ураганом), зал собрания международных делегатов, рассчитанный на 2500 мест, расположенных амфитеатром и т. п.» (<Б/н.> «Конец мира» // Возр. 1930. 7 марта. С.4). В общей сложности Лакка построил для фильма 70 павильонных декораций, что стало своеобразным рекордом во французском кинопроизводстве (см.: Там же. 18 апреля. С.4).

¹³⁵ См.: <Б/н.> «Конец мира» // ТИЖ. 1929. №17, октябрь. С.21. Французская фильмография не содержит этой информации, см., например: *Eric le Roy. Filmographie* // 1895. Revue de l'association de recherche sur l'histoire du cinema. P.333-334.

Вторым режиссером стал Иосиф Сойфер¹³⁶, литературной частью постановки заведовал Сергей Френкель¹³⁷, немалую часть технического персонала тоже составили российские специалисты¹³⁸. В массовых сценах, как обычно, участвовало много русских статистов¹³⁹, в том числе – артисты дягилевского балета¹⁴⁰. Один из репортажей

¹³⁶ Сойфер (Осипов) Иосиф Адамович (1882 – после 1973) – режиссер театра и кино, ученик Всеволода Мейерхольда, с 1907 – студиец и актер Художественного театра. В 1910 пришел в труппу Соловцовского театра в Киеве, работал в драматической школе имени Лысенко. С 1914 работал в кино (киевская компания «Светотень», московские «В.Венгеров и В.Гардин», «Мерказор» и др.). В 1919 поставил несколько агитфильмов по заказу Московского Кинокомитета; в 1920 работал на студии И.Ермольева в Ялте. В том же году был командирован Луначарским за границу; попав в Софию, стал главным режиссером Болгарского театра оперы и драмы; зимой следующего года через Италию перебрался в Берлин, где ставил фильмы («Дьявол» и др.) и редактировал журнал «Киноискусство» (1923, вышло два номера). С 1929 жил в Париже. Его работе с Гансом предшествовал фильм «Женщина и мы», в котором Сойфер выступил постановщиком и исполнителем главной роли. См.: ИР. 1929. №49, 30 ноября. С.18. С конца 1950-х он занимался прокатом советских фильмов во Франции и приезжал в СССР. О нем см.: *Долинский М., Черток С.* По следам пропавшего фильма // *Искусство кино* (М.). 1966. №8. С.50-54. По рассказу Сойфера, «в 1929 году Абель Ганс пригласил меня ставить вместе с ним фильм “Конец мира”. Он же написал сценарий. Режиссерские функции мы разделили поровну: он снимал в павильоне, а я занимался съемками на натуре» (*Польская Л.* Иосиф Осипов: «Первый фильм я снял в 1908 году» // *Спутник кинофестиваля*. М., 1973).

¹³⁷ Эта работа стала последней для Сергея Андреевича Френкеля, начавшего работу в кино в 1906 с маленькой прокатной конторы на Юге России и вскоре ставшего директором московского отделения «Бр. Пате». В 1910-е он много занимался прокатом и вопросами «просветительного» кинематографа, «задумал и осуществил широкий план снабжения школ фильмами как средством наглядного обучения». Весной 1917 Френкель был избран председателем Объединенного кинематографического общества (ОКО), в августе того же года участвовал в работе Государственного совещания. В 1922 уехал за границу, осел в Париже, где периодически возвращался в кинопроизводство. Много лет он занимался переводами французских поэтов и прозаиков на русский язык (Верлен, Гюго, Золя и др.), заслужив высокую оценку критиков (Бальмонт, Айхенвальд). Летом 1926 Френкель стал случайной жертвой взрыва анархистами бомбы в Жуан ле Пен, и тяжелые последствия этого ранения предопределили его раннюю кончину 13 декабря 1930. См. о нем: *Зеелер В. С.А.Френкель* // ПН. 1930. 17 декабря. С.1; <А.Морской?> С.А.Френкель // *Возр.* 1930. 17 декабря. С.4.

¹³⁸ В их числе были бывшие актеры Григорий Рахматов и Владимир Кванин, переквалифицировавшиеся в первоклассных гримеров. См.: <Б/н.> Признание русских гримеров во Франции // ПН. 1930. 13 сентября. С.5. О других российских сотрудниках ивановского предприятия см. также: <Б/н.> «Конец мира» // *Возр.* 1929. 22 ноября. С.4.

¹³⁹ Подбором статистов занимался Е.Ю.Грюнберг, в начале 1920-х – редактор берлинского журнала «Театр и жизнь» (см.: ПН. 1929. 11 августа С.4).

¹⁴⁰ *ТиЖ.* 1929. №17, октябрь. С.25.

живо передает национальный колорит, царивший на съемочной площадке:

В жуанвильской студии общества «Сине-Роман» кипит работа, иногда до утра. Абель Ганс <...> крутит фантастический фильм по Фламариону «Конец мира». Работа осложняется тем, что картина выходит на четырех языках: французском, немецком, английском и испанском.

Русского языка не будет на экране. Удовольствимся тем, что его достаточно много... за кулисами. В студии всюду русская речь, начиная от директорского кабинета <...> до верхушки декорации, где русский машинист вколачивает гвозди. Громадный павильон бурлит. Но вот раздается пронзительный свист сирены, и все замирает, работа везде приостанавливается, где-то в уголке, в специальной закупоренной площадке микрофон начал втягивать в свой диск звук, голос.

Абель Ганс спокойно распоряжается. Он работает не торопясь, хладнокровно, многократно репетируя. В его распоряжении – значительный штаб. Некоторые отдельные сцены по его поручению выполняет известный кинорежиссер Этьеван, недавно поставивший «Плодородие» по роману Золя и выступавший в свое время на французской сцене Михайловского театра в Петербурге. В числе ближайших помощников – и русский режиссер г. Сойфер. У киноаппарата давнишний альбатросовец Н.П.Рудаков. Декорации Пожедаева. Грим в руках В.И.Кванина и Г.Г.Рахматова¹⁴¹.

В фильме не все по Фламариону. Конец мира таков, каким его «видит» Абель Ганс. Оригинально начало картины.

Из хаоса вырисовывается рука, истекающая кровью под гвоздем. Постепенно выявляется лик распятого на кресте Христа. Еще немного – и рядом два разбойника. Еще – и предстанет Голгофа с ее жертвами, толпой. Видение постепенно уходит вдаль, а на первом плане оказываются зрители, аплодирующие исполнению. Это – театр. Голгофа – спектакль, мистерия, вроде известных представлений «Страстей Господних» в Оберамергау.

Далее начинаются сцены современности (от Монмартра до Африки) и самого «конца» мира.

Христа изображает Абель Ганс, который играет и дальше, в другом облике.¹⁴²

¹⁴¹ Опубликованная в газете фотография режиссера, изображавшего распятого Христа, сопровождалась указанием: «Грим работы русского артиста Г.Г.Рахматова» (<Б/н.> «Конец мира» // Возр. 1930. 14 марта. С.5).

¹⁴² <Б/н.> «Конец мира» // ПН. 1930. 28 февраля. С.4. Ср. с отзывом о Ганс-актере: «Знаменитый режиссер оказался артистом необычайного таланта. Искренность и сила, с которой он переживает драматические места своей роли, таковы, что окружающие его во время съемок артисты не могут без глубокого волнения следить за ним. Особенно хорош он в сцене представления в церкви Страстей Господних, в которой изображает Христа, и в сценах, когда Ж.Новалис, потрясенный предшествовавшими концу мира событиями, теряет рассу-

Особая, если не ключевая, роль в постановке принадлежала продюсеру:

Кинематографическое ателье – сложная фабрика, где господствует строгое распределение труда, фабрика, требующая постоянно новых специалистов и новых людей. Фабрика чудес, управляемая новыми людьми, «синеастами». Одни из них, выражаясь голливудским жаргоном, «реализуют» идеи автора; это – режиссеры. Другие «продюцируют» фильмы, ведут всю материальную часть «реализации». Здесь, в Париже, на первом плане среди «продюсентов» стоит наш соотечественник Василий Игнатьевич Иванов, возглавляющий созданный им «Художественный Экран» – одно из самых крупных кинематографических предприятий в Европе.

Киевлянин, по профессии инженер, В.И.Иванов случайно занялся кинематографической работой и увлекся ею настолько, что создал сперва в 1908-м году в Киеве прокатное бюро фильм, а в 1915-м году стал во главе нового общества «Художественного Экрана», которым руководил, несмотря на невозможные условия работы в революционную смуту, до 1919-го года¹⁴³. Изучение

док) (<Б/п.> «Конец мира». У Абея Ганса // Там же. 7 февраля. С.4). Ср. также с описанием съемок эпизода «Страсти Господни», поставленного «не только с большим художественным вкусом, но и с глубокой религиозной проникновенностью» (Там же. 9 марта. С.2).

¹⁴³ Первые годы производственной деятельности Иванова известны плохо. В сентябре 1918 в кинопавильоне общества «Художественный экран» (Крещатик, 8) режиссер Михаил Бонч-Томашевский снял фильм «Хозяин жизни (Бог)» по сценарию Александра Вознесенского с участием Варвары Яновой, Степана Кузнецова, Л.Болошиной, М.Морского, Н.Смурского и др. Картина вышла на киевский экран в марте 1919 и демонстрировалась в Москве в сентябре 1919 (сценарий «Бог» и комментарии к нему опубликованы сценаристом: *Вознесенский А.* Искусство экрана. Киев, 1924. С.33-71). Следующей постановкой была объявлена картина «Ното sariens» по С.Пшибышевскому с участием Веры Юреновой, Татьяны Дуван и М.Морского. Среди других постановок упоминались «Кара» и «Князь из Альгамбры». Художественную программу своего предприятия владелец сформулировал так: «прославление сильной человеческой воли и человеческого творчества как главных двигателей будущей жизни» (Последние известия (Киев). 1918. 25 сентября. С.3 (утр. вып.); Зритель (Киев). 1918. №24. 3 октября. С.12). В ноябре 1918 Иванов объявил о начале постановки «Жизнь и любовь Жана Кармина» по сценарию Ефима Зозули (см.: Вечерние новости (Киев). 1918. 24 ноября. С.3 (утр. вып.)). По свидетельству художника и режиссера Михаила Вернера, последней продукцией киевской фабрики Иванова стал агитфильм «Зверства большевиков перед сдачей Киева 21 августа 1919 (другие названия: «Людская бойня. Живой тир в застенках советских чрезвычайек», «Через кровь к возрождению (Киевская Чрезвычайка)») в постановке Акселя Лундина по сценарию Ольги Блажевич (см.: Стенограмма заседания группы истории советского кино киносектора ГАЙСа, посвященного воспоминаниям старейших киноработников. Февраль 1931. – ВГИК. Кабинет истории отечественного кино). Об этом фильме см.: «Великий Киномо»: Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919. М., 2002. С.486.

условий рынков мировой кинематографической продукции привело его в то время в Париж, где он создал новое общество, назвав его в память своего киевского детища «Л'Экран де-з-Арт». <...> Иванов – горячий поклонник звукового фильма и убежден, что роль «Великого Немого» кончена навсегда: «Наш фильм будет звуковым и говорящим, так нужно потому, что, по-моему, хотя этого или нет, но немой фильм умер, и ни один директор (режиссер. – Р.Я.) не будет настолько безумен, чтобы браться за такую постановку. Через несколько месяцев публика не захочет их больше смотреть».

О новой постановке «Конец мира» В.И.<Иванов> хранит, разумеется, почти полное дипломатическое молчание. Сценарий напоминает наши социальные фильмы времен начала русской революции. Фантастический элемент отсутствует, хотя и будет воспроизведена некая астрономическая катастрофа (по Фламариону). «Участвовать» в фильме будут некоторые парижские монументы, как, например, Эйфелева башня. Ганс намеревается отвести им особые роли. Какой-то шутник пустил по этому случаю слух, что дирекция «Художественного Экрана» пригласила Диану Карен¹⁴⁴ исполнить в фильме роль... Эйфелевой башни.

В настоящее время при ближайшем участии директора В.Иванова и под руководством кинорежиссеров Абель Ганса и Сойфера идут в окрестностях Парижа съемки массовых сцен фильма, к которым привлечены, главным образом, наши соотечественники. <...> Нас, русских, конечно, особенно радует, что во главе одного из самых крупных кинематографических предприятий стоит русский организатор, сумевший завоевать не только прочные симпатии среди иностранцев, но и создать многомиллионное дело.¹⁴⁵

Теперь трудно судить о финансовых и производственных возможностях ивановского предприятия, но, судя по всему, они были

¹⁴⁴ Каренн Диана Александровна (1888 – после 1954) – актриса европейского кино российского происхождения, жена Николая Оцуа. О ней см. в нашей публикации: Диана Каренн. Европейские киноартисты в Америке. Яннингс и Мурнау // КЗ. 2002. №58. С.346.

¹⁴⁵ *Сперо*. Новый фильм «Конец мира». В.И.Иванов – директор «Л'Экран дез-Арт» // ТиЖ. 1929. №16, октябрь. С.16-17. Этот патриотический пафос был поддержан другим обозревателем: «...пришло время, когда можно и должно вывить во всей полноте те огромные достижения, которые сделали русские авторы, организаторы, режиссеры, артисты и художники, работающие в области кинематографии» (<А.Филиппов> Искание правды // Там же. 1930. №27, май. С.24). О редакторе-издателе журнала «Театр и жизнь» Александре Филиппове см.: Диаспора-2. С.218. Русский колорит постановки отразился и в литературной пародии: «...Для нового фильма “Конец преисподней” требуются статисты с анафемской наружностью» (*Дон Аминадо*. Альбом пародий: Из коллекции любителя объявлений // ПН. 1930. 8 апреля. С.3).

весьма ограничены – иначе трудно объяснить долгие производственные паузы, сильно затянувшие съемки. Интереснее другое: реализуя свой амбициозный план, продюсер заручился сотрудничеством людей, весьма далеких от кино. В начале декабря 1929, когда постановочные работы еще только набирали обороты (к тому времени выяснилось, что звуковая часть фильма будет сниматься в бийанкурской студии), появилось сообщение:

Директор производственной фирмы «Художественный экран» В.И.Иванов пригласил для заведования литературно-художественной стороной своего дела Д.С.Мережковского. Д.С.Мережковский одновременно предоставил фирме «Художественный экран» преимущественное право на переделку для экрана своих сочинений. Таким образом, можно надеяться, что вслед за грандиозной постановкой Абеля Ганса «Конец мира» эта молодая кинематографическая фирма выпустит в свет ряд новых больших художественных картин.¹⁴⁶

Приобретение столь именитого сотрудника, безусловно, стало сильным козырем продюсера – необычная конфигурация славяно-галльского творческого содружества обещала громкий общественный резонанс и, как следствие, – широкий рынок сбыта картины. Что же руководило Мережковским в принятии этого предложения? Никогда до тех пор не питавший глубоких симпатий к экрану¹⁴⁷, он пошел на это из-за материальных затруднений¹⁴⁸. Вместе с тем это был удачный случай войти в экранное закулисье, чтобы оценить его обновленные возможности после прихода звука, совпавший с внутренним желанием писателя найти единомышленника – творца «нового идейного фильма», способного адекватно воспринять его апокалипсические умопостроения¹⁴⁹. Можно предположить, что приход в кино рассматривался Мережковским как новый этап творчества, позволяющий достичь особой художественной выразительности и доступности для массовой аудитории. И хотя эти ожидания не

¹⁴⁶ <Б/н.> Д.С.Мережковский // Возр. 1929. 13 декабря. С.4.

¹⁴⁷ См. например, анкету «Писатели о кинематографе» (К.Бальмонт, Д.Мережковский, Э.Верхарн): Вестник кинематографии (М). 1915. №88/8. С.18-19 (перепеч. из газеты «Петроградская копейка»). О взаимоотношениях писателя с экраном в 1910-е см.: Воронцова Т. «Христос и Антихрист» Мережковского в раннем русском кино // Волшебная гора. Т.7. М., 1998. С.368-381.

¹⁴⁸ О тяжелом положении, почти «нищете» Мережковских в этот период см., например, в письме Зинаиды Гиппиус Георгию Адамовичу от 4 сентября 1933 (Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н. Данте. Борис Годунов. Киносценарии / Под ред. и со вступит. статьями Т.Пахмусс. New York, 1990. С.95-96 (далее – Пахмусс. Киносценарии, с указанием стр.)).

¹⁴⁹ Случайно или нет, но выпуск фильма А.Ганса «Наполеон» совпал с публикацией в газете «Возрождение» отрывков биографии этого же героя, написанной Мережковским.

оправдались, мечта об «идейном фильме» всерьез его захватила и, как мы увидим далее, предрекала его скорый переход к сценарной работе.

Какие-то внутренние причины надолго отложили публичное появление Мережковского в новом качестве, – оно произошло лишь в середине мая следующего года, став для продюсера поводом напомнить об исключительности постановки и о необычном составе ее участников:

Подойти вплотную к животрепещущим вопросам современности, надлежащим образом их осветить, показать на экране и таким путем сделать их достоянием масс – задача выдающегося таланта. <...> Но пытливые, выдающиеся умы, не довольствуясь отображением своего времени, пытаются приподнять завесу над будущим, стараются разгадать предстоящие этапы прогресса человечества и события, приближение коих способно воздействовать на психику масс.

Такую именно тему, заимствованную у Кам<илла> Флам<м>ариона, взял для своего сценария Абель Ганс. <...> Режиссер и артист громадного таланта проникся сознанием того значения, какое присуще кинематографу, как лучшему способу сблизить мировоззрение и устранить преграды и антагонизмы, существующие с давних пор между отдельными народностями. Чтобы заечь массы, необходимо дать им возможно больше внутренних облагораживающих эмоций, а не только внешнюю изобразительность, каковой в настоящее время является преимущественное внимание.

Такой глубокий мыслитель и тончайший психолог, как Д.Мережковский, проникшийся этой идеей, согласился помочь киноискусству на новом пути и найти путь к разрешению проблемы: соединить выдающуюся идею с внушительной внешней обстановкой, причем вся композиция должна быть настолько правдоподобной, чтобы не было и места сомнениям.

Своей задачей, как и каждого, стоящего во главе производства, я считаю привлечение к сотрудничеству великих волшебников мысли, способных овладеть нашими чувствами и помыслами.¹⁵⁰

Свое творческое перевоплощение Мережковский объяснил в беседе с репортером, содержание которой, как можно думать, изложено достаточно близко к оригиналу:

Кино – наиболее яркий выразитель нашего времени: при внутренней неподвижности – внешнее движение, быстрота опьяняющая, дурманящая. Вертящийся дервиш¹⁵¹. Сначала оно было

¹⁵⁰ Иванов В. Проблемы киноискусства // ТиЖ. 1930. №27, май. С.26-27. См. там же публикацию отрывка из книги А.Ганса «Призма» (С.27).

¹⁵¹ Это семантически сложное сравнение восходит к опыту средневековых суфийских братств. Одно из них, основанное в XIII веке поэтом и философом

только развлечением, затем сделалось зрелищем, от которого инертные, косные массы требовали этого дурмана. Быстрота, которая отражает действительность и в то же время переносит зрителя в другое измерение, имеющее свое особое пространство и свое особое время.

Кино молчало, и в этом было особое его очарование, как во сне. Сейчас оно проснулось, заговорило. Слово разрушает это очарование, но может дать ему, кроме существовавших до сих пор внешних впечатлений, – внутренние, оно может дать и раньше богатому в своем изобразительном искусстве Кино еще большее богатство, еще большую силу убедительности и новую обольстительность, внося в зрительный зал звуковую лирику шумов природы.

Кинематограф перестает быть зрелищем, он становится наиболее мощным проводником идей. Вернее – может и должен сделаться таковым.

Вот почему, когда меня позвали, я пошел. В.И.Иванов имеет здоровые, хорошие идеи, и я готов помочь ему в их осуществлении.

Поднять Кино, перевести его из одного плана в другой – можно, но очень трудно. Ни производящий фильмы, ни распределяющий их, ни сам зритель не чувствуют потребности в этом подъеме; для них достаточно того, что кино – заговорил. Занимательная, забавная новинка. Новый вид театрального зрелища. Большого им пока не надо. Чтобы одни из них почувствовали возможность, а другие – потребность в новом идейном фильме, в этом и заключается трудность задачи. И тем большая, чем она является более срочной, настоятельной.

Абель Ганс понял, почувствовал это и решил поставить «Конец мира». Но он остановился на катастрофе, приходящей извне, из междупланетного пространства. Между тем катастрофа эта назрела уже изнутри: не внешние, космические, случайные причины угрожают человечеству, а заложенные в нем самом, в его современном состоянии «вертящегося дервиша». Раскрыть глаза на это катастрофическое положение – задача кинематографа, как самого убедительного и самого популярного из искусств. «Конец

Мауланом, называли «братством вертящихся дервишей»), так как во время молитв для достижения религиозного экстаза участниками практиковался своеобразный танец с вращением вокруг своей оси. Многократно описанный европейскими путешественниками (например, Теофилом Готье в «Путешествии на Восток»), этот феномен повлиял на формирование русской эзотерики (Елена Блаватская, Георгий Гурджиев) и был, по-видимому, хорошо известен Мережковскому. Дервиши умели достигать особого состояния «духовного опьянения», соединявшего в себе блаженство и страдание, что позволяло подавить волю человека и проникнуть в его мысли. Для писателя этот транс был идентичен завораживающему эффекту кинематографа, способному управлять волей и сознанием зрителя.

мира» Ганса – это первый тревожный сигнал, без которого, может быть, не мог бы прозвучать и последующий призыв.

Война, чудовищная, в которой будут применяться фантастические средства уничтожения не только всего живого, но и всего, созданного человеком на земле, уничтожения, которое будет производиться на громадном расстоянии одним поворотом рычага или нажанием электрической кнопки, – вот близкая перспектива Европы. Идея такого фильма, в котором разработана эта тема, у меня уже есть.

Будущая – при современном состоянии умов, неизбежная и близкая, – война явится Атлантидой Европы, если культурные народы не почувствуют надвигающегося ужаса и не заживут по-новому, хотя бы из чувства простого физического страха.

Помочь профессиональным кинематографистам в создании этих призывных, набатных картин, в этом и состоит моя главная задача, ради которой я принял сделанное мне предложение и вне которой у нас вряд ли может наладиться общее дело. С В.И.Ивановым у нас в этом отношении разногласий нет, а ведь это уже много значит...¹⁵²

Судя по всему, эта публикация не удовлетворила Мережковского, и он решил авторизовать свое отношение к экрану в специальном эссе, однако какие-то обстоятельства задержали работу. Статья «Золотые сны» была опубликована лишь много лет спустя, и ее действительно следует признать уникальным источником для понимания «кинематических» воззрений Мережковского:

Синематограф в потенции – великое орудие для расширения всех наших жизненных горизонтов. То, что еще слабо преподносится внутреннему взору, может быть показано, может стать видимым реальному глазу и насколько поэтому ярче воспринято сознанием! Не забудем и широту круга, захваченного синематографом: широта его действительно мировая.

Эти великие потенции, заключенные в синематографе, и волнуют меня. Они не могут осуществиться. Ведь и человечество может забыть свою способность видеть «золотые сны», забыть в сегодняшнем дне вчерашний и завтрашний, медленно снизиться (или быстро провалиться). Но пока не исчезли из человеческой души страх и надежда, этого не будет. Ибо из страха и надежды родится сознание и родится воля.

Чтобы синематограф при своих возможностях действительно послужил миру, он должен стать «идейным» в самом широком

¹⁵² <А. Филиппов.> Д.С.Мережковский и Кино // ТиЖ. 1930. №27, май. С.25. Это интервью было перепечатано в эмигрантской прессе: Д.С.Мережковский в кино // Новая Заря (Сан-Франциско). 1930. 5 июля. С.2.; Фильма «Конец мира» и Д.С.Мережковский // За Свободу! (Варшава). 1930. 24 августа. С.5; *Деспотули В.* Кино-дневник // Руль (Берлин). 1931. 15 марта, С.7; <Б/н.> Вертящиеся дервиши // ПН. 1931. 27 марта. С.4.

смысле этого слова. В самом широком – ибо задача его не учительствовать, не просвещать и даже не пророчествовать – а только просветлять для человечества правду его собственных желаний и надежд, напоминать об истине его «золотых снов».

«Идейный» синемаграф – это образы жизни и человека – нашей же жизни, – но не совсем еще нашей; и лучшей не случайно, если не чуть-чуть лучшей (как рисуют теперешние фильмы). Это, кроме того, образцы тех опасностей, которыми мы сегодня окружены, не видя их, и которые отделяют нас от этой, «не чуть-чуть» лучшей жизни. Невидимое, переведенное в видимый образ (что позволяет синемаграфу), часто кажется нам «фантастическим». Эта фантастика должна быть в синемаграфе, недаром только с ним открылись для нее технические возможности.

Во всяком случае, синемаграф, который сейчас находится на скрещении многих путей, не минует и того, о котором я говорю. Чего он на нем достигнет, покажет будущее. В настоящее же время все мы, кто хочет и может помочь, должны с радостью идти навстречу хотя бы первым шагам синемаграфа в этом направлении.

Так я иду в моем желании помочь трудной и ответственной работе г. Иванова. Грандиозный фильм «Конец мира» <...> это, несомненно, первый шаг на нелегком, но правильном пути синемаграфа. Это – все тот же «золотой сон сердца», сбывающийся после избегнутой опасности. Избегнутой, правда, еще без участия человеческой воли, ибо опасности чисто внешней. Создание образов наших внутренних опасностей, победу над которыми одержит пробудившаяся и просветленная воля, – будет следующим шагом.

Пока, насколько я знаю, Художественное Синема с его директором г. Ивановым – единственное, избравшее этот трудный, полный препятствий, но внутренне правильный путь работы. И, повторяю, я буду счастлив, если сумею приложить к этой работе свои силы.¹⁵³

Вообще говоря, остается неясным, в чем же, собственно, заключалось участие писателя в проекте Ганса-Иванова. Можно думать,

¹⁵³ Цит. по: Д.С.Мережковский и З.Н.Гиппиус как авторы сценариев / Публ. Т.Пахмусс // Новый журнал (Нью-Йорк). 1987. Кн.167. С.220-222. Приписывая этот текст Гиппиус, публикатор мотивирует это тем, что автограф написан ее рукой. Однако этот аргумент не выдерживает критики, на наш взгляд. Статья «Золотые сны» привязана к конкретным обстоятельствам и персонажам кинопроизводства, к которым Гиппиус не имела никакого отношения, что осталось неведомым публикатору. Примечательно, что повторная, с существенными различиями, публикация этого же текста (Там же. 1996. Кн.205. С.152-157) появилась после знакомства с нашей републикацией статьи «Синема» (История с «синема» / Публ. Р.Янгирова // Литературное обозрение (М). 1992. №3-4), в которой Гиппиус, полемизируя с Николаем Бахтиным, категорически отказала экрану в праве быть искусством, солидаризовавшись с «антисинемистами» Павлом Муратовым и Владиславом Ходасевичем.

что продюсер держал Мережковского на положении «свадебного генерала»: под обещание экранизации его книг после коммерческого успеха «Конца мира» он время от времени вызывал его на съемочную площадку для публичной демонстрации творческого сотрудничества с французским режиссером.

Напряженный темп работ¹⁵⁴ и необычность творческой задачи заставляли постановщика постоянно экспериментировать и искать оригинальные технические решения:

Требовательный к себе, А.Ганс добивается такого же совершенства и от своих сотрудников, поэтому работа его по реализации «Конца мира» идет медленным, часто лабораторным темпом. Этому способствует также и то обстоятельство, что каждую сцену он снимает повторно на четырех языках с разными артистами.

Одна из технических новинок этих съемок – установка съемочного аппарата на специальном сооружении, вращающемся вокруг своей оси и поднимающемся и опускающемся по спирали, – изобретение заведующего у Ганса технической частью русского инженера г. Федорова. Сооружение это дает возможность оператору, не сходя с места, уменьшать и увеличивать «планы», «брать» их сверху и снизу.

Первые же съемки, сделанные с этого сооружения, дали блестящие результаты в смысле плавности перехода от одного «поля» к другому и неожиданных, связанных с вертикальным движением аппарата, эффектов.¹⁵⁵

Не справляясь с работой, Ганс вынужден был призвать на помощь коллег, чье участие значительно ускорило темп съемок. К работе подключились режиссеры Жан Эпштейн, Иосиф Сойфер и Георгий Мечиков (Мечикян), параллельно ставившие эпизоды на разных съемочных площадках (в том числе и в бийанкурском павильоне), а съемки трюков, которых было немало в сценарии, взяли на себя Л.Камеровский и Румер. Русские газеты Парижа, внимательно следившие за ходом постановки, однажды сообщили, что один из эпизодов (кабаре «Ноев Ковчег» накануне падения кометы) едва не привел к трагедии:

Чтобы показать ураган, который пронесится перед концом мира на Земле, Ганс поставил перед декорацией два аэроплана с пущенными в ход моторами. Мгновенный недосмотр, аппарат «клюнул», и пропеллер разлетелся в щепы. Только счастливая случайность спасла близстоящих от гибели. Зато операторы зафиксировали совершенно неожиданный эффект произведенного ураганом разрушения...¹⁵⁶

¹⁵⁴ По сообщениям газет, съемки фильма не прерывались даже в новогодние праздники (см.: Возр. 1930. 10 января. С.4).

¹⁵⁵ <Б/н.> «Конец мира». У Абеля Ганса // Возр. 1930. 7 февраля. С.4.

¹⁵⁶ <Б/н.> В Би-<й>анкурских студиях // Там же. 7 марта. С.4.

Общими усилиями за зиму 1930 удалось совершить производственный прорыв:

...сейчас уже злейшие скептики готовы поверить, что конец студийным работам действительно близок. Громадные декорации растут, как грибы. Сейчас Абель Ганс снимает предпоследнюю часть. Тысяча, а может быть, и больше человек заняты в ней. Это Конгресс мира, происходящий в специально для него построенном амфитеатре. Следующая – парадный зал восточного принца; несколько добавочных планов, выездов на натуру и – конец: Абель Ганс приступит к новой стадии творчества – монтажу. Чтобы перед зрителем пронеслась картина в 3000 метров, необходимо отобрать их из свыше 150000 фактически снятых метров.¹⁵⁷

Эпизод «Конгресс мира», к съемкам которого режиссер перешел в начале апреля, должен был стать одним из самых эффектных в постановке – он отличался особой масштабностью декораций и многочисленностью массовки. Продюсер решил воспользоваться этим информационным поводом и пригласил парижских журналистов в жуанвильский павильон для наблюдения за творческим процессом Ганса, причем часть из них волилась в число статистов:

Комета приближается. Сомнения нет: дни Земли сочтены. Все радости бытия, все ценности жизни утратили свое значение. Ни золото, ни любовь – не властны над людьми.

Марсиаль, пламенный активист на службе у Человечества, сменивший своего брата Жана Новалиса, апостола новой веры, убитого из-за угла, пытается остановить воцарившееся на земном шаре Безумие.

Со всех концов мира собираются делегаты на Всемирный Конгресс – индусы, евреи, австралийцы, ковбои, ирландцы, белые, черные, священники, атлеты, юнцы... Только – мужчины. Провозглашается всесветная республика. Устанавливаются единые Федеративные Штаты. Конгресс заседает непрерывно. Вокруг здания бурлит толпа.

Приближение конца света сказывается и в этом «Ноевом ковчеге». В помещении врывается стихийный смерч, задувающий факелы, освещающие ночью заседание конгресса, гром и молния над головами делегатов. Нет спасения. Марсиаль, не сходя с трибуны, бросает свои воодушевления <так!> конгрессистам.

Таково кинотворчество Абеля Ганса. Эта сцена заняла у него почти целые сутки. Он начал в пятницу утром и закончил в субботу в 6 часов утра <4–5 апреля>. В этой массовой сцене были заняты тысячи фигурантов. <...> Такой многочисленной армии статистов и столь обширного сооружения не приходилось наблюдать в парижской студии уже шесть лет, со времени «Напо-

¹⁵⁷ <Б/н.> «Конец мира» // Возр. 1930. 4 апреля. С.4.

леона». Над этой декорацией работали 10 дней, пользовались ею сутки, а на другой день принялись ломать, чтобы очистить место для бала, другого эпизода из той же картины А.Ганса. О стоимости расходов можно судить по тому, что только лес для постройки обошелся в 40000 франков.

Студия имела в этот день подобие лагеря. Тысячная толпа фигурации потребовала не только усиленного контроля, но и большого наряда полиции. Всюду дежурили пожарные. В студии среди горючего материала горели факелы, взрывались петарды, шла пальба, моторы делали «бурю». Наготове был подвижной лазарет с сестрами милосердия. Их помощь пригодилась, так как несколько статистов во время стремительного бала толпы основательно пострадали. Всю ночь завывали сирены, грохотали моторы; фильм – сонорный <звуковой>.

Абель Ганс умеет управлять толпой. В нужные моменты он вдохновлял разношерстную фигурацию и до конца, невзирая на всеобщую усталость, владел ею. Не роптали, когда в момент общего увлечения в массовой сцене пред зданием конгресса он дал знак пожарным пустить в ход насосы. Толпа под холодным «дождем» проделала все, что полагалось. Ему же шуткой удавалось подбодрить «федеративный конгресс», когда под утро статисты клевали носом, а некоторые просто заваливались спать на своих «депутатских» скамьях. <...> Конец мира продолжается. Комета приближается, Но говорят, что Абель Ганс раздумал губить мир и присочинил другой конец, счастливый. Все возможно...¹⁵⁸

Присутствовавший на съемке репортер газеты «Возрождение» Николай Рошин сохранил в памяти колоритные детали этого съёмочного дня, которые он позднее облек в форму, соответствующую вкусу советского редактора образца 1947 года:

В огромном высоком сарае был построен амфитеатр, и на деревянных дубовых скамьях сидели сотни статистов. Голубой дрожащий свет юпитеров ложился на выпученные лица <так!> и длинные полотнища – флаги всех наций мира. Внизу, за высоким столом президиума, заседали какие-то бородатые люди в очках, негры, китайцы, индусы в чалмах, сербы, испанцы, турки в национальных костюмах, и по всем углам студии горячечно метался какой-то жилистый человек с пышной гривой седых волос. Это был знаменитый режиссер Абель Ганс и шла съемка его картины «Гибель мира». Сюжет ее был несложный и эффектный – на землю мчалась какая-то комета, и вот перед лицом всеобщей опасности люди забыли все свои счеты, распри, войны и национальные несогласия и создали «мировой парламент»... Мы про-

¹⁵⁸ <А.Седых?> «Конец мира» // ПН. 1930. 11 апреля. С.5. По другому сообщению, съемки этого эпизода продолжались 20 часов без перерыва, «в течение которых обычно так быстро утомляющаяся фигурация постоянно устраивала Гансу бурные овации». (<Б/н.> «Конец мира» // Возр. 1930. 11 апреля. С.4).

шли к верхним рядам амфитеатра и сели. В приотворенную боковую дверь мне был виден внизу широкий двор, и там под искусственным ливнем и картонными метеоритами в ужасе металась разношерстная толпа. Мне стало жалко несчастных статистов – вода была настоящей, а метеориты все же довольно увесисты. Я перевел взгляд на Абеля Ганса, наминавшего карнавального черта. Он весь дергался и прыгал от вдохновения и в огромный рупор отдавал распоряжения «депутатам» – они должны были поднимать руки и по его знаку кричать: «да», «нет» и «да здравствует жизнь!» на всех языках мира. Одним рядом выше меня сидел какой-то вдребезги пьяный француз и орал только одну фразу: «Ну вас всех к черту!» Юпитеры вспыхивали и гасли. Во время одного перерыва я увидел, как снизу поднимался по проходу какой-то человек со связкой бутафорских биноклей через шею и на невозможном французском языке спрашивал: «Ки жумель?» (Кто бинокль?). Кое-кто лениво протягивал руку и, приставив к глазам точеные деревяшки, наводил их на далекий стол президиума.

– Знаете, кто это? – сжал мой локоть Морской¹⁵⁹.

– Догадываюсь, что русский.

– Это Нестор Махно.

Я впился глазами в низенького худого человека с бабьим лицом. <...> Я знал, что собственник жуанвильской студии, директора, почти все служащие, административный и технический персонал, как и сам Абель Ганс, были евреи. Я ничего не понимал.

– Евреи? – пояснил мне Морской. – Ну, что ж, очевидно, им доставляет удовольствие держать у себя одного из самых жестоких погромщиков. Он служит здесь плотником уже несколько лет и, уверяю вас, вполне своим местом доволен.

Перед отъездом из студии я попросил Морского показать мне Махно поближе. Мы нашли его в длинных коридорах костюмерной. Передо мной стоял маленький кастрат с волнистой шевелю-

¹⁵⁹ Морской Александр Александрович – журналист, кинокритик и сценарист, начавший карьеру в киносекции Скобелевского просветительного комитета. С 1919 – в эмиграции; выступал по вопросам кино в газете «Последние новости» в первые годы издания газеты и одно время был близким сотрудником П.Н.Милукова. В 1923–1926 – редактор-издатель журнала «Кинотворчество» и директор журнала «Театр» (после выпуска нескольких номеров они были объединены в «Кинотворчество и театр»); после закрытия издания уехал на полтора года в США. По возвращении в Париж сотрудничал в газете «Возрождение», вел рубрику «Мировой экран» в еженедельнике «Иллюстрированная Россия» и был весьма влиятельной фигурой в кругах кинематографистов-эмигрантов. В конце 1920-х Морской работал в производственно-прокатной компании «Софар» (см.: Возр. 1929. 13 декабря. С.4). По рассказу Николая Рощина, в годы нацистской оккупации Морской жил в Париже, работая продавцом в магазине «Петроград», напротив кафедрального собора Св. Александра Невского. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

рой белокурых волос, насупленными бровями и почти сумашедшим взглядом маленьких глаз из-под этих бровей. Во всем его физическом облике – росте, настороженности, тупости плоского лица, уклоняющихся острых глазах, даже в нервной угловатости движений было поразительное сходство с другим «героем» гражданской войны – Шкуро...¹⁶⁰

Через неделю режиссеру удалось завершить напряженный съемочный цикл.

Мир кончился. Комета в своем стремительном движении сокрушила Землю. Абель Ганс отказался от мысли дать своему фильму счастливый конец. Большая (свыше года), напряженная работа подходит к концу. Фильм вскоре предстанет на суд критики.

Последней значительной съемкой, произведенной на студии, была сцена бала. Некоторая часть общества («фрачная») решила встретить светопреставление в вихре наслаждения. Открывается бал, последний бал на Земле. Да здравствует жизнь! В вихре танца мчатся парочки. Изысканные наряды перемежаются с открытой наготой. Льется шампанское. Уже не часы, а минуты сочтены. Скорей, скорей!.. Бал переходит в оргию. В зал врываются силы природы, взятенные, вздыбленные. Пробыл час. Все рушится. «Комедия кончилась, господа...»

Эту сцену Абель Ганс проводит с исключительным напряжением, с неутомимой энергией. Работа началась в воскресенье днем и закончилась в восемь часов утра в понедельник <13–14 апреля>. Декорация сделана по рисункам художника Г.А.Пожедаева. Бал сопровождался концертным отделением. Пела цыганские романсы Лиза Муравьева, играл русский оркестр балалаечников...¹⁶¹

К началу мая Ганс успел смонтировать почти половину фильма¹⁶², однако перерасход средств вновь и надолго остановил дело,

¹⁶⁰ *Роцин Н.* Парижский дневник. – РГАЛИ. Ф.2204. Оп.1. Ед.хр. 10. Цит. по: В рядах французского Сопротивления: Парижский дневник Н.Я.Роцина / Публ. В.П.Коршуновой // Встречи с прошлым. Вып.3. М., 1978. С.283-284. О болезненном интересе многих эмигрантов к фигуре Махно см.: *Седых А.* Далекие, близкие. С.44-46. Не меньший интерес он вызывал и в метрополии. В мае 1928 московский журнал «Огонек» поведал читателям о том, что Махно участвовал в вечере советских граждан, прошедшем в зале масонской ложи «Великий Восток», и этот текст был перепечатан изданиями зарубежья. См: *Никулин Л.* Махно в Париже // Молва (Харбин). 1928. 24 июня. С.3; то же – Бессарабское слово (Кишинев). 1928. 18 июня. С.1. Смерть Махно вновь привлекла к нему общее внимание и собрала многочисленную процессию на его похороны, состоявшихся 28 июня 1934 на кладбище Пер Лашез. В основном это были российские, французские, итальянские и испанские единомышленники Махно. См., например: *М-ч.* Смерть Махно // ПН. 1934. 29 июля. С.4; *А.* Батка Махно (вместо некролога) // Возр. 1934. 29 июля. С.2.

¹⁶¹ <А.Седых?> «Конец мира» // ПН. 1930. 18 апреля. С.5.

¹⁶² См.: Возр. 1930. 2 мая. С.4.

задержав его до конца года¹⁶³. Заинтригованные рекламой парижские зрители увидели картину лишь в январе 1931, но их ожидания не оправдались – звуковой дебют режиссера-монументалиста произвел впечатление удручающей неудачи:

19-го января в кинематографе «Колизей» состоялся показ фильма Абель Ганса «Конец мира»¹⁶⁴. У этого автора пристрастие к «мировым», планетарным сюжетам. Потрачено очень много средств, и очень мало убедительности. Много шуму, крика, но того страха, которым, по-видимому, шум и крики вызываются, нет; зритель им не заражается.

Когда видишь, какое сильное впечатление иногда производит небольшой эпизод из мелкой повседневной жизни, как трогает какой-нибудь неодушевленный предмет, когда он символичен, то приходится признать, что, наворачивая такую «всемирную» бутафорию, как та, что показал нам Абель Ганс, начиная от пирамид и кончая Эйфелевой башней, он идет по ложному пути. Его путь не театрален, не психологичен и, конечно, не величественен, несмотря на все его намерения. Несоответствие между замыслом и достижениями лишь изобличает всю безграничность претензий. <...> Как фильм, то есть в смысле фотографии, новое создание не дало ничего. Красоты никакой, суета толпы, в которой плохо разбирается озадаченное зрение зрителя. Народные сцены скучны, а одиночные так быстры, что нельзя разобраться – что важно и что не важно. Нет «перспективы» в содержании.¹⁶⁵

Продюсер, обескураженный провалом парижской премьеры, перенес коммерческие надежды на «интернациональные» версии фильма, и в первую очередь на германскую. В марте 1931, накануне премьерного показа картины в Берлине, он приехал в германскую столицу и еще раз оповестил публику о необычности и философской глубине авторского замысла и замечательных художественных эффектах постановки:

С чем же встретится зритель на этот раз? Что покажет ему заговоривший немой? Нашествие ли варваров? Планетарную ли ре-

¹⁶³ На последнем этапе режиссер также привлек к работе эмигрантов. В начале июля к монтажу картины подключился Вячеслав Туржанский. См.: ПН. 1930. 14 июля. С.3. Подготовку «интернациональной» версии фильма взял на себя молодой кинематографист Эжен Деслав (Евгений Славченко; 1898–1966), к тому времени зарекомендовавший себя мастером авангардных экспериментов (фильм «Монпарнас» и др.). См.: ПН. 1931. 10 июля. С.4. Одновременно Деслав смонтировал и документальный фильм «Auteur de la Fin du Monde» («Автор «Конца мира»»), сделанный параллельно с выпуском игровой картины.

¹⁶⁴ Официальная премьера фильма состоялась 24 января 1931 в кинотеатре «Оуптриа» в присутствии президента Французской республики (см.: ПН. 1931. 19 января. С.3).

¹⁶⁵ Волконский С. «Конец мира» // ПН. 1931. 23 января. С.4. Ср.: <Б/н.> «Планетарный» режиссер // Возр. 1932. 12 августа. С.4.

волюцию? Конец Атлантиды ли, являющийся следствием внутриземного столкновения стихий? Мы выбрали последнее. Отчасти заимствованный у Фламариона, «Конец мира», по мысли Абель Ганса, – космический катаклизм, возможный всегда, ежедневно, ежеминутно, бесспорный по существу своему, не могущий не волновать мысль человечества. Все мы дети одной и той же планеты и в наших расчетах, стремлениях, интересах не учитываем возможности, ставящей под знак вопроса все наши большие и малые деяния. Совершенно естественно, что крушению мира должны быть противопоставлены массовые сцены максимального психологического содержания и напряжения. Универсальный прогресс, напряжение человеческой мысли, толпа и хаос, колоссальные передвижения, поиски новых путей, кипящие страсти и нивелирующая все это катастрофа – таково, в общих чертах, задание.

Брошенные в создание этого фильма талант, знание, технические возможности, миллионы денег – таковы те данные, с которыми Абель Ганс выступает в «Конце мира» перед зрителем обоих континентов.¹⁶⁶

Однако реклама не помогла: провальная для мастера такого уровня невнятность визуального ряда, претенциозный символизм экранной «мистерии» и убогий эффект «оригинального германского звучания» не принесли картине зрительского и коммерческого успеха за границей и лишили, таким образом, Иванова последних надежд на покрытие убытков по постановке¹⁶⁷. Той же зимой 1931 Ганс расторгнул с ним отношения и, основав новую компанию «Abel Gance Production», объявил о начале съемок фильма «Mater Dolorosa»¹⁶⁸, а некоторое время спустя, в августе, вспомнил о своей давней мечте – продолжении съемок «Наполеона» в СССР¹⁶⁹.

Провал «Конца мира», несомненно, был серьезным ударом по самолюбию и творческой репутации режиссера. Как и многие мастера кинематографа «немой» эпохи, он с трудом принимал звуковые технологии: сковывая полет творческой фантазии, они надолго

¹⁶⁶ Деспотули В. Кино-дневник // Руль. 1931. 15 марта. С.7. Эмигрантские издания отмечали, что фильм демонстрировался в Берлине с большими купюрами (см.: ПН. 1931. 12 мая. С.4).

¹⁶⁷ По сообщениям русской газеты, съемки картины, продолжавшиеся год, обошлись в 18 миллионов франков – практически во столько же, сколько стоила постановка фильма «Наполеон» (Там же. 19 января. С.3). На экраны Англии и США картина попала лишь в 1934 и прошла незамеченной.

¹⁶⁸ Там же. 30 января. С.4. Эта картина вышла на экраны в октябре 1932.

¹⁶⁹ Там же. 23 августа. С.3. Длительные переговоры на эту тему с советскими властями завершились отказом последних предоставить организационную и техническую помощь французской киноэкспедиции, что окончательно похоронило мечту режиссера завершить свою наполеоновскую эпопею (см.: <Б/н.> Абель Ганс // Там же. 1934. 23 февраля. С.4).

сформировали в нем «глубокое отвращение к этому виду искусства»¹⁷⁰.

Иванов оправился от удара лишь к середине лета 1931¹⁷¹ и попытался было раскрутить новый проект – необычный фильм с Иваном Мозжухиным в постановке Владимира Стрижевского. Для адаптации гаснущей звезды немого кино для звукового экрана был придуман остроумный сюжетный поворот: поскольку актер (подобно многим соотечественникам) имел скверное французское произношение, сценарий обходил «этот щекотливый вопрос тем, что действие фильма разворачивается в стране, где говорят на каком-то воляпюке, одинаково всем понятном и... непонятном»¹⁷².

По каким-то (скорее всего, финансовым) причинам этот замысел остался невоплощенным, а Иванов как самостоятельная фигура надолго исчез из кинематографических кулуаров¹⁷³.

Эйзенштейн, без сомнения, пропустил этот и многие другие эпизоды кинематографической жизни Парижа. Однако разминуться с культовой фигурой французского экрана он не мог и наверняка хотел приобщить Ганса к своему «донжуанскому» списку «знаменитостей»¹⁷⁴. Как ни странно, но знакомство двух мастеров, схожих в пристрастии к патетической эпике, свелось к светской формальности. В конце декабря 1929 советский гость нанес визит в дом Ганса и позднее описал эту встречу в излюбленном «ракурсе»:

Меня поразила обстановка.

Ложноготическая и поддельно готическая.

Неудобные стулья с прямыми спинками.

И почему-то в полкомнаты – гипсовая копия с неаполитанского Андрогина в натуральную величину. <...> Около Ганса на одном из ложноготических кресел сидел с видом алчной химеры его финансовый директор – из белых эмигрантов, кажется, господин Иванов. И по жадному взгляду, обращенному на меня, было видно, что его когтистая лапа старалась нащупать, как бы переменить антрепризу.

¹⁷⁰ <Б/н.> Абель Ганс // Там же. Ср. с мнением Вячеслава Туржанского: «Жаль, что звук ворвался к нам слишком рано. Мы подходили уже вплотную к разрешению очень существенных задач нашей работы. <...> Теперь, за эти последние три года, мы научились использовать технику в помощь актеру, его работе, его экранным воплощениям. Мы были уже на пороге больших достижений. И звуковой фильм пришел несколько раньше, чем мы разрешили некоторые, быть может, совершенные по своему выполнению задачи» (ПН. 1929. 12 июля. С.5).

¹⁷¹ Там же. 1931. 10 июля. С.4.

¹⁷² Мир и искусство (Париж). 1930. №16, 15 декабря. С.20.

¹⁷³ Много лет продюсер сохранял надежду на признание фильма «Конец мира» и в 1952 повторно выпустил его отредактированную версию в США под названием «Париж после тьмы», но и тогда он не принес ему успеха.

¹⁷⁴ Ср. с эйзенштейновским определением «донжуанизма»: Мемуары. Т.1. С.33.

Ганс был, кажется, в третьей фазе перерасходов и поисков новых капиталовложений.¹⁷⁵

Внутренних поводов к продолжению общения у них больше не возникло, и лишь вечером 25 февраля, в разгар хлопот по отмене своей высылки, Эйзенштейн приехал в жуанвильскую студию, чтобы заручиться поддержкой коллеги¹⁷⁶. Судя по всему, увиденное на съемочной площадке его нисколько не впечатлило, вызвав лишь ироничное недоумение:

Мне настойчиво советуют снестись с Абелем Гансом.

Он «имеет» двух... министров!

Не очень убедительных портфелей, но все же! <...> Звоню ему сам.

Он очаровательно просит заехать к нему в ателье.

Он в разгаре съемок «Гибели мира» или «Конца света» – не помню точно, как называется его последняя грандиозная затея. Эта затея автора «Наполеона» поглотила море денег, но, кажется, так и не увидела свет. <...> В ателье – обычная суতোлка. Неразбериха.

Только еще несколько большая.

Только что еще «недообосновался» в кинематографии звук.

Еще носятся с бредовой мыслью о том, что можно скопом, сразу снимать фильм на трех языках!

По крайней мере, это делает Ганс. <...> Мне кажется, что Ганс даже рад моему приезду.

Так охотно вырывается он из этого вавилонского столпотворения языков и вариантов, смеси наречий и говорюв.

Он необычайно отзывчив и в маленькой комнатке, отгороженной где-то в глубине ателье, делает подробные пометки для разговора с министрами.

Он ничего, конечно, обещать не может. Но попутно подробно рассказывает о собственной роли в своем фильме. <...> По ходу дела и его распинаят. И Ганс меня уверил, что он до такой степени проникся экстазом, что стал вещать на древнееврейском языке.

Возможно ли это? <...> конечно, ни один уважающий себя актер никогда не станет так себя расхваливать.¹⁷⁷

Как оказалось, заступничество Ганса ни к чему не привело¹⁷⁸, да и не могло привести – за отсутствием времени и весомых связей в

¹⁷⁵ Мемуары. Т.1. С.192.

¹⁷⁶ Записи 1930. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.1118. Л.30об.

¹⁷⁷ Мемуары. Т.1 С.188, 190-191. След этой встречи – фотография Ганса в образе распятого Христа с дарственной надписью: «Эйзенштейну – моему другу с восхищением. Абель Ганс. 1930» (РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.2227).

¹⁷⁸ Последний след контактов Ганса с Эйзенштейном – его письмо от 18 марта 1930, засвидетельствовавшее безрезультатность его хлопот (Там же. Ед.хр.1725. Л.2). Судя по всему, столь же неэффективным оказалось и участие

коридорах власти, за что злопамятный мемуарист отплатил ему пренебрежительной иронией в «Мемуарах»¹⁷⁹. Однако его рассказ содержит любопытные обмолвки, возвращающие нас к эмигрантскому контексту «парижской эпопеи» и к списку нереализованных замыслов тех месяцев. Описывая встречу с Гансом и Ивановым, Эйзенштейн оставил беглый штрих:

Это было незадолго до того, как окольными путями, через третьи руки какого-то французского ювелира с Рю де ла Пе ко мне подсылал сватов... Шалапин.

Шалапин, вздумавший сниматься Дон Кихотом и очень боявшийся первого опыта в «говорящем» кино.

Я сильно подозреваю в этом деле организующую волю господина Иванова, хотя мотивом было то, что Шалапин трусит и хотел бы начать все же со «своими».

«Свойство» после двадцатого года, когда он покинул пределы нашей общей родины, конечно, более чем относительное.

Предложение осталось висеть в воздухе. <...> Но некогда грустить о талантах, погибающих вдали от родной почвы. Нас подхватывает темп повествования о наших дальнейших злоключениях.¹⁸⁰

В другом мемуарном инварианте он еще раз вернулся к этому сюжету:

В Париже же ко мне тайно, через третьи руки (одного из ювелиров на Рю де ла Пе <...>) поступает предложение от... Шалапина поставить с ним «Дон Кихота».

«Федор Иванович очень волнуется перед работой в кино и хотел бы попробовать все-таки с русским...»

Фильм ставит в дальнейшем Пабст, и Федор Иванович здесь на экране столь же неубедителен, сколь великолепен он в этой роли на театре.¹⁸¹

Шалапинская история заслуживает отдельного рассмотрения, тем более что за ней стоит творческий эпизод, до сих пор непрояснен-

остальных «друзей в беде» – Жана Кокто, Андре Мальро, Габриэль Колетт и других представителей либеральной художественной элиты Парижа (см.: Мемуары. Т.1. С.163-205).

¹⁷⁹ Такому отношению, видимо, способствовали и негативные отзывы французских друзей, например, Леона Муссинака: «...он <Ганс> сейчас играет роль представителя советских фильмов во Франции: полностью “обесцененный” представитель!» (письмо Л.Муссинака С.Эйзенштейну от 16 октября 1931, Париж – Мексика. Цит. по: Муссинак. С.250). Стремясь заручиться поддержкой для продолжения съемок «Наполеона» в СССР, Ганс занялся выпуском на французские экраны советской кинопродукции, что вызвало обвинения коммунистической прессы в том, что при перемонтаже он искажает идеологические акценты.

¹⁸⁰ Мемуары. Т.1. С.192.

¹⁸¹ Там же. С.71-72.

ный биографами и историками кино. Работа певца в кинематографе известна лишь по фильму Георга-Вильгельма Пабста «Дон Кихот» (1933), однако эта постановка лишь завершила сложную «подготовительную» интригу, завязавшуюся еще весной 1926¹⁸². Начиная с этого времени, пресса эпизодически передавала слухи о том, что Шаляпин обсуждал или уже принял то или иное предложение кинематографистов, что будоражило воображение его поклонников в разных странах, но все они так и не подтвердились¹⁸³. «Звуковая революция» усилила настойчивость таких сообщений, причем некоторые из них исходили от самого певца¹⁸⁴. В начале 1929 во время очередных американских гастролей Шаляпин посетил в Нью-Йорке спектакль театра «Летучая мышь» и «подтвердил в беседе с Н.Ф.Балиевым сообщение о том, что ему предложено выступить за 200.000 долларов в поющем фильме: “Если соглашение оформится, то, выступив для экрана в этой картине, я намерен навсегда оставить сцену”»¹⁸⁵.

Возвращаясь после гастролей в Европу, Шаляпин еще раз подтвердил наличие нескольких выгодных предложений, пообещав, что уже в ближайшее лето приступит к киносъемкам:

Говорящие фильмы в Нью-Йорке привели его в восторг. Он очень хочет выступить на «говорящем» экране. Однако кинематографическим предприятиям, добивающимся его участия в фильмах, он поставил требование, чтобы роль ему была предоставлена в полном соответствии с его голосом и чтобы специально написанный сценарий был предварительно представлен ему на утверждение.¹⁸⁶

Наращение интриги поддерживали друзья певца. Вернувшись в Париж, Никита Балиев поделился деталями нового шаляпинского проекта и пояснил внутреннюю мотивацию этого решения:

Концертантам теперь приходится очень тяжело. Даже Шаляпину, как концертанту, в Америке делать нечего. Ему предложи-

¹⁸² Первое предложение сыграть Дон Кихота поступило певцу от компании «Universal», но он от него отказался. См.: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1926. 23 мая. С.4.

¹⁸³ Летом 1928, например, появились сообщения о том, что для будущей кинопостановки певец организует собственную компанию с капиталом в 10 миллионов франков при участии ряда металлургических компаний Франции. См., например: ПН. 1928. 12 июля. С.5; Возр. 1928. 14 июля, С.4.

¹⁸⁴ Первой обратилась к этой теме советская печать, сообщившая, что парижские компании «Секвана-фильм» и «Альбатрос» в ближайшем будущем планируют начать съемки фильма «Борис Годунов», правда, участие Шаляпина в этом проекте еще не упоминалось (ГК(М.). 1929. №4, 22 января. С.1).

¹⁸⁵ <Б/н.> «Летучая Мышь» // ПН. 1929. 2 марта. С.4; см. также: ГК(М.). 1929. №13, 26 марта. С.1.

¹⁸⁶ ПН. 1929. 30 марта. С.4.

ли изготовить что-то вроде инсценировки «Эй, ухнем» для фильм-сонор. Он это отверг. Тогда речь зашла о постановке «Бориса Годунова». Он запросил 250 тыс<яч> долларов. Готовы были дать, кажется, 200 тыс<яч> долларов, но боятся, что вся постановка обойдется в несколько миллионов, на это даже американцы не решаются.¹⁸⁷

Пришло лето, а Шалапин так и не принял решения, ограничившись лишь развернутым отзывом о перспективах новой киноэпохи:

Говорящая фильма имеет большое будущее. Думаю, что только в говорящей фильме я смогу создать целый ряд образов так, как хотел бы. Вот уже 37 лет я пою и играю на сцене Мефистофеля. Но ни разу, вследствие условностей оперной сцены, не сыграл его так, как смог бы сыграть на экране. Сцена – небольшая, движения ограничены, технику во всем ее совершенстве на оперной сцене никак использовать нельзя, антракты ослабляют всегда художественное впечатление зрителей. Говорящий синема при имеющихся в его распоряжении безграничных технических возможностях может того же гетевского «Фауста» подать на экране так, как его никогда не сможет поставить ни одна опера. Ведь если, например, эту легенду, созданную такими огромными умами, как Гете в литературе и Листом, Берлиозом и другими композиторами в музыке, показать публике на поющем экране, используя для этого и бесконечно гениальную музыку целого ряда композиторов, работавших над «Фаустом», то, конечно, картина получилась бы потрясающей. Ведь в таких условиях сам актер может быть творцом, действительно сможет творить так, как он хочет, а не постольку поскольку позволяють условности оперной сцены. Иной раз, когда я пел Мефистофеля, мне было стыдно за самого себя. Вследствие условностей сцены я не мог показать публике исполняемый мной образ так, как я его задумал.

Говорящий и поющий синема может сыграть в недалеком будущем в истории человечества громадную культурную роль. Он может перевоспитать человечество, поднять его от земли к великим красотам вечного, прекрасного, истинного искусства. Говорящий синема должен перевоспитать массы, показать им лицо настоящего искусства, облагородить их вкусы. Тогда, быть может, люди научатся хотя бы лучше снимать друг перед другом шляпы, приветливо говорить друг другу при встречах: «Здравствуйте».¹⁸⁸

¹⁸⁷ *К.П.<арчевский>*. У Н.Ф.Балиева // ПН. 1930. 2 апреля. С.3.

¹⁸⁸ <Б/н.> Фильмовый сон Шалапина // Там же. 1929. 27 июня. С.5 (перепеч. из харбинской газеты «Заря»). См. также: <Б/н.> Шалапин о звучащем фильме // Там же. 18 октября. С.5. Ср. также с высказыванием певца, сделанном специально для эмигрантской аудитории: «Много времени еще потребуется, чтобы привести к известному совершенству новый вид искусства – Кино, которое теперь находится еще в зачаточном состоянии. Здесь, я думаю, люди найдут замечательный компромисс между живой машиной – человеком и выработанным им

Тем не менее менее неизведанные возможности звукового экрана всерьез заинтриговали певца, и он охотно возвращался к публичному обсуждению этой темы:

Фильму предстоят большие перспективы <так!>, чем всем другим видам искусства вместе взятым. В фильме, только в фильме можно создать еще нечто новое, нечто прочное. Артисты отворачиваются от говорящего фильма: он для них слишком нов и потому слишком опасен. Меня же привлекают именно опасности, безграничные возможности. Говорящий фильм – коллективное искусство, красочное и пластичное, как театр, но более неограниченное, не скованное никакими техническими затруднениями, освобожденное от проблемы инсценировки, избавленное от антрактов. Единым темпом проходит весь сеанс в постоянном нарастании без перерывов. Все краски, все величие и мощь жизни можно воспеть в фильме. Артист не привязан к сцене, его фантазия не скована материей. Все средства техники, все чудеса жизни поступают в распоряжение художника. Его аудитория исчисляется миллионами, неисчислимыми массами, прислушивающимися в тишине одновременно в десятках тысяч зал в тысячах городов. Это сознание, эта головокружительная свобода, интенсивная художественная жизнь подымает экстаз артиста на неведомые высоты. Она пробуждает в нем силу, способную на многое, способную на все.¹⁸⁹

Затем наступила долгая пауза – гастроль и попутные поиски инвестора, продюсера и т. п. Все еще не вполне уверенный в успешности своего нового амплуа, Шаляпин долго колебался перед принятием ответственного решения, и эти сомнения отразили всю гамму его художественных пристрастий и сценических переживаний:

... жизнь, экономические отношения сложились так, что все топчутся сейчас же играть главные роли – и получается посредственность, а отсюда – падение интереса к театру. Конечно, и звучащий фильм... Но я не придаю этому особого значения. Фильм никогда не заменит театра, как фотография не заменила художественную картину, машинное производство – ручную работу. Живой актер всегда интереснее для публики, чем его изображение. Да и рамки синематографа в этом смысле ограничены. Вот предлагают поставить со мной фильм-оперу. Остановка не за гонораром – как пишут в газетах, – а за тем, что не верю я, чтобы на экране это вышло так, как надо. И без того нужен большой талант, чтобы в опере не было скучно. А, перенесенная на экран, опера может оказать-

“роботом”. Это будет поистине прекрасное объединение! Но когда?.. Трудно сказать» (*Шаляпин Ф. Эволюция искусства // Заря (Харбин). 1930. 1 июня. С.21).*

¹⁸⁹ <Б/н.> Кино-Шаляпин // ПН. 1929. 2 августа. С.3; то же с разночтениями: ИР. 1929. №36, 31 августа. С.12.

ся еще скучнее. Пусть мне покажут раньше, как это у них выходит, тогда я, быть может, соглашусь.

– А, вообще, конечно, – продолжал Ф<едор> И<ванович>, – надо удешевить театры, концерты, чтобы бороться с кинематографами. Но как это сделать? Вот меня упрекают, что я дорого беру за свои выступления. А забывают, что мне, чтобы петь, нужно спокойно жить, нужно подумать о своей громадной семье, о людях чужих, которых я обязан поддерживать, ибо они в свое время ко мне были хороши, – забывают, что я певец, что я не механический инструмент, которому сколько бы ни играть, вреда не будет, что я больше 60–70 концертов в год дать не могу, что надо подумать и о черном дне, когда петь я уже не в состоянии буду.¹⁹⁰

Лишь летом 1930 певец вновь поделился с публикой кинематографическими планами. Описывая свои зрительские предпочтения, он продемонстрировал заинтересованность в творческом содружестве с соотечественниками:

Я пока еще воздерживаюсь выступать на новом экране, хотя имею много предложений. Ни одно из них не отвечает моим настроениям и предположениям. Не хочу отдавать свою душу за доллары. Увлечь меня на этот путь может лишь какая-нибудь оригинальная идея. <...> Из числа немых картин мне понравилась «Деревня греха (Рязанские бабы)»¹⁹¹. Я не сомневаюсь в том, что русская кинопродукция может выйти на первое место. Наши картины, быть может, на 90 процентов с недостатками, но остальные 10 процентов поражают своим подлинно артистическим творчеством. Ведь наша линия творчества – в артистичности, в глубине чувства.¹⁹²

¹⁹⁰ К.П.<арчевский>. У Ф.И.Шалапина // ПН. 1930. 31 марта. С.3.

¹⁹¹ Экспортное название советского фильма «Бабы рязанские» (1927; режиссеры Ольга Преображенская, Иван Правов), выпущенного во французский прокат в мае 1928. Ср.: ««Деревня греха» – одна из лучших советских картин, какие нам приходилось видеть в Париже. После американских и французских шаблонов – свежесть и подлинность русской кинематографии кажется поразительной» (Мочульский К. «Деревня греха» // ПН. 1928. 17 мая. С.3). Примечательно, что и советская критика признала картину образцовой «крестьянской фильмой» – в противовес «Генеральной линии», что вызвало обиду Эйзенштейна: «...заниматься кинематографом вообще не интересно. Мои же взгляды, вероятно, ошибочны... Впредь думаю равняться на «Баб рязанских». Должно быть, это то, что нужно» (письмо С.Эйзенштейна М.Штрауху <до 16 октября 1929>, Берлин – Москва. – РГАЛИ. Ф.2758. Оп.1. Ед.хр.1597. Л.3).

¹⁹² Шалапин о говорящем кино // ПН. 1930. 13 июня. С.4 (из интервью парижскому журналу «Pouq Vous»). Об этом же см.: <Б/н.> Шалапин и звуковое кино // ИР. 1930. №26, 21 июня. С.15. Длительные переговоры певца с голливудскими компаниями даже спровоцировали его парижского приятеля написать пародию на предполагаемую постановку, представленную в виде голливудской «киноклюквы» (см.: Покровский Н. «Царь Борис», или Шалапин в кино. Сцена-

Перед отъездом Шаляпина в латиноамериканское турне стало известно, что он наконец определился в выборе и по возвращении в Париж заключит контракт с консорциумом «Gaumont-Franco-Film-Aubert» на участие в экранизации оперы «Борис Годунов»¹⁹³. К тому времени исполнительным директором этого предприятия стал Иосиф Ермолев¹⁹⁴, и, вероятно, именно благодаря его энергии проект стал обретать реальные очертания. Вернувшись с гастролей в начале ноября, Шаляпин сообщил русской газете, издававшейся в Харбине, что подписал пятимиллионный контракт на участие в съемках, приступить к которым планировалось в начале мая 1931¹⁹⁵. Его комментарий показывает, что замысел фильма к тому времени перерос рамки оперной экранизации:

Как я представляю себе «Бориса Годунова» для синема? Сейчас я просматриваю и изучаю сценарий. Ведь сценарий должен быть составлен так, чтобы это был действительно «Борис Годунов». По Пушкину. А так как фильм будет «певучий», то для музыкальной его стороны необходимо использовать не только музыку Мусоргского, но и еще какую-то другую музыку, специально написанную. Ведь весь художественный секрет успеха такого фильма заключается в том, чтобы сценарий скомпоновать с музыкой так, чтобы во время съемок запеть тогда, когда необходимо запеть... <...> Непосредственно режиссировать этим фильмом я не буду – я слаб в технике синема. Но за режиссурой я наблюдать буду все время. Буду проверять ее. Фильм будет крутиться в трех вариантах – на русском, французском и немецком языках, так что на съемках фильма будут заняты три состава артистов. <...> Конечно, синема убивает театр <...>, потому что, прежде всего, синема – забавное зрелище и для всех народов понятно.

рий поющего фильма // Новая Заря (Сан-Франциско). 1930. 3 октября. С.3; см. также рефлексии на приход Шаляпина в кино: *Он же*. «Поющие» фильмы // Там же. 13 июня. С.2).

¹⁹³ См.: ПН. 1930. 20 июля. С.5.

¹⁹⁴ См.: <А. Морской?> У И.Н.Ермолева // Возр. 1930. 19 декабря. С.4. Здесь же укажем на сообщение о том, что Ермолев изобрел новый способ записи звука – с объемным звучанием, а также удешевлявшим производство на 30–40 процентов, что было названо «полной революцией в звуковом кино» (Там же. 6 июня. С.4). К сожалению, другие подробности этого изобретения нам неизвестны.

Ермолев Иосиф Николаевич (1889–1962) – кинопредприниматель, совладелец прокатной конторы «Ермолев, Зархин и Сегель» (1911–1912, Ростов-на-Дону), директор Московского отделения фирмы «Бр. Пате» (1912–1914), владелец и руководитель «Товарищества И.Ермолев» и «Слон-фильм» (1914–1919, Москва; Ялта); с февраля 1920 – в эмиграции: Франция («Ermolieff-Cinéma»), 1922–1929 – Германия, затем снова Франция. Впоследствии работал в Голливуде.

¹⁹⁵ <Н.Покровский> Ф.И.Шаляпин в «Заре» // Заря (Харбин). 1930. 14 ноября. С.2.

Чтобы смотреть синема, не надо даже уметь и читать, потому что хорошо задуманный и разыгранный фильм понятен каждому и без надписей. Человек уцепился за веревку зубами и поднимается на воздушном шаре... Ведь это понятно. И занятно. Вот почему синема и есть тот самый «театр для масс», конкурировать с которым большинству из современных театров не под силу. Современный театр не только слишком серьезен для масс, не только непонятен для них, он – дряхл. Современный театр запружен бездарными людьми...¹⁹⁶

Большой интерес, проявленный к этому сообщению в зарубежье, стимулировал публикацию новых подробностей будущей постановки:

На экране не будет полностью и точно воспроизведена опера Мусоргского, в которой прославленный артист-певец создал роль царя Бориса. Независимо от пушкинского Бориса Годунова, на основании всей широты исторических данных и с некоторой долей законного «романсирования» будет создан отдельный фильм, героем которого будет Борис Годунов¹⁹⁷.

Разумеется, в него войдут и элементы пушкинского творчества, но в независимой трактовке. Так, например, Борис не будет представлен вдохновителем убийства царевича.

Проектируемый фильм не будет также связан с музыкой Мусоргского. Конечно, в фильмовой музыке будет использован и Мусоргский, и притом широко. Но музыкальные иллюстрации будут проведены во всем разнообразии, в зависимости от того или иного характера данной сцены. Рядом с Мусоргским будет и музыкальное творчество С.В.Рахманинова¹⁹⁸ и музыка других русских композиторов.

Из отдельных сцен фильма особенное внимание будет уделено акту коронования Бориса, что предположено в грандиозной постановке.

Киносценарий весьма удачно разработан Д.С.Мережковским в согласии с Ф.И.Шалапиным.

Фильм выйдет на двух языках: на русском и на одном из двух – французском или английском.¹⁹⁹

Эти сообщения раскрывают важные детали кинопроекта. Впервые, оказывается, что «Борис Годунов» задумывался как истори-

¹⁹⁶ Покровский Н. У Шалапина и о Шалапине // Заря (Харбин). 1930. 15 ноября. С.3; перепеч.: Новая Заря (Сан-Франциско). 1930. 25 декабря. С.11. Ср.: <Б/н.> Шалапин на экране // ПН. 1930. 26 декабря. С.4.

¹⁹⁷ Владимир Злобин впоследствии указывал, что вторым литературным источником сценария была пьеса А.К.Толстого «Царь Борис» (см.: Пахмусс. Киносценарии. С.97).

¹⁹⁸ Предполагаемое участие Рахманинова в постановке, по-видимому, вызвало его обсуждение этой темы с Иваном Бунинным в Грассе (Кузнецова Г. Грасский дневник. М., 1995. С.156; запись от 3 августа 1930).

¹⁹⁹ <Б/н.> Шалапин на экране // ПН. 1930. 21 ноября. С.4.

ческая драма, позволяющая главному исполнителю отойти от традиционного оперного образа и показать себя драматическим актером. Во-вторых, сценаристом будущего фильма певец избрал Мережковского, который, судя по всему, взялся за работу вскоре после рекламного вступления в проект Абея Ганса. По-видимому, сценарий фильма был написан летом 1930 в Грассе²⁰⁰, а соавтором Мережковского стала Зинаида Гиппиус, указавшая на это в письме к Георгию Адамовичу:

Очень уж надоело с этой новой фильмой; пишу ее исключительно для помощи Дмитрию Сергеевичу, без всякой, уж кажется, надежды на славу и добро! Дмитрий Сергеевич чересчур добросовестен, а я пеку эти дела скоро.

И какое явление: оказывается, половина наших слов при писании исчезает; по интуиции чувствуешь, что их нельзя сказать; выбирай из скудости, ибо углубляться в язык эпохи, отыскивать тогдашние слова – свечей игра не стоит!²⁰¹

Осенью Мережковский и Гиппиус занимались доработками написанного, что, между прочим, объясняет существование еще двух версий сценария²⁰². Теперь дело оставалось за режиссером, способным адекватно перенести на экран образы шляпипинского творчества, однако поиски кандидата затянулись и, вероятно, окончились ничем. Во всяком случае, рассказ Иосифа Сойфера, что именно он был избран Шляпиным на роль постановщика фильма, кажется сомнительным из-за несоизмеримости этой фигуры с другими возможными кандидатами, если иметь в виду Георга-Вильгельма Пабста, избранного постановщиком фильма «Дон Кихот».

Шляпин лично выбирал сотрудников съемочной группы. Одним из них стал, например, Константин Коровин, который разработал декорационное решение, причем его эскиз сцены коронавания Бориса размером 2 x 1,2 метра, по свидетельству того же Сойфера, привел певца в восторг²⁰³.

²⁰⁰ Мы полагаем, что первый вариант сценария был опубликован лишь недавно: *Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н.* «Борис Годунов»: Неизвестный вариант киносценария / Публ. Н.В.Королевой // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М., 2002.

²⁰¹ Письмо З.Гиппиус Георгию Адамовичу от 2 августа 1930. Цит. по: Пахмусс. Киносценарии. С.96-97.

²⁰² Одна из них, включавшая в себя 8 эпизодов, была опубликована В.Злобиным под названием «Дмитрий Самозванец» в парижском журнале «Возрождение» (1957. №36-38). Другая, по-видимому, окончательная, состояла из 16 эпизодов. См.: Пахмусс. Киносценарии. С.111-195.

²⁰³ Эта работа хранилась у Сойфера, и много лет спустя он выразил желание передать ее Третьяковской галерее: «Я хочу <...> подарить эту картину Родине. Торговцы картин предлагали мне сотни тысяч, чтобы отправить ее в Америку. Я ответил, что если американцев интересует эта картина, они смогут увидеть ее в

На каком-то этапе предсъёмочный период застопорился, и причины остановки, возможно, навсегда остались бы неизвестными, если бы не постоянный интерес журналистов к этой теме. По одному из сообщений можно установить, что весной 1931 идея постановки была окончательно заморожена:

Ф.И.Шаяпин сообщил берлинским журналистам, что крупное американское фильмовое общество заключило с ним контракт для выступления в звуковом фильме. Эта первая звуковая картина Шаяпина будет снята этим летом в Париже. Это не будет опера «Борис Годунов», а пьеса на современную тему.²⁰⁴

В конце декабря того же года английская газета «Daily Herald» сообщила, а русская – перепечатала эту новость:

Ф.И.Шаяпин выступит в говорящем и поющем фильме, сценарий для которого написан Чаплиным. Переговоры велись долго. Шаяпин требовал по 1000 фунтов за день съёмок плюс 33% с валовой выручки от продажи фильма. Соглашение все же состоялось при встрече Шаяпина с Шарло²⁰⁵ в Биаррице несколько недель тому назад.

Сюжет сценария – биография Шаяпина. Фильм не только покажет важнейшие эпизоды из жизни знаменитого русского певца до и после революции, но и даст возможность Шаяпину выступить в его коронных ролях.

Если не случится ничего неожиданного, фильм будет крутиться в Лондоне. Сценарий написан по-английски, французски и немецки. День начала съёмок еще не назначен.²⁰⁶

За этим последовало опровержение певца, разъяснившего свои кинематографические планы:

Ф.И.Шаяпин в беседе с сотрудником «Суар» опровергает сообщение «Дэйли Геральд». Ни в каком фильме, сценарий для которого написан Чаплиным, артист выступать не собирается.

– Истина такова: я ни с кем не подписывал никаких контрактов о фильмах, – сказал Ф.И.Шаяпин. – Действительно, полдюжины авторов написали для меня сценарии, и дюжина кинематографических обществ предлагала мне «крутить». Думали о «Борисе Годунове». Это мог бы быть, пожалуй, хороший фильм, но в Европе нет ни одной фирмы, которая могла бы поднять расходы по изготовлению такого фильма...

Я сам написал сценарий, – продолжал Шаяпин, – и, если мне придется осуществить мои планы, то сделаю это с одной англий-

Москве, где она скоро будет» (цит. по: Долинский М., Черток С. По следам пропавшего фильма. С.54). Сведениями о том, что Сойфер исполнил это желание, мы не располагаем.

²⁰⁴ См.: ПН. 1931. 7 апреля. С.4. Этот проект также не имел продолжения.

²⁰⁵ Экранное имя героя Чаплина во Франции.

²⁰⁶ <Б/н.> Фильм Шаяпина // ПН. 1931. 25 декабря. С.1.

ской фирмой и графом Лимуром. Мои отношения с Чаплиным таковы: я встретил его этим летом в Сэн-Жан-де-Люзе. Он дал мне несколько указаний насчет того, как делать фильмы. Это были чисто дружеские беседы, и Чаплин не собирался принимать участия в тех фильмах, в которых, может быть, мне придется выступить.²⁰⁷

Дальнейшая работа певца в кино известна, а ее творческие результаты разочаровали многих современников. Именно поэтому ценители шаляпинского творчества сожалели о нереализовавшихся проектах, полагая, что эти работы могли обогатить искусство экрана.

В эту переходную пору появление Шаляпина в кинематографическом мире могло бы сыграть решительную роль. Если бы первый шаляпинский фильм не оказался последним, мы, вероятно, уже через короткое время увидели бы такое же чудесное преобразование кинематографа, какое наблюдалось в опере после прихода Шаляпина. Шаляпин принес на экран ту же правду, какая озарила все его творения на сцене, и ту же веру в абсолютную силу искусства. Ему чужды были всякие требования снижения во имя чего бы то ни было, и «условия экрана», которыми пугают рутинеры и коммерсанты при постановке фильмов, для Шаляпина не существовали. Он знал, каким должен быть кинематограф, как знал он инстинктивно при вступлении на оперную сцену, каким должно быть оперное исполнение. В «Дон Кихоте» Шаляпин еще вынужден считаться с навязанными ему «техническими условиями» экрана: нет сомнения, что очень скоро, изучив технику съемки, он освободился бы от всяких пут и создал бы свое экранное искусство, при котором старое оказалось бы невозможным. Уход Шаляпина задержал это развитие кинематографа, во всяком случае, надолго — да и найдет ли без него кто-либо пути, которые так явственно были видимы шаляпинскому гению? Но и то, что оставлено Шаляпиным в наследство экрану, вряд ли пройдет бесследно. Он показал, чем может быть кинематограф, он решил спор, способен ли кинематограф быть подлинным искусством, и дал несколько таких моментов <так!>, каких на экране никогда не было и о возможности которых никогда не подозревали. <...> При жизни фильм нас не вполне удовлетворил: мы сравнивали Шаляпина с Шаляпиным, а не с экранными актерами. Мы сопоставляли Дон Кихота с Борисом (так и оставшимся без экранной записи), мы не могли привыкнуть к новому широкому жесту раскинутых рук, к французскому говору вместо характерных русских, знакомых и любимых нами нот, к тем мелочам, которые были подсказаны «опытными» кинематографистами. Но теперь нет Шаляпина, нет Бориса, нам нечего ждать от будущего, и мы с жадностью разглядываем оставшиеся нам драгоценные

²⁰⁷ <Б/н.> Ф.И.Шаляпин опровергает // ПН. 1931. 27 декабря. С.4.

шляпинские мгновения. Теперь «Дон Кихот» видим иначе: он становится памятью о Шляпине и залогом возможного экранного будущего.²⁰⁸

Возвращаясь к рассказу Эйзенштейна, уместен вопрос: а была ли у него внутренняя готовность к сотрудничеству с Шляпиным в 1930, как это утверждает биограф²⁰⁹? Надо признать, что оснований для положительного ответа у нас не имеется. Помимо ряда творческих и внехудожественных проблем, включению советского режиссера в постановку препятствовал, прежде всего, идеологический диссонанс с другими ее участниками, и в первую очередь с тем же Мережковским. Впрочем, и сам режиссер, обычно руководствовавшийся в делах аполитичным прагматизмом, совершенно исключил для себя возможность такого сотрудничества задолго до реального предложения: «Незачем включаться в пляду Шляпиных»²¹⁰.

В СТОРОНУ ГОЛЛИВУДА

Хитроумные комбинации, интриги и всевозможные манипуляции, которыми был занят Эйзенштейн на протяжении долгих месяцев, преследовали одну сверхцель – приглашение в Голливуд. Ради этого он был готов на любые уловки и компромиссы. Однако зимой 1930 года все стратегические наработки рушились одна за другой. 5 января Дуглас Фэрбенкс прислал телеграмму с просьбой дождаться его приезда в Париж из дальневосточного путешествия для обсуждения дальнейших действий. Цейтнот вызвал паническую реакцию режиссера:

Могу ждать до конца января, но телеграфируйте <сроки приезда> как можно скорее.²¹¹

В ответ адресат ограничился тем, что послал своему брату Роберту, ведавшему делами в его отсутствие, телеграмму: «Не считаю, что приезд <Эйзенштейна> в Америку был бы мудрым решением». Это мнение было доведено до режиссера лишь через месяц, оно сопровождалось техническими причинами, будто бы препятствующими его приезду в Голливуд:

Принципиальной причиной совета не приезжать сейчас является крайняя неопределенность в промышленности, сложившаяся

²⁰⁸ Сазонова Ю. Поминание // ПН. 1938. 25 июня. С.5.

²⁰⁹ Юрнев Р. Сергей Эйзенштейн. Замыслы. Фильмы. Метод. Ч.2. С.9.

²¹⁰ Письмо С.Эйзенштейна М.Штрауху от 14 сентября 1928. – РГА.ИИ. Ф.2758. Оп.1. Ед.хр.1597. Л.9об.

²¹¹ Черновик недатированной телеграммы на английском языке. – Там же. Ед.хр.1528. См. также телеграмму Фэрбенкса Эйзенштейну из Киото. – Там же. Ед.хр.2198.

после появления звуковых картин. Ни один из продюсеров не уверен в этом деле и поэтому не желает рисковать.²¹²

Однако эмиссар Эйзенштейна Айвор Монтэгю, приехавший в Голливуд для личных переговоров с продюсерами, узнал истинную причину этой нерешительности. Не желая портить свою репутацию в консервативных кругах открытой поддержкой советского режиссера, Фэрбенкс снял положительный отзыв об Эйзенштейне из рекламных материалов к картине «Генеральная линия», готовившейся к выпуску на американские экраны. Это сообщение Монтэгю сопровождал убийственным приговором: «Кажется, Фэрбенкс в Америке не будет таким дружественным к “грязному красному”, каким он был в Москве»²¹³.

После этого стало ясно, что многолетние авансы и обещания голливудской звезды были блефом. В мае 1930, когда Фэрбенкс приехал в Европу, история закончилась сама собой: он не сделал ничего для того, чтобы прояснить отношения с Эйзенштейном²¹⁴.

Сообщения от нью-йоркского консультанта Льва Монозона, лоббировавшего голливудское приглашение для Эйзенштейна по линии «Амкино», были столь же неутешительны:

...есть ли возможность приезда Вас с товарищами в С<о-единенные> Ш<таты>. Как я Вам уже говорил при нашей встрече в Берлине, такой уверенности, в силу сильно изменившихся условий, у меня нет. Изменилось ли положение за последние три месяца? Склонен думать, что нет. Есть ли надежда в ближайшее время (а речь может идти о ближайшем времени) получить конкретные предложения? Быть может, да, хотя из прессы америк<анской> я не заметил, чтобы америк<анцы> приглашали сейчас иностранцев-режиссеров, как они это делали несколько лет тому назад. Следует ли отсюда, что не нужно и пытаться связываться с одной из америк<анских> коммерч<еских> фирм для приглашения Вас? Понятно, нет. По приезде в Нью-Йорк я снова буду говорить со всеми крупными фирмами. Посмотрим, какие

²¹² Письмо Р.Фэрбенкса С.Эйзенштейну от 5 февраля 1930, Голливуд – Париж. – Там же. Ед.хр.2199. Л.3.

²¹³ Письмо А.Монтэгю С.Эйзенштейну от 10 февраля 1930, Голливуд – Париж. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.1986. Л.15.

²¹⁴ ПН. 1930. 12 мая. С.3. Зато сразу же после решения вопроса о приезде советской группы в Америку стало известно, что актер «ведет переговоры с “Парамоунтом” о “переуступке” ему советского кинорежиссера Эйзенштейна для постановки одного фильма» (<Б/н.> Фэрбенкс и Эйзенштейн // Там же. 6 июня. С.4). Это же подтвердил режиссеру накануне его отъезда из Парижа и Монтэгю, пересказав ему заявление Фэрбенкса о том, что он во что бы то ни стало перекупит Эйзенштейна. Телеграмма А.Монтэгю С.Эйзенштейну (б/д.). – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1986. Л.32. О светских встречах с Фэрбенксом в Голливуде см.: Мемуары. Т.1. С.246-247.

результаты получатся. В первую очередь буду снова говорить с United Artists.²¹⁵

К концу января выяснилось, что переговоры завершились ничем — под благовидным предлогом Шенк отказался возобновить свое прежнее приглашение.

Из переговоров с «Юнайтед Артистс» выяснилось, что Шенк, в принципе, как будто не возражает против Вашего приглашения в Америку для постановки картины. Однако до твердого приглашения Вас в Америку он считает необходимым получить от Вас и ознакомиться, если не со сценарием фильма, которую Вы имеете в виду ставить для него в Америке, то, по крайней мере, с подробным либретто с соответствующим объяснением.

Я ему указывал на то обстоятельство, что, по всей вероятности, лишь по приезде Вашем в Америку Вы сумеете определить сюжет Вашей картины и что, приглашая Вас без предварительного условия, он, в конце концов, рискует лишь немногими тысячами, которые сумеют быть покрытыми с лихвой от «паблисити», полученной в результате Вашего приезда. К сожалению, все мои доводы, в том числе также и довод, что у Вас осталось всего несколько месяцев для пребывания за границей, не могли его убедить в немедленном приглашении Вас в Америку²¹⁶. Я ему обещал, что о нашей беседе и его желаний я Вам немедленно сообщу и что до получения от Вас ответа или просимого материала я с ним свяжусь. <...> В одном из последних номеров «Фильм Дэйли» я прочел сообщение из Парижа, что Вы якобы согласились ставить картину для одной из англо-французских компаний. Интересно было бы знать, соответствует ли это действительности, и, если да, то как обстоит это дело.²¹⁷

В этой ситуации Монозон, а за ним и Аташева принялись убеждать Эйзенштейна воспользоваться обходным маневром — поехать в Америку для чтения лекций о советском кино и о своем творчестве. По их мнению, «академическая гастроль», сопровождаемая умелой рекламой, могла привлечь к нему внимание Голливуда. Однако от этого режиссер наотрез отказался, зная по опыту европейских поездок, что даже самые успешные лекции не приводят на съемочную площадку. Неприступность голливудской твердыни распалила азарт

²¹⁵ Письмо Л.Монозона С.Эйзенштейну от 2 января 1930. — РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр. 1984. Л.1.

²¹⁶ Ранее Монтэгю сообщил Эйзенштейну об интервью Шенка, в котором тот дезавуировал свое приглашение, сославшись на то, что общий переход к звуковому кино делает невозможным использования режиссера в Голливуде. — Телеграмма А.Монтэгю С.Эйзенштейну от 24 декабря 1929. — РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.1986. Л.9.

²¹⁷ Письмо Л.Монозона С.Эйзенштейну от 28 января 1930, Нью-Йорк—Париж. — Там же. Л.3.

участников группы до предела, но вместе с тем росло и разочарование от бесплодного ожидания, усугублявшееся по мере истечения срока французских виз. Едва ли не последней надеждой стала оказия, о которой Александров, не называя имен, сообщил Москве:

...эти дни очень серьезны и ответственны для нашей дальнейшей судьбы. Завтра уезжают в Америку люди, и они увозят наши желания. Поэтому желания должны быть продуманны и организованны.²¹⁸

Это был смелый стратегический ход, продиктованный скорее отчаянием, чем точным расчетом. Случайно узнав, что в Париж собирается вице-президент компании «Paramount» Джесс Л. Ласки, Эйзенштейн решил сделать ставку на этого голливудского магната. Понимая неэффективность письменного общения и общую нелюбовь начальства к чтению сторонних бумаг, он написал лаконичное письмо-заявку о самом главном. Основные пропозиции этого текста гипотетически можно свести к следующему. Подогрев для начала ревность адресата к конкурентам, Эйзенштейн деликатно напомнил о своем международном реноме и изъявил готовность работать над любыми сюжетами в звуковом формате²¹⁹.

Кроме того, в послании, видимо, присутствовал еще один пункт, который должен был заинтересовать голливудского магната более других. Ласки собирался в Париж по важному поводу. Развивая экспансию на европейском рынке, компания «Paramount» приобрела жуанвильскую студию «Reservoir» и, вложив 60 миллионов долларов в ее переоборудование, развернула там производство фильмов на нескольких европейских языках при участии творческих сил из стран будущего проката²²⁰. В маркетинговые планы компании вхо-

²¹⁸ Письмо Г.Александрова П.Аташевой от 10 марта 1930, Париж – Москва. – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.2367. Л.12об.

²¹⁹ Не зная тонкостей голливудской игры Эйзенштейна, Москва попыталась заочно направлять его работу. Вскоре после приезда режиссера в Америку «Союзкино» предложило в качестве его дебюта в «Paramount» сценарий «Железный поток» (см. письмо Л.Монозона С.Эйзенштейну от 16 июня 1930, Нью-Йорк – Голливуд. – Там же. Оп.1. Ед.хр.1980. Л.11). Отказ от этого предложения вызвал недоумение: «...надо разъяснить Москве, почему это предложение невозможно или трудно осуществимо» и просьбу выяснить возможность какой-либо иной совместной постановки, даже «идеологически нейтральной, вроде экранизаций «Войны и мира» или «кавказских тем» по Пушкину и Лермонтову» (письма Монозона от 25 июня и 10 июля 1930, Нью-Йорк – Голливуд. – Там же. Л.13об., 18).

²²⁰ Paris to Be European Center of Film Industry, Lasky Says // The New York Herald. 1930. 27 April (вырезка: РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.2841. Л.53). Ср.: «Знакомое русским статистам место сильно изменилось. Оборудованы и пущены в ход четыре студии для сонорных съемок, две – в постройке. Работа по созданию «Холливуда» в Париже кипит. <...> Фильмы пока выпускаются на французском,

дило и «русское» производство – в силу давнего стремления Голливуда напрямую проникнуть на советский рынок. Предложение режиссера давало какие-то авансы по этой части и оказалось как нельзя более кстати. Если верно наше предположение о том, что режиссер отрекомендовался официальным представителем советской кинематографии (что до известной степени соответствовало действительности, если иметь в виду его статус государственного режиссера), то это обстоятельство, как мы увидим, многое объясняет в условиях необычного контракта Эйзенштейна, а также и в его взаимоотношениях с американским работодателем.

Тем временем наступил апрель, а ответа все не было. 8 апреля Эйзенштейн отправил телеграмму в Голливуд Айвору Монтэгю:

Не получил никаких инструкций. После того, как контракт и въезд в Штаты будут гарантированы, все будет разрешено. Полагаю, виза недостижима без контракта. Скорее скорее скорее.²²¹

Через несколько дней Монтэгю удалось выяснить, что Ласки вскоре будет в Париже и готов встретиться с режиссером²²². Известие о приезде Ласки пришло во время путешествия Эйзенштейна на Лазурный берег и застигло его врасплох. Наутро, 21 апреля, после ночного звонка Александра, он ринулся в Париж²²³, а его помощник тем временем сообщил эту новость в Москву:

...приезжает небезызвестный Вам Ласке <так!> – из Парамаунта – который принял все наши предложения, и наша работа в Холливуде будет с периодическими отпусками в Москву. Договор хороший, но подробности выясним только с ним – Ласке.²²⁴

К встрече с заокеанским гостем режиссер готовился со всей тщательностью. 22 апреля он переговорил по телефону с Монтэгю, который находился в Лос-Анджелесе, уточнив, вероятно, детали для

немецком, испанском, итальянском и шведском языках. В дальнейшем последуют версии польская, чехословацкая и китайская. <...> Не исключена возможность появления картины на русском языке» (<Б/н.> Холливуд в Париже // ПН. 1930. 20 июня. С.4). Плановая мощностъ кинофабрики оценивалась в 60 фильмов в год. Среди технических сотрудников преобразованной студии назывались и эмигранты – Г.Рахматов, Е.Гайдаров, А.Гехтман, Школьник и др. (Там же; см. также: Возр. 1930. 22 июня. С.4; <Б/н.> У Парамоунта в Жуанвилле // Там же. 1930. 26 сентября. С.4).

²²¹ Черновик телеграммы С.Эйзенштейна А.Монтэгю, Париж – Голливуд (оригинал на английском и итальянском языках). – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1557. Л.4.

²²² Телеграмма Эйзенштейну (б/д), Голливуд – Париж. – Там же. Оп.2. Ед.хр.1986. Л.26.

²²³ См.: Agenda de Poche на 1930. – Там же. Ед.хр.1119. Л.440б.

²²⁴ Письмо Г.Александрова к П.Аташевой от 17 апреля 1930, Париж – Москва. – Там же. Ед.хр.2367. Л.23.

будущей встречи. На следующее утро в отеле «George V» Эйзенштейн встретился с сопровождавшим Ласки Кауфманом²²⁵, 25 апреля навестил Мару и почему-то обсуждал с ней возможность экранизации джойсовского «Улисса» для Голливуда. 26 апреля состоялось его знакомство с американским боссом.

Переговоры, видимо, были непростыми и затянулись на два дня, но в итоге режиссер сумел убедить собеседника в двух принципиальных для себя вещах. Во-первых, он получил согласие на совмещение голливудского контракта с творческими обязанностями в СССР. Во-вторых, для чистоты опыта его первая постановка должна была осуществляться именно в Голливуде, а не в парижской студии – для практического изучения передовых американских технологий. Можно думать, что в ходе переговоров он предоставил собеседнику дополнительные свидетельства того, что является полномочным представителем советской кинематографии и гарантом будущего межгосударственного производственного альянса, и это должно было убедить Ласки в том, что для «Paramount» – это единственный путь на прокатный рынок СССР.

Наконец, в пять часов вечера 30 апреля произошло долгожданное, казавшееся уже невероятным событие – был подписан голливудский контракт²²⁶, а 7 мая Эйзенштейн и Тиссэ получили в консульстве заветные американские визы²²⁷. Эта сделка стала междуна-

²²⁵ Мы полагаем, что это был глава фирмы «Audio-Cinema» инженер Джоэ Кауфман (в советской транскрипции Кофман), указанный в записях режиссера как сотрудник «Paramount». В августе 1930 он приехал в Москву по приглашению ВСНХ СССР для подготовки кадров советских звуковиков, что можно считать дополнительным доводом в пользу нашей версии условий голливудского контракта. В интервью советской печати Кауфман очень тепло отозвался об Эйзенштейне (см.: *Л.В.<акс>*. Чего ждет от Эйзенштейна Америка? Басни о стереоскопии и телевидении: Беседа с президентом «Аудио-Синема» Джоэ Кофман // *ВМ*. 1930. 15 августа. С.3; *В. Американский киноспециалист Джоэ Кофман о задачах звукового кино* // *ГК(М.)*. 1930. №47, 20 августа, С.2).

²²⁶ См.: *Agenda de Poche на 1930.* – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.1119. Л.45-46об. Подписание контракта было запроотоколировано фотографом, и эта сцена затем воспроизведена в советской печати с комментарием: «С.Эйзенштейн подписывает с директором “Парамоунт” Ласки контракт на работу в Холливуде. Эйзенштейн пробудет в Холливуде 6 месяцев» (*Кино-фронт* (Л). 1930. №22, 21 мая. С.2; см. также: *Группа Эйзенштейна за границей* // *ГК(М.)*. 1930. №35, 20 июня. С.7). В архиве режиссера оригинал этой фотографии отсутствует, но есть недатированная вырезка из газеты «International Herald Tribune» (РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.2841. Л.52). Александров подписал отдельный контракт 6 мая. См. его письмо П.Аташевой от 7 мая 1930, Париж – Москва. – Там же. Оп.2. Ед.хр.2367. Л.25).

²²⁷ Там же. Оп.2. Ед.хр.1119. Л.47. При этом режиссеру пришлось дать обязательство, что он не будет заниматься коммунистической пропагандой в США. Черновик этого документа см.: Там же. Оп.1. Ед.хр.1557. Л.5.

родной сенсацией, о которой широко оповестили печатные издания Запада, в том числе и эмигрантские:

С.М.Эйзенштейн <...> благоразумно использовал продленный ему парижской префектурой заграничный отпуск. Он дождался прибытия в Париж из Холливуда директора «Парамоунта» г. Ласки и подписал с ним контракт, согласно которому должен поставить в Холливуде несколько говорящих картин. Предварительно советский кинорежиссер должен пройти некоторую школу американского «буржуазного» киноискусства. Автор «Броненосца «Потемкин»», не везде в Америке принятого, идет на выучку к капитализму.²²⁸

Содержание сделки, разумеется, не разглашалось²²⁹, но некоторые детали были не без ехидства прокомментированы прессой:

...советский кинорежиссер Эйзенштейн по контракту с «Парамоунтом» получает за каждую из четырех картин, которые он должен сработать в Холливуде, по 2.550.000 франков. Из этой суммы он, будто бы, должен исчислить в пользу советского правительства один процент. В дальнейшем Эйзенштейна ждет контракт с другой голливудской фирмой «Универсаль» – на постановку одной картины с вознаграждением в 750.000 франков. Парижский журнал («Cinemonde») задает вопрос: не испытывает ли Эйзенштейн «тоски по родине»?²³⁰

²²⁸ ПН. 1930. 2 мая. С.4.

²²⁹ Содержание контракта несколько раз просил сообщить Монозон. См. три его телеграммы Эйзенштейну от 27 апреля 1930 и б/д, Нью-Йорк – Париж. – РГАЛО. Оп.1. Ед.хр.1984. Л.8-10. Вместе с тем обсуждение отдельных, скорее всего, производственных пунктов продолжалось и в Нью-Йорке. Ср.: «...Нет ни времени, ни нервов писать сейчас, ибо идет телеграфная ругань с НьюЙорком <так!> – т. е. с Эйзенем. Пароход за пароходом уходят ежедневно, а я еще не согласился ехать! Торгуемся зверски – выдержка нужна большая...» (письмо Г.Александрова П.Аташевой от 24 мая 1930, Париж – Москва. – Там же. Оп.2. Ед.хр.2367. Л.27).

²³⁰ ПН. 1930. 22 августа. С.3. Ср.: «С.М.Эйзенштейн уехал из Парижа за океан в страну говорящего фильма и... долларов. Его голливудский контракт подписан до 26 апреля следующего года. О блестящей карьере своего излюбленного кинорежиссера советская печать хранит глубокое молчание» (Возр. 1930. 9 мая. С.5). По сведениям другого издания, суммарный режиссерский гонорар должен был составить 10 миллионов франков за постановку 4 картин. «Не желая покуда записываться в невозвращенцы, Эйзенштейн перед подписанием контракта попросил разрешения своего начальства на работу в Америке. Разрешение это было ему дано при условии, что он отчислит 1 проц<ент> со своего гонорара в пользу Совкино. Само собой понятно, что автор “Генеральной линии” охотно согласился дать эту взятку...» (<Б/н.> Карьера Эйзенштейна // ИР. 1930. №37, 6 сентября. С.19). Ср. с признанием режиссера: «Единственный раз в жизни дрогнувшим при подписи пером мальчик из Риги подписывает контракт в Голливуд на 3000 долларов в неделю» (Мемуары. Т.1. С.31). Случай Эйзенштейна был действительно уникальным – его коллеги не могли добиться разре-

Чтобы успокоить Москву, озадаченную этими новостями, режиссер отправил телеграмму председателю «Союзкино» Константину Шведчикову:

Vijechali Hollywood okonchatelnnich peregovorov stop Vipolniaem programmu i sroki soglasno parijskomu pismu vam stop Kajdiy postupok zanktsionuruetsia Bogdanovym Monosozonom stop Dostignuv soglashenia nemedlenno telegrafiruem privet Eisenstein.²³¹

В Москве не знали, что под «окончательными переговорами» подразумевались выбор сценария и сроки постановки, тогда как все главные пункты контракта были прописаны еще в Париже, – об этом режиссер дал знать только близким:

Ну вот, дорогая матушка, мы и на корабле! Едем первым классом «de luxe» вместе с Тиссэ. Остальные едут на 2 недели позже. 2 прекрасных и больших комнаты (спальня и салон, две ваннные комнаты, еще какие-то комнатки – вообще, на суше бы так жить! <...> Это были дикие 10 дней волнений с визами, согласием Совкино и т. д. Условия замечательные: 6 месяцев там – 9 месяцев в Москве – 6 месяцев в СА<С>Ш – картина в М<оскве> – картина там – картина в Москве.²³²

Для того чтобы снять подозрения начальства о двойной игре, через несколько месяцев Эйзенштейну все же пришлось объясниться «с советской общественностью» через Аташеву, которая аргументировала голливудский контракт режиссера доводами, адекватными политической конъюнктуре:

После того, как группа Эйзенштейна сделает одну фильм в Америке, приблизительно в срок около 10 месяцев, Эйзенштейн и его группа вернутся в Москву и поставят там фильм для Совкино, затем вернутся в Голливуд для второй фильма. Третья и четвертая фильмы будут совместными постановками между Америкой и СССР. С другой стороны, если в продолжение первых трех месяцев пребывания в Америке советские кинематографисты не

шения на работу с западными продюсерами. Ср., например: «В. Турин в Берлине хотел подписать контракт с Джоэ Май на 40.000 марок, но Москва не разрешила...» (письмо Фридриха Эрмлера С. Эйзенштейну от января 1930, Берлин – Париж. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.2284. Л.13).

²³¹ Черновик телеграммы (6/д, 7 мая 1930?). – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1572. Богданов – директор «Амкино». Ср.: «Наш контракт с компанией “Парамаунт”, подписанный в Нью-Йорке Сергеем Михайловичем и представителем Амкино <...>, не был настоящим трудовым соглашением, а всего лишь договоренностью, на основании которого “Парамаунт” гарантировала оплату расходов на шестимесячный период...» (Монтэгю А. В Голливуде. С.225).

²³² Открытка Ю.И. Эйзенштейн от 7 мая 1930, пароход «Еурога» – Ленинград. – РГАЛИ. Оп.1 Ед.хр.1551. Л.22. Пресс-релизы «Paramount» сообщали лишь о том, что по условиям контракта режиссер должен был в течение нескольких лет снимать по одной картине в год (см.: Там же. Ед.хр.2450. Л.6).

достигнут соглашения в вопросе выбора сценария и не договаряются об условиях работы, они вернутся в Москву, не приступая к постановке. Соглашение, заключенное Совкино в лице группы Эйзенштейна, не должно удивлять нас – во всяком случае, не больше, чем важная концессия, которую получили заводы Форда у Советов.²³³

8 мая 1930 Эйзенштейн и Тиссэ в компании Джесса Ласки и президента «Paramount» Адольфа Цукора отплыли из Шербурга на пароходе «Европа» в Нью-Йорк. Впервые за много месяцев режиссер получил короткую передышку для того, чтобы осмыслить происшедшее и будущее. Эйфория не покидала его, и это читается во всех письмах к московским конфидентам. Уверившись в безошибочности своих расчетов, режиссер не оглядывался на опыт и ошибки предшественников:

...я благодарю небо, что в свое время слышал доклад Немировича-Данченко, а то прямо не знал бы, что и думать об этой стране.

Also²³⁴, Максичка, доедем ли – вопрос, но что едем – «факт»: е<...>ли мы Европу.²³⁵

Развернув перед другим адресатом перечень недавних переживаний и травм, он включил их в голливудский «счет»:

Только сейчас немного разжал, вернее, начинаю разжимать зубы, стиснутые до треска челюстей. Чтобы не треснуть самому! «Дано» мне, по-видимому, немало, но дается оно мне не легко! А тут еще друзья, которые всегда начинают ненавидеть на 15 минут раньше положенного²³⁶. 8 месяцев самых диких неопределенностей. Полного подчас безденежья, сменяющегося неожиданными получками, трагедия с соноризацией «Генералки», <...> история с полицией во Франции (в конечном счете, блестяще прошедшая, но в период еще существования бешено нервировавшая, ибо могла навсегда закрыть Америку – (NB. Может быть, и так еще отзо-

²³³ Аташева П. Еще одна фальшивка // Кино и жизнь (М.). 1930. №23, август. С.11 (далее – КиЖ). Коллегами голливудская удача Эйзенштейна была встречена по-разному. Один из его учеников – Сергей Васильев писал: «По сему случаю жму руку и желаю в Америке продолжать вести себя “по-эйзенштейновски”. Термин этот из нового здешнего лексикона. Сообщение это здесь оценивается различно. На днях <я> был в Москве. Ржевский, например, “находит”, что вам необходимо вернуться. Мы с Жоржем <Георгием Васильевым> другой точки зрения. О твоих похождениях кое-что узнали от Фридриха <Эрмера>» (Письмо С.Васильева С.Эйзенштейну от 7 мая 1930, Ленинград – Париж. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1702).

²³⁴ Итак (нем.).

²³⁵ Открытка М.Штрауху от 7 мая 1930, пароход «Еурога» – Москва. – Там же. Ф.2758. Оп.1. Ед.хр.1599. Л.16.

²³⁶ Еще один след парижского конфликта с Александровым.

вется <...>), затем головокружительный форс-мажор с американским делом, после такого ряда deceptions²³⁷ – с Шенком (в Лондоне), Фэрбенксом (в Шанхае) и пр. и пр. (Кстати, в день сговора с Ласку от Дуга <Фэрбенкса> получена исступленная телеграмма, чтобы заключить с ним, после того, как в феврале на мой запрос к нему о том же он через месяц ответил, что «not advisable»²³⁸ сейчас нам ехать в Америку.) С другой стороны, каскад фантастических, подозрительных, заманчивых, а иногда и очень солидных предложений и в ответ на них полная неизвестность и полное отсутствие перспектив на Америку и сохранение себя свободными quand-même²³⁹, пытаюсь Романсами, Gift-gas'ами, абортами. <...> Все это пересыпано постоянным комбинированием и изысканием средств и путей видеть, видеть, как можно больше видеть. И, действительно, видели до падения с ног от усталости. И вдруг... стоишь на носу «Европы» – рядом Ласки, шпарит солнце, заливают брызгами соленой атлантической волны. <...> Внизу в сундуке – Контракт²⁴⁰. Через 1½ дня Нью-Йорк. <...> Просто не веришь и думаешь, а вдруг опять все сорвется к черту! Но если не сорвется, то вся история с Америкой такой потрясающей конструктивной чистоты и логики, что поражаешься – все срывы и неудачи с точки зрения сейчас достигнутого результата кажутся верхом предсмотрительности и мудрости. <...> Опять же ощущаю себя совсем «маленьким» – ведь вступаешь снова «в жизнь». Опять начинаешь. Положение, как перед «Потемкиным». Назад – некуда (так было и тогда). Не знаю, но думаю, что вытянем. Слишком много нервов и крови стоила эта возможность. Слишком много выдержки, чтобы сорваться. А впрочем, никогда не можно знать. Хватило бы еще старческой кишки.²⁴¹

Пожалуй, это единственное по откровенности автоописание авантюрной, но расчетливой игры Эйзенштейна между двумя мирами. Не предназначенное для передачи, письмо интонационно поясняло его необычайный статус, признанный Голливудом. Контракт с Ласки принес режиссеру странную свободу: он должен был демонстрировать новым партнерам космополитизм и при этом – беречь советскую «невинность», понимая, что любой неосторожный публичный жест грозит изгнанием из «рая» или «ада», т. е. вождеденно-го Голливуда или далекой Москвы. В дни путешествия через Атлантику Эйзенштейну казалось, что он перехитрил всех и триумфально доведет головоломную партию «на двух досках». Только безогляд-

²³⁷ Обманов (англ.).

²³⁸ Не рекомендуется (англ.).

²³⁹ Несмотря ни на что (франц.).

²⁴⁰ Этот документ в архиве режиссера отсутствует.

²⁴¹ Письмо С. Эйзенштейна П. Аташевой от 10 мая 1930, пароход «Еурога» – Москва (цит. по: «Самое ужасное, чем я страдаю, – отсутствием воли...»: Письма к Паре Аташевой // КЗ. №36/37. С.221-222).

ным эгоцентризмом можно объяснить его уверенность в том, что он добился права стать «кинематографическим Эренбургом», сохранив при этом свободу от специфических обязательств этой роли.

О том, как быстро и необратимо рухнула эта иллюзия, хорошо известно. Практически все писавшие об «американской трагедии» режиссера считали ее первопричиной несоответствие творческой и гражданской ментальности режиссера с коммерческими принципами Голливуда, но никто не отметил его безусловной внутренней готовности к конвертации советских добродетелей на американские²⁴². Одно из первых «внутренних» высказываний Эйзенштейна об Америке свидетельствует, что все происходящее с ним завершало прежний опыт и открывало перед ним новую жизнь, продолжительность которой явно выходила за рамки полугодовой командировки:

Дорогая матушка!

Через 3 часа открывается новая страница жизни Твоего сына – через 3 часа я вступаю на почву Лос-Анджелеса. Ни пуха и ни пера! Надеюсь, это не сходит с материнских уст Твоих.

Новая страница, как 10 лет тому назад – ровно, ибо в июне же 1920 года я перешел на «артистическую» деятельность.

Еще 3 часа и... Холливуд.

Целую крепко крепко.

Любящий

Сын Сергей²⁴³

Не могло не радовать и то, что в Америке от него не требовался эпатаж политических «бугад» (об этом настойчиво напоминал Ласки)²⁴⁴, и поэтому с первых же дней режиссер вернулся к образу «послушного, шаркающего ножкой» пай-мальчика из Риги, приехавшего учиться у Америки новым ценностям, а политкорректность «гражданина мира» избавляла от необходимости публичной самоидентификации.

²⁴² Свидетельство помощника режиссера указывает, что он сохранял эту готовность до последнего момента. Сразу же после разрыва с «Paramount» «мы постарались распушить слухи о том, что Эйзенштейн свободен, и стали искать малейшую зацепку. С разных сторон возникали смутные надежды, которые так ни к чему и не привели. Однако, после того, как мы посетили по его просьбе Сэма Голдвина, я категорически запротестовал. <...> я стал резко спорить с Сергеем Михайловичем. Я считал, что предлагать себя таким образом было ниже его достоинства. Все это ни к чему не могло привести, а имя его тем временем обесценивалось. Я настаивал на немедленном прекращении таких попыток» (Монтэгю А. В Голливуде. С.245-246).

²⁴³ Открытка Ю.И.Эйзенштейн от 16 июня 1930, поезд Чикаго – Лос-Анджелес. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1551. Л.31.

²⁴⁴ Ср.: «От личного впечатления зависит очень многое... Только не будьте слишком серьезны... Укажите на свои вихрастые волосы... Но вместе с тем не перепутайте их с легкомыслием... <...> Вас к этому обязывает контракт с нами... Вы должны поддерживать и свой, и наш престиж...» (Мемуары. Т.1. С.233).

фикации с загадочной советской цивилизацией. Первыми эту метаморфозу отметили журналисты:

С.М.Эйзенштейн по прибытии в Нью-Йорк был встречен целой армией журналистов. Разговор был откровенный. Американцы сразу взяли быка за рога:

– Будете ли вы ставить во главу угла социальные темы и у нас, как в своих советских фильмах?

– Нет. «Броненосца “Потемкина”» здесь не повторю.

– Дадут ли вам в Холливуде свободу при выборе тем и сценариев?

– Безусловно. Так мы и договорились.

– Согласились ли бы вы режиссировать фильм с участием Чаплина?

– По правде сказать, я никогда об этом не думал.

В дальнейшем беседа пошла по нейтральной линии:

– Точных планов у меня нет. Посмотрю на месте в Холливуде.

Но, вероятно, по-прежнему предпочту массу, а не отдельных героев. Ведь масса играет важную роль в фильмах некоторых американских кинорежиссеров. Дирекция Парамоунта сказала мне, что я буду у них в том же разряде их кинорежиссеров, в который входят Любич <...> и Стернберг <...>. Возможно, что я применю в Холливуде свой метод: избегать работы с профессиональными актерами, а брать людей для всех ролей прямо из массы. Я должен поставить для Парамоунта четыре картины, по одной в год, теперь я приехал на шесть месяцев. Я применю в Холливуде принцип монтажа к звуку. Надеюсь найти новый метод такого применения. В Париже я произвел некоторые опыты по звукофильму.²⁴⁵

Сдержанно-абстрактными были и лекции режиссера, прочитанные в нескольких университетских аудиториях:

Слушатели ожидали ответа на вопрос, какие задачи он как режиссер ставит себе в Америке, но не получили. Докладчик ограничился несколькими фразами о своем намерении экранизировать диалектическую задачу, а по существу ограничился шуткой: присутствующие на докладе директора американских студий могут украсть его тему. <...> Интеллектуальных картин Эйзенштейн в Америке снимать не намерен. Мы, – говорил он, – не придерживаемся в содержании своих картин американской системы треугольника: «мужчина, женщина, любовь». В нашу задачу не входит изображение индивидуальных чувств. Наш экран – продукт коллектива, масс. Наша задача – материализация идей, а не эстетическое и психологическое изображение чувств отдельного человека.²⁴⁶

²⁴⁵ <Б/н.> Эйзенштейн в Америке // ПН. 1930. 30 мая. С.5.

²⁴⁶ <Б/н.> Эйзенштейн в Америке // Там же. 13 июня. С.4. В одном из посланий на родину режиссер сообщил: «...с большим успехом и без Сорбоннских

Судя по откликам прессы, академическая риторика Эйзенштейна произвела на американцев благоприятное впечатление, но не обманула эмигрантскую часть аудитории. Они почувствовали в этом более тонкую, чем обычно, пропагандистскую игру и предупредили об этом общественное мнение:

...он исполняет волю пославшего его. Он не может говорить и мыслить вслух иначе и в глубине души прекрасно понимает всю бездонность своей идейной безыдейности. <...> В сущности, было глубоко жаль лектора, может быть, даже талантливого режиссера, но заранее самого себя осудившего на неуспех в Америке. Ибо та система ликвидации интеллектуального и творческого труда, которую проводит советское кино, осуждена на полную неудачу здесь, в Америке. Может быть, поэтому Эйзенштейн спешит авансом обругать Америку, которая его приютила²⁴⁷. Через полгода Эйзенштейн, если не переменит своего лица, если не отречется «от старого мира» пропаганды, должен будет бесславно исчезнуть и вернуться в советские пенаты. Поэтому он на первой же лекции спешит оправдаться в грядущем провале. <...> Эйзенштейну придется долго ждать, пока его искусство придется в пору в Америке.²⁴⁸

Тем временем одна из публичных реплик (или оговорок?) режиссера спровоцировала новый скандал – на сей раз в Москве. Там долго не могли разобраться в деталях голливудского контракта и новом статусе Эйзенштейна, собирая информацию о нем по публикациям западной печати. В одной из них обнаружилась крамольная фраза: «Я устал от пропаганды и не собираюсь возвращаться в Союз». Повидимому, она широко разошлась по Москве и встревожила кинематографических функционеров:

Редакция «Кино и жизнь» АРПК просит опровергнуть телеграфно интервью «Тон <унд> бильд». Необходимо <опровергнуть в> прессе печатную клевету за границей, сплетни здесь. Верим ждем. <...>²⁴⁹

последствий выступал здесь уже в трех старейших университетах – Колумбийском (New York), Yale'ский, Harvard (Boston)...» (открытие Ю.И.Эйзенштейн от 28 мая 1930, Нью-Йорк – Ленинград. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр. 1551. Л.24об.).

²⁴⁷ Ср.: «Московская кинематографическая печать, останавливаясь на «столкновении Эйзенштейна с Голливудом», так определяет миссию советского кинорежиссера: «Пребывание Эйзенштейна в С<оединенных> Штатах даст толчок Голливуду и встряхнет его от шаблона, к которому он успел уже приспособиться в производстве говорящих фильмов» (<Б/н.> Эйзенштейн в Голливуде // ПН. 1930. 15 августа. С.3; см. также: <Б/н.> Эйзенштейн в Америке // Там же. 11 июля. С.4).

²⁴⁸ Львов Л. На докладе Эйзенштейна // Новое русское слово. 1930. 23 мая (вырезка: РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1973).

²⁴⁹ Телеграмма секретаря Ассоциации работников революционной кинематографии (АРПК) Константина Юкова и П.Аташевой С.Эйзенштейну от 28 июля 1930. – Там же. Ед.хр.1621. Л.76. «Ton und Bild» – еженедельное при-

Еще не отошедший от эйфории, режиссер ее попросту проигнорировал бы, но подпись Аташевой под телеграммой сигнализировала, что дело вполне серьезно и требует незамедлительного исправления пошатнувшейся репутации:

Телеграмма
Москва Тверская, 35, редакция «Кино и жизнь»
Сан-Франциско

Категорически опровергаю клевету Тон унд Бильд и других. Никаких интервью им не давал даже не читал. Прошу и впредь никакой белогвардейской брехне не верить. До скорого свиданья
Эйзенштейн²⁵⁰

В предотъездной суете он мог и вправду запомнить о том, что наговорил бесчисленным интервьюерам и репортерам, среди которых, между прочим, не было ни одного «белогвардейца». На самом же деле германский журналист, опровергнуть которого взялся режиссер, процитировал в статье фрагмент интервью Эйзенштейна парижскому изданию «Cine-Commoedia» и при переводе искажил его фразу, гласившую, что он «устал от советов и от своей работы ищущего работу <так!>»²⁵¹. О первоисточнике этой дезинформации Эйзенштейн узнал с запозданием²⁵², но стало очевидно, что теперь ему предстоит непростые заочные объяснения с Москвой. Еще не зная, насколько серьезный оборот приняло дело, он попытался закрыть щекотливую тему обращением к «кинообщественности» и еще раз изложить ей версию своего голливудского ангажемента:

Дорогой Юков²⁵³!

Во-первых, сердечное Вам спасибо за телеграфный запрос об брехне, которую про меня распускают в Берлине (я был неделю в Сан-Франциско; поэтому ответить запоздал).

ложение к газете «Berliner Tageblatt» (номер от 17 июля 1930). Автором заметки был Генрих Йордан.

²⁵⁰ Опубл.: КиЖ. 1930. №23 (август). С.11

²⁵¹ *Coutisson J.-P.* Jesse Lasky engage Sergei Mikhailovitch Eisenstein // *Cine-Commoedia* (Paris). 1930. №853; Eisenstein et Amerique // *L'Humanite* (Paris). 1930. 4 mai (вырезки и перевод этих текстов на русский язык см.: РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.2841. Л.53, 61-64).

²⁵² Осенью 1930 года Эйзенштейн специально интересовался реакцией парижской прессы на свой отъезд и просил парижского корреспондента прислать газетные вырезки на эту тему (письмо к Л.Муссинаку от 4 октября 1930, Голливуд – Париж; см.: *Муссинак*. С.244).

²⁵³ Юков Константин Юлианович – партийный работник, функционер советских киноорганизаций (Общество друзей советского кино (ОДСК), АРПК), ответственный секретарь журнала «Кино и жизнь». Адресовав письмо Юкову, режиссер, по-видимому, рассчитывал на то, что адресат доведет его содержание до коллег по киноцеху.

Я совершенно ничего об этом не знал, и Ваш запрос был как снег на голову. Вчера я получил из Берлина запрос от наших газет и краткое сообщение, в чем дело: так оно и оказалось, как я полагал. Немецкие материалы – перепечатка из французской белой прессы.

Тенденция же этой швали писать о том, что культурные силы бегут из Союза, что «видные поэты» (Маяковский) не выдерживают и стреляются и т. д. В свое время я сделал жестокую отповедь всему этому в докладе в Сорбонне, и сейчас они, пользуясь «расстоянием», опять затевают то же. Все это настолько нелепо, что даже чудно оправдываться!

В Германию интервью посылаю – там это нужно.

Вообще же вижу, что над головой моей в Москве набираются такие тучи, что надо Вам разъяснить многое.

1. Почему я не пишу статей. Вы знаете, что «киселей» я не пишу и не умею писать даже об наших внутренних вопросах. <...> Смотрят тут за нами в тысячи глаз, и надо быть зверски осторожным во всех высказываниях, особенно критических и особенно в период Амторговских расследований. Полиция и здесь нас навещала. «Присягали» мы поднятием руки говорить правду, как тут принято. Правда, потому получился большой конфуз, когда на вопрос «верю ли я в бога» я заявил, что всякий мало-мальски развитый человек уже перестал это делать, а я себя рассматриваю принадлежащим к этому разряду. После этого я спросил его: «Ну, а как Вы?» На что последовал твердый глубокомысленный и внушительный ответ: «Да, я верю». <...>

2. Почему пока нет «технических» статей:

Писать «общие труды» никому не нужно. Мы же занимаемся доскональным изучением техники, что достаточно затруднительно до практического использования всего этого. <...> Да, еще одно – это фантастика в Московских письмах относительно золотых гор, загибаемых нами здесь.

Конечно, «задаром» здесь никто не работает, но никаким головокружительным цифрам вокруг наших глаз ни в печати, ни в слухах не вер<ь>те – если бы Вы видели, как жмут в сметах, вычитывают каждый гвоздь и каждый час.

А остальное реклама.²⁵⁴

²⁵⁴ Неавторизованная машинописная копия (б/д.). – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1569. Л.1, 6. Последний пассаж был общим ответом на упреки недоброжелателей и друзей. Ср.: «Важно, каким Вы вернетесь, важно, что и как Вы захотите и будете делать у нас. И важно, что этот год прожили не с нами. Не жили тем, чем жили мы. Этот год замечательный во многом – суровый, тяжелый, но прекрасный большевистский год. Вы жили далеко, жили другим – и я не знаю, что для Вас, для Вашей работы было бы важнее – что больше – Голливуд и те возможности, что даются Вам сейчас, или район сплошной коллективизации, именно сейчас, в 1930 г., – пусть с нашей кустарной, бедной техникой, но тема, поднятая и оформленная в кино Вами, а не др. др. др. <...> И я хочу гордиться

Набор этих лукавых аргументов расширил и присоединившийся к письму Александров. Он сослался на «враждебное окружение», затруднявшее полноценную связь группы с родиной:

<...> Писать в Москву надо многое, и хочется и необходимо, но чрезвычайно опасно. Писать не Советским пером не можем, а Советским нельзя, ибо чуть ли не каждый день в газетах заметки, что мы кому сказали, что критиковали и т. д. <...> Белогвардейцы следят за нами и ждут удобного случая для нашей дискредитации в американских кругах.²⁵⁵

Одновременно режиссер попытался дезавуировать скандальное интервью через американскую прессу, но не добился желаемого:

«Я устал от пропаганды и не собираюсь возвращаться в Союз». Эйзенштейн отправил в газеты опровержение, которое те отказались напечатать. Тогда он выступил на страницах местного коммунистического листка: «После постановки первой картины для Парамоунта я возвращаюсь в Советский Союз. Я принадлежу стране Советов. Я здесь для сближения американской кинематографии с советской».²⁵⁶

Врнуть доверие к режиссеру должна была статья Аташевой, помещенная в том же номере журнала, что и его телеграмма. Этот текст интересен прежде всего тем, что содержит алгоритм всех последующих интерпретаций эйзенштейновской «заграницы». В статье первым делом напоминались идеологические заслуги киногоруппы, успешно отбившей нападки «буржуазной печати» после «славных кутеповских дней», за что и была наказана высылкой, но «общественность Франции была настолько за советских кинематографистов, что даже выслать их из Франции не удалось». Далее читатель узнал о том, что «группа имела смелость отвергнуть 5 предложений, исходявших от французских кинокоммерсантов», после чего «помойка вышла из берегов, грязные заметки и сплетни привычно запестрели на желтеньких листочках французской печати». В поток этих недо-

Вами, а потому мне небезразлично, что Вы будете делать сейчас там у них. <...> Не соблазняйте никого — и не соблазняйтесь сами» (письмо Э.Шуб С.Эйзенштейну от 2 августа 1930, Москва — Голливуд. Цит. по: Шуб Э. Жизнь моя — кинематограф. М., 1972, С.385).

²⁵⁵ РГАЛИ. Оп. 1. Ед.хр.1569. Л.1, 6.

²⁵⁶ <Б/п.> Эйзенштейн в Холливуде // ПН. 1930. 15 августа, С.3; см. также: <Б/п.> Эйзенштейн в Америке // Там же. 11 июля. С.4. Тогда же режиссер дезавуировал статью французского журналиста Жака Лори, который привел в своей корреспонденции уничижительный отзыв Эйзенштейна о французской кинематографии и ее работниках в речи на банкете «Paramount» по случаю приезда в Голливуд. См.: Сергей Эйзенштейн пишет в «Синемонд» // КЗ. №36/37. С.334-336. О первых месяцах жизни советского режиссера в США см. также: Надеждина Л. Эйзенштейн на американской почве // Русский голос (Нью-Йорк). 1930. 9 ноября.

стоверных публикаций была вписана и злополучная статья сотрудника «Cine-Commoedia» Жана-Поля Кутиссона, заметившего, что «уставший от Советов» режиссер «никогда в душе не принадлежал к партии Ленина. Он был меньшевиком, и одно только его пребывание во Франции могло заставить это предположить, если не понять»²⁵⁷.

Однако опровергнуть цитату, в которой присутствовали ключевые слова советского лексикона образца 1930 года (партия, меньшевик), было нечем. Принадлежал ли этот тезис герою статьи или нет, уже не имело значения. Похоже, с этого времени московское досье на кинематографиста стало пополняться особенно активно. Заступничество третьих лиц и личные объяснения Эйзенштейна, отдавшего немало сил и времени тому, чтобы убедить коллег и чиновников в своей лояльности, помочь делу – особенно на расстоянии – не могли. Как бы ни развивались дела в Голливуде, его советские «акции» неуклонно падали – и тем неумолимее, чем дольше группа задерживалась за границей.

После разрыва с «Paramount» у Монозона возникла идея вернуться к первоначальным договоренностям и отправить группу на жуанвильскую студию с тем, чтобы дать ей еще один производственный шанс, а заодно и приблизить к Москве. Но режиссер никогда не входил в одну и ту же воду дважды.

В отношении Москвы, Лев Исаакович, у нас просьба только в трех вещах: доверие, доверие и доверие к нам. Чтобы не выдумывать эти бесконечные внезапные паники по поводу нас. И доверие означает время. <...> О срыве парижской комбинации – я не жалею. Если бы Вы лучше знали обстановку и атмосферу производства в Париже – Вы бы тоже не так увлекались бы этим планом. Более отвратительного застоя, дешевки и недоброкачественности трудно сыскать – я себе совершенно не представляю, кто бы был там способен работать из наших людей <...>. К тому же и *dealing with the French character*²⁵⁸ – искусство весьма немалое и куда-куда туже, чем с американцами – которые лишь *hard guided*²⁵⁹ в вопросах *businessa* – те же по всем секторам... сволочи порядочные! И это говорю я, выдавший во Франции совершенно исключительные образцы участия, дружбы и помощи – за исключением ряда весьма одиозных профессиональных фигур. И затем

²⁵⁷ *Аташева П.* Еще одна фальшивка // КиЖ. 1930. №23, август. С.11. Процитированный пассаж Кутиссона Аташева опровергла лишь одним неубедительным контраргументом: «а доклады в рабочих кварталах?». Возможно, к этой истории относится недатированная и малосвязная запись режиссера: «Так оглушило что забыли зайти написали interview, забыв зайти. Также памяти Schenck Douglas во всех интервью обвиняют Францию однако Gaumont, меньшевизм. Сорбонна» и т. д. (РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.1118. Л.6-6об.).

²⁵⁸ Иметь дело с французским характером (англ.).

²⁵⁹ Здесь: упертые (англ.).

не забудьте, что $\frac{3}{4}$ Франции как-никак... Major Peas'ы²⁶⁰! Только еще зловреднее!²⁶¹

Желание режиссера реабилитироваться мексиканской постановкой оказалось еще одной утопией. Помимо множества технических и бытовых проблем, срывавших сроки, съемки сопровождались оживленной эпистолярной дискуссией Эйзенштейна: с продюсерами – из-за денег²⁶² и с Москвой – из-за продления срока заграничного «отпуска/командировки». При этом его отношения с новым руководителем «Союзкино» Борисом Шумяцким, за спиной которого стояло высшее партийное руководство, и прежде всего сам Сталин, до поры развивались вполне конструктивно²⁶³, а кредит доверия к режиссеру был весьма велик. Этого не могла не отметить даже эмигрантская печать, внимательно следившая за перипетиями советской группы в Голливуде и Мексике:

Двухлетнее пребывание постановщика «Броненосца “Потемкина”» за границей дало некоторое основание предполагать, что «первый советский кинорежиссер» превратится в невозвращенца. Но он сообщает в Москву о своем предстоящем возвращении. Эйзенштейну предполагается поручить постановку одной из самых крупных картин текущего сезона, связанную с 15-й годовщиной Октября.²⁶⁴

Тем не менее слухи о невозвращенстве Эйзенштейна с одинаковой настойчивостью муссировались диаспорой и метрополией на протяжении всего 1931 года. Разница была лишь в формах распространения информации: эмигрантская печать писала об этом открыто, а советская эту тему вообще не обсуждала, напротив, стараниями Аташевой и Монозона регулярно публиковала бодрые отчеты об «ударной» работе группы²⁶⁵. Но, по-видимому, классовая бдитель-

²⁶⁰ Имеется в виду голливудский техник, отставной майор американской армии Фрэнк Пиз, автор брошюры «Посланец ада» (1930) и многочисленных статей и открытых писем в американской прессе, инициировавших изгнание Эйзенштейна из Голливуда.

²⁶¹ Письмо С.Эйзенштейна Л.Монозону <май – начало июня 1931>, Мексика – Нью-Йорк. – РГАЛИ. Ф.2617. Оп.1. Ед.хр.42. Л.23-24.

²⁶² См. об этом: *Bulgakova*. P.125-143. Об истории мексиканского фильма см. также: Sergei Eisenstein and Upton Sinclair: Making and Unmaking of Que viva Mexico! / Ed. by H.Geduld and R.Gottesman. Bloomington, 1970.

²⁶³ Возможно, роль модератора-«громоотвода» в этом общении играл Монозон, посредничавший между Эйзенштейном и Москвой. См. его письма к режиссеру за 1931 год: РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1985.

²⁶⁴ ПН. 1931. 4 сентября. С.4.

²⁶⁵ <П.Аташева> Успех советских фильм в Америке // ВМ. 1930. 19 сентября, С.3; Тиссэ Э. Траспорант (новый способ съемки) // КиЖ. 1930. №29-30, ноябрь. С.20; С.Ст-н. Советские фильмы в Голливуде // Там же. №36, декабрь. С.13 («сокращенный перевод с английского» П.Аташевой); Л.М.<монозона>н. Зиг-

ность московской «кинообщественности» находила иные и не менее действенные информационные каналы, вынуждая режиссера на новые объяснения.

Конечно, если люди, непосредственно сталкивавшиеся со мной постоянно на производственной и общественной работе, полагают нас за сволочей, способных продаться иностранным деньгам, – нас уже не удивляет то, что в отношении нас делается и может быть сделано еще со стороны более далеко стоящих.

Вместо того чтобы оказать нам поддержку в дьявольском затруднении, в которое мы попали, и помочь разъяснить их, Вы, кажется, первым становитесь в ряды тех, кто слишком рады втоптать нас в говно эмигрантщины.

Зная, что вы не имеете права отвечать мне, прошу Вас, однако, изменить мнение в отношении нас и понять, в конце концов, что нас до окончания держит необходимость, а отнюдь не дезертирство.²⁶⁶

В июне 1931 возвращение группы в СССР было еще раз отложено, что дало ее участникам новую надежду на успешное завершение работы.

...об нашем деле у нас уже есть информация (частная) из Москвы – отпуск нам продлен до... ноября. Так что все в порядке. Отчетом нашим довольны...²⁶⁷

Однако так казалось издавело. Уже с начала сентября близкие (Шуб, а за ней Аташева и мать режиссера) стали забрасывать его письмами и телеграммами с просьбой незамедлительно остановить съемки и вернуться домой.²⁶⁸ Есть основания думать, что к тому времени рефлексия коллег-кинематографистов перешла в новое качество и наконец дошла до нужного адресата, который и сформулировал ее в известной телеграмме Эптону Синклеру:

заги американских кинодельцов: К пребыванию режиссера Эйзенштейна в Америке // ГК(М.). 1931. №6, 27 января. С.2; *Он же*. Неудачный детектив в постановке мексиканской полиции: Эйзенштейн, Александров и Тиссэ в Америке // Там же. №12-13, 27 февраля. С.4; < *П.Аташева?* > Начало работы по мексиканскому фильму // Там же. №28, 21 мая. С.4; и др.

²⁶⁶ Черновик письма (б/д; 1931) С.Эйзенштейна К.Юкову. – РГАЛИ. Оп.1. Ед.хр.1569. Л.7об. По возвращении в Москву Эйзенштейн и Александров попытались парировать эту обструкцию, возложив часть вины за неудачный исход заграничной поездки на руководство АРПК, к тому времени уже распущенной вместе с другими литературно-художественными объединениями по известному партийному решению (см. докладную записку секретарю ЦК ВКП(б) по агитации и пропаганде о положении съемочной группы. 15 мая – июль 1932 (черновик). – РГАЛИ. Оп.2. Ед.хр.1890. Л.3).

²⁶⁷ Письмо С.Эйзенштейна Л.Монозону от 19 июня 1931, Мексика – Нью-Йорк. – Там же. Ф.2617. Оп.1. Ед.хр.42. Л.25об. Сообщение о продлении поездки пришло от Аташевой, см.: Там же. Ф.1923. Оп.1. Ед.хр.1621.

²⁶⁸ Подробнее об этом см.: *Bulgakova*. P.137.

Эйзенштейн потерял доверие своих товарищей в Советском Союзе. Его считают дезертиром, который разорвал отношения со своей страной. Боюсь, что здесь скоро потеряют к нему интерес. Как это ни прискорбно, но это факт.²⁶⁹

С этого документа принято отсчитывать начало личного конфликта между Сталиным и Эйзенштейном, что, на наш взгляд, вряд ли соответствует действительности. Во-первых, категоричность телеграммы, адресованной не лично режиссеру, а его продюсеру, ретранслировали «общественное мнение», от которого дистанцировался ее автор. Не случайно этот нетипичный образец сталинского стиля содержит лишь «констатирующую» часть, лишенную императивности (что, между прочим, позволило группе вернуться в СССР лишь через пять с лишним месяцев после получения телеграммы). Во вторых, само появление такого послания – беспрецедентное событие в общении метрополии с «невозвращенцами», трудно объяснимое даже с точки зрения исключительности фигуры Эйзенштейна, если признать ее таковой в советском политическом дискурсе. Вряд ли Сталин верил в то, что с помощью такого неловкого шантажа сумеет заполучить назад «любимого» режиссера. Однако маневр сработал, и скорее всего это был один из пропедевтических экспериментов вождя в области социальной педагогики, проведенный в надежде другим беглецам. В-третьих, Сталин проявил замечательную осведомленность об истинном положении советской киногоруппы в Мексике. Его телеграмма пришла к Синклеру в то самое время, когда невнятные отношения продюсера с режиссером уже перешли в открытый конфликт, что привело постановку на грань срыва, а отказ Москвы от моральной поддержки своего посланца лишь укрепил разочарование продюсера в несостоятельном партнере и ускорил его решение выйти из дела.

Провал заокеанского проекта лишал амбициозного режиссера какого бы то ни было будущего за границей (если он действительно хотел там остаться), и это было очевидно прежде всего ему самому. Возвращение на родину по сталинскому «вызову» давало Эйзенштейну шанс сохранить репутацию художника, списав неудачу на ментальную несовместимость с Западом (попутно при этом сыграв на легенду о насилии Кремля над Мастером), и отказываться от него было неразумно. При этом Эйзенштейн догадывался (или был уверен?), что наказание строптивого «блудного сына», в отличие от

²⁶⁹ Из телеграммы Сталина Эптону Синклеру от 21 ноября 1931 (см.: *Марьямов Б.* Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992. С.19). Подобно другим известным случаям общения вождя с интеллигенцией, о содержании этого послания в Москве, по-видимому, узнали сразу же. О других обстоятельствах, сопровождавших переписку Синклера и Сталина, см.: *Bulgakova*. P.137.

случаев с другими, будет не слишком строгим и, во всяком случае, не примет характера уголовного преследования. Так и оказалось: как известно, в Москве режиссера «репрессировали» трехлетним отлучением от кинематографической практики и полупочетной «ссылкой» во ВГИК, что безоговорочно расценивается эйзенштейноведами жестокой мстью Шумяцкого и Сталина. По-видимому, они не догадываются, что в этом случае к режиссеру (не в пример Александру и Тиссэ) была применена, пусть и намеренно, законодательная норма об использовании специалистов после заграничных командировок, ничего общего с наказанием не имевшая²⁷⁰.

Накануне возвращения в Москву режиссер решил еще раз продемонстрировать отсутствие комплекса вины и написал ритуальный текст-отчет о проделанной работе, результатов которой никто так и не увидел:

Всегда за эти годы пребывания за границей мы были частицей Союза, и именно Союза, – будь то в золоченом картоне Голливуда, будь то среди плантаций Мексики. Мы никогда не давали окружению это забывать – ни окружение... нам.

Враждебность, аресты на границах, попытка выставить нас из страны (напр<имер>, скандал в Париже после доклада в Сорбонне) и, с другой стороны, сплоченная, активная дружба со всем тем, что есть передового и прогрессивного, – все вместе сводилось на ту идеологическую позицию, которую мы представляли достаточно бескомпромиссно и с открытым забралом. <...> Сохранение этой неизменной советской экстерриториальности нашей группы в одинаковой мере предохранило нас от скатывания в идейное болото Голливуда и дало возможность правильно понять и показать, как нам кажется, Мексику <...>. На последнем перегоне нашего пути в Нью-Йорке и в Берлине нас с Тиссэ (Александров будет в Москве через несколько дней) спрашивали, почему у нас такой жизнерадостный и счастливый вид. Я думаю, это правильно определяет контраст между беспочвенностью и паникой, охватившей буржуазию в Европе и Америке и той твердой уверенностью и уравновешенностью на путях к тому, за что мы все деремся, где бы мы ни находились.²⁷¹

Подводя итоги заграничной эпопеи Эйзенштейна, нельзя пройти мимо одного признания, немало прибавляющего к пониманию его как художника и как человека. В мае 1931, давая наставления другу

²⁷⁰ Согласно постановлению Совнаркома СССР от 25 мая 1930, специалисты, побывавшие в длительных заграничных поездках, были обязаны отработать двойной срок своих командировок (но не свыше трех лет) в учреждениях по усмотрению своего ведомства (см.: ПН. 1930. 28 мая. С.2).

²⁷¹ *Эйзенштейн С., Тиссэ Э.* Окончательный монтаж – в Москве // ВМ. 1932. 9 мая. С.2. Публикация сопровождалась редакционным примечанием, что в этот день режиссер и оператор вернулись в Москву из заграничной командировки.

в вопросах тактики и стратегии творческого поведения, режиссер суммировал принципы, которыми руководствуется циник-профессионал:

...Надо *нажимать, дипломатничать, унижаться, хитрить, лукавить, опять нажимать...* Но *делать*. И делать по-настоящему. <...> Не забудь, что все «выдающиеся» – прежде всего *дельцы*. И без громадной «организационной» работы ничего... нигде не делается и никогда не выходит: будь то Виктор Гюго или Диего Ривера – это прежде всего бойцы, и какие! за *плацдарм* для «гениальности». <...>. Жареные гуси только в сказках в рот лезут.²⁷²

* * *

Автор выражает глубокую благодарность тем, кто тем или иным образом соучаствовал и помогал при написании этой работы: Татьяне Осокиной, Марине Сорокиной, Ольге Серебряковой-Дмитриевой, Светлане Сквородниковой, Валерию Босенко (Москва); Татьяне Гладковой, Ленни Борджеру (Париж); †Александру Серебренникову (Джерси-Сити, США). Особую ценность имели сообщения Николь Ландау (Париж) и Рашели Розенталь (Бeverли-Хиллз, Калифорния, США), поделившихся семейными воспоминаниями и биографическими справками.

²⁷² Письмо С.Эйзенштейна М.Штрауху от 9–10 мая 1931, Мексика – Москва (курсив автора). Цит. по: *Штраух М. Эйзенштейн – каким он был // Эйзенштейн в воспоминаниях современников. С.75.*

Олег Будницкий
ДИПЛОМАТЫ И ДЕНЬГИ¹

2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД²

В начале 1921 между финансовым агентом в США С.А. Угетом и агентом Министерства торговли и промышленности в Японии К.К. Миллером состоялся следующий обмен телеграммами³:

21 февраля 1921 г.

Советник посольства – послу в Токио. №35

Угет просит передать Миллеру.

Ближайшие дни Гонконг-Шанхайской банковской корпорацией в Шанхае из золотого депозита, установленного августе 1919 года Омским правительством по доставке винтовок Ремингтоном, освободится нашу пользу примерно 233.000 долларов золотых слитков. Прошу срочно сообщить, не найдете ли возможным взять на себя реализацию этого золота на Дальнем Востоке с переводом вырученной суммы Нью-Йорк, также каковы условия рынка.

<подпись> Бах

5 марта 1921 г.

Посол в Токио – послу в Вашингтоне. №23

Миллер просит передать Угету.

№35 получен.

Готов взять на себя реализацию слитков. Из переговоров с банками выяснилось, что наиболее подходящим является пред-

¹ Настоящая статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №03-01-00076а.

² Первую часть см.: *Будницкий О. Дипломаты и деньги. 1: «Колчаковское золото» // Диаспора: Новые материалы. Т.4. Париж; СПб., 2002. С.457-508.*

³ См.: Hoover Institution Archives (далее – НИА). Russia. Posol'stvo (U.S.). Box 38. Folder 4. Далее при ссылках на это хранилище первая цифра обозначает номер коробки, вторая – папки).

ложение Йокогамского Спесие банка. Последний предлагает следующие условия: сдача в Шанхае, цена 41 иена 47 сен за унцию, повторяю 41 иена 47 сен, выручка переводится в Америку по курсу 48,5/8, повторяю 48 и 5/8 доллара за 100 иен. Если Вы находите условия приемлемыми, то прошу меня уведомить, а также телеграфировать, во-первых, Гонконг-Шанхайскому банку в Шанхае, чтобы он сдал слитки Йокогамскому Спесие банку в Шанхае, поручив ему перевести выручку Вам, и, второе, Йокогамскому Спесие банку в Шанхае, чтобы он принял слитки и переслал выручку Вам. Случае необходимости могу выехать Шанхай для наблюдения за исправным соблюдением сделки.

№50 Миллер

<подпись> Крупенский

9 марта 1921 г.

Посол в Вашингтоне – послу в Токио. №40

Ваша телеграмма №23 получена.

Угет просит передать Миллеру.

На №50. Крайне признателен за любезное содействие. Предложение Йокогама Спесие банка вполне приемлемо. Соглашение Ремингтоном будет подписано около пятнадцатого марта. Договор предусматривает возможность рассчитаться наличными, каковой опцион, вследствие выгоды предложения Спесие банка, предполагаю использовать. Таким образом, золотых слитков будет примерно 500.000 долларов. Предполагаю увеличение количества золота не изменит условий Банка. Считал бы Ваше присутствие Шанхае крайне желательным, расходы возьму по указанию Вами потребной суммы.

<подпись> Бахметев

14 марта 1921 г.

Посол в Токио – послу в Вашингтоне. №26

Миллер просит передать Угету. №40 получен.

Заключил соглашение с Йокогама Спесие банком о продаже золотых слитков на условиях, изложенных моей телеграммой 50. Банк согласен однако принять слитки лишь только на сумму не свыше 500.000 иен, как было первоначально условлено. О возможности продажи дальнейших слитков сообщу дополнительно после совершения первой сделки. Мною обусловлено, что операция будет произведена банками в Шанхае между собой по Вашим телеграфным распоряжениям без моего участия, ввиду того что в настоящее время не имею возможности отлучиться из Токио. Благоволите поэтому телеграфировать Гонконг-Шанхайскому и Йокогама Спесие банку Шанхае, как упомянуто моей телеграммой 50, и уведомите меня.

<№>57 Миллер

<подпись> Крупенский

25 апреля 1921 г.

Посол в Токио – послу в Вашингтоне. №37

Миллер просит передать Угету.

Согласно результата апробирования вес чистого золота первой партии слитков 12.131 унция что по цене 41 иена 47 сен за унцию составляет 503.101 иен, равняющихся 244.633 доллара. За вычетом уже полученных Вами 120.000 долларов, Йокогама Спесие банком 15 апреля сделано распоряжение о переводе Вам остальных 124.633 долларов, о получении коих не откажите уведомить.

№105 Миллер

<подпись> Крупенский

В архиве российского посольства в США не сохранились (во всяком случае, нам их не удалось обнаружить) документы, разъясняющие, почему руководители японского банка передумали и решили закупить и вторую часть золотых слитков, освободившихся в ходе расчетов Угета с компанией Ремингтон. Так или иначе, вторая часть золотого депозита также была вскоре продана; о деталях Миллер телеграфировал Угету в начале мая 1921:

2 мая 1921 г.

Посол в Токио – послу в Вашингтоне. Вход. №47.

Получена 3 мая 1921 г.

Миллер просит передать Угету.

Вес чистого золота второй партии слитков двенадцать тысяч сто две унции, что составляет 501.874 иен, равняющихся 244.036 долларов. За вычетом уже переведенных Вам 120.000 долларов Йокогама Спесие Банк уплатит Вам 124.036 долларов, получение коих благоволите подтвердить.

№114 Миллер

<подпись> Крупенский⁴

Я привел все сохранившиеся телеграммы полностью, поскольку эта продажа, не столь крупная по сравнению с другими операциями по продажам и залому золота, проведенными российскими финансовыми представителями за рубежом, имела особое значение. Ибо на этот раз была продана последняя часть золотого запаса России, оказавшаяся в распоряжении Колчака и его «наследников». Так завершилась история «колчаковского золота», если оперировать физическими понятиями и говорить, в данном случае, о золотых слитках. Деньги же, вырученные от продажи, имели свою, и неожиданно довольно долгую, судьбу.

По-видимому, именно продажа последней части золота навела посла в США Б.А.Бахметева и его ближайшего сотрудника С.А.Угета на мысль о необходимости сохранить вырученные средства для будущего антибольшевистского правительства. Тем более что в кон-

⁴ НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 38-4.

це 1920 – начале 1921 средства на счетах российских представителей за границей таяли стремительно, в основном направляясь на содержание и обустройство армии Врангеля и гражданских беженцев.

В конце апреля 1921 Бахметев обратился с «совершенно личным» письмом к председателю Совещания российских послов М.Н.Гирсу, в котором писал:

Последние дни я все беспокоился мыслью об обеспечении необходимыми денежными средствами русского национального движения, с тем чтобы эти средства могли быть использованы для патриотических целей, независимо от положения нашего представительства в той или другой стране. Валюты осталось страшно мало, нужды беженцев огромны, мы живем все время под психологическим давлением отпускать все что возможно на хоть незначительное облегчение страданий; между тем возможно, что впереди – еще многие месяцы, если не годы, до тех пор пока какая-либо русская национальная власть сможет получить какие-то средства на свои заграничные расходы. Мне кажется, что поэтому совершенно целесообразным является наперед выделить в какой-то особый национальный фонд известные суммы, забронировав их, с одной стороны, от изменений в положении нашего представительства, с другой стороны – от расходования на какие-либо иные цели.⁵

Бахметев изложил председателю Совета послов план действий, предложенный Угетом, а именно: образовать особый национальный фонд из средств, выделенных тремя главными финансовыми центрами эмиграции – Европой, Америкой и Японией (имелись в виду, разумеется, распорядители российских средств в этих странах); хранить деньги предполагалось в какой-либо нейтральной стране, например в Бельгии (в Брюсселе); фонд должен был находиться в распоряжении группы лиц, причем решения о расходовании средств должны были приниматься только единогласно. Чтобы избежать упреков в партийности и пристрастности, Угет предлагал включить в состав распорядителей фонда Гирса, Бахметева, В.А.Маклакова, кн. Г.Е.Львова и Н.Д.Авксентьева. Такой состав обеспечил бы пятерке хранителей «широкий национальный характер».

Бахметев сразу поставил вопрос на практическую почву, предложил Гирсу, если он разделяет высказанную идею, снести с К.К.Миллером, в то же время дав понять, что не хотел бы видеть среди распорядителей фонда посла в Японии В.Н.Крупенского, поскольку «Василий Николаевич слишком далек от событий, чтобы можно было рассчитывать на быстроту и единогласие решений»⁶. Со

⁵ Б.А. Бахметев – М.Н.Гирсу, 28 апреля 1921. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 219-6.

⁶ Дело было, по-видимому, не только в расстоянии. Бахметева, судя по всему, не устраивали пассивность и «старорежимность» Крупенского. Любопыт-

своей стороны, Бахметев уведомил Гирса, что они с Угетом договорились предоставить для включения в предполагаемый фонд «выручку от только что проданных в Шанхае остатков золота»⁷.

Миллер, в принципе поддерживая идею о создании Национального фонда, сделать взнос из средств, находящихся в его распоряжении, отказался. Объясняя свою позицию, он писал Угету, что тратит деньги на помощь беженцам не только в Японии, но и в Харбине и Шанхае, а также выделяет средства Особому совещанию Российского общества Красного Креста. Но основные расходы Миллера приходились на Европу, куда им было переведено в общей сложности около 3 млн. иен, что составило около 75% всех его расходов. В частности, на устройство армии Врангеля, по просьбе Гирса, Миллер перевел в сентябре 1921, кроме ранее ассигнованного, один миллион франков «в виде последнего и окончательного платежа на этот предмет». Кроме того, подчеркивал Миллер, из его средств покрывались расходы на содержание дипломатических представительств не только на Дальнем Востоке, но и в Европе. Таким образом, заключал Миллер, решение вопроса о помещении им денег в Национальный фонд зависит от того, как долго он будет продолжать финансировать «Европу», а также от исхода его процесса с Русско-Азиатским банком, который пока что был выигран в первой инстанции⁸.

Разумеется, «Европа» и дальше нуждалась в деньгах, и вопрос о вкладе Миллера в Национальный фонд отпал сам собой. Но главное, по-видимому, все же заключалось в том, что Миллер, будучи персонально ответственным за казенные деньги, с большим сомнением от-

ные впечатления от общения с послом в Японии, «одним из многочисленных Крупенских», весной 1918 вынес будущей управляющий военным министерством правительства А.В.Колчака барон А.П.Будберг: «Такие господа, как местный посол и многие наши представители за границей, знают, что такое революция, только по газетам <...> они ничего не испытали, обеспечены на долгое время прекрасными окладами в золотых рублях и очень горды тем, что могут, сидя в полной безопасности, рядиться в ризы ярых и непримиримых ненавистников большевизма и грозно размахивать руками». Столкнувшись с отказом прикомандировать его к военной миссии в Японии, раздосадованный Будберг записал: «Трудно было ожидать чего-либо более порядочного и человеческого от такого типичного представителя нашей дипломатии, каким является Базиль Крупенский. Недаром говорили про наше “иностранное” ведомство, что русский дипломат и сны видит, и бредит во сне только на французском языке» (*Будберг А., барон. Дневник // Архив русской революции. Т.12. Берлин, 1923. С.285, 286; репринтное воспроизведение: М., 1991. Т.11-12).*

⁷ Б.А.Бахметев – М.Н.Гирсу, 28 апреля 1921.

⁸ К.К.Миллер – С.А.Угету, 16 декабря 1921. – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее – BAR). Boris Bakhmeteff Collection. Box 28.

носился ко всякого рода коллективным затеям, как, впрочем, и к военным вождям. Хотя он и не высказывал этого открыто, но, судя по тому, что он так и не передал находившиеся на его счету средства ни в распоряжение Финансового совета или Совета послов, ни, с другой стороны, великого князя Николая Николаевича или Врангеля, Миллер был склонен давать деньги по собственному усмотрению и в том случае, если был уверен в целесообразности расходов.

Практически одновременно и независимо от возникновения идеи о создании Национального фонда эмигрантскими финансистами начал дебатироваться вопрос о способах хранения (точнее, сокрытия) государственных средств. Во-первых, правительства стран – кредиторов России вполне могли, если бы очень захотели, конфисковать государственные средства в порядке компенсации за долги. Так, во Франции был наложен арест на суммы генерала Э.К.Гермониуса, ведавшего заграничным снабжением армий белых, и на все находившееся в его распоряжении имущество. Во-вторых, подписание англо-советского торгового договора 16 марта 1921, как казалось, создало реальную угрозу передачи казенных средств Советам – ведь теперь большевистское правительство фактически было признано некогда непримиримыми британцами. Эти обстоятельства послужили побудительным мотивом поисков новых способов хранения денег; в конце апреля того же 1921 года Главноуполномоченный по финансово-экономическим делам В.И.Новицкий направил письмо с грифом «Совершенно доверительно» Бахметеву; в письме анализировались различные возможные варианты⁹.

До этого момента все принадлежавшие казне средства, находившиеся в Европе, хранились на счету фирмы Зерега и К^о в Лондоне. История соглашения с фирмой Зерега, давно имевшей дела с Россией, такова. Генерал С.Н.Розанов, один из дальневосточных авантюристов, хозяйничавший во Владивостоке, перепродал японцам находившийся там хлопок, принадлежавший ранее Московскому Купеческому банку и проданный им фирме Зерега. По-видимому, гарантом сделки выступило колчаковское правительство, и, таким образом, фирма стала кредитором казны на сумму свыше 1 млн. фунтов стерлингов. Весной 1920 российским представителям удалось добиться согласия фирмы, что на ее счет будет зачислена сравнительно небольшая сумма – 100 фунтов стерлингов, причем фирма не будет требовать окончательного расчета «до установления законного порядка в России». Существование претензии фирмы к российской казне дало возможность К.Е. фон Замену открыть фиктивные счета

⁹ В.И.Новицкий – Б.А.Бахметеву, 22 апреля 1921. – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 28. Письмо сопровождалось четырьмя Приложениями, основные положения которых излагаются далее.

якобы для обеспечения этой задолженности. Одновременно фирма обязалась не препятствовать свободному снятию денег с этих счетов.

Новицкий не пояснял, в чем состоял интерес фирмы; можно предположить, что ее владельцы надеялись в будущем получить привилегии в торговле с Россией, тем более что рассчитывать на погашение долга немедленно вряд ли приходилось. Таким образом, держатели казенных средств в Англии – Замен и сменивший его Новицкий – как бы и не открывали счет на частное лицо, пользуясь любовью фирмы Зерега.

Однако в ситуации, сложившейся после англо-советского соглашения, когда, с точки зрения российских финансистов и дипломатов, возникла реальная угроза передачи большевикам всех русских правительственных денег, буде таковые обнаружатся, фирма рисковала оказаться в небезопасной роли их укрывателя. В связи с этим Новицкий считал необходимым пересмотреть условия хранения. Держатели российских средств в Европе рассмотрели и отвергли два возможных варианта хранения: 1) на счетах частных лиц, – однако в случае судебного преследования было бы невозможно объяснить происхождение денег; 2) в банковском сейфе наличными или в краткосрочных бонах, – однако бонны опять-таки надо было регистрировать, а местоположение сейфа могли обнаружить большевистские агенты. Во Франции вдобавок существовала угроза секвестра российских средств правительством – в порядке компенсации за содержание армии Врангеля.

Новицкий информировал Бахметева также о предложении Л.Ф.Давыдова, которое явно считал неприемлемым. Давыдов в 1909–1914 был директором Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, а затем директором Русского для внешней торговли банка. Он собирался, совместно с неким И.И.Кестлиным, открыть банкирскую контору, в которой и предлагал хранить казенные суммы. Поскольку Давыдов был человеком очень богатым, то происхождение неизвестно откуда взявшейся крупной суммы не вызвало бы подозрений. «Никаких документов о казенных деньгах, кроме соглашения с Л.Ф.Давыдовым или, на случай его смерти, с партнером Кестлиным не будет, и, таким образом, внутренняя связь, в смысле нашего участия в капитале, будет отсутствовать». Все дело, однако же, должно было быть основано только на личном доверии к Давыдову.

Новицкого тревожила, кроме возникшей угрозы захвата денег большевиками (причем на законных основаниях, с санкции британского правительства), разобщенность финансовых агентов. В отсутствие единого антибольшевистского центра и при реальной перспективе исчезновения дипломатического представительства было неясно,

что может побудить финансовых агентов давать деньги на нужное, по представлениям Совета послов, дело. Отмечу, что опасения Новицкого относительно намерений британского правительства были сильно преувеличены, однако для нас важно то, что они разделялись большинством дипломатов и финансовых агентов.

Средства нужно было централизовать, хранить в надежном месте и в то же время обеспечить их быстрое получение в случае необходимости. Очевидно, что всем сформулированным условиям мог отвечать только банк, причем банк «свой». Единственный способ «полного сокрытия казенного характера сумм и вместе с тем безопасного их помещения», полагал Новицкий, – вложить их в операции с акциями и векселями. Для обеспечения надежности надо стать «одними из хозяев дела», для чего внести часть казенных средств в основной капитал банка.

Участие в управлении делами банка и наблюдение за его операциями обеспечивалось бы вхождением в состав его правления и совета представителей казны. Оперативность и скрытность распоряжения деньгами гарантировались бы выдачей акций на частных лиц, не связанных с казной, а те, в свою очередь, выдали бы «бланковые трансфертные объявления», что позволило бы вписать в них имя любого лица, в том числе «казенного». В то же время с фирмой Зерега было бы подписано соглашение о выдаче ссуды под акции, от 50 до 70% их стоимости. Таким образом, бумаги можно было бы быстро обналичить. Еще один возможный вариант обеспечения доступа представителей казны к казенным же средствам при сохранении конфиденциальности – открытие банком счетов, с которых можно было бы снимать деньги, в других банках.

Банк, по схеме, разработанной Новицким, обязался бы к тому же выдать векселя и оплачивать их, в случае необходимости, до срока. Например, доход по векселю в 100 тыс. фунтов стерлингов был бы равен на полгода 2,5 тыс. фунтов стерлингов. Если бы деньги потребовались через три месяца, то выплачивалось бы 1.250 фунтов стерлингов с удержанием небольшой комиссии. «Представляется, по видимому, правильным, – заключал Новицкий, – осуществить план сокрытия средств путем вексельной операции лишь при осуществлении полностью всего плана помещения средств, т. е. и вступления участником в основной капитал».

Действительно, столь льготные условия предполагаемый банк, очевидно, мог предоставить лишь «своим», фактически совладельцам банка. Очевидно также, что любой банк мог только мечтать о внесении в основной капитал государственных денег, даже (а может быть, и тем более) если этого государства уже не существовало. Этого не мог не понимать столь опытный финансист, как Новицкий. Наконец, понятно, что рассуждения Новицкого были отнюдь не аб-

страктны, и речь шла о вполне конкретном банке. А именно – о London & Eastern Trade Bank (Eastrabank). В предварительных совещаниях по вопросу о способах хранения, информировал Новицкий, участвовали М.Н.Гирс, В.А.Маклаков, М.В.Бернацкий, а также М.С.Аджемов, барон Б.Э.Нольде и П.А.Бурышкин; наиболее приемлемыми они сочли предложение новообразованного лондонского банка. Очевидно также, что предварительные переговоры были Новицким уже проведены.

Банк насчитывал от роду менее полугода. Однако среди его отцов-основателей были «знакомые все лица». В середине января 1921 К.Е. фон Замен, бывший директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, а в последние полгода Главноуполномоченный врангелевского правительства по финансово-экономическим делам за границей, писал Угету, сетуя на неясность и непрактичность постановки «русских дел» за границей, что собирается сдать свою должность Новицкому:

Я <...> принял предложение вновь открытого в Лондоне банка, с русскими и английскими акционерами, вступить в состав управления банком. Название последнего – London & Eastern Trade Bank; учредители: английские участники фирмы F.Zerega, русские нефтяники и члены Совета Московского Купеческого Банка. Положение пока скромное. Банк не спешит, при настоящих условиях рынка, бросаться в дела и директорам будет платить весьма умеренно. Но я рад, что буду иметь нормальную работу и кусок хлеба, не участвуя в парижской неразберихе, от которой, в конце концов, можно дойти до истерического расстройств.¹⁰

После отставки Замена, последовавшей 24 января 1921, Главноуполномоченным стал 30-летний Владимир Иванович Новицкий, «финансовый мальчик», как иронически-покровительно называл его в личной переписке Бахметев. Карьера Новицкого была головокругительной. Он, очевидно, был способным финансистом, однако вряд ли добился бы столь быстрых успехов, если бы не родственные связи: его отец, И.И.Новицкий, был заместителем министра финансов при В.Н.Коковцове, а после отставки в 1914 – членом Государственного Совета. Новицкий-старший умер «вовремя» – в 1917. Придя на службу в Кредитную канцелярию Минфина после окончания Александровского лицея в 1910, Новицкий-младший весной 1917 выехал в США в составе «свиты» Бахметева в качестве представителя Министерства финансов. Это было важным назначением – ведь едва ли не главной задачей Чрезвычайной миссии Бахметева было получить кредиты на американском финансовом рынке.

¹⁰ К.Е.Замен – С.А.Угету, 15–28 января 1921. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 180-8; *Будницкий О.* Дипломаты и деньги. 1: «Колчаковское золото». С.487.

В 1919 Новицкий успел побывать заместителем министра финансов колчаковского правительства; затем он вернулся в США и, наконец, отправился в Европу, где стал заместителем Замена. В последующей истории Национального фонда ему предстояло сыграть весьма важную роль.

Вопрос о порядке хранения денег обсуждался Совещанием послов по меньшей мере с начала 1921, причем в предварительных совещаниях участвовали известные финансисты и юристы Б.А.Каменка, М.С.Аджемов, П.А.Бурышкин, Н.Б.Глазберг и др. 1 апреля 1921 Новицкий провел переговоры в Лондоне с London & Eastern Trade Bank, о результатах которых доложил 4 мая Совещанию послов в весьма узком составе – присутствовали М.Н.Гирс, В.А.Маклаков и приглашенный М.В.Бернацкий¹¹.

«Европейцы», опасавшиеся захвата остатков находившихся в их распоряжении средств, были готовы пойти на изменение порядка хранения. Однако основная часть российских государственных средств находилась в США и Японии. 17 мая 1921 Замен направил письмо Угету с предложением банковской формы «обслуживания» государственных средств¹². Теперь бывший директор Особенной канцелярии, разумеется, выступал в качестве представителя частного банка.

Новицкий же, не откладывая дела в долгий ящик, отправился за океан, чтобы, опираясь на решение Совещания послов, лично провести переговоры о столь деликатном предмете с Бахметевым и Угетом. Бахметев, по-видимому не склонный спешить в этом вопросе, телеграфировал в Париж, что не видит необходимости в срочном приезде Новицкого, однако, как писал послу в Вашингтоне его конфиденгент Маклаков, телеграмма уже не смогла Новицкого остановить. В записке Маклакова отчетливо просматриваются мотивы, побудившие даже осторожного адвоката поддержать изменение способа хранения денег:

Так как очевидно, что мы живем все только Вашими деньгами, которые некоторые организации тратят слишком легко (намек на Земгор. – *О.Б.*), то мы особенно заинтересованы в том, чтобы этого источника нам не закрыли. Скажу Вам прямо: я небольшой любитель замаскированного хранения денег, но когда я подумаю, что колчаковское золото попало к большевикам и что Ваши деньги могут быть арестованы – даже не возвращены большевикам, а просто арестованы, я считаю, что это худший исход, и мне поневоле, как и всем нам, приходит на ум, что нужно заблаговременно предвидеть это и сохранить их всеми мерами. <...> Лучше на них купить автомобили для будущей России, чем их держать в ящике. Это, ко-

¹¹ Протокол Совещания послов от 4 мая 1921 г. Приложение №4 с грифом «Совершенно секретно». – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 49.

¹² К.Е.Замен – С.А.Угету, 17 мая 1921. – Там же. Box 28.

нечно, несерьезно и непрактично, но знайте, что на Вас глядят 40 веков и не простят Вам, если Вы прозеваеете.¹³

Итог совещания (Бахметева и Угета с Новицким), касающегося порядка расходования российских государственных средств, находящихся в США, вопроса о новой форме хранения и о создании Национального фонда, был оформлен Вашингтонским протоколом от 4 июня 1921. Бахметев, крайне недовольный порядком (точнее, беспорядком) расходования средств, переведенных в Европу в распоряжение Финансового совета, фактически поставил условием, чтобы расходы в каждом случае согласовывались с ним; в то же время был согласован порядок образования Национального фонда, и держатели российских средств в Америке пошли на то, чтобы деньги, предназначенные будущему российскому правительству, хранились в London & Eastern Trade Bank, оговорив это рядом условий. 8 июня 1921 Угет и Новицкий подписали в Нью-Йорке протокол, согласно которому российское посольство обязалось перевести для образования Национального фонда 488.669 долларов и 83 цента¹⁴.

Бахметеву и Угету, с одной стороны, и К.К.Миллеру – с другой, идея Новицкого – Замена в целом не больно пришлась по душе. В письме Замену Угет, подчеркивая, что идея «хранения» (кавычки Угета – финансист понимал, что деньги в банке не лежат, а работают) денег в «своем» банке возникла в Париже и что и он, и Бахметев с принципиальной точки зрения были против этого, но с «практической», учитывая обстановку, согласились и готовы «вливать в акционерный капитал» банка около 500 тыс. долларов, «возникших» от реализации золотого депозита за винтовки Ремингтон¹⁵.

Бахметев писал Маклакову вскоре после визита Новицкого в США:

Что касается главной задачи, по которой приехал Новицкий, то я не очень хочу подробно развивать этот вопрос в письме: он слишком деликатен, чтобы о нем писать. Хочу лишь сказать, что Вы в Париже и русские в Лондоне действительно совершенно в ином круге понятий и взаимоотношений, чем мы, и потому невольно приходите к заключениям и путям, которые более чем далеки от нас. Раз идет дело о сохранении государственных средств, то нельзя не признать той основной истины, что всего более надежен, в конечном счете, откровенный государственный метод их хранения, и раз наше положение позволяет эту роскошь, то мы не

¹³ В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву, не позднее мая 1921 // «Совершенно лично и доверительно!». Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков: Переписка. 1919–1951: В 3 т. / Общ. ред., вступит. ст., коммент. О.В.Будницкого. Т.1: Август 1919 – сентябрь 1921. М.; Стэнфорд, 2001. С.371–372.

¹⁴ VAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 49.

¹⁵ С.А.Угет – К.Е.Замену, 6 июня 1921. – Там же. Box 28.

имеем ни причин, ни поводов от нее отступить. <...> Я лично не думаю, чтобы французское правительство даже обратилось с просьбой о захвате наших денег к здешним властям – особенно если бы в Европе знали, о каких сравнительно ничтожных суммах идет речь. Ведь даже если бы конфисковали все, то это составило бы около двух миллионов долларов, а из них значительная часть несвободна, будучи фактически завязана в различных обязательствах по отношению к американскому правительству и пр. Во всем этом деле повредили всякие слухи о размерах наших денежных запасов; но разве, вообще говоря, Финансовому совету не известны истинные размеры наших фондов, и отчего в таком случае не подорвали всю злостную пропаганду сообщением фактов? Если что-либо было не известно, почему не запросили? Если бы даже французы и обратились к американцам, то у последних нет никакого иного пути, чем добровольное с нами соглашение. Нас могут лишить официального признания или могут иммобилизовать наши счета – но это предел. Это выведет деньги из нашего распоряжения, но не передаст их ни в чье ведение. Даже в последнем случае деньги фактически остались бы нетронутыми до образования будущего национального правительства. Это печальный, но вовсе не столь уж плохой исход. От этого пострадают беженцы, пострадает национальное дело в настоящий переходный период, но будущая власть будет донельзя порадована.

Вообще надо немного подумать о том, на какие заграничные ресурсы может рассчитывать восстановившаяся власть? Мы все как-то хотим бросить на потребность минуты. Подобная политика уже стоила нам безумных денег. В связи с этим я давно проникся плюшкинской бережливостью, и Ваши, весьма мудрые, советы весьма подкрепляют мое нормальное настроение.¹⁶

Бахметев «крайне скептически» относился «ко всяким схемам сохранения флота, подготовки мобилизации промышленности, колониационным фондам и пр. Прежде всего, русские за все эти три года неизменно показывали свою способность к прогоранию; кажется, ни одного коммерчески успешного дела никогда еще не было. Во-вторых, смешно с двугривенным в кармане подходить к миллионным предприятиям. В конце концов, все сводится к расходам на изучение, т. е. опять к кормежке каких-то ненужных людей»¹⁷.

5 июля 1921 Миллер запросил Угета, как тот отнесся к предложению Новицкого о новом способе хранения денег¹⁸. Отношение Угета, как, разумеется, и Бахметева, было отрицательным. Кроме соображений, изложенных в телеграмме Угета, несомненно, свою

¹⁶ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 8 июня 1921 // «Совершенно лично и доверительно!». Т.1. С.385-386.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Посол в Токио – послу в Вашингтоне, 5 июля 1921. №65. Миллер – для Угета. №155. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 38-6.

роль сыграло и нежелание посла лишаться важнейшего рычага своего влияния – финансового. Исключение в Нью-Йорке и Вашингтоне были готовы сделать для средств, полученных от продажи последней части золотого запаса. Угет телеграфировал Миллеру:

Посольство считает, что с принципиальной точки зрения способ хранения средств определяется взаимоотношениями между русским представительством и государственной властью. Не имея оснований бояться за сохранность сумм Америке, посольство не могло разделить позицию Совещания послов этом вопросе. Тем не менее, признавая желательность создания особого общенационального фонда для обеспечения валютой будущей российской власти и на случай особых событий, посольство ассигновало для сего реализованную Вами от продажи золота сумму, передав вопрос о порядке образования и хранения этого фонда на разрешение Совещания послов. Кроме того, посольство решило продолжать помощь Финансовому совету в расходах на национальное дело, представив на нужды, подобные Кронштадту, расселение беженцев Сербии, общую помощь беженцам и т. п., 600.000 долларов. При этом расходы из наших средств производятся с предварительного согласия посла. Всего, таким образом, нами предоставлено Парижу около половины наших средств. Лично считал бы Ваше присоединение примерно на изложенных основаниях крайне желательным.¹⁹

Однако Миллер не внял призыву внести свою долю в Национальный фонд:

Искренне благодарю за сообщение. Со своей стороны вполне разделяя Вашу точку зрения, не усматриваю оснований изменять способ хранения вверенных мне сумм. Постоянно идя навстречу обращениям за поддержкой из Европы, поскольку позволяли средства, я перевел уже в Европу примерно три миллиона иен, что составляет около 75 процентов всех произведенных мною расходов, том числе в марте предоставлено в распоряжение Гирса один миллион иен, из которого между прочим покрываются расходы на размещение армии Врангеля в Сербии и на содержание русского представительства в Европе. Сумма эта еще не истрачена. Ввиду ограниченности остающихся у меня средств не имею возможности ассигновать дальнейшие средства в распоряжение Совещания послов, но буду стараться сохранить известную сумму на случай чрезвычайных событий в России.²⁰

¹⁹ Советник посольства – послу в Токио, 13 июля 1921. №76. Угет – Миллеру. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.), 38-6.

²⁰ Посол в Токио – послу в Вашингтоне. 21 июля 1921. №69. Миллер – Угету. №180. – Там же. Заметим, что впоследствии, перебравшись в Европу, Миллер хотя и не внес своей доли в Национальный фонд, но держал часть находящихся в его распоряжении средств в Eaststrabank'e и, по-видимому, купил какое-то количество акций.

О характере условий, сформулированных в Вашингтоне во время переговоров Бахметева и Угета с Новицким, можно судить по письму последнего своему американскому коллеге месяц спустя после подписания вашингтонского протокола. Новицкий, сообщая о возобновлении переговоров с представителями London & Eastern Trade Bank «относительно участия казны в указанном предприятии», информировал Угета:

На время предварительной беседы с членом Правления означенного банка Г.Д.Чаманским, я подробно отметил высказанные в Соединенных Штатах соображения о том, что основной целью финансирования казной упомянутого предприятия является создание организации, которая могла бы по восстановлению в России правопорядка принять деятельное участие в работе по восстановлению экономической жизни нашей Родины.

Из этой предварительной беседы я вынес заключение, что все наши пожелания будут приняты во внимание и что может быть создана организация, вполне ограждающая русские государственные интересы.²¹

В ходе переговоров в Вашингтоне было решено, что никто из официальных лиц в правление и совет банка не войдет, чтобы не вызвать подозрения о наличии казенных денег в банке. Было также обусловлено, что в руководящих органах банка останется вакантным число мест, пропорциональное государственной доле в основном капитале банка. Теперь Новицкий вполне резонно предложил «делегировать» в управление банка лицо, «могущее держать нас все время в курсе дел банка и содействовать проведению и надлежащему освещению тех задач, которые будут ставиться»²². Новицкий предлагал выдвинуть кандидатуру С.А.Шателена, бывшего товарища министра финансов в 1917, полагая, что она не вызовет возражений со стороны Бахметева.

Официальное письмо сопровождалось личным и более откровенным: «Ставлю вопрос о Шателене, ввиду того, что участие “своего человека” в банке для более тесного осведомления нас о всем происходящем является весьма желательным. Не могу его провести за счет имеющихся вакансий по европейским ресурсам, ввиду его неважных отношений к М.В.Бернацкому. Поэтому думаю, что лучше это сделать за счет Вашей части капитала. Не откажи сообщить мне свое мнение»²³. В согласии «американцев», особенно учитывая близкое родство Бахметева и Шателена (они были двоюродными братьями), можно было не сомневаться.

²¹ В.И.Новицкий – С.А.Угету, 9 июля 1921. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 38-7.

²² Там же.

²³ В.И.Новицкий – С.А.Угету, 8 июля 1921. – Там же.

9 августа 1921 Замен, который все еще по привычке, по-видимому, рассматривал себя как представителя государства или, во всяком случае, считал свою службу в частном банке делом временным, писал Угету: «В Европе <...> к сожалению <...> о нас постепенно забывали как о государственных представителях. Нас терпят как аномалию и вспоминают обычно только как об объекте возможных покушений. Поневоле мы должны думать больше всего о том, чтобы скрыться и, по возможности, спрятаться в безопасности»²⁴.

Замен, характеризуя принципы деятельности и положение дел в банке, не преминул подчеркнуть, что главная задача банка – служить, после свержения большевиков, посредником для привлечения иностранного капитала в Россию, а также «натренировать» для этого персонал.

Пока же положение дел в банке было таково: идти по пути местных банков, развивая депозитарную сеть и т. д., банк не мог; его силу Замен видел прежде всего в международных связях. Руководители банка очень заботились о ликвидности его средств: «...держали большой портфель Treasury Bonds, приобретенный большей частью еще при 6% ставке <...> обратили внимание на иностранную валюту и фонды. С самого начала мы, – писал Замен, – имели Joint Account с McFadden'ами для покупки и продажи золотых облигаций, обращающихся на европейском и американском рынке. Дело это постепенно растет <...> мы начали делать репорты в валюте с иностранными банками. Это дает хороший доход и вводит нас в международный оборот. Понемногу наше имя стало известным и нашу подпись стали свободно принимать»²⁵.

В банке начали образовывать валютно-финансовый отдел. Чтобы совсем укрепиться, нужно было, полагал Замен, добиться еще двух вещей: 1) участия видных иностранцев и 2) увеличения основного капитала. Пока же основной капитал составлял (в фунтах стерлингов) 450.800, в том числе «нефтяники 150.000 и М<осковский> к<упеческий> б<анк> и Zerega около 120.000 каждый, наконец, известные Вам 60.000. Теперь должны влиться в дело еще 125.000». Очевидно, что речь шла о «европейской» и «американской» доле, которые в совокупности должны были составить около трети основного капитала; понятно, какое значение имели эти деньги для новообразованного банка.

По-видимому, письмо Замена писалось в несколько этапов, ибо он успел сообщить о новом обстоятельстве: «...фирма Zerega заменится фирмой Whinegar, к которой переходит все дело, с выделени-

²⁴ К.Е.Замен – С.А.Угету, 9 августа 1921. – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 28.

²⁵ Там же.

ем старых партнеров или их наследников (умер старик I.H. MacFadden). <...> По предварительным подсчетам капитал был бы увеличен пока до 525–535.000 ф<унтов> ст<ерлингов> вместо 585.000. Говорю “пока”, потому что MacFadden Brot<hers> выразили желание приобрести акции нашего банка. Возможно, что мы вернемся опять же к цифрам около 600.000 ф<унтов> ст<ерлингов>». При посредстве Whineraу в операциях банка принимали участие его «друзья». Велись разговоры «о возможности для нас сближения с Л.Ф.Давыдовым и его делами»²⁶.

В общем, банк находился только в периоде становления, и вот главные мотивы, почему государственные средства были вложены в его акции: во-первых, конечно, возможность влиять на его деятельность и сравнительная надежность сокрытия государственного происхождения денег, во-вторых, по-видимому, состав его учредителей и руководителей, многие из которых были связаны с российским государством или же были людьми весьма известными в мире российского предпринимательства. Не следует, видимо, исключать и личной заинтересованности В.И.Новицкого, которому хотелось иметь «свой» банк.

Хотя вопрос о создании, способах хранения и управления Национальным фондом был согласован в июне 1921 в Вашингтоне, Бахметев тревожило отсутствие четко прописанных документов, регулирующих эту операцию. Ведь большая часть денег перечислялась из США, и персональную ответственность за их судьбу в конечном счете несли посол и Угет.

Бахметев писал Маклакову, в связи с поездкой Угета в Париж в сентябре 1921, что этим необходимо воспользоваться, «чтобы обдумать и закрепить в форме определенных актов различные решения, касающиеся как образования, так и управления так называемым» Национальным фондом. Возможно, что я ошибаюсь, но я почти убежден, зная парижскую сутолоку, что фактически все дело, касающееся этого фонда, не получило должного оформления. Уверен также, что это Вам, как юристу, причиняет известное беспокойство. Мне представляется, что все это дело должно быть поставлено на строго определенные основания и оформлено в твердых юридических и формальных документах»²⁷.

Проект Положения о Национальном фонде был подготовлен Маклаковым, согласовавшим его с Бернацким и Гирсом, и переслан Угету, с пояснением некоторых пунктов. Важнейшие решения по

²⁶ К.Е.Замен – С.А.Угету, 9 августа 1921. – Там же.

²⁷ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 8 сентября 1921 // «Совершенно лично и доверительно!». Т.1. С.485.

вопросам хранения Национального фонда должна была принимать Коллегия попечителей, состоящая из послов и финансовых агентов; все решения должны были приниматься единогласно. Маклаков предусматривал решение по большинству голосов лишь в случае «такого острого разногласия, при котором возможно, что никакого единогласно<го> постановления не состоится и не может состояться, и что просто останется констатировать то, что есть, т. е. что учреждение распалось». «Не желая в официальном договоре предусматривать возможность мордобоя и полного развала, – со свойственной ему иронией писал Маклаков, – я выразился мягко: “постановление может быть принято по большинству голосов”, предполагая этим, что какое-то большинство все-таки найдется и в качестве такового себя и изложит; остальные же все могут зафиксировать свои точки зрения уже как особое мнение»²⁸.

«Положение об установлении и распоряжении Национальным фондом» было утверждено, после полугодовых переговоров и согласований, 20 декабря 1921²⁹. В преамбуле кратко излагалась история и порядок расходования государственных сумм за последние полтора года: «В июне 1920 г. министром финансов врангелевского правительства М.В.Бернацким и финансовым агентом в Нью-Йорке С.А.Угетом во время встречи в Париже было достигнуто соглашение о переводе свыше половины всех средств, находившихся в США, на нужды Крыма». Затем порядок расходования средств на беженцев и другие нужды был оформлен протоколом Совещания послов от 8 февраля 1921 и дополнен Вашингтонским протоколом от 4 июня 1921, устанавливавшим особенности распоряжения суммами, находящимися в США.

Далее в «Положении...» говорилось:

Однако финансовые агенты не считали себя вправе израсходовать находившиеся у них на руках суммы полностью, – они не могли не предвидеть того момента, когда, в той или иной форме, на смену большевистской власти, либо рядом с ней, создастся новое правительствo, на обязанность которого падет начало восстановления России и которому на первых же шагах его деятельности будут необходимы средства. <...> Посему они признали своим долгом выделить из государственных денег особый фонд и принять меры к его сохранению в формах, определенных Совещанием послов, как в видах передачи его будущему признанному Российскому правительству или израсходования его в случае наступления решающих событий в России, так и во избежание пагубных последствий от естественных причин: смерти их хранителей, обра-

²⁸ В.А.Маклаков – С.А.Угету, 7 октября 1921. – НИА. Vasily Maklakov Collection, 14-21.

²⁹ BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 49.

щения на них взыскания от русских государственных кредиторов и т. д.³⁰

Текущее управление Национальным фондом находилось в руках финансовых агентов, однако принципиальные решения принимались СовеЩанием послов (в котором агенты при обсуждении вопросов, касающихся фонда, участвовали с правом решающего голоса). В случае прекращения деятельности СовеЩания послов его функции переходили лично к М.Н.Гирсу, В.А.Маклакову, Б.А.Бахметеву, С.А.Угету и В.И.Новицкому, которые составляли коллегия попечителей Национального фонда. Каждый член коллегии назначал себе заместителя на случай смерти. «Положение...» подписали перечисленные выше члены коллегии попечителей.

Для формирования фонда Бахметев и Угет перевели в Европу 130.300 фунтов стерлингов, за счет сумм, реализованных от продажи остатков золотого фонда. 60.000 фунтов стерлингов дали «европейцы». Деньги, переведенные из США, а также 36.400 фунтов стерлингов, выделенные «европейцами», были помещены в акции London & Eastern Trade Bank, остальные 23.600 фунтов стерлингов разместили в том же банке в виде векселей. Порядок и форма хранения средств Национального фонда были утверждены протоколом СовеЩания послов от 10 декабря 1921. По-видимому, деньги перевели в банк еще до завершения всех формальностей.

В феврале 1922 Шателен информировал Угету о положении дел в банке на 1 января 1922, в том числе сообщая чрезвычайно интересные данные о конкретном механизме сокрытия государственных средств. Основной капитал банка составлял 500.100 фунтов стерлингов и распределялся следующим образом:

Московская группа	
(Г.Д.Чаманский, Б.А.Швецов, А.И.Шамшин)	117.500
Братья П. и Ш. Цатуровы	100.000
С.Г.Лианозов	30.000
Н.Б.Глазберг	20.000
Английская группа	
(Whineray, Dobson, Cairns)	60.000
Г.Л.Нобель	171.700
Разных лиц	900

Итого: 500.100³¹

В Совет банка входили С.Г.Лианозов (председатель), Ш.М.Цатуров (вице-председатель), Г.Л.Нобель, А.И.Шамшин, П.А.Бурьшкин, Н.М.Бардыгин, Neil Buchanan, M. Barscher, Sir Hugo Cunliff Owen.

³⁰ VAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 49.

³¹ С.А.Шателен – С.А.Угету, 22 февраля 1922. – Там же. Box 28.

Правление: W.E. Whineraу, П.М.Цатуров – председатели.

Директора, постоянно работающие в правлении: Г.Д.Чаманский – директор-распорядитель, Н.Б.Глазберг, М. Topping, К.Е.Замен, С.А.Шателен; директорами также числились Б.А.Швецов, М. Dobson, М. Cairns.

Казенная доля была оформлена на Г.Л.Нобеля. На шеры (акции) общей суммой в 130.300 фунтов стерлингов были выданы три сертификата (на суммы в 50.000, 28.300 и 45.030 фунтов стерлингов) на его имя. Шателен писал:

Сертификаты, вместе с подписанными Нобелем трансфертами, приняты мною согласно Вашему указанию и хранятся в особом сейфе, взятом мною на мое имя в The Trustees Corporation Ltd. Winchester House, Old Broad St. London E.C. Трансферты, хранящиеся у меня, составлены в 2-х экземплярах каждый, причем один выписан на имя В.И.Новицкого, а другой бланковый. Пришлось это сделать потому, что было желательно иметь один трансферт совершенно оформленный и снабженный подписью свидетелей, каковую получить на бланковых трансфертах не представлялось возможным.³²

Шателен считал, что приобретение акций за счет Национального фонда было весьма удачным делом в связи с падением курса доллара.

В апреле свое видение итогов работы банка за год и дальнейших перспектив его развития, в связи с предстоящим 8 мая собранием его акционеров, высказал в письме Угету Новицкий. Он еще раз подчеркнул три главных мотива, «заставивших нас» приобрести акции банка:

1) необходимость создания юридического лица, могущего за нас выступать и действовать и дающего возможность как хранения, так и сокрытия имеющихся у нас казенных средств, 2) желательность сохранения известной части средств до момента восстановления России для передачи их будущему национальному правительству, 3) желательность подготовить банковский аппарат за границей для облегчения возможности получения кредитов для восстановления России и будущих торговых сношений ее с границей.³³

Кроме того, банк использовался для переводов средств дипломатическому представительству, гуманитарным учреждениям, на раселение армии.

Баланс на 20 апреля 1922 в сумме 1.120.242 фунтов стерлингов был сведен без дефицита. Однако банк имел ресурсы в соотношении со своим капиталом лишь 1:1 – на 500.000 фунтов стерлингов основ-

³² С.А.Шателен – С.А.Угету, 22 февраля 1922. – Там же.

³³ В.И.Новицкий – С.А.Угету, 22 апреля 1922. – Там же.

ного капитала 532.000 фунтов стерлингов текущих счетов и вкладов. Учитывая размеры банка, его «молодость» (он активно работал на финансовом рынке лишь один год), общую ситуацию в Европе, Новицкий считал результаты его деятельности неплохими, особо выделяя работу валютного отдела.

Он полагал, что исправить необходимо лишь одну сторону – а именно сократить административные расходы. Новицкий указывал на несоответствие «числа лиц, состоящих в Правлении Банка и находящихся постоянно в Лондоне, с действительными размерами его работы» и на чрезмерно высокую оплату служащих банка. В правление входило десять человек, и хотя работа не всех членов правления оплачивалась, в целом на их содержание расходовалась сумма в 10.800 фунтов стерлингов, больше 2% на основную капитал; расходы на аренду помещения, зарплату служащих и налоги составляли 37.000 фунтов стерлингов, т. е. в совокупности почти 10% на основной капитал³⁴.

Удивляться высокой доле административных расходов не приходилось – уж больно много крупных финансистов собралось под крышей сравнительно небольшого банка. И не только финансистов и бывших чиновников финансового ведомства. Среди служащих банка оказался даже И.И.Сукин – бывший управляющий Министерством иностранных дел Колчака, входивший в число доверенных лиц адмирала – так называемую «звездную палату»; после крушения Колчака Сукин вернулся «на круги своя» – в Вашингтон, откуда некогда был направлен в Сибирь для связи с антибольшевистскими силами и, оставшись там, сделал головокружительную, но скоротечную карьеру. В российском посольстве в Вашингтоне место первого секретаря, которое занимал Сукин до своей командировки в Сибирь, было, конечно, уже давно занято. Сукин хотя и не оказался пока на улице, но фактически остался не у дел. При посредничестве Угета его в конце концов пристроили в London & Eastern Trade Bank на жалованье 50 фунтов стерлингов в месяц³⁵.

Таким образом, Угет, приятельствовавший, судя по всему, с Сукиным, получил источник осведомления внутри банка; редкие письма бывшего колчаковского фаворита, перепечатанные по указанию Угета и сохраненные им на всякий случай наряду с финансовыми документами, позволяют дополнить представление о непростой атмосфере, царившей в банке, которое складывается по официальной переписке.

³⁴ В.И.Новицкий – С.А.Угету, 22 апреля 1922. – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 28.

³⁵ Телеграммы Замена Угету 25 августа 1921 и Угета Замену 31 августа 1921. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 217-7.

Проработав в банке всего несколько месяцев, Сукин писал Угету в самом начале 1922 года:

Если Ты мне обещаешь абсолютную дискретность <так> и на меня не будешь ссылаться, то скажу совершенно откровенно следующее (или ничего не говорить, или говорить правду): организация банка ниже всякой критики; это какое-то любительское учреждение, в котором директоров чуть ли не столько же, сколько служащих, и они в банковском деле мало что смыслят. Среди них профессиональный банкир один лишь Чаманский, но он хотя и ловок и сообразителен, но страдает нервностью характера, впечатлительностью, случайностью своих решений и вообще производит впечатление ненадежности. Репутация у него среди русских самая отвратительная, некоторые говорят самые рискованные вещи про его деловую добпорядочность. В чем правда – разобратся трудно; во всяком случае, про него никто хорошо не отзывался; лично же я никому бы не рекомендовал с ним иметь дело. Замен удивительно мил и благороден, Глазберг умен и вежлив, Топпинг безобиден, Шателен вообще никакой роли не играет и здесь был всего 3 недели. При всем этом управление было до самого последнего времени построено на губительном коллегияльном начале. Директора все время совещаются; из-за отсутствия настоящего дела занимаются мелочами; общий тон банка чисто русская бестолковость и хаотическая дезорганизация. Состав служащих преимущественно набран из русских – *fait triste figure*³⁶ по сравнению со спокойной и деловой корректностью немногих англичан, которые охотно служат в банке, потому что он платит гораздо более крупные жалованья, чем другие, но в откровенных беседах со мной не скрывают глубокого презрения ко всей суетливости, беготне и противоречивости и нерешительности нашего *management'a*: *it must be a «Russian System»*³⁷ говорят они с улыбкой, когда возникают постоянные для русских организаций за границей случаи недостаточной корректности и сумбурного управления. Все это тем более печально, что вообще банку и без того трудно пробиться и завоевать себе положение и доверие на лондонском, весьма консервативном, рынке. Если только так будет идти и дальше, то я ожидаю мало хорошего. Сейчас все правление сосредоточено в руках Чаманского, который, впрочем, все время разъезжает, а когда бывает здесь, то сам творит суматоху. В общем, «London & Eastern» даже издали не напоминает настоящего банка. Что касается чисто финансовых его успехов, то за первый год существования результаты, я бы сказал, более неудовлетворительные, чем можно было ожидать при самом снисходительном суждении. Правда, особых крупных потерь не было, потому что с самого начала было решено не рисковать и держаться осторожно. Все же, имея сравнительно крупный капитал и большие вклады, правда лишь от вполне опре-

³⁶ производит грустное впечатление (*франц.*)

³⁷ это, должно быть, «Русская система» (*англ.*).

деленных и известных тебе имен, можно было закончить год без дефицита, который приходится тщательно замазывать. Главная беда: слишком много директоров, русская бестолковость и отсутствие опытных английских руководителей. Нужно раз навсегда понять, что русские банкиры были хорошими в России и никуда не годятся за границей. Whiperay, который несомненно большой козырь, как имя и авторитет, в Лондоне бывает весьма редко и правит «Правление» с сонмом русских прихлебателей из состава старых служащих разных русских банков. Если у тебя есть какие-либо дополнительные вопросы, я охотно буду тебя информировать, при условии полной ясности, что я не занимаюсь метанием сора из избы, а только искренне озабочен улучшением положения, в котором чувствую известную моральную ответственность, поскольку я являюсь свидетелем и участником, хотя бы на самой маленькой ступени. Лично я работаю усердно и очень устаю. Я являюсь помощником начальника иностранного отделения, и на мне лежит вся организационная часть департамента, переписка, руководство работой клерков, состояние счетов и т. д. На этой почве встречаю тысячу неприятностей и трений. В общем, нелегко, но надо тянуть лямку.³⁸

Любопытно, что Новицкий в письме Угету, отправленном в те же дни, что и обширное послание Сукина, отзывался о бывшем колчаковском министре довольно-таки нелестно: «Кстати о Сукине. Он совершенно не выдержал той роли, которая была ему поручена, – перессорил многих служащих между собой, поставил ставку на английских служащих против русских и просил уже о прибавке жалованья. Все им недовольны»³⁹.

Несомненно, Сукин был пристрастен, и, вероятно, не последнюю роль в его саркастической характеристике положения дел в банке играло уязвленное самолюбие. Однако следует заметить, что отношения между членами правления и совета банка были далеки от идеальных; это объяснялось как расхождениями в деловых вопросах, так и личными качествами финансистов. Чересчур много медведей собралось в лондонской «берлоге». К тому же к чисто финансовым проблемам неизменно примешивалась политика.

Так, серьезные разногласия возникли в связи с переговорами о сотрудничестве с германским Nordische Bank für Handel und Industrie. На самом деле этот банк, подобно лондонскому, был основан преимущественно на капиталы российских предпринимателей, и ведущую роль в нем играл И.Г.Коган, в прошлом директор Азовско-Донского банка.

³⁸ И.И.Сукин – С.А.Угету, 6 января 1922. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 218-3.

³⁹ В.И.Новицкий – С.А.Угету, 10 января 1922. – ВАР. Boris Bakhmeteff Collection. Box 28.

Надо сказать, что российские политики и предприниматели, надеясь на скорое освобождение России от большевиков и отдавая себе отчет, что без участия иностранного капитала вряд ли удастся восстановить экономику страны, в то же время опасались ее закабаления иностранцами. Бахметев и Угет надеялись на привлечение американского капитала, который считали наименее «политизированным», и очень опасались немецкого, способного, по их мнению, превратить Россию в сырьевой придаток Германии. К тому же эмоции, связанные с недавней войной, еще не остыли, и в представлении русских дипломатов и предпринимателей любая деятельность, связанная с восстановлением, в той или иной степени, германской экономики, была опасна для России и граничила с предательством.

Угет писал Новицкому, что ему не нравятся переговоры с немецкой группой, точнее, с когановской группой. «Насколько я знаю, – писал Угет, – Коган и подобные ему – продукты эпохи великих русских несчастий, сделавшие деньги, главным образом, в результате войны»⁴⁰. В то же время представитель «американской доли» в банке Шателен, напротив, осторожно, но с интересом писал тому же Угету о возможном сотрудничестве с Nordische Bank⁴¹. В конечном счете дело, как сообщал два месяца спустя Угету Замен, оказалось несерьезным и сорвалось⁴². Вопросы о том, «с кем дружить», – разумеется, для увеличения капитала банка и для расширения его деловых возможностей, так же как, еще в большей степени, о методах управления банком, – и далее служили причиной внутренних конфликтов в банке.

Конфликты улажены – информировал Угета Сукин в начале июня 1922, но лишь, по его мнению, на время, ибо:

... хотя достигнуто внешнее соглашение и успокоение, я все же думаю, что не положено достаточно твердого фундамента для ровного и здорового дальнейшего развития. Вопрос активного и твердого делового «management'a» так и остался нерешенным, и все вообще есть сплошной компромисс и натяжка для сочетания элементов, спать которые можно только искусственно, ибо вся комбинация по существу искусственная, а не деловая. В этом, конечно, корень всего зла и почти верный залог малого успеха. Все же, принимая во внимание все существующие трудности и исходя из имеющегося налицо положения, пока тянут сравнительно удачно. Очень толково, ловко и гибко действует Шателен, который вообще большой молодчина и премилый человек. Насколько Замен сошел в тень и лишился всякого влияния, настолько же выдвинулся Ша-

⁴⁰ С.А.Угет – В.И.Новицкому, 14 февраля 1922. – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 28.

⁴¹ С.А.Шателен – С.А.Угету, 22 февраля 1922. – Там же.

⁴² К.Е.Замен – С.А.Угету, 14 апреля 1922. – Там же.

телен, который, когда нужно, пользуется и Заменом, и Глазбергом, и Чаманским. Последний, конечно, продолжает свою сложную и не совсем ясную игру, но, в общем, все же единственный человек в банке, который понимает что-нибудь в делах. Я несколько разочарован в Глазберге, который скорее тип русского интеллигента, нежели ловкого банкира. Он приятнейший собеседник, но его «judgement»⁴³ не внушает мне полной уверенности в проницательности и отсутствии увлечений. Что касается меня лично, то я продолжаю кое-как выгребать; усердно работаю, ни с кем не ссорюсь и жду лучших времен. Их пока не видать даже издали, и общее сокращение жалований закрыло для меня перспективы на какое-либо улучшение моих финансов в ближайшем будущем, а жить приходится почти на гроши. Я так и не выучился этому искусству в безвыходных денежных кризисах. Бедный Бурышкин совсем потрясен и, как Ты, вероятно, знаешь, уезжает в Берлин. Очень ему неприятно, что я не последовал за ним в волне сокращений, но я не сержусь на эту его естественную человеческую обиду.⁴⁴

Итак, сокращение административных расходов было-таки проведено, и бывший министр финансов колчаковского правительства П.А.Бурышкин потерял место в Совете банка. Ирония судьбы заключалась в том, что в свое время именно Бурышкин, когда крушение Колчака уже определилось, дал распоряжение о переводе казенных сумм за границей на личные счета финансовых агентов; теперь его вышвырнули из Совета банка, треть основного капитала которого состояла из государственных денег, переведенных этими агентами (Угетом и преемником Замена Новицким).

Тем временем угроза для банка и для финансовых агентов, весьма довольных, по-видимому, наличием своего банка, через который можно было проводить операции, не опасаясь ареста денег кредиторами, и который мог послужить в случае чего неплохим местом для «трудоустройства» (как мы увидим, вскоре по пути Замена пошел и Новицкий), возникла с неожиданной стороны. Ситуация с государственными деньгами, помещенными в частный банк, который мог распоряжаться ими, думая прежде всего о своих собственных, нежели о национальных интересах, все более смущала автора текста Положения о Национальном фонде В.А.Маклакова.

В огромном письме Бахметеву, датированном 25 апреля 1922, Маклаков, напомнив о хаосе, господствовавшем в деле распоряжения остатками казенных денег после окончания Гражданской войны, о том, что деньги оказались на руках у различных хранителей – генерала Н.Н.Юденича, морского агента во Франции В.И.Дмитриева,

⁴³ здравый смысл (*франц.*).

⁴⁴ И.И.Сукин – С.А.Угету, 1 июня (1922). – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 218-5.

М.В.Бернацкого и других, о взаимоотношениях послов с финансовыми агентами и о том, что создание Финансового совета при Соединении послов было направлено на централизацию и упорядочение распоряжения государственными средствами, обратился к истории создания Национального фонда и в особенности к положению в лондонском банке:

...вопрос о Национальном Фонде был вопросом двоякого рода; во-первых, вопросом бронирования некоторой суммы, а во-вторых, вопросом хранения. Но лично меня он касался только с точки зрения его хранения. С известного момента вопрос о хранении сумм стал очень острым. Нас пугали, что в Англии хранить деньги небезопасно. Насколько серьезны были эти страхи и даже насколько искренни – судить я не в силах; в конце концов все это мы узнавали через тех же Новицкого и Замену, которые являлись в этом вопросе <заинтересованной> стороной. Но на опыте Франции, которая отняла у нас 26 миллионов, а потом ледоколы, мы понимали, что опасность от плохого хранения денег очень реальная; когда нам говорили, что в Англии дела политически поворачиваются очень плохо, что возможно полное признание большевиков, то мы не могли относиться к этому слуху равнодушно. <...> В результате явился план поместить деньги в акции банка; Вам этот план, как Вы пишете, не по душе; скажу Вам, что мне он еще менее был по душе. Мне не нравилось, во-первых, что деньги в значительной степени были иммобилизованы, во-2-х, что они не были защищены от случайностей краха, в-3-х, что этот механизм мог действовать только пока можно было питать доверие к тем лицам, на чьем имени оставались эти деньги; а я, как адвокат, привык это доверие считать вещь очень опасной. Словом, в помещении денег в акции банка я не проявил энтузиазма и не раз против него возражал. Горячим сторонником этого являлся все время Новицкий. Я не раз говорил Гирсу, что Новицкий увлекается желанием играть роль в банке, а не только мыслью о том, как хранить свои деньги. Однако у меня не было возможности спорить против этого плана, пока я не мог противопоставить ему лучшего. <...> лично мне фонд казался не нужным; я понимаю, что нельзя истратить деньги до последней копейки, но в наших условиях держать деньги предназначенными для «восстановления России» – мне казалось смешно. Уже одно то, что мы должны были бы наличность этого фонда скрывать, ибо, если мы доживем до того, что люди будут за границей умирать с голоду, то наличность денег, припрятанных для будущего экономического возрождения России, будет актом, в котором мы не посмеем публично признаться, – уменьшало мои симпатии к образованию такого фонда. Но так как деньги были не у меня и не я за них отвечал, то я этого мнения никому не навязывал, хотя к идее фонда относился скептически. В обсуждениях по этому вопросу я принимал участие как «спец», который облекал соглашения и постановления в юридически грамотную форму и принимает меры к тому, чтобы помешать возможным злоупотреблениям. <...>

Приехав из Америки, Новицкий сказал, что к способу хранения денег Вы отнеслись отрицательно, что объяснялось тем, что для Америки это не нужно. Но что наоборот Вы очень приветствовали идею создания банка для будущей работы с Россией и решили поместить в него гораздо большую сумму, чем Новицкий или кто бы то ни было из нас предполагал. Вот почему я писал Вам, что создание банка более Ваше дело, чем наше. <...> Мое сдержанное отношение к этой затее было ясно еще из того, что попервоначалу я способ хранения денег совершенно устранил от ведения Совещания Послов, оставивши его исключительно на ответственности финансовых агентов. Откровенно скажу, что не хотел брать ответственность за то, что будет делать Новицкий; если Новицкий, храня деньги, как он сам говорил, считал своим долгом играть на курсовой разнице, я предпочел это не знать, а следовательно, не быть обязанным это знать; я лично не стал бы этого делать с чужими деньгами и считал бы себя не вправе так делать. <...> Я не хочу слагать ответственность с себя. Хочу только подчеркнуть, что вопрос о необходимости иметь национальный фонд был решен тем, на ком лежала ответственность за эти деньги, т. е. финансовым агентом; как член финансового совета я принял относительно этого фонда ограниченный круг обязанностей и ответственности, и мое участие в этом деле ограничилось придачей юридической формулировки, наиболее выгодной для интересов государства, тем планам, которые предлагали нам финансовые агенты. Каюсь, что если худо ли, хорошо ли, но мы разрешили вопросы, которые перед нами стояли, т. е. возможность злоупотребления со стороны финансовых агентов, их смерти и т. д., то я ни разу не ставил того вопроса, который стал сейчас, о характере деятельности самого банка. Потому ли, что я недостаточно знаком с банковской деятельностью и не представлял себе опасности с этой стороны, я успокоился тем, что банк достаточно прочен, не лопнет и деньги не пропадут. О том, что банк может вести сомнительные операции, я не подумал. Когда теперь обнаружилось, что это так и что ответственность за такие операции лежит на нас, я не хочу прятаться за то, что это нас не касается; с большим сожалением вижу, что кто сказал «а», должен сказать и «б», и что мы должны принимать на себя эту ответственность; если бы в свое время я думал, что такая функция падет на меня, я и Гирс на это бы не пошли. Это как раз область той полуответственности, которую я ненавижу. Я не могу ее осуществлять непосредственно, ибо я не правление банка. Я, наконец, слишком мало банковский деятель, чтобы брать на себя распоряжение операциями. Все это я говорю, чтобы показать, как стал вопрос. Теперь остается сделать из этого необходимые выводы.⁴⁵

Через три дня после отправки этого письма на заседании Совещания послов 29 апреля 1922 с участием Бернацкого, Шателена и

⁴⁵ В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву, 25 апреля 1922 // «Совершенно лично и доверительно!». Т.2. С.277-281.

Новицкого Маклаков выступил с речью, выразив сомнения в прочности банка и предложив подумать о другой форме хранения. Маклакова тревожило, что банк, хотя и не понес убытков, но и не принес прибыли, что, с его точки зрения, означало потерю «веса» его акций, т. е. убытки для казны.

Новицкий с раздражением писал о выступлении посла:

Хотя Маклаков и оговорился, что он отличается чрезмерной трусостью в денежных делах, трусостью, которая однажды заставила его отказаться от наследства из боязни лишних для себя осложнений, где он, сопоставляя себя с ролью рабов в притче о талантах, является рабом ленивым и лукавым, предпочитавшим зарывать таланты в землю, тем не менее проявленное им в первой части его речи отношение к делам не только Банка вообще, но и финансов в частности, поразило всех присутствующих своей невероятной наивностью и предвзятостью.⁴⁶

Реакция Угета на письмо Маклакова была предсказуемой и весьма резкой, в особенности учитывая то, что он знал об особых отношениях между Бахметевым и Маклаковым. Он писал:

Для того, чтобы В.А.Маклаков мог участвовать в вопросах Национального фонда, ему, прежде всего, необходимо ознакомиться с соответствующими документами и перепиской и отнестись к этому вопросу не с точки зрения возможности личной ответственности при различных вероятностях, а исключительно – с деловой. Тогда, вероятно, В<асилий>А<лексеевич> все поймет и от него уже будет зависеть, желает он или нет иметь отношение к Национальному фонду.⁴⁷

Однако дружный отпор со стороны финансовых агентов не успокоил Маклакова, и он в письмах Бахметеву продолжал бить тревогу. В начале следующего, 1923 года он вновь выразил сомнения в целесообразности хранения денег в лондонском банке. Причем, по его словам, впечатление об ошибочности принятого решения сложилось также у Гирса и Бернацкого. «То, что нам говорили про этот банк раньше, и то, что обнаруживается мало-помалу теперь, совершенно непохоже», – писал осторожный адвокат. Напомнив о своем прошлогоднем «алармистском»⁴⁸ выступлении, встретившем дружный отпор финансистов, в том числе Новицкого и Шателена, Маклаков констатировал: «с тех пор впечатление, что Национальный Фонд помещен не в верное место и с известным риском, только усилилось».

⁴⁶ В.И.Новицкий – С.А.Угету, 5 мая 1922. – ВАР. Boris Bakhmeteff Collection. Box 28.

⁴⁷ С.А.Угет. Замечания по письму В.А.Маклакова от 1 мая 1922 г. (от 18 мая 1922). – Там же.

⁴⁸ От *alarme* (франц.) – тревога.

Маклакова волновала слабая осведомленность членов Коллегии попечителей о внутренних делах банка; «оптимистичная» информация Шателена о перспективах внутренней революции, которая должна была привести к оздоровлению атмосферы и более успешному ведению дел, вызвала у опытного юриста противоположную реакцию: «тревожное чувство, что В.И.<Новицкий> заманил со своим банком нас в сомнительную сделку, не улеглось, а пока только усилилось»⁴⁹.

Из переписки Маклакова и Бахметева становится очевидным, что банк сотрясали внутренние кризисы, связанные с конфликтом Московской группы, точнее, группы Московского Купеческого банка во главе с Г.Д.Чаманским с остальными участниками дела. Внутренняя борьба закончилась не в пользу Чаманского, и его сменил британец Энгус Макфейль (McPhail).

В ответ на тревожные послания Маклакова, Бахметев уверенно писал, что «разговоры о неурядицах в Банке сущий вздор». Ему импонировал новый управляющий Макфейль, которого он считал полезнее «десяти представителей казны». Беспокоили его лишь личные взаимоотношения членов «русской группы». Весьма саркастическую характеристику Бахметев дал своему бывшему сотруднику:

Для меня нет сомнений, что милейший Новицкий ввел все дело в русло личных обид и, может быть, даже личных стремлений. Я это говорю не с целью его обвинить, он очень милый, хороший и честный мальчик, но дитя и всегда дитем останется, и его детскость выражается в том, что он не умеет отделять делового и принципиального от личного и своих персональных затруднений от тех барьеров, которые нужно брать по пути государственной работы... У Новицкого представления и суждения о вещах меняются в зависимости от его личных настроений. Если ему чего-нибудь хочется по тем или иным причинам, все окрашивается степенями превосходными, если что-либо он хочет провести в другую сторону, тогда, наоборот, сыпятся аргументы черного и мрачного свойства. Повторяю, я его не упрекаю в неискренности или задних мыслях, а просто в неумужественности и легкомыслии натуры. Я помню, когда он работал в Вашингтоне, он перманентно на меня обижался. Он был прав и неправ; неправ, потому что я его лично очень люблю и крайне хорошо к нему относился, прав, потому что по существу мое отношение к нему никогда не было серьезным.⁵⁰

Рассуждая о трениях, возникших по вопросу о членах правления и о способах контроля за казенной долей в капитале банка, Бахметев писал:

⁴⁹ В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву, 2 января 1923 // «Совершенно лично и доверительно!». Т.2. С.431-433.

⁵⁰ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 24–25 января 1923. Там же. С.448-451.

Если мы начнем скандалить и вести себя неприлично, то кончится тем, что с нами никто не будет желать иметь дело и нам придется с неприятностью уйти. Ни при каких обстоятельствах такой уход не может помочь казне. В коммерческой сфере различные стороны всегда сговариваются о членах правления, это единственная возможная практика; все несчастье, что птенчик Новицкий зашебетал раньше времени и, никого не спросив, сунулся на свой личный риск и страх, куда ему соваться не надо было. <...> Вы дали слишком много воли милому мальчику и не держите его в струне, а он позволяет себе много вольностей и недостаточно считает с необходимостью Вас осведомлять и идти в шорax.⁵¹

В качестве представителя «европейской части» казенного капитала в банке Бахметев хотел бы видеть скорее Замена, человека, по его мнению, спокойного, обстоятельного и знающего технику банковского дела. Правда, со свойственной ему нередко безапелляционностью Бахметев тут же замечал, что «Замен не умеет вести практические дела», о чем ему известно еще со времени работы Замена управляющим Кредитной канцелярией, что он скверный коммерсант и что «многие частные интересы» им недовольны.

В финансовых вопросах Бахметев не стеснялся выступать перед своим старшим другом в качестве ментора. Он укорял Маклакова за безосновательное, по его мнению, изменение отношения к банку:

Мне неясно, что такое обнаружилось, чего Вы раньше не знали. Не могли же Вы рассчитывать получить какое-то влияние сравнительно маленьким взносом в каком-нибудь огромном учреждении. Ведь с идеей взноса в этот Банк была связана мысль о возможности использовать английское кредитное учреждение для экономической помощи России, по крайней мере в первые переходные моменты ее новой жизни. Нельзя о предприятии судить только по рассказам В.И.<Новицкого>, который сегодня интересуется мыслью, а завтра обращается против нее. Банк был всегда хилый, и мы это отлично знали, но ничего угрожающего в его балансах нет. Я сказал бы, что теперь, когда есть новый управляющий и это не внутренняя революция, а целесообразная реформа, есть все основания думать, что дело улучшится. В свое время мы понимали все недостатки идеи. <...> Но я скажу от себя и знаю, что того же мнения придерживается Угет, что теперь, когда дело сделано, внезапно пугаться и удирать из дела еще более ошибочно и неосновательно, чем в него было в свое время идти. Тем более что единственный момент во всем деле, который сколько-нибудь может интересовать национальные интересы, а именно использование учреждения для экономической помощи на первых шагах восстановления <России> приближается.⁵²

⁵¹ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 24–25 января 1923 . – Там же.

⁵² Там же.

Вряд ли Бахметев мог вообразить, что этого «восстановления» не суждено будет увидеть не только ему, но и «птенчику» Новицкому.

Тревога Маклакова, которую, видимо, разделял Гирс, за судьбу казенных денег была небезосновательной. Успехи банка были, мягко говоря, невелики: 1922 год он закончил с убытком. Однако Новицкий, очевидно метивший на теплое место под крышей банка, и Угет, заинтересованный в банке для проведения секретных (прежде всего от кредиторов) операций, были настроены более оптимистично.

Угет отправил Гирсу в конце июня 1923 «совершенно личное» письмо, в котором объяснял причины неудач банка тем, что его основной капитал был недостаточен велик (500.000 фунтов стерлингов), а для успешных операций, учитывая практически «иностранный» характер банка, нужен был основной капитал не менее 1 млн. фунтов стерлингов; банк, указывал Угет, проводит операции в основном за счет собственного капитала, что сужает его возможности. Он считал возможным существование банка в «безразличном равновесии», только если его директором-распорядителем будет англичанин, конкретно – McPhail. Он «не банковский гений, но человек, прекрасно знающий рынок, технику и рутину своего дела», и при контроле со стороны правления банк может вполне держаться на плаву и даже выплачивать маленькие дивиденды⁵³.

Действительно, в 1923 банк убыток предыдущего года покрыл. Место выбывшей (со скандалом) группы Московского Купеческого банка заменила группа акционеров Русского для внешней торговли банка (Л.Ф.Давыдов, А.И.Добрый, И.И.Кестлин), превращавшегося во французское кредитное учреждение при участии Banque de Paris et des Pays-Bas⁵⁴.

Этим новым союзом акционеры лондонского банка были весьма довольны: Русский для внешней торговли банк был в свое время одним из крупнейших российских банков, а его директор-распорядитель Леонид Федорович Давыдов во время министерства В.Н.Коковцова был директором Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов и человеком в мире финансов весьма авторитетным.

Угет с удовлетворением писал Замену:

Вместе с Тобой радуюсь, что после упорной и утомительной борьбы из Банка с корнем вырваны источники интриг, недоброжелательства и взаимной борьбы. Больше того, с заключением со-

⁵³ С.А.Угет – М.Н.Гирсу, 26 июня 1923. – VAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 28.

⁵⁴ См.: Доклад К.Е.Замена на заседании Коллегии попечителей Национального фонда 11 января 1924; М.Н.Гирс – С.А.Угету, 12 января 1924. – Там же.

глашения с заправилами Русского для Внешней торговли банка под наш Банк подведена теперь солидная деловая база.⁵⁵

Однако радовался Угет, как показало недалекое будущее, рано.

Предположение Маклакова о том, что Новицкий, выдвигая идею о хранении государственных денег в акциях частного банка, что увеличивало его основной капитал, преследовал и личные интересы, считывая, при случае, получить в этом банке место, полностью оправдалось. В конце декабря 1923 Новицкий писал Угету о грядущих изменениях в своей судьбе:

С 1-го января нового года я покидаю должность Главного уполномоченного по финансово-экономическим делам и выхожу, таким образом, из Финансового совета и всех посольских организаций. Вместе я тем я по-прежнему остаюсь хранителем средств Лондонского финансового агентства и казначеем сумм, как передаваемых К.К.Миллером Финансовому совету, так и находящихся непосредственно в распоряжении Финансового совета. Это последнее я делаю по просьбе М.Н.Гирса. Должность моя не будет замещена, и все, что мною делалось в Финансовом совете и Финансовой комиссии, будет делать теперь М.В.Бернацкий.

Финансовое агентство в Лондоне я закрываю с апреля месяца 1924 года. Часть архива будет сложена и спрятана, часть привезена в Париж. Одновременно с этим я вывожу архив из Финансового отдела в Париже и перевожу его на частную квартиру, которая берется на имя <Б.В.>Гаугера и адрес которой Тебе будет сообщен для направления, в дальнейшем, всей секретной переписки, касающейся Национального фонда и наших сумм.

Уходя, таким образом, официально от посольской работы, по существу, конечно, в частном порядке, буду помогать как М.Н.Гирсу, так и М.В.Бернацкому по всем вопросам, к которым им будет желательно меня привлекать, и фактически буду занимать то положение, которое занимает К.К.Миллер, остающийся хранителем и распорядителем своих сумм и занимающийся своими частными страховыми делами.⁵⁶

Новицкий, с согласия Коллегии попечителей Национального фонда, вошел в правление London & Eastern Trade Bank, так же как новообразуемого французского банка⁵⁷.

В 1924 дела банка пошли вроде бы неплохо; особую активность он развил на восточноевропейском направлении. «Ригу мы завоевали», – с удовлетворением сообщал Замен Угету⁵⁸. Неплохо шли дела

⁵⁵ С.А.Угет – К.Е.Замену, 14 февраля 1924. – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 30.

⁵⁶ В.И.Новицкий – С.А.Угету, 20 декабря 1923. – Там же.

⁵⁷ Протокол Коллегии попечителей от 11 января 1924; М.Н.Гирс – С.А.Угету, 12 января 1924. – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 28.

⁵⁸ К.Е.Замен – С.А.Угету, 19 сентября 1924. – Там же.

и в Польше; с другой стороны, ситуация осложнилась в связи с уходом Цатуровых. Однако это были еще цветочки; Давыдов, союзу с которым совсем недавно так радовались учредители, вел себя, по видимому, довольно агрессивно, и Шателен даже высказывал опасение о его намерении захватить банк⁵⁹. Расклад сил в Правлении перед предполагаемой схваткой представлялся Угету следующим образом: «Против нас: Давыдов, Кестлин, Мак Фейль, Замен. С нами: Нобель, Глазберг, Топпинг, Шателен, Новицкий»⁶⁰.

Тревожила представителей несуществующего государства и политическая неразборчивость Давыдова. На одном из заседаний правления рассматривался, среди прочего, доклад менеджера Р. Джерзалия (Gersaglia) о посещении им Ревеля и о предложении со стороны Ревельского банка Шеля принять участие вместе с некоторыми другими учреждениями в финансировании вывоза продуктов, в том числе муки, из Москвы.

Председательствовавший на заседании Глазберг прервал докладчика, напомнив, что Правлением было принято принципиальное решение о недопустимости торговли с большевиками.

На это последовала реплика Давыдова, заметившего, что «принципами кормиться нельзя, надо иметь прибыли, и если это дело выгодно, то он, будучи против прямой торговли с большевиками, но за косвенную <так!>. Что же есть прямая торговля и что не прямая – это вопрос организации, которую хорошие банкиры всегда придумают. Замен согласился с ним. «Мне пришлось очень резко выступить, – информировал Угета Шателен, – указав, что нельзя такой вопрос решать в случайном порядке, а надо его обсудить в полном составе правления, вспомнив положенные в основание банка принципы и идеи. До такого обсуждения я не могу допустить никакого решения и никакой подготовительной работы»⁶¹.

Реакция Угета была несколько наивной для финансиста:

Мне искренне жаль Давыдова, который в своей нарочитой позе цинизма запутался до того, что уже пускается на такие предприятия, которые могут поставить крест на его прошлом. Обладая крупными деньгами, для чего вообще ему нужна погоня за новыми, совершенно непонятно, в особенности учитывая его возраст и состояние здоровья.⁶²

Однако на заседании правления 5 ноября 1924 Давыдов преподнес сюрприз совершенно иного рода, проинформировав своих не-

⁵⁹ С.А.Шателен – С.А.Угету, 2 ноября 1924. – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Вох 30.

⁶⁰ С.А.Угет – С.А.Шателену, 13 ноября 1924. – Там же.

⁶¹ С.А.Шателен – С.А.Угету, 4 ноября 1924. – Там же. Вох 28. Папка «ноябрь 1924 – апрель 1925».

⁶² С.А.Угет – С.А.Шателену, 13 ноября 1924 г. – Там же. Вох 30.

давних деловых партнеров, что контрольные пакеты акций в Русском для внешней торговли банке и Banque Generale проданы фирме Bauer, Marshall & Company. Давыдов извинился, что не сообщил об этом раньше, так как «коммерческое понимание дела не допускало возможности обсуждать его до заключения сделки».

Топпинг сказал Давыдову, что «его извинения напоминают ему извинения убийцы перед трупами своих жертв». Мало того, что между Eastrabank'ом и Русским для внешней торговли банком был произведен обмен акциями и, таким образом, правление оказалось поставленным перед фактом появления нового и совершенно неизвестного ему акционера, так еще вдобавок о Bauer, Marshall & Co ходили слухи, что они связаны с большевиками⁶³. Слухи оказались беспочвенными, однако паника поначалу поднялась нешуточная.

Вся эта история навела бывшего министра Бернацкого на грустные размышления, которыми он «совершенно доверительно» делился с общей «жилеткой» для собирания слез российских финансистов – Угетом:

Наиболее печальным является то обстоятельство, что, несмотря на частые уверения, единство в нашей Коллегии отсутствует. Скажу даже больше, Коллегии, как таковой, нет. <...>

События показали, что некоторые члены Коллегии не столько «ориентируются» на нее, сколько «страхуются» на внешние, действительные или воображаемые силы. К.Е.Замен – на Л.Ф.Давыдова, С.А.Шателен – почему-то на Гласберга и Топпинга.

Особенно болезненно чувствуется эта внешняя «ориентация» сейчас. Из писем моих и В.И.Новицкого – Вы знаете ход последних событий. Л.Ф.Давыдов и А.И.Добрый тайно от всех продали контрольный пакет акций Русского Для Внешней Торговли Банка и Banque Generale фирме Bauer & Marshal. К.Е.Замен знал об этом раньше других и нам ничего не сказал. Молва сразу придала этой сделке пробольшевистский характер; наше положение оказалось ужасно. Предпринятые расследования и данные Л.Ф.Давыдовым объяснения успокоили нас и «общественное мнение» (вернее, добросовестных его выразителей): пока не может быть и речи о сближении фирмы с большевиками. Конечно, Бурьшкин продолжает клеветать, но кто же придает серьезную цену его словам? Им пользуются такие люди, как С.Н.Третьяков, для своих целей – похода против Маклакова и всех нас, в надежде стать во главе заграничных организаций и «распоряжаться» остатками казенных средств. <...>

<...> «Шатаниям» надо положить предел и уничтожить, наконец, упомянутые мною «внешние ориентации». При таком состоянии казенной коллегии, как ныне, конечно, каждый сильный человек думает о «завоевании» банка. <...>

⁶³ С.А.Шателен – С.А.Угету, 13 ноября 1924. – VAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 28.

Бедному нашему Банку никак не удастся стать на твердую почву. В значительной степени виной этому – мы сами.⁶⁴

Тем временем существованию Национального фонда, точнее, его существованию в том размере и с той системой управления, что оформилась в декабре 1921, – пришел конец, и совсем не вследствие нестроений в банке, а по внешним и более фундаментальным причинам.

Еще 15 мая 1923 на совещании Миллера, Угета и Новицкого было решено в случае, если после 1 июля 1924 не окажется должных свободных средств на продолжение ассигнований на содержание официальных органов и на помощь беженцам – освободить на эти нужды 40 тыс. фунтов стерлингов из Национального фонда (по 20 тыс. из европейской и американской частей) и 20 тыс. из Неприкосновенного фонда (японская часть), контролировавшегося Миллером. Год спустя, 25 июня 1924, вновь собравшиеся на совещание финансовые агенты пришли к выводу, что этот момент настал.

На следующий день состоялось заседание Коллегии попечителей под председательством Гирса и при участии Маклакова, Бернацкого, Угета и Новицкого, поддержавшей решение финансовых агентов. Однако, согласно Положению о Национальном фонде, решение такого рода могло быть только единогласным, т. е. без согласия Бахметева теоретически «разбронировать» часть фонда было невозможно. А бывший посол в Вашингтоне с мнением большинства, доведенным до него письмом Гирса, не согласился⁶⁵.

Убедить своего заокеанского друга взялся Маклаков. Напомнив, что в свое время он «очень кисло» отнесся к идее Национального фонда и что она была не его выдумкой; что он «не одобрял иммобилизации денег, которые могли бы понадобиться» и что поэтому не удивительно, что он поддерживает «идею разбронирования фонда», посол в Париже показал Бахметеву, что дело не в его предвзятости, а в объективных обстоятельствах. Сложившаяся в Париже атмосфера вынуждала «разбронировать» часть Национального фонда. Лучше поступиться частью, доказывал Маклаков. Он писал:

...никто не может претендовать на неистощимость казенных средств и кого-либо обвинять в том, что они истощились. Но это было бы хорошо только в том случае, если бы они действительно истощились; если бы мы могли говорить, что денег больше нет. К сожалению, это было невозможно; вообще трудно делать в тайне дела, о которых многие знают, но в данном случае было нечто более, чем неясные слухи.⁶⁶

⁶⁴ М.В.Бернацкий – С.А.Угету, 23 ноября 1924. – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 30.

⁶⁵ Переписку по этому вопросу см. BAR. Boris Bakhmeteff Collection, Box 49.

⁶⁶ В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву, 5 сентября 1924 // «Совершенно лично и доверительно!». Т.3. С.194-195.

Маклаков ссылался на председателя Земгора князя Г.Е.Львова, утверждавшего, что «отлично знает и сумму и все детали вопроса», причем ни от кого другого, как от самого Бахметева. Другим источником информации был Бурышкин; он «рассорился с банком и поэтому его сведениям, к тому же запоздалым, не было особенного доверия; совсем другой оборот принимало дело, когда об этом говорил Львов»⁶⁷.

Маклаков писал:

И сколько мы ни пытались предупреждать и уверять, что к 1-му июля средства окончатся, все отлично понимали, что это значит только то, что останутся только средства Национального Фонда, которые мы не хотим трогать. Вы понимаете, что это совсем меняет вопрос; когда мы имеем дело с очень реальной нуждой, которая не только не уменьшилась, но возросла за последнее время, то ссылка на то, что нами было решено эти деньги не трогать, никого успокоить не может; тем более что те мотивы, которые можно было бы привести в оправдание нашего решения, — очень условны; более того — эти мотивы при наличии реальной нужды и хода дел в Совдепии представляются просто смешными; Вы никого не убедите, что этими деньгами можно было бы и восстановить Россию, и совершить переворот; и потому неудивительно, что в злоязычной и озлобленной эмиграции создалось твердое убеждение: что весь смысл этого Национального Фонда только в том, чтобы кормить финансовых агентов, пристроившихся к банкам. Во всяком случае, нужно было утверждать одно: если бы мы не тронули Национального Фонда, то в среде эмиграции начался бы самый определенный поход против нас, в котором бы объединились и сторонники казны, Николай Николаевич, и правые, и земгорцы; земгорцы в этом отношении не отстали, о чем тот же Львов предупреждал; а весь этот скандал в момент, когда последний оплот антибольшевизма в Европе — Франция была на перепутьи, было сугубо несвоевременным.

Вот почему не только для меня, но для нас всех было ясно, что Национальный Фонд может быть сохранен только при условии, что это будет нашей тайной; и что так как эта тайна была в свое время нарушена, то эту-то оплошность и необходимо исправить; необходимо фонд разбронировать, а те остатки, которые останутся, уберечь от постороннего глаза и никому не говорить об их существовании. Правда, Национальный Фонд уменьшится, но это, в конце концов, не такая беда. <...> Главный же повод только один: нельзя отказаться тратить деньги, о существовании которых знают другие; перед нами две задачи: протянуть дело еще сколько можно, и не только нашими конституциями, но и нашей дискретностью окончательно забронировать то, что у нас остается.⁶⁸

⁶⁷ В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 5 сентября 1924. — Там же.

⁶⁸ Там же. С.195-196, 200.

В конечном счете Бахметев заявил, что не желает ставить препоны и не возражает, чтобы постановления о «разбронировании» Национального фонда были приняты без его участия. «Вы действуете в известной обстановке, как это Вам представляется необходимым». Бахметев также заверил, что не возражает против того, чтобы Угет принимал самостоятельные решения в качестве финансового агента⁶⁹.

Со своей стороны, Угет также направил письмо Маклакову, в котором сообщал, что вполне согласен с его аргументами по существу, но одновременно оспорил маклаковский «формально-юридический анализ». Расходясь с Маклаковым в деталях, Угет, как и Бахметев, понимал неизбежность «разбронирования» части Национального фонда. Интересен комментарий Угета к письму Бахметева:

Из этого письма нетрудно убедиться, что Б.А.<Бахметев>, вполне понимая как сложившуюся обстановку, так и трудное положение, в котором оказалось наше представительство, окруженное волнами озлобленного беженства, отнюдь не желает блокировать тех решений, которые, хотя бы временно, могли бы разогнать сгустившиеся тучи. Вместе с тем, однако, по весьма веским принципиальным соображениям Б.А.<Бахметев> считает невозможным для себя присоединиться к постановлениям, противоречащим его взглядам и убеждениям, но при этом ни в малейшей степени не хочет ограничивать свободу моих решений.⁷⁰

По-видимому, тратить деньги начали еще до оформления всех необходимых документов. Во всяком случае, Угет укорял Маклакова в начале января 1925: «Меня несказанно смущает то обстоятельство, что Коллегия попечителей, в силу своеобразного положения, ею занимаемого, а потому с особой щепетильностью долженствующая относиться к оформлению своих действий и решений, между тем все время находится в положении приемыша, которого терпят, но надлежащих забот по отношению к нему не проявляют»⁷¹.

Угет напоминал, что «июньские постановления так и остаются висящими в воздухе, а соответствующее расходование средств продолжается уже в течение полугода». Он предлагал Маклакову, и так уже затратившему «много труда на нахождение приемлемого для всех решения», взять на себя инициативу «по окончательному урегулированию этого затянувшегося вопроса».

В заключение Угет писал:

Истекший двухгодичный период жизни Коллегии показывает, что мысли, заложенные в ее основу, если и правильные, то во вся-

⁶⁹ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 9 октября 1924 // «Совершенно лично и доверительно!». Т.3. С.205.

⁷⁰ С.А.Угет – В.А.Маклакову, 10 октября 1924. – НИА. Vasily Maklakov Collection. 14-21.

⁷¹ С.А.Угет – В.А.Маклакову, 7 января 1925. – Там же.

ком случае осуществление их безостановочно хромает, а ее участники мало проявляют интереса к нормальному функционированию ими же созданного органа. Если, в силу общих сложившихся условий, подобный недуг неисцелим, то не было ли бы уже лучше и проще откровенно сознаться в этом и по соответствующему соглашению признать Коллегию прекратившей свое существование.⁷²

Действительно, после «разбронирования» части Национального фонда стало очевидным, что существование Коллегии попечителей в прежнем виде потеряло смысл. Это и было констатировано на заседании Коллегии 18 мая 1925, денонсировавшем «Положение об установлении и распоряжении Национальным фондом», утвержденное 20 декабря 1921. В заседании участвовали Гирс, Маклаков, М.В.Бернацкий, В.М.Бернацкий, Угет, Новицкий и приглашенные лица – Н.В.Савич и К.К.Миллер.

Ввиду 1) медленности освобождения России; 2) неизбежности продолжительного хранения сумм, причем в условиях признания советской власти и розысков русских денег, что заставляло держать их в «крайне замаскированной форме» и требовало оперативных решений; 3) в связи с тем, что затяжной процесс освобождения России мог «ставить вопрос об обращении части Национального фонда на надобности вне его прямого назначения», на что Положение о Национальном фонде «не давало никому законного права», члены Коллегии единогласно решили, что наступили те условия, при которых «существование коллегии становится фактически невозможным»⁷³.

Таким образом, Коллегия попечителей была распущена, а ее функции перешли к «финансовым агентам совместно». В то же время важнейшие решения, такие как траты, изменение порядка хранения и т. п., должны были приниматься по соглашению между финансовыми агентами и Совещанием послов. Было решено, что специально для этого случая Совещание послов собирается в составе: Гирс (председатель), Маклаков, Бахметев, М.В.Бернацкий, Н.В.Савич и К.К.Миллер; управление делами Совещания послов возлагалось на В.М.Бернацкого. Протокол печатался в трех экземплярах, которые должны были храниться в Нью-Йорке (Coudert Bros.; 2, Rector Street), Лондоне (London & Eastern Trade Bank) и Париже (Bankers Trust Company; 3 & 5, Place Vendome)⁷⁴.

Что же касается банка, то на 31 мая 1925 список акционеров и тех, у кого акции находились в доверительном управлении, выглядел следующим образом:

⁷² С.А.Угет – В.А.Маклакову, 7 января 1925. – Там же.

⁷³ Протокол заседания Коллегии попечителей Национального фонда от 18 мая 1925 г. – BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 49.

⁷⁴ Там же.

Names of shareholders:

Jean Charles Kaestlin (London)	500
George Henry Kaestlin (London)	500
Paul Renee Kaestlin (Switzerland)	500
Abraham Dobry (Paris)	1500
Douglas Ingram (Twickenham) & Arthur Julian Haward	8495

Names of trustees:

Leonide Davydoff (Paris)	4000
Gustav Nobel (Paris)	13520
Angus McFail	3060 ⁷⁵

Внутренняя борьба в банке не утихала. Тон писем Шателена Угету оставался тревожным: «Положение в банке в смысле правления вообще и отдельных его членов в частности совершенно невозможное. Несмотря на все усилия, каждое сведение надо вытаскивать и выпрашивать». Угет стал подумывать о продаже принадлежащих казне акций за 75% их стоимости, лишь бы уйти из банка. «Мне думается, что чем больше Ты хочешь уйти, – предостерегал его Шателен, – тем менее нужно, чтобы об этом знали, иначе будут выжимать, да еще показывать соус, что будто благодетельствуют и исполняют Твое желание»⁷⁶.

Все эти передражки привели Угету в декабре 1925 к неутешительному заключению: «За последнее время для меня стало довольно ясно, что банк неуклонно идет по пути к полному банкротству. Обидно при этом только то, что неминуемо надвигающаяся опасность находится не столько в связи с плохим деловым положением банка, а зависит от системы произвола, там воцарившейся...»⁷⁷ Ответственность за это Угет возлагал в значительной степени на бывших коллег по государственной службе – Замена и Новицкого. Замена, которого он теперь именовал не иначе, как тупицей, вел себя не как директор-распорядитель, а как диктатор, ни с кем и ни с чем не считающийся. Виноват в этом был, с точки зрения Угету, более всего Новицкий: «Ему неукоснительно хотелось играть во всем первенствующую роль, а потому неискренностью и интригой, ассоциируясь то с одними, то с другими, он и помог расцвету того невероятно положения, от которого скоро все заплачут»⁷⁸.

Выход Угет видел в консолидации «казенной группы», которая должна твердо взять управление банком в свои руки. О том, насколько далеко зашли раздоры и взаимная подозрительность, говорит тот факт, что Угет готов был допустить сговор Новицкого и

⁷⁵ BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 30.

⁷⁶ С.А.Шателен – С.А.Угету, 29 ноября 1925. – Там же.

⁷⁷ С.А.Угет – С.А.Шателену, 16 декабря 1925. – Там же.

⁷⁸ Там же.

Миллера с Давыдовым. А тогда, меланхолично заключал он, «по-видимому, останется лишь ждать сначала призыва к новым жертвам, а вслед за коими, довольно уже быстро теперь, последует и принудительная ликвидация банка»⁷⁹.

Однако пессимизм оказался неоправданным. Представителям «казенных интересов» удалось составить большинство и стабилизировать положение банка. Председателем правления был избран Г.Л.Нобель. В 1928–1931 банк даже выплачивал дивиденды. Пережил он и мировой экономический кризис 1929–1933 годов, хотя и не без потерь. По расчетам Правления, на начало 1933 после оплаты всех обязательств, свободный остаток капитала должен был составить около 400 тыс. фунтов стерлингов⁸⁰, т. е. основной капитал банка «похудел» более чем на 100 тыс. фунтов стерлингов.

Тот же Угет, который в середине 1920-х предрекал банку крах, писал Маклакову в январе 1933:

На тех общих предположениях, с которыми было связано наше вступление в банк, неумолимый ход событий поставил крест. Неблагоприятные обстоятельства привели к утрате части капитала. На горизонте общих мировых явлений будущее банка представляется неясным. К его чести, однако, я должен прибавить, что с самым тяжелым периодом своей истории (после 20 сентября 1931 года) он справился блестяще, располагая в настоящее время значительными ликвидными средствами. Активный состав Правления состоит из Г.Л.Нобеля, С.А.Шателена и В.И.Новицкого, каждому из коих не могут быть безразличны национальные интересы, будь они велики или малы. Операционная деятельность возглавляется изобретательным Джерзалия, хорошо знающим банковскую технику.⁸¹

Однако приходилось признать, что если в банк держатели государственных средств шли «преследуя национальный интерес будущего», то «жизнь обратила его в призрак. На очередь стала проблема сегодняшнего дня...»⁸²

Проблемой «сегодняшнего дня» для Угета было поддержание в какой-то степени его дипломатического статуса – а он оставался единственным «полупризнанным» представителем прежней России. США, единственная из великих держав, пока еще не признала Советского Союза.

Маклаков, возглавивший после смерти Гирса Совет послов и фактически исполнявший неформальную роль координатора дея-

⁷⁹ С.А.Угет – С.А.Шателену, 16 декабря 1925. – Там же.

⁸⁰ См.: С.А.Шателен – С.А.Угету, 26 марта 1933. – Там же.

⁸¹ С.А.Угет – В.А.Маклакову, 3 января 1933. – Там же.

⁸² Там же.

тельности нансеновских офисов по делам русских беженцев, представлял проблему еще лучше:

Меня ужас взял, когда я познакомился с финансовой стороной нашего дела. Сколько наших представительств, бесполезных на месте, живут на свой счет, т. е. в условиях ненормальных; сколько получают те, кто получает; подумайте, что такие центры, как Берлин и Женева, получают в месяц по 25 фунтов; Франция, где сосредоточено наибольшее количество беженцев и где они дают наибольшую сумму хлопот, благодаря разным французским законам, в этой Франции я лично, который несу две должности, получаю менее 1.500 фр<анков> в месяц. Мы дошли до предела, когда какие-либо серьезные сокращения превратятся в уничтожение.⁸³

Сохранение Национального фонда в этой ситуации Маклаков считал бессмыслицей, подчеркивая, что он и вообще «никогда не был его сторонником». В то же время он понимал, что реализация акций банка в условиях экономического кризиса крайне затруднительна и что акции могут быть проданы только за бесценок. Приведа скорее всего к краху банка или по крайней мере к смене владельца, такая операция не привела бы к существенному улучшению финансового положения эмигрантских учреждений. О том, каким образом превратить Национальный фонд в «живые деньги», Шателен и Новицкий провели совещание с П.Л.Барком, последним министром финансов царской России, пользовавшимся большим авторитетом в британских банковских кругах, но так ничего и не придумали. «...Будет ли фонд чего-нибудь стоить и возможно ли будет его когда-нибудь реализовать – никто не знает, и в наших расчетах его сейчас ценят в нуль», – сообщал Маклаков⁸⁴.

На начало 1933 года финансисты на вопрос Маклакова, сколько еще смогут просуществовать эмигрантские учреждения, отводили им, в зависимости от оптимизма говорившего, срок от трех до шести лет. Поясняя Угету, претендовавшему на субсидию из «европейских» средств, разницу в положении дела в Европе и США, Маклаков писал:

...в Америке на государственные средства содержатся только государственные учреждения; у нас с <19>20 года на них рассчитывают и благотворительные организации; Вы хорошо знаете, какую долю государственных денег они съели; пока эти средства еще оставались, все шло гладко или более или менее гладко; но когда настанет момент, что денег больше не будет и что все закроется, начнется вой о том, что деньги были раскрадены; чтобы ответить на этот чисто русский упрек, наши финансисты собирались

⁸³ В.А.Маклаков – С.А.Угету, 13 января 1933. – ВАР. Boris Bakhmeteff Collection. Box 30.

⁸⁴ В.А.Маклаков – С.А.Угету, 30 января 1933. – Там же.

опубликовать отчет, куда пошли деньги. Но тогда нужно ожидать злостную и тенденциозную критику этого отчета. Я и хотел Вам сказать, что если бы нам пришлось жить еще не два или три года, а закрыться сейчас, и не в силу общей финансовой катастрофы, а в силу непредвиденных расходов на Америку, то тот вой, который здесь поднялся бы, неминуемо дошел бы до Америки.⁸⁵

Первоначальная цель создания Национального фонда – использование его после «освобождения России» для ее восстановления – звучала теперь, по словам Маклакова, как насмешка. Он сетовал на то, что в свое время распорядители государственных средств «прожили капитал», вместо того чтобы жить на доходы с него. Теперь же «если бы нам пришлось закрыться, а общественность узнала бы, что деньги есть, но они засунуты в акции, то она подняла бы такой гвалт... Поминать старое и его ошибки – конечно, занятие бесцельное. Но все старое воскреснет в день представления счетов “общественному мнению”, а это будет, когда у нас не будет больше ничего»⁸⁶.

Угет не был склонен соглашаться с Маклаковым:

Вы сетуете по поводу того, что зачем-де мы проживали капитал, а не жили доходами с него, я всего лишь хотел отметить тщетность подобных сожалений в настоящее время. Это было бы равносильно тому, если я плакался бы теперь относительно переведенных сумм в Европу; сохрани я эти деньги, мне теперь не пришлось бы докучать обращениями за кооперацией. Могу только прибавить, что не согласен я Вами и по существу. Если бы в свое время не была оказана широкая помощь эмиграции, то «организация» давно оказалась бы сметенной общим недовольством.

Позволю себе исправить одну фактическую неточность Вашего письма. С <19>20 года мы оказывали существенную финансовую поддержку общественным организациям не только в Европе и на Дальнем Востоке, но, само собой разумеется, и по всему американскому континенту – от Канады до Аргентины. Поддержка эмиграции в США, в частности, была прекращена всего лишь года два тому назад, в силу полного отсутствия средств. Именно живая память о громадности сделанного в прошлом и позволяет мне продолжать работу, не слыша ни единого упрека ни со стороны здешних организаций, ни отдельных членов колонии, несмотря на пеллеживаемые ими бедствия.⁸⁷

Угет в конце концов получил финансовую поддержку от Eaststrabank'a. Однако его дипломатическая карьера вскоре закончилась по той же причине, что и у его коллег, – в ноябре 1933 Соеди-

⁸⁵ В.А.Маклаков – С.А.Угету, 30 января 1933. – ВАР. Boris Bakhmeteff Collection. Box 30.

⁸⁶ В.А.Маклаков – С.А.Угету, 2 февраля 1933. – Там же.

⁸⁷ С.А.Угет – В.А.Маклакову, 8 февраля 1933. – Там же.

ненные Штаты установили дипломатические отношения с Советским Союзом, и здание посольства теперь содержал советский Наркомат иностранных дел.

В связи с признанием США советской власти возникли обстоятельства, которые, по словам Угета, не позволяли ему продолжать нести ответственность «по управлению пакетом американской доли». По согласованию с Бахметевым Угет передал управление «пакетом» Шателену, на чье имя и были перписаны сертификаты⁸⁸.

В 1940 году Eastrabank еще вполне сводил концы с концами, хотя и не относился к явно преуспевающим. Председателем совета директоров по-прежнему был Г.Л.Нобель, число директоров заметно сократилось: теперь их, кроме председателя, было всего трое – Шателен, Новицкий и Джерзалия⁸⁹. Тот же состав фигурирует и в банковском справочнике на 1945–1946 годы. Решающий удар по банку нанесла война. Вслед за балансом банка в справочнике на 1946–1947 гг. следовало весьма неприятное примечание – не менее четверти вложений банка (132.707 фунтов стерлингов) приходилось на страны Восточной и Центральной Европы. Трудно предположить, что сколько-нибудь значительные суммы вернулись из-за «железного занавеса». На 31 октября 1945 председателем совета директоров был все еще Нобель, а одним из директоров – Новицкий. Добавились двое директоров-англичан, менеджером банка стал некий Фосет (R.Fawcett). Нам неизвестно, почему из банка ушел Джерзалия; относительно Шателена, умершего в 1946, можно предположить, что продолжить работу в прежнем качестве ему помешала болезнь. В 1946 акции банка, принадлежавшие его прежним владельцам, в том числе «казенная доля», перешли в руки новых владельцев⁹⁰.

В связи с «обналичиванием» Национального фонда Маклаков писал Бахметеву:

Существование наших эмигрантских учреждений переживает острый кризис с самого начала войны и массового вымирания лиц, которые с 20-го года ведали этим делом. Ясно, что долго мы существовать не можем, но протянуть еще возможность есть. Сейчас, как Вы, может быть, слышали, идет ликвидация Лондона, который дает некоторую помощь. Но там окажется то, что называется «американская» доля. Мы с Лондоном в связи и в контакте, они не за-

⁸⁸ С.А.Угет – В.А.Маклакову, 26 октября 1934. – Leeds Russian Archive (далее – LRA). Zengor Collection.

⁸⁹ The Bankers' Almanac and Year Book for 1940–<19>41. (London: Thomas Skinner & Co, 1940). P.117.

⁹⁰ См.: The Bankers' Almanac and Year Book for 1945–<19>46, 1946–<19>47 и 1947–<19>48. (London, 1945, 1946, 1947, 1948; по указ.)

бывают английских учреждений, но понимают, что у нас нужда больше⁹¹.

После смерти Шателена в управление освободившимися средствами, по-видимому, опять вступил Угет, и Маклакова «просили ходатайствовать в Америке, где, по-видимому, такой острой нужды, какая будет в Европе, нет, чтобы из американской доли была оказана помощь Европе и, в частности, Франции. Для этого здесь создана организация, но без одобрения Америки мы не хотим ни на что посягать, а они считают неудобным давать. Помогите нам получить это согласие, а если нельзя, то лишите нас этой надежды; а то мы здесь на это надеемся»⁹².

Бахметев, не откладывая, переговорил с Угетом, который опять стал «формальным хозяином» «английских интересов». «Вопрос не слишком простой, – витиевато писал Бахметев, – но я уверен, С.А. <Угет> сделает все возможное в пределах разумного предвидения»⁹³. В результате переговоров Париж – Лондон – Нью-Йорк остатки Национального фонда оказались в распоряжении Маклакова⁹⁴.

Поздней осенью 1946 председатель парижского Земгора Н.С. Долгополов получил от Маклакова уведомление, что жертвователи, пожелавшие остаться неизвестными, готовы выделить 300 тыс. франков на помощь нуждающимся русским детям во Франции. Маклаков просил его представить смету. Долгополов поспешил передать бывшему послу «проект распределения» средств. Они должны были быть направлены на поддержку русских приютов, интернатов и школ во Франции⁹⁵.

Далее от Земгора ежегодно поступали просьбы исходатайствовать те или иные суммы у «известных Вам жертвователей». Просьбы неизменно удовлетворялись, причем всегда в соответствии с представленными сметами. Очевидно, вопрос о размерах субсидий предварительно согласовывался. Средства шли в основном на помощь детским учреждениям.

В 1948 Маклаков передал Земгору 700 тыс. франков, в 1949 – 800 тыс., в 1950 – 1 млн. 325 тыс., в 1951 – 1 млн. 205 тыс., в 1952 и 1953 – по 1 млн. 440 тыс., в 1954 и 1955 – по 1 млн. 620 тыс.⁹⁶

⁹¹ В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву, 16 сентября (1946) // «Совершенно лично и доверительно!». Т.3. С.523.

⁹² Там же.

⁹³ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 26 сентября 1946. Там же. С.524.

⁹⁴ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 8 апреля 1947. Там же. С.526.

⁹⁵ Н.С.Долгополов – В.А.Маклакову, 19 ноября 1946. – LRA. Zemgor Collection.

⁹⁶ См. письма Долгополова Маклакову от 21 января 1949, 10 октября 1950, 16 октября 1951, 10 октября 1952, 24 сентября 1953, 10 июля 1954, 1 октября 1955, 21 октября 1956. – Там же.

Деньги шли на Русскую гимназию в Париже, детский приют в Вильмуассоне, интернат в Версале, курсы Осоргиной в Париже, детский сад в Ницце, а также на стипендии для нуждающихся студентов, на лечение и летний отдых ослабленных детей, на общую помощь, на горячие завтраки для особо нуждающихся детей и т. п., на организационные и административные расходы Земгора и некоторые другие цели.

Долгополов писал Маклакову в начале 1954:

Позвольте от всей души поблагодарить Вас и просить Вас передать пожелавшим остаться неизвестными жертвователям нашу горячую благодарность за полученный через Вас дар в сумме 820.000 франков (это была первая половина суммы, переведенной в 1954 г. – *О.Б.*) для помощи русским детским учреждениям во Франции, отдельным нуждающимся детям, а также на организационные расходы Земско-Городского Комитета.

<...> Помощь нуждающимся детям и русским учреждениям, в которых дети или воспитываются или продолжают свое учение – общее или специально русских предметов, – приносит свою громадную пользу нуждающимся семьям и помогает детям сохранять свою «русскость».

<...> Вся помощь, которую делает возможной дар известных Вам жертвователей, имеет чрезвычайно существенное значение для русской эмиграции во Франции, и мы приносим за нее нашу глубокую и сердечную благодарность.⁹⁷

Заметим, что субсидии «неизвестных жертвователей» были, разумеется, не единственным источником доходов Земгора. Серьезную помощь оказывали, в частности, французские благотворительные организации. Так, в одном из писем Долгополов упоминает о полученных от французских организаций средствах на стипендии для русских студентов (по 12–15 тыс. франков в месяц) и одновременно о внесении ими платы за обучение русских студентов на юридическом факультете (90–100 тыс. франков в год)⁹⁸.

В последнем из сохранившихся писем Маклакова председателю Земгора он сообщал, что от лиц, «пожелавших остаться неизвестными», в распоряжение Земгора на 1956 год поступило 1.880.000 франков, т. е. именно та сумма, которую запрашивал Долгополов.

Любопытно, что Долгополов запросил дополнительные ассигнования уже в ходе «финансового года» на распределение «американских продовольственных излишков». Так назывались продуктовые посылки, которые доставлялись во Францию за счет американского правительства и распределялись среди организаций помощи нуж-

⁹⁷ Н.С.Долгополов – В.А.Маклакову, 22 февраля 1954. – LRA. Zemgor Collection..

⁹⁸ Н.С.Долгополов – В.А.Маклакову, 24 сентября 1954. – Там же.

дающимся, госпиталей, домов престарелых и т. п. Земгор и запрашивал на эту работу – рассылку писем, доставку посылок и пр. – дополнительное финансирование. В 1955 Земгор, к примеру, распределял около 3 тыс. индивидуальных и семейных посылок.

«Предпринятую Вами новую операцию по распределению, выдаче и рассылке т<ак> наз<ываемых> “американских продовольственных излишков” жертвователи всячески одобряют, но, – кротко писал Маклаков, – высказывают пожелание, чтобы на будущее время Земгор, предпринимая новую операцию для осуществления которой он рассчитывает на дополнительную финансовую помощь жертвователей, предварительно уведомлял об этих планах»⁹⁹.

Другой эмигрантской организацией, которой Маклаков передавал средства, поступавшие от «лиц, пожелавших остаться неизвестными», было Российское общество Красного Креста (РОКК). Переписка Маклакова с председательницей РОКК графиней Софьей Шуваловой и его генеральным секретарем Н.Г.Елисеевым, очевидно, сохранились не полностью. Тем не менее ясно, что порядок сумм, передаваемых Красному Кресту, был примерно таким же, как Земгору.

В 1948 Красный Крест получил 600 тыс. франков; средства были перечислены различным организациям, а также пошли на административные и организационные расходы РОКК. Распределение средств выглядело следующим образом (суммы во франках):

Общество «Православное дело»	25.000
Общество «Русский дом» в Антибе	25.000
«Русский комитет помощи» в Париже	30.000
Комитет Р.О.К.К. в Ницце	35.000
Православное Братство Св. В<еликомученицы> Анастасии в Ментоне	20.000
Союз русских военных инвалидов во Франции	15.000
Союз русских офицеров-инвалидов Великой войны	5.000
Амбулатория Р.О.К.К. в Париже; «Общество помощи престарелым» в Париже	25.000
Санатории для туберкулезных в Уссе	80.000
Общество «Родина». Аньер	20.000
Русскому распределительному комитету Нансеновского марочного сбора	50.000
Перечислено на кредит счета административных и организационных расходов Главного Управления Р.О.К.К. с<тарой> о<рганизации>.....	240.000 ¹⁰⁰

⁹⁹ В.А.Маклаков – Н.С.Долгополову, 7 октября 1956. – LRA. Zemgor Collection.

¹⁰⁰ «Отчетные сведения в израсходовании поступивших в 1948 году пожертвований в сумме 600.000 фр<анков>» от января 1949. – Там же.

В 1952 Маклаков передал Красному Кресту «из поступивших пожертвований» 800 тыс. франков, в 1954 Главному управлению РОКК было перечислено сначала 900 тыс. (600.000 – РОКК и 300.000 – Центру помощи русским беженцам во Франции С.Зерновой), а затем еще 750 тыс. франков (600.000 – РОКК и 150.000 – Центру помощи)¹⁰¹.

Письмом от 7 октября 1954 графиня Шувалова просила увеличить ассигнования на 1955 год до 1 млн. 440 тыс. франков, а С.Зернова письмом от 27 сентября – ежемесячные ассигнования на Центр помощи до 25 тыс. франков¹⁰². Нет оснований сомневаться, что эти ходатайства были удовлетворены, во всяком случае, письмом от 9 февраля 1955 генеральный секретарь РОКК Николай Елисеев подтверждал получение 845.000 франков, из которых 720.000 по оговоренным заранее назначениям и 125.000 для Центра помощи русским беженцам во Франции¹⁰³. Несомненно, это был первый транш субсидии.

Проект распределения пожертвований на 1956 год, представленный РОКК 3 октября 1955, предусматривал следующие статьи расхода:

I.

Учреждения для престарелых и больных и индивидуальная помощь

Союз русских военных инвалидов во Франции.	
Дома для инвалидов и индивидуальная помощь	60.000
Союз русских офицеров-инвалидов Великой войны.	
Общежитие и индивидуальная помощь	20.000
Комитет Р.О. Красного Креста в Ницце.	
Дом для престарелых и индивидуальная помощь	60.000
Православное братство св. Анастасии в Ментоне.	
Дом для престарелых и индивидуальная помощь	60.000
Общество «Родина» в Аньере.	
Дом для престарелых и индивидуальная помощь	60.000
Центр помощи русским беженцам.	
Дом для детей и индивидуальная помощь	360.000
Дом для престарелых в Шелль	60.000
Амбулатория Р.О.К.К. в Париже.	
На усиление средств этого учреждения по оказанию помощи больным	80.000
Комитет помощи туберкулезным и больным.	
На индивидуальную помощь туберкулезным и больным	80.000

¹⁰¹ С.Шувалова – В.А.Маклакову, 18 марта 1952, 8 февраля и 22 июня 1954. – LRA, Zengor Collection.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Н.Г.Елисеев – В.А.Маклакову, 9 февраля 1955. – Там же.

На оказание <помощи> больным престарелым	30.000
На оказание помощи в экстренных, исключительных случаях	80.000

II.

На общие административные и организационные расходы Р.О. Красного Креста старой организации	900.000
--	---------

Итого: 1.850.000 франков¹⁰⁴

Ответ не замедлил последовать:

В ответ на Ваше письмо от 3-го сего октября, имею честь уведомить Вас, что в распоряжение Главного Управления Российского Красного Креста (прежней организации) на 1956 год лицами, пожелавшими остаться неизвестными, ассигнована полностью просимая Вами сумма в 1.850.000 франков.¹⁰⁵

На 1957 год РОКК запрашивал 1.950.000 франков; смета в основном повторяла прошлогоднюю. Дополнительные 100 тыс. предназначались Комитету помощи Л.И.Любимовой (60.000) и на административные и хозяйственные расходы Главного управления Красного Креста. Это была последняя смета, утвержденная Маклаковым¹⁰⁶.

Но кто же были эти «неизвестные жертвователи»? Вряд ли можно сомневаться, что это был сам Маклаков, а источником внезапно пролившихся на российские благотворительные организации благодеяний были остатки Национального фонда.

В сентябре 1949 Маклаков писал Бахметеву в ответ на его вопрос о возможности оказания помощи российской общине в Англии:

Вы интересуетесь так называемым «фондом». Кое-что еще остается. В сентябре вопрос о помощи для Англии будет обсуждаться. Но это совершенно между нами, как говаривал Гирс. Обращение к этому фонду и выдача из него требуют тайны; приходится считаться с последствиями и от удовлетворения их просьбы и от отказа. Денег не много, и нужда в Англии не наибольшая. Те же, кто просят, думают, естественно, прежде всего о себе. Если давать все, что просят, повторится <19>20 год, когда в несколько месяцев было истрачено все, что предполагали на несколько лет. И это причина, почему обращение к частной помощи нормальнее, чем к нам.¹⁰⁷

¹⁰⁴ LRA. Zengor Collection.

¹⁰⁵ В.А.Маклаков – Н.Г.Елисееву, 7 октября 1955. – Там же.

¹⁰⁶ Н.Г.Елисеев – В.А.Маклакову, 2 октября 1956; В.А.Маклаков – Н.Г.Елисееву, 10 октября 1956. – Там же.

¹⁰⁷ В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву, 19 сентября 1949 // «Совершенно лично и доверительно!». Т.3. С.557.

Последние сомнения относительно персонального состава «неизвестных жертвователей» и происхождения их средств развеивает обнаруженный нами среди бумаг Маклакова в Русском архиве в Лидсе сертификат о регистрации Общества помощи русским беженцам (Society to aid Russian Refugees, Inc.). Общество было зарегистрировано 25 января 1956 в штате Делавэр, США при посредстве юридической фирмы братья Кудерт (Coudert Bros.), услугами которой многие годы пользовался Бахметев, по адресу: 129, South State Street, City of Dover, County of Kent, Delaware. Целью общества была заявлена помощь детям, инвалидам и престарелым из числа русских беженцев. В состав корпорации вошли: В.А.Маклаков (президент), А.А.Никольский, В.И.Новицкий, Я.Л.Рубинштейн, Б.С.Сувчинский (секретарь) и А.А.Титов. Общество являлось некоммерческой организацией и не могло выпускать акции.

Несомненно, это была новая форма хранения остатков казенных денег. Хранители были людьми далеко не юными и хотели, очевидно, «институализировать» распределение средств и застраховать их от всякого рода случайностей.

Уже 1 февраля 1956 Елисеев выражал «искреннюю благодарность Главного Управления Российского Общества Красного Креста за полученные им от Society to Aid Russian Refugees, Inc. 925.000 франков за первый семестр 1956 года». Смета на 1956 год подавалась еще «неизвестным жертвователям». Дальнейшие переводы денег шли уже со счета Society to Aid Russian Refugees¹⁰⁸.

Кроме регулярных субсидий общественным организациям, Маклаков выделял разовую помощь отдельным учреждениям и людям. Так, через Красный Крест «жертвователи» «поручили» ему передать для детского дома «Алуэтт» в Leysin в Швейцарии 1500 швейцарских франков на устройство отопления¹⁰⁹.

С просьбой выделить деньги на ремонт имения в Монжероне (17 км от Парижа), купленного под детский дом, к нему обратились видная деятельница Центра помощи Л.Л.Гарганова (в замужестве Дагьяр) и его председатель С.М.Зернова, поясняя в письме на имя Маклакова:

Это старинная мельница с парком, огородом и тремя большими домами (правила Префектуры требуют, чтобы мальчики и девочки жили под разными крышами) <...> За 14 лет существования Детского дома в Вильмуассоне <...> если нам приходилось отказывать принимать детей, то только из-за недостатка мест. В трех

¹⁰⁸ Н.Г.Елисеев – В.А.Маклакову, 1 февраля 1956 и 20 марта 1957, с благодарностью за перечисление 975 тыс. франков. – LRA. Zengor Collection.

¹⁰⁹ В.А.Маклаков – Н.Г.Елисееву, 10 октября 1956. – Там же.

новых домах, если нам удастся сделать необходимые работы, – мы сможем содержать до 120 детей.¹¹⁰

Любопытно, что некогда в Монжероне был замок Анны Ярославны, киевской княжны, выданной замуж в XI веке за французского короля Генриха I. Имение купили за 6 млн. франков, хотя просили 12–14 млн. Следует заметить, что если поначалу эмигранты стремились сохранить «русскость» школ для детей, то теперь Гарганова и Зернова писали: «Главное преимущество имения – это возможность устроить наших детей во французские школы, т. к. в Вильнев Сен Жорж (1 кил<ометр>) есть коммунальные и профессиональные школы, а в самом Монжероне – лицей»¹¹¹.

Не удивляйтесь моему официальному посланием, Зернова обратилась к Маклакову с личным письмом:

Пишу Вам частное письмо. Проснулась сегодня утром и много думала. Я скромно просила у Вас через Красный Крест 500 или 600 тысяч на ремонт дома. Я не хотела через Красный Крест просить больше.

Но мы все ждем от Вас больше. Я жду от Вас миллион! Или 800 тысяч, чтобы 600 пошло в счет отопления и 200 в счет электрической проводки.

Я оттого жду от Вас больше, потому что думаю, что сейчас мы *единственная* русская эмигрантская организация, которая опирается *на всю* (подчеркнуто Маклаковым. – О.Б.) эмиграцию, по грошам собирает деньги с трудовой эмиграции и *создает* что-то, а не живет просто на чужой счет т. е. на счет «ИРО» или Америки. Из Америки мы ничего не получаем, т. к. где есть большие деньги, там сейчас же крепко прицепляются те орг<аниза>ции, к<ото>рые верят в силу денег *только*, а не создают дело, веря в *силу добра и человеческой жертвенности* (подчеркнуто Маклаковым; возможно, последняя фраза задела его «толстовские» чувства. – О.Б.) Мы купили дом и выплатили за него все, теперь нам надо поднять большое русское дело, и это не наша организация, а Ваша организация тоже, т. к. это для всех наших общих детей! Простите, что пишу Вам опять, но очень хотела Вам все это сказать.

Искренно Ваша София Зернова¹¹²

К сожалению, нам не удалось обнаружить документов о дальнейшем развитии событий, но если Зернова и не получила искомый миллион, то в том, что финансовая помощь была оказана, вряд ли можно сомневаться.

Летом 1954 года это Маклаков прислал Е.Д.Кусковой, своей многолетней корреспондентке, обосновавшейся, после различных мы-

¹¹⁰ Л.Гарганова, С.Зернова – В.А.Маклакову, 31 августа 1953. – LRA. Zemgor Collection.

¹¹¹ Л.Гарганова, С.Зернова – В.А.Маклакову, 31 августа 1953. – Там же.

¹¹² С.М.Зернова – В.А.Маклакову, 1 октября 1953. – Там же. Курсив автора.

тарств, вместе с мужем С.Н.Прокоповичем (в 1954 уже смертельно больным) в Женеве, «из каких-то “остатних фондов” – 500 швейцарских франков»¹¹³.

Видимо, последнее ассигнование, утвержденное Маклаковым, было адресовано Объединению сестер милосердия Российского Общества Красного Креста на ремонт помещения, в которое перебирались шестеро сестер из прежнего здания, откуда их выселяли по суду. Объединению требовалось 400 тыс. франков – 250.000 франков на ремонт и 150.000 – на покрытие издержек по судебным процессам.

В письме Маклакову от 7 марта 1957 председательница Объединения Александра Вадимовна Романова, в частности, писала:

Основанное в 1933 году Объединение Сестер Милосердия в течение 24 лет оказывало поддержку своим членам, русским сестрам милосердия, рассеянным по всем странам, собирая на это средства и никогда не обращаясь к благотворительным организациям за помощью.

В настоящее время Объединение переживает трудное время. В 1936 году было открыто Общежитие сестер милосердия, где поселились 10 сестер милосердия, и было организовано Бюро труда, предоставляющее работу своим членам.

В сентябре 1954 г. дом, где находилось Общежитие, был продан, и новые владельцы потребовали его немедленного освобождения. Ввиду невозможности найти помещение, пришлось вести судебные процессы, благодаря которым удалось сохранить дом до настоящего времени. Расходы по ведению процессов за это время выразились в сумме 250.000 франков. Полученные на эти расходы пожертвования достигли суммы в 100.000 фр<анков>.¹¹⁴

Уже через пять дней Маклаков сообщал, что необходимую сумму в 400.000 франков Романовой передаст А.А.Никольский¹¹⁵.

Вряд ли получатели субсидий из маклаковских «остатних фондов» подозревали, что их первоисточник – золотые слитки, некогда хранившиеся в подвалах Госбанка далекого сибирского городка.

¹¹³ Л.О.Дан – Б.И.Элькину, 13 сентября 1954. – Oxford University. Bodleyan Library. Manuscript Division. Boris Elkin Collection. P.60.

¹¹⁴ А.В.Романова – В.А.Маклакову, 7 марта 1957. – LRA. Zemgor Collection.

¹¹⁵ В.А.Маклаков – А.В.Романовой, 12 марта 1956. – Там же. Здесь же находится благодарственное письмо Романовой от 14 марта 1956.

Д

Эпистолярная

«...С ВАМИ БЕДА – НЕ ПЕРЕВЕСТИ»

Письма Д.П.Святополка-Мирского к А.М.Ремизову. 1922–1929

Публикация Роберта Хьюза

Письма Д.П.Святополка-Мирского к А.М.Ремизову и материалы, приводимые в комментариях к ним, позволяют осветить новые, малоизвестные стороны литературной деятельности Ремизова в начале парижского периода, а также место Мирского в литературно-критической и общественно-политической жизни русской эмиграции 1920-х. Но значение писем не только в этом. Они добавляют новые штрихи к истории евразийского движения и возникновения парижского журнала «Версты». Публикуемые тексты дают яркое представление о деятельной роли Ремизова в этом предприятии – в отличие от Л.Шестова и М.Цветаевой, других «ближайших участников» журнала – в определении редакционной линии, отборе текстов и приглашении авторов. Кроме того, письма свидетельствуют об активной роли Мирского в переводах и публикации произведений Ремизова на английском и французском языках. Наконец, они бросают свет на работу Мирского над его прекрасными – и аполитичными – книгами по истории русской литературы на английском языке, напечатанными в 1926 и 1927, а также над его англоязычной биографией Пушкина (1926).

Когда в сентябре 1922, во время кратковременного пребывания в Берлине, кн. Д.П.Святополк-Мирский (1890–1939)¹ возобновил знакомство с

¹ На начальном этапе своего участия в эмигрантской русской периодике он употреблял главным образом эту форму своего имени. В Англии принял литературное имя Д.С.Мирский (D.S.Mirsky) и так же подписывал письма (даже, в скорописи, – ДС Мирский).

Наиболее обстоятельную биографию Мирского см.: *Smith G.S. D.S.Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, 2000.* Далее в настоящей публикации отсылки к этому ценному труду не оговариваются. Ср.: *Lavroukine N., Tchert-*

А.М.Ремизовым (1877–1957), он уже прочно устроился в Лондоне. В мае 1922 Мирский получил доцентуру русской литературы в Школе славяноведения Королевского колледжа при Лондонском университете (School for Slavonic and East European Studies, Kings College, University of London). Он был принят туда по рекомендации своего старого знакомого Бернарда Пэрса (Sir Bernard Pares; 1867–1949), директора Школы и редактора журнала «Славянское обозрение» («The Slavonic Review»; выходил с июня 1922; Мирский вскоре стал его постоянным автором).

Тридцатидвухлетний Мирский оказался в Англии после разнообразных и трудных жизненных перипетий: этому предшествовала мобилизация прямо из университета во время войны, участие в Белом движении и служба на штабных должностях в деникинской армии, пребывание в польском концлагере с февраля по июнь 1920, бегство в Грецию и встреча с уже находившимися там матерью и сестрами. Новая разлука последовала, когда он оставил семью в Афинах и отправился на Запад. Приезд Мирского в Англию устроил литератор Морис Беринг (Maurice Baring; 1874–1945), знакомый семье Мирского с 1907². Благодаря протекции Беринга еще до переезда в Лондон Мирский начал печататься в английской периодике.

Во время сентябрьской поездки 1922 года в Берлин Мирский, возможно через Ремизова, познакомился с П.П.Сувчинским, поддержавшим его увлечение доктриной евразийства³. Их отношения детально документированы в

kov L. D.S.Mirsky: Profil critique et bibliographique. Paris, 1980. См. также очерк о Мирском в Лондоне 1920 – начала 1930-х в кн.: Казнина О. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С.119-158.

² Подробнее о взаимоотношениях Мирского и Беринга см.: *Lavroukine N. Maurice Baring and D.S.Mirsky: A Literary Relationship // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol.62, №1. P.25-35. Ср.: Перхин В.В. Одиннадцать писем (1920–1937) и автобиография (1936) Д.П.Святополк-Мирского // Русская литература. 1996. №1. С.235-262.*

³ См. письмо Сувчинского к евразийцу кн. Н.С.Трубецкому от 20 сентября 1922: «Знаете ли Вы кн. Святополк Мирского (Дмитр<ия> Петровича). Он, кажется, знает Веру Петровну (жену Трубецкого. – *Р.Х.*). Он целиком принял евразийскую идеологию и хотел бы принять участие в 3<-м> сборнике. В настоящее время он читает курс Русск<ой> лит<ературы> в Лондонском Университете. Он живет уже две недели рядом с нами в том же пансионате, и я с ним хорошо познакомился. Он мне нравится, верно чувствует современность и литературу. Хотел бы написать о совр<еменной> русской и европейской литературе» (К истории евразийства. 1922–1924 гг. / Публ. Е.Кривошеевой // Российский архив. Т.5. М., 1994. С.477). См. также: *Казнина О. 1) Д.П.Святополк-Мирский и евразийское движение // Начало. 1992. №4(6). С.81-88; 2) Русские в Англии... С.125 (письма 1922 года Сувчинского к П.Н.Савицкому о Мирском).*

Еще до этой берлинской встречи Мирский опубликовал три статьи о евразийстве: 1) *The Exodus to the East // Russian Life. 1922. №1. P.210-212;* 2) *Two Aspects of Revolutionary Nationalism // Ibid. №5. P.172-174;* 3) *A «Eurasian» Manifesto // The Times Literary Supplement. 1922. 1 July. P.350. См. также: Mirsky D.S. The Eurasian Movement // The Slavonic Review (London). Vol.6. 1927. №17 (December). P.311-319. Любопытно, однако, что единственная публикация*

переписке, продлившейся целое десятилетие, вплоть до возвращения Мирского в советскую Россию в 1932⁴. Эти две встречи и завязавшиеся тесные взаимоотношения с Сувчинским и Ремизовым оказали на Мирского большое влияние в двадцатые годы.

Ко времени их встречи в Берлине Ремизов уже год провел в эмиграции. Он был заметной фигурой в лихорадочной жизни русского Берлина в критические 1921–1923 годы. В это время Ремизов интенсивно работал над новыми, так называемыми «шарлоттенбургскими редакциями» многих из своих книг. Здесь впервые вышла его книга о Розанове «Кукха». В Берлине же он продолжал работу над начатым в революционные годы в Петрограде «временником», в конце концов опубликованным в Париже в 1927 под названием «Взвихрённая Русь».

Впервые семнадцатилетний гимназист Мирский встретился с Ремизовым в Петербурге в ноябре 1907 (1-ю Петербургскую гимназию он окончил в следующем, 1908). Их познакомил Михаил Кузмин. Знаменитый поэт и прозаик – к тому времени автор нашумевшего романа «Крылья», – кажется, не без эротической подоплеки был увлечен обаятельным молодым «*principino*» (как его величал Кузмин). Гимназисты, одноклассники Мирского, еще в начале 1907 вошли в контакт с Кузминым, затеяв любительскую постановку «Балаганчика» Блока на музыку Кузмина (в конце концов так и не состоявшуюся), а в ноябре 1907 поставив, довольно неудачно, «Куренты любви» Кузмина⁵. Мирский был в то время неоперившимся поэтом (единственный томик его стихов опубликован в 1911 частным образом). Информация о встрече Ремизова с Мирским в предреволюционные годы в Петербурге скудна, но легко представить интерес Ремизова к молодому князю (или, вернее, к историческим корням княжеского рода, восходящего к Святополку Окаянному), начинающему литератору, чье имя вызывало у Ремизова приятные ассоциации.

Отец Мирского, кн. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857–1914), оказал Ремизову во время его ссылки в 1890-е неоценимую услугу. Как выразился благодарный Ремизов: «Когда-то судьба меня столкнула с его отцом, тогда пензенским губернатором; что-то общее, какая-то неожиданная несообразность: его отец спросил меня: “люблю ли я музыку”, и за мое “да”

Мирского в евразийской периодике до серии статей в газете «Евразия» (1929) не касалась идеологии, а была литературным исследованием: *Святополк-Мирский Д.П.* О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка) // Евразийский временник. 1925. №4. С.338-350. См. письмо 19 наст. публ., а также письма к Сувчинскому от августа–октября 1924 (см. примеч. 4).

⁴ *Smith G.S.* The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995 (Birmingham Slavonic Monographs. №26); в дальнейшем – *Mirsky – Suvchinskii*, с указанием стр.

⁵ См. сводку материалов «Кузмин осенью 1907 года» в кн.: *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С.99-116. См. также: *Кузмин М.* Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А.Богомолова и С.В.Шумихина. СПб., 2000 (по указ.). Письма Мирского к Блоку от февраля 1907 о планах поставить «Балаганчик» приводятся в изд.: Лит. наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.3. М., 1982. С.272 (коммент.).

оставил меня жить под надзором в Пензе, а не угнал куда-нибудь в Чамбары или Наровчат»⁶. Д.П.Святополк-Мирский помогал и позднее: уже как министр внутренних дел (август 1904 – январь 1905) он дал разрешение Ремизову на въезд в столицы с начала 1905⁷. Святополк-Мирский-старший вообще придерживался умеренно-либеральных взглядов и слыл инициатором так называемой «политической «весны».

Сведений об особой близости в предвоенные годы между Мирским и Ремизовым нет. Можно предположить случайные встречи в литературном мире Петербурга, когда Мирский учился в Петербургском университете на факультете восточных языков и на классическом отделении историко-филологического факультета, служил в 4-м Гвардейском полку в Царском Селе и был всегдетаем артистических и интеллектуальных кругов столицы. Тем не менее встреча в Берлине в 1922 двух недавних эмигрантов стала началом плодотворной совместной работы Ремизова и Мирского, продолжавшейся в течение нескольких лет. (Мирский бывал в Париже несколько раз в год, когда освобождался от обязанностей в Школе славяноведения.) Публикуемые здесь письма проясняют обстоятельства этого сотрудничества: новые для обоих условия жизни в эмиграции, новые знакомства, встречи со старыми знакомыми и зачастую изменение отношений с ними, игры и мистификации ремизовского Обезвельволпала, совместная работа над переводами и их публикацией, а также редактирование «Верст».

Общение и совместная деятельность окончились личным, а возможно, и идеологическим отчуждением, по крайней мере со стороны Мирского, когда его терпение не выдержало непрекращающихся, назойливых и надоедливых просьб Ремизова. По-видимому, и Ремизов потерял интерес к Мирскому, когда стало ясно, что тот больше не будет ему полезен в издательских делах.

Постоянная тема писем – многочисленные попытки Мирского содействовать укреплению репутации Ремизова-писателя в англоязычном мире, знакомству с представителями английских и французских литературных кругов, поддержке и участию в переводах и публикации произведений Ремизова. Стиль Ремизова и в особенности его необыкновенно трудный язык плохо поддаются переводу. Мирский часто оказывался посредником между писателем и английскими переводчиками (Г.Вильямсом, Дж. Курносом, А.Брауном), а также издательствами. Письма, в частности, проливают свет на сотрудничество Ремизова с Джейн Эллен Харрисон, хорошо известным антропологом-классиком и историком религий. Харрисон и ее друг Хоп Мирлиз сдружились с Ремизовыми, учились у них русскому языку и под руководством Ремизова и при содействии Мирского сделали первый пол-

⁶ Цит. по: *Резникова Н.В.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / Изд. подгот. О.П.Раевская-Хьюз. Berkeley, 1980. С.82-83. См. также: *Ремизов А.М.* Иверень / Подгот. текста О.П.Раевской-Хьюз и А.М.Грачевой // *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т.8. М., 2000. С.314, 326, 379.

⁷ Там же. С.629 (коммент.). Ср. письмо Ремизова к В.Я.Брюсову от 29 ноября 1904 и комментарий А.В.Лаврова к нему: Переписка с А.М.Ремизовым // *Лит. наследство. Т.98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн.2.* М., 1994. С.185-186.

ный перевод «Жития протопопы Аввакума» на английский язык. Книга была опубликована в 1924 В. и Л. Вулфами в их издательстве «Hogarth Press»⁸. Мирский выступал также в роли посредника между Ремизовым и французскими писательскими кругами. Однако его попытки заинтересовать княгину Бассиано (Marguerite Caetani) и ее престижный литературный журнал «Соммерсе» произведениями Ремизова окончились неудачей – и, по видимому, это явилось непосредственной причиной разлада в отношениях Ремизова с Мирским в 1929. Отдаление от Ремизова было также результатом усилившегося политического полевления Мирского.

До этого поворотного момента Мирский явно получал удовольствие не только от произведений, но и от проказ чудака Ремизова. Он ценил также его виртуозное владение разговорным языком и глубокое знание культуры допетровской Руси («азиатской» русской нации до ее включения в современный европейский мир, что особенно интересовало евразийцев). Мирского привлекал творческий подход Ремизова к литературному языку, его точное взвешивание значения слов, его вдохновенное обращение с сопротивляющимся материалом. Они оба находили такой подход к языку у Аввакума, Державина, Грибоедова, у Гоголя, Лескова и Розанова, наслаждаясь их сочным языком и повествовательной изобретательностью. Этих писателей они предпочитали своим наиболее успешным современникам, в частности стилистически традиционным и легко переводимым Бунину и Алданову, а среди поэтов, например, ставили Марину Цветаеву, с ее новаторским стилем, выше приверженного классической традиции Владислава Ходасевича.

На современный взгляд кажется естественным, что Мирский и Сувчинский пригласили Ремизова присоединиться – вместе с Цветаевой и многолетним близким другом Ремизова Львом Шестовым – в качестве почетных членов к редакционной коллегии журнала «Версты». Мирский считал всех троих наиболее значительными писателями в эмиграции, находившимися, однако, на периферии эмигрантского литературного мира. Так, например, они не принадлежали к «ядру» парижских «Современных записок» – журнала ведущего, но (с точки зрения Мирского) идеологически и стилистически отсталого. Доля участия Ремизова в «Верстах», как видно из писем, была гораздо значительнее, чем Цветаевой и Шестова. Сувчинский, общий знакомый Мирского и Ремизова, пришел в «Версты» непосредственно из самого центра евразийства, где был одним из духовных и интеллектуальных лидеров. Таким образом, хотя бы частичная, но достаточно крепкая связь была установлена с евразийским движением⁹. Муж Марины Цветаевой С.Я.Эфрон был приглашен в качестве секретаря редакции.

⁸ Подробнее об этом см.: Неизвестные письма Д.П.Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступит. ст., публ. и коммент. А.Б.Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. Т.2. СПб., 2001. С.349-367.

⁹ Литература о евразийстве обширна. См., в частности, статьи Мирского (см. выше, примеч. 3); *Рязановский Н.* Возникновение евразийства // Звезда. 1995. №2. С.29-44 (впервые опубли. в *Riasanovsky N.V.* The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. 1967. №4. P.39-72); *Половинкин С.М.* Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Сост. В.М.Жи-

Началом активной деятельности группы «Верст» можно считать лекцию Мирского, прочитанную в Париже 5 апреля 1926. Заявленная в ней крайняя позиция критика сразу же вызвала целую бурю разнообразных протестов. Эта сознательная провокация еще до выхода первого номера журнала накалила атмосферу и предопределила последовавшие критические отклики. Приглашения на лекцию Мирского были разосланы всему русскому литературному Парижу. Этот, на первый взгляд, ложный шаг на деле вполне вписывался в литературную политику нового издания. Кое-кто из присутствовавших был назван по имени; многие сочли выступление скандальным¹⁰.

Выступление Мирского под названием «Культура смерти в русской предреволюционной литературе» вызвало шоковую реакцию, отчасти потому, что оно противоречило многому из того, что Мирский писал в течение предыдущих нескольких лет об эмигрантских писателях и философах и их предшественниках-символистах. Лекция прослеживает упадок и конец, по мнению Мирского, «петербургской культуры» – государства, дворянства, интеллигенции. Мирский полагал, что процесс «падения» достиг низшей точки в начале двадцатого столетия и захватывал писателей на «нижнем и верхнем этажах» (терминология Вяч. Иванова). На одном уровне они предавались «упоению смертью и отчаянием» (Бунин, Алданов) или, подобно Горькому, пускались в шатания и блуждания. На другом (под влиянием Достоевского и Соловьева) – они проникались «безнадежной болезнью духа»: здесь Гиппиус, Флоренский, Розанов, Иванов, Белый, Блок являются главными примерами; Толстой и Шестов, не тронутые «историческим тлением», – исключения. Эта схема была продолжена хронологически и включала современников Мирского, как, например, Ходасевича (см. примеч. 3 к письму 37). По Мирскому, этот верхний этаж встретил Революцию «с восторгом ужаса и самоуничтожения».

вова. М., 1995. С.731-762; *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997.

¹⁰ 5 апреля в своем дневнике («Камер-фурьерском журнале»; хранится в Бахметьевском архиве при Колумбийском университете; недавно выпущен отдельным изданием: *Ходасевич Вл.* Камер-фурьерский журнал / Вступит. ст., подгот. текста, указатели О.Р.Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002) Ходасевич отметил: «Вечером» Союз поэтов (Доклад» Святополк-Мирского: „Культура смерти в предреволуционной» русской» литературе”. <...> В кафэ (Бунин, Алданов», Бахрах», Вейдле). В старинном кабачке (они же)». Ходасевич довольно ядовито отозвался об этом вечере в письме к кн. Д.А.Шаховскому, редактору журнала «Благонамеренный» (однако не отмечая присутствия Гиппиус и Мережковского, Адамовича, Шестова-председателя и соратников Мирского по «Верстам»): «Цветаева и Святлополк»- Мирский» затеяли свой журнал, “Версть”. №1 на днях выйдет, печатается. Святлополк»-Мирский» читал здесь декларативную лекцию, разослав приглашения принять участие в прениях. Однако из приглашенных были только Бунин, Алданов и я. До прений не досидели, ушли после доклада, который» оказался такой белибердой, какой никто (ни я) от Святлополка» не ожидал. Это был его провал, который мы отпраздновали с Буниным и Алдановым в кабачке» (б/даты; по содержанию – вероятно, между апрелем и июнем 1926). См.: *Шаховской Иоанн, архиеп.* Биография юности. Установление единства. Париж, 1977. С.193.

Параллельно с революцией Мирский различает положительное «освобождающее обеднение» (курсив Мирского) в акмеизме, футуризме и формализме. Эта линия заявлена героическими Гумилевым и Маяковским и далее может быть прослежена в поэзии Пастернака и Цветаевой и в произведениях молодых писателей советской России. Этими писателями сохраняется дух России.

Утверждения Мирского, безусловно, были серьезны и искренни, но производили впечатление продуманного оскорбления конкретных представителей эмигрантской аудитории. Переработанный вариант этого доклада предназначался для брюссельского «Благонамеренного» кн. Шаховского, издание которого, однако, прекратилось в середине 1926. Мирский напечатал его под названием «Веяние смерти в предреволюционной литературе»¹¹ во втором выпуске собственного журнала «Версты» в 1927, уже после крайне негативных отзывов на первый выпуск. В каком-то смысле доклад был развитием основных мыслей его статьи, опубликованной в первой книге «Благонамеренного» (январь–февраль 1926) под названием «О нынешнем состоянии русской литературы». Эта статья вызвала гневные возражения Гиппиус, изложенные в статье под названием «Мертвый дух», которая увидела свет как раз в то время, когда вышел первый номер «Верст»¹². Другие оппоненты, в том числе Бунин и Ходасевич, настороженно ждали дальнейшего.

Первый выпуск «Верст», появившийся в Париже в июле 1926, сразу вызвал враждебные отклики в эмигрантской печати из-за своей якобы просоветской ориентации. Примерно две трети отдела поэзии и прозы были перепечаткой «советских» писателей (Есенин, Пастернак, Сельвинский, Бабель, Артем Веселый); эмиграция была представлена только почетными редакторами – Цветаевой, Ремизовым и работой Шестова о философии Плотина (перенесенной сюда из-за отсрочек публикации в «Современных записках»; это была его единственная публикация за время существования журнала). Эмигрантская критика и публицистика (высокого уровня) были представлены статьями Артура Лурье о Стравинском, кн. Н.С.Трубецкого об Афанасии Никитине, а также эссе Г.П.Федотова (под псевдонимом Е.Богданов) «Три столицы» – возможно, лучшей работой на старую тему отличий между Петербургом, Москвой и Киевом. Но впечатление разорвавшейся бомбы произвели критические работы Мирского (статья «Поэты и Россия», а также беспощадный разбор журнала «Современные записки», по мнению кри-

¹¹ Приведенные выше цитаты даны по напечатанному тексту. В длинном постскрипуме к этому короткому тексту автор ответил своим критикам: «Негодование большинства моих обличителей я могу только радоваться. <...> я не хотел бы иметь общих с ними мнений. <...> К сожалению, <Гиппиус> подобно многим другим людям, которые ей далеко не верста, частично ослепла от навязчивых красных кругов в глазах». Однако Мирский признает – развивая метафору христианской жертвы и воскресения, – что представители «верхнего этажа», зараженные «гниением своего времени», погибли ради спасения последующих поколений и поэту достойны благодарности. Там же он дает исключительно высокую оценку творчеству Гиппиус.

¹² *Крайний А.* Мертвый дух // *Голос минувшего на чужой стороне.* 1926. №4(17). С.257-266. См. также примеч. 7 к письму 33.

тика не выдерживающего сравнения с пражской «Волей России») и Сувчинского («Два ренессанса»)¹³. За этим следовал большой отдел рецензий, часть из которых была написана Мирским, но задействовались и «молодежь», верные последователи Мирского, Цветаевой и Ремизова. Самые отрицательные эмоции, однако, вызвала публикация «Отклики русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП» (с.193-205). (Эта публикация была, в свою очередь, перепечаткой материалов, опубликованных в №8-10 московского журнала «Журналист» за 1925). Том объемом более 340 страниц, напечатанный на хорошей бумаге, завершался так называемым парижским списком «Жития протопопа Аввакума» (его подготовил к печати Ремизов, вдохновленный Сувчинским).

Те, кто был задет в апрельском докладе, после выхода «Верст» вооружились для контратаки (сигналом послужила статья З.Н.Гиппиус «Мертвый дух», в которой негативно оценивалась статья Мирского «О нынешнем состоянии русской литературы», а также его доклад). В целом журнал вызвал резкое неприятие у значительной части эмиграции. Нападали главным образом на Мирского и Сувчинского, но под перекрестный огонь попали, конечно, и Ремизов, и Цветаева. Невзирая на летнее затишье, в этой акции участвовали многие крупные фигуры. (Следует отметить, что ранние евразийские публикации такого внимания не привлекли.) Редакторов же «Верст» обвинили в пробольшевистской линии, хотя евразийцы, защищая революцию, полностью отвергали советскую власть.

Кампания против «Верст» началась с того, что парижская газета «Дни» 25 июля 1926 без редакционного комментария перепечатала из «Верст» отзывы трех советских писателей – А.Белого, В.Вересаева и А.Н.Толстого – на пресловутое постановление ЦК РКП(б)¹⁴. Писательские отклики на постановление ЦК РКП(б) 1925 года о литературе (среди отозвавшихся были также Пастернак, Пильняк, Шкловский и др.) привлекли особое внимание Гиппиус («самый же большой промах» редколлегии, по ее мнению) и Ходасевича. Оба критика правильно усмотрели в этом зловещий прецедент, ведущий к тотальному государственному контролю над литературой, утвердившемуся в СССР к 1930-м.

¹³ Редакторов, без сомнения, разочаровало, что только две последние статьи были отмечены в обзоре ведущего советского критика: «Собственно статьями Сувчинского и Святополк-Мирского и ограничивается все то, что может представлять для нас какой-нибудь интерес. Все остальное <...> раздражает своим юродством, манерничанием, претенциозностью» (*Лежнев А.* «Рец. на «Версты»» // Красная новь. 1926. №12 (декабрь). С.259-260). Впрочем, советские критики вообще отнеслись к «Верстам» весьма негативно. Например, А.Воронский счел предисловие «довольно бесцветным и неопределенным» и заявил, что «публицисты и критики нового журнала не скупятся на заушения советской власти и коммунистической партии» (*Воронский А.* Версты полосатые // Прожектор. 1926. №18. С.18).

¹⁴ Вересаев, Белый и А.Н.Толстой о резолюции XIII съезда РКП // Дни. 1926. №1069, 25 июля. С.4. Неправильная формулировка названия резолюции восходит к публикации в «Верстах». На самом деле речь идет о постановлении Центрального Комитета РКП(б), см.: О политике партии в области художественной литературы: Резолюция ЦК РКП(б) // Правда. 1925. №147, 1 июля. С.6.

Первые критические отзывы появились в августе. Сначала высказался Бунин, лидер русской литературы в эмиграции. Его комментарии, не будучи глубокими, звучали, однако, авторитетно для консервативного большинства. Бунин одним из первых поднял вопрос закулисных влияний, а возможно, и финансирования издания: «есть, очевидно, другие, весьма предвзятые намерения. Как ни мало вкуса у его редакторов, все-таки видно, что действуют они не только по своему вкусу. И действуют прежде всего страшно по старинке: это смесь сменовеховства и евразийства, это перевознесение до небес “новой” русской литературы в лице Есениных и Бабелей, рядом с охаиванием всей “старой”, просто уже осточертело»¹⁵.

Следом вступила в битву Гиппиус, продолжившая в линии «Мертвого духа» характерные для нее нападки ad hominem – на конкретных писателей. Стиль Пастернака она называет «щеголяньем»; Цветаеву обвиняет в «запредельных “новшествах”» и во «всезабвенности». Она возражает против «тяготения Ремизова к звериному, нежели к человеческому» и возвращается к нападкам на «дефектного» и «недальновидного» Мирского. Она презрительно отвергает редакторские стремления к перепечаткам советских писателей и очернению эмигрантов. Здесь она имеет в виду резко критический отзыв Мирского о «Современных записках» первых пяти лет издания (как хранилища всего старомодного, глядящего назад) и «Воле России»¹⁶. Однако самая яростная атака Гиппиус направлена против «Откликов русских писателей на резолюцию...»: «...документ надо читать, твердо помня, что такое искусство и художественное творчество. Тогда мы освеженно поймем, что подчинение искусства внешней, партийно-государственной власти – есть абсурд, но что абсурд этот, в современной советской России, – реальность. Р.К.П. (правящая партия) управляет искусством, руководит художниками и писателями, начальствует над ними и над их творчеством»¹⁷. Она

¹⁵ Бунин И.А. «Версты» // Возрождение. 1926. №429, 5 августа; перепеч.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. М., 2000. С.218–221. См. также примеч. 3 к письму 34.

Позднее Мирский весьма неодобрительно отозвался о Бунине; см., в частности, газетный отчет о вечере устной рецензии, устроенном в марте 1929 парижским литературным объединением «Кочевье» в монпарнасской таверне «Дюмениль». После рецензии Г.Газданова на книгу Вл. Познера «Rapogama de la littérature contemporaine russe» (Paris, 1929) разгорелся спор о Бунине, и Д.Святополк-Мирский, по сообщению анонимного репортера, «вызвал возмущение у Г.Адамовича своим парадоксальным замечанием, что он не променяет всю “Жизнь Арсеньева” Бунина за несколько строк из романа Фадеева “Разгром”» (Воля России. 1929. №4. С.123). Ср. запись за апрель 1929 в дневнике Б.Поплавского: «По-моему, если рабочий говорит о марксизме, то это не интересно, если же говорит князь и гвардейский офицер, как Святополк-Мирский, я слушаю во все уши» (Откровения Бориса Поплавского / Публ. А.Н.Богословского // Наше наследие. 1996. №37. С.51.) По иронии судьбы в 1933 советский литературный истеблишмент больше всего обиделся на Мирского за его критический отклик на роман Фадеева «Последний из Удэге».

¹⁶ Святополк-Мирский Д., кн. Библиография // Версты. 1926. №1. С.206–210.

¹⁷ Антон Крайний. О «Верстах» и о прочем // Последние новости. 1926. №1970, 14 августа. С.2–3. Гиппиус не дождалась приглашения опубликовать эту

сурово критикует писателей, частично исключая Вересаева, за принятие «абсурда»¹⁸. В конце Гиппиус утверждает, что журнал Святополка-Мирского «серьезного значения не имеет».

После этого последовало короткое затишье в битве, во время которого Мирский и его детище нашли по крайней мере одного защитника. Несмотря на не слишком лестный отзыв Мирского о левозерсовской «Воле России» (охарактеризованной, однако, более положительно, чем правозерсовские «Современные записки»), ее редактор Марк Слоним выступил в защиту того, что он воспринял как нечто новое и свежее. В пространной отповеди на страницах своего журнала он серьезно и довольно многословно обвинил оппонентов Мирского в отвержении всего того нового, что угрожало авторитету литераторов-эмигрантов старшего поколения¹⁹.

Самую тяжелую артиллерию пустил в ход в борьбе с «Верстами» В.Ф.Ходасевич. Его отзыв, смягченный и с купюрами, появился на страницах последнего номера «Современных записок» за 1926²⁰. Он уличал Мирского в том, что тот на протяжении сравнительно короткого времени резко расходился сам с собой в оценке некоторых писателей (в том числе Цветаевой и Ходасевича). Он подчеркивает евразийские корни участников «Верст»

статью в «Звене», так как редакторы опасались ее чрезвычайной резкости (см. письма Г.В.Адамовича к М.Л.Кантору и З.Н.Гиппиус к М.М.Винаверу в августе 1926: «...наша культура, отраженная в капле...»: Письма И.Бунина, Д.Мережковского, З.Гиппиус и Г.Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923–1928) / Публ. О.А.Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.24. СПб., 1998. С.143-151). «Беспристрастную» рецензию, сосредоточенную главным образом на «Трех столицах» Богданова, «Звено» в конце концов напечатало. Автором ее был эстет Г.Адамович (гораздо более мягкий в политических вопросах). См.: *Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1926. №186, 22 августа. С.1-2; перепеч.: Адамович Г. Литературные беседы. Т.2: «Звено». 1926–1928 / Под ред. О.А.Коростелева. СПб., 1998. С.54-60.*

¹⁸ Гиппиус, видимо, просто не дочитала ответа Пастернака: «Пастернак счастлив (насколько я мог понять малоизвестный мне язык, на котором он изъясняется)...» (*Антон Крайний. О «Верстах» и о прочем*). Современный исследователь пришел к совершенно противоположному выводу: «В отличие от всех других писателей <...>, высказавшихся о постановлении, отношение Пастернака к нему в целом и к отдельным его положениям – безусловно негативное, и формулировки, в которые Пастернак свое выступление облек, поражают беспрецедентной резкостью и сарказмом» (*Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. München, <1981>. С.47-50*).

¹⁹ *Слоним М. Литературные отклики. Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» // Воля России. 1926. №8-9. С.87-103.*

²⁰ *Ходасевич В. О «Верстах» // Современные записки. 1926. Кн.29. С.433-441; перепеч.: Ходасевич Вл. Собр. соч.: В 2 т. / Под ред. Дж. Мальмстада и Р.Хьюза. Анн Арбор, 1990. Т.2. С.408-417, 544-549. Об истории напечатания «яркого и язвительного отзыва» Ходасевича см.: *Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.101-106. Протест и опровержения со стороны редакции «Верст» и их автора А.Лурье см. в письмах в редакцию в следующем номере журнала: Современные записки. 1927. Кн.30. С.599-600.**

(евразийство Ходасевич оценил не особенно высоко), выделяя позицию Мирского и Сувчинского как крайне левую – с их неизбежным принятием большевистской революции и ее последующим развитием в советской России, начиная с периода военного коммунизма и нэпа. И предводитель здесь – Мирский-попутчик, «наш рабоче-крестьянский князь». Ходасевич находит много общего у евразийцев, утвердившихся в «Верстах», с большевиками, которых они некогда отвергали. Глубочайшее презрение вызвали у него отклики на резолюцию, «насиленно вырванные у забытых писателей».

Ходасевич завершает свою статью с пафосом. Писательская группа «Верст» со своим руководителем, замечает он, «стоят не “лицом к России”, а лицом к ее мучителям. Когда кн. Святополк-Мирский по какому-то жуткому закону наследственности уверяет, что в Советской России настала “весна”, – он заманивает в застенки».

Эта формулировка была подхвачена Гиппиус в ее рецензии на номер «Современных записок», в котором была напечатана статья Ходасевича: «...отмечу, прежде всего, убийственную отповедь “Верстам” – В.Ходасевича. О “Верстах” писали много, – слишком, кажется, много. После заключительного слова Ходасевича говорить о них больше нечего»²¹.

Однако в состоянии крайнего раздражения Гиппиус не могла остановиться. Она была автором или же вдохновителем еще одной статьи о «Верстах», подписанной Вл. Злобиным (доверенным лицом Мережковских). Это был самый резкий документ во всей полемике. Появилась эта статья в первом номере «Нового дома», журнала новой литературной группы, и выдвигала целый ряд обвинений – приспособление к Советам, разложение эмиграции; Ремизов обвинялся в советской лексике и некрофилии (за его обращение к Розанову), Цветаева – в имморализме, Мирский – в патологических дефектах; декларации Сувчинского о новом ренессансе в Советском Союзе противопоставлялись примеры чрезвычайного разврата и хулиганства. Все предприятие было названо «постыдным делом»²². Это привело к стычке (и вызову на дуэль) между защитниками Ремизова и Цветаевой и сторонниками Гиппиус–Злобина²³.

Таким образом, к ноябрю 1926 года серьезные обсуждения и полемика перешли в непристойную брань... и обратились в фарс. Так завершилась последняя схватка в кампании вокруг первого выпуска журнала. Два следующих номера центральная эмигрантская пресса встретила почти полным молчанием²⁴. Конец лета и осень 1926 стали поворотным пунктом в лич-

²¹ Антон Крайний. «Современные записки». Книга ХХІХ // Последние новости. 1926. №2059, 11 ноября. С.3.

²² Злобин Вл. «Версты» // Новый дом. 1926. №1. С.35-37.

²³ Далее об этом см. примеч. 6 к письму 32 и примеч. 1-3 к письму 37. Вся история способствовала расцветшей на время дружбе между Гиппиус и Ходасевичем и привела к разрыву отношений между Гиппиус и Ремизовыми. См.: Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. Анн Арбор, 1978. С.74. Кроме того, статья окончательно поссорила Мережковских с Цветаевой.

²⁴ После выхода второго номера «Верст» маститый П.Б.Струве, не называя журнала, дал в печати общую характеристику Святополка-Мирского (как бы подводя итоги всему эпизоду): «Это неглупый и небездарный человек, с недур-

ных, политических и литературных судьбах многих из участников битвы вокруг «Верст».

С выпуском третьего номера издание журнала прекратилось. Этот эксперимент продолжался менее чем три года: «Версты» окончились в 1928, когда Мирский, вдохновитель и главная действующая сила всего предприятия, сдался.

В некотором отношении «Верстам» наследовал еженедельник «Евразия», продолживший и даже усиливший ту же политическую линию. Мирский, Сувчинский и Эфрон сотрудничали в нем, причем плодovitый Мирский был наиболее активным участником (40 статей и рецензий менее чем за 8 месяцев). Особый интерес представляет цикл статей о национальном вопросе в СССР – новое и показательное увлечение все более политизирующегося Мирского. Статья 1929 года «Заметки об эмигрантской литературе» была одной из его последних работ на эту тему. За редкими исключениями (в их числе называлась Цветаева) все эмигрантские писатели были отнесены к отжившей традиции: по словам критика, они способны лишь на «бесконечную „тоску по березкам“», которой проникнута до сих пор, в сущности, вся зарубежная литература»²⁵.

Показательно, что значительные события в жизни Мирского конца 1920-х не нашли отражения в письмах к Ремизову. Их отсутствие – свидетельство отчуждения корреспондентов. Мирский не информировал Ремизова о своей более или менее секретной поездке вместе с Сувчинским к Горькому в Сорренто в январе 1928 – быть может, первом шаге к действительной «смене вех», о получении советского гражданства и о планах возвращения в Советский Союз²⁶. Ремизов мог не знать о поездке Мирского в Америку в июле–августе 1928, куда тот в результате решил не переезжать²⁷. С

ным историко-филологическим образованием <...> не то возмечтал о себе, не то свихнулся и стал – на глазах всего честного народа Зарубежья – объедаться большевицкой гнилью и угощать ею других, приплясывая и притопывая» (*Струве П.* Отвратная ненужность // *Русская мысль.* 1927. №1. С.62-63). Ср. также его рецензию на №1 и 2 «Верст»: Там же. С.109-110.

²⁵ *Святополк-Мирский Д.* Заметки об эмигрантской литературе // *Евразия.* 1929. №7, 5 января. С.6-7. Однако здесь же Мирский отмечает молодых поэтов Б.Поплавского и М.Струве как многообещающих. (Любопытно, что Мирский никак не отметил молодого прозаика В.Набокова.) Характеристику им старшего поколения см. далее в примеч. 8 к письму 47. Ср. другую его статью этого времени в том же духе: *Sv'atopolk Mirskij D.* Die Literatur der russischen Emigration // *Slavische Rundschau.* 1929. №1. P.290-294.

²⁶ См. публикацию писем Мирского к Горькому: *Kaznina O., Smith G.S.* D.S.Mirsky to Maksim Gor'ky: Sixteen Letters (1928–1934) // *Oxford Slavonic Papers (New Series).* Vol.26. 1993. P.87-103. См. также: К истории «Евразийства»: М.Горький и П.П.Сувчинский / Публ. Дж. Мальмстада // *Диаспора: Новые материалы.* Т.1. Paris; СПб., 2001. С.327-343. Ср.: *Примочкина Н.Н.* М.Горький и «левые» евразийцы // *Известия АН. Сер. литературы и языка.* 2001. Т.60, №2. С.17-32.

²⁷ См. переписку Мирского и историка М.Т.Флоринского, в то время преподававшего в Колумбийском университете в Нью-Йорке: *Smith G.S.* The Correspondence of D.S.Mirsky and Michael Florinsky, 1925–<19>32 // *Slavic and East European Review (London).* Vol.72. 1994. №1 (January). P.115-139.

осени 1928 Ремизов плохо осведомлен о работе Мирского в евразийской организации. Нет в письмах и упоминаний об интенсивной исследовательской работе Мирского в начале 1929 над книгой по социальной истории России²⁸. Последнее письмо к Ремизову написано в тот период, когда Мирский серьезно занимался биографией Ленина, заказанной ему в августе 1929²⁹. Опыт работы над этими двумя книгами существенно повлиял на его окончательное и полное принятие советской власти. В 1931 Мирский вступил в коммунистическую партию Великобритании.

В 1932 бывший князь Д.П.Святополк-Мирский вернулся в Советский Союз, был арестован в 1937 и умер в лагере. Опасения его злейших врагов оправдались. А.М.Ремизов жил – бедно, но свободно – и работал в Париже до конца дней.

Письма Святополка-Мирского публикуются по автографам, разбросанным по альбомам, которые составлял Ремизов в 1940-е. Эти альбомы входят в состав Ремизовского архива, находящегося в Amherst Center for Russian Culture. *Aleksei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers*. Цитируемые в комментариях неопубликованные письма из этого архива помечены: Amherst. Русские тексты нерусских авторов оставлены без исправлений. Некоторые особенности орфографии авторов писем сохранены. Конъектуры восстанавливаются в угловых скобках; предположительно разобранные слова – также в угловых скобках с вопросительным знаком. Подчеркнутые авторами слова в текстах писем выделены курсивом.

Представляется сомнительным, что ответные письма Ремизова сохранились после возвращения Мирского в советскую Россию.

Принесим глубокую благодарность за содействие в работе А.Грачевой, Л.Флейшману и особенно О.Раевской-Хьюз, а также представителям и сотрудникам Amherst Center for Russian Culture: его основателю и меценату Т.Уитни, директору С.Рабиновичу и архивисту Т.Чеботаревой.

1

23 Gordon Street
London WC 1¹
13 ноября 1922 г.²

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

разрешите Вас затруднить мою просьбой. Здесь распространились слухи, что Анна Ахматова выслана в Архангельскую губ.³ Я очень просил бы Вас написать мне, верно ли это, и если верно, то что еще об этом Вам известно. Мне кажется, что здесь можно будет что-нибудь для нее сделать. Думаю действовать через Уэл<л>са⁴. Ариадна Владимировна⁵ легла в больницу – ей будет делать операцию.

Почтительный привет Серафиме Павловне.

Глубоко уважающий Вас

Д.С. Мирский

²⁸ *Mirsky D.S. Russia: A Social History. London, 1931.*

²⁹ *Mirsky D.S. Lenin. London, 1931.*

¹ Адрес Школы славяноведения при Лондонском университете.

² Письмо отправлено в Берлин, где Ремизов с женой Серафимой Павловой Ремизовой-Довгелло пробыли с сентября 1921 по начало ноября 1923.

³ Ложный слух, так же как и слух о самоубийстве Ахматовой после расстрела Гумилева. Мирский вскоре узнал, что она на свободе; см. его письмо к П.П.Сувчинскому от 10 декабря 1922: «...особенно рад тому, что Вы пишете про Ахматову» (см.: Mirsky – Suvchinskii. P.19-20). До революции молодой Мирский встречался с Ахматовой в литературных кругах Петербурга; см. воспоминания Мирского (с.200-204) и С.К.Маковского (с.219-252), а также фрагмент из записных книжек А.А.Ахматовой (с.217) в изд.: Комаровский В. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии / Сост. И.В.Булатовского, И.Г.Кравцовой, А.Б.Устинова. СПб., 2000. В начале 1920-х имя Ахматовой часто упоминается Мирским в его обзорах русской литературы; см. по указателю в библиографии его работ: Lavrokinе N., Tchertkov L. D.S.Mirsky: Profil critique et bibliographique.

⁴ Английский писатель Герберт Уэллс (H.G.Wells; 1866–1946) посетил Россию в октябре 1920 и имел контакты с М.Горьким и руководителями советского правительства, чем, очевидно, были вызваны ожидания Мирского. В 1921 вышла его книга «Russia in the Shadows»; русский перевод был выпущен евразийским издательством: Уэллс Г. Россия во мгле. София: Росийско-Болгарское книгоизд., 1921. Предисловие Н.С.Трубецкого к этой книге перепечатано в изд.: Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С.458-466. О визите Уэллса в Россию см.: Казнина О.А. Русские в Англии... С.106-112, и ее комментарий в кн.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. С.500-503.

⁵ А.В.Тыркова-Вильямс (1869–1962) – общественная деятельница, прозаик, публицист; была дружна с Ремизовыми с 1905. См.: Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and English Readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews) // New Zealand Slavonic Journal. 1994. P.259-287. Об отношениях Тырковой-Вильямс и Мирского см. в их переписке и вступительной статье Дж. Смита к публ.: D.S.Mirsky: Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926), with an Unknown Review by Ariadna Tyrkova-Williams (1924) / Ed. by G.S.Smith // The Slavonic and East European Review (London). Vol.71. 1993. №3 (July). P.482-489.

2

27 дек<абр>я 19<23> г.

Hotel Balmoral

23 rue de Montenothe

телефон: Wagram 77-21

Дорогой Алексей Михайлович, узнал от Ариадны Владимировны, что Вы в Париже и как Ваш адрес¹. Очень хочется повидать Вас и Серафиму Павловну. Когда разрешите зайти к Вам?² Я здесь буду еще две недели. Имею для Вас маленькое приношение собственного издания³.

Преданный Вам

Д. Свят. Мирский

¹ Ремизовы переселились из Берлина в Париж 5 ноября 1923.

² Об этом визите к Ремизову см. в письме Мирского к Сувчинскому от 8 января 1924: «Видел Ремизова. Вид у него лучше, чем был в Берлине, и он как будто веселый. Но его обижают здешние литераторы Бунин и Мережковский, считают за большевистского агента и никуда не пускают. А теперь вид того, что они просто хотят его оттеснить от здешних издателей. Читали ли Вы Кукха (Розановы письма)? Книга удивительная. Я вообще его много читаю, и он все растет в моих глазах. Иду к нему опять сегодня и несу ему “хабар обезьяний” – шампанское» (Mirsky – Suvchinskii. P.24-26).

³ Вероятно, имеется в виду: Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. кн. Д.Святополк-Мирский. Париж: Изд-во Франко-Русская печать, 1924. См. рецензии на антологию: 1) К.В.Мочульского (см. примеч. 3 к письму 4) и 2) А.В.Тырковой-Вильямс: *Williams A. Russkaya Lirika... // The Slavonic Review. Vol.3. 1924. №7 (June). P.205-207*. Ср. вариант (на русском языке) той же рецензии в публ.: D.S.Mirsky: *Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926)... P.487-489*.

3

Ambassador of the G.F.H.A.
at the Court of St. James

London,
February 22, 1924

Sir,

I forward to you a pamphlet published in London under the title of the «Times Literary Supplement», wherein mention is made of certain publications of the G.F.H.A. (House of Apes).¹

Yours faithfully,
Д.Святополк Мирский²
Ambassador and Knight²

Alexis Remizov, Esq.
Chancellor to G.F.H.A.
Auteuil, France

Перевод с английского:

Посол Обезвельволпала при Дворе Сент -Джеймса

Лондон, 22 февраля 1924 г.

Сэр, препровождаю Вам брошюру, изданную в Лондоне под названием «Литературное приложение к “Таймс”», в коем упоминаются некоторые издания Обезьяньей Палаты.

Ваш верный слуга

Д.Святополк Мирский, Посол и Рыцарь

Алексею Ремизову, эсквайру
Канцлеру О.В.В.П.
Оттой, Франция

¹ Имеется в виду номер от 21 февраля 1924 еженедельного литературного приложения к лондонской газете «The Times», в котором напечатана рецензия (без подписи) на книги Ремизова, выпущенные берлинским издательством З.И.Гржебина в 1922–1923: «Крестовые сестры», «Пятая язва», «Сказки русского народа». Рецензенты – Г.В.Вильямс и Мирский. См.: *Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and English Readers...* P.275-279.

² Мирский был принят в избранный круг «Обезьяньей Великой и Вольной Палаты» – шуточного ордена, учрежденного Ремизовым в 1908, где фигурировал как «посол английский», «полпред Англии» и т. д. Судя по подписи, Мирский входил и в состав парижского «Ордена Рыцарей пламенного меча». О «тайном обществе» Обезвельволпал см.: *Ремизов А. Ахру: Повесть петербургская*. Берлин, 1922. С.38-51; *Ремизов А. Кукха. Розановы* письма. Берлин, 1923. С.38-43; *Ремизов А. Взвихрённая Русь* // Ремизов А. Собр. соч. Т.5 / Подгот. А.В.Лаврова. М., 2000. С.207-225. См. также: *Флейшман Л.С.* Из комментариев к «Кукхе». Конкретор Обезвельволпала // *Slavica Hierosolymitana*. Vol.1. 1977. P.185-193; *Обатнина Е.* 1) «Обезьянья Великая и Вольная Палата»: Игра и ее парадигмы // *Новое литературное обозрение*. 1996. №17. С.185-217; 2) Обезьянья Великая и Вольная Палата Алексея Ремизова // Ремизов А. Собр. соч. Т.5. С.641-656; 3) Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М.Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

4

11 марта 1924.
Torrington Sq. WC¹

Дорогой Алексей Михайлович,

получил Ваше письмо. Книгу Гарольда Васильевича² достану и вышлю или привезу с собой. Надеюсь быть в Париже через две недели и надеюсь поесть с Вами и устриц, и улиток, и лягушек. Я и здесь нет-нет зайду во французский ресторан и полакомлюсь какой-нибудь такой поганью. Мочульский, расхвалив мою книгу³, перестал мне писать. Я думал, с ним что-нибудь случилось, – но нет, сегодня пишет о Сологубе в Звене⁴. Есть у меня проект еще большую статью написать про Вас, но еще не сговорился окончательно⁵. Есть и другие проекты, о которых доложу Вам при свидании. Ваше имя мелькает в английской прессе изредка. Так недавно некий (кажется, известный Вам) Иван Курнос напечатал в одном журнале (*Fortnightly Review*) статью об Андрееве, начав ее словами «Конечно, Андреев не такого калибра писатель, как Ремизов или Сологуб»⁶.

Но с Вами беда – не перевести. Но что-нибудь да выдумаем.

Преданнейший поклон Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ С января 1924 по май 1926 Мирский адресовал свои письма со служебного адреса: 15, Torrington Square – он преподавал в Школе славяноведения, находившейся в центре Блумсбери.

² Речь идет, видимо, о книге: *Williams H.W. Russia of the Russians*. London; New York, 1914. В книге – фотография Ремизова и положительная оценка его творчества (с.216-217); глава о русской литературе во многих отношениях явилась образцом для работ Мирского на английском языке о современной русской литературе (1926) и об истории русской литературы (1927). Гарольд Вильямс (Williams; 1876–1928) – журналист, русофил и полиглот; с 1904 корреспондент в России ряда английских газет. Женат на А.В.Тырковой. В 1920-х – редактор иностранного отдела лондонской «Таймс», коллега Мирского по лондонской Школе славяноведения. См. некролог: *Pares B. Harold Williams // The Slavonic Review*. Vol.7. 1929. №20 (January). P.327-333.

³ См. рецензию (подпись: К.В.) на антологию «Русская лирика» (Звено. 1924. №54, 11 февраля. С.4). Ср.: *Мочульский К.* Русская поэзия за границей в 1924 г. // *Временник Общества друзей русской книги*. Т.1. Париж, 1925. С.65-67. См. также его отклик на работу Мирского о Пушкине: *К.В.* Новое о Пушкине // *Звено*. 1924. №52, 28 января.

Константин Васильевич Мочульский (1892–1948) – видный литературовед, критик, эссеист русского зарубежья, сотрудничал в парижских «Последних новостях», «Звене» и «Современных записках». Входил в ближайшее окружение Ремизова в Париже, автор ряда рецензий на его произведения. Знаком с Мирским, возможно, со студенческих лет в Петербургском университете (Мирский учился на факультете восточных языков, Мочульский – на историко-филологическом). Об университетской литературной жизни того времени, участниками которой были Мочульский, Мирский и его товарищ по Тенишевскому училищу Жирмунский, см.: *Лавров А.В.* Письма К.В.Мочульского к В.М.Жирмунскому // *Новое литературное обозрение*. 1999. №35(1). С.117-211. Ср.: *Никольская Т.Л., Тименчик Р.Д., Мец А.Г.* Кофейня разбитых сердец // *Stanford Slavic Studies*. Vol.12. 1997. См. также: *Федякин С.Р.* Творчество Константина Мочульского // *Мочульский К.* Кризис воображения. Томск, 1999. С.3-20.

⁴ *Мочульский К.* Лирика Сологуба: К 40-летию литературной деятельности // *Звено*. 1924. №58, 10 марта. С.2. 10 февраля 1924 Мочульский писал Ремизову: «...я сегодня видел Шюзвилля (Jean Chuzeville – французский поэт, критик, переводчик. – Р.Х.) – он зайдет за мной во вторник, и мы к 9 часам будем у Вас. Список <текстов для перевода> передам и обезопасю английскому напишу». 19 февраля он пишет: «В самом скором времени и сам к Вам прибуду. Английский обезьян о Вас статью написал (по англицки) – скоро печатает» (Amherst). Об издании «Звена» см.: *Коростелев О.* Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // *Русское еврейство в зарубежье*. Т.1(6). Иерусалим, 1998. С.177-202. См. также: «...наша культура, отраженная в капле...». С.123-165.

⁵ О предполагаемой, но не написанной статье о Ремизове для сборника «Евразийский временник» см.: *Mirsky – Suvchinskii*. P.23-26 (письма от 12 декабря 1923 и 8 января 1924). См. также отзывы Мирского о Ремизове: *Mirski D.S.* Russian Literature since 1917 // *The Contemporary Review*. №122

(August). 1922. P.205-211; рецензию в литературном приложении к «Таймс» (см. выше, письмо 3); *Mirsky D.S. Contemporary Russian Literature. 1881–1925. New York: Alfred Knopf; London: George Routledge, 1926. P.281-291.* «Евразийский временник» – неперIODическое издание (Берлин; Париж, 1923–1927) под редакцией П.П.Сувчинского, П.Н.Савицкого и кн. Н.С.Трубецкого.

⁶ Речь идет о статье: *Cournos J. Leonid Andreyev // The Fortnightly Review. Vol.115. 1924. №1 (February). P.285-291.* Об отношениях Ремизова и Курноса см. ниже, примеч. 4 к письму 13 и примеч. 2 к письму 14. John Cournos (наст. фам. Коршун; 1881–1966) – американский писатель-переводчик из русско-еврейской семьи, эмигрировавшей задолго до революции. В 1917 приехал в Россию с Гарольдом Вильямсом, встречался с Ремизовым в Петрограде во время революции. См.: *Cournos J. Autobiography. New York, 1935. Ср.: Reynolds B. Dorothy L. Sayers. Her Life and Soul. New York, 1993. P.107-116 (и по указ.); The Letters of Dorothy L. Sayers / Ed. by B.Reynolds. New York, 1996. P.173 (и по указ.).*

5

<29.3.1924>¹23 rue de Montenotte
Paris XVIIe

Дорогой Алексей Михайлович,
прибыл в Париж.

Когда разрешите явиться к Вам с докладом?

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Дата помечена рукой Ремизова; год устанавливается по положению в альбоме.

6

23 rue de Montenotte
XVIIe

15.4.<19>24

Дорогой Алексей Михайлович,

Когда разрешите прийти к Вам после пятницы? Мочульский уезжает в деревню, к сожалению.

Преданный Вам

ДС Мирский

7

King's College Strand WC 2
4 мая 1924 г.

Дорогой Алексей Михайлович,

Вот Вам мое срочное донесение по пунктам:

1) у Виленкина¹ был; относительно вечера у него еще нет конкретных предложений². Кажется, он хочет выпустить вперед Теффи³ и Аверченка⁴, для рекламы и зазыва.

Ф. Д. И. Толстой
р. д. 30 Мая 1860 г.
считано в 1923 г.

Граф Д.И.Толстой. 1923 г.

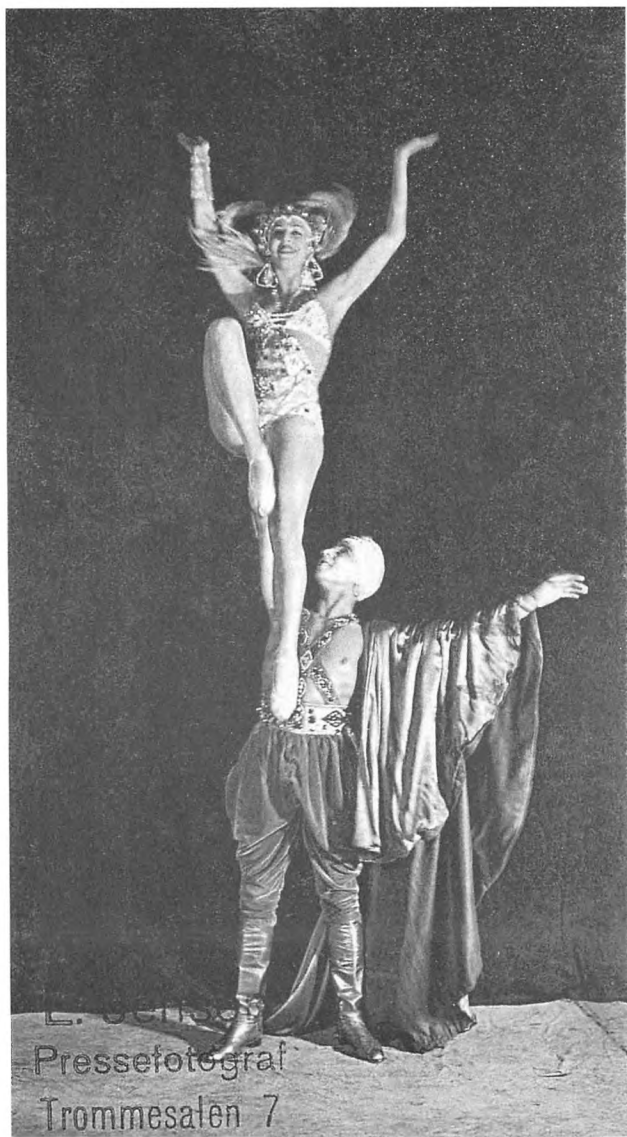
Труппа полковника В. де Базиля после выступления. 1920-е.
Из собрания Андрея Корлякова

Труппа полковника В. де Базиля на вокзале. 1923 год.
Из собрания Андрея Корлякова

Василий Григорьевич Воскресенский
(полковник В. де Базиль). 1930-е.
Из собрания Андрея Корлякова

О.М.Смирнова и Н.И.Триполитов на сцене. 1920-е.
Из собрания Андрея Корлякова

Афиша, извещающая о выступлении дуэта О.М.Смирновой и Н.И.Триполитова в Palace de Paris, 1930 г.
Из собрания Андрея Корлякова

А.Я. и О.Г. Савичи в Париже. 1927 г.
Фотография И.Г.Эренбурга.
Собрание Б.Я.Фрезинского

Мара Гри за роялем.
Рекламное фото к фильму «Сентиментальный романс».

Сергей Эйзенштейн у входа в кинотеатр «Самео», где демонстрировался его фильм «Старое и новое». Нью-Йорк, май 1930.

Леонард Розенталь. Париж. 1910-е годы

ЭН-4165
1930

Bi-mensuel.

Май 1930

№ 27.

LE THEATRE PARIS 3 fr. 50 c. et LA VIE

REDACTION И АДРЕС
40, RUE DE TRIVISE,
PARIS (9^e)
TEL. : PROVENÇAL 32-65

DIRECTEUR : ALEXANDRE PHILIPPOFF

ТЕАТРЪ и ЖИЗНЬ

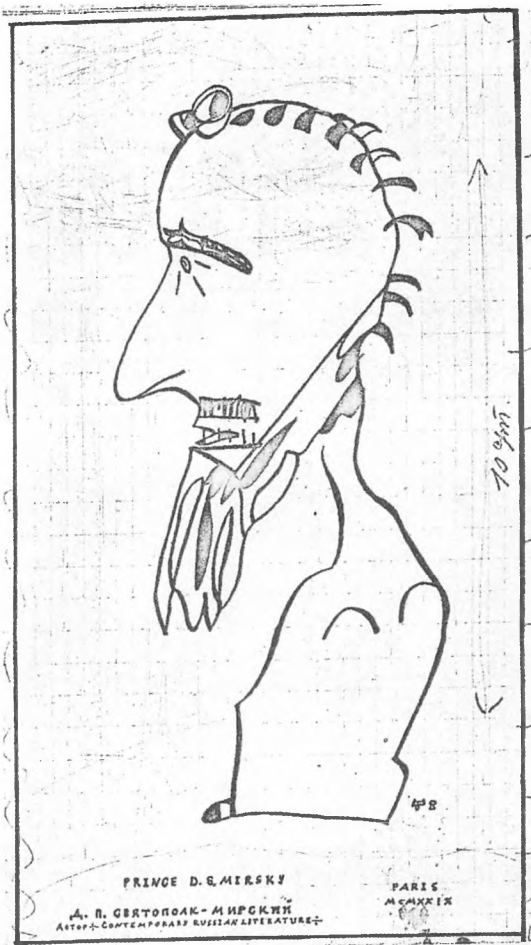
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВА

L'ECRAN D'ART. S. A.

ABEL GANCE, D. de MEREJKOVSKY et V. IVANOFF
dans le studio lors des dernières prises de vues de « La fin du Monde ».

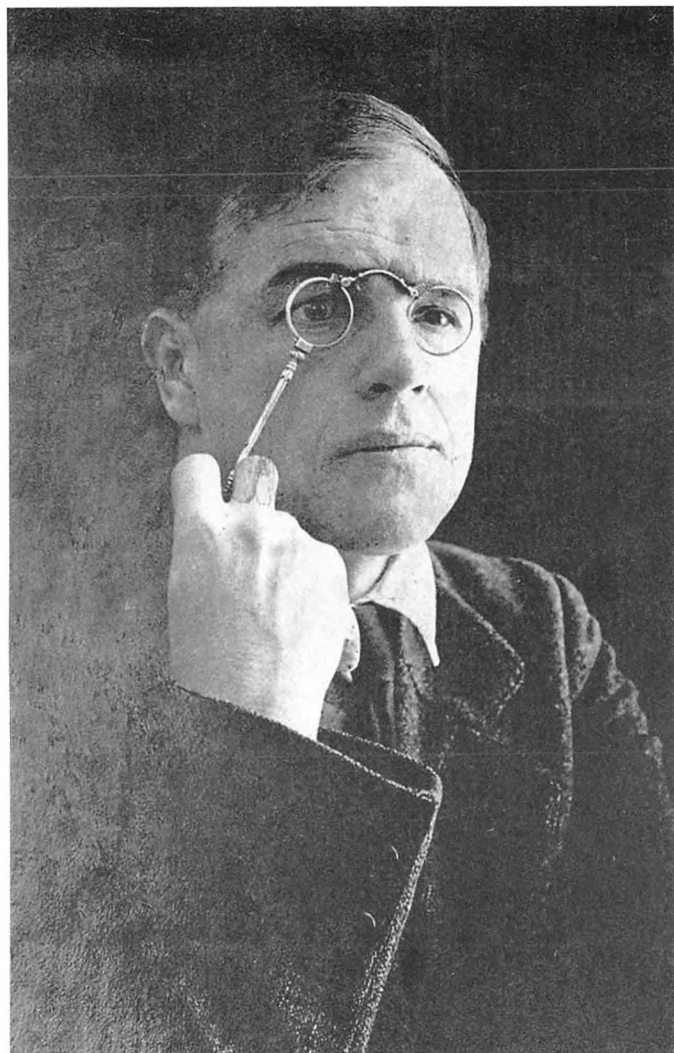
Абель Ганс, Д.Мережковский и В.Иванов
в жуанвильском павильоне. Май 1930.
Обложка журнала «Театр и жизнь». 1930

«Д.П.Святополк-Мирский, автор Contemporary Russian Literature».
Шарж А.М.Ремизова. 1929 г.

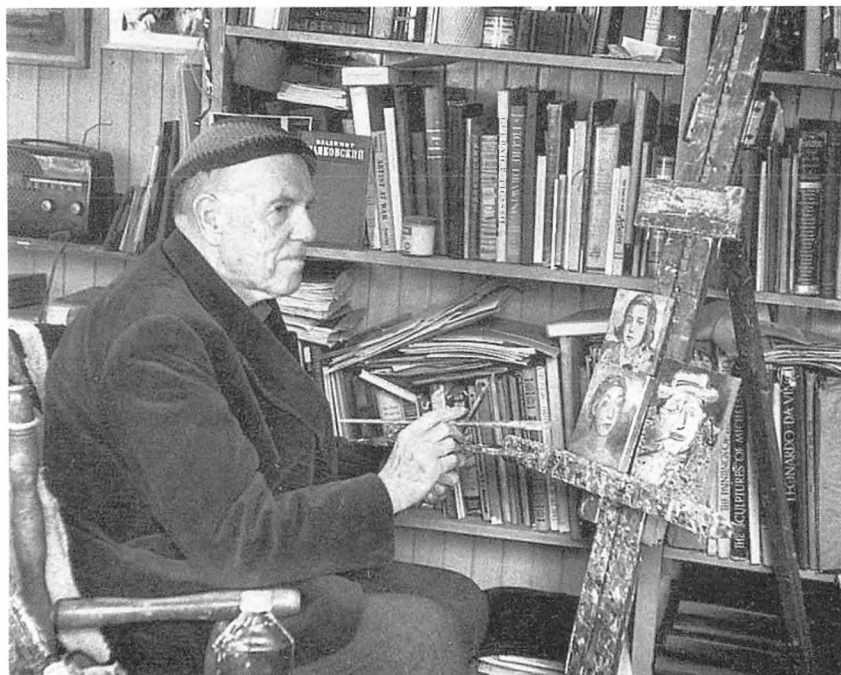
Георгий Адамович. 1940-е

Д.Д.Бурлюк в США, 1930-е

Д.Д. и М.Н. Бурлюки у памятника Маяковскому
во дворе Библиотеки-музея Маяковского. 7 мая 1956 г.
Фото Л.А.Шилова.

Д.Д.Бурлюк в своей мастерской. 1960-е

2) для *Жар-Птицы* переведены К.Д.Набоковым последние три сказки из *Шумов Города*⁵. Перевод не Бог знает какой, но приличный. Я думаю разрешить к печатанию. Беды большой не будет (*Жар-Птица* в Англии читает не литерат<урная> публика), а Вам доход.

3) мой ученик перевел *Изошел*⁶; велю ему послать в *Adelphi* (журнал такой), а гонорар разделить с Вами.

4) Разрешите ли Вы тому же ученику перевести для *Slavonic Review* *Доброго пристаивника*⁷? Спрашиваю потому, что *Slavonic Review* денег не платит. Будет кое-какая реклама, и всегда можно перепечатать в Америке или Англии в составе книжки. Прошу разрешить.

А теперь несколько вопросов о Пильняке⁸. Я должен писать предисловие к английскому переводу его рассказов⁹. Верны ли будут сведения:

Родился ок<оло> 1890

из немцев-колонистов Саратовской?

начал писать в 1913, но первая книжка вышла в 1921 г.

Подражает (или как там помягче) сначала Чехову, Бунину и кому попало, а с 1920 г. Андрею Белому и Вам.

Наш Караим¹⁰, оказывается, болел и поэтому не пришел.

Целую ручки Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

P.S. В какой книге Вы говорите о *Хождении по мукам*, противопоставляя его поэме Данте?¹¹

¹ Имеется в виду Марк Виленкин, владелец агентства газет и журналов (Лондон), распространявшего журнал «Жар-птица» в Великобритании и Ирландии.

² В письмах Виленкина к Ремизову от первой половины апреля 1924 (написанных преимущественно на английском языке) обсуждаются вопросы о переводах и о предполагаемом выступлении в Лондоне. Лондонский вечер, видимо, не состоялся. Приводим полностью письмо Виленкина на русском языке от 21 мая 1924:

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо Вам за Ваше вчерашнее письмо. Я спишусь с А.Э.Коганом и постараюсь, чтобы переведенные К.Д.Набоковым три рассказа из книги «Шумы города» были помещены в №13 «Жар Птицы», т. к. 12-ая книга должна уж скоро поступить в продажу. Вашу просьбу с удовольствием исполню. Я виделся здесь с кн. Святополк-Мирским и передал ему, что, по мнению г. Набокова, «Петушок» почти непереводим на английский язык (по его мнению, в переводе произведение это потеряет свою прелесть).

Что касается вечера, то, к сожалению, сейчас не сумею заняться этим вопросом, так как со мною ведутся переговоры о поездке на не-

которое время по юридическому делу в Нью-Йорк. Ввиду невыясненного положения я и опасуюсь что-либо новое организовать, с чем, надеюсь, Вы согласитесь.

Шлю Вам и многоуважаемой Серафиме Павловне мой сердечный привет и наилучшие пожелания. Когда буду в Париже, непременно воспользуюсь Вашим любезным приглашением, а пока остаюсь

Искренно Вам преданный

Марк Виленкин

(Машинопись. – Amherst)

³ Тэффи (наст. имя Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая; 1872–1952) – популярная писательница, автор юмористических и лирических рассказов, повестей и стихотворений. О ней см., например: Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными / Публ. Р.Дэвиса и Э.Хейбер // Диаспора: Новые материалы. Т.1-3. СПб., 2001–2002.

⁴ Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925) – писатель, юморист; в эмиграции жил в Праге.

⁵ «Жар-птица» – литературно-художественный журнал (Берлин; Париж; 1921–1926). Ред.-изд. А.Э.Коган; лит. ред. А.Черный; худ. ред. Г.К.Лукомский. Планировался как ежемесячный, но за пять лет вышло всего 14 номеров (очередную задержку и имеет в виду Мирский в следующем письме, когда говорит, что «Жар-Птица» выйдет нескоро). Иногда печатал переводы. Подробнее см.: *Лурье Ф.М.* Журнал «Жар-Птица»: Аннотированная хронологическая роспись. СПб.: Баргузин, 1999. Единственным произведением К.Набокова, опубликованным в журнале, был перевод сказки М.Е.Салтыкова-Щедрина: *Christ's Night: A Legend.* By M.E.Saltykov-Stchedrin // *Жар-птица.* 1923. №11. С.36–38.

Константин Дмитриевич Набоков (1872–1927) – до 1919 поверенный в делах (*chargé d'affaires*) Временного правительства в Лондоне, опубликовал «Испытания дипломата» (Стокгольм, 1921) на русском языке и в собственном переводе на английский язык – «*Ordeal of a Diplomat*» (1921). О своем дяде, дипломате и переводчике, В.В.Набоков пишет в воспоминаниях «Другие берега» (гл. 3, ч. 4). См. о нем также примеч. М.Маликовой в изд.: *Набоков В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т.5. СПб., 2000. С.688–689.

В «Жар-птице» Ремизов до этого поместил произведения «Крестовая барышня» (1921. №3. С.22–26); «Вереница: Россия, А-у-ка, Сказка» (1923. №10. С.33–35).

⁶ *Gone Out (From the Russian of Alexis Remizov) / Transl. by J.Cooper // The Slavonic Review. Vol.3. 1924. №7 (June). P.31-37.* См. высокую оценку, данную Мирским этой части «Шумов города» (Ревель, 1921): *Mirski D.S.* Russian Literature Since 1917 // *The Contemporary Review. Vol.122. 1922 (August). P.205-211.*

⁷ См. письмо А.Брауна (см. о нем примеч. 1 к письму 8) к Ремизову от 20 декабря 1924: «Я давно тому назад перевел Доброго Приставника (еще в 21<-м> году), но не посылал никуда, а ученик Д<митрия> П<етровича> напечатал в *Slavonic Review*» (Amherst). По-видимому, Браун путает два фрагмента из сборника «Шумы города»: «Изошел» и «Добрый приставник», перевод которого не был помещен в журнале.

⁸ Борис Пильняк (наст. фам. Вогау; 1894–1941) – русский советский писатель. Ремизов писал о нем:

Мой ученик. В Берлине в 1922 году, не покладая рук, отделявал свои рассказы под моим глазом. Я отучал его от школьной грамматики, научил встряхивать фразу, переводя с искусственно-книжного на живую речь; перевертывать слова и разлагать слова – перевертывать, чтобы выделить и подчеркнуть; разлагать – слова излучаются и иззвучиваются. Отводка от глагольных и ассонансов: в прозе от них месиво, как гугня в произношении. О «сах» и «всах» ничего тогда не говорил, сам сидел в них по уши.

(Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С.134)

См. также: *Jensen P.A. Nature as Code. The Achievement of Boris Pilnjak, 1915–1924.* Copenhagen, 1979 (по указ.). Письма Пильняка к Ремизову хранятся в архиве Ремизова в Амхерсте. Два из них, от 2 апреля 1923 и от 7 октября 1924, опубл.: *Russian Literature Triquarterly.* 1974. №8. P.491-494.

В мае–июне 1923 Пильняк и Мирский встретились в Лондоне, куда Пильняк приехал на Конгресс ПЕН-клуба. Мирский фигурирует в повести Пильняка «Заволочье» (1925): «В задней комнате <книжной лавки> на складе, на столе и на тюках книг сидели русские, один князь и он же профессор Кингс-колледжа, один актер и два писателя (Пильняк и Николай Никитин. – *Р.Х.*) из Союза Социалистических Республик, бывшей России; они весело говорили и пили шабли как отрезвляющее». Ср: *Казнина О.А. Английский эпизод в биографии и творчестве Бориса Пильняка // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения.* М., 1995. С.187-206.

⁹ См. примеч. 7 к письму 8.

¹⁰ Возможно, подразумевается К.В.Мочульский. См. «свадебную грамоту» А.В.Черновой и Б.Б.Сосинского, в которой он фигурирует как «полпред Византии и караимский каган»: *Обатчина Е. Царь Асыка и его подданные...* С.352 (см. текст грамоты в разделе «Коллекция», между с.331 и 332).

¹¹ Возможно, имеется в виду: *Ремизов А. Хождение Богородицы по мукам // Дни.* 1922. №7; 5 ноября. С.13. См. также комментарий А.Грачевой к этому тексту: *Ремизов А.М. Собр. соч. Т.6: Лимонарь.* М., 2001. С.673-676.

На той же странице: подсчеты Ремизова (вероятно, относящиеся к Пильняку):

1924	1920
1890	25
34	1895

8

20 мая 1924
 Новый адрес: 19 South St.
 Thurloe Sq.
 SW 7

Дорогой Алексей Михайлович,

простите, что долго не отвечал. Все был завален работой, да и ждал, что будет что-нибудь написано, какая-нибудь приятная но-

вость. Все пока нету. Браун, Олег Иванович¹, все не может до меня добраться, но, кажется, доберется завтра². Виленкину Ваше распоряжение передано, но боюсь, что Ж<ар>-Пт<ица> выйдет не скоро³. Miss Harrison пишет мне⁴, что Вы дали-таки ей Вашего Аввакума⁵. Наверно, по ходатайству Шестова⁶? Очень благодарю Вас за сведения о Пильняке. Я намарал какое-то предисловие, там и про Вас и про Андрея Белого и про Пришвина и меньше всего про Пильняка⁷. Они в эту книгу включили одни только старые его рассказы, советских только два-три (Именье Белоконское, Наследники, Проселки). Переводчик жаловался мне, что принимался за Иван-да-Марью, да ничего у него не вышло.

Почтительнейший и искреннейший привет Серафиме Павловне.
Преданный Вам

ДС Мирский

В Париж как будто едет Сувчинский⁸, может быть, придравшись к этому, приеду и я, был бы только курс хороший. А законный мой приезд в июле месяце, в начале.

¹ Алек Браун (Alec John Charles Brown; 1900–1962) – английский поэт, романист, переводчик. О нем см. в публ. А.Б.Рогачевского: Неизвестные письма Д.П.Святополка-Мирского середины 1920-х годов С.352-353. См. также: *Цветева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т.7 (по указ.)

² См. письма Брауна (на английском языке) к Ремизову от 16 и 18 мая 1924, в которых обсуждается вопрос о переводе рассказов Ремизова (Amherst).

³ См. выше, письмо 7.

⁴ В письме от 14 мая 1924. Об отношениях Мирского с Джейн Элен Харрисон (Jane Ellen Harrison; 1850–1928) см. в публ.: *Smith G.S.* Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S.Mirsky, 1924–1926 // *Oxford Slavonic Papers (New Series)*. Vol.28. 1995. P.62-97.

Харрисон – английский историк античных религий, антрополог; оставила преподавание в Кембридже в 1922, переехала в Париж, где занималась русским языком и литературой; подружилась с Мирским и Ремизовыми. Мирский почтительно и неизменно величал ее «Miss Harrison». Она говорила о нем как о своем «русском медведе» («Russian bear») и обращалась к нему «князь Мирский». О ней см.: *Stewart J.* Jane Ellen Harrison: A Portrait from Letters. London, 1959; *Peacock S.J.* Jane Ellen Harrison: The Mask and the Self. New Haven, 1988; *Beard M.* The Invention of Jane Harrison. Cambridge; London, 2000. См. также ее автобиографию: *Harrison J.E.* Reminiscences of a Student's Life. London, 1925; перепеч.: Arion (University of Texas, Austin). Vol.4. 1965. №2 (Summer). P.312-346.

⁵ Речь идет об издании Императорской Археографической комиссии (Пг., 1919): Оттиск из первой книги Памятников истории старообрядчества. XVII.

Харрисон со своей ученицей и компаньонкой Мирлиз (Hope Mirrlees) собиралась перевести «Житие» Аввакума на английский язык. См. ее письмо

(без даты, с пометкой Ремизова: 1924) к Ремизову: «Нельзя выразиться, как мы рады что Вы с Серафимой Павловной буд^ете читать с нами Житие Аввакума. Несмотря на трудности достать книгу, было бы ужасно трудно для нас понимать такой старый текст без помощи». См. также ее письмо (без даты; с пометкой Ремизова: 7.4.1924):

Voulez vous venir prendre le thé avec nous Mercredi (среда) le 9me vers 5 heures. Ce sera un grand plaisir de recevoir Madame aussi. Nous attendons le prince Mirsky qui vous adore! Bien d'amitiés et de remerciements.

Jane Harrison

J'ai été ce matin à l'Ecole des Langues Orientales espérant écouter Madame mais je ne l'ai pas trouvée.

(Amherst)

Перевод с французского:

Не придете ли Вы к нам на чай в среду 9-го числа к 5 часам. Будет очень приятно повидать и Вашу супругу. Мы ожидаем князя Мирского, который Вас обожает! Дружески и с благодарностью.

Джейн Харрисон

Я была сегодня утром в Школе восточных языков в надежде услышать Вашу супругу, но я ее не нашла.

⁶ Ср., однако, письмо Ремизова к Шестову от 4 декабря 1924: «Очень прошу тебя к Harrison не обращайся. Они приедут в понедельник, я буду с ними заниматься. Это нарушит отношения» (Переписка Л.И.Шестова с А.М.Ремизовым / Ред. И.Ф.Даниловой и А.А.Данилевского // Русская литература. 1993. №4. С.157; полный свод опубликованной переписки см.: Русская литература. 1992. №2. С.133-169; №3. С.158-197; №4. С.92-133; 1993. №1. С.170-181; №3. С.112-121; №4. С.146-158; 1994. №1. С.159-174; №2. С.136-185. В дальнейшем – Переписка Шестова с Ремизовым, с указанием года, номера и стр.).

⁷ Речь идет о предисловии (май 1925) к английскому переводу одиннадцати рассказов Пильняка. Оpubл.: 1) *Pilniak B. Tales of the Wilderness / Transl. F.O'Dempsey, with an introduction by Prince D.S.Mirsky. London, 1924;* 2) *Ibid. New York: Alfred A. Knopf, 1925.* Спустя два года Мирский написал предисловие к английскому переводу, сделанному А.Брауном, романа Пильняка «Голый год» (1922). Оpubл.: 1) *Pilnyak B. The Naked Year / Transl. by Alec Brown. New York: Payson & Clark, 1928;* 2) *Ibid. London: Putnam, 1928.*

⁸ Об отношении Мирского и Сувчинского см. во вступительной статье и в публ.: Mirsky – Suvchinskii.

Петр Петрович Сувчинский (1892–1985) – музыковед, публицист, видный представитель евразийства. Близкий знакомый Ремизова с берлинских лет, часто упоминается (как «Пытко-Пыткович») в его автобиографических произведениях. В Обезвельволпале – кавалер обезьяньего знака, полпрэд Евразии; канонарх всех обезьяньих хоров и т. д. См. «характеристику» Сувчинского в тетради, где Ремизов записывал отзывы Серафимы Павловны:

С первого глаза в Берлине мне понравился П<етр> П<етрович>, с ним хорошо разговаривать о знаменном распеве. Он весь в пении. Он был душою Верст и меня никогда не гнал. В нем было что-то от рус-

ской истории, когда он являлся, переполненный евразийством: его мысль зажигалась и сверкала. Такие были в 20-х годах шеллингианцы, а потом гегельянцы, я не сказал бы «марксисты», которые уж очень кратки и безнадежно «реальны», а ведь пыл именно в бесконечной мысли.

(Резникова Н.В. Огненная память. С.83)

Сувчинский советовался с Ремизовым о возвращении в советскую Россию; см. его письмо от июля 1922:

На днях получил письмо из России, от <Б.Л.>Яворского, большого друга моего, который в настоящее время, если не ошибаюсь, первый человек в России «по делам музыки» (письмо привез, кажется, Штернберг), которое меня очень размятежило.

Яворский зовет к себе, в Москву работать. Обещает интересную работу.

С одной стороны, я хорошо знаю, что значит работать в революционное время (а ведь революция все продолжается, пусть отгорела, но дотаскивается!) в области «культуры». В такие смутные годы – культура делается сама, без помощи человеческой, а все, что стараются насадить и развить люди, – носит характер временный, донкихотский и просто ненужный.

Но с другой – Россия влечет к себе помимо всего.

Все думаю, думаю и окончательно запутался в самом себе. Да и не знаю, как встретят меня в Москве как «евразийца»? Больше чем когда-либо становится тошно от «официального» курса России...

Вот я решил и спросить Вашего совета и, если Вам будет незатруднительно, – буду очень благодарен за ответ.

Яворский – это один из замечательнейших людей нашего времени. Такого музыканта-ученого, думаю, что второго нет даже среди «романо-германских хищников», как называет Трубецкой Европу. <...>

(Amherst)

В конце концов Сувчинский не «соблазнился»; см. его письмо к Ремизову от 7 августа 1922:

Грамоту Вашу получил. Спасибо за нее большое! Я окончательно решил: – подожду, в Россию пока не поеду, хотя, как выяснилось, работа предстояла бы интересная. Меня звали чуть ли не на должность ректора Высшего института Музык<альной> Науки. Работа в этом Институте шла интересная и новая, но, судя по письмам, все перессорились и разошлись. Вчера получил из Петербурга, от близкого человека письмо, которое меня окончательно убедило, что ехать в Россию сейчас нельзя. Письмо – трудное. Видно, что все друг перед другом раболепствуют, друг друга боятся. Во всем дипломатия, тактика, фальшь – какое-то сплошное Министерство иностранных дел – а в корне – ложь, зависть, недоброжелательство. В Москве – лучше. В Петербурге – все те же люди – среди друг друга толкаются и топчутся на месте. <...>

(Amherst)

Об участии Сувчинского в евразийских делах в это время см. публ. Е.Кривошеевой: К истории Евразийства. 1922–1924 гг. С.475-503. См. также: *Примочкина Н.Н.* М.Горький и «левые» евразийцы. Ср. публ. Дж. Мальмстада: К истории «Евразийства»: М.Горький и П.П.Сувчинский. О музыкальной деятельности Сувчинского см.: *Нестьев И.* Четыре дружбы. Петр Сувчинский и русские музыканты // Советская музыка. 1987. Март. С.83-93; *Бретаницкая А.* Петр Сувчинский и его время. М., 1999.

9

4 июля 1924¹

Дорогой Алексей Михайлович,
уезжаю завтра (в субботу) в Ниццу, повидать Сувчинского (который издержался и сюда уже не придет) и других кое-кого². Так что в воскресенье быть у Вас не могу и Караима разыскать не успел. Надеюсь вернуться числа 15–20. Книгу со статей Виноградова³ о стиле Аввакума передам Надежде Васильевне⁴, которая обязалась Вам передать. Слушал сегодня английского Аввакума⁵. По-моему, хорошо. Ошибки есть. Но не очень много.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ На бланке гостиницы Balmoral Hotel: 23, rue de Montenotte, Wagram 77-21, Paris.

² См. письмо Мирского к Сувчинскому, также датированное 4 июля 1924 (Mirsky – Suvchinskii).

³ Русская речь: Сб. статей / Под ред. Л.В.Щербы. Т.1. Пг., 1923. В книгу включена статья В.В.Виноградова «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума» (с.195-293; перепеч.: *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С.3-41. См. оценку работы Виноградова в статье Мирского: О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка). С.338-350; перепеч.: *Mirsky D.S.* Uncollected Writings on Russian Literature. Berkeley, 1989. P.145-155. Там Мирский пишет: «Мне известна только одна статья, посвященная Аввакуму как писателю, – работа В.Виноградова (сб. “Русская Речь”, СПб., 1922), добросовестная и интересная, но не вполне удовлетворительная, т. к. она избегает исторической перспективы и не ставит его в связь с окружавшей его книжной действительностью: но по крайней мере Виноградов (как добрый формалист, тщательно избегающий оценок) *implicite* <неявно – *лат.*> признает его за выдающегося стилиста. И к признанию этого, мне кажется, почва уже подготовлена» (С.151).

⁴ Имеется в виду Hope Mirrlees. См. письмо Мирского к Сувчинскому от 1 марта 1927: «Я хочу попросить для №3 <<Верст>> написать статью о Ремизове – Miss Mirrlees; статья будет очень короткая (страницы 4), вероятно, преимущественно о его сказках. Она одна из самых умных женщин, мне

попадавшихся, очень любит Ремизова» (Mirsky – Suvchinskii. P.80). По-видимому, статья не была написана. Ср.: *Mirrlees H. Quelques aspects de l'art d'Alexis Mikhaïlovitch Révizov // Journal de psychologie normale et pathologique. 1926. 15 Jan. – 15 Mar. P.148-159.*

⁵ Имеется в виду английский перевод «Жития протопопа Аввакума», выполненный Дж. Э. Харрисон и Х.Мирлиз (см. примеч. 5 к письму 8 и примеч. 7 к письму 11).

10

28 июля 1924 г.
214 rue de Bécon,
Courbevoie (Seine)¹

Дорогой Алексей Михайлович,

разрешите прийти к Вам вечером в четверг или в субботу, или днем в любой день. Постараюсь привести Караима. Он весь желтый и ничего не ест – желтуха.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Постоянный адрес Мирского во Франции – дом под Парижем, в котором жили с 1922 его мать и младшая сестра Ольга.

11

20 авг<уста> 1924
214 rue de Bécon
Courbevoie (Seine)

Дорогой Алексей Михайлович,

вчера вернулся из Pontigny¹. Шлецер² говорит, что Вы уехали в Карлсбад³, Шестовы⁴ же, что уехала только Серафима Павловна. Если Вы здесь, а не в Карлсбаде, когда можно мне будет к Вам зайти? Я получил письмо от Олега Ив<ановича> Брауна⁵, которое будет Вам доложено при свидании. Аввакум, Леф и Конструктивисты⁶ все в добром здоровьи. Аввакум английский поехал печататься⁷.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ С 1924 по 1927 Мирский, по рекомендации Дж. Э. Харрисон, участвовал в знаменитых «декадах» (религиозных, литературных, философских) в Понтиньи. На этих собеседованиях собирались ежегодно ведущие философы и писатели со всей Европы. 12 августа 1924 он писал Серафиме Павловне: «...доношу Вам, что Аввакум съездил благополучно в Лондон и теперь живет в Понтиньи. Прохожу по нему весь перевод Е<лены> К<арловны> и Н<адежды> В<асилевны>. Ошибок немало» (Amherst). Под предисловием

Мирского к английскому переводу Жития Аввакума стоит: «Abbaye de Pontigny (Yonne), August 1924». О декадах см.: Paul Desjardins et les déca-des de Pontigny: Etudes, témoignages et documents inédits, présentés par Anne Heurgon-Desjardins / Préface d'André Maurois. Paris, 1964. Ср.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова: В 2 т. Париж, 1983. Т.1. С.260-264.

² Борис Федорович Шлёцер (Boris de Schloezer; 1883–1969) – писатель, литературовед и музыкальный критик; принимал участие в журналах «Золотое руно» и «Аполлон». С 1920 – в Париже, сотрудник французских и русских журналов («Современные записки», «Числа») и газеты «Последние новости». Переводчик Гоголя, Достоевского, Шестова и Розанова. Автор статей о Ремизове, перевел его повесть «Страсти Богородицы» из книги «Звезда надзвездная» (*La Passion de la Vierge // Le Roseau d'or*. 1927. №20).

³ Серафима Павловна, страдавшая болезнью печени, ездила лечиться в Карлсбад. В первый раз Ремизовы были там в 1914.

⁴ Лев Исаакович Шестов (наст. фам. Шварцман; 1866–1938) – философ, близкий друг Ремизова с 1904, и Анна Елеазаровна Березовская-Шестова (1870–1962). В этом году и Мирский, и Шестов приняли участие в «декаде». См. письмо Мирского к Сувчинскому от 22 ноября 1924 г.: «“Шварцмана” я знаю: жил с ним в одном доме 10 дней в августе, в Бургундии, и очень ценю лично» (*Mirsky – Suvchinskii*. P.35).

⁵ Имеется в виду Алек Браун.

⁶ Отсылка к материалам первого выпуска «Верст»; о журнале см. во вступит. статье.

⁷ В 1924 вышел перевод «Жития протопопа Аввакума» на английский язык, выполненный Дж. Э. Харрисон и Х.Мирлиз с предисловием Мирского: *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / Transl. from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees; Preface by Prince D.S.Mirsky*. London: The Hogarth Press, 1924. Книга посвящена Ремизовым: «To Alexey Mikhailovich Remizov and Seraphima Pavlovna Remizova-Dovgiello in gratitude and affection». Впоследствии Ремизов вспоминал о работе над переводом:

В 1924 Аввакум заговорил по-английски. Перевод создавался в Париже мисс Харрисон Еленой Карловной и ее ученицей Хоп Миррилиз Надеждой Васильевной в сотрудничестве С.П.Ремизовой-Довгелло и Д.П.Святополка-Мирского. Мое участие было в звании «чтеца»: интонация и ритм вшепчут и самое заковыристое и непривычное – не «литературное» – живую речь, которую всегда можно представить «книжно» и перевести на живую речь другого языка.

(*Ремизов А.М.* Неизданный «Мерлог» / Публ. А. д'Амелиа // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.3. Париж, 1986. С.236)

См. рецензию (без подписи): *The Protopop Avvakum // The Times Literary Supplement*. 1924. №1193, 27 November. P.787. (Автор – R.D.Charques.)

12

18.IX<1924>
214 rue de Bécon
Courbevoie <Seine>

Дорогой Алексей Михайлович,
не приехали ли Вы? Если так, известите, когда можно посетить Вас? Я здесь до 30 сентября.

Преданный Вам

ДС Мирский

13

22 ноября <19>24 г.
15 Torrington Sq., WC 1
Monsieur Alexis Remisoff
5 Villa Flore
120 bis Av. Mozart
Paris XVI^{et}

Дорогой Алексей Михайлович. Пишу Вам на Пильняке². *Неуемный бубен* принят издательством Chatto & Windus, но мал для целой книжки, т<ак> что нужен к нему второй рассказ³. Браун и переводит *Пятую язву* и скоро, наверно, придет. О *Часах* были хорошие отзывы⁴. Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный

ДС Мирский

¹ Парижский адрес Ремизовых с весны 1924 по ноябрь 1928.

² Открытка с портретом Пильняка.

³ Ср. письмо А.Брауна к Ремизову от 15 ноября 1924:

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, канцелярист!

Приятные новости – Chatto & Windus – одно из лучших английских издательств, хочет печатать Стратилатова. Мы с Дмитрием Петровичем постановили, что как pendant Стратилатову следовало бы дать «Пятая язва», и окончательное решение издательства, разумеется, зависит от их мнения о Пятой язве, которую я еще не окончил. Но идет дело благополучно. Заслуга Д<митрия> П<етровича>, посла в Лондоне, большая. Это он завел переговоры с Chatto & Windus. Но не позволяйте ли мне осмелиться и выпросить себе чин обезьяний?

Жду Вашу Канцелярскую милость <...>

(Amherst)

«Пятая язва» (1912) и «Неуемный бубен» (1916) в переводе А.Брауна опубл. в кн.: *Remizov A. The Fifth Pestilence, together with the History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass / Transl. and Preface by Alec Brown. London, 1927.*

⁴ Речь идет о переводе (первом на английский язык), выполненном Дж. Курносом, романа Ремизова «Часы» (1908); *Remizov A. The Clock / Transl. by John Cournos. London: Chatto & Windus, 1924.* В книгу также вошли переводы рассказов: «Белое сердце», «Суженая», «Светло-Христово Воскресение». См. рецензию (без подписи; автор – R.D.Charques), опубликованную в литературном приложении к лондонской «Таймс» (1924. 30 октября. С.683) и перепечатанную в работе: *Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and English Readers... P.280-282.*

14

1.12 <1924 >¹

Дорогой Алексей Михайлович,

боюсь, что с издательством Chatto & Windus ничего не выйдет, так как издательство (если не оговорено иначе) платит один гонорар, переводчику и автору вместе, поэтому, в сущности, получать Вам с Курноса, а не с них². Однако я говорил об этом Вилиамсам, и они обещались поговорить об этом, у них там есть рука³. Набокову же я напишу и узнаю. Сколько знаю, *Жар-Птица* еще не выходила⁴. Как общее правило, издательства платят гонорары задним числом, ежегодными расчетами. Авансы следует выговаривать особо. Надо надеяться, *Часы* пойдут, – отзывы были хорошие.

Видели ли Вы Литературную Россию, изданную Лидиным⁵?

Надеюсь быть в Париже числа 18-го. Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Дата красным карандашом рукой Ремизова; год устанавливается по положению в альбоме.

² См. письмо 13. Ср. письмо Ремизова к Курносу от 10 ноября 1924:

Дорогой John Cournos
Хочу попросить вас – слышал, что «Часы» вышли, – пришлите мне несколько экземпляров
Если будет какой гонорар и на мою долю, пришлите в Париж буду вам очень благодарен
Когда выйдет книга *Antology of Short Stories*
в *The Dial Company*
прошу вас, пришлите мне 2 экз<емпляра>
Когда будете в Париже, известите меня и приходите к нам
Жена моя кланяется Вам

Алексей Ремизов
(The Paul M. Fekula Collection. A Catalogue. Vol.2.
New York, 1988. P.163)

См. также письмо Ремизова на английском языке к Курносу от 18 ноября 1924: «Last time I am awfully embarrassed materialy and my life in Paris is

rather difficult... Never would the share be more necessary for me than now. I am literally longing for it...» (перевод с английского: «В последнее время я страшно стеснен материально и моя жизнь в Париже весьма трудна... Сейчас моя часть гонорара мне нужна как никогда более. Я буквально жажду ее...») (Ibid. P.162).

³ В ремизовском архиве сохранилась переписка с издательством «Chatto & Windus». 8 января 1925 издатели написали, что Гарольд Вильямс сообщил им о неполучении Ремизовым гонорара, и предложили взыскать деньги с Курноса. В письме от 9 января 1925 они сообщали, что А.Браун предпочел, чтобы издательство вело расчеты с Ремизовым напрямую, и назначили гонорар в размере 15 гиней за оба рассказа, включенные в этот том. 16 января контракт был подписан.

⁴ См. письмо 7.

⁵ Литературная Россия: Сб. современной русской прозы / Под ред. В.Лидина. Т.1. М.: Новые вехи, 1924. См. там же автобиографическую заметку Ремизова (с.27-35; во 2-е изд. 1926 года она не вошла). Ср. очерк Владимира Лидина «Асыка» о визите к Ремизову в Берлине в 1922: *Лидин В.* Люди и встречи. Страницы полдня. М., 1980. С.233-236 (впервые: Новый мир. 1978. №5).

15

13.2.<19>25
15 Torrington Sq.
London WC 1

Дорогой Алексей Михайлович,

разрешите Вас потревожить библиографической просьбой: 1) что из Ваших книг вышло в последнее время по-немецки? Мне известны следующие:

Die Schwestern in Kreuz
Prinzessin Mymra
Legenden und Geschichten
The <так!> Goldene Kette
Russische Frauen

(по книге Арт<ура> Лутера, где есть и Ваш автограф)¹. 2) что вышло или выйдет в близком будущем по-французски. Мне это нужно для моей американской книги².

Читали ли Вы Артема Веселого? Он меня очень радует, я прямо как пьян <?> им – крепкий напиток³ и, по-моему, лучше Бабеля⁴.

Почтительнейший и искреннейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

Караим как ответчик на письма не годится никогда <никуда>?.

¹ *Luther A.* Geschichte der russischen Literatur. Bibliographisches Institut. Leipzig, 1924. О Ремизове см. S.441-443, копия автографа – S.442. Мирский

отрецензировал книгу Лютера: *The Slavonic Review*. Vol.3. 1925. №9 (March). P.735-737.

² См. библиографию работ Ремизова на английском, немецком и французском языках в кн.: *Mirsky Prince D.S. Contemporary Russian Literature*. P.357-358. В этой истории современной русской литературы Мирский уделяет несколько страниц Ремизову (P.281-291). В ремизовском архиве сохранился автограф поправки (набросок, без даты, почерком Ремизова):

«He was born in Taganka, in the "East End" of Moscow». Sir, not Remizov but S.A.Poliakov («Vesy») was born in Taganka. Remizov was born in the Samoskvoretchye quarter between Ordynka and Polianka in Tolmachevski street. («Contemporary Russian Literature»).

(Amherst)

Перевод с английского:

«Он родился на Таганке, в "Ист энд" <восточной части> Москвы». Сэр, не Ремизов, а С.А.Поляков («Весы») родился на Таганке. Ремизов родился в Замоскворечье, районе между Ордынкой и Полянкой, на Толмачевской улице. («Современная русская литература»).

³ Артем Веселый (наст. имя Николай Иванович Кочкуров; 1899–1939) – русский советский писатель. Ср. оценку его в «Критических заметках» Верского: Версты. 1927. №2. С.260.

⁴ Исаак Эммануилович Бабель (1894–1941) – русский советский писатель. См.: *Mirsky Prince D.S. Contemporary Russian Literature*. P.313-315. Мирский часто писал о Бабеле; см. его рец. на книгу Бабеля «Рассказы» (М.; Л., 1925): *Современные записки*. 1925. Кн.26. С.485-488; также: *Благоднамеренный*. 1926. №1. С.168); Babel // *The Nation and the Atheneum*. 1926. 23 January. P.581-582. См. также его перевод «Истории моей голубятни»: *Babel I. The Story of My Dovecote // The Slavonic and East European Review*. 1931. №10. P.1-11. «История моей голубятни» была перепечатана в «Верстах» (1926. №1. С.58-67), а также произведения А.Веселого «Вольница» (Там же. С.68-81) и «Восстание» (1927. №2. С.84-91).

16

21.2<19>25

15 Torrington Sq. WC 1

Дорогой Алексей Михайлович,

очень благодарю Вас за письмо и сведения. *Дни* достал, особенно мне нравится (кроме уже известного мне *Винном крою*) авантюрный роман Степнуна! А мне Вы совсем хорошую книгу приписали: я был бы очень счастлив ее написать¹. Я здесь на будущей и следующей неделе читаю четыре лекции о после-революционной литературе. К сожалению, уже после того, что я согласился, оказалось, что читать придется в б<ывшем> посольстве, где публика будет самая белогвардейская. Так что уже жду, что меня окончательно сопричислят к

большевиком. Читал недавно любопытную автобиографическую повесть Пришвина *Курымушка*², в ней, между прочим, появляется учитель Елецкой гимназии по прозвищу Козел – явным образом Розанов³. В конце марта надеюсь очень в Париж.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Подразумевается неподписанная заметка Ремизова «Гнездо». В ней сообщались реальные и выдуманные сведения о новых издательствах и публикациях; приводим текст полностью:

Издательская деятельность в Париже идет самым быстрым темпом. Не успел объявиться «Птицелов» (*L'oiseleur*) и «Плетешок» (*La tresse*), как возникло еще одно новое издательство – «Гнездо» (*Le nid*). Кстати сказать, из рук «левого» «Птицелова» выпорхнул и Эренбург и Виниченко со своим экзотическим романом «Вином крою», и остался А.Ремизов «Ров львиный», Вениамин Завадский «Египетская мумия», да сам пресловутый «птицелов» Яков Шрейбер со своими «Записками наблюдателя» (критики Достоевского: Розанов, Шестов и т. д.). Что же касается до «Плетешка», хоть и посулил он в январе всяких книжек, а уж и февраль каплет, а шевеления, как говорится, не ощущается, и должно быть, ограничится выпуском к каштановому сезону разного рода макулатурных справочников для приезжающих путешественников. Новое издательство «Гнездо» обещает быть более основательным и устойчивым. Основанное Каплуном и Романом Траханиотовым, оно уже успело зарекомендовать себя выпуском стихов двух талантливых молодых поэтов: Вл. Перцова и Вл. Диксона, и подготавливает серию новых книг писателей, как проживающих за границей, так и живущих в России. Предполагается переиздание нашумевшей в свое время повести Леонида Добронравова «Новая Бурса» с предисловием и историческим комментарием Сергея Осипова, его же книга рассказов «Архимед»; повесть Леонида Леонова «Петушкинский пролом»; юношеские стихи Марины Цветаевой «Тетрадь»; новая повесть Алексея Ремизова «Лави» (*La vie*), первая часть которой «Эспри» (*Esprit*) появится в 23-ей кн<иге> «Современных Записок», а вторая часть о жизни вещей («*La matiere*») нигде не появится; авантюрный роман Ф.А.Степуна «Гвадалквивир» (30 печ<атных> листов); и целый ряд книг по истории литературы и искусству – Д.П.Святополк-Мирский «История русской литературы от “Жития” Аввакума до “Соли” Бабея»; Вера Каган «Русская предреволюционная критика. Аничков, Адрианов, Арабажин» и монография худож<ника> Е.Н.Ширяева «Образы и портреты Маргариты Сабашниковой».

(Дни. 1925. №686, 8 февраля. С.6)

О мистификационных «хроникальных заметках» Ремизова см.: *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // *Stanford Slavic Studies. Vol.20. 1999. P.145-176.* Ср. подобную «Библиогра-

фию», подписанную «А.М.»: Благонамеренный. 1926. №2. С.161-167. См. также письмо М.Цветаевой в редакцию «Последних новостей» от 12 ноября 1925: *Цветаева М.* Собр. соч. Т.7. С.45.

² Имеются в виду части романа М.М.Пришвина «Кашеева цепь»: «звено» первое, под названием «Голубые бобры», и «звено» второе, под названием «Маленький Каин», впервые опубликованные в журнале «Красная новь» (№3-5 за 1923). В 1924 вышли отдельным изданием в издательстве «Новая Москва» под названием «Курымушка. Повесть».

См. о ней в кн.: *Mirsky Prince D.S. Contemporary Russian Literature, 1881-1925.* P.296: «После революции Пришвин опубликовал одну книгу *Курымушка* (1924), по всей видимости, автобиографию. Это очень хорошая книга, полная восхитительных эпизодов с подлинной атмосферой детства. Сюжет первой части очень похож на *Котика Летаева* – постепенное формирование детского мира как процесс объяснения слов, – но до чего же манера Пришвина отличается от Беловской! Особенно замечательна в книге ее крайняя простота и отсутствие претензий – столь непохожие на общее направление русской литературы» (цит. по переводу: *Мирский Д.С.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 г. / Пер. с англ. Р.Зернова. Лондон, 1992. С.798).

³ Подтверждено «летописью жизни» самого Пришвина:

Я второгодник. Вместе с учениками Чертовым, Тирманом, Голофеевым совершаю побег в Америку на лодке по р. Сосне. Розанов, учитель географии (после писатель Вас. Вас. Розанов), против всех в округе высказал запавшее крепко в душу: «Это хорошо, это необыкновенно». В душе отчаяние, что «Америки» нет. <...> В четвертом классе я говорю Розанову дерзость: «Если вы мне выведете двойку по географии, я не знаю, что сделаю». Розанов, тогда большой (душевно), ставит в Совете: «Или он, или я». Совет исключает меня. Это как смертная казнь. Побег в Америку, исключение из гимназии – два крупнейших события моего детства, определяющие многое в будущем.

(*Пришвин М.М.* Дневники, 1918–1919. М., 1994. С.365-366)

Ср. у Ремизова:

– Да, – вспомнила С.П., – мы познакомились с Пришвиным: оказывается, ваш ученик, он рассказывал, что в гимназии вас козлом называли.

– Как ты смеешь так говорить! Я с тобой не желаю разговаривать!

И опять как в прихожей тогда.

– Вася, перестань, – вступилась В.Д., – мало ли что в гимназии! Разве можно сердиться!

Завтрак кончился, сидели так.

В.В. все еще сердился.

– Ну, давай помиримся! – и через стол протянул руку.

– Конечно, Василий Васильевич, ведь не я же вас козлом назвала!

– Как, противный мальчишка, опять! – и руку отдернул.

(*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. С.62-63 (гл. «Сеансы»))

17

214 rue de Bécon
Courbevoie <Seine>

Дорогой Алексей Михайлович,
приехал из Лондона. Когда разрешите прийти к Вам с Караимом?
Почтительнейший привет Серафиме Павловне.
Преданный Вам

ДС Мирский

18

214 rue de Bécon
Courbevoie (Seine)
9.4<19>25

Дорогой Алексей Михайлович,
разрешите прийти к Вам вечером в воскресенье или в начале бу-
дущей недели.

Преданный Вам

ДС Мирский

19

16.5<19>25
Torrington Sq. WC 1

Дорогой Алексей Михайлович,
очень меня огорчает то, что Вы пишете. Ломаю себе голову, что
сделать. Трудно¹. Рецензия Гершензона пойдет в *Slavonic Review*, но
это, конечно, невелика польза². Евразийцев я Вам послал³. В моей
статье ужасные опечатки, напр<имер>, вм<есто> Сице аз верую –
Аще аз верую. Сборник Космоса очень хотелось бы увидеть⁴. Здесь
его нет. Читал интервью с Вами в Таймсе⁵. Я работаю как вол, пишу
по-английски про Пушкина⁶, и разное другое.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

П.С. Мне кажется, насколько могу судить, что было бы хорошо
включить из *Шумы гор<ода>* и *Краш<еные> Рыла* во Взвихренную
Русь, особенно Заборы⁷.

¹ Возможно, речь идет о жалобах Ремизова на материальные трудности – конкретно, может быть, о заработной плате Серафимы Павловны за курс лекций «Русская палеография», который она читала в Школе восточных языков в 1924/1925 учебном году. См. примеч. 1 к письму 22. См. также: Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №1. С.159-174.

² Речь идет о рецензии Гершензона на ремизовские «Часы» (впервые опубликована еще в 1908 в журнале «Вестник Европы») в переводе на английский: Chasy! <так!>. By A.Remizov. (A review by M.O.Herschensohn) / Transl. H.Epstein // The Slavonic Review. Vol.4. 1925. №10 (June). P.241-243. Ср. письмо Ремизова к Шестову от 23 апреля 1925:

Дорогой Лев Исаакович, сегодня твоя лекция сейчас прочитал в Днях
Эти великие умы рецензию
М.О.Гершензона не захотели печатать
взял Святополк-Мирский, поговорит с Персом (Sir Bernard Perce <так!>)
ч<то>б<ы> поместить по-английски в Slavonic Review.
Ему очень понравилась. И ведь действительно, написано хорошо. Опять
были всякие козни. И объяснения.* <...>
*Ну разве я виноват, что молодые писатели в России (и коммунисты и
не коммунисты) пишут под меня
я не искал никогда никакой славы и меня «публика» не читала и ника-
кой рекламы (Примеч. Ремизова).

(Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №1. С.161-162)

Вероятно, Ремизов рассматривал эту публикацию как своего рода поми-
нение Гершензона, скончавшегося 19 февраля 1925. Резонанс от рецензии в
«The Slavonic Review» был мал, к тому же, являясь научным журналом, он
не платил гонорара.

³ 4-й номер «Евразийского временника», в котором опубликована статья
Мирского «О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка)».

⁴ Вероятно, речь идет об очередной ремизовской мистификации.

⁵ Интервью, взятое у Ремизова английским писателем Стивеном Грэмом,
было опубликовано в лондонской газете (The Times. 1925. 28 апреля. С.17).
Вместе с интервью, взятыми у других русских писателей (среди них Ку-
прин, Бунин, Гиппиус и Мережковский), вошло в кн.: *Graham S. Russia in*
Division. London, 1925 (американское изд.: *The Dividing Line of Europe*. New
York, 1925). Стивен Грэм (Stephen Graham; 1884–1975) – английский жур-
налист, путешественник, переводчик; до Октябрьской революции жил в
России. Своим путешествиям посвятил ряд книг, очерков и набросков
(1911–1917). В 1930-е Грэм опубликовал ряд популярных биографий рус-
ских царей. См. его автобиографию: *Graham S. Part of the Wonderful Scene*.
London, 1964. P.289-291; в ней упоминаются «восторженные троцкисты»
(«ecstatic Trotskyites») Мирский и Пильняк (P.291).

⁶ Речь идет о биографии Пушкина, опубликованной в 1926: *Mirsky D.S.*
Pushkin. London: George Routledge; New York: E.P.Dutton (Republic of Letters
Series / Ed. W.Rose). Ср. в письме к А.В.Тырковой-Вильямс от 23 января
1926: «Очень благодарен буду за критику моей книги, которая (критика),
боюсь, будет очень (и по справедливости) строга. Единственное оправдание
моей весьма легкомысленной книги, что она написана для иностранцев.
Критики истинного пушкиниста она ни минуты не выдержит» (D.S.Mirsky:
Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926)... P.484).

⁷ «Взвихрѣнная Русь» – первая книга автобиографического цикла Реми-
зова, охватывающая период с осени 1916 по август 1921. Работа над ней
началась еще в России в 1917 и затем продолжалась в Берлине и Париже.

Отдельные части «временника» публиковались сначала и в периодических изданиях, и в других сборниках Ремизова, а в 1927 в Париже издательство «ТАИР» выпустило «Взвихрённую Русь» отдельной книгой. Из сборника «Шумы города» (Ревель: Библиофил, 1921) в нее вошли: «Искры», «Рука Крестителя», «Святой ковчежец», «Белое сердце», «Голодная песня», «Четвертый круг», «Находка», «Звезды», «Свет слова», «Заборы», «Панельная сворь»; из книги «Крашенные рыла» (Берлин: Изд-во «Грани», 1922) — ничего. Ср. новейшее издание: *Ремизов А.М. Взвихрённая Русь* / Подгот. текста А.В.Лаврова // Ремизов А.М. Собр. соч. Т.5.

20

30 июня <19>25 г.
214 rue de Bécon
Courbevoine (Seine)

Дорогой Алексей Михайлович,

доношу о прибытии из вверенной мне Великобритании¹. Буду очень занят эти дни и уезжаю на два дня в конце недели. Но разрешите явиться к Вам в начале будущей, скажем, в понедельник 6-го² июля?

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Отсылка к чину Мирского в Обезвельволпале; см. примеч. 2 к письму 3.

² Зачеркнуто «2-го».

21

3 июля <1925>
214 rue de Bécon
Courbevoine (Seine)

Дорогой Алексей Михайлович,

непрерывно буду в понедельник. Сувчинский здесь, и я постараюсь его привести. Двух экземпляров требуется¹.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Возможно, подразумевается 4-й номер «Евразийского временника» (1925) со статьей Мирского об Аввакуме (см. примеч. 3 к письму 9).

22

9 июля <1925>
214 rue de Bécon
Courbevoine (Seine)

Дорогой Алексей Михайлович,

ужасно перед Вами виноват. Прилагаю письмо, в таком виде, чтобы Вы могли его подписать и отправить или переписать¹.

С Сувчинским поговорю непременно. Его это очень беспокоит.
Почтительнейший привет Серафиме Павловне.
Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Письмо, видимо, связано с тем, что Серафима Павловна не получила заработную плату за прочитанный ею курс лекций (см. примеч. 1 к письму 19). Оказалось, что директор Школы Поль Буайе пропустил собрание, на котором должна была идти речь о деньгах. См. об этом письма С.П. и А.М. Ремизовых к Шестову от 3 июля и 7 июля 1925 (Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №1. С.164-165). Такие же трудности продолжались и позже; см. неопубликованное письмо Шестова к Ремизову (по положению в альбоме – от января–февраля 1926): «...насчет жалованья Серафимы Павловны, по-моему, нужно к Кульману обратиться. Он декан и он же член русско-французского комитета – единственный человек, кот<орый> имеет возможность выяснить недораз<умение>» (Amherst).

23

11 июля 1925 г.
214 rue de Bécon
Courbevoie (Seine)

Дорогой Алексей Михайлович,
можно будет мне быть у Вас в понедельник (13-го) или среду (15-го) (лучше среда) вечером с одной моей родственницей (не караимкой)?
Получил письмо от Брауна, Олега Ивановича, который пишет, м<ежду> пр<очим>, следующее:

«Если увидите Алексея Михайловича пожалуйста ударьте его трикратно (мимо очков) моим крокодиловым хвостом»¹.

Теряюсь в догадках о смысле такого действия.
Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Ср. примеч. 3 к письму 13: просьба Брауна о принятии в Обезвелволпал. Ср. подпись под его неопубликованным письмом к Ремизову от 20 января 1925: «переводчик и управляющий обезпропаганды, крокхвост» (Amherst).

24

23.10 <19>25
15 Torrington Sq. WC 1

Дорогой Алексей Михайлович,
простите за столь долгое молчание, ужасно много дела, и самого скучного и хлопотного, корректуры и учение, которого я терпеть не могу.
Хорошего сообщить ничего пока не могу: St<ephena> Grahama не мог найти, по-видимому, его в городе нет. Chatto & Windus все еще

не могли сговориться с американцами и задерживают выпуск книги¹, хотя объявили уже о выходе ее в осенний сезон.

Родословные разыскания² тоже не удовлетворительны: о Чириковых ничего не могу найти: имя Коптовского, упомянуто в грамоте, нашел в родословной росписи, но ничего о них больше не мог добиться. С Гагариными лучше.

1) Матвей Петрович, знаменитый Сибирский губернатор, казенный Петром за непредставление в казну сборов со вверенной ему губернии, был в большой дружбе с китайцами; китайское³ правительство за него ходатайствовало перед Петром. До сих пор по-китайски русские губернаторы называются Га-Га-Линь. Его жизнь довольно подробно рассказана в Русском Биографическом Словаре⁴ (и Матвей Петрович и Сем Семенович очень дальние родственники шести или семиродные и между собой и Богдан Иванович и Василий Иванович).

2) Семен Семенович, кроме того, что стольник, ничего не узнал.

3) Богдан Иванович, бригадир, род. 1673, умер 9 июля 1722.

4) Василий Иванович, действительный статский советник, жена была Марья Петровна, из каких неизвестно; от них происходят все нынешние известные и знатные Гагарины. В числе их потомков особенно известны: Иван Сергеевич, иезуит, друг Тютчева (р. 1814); Григорий Григорьевич (р. 1810) замечательный художник; Вера Федоровна, жена поэта Кн. П.А.Вяземского, и жена (не помню, как ее звали) Скобелева.

Коптовские⁵ древний и знатный в московское время род, но какая их связь с Петербургом, не знаю. Простите за такое неудовлетворительное исполнение Вашего поручения.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ См. письмо 13. Chatto & Windus, издательство, опубликовавшее перевод «Часов» («The Clock», 1924), в письме от 21 сентября сообщило Ремизову, что публикация перевода «Пятой язвы» откладывается. Этот текст опубликован другим издательством в 1927: *Remizov A. The Fifth Pestilence, together with the History of The Tinkling Cymbal and Sounding Brass / Transl. and with a Preface by Alec Brown. London: Wishart & Co, 1927*). Далее об этом деле и роли Мирского в переговорах с представителем издательства «Chatto & Windus» см.: Неизвестные письма Д.П.Святополка-Мирского середины 1920-х годов. С.349-367.

² Ремизов писал продолжение «России в письменах» (Берлин, 1922) сперва для берлинской «Беседы» (1923), а после прекращения журнала поместил куски в «Благонамеренном» и «Верстах». См. письмо Ремизова к Шаховскому от 18 августа 1925:

Дорогой Дмитрий Алексеевич

Посылаю №1 «Рос<сии> в пис<ьменах>» – «Купчая». Прочитав, вы еще больше убедитесь в необходимости завести в журнале такой уголок, где бы Россию поминали, вспоминая, по русским словам. Это нужно особенно для попавших сюда русских.

Для следующих №№ журнала приготовлю: 2) Петровский указ, 2.10.1710; 3) Сговорная запись Гагариных, 7.8.1707; 4) Царская жалованная грамота лученину Маркарью Григорьевичу Чирикову, 1669 г.

А там, даст Бог, кто-нибудь откликнется и принесет для разбора чего-нибудь из старины нашей московской. <...>

(*Шаховской Иоанн, архиеп.* Биография юности... С.221)

По просьбе Ремизова Мирский помогал ему с библиографическими сведениями для второго тома «России в письменах». Были опубликованы следующие материалы из предполагавшегося тома: *Ремизов А.* 1) Россия в письменах. Купчая, 1742–1746 // *Благонамеренный*. 1926. №1. С.135-139; 2) Россия // *Версты*. 1926. №1. С.52-57; 1927. №2. С.114-121; 3) *Расея* (Письмо). 1916 // Там же. 1928. №3. С.35-39; 4) *Путь чист* // *День русской культуры*: Однодневная газета. 1928. 8 июня. С.2.

³ Зачеркнуто «которые».

⁴ *Русский биографический словарь*: Издание Императорского Русского Исторического общества: В 25 т. М.; Пб., 1896–1918. О Гагариных см.: Т.4. С.58-91. О Чириковых см.: Т.22. С.393-396.

⁵ Зачеркнуто «очень».

25

214 rue de Bécon
Courbevoie
5.9 <19>25

Дорогой Алексей Михайлович,

никак не удалось и уже не удается быть у Вас до отъезда, вечером. Но если разрешите, я хочу зайти к Вам завтра (вторник) протиться и занести Веверли <?> Расею¹. (Если можно, не отвечайте.)

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ «Расея» – глава из продолжения «России в письменах»; см.: *Версты*. 1928. №3. С.35-39.

26

25.9 <19>25

Дорогой Алексей Михайлович,

мы с Караимом собираемся к Вам в воскресенье вечером. Если хорошо, не пишите ничего. Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

15 Torrington Sq. WC 1
14.XI.<19>25

Дорогой Алексей Михайлович,

я ужасно виноват перед Вами. Но у меня все еще не было времени съездить в контору Times: всячески сделаю это в понедельник и вышлю Вам нужный номер¹. А Graham послал Вам книгу на днях². Оказывается, у него это время умирал отец.

Я очень занят все время – расплачиваюсь за парижское и французское безделье: пишу, учу, катаюсь по Англии с лекциями. Пишу историю Рус<ской> Литературы и пока дошел только до Державина³.

Достал две хорошие книги: Уединенное⁴ и материал для биографии Григорьева (Княжнина)⁵, а нового ничего не вижу. Очень благодарен Вам за сведения о Пражской библиотеке⁶ и пр., непременно воспользуюсь. Совсем потерял из виду Сувчинского.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Возможно, номер лондонской «Таймс» от 28 апреля 1925 с интервью Ремизова со Стивеном Грэмом.

² Вероятно, имеется в виду книга Грэма, в которой упоминается Ремизов: *Graham S. Russia in Division*. См. также примеч. 5 к письму 19.

³ Имеется в виду: *Mirsky Prince D.S. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky* (1881). London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1927.

⁴ Мирский был чрезвычайно высокого мнения о сочинениях В.В.Розанова вообще и об этой книге в частности:

...гений Розанова возмужал и нашел собственную характерную форму выражения. В 1912 г. появилось *Уединенное, почти на правах рукописи*. В каталоге Британского музея написано, что эта книга состоит из «афоризмов и коротких эссе». Но это описание не дает представления о невероятной оригинальной форме *Уединенного*. Составляющие книгу отрывки звучат живым голосом, потому что они не выстроены по правилам традиционной грамматики, а построены со свободой и разнообразием интонаций живой речи, – голос часто падает до едва слышного прерывистого шепота. А по временам ничем не стесненный голос достигает подлинного красноречия и мощного эмоционального ритма.

(*Мирский Д.С. История русской литературы... С.652*)

⁵ А.А.Григорьев: Материалы для биографии / Под ред. В.Княжнина. Пг., 1917. Ср. в письме к Сувчинскому от 17 ноября 1925: «Случайно приобрел Материалы для биографии Аполлона Григорьева и зачитываюсь ими. Какой чудный человек и какой ум, и какая гениальность мысли и чувства! Хотя,

конечно, ни в малой мере не вождь» (Mirsky – Suvchinskii. P.41-42). См. также: *Мирский Д.С.* История русской литературы... С.325-330.

⁶ Вероятно, имеется в виду Библиотека Русского заграничного исторического архива, основанного в Праге в 1923.

28

214 rue de Bécon
Courbevoie (Seine)

Дорогой Алексей Михайлович,
будете ли Вы дома в воскресенье (27-го) вечером¹?
Преданный Вам

ДС Мирский

¹ 27 декабря 1925. Дата устанавливается по положению в альбоме.

29

13.2 <19>26
15 Torrington Sq. WC 1

Дорогой Алексей Михайлович,

Ваше письмо меня очень обрадовало, особенно рисунки, и особенно нижний черт. Что касается до *Орды*, я скорее против. Сам я предлагал Крысолова, но, кажется, и это не пройдет. Они хотят что-нибудь попроще, а я не хочу чтобы слишком евразийское¹. Я надеюсь быть в Париже 19–22<-го> сего месяца. Тогда сговоримся окончательно². Приезжает в Париж Miss Harrison по дороге в Лондон, будет там весь конец месяца³. Хорошо бы было устроить встречу наших англичан с Мариной Цветаевой у Вас⁴. Это Miss Harrison дала первые деньги на журнал⁵. Уж не знаю из чего, у нее у самой ничего нет.

Почтительнейший и искреннейший привет Серафиме Павловне.
До свидания. Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Речь идет о заглавии будущего журнала «Версты», который издавался в Париже с 1926 по 1928 «под редакцией кн. Д.П.Святополк-Мирского, П.П.Сувчинского, С.Я.Эфрона и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова». Ремизов предлагал назвать новый журнал и «Ау», и «Орда», и даже «Шестов» – в честь юбилея философа; кем-то из организаторов также было предложено «Ясак».

См. письма Ремизова к Шестову начала 1926: Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №2. С.136-143. Ср.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т.1. С.332. 8 февраля 1926 Мирский писал Сувчинскому:

Относительно заглавия, я предлагаю *Крысолов* – достаточно бессмысленно (некоторая доля бессмысленности необходима), и не «петушок». М<ожет> б<ыть>, слишком романтично и западно? Я бы не

хотел татарского названия, но если надо, лучше чем *Орда* – *Улус* или *Ясак*. *Ясак*, Вы знаете с его двумя смыслами: 1) закон, данный Чингис-ханом, и 2) призыв к бунту Стеньки Разина. <...> Между прочим, я все-таки не хотел бы давать журналу слишком подчеркнутый Евразийский характер. Поэтому лучше бы без татарского имени.

(Mirsky – Suvchinskii. P.44-45).

В приписке к письму С.Я.Эфрона к Сувчинскому от февраля 1926 Цветаева предлагала еще одно название:

ШАТЕР (просто – костер – царственность – сирость).

В ШАТРЕ – и ОРДА – только за шатром. И мужское. Лучше Орды! Шатер – укрывающее, но не удушающее. Дом (или дворец) *со сквозняком*.

А что у Гумилева – Шатер – тем лучше! Гумилев – большой поэт, и такое воссоединение приятно. Кроме того, ШАТЕР – как простор – как костер – ДЛЯ ВСЕХ.

(Цветаева М. Собр. соч. Т.6. С.314-315, 327)

В конце концов остановились на варианте, предложенном Сувчинским, – взять для журнала название цветаевского сборника стихов 1922 года «Версты».

² Речь идет о журнале. Ср. февральские письма Мирского к Сувчинскому за этот период (Mirsky – Suvchinskii. P.44 и след.). См. также неопубликованные письма Шестова от февраля – апреля 1926 к Ремизову:

15 февраля: Мне Сувчинский уже тоже говорил про журнал. 19-го и Св<ятополк-Мирский> приезжает. Но говорить об этом в письмах* – ни до чего не договориться. Ты б лучше как-нибудь зашел – не далеко теперь.

4 марта: Завтра, в 4 часа (сейчас получил рпеи <пневмопочта>) будут у меня Святополк-Мирский, Сувчинский и Марина Цветаева с мужем – толковать об Орде. <...> непременно приходи.

6 апреля: Что это ты вестей о себе не даешь? И вчера на Святоп<олке> не был? Все ли у тебя благополучно? Завтра (в среду) вечером у меня «версты» соберутся. Приходите и вы – ты с С<ерафимой> П<авловной>. Условимся тогда насчет протопоба тоже.

11 апреля: Решили – чтение назначить на четверг 22 апреля. Сегодня же сообщу Бердяеву, Сувчинскому, Святополк-Мирскому, Цветаевой и Вышеславцеву. Попрошу всех прийти пораньше. И вы – приходите пораньше, чтоб к 9 часам начать уже чтение. А то начнут разбегаться – и не удастся кончить.

(Amherst)

³ После ухода из Кембриджа Дж. Харрисон вместе с мисс Мирлиз жила с 1922 во Франции.

⁴ В конце 1925 Цветаева переселилась из Праги в Париж, где Мирский вскоре познакомился с ней при посредничестве Сувчинского. В январе-феврале 1926 Мирский пытался устроить вечера Цветаевой в Лондоне (где она выступала 12 марта 1926); см. письма к Тырковой-Вильямс от января – марта 1926 (D.S.Mirsky: Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926)... С.484-487) и к Сувчинскому (Mirsky – Suvchinskii. P.43-44, 52-53). Об отношениях между Мирским и Цветаевой см.: *Смит Дж.* Марина Цветаева и

Д.Святополк-Мирский // Марина Цветаева. Труды 1-го международного симпозиума (Лозанна, 30.VI – 3.VII 1982) / Под ред. Робина Кембалла. Berne, 1991. С.192-206. См. также: *Флейшман Л.* Из Пастернаковской переписки // *Slavica Hierosolymitana*. 1981. Vol.5-6. С.535-541. Ср.: *Karlin-sky S. Marina Tsvetaeva. The Woman, her world, and her poetry.* Cambridge, 1985 (по указ.).

⁵ См. письмо Харрисон к Мирскому от 29 января 1926:

Y<ou>r scheme is deeply interesting – thank you v<ery> much for letting me know of it, you must not apologize. I take it as an act of friendship. Well for myself of course I want to help as far as I can & I am sending a cheque for £50 only wish I c<ou>d have sent the whole £200. What fun it would be to be a millionaire & finance things really worth doing. It is intolerable that men like Remezov sh<ou>d be dependent on the whim & silly politics of their inferiors...

(*Smith G.S. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S.Mirsky... P.86*)

(Перевод с английского:

Ваш план глубоко интересен – очень благодарю Вас за то, что сообщили мне о нем, извиняться не надо. Принимаю как знак дружбы. Что касается меня, конечно, я хотела бы помочь, чем могу, и посылаю чек на 50 фунтов; я бы очень хотела послать все 200 фунтов. Как было бы весело быть миллионером и финансировать действительно достойные вещи. Просто невыносимо, что такие люди, как Ремизов, должны зависеть от капризов и глупой политики людей менее значительных.)

В письме к Сувчинскому от 25 февраля Мирский называет Харрисон «моя первая вкладчица» (*Mirsky – Suvchinskii. P.49*). Любопытно, что в 1925 Харрисон опубликовала статью о евразийстве: *Harrison J.E. A New Russian School // The Evening Standard. 1925. 4 November.*

30

26.4 <19>26
214 rue de Bécon
Courbevoie (Seine)

Дорогой Алексей Михайлович,

очень был рад и тронут Вашим письмом, и очень прошу Вас передать мою большую благодарность Серафиме Павловне¹. И еще очень благодарю за вербу². Очень хочу видеть Вас в близком будущем. Отложил свой отъезд на неделю, т. ч. надеюсь еще и послушать Аввакума³.

Искренне преданный Вам

ДС Мирский

¹ Речь идет, вероятно, о выражениях соболезнования по поводу смерти матери Мирского. Княгиня Екатерина Алексеевна Святополк-Мирская,

урожденная графиня Бобринская, родилась в 1864, скончалась 22 апреля 1926. См. ее дневник о событиях августа 1904 – октября 1905, когда ее муж, сторонник реформ, был министром внутренних дел: Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. Т.77. М., 1965. С.240-293.

² Вербное воскресенье в 1926 пришлось на 12 апреля. Возможно, имеется в виду произведение Ремизова «Верба (Литовская легенда)»; любопытно, что год спустя, 29 апреля 1927, Ремизов читал «Вербу» на вечере, на который он прислал билет Мирскому. См. письмо Ремизова к Шестову от 12 апреля 1927: Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №2. С.164.

³ Речь идет об очередном чтении Ремизовым своего «парижского списка» (сделанного для первого выпуска «Версты») «Жития протопопы Аввакума». См. примеч. 2 к письму 29; см. также письма Ремизова к Шестову от марта–апреля 1926: Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №2. С.146-152. Ср. ремизовский текст памяти В.В.Розанова (датировано 3 мая 1926):

Юбилей Л.Шестова справляли по-русски – три вечера: на дому – литературное сборище, у С.В.Лурье – семейное, и третий вечер <22 апреля 1926> – философское: только философы. Бердяев, Выше-славцев, Эфрон, Ильин, Познер, Лазарев, Лурье, Сувчинский, кн. Д.С.Мирский, Федотов, Мочульский (Степун не приехал!), и только я не философ, я за музыканта: читал весь вечер – три часа без перерыва – «Житие протопопы Аввакума им самим написанное», самую жизнерадостную книгу, а на тему: путь к вольной смерти!

(Ремизов А. Воистину // Версты. 1926. №1. С.83)

<Июнь1926¹>

Дорогой Алексей Михайлович,

да, Версты все не вышли! Пора бы уже². Василия Андреева³ и Баршева⁴ все-таки, конечно, уже нельзя поместить в I<-й> №, но для второго, если Бог даст доживем, мы будем Вам очень благодарны за это указание. Действительно надо новых, и молодых, и никому не известных. Мы и так Вам благодарны за Сельвинского⁵, которого Вы нам открыли (да и Бабеля в свое время тоже⁶).

Как кончилось неумное дело с индусом, не знаю – Олег Ив<анович> как в воду канул, ни слуху ни духу⁷.

ТАИР это не дочери ли Рахманинова⁸? В конце месяца собираюсь в Бельгию к Шаховскому⁹, а в Париж вряд ли раньше середины июля.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Датировано по содержанию.

² Выпуск журнала задержался из-за забастовки в типографии, первый номер «Верст» вышел в конце июня – начале июля 1926.

³ Василий Михайлович Андреев (1889–1942) – петербургский писатель; первый сборник «Канун» издан в 1924; затем вышли «Расколдованный круг» (1926), «Рассказы» (1926), «Славнов двор» (1927), «Волки» (1927) и др. В «Версты» его произведения не включили. См. письмо Мирского к Сувчинскому от 19 февраля 1927 (Mirsky – Suvchinskii. P.74).

⁴ Николай Валерианович Баршев (1888–1938) – петербургский писатель; литературную деятельность начал как поэт (альманах «Стожары», 1923); рассказы печатались в ленинградских журналах. Первый сборник прозы «Гражданин вода» (1926); затем: «Прогулка к людям» (1926) и др. См. материалы о нем: *Кураев М.* Баршева можно не знать?.. // Литературное обозрение. 1990. №6. С.106-110; *Никольская Т.* Строка из «Свитка скорби» // Там же. С.111-112. В «Версты» его произведения не включены. Ср. также вступит. статью А.Арьева в кн.: Расколдованный круг: Сб. повестей и рассказов. Василий Андреев, Николай Баршев, Леонид Добычин. Л., 1990.

⁵ Илья Львович Сельвинский (1899–1968) – поэт-конструктивист; автор поэмы «Улялаевщина» (1924). В первом номере «Верст» (С.23-36) перепечатаны его стихотворения из сборников «Госплан литературы. Литературный центр конструктивистов (ЛЦК)» (М.; Л.: Круг, <1924>) и «Мена всех. Поэты-конструктивисты» (М., 1924): «Казнь Стецюры», «Казачья Походная», «Цыганская», «Цыганский вальс на гитаре», а также его записи час-тушек.

⁶ В первом номере «Верст» был перепечатан рассказ Бабеля «История моей голубятни» (с.58-68). См. также примеч. 4 к письму 15.

⁷ Речь идет о переводах Алека Брауна на английский язык романов «Пятая язва» и «Неуемный бубен». «Индус» – здесь, по-видимому, обыгрывается название английского издательства «Chatto & Windus».

В письмах А.Брауна к Ремизову конца 1925 года постоянно обсуждается вопрос о гонораре за перевод (уже законченный, но не опубликованный). В частности, в письме от 14 ноября 1925 он писал:

Я чувствую себя очень виноватым перед Вами, т. к. наверное Вы очень надеялись скорому появлению книги. У меня сейчас есть денег немного, но достаточно; и я Вас очень прошу, Алексей Михайлович, мне позволить Вам платить Ваш гонорар лично сейчас – и Вы мне это вернете, когда Индус заплатит, или же это устроим через него, чтоб он прямо мне платил. У нас не обычно <так> заранее платить гонорар, но я считаю этот торговый взгляд нехорошим (так и намекнул Индусу в письме). Я Вам шлю чек на £15; на английский банк в городке, но это ничего, немножко замедлит дело, а это все. Не обижайтесь, умоляю, или буду жаловаться прямо Асыке.

(Amherst)

В письме от 12 декабря 1925:

Что касается до денег, кажется, вышла с моей стороны неловкая ошибка. Написал недавно Индусу, и сказал ему, что намеряюсь Вам лично гонорар сразу платить... так, чтобы поняли – там, что я недоволен что задерживается выпуск (я тогда думал, что Вам заплатят только издав книгу)... а Индус в волнении отвечает, спрашивая меня, кто должен был Алексею Михайловичу этот £15 платить – потому

что они свое уже исполнили. Вы понимаете положение? От Индуса, значит, больше, конечно, не будет: покамест я думал еще авторского гонорара не платили. Я только боюсь теперь, что мой поступок теперь, когда Вы увидите, что это я – по ошибке – из своих денег, никак не причитывающихся нам от Индуса, Вам послал эти £15.

Но мы так оставим историю – что если у Вас будет когда-нибудь, Вы мне их вернете: или если Индус издаст другую книгу, устроим расчет. Я желаю быть в этом по-деловому (и пишу Вам все откровенно...) только потому, что у меня капиталов и доходов тоже нету, и может наступить голое время.

(Там же)

⁸ Татьяна и Ирина Рахманиновы, дочери знаменитого музыканта, организовали свое издательство «ТАИР» в середине 1926. Едва ли не первая книга издательства – ремизовская «Взвихрённая Русь» (1927). 4 июня 1926 Татьяна Рахманинова пишет Ремизову: «Возвращаю Вам подписанный мной текст нашего соглашения. Второй экземпляр оставляю у себя»; 23 июня: «...очень интересно было бы знать, как идет печатанье книги. Не слыхали ли Вы что-либо об этом? В русских газетах уже несколько раз видела о ней объявления»; и 10 июля: «Кончили ли Вы корректуры книги? Так хочется поскорее увидеть ее готовой» (Amherst). Далее в письмах – приглашение участвовать в предполагаемом альманахе (так и не изданном). Издательство «ТАИР» выпустило еще две книги Ремизова: «Три серпа» (1927) и «Посолонь» (1930).

⁹ Князь Димитрий Алексеевич Шаховской (1902–1989) – редактор журнала «Благонамеренный»; монах, архимандрит, с 1950 – архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Встретился с Мирским у Ремизова в Париже в конце 1925. 30 апреля 1926 Мирский писал Шаховскому: «Хочу приехать к Вам в Бельгию на несколько дней в начале июля. Могли ли бы Вы мне устроить визу? №2 <«Благонамеренного»> получил» (см.: *Шаховской Иоанн, архиеп.* Биография юности... С.214). К Шаховскому Мирский собирался с Сувчинским – см. в письмах к нему (Mirsky – Suvchinskii. С.55-56). По-видимому, поездка не состоялась, потому что Шаховской в это же время начал готовиться к принятию монашеского пострига на Афоне. Ряд писем, вошедших в «Биографию юности», касается участия Мирского в журнале «Благонамеренный».

Приводим неопубликованное письмо Мирского к Шаховскому, не вошедшее в «Биографию юности»:

17 Gower St. WC 1
(после 9/7:
214 rue de Bécon
Courbevoie Seine)
5.7 <19>26

Милый Князь,

я не знал, когда писал Вам последний раз, о прекращении Благонамеренного, хотя и чуял недоброе. Узнал все от Сувчинского, которого видел в Париже по возвращении его из Бельгии. Очень, очень сожалею. Благонамеренный останется выдающимся эпизодом в истории русской эмиграции.

Разрешите прибавить, что было бы очень хорошо, если бы Вы позаботились о том, чтобы Марине Цветаевой был уплачен <так!> гонорар за ее статью. Ее только что лишили чешской пенсии, и она в крайней нужде. У Соколова есть деньги, и если он этого не сделает – во всяком случае я этого так не оставлю.

Милый князь, позаботьтесь об этом и простите, что пишу об этом, т. к. знаю, что это должно Вас очень огорчить (поведение Соколова).

Неужели мы так никогда и не встретимся. Дай Вам Бог всего лучшего.

Ваш

Д.С. Мирский
(Amherst. Фонд Шаховских)

В те годы Цветаевой регулярно помогали деньгами Саломея Андроникова-Гальперн, Елена Извольская, Марк Слоним и Мирский, имевший постоянный заработок в Школе славяноведения.

32

Лондон
7.6 <19>26

Дорогой Алексей Михайлович,

сейчас получил *Версты*, и мне хочется Вам написать о том, в какой мере мы Вам обязаны – тем, что они окажутся лучшей русской книгой последнего времени. Как хорошо это именно из Ваших рук получение Аввакума¹ и что именно Вы напоминаете о Розанове². А *Николай Чудотворец*, мне кажется, вещь совершенно огромная, даже для Вас³.

Я еду в Париж на днях, приеду 9-го, но 10-го же еду на три-четыре дня в провинцию. Можно Вас будет застать дома числа 14-го? Что Серафима Павловна, уехала?

Усиленно работаю над франц<узским> изд<анием> моей Ист<ории> Лит<ературы>⁴ и очень хочу по этому поводу Вас кое о чем порасспросить – о Ваньке Каине (имеете ли Вы в виду его жизнь, которая несколько раз переиздавалась при Екатерине, или подлинный его процесс)⁵ и о новейших писателях, после-Бабелевского периода.

А молодежью нашей, которых не читал до выхода, я не очень доволен, особенно Резниковыми⁶.

Преданный Вам

ДС Мирский

Напишите, пожалуйста, в Courbevoie.

¹ Имеется в виду «Житие протопопы Аввакума, им самим написанное», опубликованное в приложении к первой книге «Верст» (с отдельной пагинацией). В примечаниях к публикации Ремизов писал: «Списки “Жития”

делались еще при жизни Аввакума, и после издания “Жития” (1861 г.) московские доброписцы не раз трудились, списывая “добрым письмом”. “Парижский” список сделан в 1926 г. по замыслению П.П.Сувчинского: 33 часа переписывал я “Житие”, не только глазом следя, а и голосом выговаривая слово за словом и храня каждую букву протопопа “всая России” (Версты. 1926. №1. С.73, прилож.).

² Имеется в виду ремизовское сочинение под названием «Воистину» (Там же. С.82-86), написанное в форме письма к Розанову, вроде «Кукхи». После публикации «Кукхи» В.Ф.Ходасевич просил Ремизова написать о Розанове для «Беседы», вместо предложенного им романа «Ров львиный». См. неопубликованное письмо от 4 февраля 1923:

Дорогой Алексей Михайлович,

Сколько мы ни судили, ни рядили – печатать роман боимся: в один № не влезет, дробить не хотим по коммерческим причинам. Но мечтаем о чем угодно, что вмещается в один №, т. е. до 3 листов. Ах, если бы о Розанове! Алексей Макс<имович> Горький> очень хотел бы получить от Вас именно это. Но если нельзя – рассказ. Жму руку.

Сердечно Ваш

В.Ходасевич

(Amherst. К листу приклеен портрет Ходасевича – вырезка из газеты.)

В конце концов Ремизов подготовил для «Беседы» куски второй части своей «России в письменах»: *Ремизов А. Парижский клад // Беседа. 1923. №3. С.78-160. См. также примеч. 2 к письму 24.*

³ Имеется в виду публикация «Из книги „Николай-Чудотворец”» (Версты. 1926. №1. С.37-51). Год спустя Мирский выступил с инициативой перевода этого текста на французский язык; см. об этом письмо 41.

⁴ По-видимому, этот перевод никогда не был опубликован. Другой французский перевод книги Мирского по истории русской литературы появился только в 1969: *Histoire de la littérature russe / Trad. Véronique Lossky. Paris: Fayard, 1969. 616 p.*

⁵ Ванька Каин (Иван Осипов Каин; 1718 – после 1755) – знаменитый московский вор, впоследствии сыщик. Здесь, вероятно, подразумевается упоминание «русского природного языка» Каина в ремизовском «Воистину» (Версты. 1926. №1. С.83-84). Упомянется он и в других ремизовских работах: *Ремизов А.М. 1) Слово о погибели Русской земли // Собр. соч. Т.5. С.405; Ремизов А.М. Подстриженными глазами; Иверень // Там же. Т.8. (по указ.).* О нем Мирский пишет во второй главе своей «Истории русской литературы».

Помимо документов процесса существует также в разных вариантах его жизнеописание, впервые опубликованное под заглавием «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов, сочиненное М<атвеем> К<омаровым> в Москве 1775 г.». Об истории текста см. комментарии В.Д.Рака в новейшем изд.: *Комаров М. История мошенника Ваньки Каина... СПб., 2000. С.329-382.*

⁶ Имеются в виду Д.Г.Резников и, вероятно, его свойственники (мужья сестер его жены Натальи) В.Л.Андреев и В.Б.Сосинский. Подробнее о них

см. в автобиографии Андреева: *Андреев В.* Возвращение в жизнь. М., 1974. Здесь речь идет об их участии в «Верстах»; см. также примеч. 4 к письму 33. Ср. письмо Мирского к Сувчинскому от 20 мая 1926: «К Орде я особенного доверия не имею, и вообще в эмигрантскую молодежь не верю, а только в гвардейских офицеров» (*Mirsky – Suvchinskii*, P.55).

Сохранившаяся в ремизовском архиве газетная вырезка (подпись: В.Н.) указывает на дальнейшую деятельность этой «молодежи» в связи с критикой «Верст»:

Среди молодых поэтов

В Париже состоялся первый в этом сезоне после летнего затишья вечер Общества молодых писателей и поэтов. Вечер был открыт докладом <Л.И.Шестова>.

Во время перерыва после доклада сын покойного Леонида Андреева Вад<им> Леонидович Андреев предложил присутствующим немедленно – хотя бы и явочным порядком – обсудить вопрос о журнале «Новый Дом», так как редакция этого журнала состоит из членов «нашего общества», журнал считается близким к «нашему обществу», но «мы должны заявить, что с “Новым Домом” не имеем ничего общего».

При этом г. Андреев особенно выражал негодование против печатанной в «Новом Доме» критической статьи Злобина.

После перерыва поэт Сосинский потребовал слова, – видимо, собираясь говорить по поводу журнала. Председатель поэт А.Ладинский в этом отказал. А после буйных и настойчивых требований дать слово г-ну Сосинскому закрыл собрание.

В конце концов г. Сосинский все-таки произнес короткую нервную речь от себя и от имени единомышленников. Он заявил, что в «Новом Доме» под видом критики допущены лютые выпады и оскорбления:

– Мы клеймим редакцию этого журнала, считаем позором ее поведение... Пусть эти слова редакция «Нового Дома» примет как личную ей пощечину...

Со стороны публики неслись возгласы:

– Женщина в лице Марины Цветаевой оскорблена...

– Алексею Ремизову брошено обвинение в некрофильстве...

Чтоб заставить публику разойтись, кто-то распорядился закрыть электричество.

(Дни. 1926. №1156, 11 ноября. С.1)

Но и это еще не конец истории. Дошло до уличных драк между Сосинским и Ю.К.Терапиано, редактором «Нового дома», затем последовали вызов в прокуратуру и вызов на дуэль, не состоявшуюся только благодаря усилиям Ходасевича. Цветаева подарила кольцо и рукопись поэмы «С моря» своему рыцарю Сосинскому. Примирение Сосинского и Терапиано произошло только через 50 лет. Подробнее см.: Рассказывает Владимир Сосинский. История одного кольца, или Несостоявшаяся дуэль / Публ. Льва Мнухина // Русская мысль. 1990. №3855, 23 ноября. С.12-13. См. также письма Гиппиус от 12 и 15 ноября 1926 о «скандале молодых большевизантов» и о «перfidной заметке Дней о скандале большевицких “молодцов”»:

Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. С.13, 74. Интерес Ходасевича к этому «бою с Сосинским» отмечается в «Камер-фурьерском журнале» за ноябрь 1926.

33

22.7 <19>26
Courbevoie

Дорогой Алексей Михайлович,

мне страшно обидно, что я так и не попал к Вам¹. Завтра рано утром уезжаю на море, сначала к сестре в Нормандию (Donville)², потом к Мар<ине> Цв<етаевой> в Вандею³. Вчера было у нас собрание с молодежью. Резникову был объявлен строгий выговор за Москву, он принял его как должное и в общем был удовлетворен, кажется⁴. Французским изданием был занят все это время не вставая⁵. Сегодня кончил и свободен теперь надолго. Пока уезжаю, но вернусь около 1-го. Напишу Вам об этом из St. Gilles. И надеюсь на первых же днях быть у Вас.

Адрес Miss Harrison⁶:

Miss Jane E. Harrison

11 Mecklenburgh Street

London WC 1

Говорят, бомба Зин<аиды> Гиппиус против меня вылетела⁷. Пока не видал.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ 1 июля 1926 Ремизов был на улице сбит автомобилем; Мирский, вероятно, хотел навестить его.

² Вероятно, речь идет о старшей сестре, Софье Петровне (в замуж. Похитонова; 1887–1976); младшая сестра, Ольга Петровна (1899–1968), жила в семейном доме в Курбева. После войны обе сестры вернулись в СССР.

³ С 24 апреля по 1 октября 1926 Цветаева отдыхала с семьей в вандейской деревне Сен-Жиль-сюр-Ви на атлантическом побережье Франции. См: Рильке Райнер Мария, Пастернак Борис, Цветаева Марина. Письма 1926 года / Подгот. К.М.Азадовского, Е.Б.Пастернака, Е.В.Пастернак. М., 1990; *Азадовский К.* Небесная арка. СПб., 1992.

В это время в Сен-Жиле Цветаева писала поэму «С моря», опубликованную затем вместе с поэмой памяти Рильке «Новогоднее» в третьем номере «Верст» (1928). К концу августа Мирский был в Понтиньи.

⁴ Вероятно, речь идет о «выговоре» редколлегии по поводу рецензии Д.Резникова (Версты. 1926. №1. С.229-231) на пятый номер альманаха «Круг», в котором был напечатан отрывок из романа Андрея Белого «Москва» (обыгрывается Мирским как «Moscou – Москву»). Резников писал, в частности: «А.Белый, преумножась московским бытом, в произведении дал Игоря Северянина». В следующем номере журнала (Версты. 1927. №2. С.104-113) был, по настоянию Мирского, напечатан отрывок из «Москвы»

под ударом»; см. его письмо к Сувчинскому от 14 октября 1926 (Mirsky – Suvchinskii. P.60).

⁵ Ср. письмо 32 и примеч. 4 к нему.

⁶ Дж. Харрисон незадолго до этого вернулась в Англию после длительного пребывания во Франции.

⁷ Речь идет о выпаде Гиппиус против журнала «Благонамеренный», его «эстетско-сменовеховского движения» и, в частности, «нигилиста» Мирского («обманывающего»), Цветаевой («обманутой») и Ремизова («обманчика»). В постскриптуме Гиппиус заявила:

Эта статья была уже написана, когда, вместо 3<-го> № «Благонамеренного», вышел журнал «Версты» – орган «эстетической» группы, руководимой г. Святополком, – под его же редакторством. Содержание нового журнала с такой определенностью, до мельчайших деталей, подтвердило все, мною об этой группе сказанное, что ныне и сомневавшиеся уже не сомневаются: данная группа идет к соединению не с Россией, и не с русской литературой, а с Советами: то есть – идет против России и против свободного искусства.

(Крайний А. Мертвый дух. С.257-266)

Отсылая, вероятно, к этой статье, Цветаева пишет 10 июля 1926 Пастернаку: «На днях сюда приезжает Св<ятополк-> М<ирский>, прочту ему твоего Шмидта, которого читаю в четвертый раз и о котором накапливает большое письмо. Напишу и отзыв М<ирского>. (Его сейчас пресса дружно дерет на части, особенно за тебя и меня.)» (Цветаева М. Собр. соч. Т.6. С.265). Мирский восторженно отозвался о поэмах Пастернака: *Святополк-Мирский Д., кн. «1905 год» Бориса Пастернака // Версты. 1928. №3. С.150-154.*

34

5.8 <19>26

Дорогой Алексей Михайлович,
непрерывно буду 11-го. Только что вернулся из St. Gilles, где Эфроны¹ и В.А.Сувчинская².

Как Вам нравятся наш добрый Бунин в Возрождении³?

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ В конце мая С.Я.Эфрон присоединился к своей семье.

² Сувчинская Вера Александровна (урожд. Гучкова, во втором браке Трейл; 1906–1987). В 1930–1931 развелась с Сувчинским. В течение 1930-х ее взгляды становились все более просоветскими. О ее близких отношениях с Мирским в начале 1930-х см.: *Davies R., Smith G.S. D.S.Mirsky: Twenty-Two Letters (1926–34) to Salomeya Halpern; Seven Letters (1930) to Vera Suvchinskaya (Traill) // Oxford Slavonic Papers (New Series). Vol.30. 1997. P.89-120.* Чета Сувчинских побывала в Сен-Жиле в июле, и Вера Александровна осталась там на несколько дней.

³ См. отрицательный отклик Бунина на первую книгу «Верст», где он писал, в частности:

Очень неинтересен и очень надоел и Пастернак, о котором уже сто раз успел сказать Святополк-Мирский: «вся прошлая русская литература – гроб поваленный, и вся надежда русской литературы теперь в Пастернаке и Цветаевой!» <...> А уж про Ремизова и Цветаеву и говорить нечего: тут любой дурачок за пятак угадает, что именно дал в сотый, в тысячный раз, Ремизов насчет Николая-Чудотворца и Розанова и чем опять блеснула Цветаева. <...> А рядом с Цветаевой старается Святополк-Мирский: в десятый раз долбит, повторяет почти слово в слово все то, что пишется о нас в Москве, наделяя нас самими нелепыми, первыми попавшимися на распушенный язык уничижительными кличками и определениями...

(Бунин И. «Версты» // Возрождение. 1926. №429, 5 августа. С.3)

Перепечатку рецензии и комментариев к ней Д.Д.Николаева см.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. С.218-221; 556-559.

35

214 rue de Bécon
Courbevoie (Seine)
27.9<19>26

Дорогой Алексей Михайлович,

я забыл, что четверг именины моей сестры¹, так что нельзя ли перенести чтение Соломона² на пятницу.

Если это можно, не отвечайте (но дайте знать Эфрону), а я скажу Сувчинскому.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Именины Софии – 30 сентября.

² Возможно, подразумевается сказка «Царь Соломон» (1911), включенная в сборник «Сказки русского народа» (Берлин, 1923), но у Ремизова есть и другие произведения, в которых фигурирует царь Соломон. См.: Ремизов А.М. Круг счастья. Книга о царе Соломоне // Собр. соч. Т.6: Лимонарь. С.553-604, 764-773.

36

9.10 <19>26
17 Gower St., London WC 1¹

Дорогой Алексей Михайлович,

я очень виноват перед Вами. Я непременно собирался к Вам, но так засуетился перед отъездом, что положительно не успел. Я передал В.Андреева Сувчинскому, и он клялся в тот же день Вам передать². Т<ак> ч<то> надеюсь, он у Вас. Рассказы, по-моему, нехороши, – вроде Сейфуллиной³. Интересно Волки – про петербургскую (до-

революц<ионную>) шпану, но это хороший репортаж, а не художественная литература⁴. О Вас и Серафиме Павловне очень спрашивает Miss Harrison. И мой почтительнейший привет С<ерафиме> П<авловне>.

Преданный Вам

ДС Мирский

¹ Адрес London University Club, где Мирский или жил, или получал почту.

² О Василии Андрееве см. примеч. 3 к письму 31.

³ Лидия Николаевна Сейфуллина (1889–1954) – русская советская писательница. Упоминается у Мирского в «Современной русской литературе» (1926). В другом месте он величает ее «“советской Вербицкой” (или, пожалуй, лучше – “советской Чарской”»); см.: *Святополк-Мирский Д., кн. О нынешнем состоянии русской литературы* // Благонамеренный. 1926. №1. С.94.

⁴ *Андреев В. Волки* // Ковш: Литературный альманах. Кн.3. Л., 1925. С.39-72.

37

23.10 <19>26

17 Gower St. WC1

Дорогой Алексей Михайлович,

да уж, действительно под знаком – прямо какой-то зодиак. Читал Зинаиду¹ и Ходасевича² и, хотя ожидал много, – удивился, особенно удивился совершенной беззубости Зинаиды. Но очевидно, я больно кусаюсь, т. к. все это лично задетые люди³. А мне как с гуся вода. Очевидно, Зинаида права, что мне не хватает человечности⁴.

Прочел рецензию Брауна обо мне – довольно толково⁵. Miss Harrison все нездорова – переутомление. Я ее не видел. Книг в Россию послать сейчас не могу, сиюю совсем без денег – а даром здешние издатели не дают. Постараюсь, когда будут деньги.

Почтительнейший поклон Серафиме Павловне.

Искренно преданный

ДС Мирский

¹ *Крайний А. О «Верстах» и о прочем* // Последние новости. 1926. №197, 14 августа. С.2-3.

² *Ходасевич В. О «Верстах»* // Современные записки. 1926. Кн.29. С.433-441. Перепечатку статьи и комментариев к ней см.: *Ходасевич В. Собр. соч. Т.2. С.408-417; 544-549.* Подробнее о статьях Гиппиус и Ходасевича см. выше во вступит. статье.

³ См. о них, в частности, в нашумевшей речи, произнесенной Мирским 5 апреля 1926 в парижском Союзе поэтов (в присутствии Гиппиус, Мережковского и Ходасевича), – «Культура смерти в русской предреволюционной литературе»:

...безнадежная болезнь духа проявилась еще в подпольной некрофилии, патофилии и любви к небытию (последнее особенно у Зи-

наиды Гиппиус – все лучшие ее стихи). <...> Самое гениальное выражение этого поклонения разрушающей силе – «Двенадцать», самое благородное – письма Гершензона в «Переписке из двух углов». Но самые общепонятные, и потому самые популярные, – холодно-экстатические, академические («пожарные») полотна Волошина и аккуратненькие подпольные эпиграммы и мадригалы Ходасевича.

(*Святополк-Мирский Д.*, кн. *Веяние смерти в предреволюционной литературе* // Версты. 1927. №2. С.252)

Такие же упреки содержатся в его обзоре первых 26 номеров «Современных записок»:

Различны же они <сотрудники> во всем: от ясного и ровного, хотя и неяркого, дневного света Алданова до истерического хаоса Мережковского; от изощреннейшей культуры Зинаиды Гиппиус до принципиальной (и природной) уездности Бунина; от чрезмерной сохнутости и морщинистости Ходасевича до воздушной (воздушный пирог, и такой же розовый) пухлости Зайцева, – все оттенки. <...> Гиппиус и Ходасевич – Достоевщина, прошедшая через реторты всех ранне-символистских софистик. <...> Ходасевич, маленький Баратынский из Подполья, любимый поэт всех тех, кто не любит поэзии; и особенно две подлинно большие (очень по-разному) фигуры Зинаиды Гиппиус и Бунина. Но Зинаида Гиппиус видна во весь рост только изредка и в немногих стихах. Эти немногие стихи принадлежат к самым подлинным, самым острым, самым страшным выражениям Подпольного начала в русской поэзии (настолько же сильней Ходасевича, насколько «Господа Головлевы» выше Леонида Андреева). Подлинная Зинаида Гиппиус, конечно, ни в какой мере не консервативна и не «благонамеренна». Но эта подлинная – обернута в «семь покрывал» общественно-религиозно-философской деятельности, призванной обосновать «курс на религиозное преобразование демократии». Ни с «религией» (поскольку на «религии» можно обосновывать какие-нибудь курсы), ни с демократией подлинная Зинаида ничего общего, конечно, не имеет.

(*Святополк-Мирский Д.*, кн. *Библиография* // Версты. 1926. №1. С.206-210)

⁴ Ср. в письме к Сувчинскому от 25 октября 1926: «Статьи Гиппиус и Ходасевича имеют на меня ужасно вредное действие: развивают во мне чувство превосходства, гордыню (Superioritäts-complex)» (Mirsky – Suvchinskii. P.61).

⁵ *Brown A.* Contemporary Russian Literature, 1881–1925 / By D.S.Mirsky // The Calendar of Modern Literature. Vol.3. April 1926 – January 1927. P.258-264.

Дорогой Алексей Михайлович,
еду завтра (18-го) в Париж на два дня. Очень надеюсь быть у Вас, но буду очень занят и не совсем уверен, что хватит времени на

обертку. Ваше предложение мне очень нравится. Вспоминал, м<жду> пр<очим,> Вас<илия> Андреева, нахожу, что у него в рассказе о колонии <?> есть кое-что хорошее, особенно мальчик-педераст¹. Но как целое все-таки нехорошо. Браун Вам, наверно, писал о своем проекте сборника Афанасий Никитин, Лесков, Вы и Бабель². Miss Mirrlees только что выпустила роман, фантастический, очень хороший, гораздо лучше ее прежнего³. Miss Harrison была нездорова – кажется, старческое переутомление, но поправилась, хотя все-таки сбивается в словах и забывает.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне и, надеюсь, до скорого свидания.

ДС Мирский

¹ Речь идет о рассказе Андреева «Волки»; см. примеч. 3 к письму 36.

² По-видимому, замысел не был осуществлен.

³ Имеются в виду: *Mirrlees H. Lud-in-the-Mist*. London: Collins, 1924; переизд.: New York: Knopf, 1927; *Mirrlees H. The Counterplot*. London: Collins, 1924; переизд.: New York: Knopf, 1925. Мирский писал: «Романы мисс Миррлиз чрезвычайно характерны для современной Англии и свидетельствуют о совершенно исключительных поэтических данных» (Версты. 1928. №3. С.159).

39

31.12<19>26

13.1<19>27

Дорогой Алексей Михайлович,

мне ужасно досадно, что я не мог поспеть к Вам эти дни: был здесь всего несколько дней, в страшной суете, а еще навалилась спешная работа (корректур)¹.

Уезжаю под самый Новый Год. Но желаю Вам встретить его как можно лучше. А Серафиме Павловне почтительнейший и искреннейший привет и поздравление.

Искренно преданный

ДС Мирский

¹ Имеется в виду корректурa второго номера «Верст».

40

<1927¹>

Дорогой Алексей Михайлович,

очень благодарю Вас за Взвихренную Русь². Перечитываю ее с величайшей радостью. Боюсь, что она теперь пройдет незаметно. Но она *останется*, как один из величайших памятников революционного времени, м<ожет> б<ыть>, самая подлинная его память и история. Последняя страница, между прочим, изумительна³.

Насчет *Book of the Bear* Miss Mirrlees опять написала издателям, т<ак> ч<то> Вы наверно получите⁴. Они сами пожелали от себя Вам послать экземпляры.

Англичанин, занимающийся литовским языком, – N.B.Jopson⁵, адрес:

1) The Platanes, Champion Hill, London SE 5 или 2) School of Slavonic Studies, Malet St., London WC 1.

Понимает по-русски.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

До свидания

ДС Мирский

Занят сейчас ревизией французского перевода моей *Истории Рус<ской> Лит<ературы>*⁶.

¹ Датировано по положению в альбоме.

² Ремизов А. Взвирённая Русь. Париж: ТАИР, 1927.

³ Ср. рецензию Мирского, где он и цитирует эту страницу: *Святополк-Мирский Д.*, кн. Критические заметки // Версты. 1928. №3. С.155-156.

⁴ Речь идет о книге: *The Book of the Bear, being twenty-one tales newly translated from the Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees...* London: The Nonesuch Press, 1926. О ней см.: *Святополк-Мирский Д.*, кн. Библиография // Версты. 1928. №3. С.158. См. также рецензию Мирского: *The Slavonic Review*. Vol.7. 1929. №20 (January). P.457-458. В сборник включены ремизовские сказки «Медведюшка» («Her Star Bear»), «Зайчик Иванович» («Hare Ivanich») из книги «Посолонь», а также сказка «Заячья губа» («The Hare as Nurse to the Bear-cubs») из книги «Ё. Заяшные сказки тибетские».

См. в архиве издательское письмо к Ремизову от 2 декабря 1926: «The Nonesuch Press have now published the “Book of the Bear”, compiled by Miss Mirrlees and Miss Harrison» (Amherst).

См также письмо Харрисон к Ремизову от 19/20 декабря 1926:

...спасибо за экземпляр «Воли России». Прочитала с радости статью Владимира Диксона. Я тоже люблю Лескова, но для меня, Розапов, которого хвалит князь Святополк, очень трудно понимать... как Вас! Поклоняетесь, пожалуйста, Владимиру Диксона. Сон о медведях очень хорошо переведен. <...> *Book of the Bear* имеет большой успех, но мы получаем почти ничего – издатели хитрые люди!

(Amherst)

⁵ Norman Brooks Jopson (1890–1969) – доцент славистической филологии Лондонского университета (Kings College) и Школы славяноведения (Reader in Comparative Slavonic Philology at the School of Slavonic and East European Studies. University of London, King's College). Коллега Мирского, печатался в «Славянском обозрении».

⁶ Этот невышедший перевод его «Истории русской литературы» упоминается и в письмах к Сувчинскому; см., например, письмо от 17 января 1927 (Mirsky – Suvchinskii. P.69).

41

24.5 <19>27
17 Gower St. WC 1

Дорогой Алексей Михайлович,
получил Ваше письмо с замечательным Selbst Porträtom¹. Перевожу (перевел) Николая Чудотворца² по-французски – вышло черт знает что – но с помощью какого-нибудь француза что-нибудь да выйдет³.

Там есть одно перевранное наборщиком место: первая страница, начиная с «глубят душу» и до конца абзаца. Как его следует читать? Был бы Вам очень благодарен за указания⁴.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Искренно предан

ДС Мирский

¹ Автопортретом (нем.). Ср. в письме от конца апреля 1927 к Шестову, с таким же рисунком (отгиск вклеен), под которым надпись: «Portrait de l'auteur Alexei Remizov mein Selbstbildnis» (Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №2. С.166. №168).

² Вероятно, имеется в виду: *Ремизов А.* Из книги «Николай-Чудотворец» // Версты. 1926. №1. С.37-51.

³ Французский перевод этого текста не зарегистрирован в библиографиях. Ср. письмо от 12 апреля 1927 к Шестову: «Получил письмо от Маритэна: он предлагает сделать опыт перевода нескольких легенд. Из них он может напечатать в Chroniques (Le Roseau d'or). Для меня вся трудность – переводчик» (Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №2. С.164. №167). Французские переводы ремизовских легенд и в самом деле были опубликованы в журнале Жака Маритэна (Le Roseau d'or. Oeuvres et chroniques. 1927. №20; 1930. №9). Перевода Мирского среди них нет.

⁴ Ремизов дает правильный текст этого места в письме к Шестову от 10 июля 1926 (Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №2. С.160).

42

10.6 <19>27
17 Gower St. London WS 1

Дорогой Алексей Михайлович,
ужасно рад был получить *Олю*¹. Читаю новые главы². Видел перевод Вроупа в Календаре³.

К Вам собирается зайти проездом через Париж Нью-Йоркский профессор Дана, который едет в Москву⁴. Очень симпатичный, полу-коммунист, но очень смирный.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Искренно преданный

ДС Мирский

¹ Ремизов А. Оля / С рис. В.Н.Скоропадского <С.П.Ремизовой>. Париж: Вол, 1927. Повесть написана на материале биографии С.П.Ремизовой-Довгелло. См. письмо к Шестову, без даты: «Оставляю тебе книгу “Оля”, изд<анную> “самоотверженным издателем” без гонорара. 1000 экз<емпляров>. И за это благодарен: в книге соединены 3 части повести» (Переписка Шестова с Ремизовым. 1994. №2. С.166).

² Книга состоит из двух (а не трех, как пишет Ремизов Шестову) частей: «В поле блакитном» и «С огненной пастью». Тексты первой части (за исключением рассказа «Доля») были ранее опубликованы отдельным изданием: Ремизов А. В поле блакитном. Берлин, 1922. Цикл «С огненной пастью» публиковался прежде в пражском журнале «Воля России» (1924. №14–19; 1925. №2, 3). Вторая часть повести «Оля» впоследствии была целиком включена в кн.: Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952.

³ *Remizov A. The Burning / Transl. Alec Brown // The Calendar of Modern Letters. 1927 (April).* Перевод рассказа «Пожар» из книги: Ремизов А. Зга: Волшебные рассказы. Прага, 1925 (впервые: Золотое руно. 1906. №4).

⁴ Henry Wadsworth Longfellow Dana (1881–1950) – потомок американских писателей Richard Henry Dana и H.W. Longfellow, которым он посвятил ряд своих работ, специалист по европейскому театру, особенно русскому; позже автор работ: «A Handbook of Soviet Drama» (1938); «Drama in Wartime Russia» (1943) и «Seven Soviet Plays» (1948).

43

9.9 <19>27

Дорогой Алексей Михайлович,

только что вернулся из странствий (из дальних странствий возвратятся и т. д.)¹. Если Вам это не неудобно, буду у Вас вечером в воскресенье (11-го).

Искренно преданный

ДС Мирский

¹ В августе Мирский гостил у княгини Бассиано (о ней см. ниже, письмо 46) и участвовал в литературной декаде в Понтины; см. письмо к Сувчинскому от 1 сентября 1927 (Mirsky – Suvchinskii. P.89). Цитируется вторая строка басни Крылова «Лжец»: «Какой-то дворянин (а может быть, и князь)…».

44

17 Gower St. WC 1

2.12 <19>27

Дорогой Алексей Михайлович,

простите, что так долго не отвечал. Ваше письмо куда-то завалилось, и никак не мог его отыскать, сегодня случайно нашел. Видите, какие у меня порядки варяжские. У Wishart'a я никого не знаю, – <они> мне книжку прислали¹. Я думаю, лучше всего Вам прямо к

ним и написать – попытка не пытка. О Борисе Годунове наведу справки и Вам доложу.

Это ужасно, что Вас с квартиры гонят². Как Вы устраиваетесь. Надеюсь, что письмо это еще Вас застанет. Fiabe russe переведены как будто не плохо, сколько понимаю по-италиански³. А что Василий Андреевич на том свете скажет, уже не знаю⁴.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Искренно Вам преданный

ДС Мирский

¹ Вероятно, имеется в виду перевод на английский язык ремизовских повестей «Пятая язва» и «Неумный бубен», сделанный А.Брауном и выпущенный лондонским издательством «Wishart & Co» в 1927. См. также письмо 24, примеч. 1. См. также рецензию Мирского: *The Slavonic Review*. Vol.7. 1929. №20 (January). P.457-458. Речь идет, по-видимому, об авторском гонораре за книгу: за перевод Браун получил 50 фунтов стерлингов, тогда как Ремизову было заплачено только 15 фунтов и 15 шиллингов. См.: *Неизвестные письма Д.П.Святополка-Мирского...* С.353, примеч. 18.

² О переменах квартир в конце 1920-х см.: *Резникова Н.В.* Огненная память. С.91-92.

³ Речь идет об итальянском изд.: *Jukovsky V.A. e Remizov A. Fiabe russe / Trad. Raja Pirola Pomerantz. Milano: A.Barion, 1927.*

⁴ В своей «Истории русской литературы с древнейших времен по 1925 г.» Мирский особенно выделяет Жуковского как переводчика:

Один из курьезов истории литературы: этот первый и в течение долгого времени самый личностный, самый субъективный русский поэт был почти исключительно переводчиком. <...> характерно для Жуковского то, что даже <его> лирика имеет источником иностранную поэзию. <...> Жуковский переводил романтиков, предромантиков и даже классиков немецкой и английской поэзии. Его любимцами в Германии были Уланд и Шиллер, чьи греческие баллады (*Торжество победителей* и др.) стали благодаря Жуковскому такой же, если не большей, классикой в России, как и в Германии. <...> После всего, что я говорил о величайшем и безупречном мастерстве Жуковского в русском стихе, вряд ли кого удивит, если я добавлю, что некоторые его переводы английских современников (из которых никто не принадлежал к великим мастерам) часто превосходят оригиналы. <...> главным трудом его старости стал перевод *Одиссеи*, законченный в 1847 г. Хотя он и не знал греческого и переводил Гомера с немецкого подстрочника, это шедевр точности и достоверности. <...> Оба русских Гомера счастливо дополняют друг друга, и если *Илиада* Гнедича – наше крупнейшее достижение в высокой манере, то *Одиссея* Жуковского остается непревзойденной как героическая идиллия.

(с.126-129)

Дорогой Алексей Михайлович, все не могу получить ясного ответа. Написал в самой категорической форме. Ответа еще нету. Когда будет, напишу. Искренне преданный

ДС Мирский

¹ Помета Ремизова: «из Англии; 2.5.28». Речь в письме идет о проблемах, связанных с переводом и публикацией на французском языке ремизовской «Повести о Иване Семеновиче Стратилатове» («Неуемный бубен»). В 1940-е, разбирая свою переписку, Ремизов выделил письма, помещенные у нас под номерами 45, 46, 51, 52, в особый альбом (1940–1948), на котором написал:

А Ремизов
4 X1948 <+ монограмма>
Paris

История «Стратилатова»

как по одному этому случаю все раскрывается: концов не найти: одна фальшь. И эта ложь – это душа, и вот сейчас полюбуйтесь!

1940.12.VII
взорвало и один
горький пепел –
без штанов с
подбитой мордой

Первой в этом альбоме шла открытка от П.П.Сувчинского, помеченная Ремизовым: «12.III.1928»; слово «Стратилатова» подчеркнуто Ремизовым красным карандашом:

Дорогой Алексей Михайлович, Сегодня узнал, что Сотничек будет переводить *Стратилатова*. Спешу сообщить Вам эту радостную новость, но пока, пожалуйста, пусть это останется между нами. Надеюсь, что перемены не будет. Сердечный привет Сер<афиме> Павл<овне>.

Всегда преданный

П.Сувчинский

Таким образом, много лет спустя Ремизов составил альбом, чтобы продокументировать несостоявшуюся публикацию французского перевода этой своей повести в модернистском парижском журнале «Commerce».

Вероятно, этот эпизод заставил его вспомнить трудности первой публикации повести (1909–1910), а затем необъяснимые осложнения, продолжавшиеся с конца 1924 по конец 1926, с публикацией этого произведения в английском переводе Алека Брауна (см. об этом письма 13, 14, 24, 31, 44).

Автор и его повесть «Неуемный бубен» как будто были хорошо приняты на чтении в присутствии таких величин, как В.Иванов, Ф.Зелинский, И.Анненский, М.Волошин, Н.Гумилев, М.Кузмин, Ф.Сологуб, А.Блок, С.Ауслендер, Ю.Верховский, А.Белый. Хотя чтение повести было устроено по инициативе редакции «Аполлона», нового в то время петербургского

ежемесячника, печатать ее редактор С.К.Маковский отказался. (См.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С.31-33.) Возможно, Маковский и его редакционная коллегия не хотели включаться в полемику вокруг В.Розанова, явного прототипа протагониста Стратилатова. Другой причиной могло быть их нежелание иметь дело – особенно в то время – с «именем спорным» Ремизова. Эта неудача была тяжела для Ремизова, так как он надеялся публикацией в ведущем столичном журнале, хотя бы частично, восстановить свою репутацию, пострадавшую в связи с публичным обвинением в плагиате. (Об истории с плагиатом см.: Там же. С.20-30; а также вступит. ст. и примеч. Е.Р.Обатниной и прилож. к публ.: Письма М.М.Пришвина к А.М.Ремизову // *Русская литература.* 1995. №3. С.157-209; коммент. А.Грачевой к тексту «Подстриженными глазами» в изд.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т.8. С.583.) Года два спустя Ремизов опубликовал повесть в менее значительном и влиятельном «Альманахе для всех» (1910. Кн.1). Повесть также вошла в первый том собрания его сочинений (1910), а затем была перепечатана под новым названием уже за границей: *Ремизов А.* Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове; Неумный бубен. Берлин: Русское творчество, 1922.

Почти через 20 лет вновь возникли трудности с этой повестью, а с ними ощущение несправедливости и обойденности, надо признать, необоснованное, так как в деле публикации его произведений, и в оригинале, и в переводах, принимали усердное участие многие, в том числе Мирский, Сувчинский, Вильямс, Браун.

46

<4 мая 1928>

Дорогой Алексей Михайлович, кн<ягиня> Бассиано¹ просит приступить к переводу. Так что дело в шляпе.

Искренно Ваш

ДС Мирский

4.5²

¹ Речь идет о меценатке и издательнице журнала «Commerce» Marguerite Caetani, principessa di Bassiano (урожд. Margaret Chapin; 1882–1963). О ней и ее «воскресеньях» для сотрудников журнала на версальской вилле см.: *Iswoolsky H.* No Time to Grieve... An Autobiographical Journey. Philadelphia, 1985. P.165-170. См. также: *Armani A.S.* Un anneau de Corail. Lettere di Paul Valéry a Marguerite e Roffredo Caetani. Roma, 1986.

«Commerce» – французский журнал, редактировавшийся литераторами Paul Valéry, Léon-Paul Fargue, Valéry Larbaud; Мирский был консультантом по русской литературе. См.: *Levie S.* Commerce, 1924–1932. Une revue Internationale moderniste. Roma, 1989. См. краткую заметку Мирского об этой «цитадели французской литературной культуры, не старой академической, а живой, современной»: *Святополк-Мирский Д., кн.* Критические заметки // Версты. 1928. №3. С.160. О возможном «амальгамировании» двух журналов, «Верст» и «Commerce», см. письмо Мирского к Сувчинскому от 31 октября 1926 (Mirsky – Suvchinskii. P.64).

В журнале была опубликована статья Мирского о Пушкине: *Mirsky D.S. Sur Pouchkine // Commerce. 1928. Т.16. Р.83-97*; перевод Мирского (совместно с G.Limbour) повести Мандельштама «Египетская марка»: *Mandelstam O. Le timbre egyptien // Ibid. 1930. Т.24. Р.119-168*. О намерении Мирского перевести «Детство Люверс» Пастернака для журнала см.: *Флейшман Л. Из Пастернаковской переписки // Slavica Hierosolymitana. 1981. Vol.5-6. С.535-541*.

² Помета Ремизова: «4.5.28».

47

13.11 <19>28

17 Gower St. London WC 1

Дорогой Алексей Михайлович,

очень благодарен Вам за *Иштенитейлет*, хотя я ни слова по-угорски не понимаю¹. Что же касается до Marcel Brion², лишнего экземпляра моей книги у меня нет; да я думаю, что ему ничего не поможет: только что стал было читать его книгу об Атилле³ – такая же ералаш <так!>. Это у него, видно, природное.

Получил от Коновалова⁴ Ваше о *Чудесном у Толстого*⁵ с двумя английскими переводами (его учеников). Будет помещено в Толстовском приложении к *Slavonic Review* (Декабрь)⁶. Недавно ездил в Кембридж на собрание в память Miss Harrison – очень хорошо почитили ее⁷. Надежда Васильевна читала Притчи Соломона. На днях выходит Евразия с моими статьями о Толстом, о Хувере и о Багрицком⁸.

В декабре надеюсь быть в Париже и у Вас на Пор-Рояле⁹.

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Искренне Ваш

ДС Мирский

¹ Имеется в виду венгерский перевод сборника «Зга. Волшебные рассказы» (Прага, 1925): *Remizov A. Istenitélet. Rejtelmes történetek. Gyoma, 1928.* (Переводчик – Hugó Naiman.)

² Marcel Brion (1895–1984) – известный французский литератор, романист, биограф, искусствовед; о нем см. в кн.: *Marcel Brion: Humaniste et «passeur».* Paris: Albin Michel, 1996.

³ *Brion M. La Vie d'Atilla.* Paris: Gallimard, 1928.

⁴ Сергей Александрович Коновалов (1899–1982) – историк и славист, лектор русского языка и литературы Бирмингемского и Оксфордского университетов.

⁵ Первая публикация в русском оригинале: *Ремизов А. Чудесная Россия. Памяти Льва Толстого // Москва (Чикаго). 1929. №5. С.8.*

⁶ *Remizov A. The Miraculous in Tolstoy / Ed. by Prince D.S.Mirsky // The Slavonic Review. Vol.7. 1929. №20 (January). Tolstoy Centenary Supplement. P.473-474.*

⁷ Дж. Э.Харрисон скончалась 15 апреля 1928. См. некролог: *Mirsky D.S. Jane Ellen Harrison // Ibid. P.414-416*. Мирский посвятил ей свою вторую книгу о русской литературе, «History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoevsky» (1927). 27 октября 1928 первую лекцию в ее память читал известный ученый-классик Гильберт Мэрри (Gilbert Murray); вторую, в 1929, читал Мирский, см.: *Mirsky D.S. Jane Ellen Harrison and Russia (Jane Ellen Harrison Memorial Lecture, №2)*. Cambridge: W.Heffer & Sons Ltd., 1930.

⁸ Еженедельник по вопросам культуры и политики «Евразия» (редколлегия: Карсавин, Лурье, Святополк-Мирский, Сувчинский, Эфрон и др.) выходил с 24 ноября 1928 по 7 сентября 1929. Здесь имеются в виду следующие статьи: *Святополк-Мирский Д.* 1) О Толстом. 1828–1928 // *Евразия*. 1928. №1, 24 ноября. С.6-7; 2) Э.Г.Багрицкий. Юго-запад // Там же. С.8; 3) Избрание Хувера // Там же. №2. 1 декабря. С.5.

В ремизовском архиве сохранилась вырезка из «Евразии». В ней между прочим Мирский пишет:

Ремизов только подводит итоги созданному еще в России. Даже Ходасевич ничего не прибавил, по существу, к стихам 1918–<19>21 гг. Единственное действительное исключение – Марина Цветаева, которая именно в эмиграции дала всю меру своей гениальной силы (Поэма Конца, Поэма Горы, После России), – но она особенно мало типична для эмигрантской литературы и какие у нее есть точки соприкосновения с другими поэтами современности – все в Москве (Пастернак, Маяковский). Эмигрантская литература почти и не считает ее за свою.

(Святополк-Мирский Д. Заметки об эмигрантской литературе // Там же. 1929. 5 января. С.6-7)

⁹ С ноября 1928 до мая 1930 Ремизовы жили на бульваре Пор Рояль (11, Bd. Port-Royal). На первом этаже дома был расположен кинематограф.

48

17 Gower St. London WC 1
27.1 <19>29

Дорогой Алексей Михайлович,
получил и прочел, теперь всю, Соломонию¹. Очень страшная вещь. Боюсь ее предлагать и в Slavonic Review и не знаю, что с ней еще делать. Здесь нам не Франция. Разве что поговорить с Путерманом, который, кажется, хочет заделаться английским издателем².

Почтительнейший привет Серафиме Павловне.

Искренне Ваш

ДС Мирский

¹ Вероятно, речь идет о рукописи или о корректуре; см. публ.: *Ремизов А. Русская повесть 17-го века о бесноватой Соломонии – по записи устюжского попа Иакова 1671 г... // Воля России. 1929. Май–июнь. С.3-23*. Повесть позже включена в изд.: *Ремизов А. Бесноватые. Савва Грудцын и*

Соломония. Париж: Оплешник, 1951. С.64-90; перепеч.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т.6: Лимонарь. С.341-360.

² Иосиф Ефимович Путерман (1885–1940) – французский журналист и издатель; в Лондоне администратор издательства «Blackmoor Press», главный редактор которого – Мирский.

49

23.2 <1929>¹

Дорогой Алексей Михайлович, одновременно посылаю Соломонии. Очень сожалею, что ничего не мог сделать, – но, право, уж такие англичане.

Искренно Ваш

ДС Мирский

А вещь потрясающая!

¹ Датируется по почтовому штемпелю: 24.2.29.

50

17 Gower St. WC 1
11.5<19>29

Дорогой Алексей Михайлович, письмо это Вам передаст г. Добби Бейтман, мой бывший ученик, который едет в Париж изучать русскую общественность и прочее¹. Очень его Вам рекомендую. Он говорит по-русски совсем хорошо.

Искренно преданный

ДС Мирский

¹ Р.Ф.Добби-Бейтман (Rev. Fitzroy Dobbie-Bateman; 1897–1974) – оксфордский студент (Wadham College), на государственной службе в 1923–1952 (тогда, вероятно, и занимался русским языком с Мирским). Позднее он служил в разных приходах, интересовался русским православием. Опубликовал ряд работ о Серафиме Саровском: *St. Seraphim of Sarov: Concerning the Aims of the Christian Life* (London, 1936); *The Return of St. Seraphim* (London, 1970). Его работа о преп. Серафиме перепеч. в кн.: *Fedotov G.P. A Treasury of Russian Spirituality*. London, 1970. Ср. письмо Мирского к Сувчинскому с той же датой (Mirsky – Suvchinskii).

В Амхерсте сохранилось несколько восторженных писем Добби-Бейтмана к Ремизову; см., например, письмо от 2 июня 1929 из Лондона, где он употребляет «сочленность именную – парность имен», наподобие ремизовской «Кукхи» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. С.56):

...какая моя ловля в Парижской России.

Коковцев – Керенский
Митрополит – Милюков
Отец Сергей – Маклаков
Карташев – Церетели
Гучков (шесть) – Сувчинский (пять)
Алексей Михайлович
Серафима Павловна

Вот живой образ Волшебной России...
 и какие мечты
 Аввакум и Розанов
 Царь его же Вы тезка
 Морозовы
 Гоголь (да какие мечты)
 Москва (с Мариной Цветаевой)
 Великий Устюг (с Соломонией)

наконец

Русь и Запад

...от Вас моя жалованная грамота <...>

Искренно Ваш

Василий Иванович

51

у Сувчинского¹
 13.7<19>29

Дорогой Алексей Михайлович,

на Ваше письмо о *Стратилатове* я отвечу через несколько дней (очень скоро), когда все выяснится. Надеюсь, что дело примет не совсем плохой оборот, но имейте в виду, что мои возможности в этих отношениях далеко не безграничны². Что же касается мамелюков, там было много всяких людей с Черного моря, были и половцы, и черкесы, и аланы (осетины), но грузинский элемент определенно преобладал³. (См. любую историю Египта в средние века и новое время).

Искренно преданный Вам

ДС Мирский

Завтра уезжаю в Савойю⁴.

¹ Адрес Сувчинского: 26, rue Paul Bert, Clamart.

² Речь идет о возможной публикации французского перевода повести «Неуемный бубен» в журнале «Commerce». См. об этом письма 45 и 46.

³ Этот маленький урок истории, видимо, связан с циклом статей Мирского под заглавием «Национальности СССР», опубликованных в «Евразии» с 20 апреля по 7 сентября 1929.

⁴ С 8 по 31 июля Мирский отдыхал в Talloires (Lac d'Annecy), Megève, Chamonix, Lyon. См. его письма к Сувчинскому от 25–27 июля 1929 (Mirsky – Suvchinskii).

52

1 сент<ября 19>29
 102 rue de l'Union
 Clamart¹

Дорогой Алексей Михайлович,

я чувствую себя очень виноватым перед Вами, но, ей Богу, без моей вины. Я неоднократно с конца июля писал Бассианихе¹, она

просто не отвечает. Лучше всего, если Mlle Etard опять наведается к Alix Guillain, которой, м<ожет> б<ыть>, ответят³. Я совершенно разделяю Ваше возмущение этим делом.

Искренно преданный

Вам ДС Мирский

¹ Адрес редакции журнала «Евразия».

² Marguerite Caetani, principessa di Bassiano; см. о ней примеч. 1 к письму 46.

³ Madeleine Etard, Alix Guillain – переводчицы, сотрудницы журнала «Commerce». Ср. неопубликованное письмо Сувчинского к Ремизову от 6 августа 1929:

Дорогой Алексей Михайлович,

Вы меня вдвойне огорчили: известием, что из первоначального плана дать в Commerce ряд Ваших рассказов в конце концов вышло так мало проку, и тем, что – как мне показалось – Вы в чем-то вините меня.

Вот этапы этого дела: я лично говорил с кн<ягиней> Бассиано о Вас, и она заинтересовалась; я лично передал книги Гротхейзену и переводил с его знакомой «коммунисткой» (Alix Guillain. – Р.Х.) несколько рассказов, чтобы дать ему представление о них; я лично несколько раз спрашивал у кн<ягини> Бассиано о судьбе переданных книг, и она каждый раз отвечала, что они «в работе» и проч.

Речь всегда шла, насколько я знаю, о печатании серии рассказов. Говорю Вам обстоятельно на основании слов Гротхейзена и самой кн<ягини> Бассиано.

Что произошло в дальнейшем – я не знаю, т. к. давно не был у Бассиано. Правда, я ни в чем не виновен и хотел и хочу сделать только лучше!..

В понедельник разужнаю все у Д<митрия> П<етровича> Святополка-Мирского> и тогда сообщу Вам.

Сердечный привет Серафиме Павловне.

Преданный Вам

П.Сувчинский
(Amherst)

Дорогой Алексей Михайлович, Ваша открытка дошла до меня только здесь, по возвращении моем из Праги¹. Ваше предположение о причине ненапечатания <нрзб.>, конечно, совершенно несправедлив<о>. Вообще все стараются как могут, чтобы *Стр<атилатов>* был напечатан в наиболее выгодных для Вас условиях. Если Вы хотите, чтобы перестали стараться, напишите Alix Guillain, чтобы Вам вернули рукопись.

Искренно преданный

ДСМ

¹ С конца сентября по середину октября 1929 Мирский был в Вене у кн. Н.С.Трубецкого и в Праге у П.Н.Савицкого. Им обоим Мирский выражает признательность в кн.: *Mirsky D.S. Russia. A Social History*. London, 1931. См. письмо Мирского от 19 августа 1929 к С.Н.Гальперн и примеч. к нему: *Davies R., Smith G.S. D.S.Mirsky: Twenty-Two Letters...* P.108.

54

19.XI <1929>

Дорогой Алексей Михайлович, очень благодарю Вас за *Крестовых сестер*¹ и за *Карнизы*². О них будут маленькие заметки в *SI<avonic> Review*³. Здесь Brown⁴.

Искренно преданный Вам

ДС Мирский

¹ Вероятно, речь идет о французском переводе романа «Крестовые сестры» (1910): *Remizov A. Les Souers en Crois / Traduit du russe, avec une introduction par Robert Vivier*. Paris: Rieder, 1929.

² *Ремизов А.* По карнизам: Повесть. Белград: Изд-во «Русская библиотека», 1929.

³ См. аннотированный список полученных книг (без подписи): An annotated list of Russian books received // *The Slavonic Review*. Vol.8. 1929. №23 (December). P.463-464.

⁴ Имеется в виду Алек Браун – см. о нем письма 8, 13, 14, 31. Он же – переводчик книги Мирского «Интеллидженция» (1934): *Mirsky D. The Intelligentsia of Great Britain / Transl. by Alec Brown*. London, 1935.

СТО ПИСЕМ ГЕОРГИЯ АДАМОВИЧА К ЮРИЮ ИВАСКУ (1935–1961)

Предисловие, публикация и комментарии Н.А.Богомолова

Всего этих писем 198 – так подсчитал сам адресат. Конечно, было бы весьма полезно напечатать их в полном объеме, да еще и с сохранившимися копиями сравнительно немногих писем Иваска, как диктуют требования научной ответственности. Однако мы ограничились лишь половиной, и причины этого нуждаются в объяснении не в меньшей степени, чем рассказ о корреспондентах.

Собственно говоря, вряд ли от нас требуется особое представление Г.В.Адамовича. Сам факт того, что в России продолжается издание много-томного собрания его сочинений, переводит поэта, эссеиста и в первую очередь литературного критика в разряд если не классиков (слишком уж он изменчив и многолик), то авторов, известных всем и каждому.

Его же эпистолярный корреспондент Юрий Павлович Иваск (1907–1986), хотя и не относится к числу писателей вовсе забытых, все же и не обладает особой популярностью у русского читателя. Книги его стихов не издаются, статьи остаются разбросанными по страницам журналов русского зарубежья, исследования не переводятся, и не слишком велика вероятность, что он непременно сделается тем явлением, которое органически входит в активный фонд нашей культуры.

Меж тем место Иваска в истории зарубежной литературы оказывается весьма значительным: на основании его писем Зинаида Гиппиус делала выводы о состоянии умов русской молодежи, оказавшейся в эмиграции; он был чрезвычайно активен при издании таллинских сборников «Новь» еще в 1930-е; он открывал читателю русского зарубежья Леонтьева и Розанова, Цветаеву (с его предисловием был впервые напечатан «Лебединый стан») и Комаровского; под его редакцией выходил один из наиболее изысканных журналов русской эмиграции – «Опыт»; цикл статей «Похвала российской поэзии», до сих пор не изданный отдельной книгой, – очень яркий очерк истории русского стихотворного искусства.

Однако само по себе стихотворчество Иваска – а он себя считал, как это обычно в таких ситуациях и бывает, прежде всего поэтом, – как правило, не вызывает большого энтузиазма у читателей (хотя у него есть и преданные поклонники); статьям и книгам о литературе все время как будто чего-то не хватает, и даже сразу не скажешь, чего именно; издания довольно быстро устаревали и становились интересны лишь ученым, но не читателям...

Кажется, отчасти это объясняется особым свойством его характера. Поэт Игорь Чиннов, друживший с Иваском более полувека, вспоминал о первом письме, «сумбурном, но интереснейшем»¹. Вот эта сумбурность, особенно бросающаяся в глаза тому, кто получит возможность покопаться в архиве Иваска, во многом определяет не только внешний облик его бумаг, словно бы пренебрегающих правилами приличия: написанных, как заметил Адамович, «куриной лапой» или пестрящих опечатками, с пропусками слов, и не только служебных, если напечатаны на машинке... И то же самое чувствуется во всем строе ивасковского творчества: очаровывающая, непосредственная заинтересованность в предмете исследования накладывается на случайность ассоциаций и кричащее непонимание, а стихи то и дело срываются в небрежности, ничем не оправдываемые. Надо быть уж очень пристрастным, чтобы любить творчество Иваска во всех его изгибах и переливах, но трудно не заинтересоваться им как энтузиастом русской поэзии.

И как эпистолярный собеседник, вызывающий корреспондентов на откровения, и как хранитель предания Иваск бывает интересен настолько, что ему охотно прощаешь все остальное. Видимо, отчасти это объяснялось теми же свойствами характера: то, что являлось недостатками для систематической работы и творчества, становилось достоинствами в общении. Человек, вызывающий симпатию, провоцирует особую откровенность, и потому через письма к Иваску раскрываются самые разные люди.

Из его постоянных корреспондентов Адамович, конечно, занимает особое место – не только по длительности переписки и объему писем, но и по той роли, которую играл в истории русской литературы. Мы знаем (хотя и не имели возможности ознакомиться), что значительные подборки писем своих корреспондентов Иваск передал в архив Йельского университета, но самые большие из них – 87 писем С.К.Маковского, 61 – К.К.Гершельмана, 56 – В.В.Вейдле, 21 – Ф.Степуна, 19 – И.Одоевцевой, 17 – Г.Иванова (список может быть продолжен) хранятся в Русском центре Амхерст-колледжа. Но 198 писем! – ничего подобного более нет.

Когда-то Иваск написал статью о литературных архивах русских эмигрантов². Теперь и его собственный архив, хранящийся в городке, где Иваск провел последние годы жизни, стал одним из самых заметных хранилищ русских литературных материалов в США.

Теперь попытаемся объяснить, почему мы отказались от идеи публиковать переписку целиком.

¹ Чиннов И. Собр. соч.: В 2 т. М., 2002. Т.2. С.121.

² Иваск Ю. Эмигрантские литературные архивы // Русская мысль. 1958. 5 июня; *Ivask G. Literary Archives of the Russian Emigrés // The Slavonic and East European Journal. Vol. 17. 1959. P.137-143.*

Безусловно, прежде всего потому, что такой объем материала превысил бы силы публикатора. Но вместе с тем есть и причина более серьезная: письма этого десятилетия (99 из 100 написаны между 1952 и 1961) особенно насыщены литературным материалом и пронизаны одной главной темой – судьбой журнала «Опыты», где Иваск был сначала одним из ближайших сотрудников, а затем и главным редактором.

Как видно из публикуемых ниже писем, Адамович придавал этому журналу чрезвычайно важное значение, видя его единственным изданием русской эмиграции, которое в 1950-е оказалось в состоянии поддерживать самый высокий уровень интеллектуальной культуры. Конечно, и к «Опытам» у привередливого Адамовича претензий было немало, но все же сама функция журнала представлялась необыкновенно важной, особенно на фоне бездарной советской литературы этой же эпохи. Характерно, что Адамович в этот период словно вообще перестает интересоваться тем, что делается в литературе метрополии, полностью переключаясь на литературные проблемы диаспоры³. Книга «Одиночество и свобода» и сотрудничество с «Опытами», настолько интенсивное, что весь журнал склонны были называть его органом, стали основным делом Адамовича на протяжении практически всех 1950-х. Письма насыщены в первую очередь внутренними делами журнала: круг реальных и потенциальных авторов, планы новых разделов, обсуждение собственных задач. Когда стало ясно, что журнал прекращается, еще какое-то время обсуждаются возможности найти нового мецената, – и это тоже относится, конечно, к внутренней истории «Опытов».

Не будем перечислять другие, не столь значительные темы – хотя они временами бывают не менее интересны. Скажем только о том, что контраст между письмами этого периода и последующего порой бывает разительным. Адамович все больше и больше уходит в собственные переживания, его одолевают (и становятся постоянной темой) различные хвори, а литература постепенно отходит на второй план. Из явления культуры, нуждающегося в опубликовании, письма все более переходят в разряд интимных.

Письма Г.В.Адамовича к Ю.П.Иваску публикуются по оригиналам, хранящимся в: Amherst Center for Russian Culture. G.Ivask Papers. Box 1. Folders 2-3 (в дальнейшем – Amherst, с указанием номера коробки и папки, в которой они находятся). Публикатор выражает свою признательность Институту «Открытое общество» за предоставление гранта для работы в архиве, директору Центра проф. С.Рабиновичу за неизменную помощь в работе, а также всем коллегам, способствовавшим в поиске, и особенно О.А.Коростелеву и Л.А.Мнухину.

В то же время необходимо отметить, что сколько-нибудь полные комплекты газет «Русская мысль» и «Новое русское слово» за 1950-е и начало 1960-х отсутствуют в российских библиотеках, а воспользоваться фондами зарубежных библиотек удалось лишь в незначительной степени. Поэтому в комментарии есть несколько лакун, которые могут быть заполнены лишь при обращении к этим источникам.

³ См.: *Богомолов Н.А.* Литература метрополии и диаспоры в воззрениях Г.В.Адамовича 1950-х и начала 1960-х годов (По неизданным письмам) // *Филологические науки.* 2003. №1. С.71-80.

Список используемых сокращений:

НЖ – «Новый журнал» (Нью-Йорк).

НРС – газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

Оп. – журнал «Опыты» (Нью-Йорк).

Письма Адамовича – Письма Георгия Адамовича (В.Рудневу, А.Гингеру, А.Присмановой, М.Цетлиной, С.Прегель) / Публ. и прим. В.Крейда // Новый журнал. 1994. №194. С.257-319.

Письма к Маркову – Ivanov Georgij / Odojevceva Irina. Briefe an Vladimir Markov. 1955–1958 / Mit einer Einleitung herausgegeben von Hans Rothe. Köln; Weimar; Wien, 1994.

Письма Терапиано – «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966) / Публ. О.А.Короствелева и Ж.Шерона // Минувшее: Исторический альманах. Вып.24. СПб., 1998. С.240-378.

Письма к Чиннову – Из писем Георгия Адамовича Игорю Чиннову / Публ. М.Миллер // НЖ. 1989. КН.175. С.246-262.

PM – газета «Русская мысль» (Париж).

CASS – Canadian American Slavic Studies. 2003. Vol.37. №1-2.

Часто повторяющиеся в письмах адреса Адамовича указываются только при первом их появлении, далее заменяются пометой в угловых скобках <Адрес> или, если непонятно из контекста, названием города: <Манчестер>, <Париж>, <Ницца>.

1

Многоуважаемый Юрий Павлович

Насчет Гронского: лучше всего Вам было бы обратиться к его отцу, который все о нем Вам расскажет и, вероятно, пришлет и портрет его. Адрес: M. Gronsky, 45 rue des Galons, *Meudon* (S. et O.). France. Зовут его Павел Павлович. Если хотите, можете сослаться на меня. Он чтит память сына и собирается издать его стихи¹.

Близко знала покойного Гронского Марина Цветаева². К сожалению, у меня нет под рукой ее адреса (где-то тоже в Медоне, под Парижем). Я его знал совсем мало – и не могу ничем Вам быть полезным.

Очень рад случаю послать Вам привет. Меня давно интересуют Ваши писания, а то, что Вы написали в последней «Нови», запомнилось особенно³. Хорошо было бы, если бы Вы писали (вернее – печатали) побольше. У нас всюду – да и не только у нас – такое очертание и оупение, что настоящий человеческий голос дорог.

Крепко жму Вашу руку.

Георгий Адамович

30 янв<аря> 1935

Nice (France)

6, avenue Gustave Nadaud

Cimiez

¹ Николай Павлович Гронский (1909–1934) – поэт, погибший незадолго до момента написания данного письма в парижском метро. Его отец П.П.Гронский (1883–1937) – известный историк права, сотрудник газеты «Последние новости». Обращение Иваска было вызвано тем, что поэма Гронского «Белладонна» появилась в печати с предисловием Адамовича (Последние новости. 1934. 9 декабря). Посмертная книга Гронского «Стихи и поэмы» вышла в 1936. Его стихи Иваск включил в антологию «На Западе» (о ней см. примеч. 3 к письму 2).

² М.Цветаева после смерти Гронского написала стихотворный цикл «Надгробие» и две критические статьи, чрезвычайно высоко оценивающие его творчество: «Поэт-альпинист» и «О книге Н.П.Гронского “Стихи и поэмы”» (см.: *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т.5. М., 1994. С.435-462). Состояла с Гронским в переписке (Там же. Т.7. М., 1995. С.198-233; обратные письма хранятся в РГАЛИ). См. также: *Морковин В.* «Крылатая и безрукая» (М.Цветаева и Н.Гронский) // Марина Цветаева: Труды 1-го международного симпозиума, Лозанна, 30.VI – 1.VII.1982. Верн, 1991. С.221-236; *Саакянц А.* Оползающая глыба: М.Цветаева и Н.Гронский // Мир России. 1993. №1. С.160-170. Судьба Гронского стала также одной из важных тем писем Цветаевой к Иваску (Адамович явно не знал, что они еще с 1930 состояли в переписке). См.: *Цветаева М.* Собр. соч. Т.7. С.394-419.

³ Имеется в виду ряд публикаций Иваска в: *Новь*: Сб.7. Таллин, 1934 (4 стихотворения, «Провинциальные записки», рецензии на 10-ю книгу «Чисел» и «Варшаву» Л.Гомолицкого).

2

26/VII-<19>52
G.Adamovitch
c/o Mme Lesell
4, avenue Emilia
Nice (A.M.) France

Дорогой Юрий Павлович

Спасибо за письмо. Я был вдвойне рад ему, т. к. все собирался Вам писать и почему-то не мог собраться! Чиннов¹ сначала, при встречах, все спрашивал: «Написали Иваску?» – а потом перестал и спрашивать. С письмами у меня всегда беда. Иногда лежит письмо без ответа месяц, лежит год, и отвечать уже поздно!

Благодарю Вас искренне за то, что Вы, по-видимому, не очень на меня обижены. А кроме того – за добрые отзывы в печати, которые мне дороги не по тщеславию (насколько могу судить, у меня его мало), а потому, что исходят они от человека, как Вы. Некоторые Ваши суждения о поэзии меня поражали остротой и глубиной понимания (напр<имер>, несколько строк о Штейгере), и среди ворохов вздора на такие же темы я не мог не ценить внимания, исходящего от Вас².

О Вашей антологии и выборе моих стихов³.

Делайте как знаете и берите что хотите. Отвечаете за выбор Вы, а не я, – значит, я не должен вмешиваться. Одна только просьба: не берите «За все, за все спасибо...»⁴. Эти стихи очень нравились Зин<аиде> Гиппиус, которая даже мне написала о них что-то вроде «старика Державина, сходящего в гроб...»⁵. Но меня они коробят. В них есть что-то слишком direct⁶, не воплотившееся в поэзию и оставшееся голой мыслью или чувством. А есть одно стихотворение, которое я люблю, хотя оно и не заслуживает любви: «Ну вот и кончено...». Но все это – на Ваше усмотрение.

А вот что необходимо отметить: в стихах «Нет, ты не говори...» (очень старые стихи, им лет 30!) есть чудовищная опечатка⁷. В сборнике моем «На Западе» напечатано:

Чтоб их в полубреду потом *твердил* влюбленный,
 Растерянно *твердил* на казнь приговоренный...

Два «твердил!» Во втором случае надо *шептал*, а не *твердил*. Я доверил корректуру своему приятелю М.Л.Кантору, очень опытному человеку, а ошибки оказались повсюду⁸.

Не совсем понял Ваших слов <так!> о «забытых поэтах». Я не знаю ведь Вашего списка, не знаю, значит, и того, забыли ли Вы кого-нибудь⁹.

Из тех, которые «начали печататься после войны», – Величковский, пожалуй, лучше других. Но еле-еле. У Щербакова бывают строчки, но и только. У Тамары Величковской все гладко, но тоже: и только!¹⁰ Я не знаю, каков размер Вашей антологии. По-моему, было бы хорошо все-таки взять этих троих, а не одного только Величковского. Иначе огорчений и обид будет столько, что никакая поэзия не искупит! Да и разницу в достоинствах придется разглядывать в микроскоп.

О Есенине, которого Вы – по Вашим словам – «не принимаете». Я его не принимал очень долго. А потом меня вдруг прельстила его непринужденность, вольный склад его поэзии: этого с такой естественностью не было у нас ни у кого, кроме Пушкина. Есенин в поэзии – «дома», делает что хочет, держится как хочет, без всякой позы. Сравните с Блоком. Конечно, Блок гораздо больше, но рядом с Есениным он почти всегда – литература, в дурном смысле. Есенин действительно прост, а это качество такое редкое, что трудно им не восхищаться. Когда-то Бицилли сделал удивительно меткое замечание, не помню где: Пушкин – единственный писатель, который в стихах свободнее, чем в прозе¹¹. Очень верно. Вот и Есенин свободен в стихах, а все другие сочиняют и пыжятся. У него, кстати, с Блоком то общее, что лучшие их стихи писаны будто в 5 часов утра, когда светает, а человек, протрезвившийся, видит правду, а не миражи; только Блок не бывает жалок, а Есенин именно жалок, на чем отчасти (и увы!) держится его слава.

Ну, кажется, письмо вышло длинное. Насчет приезда в Америку – я бы приехал охотно, но Кодрянский¹² мне недавно сказал, что если ехать весной, то о визе надо начать хлопотать теперь. А на это у меня нет энергии! Зимой я, вероятно, проведу в Англии, где, наподобие Вас, чему-то стараюсь учить студентов, которые не очень-то учиться склонны (им нужен язык, а не литература, которую им навязывают).

До свидания, кто знает, может быть, все-таки и в Америке. Крепко жму Вашу руку и шлю дружеский привет. Буду очень рад, если переписка наша на этих письмах не оборвется.

Искренно Ваш

Георгий Адамович

Я в Ницце до 10-го сентября.

¹ Игорь Владимирович Чиннов (1909–1996) – поэт, друживший и с Адамовичем, и с Иваском (см., например, рецензии последнего на сборники Чиннова «Монолог» (НЖ. 1951. Кн.25. С.300) и «Метафоры» (Slavic Review. 1969. Vol.28, №4. P.686-687). До 1953 жил в Париже, потом работал в Мюнхене на радиостанции «Освобождение» (см. далее в письмах). Письма Адамовича к Чиннову частично опубликованы (Письма к Чиннову); 12 писем для этой подборки предоставил сам Чиннов, ориентируясь на «широкого читателя»: никак не оговорив своих действий, он изъясил из писем большие куски, публикация которых в то время показалась ему нескромной, в ряде случаев обозначил фамилии лишь первыми буквами, некоторые письма составил из понравившихся ему фрагментов писем разных лет. Ниже цитаты из этих писем приводятся по оригиналу (РО ИМЛИ. Ф. И. Чиннов; выписки предоставлены О.А.Коростелевым). Некоторое количество писем Чиннова к Иваску см.: *Чиннов И.* Собр. соч. Т.2.

² Вероятно, Адамович имеет в виду статью Иваска «О послевоенной эмигрантской поэзии» (НЖ. 1950. Кн.23. С.195-214), где тот активно обсуждает и позицию Адамовича в современной литературе, и поэзию А.Штейгера. Однако речь может идти и о сводной рецензии Иваска «Новые сборники стихов» (Там же. 1951. №25. С.298-303), где разбиралась книга Штейгера «Дважды два четыре» (с.298-301).

³ Имеется в виду кн.: На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю.П.Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953 (на обложке Иваск представлен как автор книги). Из стихотворений Адамовича туда вошли: «Нет, ты не говори: поэзия – мечта...», «Ну вот и кончено теперь. Конеч...», «Один сказал: “Нам этой жизни мало”...», «Там, где-нибудь, когда-нибудь...», «Без отдыха дни и недели...», «По широким мостам... Но ведь мы все равно не успеем...», «Из голубого океана...», «Ночь... и к чему говорить о любви...». Отметим, что именно подборка стихов Адамовича была отмечена ценителями поэзии как удачная: «...отбор стихотворений тоже не ровный – у одних выбрано хорошо (м<ожет> б<ыть>, выбирали сами поэты, например, Адамович?), у других же плохо, небрежно, невнимательно» (см.: Письма Терапиано. С.252; письмо от 24 февраля 1954).

⁴ Имеется в виду стихотворение «За все, за все спасибо. За войну...» (впервые опубл.: Новый корабль. 1928. №4. С.3; вошло в сборник Адамови-

ча «На Западе» (Париж, 1939) и, вопреки выраженному здесь его мнению, в итоговый сборник стихов «Единство» (Нью-Йорк, 1967)).

⁵ Перефразировка цитаты из «Евгения Онегина» (гл. 8, II): «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил». Гиппиус писала Адамовичу по поводу упомянутого стихотворения в письме от 3 декабря 1928 (*Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius. München, 1972. P.384-385*) и в рецензии на сборник Адамовича «На Западе» (Последние новости. 1939. 9 марта). См. также комментарий О.А.Коростелева в кн.: *Адамович Г. Собр. соч. Т.1-6. Стихи, проза, переводы. СПб., 1999. С.481.*

⁶ Прямое (*франц.*).

⁷ Стихотворение было написано в 1919. Историю его создания со слов Адамовича описал Иваск (Недавно: Памяти Георгия Викторовича Адамовича // РМ. 1972. 16 марта; ср. также коммент. О.А.Коростелева в кн.: *Адамович Г. Стихи, проза, переводы. С.490*). Опечатка была Иваском исправлена (см. также письмо 4).

⁸ Михаил Львович Кантор (1884–1970) – поэт, критик, журналист, ближайший друг Адамовича на протяжении многих лет. См. о нем: Как составлялась антология «Якорь» / Публ. и коммент. Г.П.Струве // НЖ. 1972. Кн.107. С.222-254; К истории русской зарубежной литературы: О парижском журнале «Встречи». С приложением переписки двух редакторов / Предисл. и коммент. Г.П.Струве // Там же. 1973. №110. С.217-245; Из переписки З.Н.Гиппиус с М.Л.Кантором (1927–1936) / Публ. Г.П.Струве // Там же. №112. С.227-239; «...Наша культура, отраженная в капле...»: Письма И.Бунина, Д.Мережковского, З.Гиппиус и Г.Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923–1928) / Публ. О.А.Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.24. СПб., 1998. С.123-165.

⁹ Одной из внутренних целей антологии Иваска было представление не только широко известных поэтов русского рассеяния, но и тех, кто обычно не попадал в поле зрения читателей. Это вызвало далеко не однозначную реакцию (см. далее). Потому под «забытыми поэтами» он имел в виду не тех, кого упустил из виду, а ускользавших от внимания критики и читателей.

¹⁰ Анатолий Евгеньевич Величковский (1901–1981), Евгений Щербаков и Тамара Антоновна Величковская (1908–1990) – поэты. Стихи Величковских Иваск включил в свою антологию, а сборники А.Величковского «Лицом к лицу» и Т.Величковской «Белый посох» рецензировал (Оп. 1953. №1. С.198-199); книгу стихов Щербакова «Свет и камень» очень кратко рецензировал (НЖ. 1951. Кн.27. С.325), однако его стихи в антологию не взял.

¹¹ Вероятно, имеется в виду рецензия П.М.Бицилли на книгу В.В.Виноградова «Язык Пушкина» (Современные записки. 1935. Кн.59. С.478–478), в которой, кстати, сочувственно упоминается Адамович: «Пушкин был глубоко народный поэт по своему исключительному чутью органической связи разнородных по происхождению стихий общего русского языка <...> и мало кто умел с такою свободой, как он, использовать все эти стихи для своего собственного поэтического языка. Но эту свободу он проявлял преимущественно в лирике...» (цит. по.: *Бицилли П.М. Избранные труды*

по филологии. М., 1996. С.644). Более подробно это наблюдение было развито в большой статье Бицилли «Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка», опубликованной уже посмертно, после написания этого письма (см.: Там же. С.285-296, 324-325).

¹² Исаак Вениаминович Кодрянский – муж писательницы Н.В.Кодрянской. С 1940 Кодрянские жили в США, однако в послевоенные годы часто бывали во Франции.

3

26/X-1952
G.Adamovich
c/o Mrs Davies
104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Юрий Павлович

По-моему, я не ответил Вам еще на Ваше письмо (21 авг<уста>). А может быть, и ответил, не помню... Это вечная у меня история: кто кому не ответил, кто оборвал переписку? Но так как почти всегда бываю виноват я, то, думаю, и в данном случае так. Значит, простите за молчание.

Сейчас я перечел Ваше письмо. В нем так много на что мне хотелось бы ответить (или возразить), что я не знал бы и с чего начать. Беда, однако, в том, что Вы, конечно, не помните, о чем писали, – и ответы мои уже ни к чему. Хочу только сказать, что я не помню – или вовсе не читал – «Подлипков» (или «ок»?) К.Леонтьева¹, а по Вашей цитате оттуда – очень жалею об этом. Здесь его нет. У меня было когда-то собрание его сочинений, но давно, – я не помню даже заглавия такого у него, притом странно похожего на Решетникова². Насчет Толстого: что он его открыл, – Вы правы. Не открыл, м<о>жет> б<ыть>, но понял, как никто, хотя и только эстетически³. Меня всегда удивляло у Леонтьева его преклонение перед В.Соловьевым, который неизмеримо бледнее и водянистее его (кроме 2–3 статей, вроде «Смысла любви»). Но очевидно, в Соловьеве было что-то, чего не оказалось в его писаниях, а что современники чувствовали.

А вот что меня восхитило, это Ваше определение Есенина – «хвастливый плакса». Bravo! Гумилев говорил, что он безошибочно знает, когда ему попадают хорошие стихи, по чувству зависти: почему это не мои стихи! Вот я тоже что-то подобное испытал. Конечно, Есенин – плакса и хвастун. Но ведь вся Россия такова, вся наша литература, кроме 2–3 писателей, – в этом, и доводит хвастовство до того, что именно этим и гордится. Есенин это впитал, принял, не мог быть другим. Вы предпочитаете Маяковского. Пожалуй, у Маяковского было больше всяческих даров. Но Маяковский коммунист, а Есенин – нет. При всем его «хвастовстве» есть и большая скром-

ность в его поэзии, и хвастливость его скорей от отчаяния, что ничего не сделано и гордиться нечем. Это все очень русское, м<ожет> б<ыть>, не лучшее русское, но «коренное», и у Есенина подано с прямотою и доверчивостью, которая обескураживает. Мне кажется, что я понимаю Вашу брезгливость к этому (кажется, – но, м<ожет> б<ыть>, я и ошибаюсь), и я сам долго с ней не мог сладить.

Но это оттого, что мы сделали все, что могли, чтобы от русской слезливой грязи отделаться, и за нас, помимо нас, тут многое сделала история. У Грибоедова есть замечательная фраза: «Каким черным волшебством сделались мы чужими между своими?»⁴. Вот, это почти на эту же тему! Беда «интеллигенции» – а отчасти и счастье ее – в том, что в России ей многое чуждо, а кое-что – противно. Я говорю не о всей интеллигенции, а о том ее последнем звезде, последнем «выплеске», который связан с новой поэзией петербургски-эмигрантского толка, строя, даже, если угодно, знамени. Это островок в острове, отрыв в том, что уже и само было оторвано, а вокруг темное и чужое море. Но не будем отрекаться от своего острова, в нем есть смысл и значение, даже *назначение*, и я лично хотел бы только, чтобы в нем был «выдох» и сознание трагичности. Оттого меня к Есенину и тянет. Впрочем, не только от этого.

Ну, выходит не письмо – а трактат какой-то. Притом туманный. А еще я хотел написать Вам два слова о Бунине, но думаю, что Вам об этом писал Чиннов, с которым – как с Вашим другом – я об этом говорил. Бунин – человек вовсе не простой, но говорить с ним надо просто. Я не согласен с ним в принципе, будто авторы имеют в антологии право выбора и veto. Но если он так считает, сделайте для него исключение и не убеждайте его, что такое-то стихотворение лучше, другое хуже. *Ваших* доводов он и не поймет и не примет, у него доводы свои, ему 82 года, он считает себя большим поэтом и всегда настороже, когда речь о стихах, чувствуя, что его большим поэтом никто почти не признает. Ваши письма к нему (он мне говорил об одном) повергают его в недоумение. Убедить Вы его ни в чем не убедите. Примите с ним другой тон: наполовину как с Гомером, наполовину как с ребенком. Простите, что вмешиваюсь, это не мое дело, но поверьте – от лучших чувств⁵.

Насчет поэтов, которые вызывают у Вас сомнение, Вас лучше всегда может информировать Чиннов. Как это ни странно, надо быть на месте, чтобы знать, что X – не совсем бездарность, а Y – общее посмешище. В книгах это не всегда вполне заметно. Кое-какие из названных Вами имен – скорей из категории юмористики. Гронского я лично не люблю, но это, конечно, – не то. Его многие любят очень, им восхищалась Цветаева. Конечно, он нужен в антологии⁶.

До свидания. Очень жаль, что Вы так далеки и приходится ограничиваться письмами, да и то редкими. Что Вы делаете в Вашем

американском Кэмбридже?⁷ Т. е. о чем читаете? Я тоже занят лекциями и студентами, без упоения, но и без особой скуки. Хорошо то, что много свободного времени и можно, по совету Толстого, «подумать о душе».

Крепко жму Вашу руку, буду очень рад письму.

Ваш Г.Адамович.

¹ Речь идет о романе К.Н.Леонтьева (1831–1891) «Подлипки» (1861). Долгие годы Иваск занимался биографией и творчеством Леонтьева, написал о нем большую книгу «Константин Леонтьев» (частично была опубликована: Возрождение. 1961–1964. №118, 121, 124-131, 146-151); далее в письмах Адамович обсуждает начавшуюся публикацию. Книга вышла отдельным изданием (Bern; Frankfurt am Main, 1974), ныне переиздана в сб.: К.Н.Леонтьев: Pro et contra: Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей: В 2 т. Т.2. СПб., 1995. «Подлипкам» была посвящена отдельная статья Иваска: «Подлипки» К.Леонтьева // НЖ. 1955. Кн.40. С.142-152.

² Имеется в виду повесть Ф.М.Решетникова «Подлиповцы» (1864).

³ Речь идет о широко известной статье Леонтьева «Анализ, стиль и веяние: О романах гр. Л.Н.Толстого» (1891). См.: Бочаров С.Г. Эстетический трактат К.Леонтьева // Вопросы литературы. 1988. №12.

⁴ Из статьи «Загородная поездка» (в настоящее время ее принадлежность Грибоедову оспаривается). В оригинале читается: «...чужие между своими!» (Грибоедов А.С. Соч. М., 1988. С.383).

⁵ В свою антологию Иваск включил следующие стихи И.А.Бунина: «Потерянный рай», «Сириус», «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...», «Печаль ресниц, сияющих и черных...», «Венеция», «Уж как на море, на море...», «Льет без конца. В лесу туман...» и «Дочь». См. также: Иваск Ю. Бунин // НЖ. 1970. Кн.99. С.106-122.

⁶ Стихи Н.П.Гронского были включены Иваском в антологию «На Западе».

⁷ Иваск учился в аспирантуре Гарвардского университета и писал работу «Вяземский как литературный критик» (защитил в 1955).

Дорогой Юрий Павлович

Простите, что отвечаю с опозданием. Вы просили прислать анкету¹, тотчас же, а получил я ее недели две назад! Но я был болен, лежал – и все дела запустил.

Отвечаю на Ваши сомнения.

1) «С розами, значит...» – знаки у Вас расставлены правильно².

2) Я не помню, чтобы просил Вас переменить в «Нет, ты не говори...» – «смерть» на «казнь». Пусть будет «казнь», все равно.

Но писал-то я не об этом, а о том, что в моем сборнике «На Западе» эти стихи искажены повторением одного и того же глагола. Надо:

Чтоб их в полубреду потом *твердил* влюбленный,
 Растерянно *шептал* на казнь приговоренный...

А в сборнике *два раза «твердил»!* Это-то я и просил *исправить*³.

3) «Дни хмурые, утра, тяжелое похмелье...»

Знаки правильные⁴.

Кстати, это вообще стихи неважные, даже очень, как-то распа- дающиеся на куски, кроме, м<ожет> б<ыть>, четырех последних строк.

4) Название «Осколки» мне не нравится, независимо от возмож- ных обид и претензий. Похоже на приложение к иллюстрир<о- ванному> журналу и вообще что-то вроде «Искры». Много лучше было бы в единст<венном> числе – «Осколок»⁵.

Если Вам по душе «На Западе», я сам малейших авторских прав на это сочетание слов не предъявляю⁶.

До свидания. Крепко жму Вашу руку. Простите, что не отвечаю о другом – о Пушкине, о Есенине и проч.? – но тороплюсь отправить письмо. Дней через 10 я буду в Париже на месяц. Адрес – тот, что указан в анкете.

Что же Ваш журнал, о котором мне из Нью-Йорка писало уже че- ловек пять?⁷

Ваш Г.Адамович

¹ Упомянутая анкета среди писем не сохранилась, чему она была по- священа, нам неизвестно.

² Имеется в виду строка из стихотворения «Ночь... и к чему говорить о любви...», включенного Иваском в антологию.

³ См. письмо 2.

⁴ Строка из стихотворения «Нет, ты не говори, поэзия – мечта...» (см. о нем примеч. 7 к письму 2).

⁵ Название «Осколки» (или «Осколок») в антологии Иваска не встреча- ется (возможно, рассматривалось как вариант общего заглавия книги). «Ос- колки» – юмористический иллюстрированный журнал (1881–1916); «Иск- ра» – также иллюстрированный еженедельный юмористический журнал, однако более раннего времени (1859–1873).

⁶ Название антологии Иваска совпадало с названием сборника стихов Адамовича (Париж, 1939).

⁷ Имеется в виду журнал «Опыты», первый номер которого вышел в 1953. 19 декабря 1952 один из редакторов будущего журнала Р.Н.Гринберг писал Р.О.Якобсону: «С нами уже сейчас Набоков, Вейдле, Маковский, Гингер, Присманова, Иваск, Адамович, Иванов и другие...» (Роман Грин- берг и Роман Якобсон: Материалы к истории взаимоотношений / Вступит.

ст., публ. и примеч. Р.Янгирова // Роман Яacobсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С.209)

5

29/I-1953
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

По-моему, в тексте стихотворения «Из голубого обеща́нья...» опечаток нет¹. Если Вам кажется, что есть, то, вероятно, Вам хотелось бы что-нибудь изменить и исправить. Будьте так добры, сообщите, что именно (если предположение мое правильно). Вопреки распространенному мнению, я считаю, что стихи исправлять можно и «со стороны». Иногда «со стороны» видно то, чего не видит автор.

Но я просил бы Вас поставить необходимые многоточья, т. е.:

Из голубого обеща́нья...

Из голубого... là, là, là...

Это абсолютно необходимо, т. к. là, là, là ничего кроме растерянности и поисков нужного и несуществующего слова не выражает². Кстати, эти стихи вызвали в свое время дружный хохот. Но нравились Ходасевичу. И я ничего против них не имею.

Помимо того, что я против них ничего не имею, я – как уже писал Вам – не считаю себя вправе что-нибудь «разрешать» или «не разрешать» в антологии. Составляете ее Вы. Вы не вправе были бы распорядиться стихами ненапечатанными. То, что напечатано, – общее достояние. Да и какая радость в составлении антологии, если бы составитель не мог в ней дать волю своему вкусу и выбору?

Значит, еще раз: берите что хотите.

И притом: *сколько* хотите. Даю Вам слово, что мне совершенно безразлично, будет ли моих стихов семь или восемь. Если бы чьих-нибудь было бы 50, а моих 2 – мне тоже безразлично. Никак не могу допустить и считать, что существует какая-то числовая табель о рангах. Но если и существует – она не существует для меня.

Насчет «устремлений» и «высказываний» есть у Брюсова строчка, которую часто случается вспоминать: «Сами все знаем, молчи!»³

Варшавского в «Н<овом> Ж<урнале>» я еще не читал⁴. Но уверен, что хорошо: он не из тех людей, которые пишут «с кондачка», и при его тяжелом и медленном писании ничего не попасть в то, что он говорит или рассказывает, не может. Английских поэтов я знаю мало и плохо, п<отому> что плохо знаю язык.

До свидания. От души желаю благополучья, здоровья и крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ Строка из стихотворения «Из голубого океана...», включенного Иваском в антологию «На Западе».

² «Là» – там (франц.).

³ Строка из стихотворения В.Я.Брюсова «Каменщик» (1901). В оригинале: «Знаем все сами...».

⁴ Имеется в виду публ.: *Варшавский В.* Дневник художника // НЖ. 1952. Кн.31. С.80-99. Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1977) в молодости входил в круг «Чисел», потом, как и Адамович, служил во французской армии, участвовал в Сопровитвлении, был в немецком плену. С 1950 жил в США и принимал участие в работе над «Опытами», в том числе был постоянным консультантом их издательницы, М.С.Цетлиной.

6

7/III-<19>53
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Сегодня я получил от Яновского вырезку из «Н<ового> Р<усского> С<лова>» с Вашей статьей о четырех критиках¹. Он поторопился мне прислать ее и приписать, что мне «будет, вероятно, приятно ее прочесть». Приятно – не совсем то слово. У меня очень много всяких недостатков, но самого обычного из писательских недостатков – тщеславия или чего-то в этом роде, – кажется, почти нет совсем. Вероятно, это – от равнодушия. Я с одинаковым безразличием читаю брань или одобрение, и Вам говорю это в надежде, что Вы мне поверите. Большею частью – не верят, считая, что это – «поза» и ломание.

Но вот что хочется мне сделать: поблагодарить Вас за доброжелательное внимание (как за *внимание* был бы благодарен, даже если бы оно и не было доброжелательным). По-моему, за отзывы в печати вообще благодарить не следует, т. е. нечего. Алданов² с этим не соглашается, благодарит за каждое слово. Но это – формальная вежливость, не более, и в сущности за ней скрывается как будто и подозрение, что критик хвалит тоже из вежливости или по дружбе, не вполне искренне. Если искренне, за что же благодарить? Критик сказал правду, она оказалась положительной, но могла бы быть и отрицательной.

Значит, я Вас благодарю не за самое Ваше мнение, а за то, в результате чего оно сложилось. Кстати, Вы окружили меня такой компанией, в которой быть мне действительно «приятно», хотя я и знаю, что в ней я только прапорщик среди генералов³.

Насколько помню, о К.Леонтьеве я никогда дурно не писал: почему Вы приписали мне «суровость»?⁴ Я его не то что люблю, но всегда им восхищаюсь, даже вот теми цитатами, которые Вы приве-

ли. Он был необыкновенно умен и талантлив, куда до него Вл<адимиру> Соловьеву, которого он почему-то считал орлом и гением. Впрочем, у Соловьева есть les hauts et les bas⁵. Les bas достойны журналиста из «Русской мысли» (парижской)⁶, но les hauts иногда удивительны. А насчет «пьяной бабы, вцепившейся в Россию», – неужели это о Достоевском, а не о Щедрина?⁷ По-моему, о Щедрина. Да, есть еще один старый критик, вялый, но порой замечательный – Страхов (я начал его читать еще в России, найдя где-то цитату из него: «Облака не вполне прекрасны, потому что в них нет отчетливости»: это не Бог вещь что, но сразу что-то задевает). А Белинский, со всем своим ученичеством, все-таки лучше своих учеников, и в частности хваленого Добролюбова. Только уж очень плохо он писал, предоставив почему-то писать хорошо критикам правым (политически)⁸.

Крепко жму Вашу руку. Спасибо.

Искренно Ваш

Г.Адамович

¹ Речь идет о статье: *Иваск Ю.* Четыре критика // НРС. 1953. 1 марта.

² Марк Александрович Алданов (Ландау; 1886–1957) – прозаик. См. о нем: *Адамович Г.* Мои встречи с Алдановым // НЖ. 1960. Кн.60. С.107-115.

³ В статье Иваска, помимо Адамовича, речь шла о К.Н.Леонтьеве, В.В.Розанове и И.Ф.Анненском.

⁴ См. в упомянутой статье Иваска: «Суров он и <к> К.Леонтьеву, на которого его мог натолкнуть Розанов» (*Иваск Ю.* Четыре критика).

⁵ Высоты и низины (*франц.*).

⁶ Газета «Русская мысль», издающаяся с 1947. Адамович специально оговаривает «парижской», чтобы корреспондент не спутал ее с известным одноименным журналом.

⁷ Иваск писал: «Начал <Розанов> с кумира юности Достоевского. Первый открыл, что суть его в “Записках из Подполья”. Культ этот сохранил до конца, но иногда проговаривался: у Достоевского не было настоящего, он, как пьяная истерическая баба, вцепился в сволочь на Руси...» (*Иваск Ю.* Четыре критика). Возражение Адамовича основано на общем впечатлении от оценок М.Е.Салтыкова-Щедрина у Розанова, однако в конкретном случае прав Иваск. В «первом коробе» «Опавших листьев» Розанов писал: «Достоевский, как пьяная нервная баба, вцепился в “сволочь” на Руси и стал пророком ее. Пророком “завтрашнего” и “давнопрошедшего”. “Сегодня” не было вовсе у Достоевского» (*Розанов В.В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С.280).

⁸ Иваск писал: «Для Белинского эстетика была еще не совсем затемнена. Он мог восхититься стихотворением чуждого ему Батюшкова. Иногда кое-что угадывал он в Пушкине или Гоголе. Но именно он увел русских взрослых детей (интеллигенцию) в начальную школу социальной этики. А потом Писарев повел послушных ему детей в анатомический театр. <...> Теперь

скучно читать Белинского и, в особенности, Чернышевского или Добролюбова. “Веселит” только Писарев – своим задором» (*Иваск Ю.* Четыре критика).

7

17/V-<19>53
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Я Вам не ответил на Ваше давнее – от 12 марта! – письмо, п<отому> что Вы в нем сообщили мне о выходе Вашего сборника и обещали мне его прислать¹. Я его ждал, но до сих пор не дождался. По письму кажется мне, что издает Ваши стихи не «Рифма»², – или я ошибаюсь? Помню, что в «Рифме» был о Ваших стихах разговор, но не знаю, к чему он привел. Маковский³ – человек капризный и очень переменчивый при этом. Нельзя знать, что он сделает. Сегодня Вы можете быть для него первым поэтом в мире, а завтра – бездарностью. Свойство, м<ожет> б<ыть>, не такое плохое, но плохо то, что он склонен к единовластию и диктаторству. Сейчас у него какие-то «передряги» с Гингером⁴. Я вовсе не поклонник поэзии Гингера, но он, несомненно, – поэт, и очень своеобразный. Будь я на месте Маковского, то издал бы его «с закрытыми глазами». Не так уж много в «Рифме» вышло шедевров, чтобы придирается к Гингеру из-за случайно неудачного слова. Но Маковский упорствует и даже рассылает какие-то циркуляры в свое оправдание.

Насчет Леонтьева, Розанова, Страхова и др.: Вы, верно, забыли, что мне о них писали; отвечать, значит, поздно. Летом – если достану – перечту романы и повести, совсем их не помню. Хотел бы перечсть (вернее, прочсть) и Бол<еслава> Маркевича, которого он считал почти равным Толстому⁵. Я когда-то говорил об этом Алданову. Он очень заинтересовался, достал Маркевича – и пришел в ужас. По его словам, это – ничтожество. Я вообще Алданову верю (не во всем, но это как раз область, где ему верить можно и надо: едва ли такая же область – Леонтьев). А все-таки хотел бы узнать сам, что такое Маркевич. Возможно, что Леонтьев им восхищался потому, что это – grand monde⁶, никаких мужиков, а все то мнимо красивое, что он иногда принимал (наперекор своему острейшему чутью) за сущность искусства.

Ваши стихи о Штейгере – очень личные, и при этом и в его, Штейгера, тональности⁷. С припиской, что «два Парижа» – Вам не по душе, я согласен. По-моему, лучше бы остаться при одном, – тем более что это легко поддавалось бы переделке (с рифмой на «годами»)… что-нибудь вроде: «Иллюзия ль, что мы с годами...» и даже «Иллюзия ль – ближе мы с годами...», с иллюзией не с «и», а с «ь», как иногда пишут). Иногда пишешь стихи, знаешь, что в них что-то

не так, и пытаешься себя уговаривать: нет, ничего, именно так и получается оригинально!.. Но почти всегда знаешь «в глубине души», что переделать и изменить надо, как бы ни было это трудно.

До свидания, дорогой Юрий Павлович. Я здесь в Манчестере еще дней 8–10, а потом буду в Париже, адрес обычный: 53, rue de Ponthieu, Paris 8e...

Летом, вероятно, поеду на юг, но парижский адрес – постоянный и верный. Когда выходит Ваша Антология? Когда выходят «Опыты», или уже вышли?⁸

Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ Речь идет кн.: *Иваск Ю.* Царская Осень: Вторая книга стихов. Париж, 1953. Отзыв о ней Адамовича см. в примеч. 2 к письму 8.

² «Рифма» (Париж, 1949–1976) – наиболее авторитетное парижское эмигрантское издательство, занимавшееся выпуском стихотворных книг. 24 февраля 1954 Ю.К.Терапиано писал В.Ф.Маркову: «“Рифма” – издательство для поэтов – для тех, которые не могут сами издать свои книги. Но именно своим намерением и любовью к поэзии “Рифма” продолжает прежние традиции» (Письма Терапиано. С.252). Вопреки предположению Адамовича, именно это издательство выпустило книгу Иваска.

³ Сергей Константинович Маковский (1877–1962) – поэт, художественный критик, мемуарист, основатель и редактор журналов «Аполлон», «Старые годы», «Русская икона». В 1949–1959 возглавлял издательство «Рифма». Адамович относился к его деятельности неизменно отрицательно.

⁴ Александр Самсонович Гингер (1897–1965) – поэт. Адамович имеет в виду разворачивавшуюся как раз в эти дни полемику: планируя издать книгу в «Рифме», Гингер собирался включить туда сонет «Лоно», которому придавал особое значение (в итоговой книге его стихов занимает второе место). Сонет завершился строками:

Благоуханная! Коленопреклоненный
Вернулся скуден к матернему лону.
Трепещет сердце, предвкушеньем радо.
Уста горят блаженным вождельнем.
От ярких мечт – пречистая ограда! –
Избавлен я земли произволеньем.

(Присманова А., Гингер А. Туманное звено.
Томск, 1999. С.193)

Дальнейшее Адамович рассказывал в письме к Гингеру:

От Маковского я получил третьего дня Ваш сонет и тут же вернул его ему с резолюцией. Смысл ее был в том, что 1) «матернее» – чисто русское слово, у Даля подтвержденное пословицей о «матернем сердце» 2) «мечт» – по Ушакову не употребительно, но мнение Ушакова произвольно, и никаких незыблемых законов на этот счет нет и быть не может. <...> Каюсь, я не заметил «предвкушеньем»,

приняв его за «предвкушеньям» – дат<ельный> пад<еж> множ<ественного> числа. Тут, пожалуй, Маковский прав. <...> Не капризничайте, что без означенного «Сонета» сборник Вам не нужен и не желателен. Вы правы упорствовать, он неправ – и не квалифицирован – возражать, но если бы действительно надо было обойтись без сонета, все же сборник стоит такой жертвы. Вы – украшение нашей поэзии, и Ваш сборник будет ее торжеством и праздником. <...> «Сонет» очень мил, но не такой уж бессмертный шедевр, чтобы из-за него умирать.

(Письма Адамовича. С.266-267)

Несколько позже Адамович еще раз вспомнил эту полемику, написав Гингеру 28 октября 1955:

...видели ли Вы в предпоследнем номере «Нов<ого> Журнала» цитату из Макса Волошина:

И матерние органы Европы...

Я Волошина не особенно уважаю, но для Маковского, кажется, это великий мэтр и авторитет. Что же он думает об этих строчках?

(Там же. С.276)

См. также статью Адамовича «Об Александре Гингере» (Мосты. 1966. №12) и письмо 12 наст. публ. Книга Гингера в «Рифме» вышла только в 1957.

⁵ Болеслав Михайлович Маркевич (1822–1884) – прозаик. Об отношении К.Н.Леонтьева к Маркевичу см.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т.3. М., 1994. С.520 (статья О.Е.Майоровой).

⁶ Большой свет (*франц.*).

⁷ Личность и творчество Анатолия Сергеевича Штейгера (1907–1944) занимали большое место в сознании Иваска. Видимо, отчасти это было вызвано тем, что Штейгер рецензировал его первую книгу стихов «Северный берег» (Круг. 1938. Кн.3. С.182-185). Письма и стихи Штейгера, сохраненные Иваском, хранятся в Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University; далее – Beinecke) (недавно опубл.: *Ливак Л.* К истории «парижской школы»: Письма Анатолия Штейгера. 1937–1943 // CASS. P.83-115). Об отношении Адамовича к Штейгеру см.: Письма Г.В.Адамовича к З.Н.Гиппиус. 1925–1931 / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Н.А.Богомолова // Диаспора: Новые материалы. Т.3. Париж; СПб., 2002. С.487-489. Письма Штейгера к Адамовичу также опубликованы в названном выше материале Л.Ливака (Р.117-119).

Нам известно единственное стихотворение Иваска, посвященное А.Штейгеру, и хотя вряд ли имеется в виду оно, приведем его полностью:

Памяти Анатолия Штейгера

Три года этой переписки.
Потом война. И – ничего.
Да, ничего. А были близко.
Но не узнал бы я его

На дальней улице Парижа,
А он меня – в моей глуши.

И не узнаем. Будем – ближе?
– Не знаю. – Лучше не пиши.

(Amherst. Box 27. F.2)

⁸ Первый номер «Опытов» вышел в середине мая 1953, о чем см. в письме Р.Н.Гринберга к В.В.Набокову от того же числа («Дребезжание моих ржавых русских струн...»): Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Р.Янгирова // In memoiam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж, 2000. С.383–384). Ср. также протокол обсуждения номера: Янгиров Р. К истории «встречи двух эмиграций»: Документ из архива Р.Н.Гринберга // CASS. P.121–131.

8

17/X-1953
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович,

Я вчера писал Яновскому¹, и начал с того, что каждое мое письмо начинается со слова «простите». Вот и Вам в письме должен начать так же. Я не ответил Вам, а вижу, что Вы мне писали в мае! Но летом я как-то разленился, вероятно, от южного солнца в Ницце, и всю переписку забросил. Надеюсь, Вы на меня не сердитесь, а если сердитесь, то не очень.

Надеюсь, что и не сердитесь за несколько слов о Вас в «Н<овом> Р<усском> Слове». Я статьи еще не видел, но знаю, что она появилась. Писал я с лучшими к Вам чувствами². Но вот что получается неправильно и даже неловко, хотя по человеческой слабости это и неизбежно: об одном пишешь то, что думаешь действительно, о другом – далеко не так. «Перспектива» нарушается, и понимают истину лишь те, кто читает между строк и зная автора. Я об этом часто размышляю и мечтаю когда-нибудь написать статью, которая начиналась бы приблизительно так: ну, поговорим начистоту – такой-то, такая-то и т. д. – как в «гамбургском счете», помните, у Шкловского³. О Вас я писал с намерением «ткнуть пальцем» в то и на то, чего многие у Вас не слышат и не понимают. Если статья появилась без сокращений (едва ли) и искажений (почти всегда опечатки), то это должно бы быть ясно. У Вас есть «главное», хотя бы тень от главного, которое и не снилось другим.

Как Вы живете? Не отвечаю на то, что писали Вы мне в мае, т. к., Вы, конечно, забыли об этом. О Достоевском хотел бы кое-что сказать Вам «в дискуссионном порядке». В сущности, это писатель для юношества⁴, не как Жюль Верн, а в дополнение к нему. Должны любить его те, кто остается молод душой всю жизнь. Я перестаю его любить, очевидно, старея. (Не думайте, что хочу сказать «взрослея».)

До свидания. Буду искренне рад, если когда-нибудь напишете.

Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ Василий Семенович Яновский (1906–1989) – прозаик и мемуарист. Письма Адамовича к нему опубли.: Адамович Георгий. Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публ. и примеч. Вадима Крейда и Веры Крейд // НЖ. 2000. Кн.218. С.121-151 (в публикацию вошли 12 писем из 21 сохранившегося).

² Имеется в виду статья: *Адамович Г. Новые стихи* // НРС. 1953. 4 октября. Там он, в частности, писал:

В «Царской Осени» Юрия Иваска замысел глубже и сложнее, чем самые стихи, в которых замысел этот воплощен. Стихи далеко не совершенны, но бывают неудачи, которые предпочтешь мнимо-блестящим «достижениям» и «свершениям», и «Царская Осень» – образец этого. В последние годы мало было у нас книг, где поэзия так явно – и, хочется сказать, так трагически – присутствовала бы, и не только в словах и строках, но и в тех провалах, в том молчании, которым строфы разделены. Иваск, по-видимому, долго и много читал Осипа Мандельштама, едва ли не единственного из новых русских поэтов, который чувствовал великое значение молчания и внезапной остановки в стихах, т. е. слова, которое не может быть найдено, которое мучает тем, что не может быть найдено. «Царская Осень», может быть, не будет иметь успеха в обычном легковесном смысле этого понятия. Книга, может быть, немногим понравится. Стихи Иваска – не из тех, которые легко остаются в памяти. Но зато в памяти остается нечто большее и более редкое: смущение, волнение, которое возникает при встрече с тем неуловимым и безымянным, ради чего поэзии только и стоит существовать.

В письме к И.Чиннову от 28 октября 1953 Адамович так сформулировал свое отношение к книге Иваска:

Писал я о нем с хорошим чувством и уже получил из Парижа письма с удивлением по поводу этих хороших чувств. Но я написал, что стихи, собственно говоря, неудачные, а хорошо и важно то, что у Иваска не стихами – т. е. поэтическое волнение и смятение, невозможность сказать то, что сказать и нельзя и *ainsi de suite* <и так далее франц.>. Мне было бы очень досадно, если б он принял это как осуждение рядом с более казенными и пустыми похвалами другим. Это не осуждение, и кто умеет читать, так это и поймет. Я написал ему письмо с неделю назад, но ответа еще нет.

(Письма к Чиннову. С.247)

³ Выражение, ставшее популярным благодаря предисловию к одноименной книге В.Б.Шкловского (см.: *Шкловский В. Гамбургский счет*. М., 1990. С.331).

⁴ Несколько лет спустя Адамович развил эти соображения в статье о Достоевском: *Адамович Г. Писатель для юношества* // РМ. 1957. 21 марта.

14/I-1954
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович,

Вернулся в Манчестер три дня тому назад – и нашел Ваше письмо (от 8-го января). Антологии еще не получил.

Вы хотели бы, чтобы я дал на книгу рецензию в «Опыты». Но я еще не послал им свои очередные «Комментарии» и едва ли успею написать еще и рецензию. Когда выходит № «Опытов»?¹

Помимо того, у меня есть другое соображение. Я хочу в №4 «Опытов» – если только он будет! – дать большую статью о поэзии в эмиграции². У меня давно об этом была мысль, все не могу собраться написать это, да кроме «Опытов» и негде. Конечно, это была бы отчасти и «рецензия» на Ваш сборник. Тема большая, в двух словах ничего не скажешь, и мне не хотелось бы в короткой предварительной заметке комкать все то, что надо бы сказать. Конечно, это еще – мечта и проэкт, м<ожет> б<ыть>, я ничего и не напишу. Но надеюсь, что напишу, заменив такой статьей обычные «Комментарии». В Париже я слышал, что продолжение «Опытов» далеко не обеспечено и вообще под сомнением. Но это, м<ожет> б<ыть>, очередное «злорычательство»³. Было бы очень жаль, если бы у слухов этих была почва. Журнал с недостатками, но в общем хороший и нужный, поэтому> что не совпадающий с «Нов<ым> Журналом» и не делающий «double emploi»⁴.

Так что, Юрий Павлович, простите – рецензии я писать не хотел бы. В газете наверно напишет Терапиано⁵ (если только Вы ничем его не обидели, он ведь из породы «мимоз»). Да и что в газете писать о стихах после Аронсона и К^о?⁶

Спасибо за пожелания к Новому Году. Желаю и Вам здоровья, благополучия и всяких возможных успехов. Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

P.S. Письмо хотел отправить, а сейчас пришла антология. Спасибо. Успел только перелистать, кажется – все хорошо, и много полнее, чем я предполагал. Но сколько таинственных незнакомцев! (плюс несколько графоманов!)⁷.

¹ Речь идет о третьем номере «Опытов», где рецензии на антологию «На Западе» не было, но зато были очередные «Комментарии». Антологию Адамович рецензировал в газете: Новые голоса // НРС. 1954. 6 июня.

² Адамович Г. Поэзия в эмиграции // Оп. 1955. №4. С.45-61.

³ Возможно, такое впечатление создалось у Адамовича после беседы с редактором «Опытов» поэтом и пианистом Всеволодом Леонидовичем Пастуховым (1894–1967), который писал Иваску в недатированном письме: «А

вообще мне “Опыты” надоели. Р.Н.Г<ринберг> не сходится с М.С.Ц<етлиной>, и я должен быть вечно передаточной инстанцией. Получить деньги от Р.Н.Г<ринберга> на “Опыты” было очень трудно, а М.С.Ц<етлина> на них разорилась. Номер 3-й, я думаю, будет последним (впрочем, я думаю, если М.С.Ц<етлина> отойдет, то Р.Н.Г<ринберг> даст деньги в достаточном количестве)» (Amherst. Vox 5. F.11). Впрочем, слухи о прекращении журнала были довольно постоянными. Так, 3 апреля 1954 Ю.Терапиано писал В.Маркову: «Хотя “Опыты” велись из рук вон плохо, все же жаль, если они прекратятся» (Письма Терапиано. С.254), а 30 мая Адамович писал И.Чиннову: «Вы мне сообщили, что “Опыты” кончились. Я написал Гринбергу – вопрос и сожаление, если это действительно так. Получил от него пространное заверение, что это клевета, происки врагов и “Опыты” вечны» (Письма к Чиннову. С.250).

⁴ Двойное использование (*франц.*).

⁵ Юрий Константинович Терапиано (1892–1980) – поэт, критик, мемуарист. В «Новом русском слове» и «Русской мысли» был постоянным обозревателем новинок. См. его статью об антологии «На Западе»: РМ. 1954. 10 февраля; см. также: Письма Терапиано. С.251-252; ср. также письмо 14 и примеч. 7 к нему.

⁶ Григорий Яковлевич Аронсон (1887–1968) – общественный деятель (меньшевик), публицист, выступал также как поэт. Был постоянным рецензентом «Опытов», начиная с первого номера (НРС. 1953. 24 мая). Подробнее о нем см.: *Серман И.* Григорий Яковлевич Аронсон // Евреи в культуре русского зарубежья. Т.4. Иерусалим, 1995. Отметим, что вопреки своему намерению Адамович все-таки отрецензировал антологию в «Новом русском слове». См. также след. примеч.

⁷ В письме к А.С.Гингеру от 2 февраля 1954 Адамович писал: «Видели ли антологию Иваска? Там есть среди ди-пи люди далеко не бездарные. Но есть что-то капризное и жеманное в самом Иваске, хотя и с тонкостью несомненной» (НЖ. 1994. Кн.194. С.270). В письме к И.Чиннову от 20 мая 1954 Адамович сообщает:

Насчет ивасковской антологии: я как раз собираюсь о ней написать в «Новом Русском Слове», но не о всей, а о новых голосах, т. е. о Ди Пи. По-моему, самый своеобразный и, может быть, талантливейший из них – М-ов <В.Ф.Марков?>. Мне что-то о нем Иваск писал, но я не помню что, хорошее или плохое, и еще о ком-то писал, но я забыл, о ком. Е-н <И.Елагин>, конечно, не бездарен, но... писать Вам о нем нечего, сами все понимаете. Г.Иванов говорил мне, что очень хорош М-н <Н.Моршен>, но я этого не вижу. А вообще-то у них всех общий недостаток – развязность, вернее, почти у всех. А-й <О.Анстей>, например, – сплошной ужас.

(Письма к Чиннову. С.249-250; имена раскрыты по оригиналу (РО ИМЛИ. Ф. И.Чиннова), выписка из которого предоставлена О.А.Коростелевым.)

Из авторов, не приобретших серьезного литературного имени, в антологии были представлены Н.Муравьев, А.Браиловский, Т.Гимашева, М.Голстая, М.Чехонин, Ю.Галь, А.Касим, Г.Широков, С.Юрасов.

Дорогой Юрий Павлович,

Спасибо за Ваше милое письмо и простите, что не сразу ответил. Я уехал из Манчестера с месяц назад, письмо Ваше получил в Ницце, где думаю пробыть до начала сентября.

Все, что Вы сообщили о Маркове¹, а также о Гале², – очень интересно. Между прочим: письма от Маркова, насколько помню, я никогда не получал³. Куда и когда он мне писал? Правда, со мной случается, что письмо лежит, лежит, а потом и отвечать уже и неловко, и поздно. Но было бы досадно, если бы я так поступил с Марковым. Кажется, пред ним я не виноват.

Я рад, что Вы оценили рассказ Варшавского в «Опытах»⁴. Кроме кислых фраз по поводу этого рассказа я ни от кого ничего не слышал. Даже сам редактор, промелькнувший в Европе⁵, считает, что это – пустое место. А по-моему, он не только «выдерживает соседство» с Набоковым⁶ (Ваши слова), но и много лучше него. Конечно, у Н<абокова> больше таланта. Но важен не только числитель, но и знаменатель. Набоков редко бывал так никчемно «блестящ» (да и не очень блестящ!), как в последних «Опытах», с налетом несомненного моветона. Мне жаль только, что Варшавский вывел с презрением и злобой человека, который этого не заслужил. Портретность очевидна с первого слова⁷. Но вне этого – в рассказе много и содержания, и прелести, и всего того, что преуспевающим беллетристам не снилось.

Елагина я мало знаю, мало читал⁸. Им сейчас увлекается С.Маковский. Но это – ничего не значит, во-первых, потому, что М<аковский> – поверхностно ограничен во всем, а во-вторых – завтра он может сказать, что Ел<агин> – круглая бездарность. Более «версатильного»⁹ человека нет в мире. До свидания. Еще раз благодарю Вас за письмо. Вы пишете, что у Вас – «неудачи». Какие? Мне очень хочется о Вас написать, но надо найти случай и место. Если я соберусь написать о эмигр<антской> поэзии – будет и то, и другое. Кстати, я хочу наладить с Г.Ивановым (с которым возобновил дружбу) «переписку из двух углов» о поэзии и стихах. Но не знаю, удастся ли. У меня с ним никогда не было много общего, а кроме того – он сейчас в каком-то расслаблении и растерянности¹⁰.

Крепко жму руку,

Ваш Г.Адамович

¹ Владимир Федорович Марков (р. 1920) – поэт, литературовед, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (ныне в отставке).

² Юрий Владимирович Галь (1921–1947) – поэт, о трагической судьбе которого впервые рассказал Иваск, поместив в своей антологии 6 его стихо-

творений, а в «Опытах» (1955. №4. С.91-103) – фрагменты его писем. Родился в Ленинграде, во время войны попал в немецкий плен, потом жил в оккупированной Эстонии, ушел с немцами в Германию, дождался советских войск, получил 10 лет лагерей и умер в туберкулезном лагункте. Подробно о нем см.: *Минц З.Г.* О Т.П.Милютиной, ее воспоминаниях и о поэте Юрии Гале // Блоковский сборник. Тарту, 1990. Вып.11. С.107-146; *Милютина Т.* Юрий Галь: Из воспоминаний // Там же. См. также в отдельно изданных воспоминаниях Т.П.Милютиной «Люди моей жизни» (Тарту, 1997).

³ О переписке В.Ф.Маркова с Адамовичем см. в комментариях О.А.Коростелева: «По усиленным просьбам Ю.Иваска, стремившегося помирить двух критиков, Адамович попытался завязать переписку с Марковым, но она оборвалась после двух писем, которые сейчас хранятся в личном собрании Жоржа Шерона (Лос-Анджелес)» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955–1958) / Публ. О.А.Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.21. М.; СПб., 1997. С.430).

⁴ *Варшавский В.* Отрывок // Оп. 1954. №3. С.52-59. Ср. в письме Адамовича к Чиннову от 20 мая 1954: «Кстати, 3-й номер лучше предыдущих. Вейдле хорошо написал о Бунине, а Варшавский всегда меня трогает своим простодушием, беспомощностью и отсутствием всякой лжи. Набоков в сто раз даровитее, но его нельзя читать после Варшавского, “воняет литературой” с первой фразы» (Письма к Чиннову. С.250).

⁵ Редакторами «Опытов» были Р.Н.Гринберг и В.Л.Пастухов. Кто из них приезжал в Париж летом 1954, неизвестно.

⁶ *Набоков В.* Воспоминания // Оп. 1954. №3. С.3-49. О подготовке этой публикации см.: «Дребезжание моих ржавых русских струн...» (с.378 и далее).

⁷ См. в рассказе Варшавского:

Владимир Рагдаев принадлежал в Париже к кучке последних русских мальчиков, собиравшихся по ночам в монпарнасском кафе для споров о Боге и справедливости, как по Достоевскому и полагается русским мальчикам. Эмигрантский воздух оказался для них особенно губителен. Никого не удивляло, когда кто-нибудь из них умирал от чахотки или кончал самоубийством. Во время войны многие из нашего кружка попали во французскую армию, участвовали в «сопротивлении» или были сварены на мыло. Это тоже казалось последовательным. Но то, что один из нас стал миллионером, возбуждало любопытство, как нарушение некоторой закономерности

(Оп. 1954. №3. С.56-57)

Судя по этому фрагменту, Адамович полагал, что героем рассказа Варшавского является Н.Рейзини (подробнее о нем см. письмо 78, примеч.1).

⁸ Иван Венедиктович Елагин (Матвеев; 1918–1987) – один из наиболее известных поэтов второй волны эмиграции. Его стихи Иваск включил в антологию «На Западе». См. отзыв Адамовича в несколько ироническом контексте в письме к А.Присмановой и А.Гингеру от 3 февраля 1956: «В рассуждениях о поэзии пришел к выводу, что все-таки наш самый хороший поэт, hélas <вы – франц.>, Пушкин. <...> Все другие – дрянь, кроме нас

троих. А самая дрянь – Елагин, теперь раздутый, как Надсон, о чем я хотел бы сочинить статейку» (НЖ. 1994. Кн.194. С.280).

⁹ от *versatile* (франц.) – переменчивый.

¹⁰ После ссоры в 1939 Адамович и Г.В.Иванов возобновили знакомство лишь в 1953 или 1954. Подробнее см. в предисловии О.А.Коростелева к публ.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.393-401. Правда, это был, по выражению Иванова, «худой мир», когда ни он, ни Адамович не скрывали друг от друга нелюбимых высказываний. Образцы отзывов Адамовича – гораздо более спокойных – см. далее в публикуемых письмах; значительно более гневные отзывы Иванова, вплоть до предельно оскорбительных, представлены в: Письма к Маркову. С.37-38, 46, см. также: *Иванов Г.* Дело Почтамтской улицы / Публ. и комм. Г.Поляка // Митин журнал. 1997. №55. С.212-218. О судьбе «переписки из двух углов» (названа так по аналогии со знаменитой книгой, составленной из писем Вяч. Иванова и М.О.Гершензона друг к другу) известно очень немного. 23 марта 1955 Адамович написал Иванову: «Посылаю – наконец – начало нашего совместного сочинения. Написал первое, что пришло в голову, а мог бы писать без конца, и, надеюсь, вместе напишем нечто вроде целой книги. Тон я взял довольно непринужденный, по-моему, так и лучше, чтобы не был академический трактат» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.403-404). Однако 2 февраля 1956 Иванов обращается к В.Ф.Маркову: «Предлагаю Вам то, что год назад предложил мне Г.В.Адамович – вести “Переписку из двух углов”. Но с ним сразу же ничего не получилось. Он начал так академически скучно о каких-то ямбах, что я запис. С Вами этого не получится» (Письма к Маркову. С.13). Позднее, в декабре 1957, Адамович в письме к Иванову возвращается к этой теме: «Насчет нашей предполагавшейся переписки. Я будто бы начал с “чуши о ямбах”. Голубчик, с ямбов и надо было начать, никак не с вечности. Да и ямбы – не чушь, т. к. я хотел обозреть всю галерею поэтов, а не писать, что есть жизнь. Теперь – единственный возможный корреспондент Чиннов. К нему и обратимся, т. е. я. Есть еще Иваск, но уж очень переутончился не по летам» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.461).

11

15/X-<19>54
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович,

Это все-таки удивительно! Утром отправил Вам письмо, а днем, вернувшись домой, нашел Ваше на столе, об «Опытах». Мне уже писал Варшавский, что в «Опытах» готовятся перемены, но я не был уверен, какие именно. Очень рад, что Вы будете редактором, и рад, что вообще «Опыты» будут. Ходили слухи, что они скончались¹.

Отвечаю по Вашему желанию сразу, и на все Ваши три вопроса.

1) «Поддержу ли я Вас?» Не совсем понимаю, что это значит. В том, что я Вам всячески готов содействовать, Вы – надеюсь – не сомневаетесь. Ну, а в чем «поддержка» конкретно может выразиться –

не знаю. Все, что могу, все, что Вам может оказаться желательно, сделаю во всяком случае.

2) Могу ли дать статью?

Могу. Я предпочел бы не обычные «комментарии», а статью о поэзии в эмиграции. Думаю, это Вам подойдет, и к этому – как Вы сами пишете – есть интерес. Но статья будет не обзором с именами и названиями, а попыткой внутреннего объяснения того, чего мы все хотели и чего не сделали².

3) Каких авторов могу рекомендовать в Париже?

По совести говоря, почти никого. А печатать, конечно, можно многих, и Вы сами знаете все имена (и Варшавский знает). Пожалуй, из малоизвестных интереснее других Одарченко³: стихов его я не люблю, но пишет он и прозу. Это умный и талантливый человек (не без некоторого безумия из-за пьянства). Не знаю его адреса, но в Париже легко адрес его узнать.

Адрес Кантора: 14 rue Nungesser et Coli Paris (XV). Зовут его Михаил Львович. Очень бы хотелось, чтобы Вы ему написали. Он во многом может быть полезен. Кажется, я Гринбергу⁴ послал когда-то его стихи (под псевдонимом Эвальд). Их стоило бы напечатать, но не одно, а 5 или 6 подряд. Одно – бесцельно, т. к. то, что в них есть личного (не поэтически, а т<ак> сказать психологически), лишь в нескольких обнаружится. Это поэтически бледновато, но в целом – лучше многого, что принято хвалить и отмечать⁵.

Если вообще Вам мои суждения интересны, буду очень рад переписку продолжить. От души желаю успеха, и уверен, что журнал будет у Вас хороший, насколько с нашими местными силами это возможно. Варшавского я не только люблю, но и верю ему. Хорошо, что Вы его берете в близкие люди. Есть у нас Арнольд Блох, друг (теперь враг, но, надеюсь, временно) Червинской⁶. Загадочный человек, с какой-то бессильной, но редчайшей тонкостью в мыслях. Варшавский может Вам о нем рассказать. Надо было бы его расшевелить.

Ваш Г.А.

¹ 20 сентября 1954 издательница «Опытов» М.С.Цетлина известила редактора журнала Р.Н.Гринберга: «Довожу до Вашего сведения, что я намерена издавать “Опыты” в другом составе редакции» («Дребезжание моих ржавых русских струн...» С.511). В то же самое время отказался от соредакторства и В.Л.Пастухов, а редактором был определен Иваск. В недатированном письме Пастухова Иваску говорится:

Я приветствую Вас как издателя «Опытов». С Романом <Гринбергом> я остался в дружбе и устроил так, что он ушел *ни на кого* не обиженный. Я тоже временно отстраняюсь формально (так нужно для дипломатии с моим коллегой) и для мирных отношений между прежней и будущей редакцией. Для того, чтобы подчеркнуть мое

дружеское и приветственное к Вам отношение, я могу дать для следующего номера статью (хотя мне лень писать ее), если Вы это найдете желательным. Фактически я всегда помогу Вам в Вашей работе советом и делом.

(Amherst. Box 5. F.11).

Ср. реакцию на эти редакционные перемены в письме Ю.Терапиано к В.Маркову от 4 января 1955 (Письма Терапиано. С.266-267).

² Имеется в виду статья «Поэзия в эмиграции» (см. письмо 9).

³ Юрий Павлович Одарченко (1903–1960) – поэт и прозаик. При жизни вышла единственная книга указанных стихов – «Денек» (Париж, 1949). О его прозе см.: Цивьян Т.В. Юрий Одарченко: Представление прозы // Цивьян Т.В. Семiotические путешествия. СПб., 2001. С.220-231. В «Опытах» Одарченко напечатал стихотворение «Стрелки бывают разной масти...» (Оп. 1953. №2. С.16), т. е. еще до предложения Адамовича. В первом номере «Опытов» Иваск рецензировал сборник Одарченко «Денек».

⁴ Роман Николаевич Гринберг (1893–1969) – литератор и издатель. Подробнее о нем, помимо указанных публикаций Р.Янгирова (письмо, 7 примеч. 8), см.: Адамович Г. Памяти ушедших // РМ. 1970. 22 января; *Дымерская-Цигельман Л.* Альманах «Воздушные Пути» и его издатель-редактор Роман Гринберг // Евреи в культуре русского зарубежья. Т.5. Иерусалим, 1996. С.135-152. 23 августа 1953 Адамович писал Гринбергу: «...посылаю 6 стихотворений К.Эвальда (псевдоним: если хотите, могу его Вам раскрыть, но только Вам)» (Library of Congress. Manuscript Dept. Washington. D.C. *Vozdushnyye Puti Coll.*). Полный корпус их переписки (в общей сложности 83 письма) скоро появится в тематическом номере, посвященном «Опытам»: Переписка Г.В.Адамовича с Р.Н.Гринбергом: 1953–1967 / Публ., подгот. текста и примеч. О.А.Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. №17 (в печати).

⁵ Судя по всему, это были те стихи М.Л.Кантора, о которых Адамович писал 20 апреля Л.Д.Червинской: «...кстати, мне дал свои стихи (целую рукопись) Кантор. Таланта не много, но есть тема, есть тон, к сожалению, связанный литературной корректностью, а пожалуй, в этом соединении несоединимого и есть у него своеобразие. <...> Qui sait <кто знает – франц.>, потом будут говорить, что мы проглядели нашего Анненского или Тютчева, хотя – едва ли» («Все существенное – между строками»): Письма Георгия Адамовича Лидии Червинской / Подгот. текста, вступит. ст. и примеч. О.Р.Демидовой // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Имена. Проблемы. Факты. Вып.2. М., 2002. С.201. В эту публикацию вошли 22 из 97 сохранившихся писем Адамовича к Червинской). Ср. также в письме Адамовича А.С.Присмановой и А.С.Гингеру 2 мая 1953: «Кстати, я получил от Кантора “пук” стихов и читал, право, но без удовольствия и удивления, хотя едва ли Вам (обоим) эти стихи понравятся. Там мало словесных качеств, но есть качества личные, психологические, с какой-то сверханненской темой пребывания en marge de la vie <за бортом (франц.)>. <...> В общем, уверяю Вас, что это лучше многих наших мэтров...» (Письма Адамовича. С.265). В «Опытах» они опубликованы не были. Отметим, что псевдоним «К.Эвальд» не раскрыт составителями указателя: L'émigré

gration russe: Revues et recueils, 1920–1980. Index general des articles. Paris, 1988. P.563.

⁶ Об Арнольде Самсоновиче Блохе дополнительными сведениями мы не располагаем. Лидия Давыдовна Червинская (1907–1988) – поэтесса, приятельница Адамовича.

12

22/X-<19>54
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович, получил сегодня два Ваших письма и, видите, отвечаю сразу. Давайте – примем это за правило (по мере сил и усердия!).

Все, что Вы сообщаете об «Опытах», очень интересно. Желаю успеха и уверен, что успех будет, т. е. что журнал у Вас будет хорошим. Мне это казалось и раньше, а теперь – после Ваших писем и соображений – в этом я убежден. Посылаю стихи, по Вашему желанию¹. А насчет статьи (поэзия в эмиграции) хочу сказать Вам следующее:

Я человек аккуратный и обещания свои сдерживаю. Но я не умею писать «впрок», пишу всегда все в последнюю минуту, а сейчас я, кроме того, очень занят. Поэтому прошу Вас: назначьте срок, когда Вам статья нужна. Но срок – крайний и последний (притом честно, без расчета, что будет опоздание). В этот срок статья *будет* у Вас. Но сейчас я писать ее не могу, да и вообще не хотел бы ее написать, не подумав и кое-чего не вспомнив.

Думаю, что все равно раньше как месяца через два Вы рукописей не соберете.

Затем другое. Я Вам писал, что никого в Париже по совести «рекомендовать» не могу. А потом вспомнил – Гингер. Его почему-то не любит Варшавский (кажется), но они очень разные люди.

О Гингере хочу Вам сказать следующее. Он хотел, чтобы его сборник был издан «Рифмой», Маковский взял, повертел, понюхал – и решил, что стихи малограмотные. Между тем, в одной строчке Гингера больше умения, своеобразия и ума, чем во всем, что сам Маковский когда-либо сочинил! Это произвело в Париже некоторый шум, отчасти даже возмущение (не везде). Кроме того, какое-то недоразумение было у Гингера с Гринбергом².

Он – очень ценный человек. Правда, в довольно узкой области: в формальном чувстве поэзии и стихов. Но в этом смысле мало кого можно рядом с ним и назвать. Да и сам он поэт подлинный, хотя и какой-то умышленно «бескрылый».

Я думаю, что бы он Вам ни прислал, было бы интересно. Напишите ему: 4 rue Tureau-Dorangin, Paris 15e.

У него есть жена – Присманова (Вы, верно, знаете о них от Чиннова, их друга). Она – но это между нами, пожалуйста! – бледнее и как-то менее оригинальна, чем он, но в том же нео-тредьяковском духе³.

У меня с Гринбергом было условие: корректура! Возвращаю немедленно, но без нее ни на что не согласен, зная по опыту, что без авторской правки ошибки бывают всегда.

Ну, кажется, все.

Стихи Ваши о белоголовом мальчике совсем прелесть, и я нахожу, что Чиннов с советами «не печатать» чересчур щепетилен или имеет какие-то свои резоны, глазу вооруженному не видимые⁴.

Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович.

Для успеха – не в глубоком смысле, скорей успеха в кавычках – нужно бы побольше мелочей, рецензий, откликов. Ведь с этого обыкновенно чтение журнала и начинают!

¹ Стихотворением Адамовича «Посвящение» открывался 4-й номер «Опытов».

² Об А.С.Гингере и его полемике с С.К.Маковским см. примеч.4 к письму 7. Сведениями о «недоразумении», произошедшем между Гингером и Гринбергом, мы не располагаем.

³ Анна Семеновна Присманова (1892–1960) – поэтесса.

⁴ С некоторой долей вероятности можно предположить, что «стихи о белоголовом мальчике» – неизданное стихотворение Иваска:

Я счастлив, не веря, не веря, но верил :

Его я, наверное, встречу.
Твои ли ресницы и плечи?
Тишайший таинственный вечер.
Следы заметающий ветер.

Ресницы и плечи. И лыжи.
Поморский, норвежский ли лыжник?
И брата и друга роднее и ближе.
Я только неловкий, мечтательный книжник.

Я только к несчастью. Ты дальнейшее счастье.
Свобода. Сияние. Зимнее солнце.
Ресницы и плечи. Горячее сердце.
Ты дальнейшее счастье. Я только к несчастью.

Я счастлив, не веря, не веря, я верил.

Ю<рий> И<васк>, 1952 (дек<абрь>)
(Amherst. Box 27. F.2)

Впрочем, эта тема была в стихах Иваска довольно постоянной (см., например, письмо А.Штейгера к нему от 30 января 1937: *Ливак Л. К истории «парижской школы»: Письма Анатолия Штейгера. 1937–1943 // CASS. P.89*).

Дорогой Юрий Павлович,

Вы меня просили ответить еще на каникулах, а я отвечаю из Манчестера, где, по Вашему предположению, у меня «мало времени». Нет, мало времени у меня именно на каникулах, где всегда всякая суета, приятная и неприятная. А здесь – тьма, одиночество, времени сколько угодно, п<отому> что Университет – не в счет.

Отвечать на Ваши мысли о русском ампире, о пушкинской эпохе, о слове «культура» – поздно¹. Не само по себе поздно, а потому, что Вы, конечно, забыли, о чем писали. Чьи это, кстати, стихи:

Теперь же упивайтесь ею...²

Вяземского?³ Перефразируя Розанова, он мог бы сказать: «Я-то, м<ожет> б<ыть>, и бездарен, да эпоха-то моя талантлива!»⁴ Конечно, Вяз<емский> бездарен далеко не был, но прелесть его – от выделки и стиля, всем в его время свойственным.

Спасибо за «Июнь»⁵ и за стихи. У Вас все больше общего становится с Вяч. Ивановым, – только Вы тоньше, гибче и как-то человечнее его. Вы как будто догадываетесь, что он хотел в поэзии сделать (и не мог) и переводите на свой лад. Нисколько не упрекаю Вас в подражании: это совпадение, продолжение, не подражание. У Вас слова легкие, <у>⁶ Вяч. И<ванова> в каждом – сто пудов. Сходства прямого нет, но он как будто передал Вам свое вдохновение, у него начавшееся где-то в Греции, и которое он хотел, как мост, перекинуть к современности. «Июнь» – почти непрерывно – подлинная поэзия, только я боюсь за его участь в печати, по вульгарности вкусов, по привычке к дурно-приперченной поэтической пище и т. д. Скажут: «мертво», ничего не разобрав другого, не почувствовав реакции против улично-площадных новшеств и злободневностей, с невозможными метафорами, паузами и всеми прочими прелестями. Не уловив благородства и горечи. То же – и в отдельном Вашем стихотворении («Ивы нежности...»⁷). Впрочем, с Вашей манерой (в этом стихотворении) я лично не совсем согласен. По-моему, и я все больше это думаю, надо бы всяких «несказанностей», недоговоренностей и намеков оставлять как можно меньше, поливать все это серной кислотой логики и прозы, чтобы осталось только то, что всякую кислоту выдержит (осталось, т. е. уцелело – после всех усилий превратить стихи в самую обыкновенную речь). Вы, наоборот, культивируете полу-слова, и поливаете их не кислотой, а чем-то питательным. «Родимое ничего»: очень хорошо сказано, но я всегда вспоминаю Базарова: «Не говори красиво»⁸. То же самое, сказанное сквозь усилие сказать абсолютно понятно и просто, было

бы выразительнее и как-то трагичнее, именно от отсутствия нужных слов.

Не думайте, что я с Вами спорю: я говорю, а не спорю, зная, что Вы один из двух-трех людей, с которыми о стихах и стоит говорить.

Еще раз благодарю Вас за присылку текстов.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г.Адамович

P.S. Прочел на днях Ваш отзыв о Ходасевиче⁹. Что же, Вы правы: книга не плохая. Но уверяю Вас, Белинский со всеми своими промахами и наивностями больше понимал, дальше видел, глубже чувствовал, чем Х<одасевич>, у которого все, в сущности, верно, все умно (или вернее – не глупо) и все непоправимо – мимо. Я этого не люблю говорить в печати, п<отому> что долго с ним спорил, да и не был никогда с ним в подлинно хороших отношениях¹⁰. Но, прочтя его книгу, снова почувствовал то же самое: ограниченность и надуманную позу какой-то мудрости и всепонимания.

¹ Судя по всему, размышления Иваска в неизвестном нам письме были связаны с его работой над диссертацией и, в частности, над статьей: *Ivask G. The "Empire" Period // Russian Review. 1954. Vol.13, №3. P.167-175.*

² К этому вопросу Иваск сделал примечание: «Это из "Евгения Онегина". Ю.И.». См.:

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
(Гл. 2, XXXIX)

³ Творчеству П.А.Вяземского была посвящена диссертация Иваска.

⁴ Имеются в виду неоднократно упоминавшиеся Адамовичем слова В.В.Розанова из статьи «Заметки на полях непрочитанной книги»: «Я – бездарен; да тема-то моя талантливая» (*Розанов В.В. Во дворе язычников // Собр. соч. Т.10. М., 1999. С.141*).

⁵ Приводим это неизданное стихотворение Иваска:

Июнь

О, радость, радость: я жизнью бывалою
Снова дышу!

Дельви́г

1

Бронзовый мальчик-амур. Удушливый запах асфальта,
Пыли, сирени, тоски. Траурно-яркий июнь.
Мальчику же хорошо. Поззией Рима ли, рая
Бронза омыта его. Кто-то сказал, что война.

О, если я выживу, выживу, Господи
Боже, клянусь
Свободой, песней,

Я снова, я снова
 Дыханием каждым
 Творцу и творению
 Хвалу воспою.

Может быть, завтра умрет веснушчатый звонкий мальчишка:
 Вырос бы – Гектором был. Дылда задумчивый, Федр,
 Книгу уже не дочтет. У плачущей матери Трои
 Выпал из рук ридикюль. Сплетницы-парки прядут.

Увы, достойны ли все мы бессмертия?
 Даже такой
 Обычной жизни,
 Сирени ли, пыли,
 Скамьи у фонтана
 Журчащей поэзии –
 Достойны ли мы?

Мать, и мальчишки, и те, прядущие дуры, и автор,
 Знаете ли, что сейчас вечность уже на земле?
 Город, июнь, духота и даже божок у фонтана –
 Это Элизий земной! Если бы растолковать.

О, радость, радость, равно недостойные,
 Дышим еще
 И сердце знает,
 Что двадцать второго
 Июня (военного) –
 Мы счастья дыхания
 Достойны еще.

2

Камни, пустыня, июнь: иной, но единственный тоже.
 Белая едкая пыль. Розовый цвет: Иван-Чай,
 Сыздетства милый, опять. Дырявый амур у фонтана.
 Трубы и стены руин после троянской войны.

Я выжил! Радость, о детская, жадная,
 Радость моя!
 За что, о Боже,
 Помиловал сына!
 И едкою пылью
 Июня и вечности
 Дышу я, дышу.

Горем обглодана мать проклятой, разрушенной Трои.
 Черный ее ридикюль. Хлебные марки. Госка.
 Пали ее сыновья. Но снова – другие мальчишки
 Книги читают, кричат. Город отстроится тот.

Но *ничего* не забудется матерью.

Вечность ее:

Обида, слезы,

Сияние-память.

Все носит под сердцем

Мальчишек умученных

Троянская мать.

Рано еще говорить: ни города нет, ни июня.

Розовый лишь Иван-Чай. Умерли деды, отцы.

Отчее синее небо. Юные матери-девы,

Юные их сыновья. Радость и рай бытия.

Хвала, хвала и сияние чистое,

Радость вполне.

Слова иссякли.

Божок развалился.

Прозрачные струи

Источника вечности

И мать, и друзья.

Весна 1954

(Amherst. Box 27. F.2)

Стихотворение существует в нескольких незначительно друг от друга отличающихся вариантах.

⁶ В оригинале – «а».

⁷ Приводим два варианта (или различных стихотворения, одинаково начинающихся), сохранившихся в архиве Иваска:

* * *

Ивы нежности, ивы жалости

И поэзии земной.

Земляничное сердце – алое,

Запах жизни – запах грибной.

Ключья, кольца дыма над хворостом,

Сыновьями сложенным здесь.

Если горести, если горести, –

Разве мало радости здесь.

И оттуда сюда – воочию –

Свободное, синее, отчее

Откровение его,

Только *ничего*.

Сизые, дымно-туманные,

Витиевато виясь,

Привидения, испарения,

Песнопения – мы связь.

* * *

Нежность, жалость юной матери

И поэзии сыновей.

Пение панихиды-памяти,
 И кадило, и вздох друзей.
 Мать и память, память вечная,
 Кольца – ключья, дым – фимиам.
 Небо синее, бесконечное,
 Ничего оно и храм.
 Если свиться дыму сизому,
 Сыну, сыну сказала мать,
 Свиться памяти и небу синему
Ничего, и опять, опять.
 Полдень-рай, июль по-прежнему,
 Земляничный, грибной, лесной:
 Полдень жалости и нежности
 И поэзии земной.

(Там же)

Вероятно, Адамович получил какой-то иной вариант стихотворения.

⁸ В романе И.С.Тургенева «Отцы и дети» (1862) эта фраза звучит так: «О друг мой, Аркадий Николаич, не говори красиво».

⁹ Имется в виду статья: *Иваск Ю.* Взыскательный критик (О Ходасевиче) // НРС. 1954. 5 сентября. Она была посвящена появлению сборника Ходасевича «Литературные статьи и воспоминания» (Нью-Йорк, 1954).

¹⁰ О литературных отношениях Адамовича и Ходасевича см.: *Hagg-lund R.* The Adamovič – Hodasevič polemics // *Slavic and East European Journal*. 1976. Vol.20, №3. P.239-252; Полемика Г.В.Адамовича и В.Ф.Ходасевича (1927–1937) / Публ. О.А.Коростелева и С.Р.Федякина // *Российский литературоведческий журнал*. 1994. №4. С.204-250.

14

4/XI-<19>54
 <Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

На этот раз отвечаю не совсем сразу. Простите.

Я *очень* рад, что Вам по душе мои стихи. Поверьте, говорю это вполне искренне, и не как редактору, а Вам просто, независимо от «Опытов». У меня к этому стихотворению больше личной привязанности, чем к другим¹.

Теперь об «Опытах».

Хорошо, статью об эмигр<антской> поэзии пришло к 15 декабря. Но пишу это и тут же соображаю: ведь затем Рождество, значит, все равно – отсрочка. М<ожет> б<ыть>, можно к концу месяца? Впрочем, как скажете, я торгуюсь так, по старой привычке.

Корректуру, конечно, верну через 24 часа. Даже через 2 часа. Наверно.

Статью – если можно – я хотел бы дать страниц на 15. Но если мало места, могу сделать короче. Тема расплывчатая, т. к. это будет

не обзор вовсе. Можно и развить, и сжать: всего все равно не скажешь.

«Мелочи о франц<узской> литературе, о фильмах»?² Знаете, я как-то здесь отстал от всего, а для «мелочей» надо бы быть именно «в курсе». Если что-нибудь придет в голову – пришлю. У меня есть одна побочная страсть – балет. Но входит ли он в Вашу программу? По существу это вовсе не пустяк и не блажь, но может придать журналу нежелательный салонный оттенок («Мир гибнет, а они заняты pas de deux...»)³.

Доверительно (как пишете Вы, но ведь и все доверительно – правда?).

Продолжение «Третьего Рима» особым восторгом меня не переполняет⁴. Я не любил и начала его, и боюсь, что это будет стряпня наспех, полу-Иванов, полу-Одоевцева (он ведь едва ли в состоянии писать теперь сам). Что с ними вообще «трудно», я знаю. Но через океан, м<ожет>б<ыть>, и не так уж трудно: только пишете им лестные письма и вообще не вступайте в споры! Да и в самом деле – они оба сотрудники ценные, только лучше бы без «Третьего Рима» из третьих рук. М<ожет>б<ыть>, он (или даже она) дал бы статью, взгляд и нечто?⁵

По одной Вашей фразе об Ульянове⁶ я чувствую, что он Вам не очень нравится. Мне тоже. Что-то самоуверенное и дубоватое, хотя и не без блеска. Г.Иванов, наоборот, им восхищен. Все-таки я бы его пригласил в «Опыты»: направление у него верное, если не самый тон. Как Ваши отношения с Терапиано? Спрашиваю, потому что сейчас прочел его статью о «Гранях», догадываюсь, что он – едва ли Вам друг (цитаты о Вас совсем никчемные по содержанию статьи). У него в голове – каша, но возвышенно-метафизическая⁷.

Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ См. письмо 12, примеч. 1.

² Идея такого раздела реализована не была.

³ О балете Адамович в «Опытах» не писал. О его балетомании см., к примеру, статью «Московский балет» (НРС. 1956. 19 октября). 11 июня 1955 он сообщал Одоевцевой: «Я пишу сейчас книгу о балете» (Эпизод со-рокапятилетней дружбы-вражды. С.411).

⁴ В конце 1920-х и начале 1930-х Г.Иванов опубликовал первую часть и отрывки второй из романа «Третий Рим» (Современные записки. 1929. Кн.39-40; Числа. 1931. №2-3). 9 августа 1956 он сообщал В.Ф.Маркову:

«Третий Рим» я напечатал все, что написан<о>, 100 стр., в «Совр<еменных> Записках» и обгрызки, какие были, в «Числах». У меня нет и никогда не было решительно ничего ненапечатанного. Бросил писать, потому что надоело, – конца-краю было не видно, писать трудно, получается вроде как чепуха. Напишу: «Князь Вель-

ский закурил папиросу...», а что дальше – решительно не знаю. Ну и бросил. Был скандал в «Современных> Записках», потом Вишняк успокоился – ведь речь не шла об Учредительном Собрании.

(Письма к Маркову. S.46)

Судя по всему, план продолжения романа был мимолетным и осуществления не получил.

⁵ Такой статьи ни Г.Иванов, ни И.Одоевцева для «Опытов» не написали.

⁶ Николай Иванович Ульянов (1904/1905–1985) – литературовед и историк. Единственная публикация Ульянова в «Опытах» состоялась значительно позже (Мысли о П.Я.Чаадаеве // Оп. 1957. №8. С.50-72).

⁷ См.:

Очень критикуют читатели антологию русской зарубежной поэзии, составленную Ю.П.Иваском: «количество не перешло в качество. Просто странно: талантливые поэты были, есть за рубежом, и можно бы, отобрав у них лучшее, составить впечатляющий сборник, а у составителя получилось нечто до того унылое и серое, что всякий, отчаявшись, закроет книжку». – «Составитель не только ухитрился выбрать не поэтов, а из поэтов выбрать не поэтическое, – пишет другой читатель, – но и систематизировал весь набранный им колхоз весьма своеобразно... Очень не повезло зарубежной поэзии в руках г. Иваска.

(Терапиано Ю. «Грани», книга 21 // НРС. 1954. 10 октября)

О сомнениях самого Терапиано относительно состава антологии см.: Письма Терапиано. С.252-254, а также его рецензию (РМ. 1953. 10 февраля). В «Опытах» Терапиано печатал рецензии, довольно благожелательно рецензировал журнал в «Русской мысли».

15

13/XI-<19>54 г.
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович.

Наши письма «разминулись».

Я писал Вам о том, нельзя ли статью прислать к Рождеству. Но вижу, что нельзя. Значит, будет она у Вас в срок – 15 декабря, как Вы пишете, срок «сверх-крайний».

Буду ли упоминать о Цветаевой? Не знаю¹. Упомянуть я вообще ни о ком не хотел бы, т. к. думаю написать «вообще», о теме поэзии, а не об отдельных поэтах. Но по пути писания часто все меняется, т<ак> что – не знаю. Я Цветаеву не то что «не люблю», нет. У нее есть строчки, которые я никогда не забуду, их нельзя забыть. Но в ней была институтка, с капризами и наскоками, вот только это меня в ней всегда раздражало. Был в Париже такой ротмистр Посажной, выпустивший смехотворную книжку стихов и афоризмов². Там было «Цветаева – это наша Царь-дура»³. Мне очень это понравилось, в

том смысле, что в Ц<ветаевой> было нечто царственное, но была и дура, вернее, дурь. У меня были с ней очень странные личные отношения, о кот<орых> долго писать (но многое меня в них очень удивило)⁴.

Кантору я писал, что Вы ему напишете. Он человек аккуратный и уже справился: как Ваше имя-отчество? А вот Червинской тоже стоило бы написать, если еще не поздно: думаю, что даже какие-то заметки были бы от нее интересны (38, rue Saint-Lambert, Paris XV)⁵.

Я не совсем понял, что Вы пишете о «жисти», «жизни», о том, что «прекрасная жизнь» портит всю страницу... О чем это и о ком?

Ну, кончаю – и, как обычно, желаю успеха в Ваших редакторских трудах.

Ваш Г.Адамович

Здесь я до 17 декабря. Потом – месяц в Париже.

¹ В статье Адамовича «Поэзия в эмиграции» М.Цветаевой посвящен довольно большой пассаж (опубл.: Оп. 1955. №4. С.49; фрагмент статьи приведен в книге: Марина Цветаева – Георгий Адамович: Хроника противостояния / Сост., вступит. ст. и примеч. О.А.Коростелева. М., 2000. С.106-107).

² Алексей Васильевич Посажной (?–1964) – поэт-дилетант, автор ряда поэтических сборников: 1) Эльбрус. Стихи: Легион шестой. Париж: Изд. автора, <Б/г.>; 2) Песни машины. Стихи: Легион седьмой. 1924–1926. Париж: Изд. автора, <Б/г.>; 3) Залим. Стихи: Легион девятый, январь 1928. Париж: Изд. автора, <Б/г.>. О каком из них идет речь в письме, неизвестно.

³ Определение «царь-дура» применительно к Цветаевой было широко распространено, поскольку основывалось на перефразировании названия ее поэмы «Царь-девица».

⁴ Об отношениях Цветаевой и Адамовича см.: Марина Цветаева – Георгий Адамович: Хроника противостояния.

⁵ М.Л.Кантор печатался в «Опытах» довольно активно (см. ниже), а Л.Д.Червинская после двух стихотворений в первом номере, более ничего в журнале не опубликовала.

Дорогой Юрий Павлович

Отвечаю по пунктам на письмо Ваше от 16 ноября.

1) Статья будет у Вас в срок, если ничего не случится абсолютно непредвиденного. Надеюсь – не случится. Я бы написал ее и раньше, но должен кончить кое-что из пре<д>положен<ной> книги для Чех<овского> Изд<ательств>ва, и хочу кончить в срок, «во избежание недоразумений», которых боюсь по соображениям финансовым¹.

2) Бахрах² в Финляндии, но не знаю – надолго ли. Можете ему писать на парижский адрес: 52, Boulevard Murat, Paris XVI (Mr. Vacherac).

3) Проза Одарченко³. То, что я знаю, – по-моему, очень хорошо. Я не люблю его стихи – вечные анекдоты с рифмами. Но он умный и даровитый человек, бесспорно. (Большой пьяница, да еще что-то вроде морфиниста.) Когда-то он читал мне отрывки из книги о Гитлере: фантастично, но хорошо, да и рассказы были очень хорошие.

4) Рейс или Райс⁴.

Это человек с редким слухом к стихам и притом с полным отсутствием поэтического дара (в том, что я читал). Думаю, что он для Вас годится, но нужен контроль: может неожиданно написать, что Пушкин ничего не стоит, а первый русский поэт Дряхлов или Трубецкой⁵. Впрочем, в мыслях его есть и полет, и прелесть.

5) Цветаева.

Не буду диспута нашего продолжать. Всего не скажешь. Как Гоголь ответил Белинскому: «Вы что-то знаете, чего не знаю я, но и я что-то знаю, чего не знаете Вы»⁶.

6) Вовга из Оксфорда⁷.

Я о нем слышал, как о «профессоре поэзии», довольно водянистом, но с интересом ко всему русскому. Что он интересуется балетом, не знал. Если чем-нибудь я могу быть ему полезен, «готов слушать» – и против того, чтобы Вы ему дали мой адрес, ничего, конечно, не имею.

7) В Париже буду, вероятно, 18 декабря, на месяц.

Адрес: 7, rue Frederic Bastiat, Paris VIII

До свидания. Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ Речь идет о книге «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955). Подробнее см. в комментариях О.А.Коростелева и сопроводительных материалах в изд.: *Адамович Г. Собр. соч.: Одиночество и свобода*. СПб., 2002.

² Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) – литературный критик и мемуарист. В «Опытах» не печатался. Письма Адамовича к нему опубликованы (вероятно, частично): Письма Г.В.Адамовича А.В.Бахраху / Публ. Вадима Крейда и Веры Крейд // НЖ. 1999–2003. Кн.216, 217, 223, 224, 225, 228, 230 (начиная с №223 публикатором означена только Вера Крейд).

³ См. о нем письмо 11, примеч. 3.

⁴ Эммануил Матусович Райс (1909–1981) – поэт и критик. Ввиду малоизвестности его биографических данных приведем то, что восстанавливается по *curriculum vitae*, приложенному к письмам Иваску (Amherst. Box 5. F.47). Родился в Хотине 14 августа 1909, там же окончил школу в 1927, учился на юридических факультетах в Бухаресте (окончил в 1931) и Париже

(диплом магистра в 1934), faculté des lettres в Сорбонне (М.А. 1946), получил также диплом журналиста в Высшей школе социальных наук в Париже (1936) и диплом библиотекаря (Париж, 1955). Работал адвокатом в Хотине (1931–1934), занимался в Лионе издательской работой (1939–1942), был в Сопротивлении в Гренобле и в Сен Лоран де Понт (1943–1945). После войны занимался частным преподаванием языков (свободно владел русским, французским, английским, немецким, украинским и румынским, а также латынью, испанским, португальским, голландским, польским, чешским и шведским), работал в парижских библиотеках, в том числе в Bibliothèque Nationale и в библиотеке Ecole de langues orientales. В «Опытах» не печатался. Биографическую справку о нем см. также: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С.683. Ср. отзыв Терапиано в письме Маркову от 17 июня:

Что же касается Э.Райса – его-то я знаю хорошо! Он одаренный, но хаотично-сумбурный человек, а о поэзии судить никакого права не имеет. Зная множество языков и не чувствуя по-настоящему ни одного, он все время изрекает парадоксы, вроде того, что все мировые прозаики – плохое искусство, лучший поэт эпохи, мол, «Х» – к<акой>-то совсем не ведомый графоман (называет имя – о, это имя!) и т. п.»

(Письма Терапиано. С.336-337)

⁵ Валериан Федорович Дряхлов и Юрий Трубецкой (Юрий Павлович Нольден; 1903–1974) – малоизвестные поэты.

⁶ Речь идет об ответе Гоголя, датированном 10 августа 1847, на знаменитое письмо Белинского к нему: «Как мне нужно узнавать многое из того, что знаете вы и чего я не знаю, так и вам тоже следует узнать хотя бы часть того, что знаю я и чем вы напрасно пренебрегаете» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т.13. М., 1952. С.361).

⁷ Сэр Сесил М. Боура (1898–1972) – известный английский литературный критик и литературовед, профессор Оксфордского университета.

17

15-го /XII-<19>54 г.
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович,

Вот статья. Опаздываю с отсылкой на 24 час<а> из-за того, что задержалась переписка. Простите.

Послезавтра я еду в Париж (<адрес>). Очень прошу корректуру, как Вы обещали. Верну в тот же день (и корректуру стихов!). Возможно, что в начале января я поеду на 10 дней в Ниццу – тогда Вам сообщу и дам адрес, чтобы в случае чего корректура не ждала меня в Париже!

Крепко жму руку

Ваш Г.Адамович

Дорогой Юрий Павлович

Спасибо за письмо с мелочами насчет «Опытов». Они все мне интересны.

Статью вышло, м<ожет> б<ыть>, даже раньше 15-го, но наверно – не позже. Боюсь только, что в ней окажется больше 15-ти страниц. Хотя Вы очень любезно написали, что «это – ничего», я знаю, что, когда все рассчитано, это может оказаться очень «чего». Постараюсь вместить в 15 страниц (на машинке, считая 25–28 строк на странице). Я пишу урывками, т. к. занят сейчас перед каникулами. Хочу сказать, как Розанов: «М<ожет> б<ыть>, я бездарен, да тема-то моя талантлива»¹. Очень интересная тема, хотя и «для немногих» (это уж не Розанов, а Жуковский!)².

Кое-что о том, что Вы сообщили.

С Райсом надо держать «ухо остро». У него каша в голове, но бывает и хорошая. Как когда!

Кантор письмо Ваше получил. Самус ему не по душе³. У него есть афоризмы – русский Ларошфуко, – кот<орые> он, кажется, хочет Вам предложить. Не знаю, как Вы к ним отнесетесь⁴. Я бы лично не поместил (какой-то дурак написал в «Н<овом> Р<усском> С<лове>», что «я лично думаю» – форма бессмысленная, п<отому> что не лично думать нельзя. Будто «я думаю» и «я лично думаю» – то же самое!)

Гингер... «Сами все знаем, молчи». Я эту его Агнию⁵ никак в толк не возьму! Но его так много обижали, а сам он так умен, мил и оригинален, что не печатать его – грех. (Простите, это никак не попытка вмешательства в Ваши прерогативы, а просто – разговор, как и о Канторе.)

Что Варшавский интересен и ценен, не сомневаюсь.

А что напишет сам редактор? Или уже написал?⁶

Крепко жму руку

Ваш Г.Адамович

P.S. Я наконец получил «Нов<ый> Журн<ал>» и прочел Маркова. Кое-что очень верно, по-моему, а целое чуть-чуть мимо. Меня удивило, как плохо статья написана. Вы понимаете, конечно: грамотно, гладко – и плохо, вроде, как писал Бердяев⁷.

Хорошо, что будет рецензия на Раевского⁸. У него действительно есть неплохие стихи, несмотря на слишком хорошие чувства. И Вы правы: бранить поэтов вообще не надо «в своем кругу». Достаточно бранят извне. Не думаете ли Вы, что нужны бы отзывы обо всех сборниках стихов?

¹ См. письмо 13, примеч. 4.

² «Для немногих» – название альманаха, издававшегося В.А.Жуковским в 1818 для будущей царицы Александры Федоровны (помимо русского, альманах имел еще и немецкое название «Für Wenige»).

³ Речь идет о французском писателе и философе Альбере Камю (1913–1960). Позже (вероятно, в связи с полученной Камю Нобелевской премией) Иваск снова предложил Кантору написать о нем, на что 9 ноября 1957 получил ответ: «О Камюсе у меня, признаться, нет охоты писать. Как и все, испытываю к нему уважение, но не интерес» (Amherst. Vox 3. F.66).

⁴ Публикация состоялась: *Кантор М. Записи // Оп. 1955. №5. С.16-19.*

⁵ Речь идет о псевдониме А.С.Гингера «Агния Нагаго». Под этим псевдонимом в 9-м номере «Опытов» был напечатан рассказ «Борьба за тепло» (см. примеч 4 к письму 76).

⁶ О материалах Иваска в 4-м номере «Опытов» см. письмо 26.

⁷ Имеется в виду статья В.Маркова «Мысли о русском футуризме» (НЖ. 1954. Кн.38. С.160-181).

⁸ Речь идет о рецензии на «Третью книгу стихов» Георгия Раевского (Георгий Авдеевич Оцуп; 1897/1898–1963), которую для 4-го номера «Опытов» написал сам Иваск.

19

16/XII-<19>54
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Утром я отправил Вам статью (заказным). А думать о ней я продолжаю и, скомкав многое в конце, «терзаюсь» тем, как многое упущено и пропущено.

Будьте так добры, если можно, добавьте кое-что в самом конце, между *предпоследней* и *последней* фразой. Все-таки будет хоть намек на то, о чем следовало сказать подробнее.

Конец я хотел бы такой:¹

¹ Окончание письма отсутствует.

20

25/XII-<19>54 г.
<Париж>

Дорогой Юрий Павлович

Получил сегодня Ваше письмо. Спасибо. Я рад, что статья моя Вам пришла по душе. Она скомкана и написана все-таки наспех, но т. к. думал я о ней давно, то самые мысли в ней – не «наспех». Ваш отклик был мне действительно дорог.

Фраза, неясно отпечатанная, должна читаться так:

Во французском нашем смущении...

Сейчас я в Париже. Подтверждаю, что 3-го января еду в Ниццу (<адрес>).

Если будет отмена, сообщу. 12 или 13-го вернусь в Париж, на три дня, а потом – Манчестер. Это все – на предмет корректуры.

Поздравляю с «доктором»!¹ Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

Dylan Thomas'a я пробовал читать². Но я недостаточно знаю язык, чтобы составить о нем мнение, очень понравилась мне «Lamento» <?> (кажется, так).

¹ Речь идет о том, что Иваск защитил диссертацию в Гарварде.

² Дилан Томас (1914–1953) – известный английский (валлийский) поэт. Иваск говорил о нем в беседе с Л.Диенешем: «Дилан Томас – младший английский поэт, которым я восхищаюсь» (*Диенеш Л. Играющий поэт: Штрихи к портрету Юрия Иваска // СASS. P.176*).

21

18/І -<19>55
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович,

Сегодня в 10 часов получил корректуру.

Возвращаю в 2 часа!

В стихотворении все точно, поправок нет. В статье – кое-какие мелочи, тоже совсем мало. У Вас хорошие наборщики.

Если можно, я хотел бы, чтобы имя мое в статье (или перед ней) было Георгий Адамович, а не Г.Адамович, как набрано. Не то что бы я за «Георгия» так уж держался, но это моя постоянная подпись: не стоит изменять.

Относительно всего другого напишу на днях. Сейчас спешу.

Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

22

14/ІІ -<19>55
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Давно собираюсь Вам писать: ответить на письмо Ваше от 13/І, но был болен, а теперь вожусь с глазами после гриппа. Сижу в темных очках, пишу и читаю с трудом. Оттого и почерк соответствующий.

Корректуру, надеюсь, Вы давно получили.

1) Относительно Розанова: если упомянули обо мне – что же, спасибо!¹ Но «отталкивания» от Р<озанова> у меня нет. Просто я его меньше люблю, чем прежде. Р<озанов> – писатель, которого можно дочитать до дна: больше нечего читать, все вычитано. Объяснение, верно, в том, что он был болтун, ни о чем не промолчал. Не о чем догадываться. Конечно, молчание нарочитое – кокетство и вздор. Но бывают люди, котор<ые> не в силах всего сказать, и из них-то и выходят писатели, которых любишь всю жизнь.

2) Написать для «Опыт<ов>» о «Петлистых ушах» и Леонтьеве².

О «Ушах» я писал в «Н<овом> Р<усском> Слове», и большого энтузиазма у меня к ним нет (хотя книга хорошая)³. Леонтьева («Голубь») у меня нет. Чеховск<ое> Изд<ательств>о книг не посылает, а достать его мне здесь нигде.

На крайность могу написать и о «Петл<истых> ушах». Но приятно слышать, что, значит, «Опыты» – продолжают. Сегодня получил письмо от Чиннова, кот<орый> между прочим сообщает, что у Вас нелады с парижанами (Терапиано, Ивановы). Из-за чего? С Ивановыми ладить нелегко из-за капризов, а Т<ерапиано>, вероятно, чем-нибудь уязвлен.

Да, есть к Вам дело неожиданное: С.А.Коновалов, оксфордский профессор, жалуется, что его «Oxford Slavonic Papers» никем и никогда не отмечаются в русской печати⁴. Я ему советовал написать Вам, попросить дать рецензию в «Нов<ый> Журн<ал>» и, м<ожет> б<ыть>, «Опыты». Но он считает, что ему как редактору «O<xford> S<lavonic> P<apers>» неудобно просить о его детище, – а по его желанию делаю это я. У Вас журнал, по словам Коновалова, есть. Если не очень не хочется, напишите несколько слов о нем. Или посоветуйте, кто бы написал (Конов<алов> боится, что напишет Г.Струве⁵, но это между нами). Журнал, кстати, почтенный и солидный, хотя порой и не без вздора.

До свидания. Крепко жму Вашу руку: Вы так и не ответили, намерены ли Вы напечатать цикл Эвальда (т. е. Кантора). Честное слово, стихи неплохие!

Ваш Г.Адамович

¹ Речь идет об изд.: Розанов В.В. Избранное. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. В предисловии к нему Иваск писал: «Г.Адамович: Розанов – “гениальный болтун”, у него не было божественного дара умолчания, но “были годы, когда для меня не существовало другого писателя, другого ума, другого круга мыслей, даже другого стиля” (кроме розановского)...» (с.9). Об отношении Адамовича к Розанову см.: Письма Г.В.Адамовича к З.Н.Гиппиус. 1925–1931. С.438-439.

² Имеются в виду книги издательства имени Чехова: сборник рассказов И.А.Бунина «Петлистые уши» и «Египетский голубь» К.Н.Леонтьева (книга

была подготовлена Иваском). Первую книгу в итоге рецензировал М.Кантор (см.: Оп. 1955. №5. С.55-56), а вторая осталась неотцензированной.

³ См.: *Адамович Г.* «Петлистые уши» (Новый сборник рассказов Бунина) // НРС. 1954. 31 октября.

⁴ Сергей Александрович Коновалов (1899–1982) – историк и литературовед, с 1945 – профессор Оксфордского университета. В 1950 основал ежегодник «Oxford Slavonic Papers» (выходит до настоящего времени, в «новой серии») и редактировал его. В «Опытах» о журнале специального отзыва не появлялось.

⁵ Глеб Петрович Струве (1898–1985) – литературовед и поэт. В эти годы был профессором Калифорнийского университета в Беркли. К его деятельности Адамович относился несколько настороженно.

23

3/III-<19>55 г.
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович,

Получил сегодня Ваше письмо и отвечаю сразу – вот почему:

хочу попытаться убедить Вас и Марию Самойловну¹ не выпускать 5<-й> № «Опытов» весной, а выпустить его осенью! Вы пишете, что №4 выйдет через 15–20 дней. Значит, к 1-му апреля. Читатели привыкли, что «Опыты» выходят редко. Месяца два №4 будет «новинкой», особенно в Париже и вообще в Европе. Значит, появлению №5 в июне–июле покажется неожиданно <так!>. Кроме того – потом сразу начнется лето, а книга, вышедшая до лета, осенью всегда считается книгой *старой*, и у №5 pour ainsi dire² не будет молодости³.

А самое главное и важное: если Вы готовите №5 к лету, то, значит, будете спешить. Спешка никогда ни к чему доброму не ведет. Гоголь писал о петерб<ургских> и московск<их> журналах, что первые выходят аккуратно, но отстают от века, а вторые опаздывают, но зато идут с веком вровень⁴. Будьте журналом московским! Правда, не к чему и незачем торопиться. Выпустите №5 в сентябре! Это во всех отношениях лучше, и наверно книжка будет полновеснее и значительнее. Не надеюсь Вас убедить, но все-таки пробую – и уверен (что не всегда бывает), что в данном случае я совсем прав.

Разговоры о программе №5 откладываю именно в этой надежде. Мысль о Стравинском – смелая и верная⁵. Он бесспорно человек замечательный (хотя едва ли умеет писать). Но его нельзя торопить. Пошлите ему журнал. Он вообще презрителен ко всему эмигрантскому, но он «декадент» (по воспоминаниям) + черносотенец, и, я думаю, Вы можете его поддеть на Леонтьева, т. е. не то что бы он о нем написал, но сойдясь с ним в симпатиях к таким людям и явлени-

ям. Лифарь? Едва ли. Он, конечно, напишет и будет польщен. Но о чем? Не о Пушкине же. Если о балете – пожалуй⁶.

Два слова о стихах Кантора. Вы меня не поняли, раз пишете, что попросите у него стихов. У Вас в редакционном «портфеле» должен быть (еще от Гринберга) цикл стихов Эвальда. Это и есть Кантор, об этих стихах я Вам и писал.

Скрипты «в Россию» написал бы с восторгом и усердием, – если сумею⁷. Это очень хорошая мысль, очень верная. Надо бы несколько «скриптов». Но сейчас я очень занят, а к лету написал бы, т. е. попробовал бы. Тут трудно то, что надо забыть себя и отстаивать не то, что именно тебе дорого, а дорого вообще и всем. И тон нужен верный, не развязный и не слезливый.

До свидания.

Внемлите моему совету о №5.

Ваш Г.А.

<Приписка Иваска:>

Марья Самойловна, прочтите это письмо Адамовича! И, пожалуйста, верните. Что Вы думаете об этом? Предлагаю следующее: готовить №5 к июню, но, если не будет материала оч^{чень} высокого качества, отложим печатание на август и выйдет к 1–15-му сентября. Обдумайте! Как достать адрес Игоря (отчество) Стравинского? Спросите З.Р.Венгерову. Но не надо об этом говорить, чтобы не перебили эту идею!

¹ Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина, в первом браке Авксентьева; 1882–1976) – издательница, общественная деятельница. Вдова поэта М.О.Цетлина. Была издательницей «Опытов» и меценаткой «Нового журнала».

² Так сказать (*франц.*).

³ Судя по всему, 5-й номер «Опытов» вышел в самом конце 1955. Адамович откликается на его появление в письме от 6 января 1956, Г.Аронсон рецензировал его в «Новом русском слове» лишь 29 января.

⁴ См. в статье Гоголя «Петербургские записки 1836 года»: «В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками; в Петербурге журналы неидут наравне с веком, но выходят аккуратно, в положенное время» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т.8. С.178).

⁵ Игорь Федорович Стравинский (1892–1971) – знаменитый композитор. Его сотрудничество в «Опытах» не состоялось.

⁶ Сергей Михайлович Лифарь (1905–1986) – танцовщик труппы С.П.Дягилева, балетмейстер парижской Grand Opéra, знаменитый коллекционер. В его собраниях находились письма Пушкина к невесте, которые в 1935 были опубликованы отдельным изданием.

⁷ План создания серии «скриптов» (так назывались тексты передач радиостанции «Освобождение») реализован не был. Подробнее об этом см. в письме 24 и далее.

Дорогой Юрий Павлович,

Le style c'est l'homme¹, и если бы Вы даже не написали мне вскользь о своей усталости, я почувствовал бы в тоне Вашего письма, что что-то не ладится. Стиль – не только человек «вообще», но и человек в данную минуту. Надеюсь, что у Вас именно – минута и что все уже вошло в норму. Во всяком случае, от души желаю этого.

Как обычно, отвечаю по пунктам.

1) Матерьял для №5. Вы упоминаете о письмах Цветаевой к Штейгеру². Если уже будет кое-что штейгеровское, можно бы попросить у сестры его Аллы Головиной³ какие-нибудь его письма, дневники и т. д. Я знаю, что он писал дневник⁴. Выдержки, наверно, матерьял, стоящий того, чтобы его поместить. Но есть и «но»: надо просить <и>⁵ саму Головину дать что-нибудь. Адреса ее я не знаю, а если не знаете и Вы, то знает наверно Терапиано.

2) Стравинский (мое «посредничество»)⁶.

Писать ему я не хочу. Если Вы ему напишете, то против того, чтобы Вы на меня сослались, я, конечно, ничего не имею. Не уверен только, что на него это подействует. На него «действовать» вообще трудно. Все эмигрантское он терпеть не может, а если притом и бесплатно (по его масштабам), то и подавно. О нем хорошо сказал Дягилев⁷: «Наш Игорь больше всего любит Боженьку и денежки». Если будете писать, попросите, по-моему, что-нибудь о музыке – или о чем хочет. Можно о Хомякове, которым, насколько помню, он восхищался. Самое было бы пикантное – о Победоносцеве.

3) Кто напишет о Ставрове? Если Терап<иано> отказывается, мог бы написать С.Маковский, его друг (?) и, кажется, любивший то, что С<тавро> писал⁸. Каюсь, я не любил никогда.

4) «Скрипты» о России.

Не только «не возражаю» против идеи (как Вы пишете), а считаю ее самой нужной, самой верной, хотя и самой трудной. Кому Вы предложили их писать? По-моему, если уровень качественный будет не очень высок, то нужно взять хотя количество, – и даже если бы весь журнал оказался этим занят (для одного №, конечно), беды бы не было.

Вы пишете о рассказах. Рассказы, в сущности, – балласт при такой общей программе, как у Вас. Рассказы стоило бы печатать только такие, которые «что-то» несут и дают. А это редкость. Стихи, по крайней мере, мало занимают места, а тратить место на беллетристику «вообще», будто бы обязательную и для журнала нужную, – жаль. Я уверен, что для «Опытов» – статьи, «скрипты», письма

и т. д. много нужнее и важнее. Лично я «Скрипт в Россию» написать хочу очень и попробую это сделать. Но не теперь, а в мае или июне. Дней через 10 я еду в Париж, на месяц. Там у меня жизнь глупая и суетная, по моей же глупой суетности. Значит, могу написать, только когда вернусь в Англию. Варшавский, кот<орый> хорошо меня знает, наверно это подтвердит.

5) Татищев⁹. Я мало его знаю. Он мне казался мало талантливым, но скорей умным, хотя с какой-то претензией, и чуть-чуть напыщенно умным. Но, м<ожет> б<ыть>, я и ошибся.

6) Афоризмы Кантора!¹⁰ Очень жалею, что в №4 они не вошли! Он человек сверхскромный и, наверно, их ждал. Надеюсь, что Вы ему написали в сверхделикатных и горестных тонах об этом происшествии.

Кажется, все. Уезжаю я в Париж 25–28 марта. Буду там до 24 апреля. Адрес: <...>.

Если «Опыты» вышли и мне их еще не послали, лучше, конечно, послать в Париж (но с расчетом на 24 апреля как на крайний срок получения).

Крепко жму руку. Не впадайте в уныние от редакторских трудов, а главное – от того, что редакторов испокон веков больше бранят, чем хвалят. (И все дают советы: я в том числе!)

Ваш Г.Адамович

¹ Стиль – это человек (*франц.*). Афоризм Ж.-Л.Л. де Бюффона.

² Письма М.Цветаевой к А.Штейгеру были опубликованы в № 5, 7 и 8 «Опытов» и вызвали массу разноречивых откликов. Адамовичу они решительно не понравились (см. письмо 38 и примеч. 11 к нему; примеч. 3 к письму 51).

³ Алла Сергеевна Головина (1909–1987) – поэтесса, сестра А.С.Штейгера. Жила в Швейцарии, с 1966 – в Бельгии.

⁴ См.: *Штейгер А.* «Я стремлюсь в Париж»: Из писем и дневниковых записей / Публ., вступит. ст. и примеч. Л.Мнухина // Русская мысль. 1998. №4247, 26 ноября – 1999. №4253, 14 января.

⁵ В оригинале – «у».

⁶ Адамович был знаком со Стравинским, общался с ним на вилле своей тетки в Ницце. См.: *Адамович Г.* Встреча с Игорем Стравинским // НРС. 1971. 20 апреля; то же: РМ. 1971. 22 апреля. В России статья перепечатана в составе подборки его балетных публикаций: *Адамович Г.* Нелитературные беседы, или Торжество над материей / Публ. О.Коростелева и С.Федякина; вступит. ст. О.Коростелева // Дружба народов. 1997. №5. С.208-220.

⁷ Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) – выдающийся меценат, организатор художественных выставок и театральных предприятий.

⁸ Перикл Ставрович Ставров (1895–1955) – поэт; был председателем Общества русских писателей и поэтов во Франции, членом редколлегии

издательства «Рифма». Скончался в начале февраля 1955. 12 марта 1955 В.Л.Пастухов писал Иваску: «Бесконечно печальны были похороны Ставрова – на кладбище только кучка друзей – и все это, в общем, кандидаты!» (Amherst. Box 5. F.11). Заметку о Ставрове Иваск попробовал заказать Ю.Терапиано, однако тот отвечал ему 10 марта: «Что же касается заметки о Ставрове, я уже поместил в “Новом Русском Слове” статью о нем, и во второй раз высказываться мне нельзя. Но думаю, что Варшавский, например, который хорошо знал Ставрова, может хорошо о нем написать» (Там же. Box 6. F.61), а 20 марта предложил в качестве автора А.М.Элькан. Однако в «Опытах» некролог Ставрова так и не появился.

⁹ Николай Дмитриевич Татищев, граф (1902–1980) – поэт, критик, мемуарист. Друг и хранитель архива Б.Ю.Поплавского. Дважды печатался в «Опытах».

¹⁰ См. письмо 18 и примеч. 4 к нему.

Дорогой Юрий Павлович

Послезавтра уезжаю в Манчестер, – надеюсь найти там «Опыты». Здесь их еще нет ни у кого. Вчера видел Маковского, который не уверен, что их получит, и заранее негодует при мысли, что может их не получить! Посланы ли они ему? И вообще всем, кому полагается? Простите, что вмешиваюсь не в свое дело, но Вы поймете, что это – от добрых чувств. Кстати, в продаже их не было (№3), и Каплан («Дом Книги») мне рассказывал о каком-то разладе с издательницей из-за 900 франков (2½ доллара!). Уговорите ее наладить с ним мир, это – самый большой и, в сущности, – единственный здесь книжный магазин¹.

Спасибо за письмо. Вы спрашиваете, «что у кого есть». Насколько знаю, у всех *что-то* есть, но рекомендовать не хочу. Гингер что-то скулит о корректуре: без нее ни на что не согласен, а кроме того, с Вами еще в чем-то разошелся². М-ме Элькан тоже недовольна, но это поправимо, если бы поправить это Вам хотелось бы³, Гингер, впрочем, ничем не обижен, а просто капризничает. Есть Червинская, у нее есть хорошие стихи (и она могла бы написать и что-либо другое, если выйдет из своего оцепенения, нищеты и любовных несчастий).

Очень рад, что №5 отложен. Письмо в Россию я напишу летом, непременно. Но надо – необходимо, – чтобы их было несколько. Должны, во-первых, написать Вы сами. Несколько Ваших слов о нашем времени и его теме (в предыдущем письме) я недопонял. Но даже и по ним мне кажется, что Вы должны «скрипт» написать. Кто еще, кроме прежде названных? Татищев, может быть, Мамченко⁴

(каша в голове, но органическая, и вообще «высокое косноязычие»⁵, без притворства). Уговорите Степуна вспомнить, кто он и что он, и не писать чепухи⁶.

Спасибо и за стихи. Вы очень удивительный в своем своеобразии поэт, особенно во вневременных своих переходах от исчезнувшего к близкому. Для меня в слове «Троя» столько всего, что самое упоминание о ней – для меня поэзия. А Вы как будто о ней помните живой памятью. Но тон Ваш, по-моему, вернее в касаниях теней, чем в попытках их воскресения, т. е. Троя перевешивает «22 июня» по самому складу поэмы⁷. Это-то и своеобразно. Как в античных полотнах Пуссена (я мало в живописи понимаю, но его очень люблю), голубой воздух и небо будто подернуто черным траурным «флером». Впрочем, это у меня выходит болтовня, а объяснить коротко трудно! Но траурный вуаль на всем – действительно у Вас есть, и есть неподвижность, а <так!> ритмически поддержанная, «как таковая». Простите за «слова, слова»⁸. Чувствую, что пишу не то, кроме слов «черное на голубом фоне». А в отрывках (строфы) то же самое.

Ваш Г.Адамович.

Если получу в Манчестере «Опыты», напишу Вам о них, как Вы просите.

¹ 20 марта 1955 о том же писал Иваску и Ю.К.Терапиано: «Вышел ли №4 “О<пыт>ов”?” “Американская” манера не посылать № сотрудникам весьма печальна в данном случае: в Париже нигде нельзя достать этого №, в “Доме книги” нет, – что же это за журнал, которого нигде нельзя получить?» (Amherst. Vox 6. F.41); еще в конце мая номера у него не было (см.: Письма Терапиано. С.274). 19 ноября 1956 М.С.Цетлина сообщила Иваску о распространении «Опытов»:

Все же я в это время занималась и «Опытами», и выяснила следующее: «Опыты» все время имелись у «Editeurs Réunis», и они о них несколько раз объявляли в «Русской Мысли», кто хотел купить – мог их купить, и не покупают по той же причине, по какой не покупают «Новый Журнал», – по некультурности и отсутствию интереса к русск<ой> культуре. Я была в «Возрождении»: – они имеют дела по книгам с «Editeurs Réunis», и, когда им нужно, они берут «Опыты» в «Editeurs Réunis», так как они друг у друга покупают книги и рассчитываются книгами. Г. Каплана сейчас нет в Париже, и когда он вернется, я с ним поговорю и предложу ему взять «Опыты», если он захочет, потому что он продает книги лучше, чем другие.

(Там же. Vox 7. F.13)

Михаил Семенович Каплан (1894–1979) – владелец издательства и магазина русской книги «Дом книги» в Париже.

² Ср. в письме Адамовича к Гингеру от 30 апреля 1955: «Иваск мне все пишет о том, что “Гингер ставит ультиматумы” (это – entre nous <между нами. – франц.>, не для того, чтобы ему об этом писать). Отчего Вы его

притесняете и тираните? Он – мимоза и требует обращения нежного. Кстати, получили ли Вы “Опыты”? Издательница, кажется, ждет покупателей и не желает никому рассылать их бесплатно» (НЖ. 1994. Кн.194. С.274).

³ Анна Морисовна (Морицевна) Элькан (урожд. Абельман; ?–1963?) – поэтесса, мемуаристка, хозяйка литературного салона, секретарь Союза писателей и поэтов. См. о ней: *Крейд В.* Неточкин салон: О салоне Анны Элькан // Русское еврейство в зарубежье. Т.3(8). Иерусалим, 2001. С.121-130. В цитированном выше письме от 20 марта 1955 Ю.К.Терапиано писал Иваску: «В свое время Адамович передал Гринбергу рукопись Элькан, но Гринберг почему-то ее не напечатал». Видимо, этим объясняются слова Адамовича о ее «недовольстве». Впрочем, Иваск также не печатал Элькан в «Опытах». Возможно, имеется в виду позже появившаяся статья: *Элькан А.* «Дом искусств» // Мосты (Мюнхен). 1960. №5.

⁴ Виктор Андреевич Мамченко (1901–1982) – поэт и журналист, в 1930-е близкий к Мережковским. В «Опытах» не печатался.

⁵ Цитата из стихотворения Н.С.Гумилева «Восьмистишие» (1915).

⁶ Федор Августович Степун (1884–1965) – философ, прозаик, публицист. Неоднократно печатался в «Опытах». Говоря о «чепухе», Адамович явно имеет в виду его статью «Кино и театр» (Оп. 1953. №2. С.63-80).

⁷ Имеется в виду небольшая поэма «Июнь» (см. примеч.5 к письму 13)

⁸ Из «Гамлета» У.Шекспира.

26

29/IV-<19>55
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Получил «Опыты» – спасибо! – и прочел их. Исполняю Ваше желание и передаю свое впечатление.

В общем – хорошо: журнал чистый, достойный, «задумчивый»¹. Трудно сказать, где и в чем именно, но сквозит отношение к творчеству и литературе такое, как должно быть. Это главное. Но чуть-чуть журналу недостает энергии и жизни, которые оттенили бы его «задумчивость», не как бегство от хамства и всего такого, а как преодоление. Простите за дважды два: духовность *до* воплощений во всякие житейские пласты бесконечно менее ценна, чем *после*, т. е. та, что выдержала испытание, уцелела. В целом «Опыты» чуть-чуть *до*, чуть-чуть «башня из слоновой кости». Но пишу я Вам об этом только потому, что пишу всю правду, как она мне представляется: м<ожет> б<ыть>, есть и придирка. Par le temps qui court², «Опыты» – на нужном месте, в нужной роли, хотя не мешало бы им прибавить именно в этой роли – боевого задора. Как это сделать? Согласен, что трудно. Мало людей, да и задор есть лишь у тех (или почти только у тех), кого надо бы гнать подальше. (М<ожет> б<ыть>, Яновский пригодился бы? У него задору много, и все-таки он «свой».) Вы жа-

ловались, что Толстую Вам навязали³. Да, она – не Бог вещь что, но как «оттенение» она пригодилась, не то что Аронсон, который не нужен ничему и ни для чего⁴. (Я знаю, конечно, что нужен он для отзыва, но мало верю в значение отзывов, даже практическое.)

Кое-что об отдельных вещах:

Варшавский интересен в первой части, но не о Набокове⁵, и притом по названию его статьи можно ждать параллели, сопоставления, а он просто ограничился разбором «Пригл<ашения> на казнь», вещь пустой и банальной⁶, при всех ее стилистических штучках. Все эти будущие тоталитарные ужасы с роботами и номерками успели превратиться в «общее место», лживое и глупое, и не стоило Варш<авскому> об этом и говорить. Но отдельные мысли очень верны, и лично мне очень нравится, как статья написана (едва ли понравится очень многим, т. к. нравится легкость, а он ворочает камни и глыбы).

У Гершельмана – кстати, кто он? кем был? Я очень мало о нем знаю? – было бы очень много хорошего, если бы все это было иначе изложено. Уж очень невозмутимо и «лапидарно». Все это так, но м<ожет> б<ыть> и не так, а у него ни разу перо не дрогнуло, и даже о воскресении мертвых он пишет: «это само собой»⁷.

Меня это «само собой» поразило. А кое-что очень хорошо, напр<имер>, о грязи – т. е. о хлебе, который упал на пол и стал грязным⁸.

Письма Галя – замечательны, хотя и не знаю чем. Всем, т. е. большае, чем отдельными мелочами⁹. А вот насчет Маркова не могу согласиться с Вами. Талантлив он несомненно, и поэт – несомненный. Но эта несчастная идея написать поэму трехстопным скачущим ямбом убила бы кого угодно (хотя Некрасов выдержал)¹⁰. У Маркова поэзия пробивается и сквозь трещотку размера, но часто ничего кроме трещотки нет. Как мог его подвести слух? Это, кстати, очень интересная тема: о размере, который слух способен принять и выдержать на протяжении нескольких сот строк. Но у Маркова явно именно размер его и погубил. Ремизов, как везде и всегда, – Ремизов: т. е. не так чтобы слишком толст и не так чтобы слишком тощ. Впрочем, он и вообще – Чичиков: т. е. немножко мошенник¹¹. Зайцев – по крайней мере не мошенник, но другими достоинствами не блещет (хотя и не плох, особенно вступление – если бы не сквозящие в каждом слове сомнение)¹². Чиннов – мне всегда по душе, и на этот раз тоже, хотя ломаные его ритмы как-то слишком явно нарочиты, без иллюзии естественности и необходимости¹³. Наконец, редактор: у него хорошо то, что он – верен себе, всегда на себя похож, не сбивается никуда. На всем журнале – его печать, и это не каждому дано, да и в «записках читателя» – он весь. За «вмякание» Аввакума я на него не в претензии, а за Сумарокова – да! Сумароков – драматург, м<ожет> б<ыть>, и никакой, но это *первый* настоящий русский лирический поэт, с истинно прелестными строфами¹⁴. Про «Г<оре>

от У<ма>»¹⁵ – очень верно, и тон верный, чего не могу сказать о рецензиях на Клюева (странно теперь раздуваемого) и Раевского¹⁶. Впрочем – насчет Раевского одобряю от души и рад: очень милый человек, отчего же не доставить удовольствие?

Ну вот. Простите, Юрий Павлович, за недостаточную обстоятельность. А главное – не обращайтесь внимания на упреки, брань и все такое: это неизбежно вообще, а для «Опытов» при их позиции и ограниченности в выборе материала и сотрудников, тем более. Жаль только, если заколеблется издательница. Надеюсь, она устоит. «Нов<ый> Журнал» не бранят, или бранят меньше, п<отому> что это не журнал, а скорей альманах. При наличии лица, особенно не всем улыбающегося, без недовольства обойтись не может.

Ваш Г.А.

Мне интересно было бы знать, что думает о. Шмеман¹⁷ (как священник) о Гершельмане. Напишите, если знаете.

Только что получил Ваше письмо. Конечно, я охотно напишу об «Опытах» в «Н<овом> Р<усском> С<лове>» – но после Аронсона и только кое о чем. (Галь, Гершельман (?), Марков (??)). Впрочем, о Маркове – да, но скорей о нем вообще и о его статье в «Нов<ом> журн<але>», чем об этой поэме. Галь действительно на Вас похож, и Ваш Глинка не лишен чутья, хоть и обвинил Вас напрасно в подделке¹⁸.

¹ См. примеч. 4 к письму 49.

² В наше время (франц.).

³ Имеется в виду публ.: Толстая А.Л. Николка // Оп. 1955. №4. С.38-46. Александра Львовна Толстая (1884–1979) – дочь Л.Н.Толстого, литератор, мемуаристка.

⁴ Речь идет о статье: Аронсон Г. О «борьбе за индивидуальность» // Там же. С.62-64. О Г.Я.Аронсоне см. примеч. 5 к письму 9. Адамович имеет в виду, что рецензии Аронсона на «Опыты» были неизменно не слишком дружелюбными.

⁵ См.: Варшавский В. О Поплавском и Набокове // Там же. С.65-72.

⁶ Помета Иваска: «Не согласен».

⁷ Речь идет о публикации: Гершельман К. О «Царстве Божиим» // Там же. С.76-86, где, в частности, он писал: «Мертвые воскреснут – это само собой. Но задолго до этого, уже в этой жизни, здесь, на земле, бессмертен каждый, вошедший в Царство Божие» (С.85). Карл Карлович Гершельман (1899–1951) – поэт, прозаик, мыслитель. Иваск знал его еще по Эстонии. См.: Иваск Ю. Памяти К.К.Герцельмана // НЖ. 1952. Кн.31. С.313 (далее опубликованы 4 стихотворения Гершельмана).

⁸ Адамович говорит о следующем пассаже из статьи Гершельмана: «Что такое “грязь”? Хлеб грязен, если он упал на пол и к нему пристали частицы земли, но и пол грязен, если на нем остались крошки от упавшего хлеба. “Грязь” – это примесь чужеродного элемента; быть чистым – это быть самим собою» (Оп. 1955. №4).

⁹ См.: Письма Юрия Галя // Там же. С.91-102. Иваск написал к этим фрагментам предисловие. О Ю.Гале см. письмо 10, примеч. 2.

¹⁰ *Марков В.* «Часы холодной смерти...» // Оп. 1955. №4. С.6-20. Эта небольшая поэма (или большое стихотворение) впоследствии Марковым была сокращена и названа «Поэма про ад и рай». Опубл.: Вашингтон: Содружество, 1966; см. также: *Марков В.* Поэзия и одностроки. München, 1983. Отметим, что в отзывах Г.Иванова (Письма к Маркову. S.6) и И.Одоевцевой («...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975) / Публ. О.Коростелева и Ж.Шерона // In *тетогіам*: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж, 2000. С.401), сделанных в письмах к самому Маркову, упреки прежде всего касаются неудачного выбора размера. Н.А.Некрасов трехстопным ямбом написал «Кому на Руси жить хорошо». Ср. также изложение мнений Адамовича о поэме в письме Ю.Терапиано к Маркову от 15 июля 1955 (Письма Терапиано. С.277).

¹¹ К этому месту Иваск сделал помету: «Хорошо!!». Речь идет о публ.: *Ремизов А.* Судьба без судьбы // Оп. 1955. №4. С.33-37.

¹² Имеется в виду: *Данте.* Ад / Введ. и пер. 5-й песни Б.Зайцева // Там же. С.21-32.

¹³ См.: *Чиннов И.* «Хмуρο и виновато...»; «Знаешь, я почти забыл...» // Там же. С.5.

¹⁴ К этому месту Иваск сделал помету: «Не согласен». В заметке «Явление Озерова» (из цикла «Записки читателя») Иваск писал (в конце цитируя Мандельштама): «В России не было Расина. Русские его современники: гениально вякающий протопоп Аввакум и ученейший, скучнейший Симеон Полоцкий. Через сто лет русским Расином, а заодно и русским Буало захотел стать вертлявый, жалкий Сумароков, пролепетавший “заученную роль”» (Там же. С.87).

¹⁵ Речь идет о заметке «Горе от ума» в том же цикле (Там же. С.87-88).

¹⁶ Имеются в виду рецензии Иваска на двухтомное собрание сочинений Н.Клюева (Там же. С.104-105) и «Третью книгу стихов» Г.Раевского (Там же. С.105).

¹⁷ Имеется в виду о. Александр Шмеман (1921–1991) – профессор и декан Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, впоследствии руководитель Русского студенческого христианского движения

¹⁸ Глеб Александрович Глинка (1903–1989) – поэт, прозаик, критик. Жил в США. Видимо, его мнение о том, что письма Галя сочинены самим Иваском, было высказано не в печати, а в частном общении.

Дорогой Юрий Павлович,

Как видите, письма наши «разминулись». Дня два-три назад писал Вам об «Опытах» (т. е. впечатления), а вчера получил письмо

Ваше от 24-IV. Кстати, о «впечатлении»: очень мне не нравится обложка. Та, прежняя, «работы С.М.Гринберг» была лучше, хотя Оцуп и обвинял художницу в воровстве. Но я понимаю, что раз «работы А.Н.Прегель» – спорить не приходится¹. А жаль: похоже на какой-то каталог, и притом нельзя прочесть, как, собственно говоря, журнал называется!

Из Парижа пишут, что «Опытов» ни у кого нет и нигде нет. Кантор добавляет иронически и меланхолически: «Конечно, я их и не получу». Воздействуйте на М<арию> С<амойлов>ну. Если Кантор – сотрудник, хотя бы только будущий, как же ему журнала не выслать! Да и не только ему! Простите, что надоедаю. Но у «Опытов» не так много друзей и доброжелателей, чтобы раздражать и отталкивать тех, кто настроен к ним хорошо. Помимо всего, это – простая вежливость.

О скриптах. Что Ремизов – «не Гоголь» и писать не хочет, я очень рад. Зайцев – тоже не потеря. А вот что Степун напишет только «после других» – меня удивило. На месте редактора я бы на такое условие не согласился. В частности – не как редактор, а как сотрудник, – я не согласен, чтобы мой «скрипт» (буде я его напишу) был разослан другим, как Вы предлагаете. У меня много возражений против этого, но не думайте, что я озабочен чем-либо вроде «охраны авторских прав». Нисколько. Но каждый должен писать, не думая о других, – а если так, какой же смысл в предварительных взаимных просмотрах? Попробуйте внушить Степуну, чтобы он не капризничал. Жаль было бы его потерять (т. е. его «скрипт»). Вообще это идея «коллективная», иначе ее нельзя реализовать. Я ни в коем случае не согласен и на появление моего скрипта, если бы никто другой не написал своего. Уж очень это было бы претенциозно и самонадеянно.

О том, что в «Н<овое> Р<усское> Слово» я напишу о «Опыт<ах>», я уже Вам говорил. Что значит Ваше выражение «пост-скриптом», которое Вы опять по этому поводу повторили? Пост-скриптом к чему? К Аронсону? Но я именно хочу сделать расстояние между его статьей и своей.

Печатайте себя у себя в «Опытах», не боясь того, что это «неловко». Ничего неловкого нет, и собой Вы не злоупотребляете. Но в «Оп<ытах>» у Вас своя атмосфера, свои читатели, а «Н<овый> Ж<урнал>» Вам много более чужд во всем.

Мне очень понравилось четверостишие, которое Вы привели. «Хочу с тобой сидеть». Чье оно? Ваше или нет? На Вас как-то мало похоже, а как будто Ваше². Статью о «Поддипках» еще не видел³.

La main⁴

Ваш Г.А.

¹ С.М.Гринберг – жена Р.Н.Гринберга, А.Н.Прегель – дочь М.С.Цетлиной.

² О каких стихах идет речь, мы не знаем.

³ См. письмо 3, примеч. 1.

⁴ Рука (*франц.*). Имеется в виду обычное завершение писем Адамовича: «Жму (Вашу) руку».

28

14/V-<19>55 г.

<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович,

отвечаю на два Ваших письма, довольно близких по датам. С неделю тому назад я написал Варшавскому об «Опытах» в ответ на его сообщение, что журнал вообще бранят и Вы будто бы даже думали об отставке. А писал я ему для того, чтобы убедить его взяться за защиту «Опытов» – как оплота против возрастающего и обступающего нас хамства, грубости и всего такого. У «Оп<ытов>» есть «миссия», притом именно с Вами. Оттого люди и злятся, что это чувствуют. Но Варш<авский> в ролях трибуна – не совсем на месте. Но пусть хоть будет трибуном в салоне издательницы.

Вы пишете о «кружке друзей» в Париже. Если бы Вы знали, что такое теперь Париж. Единственный «салон», два-три человека, у Эльканши, да и ту Вы чем-то обидели¹. Кантор живет очень одиноко, никого не видит. Вообще никто никого не видит и никакого «кружка» в Париже создать нельзя, тем более что и «Опытов» там ни у кого нет.

Мне жаль, что Вы не прислали мне свой «скрипт», если вообще рассылаете его. По Вашему пересказу, я чуть-чуть недоумеваю: связано ли это с Россией, с тем, что надо бы написать «туда»? Маклакова² просить о скрипте, конечно, следовало бы. Зовут его Василий Алексеевич. Но я советую об этом написать Кантору, кот<орый> с ним в хороших отношениях. Маклаков – стар, ото всего далек и может вообще не знать, что такое «Опыты» (тем более что журнала у него наверно нет!). А не зная и боясь скомпрометироваться, предпочтет воздержаться: он человек осторожный, без риска. Кантор мог бы его убедить, что «Опыты» – место пристойное, а написать Маклаков может и водянисто, а может и так, что журнал это украсит надолго. Не знаю, просили ли Вы о скрипте самого Кантора. Конечно, без этого нельзя просить его и о разговоре с Маклаковым.

Почему Вы не решаетесь писать Стравинскому (Игорь Федорович), – не понимаю! Может не ответить – это верно, и даже, пожалуй, на это 90% шансов. Ну и пусть – обижаться Вы не станете, правда? А может и написать что-нибудь именно потому, что будет удивлен, и потому, что всякие русские связи он давно оборвал. Я думаю, что ему понравился бы Гершельман. Но, конечно, нельзя ему Гершельмана

подсовывать. Вероятно, ему облегчило бы задачу, если бы Вы не просто просили его о «чем-нибудь», а предложили бы ему точный вопрос, и *не очень мудреный*, – заодно польстив ему, что его участие озарило бы «Опыты» какими-нибудь немеркнувшими лучами. Он – умный человек, но от лести все глупеют, даже пресытившись ею.

Еще жаль то, что Вы мне не прислали Аронсона³. Я не хочу писать об «Оп<ыты>», не прочтя его, – а мог бы написать раньше, если бы знал, что он написал. Теперь посылать уже не стоит, п<отому> ч<то>, вероятно, я скоро «Н<овое> Р<усское> Слово» получу. Если Вы не послали мне его статьи «из деликатности», т. е. потому, что он меня бранит, то напрасно: честное слово, «сгусяводизм» – одно из природных моих свойств, да и не на Аронсона же сердиться! Впрочем, Алданов болеет бессонницей от любого недоброжелательного слова, хотя и понимает, что не стоит.

Ну, кажется, все. Спасибо за стихи, которые мне очень нравятся⁴. Это 38<-й> год – и Вы, вероятно, больше любите свои поздние стихи. Но в этих – больше непосредственности, притом без подделки под нее, с кое-какими, т. е. кое-как подобранными, словами, именно и передающими, что человек уже не знает, что ему от любви и сказать.

Крепко жму руку

Ваш Г.Адамович

По-моему – приглашение Аронсона в «Оп<ыты>» было ошибкой. Он не настолько глуп, чтобы не понять, чем приглашение вызвано. И именно оттого и пожелал продемонстрировать, что его не смутить и не подкупить.

¹ См. письмо 25, примеч. 3.

² В.А.Маклаков (1869–1957) – общественный деятель, публицист. Адамович написал о нем книгу «Василий Алексеевич Маклаков» (Париж, 1959).

³ Речь идет о статье: *Аронсон Г. «Опыты» Книга 4 // НРС. 1955. 1 мая.* Там, в частности, он писал:

Книга четвертая литературного журнала «Опыты» вышла в свет сейчас после некоторого перерыва под новой редакцией Ю.П.Иваска, вышла в уменьшенном формате и размере: вместо 200 страниц всего 110. О такой небольшой тетради очень трудно вести «большой разговор». В отделе статей на первом месте отметим умную и интересную статью Г.Адамовича о «парижской ноте» в русской поэзии. <...> Как всегда, встречаются у автора меткие и острые определения, порой спорные и парадоксальные. <...> Стихотворение Г.Адамовича, умелое и искреннее, сорвано к концу риторическим восклицанием «Через миллионы лет я вскрикну: да!».

Ср. также следующее письмо. Об ответе Адамовича на эту статью Аронсона см. далее.

⁴ Какие именно стихи Иваск посылал Адамовичу, нам неизвестно.

Дорогой Юрий Павлович,

На этот раз отвечаю с опозданием, кажется – на два письма сразу.

Только что получил Аронсона. Я ожидал худшего. Он, в сущности, ничего не сказал: ни плохого, ни хорошего. Конечно, как рецензия, т. е. для распространения журнала – это «зарез». Я думал, что от его статьи можно будет «оттолкнуться», а от такого студня это трудновато – и не на что возражать, кроме, пожалуй, Галя. О себе я сказал бы, что в статье моей ничего «покаянного» нет, – но не хочу с Аронсоном спорить, да еще по личному вопросу.

Напишу статью и пошлю ее в конце недели.

Очень рад, что Вы наконец написали Стравинскому. Но дойдет ли по нью-йоркскому адресу? Он ведь живет в Лос-Анджелесе.

Я как-то писал Варшавскому между прочим о том, что хорошо бы редакции «Опытов» сделать анкету: что в журнале Вам по душе, а что нет? – но не печатать ответов, а сделать сводку их с послесловием редактора на тему, чего журнал хочет и для чего он создан. Это м<ожет> б<ыть> интересно и вызовет отклики, что полезно во всех смыслах¹. Еще, по-моему, было бы хорошо сделать нечто вроде «штейгеряны», в одном только номере, конечно (я подумал об этом, прочтя у Вас, что его особенно любил Галь). Кое-что, о Штейгере можно собрать. У Аллы Г<оловиной> должны быть *его* *дневники*. У меня, верно, сохранилось его последнее письмо, – из него можно сделать выдержки. Это ведь именно то, что дает «Оп<ытам>» «лицо» – и оттеняет разницу с журналами другого типа².

Простите за советы (я всегда их пишу Вам с чувством неловкости, но это не советы – а разговор через океан, да Вы сами о них и просите!).

Возвращаю листочек «из дневника»³. Многое верно и остро, но мне вспомнились давние слова Бальмонта о Блоке: «Неясно, как падающий снег, и, как падающий снег, уводит мечту»⁴. Это не в осуждение. Но я все больше боюсь тонкости, которая не все сделала, чтобы стать ясной и даже грубой (вернее: отошла в сторону от грубости, а не пережевала и не переделала ее). Все это в конце концов сведится к «душе», которая гибнет, если хочет себя спасти, – и наоборот. До свидания.

Очень хорошо Ваше о Леонтьеве в «Нов<ом> Ж<урнале>», в особенности то, что написано как на полях и из главного содержания статьи выпадает⁵. Чиннов восхитился Одоевцевой, с чем я никак не согласен⁶. Она бывала лучше, менее манерна и менее сладка (там, где Офелия, от которой, кстати, пора бы русской поэзии отделаться!⁷), – и Бог с ней.

Ваш Г.А.

¹ Замысел не был осуществлен. О причинах этого см. в письмах Адамовича далее.

² Этот замысел также реализован не был, хотя на протяжении довольно долгого времени он обсуждался корреспондентами. Письма Штейгера к Адамовичу тогда опубликованы не были. Ныне напечатаны: *Ливак Л.* К истории «парижской школы»: Письма Анатолия Штейгера. Р.117-119. Судя по всему, упоминаемое Адамовичем последнее письмо Штейгера в эту публикацию не вошло.

³ Этот «листочек» нам неизвестен.

⁴ Практически точная цитата из статьи Бальмонта «Наше литературное сегодня» (Золотое руно. 1907. №11-12. С.62); вошла в его книгу «Морское свечение» (СПб.; М., 1910. С.180).

⁵ Имеется в виду уже упоминавшаяся статья Иваска о «Подлипках» К.Леонтьева.

⁶ Имеются в виду стихотворения И.Одоевцевой «...Началось... И теперь опять...» и «За верность, за безумье тост!..» (НЖ. 1955. Кн.40. С.96-98). 6 мая 1955 Адамович писал И.Одоевцевой: «Стихов Ваших в “Нов<ом> журн<але>” я еще не видел. <...> Но Чиннов прислал мне о них восторженный отзыв. А я считаю, что в нашем окружении или экс-окружении, есть два человека, смыслящих в самых <так!> стихах, а не в поэтических чувствах вокруг, – Чиннов и Гингер» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.409-410), а 11 мая конкретизировал: «Ваши стихи в “Н<овом> ж<урнале>” я, наконец, прочел. Очень хорошо, и очень “Вы”, два Ваших облика в двух совершенно разных стихотворениях. Иваску больше нравится первое, а я, со склонностью к лиризму, предпочитаю второе» (Там же. С.411).

⁷ Стихотворение Одоевцевой завершается так:

Как тихо спит на дне речном,
В русалочной постели,
Как сладко спит бессмертным сном
Офелия...

Мнение об исчерпанности темы Офелии в русской поэзии, судя по всему, связано с тем, что она восходит к стихам нелюбимого Адамовичем Фета («Офелия гибла и пела...»), а в эмигрантской поэзии использовалась Г.Ивановым («Он спал, и Офелия снилась ему...»). При этом и сам Адамович когда-то не избежал соблазна ввести эту тему в собственные стихи («Устали мы. И я хочу покоя...», 1917).

30

11/VI-<19>55
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Ответ мой опять – на два ваших письма. Второе – от 7/VI – о возможной гибели «Опытов», о том, что издательница «куксится». О том же пишет мне Варшавский.

Я послал статью в «Н<овое> Р<усское> С<лово>» дней 5–6 тому назад. Статья большая, и я старался дать ей соответствующий тон,

т. е. как о нужном и важном деле¹. Но Варшавский «конфиденциально» сообщил мне, что в редакции настроение анти-опытное. Это, конечно, относится к издательнице, которая наделала с Лит<ературным> Фондом, «Нов<ым> Журн<алом>» и даже овечкой Алдановым много такого, что против нее восстановило нашу «общественность». До сих пор у меня с газетой никогда не было ни недоразумений, ни задержек, ничего. Но я хорошо знаю Ал<ександра> Абр<амовича> Полякова²: он вдруг может вскипеть, а теперь – в отсутствие Вейнбаума³ – он, вероятно, более властен, чем при нем. Это мало правдоподобно, но не исключено абсолютно. Я просил Варш<авского> – если в течение 2 недель статья не появится, навести справки, и в случае чего я напишу Полякову письмо с протестом (мы с ним – друзья). Думаю, однако, что все пройдет гладко и без этого. Смутило меня то, что, по словам Варш<авского>, статья Аронсона была более одобрительная, но подверглась правке. М<ожет> б<ыть>, Аронсон врет?

Самой М<арии> С<амойловне> я писать – как Вы советуете – не хочу. Да едва ли это на нее и подействовало бы! Я считаю, между прочим, что 150 экземпляров – совсем не плохо. Она должна понять, что жертвы на алтарь отечества неизбежны и что она не коммерсант, а герой и служитель идеалу. Насколько я ее знаю (мало), это должно ей понравиться, хотя она всегда была слегка гарпагониста.

Теперь о другом (если журнал будет!)

1) сводку и подведение итогов на анкету, охотно, если Вы того желаете и если пришлете мне все полученные отзывы (плюс то, что слышали устно⁴. Я живу в отшельничестве, не слышу ничего, а в Париже «Оп<ытов>» нет). Кстати, это большой пробел в организации их.

Да, кстати, еще раз: Варш<авский> пишет, что в «Русской мысли» будет писать Андреев⁵. Он – туповат, и со мной лично у него были размолвки внелитературные. Но это ничего. Жаль, что не послали и не просили о рецензии Померанцева⁶, болтуна и верхогляда, но человека, который мог бы разразиться не на одну, а на десять статей, с цитатами из всех философов мира.

2) Стравинский. Ну что же – в порядке вещей. А письмо его по-английски потому, что секретарь у него зять, француз, не знающий по-русски ни слова. А сам Стравинский по-английски говорит еле-еле. Вся его переписка, конечно, – с иностранцами.

3) Что Степун брюзжит – жаль. Попробуйте его приручить и обольстить. Я лично далеко не поклонник его, но людей осталось так мало, что Степун все-таки – на вес золота. Он очень талантлив, и, в конце концов, всякие раздоры с ним братоубийственны. Из старших это единственный, который остался, что-то помнящий, чего нельзя забыть.

4) Ваша статья о поэзии очень интересна, и если Вы ее разовьете (как собираетесь), будет очень хорошо⁷. Но я удивился не-согласию с Вами, которое вдруг резко почувствовал. Русская поэзия и отстала, конечно, от Запада, и внутренне пошла дальше его. Ей стыдно Маяковского (нарицательного), а вот англичанам – нисколько. М<ожет> б<ыть>, все это потому, что мы не собираемся ничего делать «впрок» и живем (поэзия) так, будто все равно мир кончается и надо спешно собирать пожитки. Никаких «задач» у нас нет. А конечно, при другом настроении Маяковские необходимы и вообще всякое обновление приемов и стилей, внешнее и внутреннее. Долго писать об этом, да Вы понимаете и так. Я, кстати, в «Оп<ытах>» намеренно обидел Маллармэ, и это меня сейчас терзает. Он не был великим поэтом, но понимал все так, как никто никогда ни до, ни после, хотя от абсолютной своей безнадежности выдумывал пустяки, вроде великого значения типографского облика книги⁸.

До свидания. Крепко жму руку. Я уезжаю в Париж, надеюсь – 16-го июня, т. е. через пять дней. Адрес мой Вы, кажется, знаете <...>

Ваш Г.Адамович

Я на полях Вашей статьи мог бы написать в дополнение или выражение столько, что вышла бы другая статья. Если она появится в «Оп<ытах>», м<ожет> б<ыть>, можно было бы мне вступить с Вами в пререкание⁹.

¹ Имеется в виду статья: *Адамович Г.* Несколько слов о журнале «Опыты» // НРС. 1955. 15 июня. В частности, там говорится:

«Опыты», по-видимому, выбрали линию отстаивания того, чему угрожает опасность. Журнал узкий и нужный: употребляю слово «узкий» не как упрек, а как характеристику, считая, что при всем своем задании он в наши дни другим и быть не может. Отнюдь не боевой журнал <...> а скорей созерцательный, мечтательный, тихий, не без налета «непротивления злу», но внутренне твердый. Не от нового ли редактора и эти новые, ясно обнаружившиеся его черты? Принадлежит к тем, кто давно уже внимательно следит за литературной деятельностью Юрия Иваска, я все более убеждаюсь, как при обманчивой зыбкости слов и мыслей много в ней именно твердости, не говоря уже о своеобразии. Если в конце концов и захлестнет нас мутная волна, несущая «научно-прогрессивный взгляд на жизнь», Иваск, вероятно, окажется бы в числе последних, кто ей уступит. Уступка, измена была бы для него духовным самоубийством. <...> Письма Ю.Галя <...> замечательны как свидетельство того, что и в теперешней России уцелели люди, совсем еще молодые, ни на иоту не поддавшиеся умственному очерствению, сознательно тянущиеся к тому, что там осмеяно. Несколько больше у меня сомнений насчет заметок К.Гершельмана «О Царстве Божиим», интересных, порой

глубоких, но безапелляционных по складу. <...> Поэма Маркова – вещь сама по себе для «Опытов» не столь характерная, но достойная того, чтобы на ней остановиться. В ней есть кое-что от Хлебникова и довольно много от Агнивцева или другого поставщика стихотворных лубков. Дисгармония стилей мучительна, а все-таки настоящее дарование дает себя знать повсюду, даже в срывах. <...> Журнал продолжает дело, начатое в нашей литературе больше полвека назад «Миром искусства», хотя и без вызывающе-эстетического, дягилевского душка. С тех пор изменений произошло столько, что хватило бы на пять столетий: цели стали менее ясны, обстоятельства безмерно усложнились, новым Мережковским как будто не о чем спорить с новыми Скабичевскими... Но дело осталось, и хорошо, что находятся люди, его продолжающие.

² Александр Абрамович Поляков (1879–1971) – журналист, сотрудник редакции «Нового русского слова». Адамович был знаком с ним еще по газете «Последние новости», где Поляков был секретарем редакции, а потом и заместителем главного редактора. 81 письмо Адамовича к Полякову за 1940–1969 годы хранится в: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Columbia University (USA). Poliakov Collection. Box 1.

³ Марк Ефимович Вейнбаум (1890–1973) – журналист, с 1922 до смерти – редактор «Нового русского слова».

⁴ См. письмо 29, примеч. 1.

⁵ Имеется в виду статья: *Андреев Н.* Заметки о журналах. «Опыты» III и IV // РМ. 1955. 29 июля. Николай Ефремович Андреев (1908–1982) – литературный критик, литературовед, профессор Кембриджского университета. Подробнее о нем см.: *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: В 2 т. Tallinn, 1996; Эстонские годы Н.Е.Андреева: Материалы к библиографии / Сост. И.Белобровцева, А.Рогачевский // Диаспора. Т.3. С.587-702 (там же библиография новейших работ о нем).

⁶ Кирилл Дмитриевич Померанцев (1907–1991) – поэт, литературный критик.

⁷ О какой статье Иваска идет речь, мы достоверно не знаем. В «Опытах» она опубликована не была. Возможно, это были какое-то предварительные наброски к известной «Похвале российской поэзии», которая впервые была напечатана в 1960 (Мосты. Т.5), а полностью – уже значительно позже (НЖ. 1984–1986. Кн.154, 156, 158-159, 161-162, 165).

⁸ Речь идет о пассаже из статьи Адамовича: «Поэзия во Франции более или менее откровенно ставит знак равенства между собой и мечтанием, и особенно это стало ясно у Малларме со всеми его последователями: “le rêve” – слово-ключ к его творчеству. Но мечта никуда не ведет, кроме разбитого корыта в конце каких угодно феерических блужданий и вопроса: только и всего? – после исчезновения обольщений» (*Адамович Г.* Поэзия в эмиграции // Оп. 1955. №4. С.50).

⁹ Эта идея не осуществилась.

6 сент<ября>1955
<Ницца>

Дорогой Юрий Павлович,

Я очень виноват пред Вами. Простите и не сердитесь. Летом я впадаю в «маразм», уже не в первый раз – и по многим причинам, о которых не стоит писать. Давно хочу Вам написать, но каждый день откладываю.

Ничего для ближайшего № «Опытов» прислать не могу. Отчасти это совпадает с моим желанием, чтобы один № был без меня – особенно после моей статьи в «Н<овом> Р<усском> Слове». Но если бы не маразм, я все-таки кое-что прислал бы. А теперь не могу, правда¹.

Сводку отзывов, т. е. об отзывах, напишу к следующему №, если он будет. Вообще, к следующему № напишу все, что Вы хотели бы получить. Но, кстати, нужны бы отзывы читателей рядовых, не таких, как Марков и Ульянов, которые все-таки «свои люди»² (Ульянов – не совсем).

О моей книге³: это не «событие» ничуть, вопреки Вашему предположению. Если в «Опытах» будет отзыв – спасибо. Но кто его напишет, решать Вам, и я в это дело вмешиваться не стану⁴. Я слишком много видел авторских хлопот и даже интриг об отзывах, чтобы не получить к этой кухне отвращения. Притом – верьте или не верьте – мне безразлично, бранят меня или хвалят. В худшем случае – раздражение на 5 минут, да и то не всегда. Вероятно, это не какие-либо «высоты духа», как писал Бердяев, а просто безразличие ко всему. Даже наверно.

Ну вот – до свидания. Надеюсь на Ваше всепрощение и крепко жму руку, с самыми дружескими чувствами.

Ваш Г.Адамович

(Я здесь еще дней 8, а потом: <парижский адрес>).

¹ Действительно, в №5 «Опытов» Адамович участия не принимал.

² Отзывы В.Ф.Маркова и Н.И.Ульянова о первых четырех номерах «Опытов» нам неизвестны.

³ Речь идет о книге «Одиночество и свобода».

⁴ Книгу Адамовича в журнале рецензировал М.Л.Кантор (Оп. 1955. №6. С.96-100).

8/X-<19>55 г.
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович,

Получил сегодня Ваше письмо от 4-го. Лето кончилось, «маразм» мой должен кончиться, значит, тоже: отвечаю сразу!

Первое – недоумение: почему матерьял к №6 нужен 1-го ноября?? Напишите честно, какой крайний срок. 1 ноября явно «с запросом», раз №5 только к 1-му и выйдет. Дай Бог, чтобы №6 вышел в феврале, – правда? Почему же 1-е ноября?

Затем – что писать? О книге Замятина (заметку) напишу охотно¹. По-моему, книга плохая, хуже, чем я думал. Затем могу написать сводку отзывов, т. е. ответ на отзывы, с некоторыми отзывами придуманными, составленными из того, что пришлось слышать. Это, конечно, без подписи: анонимы и от редакции.

Затем – что-нибудь более существенное. Но что? Комментарии? «Скрипт» в Россию? Я лично предпочел бы первое, т. е. комментарии². Скрипты явно не вышли как «коллективное творчество», а индивидуальное – довольно претенциозно.

Сговоримся на Комментариях, если Вы согласны.

Если о моей книге напишет о. Александр³, буду очень рад, даже если он ее выругает. Его точка зрения будет во всяком случае вернее, чем какая-нибудь слонимо-аронсоновская.

А вот о №5 дать отзыв в «Н<овом> Р<усском> С<лове>» мне не хотелось бы⁴. Пусть пишет, кому полагается. Я уже старался «ободрить» издательницу, но не хочу делать это в связи с каждым №. Да и Терапиано ее недавно ободрял⁵. Лучше пусть будет разногласица, а если Аронсон опять будет браниться, можно будет устроить полемику – что журналу выгоднее всякого хвалебного хора.

Вот, кажется, все. Какую чепуху написала недавно Кускова по поводу статьи Варшавского!⁶ Я вспомнил, что у Розанова («Оп<авшие> листья») есть упоминание о «дуре-Кусковой»...⁷ Старость все мнимо облагораживает, но глупость остается.

Ваш Г.Адамович.

¹ Адамович рецензировал книгу Е.Замятина «Лица» (Нью-Йорк, 1955): Оп. 1956. №6. С.94-96 (подп.: Г.А.).

² См.: Адамович Г. Комментарии // Там же. С.38-51.

³ Имеется в виду о. Александр Шмеман.

⁴ Тем не менее (это обсуждается в последующих письмах) такую статью Адамович написал, отчасти по принуждению редакции.

⁵ Видимо, имеется в виду рецензия Ю.Терапиано в «Новом русском слове» (1955. 10 июля), в которой, однако, прямого ободрения М.С.Цетлиной нет.

⁶ Имеется в виду оживленная полемика по поводу фрагментов книги В.С.Варшавского «Незамеченное поколение», опубликованных в различных изданиях. Обсуждение началось еще до появления статьи Е.Д.Кусковой (Кускова Е. О незамеченном поколении // НРС. 1955. 11 сентября). См.: Аронсон Г. «Новый журнал». Книга 41 // Там же. 24 июля; Слоним М. «Незамеченное поколение» // Там же. 31 июля; Яновский В.С. Мимо незамеченного поколения // Там же. 2 октября; Слоним М. Вынужденный ответ // Там

же. 16 октября; Яновский В.С. Спор о вкусах // Там же. 30 октября; Слоним М. Все о том же // Там же. 13 ноября; Терапиано Ю. По поводу незамеченного поколения // Там же. 27 ноября, и др. Ср. также письмо Адамовича к А.С.Гингеру от 27 ноября 1966 (НЖ. 1994. Кн.194. С.278-279).

⁷ Таких слов в «трилогии» В.В.Розанова («Уединенное» и «два короба» «Опавших листьев») нет, хотя Кускова там упоминается неоднократно.

33

20/X-<19>55
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Спасибо за письмо – и за добрый отзыв о моей книге. Хочу, однако, по этому поводу кое-что сказать, но «между нами», не для других.

Книга эта только наполовину «моя». Даже на ¼. В ней много болтовни и в ней нет ни одного имени, которое я действительно любил бы. Насчет Бунина: я вовсе не так его люблю, как может показаться. Он – пресный писатель, при всех своих достоинствах. Но сказать о нем правды я не мог. Нехорошо в книге то, что о некоторых я писал то, что действительно думаю (З.Гиппиус), а о других – не совсем. Получилась «диспропорция». Кстати, по-моему, о Гиппиус – лучше, чем о других, но согласен – какое-то оправдательно-похвальное послесловие требовалось бы. Вот Цвибак вытащил из главы о ней одну фразу о «классной даме», и получилось, будто я о ней писал плохо¹. Ну, довольно о себе.

Очень сомневаюсь, что №6 «Опытов» выйдет к Новому Году. Дай Бог, к маслянице <так!> или даже Пасхе! Но пришлю все, что Вы просите, – т. е. «Комментарии», Замятина и сводку – в ноябре².

Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович.

¹ Имеется в виду большая статья Андрея Седых (наст. имя Яков Моисеевич Цвибак; 1902–1994) «Итоги Г.В. Адамовича» (НРС. 1955. 2 октября), где он писал: «Блестящи короткие литературные характеристики Адамовича: Зинаида Гиппиус “общероссийская литературная классная дама, в свободное от занятий время не чуждая черным мессам и всякой чертовщине”».

² Из названных работ Адамовича в шестом номере «Опытов» появились «Комментарии» и рецензия на книгу Замятина.

34

29/X-<19>55
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Получил вчера Ваше письмо.

Отвечаю по двум «пунктам».

Письма Гиппиус: их у меня много, и напечатать кое-какие отрывки из них стоило бы¹. Но они в Париже, а попаду я туда только к Рождеству. Значит, если Вы выпускаете № в январе – они в него попасть не могут. Надо ведь и пересмотреть их, и отобрать то, что годится. Письма Штейгера я растерял. Есть одно или два, но очень личные, и мне их неудобно печатать из-за слишком сильных излиний в дружбе и верности². Кажется, есть интересное письмо Цветаевой – если найду его³.

Яконовский⁴.

Я его знаю очень мало. Дважды с ним встретился в знакомом доме. От хозяйки этого дома узнал, что Вы его «пригласили» в «Опыты». Правду сказать, это меня очень удивило. Но я не хотел Вам об этом писать, – и чтобы не вредить человеку, и чтобы не вмешиваться не в свое дело.

Но теперь Вы сами меня о нем спросили.

Писаний его я не помню. М<ожет> б<ыть>, он и не бездарен. Но наверно, он хамоват, развязен и самоуверен, словом – «не ко двору». По-моему, печатать его было бы для «Опытов» ни к чему, даже вредно. Повторяю, однако: это впечатление не от его литературы, а от его разговоров и манеры держаться. Но за всю жизнь я не видел случая, чтобы такое впечатление могло обмануть. А там – как знаете.

Пока все. Крепко жму руку. Как дела вообще?

Ваш Г.Адамович.

¹ Обсуждение проекта публикации писем З.Н.Гиппиус см. далее. Адамович так и не смог ничего выбрать из числа этих писем, и при посредстве Иваска они были проданы в Weinecke. Опубликованы Т.Пахмусс по рукописям в год смерти Адамовича (*Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action...*).

² О письмах А.С.Штейгера к Адамовичу см. примеч. 2 к письму 29.

³ Единственное письмо М.Цветаевой к Адамовичу см.: *Цветаева М. Собр. соч. Т.7. С.461-462.*

⁴ Евгений Михайлович Яконовский (1903–1974) – поэт и прозаик. О контексте данной оценки Адамовича см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.419-421.

Дорогой Юрий Павлович

Вот Замятин. Глупая и смешная книга. Я сначала написал резче, а потом смягчил – в предвидении многих обид!

Оставим ближайший № без «сводки отзывов». Того, что Вы прислали, – маловато. М<ожет> б<ыть>, Вы записали бы отзывы уст-

ные? Я с своей стороны сделаю это на праздниках в Париже. Тогда пересмотрю и письма Гиппиус (если только будет № следующий, после ближайшего). А вышел ли тот №, о котором Вы писали, что он выйдет в ноябре?

Надеюсь, Вы уже получили «Комментарии», послал их с неделю назад. Только что взял читать «Нов<ый> журнал», начал по традиции с Алданова¹ – («сами все знаем, молчи!») – а Маркова оставил pour la bonne bouche². Я понимаю Ваше влечение к нему, хотя надо бы ему еще многому поучиться, и внешне, и внутренне (особенно – внутренне).

Ваш Г.Адамович

Напоминаю, что с 15 дек<абря> до 15 янв<аря> я – не в Манчестере, а в Париже.

¹ Речь идет об очередной части романа М.А.Алданова «Бред» (НЖ. 1955. Кн.42. С.5-56)

² На закуску (*франц.*). Речь идет о воспоминаниях В.Ф.Маркова «Et ego in Arcadia». Подробнее см. в следующем письме.

Дорогой Юрий Павлович

Только что прочел Маркова, а пишу потому, что вчера – посылая Замятина – написал Вам о нем <Маркове> что-то глупое и шаблонно-наставительное.

Его записки – прелесть. Все хорошо (пожалуй, кроме рассуждений в самом конце), все талантливо по-настоящему и человечно по-настоящему. У Вас – очень острое чутье, если Вы его выделили из других ди-пи, довольно благородных. Собственно, эпиграфом к нему надо бы поставить: – Так было, так будет!¹

Я читал как «свое», хотя мы росли совсем иначе, в другой обстановке. Даже про балет и «стеснение в груди» – свое². И еще меня задело, что он₃ по-видимому, учился на Ивановской, в бывшей «1-й гимназии», где прошло все мое детство, от зубрежки в начале до ночных разговоров о Вагнере и Гейне в конце (и постановка гимназистами Еврипида в переводе Анненского:

По самому сердцу провел ты
Мне скорби тяжелым смычком...

– хотя смычков в Греции не было!⁴

Очень хорошо, правда⁵.

Ваш Г.А.

¹ Фраза министра внутренних дел А.А.Макарова по поводу расстрела на Ленских приисках в 1912.

² Имеется в виду начало одного из разделов воспоминаний Маркова: «Пропадали мы и в балете. Кому знакомо это стеснение в груди при начале любого адажио из pas de deux?» (НЖ. 1955. Кн.42. С.179). Адамович был страстным балетоманом.

³ С описания школы начинаются воспоминания: «Внизу – булыжная мостовая Ивановской улицы (теперь Социалистическая) и петербургская (теперь ленинградская) белая ночь» (Там же. С.164).

⁴ Силами учеников 1-й петербургской гимназии весной 1910, когда Адамович ее оканчивал, была поставлена трагедия Еврипида «Рес» (многими учеными ее принадлежность Еврипиду оспаривается) в переводе И.Анненского. В этом переводе цитируемых Адамовичем строк нет. О постановке см.: Б.П.-ъ. Греческая трагедия на гимназической сцене // Новое время. 1910. 27 февраля; Представление «Реса» в СПб-ой первой гимназии // Гермес. 1910. Т.6, №5(51). С.151-152.

⁵ Ср. в письме Терапиано к Маркову от 23 апреля 1956: «На днях говорил о Вас с Адамовичем, которому очень понравилось Ваше повествование о молодости в “Н<овом> ж<урнале>”. А<дамович> выражал сожаление, что Вы так далеко от Парижа. Я к нему присоединяюсь...» (Письма Терапиано. С.287).

37

Дек<абрь> 1955?¹
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Прилагаю «комментарии».

Остальное – на будущей неделе.

Убедительная просьба, как всегда, почти что «sine qua non»: *корректуру* – хотя бы только для «Комментариев». Они переписаны очень убористо, наверно будут опечатки и ошибки!

Я здесь, в Англии, до 15 декабря. С 16-го декабря – на месяц, приблизительно, – буду в Париже.

Адрес обычный <...>

Всего лучшего

Ваш Г.Адамович

P.S. Комментарии несколько «возмутительного» рода. Напишите, что Вы о них думаете (средняя часть)².

¹ Дата вписана рукой Иваска.

² О «Комментариях» Иваск высказался в своих «Заметках читателя» (Оп. 1956. №6. С.52-60), которые, судя по следующему письму Адамовича, прислал ему на просмотр.

Дорогой Юрий Павлович

Спасибо за письмо, «заметки читателя» (о моей статье) и «Опыты».

«Заметки» – как все Ваше – очень интересны, очень личны, но, по-моему, несколько зыбки и расплывчаты¹. На полях сказано: «черновик!». М<ожет> б<ыть>, в этом и объяснение? Надо бы, мне кажется, сжать, уточнить. Простите за непрошенную критику, но едва ли – надеюсь – Вы ждете только взаимных комплиментов (т. е. как и я не жду их). Много верного, крайне «субтильного». Но в начале Ваш вопрос: «было ли у Христа учение?» – не верен. М<ожет> б<ыть>, у Христа и не было (хотя было!), но в статье у меня дело в Толст<ом> и Дост<оевском>, а не в Христе. Как *они* его истолковали? Я только об этом говорил. В общем – спасибо за внимание, и еще: остроту внимания. Кстати: меня очень интересует, читал ли «Комментарии» о Шмеман, Ваш советник, – вернее, вторую часть их, где о догматах? Если читал, что думает? Меня интересует отношение священника, в смысле допустимости и приемлемости для него, хотя бы только как читателя?²

Несколько слов об «Опытах». Уровень – высокий – соблюден, но не могу сказать, чтобы я чем-нибудь в них был очарован. Это, конечно, не упрек: Ваша редакторская функция действий правильно <так!>, и вообще я, написав это, вспомнил какие-то советские стихи, которые давно мне понравились:

Парень твой похож на птицу,
Клювоносый, нехороший,
То есть, может, и хороший,
Только мне не по душе...³

Стихи – в «Опытах» – как стихи. Сказать – или возразить – нечего⁴.

Кантор: о нем я Вам уже писал⁵. Марков, по-моему, хуже, чем мог бы быть⁶. Все как-то мимо, не о том, не так, – особенно если вспомнить его «Аркадию». Пастухов с Рюриком Ивневым: ну, об этом все ясно⁷. Кстати, он переврал стихи Рюрика: не «веслом загребая», а:

Только ветер, *весла срываая...*

так что и его возражение ни к чему. И не «я всегда до тебя доберусь», а «как-нибудь до тебя доберусь»⁸.

Стих<и>, правда, хорошие. Я был с Рюриком очень дружен, много о нем – и его – помню⁹.

Краса и очарование «Опытов» – Поплавский. Беру назад свои слова, что ничем не очарован! «Аполлоном Без<образовым>» очарован. Как хорошо, какой талант, какой ум во всем.¹⁰ За одно то, что

«Опыты» печатают Поплавского, Вы с Марией Самойловой удостоитеесь памятника.

Ну, а pour la bonne bouche – Марина Ц<ветаева> и Штейгер. Я читал ее в смятении и ужасе: ничего более бабье-вздорного, трагикомического и жалкого давно мне не попадалось! На Вашем месте я бы эти эпистолярные шедевры отверг без секунды колебаний¹¹.

Еще два слова о библиографии: не кажется ли Вам, что надо бы поменьше взаимных расшаркиваний, поклонов и восхищений? Так бывало в «Совр<ременных> Зап<исках>»; но едва ли это достойно подражания. Что, например, написал Кленовский о Маковском, Федоров о Зайцеве!¹² Вы вышли из положения (Ремизов) удачно, ограничившись цитатами, но и у Вас вступление – в дрожь восторга¹³. Конечно, мы – в кругу знакомых и друзей, но даже друзьям мы вредим этим. Если Вильчковский что-нибудь обо мне написал резкое, пожалуйста, оставьте как есть¹⁴. Никаких претензий я Вам не предъявлю. Он звезд с неба не хватает, но пусть пишет что хочет, если Вы вообще его в «Опыты» допускаете. Я говорю Вам о нем только с личной точки зрения, п<отому> что Вы мне о его полемике со мной по поводу Штейгера сообщили.

Теперь о письмах.

Я разобрал то, что у меня сохранилось, и начну именно со Штейгера.

Есть несколько его милых, прелестных писем, но таких, из которых выписки сделать можно лишь кое-где, кое о чем: все – личное, и в отношении меня слишком дружественное, чтобы мне не было неловко дать это в печать. Зато есть очень длинное письмо Аллы Головиной с подробным рассказом о последних днях и смерти ее брата и многом другом. Письмо это она прислала мне лет 10 назад с тем, чтобы прочесть его на вечере памяти Ш<тейгера>. В нем есть и о Цветаевой, и, что опять меня стесняет, – довольно много обо мне. Но сделать из него выписки (сохранив ⁹/10) – очень легко. Если хотите, я Вам его пришлю. Конечно, надо бы получить разрешение Аллы Г<оловиной> его напечатать, в случае, если оно Вам покажется для «Опытов» пригодным¹⁵.

Письма Гиппиус. В каждом – колкости по адресу всяких современников, так что ни одно не возможно без пропусков. Но много интересного. Я возьму их в Манчестер и там сделаю выписки, перепишу и Вам пришлю.

Еще нашел – письма Бунина, среди которых есть и забавные, и любопытные, и другие, более ценные (напр<имер>, о Чехове). Я их тоже возьму в Манчестер, но не знаю, желательны ли они Вам? В смысле «читабельности» – это первейший сорт, ну а мыслей не так много, да и мысли бунинские, т. е. не «опытные»¹⁶.

В Манчестер я еду 15-го января.

Жду корректуру, пожалуйста, пришлите. Верну в тот же день, честное слово!

Что значит Ваша поездка на 4 месяца для лекций? Будут ли продолжаться «Опыты» или это им повредит и помешает?

Письмо вышло рекордно длинное. До свидания. Крепко жму руку. С Новым Годом!

Ваш Г.Адамович.

<Адрес в Манчестере>

¹ Речь идет о статье Иваска «Заметки читателя» (Оп. 1956. №6. С.52-61), посланной Адамовичу в рукописном виде и являющейся ответом на «Комментарии» Адамовича, предназначенные для этого же номера (Там же. С.38-51).

² Отзыв о. Александра Шмемана на «Комментарии» нам неизвестен.

³ Источник цитаты не установлен.

⁴ В №5 «Опытов» были напечатаны стихи: Г.Иванова («Перекисью водорода...»); С.Маковского («Утишье», «Musée de l'homme»); Н.Моршена («Разговор о Елене Келлер»); И.Одоевцевой («Не во мне, а там, вовне...»); С.Прегель («Азбука счастья», «Париж»); Ю.Терапиано («Снова ночь, бессонница пустая...», «В содружество тайное с нами...»); И.Яссен («Нет, не пора еще уснуть...»).

⁵ Кантор М. Записи // Оп. 1955. №5. С.16-20.

⁶ Марков В. О поэтах и о зверях // Там же. С.68-80.

⁷ Пастухов В. Страна воспоминаний // Там же. С.81-90. Отметим, что Пастухов задумывался о продолжении своих воспоминаний. Так, 7 июня 1955 он в шутку предлагал Иваску: «Не хотите для 6-го номера “Опытов” очерк о петербургских банях? Это безусловно поднимет тираж. Но что бы сделалось с М.С.Ц<етлиной>? Она бы про меня сказала, что я “глубоко ненормальный человек”. Видите, я сегодня в игривом настроении». 26 сентября Пастухов писал уже вполне серьезно: «Очерк о Кузмине у меня готов “в уме”» (Amherst. Vox 5. F.11). Имя Пастухова встречается (в том числе как друга Ивнева) в дневнике Кузмина: он давал Пастухову рекомендацию (вместе с Гумилевым, Блоком и М.Лозинским) для вступления в петроградский Союз поэтов (см.: Лит. наследство. Т.92. М., 1987. Кн.4. С.694-695). Рюрик Ивнев (наст. имя Михаил Александрович Ковалев; 1891–1981) – поэт, прозаик, мемуарист, переводчик.

⁸ Речь идет о процитированном в воспоминаниях В.Л.Пастухова стихотворении Р.Ивнева «Все забыть и запомнить одно лишь...» (Оп. 1955. №5. С.82-83). Отметим, что в опубликованном им тексте строка читается «Я всегда к тебе доберусь».

⁹ 20 декабря 1968 Адамович писал Иваску:

Вы спрашиваете, знал ли я Ивнева? Это был едва ли не первый (по времени) мой литературный друг. Я познакомился с ним по объявлению в «Нов<ом> Времени»: «Юноша, поклонник всего не банального, ищет друга». Я ответил – и мы сразу с ним сдружились. Он

был тогда эго-футуристом. <...> Ивнев – настоящий поэт, но неудачник в поэзии. Ничего не вышло, а могло выйти. Стихи про Архангельск – хорошие, когда-то восхищали Мандельштама (коего Вы все-таки напрасно возвели в первые поэты нашего века).

¹⁰ Поплавский Б. Аполлон Безобразов // Оп. 1955. №5. С.20-38. В письме к И.Чиннову от 16 марта 1956 Адамович писал: «Крайне не согласен с Вами насчет Поплавского в “Опытах”: во-первых, хороший писатель никогда не пишет плохо, во-вторых – это замечательная вещь, сдержанно-глубокая, без обычной полавской размашистости и подвывания. Перечитайте! Не могу поверить, что Вы ничего в этом отрывке не найдете» (РО ИМЛИ. Фонд И.Чиннова; в публикации писем, подготовленной самим Чинновым, этот фрагмент перенесен в письмо от 26 апреля 1965; см.: Письма к Чиннову. С.259).

¹¹ Переписка М.Цветаевой и А.Штейгера напечатана с предисловием К.Вильчковского (Оп. №5. С.45-67). Чуть позже, 20 января, Адамович писал И.Одоевцевой: «Да, читали Вы письма Цветаевой к Штейгеру? Я давно не читал столь бабьего и вздорного, о чем и сообщил Иваску, на что он мне ответил, что я Цветаеву “не понимаю”. Говорят, она, разочаровавшись в любовных способностях Шт<ейгера>, набросилась потом на Аллу Головину. Я за ней этого не знал» (Эпизод сорокалетней дружбы-вражды. С.427). См. продолжение отзыва Адамовича о публикациях в «Опытах» в письме к Чиннову, процитированном в предыдущем примечании: «Зато не только согласен, но вдесятеро бы усилил то, что Вы пишете о Цветаевой и ее посланиях Штейгеру. Такого глупого и жалкого бабьего вздора я давно не читал, хотя Иваск и уверяет, что это все оттого, что я-де “не понимаю”. Нечего понимать, сплошной позор и “нарциссическая” чепуха! А этот болван Элита пишет в предисловии, что это лучшее, что Цветаева “создала”. Будь я редактором, ни за что бы всего этого не напечатал» (Письма к Чиннову. С.259-260).

¹² Д.Кленовский в статье «Одухотворенные полотна» рецензировал «Портреты современников» С.Маковского (Оп. 1955. №5. С.100-102), а Николай Федоров – книгу Б.Зайцева «Чехов» (С.99). Д.Кленовский – псевдоним поэта и критика Дмитрия Иосифовича Крачковского (1892–1976). Николай Иванович Федоров – прозаик и критик.

¹³ Иваск дал отзыв о книге А.Ремизова «Огонь вещей», который начинался так: «Вся жизнь Ремизова есть жизнь в литературе, жизнь в самой стихии языка, которой он одержим <...>. Его огонь вещей не хочется тушить дуновением» (Оп. 1955. №5. С.96).

¹⁴ Кирилл Сергеевич Вильчковский (Элита-Вильчковский) – журналист, литературный критик. Передавая его письма в Йельский университет, Иваск сообщил, что он умер осенью 1960. В прошлом был членом партии младороссов и редактором газеты «Бодрость». Судя по всему, с Иваском его связывали воспоминания довоенных лет. 24 января 1938 Иваску писал А.Штейгер: «Я показали Ваши стихи К.Вельчковскому <так!>, редактору младоросской газеты “Бодрость”, который также живет в Vesinet. Стихи ему настолько понравились, что он дал о них отзыв в своей газете, который я Вам высылаю» (*Ливак Л.* К истории «парижской школы»: Письма Анато-

лия Штейгера. 1937–1943 // СASS. P.94-95). Рецензия на книгу Иваска «Северный берег» была напечатана в газете «Бодрость» 23 января 1938.

¹⁵ О неудаче этого предприятия см. ниже. Вместе с бумагами Адамовича это письмо хранится в Вейпеске.

¹⁶ Письма Бунина были опубликованы (см. следующее письмо).

Дорогой Юрий Павлович

Пояснительная записка к приложенным письмам.

1) Письма Гиппиус¹.

Их у меня много. Я выбрал некоторые, по-моему, интересные. Сначала хотел сделать выписки, но у меня нет сейчас достаточно времени, да и лучше предоставить это на Ваше усмотрение. Берите из них что хотите, – только не то, где есть что-либо обо мне, притом лестное. Вы понимаете, конечно, мои доводы: выйдет, что я дал их в печать для этого (хотя бы отчасти! но не хочу и «отчасти»).

Затем, если есть что-нибудь слишком колкое – напр<имер>, где-то о Берберовой – лучше бы пропустить².

2) Письма Бунина.

Я сделал выписки, но, пересмотрев их, думаю, что следует ограничиться теми, которые у меня под №№ 3, 4, 5 и 6. Это – добавление к его книге о (?) Чехове, и потому оправдывает опубликование именно теперь.

Другое – ни к чему.

3) Письмо А.Головиной.

Та же просьба, что и о Гиппиус: выпустить то, что относится ко мне. Затем две просьбы общие:

1) *Вернуть мне все письма, когда Вы их используете.*

Если потеряете, отрекусь от Вас навеки, подам в суд и пожалуюсь Айзенхауэру³.

2) Прислать мне до отсылки в типографию *весь текст*, т. е. все, что Вы выберете. Я должен видеть то, что будет напечатано – а вернуть тексты немедленно.

К письмам Гиппиус я хотел бы дать несколько слов вступления и, м<ожет> б<ыть>, примечания, если не все понятно. О Бунине – написать, что это дополнение к книге о Чехове, на те же темы⁴.

От Аллы, конечно, нужно разрешение.

Не отложите ли Вы все письма (кроме, пожалуй, Бунина) на №7, если №7 будет? Ведь займут они много места.

Впрочем – Вам виднее.

Ваш Г.А.

¹ Приписка Иваска: «10½ и 1 стихотворение».

² В тот же день Адамович писал И.Одоевцевой: «Я для “Опытов” перебираю письма Зинаиды <Гиппиус>, почти во всех есть что-нибудь плохое о других, чаще всего о Бунине или Ходасевиче. Но что-нибудь нейтральное я выберу» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.427).

³ Дуайт Д.Эйзенхауэр (1890–1969) был в это время американским президентом. Транскрипция его фамилии «Айзенхауэр» была принята в «Новом русском слове».

⁴ В публикации было сделано редакционное предисловие: «Письма И.А.Бунина печатаются с любезного разрешения Г.В.Адамовича. Они дополняют посмертную книгу Бунина О Чехове (издательство имени Чехова, Нью Йорк, 1955 г., стр. 412)» (Оп. 1956. №6. С.23). Планировавшегося предисловия Адамович не написал. Позже появились более обстоятельные, хотя все равно далеко не полные публикации этих писем: Письма И.А.Бунина к Г.В.Адамовичу / Публ. проф. А.Звеерс // НЖ. 1973. Кн.110. С.158-175; «В Ваш архив, дорогой поэт»: Из писем И.А.Бунина Г.В.Адамовичу // Наше наследие. 1991. №4. С.136-137. Полный свод переписки Адамовича с И.А. и В.Н. Буниными (147 писем за 1926–1961) подготовлен к печати Р.Дэвисом и О.Коростелевым.

40

6/II-<19>56
Manchester

Дорогой Юрий Павлович

При сем – заметка о сборнике Мандельштама. Это мелочи, но в духе «Опытов», по-моему. Надеюсь, пригодится¹.

Я не знаю Вашего адреса, думаю – письма Вам пересылают².

Ваш Г.Адамович

Получили ли пакет с письмами (Гиппиус, Бунин, Алла Г<оловина>)?

¹ Имеется в виду заметка: А<дамович Г.>. По поводу собрания сочинений Мандельштама // Оп. 1956. №6. С.92-94. Отметим, что эта публикация не учтена в библиографиях Адамовича.

² Перемена адреса была связана с тем, что Иваск получил место в университете штата Канзас.

41

18/II-<19>56
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Отвечаю, как Вы просите, сразу на два письма, пришедшие почти одновременно.

Меня удивило Ваше долгое молчание. Письма Гип<пиус> и Бу-н<ина> я послал Вам чуть ли не месяц назад, air mail. Неужели

только теперь их Вам переслали со старого адреса? Нового я тогда не знал.

Удивляет меня и то, что, по-видимому, Вы очень спешите с письмами Бунина, хотя тут же пишете: «Они – для №7». А 7-й номер будет едва ли раньше осени, если вообще будет! Не ошиблись ли Вы – т. е. не № ли 6?

Ну, это все равно.

С текстом писем Б<унина> все в порядке, кроме одной невозможной опечатки. В стихах Чехова не

Акулина Петровна,

а

Акулина *Пантелевна* (рифма: Плевна!)

Я не возвращаю Вам текста, п<отому> что наверно он у Вас есть.

Гиппиус и Аллу <Головину> – конечно, лучше оставить «на потом». Но не Бунина, книга которого о Чех<ове> недавно вышла.

Затем, очень прошу – если можно, добавить две строчки к заметке о книге Мандельштама¹, на прилагаемом листочке.

Зачем Вы меня в декабре торопили с «Комментариями»? Я бы их написал толковее, если бы не спешил (впрочем, всегда все пишу в последнюю минуту).

Был бы очень рад получить Вильчковского о Штейгере, если он на меня ополчился². Это правильный метод при лояльности: «иду на вы».

Кажется, все.

Крепко жму руку

Ваш Г.Адамович

P.S. Вы, очевидно, захлопотались: вдруг на конверте написали 204, Ladybarn Road. Не 204, а 104!

<Приложение:>

Добавление к заметке о книге О.Мандельштама.

После абзаца об Ахматовой, непосредственно вслед за словами о впечатлении, которое она производила на эстраде:

Нет ли ошибки в пятой строке

Зловещий голос, горький хмель...

Насколько помню, было «зовущий». «Зловещий» – непонятно, почти бессмысленно.

¹ Просьба Адамовича выполнена не была.

² Статья К.Вильчковского о Штейгере в «Опытах» не появилась.

Дорогой Юрий Павлович

Спасибо за возвращение писем Гиппиус и Аллы. С удивлением прочел, что письмо мое Вам было «грозное». Что я такое Вам писал? И о чем?

Удивление мое еще и по поводу того, что Вы просите указать, согласен ли я с выбором писем Гиппиус, ждете вступительной статьи или заметки и т. д. Ведь это все к 7<-му> №!! Значит, к осени, да? К чему же все это Вам теперь? Или Вы хотите иметь матерьял «впрок»?

Я сейчас очень занят. Писем Гиппиус подробно не читал, не знаю, со всем ли, что Вы выбрали, могу согласиться. А копию письма Аллы я Вам вернул. Написали ли Вы ей?

Прочел сейчас Аронсона об «Опытах» и вспомнил Софию о Чацком: «Не человек, змея». Без шпилек он написать органически не способен¹.

Что Вы делаете в Канзасе? С интересом (большим) читал Ваше письмо и все, что Вы пишете о Гиппиус. В ответ сказал бы: и да, и нет. Что она была человек очень замечательный, спору нет. Таланта большого у нее не было, но все, чем его можно заменить, – было. Полная противоположность Вашей Марине².

Да свидания, cher ami. Пишу бессвязно, п<отому> что очень спешу, а кроме того – и не совсем понимаю Ваши желания и требования насчет ближайших №№ «Опытов». Вы знаете: я все делаю в последние сроки.

Ваш Г.Адамович.

Я еду в Париж – е.б.ж.³ – 22 марта, пробуду там до 20 апреля (это на предмет корректур!). Адрес тот же <...>

¹ Имеется в виду статья: Аронсон Г. «Опыты», книга пятая // НРС. 1956. 29 января. Там он, в частности, писал:

Что же касается стихов <...>, то они в общем оставляют холодными. В весьма рискованном жанре выступил М.Кантор. Его «Записи» (афоризмы) иногда метки, очень редко – оригинальны, а по большей части риторичны, нарочиты. Если уж говорить о «риске» в литературе, – то хочется со всей откровенностью при этом сказать также о «переписке» Марины Цветаевой с Л. <так!> Штейгером, занимающей центральное место в отчетной книге. <...> Думается, что поклонники таланта трагически погибшей поэтессы оказали публикацией писем медвежью услугу ее памяти.

Прочитав этот отзыв, М.С.Цетлина написала Иваску 31 января: «Ко вчерашнему письму по поводу г. Аронсона: В.С.Варшавский мне сообщил вче-

ра вечером со слов г. Аронсона, что в его рецензии пропущен большой кусок, где он восхваляет Вас и “Опыты” и что он по этому поводу поместит письмо в редакцию газеты!!!» (Amherst. Vox 7. F.13). Поправка появилась (НРС. 1956. 1 февраля), но издательницу не устроила. 2 февраля она написала Иваску: «Дорогой Юрий Павлович. Сегодня (2/1/56) появилась поправка к статье Аронсона – сплошное и отвратительное безобразие. Кто-то из друзей “Опытов” должен был бы ответить. – Адамович в свое время очень много сделал своей статьей. Думаю, что кто-то и теперь найдется. Эта вражда г. Аронсона и “Нов<ого> Русск<ого> Слова” – позор и отвращение» (Там же). Тем самым было спровоцировано появление подробно обсуждаемой далее статьи Адамовича.

² Письмо Иваска нам неизвестно, однако позже, 20 января 1964, он пишет Адамовичу: «Сейчас сам переписываю письма Зинаиды Николаевны. Все очень интересно. <...> мне действительно дорога память о Д<митрии> С<ергеевиче> и З<инаиде> Н<иколаевне>. Пусть они многое профанировали, а все же сохраняли верность чему-то самому главному и в лучшие моменты слышали “музыку сфер”, и, м<ожет> б<ыть>, больше он слышал, хотя она была умнее, проницательнее» (Amherst. Vox 1. F.3).

³ Толстовское сокращение, означающее «если буду жив».

43

22/III-<19>56
<Париж>

Дорогой Юрий Павлович

Приехал сегодня в Париж – и сегодня же получил корректуру. Спасибо. Возвращаю – по уговору – немедленно.

Ваш Г.Адамович

Конечно, Бунина не присылайте. Корректура вообще очень хорошая.

Я здесь до 20–22 апреля.

P.S. К заметке о сборнике Мандельштама я послал Вам добавление, об Ахматовой, – насчет того, что вместо «зловещего» голоса должно бы быть «звующий». В корректуре этого добавления нет. Получили ли Вы его?

44

3/IV-<19>56
<Париж>

Дорогой Юрий Павлович

Получил третьего дня Ваше письмо, спасибо. Целый ряд вопросов.

1) Корректура, т. е. Мандельштам, – пустяки. Я Вам послал вставку в текст, но Бог с ней.

2) О «Незамеченном» поколении» я писать не хочу, п<отому> что уже писал¹. Зеньковский – очень хорошо². По-моему, рвется в бой Кантор. М<ожет> б<ыть>, в порядке «дискуссии» можно бы и его?³

3) Элита-Вильчковский.

Статья его надутая и самоуверенная, но если Вы ее напечатаете, я ни 1/1000 возражения не имею. Прошу только Вашего согласия сделать к ней пост-скриптум и добавление⁴.

4) Алла Головина.

Я чувствую, что она на что-то на меня в претензии, и, вероятно, отказ ее на письмо с этим связан. Думаю, что связано это и с суждением Вильчковского о Штейгере. Очень жаль, что письма не будет. Но делать нечего: нельзя же печатать его без ее согласия.

5) Ваши замечания о моих «Комментариях».

Нет, я отзываться на них не хочу, – п<отому> что это обо мне. Уверен, что Вы понимаете, что именно поэтому и только поэтому.

В «Опытах» есть скрытая опасность «кружковщины», une chappelle. Лучше друг с другом меньше говорить, а говорить о других и другом.

Кажется, все. Срок 1 мая для 7-го номера я воспринимаю как милую шутку! Письма Гиппиус (Ваши выборки) у меня остались в Англии, я их просмотрю по возвращении. Червинская киснет, ей трудно живется (очень), но будто бы что-то напишет⁵. До свидания. Я здесь до 22 апреля.

Ваш Г.Адамович.

¹ Имеется в виду статья: *Адамович Г.* О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // НРС. 1956. 25 марта.

² Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) – богослов, историк философии, публицист. Книгу Варшавского он не рецензировал.

³ Рецензии Кантора также не было. Книгу рецензировал М.М.Карпович (Оп. 1956. №6. С.101-104), а несколько позже ей были посвящены «“Новоградские” размышления по поводу книги В.С.Варшавского “Незамеченное поколение” и дискуссии о ней» Ф.Степуна (Оп. 1956. №7. С.37-44).

⁴ Статья К.Вильчковского напечатана не была.

⁵ Л.Д.Червинская в «Опытах», редактируемых Иваском, не печаталась.

Дорогой Юрий Павлович

Я получил от Марии Сам<ойловны> гранки журнала и не знал, для чего они посланы. Увидев чьи-то вопросительные знаки кое-где

на полях, решил, что в Ваше отсутствие М<ария> С<амойловна> недоумевает насчет некоторых корректурных поправок.

Оказывается, гранки посланы для рецензии¹. Одновременно пишу М<арии> С<амойловне> с вопросами, которые обращаю и к Вам:

1) Действительно ли Аронсон отстраняется? Я понял Вас по первому письму так, что *после* рецензии Ар<онсо>на желательна была бы моя статья, об «Оп<ытах>» вообще, как уже бывало.

Если же Ар<онсон> писать не будет, то я напишу именно рецензию, на этот №².

2) Когда № выходит? Я подгоню статью так, чтобы она появилась приблизительно через неделю после выхода журнала.

О Розанове. С этой весны я пишу в парижской «Русской мысли» и только что послал туда статью о Розанове³, которого от них и получил. Написал, конечно, и о Вашем предисловии (в том смысле, что в него надо вчитаться, чтобы его оценить и понять), но сделал несколько оговорок насчет выбора материала. Не могу сразу же писать о том же в «Н<овом> Р<усском> С<лове>», во-первых, чтобы не повторяться (а если писать немедленно, это произойдет само собой), во-вторых, потому, что обе газеты ревнивы, «Р<усская> М<ысль>» в особенности. Если бы кто-либо в «Н<овом> Р<усском> С<лове>» написал о Розанове и о Вас отзыв, то месяца через два-три я непременно бы к теме этой вернулся. По-моему, так было бы проще. От чего бы не написать Варшавскому? Он теперь стал «знаменитостью», и я думаю, его охотно бы в «Н<овом> Р<усском> Слове» приняли. До сих пор он, кажется, там не писал⁴.

Письма Гиппиус еще не просмотрел. Я сейчас крайне занят, помимо Университета, всякой другой срочной работой. «Будьте душевной», как говорил Штейгер, не торопите меня! 7-й номер еще далек, все будет Вам прислано вовремя. В 6-м меня слегка огорчил Марков: не без развязности (не в том, что обо мне, а вообще)⁵. Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ В недатированном письме М.С.Цетлина писала Иваску: «В.С.Варшавский *настаивает*, чтобы Вы сейчас же запросили г. Адамовича о согласии написать статью о № 5-м и тогда, если согласится, послать ему гранки № 6-го и предупредить г. Вейнбаума, что об “Опытах” №6-ой пишет г. Адамович и чтобы г. Аронсон не писал». Видимо, в ответном письме Иваск выразил недоумение, в связи с чем она ему отвечала 30 апреля: «Я поняла в одном из Ваших писем, что г. Адамович *согласился* написать рецензию о № 6-м (вместо г. Аронсона), что Вы об этом с ним *сговорились*, поэтому я ему послала корректуру № 6-го без всяких объяснений. Очень прошу Вас с ним сейчас же по возможности снести. <...> Я очень рада его замечанию, что у “Опытов” “есть свое лицо” – это я сама *впервые* увидела в № 6-м и

говорила об этом В.С.Варшавскому» (Amherst. Vox 7. F.13). Ср. письмо Адамовича к Цетлиной от 24 апреля (Письма Адамовича. С.282).

² Аронсон этот номер «Опытов» не рецензировал. Рецензию Адамовича см.: Адамович Г. «Опытъ» // НРС. 1956. 3 июня. Об этой статье Адамович писал И.Одоевцевой: «...Иваск и Цетлина просили меня “помочь”, “поддержать”, т. е. написать отзыв, чтобы не давать его змее-Арансону <так!>; не мог же я “помогать”, говоря, что № скверный. Да еще там мне устроена реклама, на что Вишняк и намекнул деликатно: в трех статьях я упоминаюсь, что крайне глупо» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.429).

³ Рецензия Адамовича на подготовленное Ю.Иваском «Избранное» В.Розанова была опубликована в «Русской мысли» 3 мая 1956.

⁴ Рецензии в «Новом русском слове» на сборник Розанова обнаружить не удалось, неизвестен нам и тот отклик Адамовича, который предполагается в настоящем письме. В «Опытах» книге Розанова немало места посвятил В.Вейдле (О спорном и беспорном // Оп. 1956. №7. С.37-44), специально рецензировал книгу М.Кантор (Там же. 1957. №8. С.141-145).

⁵ Речь идет о «Заметках на полях» В.Маркова (Оп. 1956. №6. С.62-66), первая часть которых называлась «О книге Адамовича “Одиночество и свобода”». Отметим, что «Заметки» вызвали бурное негодование. Об отношениях Маркова и Адамовича в это время и позднее см.: Письма Терапиано. С.292-294.

Дорогой Юрий Павлович

Прилагаю статью о Розанове, которая, наверно, будет Вам не по душе. Да и мне не по душе.

«Опыты» дочитываю, в конце недели пошлю статью Вейнбауму. Судя по письму М<арии> Сам<ойловны>, он ждет от меня статьи «поскорее», чтобы поставить Аронсона перед «совершившимся фактом». Но Аронсон, пронюхав козни, может и его (да и меня) поставить перед фактом, если сдаст статью раньше. Очевидно, Вейнб<аум> не решается прямо ему сказать, чтобы не писал.

«Опыты» смущают меня отчасти тем, что там много моего и обо мне. Жаль, что это – не прошлый номер, где я отсутствовал. Конечно, чтобы потрафить издательнице, я нажму на «необщее выражение». Но в сущности, мало о чем есть писать. Поплавский – явно черновик, и не из его лучших¹. Степун – на тройку с плюсом². Татищев – «темно и вяло»³. О Маркове я Вам уже писал: по-моему, скорей бойко, чем умно. Простите, Юрий Павлович, я не критикую редактора и знаю, что ему трудно. Но и Вы, верно, чувствуете сами, что бывали номера лучше этого. О Вас лично я напишу с большей охотой, чем о других, но и Вы – частично обо мне, что меня связы-

вает. И Кантор: кстати, он хорошо написал, и «лестное» в моем суждении ни при чем⁴. Да, Терапиано⁵. И еще мне очень нравятся стихи Гингера⁶.

Теперь – ответы на Ваши вопросы.

Письма Гиппиус прочту на днях. Какую Вы хотите от меня статью о Штейгере? Зачем? Впрочем, я не устраниюсь, а если бы написал о нем, то не статью, а так, кусочки, отрывочные соображения на полях, и о нем вообще⁷.

«Опыт<ы>» три раза в год? Я думаю, Вам будет трудно, и не только в смысле матерьяла. Но en principe надо радоваться безумию храбрых и жертвенности издательницы⁸. Ремизов: от «Тристана и Исольты» меня тошнит⁹. Что он написал о Розанове, не знаю, но, м<ожет> б<ыть>, хорошо, это его сфера¹⁰. Статья Г.Иванова? Он в маразме, а статью напишет она. Да и без маразма статьи его всегда были ребяческие¹¹. Стихи – дело другое, у него хоть и разбитый голос, но все-таки голос, и очень чистый. У меня руки чешутся написать о Цветаевой, в пику Вам и всем ее обожателям, в частности, о письмах к Штейгеру¹².

К сожалению, я не могу написать о Штейгере все, что он мне говорил, все его любовные мучения и прочее: невозможно, будет всеобщее возмущение, и Алла возмутится. Жаль! Это был бы лучший комментарий к его стихам¹³.

До свидания.

Не опасайтесь, вопреки всем моим réserves¹⁴, я напишу об «Опытах» хвалебно¹⁵.

Ваш Г.А.

¹ Поплавский Б. Аполлон Безобразов // Оп. 1956. №6. С.5-17.

² Степун Ф. Искусство и современность // Там же. С.28-37.

³ Татищев Н. Среди книг // Там же. С.67-71.

⁴ Речь идет о рецензии М.Кантора на книгу Адамовича «Одиночество и свобода» (см. примеч. 4 к письму 31).

⁵ Имеется в виду опубликованная в №6 «Опытов» (с.109-110) рецензия Ю.К.Терапиано на книгу Е.Рубисовой (Rubisov H.) «Art of Asia». Терапиано писал о ней Иваску 28 марта 1955: «Вот еще рецензия: Вышла недавно книга Е.Рубисовой “Искусство Азии”. Мария Самойловна отнеслась благожелательно к тому, чтобы я написал о ней для “Опытов”. Прилагаю копию – м<ожет> б<ыть>, Вы найдете удобным ее поместить в №5 или в следующем? Меня бы это оч<ень> устроило» (Amherst. Vox 6. F.41).

⁶ Гингер А. Шар // Оп. 1956. №6. С.3.

⁷ К этой фразе Иваск сделал замечание: «Да, да!». Впоследствии из этого проекта выросла статья Адамовича «О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем» (опубл.: Оп. 1956. №7. С.26-36).

⁸ 18 февраля 1956 М.С.Цетлина писала Иваску: «Очень бы хотела, чтобы “Опыты” выходили 3 раза в год. Но тут решаете Вы, так как тратите на него

максимум времени, получая в ответ только моральное удовлетворение» (Amherst. Box 7. F.13).

⁹ Имеется в виду небольшой фрагмент книги Ремизова, напечатанный в 5-м номере «Опытов» (с.39). Его продолжения не последовало.

¹⁰ Публикации Ремизова о Розанове в «Опытах» не было. Говоря «это его сфера», Адамович имел в виду, что Ремизов посвятил В.В.Розанову целую книгу: «Кукха: Розановы письма» (Берлин, 1922).

¹¹ В «Опытах» была опубликована лишь одна статья Г.Иванова – юбилейное приветствие А.М.Ремизову (Оп. 1957. №8. С.127-129).

¹² Ближайшая по времени статья Адамовича о Цветаевой – «Несколько слов о Марине Цветаевой» (НРС. 1957. 9 июня). О письмах к Штейгеру там упоминания нет.

¹³ Самоограничение Адамовича вызвано тем, что Штейгер был гомосексуалистом.

¹⁴ Оговоркам (*франц.*).

¹⁵ Характерно, что суждения Адамовича в письме довольно близки к его оценкам в рецензии, опубликованной в «Новом русском слове»:

Не все номера «Опытов» равноценны, не все одинаково интересны. Но в каждом чувствуется отказ свернуть с избранного пути <...>.

Отрывок из романа Поплавского «Аполлон Безобразов» – явно черновик, торопливый, скомканный, с грубоватыми эффектами и ужасами в леонидо-андреевском жанре. Стоило ли его обнародовать? Да – если считать, что уже наступило время для изучения всего, что оставил после себя этот даровитый писатель. Вместе с тем это, однако, – козырь в руки людей, довольно еще многочисленных, которые утверждают, что Поплавский непомерно раздут и что посмертная слава его – результат кружковщины. <...>

«Заметки на полях» В.Маркова меня озадачили. Из авторов, появившихся в нашей печати после войны, это один из тех, с которым связаны большие надежды. Но до чего он боек, небрежно поверхностен, многословен с налетом «легкости в мыслях необыкновенной». В его коротеньких заметках кое-что остроумно. Удивляет, однако, самая мысль эти заметки представить на суд читателей: это – будто крохи с некоего роскошного стола. А в данном случае никакого стола еще нет.

(Адамович Г. «Опыты» // НРС. 1956. 3 июня)

Помимо этого в рецензии отмечены стихи Гингера и Присмановой, статьи Татищева, Гершельмана «Об игре», Степуна и Иваска, рассказ Е.Извольской «У Христа на елке» и письма Бунина. Отметим, что выделенный Адамовичем рассказ Извольской вызвал недовольство Цетлиной. 28 февраля 1956 она писала Иваску:

Огорчаюсь, что написали, что я ополчилась на Е.А.И<звольскую> – я волнуюсь за качество материала «Опытов»: так как В.Л.Пастухов высказался так же, как и я, то я особенно заинтересована в ненапечатании этого рассказа. Но я принимаю Ваше предложение относительно В.С.Варшавского и уже снеслась с ним по телефону об этом и уже направила ему по почте для чтения рассказ Е.А.И<звольской>ой.

(Amherst. Box 7. F.13)

Дорогой Юрий Павлович

Получил сегодня Ваше письмо (и другое – раньше). Родился я 7 апреля 1894 года в Москве, по старому стилю¹. Что Вы в заметке напишете – дело Ваше, а сколько будет строк обо мне и сколько о других, мне, честное слово, все равно!² Думаю, что об «Анабазисе» упоминать не стоит: я с удивлением прочел о нем у Татищева. Если бы он знал, как, для чего и зачем мы его переводили!³

Статья моя об «Опытах», верно, уже появилась и, м<ожет> б<ыть>, Вам мало понравилась. Вы дали мне для отзыва самый неподходящий № – половина его моя или обо мне. Кстати, до меня доходят разговоры о «кружковщине» в «Опытах». Доля правды есть. Поэтому – в частности, в связи со мной лично – я хотел бы, чтобы в следующем № меня во всех смыслах было бы поменьше⁴. Письма Гиппиус я перечту и Вам пришлю. Ну, напишу к ним вступление – и все. Или вместо Гиппиус о Штейгере – что Вам желательнее⁵. Знаете ли Вы о существовании человека по имени Шаршун? Он иногда бывает скучно и бездарно плосок, а иногда – удивителен. Напишите ему, м<ожет> б<ыть>, попадете на его полугениальные проблески (14, cité Falguière, Paris 15 – Сергей Иванович)⁶. Вы просите не писать о «бойкости» Маркова. Увы, уже написано! Но он, правда, плох очень, а то, что он написал о Моцарте в «Нов<ом> Журнале», – еще хуже⁷. Это вроде Померанцева – все сразу, обо всем, о всех, с тайнами и безднами, и без единой мысли – но, пожалуй, еще бойчее. Померанцев, кстати, не глуп, но «моветон» литературно, и, конечно, Марков много талантливее. Впрочем, «сами все знаем, молчи»: дело Ваше трудное. Отчего исчез у Вас Оцуп? (тоже «сами все знаем, молчу»), но все-таки – Гумилев, плюс все такое⁸. Я тоже, как и Вы, люблю «кусочки», хотя такая любовь – дурной признак, т. е. умственная лень. Но не всякие.

Прилагаю стихи О.Мандельштама, которые получил в письме от неизвестного мне лица, с указанием, что во время войны он записал их со слов какого-то советского офицера-поэта. Документов нет, но по «фактуре» трудно сомневаться, что это подлинник, что не подделка. Конечно, печатая, надо будет дать две строки в примечание и пояснение⁹.

Кажется, все. До свидания. Не сердитесь на критику.

Ваш Г.А.

Если Вы сделаете «уголок Штейгера», я бы о нем написал. И единственное мое возражение против Элиты, что опять было бы обо мне.

¹ На самом деле Адамович родился двумя годами ранее – в 1892.

² Для чего Иваску понадобились биографические сведения об Адамовиче, мы не знаем.

³ См.: «Зарубежная поэзия нашла в Париже свой духовный климат. Вспоминаю появившийся в начале эмиграции перевод Г.В.Иванова и Г.В.Адамовича “Анабазиса” Перса (Léger). С того года, кажется, 1925-го, в нашей поэзии зазвучала новая музыка, щемящая и сладчайшая, между небытием и жалостью» (*Татищев Н.* Среди книг // Оп. 1956. №6. С.70). На этот пассаж Адамович откликнулся и в письме к И.Одоевцевой от 17 июня: «Самое лучшее – скажите Жоржу! – что Татищев написал, что русская поэзия началась с нашего перевода С.Ж.Перса! А мы и не знали» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.429). К несколько более позднему времени относится оценка этого перевода, данная Адамовичем в письме к Г.Хомякову (процитировано в предисловии к публ.: Поэтический перевод как средство эмигрировать: Неизданные переводы Г.Иванова / Предисл., подгот. текста и публ. Е.Витковского // Литературное обозрение. 1995. №4. С.106).

⁴ См. также примеч. 2 к письму 45.

⁵ Был исполнен второй замысел.

⁶ Сергей Иванович Шаршун (1888–1975) – поэт, прозаик, художник, композитор. Видимо, предполагалась публикация каких-то его произведений в №7 «Опытов», поскольку 8 сентября 1956 Иваску писал М.Л.Кантор: «Соседство Шаршуна меня само по себе не смущает <...>. – Что до прозы Шаршуна, то я бы его неприличия изъясил, если это возможно; говорю это не из пуританизма, а потому что не уверен, что они искупаются художественными или философскими достоинствами произведения» (Amherst. Box 3. F.66). См. также: *Иваск Ю.* Сергею Шаршуну // РМ. 1974. 13 мая.

⁷ Речь идет о статье: *Марков В.* Моцарт // НЖ. 1956. Кн.44. С.88-113. Почти одновременно Адамович сам опубликовал статью с таким же названием (НРС. 1956. 20 мая), поэтому Марков воспринял мнение Адамовича как зависть (см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.433, примеч. 8). Ср.: Письма Терапиано. С.292-293, 298.

⁸ Н.А.Оцуп напечатал в «Опытах» статью «Н.С.Гумилев» (1953. №1. С.117-142) и стихотворение «Жертва времени и безвременья...» (Там же. №2. С.17). В бытность Иваска редактором он в журнале не печатался. Причины иронического отношения Адамовича к Оцупу отчасти раскрываются из его письма к Одоевцевой от 20 января 1956: «Из литературных событий был доклад Оцупа у Гингеров: высокопарная чепуха, со ссылками ежеминутно на Пушкина и Гумилева, двух главных мэтров, а смысл тот, что с тех пор, как погибли “Числа”, погибла и русская литература» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.426).

⁹ К опубликованному стихотворению О.Мандельштама «Жил Александр Герцевич...» было сделано примечание: «По имеющимся данным, эти шуточные стихи Мандельштама в печати никогда не появлялись (сообщены Г.В.Адамовичем)» (см.: Оп. 1956. №6. С.5).

Дорогой Юрий Павлович

Я писал Вам дня три назад, а сегодня пишу потому, что прочел Ваши выборы из писем Гиппиус.

Они меня очень разочаровали (не Вы, а она). В таком виде их печатать – дурная ей услуга, и по общей их сумбурности окажется, что Гиппиус сродни Вашей любимице Цветаевой, – что было бы обидно. Помимо того, в Ваших выборах – много обо мне. Я не хочу ничего о себе, кроме тех случаев, когда пропустить два-три слова нельзя никак.

Давайте сделаем так: я возьму все имеющиеся у меня письма Гиппиус (у Вас ведь была часть) и летом, на досуге, ими займусь, т. е. постараюсь составить текст для печатания. Надеюсь, удастся подобрать цитаты острее, значительнее, «полновеснее». Цветаева отдает бабой, а Г<иппиус> – дамой: по существу, одно другого стоит. Я хотел бы – если возможно – иначе ее представить. Но не ручаюсь за удачу предприятия. Если к 7<-му> № опоздает, хорошо бы заменить Гиппиус «штейгеряной», в которой я охотно, так или иначе, приму участие.

Вижу, что не ответил Вам еще на то, что имеется «в портфеле Опытов».

Марков – о «большой форме»¹. Я Маркова люблю, quand même. Два его последних опуса привели меня в ужас. Посоветуйте ему лучше *писать* (если не может лучше думать). Сегодня как раз получил письмо от Алданова – по поводу его «Моцарта»: «До чего изысканно, сил никаких нет». Не изысканно нисколько, просто плохо. Сабанеев в Ницце будто бы рвет и мечет. Кстати, Сабанеев – очень был бы подходящий человек. Напишите ему: 10, rue Guiglia, Nice, Леонид Леонидович².

Но о Маркове: ?? – не знаю.

Ершов об Олеше, Олешу я одобряю, Ершова меньше, но плюс перевешивает минус³.

Померанцев. Дело Ваше, умываю руки. Не надо только давать ему распускаться и цитировать десять философов в одной статейке⁴.

Маковский, стихи. Зачем? Никогда ни о чем ни одного живого слова⁵.

Зеньковский. Конечно, да, хотя бы в благодарность за «Ист<орию> русс<кой> фил<ософ>ии»⁶.

Никиту Струве не знаю. Сколько этих струвенят на свете?⁷

Одарченко – пьяница, сумасшедший, но первый сорт, кроме стихов. Все мои отзывы, пожалуйста, – «между нами»⁸.

Читали Вы Иванникова в «Нов<ом> Журнале»? Смесь Сирина с Белым, но очень талантливо, хотя «воняет литературой» за сто

верст⁹. Все-таки Яновский рядом – очень теряет¹⁰. Кто это Иванников? Если он не стар, это настоящий писатель.

До свидания. La main.

Ваш Г.Адамович.

Все писал Вам «Mr.», а вижу, что Вы «Dr.»¹¹. Простите. Но Мария Сам<ойловна> тоже «Dr.»!

¹ См.: Марков В. О большой форме // Мосты. 1958. №1. С.174-178. Почему статья не попала в «Опыты», мы не знаем.

² Леонид Леонидович Сабанеев (1881–1968) – музыковед, преподаватель Русской консерватории им. С.В.Рахманинова.

³ Ершов П. Одесская литературная колыбель: Отрывок из воспоминаний // Оп. 1957. №8. С.93-99. Петр Евгеньевич Ершов (1893–1965) – литературный критик, преподаватель Колумбийского университета, печатался преимущественно в «Новом журнале» и «Новом русском слове».

⁴ Статей К.Д.Померанцева в «Опытах» не было.

⁵ Стихи С.Маковского после №5 в «Опытах» не появлялись.

⁶ Видимо, Адамович спутал двух Зеньковских – Василия Васильевича (о нем см. примеч. 2 к письму 44) и Сергея Александровича (1907–1990), опубликовавшего несколько позже статью: Путь историка: К 70-летию М.М.Карповича // Оп. 1958. №9. С.52-60.

⁷ Материалы Никиты Алексеевича Струве (р. 1931) в «Опытах» не печатались.

⁸ Ю.Одарченко также в «Опытах» не печатался.

⁹ Речь идет о повести Михаила Дмитриевича Иванникова (1904–1968) «Заговор» (опубл.: НЖ. 1956. Кн.44. С.5-24). Удивительно, что это имя показало Адамовичу неизвестным: еще в 1935–1938 рассказы Иванникова появлялись в «Современных записках», и сам Адамович их рецензировал (Последние новости. 1935. 21 февраля; 1936. 30 июля; 1938. 20 января; 1938. 2 июня).

¹⁰ Имеется в виду рассказ В.С.Яновского «Болезнь» (НЖ. 1956. Кн.44. С.51-60). Сходным образом Адамович сравнивал этих двух писателей в письме к Одоевцевой от 25 июля 1956 (см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.432).

¹¹ Типичный случай рассеянности Адамовича: еще в декабре 1954 (см. письмо 20) он поздравлял Иваску с защитой диссертации.

Дорогой Юрий Павлович

Я все собирался ответить Вам на давнее Ваше письмо, но сегодня получил другое. Я в Ницце, до 10–15 сентября. Адрес – наверху.

В Париже я раза три видел Марию Сам<ойлов>ну. Ничего, она как будто не унывает. Я пытался (и Кантор тоже) объяснить ей, что упреки Поплавскому в неприличии – чепуха. Она улыбается в ответ, а что думает – не знаю. Мне часто кажется, что не думает она ничего. Кстати, привезла сонеты Е.Браунинг в ужасающем переводе своего мужа и с моим предисловием, которое останется моим позором¹. Насчет Маркова: Вы все еще как будто «дуетесь» на меня за него! Но молчать о нем я не хотел, а писать одобрительно – не мог. У его «Моцарта», кстати, есть поклонники: Маковский, Одоевцева². Но Сабанеев негодует. Вы писали мне, что я для Маркова – «властитель дум». Простите, не могу этому поверить: слишком не похоже и на него, и на меня. Все-таки я думаю, что из него выйдет толк, а то, что он сейчас «боится выйти на улицу», – ему на пользу. Сабанееву я говорил о сотрудничестве в «Опытах», с Вашего согласия. Но напишите ему: <Адрес>. Он ведь старик, и с заслугами.

Возмущенье Зеньковского и других по поводу моих «Комментариев» меня удивило. Я ждал недовольства, но не столь бурного. По моему, кощунства у меня нет, а если есть – то вопреки моему желанию: значит, плохо выражено и написано. Зеньковский – человек умный и тупой, как часто случается. Но, конечно, я не возражаю (в ответ на Ваш вопрос) ни на что, что мог бы он написать в опровержение моих домыслов, в какой бы то ни было форме. Смущает меня только то, что это опять будет обо мне, хотя бы и с бранью: слишком обо мне много в последнем №. Кстати, мне об этом писал Р.Гуль³, и я в ответ с ним согласился. Но Варшавский пишет, что он торжествует, и считает меня своим союзником в анти-«опытности» и что с ним вообще надо быть осторожным. Я его мало знаю.

О Штейгере я напишу непременно, но едва ли только о нем, а вернее – вообще о поэзии в связи с ним и с моими разговорами с ним.

Вы правы, что «Опыты» должны вызвать отпор и что это хорошо. Но не всегда хорошо и не во всем. У «Опытов» есть опасность высокомерия и безразличья, которую надо бы избежать. Об этом трудно писать в двух словах, но Вы поймете. Насколько я Вас чувствую, Вы – не «боевой» редактор и лучше бы под Вашим руководством не брать боевого тона, который у Вас не будет тоном верным. Вишняк – кипит, пусть глупо, но кипит. Вы (как Розанов по Гиппиус) – «задумчивы»⁴, и надо бы, чтобы журнал *Ваш* был таким. Иначе будет фальшь (в этом смысле последний отрывок Попл<авского> – именно фальшь).

Об Одарченко давно ничего не знаю. Стихи у него – дрянь, но человек он крайне способный. По моему, крайне способен и М.Иванников (в «Нов<ом> Журнале»). Кто это, где он? Я читал его рассказ со скукой («литература») и с восхищением. Яновский рядом –

сладкая водичка. Pour une fois⁵, Алданов тоже в восторге от Иванникова, а Зайцев, наоборот, вздыхает очи к небу.

До свидания, дорогой Юрий Павлович. Я летом – в обычном летнем маразме, но пришлю все, что полагается, и разберу письма Гиппиус, которые все взял с собой.

Ваш Г.Адамович

¹ Речь идет о книге: *Баррет-Браунинг Е.* Португальские сонеты / Пер. Михаила Цетлина и Игоря Астрова; Предисл. Георгия Адамовича. Нью-Йорк, 1956. Подробнее см. в письме 53, а также в письме Адамовича к М.С.Цетлиной от 20 ноября 1954 (НЖ. 1994. Кн.194. С.273).

² И.Одоевцева, не оставившая развернутого отзыва, писала В.Ф.Маркову: «Как-нибудь соберусь и напишу Вам о В<ашем> “Моцарте”. Очень мне понравился...» («...Я не имею отношения к Серебряному веку...»): Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975). С.412). Отзыв Г.Иванова по поводу этой статьи был значительно подробнее: «Как написано, это, вероятно, самая блистательная стилистически Ваша статья» (Письма к Маркову. С.34), поясняя далее отношение Адамовича: «...есть и основа: отвращение к таланту, уму, оригинальности. В этом смысле он искренен насчет Вашего “Моцарта”» (Там же. С.46). Мнение С.К.Маковского нам неизвестно.

³ Роман Борисович Гуль (1896–1986) – прозаик, мемуарист, с 1966 – главный редактор «Нового журнала».

⁴ Отсылка к названию очерка З.Гиппиус о Розанове – «Задумчивый странник» (очерк вошел в ее мемуарную книгу «Живые лица» (Прага, 1925)).

⁵ На этот раз (*франц.*).

Дорогой Юрий Павлович

Простите за долгое и упорное молчание. Вы знаете, летом я всегда в «маразме»: ничего не пишу, ничего не делаю.

Не написал для Вас ни строчки.

Но вчера я видел Марию Самойловну, которая говорит, что если я пришлю статью (Штейгер) в течение октября, это ничуть не поздно.

Согласен ли редактор с издательницей?

Если да, пришлю статью во второй половине октября. О Штейгере и о поэзии вообще.

Я в Париже до 1-го или 2-го октября.

Потом Манчестер, обычный адрес: <...>

Шлю сердечный привет.

Ваш Г.Адамович.

P.S. М<ожет> б<ыть>, лучше, чтобы № вышел совсем без меня, ввиду того, что слишком было много меня в прошлом №? Честное слово – лучше, и не думайте, что это с моей стороны «коккетство».

51

27/X-<19>56
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Сейчас получил Ваше письмо. Отвечаю не на мысли, а только по делу, ибо спешу (да и мысли Ваши в части, касающейся «Опытов», излишне пессимистичны!)

Я как раз на днях стал писать о Штейгере. Но меня смутило то, что Вы просите «не больше 8 страниц». Я пишу не о Штейгере, в сущности, а взгляд и нечто о стихах вообще, отрывочно, кусочками, и то, как я это задумал, едва ли уложится в 8 страниц (по 25–28 строк машинки в страницу). Пожалуй, будет больше (м<ожет> б<ыть>, 12). Впрочем, ни в чем еще не уверен. Но если нет места – отложите на следующий номер. Я ни в малейшей претензии не буду, и это лучше, чем сокращение. Название предположительно – «О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем». Штейгер – только предлог, а речь обо всем и ни о чем. Пришлю вскоре, дней через 5 самое позднее. А о Червинской писать не хочу: не знаю точно почему, но не могу¹. В том, что я по поводу Штейгера уже набросал, есть упоминание о ней, довольно лестное, хоть и с оговорками².

В Вашем оглавлении меня смущает Цветаева, опять со своей чепухой (простите!) к Штейгеру³, а отчасти Померанцев о Ив<анове>–Одоевцевой: воображаю, чего он нагородил и каких философов процитировал!⁴

Если бы Флоровский написал что-нибудь о моих богохульных «Комментариях», я был бы очень рад⁵. Поверьте, литературное заступничество мне совершенно безразлично, как и брань. Но тут – другое. Я убежден, что в моей статье богохульства и кощунства нет, и пусть 10 митрополитов будут другого мнения, я остаюсь при своем. Церковь губит саму себя, а митрополиты и священники ее в пропасть подталкивают.

Ваша г-жа <нрзб.> – ужас! Неужели у Вас могла быть 1/1000 сомнения, не поместить ли ее⁶.

До свидания, дорогой Юрий Павлович. Крепко жму руку. Я в Манчестере до 12–15 декабря, потом на месяц – Париж.

Ваш Г.Адамович.

¹ Рецензии на сборник Л.Д.Червинской «Двенадцать месяцев» (Париж, 1956) Адамович в «Опытах» не поместил. Книгу рецензировал сам Иваск: Оп. 1957. №8. С.136-139 (подп.: Ю.И.).

² В статье «О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем» Адамович пишет: «У Червинской, кое в чем на него <Штейгера> похожей, от природы, пожалуй, больше данных, богаче и сложнее общий замысел. Но она стихи свои не вполне “дописывает”, хотя – как знать? – может быть, и не ищет штейгеровского игольчато-ранящего стиля» (Там же. С.28).

³ Продолжение переписки М.Цветаевой и А.Штейгера было опубликовано в №7 «Опытов» (с.8-18), что снова вызвало недовольство разных лиц. Так, 8 сентября 1956 М.Л.Кантор писал Иваску: «Вижу, что Вы и в №7 печатаете письма Цветаевой? Неужели опять к Штейгеру?» (Amherst. Box 3. F.66).

⁴ Такой статьи К.Д.Померанцева в «Опытах» не было. Ю.Терапиано общался в письме от 7 августа 1960: «При жизни Г.Иванова Померанцев считался другом Ив<анова> и Одоевцевой, восторгался ими, писал о них даже слишком уж восторженно – послал, например, в “Опыты” такую хвалебную статью об И.О.<доевцевой>, что Иваск не мог ее напечатать» (Письма Терапиано. С.341).

⁵ Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) – священник, богослов, публицист. Предполагаемой статьи, насколько мы знаем, не написал.

⁶ О ком идет речь – неизвестно.

52

Простите, вышло длиннее, чем я думал.

Если все-таки будете печатать, нельзя ли надеяться на корректуру? Верну как обычно, в тот же день.

Ваш Г.А.¹

¹ Записка явно представляет собою сопроводительное письмо при посылке статьи «О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем».

53

9/XI-<19>56
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Очень рад, что моя статья Вам по душе. Но совсем не рад, что Вы собираетесь бросать «Опыты».

Издатели – все и всегда, почти без исключения, – вмешиваются в редакторские дела. Сказать «оставьте меня в покое» – можно, но может это кончиться и прекращением издания. Я бы на Вашем месте сказал: «Дайте общие директивы, объясните, чего Вы хотите, – и не вмешивайтесь в детали». М<ария> С<амойловна>, между нами, человек недалекий, но, понятно, ей хочется «играть роль». Иначе зачем ей «Опыты»?

Надо лавировать, изворачиваться, чтобы журнал сохранить. Кому Вы можете его передать? По-моему, некому. (Биска я совсем не знаю¹.) А для компании и вдохновения подбейте Варшавского. Его надо «расшевелить», иначе ничего не выйдет. (Мне Кодрянская² писала, что он стал очень мрачен).

У Вас будет рецензия о «Сонетах» Е.Браунинг³. Эта книга – мой позор. Я написал предисловие по просьбе М<арии> С<амойловны>, но со всякими оговорками. Астров меня умолял оговорки выбросить, и я согласился, надеясь, что книга никогда не выйдет. Хуже, бездарнее и даже безграмотнее этих *soi-disant*⁴ «переводов» нет и не было ничего на свете.

Меня слегка смутило, что Вы откладываете Померанцева, а я как раз написал Вам о нем что-то не очень лестное. Надеюсь, что я в Вашем решении ни при чем. Он – болтун и верхогляд, но в конце концов – ничего, бывает и хуже! Да и Ивановы на Вас будут в претензии: он их трубадур и поклонник.

Да, у меня к Вам просьба: дайте мне адрес Карповича. Одна нью-йоркская (впрочем, и парижская) писательница просит меня написать ему о ней, в надежде на «Нов<ый> Журнал», – но не на адрес журнала, опасаясь, что письмо попадет Гулю. Не ревнуйте, что не пишу в «Опыты»: радости от этого шедевра Вам было бы мало (но не говорите этого Карповичу)⁵.

До свидания. Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

Не забудьте адрес К<арпови>ча!

Ваши строчки об осени – «мантии», «хартии» – одни из лучших, Вами написанных⁶. Нужно ли добавить еще строфу – последнюю, заключительную? Не знаю. Есть что-то от «Эти бедные селенья» – стихотворения, по-моему, лучшего в русс<кой> литературе, если бы выбросить вторую, резонерскую строфу⁷.

¹ Александр Акимович Биск (1883–1973) – поэт, переводчик, мемуарист. Судя по всему, имел изрядное влияние на М.С.Цетлину. О нем подробнее см.: *Азадовский К.* Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора. Т.1. Париж; СПб., 2001. С.95-141.

² Наталья Владимировна Кодрянская (1901–1983) – детская писательница и мемуаристка. Играла видную роль в литературной жизни как Нью-Йорка, так и Парижа. М.С.Цетлина с ней постоянно советовалась.

³ Речь идет о рецензии Ю.Терапиано (Оп. 1957. №8. С.133-134) на упоминавшуюся выше (письмо 49 и примеч. 1 к нему) книгу Е.Баррет-Браунинг «Португальские сонеты».

⁴ Так называемых (*франц.*). О предисловии к этому изданию см. письмо Адамовича М.С.Цетлиной от 20 ноября 1954 (Champaigne-Urbana Univ. Library (USA). S.Pregel and V.Rudnev Collection).

⁵ Михаил Михайлович Карпович (1888–1959) – историк, главный редактор «Нового журнала». О какой писательнице идет речь, непонятно. Не исключено, что о той же Н.В.Кодрянской, которая не печаталась в «Новом журнале» с 1948 по 1958, или Н.А.Вольской, энергично пристраивавшей свою прозу и просившей Адамовича о протекции (см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.432-433).

⁶ Имеется в виду неизданное стихотворение Иваска:

Эти рваные мантии
Обнищавших дубов,
И истлевшие хартии
Поредевших лесов.
Этот обморок выпренный
Синева в пустоте,
И зияние истины
В октябре, в нищете.

Осень 1956

(Amherst. Box 27. F.2)

⁷ Речь идет о стихотворении Ф.И.Тютчева, начинающемся этой строкой (1855).

Дорогой Юрий Павлович

Вы мне на все ответили, кроме вопроса, дважды подчеркнутого, – о Карповиче. Мне нужен его частный адрес, по желанию авторши, боящейся, очевидно, что мое «рекомендательное» письмо перехватит Гуль. Будьте добры, сообщите.

Очень рад, что Вы остаетесь на своем посту и продолжаете свое служение издательнице и России. Я понимаю, что пост Ваш – не из легких.

Марков: по-Вашему, мы его «оттолкнули». Кто? Я? Но я – не «Опыты». Многие его и хвалили. Кроме того, он не из тех, кто от критики и даже хулы вянет. Он за себя постоит. Помолчать и подумать ему не вредно, а что из него выйдет толк – я уверен, и вообще насчет его «данных» (но не всех свершений) с Вами вполне согласен. Я летом был у Ивановых, которые из-за него на меня напали, в частности, из-за «Моцарта». Я сказал Жоржу: «Не могу поверить, что тебе эта выпренная чепуха – нравится». Он ответил: «Да я, в сущности, не читал, а человек он милый». Но Маковский был в восторге. Значит, нечего Маркову жаловаться. Скорей бы должны жаловаться Кускова и Чернышевский¹.

Письмо М<арии> Самойловне об «Опытах». Ну как я ни с того ни с сего стану ей о них писать? Достаточно мы с ней о них говори-

ли. Когда выйдет №, напишу. Но рецензию пусть пишет Аронсон, а если опять выругает, я после него чем-нибудь восхищусь².

Ваши стихи («Нищие мы, нищие...»)³. Они меня несколько озадачили. Вы как будто проделываете контр-ломоносовскую революцию во славу Кантемира. *Что-то* сделать с ямбами надо, в этом Вы правы. Но как и что – не знаю. Может быть, Ваш ритмический «опыт» было бы лучше проделать на очень простом тексте, чтобы проверить его возможность. У Вас самый текст – сложный, а звук стиха еще его усложняет.

А что «все – суета сует» (которую <так!> Вы мне приписываете) – верно. Но если жить, не надо об этом думать.

До свидания. Я здесь до 12–13 декабря. А потом на месяц – Париж.

Ваш Г.Адамович

Не забудьте адрес Карповича!!!

¹ Имеется в виду пассаж из «Заметок на полях» В.Ф.Маркова, где говорилось: «Глава о Чернышевском в “Даре” Набокова – роскошь! Пусть это несправедливо, но все заждались хорошей оплеухи “общественной России”» (Оп. 1956. №6. С.65). Отметим, что эта реплика вызвала негодование не только у сторонников Кусковой. Так, М.Л.Кантор писал Иваску 15 июня 1956: «Марков меня разочаровал, а отчасти даже возмутил: его выходка по адресу Кусковой неприлична совершенно, а восторги по поводу “хорошей оплеухи” общественной России достойны русской газеты, выходящей в Буэнос-Айресе. <...> (Мне кажется, что редакция в следующем № должна была бы как-нибудь отмежеваться от выходок Маркова: Вы, без сомнения, найдете для этого форму)» (Amherst. Vox 1. F.51; письмо ошибочно находится среди писем И.А.Карузо). Ср. также мнение М.В.Вишняка (Письма Терапиано. С.292). Более подробно вся история воспроизведена в публ.: «...Мир на почетных условиях...»: Переписка В.Ф.Маркова с М.В.Вишняком. 1954–1959 / Публ. О.Коростелева и Ж.Шерона // Диаспора. Т.1. Париж; СПб., 2001. С.557–584.

² Седьмой номер «Опытов» в «Новом русском слове» рецензировал Г.Аронсон, Адамович в обсуждение не вступал.

³ Имеется в виду стихотворение Иваска:

Нищие мы, нищие на пиру осени,
Золота сколько, а к чему оно, золото? –
Высушенные отшуршавшие хартии
Золотых ясеней, вязов или лиственниц.

Но взглядываясь в голубое зияние
Я убеждаюсь, ужасом очарованный,
Уже не земля – небо, небо отчина,
Неумолимая, еще не желанная.

(Amherst. Vox 27. F.2; на том же листе – несколько измененный вариант.)

Дорогой Юрий Павлович

Отвечаю по пунктам на Ваши вопросы¹.

1) Нужны ли вообще «Опыты»?

Думаю, что это вопрос «риторический». Усомниться можно во всем, особенно в наше время. С этой точки зрения можно, пожалуй, спросить себя: нужны ли «Опыты»? Что они такое «в сравнении с вечностью»!?

Но если «вечность» оставить в покое, «Опыты» делают дело нужное. Доказательство – то раздражение, которое они возбуждают у людей, без всякого права и приглашения забравшихся в литературу. Я уверен, что рано или поздно это будет признано.

2) Годитесь ли Вы в редакторы?

Ответить следовало бы коротко: да, годитесь.

В пояснение ответа скажу, что Вы дали журналу тон и лицо. Это не значит, что я во всем с Вами согласен. У нас были с Вами пререкания (например, о Цветаевой) и, наверно, еще будут. Но с Вами как редактором не было и не будет срывов в пошлость, в мелочность, безвкусию, провинциализм и т. д. Это очень важно и очень ценно. «Опыты» сейчас – оазис в пустыне или почти. Есть «Нов<ый> Журнал», но там совсем другие задачи, и линия «Опытов» с ихней не совпадает.

3) Кем Вас можно было бы заменить?

Не надо заменять. А если бы была необходимость – не знаю кем.

4) Со-редактор?

Наполеон говорил, что предпочитает, чтобы армией командовал один плохой генерал, чем два хороших. (А Вы и генерал хороший.)

Ульянова я не знаю лично. По статьям, он человек умный и даровитый, но чуть-чуть – «il n'est pas de la maison»², как говорил Л. де Лилль <так> о Сюлли Прюдоме. Что-то сегодня меня тянет к цитатам.

5) Согласен ли давать статьи в каждый №?

Едва ли это нужно. Говорю это честно и искренне, – не думайте, что ломаюсь!

Но постараюсь исполнить Ваше желание.

6) Согласен ли помочь советами?

Конечно, всегда, с большой охотой.

Вот все.

У Вас, по-видимому, какой-то кризис, если понадобились эти вопросы. От души желаю, чтобы все разрешилось к лучшему.

Как-то неловко произносить громкие слова: Россия, культура, будущее и т. д., – но, право, все мы у этих понятий в долгу и когда-

нибудь нам они счет предъявят. Не поддавайтесь же случайному приступу меланхолии и сомнениям в себе.

Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ Письмо предназначалось для М.С.Цетлиной (см. также следующее письмо) и было ей переслано Иваском. 10 декабря издательница отвечала Иваску: «Спасибо за письма гг. Адамовича и Вейдле – интересно и ободряюще», а 13 декабря повторила: «Письма гг. Вейдле и Адамовича очень нам благоприятны и одобрительны» (Amherst. Vox 7. F.13).

² Он не свой человек (франц.).

56

29/XI-<19>56
Manchester

Дорогой Юрий Павлович

При сем письмо с ответами по пунктам. Вы пишете, что хотите показать его издательнице: я с тем расчетом и писал, сохранив небрежный эпистолярный склад, но пустив под занавес и конец слезу о нашей общей ответственности перед матушкой-Родиной.

Если будет результат, буду очень рад. Но все, что я написал, я *думаю в самом деле*. Варшавский в со-редакторах (если непременно нужно) – лучше Ульянова, но Ульянов будет работать и «пламенеть» (как мне кажется), а Варшавский будет спать и на Вас махать руками. Я его очень люблю, но скорей именно за крайнюю анти-деловитость.

Биска не получил¹. Флотта <так!> я немножко знаю по Парижу². Насколько помню – «ниже нуля»³. Должен по секрету признаться, что и я их обожаемого Рильке не очень люблю, но об этом долго писать.

До свидания. Держите меня, пожалуйста, в курсе дел с «Опытами». Напоминаю о корректуре – если можно! А если нельзя, так не надо – но будьте другом, проверьте все сами, а то корректоры замечают запятые и пропускают чепуху явную.

Ваш Г.А.

¹ Речь идет о переводах Биска из Рильке. 1 ноября Цетлина писала Иваску: «Я была бы счастлива, если бы Вы согласились напечатать от 8 до 15 переводов из Рильке, сделанных А.А.Биском, нигде не напечатанные и, по-моему, исключительно талантливые и близкие по духу к стилю Рильке. Если Вы пока в принципе согласны, я Вам пошлю, чтобы Вы выбрали из много большего количества его переводов. Он этим летом очень много работал и перевел большое количество стихов Рильке» (Amherst. Vox 7. F.13). О дальнейшей судьбе этих переводов см. ниже.

² Вероятно, имеется в виду поэт А.П.Флота, с конца 1950-х до середины 1960-х время от времени печатавшийся в журнале «Возрождение».

³ Название статьи В.Ф.Ходасевича, посвященной поэзии графоманов и дилетантов (опубл.: Возрождение. 1936. 23 января; перепеч.: Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1990. С.597-603).

57

25/1 -<19>57
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

На днях вернулся в Манчестер и вчера получил Ваше письмо (о выходе «Опытов»). Я уже не помню, писал ли я Вам к Новому Году – с поздравлениями и пожеланиями. Если нет, простите. Я всегда забываю, кто кому писал последний.

«Опыты» надеюсь вскоре получить. Но писать о них в «Н<овом> Р<усском> Слове»? Посудите сами, удобно ли это? Аронсон взбеленится и будет прав. М<ожет> б<ыть>, когда он напишет, я найду повод написать о чем-нибудь в дополнение или даже в возражение. Но пусть сначала появится его отзыв¹.

Получил вчера в конверте с печатью «Experiments» довольно большую рукопись: стихи, все написанные одной рукой, без единого сопроводительного слова. Что это? Зачем мне они присланы? Я еще их не читал. Думаю, что это Биск–Рильке, но не уверен. Жду Ваших разъяснений и наставлений².

Статью для следующего № я напишу, и мысленно у меня есть для нее название – «Невозможность поэзии»³. Предположительно, это продолжение все тех же тем, что и о Штейгере, но с пессимистическим уклоном. В двух словах: сейчас можно еще писать стихи, но эти стихи нам уже не нравятся и уже нельзя (т. е. невозможно) писать стихов, которые нам бы *еще* нравились. Случайно у меня явилось желание об этом написать при чтении сочинений Юрия Трубецкого, из которого стихи льются, как из крана вода.

Срок? Вы всегда торопите, и я никогда не верю, что к спешке так много оснований. В феврале–марте постараюсь написать.

До свиданья. «Как живется Вам, как можется»⁴ на новом месте, – и надолго ли Вы там? Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович.

¹ В рецензии на седьмую книгу «Опытов» Г.Аронсон писал:

Идейное замыкание в кругу ограниченных тем и разработка этих тем в одном стремящемся к единству и целостности направлении, привело к тому, что в подборе материала и сотрудников «Опыты» попадают в плен к кружковщине или клану. Не берусь судить, является ли это умышленной данью направлению или результатом «самотека». <...> Любопытно при этом подчеркнуть, что о Г.Адамовиче пишут почти все. <...> Роль Георгия Адамовича в «Опытах» в извест-

ном смысле особая: с ним не столько соглашаются, сколько, отталкиваясь от его высказываний, определяют таким путем свои воззрения.
(НРС. 1957. 3 февраля; перепеч.: Там же. 10 февраля)

Судя по всему, именно второй из приведенных пассажей заставил Адамовича отказаться вступить с Аронсоном в полемику.

² 26 января 1957 Цетлина писала Иваску: «Вчера видела А.А.Биска, он волнуется, что не имеет ответа от гг. Вейдле и Адамовича, и хотел бы получить обратно от них свои стихи. Ему они очень нужны, так как он их должен послать в Париж, где его сын будет заниматься их издательством...» (Amherst. Box 7. F.13).

³ Опул.: Оп. 1958. №9. С.33-51.

⁴ Цитата из «Попытки ревности» (1924) М.Цветаевой.

58

24/II-<19>57
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Простите, что отвечаю с опозданием – и на два письма сразу.

Получил и прочел «Опыты». Отдельно о каждом авторе писать не стоит, но в общем номер – содержательный и интересный. Карузо мне понравился даже больше, чем я ждал по Вашим словам о нем¹. Он несомненно очень способный человек, и с «чем-то». Жаль, что так мало Вы его напечатали. Из Парижа от двух человек (один – Кантор, другого Вы не знаете) <так!> мне пишут, что главный порок журнала – взаимное восхваление и комплименты друг другу, да еще замыкание в узком кругу имен и интересов. Доля правды в этом упреке есть, и я уверен, что это должно вызывать раздражение. Но упрекающие не учитывают того, что людей с более или менее общими интересами осталось 10, а м<ожет> б<ыть>, и того меньше, так что беседа одного с другим неизбежна. Все-таки разрешите дать добрый совет: поменьше бы комплиментов друг другу и даже внимания (к темам – да, но не к именам). Как и в прошлый раз, мне было неловко перелистывать книжку и так часто видеть свое имя, – и, поверьте, я не рисуюсь, говоря это. Но для полной честности добавлю, что несколько слов Ген<надия> Андреева по моему адресу были мне все-таки приятны, – потому, что мне *очень* понравилась его статья. Кто это? То, что он пишет в «Н<овом> Журн<але>», тоже хорошо². Также очень хорошо – Вы о Федотове, хотя я бы и сделал оговорки³. Вейдле уж очень дидактичен и невозмутимо-настоятелен⁴.

Аронсона еще не читал, газеты доходят сюда не скоро⁵. Зато последняя рецензия Терапиано⁶ (который, кстати, по-моему, очень б<ы> хотел получить от Вас почтительное приглашение писать о чем и что хочет. А так как он рецензент, почему бы Вам и не послать ему таковое? У него в голове – каша или ночная вата, но возвышен-

ная и анти-аронсоновская). Меня смущает «требование» издательницы, чтобы я возразил Аронсону. Прочту – тогда увижу, можно ли это. А смущает – потому именно, что меня в журнале слишком много и защита «Опытов» может сойти за самозащиту и большое самолюбие.

Насчет Биска. Стихи его я верну на днях, но без единого слова в сопровождение. Во-первых, у меня тут нет оригиналов Рильке, чтобы судить о переводах. Во-вторых, я считаю, что минимальная вежливость требует от автора, чтобы он, посылая свои шедевры кому-либо на просмотр, при этом написал бы хоть несколько строк от себя. Я не обидчив нисколько, но не хочу и поощрять новейшие литературные нравы. Простите, если это вызовет у Вас трения с издательницей. Она тоже не на высоте, во многих смыслах.

Кажется, все. Статью о поэзии и «о том и о сем» напишу и пришлю. Да – забыл: об анкете. Нет, Ваша тема – «как кто пришел в поэзию» мне не по душе⁷. Это было бы хорошо спрашивать Блока или Тютчева, но не Трубецкого и других. Ответы Вы получите важные, и результат окажется не без комизма. Нет, надо бы что-нибудь другое, – если надо. Я в этом сомневаюсь, т. к. из анкет редко что-нибудь выходит. Во всяком случае, лучше бы тему общую – о положении в мире, о чем хотите, – а не «поэтическую». Варшавский, наверно, какую-нибудь хорошую тему предложить мог бы, а если М<ария> С<амойловна> находит, что в «Оп<ытах>» «слишком много христианства»⁸, то скажите ей, что она дура. Иносказательно это всегда сказать можно. До свидания, дорогой Ю<рий> П<авлович>.

Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ Речь идет о публикации: *Карузо И. Стародумы*: Из романа «Базилисса» // Оп. 1956. №7. С.19-26. Поскольку автор более ничего не публиковал и остался вне поля зрения историков литературы русской эмиграции, позволим себе привести некоторые сведения о нем, содержащиеся в его письмах к Иваску (Amherst. Vox 1. F.51). В угловом штампе на бумаге имя автора писем значится «Игорь А. Карузо» (в описи архива Иваска он фигурирует как граф, однако на чем основано это утверждение, мы не знаем). Судя по всему, они были знакомы с Иваском еще по Эстонии, во всяком случае об этом говорит первое из сохранившихся писем от 17 апреля 1956 из Вены:

Ирина переслала мне из Базеля 5-ую книгу Ваших «Опытов». Хочу послать Вам привет и сказать Вам, что я Вас, разумеется, не забыл. Но ведь невозможно рассказать и объяснить все, что произошло за 15 лет... Встретимся ли когда-нибудь? От души поздравляю Вас с Вашими «Опытами». Помните ли о моих «опытах» романа – «Базилисса». Как раз нашел в шкафу отрывки и очень им изумился... Теперь я «ушел» в науку. Много пишу, но, увы, не «Базилиссу».

Из письма от 5 июня того же года становится несколько яснее и сфера занятий автора, и выясняется, что Иваск был инициатором публикации отрывков из неоконченного романа:

Нет, я не ушел в «австрийские дела». Ни к какому берегу не пристал. Стою здесь совсем в стороне. Да, официально я – «ученый»; но именно не официальный – здесь не имею даже профессуры. Наука – та же суeta суeta. И особенно психология (хотя я ее, конечно, люблю; я только что сдал издателю толщенный <так!> манускрипт). <...> Вчера послал Вам несколько жалких отрывков «Базилиссы». Выбрал, не перечитывая, не слишком разрозненные или растрепанные страницы.

23 августа 1956 Карузо снова пишет Иваску:

Разумеется, я с полной готовностью выдаю Вам *carte blanche* для всех сокращений рукописи: с самого начала я ничего другого и не предполагал. Остается *одно-единственное* недоумение: Вы пишете о Зое как Базилиссе и наследнице Палеологов, лучше затушевывать. Мне же кажется, что «понимание» романа – даже в отрывках – «строится» главным образом на этом «мифе». Не будь Зоя Палеолог – «Новая Византия» становится простой рационалистической политической теорией; с Зоей же тут какая-то, пусть безумная, но «живая», «телесная» мечта. На мой взгляд, о «византийстве» Зои затушевывать не надо; к тому же мне почему-то кажется, что читатель «проглотит» и эту фантастику. <...>

Рад, что сохранившиеся отрывки пригодились. Тем более рад, что я все же не «художник», и мне мерещатся совсем иные цели. Знаете ли Вы святого Григория Паламу? Моя «Византия» становится все более «паламитской». Но об этом после.

Осенью 1956 Карузо читал лекции в Бразилии. Его последнее письмо Иваску написано 27 февраля 1957:

Шлю Вам привет из Лугано, где оправляюсь от тяжелого воспаления легких. <...>

В VII-ой книге «Опытов» много, много хорошего, хотя, в общем, чуть-чуть немного расплывчатый «христианский персонализм» (я сам считаю себя «христианским персоналистом»; потому критика не злая). Очень полюбил Ваше определение, цитируемое из Кн<и>ги VI-ой: «Бог есть, ибо Христос в него верил». <...> Опечатка в «Стародамах» «правительственный Сенат» (должно быть «правительствующий Сенат») досадна. Сколько красоты в «правительствующем» Сенате. Всякий холуй может быть «правительственным».

Другими сведениями об этом авторе мы не располагаем.

² См.: Андреев Г. Без победы и наград: Заметки на полях // Оп. 1956. №7. С.58-64. Адамович имеет в виду его слова об «Одиночестве и свободе», «книге в наши времена редкой, хочется сказать – единственной по уму, изяществу и благородству чувства и стиля, то есть по качествам теперь почти исчезнувшим...» (с.58). Геннадий Андреев – псевдоним Геннадия Андреевича Хомякова (1909–1984), редактора альманаха «Мосты».

³ См.: *Иваск Ю.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Оп. 1956. №7. С.65–67.

⁴ *Вейдле В.* О спорном и бесспорном // Там же. С.37–44. В статье, в частности, оценивалась составленная Иваском книга Розанова.

⁵ Имеется в виду рецензия Аронсона на №7 «Опытов» (см. примеч. 1 к письму 57).

⁶ Имеется в виду рецензия: *Терапиано Ю.* «Опыты», книга седьмая // РМ. 1957. 16 февраля.

⁷ Такой анкеты в «Опытах» не было.

⁸ Судя по всему, Иваск передал Адамовичу мнение, выраженное Цетлиной в письме к нему от 1 ноября 1956:

Материал №7-го доброкачественный, но он весь на тему христианской философии и философского христианства. Стихи мне показались тощими. Нет литературы, нет красоты, нет остроты.

(Amherst. Box 7. F.13)

59

26/V-<19>57
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Когда-то Ал. Толстой подошел к З.Гиппиус и сказал: «Простите меня». – За что? – недовольно спросила Гиппиус. – «Простите, что я существую».

Вот так и я теперь. Чувствую всякие вины перед Вами. Не сердитесь.

Статьи я сейчас не могу прислать никакой. У меня масса всяких дел, а голова «не варит». Но летом, т. е. в июле, напишу непременно, отчасти даже потому, что эту «Невозможность поэзии» написать мне очень хочется. Боюсь только, что я от долгого ожидания растеряю мысли о ней. Ну, как-нибудь справлюсь.

Едва ли «Опыты» выйдут до осени, – правда? Так что я Вас и не очень подведу.

Червинская крайне огорчена, что о ней у Вас ничего не было. Напишите (лучше всего сами!) или поручите кому-нибудь (кроме меня)¹. До свидания, впрочем, скорее письменного, чем личного.

Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

Я здесь до 3 июня. Потом в Париже – <...>

¹ См. письмо 51 и примеч. 1 к нему.

Дорогой Юрий Павлович

Получил сегодня Ваше письмо от 5 августа, а на предыдущие еще не ответил. Простите, и спасибо, что не «считаетесь» письмами. Я очень рад, что №8 «Опытов» вскоре выходит, и притом без меня. Слишком было меня много в номерах последних, и меня это тяготило. Статью о «Невозможности поэзии» я напишу к №9 непременно и пришлю заранее, т. к. осенью мне легче пишется. Еще хотел бы прислать кое-какие стихи, но в другой раз¹. Судя по Вашему перечню, № будет хороший. Что Ульянов воюет с Чаадаевым², мне, впрочем, не совсем по душе. Но Бог с ним! Зависит, как воюет, – если без блеска и развязности, которой он грешит, то ничего.

Вы спрашиваете, не обижен ли я за Вашу «Цветаеву»³. Как я мог бы обидеться? Наоборот, я должен был бы по правилам алдановской вежливости немедленно написать Вам благодарность. Но, по-моему, Вы несколько обидно отозвались о парижанах вообще, противопоставив им Цветаеву, которая больше болтала и шумела. Помимо того, параллели Державин – Цв<етаева> я переварить не в силах. (Вспомните «Река времен...») – стихи, рядом с которыми вянет даже Пушкин, п<отому> ч<то> становится как-то легок и будто из папье-машэ <так!>. Насчет Ремизова, т. е. что он «настоящий писатель», тоже сомневаюсь. Поздравить его, конечно, следует, хотя он больше мошенник, чем писатель⁴, и на мошенничестве сделал карьеру. Ну, все это «спор о вкусах», а у Вас вкусы устойчивые и Вас не переубедишь. Я все больше думаю, что поэзия гибнет и погибнет от того, что на свете слишком много литературных мошенников и самоупоенных клоунов (а им в ответ – мало доверия). У Вашего любимого – и моего экс-любимого – Розанова есть где-то страничка о «Блаженны нищие духом»: как зубрила это его дочка и как надо бы такие слова показать человеку в конце жизни на золотом листке⁵, – помните? Удивительно! (и, вспомнив, я выкидываю свое «экс». Удивительно!) Вот то же самое и с поэзией. А тут потуги, вскрики и восторги, от которых тошно и еще больше скучно.

До свидания, дорогой Юрий Павлович. Простите за болтовню. И к Алданову Вы, вкупе с Варшавским, несправедливы. Или не совсем справедливы. Я здесь до 16 сентября.

Буду очень рад письму.

Ваш Г.Адамович

¹ Стихи Адамовича не появились ни в восьмом (где он не печатался во все), ни в девятом номерах «Опытов».

² См.: Ульянов Н. Мысли о П.Я.Чаадаеве // Оп. 1957. №8. С.56-72. Отметим упоминание Ю.Терапиано: «Читали ли Вы в №8 Оп<ытов> статью Ульянова о Чаадаеве? Ответить собирается Адамович» (Письма Терапиано. С.311; письмо от 8 января 1958).

³ Речь идет о статье Иваска «О читателях Цветаевой» (НРС. 1957. 30 июня). Ср. реакцию современника: «Иваск молится на Адамовича (хотя бы его статья – даже в защиту Цветаевой от А<дамовича>)...» (Письма Терапиано. С.306; письмо от 31 июля 1957).

⁴ К этому фрагменту письма Иваск сделал примечание: «Но *наш* мошенник, не чужой!» См. также следующее письмо. Поздравление Ремизову было напечатано (см.: Алексею Михайловичу Ремизову ко дню его восьмидесятилетия // Оп. 1957. №8. С.126-130), что вызвало у Адамовича чрезвычайную острую реакцию.

⁵ Соответствующее место в сочинениях В.В.Розанова нами не отыскано.

22/VIII-<19>57
<Ницца>

Дорогой Юрий Павлович

Получил Ваше письмо (15/VIII), спасибо. Но прочел я его не с «удовольствием», как Николай II¹, а с огорчением. Большим, чем Вы предположите.

«Ремизов в №8 превознесен до небес»². Вчера, кстати, я был у Иванова, который мне сообщил, что и он в «превознесении» участвует³.

Я лично ничего против Ремизова не имею, никогда ни в чем с ним не сталкивался. Отметить его юбилей, конечно, следовало. Превознесение – дело другое.

Мне было всегда по душе в «Опытах» то, что это не альманах, а нечто цельное, с внутренним единством. Мне казалось, что кое-что в «Оп<ытах>» в этом смысле и достигнуто, хотя бы чуть-чуть. Поэтому первым моим движением было уйти из «Оп<ытов>» и объявить об уходе, «принципиальном», пусть и без объяснения причин⁴.

Для меня литература, и в частности поэзия, – самое важное, что есть в жизни. Оттого я не могу примириться с превознесением Ремизова и всей его бесстыдно-слащавой и фальшивой подделки под поэзию. Вы защищаете в «Оп<ытах>» поэзию от прозы, от <нрзб.>тельного Алданова, – и это хорошо. Но Вы ее предаете слева, и это гораздо более «плохо», чем то «хорошо». Ремизов – знамя, символ фальши, а Вы не замечаете своего же собственного ужасного признания, соглашаясь со мной, что он «мошенник»: «Да, но *наш* мошенник»⁵ (и еще Вы подчеркнули «*наш*»!). Ведь то-то и ужасно, что *наш*!! К другим мошенникам я равнодушен, мне до них нет дела. А от этого у меня сводит скулы и тошнит. Когда-то из вежливости я написал, что «не понимаю Р<емизова> и ищу ключа к нему»⁶, а ду-

рак Ульянов этому поверил. Что можно в Р<емизове> не понимать? Все ясно. Ну, долго писать не стоит. Но, скажите, зачем я буду что-то сочинять о «невозможности поэзии» – т. е. о недостижимости правды и о ее *неотделимости* от поэзии – в журнале, где все участвующие с удовольствием барахтаются во лжи и приглашают к этому читателей? Поверьте, я себе не придаю значения. Но я что-то делаю в литературе и хочу делать это «что-то» по-своему и с теми людьми, которые в основном со мной согласны. Кстати, мне очень жаль, что Вы на этот раз не посоветовались с Варшавским, с которым, кажется, совещались прежде. У него на все это есть и слух, и чутье.

Ваш Г.Адамович

¹ Такие пометы Николай II действительно оставлял на прочитанных письмах.

² К этой фразе Иваск сделал примечание: «преувеличено!».

³ Действительно, в упоминавшемся уже поздравительном «блоке» (см. примеч. 4 к письму 60) была и неозаглавленная заметка Г.Иванова.

⁴ Примечание Иваска: «Это было бы ужасно!»

⁵ К этому месту письма Иваск сделал примечание: «Да, я так написал: но это шутка! Ю<рий> И<васк>. – Ремизов вообще дорог по воспоминаниям об эпохе символистов, и он еще – вроде талисмана, “маскотт”! А кое-что – просто хорошо!»

⁶ В одной из своих рецензий (Новый журнал. Книги 51-52 // РМ. 1958. 5 июня) Адамович писал о Ремизове: «Не скрою, не стану притворяться: мне лично “ключ” к этому очень сложному, очень противоречивому, замечательному и несомненно писателю нужен. Завидую тем, кто им восхищается без оговорок или отбрасывает его без колебаний!» Более ранних высказываний такого рода нам отыскать не удалось.

⁷ В недатированном письме к И.Чиннову Адамович продолжает тему:

Иваску я третьего дня написал едва ли не самое злое письмо в моей жизни – по поводу возвещенного им превознесения Ремизова в следующей книжке «Опытов». Не могу с этим примириться, хотя лично против Ремизова ничего не имею. Это – сдача всех позиций, измена, предательство того облика поэзии, который – мне казалось – в «Опытах» мало-помалу проступал. Это восхищение поэзии-лжи, поэзии-лукавства, всего, что мне отвратительно, сколько бы ни было за ним таланта. И кроме того, это поддержка всех обманутых Ремизовым модернистических дураков. Я Иваску почти написал отказ от дальнейшего участия в журнале и все думаю, надо ли это сказать публично, с объяснением причин? Если боюсь этого, то исключительно потому, что боюсь саморекламы и какой-то неуместной принципиальности, которую трудно было бы объяснить.

(Письма к Чиннову. С.253).

Дорогой Юрий Павлович

Я давно уж собирался Вам писать, а вчера получил письмо Ваше. Спасибо. Я перед Вами виноват, и это чувствую. «В сердцах», после визита к Иванову, я Вам написал что-то несуразное о чествовании Ремизова. Но тогда я действительно был сердит, а теперь об этом и говорить не стоит.

«Опыты» я получил, но успел их только перелистать. Прочел только Варшавского, а Вас еще нет – простите!¹ Конечно, что же скрывать, страницы поздравительные доставили мне большое удовольствие! Вейдле в особенности. Стоило прочесть на своем веку всех Джойсов и Клоделей, чтобы провозгласить эту «славу», будто бравый вахмистр с чаркой в руке на полковом празднике!² Варшавский стал изысканнее, как-то «литературнее», чем был, чуть-чуть манернее. Я очень люблю его писания, но едва ли он (на этот раз) вызовет отклик и интерес. Его тема – недоумение – не дает ему покоя, но если бы он нашел в себе силы ее забыть, было бы лучше, т. е. был бы большой писатель, который пока остается только в зародыше. Все-таки очень хорошо, что «Опыты» его печатают и поддерживают. Он из тех людей, которых надо хвалить и не бранить – иначе он завянет. Есть и другой род людей, наоборот.

Да, случайно увидел фразу Маркова – о себе, будто «у Иванова есть все, чего Ад<амович> требует»³. Ну, оставляю это на его совести, но с уверенением, что – не все, далеко. Нет поэта, который был бы мне более чужд сейчас, чем Ив<анов>, хотя он действительно хороший и подлинный поэт. Кстати, по его просьбе я должен сочинить о нем статью (но это между нами, и не бойтесь, не для Вас!)⁴.

А для «Опытов» – остаюсь при желании и мысли сочинить статью о поэзии, последнюю в своей жизни и для меня окончательную. В мыслях она у меня кончается обращением к Боратынскому, а выйдет ли это на бумаге – еще не знаю. Но Боратынский, в смысле «последнего собеседника», именно последний русский поэт, т. е. дальше пойти некуда и не к кому⁵.

Отчего Вы в Канзасе, а не в Кэмбридже? Навсегда, или это – гастроли? О Пушкине и Толстом разговор был бы долгий. Только вот что: П<ушкина> с Ремизовым помирить еще можно бы, а с Толстым – никак: или – или. Кстати, бедный Ремизов, по слухам, совсем плох.

Ваш Г.Адамович

Когда – приблизительно – готовятся следующие «Опыты», если они вообще продолжаются? Я 10-го декабря еду на месяц в Париж, адрес обычный. Г.А.

¹ Имеется в виду рассказ В.Варшавского «Рассеянность. Из записок художника» (Оп. 1957. №8. С.26-35) и статья Иваска «Философ в дурацком колпаке. Владимир Филимонов» (Там же. С.73-82).

² Заметка В.В.Вейдле по поводу юбилея Ремизова (в отличие от неозаглавленных материалов Г.Иванова и В.Маркова) называлась «Алексею Михайловичу слава!».

³ В своей статье В.Ф.Марков писал:

...здесь мы даже не сравниваем его с пресловутой группой «парижской ноты». «Нота» может не существовать, потому что в его стихах есть все, чего требует Адамович, и еще очень много сверх того, а лучшие представители «ноты» не дотягивают даже до рецептов «властителя дум» 30-х гг. Сравнить его хотя бы с Поплавским, этим парижским Есениным для избранных, или с немного малокровной музой Штейгера.

(Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Там же. С.84).

⁴ Речь идет о статье Адамовича «Наши поэты: Георгий Иванов» (НЖ. 1958. Кн.52. С.55-62). Вторая и последняя статья из этого цикла была посвящена Одоевцевой (Там же. 1960. №61. С.147-153). См. в письме Адамовича к И.Чиннову от 31 мая 1961: «Я не хотел продолжать этой серии, не хотел вообще писать ее. Но сначала пристал Г.Иванов, потом Одоевцева – будто и ему, и ей это было крайне важно!..» (Там же. 1989. №175. С.257). В письме к Одоевцевой от 5 марта 1958 Адамович замечает: «Гуль прислал письмо с восторгом по поводу моей статьи о Жорже. Карповичу будто бы тоже очень понравилось. Действительно, не статья, а бонбон» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.470). О работе над статьей см. также письма Адамовича к Р.Б.Гулю от 7 декабря 1957, 9 января и 3 февраля 1958 (Письма Георгия Адамовича к Роману Гулю / Публ. Г.Поляка; примеч. В.Крейда // НЖ. 1999. Кн.214. С.201-203).

⁵ В финале статьи Адамовича действительно использованы стихи Е.А.Баратынского «Молитва» (1842 или 1843) («Царь небес! Успокой...»).

63

24/1-<19>58
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Все собирался ответить Вам на предыдущие два письма, а сегодня получил новое – от 17 января.

Я не писал Вам отчасти из-за немощей и болезней: азиатский, сверх-азиатский грипп, от которого и сейчас не вполне отделался. Все мои парижские каникулы прошли в аспиринах и настойках.

О существовании «Опытов» я – вопреки Вашему предположению! – помню твердо. Статью о поэзии пришлю непременно, в феврале, не позже. Сейчас у меня много мелких здешних дел и работы, отчасти и литературной. Должен написать статью (маленькую) о Г.Иванове для «Нов<ого> Журнала», по настойчивому желанию ав-

тора и его жены (это – между нами, конечно). Обещал я им это еще летом, а теперь пришли последние сроки. Я пишу Иванову, что у него какой-то непонятный мне литературный зуд, а он – и она – уверяют меня, что это им нужно по каким-то иным (вероятно, финансовым) соображениям¹. Перед этим аргументом – я пассую <так!>.

Если буду жив, то во второй половине июня буду в Париже и, конечно, буду искренне рад Вас увидеть или, вернее, – видеть².

Пока до свидания! Кто это писал об «Опытах» в «Нов<ом> Р<усском> Слове»? Довольно нахально и развязно³. А вот Большухин – соглашаешься с ним или нет, – по-видимому, человек настоящий. Кажется, Вы его знаете? Кто он и что он?⁴ У меня возникла переписка с Биском в связи с его Рильке. Но я ее не продолжаю, не к чему. Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ Статья о творчестве Г.Иванова довольно подробно обсуждается в письмах Адамовича к Иванову и Одоевцевой, в частности, в письме от 21 октября 1957: «...статью о Жорже напишу непременно <...>. Практически от моей статьи не будет ничего, м<ожет> б<ыть>, 5 долларов лишних от какого-нибудь мецената, да и то едва ли. Не может ничего быть. А что у Жоржа какой-то зуд, мало мне понятный, я знаю давно...» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.454-455 и далее).

² О поездке Иваска в Европу в 1958 у нас мало сведений; в основном они ограничиваются последующими письмами, а также письмами Адамовича к И.Одоевцевой, где 25 июня сообщается: «Приехал Иваск, ничего, но с заячьей губой, чего я не люблю» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.488).

³ Речь идет о рецензии: С.П. «Опыты» // НРС. 1957. 8 декабря. Приведем цитату из нее:

Большинство вещей, помещенных в восьмой книжке, именно таковы, но стоит пробежать оглавление, чтобы убедиться: «знакомые все лица», имена, встречаемые в печати из года в год... Неужто и в сам деле так узок у нас писательский круг и вовсе нет незнакомцев? Стихи Георгия Иванова, Ирины Одоевцевой, Игоря Чиннова – формально отличные стихи. Советовать на то, что эти стихи унылы и мрачны, непозволительно. Предполагается ответ: ага, хотите, чтоб гром победы раздавался? Гражданских ноток желаете? Не будет вам гражданских ноток.

В письме к Иваску Цетлина замечает: «№8-й имеет успех. Сегодня мне сказал г. Аронсон, что он хотел писать, но М.Е.Вейнбаум ему сказал, что он попросил это сделать кого-то другого. Г.Я.Аронсон мне сказал, что считает этот номер талантливым и парадоксальным» (Amherst. Box 7. F.13). Псевдоним автора рецензии раскрывается в письме Ю.Большухина от 24 декабря 1957 к Иваску: «Некто, написавший об ОПЫТАХ в Н<овом> Р<усском> С<лове>, пожелал остаться неизвестным, но я открою Вам эту жгучую тайну: инициалы С.П. означают: Сам Писал. Или, как выражался Иван Александрович Хлестаков, “барон Брамбеус это тоже я”. Статья могла бы быть,

конечно, и лучше, но Брамбеус сам участвует в номере, и это его немножко связало в похвалах соперникам, т. е. собратьям по перу” (Там же. Вох 1. F.40).

⁴ Юрий Большухин (Юрий Яковлевич Кандиев, 1903–?) – прозаик, журналист. Возможно, имеется в виду статья: *Большухин Ю.* Поиски и находки // Оп. 1957. №8. С.195-101, или какая-нибудь из следующих публикаций Ю.Большухина: Об одной книге, о России, о людях // НРС. 1957. 8 декабря; Три старика // Там же. 23 декабря (назовем разделы этой статьи: «Что ни шаг, то Маршак»; «Андрей Упит»; «Сергей Коненков»; подп.: «Юр. Б.»); Клюквенные заросли в «Литгазете» // Там же. 1958. 19 января.

64

14/III-<19>58
Manchester

Дорогой Юрий Павлович

Пишу Вам по поводу статьи для «Опытов».

Я обещал ее Вам в феврале. Но писать ее начал только на днях и пишу урывками, «через час по ложке», или, вернее, – через день. Отчасти оттого, что много других дел, отчасти – от всяких размышлений «в связи», иногда мешающих писать прямо и быстро.

Вот я и хочу Вас спросить:

1) Когда Вам статья нужна, т. е. последний срок? Если я пришлю ее Вам в конце апреля (*но это наверно!*), будет ли непоправимо поздно? Назначаю апрель, т. к. на днях я уезжаю в Париж и не знаю, как там все сложится. Вероятно, поеду и в Ниццу.

2) Если статья будет размером больше обычного, стеснит ли это Вас? Отвели ли Вы мне уже определенное число страниц, и если да, то сколько? Я Вам уже писал, что хочу написать эту «Невозможность» как некий свой итог. А итог может и разрастись.

Буду ждать ответа (но в Париж <адрес>).

Как живется Вам, «как можется»? (Видите, от хороших чувств к Вам вспомнил Вашу Цветаеву, но это и стихи хорошие.) Кстати, я хочу о ней в статье написать, в поправку и объяснение того, что писал о ней раньше, в заносчивости и раздражении¹.

Ваш Г.А.

¹ В статье «Невозможность поэзии» Адамович писал о Цветаевой:

Она, конечно, была настоящим поэтом, и, конечно, у нее попадаются отдельные прелестнейшие строфы, мелодические и меланхолические, женственные, как ни у кого. Задумчивость, полусонно-певучие интонации, тихий, сомнамбулический ход некоторых ее стихов к Блоку или ранних стихотворений о Москве неотразимы. Но творческие претензии Цветаевой мало-помалу оказались в разладе с ее силами: утверждаю это как очевидную истину, хотя и знаю, что остаюсь в одиночестве. Юрий Иваск, например, один из ее верных, стой-

ких поклонников, вспомнил даже Державина, говоря о ней <...> о том, что в ее скороговорке, в ее причитаниях и восклицаниях, в ее ритмической судороге нет творческой новизны – т. е. данных для развития, – по-моему, и спорить нельзя.

(Оп. 1958. №9. С.45)

65

28/IV-<19>58

<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Вчера вернулся из Парижа и отвечаю – с каким опозданием! – на Ваше письмо от 24-го марта.

В Париже, как водится, вертелся в сливках света (впрочем, слегка скисших), потом ездил в Ниццу – и по легкомыслию не писал ничего¹. Но статья о поэзии, писанная кровью сердца, будет непременно, без обмана, без отсрочки – через две недели у Вас. Она у меня вся в голове, надо только написать.

Через океан и 6000 милль <так!> расстояния чувствую, что статья Вашего итальянца о Пастернаке – вздор! При чем тут Стравинский? Жаль, что он не припел и Пикассо! Я знаю этих иностранцев, еле еле говорящих по-русски и увлекающихся Пастернаком: в Оксфорде их – пруд пруди, и все они стандартно-модернистические кретины. Но дело Ваше, печатайте, если надо!² А вот что Вы хотите печатать стихи из «Д<окто>р<a> Живаго», меня смутило. Разве они уже не появились – и в газетах, и еще где-то? Сомнение мое только насчет этого³. А вообще-то Пастернак, вопреки Вашим шпилькам по его адресу, много лучше, крепче, глубже Вашей Цветаевой, хотя она иногда и «шармантнее». Романа его я, к сожалению, еще не читал. Вейдле будто бы в восторге, почти что «телячьем». Но после тоста в честь Ремизова я к Вейдле утратил последние крохи доверия.

А что у Вас вообще предполагается в «Опытах»? Будет ли Степун?⁴ При нашей крайней бедности (и больше: при анти-музыкальности всего, что в нашей печати и литературе осталось), Степун все-таки – на вес золота. Он – болтун, краснбай, но как Андрей Белый краснбай, а не как Аронсон или Слоним.

До свидания, дорогой Юрий Павлович. Следующее письмо – с приложением статьи!

Ваш Г.А.

¹ О времяпрепровождении Адамовича в Париже см. в его письмах к Одоевцевой за этот период (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.474-484).

² Речь идет о статье: *Поджолои Р. Пастернак* // Оп. 1958. №9. С.23-28. В ней говорится: «Пастернак – нео-романтик, подобно Стравинскому в “Вес-

не священной” и в “Жар-Птице”» (с.26). Ренато Поджоли – американский литературовед, профессор Гарвардского университета.

³ В «Опытах» было напечатано шесть из «Стихотворений Юрия Живаго» («Гамлет», «Объяснение», «Осень», «Сказка», «Август», «Земля») с пояснительной заметкой В.Франка (см.: Там же. С.6-16), в которой говорилось о том, где напечатаны остальные стихи. Вопреки утверждению Адамовича, он несколько скептически относился (по крайней мере, в это время) к самим стихам из романа. Приведем цитату из его письма к Чиннову от 20 мая 1958:

Насчет Пастернака я с Вами согласен. Его стихи никогда не доходят до черты, за которой нет споров. Последние, из «Д<окто>р<a> Живаго» – жиже, слабее по напору, чем прежние. И уж никак я не могу вынести переложения слов Христа пастернаковским стилем! Романа я не читал. Говорят, это лучший русский роман XX века. Может быть. Если даже он литературно хуже, скажем, Бунина, то внутренне Пастернак, конечно, на другой высоте, и, пожалуй, правда, он больше Бунина, Горького и др. имеет право на продолжение «великой русской литературы». П<отому> что она ведь правда была «великая», а в наше столетие сдала и поглупела.

(Цит. по оригиналу. – РО ИМЛИ. Ф. И.Чиннова.)

В публикации М.Миллер это письмо ошибочно датировано 17 марта 1956. См.: Письма к Чиннову. С.251-252.

⁴ Статей Ф.А.Степуна в «Опытах» №9 не было.

66

3 мая <19>58
Manchester

Дорогой Юрий Павлович

Получил сегодня Ваше письмо.

Во избежание Вашего волнения сообщаю, что статью вышлю заказным, *послезавтра*, т. е. 5 мая. Она только наполовину переписана, а сегодня суббота – значит, раньше не успею. Если и опоздает (Вы ждете ее 7-го), то на один день¹.

В статье 22–23 страницы, на машинке, по 25–28 строк на странице: вышло, как я и думал, больше, чем Вам, верно, подходит. Да и то многое скомкано.

Обычная, настоятельная просьба: корректуру!

Верну – тоже как обычно – в тот же день. Но, пожалуйста, пришлите.

Ваш Г.Адамович

Я буду в Париже весь июнь. В начале июля думаю уехать на юг.

¹ Речь идет о наконец-то завершенной статье «Невозможность поэзии». В письме к Чиннову от 20 мая 1958 Адамович сообщал:

Я недели две назад послал Иваску большую статью для «Опытов». <...> Статья общая, не об отдельных поэтах. Кстати, она до сих пор меня «мучает», как бывает у женщин после родов, кажется. В ней очень многое не досказано, другое пере-сказано, хотя я писал ее со вниманием, немножко как пишут завещание. Но это-то и может звучать фальшиво. Ну, увидим. В сущности, это итог и резюме несчастной «парижской ноты», которая, кстати, сильно мне надоела, особенно в интерпретации Иксов и Игреков.

(Цит. по оригиналу. – РО ИМЛИ. Ф. И. Чиннова)

67

8/VII-<19>58

<Ницца>

Дорогой Юрий Павлович

Шлю привет и поклон из Ниццы, где солнце на месте, синее небо – тоже. Надеюсь, Вы сюда приедете¹. Дайте мне знать за несколько дней. Прилагаю обещанные письма.

Получил сегодня письмо от М-те Элькан о парижской войне мышей и лягушек, т. е. Маковского и Померанцева, окруженных войнами меньшего калибра². До чего это глупо и скучно. Лучше бы уж Маковский занимался грудастыми мальчиками в юбках, чем этой чепухой. Кстати, как прошла Ваша с ним экскурсия в Карусель?

До свидания. Крепко жму руку.

Ваш Г. Адамович

¹ В письме к И.Одоевцевой, написанном в тот же день, Адамович рассказывал:

К Вам, между прочим, хотел поехать Иваск, который собирается провести несколько дней в Ницце, а потом – к Вам. Он звал меня поехать вместе, но я предпочитаю, конечно, один, и вести разговоры не об Анненском и Блоке. Если бы Вы не желали визита Иваска, напишите мне, я его отговорю, и, кстати, уже сказал, что, м<ожет> б<ыть>, это по болезни Жоржа для Вас неудобно. Он разошелся совсем, и с Анненского перешел на мальчиков. Но с Вами, на первых порах, будет, верно, стесняться.

(Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.489)

О визите Иваска во Францию см. также в письме Ю.Терапиано к В.Маркову от 6 июля 1958 (Письма Терапиано. С.314-315).

² В своем письме к Одоевцевой от 8 июля 1958 (см. примеч. 1) Адамович продолжал тему:

Вы спрашиваете о Париже и сплетнях. Там сплошная война мышей и лягушек, т. е. Маковского и Померанцева во главе двух враждебных армий. Все из-за «Рифмы» и того, кому ей владеть? Я перед отъездом обедал у масонов и сидел рядом с Маковским. Что он говорил и как кипел, описать я не в силах. Кстати, сообщил, что Помера-

нец бегает (и не только бегаёт) за маленькими мальчиками, но тщательно это скрывает. Правда это? Что-то не похоже. По-моему, все они слегка сошли с ума. Было бы что делить! Два человека выпускают книжку стихов, три – ее читают, а шуму столько, будто бы еп жеу <в игре – *франц.*> миллионы и мировая слава. Да и из-за мировой славы не стоило бы так злиться.

(Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.489-490)

16 июля он возвращается к этой теме:

Относительно войны Маковский – Померанец, то я еще в своем уме и никаких третейских судов, лично, не желаю. Маковский меня уверял, что все подкопы Померанца – против меня, но я не верю, да мне и все равно. Померанец мне в связи с этим прислал очень милое письмо, на которое я столь же мило ответил. <...> К «Рифме» этой я отношения не имею и не намерен иметь. Но о третейском суде я сказал Маковскому: т. е. сказал, что если он хочет «бить П<омеранцеву> морду», то лучше устроить суд и просить Зайцева быть председателем.

(Там же. С.491)

Дорогой Юрий Павлович

Получил (давно) письмо Ваше, а затем – недавно – карточку из Флоренции. Пишу в Мюнхен, как Вы и указываете.

Мне очень жаль, что Вы не приедете в Ниццу¹. Особых «фестивальных» аттракционов² я Вам здесь обещать не могу, но небо синее и всякие другие красоты – на месте. Я писал Ивановым, что, м<ожет> б<ыть>, Вы их навестите, и они были этому заранее рады. Вернее, не «они», а «она», т. к. он, по-видимому, мало на что реагирует и не встает с кровати³.

Из Парижа мне все пишут об «Опытах» и о Вас с Марией Сам<ойлов>ной. Я ей написал большое письмо (в ответ на ее) и даже процитировал Некрасова: «спасибо сердечное... русский народ»⁴, думая, что на ее девственную душу эта лесть подействует: т. е. не бросайте дела, которое нужно России и человечеству! Она несомненно Вами дорожит и ссориться с Вами не хочет. Я ей предложил разные компромиссы (1 – ее с Вами со-редакторство, 2 – Кантор с Вами), но подчеркнул, что пока она только издатель, она должна редактору – если ему доверяет – предоставить полную свободу. Пусть поставит свое имя рядом с Вашим, тогда она вправе хозяйничать и тогда с Вас снимается ответственность за ее какое-нибудь veto (но и у Вас должно это право быть!).

Кантор упирается, главным образом, по-моему, потому, что М<ария> С<амойловна> не очень его хочет (так ему кажется). Между тем лучшей «перегородки» между Вами и ей не найти. Сегодня я получил от него письмо с новой версией: Вы – редактор, при «ближайшем участии» – его, Варшавского и моем. Это вздор, да и слишком тяжело для постройки, выходящей раз в год⁵.

Еще из Парижа мне все пишут о драках в «Рифме»: Маковский v<ersus> Померанцев. Кончится, вероятно, мордобитием, не фигуральным, а подлинным⁶.

Ну, это все – литература, а «за жизнь», как говорит мой парижский друг Рабинович⁷, сказать нечего. Я пребываю в тютчевском состоянии «блаженства и безнадежности»⁸ (10% первого и 90% второго) по тютчевским причинам, и не имею мужества себе une fois pour toutes⁹ сказать, что ничего нет и ничего быть не может. Если я в Ницце и сижу то, ведь, в сущности, только из-за этого, а все остальное – лицемерие и ложь. Жаль, что Вы не приедете, я бы Вам «причину» продемонстрировал¹⁰.

Буду ждать письма, дорогой Юрий Павлович. «За жизнь» и о литературе, воплощенной сейчас в Марии Самойловне. Читали ли Вы книжку Зурова? Очень талантливо, но ужасно много лишних и слишком красивых слов¹¹. Сердечный привет Чиннову, у которого лишних слов нет (а в сущности, можно додуматься до того, что все слова лишние, – и тогда остается сказать «merci», «кладу перо», как Кармазинов¹².

Ваш Г.Адамович

¹ Еще 14 июля Адамович писал Одоевцевой: «Не знаю, <...> пускать ли к Вам Иваска, буде он сюда приедет» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.491), но уже через неделю, 21 июля, сообщал ей же: «Иваск пишет, что если приедет, то только в августе, и то под вопросом» (Там же. С.492).

² См. в заметках Иваска об Адамовиче: «Узкая улочка, отходящая от Елисейских полей, называется рю дэ Колизэ. Там мы сживали в простом “табачном” кафе и в сумрачном “Фестивале” с притушенными красными огнями» (Проект «акмеизм» / Вступит. статья, подгот. текста и коммент. Н.А.Богомолова // Новое литературное обозрение. 2002. №58(6). С.161).

³ Георгий Иванов скончался меньше чем через месяц, 26 августа 1958. О его последних месяцах жизни см. в письмах И.Одоевцевой к В.Маркову: «...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975). С.451–461.

⁴ Из стихотворения Н.А.Некрасова «Сеятелям» (1877):

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

⁵ Очередные неурядицы в «Опытах» относятся к более раннему времени. 30 апреля 1958 М.С.Цетлина написала Иваску: «Статью г. Извольской я перечла еще раз и окончательно отказываюсь от ее напечатания – подробный разбор я Вам пришлю позже. Т. к. Вы, м<ожет> б<ыть>, не предупредили ее, что я как издатель могу не допустить появления ее статьи, и она уверена, что статья появится, – я Вам даю право ей написать, что статья не появится, потому что я (а не Вы) этого требую» (Amherst. Box 7. F.13). В тот же день Цетлина еще раз пишет Иваску: «Сегодня утром отправила Вам письмо <...> а днем получила Ваше письмо о том, что Вы заказали статью Е.А.Изв<ольской>. Делая это, Вы забыли, как я боролась за ненапечатание ее статьи о католич<еской> сестре милосердия; иначе Вы бы заранее спросили меня об этом. Очень сожалее об этом, но остаюсь при своем решении ни в каком случае ее теперешнюю статью не печатать» (Там же). О какой статье Е.А.Извольской идет речь, мы не знаем.

В связи с этим Иваск решил предпринять меры, о которых мы знаем также по письмам Цетлиной. 6 июля она написала: «Считаю нужным Вам сказать, что если бы Вы хотели дать удовлетворение Елене Алекс<андровне> Извольской и выпустить №10 без надписи “под редакцией Ю.П.Иваска” – то я на это *совершенно* согласна и *ни в какой мере* не буду на это претендовать. Буду рада за нее и за Вас», а 12 июля последовало еще одно письмо:

Дорогой Юрий Павлович,

Получила Ваше письмо о Вашем выходе из «Опытов» и благодарю Вас за его дружеский характер. – Само собою разумеется, что Вы можете выпустить №9 за Вашей подписью. Не забудьте, что я Вам предложила снять Вашу подпись? *только и исключительно* если это *Вам* нужно для удовлетворения Е.А.Извольской и Вас самого. <...>

Сегодня утром получила Ваше письмо, которое Вы просите считать *документом*? – я на это согласна и пошлю его копии лицам, заинтересованным в дальнейшей судьбе «Опытов».

Уже по телефону сообщила г. Вейдле, который сказал, что будет об этом (т. е. о дальнейшей судьбе «Опытов») писать г. Адамовичу. – Меня устраивают разные последствия: Вас уговорят остаться (во что я не верю), создадут новую редакцию или редактора, «О<пыты>» *просто* прекратятся (русские *очень* любят ссориться) и у меня не будет этой заботы и, м<ожет> б<ыть>, будет другая, более меня удовлетворяющая, работа.

(Там же)

Раздор, однако, удалось уладить, и еще некоторое время Иваск оставался редактором.

⁶ В эти же дни Адамович писал С.Ю.Прегель. 17 июля 1958: «Насчет “Рифмы”: хорошо, что эта “буря” успокаивается. Я говорил Маковскому о третейском суде как о средстве все-таки более желательном, чем мордобитие (он все вертелся именно в такой дословный бой). Но и третейский суд – позорище, совершенно ни к чему» (Письма Адамовича. С.293); 20 августа: «Насчет “Рифмы”, кажется, сведения лучше, т. е. спокойнее. Но произошла какая-то перепалка Маковский – Померанцев в новом варианте. “Так было, так будет”. Chacun s’amuse à sa manière <Каждый забавляется по-своему – франц.>» (Там же. С.295). София Юльевна Прегель (1872–1972) – поэтесса.

⁷ Яков Борисович Рабинович (1897–1964; в литературе встречаются другие даты рождения). Вероятно, был знаком с Адамовичем еще по предреволюционному Петербургу, а впоследствии по масонским делам.

⁸ Цитата из стихотворения Ф.И.Тютчева «Последняя любовь» (между 1852 и 1854).

⁹ Раз и навсегда (*франц.*).

¹⁰ Кто был предметом этой влюбленности Адамовича, мы достоверно не знаем. См. о нем в письмах к Одоевцевой этого периода. 8 июля: «Ожидаю приезда своего ангела, друга, мечты и утешения, но не знаю еще, придет ли. А чувства мои двоятся, ибо утешение связано с расходами, сами понимаете» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.490); 14 июля: «Амуры мои продолжают и причиняют мне эмоции различные. Даже очень различные. Но хорошо, что есть эмоции» (Там же. С.492). Иваск пишет в своих заметках, что это был Юрий Султанов, сын Е.П.Летковой-Султановой, однако он умер еще до войны.

¹¹ Имеется в виду сборник рассказов Леонида Федоровича Зурова (1902–1971) «Марьянка» (Париж, 1958).

¹² Отсылка к роману Ф.М.Достоевского «Бесы».

Дорогой Юрий Павлович

Пишу в «Р<усскую> М<ысль>» с надеждой, что письмо Вы получите.

Мне очень жаль, что Вы не приехали в Ниццу. Не хочу Вам объясняться в любви, но не будь я по природе сухарем и в «футляре», пожалуй, сделал бы это. С Вами можно говорить, бродя по городу, то об Иннокентии Анненском, то совсем о других земных прелестях, и я это очень люблю (даже единственно выношу). Вы были бы для меня новым Штейгером, которого мне и здесь, и везде недостает. Ну, *passons*¹, не стоит об этом говорить. Раз Вы уезжаете в свою Америку, делать нечего, точка.

Насчет «Опытов»: по-моему, Вы к дуре-издательнице чрезмерно строги. Она дура добрая, а это главное. И Вас любит. Останьтесь редактором, но согласитесь с ее желанием просматривать рукописи до их окончательного принятия. Было бы странно, если бы у нее оказалось не только право veto, но и право одобрять без Вашего согласия, право инициативы. Но на этом она, кажется, настаивает.

*Bon voyage!*² Напишите (еще сюда, в Ниццу), когда вернетесь домой. Насчет «блаженства и безнадежности»: да, конечно, 10% – не так мало! 1/10000 лучше, чем отсутствие и того, и другого. Я Вам не

жаловался ни на что. Наоборот, эта 1/1000000 помогает мне жить. Но это – тема для ночных разговоров над морем.

Крепко жму Вашу руку, дорогой Юрий Павлович, очень дружелюбно и искренне.

Ваш Г.Адамович

¹ Пропустим (франц.).

² Счастливого путешествия! (франц.)

70

5/IX-<19>58

<Ницца>

Дорогой Юрий Павлович

Получил сейчас Ваше письмо. Отвечаю два слова (или 2½!).

По-моему, некролога Жоржа Иванова наспех не нужно. Я бы на Вашем месте поместил короткую заметку: «Редакция скорбит...» (по американской моде) или просто и лучше: «Такого-то числа там-то скончался...» – с обещанием дать некролог в будущем номере¹.

Мария Самойловна написала, что ей нужно «спешно и срочно видеть» меня. Но я буду в Париже только к 20-му. Если Кодрянская не врет, то она собирается предложить мне редакторство.

Во-первых, «даром только птички поют», а во-вторых, из лойяльности <так!> к Вам я ни за что предложения не приму (хотя бы Вы ушли и добровольно).

Крепко жму руку. Пишите мне, пожалуйста, побольше и почаще.

Ваш Г.А.

¹ В журнале появилась информация: <Б/п.> Памяти Георгия Иванова // Оп. 1958. №9. С.4-5.

71

21/IX-<19>58

<Париж>

Дорогой Юрий Павлович

Третьего дня я приехал в Париж и вчера был у Марии Самойловны, которая меня бомбардировала письмами: ей «срочно» и «непрерывно» нужно было меня видеть.

Дело вот в чем.

М<ария> С<амойловна> очень огорчается тем, что ей неизвестно: согласны ли Вы быть редактором «Опытов» или считаете себя в отставке? Она полна к Вам добрых чувств, считает Вас незамени-

мым и думает, что без Вас «Опыты» погибнут. Я ее в этих мыслях всячески поддержал: Вы, никто другой, должны быть редактором! Единственное желание М<арии> С<амойловны> – читать рукописи до того, как Вы их приняли, т. е. не ставить Вас в неловкое положение, как было с Извольской и ее рукописью, Вами уже принятой¹. Я ей сказал, что нахожу это ее желание естественным и приемлемым, и тут я ни мало <так!> не покривил душой: нельзя же от М<арии> С<амойловны> требовать, чтобы она никакого интереса к журналу не проявляла и молчала бы, если бы появлялись в нем вещи, ей неприятные. Кантор вполне со мной согласен. Но вот что я добавил: «Было бы неприемлемо, если бы у Вас (т. е. у М<арии> С<амойловны>) было бы право навязывать, imposez, редактору то, что ему не по душе, т. е. право инициативы. Кроме того – суждение чисто литературное должно остаться прерогативой редактора. Издательница может отвергнуть вещь по содержанию, но не по оценке литературной или формальной».

На это М<ария> С<амойловна> полностью и категорически согласна. Даже замахала руками: «Что вы, что вы, я об этом и не думала!»

Почему-то она просила меня, чтобы написал обо всем этом Вам именно я. Это я и делаю. Она жаждет и мечтает, чтобы Вы не отказывались от редакторства. Я к ее жажде и мечтаниям полностью присоединяюсь. Дорогой Юрий Павлович, проявите кротость и великодушие, не бросайте «Опытов»! Русский народ скажет Вам спасибо сердечное.

Кстати, по слухам (Кодрянская), к редакторству подъезжает Терапиано, но без успеха. Я не согласен на замену Вас ни в коем случае.

Буду ждать ответа и надеюсь – утвердительного. Я в Париже до 3-го октября. Напишите сюда, в Париж. А обо всем прочем – потом.

Ваш Г.Адамович

¹ См. примеч. 5 к письму 68.

8/X-<19>58
3, Scarsdale Road
c/o Mrs White
Victoria Park
Manchester

Дорогой Юрий Павлович

Я не успел написать Вам – в ответ на Ваше письмо – из Парижа. Пишу из Манчестера.

С Марией Самойловной я говорил после Вашего письма по телефону. Она ахала на тему о том, как Вас ценит и любит, и обещала Вам написать. Вашу фразу «мы друг другу надоели» я изменил в том

смысле, что *Вы* будто бы боитесь, что *ей* надоели, – и она размякла окончательно. Словом, она надеется, что Вы останетесь редактором, и сказала, что без Вас «Опыты» кончатся. Я ей это подтвердил.

К тому же, по слухам, у Карповича в «Н<овом> Ж<урнале>» большие финансовые затруднения, и в случае конца «Опытов» она склонна их поддержать (если они согласятся – добавлю от себя после известной истории ее с ними).

Так что умоляю на коленях, во имя русской культуры и чести эмиграции ответьте: да, дорогая издательница, остаюсь редактором! Насчет того, что «даром только птички поют», я напишу М<арии> С<амойловне> – но позже, если Вы на редакторство дадите окончательное согласие.

Видел за час до отъезда из Парижа Варшавского с невестой. Они проводили меня на вокзал. Она очень мила, он – еще милее, но постарел ужасно. Кажется, он этого не видит, а я, конечно, много об этом не сказал.

Когда выходят «Опыты»?!

Это последнее мое деловое письмо к Вам. Дальше будут письма о мыслях и чувствах. Обратите внимание на новый мой адрес.

Ваш Г.Адамович

73

16/XI-1958
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Получил письмо Ваше давно, хотел ответить сразу, а отвечаю почти что через месяц. Так всегда.

Знаю от Кантора, что Мария Сам<ойловна> сначала ждала письмо от Вас, потом написала Вам первая. Чем все это кончилось? Остались ли Вы на своем посту?

От того же Кантора: М<ария> С<амойловна> будто бы склонна финансировать и «Н<овый> Ж<урнал>», не оставляя «Опытов». Действительно, она заслужила от русского народа «спасибо сердечное»! Но будь жив Алданов, «Н<овый> Ж<урнал>» денег от нее не взял бы. Теперь – не знаю.

Это – дела. Перехожу к «не делам». Ваш отрывок – о женщинах и некоем юноше – навел меня на многие мысли и воспоминания. Но я никогда не чувствовал «ужаса», о котором говорите Вы и многие, с Вами вместе. Наоборот, то, что у других и частью у Вас, – «ужас», для меня было подобием счастья, правда – требующим какого-то ирреального рая, чтобы осуществиться и стать не только подобием. Из строчки: «Федры не было, были няни» – могли бы выйти стихи¹.

Только что прочел в «Н<овом> Ж<урнале>» Пастернака (в «Н<овом> Р<усском> Слове» не читал). Есть отдельные замечания и фразы, которых кроме него никому бы не написать, но меня удивило общее «передвижничество» картинки. Он, по-видимому, действительно надеялся, что его напечатают в СССР, и подлаживался к общедоступности. По тем страницам, что я прочел, восторги Слонома и К° мне непонятны. Но надо прочесть все².

Как Вы живете? Что делаете? «Кого любите?» (это цитата из недавнего письма одной дамы ко мне. Я ей отвечал – «Вас»). Что «Опыты» и почему их нет? У меня в голове тысячи писательских тем и планов, а возиться надо с «Маклаковым», за которого вперед получены все деньги³. Если «Опыты» будут впрямь, мне хочется написать две статейки (или обе соединить в одну): 1 – «О теме К.Леонтьева», 2 – о том, почему меня мутит от Сов<етской> России, при *согласии* с ее идеалом и конечной целью⁴.

Буду ждать письмеца. Я в Париже с 15-го декабря, приблизительно.

Ваш Г.Адамович

¹ О каком произведении Иваска идет речь, установить не удалось.

² В «Новом журнале» (№54) были напечатаны фрагменты из «Доктора Живаго». Параллельно, с 12 октября, роман печатался в «Новом русском слове». На следующий день после этого письма Адамович несколько подробнее писал А.Гингеру о своих впечатлениях: «Читал первую главу “Живаго” в “Н<овом> Журнале”. Ничего, кое-где il a comme des éclairs <есть словно озарения – франц.>, но немало и “передвижничества”, для П<астернака> неожиданного. Он, верно, искренне надеялся, что его напечатают в СССР, и подгонял к этому фактуру. Говорят, это “Война и мир”, чтобы да, так нет» (Письма Адамовича. С.298).

³ Имеется в виду книга Адамовича «Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек» (Париж: Изд. друзей В.А.Маклакова, 1959; на правах рукописи).

⁴ Первая «статейка» была оформлена Адамовичем в виде краткой заметки из цикла «Темы» (опубл.: Воздушные пути (Нью-Йорк). 1960. <№1>. С.49-50).

Дорогой Юрий Павлович

Целый век нет от Вас ни слова! М<ожет> б<ыть>, это я не ответил Вам? Не помню.

Прежде всего – с Новым Годом! От души желаю Вам всяких радостей и приятных вещей, во всех смыслах и направлениях. Я очень люблю и как-то особенно чувствую строчки Мандельштама: «Он

исповедоваться хочет, но согрешить сперва»¹. Ну, вот что-то в этом роде у меня и сейчас в мыслях. Я был в Париже на каникулах, целый месяц. Ничего, все по-прежнему. Умер, внезапно, бедный Оцуп. Я был с ним в полу-ссоре, а теперь вспоминаю его с хорошим чувством, т. к. в целом он был хороший, искренний и чистый, мешала только какая-то надутость и вечная, подозрительная обидчивость, внушенная, кажется, его Беатриче – Дианой².

Я слышал какие-то рассказы об «Опытах»: будто Вейдле что-то наврал М<арии> Сам<ойлов>не о том, что Биск его статью знает, и другое. Не могу себе представить Вейдле-вруна! Все, что угодно, но не это! Если бы мне сказали, что он стал завсегдатаем «Фестиваля», было бы правдоподобнее. Напишите, пожалуйста, в чем дело³ – и отчего «Опыты» не появляются? Меня это чуть-чуть смущает в личном порядке, т. к. у меня там много о Пастернаке, до-живаговского периода⁴. Между тем сейчас П<астернак> – другой, и т. к. журнал выйдет теперь или даже позже, что-то не складывается и не «увязывается».

Кстати, вакханалия вокруг П<астернака> – в частности, «Н<о-вого> Р<усского> Слова» – мне очень не по душе, не говоря уж о том, что это его подводит. Но противно мне желание покрасоваться за счет П<астернака>: и Слоним – в позе пророка Иеремии⁵.

Ну, все это Вы знаете и понимаете сами. Гринберг издает альманах в честь П<астернака>ка. Я ему ответил без большого восторга, т. к. не знаю, что это будет, т. е. хватит ли у него ума и такта сделать нечто приемлемое!⁶

Буду ждать письма, дорогой Юрий Павлович. Вы – моя «последняя любовь» на земле, или предпоследняя. Пожалуйста, не заставляйте меня думать, что даже и в этом – разочарование.

Ваш Г.Адамович

¹ Из стихотворения «Старик» (1913).

² Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958) умер 28 декабря. Диана Александровна Карэн – его жена, актриса немого кино; в «Числах» дважды публиковались ее «Заметки». Адамович относился к ней неизменно иронически. О «полу-ссоре» Адамовича и Оцупа см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.485 и далее.

³ Сюжет этой истории восстанавливается на основании писем Цетлиной, хранящихся в архиве Йваска. 27 ноября 1958 она писала:

Вы знаете, что г. Вейдле, будучи в Париже, сказал мне по телефону, что он дал прочесть свою статью об А.А.Биске и его сыне самому А.А.Биску и что тот статьей удовлетворен. Я была счастлива и считала, что инцидент исчерпан. Теперь А.А.Биск мне сказал, что ничего подобного он г. Вейдле не говорил и считает эту статью очень обидной для него и для его сына. Когда я ему сказала слова г. Вейдле, – А.А.Б<иск> категорически заявил и повторил, что

«г. Вейдле врет», что «он мне солгал», и что появление этой статьи будет обидой и ему, и его сыну. Надеюсь, Вы поймете, что я отказываюсь от печатания этой статьи и напишу об этом В.В.Вейдле.

(Amherst. Box 7. F.13)

28 ноября Иваск отвечал ей:

Решил написать Биску – письмо к нему прилагаю. Он ведь просил сам, чтобы В.В.Вейдле отозвался. Но когда просят об отзыве, то ни в коем случае содержание этого отзыва не определяют. Я знаю, что А.А.Биск Ваш друг, знаю, что он нервный человек, я, кажется, все сделал, чтобы внести общепримирение. Совершенно ясно, что статья В.В.Вейдле отнюдь не ругательная. <...> Всеми тому, что говорит В.В.Вейдле, я безусловно верю. Его статьи нарасхват, у него мало времени для сотрудничества в русском журнале, все же он пишет для ОПЫТОВ, руководимый побуждениями самыми благородными. <...> Очевидно, что А.А.Биск читал статью В.В.Вейдле. Нашел письмо В.Вейдле от 28 июня с <его> г<ода>. Там он пишет, что А.А.Биск *два раза* просил Вейдле написать о нем. Вейдле вкратце пересказал Биску свою статью. Основная ошибка в том, что А.А.Биск просил Вейдле о нем написать! Я этой статьи не заказывал, но принял ее. *А сам Вейдле вообще ни на чем не настаивает.*

(Там же)

На полях копии письма Иваска к Биску, а также письма Иваска от 20 декабря к ней, Цетлина оставила свои пометы, из которых следует, что она чрезвычайно недовольна и своей волей снимает статью Вейдле.

⁴ Имеется в виду статья «Невозможность поэзии», где творчеству Б.Л.Пастернака было уделено значительное внимание (Оп. 1958. №9. С.46-48).

⁵ Вероятно, речь идет о статье: *Слоним М.* Роман Пастернака // НЖ. 1958. Кн.52. С.94-108. Библиографию зарубежных статей этого периода о творчестве Б.Л.Пастернака см.: Русские писатели: Поэты (Советский период). Т.18. СПб., 1996.

⁶ Творчеству Пастернака был в значительной степени посвящен первый том альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1960), издававшегося Р.Н.Гринбергом. Адамович напечатал там статью «Темы».

Дорогой Юрий Павлович

Очень давно, очень Вам не писал, собирался как раз вчера и сегодня, а сейчас пришло Ваше третье письмо, после двух «неответных»! Простите. Я Вас всегда помню, «ношу», как Бальмонт, «на струнах сердца», ну а писать – дело другое. Я был занят, нездоров, все еще вожусь с «Маклаковым», и все дела запустил. Спасибо, что не считаетесь письмами и не обижаетесь. Я в Вас это очень ценю, т. е. «это» плюс все другое.

Поздравляю с выходом – наконец! – «Опытов» и надеюсь их скоро получить. Отвечаю на Ваши вопросы – для следующего номера¹.

Одоевцева. Я буду на будущей неделе в Париже, надеюсь, по крайней мере, и с ней поговорю. Печатать ее без разбора, т. е. что ни даст, по-моему, опасно. Но может она дать и что-нибудь подходящее, скорей всего – нечто вроде воспоминаний. (Она, верно, предпочла бы беллетристику, но я совру, что у Вас ее не будет.) Сабанеев? Да, конечно. Его зовут Леонид Леонидович, <адрес>. Я думаю быть в Ницце в апреле, дней на 10, и тоже могу с ним поговорить. Конечно – что-нибудь о музыке. После разговора с ним я Вам напишу. Попросили бы о чем-нибудь Прегельшу. Она – не совсем «Опыты», но не глупа, может что-нибудь сочинить для оживления (например, об Оцупе: надо бы о нем что-нибудь!). Кантора надо бы из уважения, добропорядочности и всего прочего. Степуну, по-моему, – все, что захочет, но с просьбой редактора писать не о سینета или чем-нибудь таком², а помнить, что «Опыты» выходят редко и хотели бы от него слышать, что он думает «о самом важном». Вейдле и напоминать ничего не надо. Марков – конечно, все, но с присмотром, как за сорванцом. Варшавский – без комментариев. Татищев? Он не глуп, т. е. не совсем глуп, но бездарен, как пень. Да, есть Одарченко: этот и очень умен, и очень талантлив. Я бы ему на Вашем месте написал непременно. Лифарь? Я был удивлен, увидя у Вас его кандидатуру. Лично он не способен связать двух слов, но если его балетные мысли грамотно изложить – может оказаться интересно. Опасно то, что он может прислать чепуху, а Вам будет неловко ему вернуть. В Нью-Йорке есть Баланчин. Кажется, он «культурнее» Лифаря и мог бы тоже о балете что-нибудь сочинить³. Я думаю, что вообще в Нью-Йорке должны быть люди, не в пример пустыне-Парижу.

Когда, к какому сроку Вы собираете матерьял? Я хотел бы написать «Тему Леонтьева», но, надеюсь, Вам рукопись потребуется еще не скоро.

Ну вот, не письмо – а реестр имен. Следующее будет другое. Вы меня на реестр спровоцировали сами. Что такое «Мосты» и как к ним надлежит относиться? Я ответил Берберовой⁴ согласием, но не уверен, что стоит там писать. Пожалуйста, скажите, как по-Вашему⁵. Спасибо, что прислали стихи. Есть что-то хлебниковское, впрочем, у Вас не в первый раз. Но там, где «укоряющий взгляд», – совсем не от него, и можно было бы этот «взгляд» развить, уточнить, чтобы была ахматовская иголка в сердце⁶.

Простите, дорогой Юрий Павлович, что пишу глупости, т. е. «слова, слова», да и не те. Я сейчас устал, «не в себе» и не могу «в себя» прийти. Пожалуйста, пишите (лучше в Париж <адрес>).

Ваш Г.Адамович.

Об «Опытах» в «Р<усской> Мысли», верно, напишет Терапиано, но я не думаю, что будет ругать: напишет с важностью и кислова-

тым достоинством. Аронсон хуже⁷. О Ваших рассуждениях по поводу Сократа и Алкивиада – в следующий раз. К «Федону»⁸ Вы несправедливы: последние страницы ни с чем несравненны <так>. Но, конечно, эти страницы холодные, без того, что принесло христианство и еврейство. И еще неудачны <?> два возражения Сократу в середине (один Лисий, другой – Кебет, или что-то вроде, верно, я имена путаю. Симий?)

¹ Десятый номер «Опытов» не вышел.

² Адамович вспоминает весьма ему не понравившуюся статью Ф.А.Степуна «Кино и театр» (Оп. 1953. №2. С.63-80).

³ Среди названных Адамовичем потенциальных авторов десятого выпуска «Опытов» – поэт и критик граф Н.Д.Татищев и балетмейстер Дж. Баланчин (Георгий Мелитонович Баланчивадзе, 1904–1983).

⁴ Нина Николаевна Берберова (1901–1993) – писательница. Была знакома с Адамовичем еще с петроградских времен.

⁵ Альманах «Мосты» выходил в Мюнхене в 1958–1970; всего было 15 выпусков, из них 11 – до 1965. Адамович впервые напечатался в пятом выпуске (1960).

⁶ О каком стихотворении Иваска идет речь, нам установить не удалось.

⁷ Ю.Терапиано действительно рецензировал девятый номер «Опытов» (Русская мысль. 1959. 9 мая), что было отмечено в письме М.С.Цетлиной к Иваску от 10 мая 1959: «Я глубоко возмущена статьей г. Терапиано о №9 в “Русск<ой> Мысли”. О ее недоброжелательности согласны <так> и г. Адамович, и С.Ю.Прегель, и, наверное, все, кто ее читали». Г.Аронсон также рецензировал этот выпуск. Отметим его упрек в адрес Адамовича: «Пользуясь случаем только обратить внимание на nepзoзвoлитeльный и нeубeдитeльный выпад автора <Адамовича> по адресу Белинского: “Пустомеля-Белинский”. Хорошо было бы даже в изданиях для писателей и поэтов обходиться без таких “чересчуров”» (НРС. 1959. 29 марта).

⁸ «Федон» – диалог Платона. Имена его персонажей Адамович называет верно.

Дорогой Юрий Павлович

Давно Вам не писал, кажется – не ответил. Простите. Вчера вернулся в Манчестер и нашел Ваше письмо с письмом М<арии> С<амойловны>.

Было бы хорошо, если бы она приняла Ваше предложение: $\frac{3}{4}$ – «Н<овый> Ж<урнал>», $\frac{1}{4}$ – «Опыты». Конечно, ей лично «Н<овый> Ж<урнал>» ближе, понятнее. Но у «Оп<ытов>» есть друзья и есть

роль¹. Что их мало покупают и ругают, ничего не значит. Вы бы могли ей это объяснить, и, даже не поняв, она Вам поверит. Как «противостояние» СССР – «Опыты» вернее «Н<ового> Ж<урнала>», даже если у них есть слабости и крайности.

Мне в общем нравится №IX. Не все. О Пастернаке Вы совершенно правы, хотя «баржи», по-моему, как раз – из лучших его стихов. Но что нельзя перефразировать по-декадентски Христа – истина бесспорная, и хорошо, что Вы это сказали². Франк и особенно этот ученый итальянец много хуже, в особенности итальянец³, всепони-мающий, как Слоним. Еще что хорошо: Агния Нагаго, испорченная несколько претенциозным тоном, но где много верного и тонкого (и такого, что в «Н<овый> Ж<урнал>» не попало бы)⁴. Большухин. У него кое-что переходит в болтовню, но даже и в этом он интересен. Конечно, под Розанова. Но не так легко писать «под Розанова», что-бы стоило прочесть и в голове что-нибудь осталось⁵. По-моему, слабей всего в № – библиография, с Биском, Вейнбаумом и прочим⁶. Но причины ясны. Менее ясно (мне), что Вы нашли у Маковского общего с Тютчевым?⁷ Вообще в № чувствуется борьба редактора за свою «линию» и его беспомощность ее *твердо* провести. Но хорошо хоть то, что чувствуется его стремление к ней и его смелость в вызове (т. е. он знает, что его будут ругать). Повторяю, будет очень жаль, если «Опыты» кончатся, – и если никто не пожалеет их теперь, то пожалеет через 50 лет. К стати, где Марков обругал Присманову и Большухина? Я не читал⁸. С осла-Аронсона нечего спрашивать. По-моему, в будущем, если бы «Опыты» продолжились, надо бы усилить внимание к темам общественно-религиозно-идейным за счет эстетических, т. е. больше бы тревоги за все, что происходит в мире. Это бы окончательно отделило «Оп<ыты>» от «Н<ового> Ж<урнала>» и подчеркнуло бы их правоту и превосходство (но не как Левицкий об экзистенциализме, иначе⁹). До свидания, дорогой Юрий Павлович. Письмо деловое, а хотелось бы мне написать Вам не только о делах. В другой раз. Как Вам живется? Кто «отказал» Вам в стипендии на Леонтьева? По чьим проискам?

Эмиграция все равно кончается. Через 10 лет (maximum) кончится все. Значит, лучше: кончиться с «Оп<ытами>» как неким знаменем, чем с процветающим «Н<овым> Ж<урналом>», т. е. в сущности пустым местом (хотя лично Карпович – не пуст).

Ваш Г.А.

Только что получил письмо Ваше, пересланное из Парижа, от 18 апреля. Меня рассмешило, что Марков бранит Вас «из честности». А о «Гурил<евских> романсах» Вы написали очень хорошо. И стихи это хорошие¹⁰.

Не подхватил ли бы «Опыты» Гринберг, если М<ария> С<амойловна> выдохлась?¹¹

¹ 4 апреля 1959 (возможно, это то самое письмо, которое Иваск переслал Адамовичу), Цетлина писала:

На меня очень напирают, чтобы я пропустила «Опыты» и спасла «Новый Журнал».

У меня самой боль в душе, что «Опыты» не хвалят, не покупают и печатают безобразный отзыв г. Аронсона. Когда я пожаловалась на злой тон г. Аронсона, единственной статьи об «Опытах», г-ну Вейнбауму, он мне ответил, что лучше я бы деньги тратила на «Новый Журнал».

У меня проблема продолжения «Опытов». Я знаю, что Вы уже работаете для №10-го, и я бы очень хотела, чтобы Ваша работа не пропала даром и чтобы не были обижены авторы, которым Вы статьи заказали, и я согласна 10-й номер выпустить, если Вы мне напишете, что, не выпуская этого номера, Вы бы очутились в неловком положении и Вам было бы жаль потраченного времени.

26 апреля Адамович писал Чиннову:

Иваск сообщает мне, что М<ария> С<амойловна>, вероятно, будет издавать «Н<овый> журнал» вместо «Опытов». Очень будет жаль. «Н<овый> ж<урнал>», конечно, популярнее, шире, но это – сборники, альманахи, а в «Опыт<ах>» есть линия и лицо, и некое противостояние СССР, чего нет в «Н<овом> ж<урнале>». Конечно, надо бы «Опыты» – если бы они продолжались – оживить, т. е. убавить эстетизма и добавить какой-то современной идейности и беспокойства обо всем, что в мире творится. Беда лишь в том, что почти нет людей, некому писать.

(Цит. по оригиналу. – РО ИМЛИ. Ф. И. Чиннова).

² В статье «Стихи Живаго (Пастернака)» Иваск писал:

Можно ли вкладывать в уста Христа такие вот типично пастернаковские стихи:

И как сплавляемые <так!> по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Зачем здесь этот ужасный имажинизм: столетия как плоты, как баржи... каравана! Сколь это претенциозно. Становится неловко за автора.

(Оп. 1958. №9. С.29)

В цитированном в предыдущем примечании письме к Чиннову Адамович говорил: «Иваск совершенно прав о Пастернаке, хотя стихи о “баржах”, по-моему, как раз хорошие. В них есть пастернаковский подъем, пафос неподдельный. Но что нельзя излагать слова Христа своим, притом декадентским стилем – святая истина» (Письма к Чиннову. С.254).

³ Имеются в виду опубликованные в №9 «Опытов» статьи В.С.Франка «Стихи Бориса Пастернака из романа Доктор Живаго» (с.17-22) и ранее упоминавшаяся – Р.Поджоли (см. примеч. 2 к письму 65).

⁴ *Нагаго А.* <А.С.Гингер>. Борьба за тепло // Оп. 1958. №9. С.86-91. В письме к И.Чиннову от 26 апреля Адамович говорил: «Кстати, “Агния Нагаго”, хотя это и эстетизм, местами замечательна» (Письма к Чиннову. С.254).

В письме к А.Присмановой и самому Гингеру он добавлял: «Одно возражение: это мужская статья, а не женская, и женский род звучит в ней фальшиво. Если бы “молодая девушка” долго стояла и глядела на молодцов, работавших в лесу, то кончилось бы тем, что они отпустили бы по ее адресу такое словцо, что, вся зардевшись, она убежала бы. Это у Агнии невозможная картина» (НЖ. 1994. Кн.194. С.300; письмо от 29 апреля 1959).

⁵ *Большухин Ю.* Ползучие мысли // Оп. 1958. №9. С.74-85.

⁶ В разделе рецензий этого тома были напечатаны рецензии В.Маркова на книгу А.Биска «Избранное из Райнера Марии Рильке» (Там же. С.99-103) и подписанная криптонимом «люб.» (возможно, Ю.Большухин) – на книгу М.Е.Вейнбаума «На разные темы» (с.112-114).

⁷ В рецензии на сборник стихов С.Маковского «Еще страница» Иваск писал:

Поэзия Маковского сродни поэзии позднего Тютчева, восславившего Лазурное побережье

О, этот юг! О, эта Ницца! (1864 г.).

У Маковского

Осень в Нище, бабье лето

На лазурном берегу.

Тютчевского происхождения и иные *тяжелые* архаизмы Маковского.

(Там же. С.92 и далее).

⁸ Такой статьи В.Ф.Маркова нам обнаружить не удалось.

⁹ Речь идет о статье: *Левицкий С.* Экзистенциализм и психоанализ // Оп. 1958. №9. С.61-67.

¹⁰ Имеется в виду рецензия: *Ю.И.* Гурилевские романсы // Там же. С.114-116.

¹¹ Эта идея реализована не была.

Дорогой Юрий Павлович

Спасибо за письмо, – начинающееся тоже словом «спасибо», будто бы за «критику». Что-то не помню, чтобы я писал критику. Нет, так, делился впечатлениями от «Опытов», да и то, видно, невнятно. Вот, Вы пишете, например, что напрасно я ругаю Большухина. А мне этот самый Большухин скорее нравится, у него «что-то» есть, несомненно, только надо бы ему поменьше болтать. У него в его писаниях ¼ интересна, а то и меньше. Но и это редкость¹.

Еще мне нравится Присманова. Я ее не особенно люблю как поэта, но на этот раз люблю².

Судя по Вашему письму, «Опыты» как будто продолжаютя. Дай Бог. Кстати, я как-нибудь напишу о «Серебр<яном> Веке», в ответ на то, что пишет Бор<ис> Зайцев³, и кончу тем, что Сер<ебряный>

Век длится только в «Опытах», больше нигде. М<ожет> б<ыть>, это М<арии> Сам<ойлов> не покажется доводом: ей, ей Сер<еб-ряный> Век обязан существованием! Только это будет в «Р<усской> Мысли» (если вообще будет), где статьи Зайцева.

Ваши «стервятнические» стихи очень своеобразны, но не без Цветаевой. Решительно, у Вас с ней «избирательное сродство душ»! Но лучшие строки, по-моему, именно те, где ее нет: последние три строфы «Мифа 1958»⁴. Да и Цветаеву Вы как-то архаизируете, так что выходит все по-Вашему. В сущности, Вы правы, что не боитесь «литературы». Я ею (литературой) испуган навсегда и не могу оттого написать больше ничего. И никогда не напишу (Может быть, только именно что-нибудь в пояснение, что поэзия упирается в Ноль, в молчание и в ничто, и как это ни печально, так это и должно быть).

Теперь давайте поговорим «за жизнь». Мне очень жаль, что Вы не собираетесь в этом году в Париж. И хотя в теории океан для дружбы не препятствие, но через него о многом не поговоришь. Да в сущности не о чем говорить: так посидеть. А тут он – препятствие. Я сейчас читаю Пастернака, почти кончил. В конце много хорошего.

До свидания, дорогой Юрий Павлович. Почему-то сегодня мне особенно хотелось бы Вас видеть и что-то сказать. А что, точно не знаю. Что есть жизнь? Что значит все вокруг? Откуда и зачем? Что-то в этом роде, вместо того, совсем ли глуп Аронсон или не совсем.

Ваш Г.А.

¹ См. письмо 76, примеч. 5.

² В «Опытах» было напечатано стихотворение А.Присмановой «Две у людей, а у зверей четыре...». Ср. в письме Адамовича к Присмановой и Гингеру от 29 апреля 1959 (Письма Адамовича. С.300).

³ Речь идет о статье: *Зайцев Б.К.* Серебряный век: Из воспоминаний и размышлений // РМ. 1959. 5 и 7 мая. Ответной статьи Адамовича мы не знаем.

⁴ Имеются в виду следующие стихи Иваска:

МИТЛА (Мексика)

Синее небо – ни облачка,
Точечка только чернеет:
Гения зорче – стервятничек
В поисках падали – реет.

А равнодушная храмина
(Временем ранена, ранима),
Стройно троясь, простираясь,
Зодчего не посрамляет.

Выспренная геометрия
(Музыка, музыка) – и:

Если она не бессмертие –
Вечности все же сродни.

Синее небо – ни облачка,
Только стервятничек ищет...
Кто там – без вида и облика –
В пищу годящийся, лишний?
1958

МИФ 1958

Преступление: жизнь в подполье,
Ум-за-разум, бледность и вялость,
Наказание: солнце, солнце
В череп треснувший вбило клин.

На верхушечке пирамиды
Подкосил мексиканский Кронос,
На раздолье седьмого неба
Буй-стервятничек замер вдруг.

Но другое большое небо,
Озлащая щербатый мрамор
Капителей и арок Рима,
Источило милости мед.

На кладбище Forum Romanum
Я молился Кастору-брату,
Я молился Поллуксу-другу,
Улыбнулся мне их отец.

Я уехал на ближний север,
Я сидел у ночной реки,
Осеняли скамью каштаны,
Сказку на ухо мне шепча.

А из мирного мрака ночи
Легкой поступью вышла тень:
Нет, не тень, а земное счастье,
Во плоти и в крови оно.

(Amherst. Box 27. F.5)

Дорогой Юрий Павлович

Я опять виноват перед Вами. Не ответил, кажется, на два письма!
Но сейчас отвечать поздно, да и Вы, верно, и забыли, о чем писали.

Вот что сейчас я хочу Вам сообщить: на днях тут промелькнул
Рейзини¹, и я с ним обедал. Зашел разговор об «Опытах». Он скло-

нен, и даже больше чем склонен, «Опыты» издавать, если М<ария> С<амойловна> от них откажется. По его словам, она – если узнает о его желании – ни за что «Опытов» не бросит (будто бы такой разговор уже был!). Но если она все же «Опыты» издавать не может, он их с радостью берет. Рейзини – блеффер и человек вообще легкомысленный, но в данном случае ему, по-моему, можно верить. Он сейчас богат и славен, как Кочубей². Мне он клялся, что говорит вполне серьезно, да к тому же стать издателем, а не только коммерсантом, ему лестно. На всякий случай, для устрашения М<арии> С<амойлов>ны, я тут уже сказал кое-кому (Кодрянской, Прегельше и еще некоторым), что у «Опытов» издатель будет. Но *Рейзини не назвал*. Было бы хорошо, чтобы и в Нью-Йорке это знали.

И еще было бы хорошо, если бы Вы Рейзини написали, сославшись на меня и мой с ним разговор. Но это – на Ваше усмотрение, и в зависимости от поведения М<арии> С<амойлов>ны.

Адрес Рейзини: Robin International Inc. 11 West 42 Street New York 36.

Я в Париже до 5 июля. Потом еду дня на три в Мюнхен и тоже дня на три в Венецию.

Значит, до 10-го июля мой адрес, как всегда летом, в Ницце <...>.

Напишите мне туда, пожалуйста. Я думаю, что Рейзини был бы издателем более приятным, чем М<ария> С<амойловна>, и лучше бы платил, в частности, редактору.

Ваш Г.Адамович

Парижский мой адрес годен всегда, где бы я ни был.

¹ О Николае (Науме) Георгиевиче Рейзини (1905–1979?) см. справку О.А.Коростелева в изд.: *Адамович Г.* Собр. соч.: Стихи, проза, переводы. СПб., 1999. С.485-486.

² Отсылка к началу поэмы А.С.Пушкина «Полтава» (1829).

4 июля 1959
Paris

Дорогой Dr. Ivask.

Ваш проект «изучения акмеизма» крайне оригинален и может в дальнейшем послужить образцом для такого рода работ. Меня лично он очень заинтересовал. В самом деле, никакие исторические исследования, даже самые тщательные, не заменят живого рассказа и воспоминаний современников, которые в разговоре или ответах на вопросы восстановят «воздух» эпохи, то неуловимое, что, в сущности, было самым важным. Конечно, надо бы хорошо обдумать, как Ваш план реализовать, чтобы он действительно оказался плодотворным.

Но мысль Ваша замечательна, и было бы жаль, если бы она осталась только проектом. Надеюсь, Вам удастся ее осуществить и со своей стороны готов быть Вам во всем полезен.

Искренне желаю успеха.
Преданный Вам

Георгий Адамович¹

¹ Этому проекту посвящена наша специальная публикация: Проект «акмеизм». С.140-180.

79а¹

Дорогой Юрий Павлович

Я сегодня уезжаю. Посылаю нужный Вам отзыв, но совсем не знаю, то ли это, что Вам требуется. Надеюсь быть числа 10–12-го в Ницце. Пожалуйста, напишите мне туда (<адрес>). Если что не так, я с удовольствием напишу какую хотите бумажку. Писал Вам на днях о Рейзини и «Опытах», – получили? Очень спешу, простите за краткость.

Ваш Г.Адамович

Paris
4/VI-<19>59

¹ Письмо явно служило дополнением к предыдущему и было отправлено вместе с ним, почему не носит отдельного номера.

80

31/VII-<19>59
<Ницца>

Дорогой Юрий Павлович

Простите, что вопреки Вашему желанию отвечаю не сразу. Кроме того: простите, что не возвращаю «анкеты»¹. Она у меня исчезла, не могу ее найти. Вероятно, по моему недосмотру и рвению здешней уборщицы попала в «корзину». Я смутно помню ее содержание, но никаких замечаний по памяти сделать не могу. Да это и не важно. У меня сомнения в Вашем проекте, т. е. не в нем самом, а в его финансовой реализации.

Кроме Одоевцевой и Маковского никого из «свидетелей» больше нет². Свидетели это притом плохие: Одоевцева поздно приобщилась к Цеху и акмеизму, да и всегда была птицей. Маковский, несмотря на «Аполлон», был в стороне и, в сущности, *on ne le prenait jamais au serieux*³. Он в старости стал менее глуп, чем был тогда, и даже стихи

стал писать все-таки лучше. Злобин ни малейшего отношения не имел⁴. Что написано об акмеизме? Многое, и ничего такого, что надо бы выделить. Какие-то мелочи, взгляд и нечто. Кстати, видели Вы недавние воспоминания Всев. Рождественского в «Звезде»? Его презирал Гумилев, но он был близок к позднему акмеизму. Воспоминания не без подлости: будто он и тогда понимал, что это буржуазная накипь. А не понимал он ничего и, говоря с Гумилевым, потел и краснел от почтительности⁵.

Насчет Рейзини и «Опытов»: если он Вам ответил бы на письмо, это было бы чудом. Он вообще отвечать не склонен, а теперь, став Рокфеллером, не считает это и нужным. Но это ничего не значит. Я его «в принципе» должен видеть здесь, во Франции, в конце лета или осенью – и тогда Вам напишу. При его нраве и его делах <так!> он может когда угодно стать опять нищим. Но едва ли. И едва ли он от своего предложения откажется.

Я был в Мюнхене и по вечерам бродил с Чинновым по местным «Фестивалям». Было очень приятно и отдохновенно, и мы вспоминали Вас. До свидания, дорогой Юрий Павлович. Как Вы вообще живете? Я в обычном летнем маразме, читаю (для англ<ийского> предисловия) «Петербург» Белого, отчего мой маразм удесяттерается.

Ваш Г.А.

¹ Имеется в виду обсуждавшийся в двух предшествующих письмах проект. Различные варианты анкеты сохранились в архиве Иваска.

² Несмотря на возражения Адамовича, все далее названные поэты были записаны Иваском и проф. У.Викери на магнитофон.

³ Его никогда не принимали всерьез (*франц.*).

⁴ Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967) – поэт; душеприказчик Межжовских.

⁵ Речь идет о публикации книги Вс. Рождественского «Страницы жизни» в журнале «Звезда» на протяжении 1958–1959 гг.

Дорогой Юрий Павлович

Вчера прибыл в Манчестер и нашел Ваше письмо. Я очень виноват перед Вами, знаю. Не сердитесь на меня за молчание.

Марию Сам<ойлов>ну я видел несколько раз. Она сообщила мне («по секрету»), что вскоре должна получить «немножко денег» и намерена издавать журнал – если «Опыты» прекратятся. Узнав, что Рейзини склонен их взять, она заявила, что могла бы войти с ним в

компанию, «в какой форме он захочет». Свой журнал она хотела бы сделать не совсем таким, какими были «Опыты»: шире, в расчете на менее изысканных читателей. Возник (в разговоре) вопрос о редакторстве: она предложила мне разделить его с Вами. Я решительно отказался и, зная, что о редакторстве мечтает С.Ю.Прегель, – к тому же ее родственница, – выдвинул ее. На это М<ария> С<амойловна> ответила, что «Юрию Павловичу Прегель не подходит», и вообще скисла. Все это я Вам сообщаю вполне откровенно, чтобы Вы знали положение дел. А развитие предвидеть трудно.

Рейзини в Нью-Йорке до Рождества. М<ария> С<амойловна> собирается вступить с ним «в контакт». Но Рейзини может и раздумать, полагаться на его слова нельзя. Во всяком случае, если бы журнал был, с Рейзини или без него, и если бы издатели (или изд<атель>ница) хотели бы моего участия в редакции, я на крайность согласен на «при ближайшем участии», и тогда журнал бы привлек еще кого-нибудь, пожалуй, Б.Зайцева или (хуже) Степуна. Издание журнала на гектографе и все такое – чепуха, на это идти нельзя. Вас М<ария> С<амойловна> «обожают». Но считает, что Вы – мимоза, фиалка и лилия, а публике нужна пища более грубая. Надеюсь, при встрече Вы уговорите ее, что не так уж эфирны и сверхтонченны.

«Н<ового> Журнала» еще не видел. Когда прочту, Вам напишу, раз Вы этого хотите¹. «Мосты» меня тоже почему-то смущают, хотя не знаю почему. Впрочем, я туда ничего не дал скорее по лени, чем из соображений высокопринципиальных. Не помню, писал ли я Вам, что видел в Мюнхене Чиннова. Если писал, то глупо писать то же вторично.

До свидания, дорогой Юрий Павлович. В Манчестере я веду жизнь менее бестолковую, чем во Франции, и был бы искренне рад возобновлению регулярной переписки с Вами, о смысле жизни и о вещах мелких, хотя и утешительных.

Ваш Г.Адамович

P.S. Сейчас впервые читаю (для справок) книгу Струве о литерат<уре> в эмиграции. Со мной у него несомненно какие-то тайные счеты, от меня ускользающие².

Пишите пока в Университет, т. к. мой частный адрес должен измениться.

¹ Вероятно, Иваск интересовался мнением Адамовича о своей прозе: *Иваск Ю. Я уеду в Юкатан* // НЖ. 1959. Кн.57.

² Речь идет об известной книге: *Струве Г. Русская литература в изгнании*. Нью-Йорк, 1956. Ее рецензировал Иваск (Оп. 1956. №7. С.106). В письме к Одоевцевой от 17 июня 1956 Адамович писал о ней: «Вы спраши-

ваете, что я думаю о книжке Струве. Ничего не думаю. Я о ней слышал и слышу со всех сторон, но на старости лет предпочитаю избегать раздражений и всего прочего, а так как обо мне там, по слухам, написаны всякие гадости, то я ее и не собираюсь читать. Собака лает, ветер носит» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.429).

82

23/ХІІ-<19>59

<Париж>

Дорогой Юрий Павлович

С Новым Годом! От души желаю всего, что можно, – и радуюсь, что Канзасская республика считает нужным командировать Вас в Европу. Но когда? В какие сроки? Спасибо за письмо (или даже за письма) и стихи. Первое («предплечье») хорошо действительно, и с непривычной для Вас «тяжестью», что я лично в стихах и люблю. Второе мне меньше по сердцу, но это оценка личная и, значит, не существенная. А о «Юкотане» <так!> в «Нов<ом> Ж<урнале>» Вы написали *прелестно*, – и это уж бесспорно¹.

Рейзини я ничего больше об «Опытах» не писал. К чему? Помоему, все это – суета, из которой реального ничего не будет. Я в Париже до 15 января. Пожалуйста, напишите. Бедного Чиннова, помоему, обижают в Мюнхене (там была Червинская), но Вы ему об этом не пишете, т. к. он хотя это и чувствует сам, но как всегда и все люди, думает, вероятно, что заблуждается². Я должен быть в Венеции 28 июня – 4 июля, где будет толстовский фестиваль³. Не пошлет ли Вас туда Канзас? Если возможно, я пришлю Вам сведения. Это нечто довольно пышное, но без Алекс<андры> Львовны, т. к. будут люди «оттуда»⁴. Шлю всякие чувства, самые искренние.

Ваш Г.А.

¹ См. примеч. 1 к письму 81.

² Несколько позднее, 30 апреля 1960, Адамович писал Чиннову, явно пытаясь помочь ему: «...то, что Вы пишете о Мюнхене, о себе и прочем. Я догадываюсь, читая между строк, – если читаю верно. Червинская немножко испортилась во всех смыслах, но я думаю, Вы могли бы с ней все-таки подружиться. Что ее тянет к местному бомонду и что она считает себя и держит себя ведеттой, не сомневаюсь. Но за этим есть и другое» (РО ИМЛИ. Ф. И.Чиннова). А почти через год Чиннов сообщал Иваску: «А Лида Червинская» (это между нами) такую интригу и бучу подняла в русск<ой> ред<акции>, что назвали ее Лумумбой – и отделили: гл<авный> редактор отказался с ней работать. Истеричка она» (Чиннов И. Собр. соч. Т.2. С.165; письмо от 30 ноября 1960 из Мюнхена).

³ Имеется в виду международный конгресс, посвященный 50-летию кончины Л.Н.Толстого, проходивший в Венеции с 29 июня по 2 июля 1960.

См. письмо 86. Среди отзывов об этом конгрессе, опубликованных в «Русской мысли», была и статья Адамовича (РМ. 1960. №1566, 18 августа. С.4, 5).

⁴ А.Л.Толстая на протяжении долгих лет в СССР считалась активной антисоветчицей, и советским гражданам запрещалось с нею встречаться.

83

14/II-1960
30, Danison Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Юрий Павлович

Во-первых, позвольте заявить претензию и обиду: я читал в полу-дурацком изложении Трубецкого о Вашей брошюре, посвященной стихам Чиннова. Почему Вы мне этот труд не прислали и даже не известили о нем?¹

Во-вторых, спасибо за письмо. Перевод Bradley – ничего, сносен². Но, полагаю, это не мои стихи, а его, – как, впрочем, и всегда в переводе.

Почему Одоевцевой не следует знать, что важный какой-то квакер одобрил Ваш проект об акмеизме? Я ей, конечно, этой тайны не разболтаю, но не понимаю, почему это тайна. Квакеры – люди почтенные и «приятные во всех отношениях»³. Желаю Вам с ними успеха.

Относительно Ульянова-Вишняка: это, в сущности, обычная эмигрантская «склока». Но прав Вишняк⁴. Вы пишете, что У<льянов> лично мил, но пишет он черт знает что и даже черт знает как (т. е. по блеску дурного тона). Не могу забыть его «земного поклона Маковского» не так давно в «Н<овом> Р<усском> С<лове>»⁵ и прочих прелестей. Теперь Вишняк напал на Гуля, который мне пишет с намеком, что я должен его защитить. Но об Азеве я мало знаю и ни в какие полемики о нем пуститься не могу⁶.

От Чиннова я получил на днях большое и очень милое письмо. Как я Вам уже говорил, я между строк его чувствую, что ему живется не легко. Но по крайней мере литературно он теперь в почете, – хотя это и отрицает. Хочет издать книгу стихов. Это хорошо, и книга, наверно, будет хорошая. Надо будет и Вам, и мне о нем написать.

Ну, вот – а все остальное тоже между строками. Простите, что не могу послать Вам моего «Маклакова»⁸. У меня было всего несколько своих экземпляров, и они уже разошлись. Да Вам он и не очень интересен, хотя кое-что там написано не совсем отсутствовавшим автором, т. е. не совсем равнодушно и механически. Но только кое-что.

Пожалуйста, пишите мне. И обо всем: и о глубоких мыслях, и о сплетнях. Володя Варшавский в каждом письме объясняет мне, какая его жена – «дусик». Она и правда очень милая⁹.

Ваш Г.Адамович.

¹ Речь идет о редкой и неизвестной нам de visu брошюре Иваска: Разбор двух стихотворений Игоря Чиннова. Изд. Канзасского университета, 1959. 13 с. Тираж 40 экз. Ю.П.Трубецкой писал о ней: Ю.Иваск о стихах Игоря Чиннова // РМ. 1960. 21 января.

² Возможно, имеется в виду Филипп Брэдли, впоследствии переведивший мемуары Н.Н.Берберовой на английский язык. Его переводы стихов Адамовича нам неизвестны.

³ Отсылка к «Мертвым душам» Н.В.Гоголя.

⁴ Полемика Н.И.Ульянова и М.В.Вишняка шла на страницах «Русской мысли» и «Нового русского слова». Ср. в письме Ю.Терапиано к В.Ф.Маркову:

Сегодня опять в «Русской мысли» Вишняк отвечает Ульянову. Я принципиально против «сведения счетов», тем более что все наши споры на руку нашим врагам, а все спорящие, в первую очередь, стараются сказать «последнее слово», а мало думают об объективной истине. Разбираться в «методах сыска» тоже не хочется, но раз здесь Ульянов говорил, что сидел в то время в тюрьме, когда, по Николаевскому, сотрудничал в советском журнале, то «мутно» на душе – все это представляется ненужной человеческой путаницей. На днях мне дали книгу Р. Гуля «Жизнь на фукса», издание Госиздата в 1927 г. (а сам Гуль был с 1918 г. за границей, в Германии), – он тогда, как сам пишет, «хотел сотрудничать в советской газете» («Накануне»). А теперь... Но стоит ли задумываться над тем, как осуществляется принцип мимикрии в «виде» «человек»?..

(Письма Терапиано. С.333)

⁵ Эта статья нами не разыскана.

⁶ 24 февраля 1960 Р.Гуль писал Чиннову:

Спасибо за роскошные слова об «Азефке». «Азефка» неплох и, главное, выполняет все назначенные ему функции: хорошо расхотиться по-русски, проходить в переводы и «интриговать» фильмовых «продюсеров» (чуждое слово, не правда ли?). Ах да, и свою последнюю, довольно гадкую функцию, – возмущать эс-эров – он тоже более-менее выполняет сносно. Вообще, «Азефка» функционирует... А, кстати, знаете ли Вы, что подлинная, живая жена Азефа – жива и живет в одном со мной городе, сиречь в Нью-Йорке? И один сын жив – профессор. Другой умер.

(Письма к Игорю Чиннову / Публ. О.Ф.Кузнецовой // НЖ. 2002. Кн.226. С.160)

⁷ Имеется в виду книга «Линии» (Париж, 1960). И Адамович (Стихи Игоря Чиннова // НРС. 1961. 4 июня), и Иваск (Там же. 1962. 18 февраля) ее отрецензировали.

⁸ См. письмо 73, примеч. 3. В письме к С.Ю.Прегель от 19 февраля 1960 Адамович замечает: «Хотя книгу о Маклакове писал наспех и не всегда все договаривал до конца, все-таки во всякое писание попадает что-то “свое”» (Письма Адамовича. С.301).

⁹ Татьяна Георгиевна Варшавская в настоящее время живет во Франции.

84

17 апреля 1960
Manchester

Дорогой Юрий Павлович

Отвечаю на письмо, которое Вы послали «вдогонку».

Программа обширная – по ней и о ней можно говорить без конца.

Ваш план о собрании парижских поэтов – не понимаю и, признаюсь, не одобряю. Кроме позора и чепухи ничего не выйдет. Все перессорились, все выдохлись, или почти, – не стоит для этого добиваться магнетофонного <так!> бессмертия. Во всяком случае, я от председательствования отказываюсь. Да и вообще, раз об акмеизме, не лучше ли ограничиться прошлым, историей?¹

Фот? Физ? – кто это. Я знаю Физа, но он к поэзии отношения не имеет. Верно, это тот, о кот<ором> Вы упоминаете: он действительно связан с Христ<ианским> Движением².

Вдова Оцуа: претенциозная экс-«звезда экрана», ничего ни в чем, по-моему, не понимает. Если что-нибудь лично об Оцуае, может, и годится. Но не иначе³.

Вообще, дорогой друг Юрий Павлович, я несколько опасаясь Вашего энтузиазма и доверия. Например, – что Вы знаете о редак<ионной> работе в «Аполлоне»? Знаю, что редактора все сотрудники считали дураком. Насчет этого мог бы кое-что рассказать. А Макаровский будет врать, что он всем руководил и даже «открыл» Анненского. Одоевцева тоже будет врать: о том, какие тайны ей поверял Гумилев. И так далее...

Бог в помощь, но «надежды славы и добра»⁴ у меня мало. Не забудьте Артура Лурье: для всего, касающегося Ахматовой, это – лучший источник⁵. И едва ли будет врать. Терапиано об акмеистах не знает ровно ничего.

Простите за холодный душ. Но не ждите в Париже откровений. Надеюсь там быть, как писал, в начале июня. Вот если приедете на юг Франции, поговорим обо всем, – и об акмеизме. Буду искренно рад с Вами там погулять, – как когда-то со Штейгером, переходя с поэзии на его любовные неудачи и надежды – ночью.

Ваш Г.А.

В Париже Вам стоило бы поговорить с Гингером: умный и без самолюбования. Отчасти Пиотровский (с самолюбованием). Еще – Мамченко (беспомощный логически, но с «чем-то»)⁶.

¹ См. письма 79–80. Насколько нам известно, никакого собрания парижских поэтов Иваск не устраивал.

² Борис Юльевич Физ (1904–1978) – видный деятель УМСА, близкий друг Л. Червинской. См. о нем: *Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее. Вып. 22. СПб., 1997. С. 159–160; Вып. 23. СПб, 1998. С. 159–163.*

³ Насколько нам известно, с Д.А.Карэн Иваск во время парижского визита не встречался.

⁴ Из стихотворения Пушкина «Стансы» (1826).

⁵ Артур (Артур-Оскар-Винцент) Сергеевич Лурье (Наум Израилевич; 1891–1966) – композитор, литератор. О его сложных отношениях с Ахматовой см. основанный на документальных материалах роман: *Кралин М. Артур и Анна: Роман без героя, но все-таки о любви. Томск, 2000. О попытках расспросить его об Ахматовой Лурье рассказывает в своем письме к С.А.Андрониковой, приведенном в этом романе (с.109):*

Когда вышел альманах с поэмой Ахматовой, он <Р.Н.Гринберг> устроил большую литературную «парти» и пригласил меня. Я согласился – и попал в западню. Стали обсуждать поэму и говорили всякую чушь. Вдруг кто-то сказал: «Зачем нам пытаться разгадывать содержание поэмы, когда среди нас присутствует такой-то». И назвал меня. Гринберг пожевал губами, грустно посмотрел на меня и сказал: «А<ртур> С<ергеевич>, не хотите ли Вы сказать нам, как нужно понимать эту поэму, что является ее скрытым содержанием?» Я оглядел всю эту компанию и после паузы сказал громко и отчетливо: «Нет, не хочу!»

Отметим, что беллетристическая природа повествования не дает уверенности в реальности этого описания.

⁶ С А.С.Гингером, В.А.Мамченко и В.Л.Корвин-Пиотровским (1891–1966) Иваск встречался и беседовал.

1 мая 1960
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Всегда письма мои к Вам начинаются с «простите!». А теперь надо бы повторить это много раз. Я только что – или почти – вернулся в Манчестер, а в Париже было не до писем, по разным причинам, большей частью глупым.

1) Изучение Акмеизма. Кого бы еще можно привлечь? Вы пишете о «намекках» в поэзии Ахматовой. Там намек на Артура Лурье, живущего в Нью-Йорке. Знаете ли Вы его? Это человек, который

мог бы быть Вам *очень* полезен: умный, многое должен помнить. Он был ближайшим другом Ахматовой, несколько лет, и вообще знал все и всех того времени. Он – музыкант, но всегда был с поэтами. Еще стоило бы привлечь Юрия Анненкова (в литературе – Темирязов), тоже близкого ко всем и всему¹. Он живет в Париже, не помню его адреса, но узнать это легко. Больше никого не нахожу. Одоевцева, конечно, пригодится, но Цеха она не помнит. У нее все – через Гумилева и сквозь него. Не думаю, чтобы все было верно, но все-таки она нужна будет.

2) Я буду в Париже приблизительно с начала июня до 25-го, не позже, если поеду в Венецию. А ехать туда я, по-видимому, должен. Кто это – Викери? Я какого-то Викери встречал в Оксфорде². Конечно, самое простое – записывать сразу на магнитофон, если он у Вас будет. Вы говорите, что хотели бы записывать лично, но ведь это как было бы долго! Меня пугает, что сеанс – «часов 7»! Не ошиблись ли Вы? Ведь можно и одуреть к концу, если 7 часов!

3) «Гурилевские романсы»³. Они у меня есть – подарок Прегельши. Но я их еще не читал, или, вернее, – не перечитал. Едва ли я о них буду писать, а если и буду (?), то ни в коем случае не буду ругать. По памяти они мне скорее нравятся. Он и вообще талантливый человек, и если я его и ругал, то тайно любя, и именно потому, что он талантлив. Вот еще мне нравится... хотел написать и не могу вспомнить фамилии, поэт из «Мостов», что-то на Б, вроде Буркина или похоже. У него есть строчка, в конце стихотворения:

...И куда вы нас всех завели!

– по-моему, архи-прелестная, и не просто так, воздушно и никчемно, а полная смысла⁴.

4) «Дети», «Поиски друга», «Чиннов»⁵.

Прежде всего – спасибо! Прочел и перечел со вниманием и пережегающимися чувствами: то восхищением, то досадой. Вы, в сущности, – последний русский декадент, т. е. не «кающийся». Многое мне так понравилось, или лучше – задело, заставило остановиться, что я поставил бы на полях восклицательные знаки, если бы вообще их ставил. Но не все, а главное – не целое. У Вас – талант подробностей, частных, и у меня впечатление, что Вы так эти свои детали любите (и они стоят того!), что теряете чутье к целому в порыве восторга и умиления. Простите, если пишу откровенно. Это рукописи – не для печати, конечно. Воображаю общий вой, если бы их напечатать! – и не только из-за соблазнительных намеков, но и вообще. Но это – рукописи, которые бы надо спрятать для объяснения кое-чего в «воздухе» нашей эпохи, – как и эпиграф из Гаусмана, платано-микель-анджеловский по духу (т. е. сонеты М<икель>-Андж<ело>). Присматриваясь за долгий свой век к «такой» любви, я уверен, что в ней чаще бывает, что человек хочет «зажечь свечку»

перед любимым (кажется, М<икель>-Анд<жело> перед Кавальери), чем в любви обыкновенной. Это и другое чувство, не выше или лучше, а другого тона, верно, по преобладанию «безнадежности» над «блаженством», независимо от возраста. «Чиннов» крайне тонок и убедителен, но для специального издания, немножко притом педантического. Он (кажется?) мне писал, что у него из-за этой заметки – лишние враги. По-моему, – и я этого боюсь, правда, – он не очень далек от мании преследования, как бывает с людьми мимозного типа, не встречающими любви и доброты. Чуть-чуть таков был, например, Мочульский⁶, но его спасала церковь и вера.

Дорогой Юрий Павлович, я Вас всегда помню, с самыми нежными и хорошими чувствами, и если не сразу отвечаю, не сердитесь! Все так в жизни: должен не то, что надо, и не то, что хочешь.

Ваш Г.Адамович

¹ Юрий Павлович Анненков (1889–1974) – художник и литератор, автор воспоминаний. Писал беллетристику под псевдонимом «Б.Темирязов». Свидетельств об общении Иваска с ним в 1960 не сохранилось.

² Уильям Викери – профессор университета Индианы, приезжал вместе с Иваском в Париж и помогал ему записывать на магнитофон рассказы поэтов.

³ Поэма В.Ф.Маркова, вышедшая отдельным изданием (Париж: Рифма, 1960).

⁴ Имеется в виду стихотворение Ивана Афанасьевича Буркина (р. 1919) «Панорама», заканчивающееся четверостишием:

И опять – не кресты, так курганы,
Не леса, так опять бобыли...
Перекрестки, кресты и туманы,
И куда вы нас всех завели?

(Мосты. 1959. №3. С.86)

⁵ «Поиски друга» – довольно большое прозаическое произведение Иваска, сохранившееся в его архиве. По поводу этого рассказа Иваск говорил в беседе с Л.Диенешем: «Я написал также и (автобиографический) рассказ “В поисках друга”, но он не напечатан, он неудачен» (Диенеш Л. Играющий поэт: Штрихи к портрету Юрия Иваска. Р.179). «Чиннов» – видимо, брошюра, обсуждаемая в письме 83, примеч. 1. «Дети» – произведение, нам неизвестное.

⁶ Константин Васильевич Мочульский (1892–1948) – литературовед, близкий друг Адамовича.

Дорогой Юрий Павлович

Вчера приехал в Ниццу после Италии – и нашел Ваше письмо. Спасибо. Поверьте, что я был искренне рад ему, – просто потому,

что оно от Вас. В Венеции было шумно, многолюдно и очень утомительно. Я не ожидал, что это будет нечто <вроде> «Объединен<ных> Наций», с переводчиками на все языки, трибунами и т. д.

Были и советские делегаты, один из которых – проф<ессор> Гудзий¹ меня очаровал своей скромностью, умом и тактом. Он все звал меня в Россию, уверяя, что «теперь – т. е. после Сталина – можно». С Вашим другом Roggioli² я оказался во многом единомышленником (т. е. в прениях), но он был самым болтливym из всех участников: чуть что, Roggioli «просит слова». Струве к прениям допущен не был, а присутствовал в публике, не знаю, почему³.

Ну вот, это все – Венеция. А во Флоренции я налетел ночью на Берберову, в числе прочих достопримечательностей!

Как Ваши дела с магнитофонами и болтовней экс-акмеистов? Чек я здесь вчера разменял без малейших трудностей. Пожалуйста, приезжайте сюда, т. е. в Cannes. Буду Вас ждать. Там сейчас Злобин, вчера уже ко мне явившийся.

До свидания!

Передайте, пожалуйста, сердечный привет Mrs. Ivask⁴.

Ваш Г.Адамович

¹ Николай Каллиникович Гудзий (1887–1965) – историк литературы, профессор МГУ, специалист по творчеству Л.Н.Толстого.

² Ренато Поджоли. См. о нем примеч. 2 к письму 65.

³ Имеется в виду Г.П.Струве.

⁴ Тамара Георгиевна Иваск (урожд. Межак; 1916–1982).

Дорогой Юрий Павлович

Получил Вашу карточку из Стокгольма и по Вашему приказу отвечаю в Мюнхен. Вместо Вас в Ниццу завтра приезжает Вишняк, несказанно меня обрадовавший сообщением, что «может провести с Вами (т. е. со мной) весь день!»! Еще приезжает Кантор, но это ничего.

Надеюсь, Вы все-таки тоже здесь появитесь, но не вполне в этом уверен, зная Вашу склонность к обманам. Приезжайте!

Шлю всякие чувства и сердечный привет Mrs. Ivask.

Ваш Г.Адамович

17/X-1960
<Манчестер>

Дорогой Юрий Павлович

Получил сегодня Ваше первое письмо... из Вашингтона. Писали ли Вы мне до этого? Спрашиваю потому, что я не знал, что Вы будете в Вашингтоне и, значит, бросили Канзас¹. Кроме того, Ваше письмо как будто что-то продолжает, а что – неизвестно. Я в Манчестере уже 4 дня. Письмо мне переслали из Парижа. Пожалуйста, разъясните, отчего Вы в Вашингтоне – и навсегда ли.

Спасибо за хлопоты о моих американских гастролях. Очень тронут, правда. Но о публичной лекции по-английски отвечу словами Д<он>-Аминадо: «о прыгать не может быть речи». Я не хочу позориться, тем более, что слышал когда-то лекцию Шестова по-французски: моя была бы в том же роде! Если это условие *sine qua non*, то все отпадает. По-французски, по-русски – сколько угодно, что угодно и когда угодно, но от английских потуг отказываюсь категорически².

Не знаю, значит, стоит ли присылать curriculum. Пожалуйста, ответьте. И надо ли (если стоит) забить в него всего побольше или самое существенное? Все это во всяком случае – не скоро, не раньше осени, т<ак> что подумать можно обо всем. Но еще раз спасибо. Я со своей стороны начну говорить во Франции, что «м<ожет> б<ыть>, Иваск согласится». А если хотите, поговорю и здесь.

Кстати, я твердо решил бросить Манчестер и вообще лекторство весной. Неожиданно нашелся желающий (но колеблющийся) меня заменить – Бахрах³. Это, конечно, *строго между нами*. Я его видел недавно в Париже, ему, по-видимому, Мюнхен надоел. Если бы Вы склонялись к тому же, то, конечно, имели бы приоритет – и мне было бы легче Вас здесь заранее прорекламирровать. Но едва ли это Вас прельстит, т. к. денежно Америка, наверно, несравненно щедрее (я получаю 1150 фунтов, но около 250 уходит в налог)⁴. К тому же Вы у себя профессор, а здесь были бы только lecturer⁵.

Получил письмо от Гринберга, вошедшего в издательский азарт и выпускающего вторые «Воздушные пути». Он в переписке с Ахматовой и, кажется, этим-то и упоен. А из других новостей могу сообщить, что встретил на днях на Колизее того же немца, которого Вы после меня тщетно искали весной, и провел приятный вечер⁶. Что же касается серба из Ниццы, то он не раз меня о Вас спрашивал и сожалел о Вашем исчезновении⁷. Но все это суета сует, и лучше думать о русской литературе и вечности. Кстати, только что получил «Москву», но не успел еще Вас прочесть (каюсь: для себя время нашел!)⁸. Еще, второе кстати: Варшавский сообщает, что в Европу поехал Юрасов⁹ и собирается мне предложить 200–250 долл<аров> за «ре-

дакторство “Мостов”». Я думаю, речь не о редакторстве, а об участии в ред<акционной> коллегии, Варш<авский>, верно, не понял. Но на «коллегию» я не согласен никак, да и на единоличное – тоже, или почти никак. Что Вы об этом думаете? Пожалуйста, ответьте, и простите, что много к Вам вопросов.

Как Ваше здоровье? Еще вопрос. Шлю лучшие чувства, пожелания, все прочее, и самый искренний привет Mrs. Ivask. Буду ждать письма, и, пожалуйста, не забывайте меня в моем манчестерском отшельничестве.

Ваш Г.Адамович

P.S. О моей книге статей. Я хотел бы туда включить то, что мне самому ближе, больше по душе – из «Опытов», кое-что из «Совр<еменных> Записок» и другое. Очень много нового. Но это едва ли может заинтересовать университеты. Это скорее проект для какого-нибудь мецената, Гринберга или Рейзини. Не возитесь с этим: ничего не выйдет, а хлопот много¹⁰.

¹ Речь идет о переходе Иваска в университет Вашингтона, находящийся в Сизтле.

² Поездка Адамовича в Америку состоялась лишь в 1971.

³ Насколько нам известно, А.В.Бахрах в Манчестер не перебирался.

⁴ На полях письма подсчеты Иваска – перевод фунтов стерлингов в доллары, что, видимо, свидетельствует о том, что он задумывался, не стоит ли воспользоваться предложением Адамовича. Однако идея эта не осуществилась.

⁵ Преподавательская должность в английских университетах.

⁶ Подробнее см. в нашей публ. «Проект “акмеизм”».

⁷ См. там же.

⁸ В 5-м томе альманаха «Мосты» (1960) была напечатана «Похвала российской поэзии» Иваска и статья Адамовича «По поводу статьи Шестова “Творчество из ничего”».

⁹ Юрасов Владимир Иванович (наст. фам. Жабинский; 1914–1996) – литератор, журналист, редактор журнала «Америка».

¹⁰ Вероятно, речь идет о первом замысле книги «Комментарии», вышедшей лишь в 1967 в издательстве В.П.Камкина.

Дорогой Юрий Павлович

Получил письмо Ваше (от 24/X). Спасибо. А дальше следуют пункты – как у Гоголя:

1) Curriculum vitae прилагаю. Но он едва ли импозантен для людей академических. Повторяю вот что: конечно, приехать на 1–2 месяца в Америку было бы весьма приятно, но не утруждайте себя этим очень! Можно жить и без Америки. И я не хочу, чтобы Вы из-за меня имели хлопоты, а м<ожет> б<ыть>, и надоедали «сильным мира сего».

2) Вы – как visiting professor. Это труднее, чем навсегда. Я кое-что узнавал. Нет кредитов на такие гастроли, разве только они состоялись бы в обще-британском масштабе. А что Вы отказываетесь от Манчестера постоянно, я вполне понимаю. Но о visiting я помню и еще поговорю с кем надо. Выберу случай и настроение. Бывает ведь, что важные вещи устраиваются или проваливаются из-за пустяков.

3) Юрасов не объявлялся, м<ожет> б<ыть>, и не появится. Конечно, если бы участие в ред<акционной> кол<легии> «Мостов» не требовало переезда в Мюнхен, это при \$ 250 было бы соблазнительно. Но в Мюнхен я не поеду и за 500 дол<аров>.

4) Моя книга со статьями «для души». То же, что в конце пункта №1.

5) Адрес англичанина для перевода

Michael Beresford

138, Ashton Lane. – Sale (Cheshire) или на Университет, с указанием Russian Department.

Я с ним говорил, он согласен. Писать ему можно и по-русски, и по-английски.

6) Стихи о Венеции¹.

Они мне нравятся, независимо от Венеции. Есть в них какой-то отголосок Шекспира (не примите за глупую лесть: не в обычном смысле, а в смешении тем и жанров). У Шекспира своя Италия, а у Вас ивасковская. Кое-что выдают «веснушки». Но ради Бога, приведите в порядок две последние рифмы: «ах» и «ов». Это не ассонанс, а небрежность, особенно в заключении (как у Ахматовой где-то: *любезным* и *железных*²). Но, м<ожет> б<ыть>, это я «отстал от века» (Ваши слова о себе), а не я <так!>. Есть что-то прелестно-венецианское в строках о «разбитых зеркалах» и раньше, до нее <так!>. Кстати, Тургенев писал, что Венеция – для молодежи, полной надежд³. До чего это неверно! Венеция – прелесть смерти, окаменения, и у Вас верно (для Венеции) повторено «венецианское» слово гроб. Гондолы ведь именно гроба <так!> и призраки.

Ну, вот – кажется, все. Вы спрашиваете о моем «Толстом»⁴. Я написал его в поте лица, и притом два текста: для русских – и для перевода. Но переводчик испугался Толстого – и, кажется, отказывается (как член церковного совета в Париже). 3 дек<абря> должно быть собрание со Степуном, и из-за этого тоже истории и полускандалы.

Насчет сербов и немцев: н-н-не зна-а-а-ю! Я немцев одобряю, и вообще нахожу, что прав был Фед<ор> Павлович Карамазов, хотя только теоретически. Практически я ото всего этого в ужасе, и не знаю, что делать и как быть.

Ну, теперь окончательно все. Кланяйтесь, пожалуйста, Тамаре Георгиевне и поблагодарите за милую приписку. Я тоже, и очень искренне, вспоминаю с большим удовольствием наши ривьерские встречи.

До свидания. Пишите. Ваше письмо для меня всегда радость.

Ваш Г.А.

¹ Три стихотворения Иваска о Венеции («Святой Марк» и два под названием «Венеция») вошли в его книгу «Хвала» (Вашингтон, 1967). Далее все отсылки Адамовича – к первой «Венеции», где оставлена неисправленной и последняя пара рифм: «шандельерах» – «гондольеров».

² Точно такой рифмы в стихах А.Ахматовой обнаружить не удалось, хотя сходные встречаются: *щедрый – ветром* («Они летят, они еще в дороге...», 1916), *дремотой – водометов* («Вновь подарен мне дремотой...», 1916), *хочешь – пророчат* («Нет, царевич, я не та...», 1915), *бездомным – огромный* («Рахиль», 1921), *огромном – темной* («Далеко в лесу огромном...», 1915).

³ Имеется в виду пассаж в романе «Накануне» (гл. 33): «Отжившему, разбитому жизнью не для чего посещать Венецию; она будет ему горька, как память о несбывшихся мечтах первоначальных дней; но сладка будет она тому, в ком кипят еще силы, кто чувствует себя благополучным...» (Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т.3. М., 1976. С.134; за указание благодарим Л.Пильд).

⁴ Текст доклада Адамовича о Толстом, состоявшегося 3 декабря, был напечатан отдельной брошюрой (Париж, 1960). Ср. отзыв Ю.Терапиано об этом вечере: «Говорили Адамович и Степун; Адамович – как всегда – удачно и хорошо о Толстом-писателе и о его личности. Степун же занялся религиозным препирательством с Т<олстым> – получилась “не юбилейно”» (Письма Терапиано. С.348; письмо от 24 декабря 1960).

Дорогой Юрий Павлович

Шлю Вам и Тамаре Георгиевне лучшие пожелания к Новому Году! Надеюсь, все у Вас будет хорошо, благополучно, приятно, радостно, и еще надеюсь, что Вы и в этом году побываете в Европе.

Я потерял Ваше последнее письмо или оставил его в Манчестере. Не помню точно, о чем Вы писали, а если были вопросы, то не могу ответить. Даже адреса Вашего точно не помню, но думаю, что письмо дойдет. Оставьте хлопоты о моей поездке в Америку. Я чувствую, что ничего не выходит, да это и естественно. Значит, не утруждайте себя и бросьте это явно безнадежное дело.

А вот я о чем жалею: Вы мне прислали три стихотворения. Первого и третьего я не помню, и, кажется, они никаких «эмоций» во мне не вызвали. Но второе, слегка декадентски-вызывающее, было совершенно прелестно, и я им восхитился. Пожалуйста, пришлите мне его еще раз. У меня такая дырявая память, что я не могу процитировать для указания ни единого слова, но помню, что оно было именно с верностью декадентству и какими-то именами, кажется¹.

В Париже я уже две недели. Мне до смерти надоел Толстой: одна лекция в компании со Степуном уже была, две другие будут! Кстати, текст первой я Вам пришлю, хотя Вы человек Достоевский, что в стихах Ваших, о которых я Вам пишу, и подтвердилось еще раз.

До свидания. Не забывайте и пишите. А если я Ваши письма, да еще со стихами, и теряю, то по преклонному возрасту, а никак не по недостатку чувств к Вам. Честное слово, чувства мои самые верные и сверх-дружеские, отчасти для меня самого удивительные, т. к. *se n'est pas dans ma nature, froide et égoïste*².

Ваш Г.Адамович

¹ Возможно, имеется в виду стихотворение «Болдино», датированное в книге «Хвала» декабрем 1960. См. также письмо 92.

² Это не в моей натуре, холодной и эгоистичной (*франц.*).

Дорогой друг Юрий Павлович

Я бы на Вас рассердился, если бы был способен на Вас сердиться! Почему Вы мне не пишете? Почему не отвечаете? Надеюсь, что все у Вас благополучно, и причина молчания – необъяснимое «так!», слово, которое возмущало Зин<аиду> Гиппиус¹.

Засим перехожу к делу.

В Париже на праздниках я видел Рейзини. Он богат и славен, ему скучно и он рвется в бой, т. е. мечтает о журнале, издательстве и т. д. Я его настойчиво и упорно спрашивал: серьезно ли это, или тоже своего рода «так»? Он клянется, что серьезно, у него свои идеи, планы, а деньги – «ну, что значит несколько тысяч долларов?» Это – его

слова. Несколько тысяч долларов – не очень много, но начать можно и с этим. Он может дать и больше.

Я ему сказал, что всем должны ведаТЬ Вы. Он вполне согласен, но настаивает и на мне. Я возражаю: стоять во главе не могу, но могу быть «при ближайшем участии». Вообще, все это еще вполне туманно, но надо бы, чтобы Вы переговорили с Рейзини (если Вы на это все согласны). Не может быть, конечно, и речи о даровом Вашем директорстве: это он должен знать сразу. Но что, как, кто, когда, – все это надо Вам с ним выяснить. Я лично был бы рад, если бы он издал мою книгу «Комментарии», т. е. разные статьи. А журнал? Подумайте и предложите ему. Его адрес: Nicolas Reizini, 1016 Fifth Avenue New York. Конечно, есть телефон, но я его не знаю. Если бы Вам надо было приехать для разговора в Нью-Йорк, то, конечно, на его счет. «Даром только птички поют», и он – не Мария Самойловна. Ну, вот. Надеюсь на Вашу звезду и энергию. Было бы все-таки хорошо, чтобы что-нибудь вышло.

Об остальном ничего не пишу, п<отому> ч<то> обижен до глубины души и сердца на Ваше молчание. Прошлое письмо мое могло, впрочем, и не дойти, т. к. я написал Washington как город, а не как штат. Буду ждать ответа.

Ваш Г.Адамович

¹ 4 сентября 1928 З.Н.Гиппиус писала Адамовичу: «...некоторые слова я не люблю. Например, “отчего ж?” или “что ж делать!”». И между ними особенно не люблю “так” (в вашем смысле, в смысле “да так...”»)» (*Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action... P.382*).

Дорогой Юрий Павлович

Отвечаю на письмо Ваше о Рейзини и журнале.

Ваша мысль, чтобы Р<ейзини> приехал для беседы к Вам, ирреальна. Он пообещает (?) – но не приедет. Каков он есть, таков и есть, ничего не поделаешь. Лучше поезжайте Вы на week-end к нему. Но, конечно, предварительно сговорившись – и с оплатой расходов. Иначе не выйдет ничего.

У него была мысль такая: журнал русско-американский, с переводами помещенного. Т. е. – не «Опыты» в том виде, как они были. Но все это – туманные проекты. И когда будет «база», т. е. финансовая прочность, увидим, что и как. Беда главная в том, что нет нужных людей. Ваш список сотрудников жидковат (и эстетичен – надо бы добавить «общественников», если есть не бревна). Но главное –

очаруйте Рейзини, а остальное приложится. И русский народ скажет спасибо сердечное.

Вот я очарован (подлинно) одним Вашим стихотворением – «...Совсем не октябрьском, но осеннем и болдинском», кроме последней строчки, и не смысла ее, а ритма: «А я не говорю». Я бы изменил: «*Еще говорят... Но не я говорю*», т. е. чтобы ритм был гладкий в конце, как разрешение диссонансов. Но стихи чудесные¹. Я говорил как-то Чиннову, что чувствую свою отсталость, не могу поспеть за его *subtilité*² (он почему-то решил, что я смеюсь над ним и говорю это ему в пику!). Вот и у Вас – то же самое. И я завидую чему-то, мне уже недоступному. Но вот что скажите: Вы мне месяца два назад прислали стихи, – было ли тогда среди них это? Или было только что-то похожее? Я не помню, у меня дырявая голова, но что-то такое я как будто читал – и с тем же восхищением от *subtilité* чувства и «обер-тонов». А четыре строчки Луговского об игре – прелесть³. Вы пишете: «Не Бог весть какие», – нет, «Бог весть», и дай Бог всякому так написать. Но у меня к такому нет зависти и нет чувства отсталости. Ну, вот – пока все. Некий Clarence Brown из Принстона пишет тезу о Мандельштаме и со мной в переписке⁴. Не знаете Вы такого? Кажется, не глупый. У Гринберга будет целыи мандельштамовский букет, по слухам, first class, чему я верю⁵. Кстати, я должен в гринб<ерговский> альманах о Мандельштаме написать и все не могу собраться⁶.

На будущий год, с осени, я бросаю Манчестер, и рад этому очень, хотя материально – ни в чем не уверен. Но свобода дороже денег, как Саади некогда сказал⁷. До свидания. Держите меня в курсе рейзиниевских новостей, ежели таковые будут. И вообще пишите. Пожалуйста.

Ваш Г.Адамович

¹ Стихотворение опубликовано в книге Иваска «Хвала» (с.58). Начинается оно строкой: «Я знаю, что знаю, доказательств не требуйте...». Иваск внес изменение по совету Адамовича (хотя данная строка не является в стихотворении последней).

² Тонкость (*франц.*). 30 апреля 1960 Адамович писал Чиннову: «...я Вам написал (по Вашей цитате из моего письма): “по части *subtilité* мне за Вами не угнаться”, а Вы приняли это за “шпильку”, и я Вас будто бы “кольнул”. Честное слово, не собирался и не думал колоть! Это чистейшая правда, и написал я то, что чувствую, без малейших других желаний или намерений. Много у меня грехов и слабостей, но к “шпилькам” я, право, не склонен. Очевидно, я немного оглох к смыслу и звуку фраз» (Письма к Чиннову. С.255).

³ 28 августа 1970 Иваск в письме к Адамовичу (копия хранится среди писем Адамовича) вспоминал это четверостишие еще раз:

«Мальчики играют в синей мгле,
Сотни тысяч лет они играют.
Царства умирают на земле,
Игры никогда не умирают.

Это когда-то писал скорее очень “средний” поэт Луговской».

Неточно цитируется стихотворение В.А.Луговского «Мальчики играют на горе».

⁴ Кларенс Браун – американский литературовед, автор первой книги о творчестве О.Мандельштама: *Brown C. Mandel'shtam*. Cambridge, 1973).

⁵ Имеется в виду подборка «57 стихотворений» во 2-м томе альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1961).

⁶ В «Воздушных путях» (1961. №2. С.87-101) была напечатана статья Адамовича «Несколько слов о Мандельштаме».

⁷ Ироническая отсылка к «Евгению Онегину» (гл.8, LI):

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

93

10/III-<19>61

<Манчестер>

(через неделю еду в Париж на месяц)

Дорогой Юрий Павлович

Судя по Вашему молчанию, думаю, что молчит и Рейзини. Неужели он не откликнулся? Ведь клялся и божился, что должен с Вами переговорить, устроит встречу – и так далее. Если так и не ответит, я, когда увижу его, скажу, что больше я его болтовню слушать не намерен.

На Ваше письмо (от 12/II) я тоже до сих пор не ответил. «Так», без причины.

Мартынова я не читал – или его не заметил¹. Но вот Державина читал и заметил и хочу Вам в ответ написать по поводу «дремлющего ума» (т. е. «чего в мой дремлющий...»²), Вашей любимой строчки, что у него есть две строчки, которые еще лучше, – нет, не две, а даже три:

И нет пустынь таких, ни дебрей мрачных, дальних,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной³.

Знали Вы это? Правда, хорошо? Когда Державин принимается писать под Жуковского, то тот сразу превращается в бледную немочь.

Что альманах Гринберга? Будет что-нибудь Ваше?⁴

И соберетесь ли Вы летом в благословенную Ниццу – или хотя бы в Париж? Вышла книга Одоевцевой⁵. Я ей советовал просить Вас

о рецензии, в числе прочих прославителей⁶. Стихи – ничего, талантливо, а если мне не совсем по душе, то виной скорей моя душа, чем ее стихи. Мне почему-то Одоевцеву всегда жаль, хотя она не дает к этому повода.

До свидания, *très cher ami*⁷. Пожалуйста, поддерживайте со мной высоко-интеллектуальную переписку, даже без Рейзини и всего прочего.

Ваш Г.Адамович

Один из моих экс-студентов пишет диссертацию о немецком влиянии на русских романтиков. Я мало об этом знаю и посоветовал ему написать Чижевскому в Гейдельберг, за советами и указаниями. Тот в ответ блеснул такой ученостью, что я был поражен. Вот это человек!⁸ Между прочим, он указал на какие-то работы в Харварде, и я советовал насчет этого спросить Вас. Он Вам напишет (его фамилия – Eastwood). Если этот Eastwood Вам напишет и Вы можете ему что-нибудь посоветовать от себя, сделайте это. Жалею, что не могу приложить его фотографию – это усилило бы Ваше рвение!

¹ Судя по всему, речь идет о входившем в моду в начале 1960-х поэте Леониде Николаевиче Мартынове (1905–1980).

² Из стихотворения Г.Р.Державина «Евгению. Жизнь Званская»: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?». Эта строка была поставлена Пушкиным эпиграфом к стихотворению «Осень» (1833), что сделало ее особенно знаменитой.

³ Из сонета Г.Р.Державина «Задумчивость» (1807).

⁴ Во второй книге «Воздушных путей» Иваск не печатался.

⁵ *Одоевцева И.* Десять лет. Париж, 1961.

⁶ Иваск рецензировал эту книгу (РМ. 1961. 19 августа).

⁷ Дражайший друг (*франц.*).

⁸ Речь идет о крупнейшем русском и украинском филологе Дмитрие Ивановиче Чижевском (1894–1977), который после войны преподавал в Гарвардском и Гейдельбергском университетах.

Дорогой Юрий Павлович

Спасибо за письмо. Давно ничего о Вас не знал. А Вы – одна из моих последних «любвей» на земле, коих становится все меньше. Пожалуйста, пишите чаще: о Державине, о Цветаевой, о Мексике, о чем хотите. Для меня всегда радость увидеть Ваш конверт с Вашим куриным (простите!) почерком на нем.

Два слова о Маркове. Насколько помню, никаких «разносов» я ему не учинял, а только писал что-то о его стиле. Но, конечно, я знаю и чувствую, что в нем «что-то есть», больше и лучше, чем в любом из его сверстников. «Гурилевские романсы» у меня есть (от Прегельши, а не от автора), и я вполне согласен, что в них много прелести. Вообще вспоминаю Розанова: «Зачем, зачем я обижал Кускову?» – это, кажется, в «Опавш<их> листьях»¹.

«Линии»² получил. Это книга, которую нельзя прочесть залпом, п<отому> что и написана она не залпом. Но я нахожу, что по тонкости и чистоте мастерства это – стихи сейчас вне всяких сравнений <так!>. Другой вопрос, что в них внутри, т. е. насколько это свое и насколько это ценно. Этого я еще не уловил и для самого себя. Но помните (конечно, помните!) у Гумилева о «брабантских манжетах»³. Когда-то этим все восхищались, именно «мастерством». А какая это чушь, именно как мастерство, рядом с Чинновым! Или весь Брюсов. В смысле всяческой subtilité я чувствую полную личную свою неспособность за Ч<инновым> поспеть. Когда-то это я ему написал, а он решил, что я над ним посмеиваюсь, – не знаю почему.

Дорогой друг, не трудитесь где-то намекать, что «Г.В.А.<дамович>, может быть, согласится...» и т. д. Не стоит. Ничего не выйдет, да у меня и остыло американское рвение. Я хочу свободы и покоя⁴, а не лекций и споров со Слоником или Глебом Струве. Вот что Вы не соберетесь в Европу до будущего года, очень жалко. Алданов спрашивал, будет ли двадцать первый век, а я спрашиваю, будет ли будущий год. Рейзини молчит, и Бог с ним! Но при встрече я ему скажу все, что надо, – и даже больше чем надо.

До свидания, – когда?

Я буду в Париже приблизительно через месяц, а летом – с середины июля – в Ницце, как по гроб жизни, если Бог жизни мне даст.

Ваш Г.Адамович

¹ Адамович неточен: эта запись находится в «первом коробе» «Опавших листьев»: «Напрасно я обижал Кускову... Как все напрасно...» (цит. по: *Розанов В.В. О себе и жизни своей. С.225.*

² Книга стихов И.Чиннова (см. письмо 83, примеч. 7). Ср. также отзыв Адамовича в письме к Чиннову от 13 мая 1961 (Письма к Чиннову. С.256-257).

³ Из стихотворения Н.С.Гумилева «Капитаны» (1909).

⁴ Из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841). В оригинале: «Я ишу свободы и покоя!».

28 июля 1961

<Ницца>

Дорогой друг Юрий Павлович

Я обрадовался Вашему письму, тем более что молчали Вы долго, и я не знал, где Вы и что Вы. Спасибо, что наконец вспомнили. Я в Ницце уже две недели. Через два дня по приезде меня обокрали (через окно), унесли все деньги и английские travellers чеки¹. Очень это неприятно, но делать нечего, и надежды мало на возвращение. У меня тут друзья, которые меня «выручили», а то я думал, что придется вернуться в Париж. Вчера на набережной встретил того серба, с которым в прошлом году я Вас познакомил, и он сразу спросил о Вас. Не делайте себе иллюзий: скорей как о клиенте, чем о друге! Эти «друзья», по-моему, имеют отношение к моей краже, но Бог с ними, — я на них не в претензии.

Теперь о поэзии. О Георг<гии> Иванове разговор был бы долгий. Его поэзия очень талантлива и в каком-то (важном) смысле очень ничтожна. М<ожет> б<ыть>, это мое суждение вызвано тем, что я его долго и близко знал. Но едва ли. Последние его стихи для меня тягостны: слишком много о себе и жалоб о себе <так!>, полное отсутствие «преодоления» себя и готовности к этому. Но очень талантливо и словесно очень точно, т. е. фотография чувства и мысли, без прикрас. А вот Ваш друг Марков нашел, что Фет много почище Анненского, и Слоним его за это похвалил². Значит, напрасно Вы меня упрекали в «несправедливости» к нему. Это — хамская линия в литературе, хотя ни он, ни Слоним лично и могут не быть хамами. Вы пишете (в письме), что я говорил ex cathedra³. Нет, я никак в римские папы не лезу, но когда читаю такое, у меня папские претензии действительно рождаются. Буря вокруг Чиннова: дурак Рафальский его будто бы ниспроверг (я не читал, знаю от Одоевцевой), а Вейдле (не дурак) возвеличил, и Одоевцева негодует, что слишком, ибо рядом же Бахрах ее возвеличил меньше⁴. Все это — человеческая комедия, даже и Фет, и Анненский! Что к чему, куда, зачем и какой всему смысл?? А вот переделку Пушкина насчет «мальчиков в глазах» я оценил. Действительно, его эпитет давно требует поправки, и тогда это был бы хороший эпиграф к книжке стихов (как у Бодлера — «j'aime les matelots»⁵).

Простите, дорогой друг, за ерунду. Очень жалею, что Вас тут нет. Правда. Я Вам много раз объяснялся письменно в любви, не хочу повторяться.

Ваш Г.Адамович

¹ Аккредитивы (англ.).

² Речь идет о статье В.Маркова «О свободе в поэзии» (Воздушные пути. 1961. Т.2), где в открытой полемике с Адамовичем говорилось: «Аннен-

ский, при всех своих достоинствах, поэт много меньше Фета, не говоря уже о том, что его критической пронизательностью (далеко не безошибочной) только с трудом можно восхищаться: так невыносимо манерно написаны эти статьи» (цит. по: *Марков В.* О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб., 1994. С.34). М.Л.Слоним откликнулся на выход сборника в «Новом русском слове» (1961. 11 июня).

³ С кафедры (лат.).

⁴ Статья С.М.Рафальского о книге И.Чиннова «Линии» нам неизвестна; статья В.Вейдле «О стихах Игоря Чиннова» опубликована в цикле «Наши поэты»: Мосты. 1961. №.7. С.143-147; рецензию А.В.Бахраха на книгу И.Одоевцевой «Десять лет» см.: Там же. С.389-391.

⁵ «Я люблю матросов» (франц.). В произведениях Ш.Бодлера (просмотрены электронные версии «Цветов зла», «Парижского сплина» и «Искусственных раев») таких слов обнаружить не удалось, равно как и среди различных вариантов посвящений и эпиграфов к «Цветам зла».

96¹

21 дек<абр> 1961

<Париж>

Дорогой Юрий Павлович

Прежде всего, шлю Вам и Mrs. Ivask всякие, самые лучшие, самые искренние (правда!) пожелания к Новому Году. Будьте счастливы и всем довольны. Вы – один из немногих людей на земле, о которых я как-то всегда помню, даже если иногда забываю (Вы не были бы Иваском, если не поняли бы совместимости этого «всегда» и этим «иногда», друг друга поясняющих, а не исключающих), т. е. забываю писать, отвечать, сделать то, что надо бы, – но и только.

Ну, вот – Вы мне прислали 20 долларов, а я в ответ не сделал еще ничего! Но Ваш заказ был неясен². Самое трудное – что-нибудь делать, когда говорят: делайте что хотите! Буду ждать уточнения, но если Вам желателен разбор двух-трех стихотворений Блока, я не возражаю. И даже предпочел бы Блока кому-либо другому, – раздраженный той чушью, которую о нем пишет Маковский³.

Леонтьев? Но «взгляд и нечто» трудно. Впрочем, если Вы предпочитаете это всяким анализам стихов, я согласен. Но именно взгляд и нечто, по воспоминаниям от чтения, с птичьего полета, то, что осталось в памяти, когда мелочи забыты, – и что и есть самое главное.

С Гольдштейном, я думаю, можно передачу устроить. Я у него изредка бываю для Мюнхена, он человек очень милый.

Вы спрашиваете, на что я живу. У Щербакова, поэта туповатого, есть строчка, которую я люблю: «А я живу грехами и мечтами»⁴. Еще – игрой в карты, пока (только бы не сглазить!) удачной, и кое-какими остатками из Англии. Пока жаловаться не на что, а дальше – увидим.

Приезжайте, дорогой Юрий Павлович, летом или весной в Европу. Пожалуйста.

Пока – до свидания. Буду ждать письма, и не о делах только, а вообще.

Ваш Г.Адамович

¹ Письмо является ответом на послание Иваска от 34 сентября 1961, из которого приведем фрагменты (по копии, хранящейся среди писем Адамовича):

От Варшавского в Н<ью>-И<орке> узнал о краже в Вашей комнате, а теперь и от Вас. Если у Вас сохранились номера чеков (для путешествий), Вы можете их аннулировать. <...> Вы видели в Ницце того серба?.. У него шарм, но имеются недостатки – не только моральные изъяны, но и в смысле «обслуживания». О поэзии. Не читал статьи, в кот<орой> Марков ставил Фета выше Анненского. Верно, это сказано было в запальчивости... Я же, не сравнивая их, всегда готов «взять под защиту» первого. <...> Не должно быть войны, п<отому> ч<то> в след<ующем> году собираюсь к Вам в Европу! Планирую также Афины и Афон, где буду искать следов (не ног, а рук) К.Леонтьева. Вы о нем часто писали, но всегда как-то вскользь – в «Комментариях». Не помните ли, где, в какой статье Вы о нем говорили больше? Я ведь пишу сейчас о Леонтьеве. Некот<орые> главулы послал в «Мосты» и... в «Возрождение», что Вы не одобрите. <...> Если бы Вы написали о Леонтьеве! Эту тему Вы однажды предложили для «Опытов», как раз незадолго до их кончины. Очень хотел бы принять во внимание все, что Вы о Л<еонтьеве> говорили. <...> Нескромный вопрос: чем Вы теперь будете жить? Если Вы меня любите – прошу ответить.

² Речь идет о магнитофонных записях, которые должны были делаться по инициативе Иваска. В процитированном выше письме он сообщает:

По-видимому, Викери (помните его?) имеет еще кое-какие остатки от прошлогодних сумм, кот<орые> будут в моем распоряжении. Посылаю Вам 20 долларов: м<ожет> б<ыть>, наговорите еще одну ленту в соотв<етствующем> учреждении и пошлете мне? <...> О чем говорить? О чем пожелаете. М<ожет> б<ыть>, о Вашем романе с поэзией: что любили, что перестали любить в поэзии, что еще любите. Или разберите стихи – какие угодно. Минут на сорок (но чем больше, тем лучше). Можно говорить и о том, о чем Вы уже писали.

О судьбе этих записей (если они были сделаны) у нас сведений нет.

³ С.К.Маковский неоднократно писал о грамматических ошибках в стихах Блока (см., например, в его книге «На Парнасе Серебряного века», (Мюнхен, 1962)), с чем были решительно несогласны практически все современники. Ср., например, в письме Адамовича к Одоевцевой от 22 декабря 1956:

Да, видел я в одном высоком и тайном собрании Маковского. Он меня не без иронии спросил: «Как Вам понравилась моя статья о Блоке в «Русской мысли»? Я ответил: «Не согласен ни с одним сло-

вом», на что он мне сказал: «А вот Георгий Иванов пишет мне, что вот наконец-то о Блоке сказали правду, и что он давно бы сам все это написал, но не решался», и что Блок – бездарность, а великий поэт – Андрей Белый, а сверх-великий – Зинаида Гиппиус.

(Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. С.437)

⁴ Имеется в виду строка из стихотворения Е.Щербакова «Пустынно все, и небо так далёко...», которую Адамович приводит, несколько искажая (в оригинале: «А ты живи...»). См.: *Щербаков Е.* Свет и камень: Стихи. Париж, 1951. С.28.

97

31 янв<аря> 1962¹
<Ницца>

Дорогой Юрий Павлович

Возвращаю расписку и прошу не гневаться за опоздание с ответом.

Что же, Леонтьев так Леонтьев! (т. е. о записи на ленте). Сейчас я в Ницце, до конца февраля. Если еще существует тот человек с магнетофоном на *Сimiez*, у которого мы с Вами были, пришлю запись отсюда. Если нет, подождите моего возвращения в Париж. Не думаю, чтобы это было дело спешное, – правда? О Леонтьеве я «выскажусь» с удовольствием, т. к. это человек и явление, оклеветанное за черносотенство, но стоящее <так!> почти всех либералов вместе взятых. Но будет совсем взгляд и нечто, или просто давние воспоминания о давних впечатлениях от чтения, т. е. то, что осталось в памяти, когда мелочи забыты, и что по Шестову – единственно важно.

Здесь была совсем весна, а сегодня – мороз, но при ослепительном небе. Вчера встретил серба, Вашего мимолетного друга, – помните? – сильно порожевшего <так!> и посеревшего.

Пожалуйста, будьте здесь летом! В Париже мерзость запустения, а одна из моих последних отрад – Гингер. Он все тоскует о Присмановой, но мил очень в своем сумасшествии и всяких дикостях².

До свиданья, *cher ami*. Напишите мне еще сюда.

Ваш по гроб жизни

Г.Адамович.

¹ Исправлено из «1961».

² А.С.Присманова скончалась 4 ноября 1960.

98

12 мая 1962
<Париж>

Дорогой Юрий Павлович

Сейчас получил Ваше письмо.

Я очень виноват перед Вами.

Простите за молчание на предыдущее письмо (или даже два?).
Причин нет. Суета и всякие пустяки.

В Париже я до самого конца июня или начала июля. Венеция – под сомнением, в зависимости от дел. Но если буду жив и если не случится ничего неожиданного, буду в Ницце с середины июля до середины сентября наверно. Приезжайте и в Париж, и туда! Чинновские сведения, что в Ницце летом «ни пройти ни проехать» – чепуха: туристов скорей меньше, чем бывало. Я заранее очень рад встрече с Вами.

Пишу коротко, чтобы сейчас отправить письмо.

Ваш Г.Адамович

У меня – телефон (раньше не было). Запишите номер: Balsac 52-92.

99

13 авг<уста> 1962

<Ницца>

Дорогой Юрий Павлович

Я в самое сердце был уязвлен, возмущен и потрясен Вашим молчанием. И по врожденной злопамятности едва ли скоро о нем забуду! Кстати, у Вас под эллинским солнцем изменился почерк, и хотя письмо подписано Вами, я долго колебался: действительно ли оно от Вас?

В Ницце сейчас все переполнено, «до отказа». Но после 15-го начнется разъезд и к 25-му я Вам что-нибудь найду¹.

Напишите точно день, когда Вы прибудете. Затем – сколько проживете (приблизительно) и хотите ли комнату с пансионом, полупансионом или совсем без. В квартире, где я живу, все занято. Вероятно, придется искать в отеле, но, м<ожет> б<ыть>, я найду и у частных людей. Впрочем, цена почти та же.

На серба не надейтесь, а почему – расскажу при свидании.

Впрочем, после мюнхенских достопримечательностей что же красоты Белграда! Шлю сердечный привет Иг<орю> Влад<имирови>чу <Чиннову> и благодарю за письмо (Бахрах пишет «письмишко»). Буду чрезвычайно рад Вас видеть, несмотря на гнев и обиду.

Ваш Г.Адамович

¹ Через два дня, 15 августа, Адамович писал С.Ю.Прегель: «Здесь на редкость жаркое лето. Даю себе слово не приезжать сюда впредь раньше конца августа. Толпы туристов, духота и все прочее в том же роде, вот я и недоумеваю – что мне здесь делать?» (Письма Адамовича. С.310).

7 дек<абря> 1962
<Париж>

Дорогой Юрий Павлович (хотел написать «дорогой и милый друг Ю.П.», – но врожденная сухость преодолела, и обращаюсь, значит, обычно, как полагается по «хорошему тону»).

Спасибо за письмишко, – выражаясь по Бахраху. Прошло полтора месяца со дня его получения! Но не думайте, что я Вас и о Вас забыл: нет, все «как-то не так» в смысле физическом, устаю, на улице холодно, в мыслях и в сердце – тоже, – словом, понимаете сами. И простите за долгое молчание.

По письму Вашему и прелестным, но неясным стихам о «психее из Лиссабона» я не понял, к чему и до чего психее эта Вас со своими сумеречными плечами довела. Надеюсь (для Вас) до всего, о чем Вы желали. Но, по Фрейду, у Вас что-то патологическое насчет плеч¹: я вспоминаю, что у моего милого немца (кстати, исчезнувшего) Вы жаловались именно на недостаточно роскошные плечи! Кажется, они были для Вас слишком покаты. Мне нравится «сумеречные» больше, чем вариант – «оливковые». т. е. оливковые эротичнее, но тут, раз «психее», то можно удариться в мистику и романтизм². Впрочем, Гумилев, наверно, сказал бы: оливковые, п<отому> что точнее.

Мне жаль, что Лиссабон затмил Афины, ибо в Лиссабон я все равно не поеду. А с Афинами – qui sait?³ Здесь недавно промелькнул Рейзини, я ему намекал о своей тоске по «пу» и другим греческим достопримечательностям, но он слушал без отклика. По-моему, у него и дела не столь блестящи, как были.

Нового здесь мало. Вчера я пил чай с Паустовским: знаете Вы такого советского вице-Бунина? Очень милый старик, и не глупый⁴. А из здешних поэтов блистают на нашем небосклоне только Одоевцева и Прегельша. Увы, увы, увы, я Вашего Леонтьева еще не прочел! Нет у меня «Возрождения», но прочту всенепременно⁵. Кстати, на днях мне телефонировала некая Вадимова, экс-балерина Дягилева⁶, и спрашивала, кто это Леонтьев, что это Л<еонтьев>, откуда он взялся, раз о нем она раньше никогда не слыхала? – ссылаясь на Вашу статью, которая ее потрясла. Видите, в какие углы и тайники эмиграции доходит Ваша мысль и ученость! А Прегельша, наоборот, негодует, что Вы работаете с «Возрождением», хотя статью и одобряет. Но она – существо в этом смысле не вполне нормальное.

Ну, что еще? В сущности, все и ничего. До свидания, «дорогой и милый друг» Юрий Павлович. Здесь собачий холод, а я жаловался на ниццкую жару! Теперь я о ней мечтаю. На rue de Colisée – обычные немецкие развлечения, сплошной Франкфурт и Мюнхен. Но Греции и Португалии не сыскать и днем с фонарем. Пожалуйста, не

казните меня молчанием за молчание. Чиннов, кажется, всем доволен, и я за него рад. К нему на будущий год едет Вейдле и везет жену, которая говорит об этом с тоской. Но он, наоборот, рад. Значит, я жду письма.

Ваш Г.Адамович

¹ См. в сохранившейся копии недатированного письма Иваска к Адамовичу:

Какая Психея? Оливковая, миловидная, смешливая, несколько жалобная, показывающая свою оборванную (скажем!) юбку. <...>

Еще о ПЛЕЧАХ... Ленскому тоже нравились плечи Ольги. Плечевого культа у меня нет, но все же плечи (рамена!) слово для меня священное.

Дружба основана на параллельном соприкосновении плеч (в смысле платоническом и простом – товарищеском).

Плечом к плечу: это много, очень много...

² Речь идет о стихотворении Иваска «Лиссабон», опубликованном в сборнике «Хвала» (с.28-29). В тексте Иваск сохранил свое определение «сурчальные плечи».

³ Кто знает? (франц.)

⁴ Некоторые не вполне ясные намеки Адамовича проясняются из упоминавшейся в примеч. 1 копии недатированного письма Иваска:

Вы хотите в Грецию? Вы хотите выйти <на> площадь Синтагмы, чтобы сказать там «пу» и «посо»? Так за чем же дело стало? Стоит только взять перо в руки и написать одну французскую фразу, а затем уж пойдет <как> по маслу <...> и получится «бест эллер», и поедет и в Афины, и в Лиссабон, куда угодно.

Говорят, что издатель, получивший «Лолиту», написал автору: «Вы человек одаренный, но вы не знаете, как делается “бест эллер”... изобразите почтенного фермера <так!>, который влюбляется в уличного мальчишку и разъезжает с ним по всей Америке. <...>

Теперь же разрешите мне поболтать. Конечно, Лиссабон не Асси́зи – ни с чем вообще не сравнимый... где я вдруг понял, что все позволено, но ничего дурного я в данный момент не могу сделать... <...>

В посл<едний> день я часа два гулял по той площади, чего-то ожидая, но и не очень ожидая: и так уже было хорошо около «ихнего» Медного Всадника.

Вдруг это музыкальнейшее «пасейро». <...> Затем я был приятно огорошен одним непечатным английским глаголом в его искаженной средиземноморской форме.

Вы спросили? И вот отвечаю: завершения не было, и не оттого ли меня так поэтически уязвил и уязвляет Лиссабон, и я не жалею о незавершенности. <...>

⁴ Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) – советский писатель. О сходстве его прозы с бунинской писали неоднократно.

⁵ Речь идет о начавшейся печатанием в журнале «Возрождение» (1961. №138; окончание см. в №151 за 1964) большой работе Иваска «Константин Леонтьев».

⁶ Дора Владимировна Вадимова (1906–1979).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Среди писем сохранился напечатанный на машинке листок с пометой Иваска: «Прошу ответить и вернуть». Текст, вписанный Адамовичем, выделен курсивом.

1. Вы говорили – было шесть акмеистов. Кто они: 1) Гумилев, 2) Мандельштам, 3) Ахматова... *В.Нарбут, М.Лозинский, М.Зенкевич.*

2. Где напечатано Ваше стихотворение «Был дом, как пещера...» В «Современных Записках». №? Кажется, называлось «Баллада».

3. Приблизительно где мадам Севинье сказала о хрустальных осенних вечерах... В Вашей цитате это прозвучало как стихи... И напишите это по-французски... «*Les journées de cristal de l'automne*» Процитировано у Saint-Beuve в «*Causeries de lundi*» (статья о Севинье). У нее – в одном из писем к дочери.

4. Где приблизительно Валери сказал о трех чудесах мира: Греция, Ренессанс и русская литература 19-го века... *Не помню и не могу найти. Но сказал, наверно, в каких-то заметках. С моей легкой руки это потом не раз цитировалось.*

5. Были Вы хотя бы на одном заседании 1-го Цеха... *Был раз 3–4. В первый раз на квартире С.Городецкого, в 1915 или 16-м году.*

6. Были ли в семинаре Гумилева в Институте Живого слова (где бывала Одоевцева). *Был раз или два.*

7. Итак, Г.Иванов и Вы основали II-ой Цех, когда пришел Гумилев и когда начали собираться в Доме Искусств. *Нет, совсем не то и не так! II Цех был основан против желания Гумилева, первое заседание было без него, и он долго «будировал».*

8. Что такое «Звучащая раковина»... «*Звучащая Раковина*» – *сборища на квартире сестер Наппельбаум, после революции. Кажется, был особый кружок зеленой молодежи, но бывали как гости все остатки петербургской поэзии.*

«ВЕРНОЙ ДРУЖБЕ ГЛУБОКИЙ ПОКЛОН»

Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965)

Публикация Ф.А. Черкасовой

Из переписки Георгия Адамовича с Георгием Ивановым и Ириной Одоевцевой, продолжавшейся в течение многих лет, сохранились лишь письма Адамовича. Это и не удивительно: Адамович принципиально не хранил писем своих корреспондентов, даже близких и знаменитых друзей, исключение составляли лишь Бунин, Мережковский, Гиппиус, Алданов.

Сохранившиеся письма Адамовича к Иванову и Одоевцевой находятся в библиотеке Йельского университета (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. New Haven, USA), однако отложились они в двух разных фондах: в собственном фонде Адамовича (Gen MSS 92) и в фонде Одоевцевой (Gen MSS 101). Разделение переписки на две части имеет четкие границы и логически связано со смертью Георгия Иванова: все письма (за исключением одного), относящиеся к периоду до его смерти, попали в архив Адамовича, все последующие письма (кроме двух) оказались в архиве Одоевцевой. Известно также, что архив Адамовича был приобретен в 1964 (личность продавца установить не удалось), архив Одоевцевой – в 1966, по одним данным, у самой Одоевцевой, по другим – у некой Eugenia Harnstin из Англии.

Более определенной информацией о причинах и обстоятельствах разделения массива писем Адамовича к Иванову и Одоевцевой и о том, как часть этой переписки попала в собственный фонд Адамовича, мы не располагаем. Вполне возможно, что вскоре после смерти Иванова Одоевцева вернула Адамовичу все его письма, и уже непосредственно у него они были приобретены Йельской библиотекой. Если это действительно так, то, сохраняя свои собственные письма наряду с письмами небольшого круга наиболее знаменитых эмигрантских писателей, Адамович как бы причисляет и себя к сонму этих избранных.

Письма Адамовича Иванову и Одоевцевой, хранящиеся в его собственном фонде и относящиеся к периоду 1955–1958, были опубликованы

О.А.Коростелевым в 21-м выпуске альманаха «Минувшее»¹. В обширном предисловии к публикации рассказывается история взаимоотношений трех поэтов и дается подробная информация о контексте той части их переписки, которая знаменовала примирение между Адамовичем и Ивановым после продолжительного периода вражды. Публикация заканчивается письмом от 20 сентября 1958, первые же письма датированы концом августа того же года, за единственным исключением – открытка Адамовича Одоевцевой от 29 мая 1956. Таким образом, здесь мы предлагаем продолжение или, точнее, окончание напечатанной Коростелевым переписки.

С другой стороны, письма, предлагаемые в настоящей публикации, представляют совершенно новый период в переписке; как указывалось выше, все они (за исключением двух первых писем и открытки) написаны после смерти Георгия Иванова, когда Адамович оказался едва ли не единственным близким человеком и другом Одоевцевой. В этой ситуации Адамович принимает близкое участие в жизни Одоевцевой, хлопочет по ее делам, дает советы практического и творческого характера. Его письма пестрят критическими замечаниями и рекомендациями по поводу новых стихов Одоевцевой, она же, судя по окончательным вариантам обсуждаемых в переписке произведений, внимательно прислушивалась к мнению Адамовича и учитывала его критику и советы. Переписка свидетельствует также и о том, что общий замысел широко известных мемуаров Одоевцевой восходит к Адамовичу. В письме от 12 сентября 1958 Адамович настойчиво советует Одоевцевой «принять писать большой труд «Моя жизнь с Г<еоргием> И<вановым>» <...> обо всем, с первой <...> встречи, и всю ambiance, до конца, от Гумилева до Нуёres». Это предложение Адамовича Одоевцева блестяще воплотила в книгах «На берегах Невы» и «На берегах Сены».

В нескольких письмах отразилась полемика Одоевцевой с Николаем Ульяновым, переросшая впоследствии в продолжительную кампанию критика Сергея Рафальского против Одоевцевой на страницах газеты «Новое русское слово». Любопытно сравнить эти письма Адамовича с письмами Д.Кленовского В.Маркову, в которых обсуждается та же тема, но с другой точки зрения². Письма Адамовича подтверждают предположения Кленовского о том, что Одоевцева стремилась предотвращать появление на страницах газет нежелательных ей статей³. Именно об этом и свидетельствует письмо Адамовича от 16 мая 1959 г., где упоминается просьба Одоевцевой написать «Вейнбауму или Полякову об Ульянове», однако тут же выясняется, что предпринимать что-либо поздно, так как статья уже вышла. На это Адамович, верный лозунгу «литература пройдет, а дружба останется», уте-

¹ «Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды»: Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955–1958) / Публ. О.А.Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.21. М.; СПб., 1997. С.391-501. В дальнейшем – Минувшее. Вып.21, с указанием стр.

² «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д.И.Кленовского В.Ф.Маркову. 1952–1962 гг. / Публ. О.Коростелева и Ж.Шерона // Диаспора: Новые материалы. Т.2. СПб., 2001. С.659, 660, 672-676, 678. В дальнейшем – Диаспора. Т.2, с указанием стр.

³ Там же. С.672, 678.

шал Одоевцеву как настоящий джентльмен: «Я во всяком случае Полякову напишу (когда получу статью), выражу изумление и все такое. А кроме того как-нибудь (летом) сочиню статью о поэзии с указанием, какая Вы гениальная поэтесса».

Этот и другие эпизоды переписки Адамовича с Одоевцевой делают ее ценным источником по истории литературы русской эмиграции послевоенного периода.

Оригиналы писем хранятся в фондах Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University (New Haven, USA): Gen MSS 101. Box I. Folder 1-3.

Публикатор приносит искреннюю благодарность Beinecke Library за предоставление ксерокопий писем, а также О.А.Коростелеву за ценные указания и дополнения к комментариям.

1

Madame Georges Ivanov
Beau Séjour
Avenue de XV Corps
Hyères (Var)
France

Зачем вы так поступаете и почему смолкли?¹

Г.А.²

104, Ladybarn Road
Manchester 14

Открытка с видом Манчестера, почтовый штампель: 29 мая 1956.

¹ После письма от 20 января 1956 в переписке возник перерыв длиной почти в полгода. 17 июня 1956 Адамович писал Одоевцевой: «Спасибо за письмо. Я уж беспокоился: что с Вами? Вы существо общительное, а вдруг исчезли» (Минувшее. Вып.21. С.429).

² Здесь и далее Г.А. – Георгий Адамович.

2

Nice,
31 августа 1958¹

Дорогой друг Madame

Получил Ваше письмо.

Я приеду – по крайней мере, надеюсь! – на будущей неделе. Сейчас я в мизере, но на будущей неделе должен кое-что получить. Предупрежу за 2–3 дня, чтобы, в случае, если Вам неудобно, Вы могли ответить. Но думаю, Вам более или менее удобно всегда.

Значит, *sauf imprévu, à bientôt!*² Поцелуйте Жоржа и примите заодно с поцелуями всякие чувства специально для Вас.

Ваш Г.А.

¹ У Адамовича описка в дате. Письмо не может относиться к 31 августа, так как, судя по фразе «Поцелуйте Жоржа», оно было написано еще при жизни Г.Иванова, т. е. до 26 августа. Судя же по содержанию письма, оно предшествует поездке Г.Адамовича к Ивановым в первой половине августа, о которой известно из переписки Адамовича. Например, сразу после своего визита к Ивановым в письме от 12 августа Адамович пишет, что все еще находится под впечатлением встречи и «рад был у <них> побывать, несмотря на болезнь Жоржа» (Минувшее. Вып.21. С.493). В письме же к С.Ю.Прегель от 20 августа Адамович сообщает: «Был недели две назад у Ивановых в Нуёres» (Адамович Г. Одиночество и свобода / Сост., предисл. и примеч. В.Крейда. М.: Республика, 1996. С.405). О визите Адамовича упоминает также и Одоевцева в письме Маркову от 12 августа 1958: «Позавчера к Жоржу приезжал Адамович» («...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975) / Публ. О.Коростелева и Ж.Шерона // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж: Феникс–Atheneum, 2000. С.461. В дальнейшем – In memoriam, с указанием стр.). Таким образом, письмо, скорее всего, относится к 31 июля.

² если ничего не случится, до скорого (франц.).

3

4, avenue Emilia
c/o Heyligers
Nice
22 авг<уста 19>58

Bien chère Madamotchka

Получил Ваше письмецо, спасибо. По сухости своей природы не в силах ответить Вам так же нежно, мило и восхитительно, но, поверьте, chérie, все в душе моей соответствует тому, что надо бы написать. И на этом, все по той же моей сухаристости, ставлю точку.

Почему Жоржу понадобился невролог? Настолько, что пришлось его везти в Тулон? Il y a quelque chose qui t'échappe¹, хотя я в медицине многоопытен. Из Парижа пишут мне о новом инциденте Померанцев–Маковский². Знаете ли Вы о нем? Пом<еранцев> в статье о Жорже процитировал что-то о море, добавив, что автор – дурак, но автора не назвал³. Оказалось, что автор этот – Маковский, который, явившись к Водову⁴, на него накричал, а Водов набросился на Померанцева и, кажется, хочет его выгнать. Неточка⁵ мне срочно пишет, чтобы я Пом<еранце>ва «защитил». Но защитить трудно, и сам Водов мне пишет неясно: «о П<омеранцеве> расскажу после». Кстати, я считаю, что цитата о море (ни к селу ни к городу), действительно, – жест глупый и «склочный», в духе Ходасевича⁶. С врагами надо быть вдвойне вежливыми и корректными. А Маковский⁷ – со злости или случайно? – сейчас в клинике, где его оперировали⁷. Ви-

дите, сколько великих событий! Это я все Вам пишу для развлечения. Завтра в Ниццу приезжает Злобин⁸, и я все колеблюсь, послать ли ему телеграмму, что я должен куда-нибудь уехать. Он должен явиться ко мне с утра, а мне заранее сводит челюсти от скуки. Мне на свете хорошо и приятно или одному, или с двумя-тремя людьми, из коих одно лицо – Вы. Правда, вести разговоры «однотонные», т. е. без перебоев в ерунду, *je ne me sens plus capable*⁹, а Злобин <...>¹⁰

¹ я что-то не понимаю (*франц.*).

² Померанцев Кирилл Дмитриевич (1907–1991) – поэт, журналист, мемуарист. В эмиграции с 1920, с 1927 жил в Париже. Активно публиковался в «Новом русском слове», «Новом журнале», а также в «Русской мысли», где с 1957 возглавлял отдел политической информации. (Далее в письмах Адамовича иногда фигурирует как «Померанец».) Маковский Сергей Константинович (1877–1962) – поэт, литературный и художественный критик, издатель, искусствовед, мемуарист. Основатель и редактор петербургского журнала «Аполлон» (1909–1917). В эмиграции с 1920. В 1949–1959 председатель редколлегии издательства «Рифма». Предыдущий инцидент между Маковским и Померанцевым, согласно письму Адамовича от 8 июля 1958 Ирине Одоевцевой, возник «из-за “Рифмы” и того, кому ей владеть» (см.: Минувшее. Вып.21. С.489).

³ Речь идет о статье Померанцева «Поэзия Георгия Иванова» (Русская мысль. 1958. №1250, 12 августа. С.4–5), в которой автор противопоставляет истинного поэта Георгия Иванова бесконечной толпе бездарных стихослагателей и в качестве примера творчества последних приводит следующие строки о море, о которых и упоминает Адамович: «Опять, опять, у моря стоя, / не нагляжусь на небеса / И в шуме слушаю прибоя / глубин и далей голоса» (с.5).

⁴ Водов Сергей Акимович (1898–1968) – журналист. В эмиграции с 1920. С 1947 член редколлегии, с 1954 главный редактор газеты «Русская мысль».

⁵ Неточка – Анна Морисовна Элькан (урожд. Абельман; ?–1962), секретарь послевоенного парижского Объединения писателей и журналистов (подробнее см.: Минувшее. Вып.21. С.407).

⁶ Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) – поэт, литературный критик, литературовед, переводчик, публицист, мемуарист. В эмиграции с 1922, во Франции с 1925. На протяжении многих лет между Адамовичем и Ходасевичем (наиболее влиятельными литературными критиками русской эмиграции) шла острая литературная полемика, ставшая, с точки зрения О.А.Коростелева, «одним из центральных событий литературной жизни эмиграции» (Адамович Г.В. Собр. соч.: Комментарии / Сост., послесл. и примеч. О.А.Коростелева. СПб.: Алетейя, 2000. С.720).

⁷ У Маковского была операция аппендицита (см. письмо Терапиано Маркову от 10 сентября 1958: «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966) / Публ. О.А.Ко-

ростелева и Ж.Шерона // Минувшее: Исторический альманах. Вып.24. СПб., 1998. С.317. В дальнейшем: Минувшее. Вып.24, с указанием стр.).

⁸ Злобин Владимир Ананьевич (1894–1967) – поэт, литературный критик, публицист, журналист, мемуарист, литературный секретарь З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского. В эмиграции с 1919.

⁹ я больше не способен (*франц.*).

¹⁰ Окончание письма утрачено.

Nice
28/VIII <19>58

Madame chérie

Я был сегодня в Америк<анском> Консульстве¹.

Общее мое впечатление от разговора с секретаршей: это дело, которое если и удастся, то не так легко и скоро, как я думал. «Affidavit»² необходим, но это сделать, надеюсь, можно. Труднее вот что: нужна гарантия, что Вы вернетесь во Францию, и какая именно гарантия, в чем она должна состоять, точно определить нельзя. Каждый случай решается *individuellement*³ (кое-что перечислено в прилагаемой *notice*⁴). По словам секретарши, в случае, если гарантии твердой Вы представить не можете, хорошо бы иметь в руках билет *aller-retour*⁵, в качестве доказательства.

Визу надо просить на 6 месяцев, но в Нью-Йорке ее можно продлить еще на 6 месяцев. Дальше – она не знает. Вы, как живущая в Var⁶, зависите от консульства в Марселе (если нет консульства в Тулоне), и все хлопоты надо вести только через Марсель.

Секретарша советует, чтобы Вы теперь же заполнили опросный лист и послали бы в Марсель (адрес найдете в *Annuaire Téléphonique*⁷) с заявлением или просто письмом, что хотите поехать на 6 месяцев в Нью-Йорк. Только не подписывайте опросный лист: в случае, если дело двинется, Вас вызовут в Марсель и лист этот Вы должны будете подписать в присутствии консула. Не заполняйте лист *à la légère*⁸, подумайте хорошо над каждым вопросом и посоветуйтесь с Вашим прокурором или правоведем. Я знаю, что были какие-то случаи, когда неверный ответ был причиной отказа (даже в Англии, с одним манчестерским профессором). Насчет *références*⁹ в U.S., я думаю, Вы можете указать Карповича¹⁰ (или Маркова¹¹).

Я сегодня же пишу Полякову¹², pošлю записку Жоржа¹³ и спрошу, кто может дать *affidavit*. Прегельше тоже напишу¹⁴.

Но беру обратно свой совет не переезжать в Gagny¹⁵. Нет, если комната есть, лучше переехать, т. к. сразу виза едва ли устроится. А *dossier*¹⁶ Ваше, если Вы переедете, конечно, перешлют в Париж. Но пока Вы в Nyères – пишите в Марсель.

Ну, вот – пока все. Я вернулся вчера ночью «comme une taure»¹⁷ и сегодня еле хожу. Не знаю, что это. Все вместе. А Вы, Madame, за такую развалину еще намерены выходить замуж¹⁸. Целую Вас и буду ждать известий.

Ваш Г.А.

¹ В письме к С.Ю.Прегель, ошибочно датированном 4 августа (согласно В.Крейду, правильно 4 сентября) 1958 Г.Адамович сообщает, что И.Одоевцева «мечтает уехать в Америку» и что он «немножко» занимается связанными с этим делами (*Адамович Г.* *Одиночество и свобода.* С.405).

² Дословно: письменное показание под присягой (*англ.*). Здесь, вероятно, имеется в виду Affidavit of Support – юридически заверенное письменное обязательство об оказании финансовой поддержки приглашаемой стороне. Официально для визы affidavit не требуется, однако наличие его может весьма облегчить получение визы.

³ индивидуально (*франц.*).

⁴ инструкция (*франц.*).

⁵ обратный билет (*франц.*).

⁶ Административный округ на юге Франции, в котором находится город Йер (Yuères), где Георгий Иванов и Одоевцева жили в доме престарелых с 1955.

⁷ телефонная книга (*франц.*)

⁸ необдуманно (*франц.*).

⁹ рекомендательные письма (*франц.*).

¹⁰ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, публицист, мемуарист. В США с 1917. В 1927–1957 преподавал русскую историю в Гарвардском университете. С 1943 один из соредакторов, а с 1945 главный редактор «Нового журнала», в котором Георгий Иванов и Одоевцева часто публиковались.

¹¹ Марков Владимир Федорович (р. 1920) – поэт, литературовед, переводчик, критик «второй волны» эмиграции. С 1949 живет в США. В 1957–1990 профессор русской литературы Калифорнийского университета (Лос-Анджелес). Марков чрезвычайно высоко ценил поэтический талант Г.Иванова и неоднократно писал о его творчестве. В последние годы жизни Иванова вел с ним переписку (см.: Georgij Ivanov/Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einleitung herausgegeben von Hans Rothe. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1994).

Вскоре после данного письма Адамовича Одоевцева действительно обратилась к Карповичу и Маркову с просьбой устроить ей поездку в Америку, представив это как предсмертное пожелание Георгия Иванова. В сентябре 1958 Одоевцева пишет Маркову:

Теперь обо мне, но по желанию Жоржа. Он страшно беспокоился, что будет со мной, и даже написал трагическое обращение к эмиграции, чтобы меня спасли. Он хотел, чтобы я как можно скорее уехала бы в Америку хотя бы на полгода. <...> Но визу – туристическую – получить трудно без affidavit'a. И вот Жорж придумал, чтобы

мне на бланке университета прислали бы (фиктивное) приглашение читать лекцию о пок<ойном> Георгии Иванове и еще от издат<ельства> приглашение для устройства его лит<ературного> наследства. Вот об этом он и хотел, чтобы я написала Вам – еще при его жизни. <...> Вам и Карповичу – Карповичу я уже написала...

(«...Я не имею отношения к Серебряному веку...»). С.462)

Хотя затея поездки в Америку по affidavitu и «с фиктивным докладом» представлялась Маркову «несколько хлестаковской», тем не менее он «хотел сделать все, что можно» для Одоевцевой в этом деле, о чем и советуется с Глебом Струве в письме от 1 октября 1958. (Там же. С.463). Однако план фиктивного приглашения не удался, разочарованная Одоевцева пишет Маркову 31 октября 1958:

От Америки я ничего не жду. Как и вообще от жизни. Это было желание Г<еоргия> В<ладимировича>. Он непременно хотел, чтобы я поехала в Америку, думая, что там я скорее успокоюсь. Ему казалось, что после его смерти многие протянут мне руку помощи – в память его. Но он лишний раз ошибся. Никаких приглашений я не получила. <...> Жаль, что даже это его желание не исполнится.

(Там же. С.465)

В действительности «это желание» Георгия Иванова все же осуществилось: впоследствии Одоевцева несколько раз побывала в Америке, правда, ее первый визит состоялся лишь в 1965.

¹² Поляков Александр Абрамович (1879–1971) – журналист. В эмиграции с 1920. С 1922 – в Париже, секретарь редакции, затем заместитель редактора газеты «Последние новости». С 1942 – в США, сотрудник редакции газеты «Новое русское слово». Дружба Адамовича с Поляковым началась еще в годы их совместной работы в «Последних новостях», долгие годы они находились в переписке (письма Адамовича к Полякову за 1940–1969 годы сохранились в Бахметьевском архиве: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. A.A.Poliakov Collection. Box 1. Сообщение О.А.Коростелева). О Полякове см. также: «Мы можем быть только летописцами...»: Письма М.Осоргина А.Полякову (1940–1942) / Публ. О.Демидовой // Диаспора: Новые материалы. Т.1. Париж; СПб., 2001. С.422–476.

¹³ Имеется в виду предсмертная записка Г.В.Иванова, в которой поэт обращается к ценителям своей поэзии с просьбой позаботиться о судьбе Ирины Одоевцевой (см.: *Адамович Г. Одиночество и свобода*. С.405).

¹⁴ Прегель София Юльевна (1894–1972) – поэт, прозаик, литературный критик, издатель, общественный деятель, мемуаристка. В 1957–1972 возглавляла издательство «Рифма». Адамович, как и обещал, написал ей (его письмо к Прегель от 4 сентября 1958 см.: *Адамович Г. Одиночество и свобода*. С.404–405).

¹⁵ Ганьи – городок под Парижем, где находился Русский дом престарелых, куда в октябре 1958 после смерти Георгия Иванова переехала Ирина Одоевцева.

¹⁶ дело (*франц.*).

¹⁷ как крот (*франц.*).

¹⁸ По сообщению О.А.Коростелева, в архиве Иваска в Амхерсте (Amherst Center of Russian Culture, USA) среди фрагментов, не вошедших в опубликованный текст «Бесед с Г.В.Адамовичем», есть запись слов Адамовича, сделанная Иваском 20 июня 1960:

Я был на похоронах Георгия Иванова... Одоевцева плакала, потом я привез ее домой. Через час она попросила вина, развеселилась и вдруг говорит:

– Георгий Викторович, женитесь на мне, право, обоим хорошо будет.

5

Nice
4, av. Emilia
chez Heyligers
2 сент<ября 19>58

Дорогой друг Madame

Получил сейчас Ваше письмо. Сначала – о делах.

Ваша мысль о Карповиче – верная, но не совсем. По-моему, лучше не давать ему точного «заказа» (лекции в Университете и т. д.), а только предложить это, как пример, и сказав: «Вы сами найдете, какой предлог для приезда удобнее». Я его мало знаю, но все люди самолюбивы и милы *jusqu'à une certaine limite*¹, не дальше. Или почти все. Кроме того, ни в коем случае не пишите ему (и вообще никому в Америку), что хотите остаться там совсем. Это может распространиться и дойти туда, где об этом знать не должны. Пишите, что едете на 6 месяцев, и на крайность – что будете просить о небольшом продлении. А когда приедете, то и скажете все, как есть. Кстати, вчера у меня был Померанец и рассказывал о Вашей мысли зацепиться за Чеквера². Это было бы самое лучшее. И угораздило же Вас послать ему эти письма! По-моему, напишите ему еще раз, если уже писали, скажите, как все это недоразумение вышло, как Вы любили его жену и т. д. Вы это сумеете, и Жоржа приплетите, как он любил Чеквершу. М<ожет> б<ыть>, он растает и станет Вашим другом. А он – американец и с деньжками.

Если Гласберг³ даст Вам удостоверение, что Вы должны вернуться, это, вероятно, очень помогло бы для визы. Померанец говорил об удостоверении, будто бы Вы в доме работаете и отпущены на время. Это, конечно, было бы еще лучше. Но даст ли Гласберг? Я его не знаю, но знаю старика, Наума Борисовича⁴, и могу, в случае чего, его попросить помочь.

Очень советую теперь же написать в Марсель и послать questionnaire⁵, заполнив его. Если Вы окажетесь в Париже, это не помешает, dossier перешлют, а давность ходатайства все-таки будет установлена. Но непременно <...>⁶

¹ до определенного предела (*франц.*).

² Чеквер Л.И. – общественный деятель, муж поэтессы Рахиль Самойловны Чеквер (псевд. Ирина Яссен; 1893–1957), которая основала и финансировала парижское издательство «Рифма». Далее в письмах она упоминается как «Чекверша».

³ Вероятно, Глазберг Валентин Наумович (1901–1986) – общественный деятель, масон.

⁴ Глазберг Наум Борисович (1874–1963) – адвокат, масон, отец В.Н.Глазберга.

⁵ анкета (*франц.*).

⁶ Окончание письма утрачено.

6

<сентябрь 1958>

<...>¹ – что получается, как реминисценция из «О, как на скло-не...»², и хотя это шуллерство <так!>, но весь тютчевский свет пада-ет и на эти стихи³.

Потом, по-моему, выбросьте четыре строчки, и после многото-чия, следующего за «склоном», сразу:

Но не верю в победу зла

«Все же жизнь»? Не лучше ли «Только жизнь», «а ведь жизнь»?

Ну, вот – критика и мелочи, с которыми Вы, м<ожет> б<ыть>, и не согласитесь. Конец (т. е. последние 20 строк приблизительно) чуть-чуть жиже, чем сначала. Но в целом – типичная и прелестная Одоевцева.

Еще я боюсь, что «башмачки», «жасминовые лета», «гордость студии» могут быть приписаны мне, а не Вам. Хорошо бы как-нибудь поставить точки над *i*⁴. Кстати, башмачки лучше «петербургские», а не «градские»⁵, хотя раньше был Петроград.

Пишите, пожалуйста, дорогая Madame, приезжайте – если хочет-ся! – и не скучайте. Спать надо, и всякий доктор Вам скажет, что лучше *sonnifère*⁶, чем ночь без сна. У Вас нет причин не спать, и Вы должны себе сказать, что сделали для Жоржа все, что можно, все, что было ему нужно и дорого, а теперь надо жить.

Ваш Г.А.

(см. на обороте, как пишут на листовках)

P.S. Вот внезапная мысль: покривите душой, сочините что-нибудь нежно-чувствительное (стихи, конечно) о Чекверше, «памяти Ирины Яссен» и пошлите в «Н<овый> Ж<урнал>».

Тут он не устоит, а для Вас это практически может оказаться крайне важно, и справедливый Бог такой грех Вам простит. Да и правда, она была милой женщиной, так что и кривить очень нечего.

Датируется по связи с предыдущим и последующим письмами.

¹ Начало письма утрачено.

² Цитируется начало первой строки стихотворения Ф.И.Тютчева «Последняя любовь» (1854).

³ В письме обсуждается стихотворение И.Одоевцевой «Верной дружбе глубокий поклон...» (1958), посвященное Георгию Адамовичу. Впервые было напечатано под названием «Г.Адамовичу» в декабрьском номере «Нового журнала» (1958. №55. С.103-104).

⁴ Не совсем ясно, что имеется в виду в данном случае. Если Адамович поднимает вопрос авторства этих образов, то у него нам удалось обнаружить только один из них – в стихотворении «На окраине райской роши» из сборника «Чистилище» (1922) упоминаются башмаки: «И на землю вышел в цилиндре, / В лакированных башмаках». «Жасминовые лета» (у Одоевцевой в стихотворении: «Девятнадцать жасминовых лет») следует «приписать», скорее, Кузмину, у которого в стихотворении «Рождение Эроса» (1920) можно найти следующие строки: «Шестнадцать ли жасминных лет / Оставили весенний след / В полете медленных столетий?» Однако возможно, что речь идет не об атрибуции этих образов, а о том, что они могут быть читателями «приписаны» Адамовичу как биографические реалии на том основании, что стихотворение посвящено ему.

⁵ Одоевцева, вняв критике Адамовича, отказалась от своего варианта, но и его вариант не приняла, а заменила «башмачки петроградские» на «башмачки остроносые».

⁶ снотворное (*франц.*).

7

Nice

7 сент<ября 19>58

Дорогой и милый друг Madame

Очень рад, что Gagnu устроилось. Если Вам дают лишь полкомнаты, не сопротивляйтесь, а кротко соглашайтесь: главное – попасть туда, а директор там очень милый, правoved, я его знаю, и он, наверно, Вас устроит лучше, как только комната будет. А ждать в Hyères – может затянуться. Вы этого директора очаруйте, он все и сделает.

Стишок Чекверу. Правду сказать, мне не очень нравится, что Вы связали его с Жоржем. Если это «интимно», только для него – то ничего, и Вы, конечно, правы, что Жорж первый одобрил бы и смеялся. Но если для печати – возникнут *mouvements divers*¹, и этого лучше избежать, во всех смыслах, даже и в практическом. А по-моему, лучше бы, чтобы это появилось именно в печати и для самого Чеквера неожиданно. Эффект будет более потрясающий и действенный. Измените, душка! С Вашим бойким пером Вы это сделаете в 10 минут. И, имея в виду тупоумие (впрочем, не знаю) Чеквера, то,

что она «любила Вас напрасно, по ошибке», едва ли уместно. Он еще «кое-что подумает», как у Зошенко. Лучше верните для рифмы «твой образ зыбкий» или что-нибудь вроде, для чувствительности. Надо бить в цель, а цель – сердце Чеквера. Затем имею честь сообщить, что «луч» пишется без мягкого знака, т. е. не «лучь», а «луч».

Ах, дорогая, все это глупости. Представьте себе, я мучаюсь и с ума схожу от любви, старый дурак, о душе пора думать, а я по ночам кусаю подушку или стою в окне и смотрю, в какой-то безнадежной надежде. И ничего никогда не будет. Простите, Madame, что пишу Вам об этом, но Вы понимаете и, пожалуйста, не усмехайтесь. Отчего Вы не явились в Ниццу? Я Вас, м<ожет> б<ыть> (вдруг догадка), не достаточно усиленно приглашал, но мне не на что Вас было приглашать и некуда. А теперь уж поздно, т. к. в конце недели, или даже в четверг, я уеду в Париж, если не получу денег. У меня сейчас совсем ничего нет, а только долги, и даже «ангелу». Все растряс. Если я поеду поездом, то остановлюсь в Тулоне на час-два, и Вы, пожалуйста, туда приезжайте. Я напишу или дам телеграмму. А если Вы скоро уедете в Гагну, то увидимся в Париже, где я буду до 2–3 октября. Получил вчера permit² из Home office³, значит, в Манчестер еду, а то слегка сомневался. До свидания, дорогая душка. Сегодня у меня должен быть Злобин, чтобы узнать что-то о Жорже для некролога в «Возрождении»⁴. Целую Вас, нежно и страстно.

Ваш Г.А.

¹ Здесь: разные толки (франц.).

² разрешение на работу (англ.).

³ Британское Министерство внутренних дел.

⁴ Статья Владимира Злобина «Памяти поэта. Георгий Иванов» вышла в октябрьском номере «Возрождения» (1958. №82. С.119-122).

Дорогая, très chère Madame, я только что получил Ваше письмо. Сижу у моря, жду погоды: т. е. не могу ехать, ибо ожидаю денег, а их все нет. Думаю, будут сегодня или завтра, и тогда уеду моментально. Но, по всей вероятности, через Гренобль, куда везет меня «ангел», si je lui paye l'essence¹. Если поеду поездом, дам Вам телеграмму, – когда буду в Тулоне. Я бы хотел выехать тогда отсюда утром и пробыть в Тулоне après midi². Но все это еще туманно. И все у меня в голове туманно. Оцупа читал³. Ничего, чувства эlegantные, но до чего в мире много лжи и лицемерия: ведь ни он Жоржа не лю-

бил, ни Жорж его. Мне особенно понравилось, что, когда он, Оцуп, «был в отчаянии», Жорж радовался его «а все-таки!»⁴ Vous voyez ça?⁵ Ах, дорогая, все Вы понимаете сами, и объяснять Вам мне нечего. Меня удивило, что к смерти бедного испанца Вы, по-видимому, равнодушны. А я шел, думал... Да, Вырубов⁶ пишет мне, что мало Вас знает, но просит передать, как он огорчен, потрясен и «всем сердцем с Вами». От Полякова было письмо, тоже с чувствами, но это еще не ответ на мое – с просьбой посоветовать, что можно сделать для Вас в Америке (я послал ему записку Жоржа). От Прегельши ответ уже был: поговорим и подумаем, когда Вы (т. е. я) будете в Париже. Если Вам желательно ускорить Gagnu, я могу кое-что сделать в Париже, нажав на директора. По-моему, подписка на памятник Жоржа – теперь ни к чему. Памятник все равно нельзя поставить раньше, как через год. И я уверен, что Ж<орж> предпочел бы, чтобы деньги всякие шли к Вам и для Вас, если вообще деньги будут. Прегельша между прочим пишет, что, по ее мнению, ехать в Америку с визой на время – рискованно, что продление очень трудно. Конечно, выйти замуж за американца – все меняет. Но будет ли американец? Я считаю, что стихок «Памяти Ирины Яссен», этот или другой, для неотразимости действия должен быть напечатан⁷. Вообще, я много думаю о Вас, хотя в голове имею сейчас не мозги, а кашу. Если не приеду в Тулон, будет очень жалко, но нечего делать, и надеюсь, Вы до моего Манчестера будете в Париже.

Целую Вас, chère amie, не как влюбленный прокурор, а иначе. Но и лучше.

Ваш Г.А.

Сберегите для меня шляпу, в которой я выгляжу молодым красавцем или вроде.

По-моему, Вы должны приняться писать большой труд «Моя жизнь с Г<еоргием> Ив<ановым>» – как Зинаида⁹ Мережковском⁸: обо всем, с первой Вашей встречи, и всю ambiance⁹, до конца, от Гу-милаева до Нуёres.¹⁰

Сюда уже не пишете, а если не будет от меня телеграммы, то – 7, rue Fréd. Bastiat Paris 8.

¹ если заплачу за бензин (франц.).

² вторую половину дня (франц.).

³ Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958) – поэт, литературный критик, прозаик, драматург, литературовед, мемуарист, один из основателей и соредатор журнала «Числа» (1930–1934). В эмиграции с 1922. Речь идет о письме Оцупа «Памяти Георгия Иванова», опубликованном в газете «Русская мысль» 9 сентября 1958 (№1262. С.4)

⁴ Адамович цитирует статью Оцупа.

⁵ Представляете? (*франц.*).

⁶ Вырубов Василий Васильевич (1879–1963) – общественный деятель, ма-
сон (см. обширный комментарий О.А.Коростелева: *Минувшее*. Вып.21. С.408).

⁷ У Одоевцевой два стихотворения посвящены памяти Ирины Яссен:
«Здесь, у моря южного, лазурного» и «Заокеанская твоя могила», – оба они
были напечатаны в «Русской мысли» за 3 октября 1959 (№1429. С.5).

⁸ Имеется в виду мемуарная книга З.Н.Гиппиус «Дмитрий Мережковский»
(Париж, 1951).

⁹ обстановка (*франц.*).

¹⁰ Это предложение отчеркнуто Адамовичем на полях двойной чертой.
Последовав совету Адамовича, Одоевцева написала две книги воспоминаний:
«На берегах Невы» (1967), в которой значительное место отводится
Николаю Гумилеву (1886–1921), и «На берегах Сены» (1983), в основном
посвященную эмиграции. Первые эпизоды из книги «На берегах Невы»
были опубликованы уже в 1962 в «Русской мысли» (№1796, 1797, 6 и 8 фев-
раля), «Мостах» (№9. С.109-120) и «Новом журнале» (№68. С.66-90).

9

Manchester
23/II-<19>59

Chère amie Madame

Письмо Ваше получил и отвечаю незамедлительно. С моими за-
мечаниями о стихах Вы не согласны: что же, дело Ваше! Но я уве-
рен, что «Я не могу себе простить»¹ должно стать коротким стихо-
творением. У Вас страсть к длинным, и при Вашем жанре² это есте-
ственно. Но это – не совсем Ваш жанр, не прежний, и нужно его
оборвать, т. к. в нем нечего развивать, и нужно молчание и точка. А
вот в том, где о «чужом весельи», Вы бы могли из него сделать ше-
девр, в сверх-одоевцевском стиле. Но его надо именно удлинить и
набить туда всяких перламутрово-воздушных прелестей, как Вы это
умеете. Я не льстил Вам и не хотел сделать приятное, когда писал,
что стих<и> очень хорошие: это правда. Что «le style est de l'home-
me»³, я, конечно, знаю. Но с этим изречением произошло то, что со
славой и апельсиновой коркой у Мандельштама⁴. Его сообща и ано-
нимно исправили, и только тогда оно получило верный смысл: le
style c'est l'homme⁵. У Бюффона⁶ с «de» было хуже⁷.

Насчет Померанца: тоже дело Ваше. В том, что Вы о нем пишете,
мне не нравится, что он передает Вам дурные слова, да еще сочиняя
и выдумывая (если говорил обо мне). Я этого не выношу, и никогда
это не делается с хорошими чувствами, даже если говорят, что это –
«для вашего осведомления» и т. д. Так делала Вольская⁸: «он вас
ненавидит, – я говорю это, чтобы вы это знали!» Я ей всегда отвечал,
что меня это не интересует, а главное – я ей не верил. Ей было удо-

вольствие это говорить. Но Померанец, м<ожет> б<ыть>, говорит по глупости.

В Фонд⁹ я напишу непременно, но и Вы написали бы Полякову, описав свое положение. Прямая просьба лучше, больше действует. Но я напишу тоже.

Deux mots¹⁰ относительно Покровского¹¹: при случае, незаметно, верните ему, что я, кажется, болен, что-то с горлом или бронхами, словом, что мне запрещено говорить. Я обещал ему в конце марта для Пет<ербургского> Университета¹² лекцию о Пастернаке и уже два раза отлынивал. Но я еще не прочел всего «Живаго»¹³, никакой лекции не хочу, да к тому же по горло занят Маклаковым¹⁴, которого должен как можно скорей кончить. Но мне не хочется опять надуть Покровского (хотя он до сих пор молчит), и нужна приличная причина. Только скажите ему это sans arruyer¹⁵, так, между прочим. Если он желает, я прочту ему в июне. «Н<овый> Ж<урнал>»¹⁶ я еще не получил. До свидания, chérie. Заведите роман с Туроверовым¹⁶, он лучше других, хотя дубинист. Где же Вы теперь ночуете, если бываете поздно в Париже? И вообще, что и как?

Ваш Г.А.

¹ Здесь и далее речь идет о двух стихотворениях Одоевцевой 1958 года: «Я не могу простить себе» (Новый журнал. 1959. №56. С.140-141) и «Последнее траурное новоселье», впервые опубликовано в сборнике «Десять лет» (Париж: Рифма, 1961).

² Адамович имеет в виду балладу – типичный для раннего творчества Одоевцевой жанр; одной из первых баллад поэтессы является «Баллада о толченом стекле» (1920). В более зрелый период своего творчества Одоевцева к этому жанру больше не обращалась, чем и объясняется находящееся в следующем предложении уточнение Адамовича «не прежний» «Ваш жанр».

³ «стиль от человека» (*франц.*).

⁴ Речь идет о стихотворении О.Мандельштама «Я не увижу знаменитой «Федры»» (1915). Согласно Адамовичу, в одной из первых публикаций этого стихотворения в строке «И слабо пахнет апельсиновой коркой» была допущена опечатка, и вместо «слабо» стояло «слава». Эта ошибка якобы восхитила Гумилева, и впоследствии Мандельштам, по утверждению Адамовича, «всегда читал это стихотворение со “славой”» (см.: *А<дамович Г.>* По поводу собрания сочинений Осипа Мандельштама // *Опыты*. 1956. №6. С.93).

⁵ стиль – это человек (*франц.*).

⁶ Бюффон Жорж Луи Леклерк де (Buffon Georges Louis Leclerc, comte de; 1707–1788) – французский естествоиспытатель, член Французской Академии.

⁷ Речь идет о знаменитой фразе Бюффона «le style est l'homme même» («стиль же – это сам человек»), которая в действительности никакому анонимному исправлению не подвергалась, поскольку частица «de» в ней от-

существовала изначально. Фраза эта восходит к речи Бюффона, произнесенной им при вступлении во Французскую Академию 25 августа 1753 (*Discours Sur Le Style Discours Prononce A L'Academie Française Par M. De Buffon Le Jour De Sa Reception Le 25 Aout 1753*).

⁸ Вольская Нина Аркадьевна – прозаик, автор рассказов, печаталась в «Иллюстрированной России» и «Возрождении».

⁹ Литературный фонд – общезарубежная благотворительная организация, созданная в 1918 в Нью-Йорке, первоначально с целью поддержки эмигрантов – писателей и ученых, живших в Америке. Подробнее см. комментарий О.Коростелева и Жоржа Шерона в публ.: «...Я не имею отношения к Серебряному веку...». С.453. Президентом Литфонда был М.Е.Вейнбаум, однако мы затрудняемся сказать, занимал ли Поляков в нем какой-нибудь пост.

¹⁰ два слова (*франц.*).

¹¹ Покровский Борис Леонидович (?–1970) – общественный деятель, после революции в эмиграции, председатель Объединения бывших студентов Санкт-Петербургского университета в Париже, масон (с 1934), член ложи «Юпитер» (1934–1962).

¹² Объединение бывших студентов Санкт-Петербургского университета в Париже. Основано в 1926 по инициативе профессора А.А.Башмакова и И.В.Шнейдера.

¹³ Роман Б.Л.Пастернака (1890–1960) «Доктор Живаго» вышел на Западе в 1957, через год Пастернаку была присуждена Нобелевская премия. По сообщению О.А.Коростелева, выступление Адамовича в Обществе бывших студентов Санкт-Петербургского университета состоялось лишь 14 июня 1959 – он прочитал доклад «Б.Пастернак и его роман “Доктор Живаго”», спустя же четыре дня, 18 июня 1959, он выступил с докладом «Значение и понимание “Доктора Живаго” Бориса Пастернака» в масонской ложе «Юпитер» (8, rue Ruteaux, 17-е). Отклик Адамовича о романе Пастернака на страницах печати впервые появился в июле 1959 (По поводу «Доктора Живаго» // Новое русское слово. 1959. №16908, 5 июля. С.5, 8), через несколько дней та же статья с небольшими изменениями и под названием «Несколько слов о “Докторе Живаго”» была опубликована в «Русской мысли» (1959. №1392, 9 июля. С.2, 3). «Особое мнение» Адамовича о романе вызвало незамедлительную реакцию Г.Струве, который назвал статью Адамовича «путаной и противоречивой» и отметил, что само продолжительное молчание Адамовича о романе уже «как будто свидетельствовало о том, что сказать что-нибудь хорошее о “Докторе Живаго” он не может» (*Струве Г. «Доктор Живаго» // Новое русское слово. 1959. №16915, 12 июля. С.8*). В полемику со Струве вступил В.Завалишин и, защищая Адамовича, подчеркнул, что «теперь, когда шум, поднятый вокруг книги Бориса Пастернака, заметно утих», статья Адамовича представляет собой «серьезный шаг в <...> направлении <...> трезвой, объективной оценки романа “Доктор Живаго”» (*Завалишин Вяч. О предвзятых и не предвзятых оценках // Новое русское слово. 1959. №17006, 11 октября. С.8*).

¹⁴ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – общественно-политический деятель, юрист, публицист, мемуарист. Адамович написал его биографию по заказу В.В.Вырубова: *Адамович Г. Василий Алексеевич*

Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж: Изд-во друзей В.А.Маклакова, 1959.

¹⁵ без нажима (*франц.*).

¹⁶ Туроверов Николай Николаевич (1899–1972) – поэт, общественный деятель. В эмиграции с середины 1920-х, последние годы жизни провел в Ганьи.

10

Manchester 13
8/V-<19>59
Telephone:
Ardwick 2681

Chère amie Madame

Получил сейчас Ваше письмо. Что с Вами, т. е. в смысле нездоровья? Сердце, по ночам трепыхающееся, это ничего – «невроз». Первый признак больного сердца – трудно дышать, я это выучил от всех докторов. И вообще, я как-то «не вижу» Вас больной. Вы мне писали об этом и до Пасхи, а я Вас нашел цветущей. «Что ты делаешь? Цвела». Вот и Вы. Значит, будем надеяться, что пустяки.

То, что Вы пишете об Ульянове¹, меня ничуть не удивило. Оттого я дал себе зарок ни в каких склоках не участвовать, ни в какой форме. Сейчас же поднимается столько мерзости и злобы, что становится тошно. Всем «о душе» пора подумать, а вместо этого вся эта чушь. Это действительно «разложение эмиграции», старческое ее состояние, как в домах, где старички все ругаются. Я это почувствовал даже, когда мы сидели в *café* на rue Vaugirard: какая-то скрытая, но готовая прорваться пена злобы и всего прочего. А надо, как советовал Блок, «тихо жить и тихо думать». И есть о чем. Вот я любил за это Алданова². Не знаю, что у него было внутри, но при встречах – ничего, кроме хорошего, всегда, не так, как бедная Ninon³: «он о вас сказал то-то...». Chère madame, не путайтесь в эти дела и споры, – или иначе, без личностей. У Вас был в статье⁴, по-моему, неправильный тон, и я Вам об этом говорил: *infaillible*⁵, будто римский папа. Это должны другие о человеке думать, но не он сам. «Сомнение в себе – начало мудрости»⁶. Если Вы будете продолжать, на Вас и будет литься та дрянь, что в других людях таится. А Вы – лилия, роза, мимоза, не для этого созданы, слишком чувствительны, и вообще, не стоит Вам до всего этого опускаться. Ну, довольно, «если надо объяснять...»⁷ Наш мир, правда, «страшный», как говорил Ваш Терапиано⁸, и надо или быть зверем (или червяком), или понять, что дожить жизнь надо иначе. Кстати, что все-таки о Вас написал Ульянов? Он резок и по статьям тайно-хамоват, т. е. из тех, которых только «тронь-тронь, так увидишь». Я его лично, впрочем, не знаю.

Voilà. Не примите за наставление, а если и наставление, то из желания добра и по праву старости. Вот, Вы чем-то были как будто недовольны (мною) в последний приезд. М<ожет> б<ыть>, и были поводы, но чушь, вроде завтрака у <Микея?>. Но могу себя процитировать: «но я Вам обещаю – никогда»⁹, т. е. никогда в делах важных Вы не увидите от меня ничего, кроме хорошего. У Вас, верно, тоже такое чувство, надеюсь, по крайней мере. Но Вы и *mobile comme l'onde*¹⁰, и, в сущности, самый «эгоцентричный» человек из всех, считая это при том нормальным состоянием. *On est comme on est*¹¹, а у Вас есть и очень много другого. Целую ручки и штучки, шлю самые дружеские уверения и чувства.

Ваш Г.А.

На бланке University of Manchester.

¹ Ульянов Николай Иванович (1904 или 1905 – 1985) – историк, публицист, литературный критик. Осенью 1943 отправлен в Германию в рабочие лагеря, после войны жил под Мюнхеном, с 1947 – в Марокко (Касабланка), с 1953 – в Канаде, преподавал в Монреальском университете; с 1955 – в США, преподавал русскую историю в Йельском университете (1956–1972).

² Алданов Марк Александрович (наст. фам. Ландау; 1886–1957) – прозаик, публицист, литературный критик, драматург, литературовед, историк. В эмиграции с 1919. В 1940 переехал в США. В 1942 совместно с М.О.Цетлиным основал «Новый журнал».

³ Н.А.Вольская.

⁴ Имеется в виду статья Одоевцевой «В защиту поэзии» (Русская мысль. 1959. №1341, 12 марта. С.2-3), в которой поэтесса полемизировала со статьей Ульянова «Десять лет» (Новое русское слово. 1958. №16705, 14 декабря. С.2; №16708, 17 декабря. С.2; №16709, 18 декабря. С.2). Острая, провоцирующая статья Ульянова, касающаяся проблем новоэмигрантской литературы (творчества «ди-пи»), а шире – взаимоотношений старой и новой эмиграции, вызвала бурную полемику в эмигрантской прессе, и статья Одоевцевой была одним из многочисленных откликов на выступление Ульянова. Ажиотаж, вызванный статьей Ульянова, был столь велик, что она после публикации в декабрьских номерах «Нового русского слова» была полностью перепечатана в Париже (Русская мысль. 1959. №1328, 10 февраля. С.4-5; №1330, 14 февраля. С.4-5; №1331, 17 февраля. С.4-5).

⁵ непогрешимо (*франц.*). Имеется в виду догмат о непогрешимости Папы Римского.

⁶ От французской поговорки «*Le doute est le commencement de la sagesse*» («Сомнение – начало мудрости»).

⁷ «Если надо объяснять, то не надо объяснять» – излюбленное выражение многих эмигрантов из литературных кругов – несколько измененный афоризм из книги Г.А.Ландау «Эпиграфы», который у него звучит как: «Если близкому человеку надо объяснять, то не надо объяснять» (Берлин: Слово, 1927).

⁸ Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) – поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, мемуарист. В эмиграции с 1920. Терапиано посвятил несколько статей творчеству Одоевцевой, в которых он всегда высоко отзывался о ее стихах. Он жил в том же Русском доме в Ганьи, куда переселилась Одоевцева после смерти Г.Иванова. Как известно из мемуаров Одоевцевой, вскоре после ее переезда в Ганьи между нею и Терапиано завязалась тесная дружба, продолжавшаяся до самой его смерти (см.: *Одоевцева И. Избранное: Стихотворения; На берегах Невы; На берегах Сены / Сост., подгот. текста, вступит. ст. Е.В.Витковского; Послесл. А.П.Колоницкой. М.: Согласие, 1998. С.932-944.*) Об их дружбе свидетельствуют также и письма Терапиано Маркову, в которых Одоевцева неоднократно упоминается (см.: *Минувшее. Вып.24. С.240-378*).

⁹ Строка из стихотворения Адамовича «Бегут, как волны, быстрые года...» (1915).

¹⁰ «Изменчивая, как волна» (*франц.*). У Одоевцевой в стихотворении «О жизни, что прошла давно» (1953) есть строка «Изменчивее, чем волна». У Ф.И.Тютчева, которого И.Одоевцева иногда цитирует в своем творчестве, это распространенное французское выражение взято эпиграфом к стихотворению «Ты волна моя морская» (1852).

¹¹ Мы такие, какие есть (*франц.*).

11

3, Scarsdale Road
Victoria Park
Manchester
16/V <19>59

Дорогой друг chère Madame

Я сейчас вернулся в Манчестер, был два дня в Leeds для экзаменов. Надеюсь, Вы получили два моих коротких письма, второе отмену первого. Нашел на столе Ваше письмо, чтобы я написал Вейнбауму¹ или Полякову об Ульянове, и уже думал, как и что написать (Полякову, не Вейнбауму, кот<орому> писать не хочу), но тут же другое известие, – что статья Ульянова уже в «Н<овом> Р<усском> С<лове>» появилась²!

Дорогая душа, не расстраивайтесь и, так сказать, плюньте. Не стоит. Все это такая чепуха, что тошно о ней думать. Главное – газета живет один день; и в общей грызне и шпильках завтра никто не будет помнить, что кто написал. Ради Бога, только не отвечайте. Я Ульянова не читал, но та фраза, которую Вы мне привели (о белье), действительно чудовишна. Но она обратится против него, а не против Вас. Не знаю, как мне Вас убедить, чтобы Вы не совались во всю эту мерзкую кухню, забыли бы о ней, и, как бывало при Буренине³ (кот<орый> именно о чьем-то белье писал), люди брезгливые мыли руки, прочитав такие фельетоны⁴. Мне только жаль, что Вы из-за

этого волнуетесь, а Вам это вредно, если у Вас не в порядке сердце. Если бы Вы прочли (м<ожет> б<ыть>, читали?), что обо мне написал Роголя-Левицкий в «Возрождении»⁵, то Ульянов рядом – розы и Убиган⁶. А с меня – как с гуся вода, честное слово. М<ожет> б<ыть>, это у меня – общее равнодушие, «великая сушь», не знаю, но все-таки волноваться не стоит. Я во всяком случае Полякову напишу (когда получу статью), выражу изумление и все такое. А кроме того, как-нибудь (летом) сочиню статью о поэзии с указанием, какая Вы гениальная поэтесса. Ну, а как вечер?⁷ Я не хочу Вас разочаровывать, но сейчас у меня сомнения: удастся ли он финансово? Конец сезона, на Зайцева⁸ все дамы и патронессы истратили энергию. Поезжайте непременно в Нуёges. Вот, что я хочу Вам сказать: если у Вас не будет денег достаточно, я Вам оплачу дорогу aller-retour (есть billet-touristiques⁹, годные 2 месяца – с большой скидкой). А там проживете, сколько можете, даже если недолго, то лучше, чем ничего.

Целую Вас и шлю всякие чувства.

Ваш Г.А.

¹ Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) – журналист, публицист, мемуарист. В 1913 эмигрировал в США. В 1922–1973 главный редактор газеты «Новое русское слово».

² Статья Ульянова, о которой идет речь, вышла в «Новом русском слове» 10 мая 1959 (№16852. С.2, 5), называлась она «Когда защищают поэзию» и была написана в ответ на статью Одоевцевой «В защиту поэзии».

³ Буренин Виктор Петрович (1841–1926) – литературный и театральный критик, поэт. Критические статьи Буренина отличались грубым, бесцеремонным и неприличным тоном.

⁴ В статье «Три литературы» (Русская мысль. 1959. №1378, 6 июня. С.4-5), продолжающей полемику с Ульяновым, Юрий Терапиано в сходных с Адамовичем выражениях высказывается по поводу ответа Ульянова Одоевцевой: «...вообще не следует позволять себе таких выражений, как, например, “нечистые ризы”, “совлечение покровов” и пр. из реквизита буренинских времен, которые употребляет Ульянов в своем ответе “Когда защищают поэзию” <...> – грубость всегда отвратительна, и к тому же она прежде всего, как бумеранг, возвращается на ее автора» (с.5).

⁵ Речь идет о статье Ю.Роголя-Левицкого «Горе-авторы нашего зарубежья» (Возрождение. 1953. №30. С.174-186), в которой Адамович характеризуется как «фельетонист» и «средней руки поэт» и обвиняется как беспринципный литературный критик.

⁶ Имеются в виду духи парфюмерной фирмы «Убиган» (Hubigant).

⁷ Речь идет о предстоящем вечере И.Одоевцевой, который состоялся через месяц, 27 июня 1959 в зале Российского музыкального общества за границей (РМОЗ) (26, avenue de New York). Адамович принимал участие в этом вечере и произнес вступительное слово.

⁸ Зайцев Борис Константинович (1881–1972) – прозаик, публицист, переводчик, литературовед, мемуарист. В эмиграции с 1922. С 1945 – председатель парижского Союза писателей и журналистов. Адамович имеет в виду организованный Союзом русских писателей и журналистов вечер Зайцева, который состоялся 12 апреля 1959 в зале РМОЗ.

⁹ туристические билеты (франц.).

12

8/XI-<19>59
104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогая Madame, получил Ваше письмо, но был все время столь обременен делами, что только сегодня отвечаю. Впрочем, Вы ответили мне через две недели!

Письмо Ваше взволнованное из-за Покровского и всего прочего. *Chère amie Madame*, ну стоит ли из-за этого портить себе кровь? Вы меня слегка попрекаете, что я за старого подлеца заступался. Я и теперь готов заступиться. Ведь он неистовствует из-за любви и ревности, – что же с него взять! Извольте помнить, Отелло даже задушил свою любовь, а винить его трудно. Вот так же и Покровский. Но что все его мучения из-за толстого прокурора с животом, довольно комично. Добро бы был какой-нибудь юный красавец! Ну, оставим это. Вы – человек отходчивый, и я надеюсь, что все опять придет в норму, с красным винцом по вечерам, и что расходы в 50 тысяч достигнут ста.

Статью Вашу о <б> Азефе¹ я, конечно, прочел. *C'est très*² Одоевцева, и в этом – признак таланта: узнаешь с первого слова (Готье писал о Бодлере, что на каждой его строке, вернее – после, стоят инициалы С.В.) Но разрешите, Madame, дать Вам маленький совет в качестве опытного старца: не впадайте чересчур, а главное впоследствии, в жанр Померанцева – не ссылайтесь на Гегелей, говоря о Гулях. Еще мелочь: не употребляйте «безусловно» в смысле «беспорно». Это постоянно делают теперь, особенно в советск<ой> печати,³ и это придает языку какой-то жаргонный склад. Я думаю, что Гуль³ будет доволен, но не уверен: в конце Вы не удержались и шпильки подсунули, и совершенно правильно⁴! Но он, кажется, считает себя великим стилистом.

Как Ваши дела и все вообще? Да, пожалуйста, не вздумайте вернуть Лит<ературному> Фонду их доллары! Вейнбаум обидится на смерть, ведь фонд это он, а *qui sait*⁵, он может еще Вам пригодиться. На днях я прочел «Лолиту»⁶. Столь же талантливо, сколь и противно, и вовсе не из-за девочки, а вообще, во всем. Но у него в одном пальце больше *savoir faire*⁷, чем у Пастернака⁸.

До свидания, chérie. Поступайте хорошо, не ссорьтесь с людьми и прощайте слишком пылких и слишком седовласых поклонников. Тер-Погосян⁹ я писать о том прокуроре не хочу, но увижу его в декабре и постараюсь словечко замолвить, хотя он говорит, что переводы вообще трудны. У меня crayon à bille¹⁰, оттого почерк такой, а stylo¹¹ высохло.

Ваш Г.А.

¹ Имеется в виду рецензия И.Одоевцевой (Русская мысль. 1959. №1441, 31 октября. С.4-5) на исторический роман Р.Гуля «Азеф» (Нью-Йорк: Мост, 1959).

² Здесь: это очень в стиле Одоевцевой (*франц.*).

³ Гуль Роман Борисович (1896–1986) – прозаик, литературный критик, киносценарист, историк, мемуарист. В эмиграции с 1918. С 1950 жил в США. С 1952 – ближайший сотрудник, а с 1959 – редактор «Нового журнала».

⁴ В письме от 21 февраля 1960 Одоевцева сообщила Маркову, что Гуль остался недоволен ее статьей: «...не того ждал. Но я не Завалишин и Ульянов – подхалимажем не занимаюсь. И так меня многие осуждали за чрезмерные похвалы. Но насчет ужасного стиля я не могла промолчать. И это его обидело. Ведь он сам выбрал меня в восхвалительницу – и оказалось, напрасно» (In memoiam. С.472).

⁵ как знать (*франц.*).

⁶ В это время только что вышло первое английское издание романа В.В.Набокова (1899–1977) «Лолита» (London: Weidenfeld and Nicolson, 1959).

⁷ мастерства (*франц.*).

⁸ Подобную же мысль Адамович высказывает и Ю.Иваску: «Не люблю Набокова, но, конечно, он удивительный мастер, рассказчик – нельзя сравнивать его романы с Доктором Живаго – произведением слабым, хотя и очень значительным» (*Иваск Ю.* Разговоры с Адамовичем: 1958–1971 // Новый журнал. 1979. №134. С.98).

⁹ Тер-Погосян Михаил Матвеевич (1890–1967) – масон, общественный деятель, занимался усовершенствованием русского старческого дома в Ганьи.

¹⁰ шариковая ручка (*франц.*).

¹¹ авторучка (*франц.*).

Дорогая Madame

Получил Ваше письмецо несколько дней назад, а отвечаю кратко, ибо надеюсь вскоре на личную встречу и литературный обмен мнений au cours d'un diner intime¹.

Конечно, я все Ваше читал. Но комментарии – устно. Из стихов, представьте, мне особенно по душе третья², но, думаю, Вы не со-

гласны (только мне не совсем нравится «вдыхает в облаке сора»³). Водову я не писал, но скажу то, что Вы просите, как бы мимоходом, в разговоре. А Тер-Погосяну писал, и даже дважды о Сысоеве упомянул. Но будет ли результат? Они в этих делах упорны и несговорчивы, неизвестно почему.

Значит, до свидания – недели через две или вроде. Читали Вы статью некоего Левина о Есенине?⁴ <...>⁵, а оказывается, статья была принесена Маковским⁶! О Прегельше Вы написали хорошо⁷, и, верно, она довольна. Как говорил Пушкин, литература пройдет, а дружба останется.

Ваш Г.А.

¹ за дружеским обедом (*франц.*).

² Речь идет о стихотворениях Одоевцевой «Бессонница», «Человек человеку бревно...» и «Ни спора с судьбой. Ни укора...», которые были опубликованы в сентябрьском номере «Нового журнала» за 1959 (№58. С.107-108).

³ Вняв критике Адамовича, Одоевцева в стихотворении «Ни спора с судьбой. Ни укора...» изменила эту строку на «Вздыхает облаком сора» (*Одоевцева И. Десять лет: Стихи. Париж: Рифма, 1961. С.55*).

⁴ Левин Вениамин Михайлович (1892–1953) – поэт, литературный критик, мемуарист. В 1922 эмигрировал через Китай в США. Статья Левина «Большевицкий поэт товарищ Есенин» была опубликована в «Русской мысли» (1960. №1487, 1488, 16 и 18 февраля. С.6-7).

⁵ Несколько слов в тексте размыты.

⁶ Похоже, что Маковский действительно был причастен к публикации этой статьи. Несколько позже была опубликована его статья «Есенин в Америке», рассказывающая о Левине и его дружбе с Есениным (*Русская мысль. 1960. №1494, 1496, 3 и 8 марта. С.6-7*).

⁷ Имеется в виду рецензия Одоевцевой (*Русская мысль. 1960. №1490, 23 февраля. С.6-7*) на сборник Софии Прегель «Встреча: Пятая книга стихов» (Париж: Новоселье, 1958).

Дорогой друг Madame

Comment cela va?¹ Как здоровье и планы? Я вернулся в Ниццу вчера (вернее, не вернулся, а приехал) после Венеции, Флоренции и Рима. Все было интересно, венецианский «конгресс»² был пышен до крайности, но я устал от него и от обозревания красот так, что те-

перь буду лежать дня три. Остаюсь, впрочем, при своем мнении, что очаровательнее Венеции нет, вероятно, ничего на свете. А во Флоренции ночью, в виде самой большой достопримечательности, налетел на Берберову¹!

В Венеции была советская делегация, и в ней – проф<ессор> Гудзий⁴, тамошняя знаменитость и душка (правда), помешанный на поэзии. Знает все и всех, а когда я назвал Ваше имя, сказал: «Ну, как же – “Двор чудес”⁵! Где она и что она?» Я Вас описал, как мог.

Напишите мне, пожалуйста, сюда. Я беру слова свои обратно, что в Италии дешево: нет, все дорого очень. Это я пишу, ежели бы Вы туда собрались. Говорят, Швейцария дешево, но не ручаюсь. И всюду было серо, а в Ницце как полагается – жара и солнце.

Рассказывали ли Вы уже в машину Иваска⁶? Буду ждать письмеца, пожалуйста, – и шлю всякие чувства и пожелания. Выходит ли что-нибудь с Сысоевым⁷?

Ваш Г.А.

¹ Как дела? (*франц.*).

² Имеется в виду международный конгресс, посвященный 50-летию кончины Л.Н.Толстого, проходивший в Венеции с 29 июня по 2 июля 1960. Среди отзывов об этом конгрессе, опубликованных в «Русской мысли», была также и статья Адамовича (1960. №1566, 18 августа. С.4-5).

³ Берберова Нина Николаевна (1901–1993) – прозаик, поэтесса, литературный критик, мемуарист. Гражданская жена В.Ф.Ходасевича в 1922–1932. В эмиграции с 1922. С 1950 жила в США, в 1956–1963 преподавала русскую литературу в Йельском университете.

⁴ Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965) – литературовед, академик АН УССР (1945), профессор Московского университета (с 1922). Руководил Отделом древнерусской литературы в Институте мировой литературы им. А.М.Горького. Занимался творчеством Толстого и был одним из редакторов 90-томного собрания сочинений Л.Н.Толстого.

⁵ «Двор чудес» (Пг.: Мысль, 1922) – первая книга стихов Одоевцевой.

⁶ Иваск Юрий Павлович (1907–1986) – поэт, критик, литературовед. С 1949 жил в США. С 1954, после окончания аспирантуры в Гарвардском университете, преподавал в различных американских университетах. Летом 1960 Иваск собирал материалы по акмеизму и записывал на магнитофон воспоминания современников, в том числе и Адамовича. См., например: Диаспора. Т.2. С.674, 676. См. также публикацию по материалам из архива Ю.Иваска в Амхерсте: Проект «акмеизм» / Вступит. статья, подгот. текста и коммент. Н.А.Богомолова // Новое литературное обозрение. 2002. №58(6). С.140–180.

⁷ Неустановленное лицо.

Nice
13/VII-1960

Дорогая Madame

Par le même courrier¹ пишу Полякову. Но не ручаюсь за результат, т. к. Вейнбаум считает, что бранить можно кого угодно, включая его самого. Надеюсь, все-таки Поляков его урезонит². А в сущности, это – «механика славы», и хотя я понимаю, что брань или шпильки на Вас действуют, со стороны я считаю, что и брань на пользу. В особенности, когда это спор: одни – за, другие – против.

Кстати, мне нужны бы Ваши стихи для освежения памяти – в виду статьи в «Н<овый> Ж<урнал>»³. Вы обещали кое-что прислать. Конечно, я Ваше творчество помню, но все-таки. Статью нужно послать в августе, до 15-го.

Здесь на днях должен быть Ермолов⁴, т. е. в Ментоне, но я его увижу. Я ему расскажу о Покровском, который его боится как огня по масонской линии. Тот его уже один раз страшал и пугал всякими репрессиями.

До свидания, chérie. Не унывайте, не скучайте, не болейте. Все вас любят и удерживают Вас на земле⁵.

Ваш Г.А.

¹ этой же почтой (франц.).

² Письмо Адамовича А.А.Полякову связано с публикацией в «Новом русском слове» очерковой направленной против Одоевцевой статьи Сергея Рафальского. Довольно грубая статья Рафальского под названием «Кукушка и петух» (1960. №17286, 7 июля. С.3) была ответом на письмо Владимира Маркова «О критических приемах Сергея Рафальского», напечатанное в «Новом русском слове» 15 мая 1960 (№17223. С.8). По мнению Маркова, в статье Рафальского «Последняя и первая» (Новое русское слово. 1960. №17146, 28 февраля. С.8) Одоевцева «подвергается нападкам несправедливым, жестоким, глупым и безвкусным». Статьи Рафальского против Одоевцевой являются прямым продолжением спора между Ульяновым и Одоевцевой, вызванного статьей Ульянова «Десять лет» (см. примеч. к письму 10 от 8 мая 1959). О статьях Рафальского и Одоевцевой также см.: Диаспора. Т.2. С.672-676. Рафальский Сергей Милич (Милиевич; 1896–1981) – поэт, прозаик, публицист, журналист, мемуарист. Жил в Париже с 1929.

³ Адамович в это время писал статью «Наши поэты II. Ирина Одоевцева», которая затем была опубликована в сентябрьском номере «Нового журнала» за 1960 (№61. С.147-153).

⁴ Ермолов Дмитрий Николаевич (1884–1963) – промышленник, масон; после революции в эмиграции в Константинополе, затем в Софии, с 1931 – в Париже. С 1923 представитель Американского комитета профессора Уитмора (Whittmore), оказывавшего помощь русским студентам.

⁵ Ср. в стихотворении Одоевцевой «Вам надо уехать в Египет...» (1949): «← О, любите меня, любите, / Удержите меня на земле».

16

30 Denison Road
Victoria Park
Manchester

Chère amie Madam<e>

Как Вы живете? Как здоровье и все прочее? Пожалуйста, напишите. Приехал ли Сысоев, и как все обстоит? Я здесь уже больше двух недель. Все то же – и я почти окончательно решил, что это здесь мой последний год, если вообще буду жив. Посылаю un petit chèque 5000 fr.¹ на духи или ботийоны², т. к. пришло извещение о моей пенсии, и, значит, в банке есть кое-какие деньги. Получили ли Вы уже «Н<овый> Журнал»? Кажется, он вышел, но у меня его нет. Гуль пишет мне, что «редко какая статья так удавалась Вам»³, – но будете ли Вы согласны?? А Водов пишет, что «мы с Одоевцевой опять друзья», чему я очень рад. Буду ждать письмеца и надеюсь, все у Вас благополучно.

Ваш Г.А

30/ X-1960

¹ небольшой чек на 5000 франков (*франц.*).

² от bottillon (*франц.*) – ботиночки.

³ Имеется в виду статья Г.Адамовича «Наши поэты II. Ирина Одоевцева» (Новый журнал. 1960. №61).

17

Manchester
10/XI-1960

Дорогой друг Madame

Получил Ваше письмецо и очень рад, что статья о жасмине¹ Вам по вкусу. Я не был уверен, зная, что Вы mobile comme l'onde, а единственное мое и всегдашнее желание – доставить Вам удовольствие. Если же бывает другое, то, очевидно, по глупости (моей). Как с семгой².

Я спешу, обременен делами, но хочу добавить два слова о Тезее, ежели Вы собираетесь эти стихи печатать. Не упустили ли Вы из виду, что Тезей – лицо мифическое, никогда не существовавшее, муж Федры, и никаких изречений он произносить не мог. М<ожет> б<ыть>, это у Вас – сюрреализм (едва ли), а если нет, то легко изменить, хотя «друзей» и исчезнет. Говорил – Эсхил, Эврипид – обид – и так далее. К Сократу пара найдется.³

Пока все. Целую ручки и штучки, желаю чего нужно.

Ваш Г.А.

О Ремизове Вы написали очень хорошо, и Кодрянская, наверно, довольна.⁴

¹ Статья Адамовича начиналась словами: «Ей было “восемнадцать жасминовых лет”, когда я ее впервые увидел...» (Адамович Г. Наши поэты II. Ирина Одоевцева. С.147).

² Эпизод с семьей описан в воспоминаниях Одоевцевой «На берегах Сены» (Одоевцева И. Избранное. С.703-704).

³ Возможно, речь идет о стихотворении Одоевцевой «Сияли фонари. Текла спокойно Сена...» (впервые опубликовано: Мосты. 1961. №6. С.67). Тезей в нем нет, но упоминаются Сократ и Эсхил, причем последний с рифмой, предложенной Адамовичем: «Сократ когда-то говорил / (Сократ? А может быть, Эсхил?)». Отсутствие же Тезея в стихотворении можно объяснить критикой Адамовича.

⁴ Имеется в виду статья И.Одоевцевой: «О “Ремизове” Наталии Кодрянской» (Новый журнал. 1960. №61. С.296-302). Кодрянская Наталья Владимировна (1901–1983) – детская писательница, мемуаристка, близкий друг А.М.Ремизова (1877–1957). Книга Кодрянской «Алексей Ремизов» вышла в 1959 в Париже.

18

4, av. Emilia
c/o Heyligers
Nice
22/VII-<19> 61

Дорогая Madame, chère amie

Спасибо за милое письмо. Что это у Вас с ушами – и отчего? То есть в ушах ли дело, или причина общая?

Стихов Ваших в «Н<овом> Ж<урнале>», увы! не читал, ибо не имею журнала. Я написал в Манчестер, чтобы его переслали, но думаю, что моя хозяйка в отсутствии.

А вот у меня какая история, весьма печальная, и даже больше: три дня назад, когда я безмятежно гулял по набережной, поздно вечером, ко мне через окно забрались вору. Все выпотрошили, взрезали чемоданы и унесли все мои вакансные капиталы, в том числе английские чеки, которые я только что получил.

У меня в кармане – 3 тысячи франков. Тут я, конечно, займу, не в этом дело, но все-таки это une sale histoire¹, во всех смыслах. В полицию я заявил той же ночью, но толку пока мало, да и едва ли будет. Кто, что? Ничего неизвестно.

Видите, что бывает в жизни! Ну, не стоит об этом распространяться.

Целую, обнимаю, желаю всего. До свидания! Вероятно, из-за этой кражи я вернусь раньше, чем думал, но пока я тут остаюсь.

Ваш Г.А.

¹ скверная история (франц).

Nice

27 июля 1961

Chère amie Madame

Не успел ответить на одно Ваше письмо, получил второе. Спасибо за сочувствие в краже. Чеки обещают вернуть, если они не были еще использованы (т. е. Англия обещает). Но когда, когда? Лето мое вконец испорчено, и даже осень, т. к. это были деньги «на потом», ввиду отказа от Манчестера. Ну, passons¹.

Меня беспокоят и огорчают Ваши уши. Что это – отит? И в чем дело, именно в ушах или в чем-либо общем? Неточка мне когда-то рекомендовала будто бы чудного русского ушного доктора. Справьтесь у нее (если она вернулась). М<ожет> б<ыть>, он с Вас и денег не возьмет. Да, о деньгах. У меня есть чек от Альперина² на 5 тысяч, но на мое имя. Не будь кражи, я, конечно, Вам эти 5 т<ысяч> сразу послал бы, но теперь затрудняюсь. Если Вам нужно, я все-таки пошлю, а если нет, подождите, пока я вернусь. Чек не barré³, парижский, на меня. Я его за Вас благодарил.

Теперь о литературе. Статьи Mr. Рафальского⁴ я не читал, т. к. «Н<овое> Р<усское> Сл<ово>» получает за меня Кантор⁵ и мне пересылает. А сейчас К<антор> на вакансах. Если это что-нибудь стоящее, пришлите мне ее. Он нахал большой, и я могу написать о нем два слова Полякову и Вейнбауму. Хотя у В<ейнбаума> принцип печатать все, и я даже написал об этом, когда был его юбилей, на что он мне ответил оправдательным письмом. Отвечать Рафальскому я не буду ни в коем случае, но все собираюсь ответить Валентинову⁶ по поводу Блока и, м<ожет> б<ыть>, как-нибудь намекну и на него. Впрочем, все это суета сует, а я думаю о вечности.

Еще больше суета, Madame, то, что Вы пишете мне о «Мостах», Чиннове⁷, Бахрахе⁸ и себе. «Будто меня развенчали!» Кто Вас развенчал? Бахрах написал без излияний, но хвалебно, а то, что Вейдле⁹ превознес Чиннова, к Вам отношения не имеет¹⁰. Думаю, что Вы все это написали мне «в нервах», из-за ушей и прочего, – правда? Кстати, Р<афальский> изничтожил (по Вашим словам) Чиннова, а Вейдле расхвалил, – et après?¹¹ 10 человек читает, а из них 9½ сейчас же все забывает. И вообще, у Вас слава достаточно прочная, чтобы Вам смотреть, кто что говорит.

Вот напишите Маркову (не от меня, конечно, а от себя), что он напрасно объединяется с хамами. Его шпильки мне – это мне все равно, совсем, но его очень похвалил Слоним¹² за то, что он Фета поставил выше Анненского и все другое¹³. Слоним лично не хам, но это хамская линия в литературе, и если он находит, что Фет лучше Анненского, то он болван и не смыслит ни бэ ни мэ, и во всяком

случае il n'est pas de la maison¹⁴. А меня Иваск (и Вы) упрекали именно за то, что я обидел «нашего».

До свидания, Madame chérie. Пишите мне об ушах, как и что. Ввиду кражи я вдвойне дурак, что ушел из Манчестера¹⁵. Не миновать мне быть пенсионером, а душа моя ищет забвения, роскоши и страсти.

Ваш Г.А.

¹ оставим (*франц.*).

² Альперин Абрам Самойлович (1881–1968) – юрист, общественный деятель, предприниматель. С 1919 в эмиграции в Париже. Во время войны помогал укрывать евреев. Был членом «группы Маклакова». 12 февраля 1945 в числе других членов «группы» и во главе с Маклаковым посетил советское посольство в Париже. Председатель ОРТа. Председатель учрежденного 24 марта 1945 Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией. Один из создателей (1946) и председатель (с 1947) Общества помощи русско-еврейской интеллигенции им. Тейтеля (Тейтелевского комитета).

³ не кроссирован (*франц.*). В отличие от кроссированного чека, который подлежит обналичиванию только через личный счет предьявителя, некроссированный чек имеет больше возможностей.

⁴ Вероятно, речь идет о статье Рафальского «Кстати и некстати» (Новое русское слово. 1961. №17639, 25 июня. С.2), в которой автор между прочим задевает Г.Иванова и его «наследников».

⁵ Кантор Михаил Львович (1884–1970) – поэт, литературный критик, юрист. С 1923 жил в Париже, секретарь редакции газеты «Звено» (1923–1926). Редактор журнала «Звено» (1927–1928), вместе с Адамовичем редактировал журнал «Встречи» (1934). Совместно с Г.В.Адамовичем составлял антологию «Якорь» (1936).

⁶ Валентинов Н. (наст. имя Николай Владиславович Вольский; 1879–1964) – журналист, историк, экономист, социолог, публицист, мемуарист. Вероятно, Адамович собирался ответить на статью Валентинова «Чревоушательная невнятица» (Новое русское слово. 1961. №17618, 4 июня. С.2; №17619, 5 июня. С.2-3; №17620, 6 июня. С.2-3). Известно, что Валентинов ранее пытался опубликовать эти воспоминания о Блоке, полные резко отрицательных оценок, в «Новом журнале», однако редактор М.М.Карпович отказался их печатать. Этот текст вошел первой главой в книгу Валентинова «Два года с символистами» (Stanford, 1969).

⁷ Чиннов Игорь Владимирович (1909–1996) – поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, мемуарист.

⁸ Бахрах Александр Васильевич (1902–1985) – литературный критик, журналист, мемуарист. В 1950–1960-х Бахрах проживал в Мюнхене и возглавлял русский литературный отдел радиостанции «Свобода».

⁹ Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979) – литературный и художественный критик, поэт, мемуарист.

¹⁰ Речь идет о двух статьях, опубликованных в «Мостах» за 1961 (№7): статья Вейдле «О поэтах и поэзии», третья часть которой посвящена сбор-

нику Игоря Чиннова «Линии: Вторая книга стихов» (Париж: Рифма, 1960), и рецензия Бахраха на сборник И.Одоевцевой «Десять лет» (Париж: Рифма, 1961).

¹¹ что дальше? (франц.)

¹² Слоним Марк Львович (1894–1976) – литературный критик, публицист, мемуарист.

¹³ В статье «О свободе в поэзии» (Воздушные пути. 1961. №2. С.215–239) Марков выделяет Пушкина, Фета и Кузмина как самых свободных поэтов в русской литературе и ставит в вину эмигрантской критике (в основном в лице Адамовича) непонимание и забвение двух последних.

¹⁴ Здесь: он не наш человек (франц.). Это французское выражение, как и его положительная форма «il est de la maison», весьма характерно для Адамовича. Показателен в этом отношении, например, эпизод из «Разговоров с Адамовичем» Юрия Иваска, где автор вспоминает о том, как Адамович причислил его к «своим»: «...он сказал мне: – А вы ведь de la maison! Это означало – свой или наш человек в его Петербурге, перенесенном в Париже». Для Иваска причисление его к «дому Адамовича» было чрезвычайно лестно, тем более что «Г<еоргий> В<икторович> включал в свой дом далеко не всех петербуржцев» (Иваск Ю. Разговоры с Адамовичем: 1958–1971 // Новый журнал. 1979. №134. С.98). Вообще разделение на «наш» и «не наш» довольно верно характеризует взаимоотношения в литературных кругах русской эмиграции, где, с одной стороны, едва ли не все были лично знакомы, а с другой – все или враждовали, или группировались друг с другом.

¹⁵ В 1961 Г.Адамович ушел из университета в Манчестере, где он преподавал русскую литературу с 1952.

20

4, av. Emilia
с/o Heyligers
Nice

13 авг<уста> 1961

Chère petite amie Madame

Я Вам не отвечал исключительно потому, что в Вашем прошлом письме было сказано: «Пишите мне в Люшон». А куда в Люшон и когда в Люшон, неизвестно¹. Письмо я сохранию в виде оправдательного документа. Но вы, как вижу, еще в Париже, еще Ваше мне непонятно, хоть и огорчительно очень. Так как это произошло внезапно, то, вероятно, это именно воспаление, а не нечто «органическое». И что такое Люшон? Зачем, если это оксидон²? Что доктора – идиоты, я знаю давно. Пойдите от двух знаменитостей к третьей, он Вам скажет совсем другое – et ainsi de suite³. По-моему, у Вас ½ – от слабости и нервности, хотя, конечно, не все от этого. Mais le terrain a été propice a n'importe quelle petite misère⁴. Мне очень понравилось, что в числе разных версий о моей краже, была и такая, что «м<ожет> б<ыть>», все выдумал». В виде Brigitte Bardot⁵, чтобы обо мне гово-

рили, или чтобы откуда-нибудь вытянуть деньги? Первая вероятнее, т. к. денег я ниоткуда не тянул, а справился в Ницце, хотя не без труда. Смоленский⁶, по Вашим словам, умирает. Действительно? Мне это говорили уже не раз, но при его болезни это более или менее неизбежно. А вот Конюс⁷ – неожиданность, у нее был цветущий вид еще зимой, и она была не старая совсем. Ах, Madame, «иных уж нет, а те...»⁸, – и это для меня всегда как две чашки весов, из коих одна («моя») все опускается ниже, а на другой почти никого и не остается. Мизантропии Вашей я, однако, не разделяю и очень советую, даже прошу, убеждаю, от нее избавиться. Конечно – и «бревно», и «подлецы», и т. д., но многое зависит от того, с чем мы к людям идем, а главное – «если питать орган недовольства, он вырастет, окрепнет и отравит нам жизнь». (Что-то такое, очень верное, говорил Гете Мюллеру¹⁰, т. е. что надо всякое недовольство душить и давить в корне.) Вот, философия, – но это, правда, верно, и надо это помнить не для бревен и подлецов, а для самих себя.

Я провожу время серо, отчасти из-за скудости средств. Но Ваши 5 т<ысяч> (от Альперина) вышлю по Вашему первому требованию, если Вам надо, и постараюсь еще найти какого-нибудь мецената. (Кстати, тут есть Столкин¹¹, мил<л>иардер, который встретил меня на утро моего грабежа и весьма участливо сказал: «Если Вам нужна 1000 фр<анков>, я к Вашим услугам!») Ваши стихи в Н<овом> Ж<урнале> очень оценил¹², правда, и сверх-дуру Берберову начал читать и бросил, – хотя стоило бы о ней написать серьезно, в ответ на весь ее профессорский вздор¹³.

До свидания, *bien chère amie*. Когда Люшон и как Люшон (в смысле денег)? Представьте, несмотря на финансовую ночь и неизвестность, я трепыхаю как птичка от радости, что осенью не должен ехать в Манчестер. Пишите об ухе и вообще. Даже с lamentациями, за которые Вы просите «простить», будто я грубая свинья, не понимающая одинокого женского сердца.

Ваш Г.А.

¹ Баньер-де-Люшон (Bagnères-de-Luchon) – известный своими минеральными источниками небольшой курортный город на юге Франции, на самой границе с Испанией. В сентябре–октябре 1961 Одоевцева находилась «в казенном госпитале в Luchon, где лечи<ла> уши и горло» (письмо Терапиано Маркову от 3 октября 1961 – Минувшее. Вып.24. С.357).

² Вероятно, от *accident* (франц.) – несчастный случай; случайность.

³ и так далее (франц.).

⁴ Но это благоприятная почва для всяких мелких неприятностей (франц.).

⁵ Брижит Бардо (наст. имя Камилла Жаваль; р.1934) – французская актриса.

⁶ Смоленский Владимир Алексеевич (1901–1961) – поэт, литературный критик, переводчик, мемуарист. Смоленский скончался 8 ноября от рака

горла. (О Смоленском, его последних днях и смерти см. письма Терапиано Маркову: Минувшее. Вып.24. С.345-346, 358-362.)

⁷ Конюс Татьяна Сергеевна (1907–1961) – дочь С.В.Рахманинова, умерла в конце июля.

⁸ Начало строки «Иных уж нет, а те далече» из «Евгения Онегина» (Гл. 8, LI).

⁹ Цитируемые слова восходят к выражениям А.Ремизова «Человек человеку бревно!» и «Человек человеку подлец!» из романа «Канава», в котором эти выражения повторяются несколько раз и в разных вариациях. (См.: Ремизов А.М. Избранные произведения. Л., 1991. С.494). У Одоевцевой есть стихотворение, которое открывается цитатой из Ремизова «Человек человеку бревно».

¹⁰ Мюллер Фридрих фон (Müller; 1779–1849) – канцлер, веймарский собеседник Гете.

¹¹ Столкин Абрам Яковлевич – эмигрант, американский миллионер. По состоянию здоровья поселился в Ницце, где был широко известен своей благотворительной деятельностью.

¹² Речь идет о стихах И.Одоевцевой «Уже не в Йере, а в Ганьи» и «За широкой, сквозной занавеской окна», напечатанных в июньском номере «Нового журнала» (1961. №64. С.69-71).

¹³ В этом же номере «Нового журнала» была опубликована статья Н.Берберовой «Великий век» (с.119-140), посвященная вопросам современной поэзии и модным западным литературным теориям. В своей отрицательной реакции на статью Берберовой Адамович был далеко не одинок. Статья эта, в которой безапелляционно-поучительным тоном в качестве новейших открытий в области литературной критики преподносились общеизвестные истины, вызвала недоумение и раздражение многих в литературных кругах эмиграции (подробнее об этом см.: Минувшее. Вып.24. С.356; In memoriam. С.497-498. Особенно интересны высказывания по этому поводу Г.Струве, которые приведены в комментариях к письмам Одоевцевой Маркову: Там же. С.498).

21

<конец ноября – начало декабря 1961>
Bal. 52-92

Дорогая Madame

Мне сейчас звонил Вьюбов: «Одоевцева больна, не будет, а я приготовил фиалки и чай!» Даже голос был взволнованный. Он немножко сумасшедший: в последний раз говорил «ну, что я могу сделать? ну, как мне эта история неприятна!» – а теперь опять, как при первом моем разговоре с ним, – *tout feu et flamme*¹. Пойди, разбери! Во всяком случае позвоните ему, когда поправитесь, раз он для Вас готовит фиалки.

Но что с Вами? Просто «не в себе», или правда больны?

Вот я болен. Сижу в черных очках, и от глаза болит голова. Конечно, я выхожу, но без удовольствия. А докторша назначила мне randevu на 12 декабря, раньше занята!

Засим, до свиданьица.

Следующая наша встреча, *comme convenu*², с обедом.

Позвоните, дабы условиться. Когда Терапиано напишет об Оцу-пе? О Смоленском написал, а Оцуп имеет приоритет (по-моему всяческий, хотя Вы, кажется, не согласны)³.

Ваш Г.А.

Датируется по содержанию (см. примеч. 3).

¹ весь огонь и пламя (*франц.*).

² как условлено (*франц.*).

³ Ю.Терапиано написал две статьи об Оцупе – «Н.А.Оцуп» (Русская мысль. 1959. №1372, 23 мая. С.4-5) и «“Жизнь и смерть”: стихи Николая Оцупа» (Там же. 1961. №1774, 16 декабря. С.6-7) и три статьи о Смоленском – «Новые стихи В.Смоленского» (Там же. 1960. №1471, 9 января. С.4-5); «Памяти Владимира Смоленского» (Там же. 1961. №1765, 25 ноября. С.6-7) и «Новые книги» (Там же. 1963. №1954, 9 февраля. С.6-7). Из содержания письма видно, что оно было написано за несколько дней до 12 декабря. Упрек Адамовича в адрес Терапиано («о Смоленском написал», а об Оцупе нет) мог быть вызван очередной публикацией Терапиано о Смоленском. Из трех статей Терапиано о Смоленском наиболее подходящей с этой точки зрения является его статья от 25 ноября 1961, поскольку по времени только она могла непосредственно предшествовать письму. Статья же Терапиано об Оцупе появилась лишь 16 декабря 1961, т. е. уже после письма Адамовича. На основании сказанного письмо датируется концом ноября – началом декабря 1961 (сообщено О.А.Коростелевым).

Nice
4, avenue Emilia
chez M. Heyligers
10 фев<аля> 1962

Дорогой друг Madame

Я прочел «На берегах Невы»¹ с удовольствием, вниманием и всякими другими чувствами того же рода. «Продолжайте, mademoiselle!»² Правда очень хорошо, Гумилев особенно. И о Ваших чувствах при лицезрении Ахматовой тоже. Я думаю, что Ваша книга – ежели книга будет! – останется надолго, как памятник и свидетельство среды, эпохи, правда, чуть-чуть сумасшедшей. Но это от Вас не зависит, в те годы все чуть-чуть сошли с ума, и мы с Вами в том числе.

Одно только замечание, мелкое, и разрешите старому стилисту к этому придраться. Не пишите «сумею», «смогу». В особенности – «сумею». У Вас, конечно, это употреблено логически-приемлемо: не

сумею сказать (можно и не уметь сказать). Но теперь говорят: «я не сумею Вам завтра позвонить», и это ужасная Одесса. «Смогу» тоже скверно. Всегда можно повернуть фразу так, чтобы обойтись без этих прелестей.

Как живется Вам, как можется?³ Мои дела сильно хуже, mais on garde bon espoir⁴. «Ницца – рай», как сказал Гоголь⁵, и это верно. Но одной погодой человек жить не может.

До свидания, chérie. Желая успеха на вечере Жоржа⁶. И вообще, т. е. не только на вечере.

Ваш Г.А.

¹ В «Русской мысли» от 6 и 8 февраля 1962 были опубликованы первые эпизоды из будущей книги «На берегах Невы» (№№1796, 1797).

² Словами «Продолжайте, mademoiselle!» Лев Троцкий приветствовал Ирину Одоевцеву в своей обзорной статье «Вне-октябрьская литература». Из довольно широкого круга поэтов и писателей, о которых идет речь в статье, лишь Одоевцева удостоилась похвалы Троцкого, все же остальные подверглись резкой критике (Правда. 1922. №210, 19 сентября; переизд.: *Троцкий Л.* Литература и революция. М.: Красная новь; Главлитпросвет, 1923). Слова Троцкого в адрес Одоевцевой, как и его «фельетон» о поэзии, упоминаются также и в статье Адамовича «Наши поэты II. Ирина Одоевцева» (см.: *Адамович Г.* Одиночество и свобода. С.341-342).

³ Неточная цитата из стихотворения Марины Цветаевой «Попытка ревности» (1924).

⁴ но я не теряю надежды (*франц.*).

⁵ Из письма Н.В.Гоголя В.А.Жуковскому от 2 декабря 1843: «Ницца – рай, солнце, как масло, ложится на всем, мотыльки, мухи в огромном количестве и воздух летний» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т.12: Письма 1842–1845. М.: Изд. АН СССР, 1952. С.238).

⁶ Вечер памяти Георгия Иванова состоялся 15 февраля в зале Русской Консерватории в Париже (26, avenue de New York, Paris, 16-е). Речь отсутствовавшего на вечере Г.Адамовича читал Ю.Терапиано.

23

<18 июня 1962 года>¹

Понедельник

Madame chérie

Невозможно в четверг: во-первых, будет забастовка, а во-вторых – доклад Зубова¹ у масонов, а я обещал ему быть и совсем забыл.

Предлагаю в субботу, т. е. 23-го, и не Covention², ибо я не уверен, что тот ресторан существует, а metro Cadet, где рядом «Сима». Кстати, Вам это и удобнее. Буду Вас ждать у кассы (надеюсь, она там одна!) в 7½ ч<асов> вечера.

Молчание – согласие.

Ваш.Г.А.

¹ Датируется по содержанию.

² Зубов Валентин Платонович, граф (1884–1969) – историк искусства, создатель и бессменный директор петербургского Института истории искусств (с 1912). С 1925 в эмиграции в Италии, затем Германии, Англии и Франции. Лектор, сотрудник «Русской мысли», мемуарист. Член правления Русской академической группы в США, член масонской ложи «Юпитер» с 1961. 21 июня 1962 В.П.Зубов выступил с докладом «Иоанн Креститель в истории, легенде и искусстве» на Совете объединения русских лож (8, rue Puteaux). Адамович в то время занимал пост оратора ложи «Юпитер».

³ Станция метро в Париже.

24

Nice
4, av. Emilia
chez Mme Heyligers
21/VII-1962

Дорогая Madame, прибыл в Ниццу после долгих и суетных блужданий по заграницам. В Мюнхене у Бахраха¹ тщетно ждал обещанного «скрипта» о Тэффи². Почему Вы его не прислали, – или, если прислали, то уже поздно, после моего отъезда оттуда? Бахрах настроен благожелательно, но одно дело – разговор личный, другое – когда он предоставлен сам себе и, comme on le dit³, в ус не дует. Знаете Вы его так же, как и я. Кстати, он очень одобрил тему о Тэффи, п<отому> что это связано с датой ее смерти и, значит, актуально. Но о другом – ничего определенного не знает и не говорит: все зависит от Вас и от присланных Вами статей.

Зато Лида Червинская⁴ сказала нечто определенное. Она заведует «женской страничкой» и раз в неделю должна составлять нечто, касающееся женских интересов, в частности о Париже. Она должна быть в Париже в октябре и хочет с Вами поговорить о сотрудничестве. Pourquoi⁵ В смысле напряжения мозгов это легче, чем о Сартре⁶, а деньги те же. У нее что-то делала Ваша подруга Вега⁷, но, кажется, исчезла.

Как Вы живете и вообще как все? Напишите, пожалуйста. Вот померла наша бедная «корова»⁸, Вы, верно, читали. Я как раз хочу написать о нем для Мюнхена, т. е. не о его философии, а как о типе французского интеллектуального jeune homme'a⁹.

Как протекают Ваши успехи в вихре Ганьеского света¹⁰? Целую ручки и штучки и желаю de tout соеиг¹¹ всего, что можно. В казино хожу только в приглядку, да и то с опаской, ибо ежели просажу то, что есть, надеяться больше не на что.

Ваш Г.А.

Если хотите Лиде предварительно написать, то ее адрес: Elisabethstrasse 40 München. Я думаю, что это было бы полезно, а

она – человек понимающий, и гордости с ней разводить не стоит, тем более что я о Вас с ней говорил. М<ожет> б<ыть> – до личной встречи с ней Вы могли бы что-нибудь для нее писать.

¹ В 1961–1967 Г.Адамович писал скрипты и время от времени выступал на радио «Свобода», где Бахрах руководил русским литературным отделом.

² Тэффи Н. (наст. имя Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая; 1872–1952) – прозаик, поэт, литературный критик, мемуаристка. Одоевцева все же написала статью, посвященную памяти Тэффи: *Одоевцева И.* Единственная неизменная // Русская мысль. 1962. №1921, 24 ноября. С.2-3.

³ как говорится (*франц.*).

⁴ Червинская Лидия Давидовна (1906–1988) – поэт, прозаик, литературный критик. В это время работала в русской редакции радио «Свобода».

⁵ Почему бы нет? (*франц.*).

⁶ Сартр Жан Поль (Sartre; 1905–1980) – французский философ, писатель, драматург, критик. В 1964 ему была присуждена Нобелевская премия, от которой он отказался из идейных соображений.

⁷ Мария Вега (урожд. Мария Николаевна Волынцева, по первому мужу Ланг, по второму – княгиня Нижерадзе; 1898–1980) – поэтесса. После революции в эмиграции во Франции. Вернулась в СССР летом 1975.

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ молодой человек (*франц.*).

¹⁰ Восходит к строке «Мои успехи в вихре света» из «Евгения Онегина» (гл. 8, XLVI).

¹¹ от всего сердца (*франц.*).

Chère petite Madame

«Звезды, звезды» с тоской – это Блок, и, представьте, даже «Ночные часы» («И звезды рассказывают, все рассказывают звезды»)¹.

Кузмину Блок говорил не совсем то, что я Вам написал. Было это в «Доме Искусства», на вечере Кузмина. Блок сказал ему, что «мне – или нам? – страшно, что эпоха делает вам больно». Т<о> есть: Вы – не для таких времен, Вы нежная мимоза, а время страшное и жестокое. Voilà, à peu pres². Я на вечере этом не был, но знаю по рассказам – и где-то эта речь Блока напечатана³. М<ожет> б<ыть>, Вы были? Это, вероятно, 1919 год, когда я был в Новоржеве⁴.

А вообще о Кузмине я, конечно, помню много, но все расплывчатое – а частью и неудобопечатаемое. Последнее, что я от него слышал, было: «Жорженька, вы дурак» – когда я, подвыпив, стал ему публично

говорить, что не верю, будто А.Радлова⁵ ему нравится. И конечно, я был дураком: ведь он ее превозносил потому, что она его подкармливала. Но я обиделся – и ушел из-за стола, где было много народу⁶.

Стихов я его не люблю, но кое-что очень хорошо («Я тихо от тебя иду...»⁷).

А в смысле Вами ценимой точности люблю:

Быть может, это не любовь,
Но так похоже на блаженство.⁸

Cela vaut⁹ – почти – Тютчева. А насчет ангела и смокинга – не помню.

Лисицкая¹⁰, Вас заинтриговавшая, – сплошное, по-моему, подражание Ахматовой. Дурак-Струве уверяет, что это – Мандельштам¹¹. Нет, это гораздо жиже, и очень подражательно, хотя не без приятности.

Вот – литература. А остальное что же? Вы, Madame, очень обольщаетесь, если полагаете, что я «всегда влюблен» и живу в эмпиреях. Было, было, но прошло. И кажется, совсем. Rien à faire¹², пора, мой друг, пора¹³, – и желаю Вам до этого не дойти. Когда Вы едете в Люшончик¹⁴? Здесь должен появиться Jean Perin¹⁵, и хотя это уже никак не эмпиреи, я рад, хотя он и с супругой. Конечно, без супруги бы лучше. Пишите, Madame, творите и живите, как Вам природа велела: т. е. радуйась и веселясь. Это, м<ожет> б<ыть>, глупости, но не «на все 100%». Ибо что-то такое природа Вам велела. До свидания. Желаю всего, что можно и, правда, de tout coeur (или остатками соеуг'a).

Ваш Г.А.

¹ Речь идет о стихотворении А.Блока «Ночь. Город уgomонился» (1906), которое завершается строками: «“Звезды, звезды, / Откуда такая тоска?” / И звезды рассказывают. / Все рассказывают звезды». Впервые это стихотворение под названием «Ночной разговор» появилось в сборнике «Земля в снегу» (1908).

² вот приблизительно (*франц.*).

³ Имеется в виду приветственная речь М.Кузмину, произнесенная Блоком 29 сентября 1920 в Доме искусств на вечеру, посвященном пятнадцатилетию литературной деятельности Кузмина. Отчет о «Юбилейном вечере М.А.Кузмина» был опубликован Эрихом Голлербахом в «Жизни искусства» (1920. №574, 5 октября. С.2). Текст приветственной речи Блока впервые был опубликован: Блок А.А. Собр. соч.: В 12 т. Т.8. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде; «Советский писатель», 1932–1936. См. также: Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т.6. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. С.439–440.

⁴ В 1919–1921 Г.Адамович жил в Новоржеве Псковской области, где преподавал русский язык и историю в школе. Подробнее см.: Новоржевский период Георгия Адамовича / Сост. и предисл. О.А.Коростелева // Русская провинция. 1999. №1(29). С.87–90.

⁵ Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дармолатова; 1891–1949) – поэт, прозаик. Была другом Кузмина, в 1920-е входила в его литературное окружение. Кузмин неоднократно с похвалой отзывался о ней в своих статьях.

⁶ Об этом эпизоде Адамович рассказывал и другим людям, в частности, Иваску (см.: *Иваск Ю.* Разговоры с Адамовичем: 1958–1971. С.98.); *Malmstad J.E., Bogomolov N.* M.Kuzmin: A Life in Art. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1999. С.302. Этому столкновению Адамовича с Кузминым предшествовала полемика в прессе, вызванная критическими высказываниями Мариэтты Шагинян о стихах Радловой. Кузмин со свойственной ему безоговорочной «преданностью друзьям» (по словам Богомоллова и Малмстада) выступил в защиту Радловой со статьей «Крылатый гость, гербарий и экзамены», в которой превознес Радлову, высмеял Шагинян, а заодно прошелся и по «гумилевской школе» (Жизнь искусства. 1922. №28(851), 18 июля. С.2). Как полагают Богомоллов и Малмстад, именно реплика о «гумилевской школе» спровоцировала Адамовича на полемическую статью «Недоумения М.Кузмина (По поводу заметки “Крылатый гость, гербарий и экзамены”»)» (Жизнь искусства. 1922. №30(853), 1–7 августа. С.3). Попытка Адамовича в устной форме продолжить полемику с Кузминым на тему Радловой не увенчалась успехом. Что же касается причин преувеличенных похвал Кузмина в адрес Радловой, вероятно, Кузмину, как позже и Адамовичу, был далеко не чужд принцип «литература пройдет, а дружба останется».

⁷ Стихотворение Кузмина «Я тихо от тебя иду» (1912) из сборника «Глиняные голубки» (1914).

⁸ Заключительные строки из стихотворения Кузмина «Среди ночных и долгих бдений» (1916), вошедшее в сборник «Вожатый» (1918).

⁹ Это стоит (*франц.*).

¹⁰ А.Лисицкая – псевдоним, под которым Глеб Струве публиковал стихи неизвестной ленинградской поэтессы, имя которой он скрывал из опасения возможных репрессий. Относительно личности А.Лисицкой, по словам Терапиано, существовало «много предположений» (см.: *Терапиано Ю.* «Мосты», книга 9 // Русская мысль. 1962. №1879, 18 августа. С.7). Сам же Струве утверждал, что «разоблачение настоящего имени Лисицкой» ничего не скажет большинству зарубежных читателей и что под «этим псевдонимом не скрывается никакой известный поэт» (*Струве Г.* О стихах А. Лисицкой // Там же. 1962. №1886, 4 сентября. С.5).

¹¹ Струве Глеб Петрович (1898–1985) – историк литературы, литературный критик, публицист, поэт, переводчик, мемуарист. В письме речь идет об опубликованном в «Мостах» Глебом Струве поэтическом цикле А.Лисицкой «Стихи о Петербурге». В предисловии к этой публикации Струве говорит о влиянии Мандельштама «периода “Камня”» на творчество Лисицкой (Мосты. 1962. №9. С.121–136). В своей оценке стихов этого цикла Терапиано в основном сходится с мнением Адамовича, утверждая, что автору, как и многим другим «поэтам-женщинам», так и не «удалось преодолеть» влияние Ахматовой, и на этом основании подвергает сомнению ценность произведений Лисицкой (*Терапиано Ю.* «Мосты», книга 9. С.7).

¹² Ничего не поделаешь (*франц.*).

¹³ Цитируется стихотворение А.С.Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834).

¹⁴ В сентябре 1962 Одоевцева в течение месяца повторно находилась в Люшоне на лечении.

¹⁵ Приятель Адамовича.

26

Nice
4, av. Emilia
chez Mme Heyligers
28 авг<уста> 1962

Ma chère petite Madame

Представьте себе, Ваше письмо меня огорчило. Хотя я и «великая сушь», как сказал Жорж, глядя на мой барометр (что, кстати, не совсем верно: на 49% верно, а на 51% – нет). Что это такое? «Моя ненужность – следовательно бездарность», «позор погубленной жизни», «звезды, тоска»! Madame, «ни один человек не достоин похвалы, всякий достоин жалости»¹, и у всех, кто не дубина, apres un certain age² является чувство, что все было не то и не так. Ибо «так», т. е. как надо, не бывает. Но Вам эти звезды с тоской не годятся, да и не подходят. Правда, не портите себе жизни, вспорхните и улыбнитесь. «Сами все знаем, молчи»³, но Вы обладаете светом, которым и светитесь, а что рядом старухи и сумасшедший Петр Александрович, что же делать. C'est secondaire⁴. Надеюсь, что эта меланхолия прошла и Вы опять, как пташка с умом Наполеона. И не огорчайтесь из-за каких-то Рафальских! Между прочим, я его статьи не читал, т. к. мое «Н<овое> Р<усское> Слово» приходит на имя Кантора (по его просьбе), а он сейчас где-то в Швейцарии и ничего не пересылает. Прегельша (и Вы) пишете об «антисемитизме»⁵. Очевидно, это очень завуалировано, если столь семитское гнездо статейку напечатало. Но если есть антисемитизм, это, пожалуй, на пользу: они сообразят и возмутятся. Хотя в «Н<овом> Р<усском> С<лове>» можно напечатать все, даже, что Вейнбаум – дурак: они все принимают. Ал<ександр>Абрамович <Поляков> очень потрясен, вероятно, т. к. умерла Ел<ена> Ник<олаевна> Штрот⁶, его «Ляля», которую он обожал всю жизнь. Вы, верно, ее знали. Совсем она молодая и на редкость милая. Вдруг заболела голова, и через полчаса умерла. «...И наша Ляля-машинистка, не машинистка, а пти-фур» (Аминадо⁷). Все мы под Богом ходим. Madame, я вернусь – если буду жив – в Париж числа 15–16-го. Т. к. Вы уезжаете 23<-го> в Люшон, то оставьте вечера между 15–20<-м> свободными, а я Вам предложу, когда приеду, день для дружеского обеда. Антандю⁸? Насчет Эренбурга⁹ Вы совсем правы. Я тоже его всячески отвергал, а теперь чувствую к

нему симпатию. И стихи совсем не плохие, т. е. не как стихи, а как чувства. А Попович с Николаевым¹⁰ мне надоели так, что я даже из-за них возненавидел радио. Чуть откроешь: «Popovitch... etc.»! Ну, вот – это пока все. Целую Вас без великой суши и желаю, чего можно. Замуж бы Вас надо выдать, но нет на примете соответствующего миллионера. Рулетка моя кончена: по одной из Ваших версий – «победа над собой». Больше не хожу, билет разорван.

Ваш Г.А.

¹ Адамович цитирует запись В.В.Розанова 1911 года из книги «Уединенное».

² после определенного возраста (*франц.*).

³ Неточно цитируется заключительная строка стихотворения В.Я.Брюсова «Каменщик» (1901) из сборника «Urbi et Orbi». У Брюсова: «Знаем все сами, молчи!».

⁴ Это дело второстепенное (*франц.*).

⁵ Речь идет о статье Рафальского «Муза диаспоры» (Новое русское слово. 1962. №18024, 15 июля. С.3), в которой автор критикует составленную Ю.Терапиано антологию «Муза диаспоры: Избранные стихи зарубежных поэтов» (<Франкфурт-на-Майне>: Посев, <1960>). Антисемитские выпады Рафальского вызваны названием сборника, в частности словом «диаспора». В статье Рафальский задел и Одоевцеву, принявшую участие в антологии.

⁶ Штром Елена Николаевна (урожд. Богданиан; ?–1962) – машинистка редакции «Последних новостей». В течение многих лет работала сначала в возглавлявшемся В.А.Маклаковым Русском офисе, а затем в русской секции Французского офиса по делам беженцев.

⁷ Дон-Аминадо (наст. имя Аминад (Арнольд-Аминодав) Петрович (Пейсахович) Шполянский; 1888–1957) – поэт, прозаик, драматург, журналист, литературный и театральный критик, мемуарист. Адамович цитирует его шуточное стихотворение, написанное к десятилетнему юбилею со дня прихода П.Н.Милюкова в газету «Последние новости» и выпущенное на правах рукописи тиражом 60 экземпляров. Уже без упоминания «Ляли» оно было перепечатано: *Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С.328-334. «Ляля» встречается и в шуточном стихотворении самого Адамовича ««Кутырина просит...» – «Послать ее к черту...»», посвященном также десятилетнему юбилею «Последних новостей» и описывающем будни редакции (*Адамович Г.В.* Собр. соч.: Стихи, проза, переводы / Вступит. ст., сост. и примеч. О.А.Коростелева. СПб.: Алетейя, 1999. С.247).

⁸ От *entendu* (*франц.*) – решено.

⁹ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – поэт, прозаик, драматург, журналист, мемуарист. Адамович неоднократно отзывался в печати о творчестве Эренбурга и почти всегда весьма скептически. Потепление вызвано, возможно, тем, что в 1960 началась публикация лучшего произведения Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Упомянув о стихах, Адамович скорее всего имеет в виду представительное издание 1959 – «Стихи» – либо же первый том собрания сочинений, появившийся в 1962.

¹⁰ Андриян Григорьевич Николаев (р. 1929) и Павел Романович Попович (р. 1932) – летчики-космонавты, впервые осуществившие групповой полет космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4» в августе 1962.

27

Radio Liberty
Russian Desk
Lilienthalstrasse 2
München 19
16 мая 1963

Chère amie Madame

Пишу из Мюнхена, куда прибыл третьего дня. Холод, дождь и все прочее. Ничего, посидим. Но я хочу Вам писать сейчас не об этом. А о Ваших делах и Бахрахе.

Он был в отъезде, явился только сегодня утром, я с ним завтракал и говорил о Вас.

Настроение его – неопределенное. «Да, конечно, pourquoi pas» и так далее. Но энтузиазмом он никогда не отличался, et il faudrait le violer¹ чтобы иметь результат.

Конкретно:

1) Делакура²: решительно нет. Это область Вейдле³, и неприкосновенная.

2) «Les Abysses»⁴: да.

Но в строжайшей тайне, entre nous⁵: о них уже написал ему Газданов⁶, но он его забраковал (просил Вам этого не сообщать, т<ак> что не подведите!)

Вот отчего Газданов забракован: он написал, что Сартр⁷ и А.Бретон⁸ – дураки, что фильм глуп и безвкусен, что в нем все плохо и ничтожно и т. д.

Значит, надо:

попытаться объяснить, почему Сартру и К^o фильм мог понравиться – даже если он, по-Вашему, плох, – что они в нем искали, отчего им другое не по душе. Меньше о самой себе, больше о причинах, почему возник. Compris?⁹ Конечно, надо рассказать, что в фильме происходит. И непременно упомянуть, что он идет на Каннском фестивале.

Voilà. Все это – резюме моего разговора с Бахрахом. Еще: пришлите поскорее, так как они «desk новостей»¹⁰ и соблюдают сроки.

О воспоминаниях он говорит туманно, но я думал, что это ему совсем не подходит, а оказывается – не совсем. Все дальнейшее зависит от Вас, от Вашего умения не только писать, но и обращаться с людьми. До свидания, chérie. Пишу «на службе» и спешу.

Ваш Г.А.

¹ Здесь: и необходимо совершить насилие над ним (*франц.*).

² Делакруа Эжен (Delacroix; 1798–1863) – французский художник.

³ В 1950–1970-х В.В.Вейдле работал на радио «Свобода», где вел радиопередачу «Беседы Вейдле».

⁴ Речь идет о фильме режиссера Никоса Папатакиса (Papatakis) «Les Abysses» (1963) по мотивам пьесы французского драматурга Жана Женэ (Genêt) «Les Bonnes» (1947). Фильм был представлен на Каннском кинофестивале 1963 года, где вызвал большой скандал. В нем затрагивались некоторые проблемы французской общественной и политической жизни, в частности, война в Алжире. Первые показы фильма сопровождались бурной реакцией зрителей.

⁵ между нами (*франц.*).

⁶ Газданов Гайто (Георгий) Иванович (1903–1971) – прозаик, литературный критик. В эмиграции с 1920. В 1953–1971 – сотрудник радиостанции «Свобода», в 1959–1967 – ее парижский корреспондент.

⁷ Перу Жан-Поль Сартра принадлежит большое исследование, посвященное жизни и творчеству Жана Женэ (Saint Genet: Comédien Et Martyr <Paris: Librairie Gallimard, 1952>).

⁸ Бретон Андрэ (Breton; 1896–1966) – французский поэт, один из основателей сюрреализма.

⁹ Понятно? (*франц.*).

¹⁰ Речь идет об отделе новостей русской редакции радио «Свобода».

Radio-Liberty
Russian Desk
Lilienthalstrasse 2
München
Allemagne féd. (мне)
19/IV-1964

Дорогая Madame

Что Вы и как Вы? Ждал перед отъездом Вашего звонка, но en vain¹. Говорят, Вы нездоровы (или были). Надеюсь, поправились. Я в Мюнхене уже 4 дня. Ничего, бывает и хуже. Пока живу в отеле, но надеюсь, получу квартиру. Бахрах послезавтра едет в Париж. Позвоните ему или не позвоните: дело Ваше. Толку от него Вам не много, а если по дружбе и для приятного разговора, отчего и не позвонить? Он мил, благоже<ла>телен и все прочее.

О Ваших делах я справлялся vaguement², ибо тут хаос, никто ничего не знает, не помнит. «Да, что-то было, что-то сократили, что-то не прошло и т. д.»

Но вот что скажу Вам от себя: пока я здесь, напишите и пришлите мне что-нибудь для «культурного обзора». Не надо наговаривать на ленту: это у них м<ожет> быть и препятствием, они очень при-

дирчивы к голосу, произношению и всему. Пришлите просто текст, минут на 5–10 Вашего чтения. О чем? Надо бы что-нибудь более или менее «актуальное», не обязательно сенсационное: книга, театр, событие и т. д. Я не уверен, что без пленки они платили бы за билет, т<ак> что в театр или синема не ходите, а по газетам. Можно русское, эмигрантское, если интересно для России. Если бы Вы вошли в курс, то, уезжая, я бы сказал, что Вы будете присылать такие тексты постоянно, 1 или 2 раза в месяц. Но надо, чтобы понравилось. Ваша слава – хорошо, но здесь люди – темные, и им подавай не славу, а «новейшие течения». Между прочим, о прошлых Ваших script'ax я знаю, что не совсем было в них вот что: Вы писали, что Блок тогда родился и то-то написал. Они довольно резонно возражают, что в России это знают. Если уж о Блоке, то надо бы «взгляд и нечто». Но лучше не о Блоке, а о чем-либо новом.

Voilà. Как Ваша Америка?³

Вчера был вечером у Галины Кузнецовой⁴ и Степунши-Гинденбурга⁵. Галина о Вас вспоминала, и очень дружески. Но к станции она отношения не имеет и здесь временно. Хомяков⁶ – ни то ни се.

До свидания, chérie. Напишите. Если надумаете, пришлите мне на выбор разные темы, а я Вам отвечу о них. Вот, например, я завтра собираюсь написать о Розанове, в связи с тем, что он вышел у Gallimard'a⁷. Что-нибудь такое. И пожалуй, лучше не французское, а английское или немецкое, раз Вы можете читать эти газеты. Целую, обнимаю, вспоминаю и желаю.

Ваш Г.А.

¹ тщетно (*франц.*).

² неопределенно (*франц.*).

³ В 1964 году книготорговец и издатель Виктор Петрович Камкин (1902–1974) пригласил Одоевцеву в США на переговоры об издании ее воспоминаний «На берегах Невы». Поездка состоялась в 1965 году.

⁴ Кузнецова Галина Николаевна (1900–1976) – поэт, прозаик, переводчик, мемуаристка. В эмиграции с 1920.

⁵ Степун Маргарита Августовна (1895–1972) – певица, сестра Ф.А.Степуна. Гинденбург Пауль фон (Hindenburg; 1847–1934) – германский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1914). Сравнивая М.А.Степун с Гинденбургом, язвительный Адамович имел в виду одновременно и ее внешность, и властную натуру. Это же сравнение он употребил ранее и в собственный адрес, см. письмо Адамовича к Одоевцевой от 21 декабря 1957: «Я все больше становлюсь похож на Гинденбурга или бульдога, из-за мешков у рта в виде каких-то гречких орехов, что меня сильно огорчает» (Минувшее. Вып.21. С.463).

⁶ Хомяков Геннадий Андреевич (псевд. Геннадий Андреев; 1909–1984) – литератор, журналист. В 1942 в Крыму попал в плен, жил в Германии, член Народно-трудового союза (НТС), редактор альманаха «Мосты» (Мюнхен, 1958–1970), позже переехал в США.

⁷ Речь идет о французском переводе книги В.В.Розанова: *La Face sombre du Christ / Trad. du russe par Nathalie Reznikoff; Preface de Joseph Czapski.* <Paris,>: Gallimard, 1964.

29

17 авг<уста> 1964

Дорогая Madame, как живете? Письмецо от Вас было давно, а я до сих пор не ответил. У меня – ничего, т. е. нового. Всегда, приезжая в Ниццу, я недоумеваю: чего, собственно, я сюда езжу? Но это вопрос метафизический и проклятый. Как Ваша Испания? Я забыл Вам сказать, что Софочка¹, на нашем последнем завтраке, вручила мне для Вас 5 тысяч. Если Вы ей пишете – или ее видите, – выразите ей благодарность. Сколько всего Вам надо на билет? Остальные я пришлю от своих щедрот, т. к. писать некому. Здесь кончилась Сахара – погода райская. Не откладывайте очень Испанию: в конце сентября может лить дождь, сейчас, наверно, как здесь. Читал сейчас Терапиано о полемике Буркина² со мной и Берберихой³. Это я – «догоревшая свеча»? Что же, хорошо хоть то, что когда-то горела. В Casino – то ничего себе, то плохо. Но я, претерпев от людской несправедливости, стал благоразумен. До свидания, chérie. Как и что?

Ваш Г.А.

4, av. Emilia c/o Heyligers, Nice

¹ С.Ю.Прегель.

² Иван Афанасьевич Буркин (р. 1919) – поэт, осенью 1941 попал в плен, после войны жил в Германии в лагерях для перемещенных лиц, в 1950 эмигрировал в США, преподавал в Сиракузском университете, затем в колледже в Сан-Франциско, печатался в «Гранях», «Мостах», «Опытах».

³ Адамович читал рецензию Терапиано на 55-й номер «Граней» (Русская мысль. 1964. №2191, 15 августа. С.4-5), где упоминается статья Буркина «Догоревшие свечи» (Грани. 1964. №55. С.108-123) – несколько запоздалая реакция Буркина на трехлетней давности статьи Адамовича «О нас и о французах» (Мосты. 1961. №8. С.106-112) и Берберовой «Ключи к настоящему» (Новый журнал. 1961. №66. С.99-123). По мнению Терапиано, часть статьи Буркина, посвященная критике Адамовича, практически лишена смысла, «все не о том и не так», с критикой же в адрес Берберовой он склонен согласиться.

30

Дорогая Madame

Спасибо за милое письмецо. Очень рад, что Вы веселились в Испании, но жалею, что не обрели испанца-жениха.

Навещать меня не надо¹. Во-первых, доктор говорит – «только en cas d'urgence»², 3-5 минут.

А во-вторых – и это главное! – les misères humaines sont tristes à voir³. Я Вас знаю и знаю, что я, как Вы: вся больничная обстановка отвратительна, и нет ничего хуже посещения больных. К тому же и нельзя. Значит, увидимся, Бог даст, при лучших обстоятельствах.

А вот если еще напишете, спасибо. Мне писать трудно: лежу на спине не двигаясь. Потом, если все будет хорошо, – maison de convalescence⁴, довольно долго. А потом?? О моем б<-м> этаже нечего и думать. Ну, увидим.

Целую Вас, желаю всяческих успехов и развлечений. Сейчас был Яновский⁵, на правах доктора, но три минуты, и довольно милый.

Ваш Г.А.

10 окт<ября> 1964, Garches⁶

Спасибо большое за образок. Не потеряю, будьте уверены.

¹ Г.Адамович был госпитализирован с инфарктом.

² при крайней необходимости (*франц.*).

³ людские страдания представляют печальное зрелище (*франц.*).

⁴ санаторий (*франц.*).

⁵ Яновский Василий Семенович (1906–1989) – писатель, мемуарист, критик, врач. С 1942 жил в США.

⁶ Район в Париже.

Дорогая Madame

Спасибо за письмо. Очень приятное известие о «подарке» отца Шаховского¹ (вернее, владыки!). Раз прислал, то отказаться нельзя, а мне это кстати, т. к. тут у меня много больше расходов, чем я думал. Будьте милой, пожалуйста, когда будете на почте, пошлите такой mandat, который вкладывается в письмо. И сообщите владыкин адрес, чтобы я мог ему выразить благодарность.

Нового ничего. Хожу все еще, как черепаха, и ни разу не добрался до моря (хотя черепахи воду любят). А что у Вас? Ваши письма сверх-очаровательны, но и сверх-лаконичны. Впрочем, все понятно без слов. Слышал, что у Вас был Hagglund². По-моему, он не без шарма, и Вы могли бы позмеиться, только он, к сожалению, женат.

До свидания, très chère amie. Да, все ясно без слов, и Ганьи, и инфаркт, и все прочее, но «молодость длится»³, и давайте ее длить пока можно.

Nice

7 дек<абря> 1964

Ваш Г.А.

¹ Архиепископ Иоанн (Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989) – церковный и общественный деятель, духовный писатель, поэт, литературный критик. С 1920 – в эмиграции. Издатель журнала «Благонамеренный» (Брюссель, 1926), постригся в монахи на Афоне (1926), рукоположен в священники (1927), с января 1946 – в США, ведущий религиозной программы русского отдела радиостанции «Голос Америки» (1946–1986), епископ Бруклинский (с 1947), декан Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке (с 1948), архиепископ Иоанн Сан-Францисский и Западно-Американский (с 1961). Публиковал стихи под псевдонимом «Странник». После войны помогал (в том числе и материально) многим писателям-эмигрантам.

² Roger Hagglund – американский славист, исследователь творчества Адамовича, автор литературной биографии Адамовича и аннотированной библиографии его работ: *Hagglund R.* 1) *A Vision of Unity: Adamovich in Exile.* Ann Arbor, 1985; 2) *Georgy Adamovich: An Annotated Bibliography – criticism, poetry and prose, 1915–1980.* Ann Arbor, 1985.

³ Цитата из стихотворения И.Одоевцевой «Верной дружбе глубокий поклон» (1958).

18/XII-1964

Дорогая Madame

Вы обещали написать, а вот уж 10 дней, как я здесь, – *et pas un mot!*¹ Как все у Вас, и, в частности, Ваш лермонтовский фестиваль? Кто блистал и как?

Я, так сказать, «ничего». Как Чичиков, «не так, чтобы слишком толстый, не так, чтобы тонкий»². Надо терпеть и ждать. До моря 5 минут ходьбы, даже меньше, а я его еще не видел. Приехала Таня³, недели на 3–4.

Целую Вас и жду письмеца. Желаю хорошо провести праздники и устроить междусобойчик, на котором я буду духовно и незримо присутствовать.

Ваш Г.А.

4 avenue Emilia
chez Mme Heuyligers
Nice

¹ и ни слова (*франц.*).

² Неточная цитата из начала первой главы «Мертвых душ». У Гоголя Чичиков описывается следующим образом: «В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтобы слишком молод».

³ Татьяна Викторовна Адамович (в замуж. Высоцкая; 1891–1970) – сестра Георгия Адамовича, балерина.

33

Дорогая Madame

Как живете, отчего молчите? Поздравляю с Новым годом! Желая выйти замуж, издать книгу, проехаться по Америке – и все прочее. Не все же Вам прозябать и киснуть в Ганьи! Вот я прозябаю и кисну в Ницце, но мне-то уже и ждать нечего, – хотя доктор мне и сказал, что «tout ce qui fait plaisir est bon pour vous»¹. Понимай, как знаешь! До свидания, chérie. Обнимаю, целую ручки и штучки.

Nice,
31 дек<абря> 1964

Ваш Г.А.

¹ «все, что приносит удовольствие, – хорошо для Вас» (*франц.*).

34

4, av. Emilia
с/o Heyligers
Nice
17/1-1965

Дорогая Madame

Спасибо большое за mandat. Но почему 11 т<ысяч>, ежели Владыко прислал 20 т<ысяч>, а мне из них половину? Конечно, лишнее всегда приятно. Я ему напишу, но, кстати, сомневаюсь насчет формы обращения. Таня была здесь 4 недели и уже уехала. Погода сия, а настроение у меня серое. Целую, обнимаю и благодарю, что потрудились.

Ваш Г. А.

Софочка мне писала о своем выступлении на Лермонтове¹ (нет, не Ходасевиче)². Жаль, что Вы не были.

¹ Возможно, имеется в виду торжественное собрание Общества охраны русских культурных ценностей, посвященное 150-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова, которое состоялось 20 декабря 1964 в Русской Консерватории. Однако в газетных отчетах имени С.Прегель среди выступавших на этом собрании нет.

² 26 декабря 1964 в Русской Консерватории прошел вечер памяти В.Ходасевича, приуроченный к 25-летию со дня его кончины и устроенный Союзом русских писателей и журналистов. С.Прегель читала на вечере стихи Ходасевича, а Одоевцева – свои воспоминания о нем.

35

Дорогая Madame

Спасибо за письмецо, хотя и коротенькое. Надеюсь на будущей неделе водвориться в Париже. Здесь погода «на ять», весна и солнце,

но надо что-то делать для хлеба насущного. Здесь это трудно. Чувствую себя «так», ни то, ни се. Целую, обнимаю.

Ваш Г.А.

Ницца
4 февр<аля> 1965

36

Paris
11 mai 1965

Дорогая Madame

Вчера вечером на Champs-Élysées встретил Бруно.

Я условился с ним обедать во вторник, в 7½ ч<асов> веч<ера>, – как в прошлый раз у metro Franclin Roosevelt¹.

Все это – ради Вашей меланхолии и думая, что Вы развлечетесь. Если Вы предпочитаете обедать со мной «вдвоих», позвоните сейчас же. Я сказал Бруно, чтобы во вторник утром пошел на poste-restante², на случай, если будет отмена.

В сущности, я предпочитаю с Вами междусобойчик наедине, но жертвую им во внимание к меланхолии.

Значит, если не звоните, – в 7½ ч<асов> у metro, на углу rue Colisée! Во вторник.

Ваш Г.А.

¹ Правильно: Franklin Roosevelt.

² почта «до востребования» (*франц.*).

37

Суббота 17-го /VII
<1965?>¹

Дорогая Madame

Что с Вами? Действительно больны или «так», «немножко нездорова»? Во всяком случае очень жалею, что не виделась.

Ибо я уезжаю в Ниццу 20-го, во вторник, утром. Если бы Вы позвонили мне в понедельник, был бы очень обласкан. Лучшее всего entre 4–7 de l'après midi², тогда я наверно буду дома. Кстати, есть письмецо от Гуля, где три строчки Вас касаются³.

Жду, целую и все прочее.

Ваш Г.А.

¹ Датируется по содержанию.

² между 4–7 (часами) вечера (*франц.*).

³ В письмах Р.Б.Гуля к Адамовичу (находятся в: Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Roman Gul' Papers. Gen MSS 90. Box 18. Folder 412)

Одоевцева упоминается неоднократно, однако в немногих сохранившихся письмах этого периода таких упоминаний нет.

38

28/VII-1965

Дорогая Madame, как живете, как себя чувствуете? Надеюсь, здоровье Ваше лучше. В Вас столько жизни и желания жить, что un accès de faiblesse¹ не может не быть passager². А я в Ницце и, как обычно, приехав сюда, думаю: зачем, собственно, приехал? В Париже не жарко, можно было остаться и там. Тем более что двигаюсь я мало и развлечениями ниццскими не пользуюсь.

Напишите, пожалуйста. Сейчас с восхищением читал Натали Логунову³ в дополнение к чепухе Анненкова⁴. Советую прочесть. До свидания, Madame, и желаю Вам, правда, «всего», как говорит в телефон Софочка: «ну, всего».

Ваш Г.А.

4, avenue Emilia
chez Mme Heyligers. – Nice

¹ приступ слабости (франц.).

² Здесь: временным (франц.).

³ Логунова Наталья Аполлинариевна – писательница, журналистка.

⁴ Анненков Юрий Павлович (1889–1974) – художник, художественный и театральный критик, публицист, мемуарист. В эмиграции с 1924. Неясно, какие именно публикации Анненкова и Логуновой имеет в виду Адамович.

39

Nice

8 авг<уста> 1965

Chère amie Madame

Спасибо за письмо. Надеюсь, что Вам лучше и что Софочкины заботы идут Вам на пользу. Она писала мне, что возила Вас на <Маррору?> и что было даже «весело». А для Вас веселие – лучше лечения, хотя бы и в скромных, Софочкиных дозах. Ибо какое же, в сущности, это веселие – без бруноподобного convive¹?

Теперь о Ницце. Я не совсем понял Ваше замечание, что в «Ницце я буду не одна»? Относится ли оно ко мне, или у Вас в Ницце кто-нибудь есть интереснее? В сентябре здесь бывает хорошо, сейчас очень жарко, но не так все-таки, как в прошлом году. Я надеюсь пробыть здесь до середины сентября: дольше не хватит капиталов, хотя в Casino я ни ногой. Напишите яснее о Ваших планах.

А у меня, в связи с Вашим желанием получить письмо «поутешительнее», есть мысль другая. И серьезная, а не «так», в виде болтов-

ни. Возьмитесь наконец за это, *it qui sait*², м<ожет> б<ыть>, выйдет то, что нужно. А не выйдет, так не выйдет: риск не большой.

Я говорю о поездке в Америку. Здесь сейчас Варшавский³ с женой, я с ними на днях обедал, говорили о всех – и о Вас. Он вдруг сказал, без моего вмешательства: «Одоевцевой надо было бы съездить в Америку...» Это-то меня и подзадорило написать Вам. Правда, устройте это: мы с Вами не раз об этом говорили, а потом забывали. У Вас в Нью-Йорке крылатый Яша⁴, в Yale – Раннит⁵ и Ульянов (и Hagglund, тот, что пишет обо мне⁶, милейший человек), потом Иваск, м<ожет> б<ыть>, Якобсон⁷. Осенью Вы могли бы сделать турне, – конечно, не импровизационно, а заранее все написав и приготовив. *Qui sait?*⁸ Варшавский именно и намекал, что может подвернуться американец, прельстившийся знаменитой поэтессой (я – не выдумываю, правда). Все это хлопотливо, но может Вам дать «бодрую зарядку» и помочь прибодриться. Вы мне, кажется, говорили, что дорогу Вам оплатят, ну а там Вы заработаете, да и крылатый друг пригодится. Кстати, Раннит должен быть в Париже между 6 и 11 сентября и, вероятно, к Вам явится. Вы ему польстите (он на это, кажется, падок), и он много может Вам помочь. Ну, понимаете сами! Н<у> правда, возьмитесь, наконец, за это, т. к. это единственная возможность выйти из болота Gagny и хотя бы даже только развлечься, ежели американец не подвернется! *De mon cote*⁹ я напишу, кому могу, чтобы Вас хорошо встретили. Кстати: помиритель деликатно с Филипповым¹⁰, ибо Варш<авский> говорит, что он влиятелен именно у американцев в Вашингтоне (что-то мелкое, но не все ли равно?). Целую Вас, дорогая Madame, шлю всякие пожелания и надеюсь, Вы внемлете моему совету, ибо ничего «утешительнее» придумать не могу.

Ваш Г.А.

¹ сотрапезник (*франц.*).

² кто знает (*франц.*).

³ Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978) – прозаик, критик, мемуарист. С 1950 жил в США.

⁴ Имеется в виду Андрей Седых (наст. имя Яков Моисеевич Цвибак; 1902–1994) – журналист, литератор. С 1919 – в эмиграции, с ноября 1920 – в Париже. Парламентский корреспондент газет «Последние новости» и «Сегодня» (с 1926), секретарь И.Бунина в Стокгольме (1933). С 1942 – в США, сотрудник, затем главный редактор (с 1973) газеты «Новое русское слово».

⁵ Раннит Алексис (настоящее имя Алексей Константинович Долгошев; 1914–1985) – эстонский поэт, искусствовед, критик, куратор славянских и восточноевропейских коллекций библиотеки Йельского университета. Эмигрировал в 1944 в Германию. В США жил с 1953.

⁶ Hagglund вскоре опубликовал ряд статей об Адамовиче и его окружении, перевел фрагменты «Комментариев», защитил докторскую диссертацию.

цию о его творчестве: *Hagglund R. A Study of the Literary Criticism of G.V.Adamovic*. Seattle: University of Washington, 1967.

⁷ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – американский славист, профессор Гарвардского университета.

⁸ Кто знает? (*франц.*).

⁹ В свою очередь (*франц.*).

¹⁰ Борис Филиппов (наст. имя Борис Андреевич Филистинский; 1905–1991) – литературовед, критик, публицист. В 1936 окончил Ленинградский вечерний институт промышленного строительства, в том же году арестован. В 1941 освобожден, жил в Новгороде, в 1944 с оккупированной территории уехал в Латвию, затем в Германию. С 1950 в США, сотрудник радиостанции «Голос Америки», преподаватель русской литературы в американских университетах. Автор и составитель нескольких десятков книг, в том числе первых собраний сочинений Гумилева, Клюева, Мандельштама, Ахматовой.

40

Nice

27 авг<уста> 1965

Дорогая Madame

Пишу только несколько слов, так, чтобы Вы не думали, что я о Вас забываю, и чтобы узнать, как и что. Может быть, лучше? Вчера получил письмецо от Софочки, которой я писал, что имею насчет Вас планы. Она обещает «поговорить, когда вернусь». Главное – надо бы устроить билет, но я не знаю, сколько он стоит. Кстати (но это другое), надо бы устроить Софочке вечер. Пожалуй, из-за Гингера¹ она теперь не захочет. Мне вчера написал <сын?>, qu'il est à toute extrémité². Мне его больше жаль, чем Вы думаете. В последний год (или два года) он мне звонил каждый день, даже два раза в день. Вот, Madame, что есть наша жизнь? Целую Вас, прибодритесь, повеселите и вообще решите, что все хорошо. М<ожет> б<ыть>, и правда будет хорошо (т. е. для Вас) – как знать?

Ваш Г.А.

¹ Гингер Александр Самсонович (1897–1965) – поэт, прозаик; близкий друг Адамовича. Скончался 26 августа.

² что он на пределе (*франц.*).

D
Varia

Елена Осьминина
**«МЫ ОБЪЯВИМ <...> НАШ СОЮЗ ДУХА
СУЩЕСТВУЮЩИМ...»**
(Мережковские и Н.В.Чайковский в начале 1920-х)

17 мая 1926 в парижском зале «Сосьете Саван» состоялось собрание, посвященное памяти Николая Васильевича Чайковского (1850–1926) – старейшего русского революционера и общественного деятеля, основателя нескольких партий и организаций. Устроителями собрания были: Комитет помощи русским писателям и ученым, Земско-городской комитет, Объединение земских и городских деятелей, Общественный комитет помощи голодающим в России. Председательствовал Н.Д.Авксентьев, выступали С.В.Познер, З.Н.Гиппиус, В.А.Оболенский, Д.С.Мережковский, П.Н.Милюков, С.Ф.Штерн, А.А.Титов. В выступлениях были высказаны две крайние точки зрения.

Гиппиус охарактеризовала Чайковского следующим образом: «Он близок мне религиозно. Религия была неотделима от него самого – он носил в себе Бога. <...> Чайковский был бесконечно терпим и милосерд к людям, но строг ко злу. И образ его есть наисильнейшая проповедь религии»¹.

Ей вторил Мережковский: «В Чайковском был оккультизм, в нем была тайна; он был крайне таинственный человек», – и пояснил: «Символом чего был для нас Чайковский? Это был человек религиозный, новый религиозный человек, и он был революционер. Вот в соединении этих двух понятий: религиозность и революционность и заключается его тайна»².

¹ Памяти Н.В.Чайковского // Последние новости. 1926. №1883, 19 мая. С.3.

² Там же.

Милюков, напротив, назвал Чайковского учеником позитивистов Конта и Спенсера и заявил: «У Чайковского Бог не отделялся от материи, и его богочеловечество он искал в *этом* мире. Потустороннее его не интересовало...»³

Далее в сухом газетном отчете обозреватель привел реплики с мест:

Д.С.Мережковский. – Неверно, протестую!

З.Н.Гиппиус. – Неверно!

Милюков, не вступая в полемику, переходит к впечатлениям от своих встреч с покойным.⁴

Реплика Милюкова о неотделимости Бога от материи была ответом на фразу из письма Чайковского, которое цитировала в своей речи Гиппиус. Сама фраза в «Последних новостях» напечатана не была; полностью выступление Гиппиус публиковалось в варшавской газете «За свободу!»⁵, вместе с письмом Чайковского, в котором тот писал о невозможности отделить дух от материи в реальной жизни (фрагменты письма будут приведены ниже).

Эту взаимосвязанность духа-материи и имел в виду Милюков.

Но речь тут шла не только о религиозных взглядах покойного. В истории революции, истории России Чайковский занимал значительное место, был фигурой огромного масштаба, и это хорошо понимали его современники. На вечере памяти делили его лавры – выискали, кто является единомышленником, соратником Чайковского – «богочеловеки» Мережковские или позитивист Милюков.

Насколько права была Гиппиус, говоря о своей религиозной близости с Чайковским, была ли эта близость только религиозной или также общественно-политической, литературной, почему позже Мережковские не участвовали в сборнике памяти Чайковского?

Прояснить все это помогают документы, хранящиеся в фонде Чайковского: его дневники, записные книжки, переписка с Мережковскими. На основании всех этих материалов, а также публицистических статей Мережковских и Чайковского попытаемся восстановить приблизительную историю их взаимоотношений.

Дата первого сохранившегося письма Мережковского – 1 января 1921⁶. Это приглашение в гости «в субботу» (в квартиру на Colonel

³ Памяти Н.В.Чайковского.

⁴ Там же.

⁵ *Гиппиус З.Н.* О Н.В. Чайковском // *За свободу!* 1926. №149, 3 июля. Цит. по: *Гиппиус З.Н.* Чего не было и что было. СПб., 2002. С. 145. В примечаниях также приводится и отклик Д.В.Философова, редактора «За свободу!», на вечер памяти Н.В.Чайковского.

⁶ Разумеется, это не значит, что до указанной даты Мережковский и Чайковский не обменивались посланиями. При чтении их писем, а также переписки Чайковского с Савиновым, возникает ощущение некоторых пропусков, прова-

Bonnet, 11 bis, сохраненную еще с дореволюционных времен, куда Мережковские направились 20 октября 1920 из Варшавы). В письме приведен список предполагаемых гостей: «Бурцев, Штерн, В.Топоров, Карташев». На «общественный», а не частный характер предполагаемого собрания указывает имя В.Л.Бурцева – редактора крупной антибольшевистской газеты «Общее дело». Мережковский пишет: «Вы опять нас забыли»⁷, – значит, это уже не первая их встреча (что подтверждает и запись в дневнике Гиппиус от 18 декабря 1920: «Вчера у нас был Чайковский»⁸).

В следующем письме, от 18 января 1921, Мережковский уже открыто называет свой вечер словом «собрание», перечисляя приглашенных: «Демидов, может быть, Карташев» – и особо выделяя Руднева: «Иметь его на первом собрании было бы очень важным. Относительно Ильи Исидорыча Фондаминского я колеблюсь. Но, м<ожет> б<ыть>, его следовало бы пригласить?! Как Вы полагаете?»⁹.

В письме без даты, жалея, что Чайковский не смог прийти, Мережковский просит назначить другой вечер, «уговорившись с И.П.Демидовым, А.В.Карташевым и Рудневым, если их увидите. <...> Простите мою настойчивость, но “дни лукавы”, и я убежден, что нам всем следует объединиться и что из этого объединения может выйти толк»¹⁰.

Итак, речь идет о некотором объединении представителей различных эмигрантских партий: кадетов (Карташев, Демидов), эсеров (Бунаков-Фондаминский, В.В.Руднев) и энесов (сам Чайковский).

Наконец, в письме от 1 марта 1921 это объединение получает название – «Союз Духа». Мережковский пишет:

Дорогой Николай Васильевич, чем больше думаем, тем больше убеждаемся, что необходимо подписать Вашу прекрасную, вдохновенную и воистину пророческую (последние известия о восстаниях в Петербурге и Москве!) резолюцию. Только эти действия, по существу не политические, а религиозные, сдвинут нас с мертвой точки пустых, отвлеченных разговоров. Так как Илюша и Руднев отказались от этого действия, то нам следует собраться без них. И это собрание да будет «учредительным». Мы объявим, по кр<айней> мере для себя, наш Союз Духа существ-

лов во времени – словно часть писем и документов была уничтожена... Так что, говоря о первом письме, мы имеем в виду лишь конкретную коллекцию документов – ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед. хр.269.

⁷ Там же. Л.2.

⁸ Гиппиус З.Н. Варшавский дневник (1920–1922) // Гиппиус З. Дневники: В 2 т. / Под общ. ред. А.Н.Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Т.2. С.320.

⁹ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.269. Л.2об.

¹⁰ Там же. Л.3-3об.

вующим и решим, что делать дальше. О сборнике, предполагаемом И.И.Демидовым, тоже переговорим.

Чтобы не обидеть Фондаминского, Руднева и Бунина (оказавшегося тоже бесполезным), мы предполагаем собраться не в субботу, а в другой день. <...>

Если Вы согласны, то мы известим Демидова и Карташева <...>.

Сейчас, при надвигающихся событиях, наш Союз Духа получает или мог бы получить огромное значение.

Кажется, он уже родился, только надо его закрепить и дать ему возможность развиваться и действовать.¹¹

Какие «события» Мережковский имеет в виду? Наверняка Кронштадтское восстание (28 февраля – 17 марта 1921), по поводу которого и была принята упомянутая «резолюция», опубликованная в газете «Общее дело». Во всех справочниках, вслед за опечаткой в работе С.П.Мельгунова, приводится неверная дата ее публикации, поэтому уточняем – «резолюция» появилась 9 марта 1921 и называлась «Настал час». В ней, в частности, писалось (судя по стилю, самим Чайковским):

Да, в Россию теперь идти нужно: НАСТАЛ ЧАС, когда всякому болющему за свою родину есть с кем объединиться <...> Если даже темные народные массы наконец прозрели и восстали в открытом бою против тиранов и обольстителей, – то неужели для просвещенных врагов большевизма, жаждущих истинного возрождения России и человечества, может быть хоть тень колебания, куда идти и что делать.

Последнюю победу в этом бою одержит не оружие и не политика, а знамя, – знамя воскресшего в народной совести Бого-Человека. <...> В этом предстоящий нам подвиг и разрешение национальной и мировой социальной задачи.

Сим победиши!

И подписи: Н.Чайковский, Д.Мережковский, И.Демидов, Н.Варкар, З.Гиппиус, А.Карташев, В.Злобин.

Итак, объединение – «Союз Духа», по Мережковскому, – кажется оформившимся. И хотя в переписке ни политическая, ни религиозная программа Союза не обсуждаются – она может быть достаточно четко сформулирована по статьям Мережковских января–февраля 1921, печатавшимся все в том же «Общем деле»¹². Гиппиус в газете даже зая-

¹¹ ГАРФ. Ф.5805 Оп.1. Ед.хр.269. Л.4-5об.

¹² К сожалению, фамилия Бурцева больше в переписке не встречается, поэтому трудно сказать, насколько был связан с членами Союза редактор «Общего дела». Страницы своего издания, во всяком случае, он им предоставлял. Статьи Мережковского, напечатанные в «Общем деле» зимой 1921 г.: «О белой и красной нечисти» (8, 9 января), «Стук» (14 января), «Л.Толстой и большевизм» (19, 20 января), «Большевизм, Европа и Россия» (26–29 января). Цикл статей Гиппи-

вила о существовании Союза, только называла его по-другому. В статье «Февраль» – «Союзом февралистов», «Кругом непримиримых», в статье «Интервенция» – «Союзом непримиримых»: «Он важен тем, что вырос органически, в силу жизненной необходимости, давно перерос первичный Союз Февралистов и ныне делается уже всемирным (чтобы не употреблять слова “интернациональный”)¹³».

Первый пункт программы Союза: «реакционность» большевизма. О сходстве большевиков с самодержавием Мережковский писал в статье «О белой и красной нечисти»: «Ленин – из русских царей самодержавных самодержавнейший»¹⁴. В работе «Большевизм, Россия и Европа» он разворачивал антиномию: «Такова тройная ложь большевиков – “мир, хлеб, свобода” – бесконечный голод, бесконечное рабство, бесконечная война – тройное царство дьявола»¹⁵.

На той же антиномии построено и воззвание «Центра действия», известной конспиративной организации, основанной Чайковским в ноябре 1920, имевшей свои отделения в Варшаве, Гельсингфорсе, Константинополе, Ревеле¹⁶ и разоблаченной чекистами в 1924. В проекте «Центра действия» (декабрь 1920 – январь 1921) большевики противопоставлялись будущему предлагаемому режиму:

...правительство террора есть правительство гражданской войны <...> мы несем гражданский мир русскому народу! <...>; возникновение нового привилегированного класса в стране <...> мы несем – раскрепощение народа и восстановление гражданской свободы! <...>; оно обещало народу землю и дало ему коммуну, восстановив прежнюю барщину. Мы несем: – землю в собственность трудовому народу!¹⁷

Есть и небольшое различие. И Чайковский и Гиппиус считали, что в СССР нет равенства, Мережковский же этот принцип большевикам оставил. В статье «Л. Толстой и большевизм» он отмечал «во-

ус того же времени носил название «Там, в России»: «Два лагеря» (12 января), «К случаю» (13 января), «Свержение большевиков» (23 января), «Февраль» (30 января), «Интервенция» (16 января).

¹³ Цит. по: *Гиппиус З.Н.* Мечты и кошмар: Неизвестная проза 1920–1925 годов / Сост., вступит. ст. и комм. А.Н.Николюкина. СПб.: ООО «Росток», 2002. С.150.

¹⁴ *Мережковский Д.С.* О белой и красной нечисти (Ответ на два письма) // Общее дело. 1921. № 177, 8 января. С.2.

¹⁵ Цит. по: *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А.Коростелева и А.Н.Николюкина; Послесл. О.А.Коростелева. СПб.: РХГИ, 2001. С.14.

¹⁶ См.: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1987. С.57-58, а также архивные материалы «Центра действия» (ГАРФ. Ф.5874).

¹⁷ Цит. по: *Мельгунов С.П.* Н.В.Чайковский в годы Гражданской войны: Материалы для истории русской общественности 1917–1925 гг. Париж, 1929. С.262-263.

лю к шири, глади, голи, к физической равнинности, к метафизическому равенству – эту древнюю скифскую волю»¹⁸ у Толстого, считая его здесь предшественником Ленина.

Второй тезис, прямо вытекающий из первого: необходимость новой «национальной революции» против большевиков. Гиппиус в статье «Февраль» указывала ее исток: «Россия, какими бы извилистыми путями ни вела ее история, все равно вернется к своей подлинной революции»¹⁹.

В проекте «Центра действия» утверждалось: «Наша борьба с большевизмом должна теперь вылиться в действенную подготовку, идеологическую и практическую, новой революции внутри России, независимо от связи с внешними вооруженными фронтами, буде таковые возникнут»²⁰.

Определялись и методы этой революции, заставляющие вспомнить тактику партизанской войны Б.В.Савинкова. 4 октября 1920 Савинков рапортовал Чайковскому из Варшавы: «...победить большевиков можно лишь силами русского крестьянства, без чьей бы то ни было иностранной помощи, революционным путем, организовав с помощью сформированной армии крестьянские восстания и опираясь на поддержку национальных образований, в частности, Украины»²¹.

Методы Савинкова Чайковский поддерживал – тому есть свидетельства С.П.Мельгунова («Начавшееся “партизанство” для Чайковского реальная сила, в которую он хочет вложиться»²²) и В.А.Маклакова («нужно сейчас вести войну партизанскую, непременно вооруженную, но только партизанскую <...> весь этот вопрос выдуман Чайковским»²³). Однако отношения Савинкова с Мережковскими и с Чайковским в двадцатые годы (в отличие от предыдущих лет и совместной работы в Польше) складывались непросто. По их переписке²⁴ можно проследить историю связей Парижа с Варшавой: сначала

¹⁸ Цит. по: *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста. С.148.

¹⁹ Цит. по: *Гиппиус З.Н.* Мечты и кошмар. С.144.

²⁰ Цит. по: *Мельгунов С.П.* Н.В.Чайковский в годы Гражданской войны. С.261.

²¹ ГАРФ. Ф.5784. Оп.1 Ед.хр.34. Л.5. Добавим, что в этом фонде отложилось много документов, связанных с организациями Савинкова в Польше: Русского Политического Комитета, Русского Эвакуационного Комитета, Союза Защиты Родины и Свободы.

²² *Мельгунов С.П.* Н.В.Чайковский в годы Гражданской войны. С.232.

²³ Письмо В.А.Маклакова Б.А.Бахметеву от 7 декабря 1920 // «Совершенно лично и доверительно!»: В.А.Бахметев – В.А.Маклаков: Переписка 1919–1951: В 3 т. / Общ. ред., вступит. ст., коммент. О.В.Будницкого. Т.1: Август 1919 – сентябрь 1921. М.: РОССПЭН; Стэнфорд: Изд-во Стэнфорд. ун-та, 2001. С.307.

²⁴ Письма Гиппиус Савинкову см.: ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Ед.хр.126. Письма Савинкова Чайковскому см.: Там же. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.305; Ф.5784. Оп.1. Ед.хр.34, 37.

попытка с помощью Н.Вакара объединить «Центр действия» с савинковскими организациями, а затем расхождение. Из письма Гиппиус Чайковскому от 4 июля 1921 ясно, что она осведомлена именно в польских делах: «Уехали Вакар? А Одинец? Последний раз, когда я его видела, он говорил, что Савинков едет в Гельсингфорс. О чем я жалела, находя, что лучше бы туда поехать самому Одиincu. Он более гибок и более знает людей»²⁵.

В статьях «Свержение большевиков», «Февраль» Гиппиус также соглашалась с тактикой Савинкова: «методы борьбы, военные приемы, должны отличаться некоторым образом от приемов западной регулярной войны. Следует помнить, что в гражданской войне есть свои особенности»²⁶, – но делала это явно в угоду Чайковскому, потому что в частных письмах сомневалась в действенности новых «методов борьбы»: «Желаю Б<орису> В<икторовичу> успеха, – но страшны теперь восстания неокончательные! Судороги агонизирующего. Теперь нужен один последний удар... Ну да не стоит, слишком все ясно»²⁷ (19 июля 1921).

И, наконец, третий тезис – конечная цель союза – новая «третья Россия», о которой Мережковский писал еще в Польше, в очерке «Иосиф Пилсудский». Гиппиус в статье «К случаю» употребила тот же эпитет, в статье «Февраль» расшифровала будущую демократическую программу: «Свобода для Равенства с надеждой на Братство»²⁸. Чайковский позднее к своему журналу «Новь», пропагандирующему идеи «Центра действия» (по-видимому, первоначально он рассчитывал привлечь к его изданию Мережковских), поставил эпиграф: «Родина, народоправство, федерация, собственность».

Конечно, ориентация на крестьянство, антибольшевизм, демократическая «новая Россия» – все это лозунги не только Мережковских, и не только Чайковского, и не только Савинкова, и не только «Общего дела». Как справедливо писала впоследствии та же Гиппиус: «Почему тогда тот же Савинков на ножах с Милюковым, который уж никак не за социализацию земли и сущность “программы” которого с микроскопом не отличишь от савинковской?»²⁹

Наиболее интересен здесь религиозный аспект проблемы. Мережковский в статье «Большевизм, Россия и Европа» сформулировал задачу «третьей России» – создание «Интернационала Белого, революционно-преображенно-молнийно-белого – <...> Церкви Хри-

²⁵ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Ед.хр.190. Л.2об.

²⁶ Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар. С.139.

²⁷ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.190. Л.6об.

²⁸ Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар. С.144.

²⁹ Гиппиус З.Н. «Мы больны...» // Общее дело. 1921. №518, 18 декабря. Цит. по: Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар. С.231.

стовой Вселенской»³⁰. В «Варшавском дневнике» Гиппиус привела свою запись от 11 марта 1921: «Чайковский, И.Демидов, Вакар, Карташев и мы соединяемся в какой-то религиозный союз»³¹. В цитирувавшемся выше воззвании «Настал час» говорилось о «богочеловеке». Это важнейшее понятие и для Мережковского, и для Чайковского, и о нем следует рассказать подробнее.

Идея «богочеловечества» Чайковского вышла из «религии Человечества» Огюста Конта (Милуков на вечере памяти не зря упомянул его имя). Конт рассматривал человечество как некое высшее органическое существо, в котором отдельные индивиды – лишь переходящие атомы. Т.И.Полнер писал о двух периодах «богочеловечества» Чайковского, в общем согласующихся с воззрениями О.Конта.

В первый период Чайковский считал: «Мир есть организм, человек – его сознающий орган; в нем чувствуется и сознается душа целого мира. <...> Человек – голова мирового организма». Во второй: «Мир – единый, бесконечный и живой организм, имеющий организованную душу с единством чувствования и мышления во всем целом. Человек – лишь часть этого организма, орган его и чувствующий и сознающий: его душа при полном единстве элементов и законов их жизни. В своем особенно оживленном состоянии она как бы дорастает, сливается в своих объемах с душой целой вселенной и вот тогда-то мы и слышим Бога – прежде всего в себе самих, а потом уже и в других, и в природе, и в небе, то есть чувствуем и мыслим *Космос как одно целое*»³².

Все вышесказанное весьма напоминает пантеизм. И если ограничиться этими периодами «богочеловечества» Чайковского, то в споре на вечере памяти прав оказывается Милуков: Бог (или Дух) здесь неотделим от материи, внутренне (имманентно) ей присущ – все одушевлено.

Но Чайковский пошел дальше. Тот же Т.И.Полнер писал: «В последние годы покойный исповедовал православие»³³. Письмо Чайковского к Гиппиус от 1 августа 1925 позволяет прояснить этот вопрос. Чайковский касается тех же вопросов – материи и Духа, но решает их несколько по-другому:

Можно ли отделить в реальной жизни Дух от материи (особенно в лице человеческого)? Ведь 2000 лет тому назад Воплощенный во Христа Дух победил материю и тем открыл и людям путь к воскресению.

³⁰ Мережковский Д.С. Царство Антихриста. С.28.

³¹ Гиппиус З.Н. Варшавский дневник.

³² Полнер Т.И. Н.В.Чайковский и богочеловечество // Н.В.Чайковский. Религиозные и общественные искания. Париж, 1929. С.149, 150.

³³ Там же. С.164.

А через 2000 лет, т. е. теперь, материя, хотя бы в форме «производственных отношений» в теории исторического материализма Маркса, – победила дух нескольких поколений, – и теперь нам, грешным, приходится искать синтеза этой борьбы, объединения этих двух начал в одухотворенном человеке, во Втором пришествии Бога к людям с тем, чтобы остаться с ними, вселившись в них для жизни на одухотворенной земле.³⁴

На основании этой цитаты можно утверждать, что в споре с Милуковым прав именно Мережковский. Если Дух воплощается в материю, то, как бы трудно не было их разделить, он ей внутренне не присущ. Гиппиус позднее писала о Чайковском: «Сквозь дни жизни, – самый трудный путь! – вел и ведет его Дух, все больше открывая себя в нем. Тот Дух, что познается любовным прикосновением к миру – вселенной – Отцу и принявшему плоть Человеку – Сыну; тот Дух, о котором сказано: где Он – там свобода»³⁵.

Собственно, это уже идеи Мережковского, излюбленная тема которого, правда, не «богочеловечество», а «богочеловек». Им может быть и реальный «герой» Пилсудский: «Мы забыли Бога и разучились поклоняться герою, богоявлениям в человечестве, “существам реальнейшим”»³⁶ (показательно, что эта фраза дословно повторена в статье «О белой и красной нечисти», только с указанием уже не на Пилсудского, а на Наполеона). А может и литературный герой романа: «предтеча», «бог-царь» и «мессия». Так, в «Юлиане Отступнике» перс-перебежчик Артабан говорит цезарю: «Вот лицо твое, как лицо бога. Никто еще этого не знает. Я, я один знаю, кто ты...»³⁷. В романе «Леонардо да Винчи» Леонардо и Чезаре Борджиа – как двойники-антиподы, «богочеловек»-«человекобог». В трилогии «Царство Зверя» идея «богочеловека» прельщает русских царей. В «Мессии» царь Ахенатон кажется танцовщице Дио богом: «Вдруг Дио показалось так, как еще никогда, что это Он, Он Сам, Грядущий»³⁸.

Но попытка стать богом для героя Мережковского всегда заканчивается крахом. Все начинания завершаются неудачей: поход Юлиана в Персию, преобразования Петра и Александра Первого, восстание декабристов, попытки Ахенатона создать «град божий», «царство божие на земле». «Рай» оборачивался «адамом» и вместо «богочеловечества» получалось «бесочеловечество»: «Если богочеловечество – основной догмат христианства, то обратная сторона

³⁴ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.190. Л.29.

³⁵ К 75-ти летнему юбилею Н.В.Чайковского // Последние новости. 1926. №1774, 30 января. С.2.

³⁶ Мережковский Д.С. Иосиф Пилсудский // Свобода. 1920. №2, 18 июля. Цит. по: Мережковский Д.С. Царство Антихриста. С.47.

³⁷ Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. Т.1. М.: Правда, 1990. С.277.

³⁸ Мережковский Д.С. Мессия. СПб., 2000. С.363.

этого догмата – бесчеловечество» («Большевизм, Россия и Европа») ³⁹.

Хотя Чайковскому ближе «богочеловечество», а Мережковскому – «бесчеловечество», сходство их идей (восходящих к гностицизму) очевидно. Вероятно, это «богочеловечество» и должно было стать основой религии «третьей России». Таким образом, в целом мы имеем дело с религиозным обоснованием антибольшевистской борьбы, попыткой создать военно-духовную организацию.

Конечно, было бы очень соблазнительно на основании вышеизложенного сходства объявить «Союз Духа» тайной, «внутренней церковью» по отношению к «Центру действия» (излюбленная модель Мережковских). Но реальных доказательств тому нет никаких. В ежедневнике Чайковского (маленькая типографски разграфленная книжка, с датами на французском языке) различаются отметки «Ц.Д.» и «У Мережковского». Последние стоят у дат: 15 января 1921 (с припиской «Общ<ее> собр<ание> Объединения»), 5, 12, 19 февраля, 6, 12, 27 марта, 10, 14, 21 мая 1921 г. 10, 24 ноября 1921, 22 янв<аря>, 19 (пометка «Гиппиус и Крукер»), 23 марта, 27 апреля 1922 ⁴⁰. Единственная зацепка – пометка в его записной книжке:

27. Заседание Ц<entra> Д<ействия>: 1) Демидов И.П. – 25;
2) Чайковский – 25; 3) Мережковский – 30; 4) Бунаков – ? (25) 20;
5) Струве – ? (30) 20; 6) Сев. ⁴¹ – (25) 20; 7) Шестов (20) 20. ⁴²

Но толковать этот список можно как угодно.

Во всяком случае, даже если Мережковские и пытались в очередной раз воссоздать свою модель – их попытка не удалась. Почему – будет ясно из нижеследующего. Отличие Мережковских от Чайковского не менее интересно, чем их сходство.

После поражения Кронштадтского восстания Мережковский упомянул их «внутреннее религиозное общение» как «зерно будущего» ⁴³ всего один раз, в письме от 31 июня 1921, после этого в переписке практически перестает обсуждать «Союз Духа» (очевидно, с этого времени он возвращается к беллетристике). Однако его письма к Чайковскому по-прежнему чрезвычайно любезны: «мы сейчас поняли, что Вы нам самый близкий человек в Париже» (31 июня 1921), «мы без Вас пропадем окончательно» (15 июля 1921) ⁴⁴.

То же пишет Чайковскому и Гиппиус: «...совершенно просто и серьезно говорю, что за долгие годы моей жизни я впервые встрети-

³⁹ Мережковский Д.С. Царство Антихриста. С.15.

⁴⁰ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.22.

⁴¹ Неустановленное лицо.

⁴² ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.23. Л.29.

⁴³ Там же. Ед.хр.269. Л.6об.

⁴⁴ Там же. Л.6, 9.

лась с такой подлинной и новой религиозной силой в душе человеческой. Она всегда была нужна России, но никогда так, как теперь» (4 июля 1921)⁴⁵. Последний раз она вспомнила о «Союзе непримиримых» в «Общем деле» на рубеже 1922 года: «Он жив, – еще бы! – этот таинственнейший из тайных, неуловимый для “товарищей”, союз, рожденный органически, самой жизнью» – и как будто даже пыталась угрожать его членам, изменившим программе, – они должны сказать себе: «Изменяя вышесказанному, я изменяю самому себе, и моя измена должна считаться признанием моей личной негодности»⁴⁶.

Однако ее письмо Чайковскому от 14 декабря 1921 похоже на жалобу:

Настроение Демидова нас огорчает, но что делать, надо пока оставить его в покое. Он ведь и там, в их «приходских собраниях», не удовлетворен. Он слишком искренний и глубокий человек, чтобы не разобраться, в конце концов, где правда. Что касается Манухина, то он для религии «вчера родился», он весь в своей интуитивной вере и оптимистически думает, что церковь не имеет никаких недостатков, а если были – то от самодержавия. Но с ним мы, в общем, никак не разойдемся, уж очень он влюблен в «человечество».⁴⁷

Несмотря на поражение Кронштадта и очевидный отход Мережковских от активизма (но не от антибольшевизма), отношения с Чайковским не прервались. Почти параллельно с политической «интригой» Мережковских с Чайковским развивалась и «интрига» литературная. Чайковский являлся председателем Комитета помощи русским писателям и ученым (указания о заседаниях Комитета появляются в его ежедневниках с 29 сентября 1920). Мережковские рассчитывали на субсидии от Комитета, кроме того, были заинтересованы в создании русско-французского издательства и всяческом поддержании своих французских связей, в том числе с помощью Чайковского и супругов Petit⁴⁸ (это имя также встречается и в ежедневнике Чайковского и в дневниках Буниных). При обсуждении предполагаемого издательства в письмах возникал вопрос об издании или книг, или журнала. Журнал, очевидно, был нужен Чайковскому для пропаганды идей «Центра действия» (он и создал «Новь»), а книги – писателям.

⁴⁵ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.190. Л.1об.

⁴⁶ Гиппиус З.Н. О верности // Общее дело. 1922. №531, 1 января. Цит. по: Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар. С.248.

⁴⁷ ГАРФ Ф. 5805 Оп.1. Ед.хр.190. Л.8, 8об.

⁴⁸ Письма Д.С.Мережковского к супругам Пети / Публ. Р.Нежинской // Новое литературное обозрение. 1995. №12. В письмах к Чайковскому Мережковский называет супругов – Пти.

31 июня 1921 г. Мережковский писал Чайковскому:

...тоже очень важно дело с французами. Вот это дело может нас всех спасти не только материально, но и духовно, а ведь мы, русские писатели, собравшиеся в Париже, представители всей Русской Литературы, оставшейся свободною, не пошедшей на службу к насильникам. Спасти нас – ее спасти. Я почувствовал, что французы – по крайней мере, Тэррио – это хотя и могут сделать. И опять-таки мы без вас пропадем. <...> Главное, из кого будет состоять редакция русско-французского издательства. Из русских я бы включил в нее: Вас, Бунина, Куприна, Бальмонта, З.Н.Гиппиус, и если найдете нужным, то себя. Мне кажется, больше никого не нужно. Разве еще Т.И.Полнера для связи с Русской Землей?⁴⁹

Напомним, что еще в 1920 Комитет издал «Русский сборник», в который вошли произведения ряда эмигрантских писателей, в том числе Бунина, Куприна, Мережковского и Гиппиус. «Русская земля», кооперативное издательство писателей во главе с Полнером, в 1920–1922 выпустило книги Бунина, Мережковского, Бальмонта и Куприна.

Летом 1922 в Комитете помощи русским писателям и ученым произошел весьма неприятный инцидент, сыгравший роковую роль в истории отношений Мережковских с Чайковским. Записи Чайковского по этому поводу довольно неразборчивы и путаны:

История Француз<ской> Акции и И.Х.Крукер. Противодействие Корифеев и оскорбительное отношение к Кр<укер>у. (Молодой ч<елове>к, который тут работает. И Бунин. Вы улыбаетесь. Я Вам делаю замечание. Куприн. Фр<анцуз>ы для нас <...> Мер<ежковский>. Комитет так только мог <...> Нам он не нужен... Мы без них обойдемся. И.Бун<ин>).

<...> Обращение Дм<итрия Сергеевича> <...> с просьбой дать ½ сбора 4-м литераторам. Засед<ание> Бюро по этому поводу. 20.VI.20. Обсуждение бюро без литературного скандала. Приход их <...> Я воздерживаюсь. Выходка жалкого Куприна против Крукера и затем уход.

По мнению Мереж<ковского>–Куприна, Крукер не прав – «А как же Вы сами – вы забыли о Св. Духе» – сконфужен?⁵⁰

Запись Чайковского от 27 июня 1922 гласит: «Должен в Бюро – Бунин. Вы были грубы, довели нас до истерики. Мы не готовы больше слушать ваших гражданских нотаций. Обойдемся и без комитета. См. письма З.Н.Гиппиус»⁵¹.

Все это сопровождается ласковыми письмами Мережковских к Чайковскому. 25 июня 1922 Мережковский пишет: «...мы все время

⁴⁹ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.269. Л.7, 8.

⁵⁰ Там же. Ед.хр.24. Л.38.

⁵¹ Там же. Л.38об.

чувствуем, что Вы нам родной, близкий, милый. Знаете, всегда, как вспоминаю о Вас, то радуюсь, что такие люди есть на свете, и теплее станет. Дай Бог, чтобы долго еще было тепло от Вас всем и нам особенно. Люблю Вас, милый, и целую крепко»⁵². В письме от 22 ноября 1922 он старается загладить ситуацию в Комитете:

... глупые и злые люди всячески хотят меня поссорить с Комитетом, а я ссориться с ним не хочу, напротив, я надеюсь, что только чуть-чуть вздохну (сейчас мне очень тяжело), устрою вечер в пользу Комитета, ибо считаю и всегда считал, что его значение огромное, не только в материальном, но и в общественном смысле. Я буду счастлив, если мне удастся употребить в пользу Комитета то очень маленькое преимущество, которое у меня есть или будет во французских кругах. Я буду счастлив это сделать, потому что председателем Комитета именно Вы⁵³.

Гиппиус 22 июля 1922 пытается объяснить с Чайковским:

...противные эти истории с деньгами и вечерами – я и слушать о них не хотела, а Дм<итрий> С<ергеевич> так был расстроен, что почти и рассказывать мне не хотел. Знаю только, что после какого-то заседания написал Вам письмо (я его читала) с отказом от вечера, но не только за себя, но и за Бунина, но когда Бунину было послано это письмо, он на него не согласился. И письмо осталось не посланным.

Повторяю, я совершенно не хочу никого судить, и не могу, я только вам хочу сказать, что если Д<митрий> С<ергеевич> когда-нибудь шел против Вас, – тут – то не из меркантильных целей, а для того, чтобы сохранить единый «писательский» фронт. Его положение в этом деле было особенно, исключительно, трудное.⁵⁴

В письме от 19 сентября 1922 она ссылается на опыт петербургского Литературного фонда, где принято было не помогать всем по мелочам, а давать кому-либо одному крупную сумму. Оправдывая это, Гиппиус пишет: «Но сделал ли нас Бог всех равными хотя бы в нуждах наших телесных, не говоря уж о том, что ни один нищий копеечкой своей нужды не утолит»⁵⁵. В письме от 29 сентября 1922 продолжает: «Я все стараюсь придумать, как бы так устроить, чтобы Комитет действительно принял облик петербургского Литер<атурного> Фонда»⁵⁶.

Чайковский, по-видимому, был глубоко оскорблен поведением бывших единомышленников по «Союзу Духа». В архиве сохранилось несколько черновиков его писем к Гиппиус. О выступлении

⁵² ГАРФ, Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.269. Л.11.

⁵³ Там же Л.12.

⁵⁴ Там же. Ед.хр.190. Л.13-13об.

⁵⁵ Там же. Л.15-15об.

⁵⁶ Там же. Л.17об.

Мережковского в Комитете помощи литераторам и ученым он пишет Гиппиус:

Вы совершенно правы, что лучше бы этих встреч, вечеров и разговоров о грошах совсем бы не было. Не скрою от Вас <...> речь Дмитрия Сергеевича и огорчила и удивила меня: в ней совершенно ясно прозвучала нота языческого олимпийства, не только претендующего на безусловное господство, но и требующего беспепелляционного поклонения со стороны нас, христианской толпы. <...>

К сожалению, я предвижу, что из этого еще произойдет не мало всяких конфликтов и что в конце концов все-таки придется разойтись в разные стороны. Избегать этого <...> отказаться от язычества и усвоить⁵⁷ другую христианскую этику, какая есть в нашем общем credo.

Масла в огонь подлило отношение Мережковских к Бунину. Бунин в это время стал их ближайшим единомышленником – что видно и по дневникам Буниных, и по статьям Гиппиус, и по реакции эмигрантской общественности: так, в «Литературном приложении» к «Накануне» (1922. №3) имя Бунина связывалось с «Орденом непримиримых» Гиппиус.

Спор по поводу бунинского творчества разгорелся и в переписке Гиппиус с Чайковским. 12 сентября 1922 Гиппиус писала о Бунине: «У него душа с сильным горением, чисто русская душа; и он очень большой художник (а это дар Божий)». Интересно в этом письме и ее суждение о России, напоминающее бунинское: «Я и Россию люблю лично, лик ее скорбный сейчас. Она не умерла и не может умереть, потому что собственно Россия – не территория, не правительство или государство, даже не народ, а лицо ее, создаваемое ее духом, совершенно особым, и в каждом из нас его капелька живет. Те же, в ком дух угас, залитый собственным буйством и кровью, – те уже умерли, будь они хоть из самого народу, из самой, что ни есть, демократии»⁵⁸.

Чайковский в ответном письме от 17 сентября 1922 иначе характеризует Бунина:

Он пишет – для изданий иностранцев, вероятно – пасквиль на свой родной народ. Помните: «Жить бы да быть бы, жрать бы да жить бы, не работать никогда...» <...> – Нет, не любовь! А только злоба, брызжащая ядовитой слюной, может вдохновлять на такую поэзию! – и этот же самый носитель «дара Божия» буквально кричит по моему адресу на собрании Комитета: «Вы, пожалуйста, <...> гражданской добродетели не читайте – они нам не нужны, как и ваш Комитет, – мы обойдемся и без них». И в заключение,

⁵⁷ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.269. Л.18.

⁵⁸ Там же. Ед.хр.190. Л.150б.-16.

кладя в карман собранные французские деньги (10.000 фр<анков>), заявляет – «а все-таки ваши французы для нас ровно ничего не сделали». А через 10 минут целуется со мной по случаю своего отъезда на лето в Ambrasu. Не берусь оценивать его талант, ибо мало читал его, но мне сдается, что это неодухотворенный дар Божий.⁵⁹

Гиппиус в письме от 29 сентября 1922 почти оправдывается:

Я хотела сказать, что как Бог личен (а не какая-то там Высшая Сила, разлитая в пространство), так важна и любовь к человеку, т. е. к его лику, никогда не повторяемому; всегда несовершенному; но если в нем еще горит искра Божия, несовершенство это ему может быть прощаемо.

Так же, когда я люблю Россию, – я люблю ее лик в духе, и когда часть народа его теряет, тут уж для меня не Россия, и любви нет; и если бы темный дух всем русским народом завладел – я бы весь его возненавидела. <...>

Бунин, действительно, подчеркивает темные стороны народа, но они же есть, и в этом смысле он не клеветает; беда, если он и светлых не видит. Я вам прямо скажу, что я, например, не хочу закрывать глаза на темное и никогда не провозглашу, как Савинков, – «Его Величество – народ русский!»⁶⁰

В этом обмене мнений важна не только оценка Бунина. Авторы писем обращаются к проблемам народности и демократизма в широком смысле этого слова. Именно здесь проходит линия, разделяющая Мережковских с Чайковским. И Чайковский это прекрасно понимает. Его последнее, уже частично цитировавшееся письмо к Гиппиус от 1 августа 1925 – в сущности, о том же, хотя формально оно вызвано публикацией стихотворения Гиппиус «Наставление».

Чайковский пишет:

К сожалению, должно быть, я не понимаю Ваших мыслей, вложенных Вами в Ваши прекрасные по форме, но – на мой взгляд – сатанинские (или, как угодно, байроно-тютчевские) по содержанию строфы в Совр<еменных> Запис<ках> XXIII.

По-Вашему, ни Земля, ни люди не достойны ни Ваших слов, ни слез, на вздохов. А кто же достоин? Должно быть, Небо и Дух, что ли? Но ведь они в Ваших слезах и вздохах, а тем более словах – не нуждаются. А тем, кто в них действительно нуждается и кому по «Нагорной проповеди» они предназначаются, Вы гордо и легкомысленно отказываете. Только сатана может учить этому, а не последователь Христа.⁶¹

Чайковский обвинил Гиппиус в элитарности. Это справедливое обвинение. Элитарность Мережковских, в отличие от Чайковского, –

⁵⁹ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Ед.хр.190. Л.28, 28об.

⁶⁰ Там же. Л.17-17об.

⁶¹ Там же. Л.29.

видна во всем. Прежде всего, в художественных произведениях. В романах Мережковского «богочеловечество» – удел немногих избранных. Путь к нему – посвящение, обучение, приобщение к некоей «тайне» (отсюда и излюбленная «тайна» в названии книг, статей и выступлений). Все герои Мережковского проходят или через религиозное посвящение в таинство, или через период обучения, приобщения к тайному знанию. Остальное же человечество – «бесчеловечество»: для простонародья Мережковский всегда находил самые негативные эпитеты.

Чайковский в своем «богочеловечестве» гораздо демократичнее: это «богочеловечество», в принципе, может быть доступно любому. В речи на первой годовщине Республиканско-демократического объединения (РДО) он говорит: «...главное – восстановить в русском человеке потерянную веру в себя, во внутреннюю правду, воскресить в нем образ Божий, возродить в нем духовного человека»⁶². Накануне смерти в письме из Англии 26 января 1926 размышляет о «творении *нового блага* из себя самого, т. е. из своего абсолютного содержания»⁶³.

Сказывается их различие и в литературных и житейских делах. Весь вышеизложенный конфликт в Комитете помощи литераторам и ученым объясняется разностью мировоззрений его участников. Не случайно Гиппиус вспоминает петербургский Литературный фонд с его принципом избранности.

Но самое интересное для нас – политическая программа, тот самый «Союз Духа», с которого мы начали.

Чайковский был демократом, сторонником крестьянского восстания и партизанской войны. Это видно даже по названиям, которые он давал своим организациям. В ежедневнике против первого визита к Мережковским он записал: «Общее собрание Объединения», свою конспиративную организацию назвал «Центр действия», а готовил «революцию», крестьянские восстания. И не случайно в конце концов разошелся с Савинковым. Чайковский – человек партии, общины, более народного, массового, демократического объединения. И в этом – его сходство с Милюковым, объяснение связи с РДО и т. д.

Мережковские же – «люди ордена». То, что газета «Накануне» назвала их Союз «Орденом непримиримых» – чрезвычайно симптоматично. Они хотели создать духовно-военную организацию для немногих избранных и стать ее идеологами.

⁶² Республиканско-демократическое объединение. Первая годовщина // Последние новости. 1925. №1571, 10 июня. С.3.

⁶³ Чайковский Н.В. Через полстолетия // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. №3. С.188.

И, как всегда, были одними из первых. Позднее многие антибольшевистские организации в эмиграции стремились именно к орденской структуре. Об «ордене» говорил Карташев в речи «Впечатления о поездке в Галлиполи»⁶⁴, Ю.Семенов в докладе на Зарубежном съезде, Бунаков-Фондаминский на заседании «Зеленой Лампы», И.А.Ильин в своей публицистике, младороссы – в программе... Сама ситуация эмиграции, очевидно, располагала именно к «ордену», объединению немногих избранных. Но эта тема требует отдельного исследования.

⁶⁴ *Карташев А.В.* Впечатления о поездке в Галлиполи // Исследования по истории русской мысли. М., 1998. С.380.

Давид Бурлюк
**«Я БЫЛ ДЛЯ МАЯКОВСКОГО СЧАСТЛИВОЙ
ВСТРЕЧЕЙ...»**

Публикация Д.В.Карпова

Визит в 1956 в СССР «отца русского футуризма» Давида Давидовича Бурлюка (1882–1967), впервые после долгого перерыва ступившего на родную землю, стал одним из значительных культурных событий периода оттепели. Его второе и последнее посещение СССР в 1965 пришлось уже на конец кратковременной либерализации.

Один из организаторов группы «Гилея», поэт, художник и издатель, теоретик и пропагандист футуристического искусства, соавтор и участник громких творческих манифестов, художественных акций, а также публичных скандалов, Бурлюк не менее ярко проявил себя как летописец футуризма. В своих воспоминаниях он пишет: «Я был не только одним из зачинателей, очевидцев, нет, также одним из вдохновителей часто тех, на чьи головы потом так легко и щедро упали весомые венки славы и признания. <...> Ибо я – равно поэт и художник»¹.

Знакомство и дружба Бурлюка с Маяковским сыграли большую роль в судьбе обоих. В начальный период их общение было особенно важно для молодого Маяковского, которого Бурлюк ввел в художественное сообщество, усиленно пропагандируя его творчество. «Я был для Маяковского счастливой встречей, “толчком” к развитию цветка его Поэзии. Маяковскому нужен был пример, среда, аудитория, доброжелательная критика и соратник. Все это он нашел во мне»². Вскоре после знакомства Бурлюк и Маяковский «развивают в Москве особенно кипучую деятельность, не упуская ни одного случая заявить о себе, принимая участие во всех диспутах если не

¹ Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С.22.

² Там же. С.63.

в качестве докладчиков, то в роли оппонентов, стараясь вклинить свои имена в любое событие литературной и художественной жизни Москвы»³.

В отечественном литературоведении многие годы Бурлюк упоминался лишь благодаря автобиографии Маяковского «Я сам». Только в последние десятилетия их взаимоотношения и совместная творческая деятельность стали изучаться во всей полноте, без идеологических упрощений. Сам Бурлюк придавал такое большое значение своей роли старшего друга и учителя, что «готов был превратиться в подстрочное примечание к Маяковскому»⁴.

Биография «отца русского футуризма» сложилась, однако, совсем по-иному, чем у большинства других участников движения. Вторую половину жизни Бурлюку суждено было провести в США. Его постепенный отъезд из России растянулся на несколько лет.

В 1915 Бурлюк, бежав от военной нищеты и разрухи, оседает в Башкирии, где живет до 1918, постоянно навещая в Москву и Петроград. На жизнь он зарабатывал продажей сена русской армии, продолжая при этом заниматься живописью. Революция и начавшаяся Гражданская война заставляют Бурлюка искать более спокойного места для себя и своей семьи: «от пушечной стрельбы мне нужно было спасать своих малых детей в 1918 году»⁵. Положение осложнилось восстанием чехословацких войск, в результате чего художник был отрезан от Москвы, от своих друзей. В жизни Бурлюка начинается «сибирский период». За год он совершил «большое сибирское турне»⁶, схожее с поездками футуристов в 1913–1914. Он выступает с лекциями о современной поэзии, издает свой первый поэтический сборник «Лысеющий хвост» (Курган, 1918), а в Томске выпускает второй номер «Газеты футуристов». По определению Н.Харджиева, «это была “вторая молодость” неутомимого, деятельного организатора и идеолога группы кубофутуристов»⁷.

В августе 1919 Бурлюк с семьей прибывает во Владивосток, где активно участвует в деятельности футуристической группы «Творчество», совместно с Н.Асеевым, С.Третьяковым, Н.Чужаком, В.Пальмовым. Несколько лет спустя Асеев вспоминал о Бурлюке этого периода:

Однажды на улице я увидел широченную спину, по-дельфиньи согнутую в дугу. Я оглянулся на колыхавшегося по тротуару человека. Так и есть – это Бурлюк.

Широченные жесткого сукна штаны, цветной жилет, одноглазка в недостающем глазу – и фигура фавна, столпа, отца русского футуризма вырастает в землю от неожиданной встречи.

Бурлюк жил с двумя детками и женой за сопками, в рабочей слободке. Жил он в парикмахерской, брошенной владельцем. Комнаты были заняты нарами, книгами и холстом для картин. Бурлюк жил берложной жизнью. Он ходил, устраивал выставки, издавал книги,

³ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989. С.420.

⁴ Марков В. История русского футуризма. СПб., 2000. С.276.

⁵ Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С.126.

⁶ Харджиев Н. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т.1. С.317.

⁷ Там же.

шумел и громил мещан и пассаеистов. Наскребши немного денег, он закупал краски, холст, бумагу, чай, сахар, пшено, муку и материю на рубашки детям, всего этого месяцев на 5, и засаживался за холсты.

Он писал маслом и акварелью, сепией и тушью, а жена его Мария Никифоровна сидела рядом, записывая диктуемые им рассказы и воспоминания.⁸

Осенью 1920 перед семьей Бурлюков встал вопрос: оставаться во Владивостоке или возвращаться в Москву. После долгих раздумий был выбран третий вариант – эмигрировать в США через Японию. Бурлюк нигде открыто не говорит о причинах, подтолкнувших его к отъезду из страны. Политическим эмигрантом он не был и к советской власти до конца жизни проявлял лояльность, если не сказать больше. Возможно, его привлекал динамизм американской жизни и близость культуры, о которой еще в 1916 сказал С.Дягилев, обращаясь к американской публике: «Традиции прошлого не властны над вами. Вы живете в будущем, и в этом вы сродни нам. Мы, славяне, являемся самыми молодыми среди старых наций, и в Европе мы добились права быть выслушанными. Европа любит нас за то, что мы даем новое»⁹. Некоторые исследователи в качестве возможных причин отъезда Бурлюка называют боязнь преследований за брата, служившего в Белой армии¹⁰.

Во время пребывания в Японии, с октября 1920 по август 1922, Бурлюк активно участвовал в художественной жизни страны восходящего солнца. В 1920 он вместе с В.Пальмовым организовал Первую выставку русской живописи в Японии, позже неоднократно участвовал в выставках Футуристической художественной ассоциации Японии, устраивал персональные выставки. «Японский период» стал одним из самых плодотворных в творчестве Бурлюка. «В Японии, с 1920 года, я принялся за отображение жизни этой необыкновенной страны. За два года пребывания там мной написано около трехсот пейзажей, из них сто двадцать пять осталось в музеях и частных коллекциях Японии»¹¹.

Американскую визу Бурлюк с семьей получил весной 1922 и 2 сентября 1922 прибыл в Нью-Йорк. Первые десятилетия пребывания художника в США были тяжелыми. Успех, известность и материальное благополучие пришли далеко не сразу. В дневнике М.Бурлюк за 1930, опубликованном в журнале «Color and Rhyme», часто говорится о тяжелом материальном положении семьи: «Эти дни трудно: нет денег на пищу»¹²; «В лампе нет керосина»¹³; «Долг за краски 48 долларов»¹⁴.

⁸ Асеев Н. Октябрь на Дальнем // Новый ЛЕФ. 1927. №8-9. С.44.

⁹ Дягилев С. Заявление для американской публики // Сергей Дягилев и русское искусство: В 2 т. М., 1982. Т.1. С.237.

¹⁰ См.: Евдаев Н. Давид Бурлюк в Америке: Материалы к биографии. М., 2002. С.56. Имеется в виду поэт и теоретик Николай Бурлюк (1890–1920).

¹¹ Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С.127.

¹² Color and Rhyme (New York). 1961–1962. №48. С.25. (Этот номер издан на русском языке.)

¹³ Там же. С.26.

¹⁴ Там же. С.33.

В 1923 Бурлюк начинает сотрудничать с художественным объединением «Société Anonyme», которое основали писатель и художник Катерин Драйер, художник Марсель Дюшан и фотограф Ман Рэй. Это объединение организовало в марте 1924 первую персональную выставку Бурлюка в Америке.

В дальнейшем Бурлюк активно сотрудничает с множеством галерей, наиболее успешно с «ACA Galleries», открывшейся в августе 1932. Эта галерея делала ставку на современное американское искусство, причем представляла не только американцев, но и выходцев из Африки, Латинской Америки, Китая, России, отдавая предпочтение картинам социальной тематики.

Живописное творчество Бурлюка со временем приобрело популярность и известность в американских художественных кругах. Его произведения стали приобретать как частные коллекционеры, так и крупные галереи и музеи.

В Америке проявилась еще одна грань творчества Бурлюка – его журналистское дарование. В 1923 он начал работать в газете «Русский голос», выходящей в Нью-Йорке на русском языке. Газета поддерживала Советскую республику и выступала за международное рабочее движение. По словам Бурлюка, это была «единственная газета, проводящая неустанную защиту советских интересов за пределами СССР»¹⁵. Бурлюк вел в газете отдел, посвященный литературе и искусству. На своей литературной страничке он публиковал русских поэтов и писателей, проживающих в США. Там же помещалась информация о новых книгах и хроника культурных событий в России. Со временем Бурлюк стал публиковать свои литературоведческие статьи, а также печатал статьи многих ведущих деятелей отечественной культуры: Н.Евреинова, А.Луначарского, И.Эренбурга и др. В 1925 газета подробно освещала приезд Маяковского в США. Бурлюк сопровождал его в поездках, на лекциях и выступлениях, публиковал в «Русском голосе» отчеты и репортажи о пребывании Маяковского в Америке.

В газете Бурлюк проработал до 1940, после чего решил полностью посвятить себя живописи, однако еще несколько лет продолжал сотрудничать с газетой, живо интересуясь событиями в СССР и неоднократно подчеркивая свое маяльское отношение к советской власти. В своем первом письме в музей Маяковского¹⁶ он представился так: «Дорогие друзья: Я – Давид Бурлюк. Я являюсь ред<актором> худ<ожественного> отдела газеты (строго просоветской) “Русский голос”»¹⁷. А в письме Асееву он пишет: «Я с 1940 года оставил работу в газете – до 1947 – со стороны»¹⁸.

В 1930 Давид и Мария Бурлюк начали выпускать журнал «Color and Rhythme» («Цвет и ритм»), в котором публиковались статьи и материалы о

¹⁵ Письмо Д.Бурлюка Э.Ф.Голлербаху от 19 августа 1934. См.: *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. С.215.

¹⁶ Государственная библиотека-музей В.В.Маяковского (далее – БММ) основана в 1937, с 1967 – Государственный музей В.В.Маяковского (далее – ГММ).

¹⁷ Письмо Д.Бурлюка в БММ от 25 июня 1946 см.: Рукописно-документальный фонд ГММ (далее – РДФ ГММ). КП 12696/РД6779. Ф.4. Оп.2. Ед.хр.4.

¹⁸ Письмо Д.Бурлюка Н.Асееву от 14 мая 1948. – РДФ ГММ. КП 30577/РД8497. Ф.2. Оп.1. Ед.хр.5.

современном искусстве, стихи, рассказы, воспоминания. Каждый номер включал репродукции с картин и рисунков, фотографии. Большинство материалов было посвящено творчеству Бурлюка – он перепечатывал газетные и журнальные публикации о своем творчестве, критические отзывы, письма друзей. Также в издании были опубликованы воспоминания о Маяковском и других русских футуристах, дневники путешествий Бурлюков в Европу. Воспоминания самого Бурлюка часто не отделялись от воспоминаний его жены. «Когда Я пишу “я” – это означает, пишем мы – всегда вместе, всегда нераздельно: Па Бурлюк и Ма Marussia»¹⁹.

Издательство, возглавляемое М. Бурлюк, помимо журнала выпустило книги Бурлюка – поэтические сборники «Д. Бурлюк пожимает руку Вульворту Бильдингу» (1924), «Десятый октябрь» (1928), «Толстой» и «Горький» (1929), «Энтелехизм» (1930), «Красная стрела» (1932), «1/2 века» (1932), а также несколько книг, основанных на впечатлениях от пребывания в Японии: «Восхождение на Фудзи-сан» (1926), «По Тихому океану» (1927), «Ошима» (1927) и др. Кроме того, в 1931 были изданы мемуары Б. Лившица «Гилея», а также две брошюры, посвященные творчеству Бурлюка: «Поэзия Давида Бурлюка» Э. Ф. Голлербаха и «Литературный труд Д. Бурлюка» И. С. Поступальского.

В публикациях Бурлюк подчеркивал свои симпатии и лояльность к советской власти. «Я на чужбине в течение 6 лет веду неустанную работу пером на защиту Советской родины моей, в стране хищного капитала; не порываю с родным и близким, веду свою литературно-художественную работу, стоя на страже свободы Нового – Революционного искусства, во имя создания невиданных форм эстетических, коих ждет пролетариат»²⁰. Нашлись у него и единомышленники, ставящие перед собой схожие задачи. «Местная просоветская колония, в среде которой есть немало и стойких партийных элементов, тесно связана с пульсом великого строительства социализма в стране рабочих и крестьян, стране Ленина и Сталина»²¹. Долгое время Бурлюк возлагал надежды на скорую победу пролетарской революции в США и свое триумфальное возвращение в СССР как лидера революционного футуризма²². Надеждам этим, однако, не суждено было осуществиться. Возможно, именно это, а также неустойчивое финансовое положение подтолкнули его к идее возвращения в СССР. Еще в 1926 В. Каменский писал ему: «Когда собираешься в Россию? Сколько накопил долларов? Не хочешь ли заняться, как и я, хозяйством? Давай поселяйся жить на Каменке со мной или же купи рядышком хуторок»²³. Ностальгия постоянно присутствует в стихах Бурлюка:

От Родины дальней, От Руси родимой
Унес меня тягостный рок

¹⁹ Письмо Д. Бурлюка А. С. Езерской от 26 августа 1958. – РДФ ГММ. КП12712/РД6739. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 17.

²⁰ Бурлюк Д. Энтелехизм. Нью-Йорк, 1930. С. 5.

²¹ Задачи русских писателей в Америке (По поводу 4-го сборника пролетарских художников и писателей «Серп и Молот») // Серп и Молот. 1932. № 4. С. 5.

²² Марков В. История русского футуризма. С. 276.

²³ Color and Rhyme. 1961–1962. № 48. С. 40.

Стезю печальной Тропой нелюдимой
И бросил на горький чужбины порог
Сжимается сердце, Тоскою томится
И будней измято железом в кольцо
Кругом иноверцы идут вереницей
С угрюмым и мрачнобетонным лицом.²⁴

Политическая обстановка в США с каждым годом вызывала все большую тревогу у Бурлюка: «За границей для всех имевших какую-либо связь с Советским Союзом временами не так уж безопасно жить. (Случись что-либо – нас здесь прикончат в первый счет!) <...> Теперешнее гонение на Сов<етский> Союз, начавшееся летом, крайне ухудшило наше здесь положение, на всех связанных с Сов<етским> Союзом смотрят косо, чуждаются или побаиваются»²⁵.

Письма и документы, хранящиеся в музее Маяковского, свидетельствуют о том, что намерения Бурлюка вернуться в СССР были серьезными²⁶.

10 февраля 1941 директор музея Маяковского А.Езерская пишет нарком просвещения РСФСР В.П.Потемкину²⁷:

Довожу до Вашего сведения, что 6 февраля с/г на имя дирекции библиотеки-музея Маяковского пришло письмо из Америки от старого друга Владимира Владимировича Маяковского Давида Давидовича Бурлюка, который с 1922 года живет в Америке и с 1930 г. является Американским гражданином.

Д.Бурлюк в этом письме обращается к дирекции библиотеки-музея, через нее к московским друзьям Маяковского с просьбой помочь им, т. е. Д.Бурлюку, его жене и одному из сыновей, вернуться в СССР в Москву.

Заявление о принятии в Советское подданство Бурлюки подали 17 декабря 1940 г. советскому послу в Нью-Йорке.

Д.Бурлюк просит оказать ему материальную помощь для переезда в СССР и сообщает, что он везет богатый архив материалов о Маяковском, библиотеку (150 пудов) и 100 различных художественных картин и набросков знаменитых американских мастеров.

Письмо Д.Бурлюка я сразу же переслала Генеральному секретарю НКВД тов. Соболеву.

Прошу Вас дать мне указания о дальнейших мероприятиях и об ответе Д.Бурлюку.²⁸

²⁴ Бурлюк Д., Бурлюк Н. Стихотворения. СПб., 2002. С.262-263.

²⁵ Письмо Д.Бурлюка Э.Ф.Голлербаху от 25 декабря 1930. См.: Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С.196.

²⁶ Эти документы долгое время не были доступны специалистам, что позволило С.Красицкому утверждать о Бурлюке: «попытка вернуться навсегда в “страну рабочих и крестьян” он не предпринимал». См.: Красицкий С. Поэты Бурлюки // Бурлюк Д., Бурлюк Н. Стихотворения. С.50.

²⁷ Владимир Петрович Потемкин (1874–1946) – советский политический деятель, дипломат, член ЦК ВКП(б), нарком просвещения РСФСР (с 1940).

²⁸ РДФ ГММ. КП12694/РД8584. Ф.4. Оп.2. Ед.хр.2.

В музей Маяковского вскоре поступил запрос из комиссариата иностранных дел о том, что представляет собой архив Бурлюка²⁹. Езерская не располагала точными сведениями о количестве и характере архивных материалов, хранящихся у Бурлюка, однако написала, что, так как он «в течение нескольких лет находился рядом с Маяковским и в первые годы литературной деятельности поэта оказывал на него определенное влияние, путешествовал с ним вместе с выступлениями, библиотека-музей Маяковского считает, что архивные материалы о Маяковском, которые сохранил и собрал Давид Бурлюк (и особенно материалы, связанные с пребыванием Маяковского в Америке и за границей), безусловно, представляют очень большую ценность для исследования и изучения творческой и общественной биографии великого поэта»³⁰.

Твердое решение вернуться Бурлюк высказывал и в переписке с друзьями. В письме к В.Перцову от 4 января 1941 он сообщает, что отправил прошение в музей Маяковского, и добавляет:

Мое здоровье, пока, вполне удовлетворительно и я могу работать и кистью и пером. Надеюсь по прибытии на Родину, посильно, отработать полностью ту великую услугу мне и моей семье, о которой ныне хлопочу.

В Америке, Японии и Сибири я неизменно оставался преданным делу Ленина-Сталина беспартийным большевиком, бесстрашно, не кривя душой, шел по своей, Володиной линии.

Едем: Я, жена Мария и младший сын – Никифор Бурлюк 25 лет. Английский журналист и учитель англ<ийского> языка. Его Володя обнимает левой рукой. Старший сын Давид (архитектор-скульптор) приедет позже.

Вернуться мы желаем советским пароходом из Нью-Йорка во Владивосток и дальше проследовать в Москву по жел<езной> дороге. Я буду считать великим моментом моей жизни, когда вступлю на Советскую землю.

Помогите мне; я знаю, что в столь тревожное время исполнение моей просьбы не так легко, но я глубоко верю, что мои друзья и друзья В.В.Маяковского помогут мне.³¹

В письме Асееву от того же числа Бурлюк пишет более искренне: «Пробил час! Дети обучены, Америка изучена, и есть еще остаток сил, чтобы вернуться на Родину»³².

Неизвестно, что помешало осуществиться этим планам – начавшаяся война, отказ советских властей, а может быть, кто-нибудь рассказал Бурлюку, что ожидает в СССР эмигрантов, вернувшихся из-за границы. Так или иначе, после 1940 попыток вернуться в Россию Бурлюк долгое время не предпринимал, и его желание посетить Родину осуществилось только через 15 лет.

Финансовое благополучие пришло к Бурлюку после Второй мировой войны. Он приобрел дом в Хэмптон-Бэйз, Лонг-Айленд, а зиму проводил во

²⁹ РДФ ГММ. КП12693/РД6759. Ф.4. Оп.2. Ед.хр.3.

³⁰ Там же. КП12695/РД8585. Ф.4. Оп.2. Ед.хр.2.

³¹ Там же. КП12696/РД6758. Ф.4. Оп.2. Ед.хр.1.

³² Там же. КП30571/РД8491. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.5.

Флориде. Достигнуть всего этого помогла живопись. «Обеспечение – дома <в> деревне, городе – дала живопись. Пишу красками ежедневно до 12 часов ночи. Мы – Маруся – Я – живем <в> деревне, 85 миль от Нью-Йорка»³³.

С конца 1940-х Бурлюки много путешествуют по Европе, Северной Африке и Кубе, а в 1955 возвращаются к идее посетить СССР и возобновляют активную переписку с Асеевыми:

Дорогие милые Коля и Оксана! Сейчас по радио было сказано, что наша ам<ериканская> постановка (труппа) Porgy and Bess – выехала из Берл<ина> в Москву. Повеяло, и веет женевским воздухом... И для нас простых ам<ериканских> смертных, кажется, наконец, надемся к весне не ухудшится погода (ветер weather) – будет возможно приехать на Родину на 3 месяца, в качестве (в виде) американских туристов. Марта 29-го Я и Маруся на норвежском п<аро>х<о>де отплываем в Осло, оттуда поездом в Стокгольм и т. д. Конечно, из Стокгольма тоже пароходом, летать мы не любим. <...> Раньше нам не удавалось наладить поездку, но с 1949 года мы уже 2 раза были в Европе. <...> Как америк<анским> гражданам – нам разрешается (кажется?) – ехать за занавес... Но остановка теперь за следующим:

1) Советская виза, или лучше всего иметь от какого-либо сов<етского> учреждения, напр<имер> Музей Маяковского или что другое (Водопровод города Москвы) – приглашение. Званные гости...

2) Вторым номером идет сов<етский> рубль. Вы даете 4 руб. за доллар. На наш доллар два человека <с> 300 дол<ларами> в мес<яц> могут жить припеваючи в Париже <...> Мы будем иметь деньги на билеты до границы Сов<етского> Союза – Финляндии (в оба конца). Мы планируем побыть 2–3 дня в Ленингр<аде>, неделю – 2 в Москве <...> затем Крым, Кавказ. <...> Боясь близящихся старых страстей-мордастей, и решили с Марусей... Если не этой весной, не этим летом, то позднее уже будет, м<ожет> б<ыть>, поздно. Едем. Едем!.. Но как быть с валютой... необходима какая-либо помощь знатым путешественникам.³⁴

В другом письме Бурлюк говорит о цели поездки:

В USSR я (мы) едем для написания <так!> выставки моей (ради ее успеха) в Н<ью>-Й<орке> в декабре 1956 года. Я должен буду набрать – подготовить материал (этюды) для двух больших картин – Крым... Медведь-гора <...> я везу с собой бумагу, акварель, масло, краски и 20 холстов на подрамках – моя выставка «USSR, его природа и люди» должна иметь успех!³⁵

³³ Письмо Д.Бурлюка Н.Асееву от 14 мая 1948. – РДФ ГММ. КП30577/РД8497. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.5.

³⁴ Письмо Д.Бурлюка Асеевым от 20 декабря 1955. – Там же. КП30579/РД8499. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.5.

³⁵ Письмо Д.Бурлюка Н.Асееву (декабрь 1955). – Там же. КП30574/РД8494. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.5.

Обращаясь к Асееву и другим своим знакомым в СССР за помощью³⁶, Бурлюк всячески подчеркивает свою политическую нейтральность: «Мы лояльные американские граждане, и нам паспорт выдается всегда на поездку за границу без затруднений»³⁷. «Меня, нас – интересует посмотреть нашу Родину только с точки зрения материала для живописи. Пейзажи и люди! Сценки жизни в городе и деревне. Как американских граждан политическая ситуация – вне нашего кругозора. Но мы – борцы за мир и дружбу народов – считаем, что наш труд – выставка в Нью-Йорке «Sov<iet> Union (people and nature)» в дек<абре> 1956 принесет свою пользу (толику) на колеса взаимного понимания между америк<анскими> и советск<ими> людьми – на колеса мирного сожительства и установления более дружеских отношений»³⁸.

Благодаря усилиям своих друзей Бурлюк получил приглашение и въездную визу в СССР как гость Союза советских писателей. 28 апреля 1956 С.Кирсанов, Н.Асеев, Л.Брик, В.Катанян и другие встречали Бурлюков на Ленинградском вокзале в Москве. Поселили их в гостинице «Москва». Бурлюк встречался со старыми друзьями и товарищами, побывал в Переделкине, посетил мастерские Р.Фалька, А.Куприна, В.Рождественского, С.Коненкова, побывал в Переделкине³⁹, а 10 мая выступил в музее Маяковского, рассказав о своем знакомстве с поэтом и о поездке Маяковского в США.

После своего отъезда из СССР Бурлюк ведет активную переписку с сотрудниками музея Маяковского. В фондах музея хранится около 30 писем и открыток Бурлюка, написанных в 1956–1962, с просьбами прислать ему различные материалы и документы, связанные с начальным периодом его творчества. В обмен он присылает материалы и фотографии, касающиеся поездки Маяковского в США. Бурлюка волнует замалчивание его роли в истории русского искусства, недоступность его творчества широкой публике, неправильная трактовка футуристического движения. В октябре 1958 он пишет директору музея Маяковского Езерской:

Получил 2 (от разных лиц) тома «Новое о Маяковском». Как жаль, что наши с Мар<ией> Ник<ифоровной> воспоминания о Володе опять «не нашли места»! Весь том занят войной против футуризма!!! Он не представляет теперь никакой опасности – его страшились (как вешателя большевизма) цензора и губернаторы 45 лет тому назад. Теперь (бывш<ему>) отцу футуризма будет (недалеко!) скоро – 80 лет. Остальные все перемерли или почти... Воевать против старого, прошлого не надо. Если бы В.В.Маяковский не был бы футуристом, то он был бы Демьяном Бедным (Демьянова уха – никому не нужная и безвкусная!) «Футуризм» надо собирать, то, что от него ос-

³⁶ См., например, письмо Д.Бурлюка С.Т. и М.И. Коненковым от 5 марта 1956: РДФ ГММ. КП30558/РД8478. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14.

³⁷ Письмо Д.Бурлюка Н.Асееву (декабрь 1955). – Там же. КП30574/РД8494. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.5.

³⁸ Письмо Д.Бурлюка Н.Асееву от 5 марта 1956. – Там же. КП30516/РД8436. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.8.

³⁹ *Евдаев Н.* Давид Бурлюк в Америке. С.239.

талось. Футуризм рассматривается как что-то преступное. Футуризм – это музейное. Футуризма, футуристов теперь нет. Это то, что было.⁴⁰

Волновал Бурлюка и вопрос об издании сборника его произведений в России. Во время визита в Москву он получил устное согласие на такое издание от секретаря Союза писателей Б.Полевого. В письмах Бурлюк постоянно напоминает об этом: «Просим Вас, не забывайте Державина, современного Советского Пушкина, Солнца Русской поэзии новодня <так!>. <...> Мое 75-летие в сем году – старайтесь как близкие Маяковскому люди – через Б.Н.Полевого – продвинуть малый томик – со словами Володи обо мне (никогда, никто (кроме автора) не печатал моих стихов – странное высокомерие)»⁴¹.

В 1957 Бурлюк написал самому Полевому. Кроме письма с просьбой об издании и с перечнем своих заслуг перед русской культурой, в конверт было вложено еще одно письмо, свидетельствующее о том, что Бурлюк не утратил умения эпатировать и удивлять публику. Понимая, что его воспринимают в СССР лишь как друга Маяковского, он вновь апеллировал к его авторитету:

Дорогой т. Полевой! Пользуюсь случаем приветствовать Вас. Шлю лучшие пожелания через пространство времени мерой в 27 лет.

Прошу Вас исполнить мое желание к концу года, когда *Додичке* (Бурлюк) – исполняется 75 лет, – напечатать книжку его стихов. Я всегда любил Додичку, и мне это будет приятно.

Обнимаю Вас, товарищ, дружески

Ваш Вл. Маяковский
15.05.1957

Это письмо передаю через Бурлюка.

Очень занят вещами Вам недоступными. В.М.⁴²

В 1965 Бурлюки еще раз посетили Советский Союз. Однако этот визит не вызвал такого интереса, как первый. Во время пребывания Бурлюк вел переговоры с руководством Государственной Третьяковской галереи об обмене ряда своих ранних работ на более поздние. К идее принять советское гражданство он больше не возвращался. Скончался Бурлюк в США 15 сентября 1967.

* * *

Стенограмма выступления Бурлюка 10 мая 1956 хранится в мемориальном фонде Государственного музея В.В.Маяковского (МФ ГММ КП24460/ЛМ(д)666) и печатается впервые⁴³. Для публикации текст стено-

⁴⁰ Письмо Д.Бурлюка А.С.Езерской от 29 октября 1958. – РДФ ГММ. КП12715(1)/РД6742. Ф.4. Оп.2. Ед.хр.18.

⁴¹ Письмо Д. Бурлюка сотрудникам музея В.В.Маяковского от 14 мая 1957. – Там же. КП12706/РД6733. Ф.4. Оп.2. Ед.хр.10.

⁴² Частное собрание.

⁴³ Отрывок из выступления Бурлюка, опубликованный в книге Н.Евдаева «Давид Бурлюк в Америке» (с.253-254), в стенограмме и аудиозаписи отсутствует.

граммы сверен и дополнен расшифровкой аудиозаписи выступления. Сохранены особенности речи Бурлюка. Отрывки, отсутствующие в аудиозаписи, подчеркнуты. Общеизвестные имена и реалии не комментируются.

ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ Д.Д.БУРЛЮКА
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ-МУЗЕЕ
В.В.МАЯКОВСКОГО
10 МАЯ 1956 ГОДА

Председательствует директор музея А.С.Езерская¹.

Езерская А.С.: Сегодняшний наш вечер посвящен встрече с Давидом Давидовичем Бурлюком. Слово для вступительного краткого приветствия предоставляется поэту Семену Кирсанову.

Кирсанов С.И.: Товарищи! Союз Советских писателей пригласил в гости к нам в СССР, в Москву Давида Давидовича Бурлюка и Марию Никифоровну Бурлюк. (*Аплодисменты.*)

Я думаю, что если нам искать слова для характеристики, то, пожалуй, лучших слов для характеристики Давида Бурлюка, чем те, которые сказал о нем Владимир Владимирович Маяковский, вряд ли можно найти. Поэтому я сразу приведу эти слова из автобиографии Маяковского: «Прекрасный Бурлюк. Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно пятьдесят копеек. Чтобы писать не голодая.

На рождество завез к себе в Новую Маячку. Привез “Порт” и другое».

Вот за все это – за эти книги, за эти разговоры «без конца», за все это мы всегда думали и думаем о Бурлюке с большой благодарностью. (*Аплодисменты.*)

Но, товарищи, мы не забываем и о деятельности Давида Бурлюка, о его деятельности художника и публициста, который, будучи почти сорок лет оторван от России, вдали от нее, помогал американским читателям узнать нашу новую культуру, понять то, что делается у нас в СССР. Он всегда с любовью там вдалеке говорил о Маяковском, о нашей Советской стране, о нашей новой культуре. В журналах, которые выпускал Давид Бурлюк, печатались стихи Маяковского, печатались стихи советских поэтов в переводах на английский язык, печатались воспоминания и статьи Бурлюка. Оказалось, что широта всех океанов оказалась недостаточной, чтобы разорвать связь Бурлюка с нашей русской художественной культурой.

Мы все рады приезду сюда, в СССР, Давида Давидовича Бурлюка. Мы приветствуем их здесь, в доме Маяковского, в доме великого советского поэта. Мы приветствуем Давида Давидовича и Марию Никифоровну у нас в гостях. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Езерская А.С.: Слово предоставляется Давиду Давидовичу Бурлюку, который расскажет о встречах с Маяковским в далекие, молодые годы Маяковского и в 1925 году, когда Маяковский был в Америке.

Бурлюк Д.Д.: Дорогие друзья и товарищи, дорогие гражданки и многоуважаемая, дорогая Агния Семеновна! Для меня является, конечно, великой радостью говорить о Маяковском всюду и везде. О нем говорил я и в пустынных даях Сибири², о нем я даже говорил в Японии³. Я читал о нем лекции в Америке, в ее городах и местечках. И, конечно, <с>наибольшей радостью теперь, так сказать, самой высокой вершиной, на которую в этих странствиях с лекциями теперь я взобрался: это есть дом, в котором Владимир Владимирович жил, где он написал свои блестящие, великие последние произведения, где сейчас еще между нами невидимо как бы носится, вот парит здесь его тень. И вполне понятно, что не без некоего волнения, даже в моих уже годах, где груз лет лежит на плечах.

Но в старых, пожилых годах люди уже не способны сильно волноваться, потому что волнение – это есть страх незнания, тема же – Маяковский – для меня близка и известна.

Агния Семеновна, мама этого дома и этого собрания, просила меня поговорить с вами о встречах с Маяковским, ранних встречах. Я имею в своем распоряжении час. Встречи с Маяковским – это необъятное море, потому что сидящий здесь наш великий друг, друг Маяковского и мой друг, Василий Абгарович Катанян, в течение ряда лет выпустил целые томы блестящего материала, где день за днем восстановлены все моменты жизни великого поэта, нашего прекрасного друга.

Здесь сейчас находится избранное общество людей, которые любят, ценят Маяковского, а любить, ценить – значит знать. Знают его стихи, знают его каждое слово.

Здесь между нами находится сейчас Лиля Юрьевна Брик, которой Маяковский посвятил свои самые блестящие, самые яркие строки, когда он писал о жизни, когда он писал о чувствах, когда он писал о волнениях страсти.

И конечно, для меня является и радостью, и честью обращаться сейчас со словами к вам.

Привнести много нового, как материал, вероятно, после тех многочисленных исследований, которые были сделаны о жизни и творчестве Маяковского, вероятно, мне не удастся. Но иногда в жизни важно и то, что привносится какой-то момент, даже словами невыра-

зимый, момент ощущения, момент осязания «кусочка» жизни, которая ушла, и вот то, что вы меня слышите, и в том, что я с вами сейчас и говорю, вот это ощущение, как американцы говорят – *frame of mind*³, – это ощущение жизни есть, я думаю, что мы не потратим время напрасно сегодня.

Сейчас здесь мы привезли с собой из далекой Америки, потративши целый месяц на путешествие из Нью-Йорка в Москву, номер «Color and Rhyme». Прав был дорогой друг Маяковского и мой друг, прекрасный поэт Кирсанов, когда в своем вступительном слове он сказал, что и там, за волнами океана, Бурлюки продолжали делать свою работу, говорить миру, говорить тем, которые Маяковского не знали и не знают, о Маяковском. И вот на свои скромные средства мы опубликовали уже по-английски громадный материал о Маяковском, где день за днем мы восстановили то, что о Маяковском мы знали.

Главным образом мы старались осветить ту среду, из которой первоначальный Маяковский вырос, потому что сам Владимир Владимирович говорил, что для каждого поэта самыми характерными являются его первые стихи, потому что первые стихи поэта всегда являются стихами программными, программными в каком смысле: в них, в этих первых стихах, в этом начале, поэт уже являет свое лицо, манеру своего отношения к жизни.

Конечно, поэт растет и развивается в потоке времени, в котором он живет. И с Маяковским было так. Он начал в 1911 году, во время царского безвременья. Поэтому вы найдете в первых моментах его творчества отображение этой эпохи. Но потом уже сразу грянет война 1914 года, и Маяковский является автором величайших строк, когда-либо написанных поэтами о войне и против войны.

Затем надвигается революция, и Маяковский видит «идущего через горы времени, которого не видит никто»⁵. Маяковский является поэтом, который пишет о революции раньше, чем революция пришла. Он описывает революцию раньше, чем она грянула.

Этот журнал «Color and Rhyme» публикуется время от времени. Здесь сидит Мария Никифоровна Бурлюк, которая является издательницей этого журнала. (*Аплодисменты*.)

Я указал, что мы в журнале этом, в исследованиях, сделанных Марией Никифоровной с 1930 по 1940 год в Америке, старались, возможно ярче и яснее, осветить ту среду, художественную и художественно-литературную, в которой возник Маяковский, где он начался, как говорит наш прекрасный поэт и прекрасный друг Николай Николаевич Асеев, который по болезни, к великому сожалению, здесь не присутствует. Николай Николаевич Асеев является автором прекрасной поэмы «Маяковский начинается»⁶.

Маяковский был не только прекрасным великим поэтом, но, в начале своей работы над собой, он был художником, и он был пре-

красным, талантливым мастером. Вероятно, что если бы время не толкнуло его на путь поэта, то мы в нем имели бы крупный, развившийся талант художника – живописца, иллюстратора.

Время, в которое Маяковский начал работать в России, было совершенно исключительным. Здесь, в Новых Афинах, как тогда называли Москву, устраивались многочисленные выставки. На эти многочисленные выставки приносили свои картины не только русские художники, но и из Франции и Германии целыми вагонами привозили работы самых выдающихся мастеров того времени. Кроме того, в Москве в то время еще были основаны и возникли такие музеи, как собрание Щукина, братьев Морозовых и других. И Маяковский не только видел эти собрания и эти выставки, но и сам уже с самого начала 1912 года принимал участие в них.

Для поэта, великого поэта, каким был Маяковский, вначале это было важным моментом, потому что через призму самого современного искусства, самого яркого и нового Маяковский формировал свое будущее отношение к жизни, отношение чисто зрительное, и в его первых программных, как мы сказали, стихах очень ярко можно видеть это. Его манера изображения пейзажа:

Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиися губы
воткнули каменные соски.
И небу – стихши – ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
реки двугорбого верблюда.

Как называется это стихотворение? – «Контур Невы»⁷. Почему так называется это стихотворение? Оно называется так потому, что когда вы смотрите, чисто зрительно... Для меня одно удовольствие говорить... совершенно не волнуясь. (*Аплодисменты.*)

Дорогие друзья, вы должны простить меня, что я немножко иногда как будто волнуясь, а на самом деле я совершенно не волнуясь. Я такую массу читал лекций и так много говорил. Это ничего, мы доведем лекцию благополучно до конца, и я думаю, что всем доставит удовольствие.

Следовательно, возвращаясь, почему стихотворение называется «Контур Невы»? Просмотрите всю русскую литературу, просмотрите лучшие стихи Тютчева, Фета, всякие пейзажи, написанные бесчисленными плещеевыми, поэтами минорными (*шум в зале*), минимальными, меньшими поэтами, – и вы не найдете такого заголовка «Контур Невы». Почему? Потому что Неву описывает словами кто? Художник!

Я не буду останавливаться на влиянии или формировании Маяковского, на моментах или днях того расцвета интереса искусства, изобразительного искусства, к западному искусству, к импортации <так!> его в Россию, что имело место в годы до войны, когда Маяковский появился, в 1911–1912–1913-м и начале 1914-го. Но в этом журнале мы обратили большое внимание на литературную среду, в которой формировался Маяковский.

Дорогой друг, прекраснейший поэт Кирсанов, он доставил мне громадную радость, процитировавши слова Владимира Владимировича, стоящего сейчас в бронзе, и, как мама говорит, даже в моем пальто⁸. (*Оживление в зале.*) Я пришел в этот сад, в этот чудесный двор, видеть милую нашу маму Агнию Семеновну и, конечно, в первую очередь я подошел, как Дон Жуан <так!>, помните у Пушкина, пожать руку Маяковскому, «как тяжело пожатье каменной десницы», но пожать руку Владимиру Владимировичу не удалось – он держит ее в карманах <так!>.

Говоря о литературной среде, в которой возникает Маяковский, чрезвычайно важно, по-моему, то, что мы вносим маленький, некий штришок в многочисленные исследования знатоков, как говорили, – пушкиноведов, маяковсковедов. Вот сидит дорогой друг и действительно маяковсковед, и потом здесь сидит другой, написавший чудную книгу «Маяковский в кино», это Февральский⁹. Товарищ Февральский присутствует здесь. Ну, как же, мне так, конечно, приятно говорить в обществе таких знатоков Маяковского.

Голос с места: «Маяковский в кино» Макса Поляновского¹⁰, а не Февральского.

Бурлюк Д.Д.: Ну, это детали. (*Оживление в зале.*) Следовательно, говоря о литературной среде, мы вносим новый момент. Когда изучают Маяковского, думают, что Бурлюк был чуть ли не его первым литературным знакомством. И, подготавливая материал в течение многих лет к этому скромному труду, изданному Марией Никифоровной в Нью-Йорке, который уже, надо сказать, через десять дней, как мы распространили несколько экземпляров, мы получили самые лестные отзывы от многих знатоков искусства, говоривших, что впервые на английском языке появляется такая солидная, обширная и полная информация о творчестве Маяковского¹¹.

Наше привношение является таковым, что первым, мы говорим, литературным знакомством Маяковского был Виктор Викторович Гофман¹², поэт, я знал его с 1907 года, живший в гостинице «Петербург». Как раз сейчас это здание скромно стоит против великого Ленинского книгохранилища. Можете пойти завтра и посмотреть на то место, где когда-то жил Гофман. Маяковский в автобиографии говорит, что проводил ночи на бульварах до знакомства со мной. Со мной мы ночи на бульварах не проводили.

С кем проводил Маяковский ночи на бульварах? С Виктором Викторовичем Гофманом. И об этом Гофмане мы дали подробное исследование и перевели на английский язык несколько его стихотворений, которые я слышал из уст Виктора Викторовича, когда я познакомился с ним. Володя цитировал наизусть и «Вечер бала», и «Щупальца устрицы». Он знал их до 1911 года.

Параллельно с Гофманом мы должны были дать подробное исследование или экскурс в жизнь и творчество В.Брюсова, потому что рассматривать Маяковского оторванным от школы символистов – невозможно. Маяковский тесно связан, как и вся наша литературная группа, в которой теперь, как Пушкин, затмил всех – кюхельбекеров <так!>, Батюшкова, Баратынского и др. Точно таким же образом Маяковский, как говорится, eclipsed¹³, я не буду переводить, потому что тут такая масса образованных людей, многих из нас. Но, конечно, некоторые все-таки сквозь эту, как говорится, пелену славы просвечивают еще. Мы перевели отзыв Брюсова о Гофмане и несколько стихотворений для английского читателя.

Опорным и центральным пунктом в нашем исследовании было то, что Маяковский шел не столько от Пушкина, как от Крылова, именно от его басен. Мы указали на то, что даже разбивка стихотворная, когда в строке стоит одно слово:

Проказница-мартышка,
Осёл,
Козел,
Да косолапый мишка...

Если бы это продолжать в таком стиле, то появилось визуально, очень зрительно, это было бы похоже на Владимира Владимировича стихи.

Потом о басенном стиле его разговорной речи, чисто русской речи, до которой Пушкин, бывший великим гением, но Пушкин – он писал и думал в юности по-французски тоже. Известно много стихов, написанных Пушкиным по-французски. В этом отношении мы подчеркнули близость Маяковского скорее к Крылову, чем к Пушкину.

Заканчивая это краткое отступление от наших встреч с Владимиром Владимировичем, о которых я буду сейчас говорить, мы указали, что Маяковский в своих последних или предпоследних произведениях он пользовался <так!> поэтическими произведениями таких французских поэтов, как Артюр Рембо, его «Сезон в аду», и Уитмэном, где мы указали, что переводчиком Уитмэна был в то время Корней Иванович Чуковский, которого мы с удовольствием и приятностью встретили в Переделкино несколько дней тому назад.

О наших встречах. Переходя к нашим встречам. Мне отрадно было, что здесь в Москве имеется два номера этого журнала, один мы

прислали Агнии Семеновне, а другой имеется у дорогого Василия Абгаровича. Позже мы пришлем всем желающим, потому что мы имеем около 3000 экземпляров, из Нью-Йорка этот журнал.

Езерская А.С.: Опасное обещание. (*Оживление в зале.*)

Бурлюк Д.Д.: Говоря о встречах, так много написано, что прибавить что-либо нового в этом направлении, пожалуй, трудно. Но мы прибавили, и Мария Никифоровна, благодаря ее чудесной памяти, восстановила многое. Мы дали здесь фотографию Маяковского в группе первых футуристов того времени. И здесь мы имеем фотографию Маяковского, сделанную со мной, где он представлен со мной в 1925 году в Нью-Йорке.

Говоря о встречах, говоря о первом знакомстве с Маяковским, в его автобиографии момент нашей встречи описан так, что двое людей на лестнице Училища живописи, ваяния и зодчества чуть было не вступили в драку, а потом рассмеялись оба, пожали руки и стали друзьями. Здесь я должен внести некоторые не коррективы, а осветить точно, что происходило.

В 1911 году, в конце августа месяца, будучи уже известным художником, участником группы «Der Blaue Reiter»¹⁴ в Германии, первой группы модернистов европейского искусства, вместе с Кандинским, Пикассо, Францом Марком, Дэлоне и другими я выдержал экзамен, конкурсные этюды в Московское училище ваяния и зодчества. В то время мне было тридцать лет. Так <как> я уже продавал картины, я был, как молодые люди любят франтить, я был очень хорошо, старательно одет, имел даже лорнет, имел очень волосы густые, гриву льва.

Владимир Владимирович Маяковский замечательно нарисовал меня, он талантливо меня нарисовал, а дорогие друзья, как Катанян, неоднократно воспроизводили этот рисунок нашего дорогого, великого друга в его книгах. Кроме того, будучи в Мексике в 1947 году, я зашел около Палаццо-Бель-Артес на главной площади Мехико Сити в книжный магазин, немедленно нашел там том перевода Маяковского Лилео Гираро¹⁵ на испанский язык, и там, тоже сразу к великой своей радости, я увидел свою гриву, нарисованную Владимиром Владимировичем Маяковским. Извиняюсь, что сейчас за давностью лет этой гривы нет, а вы видите, как говорится, лысину. Ничего не поделаешь!

Поступив в Училище живописи, ваяния и зодчества, я начал писать очень красивую московскую обнаженную женщину, беломраморное тело с розовыми пятнами, бликами света из окна. А в соседнем зале, в натурном классе, работал юноша громадного роста, всегда с папиросой, приклеенной к нижней выпуклой губе, с горящими глазами и в бархатной куртке. Пыль стлалась по бархату этой куртки, всегда пыльная была, бархат впитывает пыль. И этот юноша,

очень остроумный парень, он стал меня преследовать всюду всякими остротами, главным образом клеймя меня кубистом и спрашивая, что такое кубизм, а когда я ему пытался парировать его вопросы дружески, то он очень остроумно, колко позволял себе колкости и издевался немножко надо мной, над моим лорнетом, над моим сюртуком и прочее. Вначале на лестнице, так как я в то время занимался гимнастикой, а он был довольно жилистый, молодой еще человек, ему было 17 лет, и я думал, что, может быть, я применю к нему какие-нибудь средства телесного внушения, чтобы показать свое достоинство, а потом подумал так, что если я позволю себе что-либо, меня исключат из училища, и все мои мечты о заграничной поездке лопнут мыльным пузырем. Есть пословица: «Если ты друга не имеешь, купи его». Я протянул ему руки, обнял его, повел в какой-то ресторанчик, и, в общем, мы стали скоро друзьями.

Таковыми друзьями, что Мария Никифоровна, ожидавшая против Училища живописи и зодчества окончания нашей работы после своей работы в филармонии, через улицу, в главном почтамте, там до сих пор, мы пошли, и Мария Никифоровна показала, вот та скамеечка, где всегда я сидела и ждала, когда ты, то есть я и Владимир Владимирович Маяковский, вы выйдете из училища. И вот я, Владимир Владимирович, Мария Никифоровна присоединялась к нам, мы сходились вместе в этом здании почтамта, и мы шли на Пресню, проводжали сначала Маяковского, потом возвращались с Пресни в Уланский переулок, провожая меня. И так это шло без конца. Иногда, когда была хорошая погода, мы делали целые мили. Теперь я эти вещи проезжаю в автомобиле, так я вижу, что это были большие концы. (*Смех в зале.*) Это – первый момент встречи.

Конечно, второй исторический момент, это когда на бульваре, около памятника Пушкину, впервые этот юноша, этот совсем уже скоро будущий гигант русской поэзии, великий мастер советского слова, великий автор поэмы бессмертной «Ленин», прочитал мне свои первые стихи. Этот момент, конечно, говоря о встречах, необходимо упомянуть.

Это голос. Я много говорил последние дни, он иногда скрипит у меня, не обращайтесь внимания.

Этот момент встречи, конечно, необходимо упомянуть. Эта встреча была приблизительно через месяц после нашего знакомства, потому что в то время, как молодой человек, я хвастал перед Владимиром Владимировичем, что я умею писать стихи и пишу их и что мои стихи уже напечатаны и в «Садке судей», и каких-то других изданиях.

И вот Владимир Владимирович говорит мне, как это сказано уже в его автобиографии, и это сказано в прекрасной поэме Николая Николаевича Асеева, как жаль, что его нет сегодня с нами здесь, он вы-

дал эти стихи за стихи какого-то его знакомого, хитрый был парень, посмотрел, какое на меня произведут впечатление.

Меня эти стихи поразили. Они поразили совершенно, как я уже раньше говорил, новым подходом к манере писательской. Поэт здесь для меня выступал как живописец, который вместо палитры и красок применяет слова. Это чисто живописная манера. Эти стихи я не буду читать, потому что они всем известны.

Очень скоро я уехал на юг, на рождественские каникулы, и, когда я вернулся в Московское училище ваяния, живописи и зодчества, мне уже говорили, что Маяковский тут у нас на вечеринке читал свои новые стихи и что Маяковский прекрасный поэт. Значит, так быстро начало развиваться и шириться пламя его славы. Вначале оно обожгло меня, и я был восхищен этим огнем его таланта. Но тут же много нашлось людей, которые были поражены яркостью и новизной его манеры, его слов, словаря и подхода к манере изображения.

Говоря дальше о встречах, надо указать на то, что в 1913 году, значит, совсем уже через лето, Маяковский впервые выступил на одном из вечеров, который я устроил, кажется, на Малой Дмитровке, это был первый вечер, осенью был устроен¹⁶. Я устроил вечер на Малой Дмитровке, и в этот же вечер мне устроили лекцию в Петербурге. Я оказался в очень странном положении: потому что читать в один и тот же вечер лекции в Петербурге и Москве для меня было в то время невозможно. (*Смех в зале.*) И здесь я оставил моего брата, Крученыха, и Лившица, и Маяковского делать, что они хотят. И оказалось, что весь вечер уже вывез на себе молодой Маяковский. Он, так сказать, сумел заполнить пробел, он сумел говорить ярко, убедительно и читать свои прекрасные стихи¹⁷.

Я думаю, дорогие друзья, что мы сделаем приблизительно пятиминутный перерыв. Вы можете не уходить с места, потому что я говорю уже ровно 45 минут, и потом я человек, очень, так сказать, деликатный и скромный и нарываюсь на комплементы всегда, если вам не надоело, я поделюсь с вами воспоминаниями о Маяковском в Америке, именно эпоха 1925 года.

Я найду для вас занятие, вы можете поделиться, знакомые и незнакомые... (*шум в зале*) У меня есть младший сын, страшно молчаливый, но как только я начну говорить, моментально прерывает меня, — не будьте моим младшим сыном. Так пока я найду вам занятие: делитесь друг с другом впечатлениями, а если впечатлений нет, закройте глазки и отдохайте.

(*После перерыва.*)

Бурлюк Д.Д.: Дорогие слушатели, как это всегда бывает с каждым, я не скажу с каждым <так!>, назначенный период пять минут у

Брюсова был как пять столетий, а наши пять минут разрослись в 20 минут. Но я видел, что здесь господствовало большое оживление в теплой компании, и поэтому с особым чувством возрожденных сил приступаю к продолжению моего доклада.

Вы не должны обижаться или критиковать меня так сильно, что я говорю в так называемом дружеском тоне, без этого пафоса, с которым, обычно, поэты, и особенно поэты-символисты, как, например, А.А.<Блок?> любил говорить... <пропуск в стенограмме. – Д.К.>

Для этого нужно быть молодым. Когда пожилой человек, уже согбенный, с бесчисленными морщинами, говорит с пафосом, то это не соответствует его знанию жизни и знанию, что ценно в жизни и что является мишурой.

Мы переходим в нашем кратком докладе (докладчик говорит «краткого», обычно этот доклад тянется 3 часа, но вы не пугайтесь), это будет опять точно около 45 минут, у меня часы взяли отсюда, поэтому... (смех в зале) – я буду говорить о Маяковском в Америке. Опять-таки дорогой и незаменимый Василий Абгарович помогает нам своими изысканиями и хронологией времени, потому что память человека всегда склонна в перспективе времени телескопировать события: в памяти часто то, что было давно, кажется близким, и то, что было вчера, кажется заброшенным на какой-то чердак уже. Но память устроена так, что то, что нам близко и дорого, всегда кажется, как будто оно было вчера. Так вот и здесь: когда мы говорим о Маяковском в 1925 году, то для нас совершенно не означает, что вот уже проскочил тридцать один год после этой встречи. Нет, это как будто бы действительно было только вчера.

Это было 31 июля 1925 года¹⁸. В Нью-Йорке была жара. Машины небоскребов, лысины их потели под жаркими лучами солнца. В нашу квартиру позвонили, и звучный бас Маяковского заявил о себе. Я взял подземку, или же сабвей, и через 45 минут был у Вашингтон-сквера. Вашингтон-сквер это прекрасный сквер, где стоит Гарibaldi, почему-то с тортом на голове, совершенно, он стоит в такой шапке, прямо как торт, только свечей в этом-торте нет. Там в то время стоял четырехэтажный дом, так называемый Браунстронхауз, вы по-английски все понимаете, вам переводить не надо, и когда я подходил к дому, то я увидел лестницу, ведущую с тротуара в перв... во второй этаж, лучше сказать, и из двери торчала большая нога, которая быстро скрылась в дверь. Увидя эту ногу, я сказал: это Маяковского нога. Так вот иногда по кусочку тела знакомого человека можно видеть дорогое вам существо, иногда даже за два-три квартала, среди массы лиц, которые спуют и бегут муравьями вокруг, – что-то родное и близкое.

Ну, мы уже через пять минут мы были в этой позе. (Показывает. Оживление в зале.)

Прибытие Владимира Владимировича в Нью-Йорк взбудоражило всю американскую прессу. Журналисты различных газет, начиная от «Нью-Йорк Таймс», «Геральд трибюн», от рабочей газеты «Дейли уоркер», еврейской газеты «Фрейгайт», русских газет «Новый мир», «Русский голос» и бесчисленного количества всяких других изданий, послали к Маяковскому своих корреспондентов.

Мне среди всей этой работы журналистов вокруг приезда Маяковского в Америку выпала на долю почетная работа и честь, которой я горжусь. Именно: известный теперь корреспондент международной политики Рич, в то время молодой, начинающий журналист, пришел ко мне, и он написал почти под мою диктовку, прибавив кое-что, что мне не так нравилось, но ничего не поделаешь, это дело было в его руках, большую статью для газеты «Таймс», для книжного отдела, и на первой странице этого издания, в приложении к «Нью-Йорк Таймс», был напечатан большой мой рисунок: Владимир Владимирович стоит с книгой в руках, на книге написано «Футуризм», на фоне московского Кремля. (*Смех в зале.*) Здесь для американцев предстал новый поэт, новой советской литературы, новой манеры письма на фоне старой России, так хорошо знакомой американцам. Этот рисунок, оригинал, я храню до сих пор и с большим удовольствием, если музей будет интересоваться этим, мы передадим его как память о посещении Маяковским Америки.

Немедленно <так!> вы должны помнить вот что, что я запорожец. Если вы читали Гоголя, то вы помните – Рудый Панько, пасечник. Украинцы вообще наклонны немножко, как и каждый мемуарист, когда он пишет о великом человеке, немножко тоже и себя не забывать. (*Смех в зале.*) В данном случае мне хвастать не приходится, потому что, во-первых, я достаточно работал много для саморекламы в прежние годы (*смех в зале*), так что мне сейчас саморекламировать себя не надо перед вами. Кроме того, меня защищает Владимир Владимирович Маяковский, своими строками обо мне, и меня защищают дорогие товарищи, тут присутствующие, имена которых я уже упоминал.

Приезд Владимира Владимировича Маяковского в Америку взбудоражил не только представителей буржуазных газет, которые дали большие статьи о нем, но он, конечно, привлек к себе колоссальное внимание рабочих масс Америки, тружеников американских, потому что в Нью-Йорке имеется не меньше 4 или 3 миллионов русских выходцев, считая «со чады и домочадцами». Часть вот этих чад и домочадцев, папы и мамы, узнав из русских и еврейских газет, больших газет, издававшихся в то время в Америке, о приезде Маяковского, конечно, толпами или, как говорят в Америке, массаами, там не говорят толпами, массаами устремились на лекции Владимира Владимировича, которые были немедленно устроены в Нью-Йорке.

Среди многочисленных лекций, которые устраивались в Нью-Йорке, я должен остановиться главным образом на лекции, или громадном вечере, который был устроен 14 августа (спасибо Вам, дорогой Катанян, за Вашу книгу), в помещении Сентрал Опера Хауз. Почти на всех лекциях или выступлениях Маяковского мне пришлось быть, за исключением выступлений в Детройте. В Нью-Филадельфии и других я не только был, но Владимир Владимирович предоставлял мне иногда слово или, делая мне великую честь, в начале своей речи отмечал присутствие среди публики его прекрасного друга Давида Давидовича Бурлюка. Для меня это было большой честью, и, кроме того, я видел, какая душа у этого человека. Другой мог бы забыть и не упомянуть, другой бы в этом ореоле славы мог бы неглижировать старого друга. Маяковский никогда этого не делал, это был доброй души человек, человек светлой и ясной, чистой воды, великолепный камень-самоцвет, такой же чудный камень, какой мы с Марией Никифоровной видели недавно в прекрасном Университете, в здании, где имеется 48 тысяч комнат. В Испании построен дворец Ал<ьгамбра>, там имеется 1000 комнат, а тут их имеется 48 тысяч. И вот нас подняли на 27-й этаж, и на этом 27-м этаже камни – самоцветы нашей дорогой Родины, собранные и на Урале, и на Алтае, и даже на Украине, к великому сожалению, не на том месте, где я родился, не в Полтавщине, а на Волыни. Среди этих камней один камень исключительной красоты, если вы его не видели, я советую посмотреть. Это камень в виде горного хрусталя, такого размера, величины, найденный на Урале. Когда вы смотрите в этот камень, вы видите... зимний пейзаж, горы Сибири; здесь и темные леса, и холмы, и на первом плане поле и ели, и старые сухие стволы отживших деревьев. И вот таким камнем-самоцветом и была душа Маяковского: она в себе отпечатала всю действительность, свидетелем, которой он был.

Когда 14 августа в Нью-Йорке в Опера Хауз выступал Маяковский, там было две тысячи человек, и я видел на глазах многих труженников, некоторых разбогатевших в Америке, довольно упитанных, других неудачников, с изможденными, зеленоватого цвета лицами, я видел на их глазах слезы, когда Маяковский читал с эстрады свою великую поэму «Ленин». В этой поэме 560 строк.

Голос из зала: Три тысячи строк!

Бурлюк Д.Д.: Я имел в виду сказать – строф, каждый человек нуждается в помощи. И вот Маяковский читал эту поэму наизусть – читал от начала до конца без всякой книги или записки. Читал он ее вдохновенно. Тот, кто не слышал чтения Владимира Владимировича, не может иметь никакого представления о том, как голос поэта соколом мог упасть на низы или взлететь высоко-высоко. И Маяковский поразил и меня и тех, которые никогда не слышали его чтения.

Мне с Маяковским также пришлось ездить и по окрестным городам Нью-Йорка, как теперь намечается построить и вашу Москву, это не только один город, это созвездие городов. Когда дорогие друзья повезли меня и Марию Никифоровну по окрестностям Москвы, то я на практике увидел эту теорию ваших советских дней – строительство новой, небоскрежной, новой Москвы. (Оживление в зале.) Здесь вы видите в центре города Кремль, вы видите Москву Минина и Пожарского, Юрия Долгорукого, Ивана Калиты, а дальше, на Воробьевых горах, высятся небоскрежное, или высотное, здание, это новое для нас слово.

И вы видите, как чудо вашего строительства – метрополитен распластывается в суглинках и, преодолевая плывуны, несет московского и советского рабочего в самые отдаленные окраины, которые скоро явятся... (Шум в зале.)

Кирсанов С.И.: Товарищи, просьба не перешептываться, абсолютно.

Бурлюк Д.Д.: Я могу повысить голос.

Метрополитен уносит советского рабочего в самые отдаленные центры будущих вот этих городов, которые сейчас уже намечены, как, например, какой-то отдельный город около Университета, чудо вашего строительства, Сокольники и т. д.

И вот Нью-Йорк – он является уже, конечно, гораздо более намеченным, потому что Нью-Йорку ничто не мешало расти – не было никаких опустошительных войн и перерывов. Мы имеем безумную скалу Манхеттен с ее главными небоскребами, мы имеем Бруклин, мы имеем Бронкс. Подземные туннели под великим Гудзоном соединяют Нью-Йорк с Нью-Джерси, штатом, там целый ряд городов, которые постепенно все ближе и ближе сродняются или сближаются с Нью-Йорком.

И в двух часах езды экспрессом, в 80 милях, есть город Филадельфия. С Маяковским мне пришлось быть в Филадельфии. Это выступление было очень ярким и очень памятным. Это выступление состоялось, я не буду сейчас закапываться в ваши исследования, непосредственно после его вечера в Нью-Йорке, в Манхеттене. Это выступление было очень интересным, важным потому, что там впервые распространялась книжечка, изданная в сентябре, сборник «Американцам для памяти»¹⁹. Я принимал тоже участие в издании этого сборничка, всего 32 страницы, но его тираж был 10.000 экземпляров. Многие жаловались здесь, что они этого издания не имеют. Десять тысяч экземпляров – это очень большое издание, сравнительно, для книги стихов. Но я, по счастью, сохранил около 25 экземпляров этого издания, так что нескольких товарищей я могу снабдить этой редкостью.

На этих лекциях, или поэзо-вечерах, или выступлениях, всегда чрезвычайно успешных, воодушевлявших собравшихся рабочих, Маяковский в антрактах любил давать свои книги со своим автографом. Цена книги без автографа была, конечно, ниже, чем цена книги с автографом, и я, как верный друг, набивал, могу сказать, свои карманы долларами, так что, когда оканчивался вечер, у меня карманы оттопыривались. Вот как американские рабочие были отзывчивы на приезд своего любимого поэта в Америку.

Из выступлений, которые состоялись в окрестностях Нью-Йорка, было одно, которое является совершенно исключительным в своем роде. Потому что в сентябре месяце Маяковский и я, или Маяковский, захватив меня, выехал в рабочий кемп²⁰ «Нит гедайге», это еврейский кемп, еврейских рабочих, но большинство из них выходцы из России и большинство из них понимает или говорит по-русски. Маяковский имел аудиторию, с которой у него был контакт. Если кто-либо забыл русский язык, то Маяковский имел достаточно таланта, яркости и убедительности, даже гипнотической силы, чтобы восстановить развалины русского языка в мозгах его аудитории. (Аплодисменты.)

И вот тут Эпштейн²¹, он давно эмигрировал и работает в Харькове, в 1930 году писал: «Маяковский чувствовал себя в Кемп Нит Гедайге, как рыба в воде»²². Правильно, что мы чувствовали себя как рыбы в воде, погода выдалась, как абсолютный потоп, — с самого раннего утра лил дождь, какого никогда не бывало. Для нас построили особую палатку, и там мы сидели — я, Маяковский и вот эта миссис Джонс, Элизабет Джонс²³ — одна прекрасная, милая особа, уроженка Уфы. Мария Никифоровна даже ее помнит по Уфе. (Оживление в зале.) Чтобы скоротать время, я писал стихи, которые Маяковский очень похвалил. Но когда он меня похвалил, то у меня дальше не хватило смелости их продолжить. Я и успел написать эти строки:

У дождя так много ножек,
Он стремится без дорожек
У пострела много стрел
Переранить всех успел.²⁴

Чтобы дождь нас не переранил, мы сидели в палатке. Маяковский сделал с миссис Джонс два рисунка, эти два рисунка у меня имеются, один он сделал в реальной манере, где миссис Джонс похожа, другой он сделал, как будто бы она отражается в луже воды, какими-то расплывчатыми линиями, но тоже карикатурно, похоже. Вообще надо сказать о Владимир<e> Владимировиче, что он не только был великим поэтом, не только прекрасным художником-портретистом, но исключительным мастером карикатуры. Поэтому, когда пришла война, когда потребовались лубки, и позже, когда потребовалась

организованная советская реклама для всевозможного строительства, то этот талант Маяковского был использован в его лубках, вначале во время войны 1914 года, а потом во время советской власти в его работе над Окнами РОСТА, в которой принимала участие, я знаю, даже и Лиля Юрьевна Брик. Правда, да?

Брик Л.Ю.: Правда.

Бурлюк Д.Д.: Я знаю, что это правда. *(Смех, оживление в зале.)*

Наше выступление состоялось, потому что к вечеру дождь прекратился. Вначале мы были на большой площадке перед hall. По-английски все понимают, переводить не надо? Или сказать по-русски – это такой барак, в котором кемповцы или посетители, отдыхающие рабочие за известную, конечно, плату они отдыхают там, имели свою пищу – meal, meal's halls – столовая. Так вот здесь очень любопытный момент. Маяковский был раздражен немножко плохой погодой, был как-то немножко не в духе. Смотрит, сидят на скамейках люди, и на траве бумажки, газеты брошены. Маяковский обратился и говорит: «Товарищи, нехорошо. Это ж кемп ваш – лагерь этот ваш. Что же вы позволяете себе держать в такой нечистоте, бросать газеты, обертки от всевозможных продуктов? Не делайте привилегией богачей чистоту и аккуратность вокруг их жилищ. Рабочие должны, – говорил Маяковский, – заботиться о порядке и чистоте, не только когда они служат богатым, но и когда они живут у себя в квартире».

И вот теперь, прибывши в советскую, чудесную Москву, мы, объехавшие весь мир, видевшие и города Японии, и города очень чистой страны, надо сказать, города Португалии и Северной Африки, посетившие некоторые города в Испании, бывшие в Сицилии, во всех городах вплоть до Лондона, бывшие в Париже, Берлине доведенном, Мюнхене, нигде такой чистоты мы не видали на улицах, и такого порядка, и стремления соблюдать эту чистоту и порядок, как в Москве. *(Оживление в зале.)* Это хорошо, значит, можно еще чище. Пожалуйста! *(Аплодисменты.)* Мы приедем, живы будем, – навестим чудный остров, так что увидим большую чистоту. *(Аплодисменты.)*

Теперь, говоря о пребывании Маяковского в Америке, надо указать, что он читал еще свои стихи, выступал в Детройте и Чикаго, но в этих двух городах я не был. Имеются прекрасные описания и журналистов, которые были на этих вечерах, в книгах, лежащих перед нами, и перед вами в библиотеке, здесь, так что касаться этого не буду. Я только вернусь к началу приезда Маяковского в Америку и в кратких чертах, минут, может быть, на десять, коснусь того впечатления, какое Маяковский своими новыми стихами, привезенными в Америку, и которых я не слышал, произвел на меня. Потому что Маяковский – это было стихийное творческое явление с самого ран-

него начала. Маяковский, например, 1911 года и 1912-го – это один Маяковский, но, например, Маяковский лета 1913 года: «Женщина пугливо куталась в болото, ширились зловеще лягушачьи мотивы»²⁵ – это уже совершенно другой Маяковский, Маяковский описательный, Маяковский, где глагол вступает в свою мощную работу, Маяковский, который уже рассказывает.

А когда пришла война, когда Маяковский говорил: «Бульварное черно, Простоволосая церковка бульварному изголовью упала как набитый слезами куль, – а у бульваров цветники истекают кровью как сердце, истерзанное пальцами пуль»²⁶ – это совершенно новый Маяковский, это Маяковский... (*Шум в зале.*) Я спокоен. Для меня одно удовольствие говорить, если люди слушают. (*Смех в зале.*) Это Маяковский, в котором в русской речи впервые звучит Виктор Гюго – эта же самая сила концепции и концентрация слова и мощности этих ямбов.

Маяковский, когда он приехал в Америку, он натолкнулся, как поэт, на совершенно новый материал для него. Вначале это был поэт, поэт-сюрреалист. Первый в мире поэт-сюрреалист. Потому что его «Легенда о двух поцелуях»²⁷. Я прочту его очень спокойно. (*Читает монолог Человека с двумя поцелуями.*)

Это типичное сюрреалистическое стихотворение, никто во Франции никогда не написал такого стихотворения позже, пытаюсь идти по стопам Маяковского.

Когда же Маяковский приехал в Америку в 1925 году, тут он сказал: «Я тебе прочту, только что написал стихотворение, гуляя в Гаване, на Кубе». И я вынул карандаш, для меня было очень интересно получить это стихотворение для газеты, в которой я работал. Он сказал: «Нет, я тебе прочту, но ты карандаша не бери. Послушай-ка. Называется “Блэк энд уайт”». (*Апллодисменты. Читает стихотворение «Блэк энд уайт».*)

Голос с места: Свое стихотворение прочтите, хоть одно.

Бурлюк Д.Д.: Мне нужно кончить, я опытный лектор и прекрасный лектор.

Мои дорогие друзья! Я в моей жизни заработал самый большой лекторский гонорар в Петербурге, когда читал лекцию «Пушкин и Хлебников»²⁸. 25 долларів, рублей в первом ряду <так!>, все было продано барышникам. Но, конечно, половину денег я отдал нуждающимся студентам Политехнического института.

Всякое искусство начинается там, где начинается «чуть-чуть». Если один лектор читает чуть-чуть лучше, он прекрасный лектор.

Говоря о встречах с Маяковским в 1925 году в Нью-Йорке, конечно, надо отметить еще наши длительные опять прогулки с Владимиром Владимировичем по окнам этого великого, безумного города, о котором в 1890 году писал Короленко, первый из русских

писателей, посетивших Нью-Йорк и выразивший свои впечатления в своей книге «Без языка».

Позже дорогой нам писатель, великий автор пьесы «На дне», Алексей Максимович Горький приехал в 1904 году в Нью-Йорк, и опять мы имеем описание Нью-Йорка в художественной русской литературе. Горький назвал свою книгу «Город желтого дьявола».

Интересно указать, что первые строки книги Короленко, когда он увидел Нью-Йорк с парохода, начинаются так: «На берегу высились дома в восемь–десять–двенадцать этажей». Короленко был поражен размерами этих домов. Когда через 14 лет приезжает Горький, то эти десятиэтажные домики <...> (пропуск в стенограмме. – Д.К.) потому что в новом Бродвее выросли двадцати-, двадцатипятиэтажные дома. Но когда Владимир Владимирович Маяковский прибыл через двадцать лет после Горького в Нью-Йорк, здесь уже высились небоскребы в 750 футов высотой²⁹. Переводя метры на футы, вы можете понять, что Маяковский видел Нью-Йорк, где высотные здания достигали такой высоты, как теперешние лучшие здания здесь, в Москве. Но грохотала и гремела в то время воздушная железная дорога и подземные горла подземных сабвеев <так!> Нью-Йорка.

Стены сабвеев, подземных дорог Нью-Йорка. И с Маяковским мы ездили на элевейторах <так!>, и ездили темными, длинными, пыльными горлами подземного Нью-Йорка. Маяковский ко всему этому присматривался, и все это явилось темой его блестящих строк о Нью-Йорке. С нами ходил фотограф, но, к великому сожалению, был пасмурный день, и уже было поздно, фотографии, которые были сделаны поэтом Алландом³⁰ с Маяковского, вышли плохо, – так, например, фотография Маяковский у Бруклинского моста, которая позже послужила темой для его чудного стихотворения «Бруклинский мост».

Потом мы подошли к Вульворт-билдингу, к небоскребу, о котором я сейчас только что говорил. Здесь была английская вращающаяся дверь, и направо в стеклянной витрине сидела барышня. У вас эта фотография, вероятно, имеется. Он написал стихотворение «Барышня и Вульворт».

Езерская А.С.: Нет фотографии.

Бурлюк Д.Д.: У меня фотография имеется. Но фотография очень плохая, но эта фотография тем интересна, что в ней, благодаря зеркальному отражению многих окон, как-то совпавших на фотографии, совершенно эта барышня раздробилась, как в футуристической картине, и у Маяковского в стихотворении этот момент отражен.

Вообще надо сказать, что все, что писал Маяковский, он писал точно с натуры, он ничего не придумывал. Это был громаднейший титанический фотогелио, лучше сказать, потому что фото и гелио, это будет почти одно и то же, значит светоносный, солнценосный по

свету аппарат было сердце Маяковского, и этим аппаратом он фотографировал, он снимал для нас, его очевидцев, для нас, которые придут после, для будущих веков, – он снимал тот новый мир, к которому мы все пришли около 30–40 лет тому назад, и снимал для будущего, для будущих поколений. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Для меня было приятно такое дружеское объятие дорогого Сергея Кирсанова.

Голос с места: Семена Кирсанова.

Бурлюк Д.Д.: Вы не смейтесь, потому что, в конце концов, я пожилой человек, я так много знаю. Когда вы доживете до моего возраста, вы поймете это. У меня имеется то, что имеется в каждой газете, misprint – опечатка. Во всех книгах, самых лучших, самых дорогих газетах «Нью-Йорк Таймс» каждый день бывает сто опечаток, а там уж смотрят, смотрят.

Когда дорогой Сергей, Семен Кирсанов жмет мне руку, то смею вам сказать, что это самая близкая рука по манере письма к Маяковскому. Он сегодня читал мне свою...

Голос с места: Это неправда!

Бурлюк Д.Д.: У нас свобода мнений. Это мое мнение. Когда вы будете высказывать ваше мнение, вы скажете все, что вы хотите. (*Аплодисменты.*)

Езерская А.С.: Я выражу общее мнение, если от имени всех присутствующих поблагодарю Давида Давидовича, который в доме Маяковского поделился с нами своими воспоминаниями. (*Аплодисменты.*)

Порядок вечера дальше будет такой: перед перерывом, для того чтобы установить киноаппарат, будет показана запись голоса Маяковского, которую Давид Давидович не слышал. Дом звукозаписи помог улучшить эту запись.

Кирсанов С.И.: Когда наша литературная часть закончена, разрешите сказать, что Давид Давидович приехал сюда, чтобы, кроме всего, что он будет рассказывать, и встречаться, и рисовать. Он рисует пейзажи под Москвой и через 2–3 дня уедет в Крым³¹, где будет писать крымскую природу, чтобы показать в Нью-Йорке свою выставку картин о России. Пожелаем ему успешной работы. (*Аплодисменты.*)

Бурлюк Д.Д.: Дорогой Семен Кирсанов, благодарю Вас. Я читаю стихотворения Маяковского немножко иначе, потому что читаю так, как слышал у Маяковского.

Езерская А.С.: После перерыва будет показан фильм, изданный в 1918 г., немой, по сценарию Маяковского, по повести итальянского писателя «Барышня и хулиган», фильм, в котором участвует сам 25-летний Владимир Владимирович Маяковский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Агния Семеновна Езерская (1898–1966) – первый директор Государственной библиотеки-музея В.В.Маяковского (с апреля 1937 по октябрь 1960).

² См. например: *Селезнев Л.* Необычный Бурлюк: Дальневосточная литературная критика и мемуаристика Давида Бурлюка 1919–1922 // Роман-журнал XXI век. 2002. №10.

³ За время пребывания в Японии Бурлюк выступил с лекцией о футуризме в Токийском университете и с докладом «Лошадь на щеке» на конференции «Футуризм», проходившей в рамках Второй футуристической выставки Японии. См.: *Евдаев Н.* Давид Бурлюк в Америке. С.67.

⁴ настроение (англ.).

⁵ Из поэмы В.Маяковского «Облако в штанах» (*Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т.1. М., 1955. С.185).

⁶ В поэме Николая Николаевича Асеева (1889–1963) «Маяковский начинается» (1940) отражены некоторые этапы и события футуристического движения. Асеев на протяжении многих лет вел переписку с Бурлюком.

⁷ Бурлюк неточно приводит название и цитирует стихотворение В.Маяковского «Кое-что про Петербург» (1913). У Маяковского в последней строфе: «Невы двугорбого верблюда».

⁸ Автор памятника, установленного во дворе БММ в 1955, – скульптор Гурам Владимирович Кордзахия (1923–1970). В своих воспоминаниях Бурлюк рассказал историю этого пальто:

Увидев Маяковского без пальто, Бурлюк в конце сентября 1912 года, в той же Романовке (гостиница на Малой Бронной, в которой жила творческая молодежь. – *Д.К.*), в темноте осенней, перешагнувшей за полночь, на Маяковского, собиравшегося уже шагать домой (на свою Большую Пресню 36, 24, см. «Я и Наполеон») надел зимнее ватное пальто своего отца. «Гляди, впору»... оправляя по бокам, обошел кругом Маяковского Бурлюк и застегнул заботливо крючок у ворота и все пуговицы... «Ты прости за мохнатые петли, но зато тепло и в грудь не будет дуть».

(Красная стрела: Сборник-антология. Нью-Йорк, 1932. С.17).

⁹ Александр Вильямович Февральский (1901–1984) – театровед, исследователь творчества Маяковского.

¹⁰ Речь идет о книге Макса Леонидовича Поляновского (1901–1977) «Поэт на экране (Маяковский киноактер)» (М., 1958).

¹¹ Бурлюк опубликовал много воспоминаний о Маяковском под разными названиями, из них наиболее объемные: Три главы из книги «Маяковский и его современники» // Красная стрела. С.10-18; 25 лет без Маяковского // Color and Rhyme. 1956. №31.

¹² Виктор Викторович Гофман (1884–1911) – поэт, критик, переводчик символистского направления. Сотрудничал с журналом «Весь», газетами «Русский листок», «Москвич», «Речь», выпустил сборники стихов «Книга вступлений. Лирика. 1902–1904» (М., 1905) и «Искус» (СПб., 1910), а также

сборник рассказов «Любовь к далекой. Рассказы и миниатюры. 1909–1911 гг.» (СПб., 1912). О Гофмане Бурлюк пишет в журнале «Color and Rhyme» (1956. №31. P.8-11) и сборнике «Красная стрела»: «Вскользь рассказывал Володя о своей “дружбе” с В.В.Гофманом. Я побывал сам дважды, на верхних этажах “Петергофа”: Виктор Викторович совсем не был способен, как мне казалось на первых порах, осуществить то, что позже я узнал о нем» (Три главы из книги «Маяковский и его современники» // Красная стрела. С.11). По-видимому, речь идет о самоубийстве Гофмана в Париже в 1911.

¹³ затмил (англ.).

¹⁴ Художественное объединение «Синий всадник» (1911–1914), которое основали Франц Марк и В.Кандинский. Бурлюк, помимо участия в выставках объединения, написал статью «“Дикие” России» для альманаха «Синий всадник».

¹⁵ Лила Герреро (Lila Guegго, урожд. – Л.И.Бондарева; 1906–1986) – писательница и переводчица. Дочь участников революции 1905 года. С 1908 жила в Аргентине. В 1925 приехала в Москву, работала переводчицей в КИМе. Переводила Маяковского, выпустила в 1943 в Аргентине «Антологию Маяковского»: *Guerrero L. Antologia de Maiakovski. Su vida y su alvia. Buenos Aires, 1943.*

¹⁶ Речь идет о «Первом в России вечере речетворцев», состоявшемся 13 октября 1913 в зале Общества любителей художеств.

¹⁷ В.Маяковский выступил с докладом «Перчатка». Б.Лившиц в своих мемуарах писал: «Успех вечера был, в сущности, успехом Маяковского. Непринужденность, с которой он держался на подмостках, замечательный голос, выразительность интонаций и жеста сразу выделили его из среды остальных участников» (*Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. С.174*).

¹⁸ Маяковский приехал в Нью-Йорк 30 июля 1925. См.: *Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С.305.*

¹⁹ *Маяковский В.В. Американцам для памяти. New York, 1925.* Бурлюк издал еще две книги Маяковского со своими иллюстрациями: «Открытие Америки» (New York, 1925) и «Солнце в гостях у Маяковского» (New York, 1925).

²⁰ От camping (англ.) – лагерь.

²¹ Шахно Эпштейн (Александр Борисович Эпштейн; 1881–1945) – журналист, активный член Бунда, редактор еврейской коммунистической газеты «Фрейгайт», агент Коминтерна и секретный сотрудник иностранного отдела НКВД, с 1942 – секретарь Еврейского антифашистского комитета, редактор газеты «Эйникайт». Опубликовал воспоминания: *Эпштейн Ш. Встречи с Владимиром Маяковским // Червоний шлях (Харьков). 1930. №5-6.*

²² «Как рыба в воде почувствовал себя Маяковский в пролетарском лагере “Нит гедайге”, являющемся одним из лучших достижений американского революционного движения» (*Эпштейн Ш. Встречи с Владимиром Маяковским. Цит. по: Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. С.312*).

²³ Элли Джонс (Елизавета Петровна Зиберт; 1904–1985) познакомилась с Маяковским во время его приезда в США в 1925. Их дочь Патриция Томпсон выпустила книгу «Mayakovsky in Manhattan» (New York, 1993).

²⁴ Окончание стихотворения Бурлюка, опубликованное в его книге «1/2 века» (Нью-Йорк, 1932), звучит так: «Дождик любит леопардов, / Любит лужиц серых оспу, / Когда дробью крупной в марте / Открывает Vegi доступ» (Бурлюк Д., Бурлюк Н. Стихотворения. С.399).

²⁵ Неточная цитата из стихотворения В.Маяковского «Любовь». У Маяковского: «Девушка пугливо куталась в болото, ширились зловеще лягушачьи мотивы...».

²⁶ Неточная цитата из стихотворения В.Маяковского «Я и Наполеон». У Маяковского: «Простоволосая церковка бульварному изголовью / припала, – набитый слезами куль, – / а у бульвара цветники истекают кровью, / как сердце, изодранное пальцами пуль».

²⁷ Имеется в виду монолог Человека с двумя поцелуями (танец с дырявыми мячами) из трагедии «Владимир Маяковский» (1913).

²⁸ 3 ноября 1913 Бурлюк в зале Тенишевского училища прочел лекцию «Пушкин и Хлебников», сбор от которой пошел в пользу Орловского землячества при Санкт-Петербургском политехническом институте. Через неделю, 11 ноября, Бурлюк выступил с той же лекцией в Политехническом музее в Москве.

²⁹ Бурлюк имеет в виду очерк Маяковского «Мое открытие Америки», в котором тот цитировал повесть В.Г.Короленко «Без языка» и памфлет М.Горького «Город желтого дьявола»:

Тридцать лет назад В.Г.Короленко, увидев Нью-Йорк, записывал:
«Сквозь дымку на берегу виднелись огромные дома в шесть и семь этажей...»

Лет пятнадцать назад Максим Горький, побывавши в Нью-Йорке, доводит до сведения:

«Сквозь косой дождь на берегу были видны дома в пятнадцать и двадцать этажей».

Я бы должен был, чтобы не выходить из рамок, очевидно, принятых писателями приличий, повествовать так:

«сквозь косой дым можно видеть ничего себе дома в сорок и пятьдесят этажей».

(Маяковский В. Полн. собр. соч. Т.7. С.325).

³⁰ Об Алланде упоминает участник встречи Маяковского с поэтами группы «Серп и молот»: «Мы, молодые поэты, читали Маяковскому свои стихотворения. Алланд преподнес ему свою книгу, я – фотографию с надписью». См.: Подоксик Д. <Леонид Опалов>. Впечатления от встречи с Маяковским // Русский голос (Нью-Йорк). 1925. 9 августа. Цит. по: Кэмрад. Маяковский в Америке. М., 1970. С.120.

³¹ Бурлюки пробыли в Крыму с 14 мая по 12 июня, посетив в Коктебеле Дом творчества писателей, расположенный на территории, принадлежавшей ранее поэту Максимилиану Волошину. На юге Бурлюк написал несколько картин, сделал большое количество этюдов и набросков, а по возвращении в Москву продолжил делать зарисовки в Подмосковье. 24–25 июня Бурлюки провели в Ленинграде, а 26 июня улетели в Ригу и затем в Стокгольм.

Д

Библиография

ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

Материалы к библиографии
Составитель О.А.Коростелев

Существует мнение, что журналистика Русского зарубежья относится к областям малоисследованным. В определенной мере это действительно так, однако кое-что все же сделано, только работы большей частью опубликованы в малотиражных изданиях и зачастую труднонаходимы.

О большинстве изданий и издательств эмиграции существуют в лучшем случае краткие и не всегда точные справки в энциклопедиях и справочниках. Лишь некоторые пользуются большей популярностью и стали объектом нескольких исследований. Доклады об отдельных сюжетах (например, о Мережковском в «Мече» или о журналах Яценко) доводилось слышать на разных конференциях по три-четыре раза, а то и чаще, причем выступления как тезисами, так и информативным наполнением не слишком кардинально отличались одно от другого. Речь не идет о плагиате, каждый из исследователей очень верно нащупал интересный сюжет и сам в меру сил разобрался в ситуации, но если бы он знал, что ранее было сделано то же самое, скорее всего, переключился бы на другие сюжеты или, по крайней мере, вступил в полемику с предшественниками.

Отсутствие единого информационного центра по современным исследованиям в области изучения русской эмиграции уже давно дает о себе знать, все чаще приводя к изобретению велосипедов, синхронным изданиям одних и тех же текстов и работам-близнецам. Исследования печатного дела Русского зарубежья – не исключение.

Настоящая Библиография носит предварительный характер и не претендует на исчерпывающую полноту, однако основные публикации в ней учтены. Вряд ли она радикально изменит ситуацию, но все же может оказаться полезной.

Небольшие справки размером в несколько строк, приведенные в таких изданиях, как «Краткая литературная энциклопедия», «Лексикон» Вольф-

ганга Казака или энциклопедический словарь «Книговедение», не расписывались как отдельные работы. Учитывались лишь библиографии, исследовательские работы или обзоры объемом от одной-двух страниц.

Торговые каталоги книжных магазинов включались выборочно. Критические рецензии, полемические отзывы и газетные статьи не фиксировались. Рецепция изданий критикой – очень интересная, но самостоятельная тема, требующая несопоставимо большего объема. Публикации мемуарного характера включались лишь в редких случаях (мемуарные свидетельства о печатном деле эмиграции – это также материал для отдельного исследования).

Материал разбит на три больших раздела: Работы общего характера; Издатели и издательства; Периодика. Материалы в общих разделах расположены в алфавитном порядке, в подразделах по отдельным изданиям и издательствам – в хронологическом. В тех случаях, когда периодическое издание имело сквозную нумерацию, приводится общее количество выпущенных номеров.

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Библиографии

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии 1917–1944 гг.: Библиографический справочник: В 4 ч. – Stanford, 1990–1991. – Ч.1: А-Г. – 1990. – 424 с.; Ч.2: Д-Л. – 1990. – 418 с.; Ч.3: М-Ри. – 1991. – 434 с.; Ч.4: Ро-Я. – 1991. – 437 с. – (Stanford Slavic Studies; Vol.3)

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии [дополнения и поправки] // Балтийский архив. – 1996. – Т.2. – С.140-146.

Аранс Д. Русская библиография за рубежом // Советская библиография. – 1990. – №1. – С.141-148.

Библиография русской зарубежной литературы: 1918–1968: В 2 т. = Bibliography of Russian Émigré Literature 1918–1968: 2 vol. / Сост. Л.А.Фостер. – Бостон: G. K. Hall & Co, 1970. – Т.1: А-К. – LVII, 681 с.; Т.2: Л-Я. – 682-1374 с.

Библиография русской революции и Гражданской войны (1917–1921): Из каталога библиотеки Русского Заграничного исторического архива / Сост. С.П.Постников; Под ред. Я.Славика. – Прага, 1938. – XV, 448 с.

Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература: Библиографический указатель. – Stanford, 1968. – 391 с.

Вильданова Р.И. Из библиографии русской эмиграции // Вече: Альманах русской философии и культуры. – СПб., 1995. – Вып.2. – С.180-185.

Геринг А.А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. – Париж: Passe Militaire, 1968. – 134 с. – (Военно-историческая библиотека «Военные были»; №13)

Грановская Л.М. Русская эмиграция о русском языке: Аннотированный библиографический указатель (1918–1992) / Российская Академия наук. – М.: АЗЪ, 1993. – 98 с.

Дяо Шаохуа. Художественная литература Русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) // Россияне в Азии (Торонто). – 1996. – Вып.3. – С.58-109.

Ивкина А.П. Деятели библиографической мысли Русского зарубежья // Новые пути науки и культуры. – М., 1995. – Ч.2. – С.99-100.

Ивкина А.П. «Книжная летопись» Русского зарубежья 1920-х годов // Книговедение: Новые имена. – М., 1996. – С.33-56.

Ивкина А.П. Русское зарубежье в библиографическом отражении // Библиография. – 1995. – №3. – С.127-138.

Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е): Аннотированная библиография (монографии, сборники статей, библиографические и справочные издания) / Отв. ред. Т.Н.Белова. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 96 с.

Исаков С. Русская печать в Эстонии (1918–1940) // Балтийский архив. – 1999. – Т.5. – С.166-226.

Кадиш М., Гольдберг В. Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 года. – Берлин: Изд-во Союза русских писателей и книгопродавцев в Германии «Лад», 1925. – XVI, 211 с.

Каталог военно-морских изданий и рукописей: Из собрания американо-русского общества «Родина» Российского фонда культуры / Сост. В.В.Лобицын. – М.: Российский фонд культуры, 2000. – 32 с.

Кшишкн Л.С. Русская эмиграция в Праге: Печать, образование, гуманитарные науки (1920 – 1930-е годы) // Славяноведение. – 1996. – №4. – С.3-10.

Книги [по истории Русского зарубежья] 2000–2001 гг., изданные в России: Материалы к библиографии / Сост. И.Л.Беленький // Российская эмиграция: Прошлое и современность. – 2001. – №1. – С.104-124.

Литература Русского зарубежья в Китае (г. Харбине и Шанхае): Библиография / Сост. Дяо Шаохуа. – Харбин, 2001.

Литература Русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указатель публикаций 1986–1990. – Вып.1: В 2 ч. – М.: Рудомино, 1993. – Ч.1. – 336 с.; Ч.2. – 303 с.

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1940): В 2 вып. / Под ред. Е.В.Спекторского. – Белград, 1931, 1941 ; Репринт: Гаага; Париж, 1970. – Вып.1. – 1931. – 294 с.; Вып.2. – Ч.1. – 1941. – 344 с.

Материалы к библиографии Владимира Аллоя: Книги и журналы (1977–2001) / Сост. Т.Притыкина // Диаспора: Новые материалы. – Т.2. – СПб.: Феникс, 2001. – С.697-705.

Новиков М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: Опыт введения в русско-эми-грантскую научную библиографию. – Прага, 1935. – 40 с.

О Евразии и евразийцах: Библиографический указатель / Сост. А.В.Антощенко и др. – Петрозаводск: ПГУ, 1997. – 98 с.

О муза русская, покинувшая дом...: Поэзия Русского зарубежья. Из собрания А.В.Савина: Каталог / Сост. Л.И.Киселева, А.В.Савин. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. – 252 с.

Педагогическая библиография Российского зарубежья (20–50 гг. XX в.) / Сост. Е.Г.Осовский и др. – Саранск: Мордовский ГПИ, 1999. – 55 с.

По страницам изданий Русского зарубежья: Библиография библиографий / Подгот. И.И.Иванова // Из глубины времен. – Вып.2. – СПб., 1993. – С.188-192.

Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета / Пер. с англ., предисл. и науч. ред. А.А.Хисамутдинова. – М.: Пашков дом, 2002. – 204 с., ил.

Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции, 1918–1945: Библиография. Из каталога библиотеки Русского Заграничного исторического архива в Праге: В 2 т. / Сост. С.П.Постников; Под ред. С.Г.Блинова; Introduction by E.Kasinec, R.H.Davis, Jr. – New York: Norman Ross Publishing Inc., 1993. – Т.1: Книги и брошюры русской эмиграции, 1918–1945. – XIX, 1-256 с.; Т.2: Периодика русской эмиграции, 1918–1945. – 257-526 с.

Полотовская И.Л. Материалы для библиографии информационных ресурсов Русского зарубежья / ИКЦ «Русская эмиграция». – СПб.: Нестор, 2002. – 60 с.

Равдин Б. Материалы к указателю еврейской печати Латвии: 1919–1940 // Балтийский архив. – 2000. – Т.6. – С.324-379.

Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книжных, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4 т. / Науч. ред. А.Г.Тартаковский, Т.Эммонс, О.В.Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2003. – Т.1. – 672 с.

Русская католическая периодическая печать XX века: Каталог ВГБИЛ / Сост. А.В.Юдин. – М.: Рудомино; Брюссель: Жизнь с Богом, 1992. – 48 с.

Русская печать в Эстонии 1918–1940: Библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции: В 2 вып. / Сост. О.С.Фигурнова. – М.: Наследие, 1998. – 462 с.

Русская эмиграция в Великобритании между двумя войнами (1917–1940 гг.): Библиографический указатель / Сост. Н.А.Сидоренко и др. – М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2000. – 56 с.

Русская эмиграция в Великобритании между двумя войнами. Наука и культура: Библиографический указатель / Сост. Н.В.Бекжанова и др. – СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2000. – 105 с.

Русское зарубежье: В 2 ч. / Сост. И.Л.Беленький // Россия и современный мир. – М., 1998. – Ч.1: Социально-политическая история. Культура. Литература. – №3(20). – С.199-224; Ч.2: Персоналии. Справочные издания. – №4(21). – С. 235-239.

Русское зарубежье, 1917–1991: Каталог изданий из фонда библиотеки-архива / Российский международный фонд культуры; Дом-музей Марины Цветаевой; Сост. Г.А.Толстых. – М., 1992. – 206 с.

Русское зарубежье. 1917–1994: Каталог изданий из фондов Архива Русского зарубежья.– М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. – Вып.2. – 240 с.

Русское зарубежье: Каталог изданий, поступивших в Российскую национальную библиотеку в 1931–1993 гг. / Сост. Т.И.Адрианова и др. – СПб.: Изд-во РНБ, 1997. – Вып.1. – 240 с.

Русское зарубежье: Указатель литературы: В 2 вып. / Сост. Л.И.Филиппова. – Якутск: Изд-во им. М.К.Аммосова, 1992–1994. – Вып.1. – 1992. – 130 с.; Вып.2. – Ч.1. – 1994. – 143 с.; Вып.2. – Ч.2. – 1994. – 155 с.

Сюй Гохун (Светлана). Литературная жизнь русской эмиграции в Китае (1920–1940-е гг.): Автореф дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 20 с.

Шатов М. Библиографический указатель русской печати за рубежом [1957–1960] // Мосты. – 1959. – №3; 1961. – №6; 1962. – №8.

Шатов М. Библиография Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945). – Нью-Йорк, 1961. – XV, 208 с. – (Труды архива РОА, хранящиеся в Колумбийском университете; Т.1).

Шаховской Д.М. Библиография Русского зарубежья // История и истории. – М., 1995. – С.389-410.

Шаховской Д.М. Положение источниковедения истории и литературы русской эмиграции: Опыт обзора // Cahiers de l'Emigration Russe (Paris). – 1994. – №1. – P.71-96.

Штейн Э. Русская печать лагерей «Ди-Пи». – Orange, Conn.: Antiquary, 1993. – 135 с.

Яворский Ю.А. Материалы по Галицко-русской библиографии: Библиографический список публикаций, вышедших в Галичине на

русском языке в послевоенный период, 1918–1923 гг. – Львов: Живое слово, 1924. – 35 с.

Arans D. How We Lost the Civil War: Bibliography of Russian Emigre Memoirs on the Russian Revolution, 1917–1921. – Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1988. – 200 p. – (Russian Bibliography Series; №6).

Golovin N.N. Alphabetical Index of Books and Periodicals in Russian Dealing with the History of the World War, Russian Revolution and Civil War. – [Б. м. и изд., 1928?]. – 332 л.

Hellman B., Kjellberg J. Suomen verajankylisen kirjallisuuden bibliografia. 1813-1972 = Библиография русской литературы, изданной в Финляндии. 1813–1972. – Хельсинки, 1988. – 96 с. – (Publications of the Helsinki University Library; [№]52)

Katchaki J.N. Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920–1945. – Arnhem: Proteus & Hygieia BV, 1991. – 352 p.

Kulikowski M. A Neglected Source: the Bibliography of Russian Émigré Publications since 1917 // Solanus. New Series. – 1989. – №3. – P.89-102.

Kulikowski M. The Bibliography of Russian Émigré Publications since 1917: An Update // Solanus. New Series. – 1995. – №9. – P.15-23.

Kulikowski M. Russian Émigré Bibliography: Another Look // Solanus. New Series. – 2000. – №14. – P.58-67.

Lee P. Bibliography of Russian Émigré Publications. – Washington: Propaganda Library, 1954.

Práce ruske, ukrajinske a beloruske emigrace vydane v Československu, 1918–1945. = Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. (Библиография с биографическими данными об авторах). – Т.1. – Ч.1-3. / Bibliogr. zprac. Z.Rachůnkova a M.Řeháková. – Praha: Národní knihovna České republiky, 1996. – XVIII, 1427 S. – Ч.1. – XVIII, 1-424 с.; Ч.2. – 425-850 с.; Ч.3. – 851-1472 с.

Review of Russian Émigré books. – Pacific Grove, Ca: ASEEPL, 1984–1987.

Russian Émigré Literature: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley, Library / Comp. by A.Urbancic. – Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1993. – 329 p.

Russian Publications in Izrael: List of Books, Pamphlets and Periodicals Published in Russian in Izrael [1952–1979] / [Comp. by] Z.Ofer, I.Rudnitski. – Jerusalem, 1979.

Энциклопедии, справочники

Залевский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире. 1918–1939 гг.: Справочник. – СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1998. – 302 с.

Казачество: Библиографический справочник / РАН; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.М.Миклухо-Маклая; Координационно-методический центр прикладной этнографии. – М., 1995. – 111 с.

Казачий словарь-справочник: В 3 т. / Сост. Г.В.Губарев; Ред.-изд. А.И.Скрылов. – Кливленд, Охайо; Сан-Ансельмо, Калифорния, 1966–1970; Репринт: М.: ТО «Созидание», 1992. – Т.1: Абрамов – Зябловский. – 1966. – 279 с.; Т.2: Ибн Батута – Пятый Дон<ской> каз<ачий> полк. – 1968. – 341 с.; Т.3: Раа – Ятов. – 1970. – 344 с.

Казачья энциклопедия: концепция, словник / Под ред. А.П.Федотова. – М., 1996. – 220 с.

Книга: Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 1999. – 800 с.

Литературная энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940) / Гл. ред. А.Н.Николюкин; Редкол.: Н.А.Богомолов и др. – М.: ИНИОН, 1993–2003; 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1997. – Т.2: Периодика и литературные центры. – Ч.1-3. – М.: ИНИОН, 1996–1998. – 299 + 320 + 272 с.; 2-е изд.¹: М.: РОССПЭН, 2000. – 639 с.; – Т.3: Книги. – Ч.1-3. – М.: ИНИОН, 1999–2000. – 349 + 367 + 293 с.; 2-е изд.: М.: РОССПЭН, 2002. – 712 с., ил.

Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В.Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1996. – 742 с.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с., ил.

Kasack W. Lexikon der russischen Literatur des 20 / Jahrhunderts. München, 1992; = русск. пер.: Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 г. / Пер. с нем. Е.Варгафтик и И.Бурихин. London: Overseas Publications Interchange, 1988. – 922 с.; 2-е изд., доп.: Казак В. Лексикон русской литературы XX в. / Пер. с нем. Е.Варгафтик и И.Бурихин; Ред. М.Зоркая. – М.: РИК «Культура», 1996. – 492 с.

Монографии, статьи

Агеносов В.В. Литература Русского зарубежья (1918–1996). – М.: Терра-Спорт, 1998. – 543 с.

¹ Далее – ЛЭРЗ-2.

Алексеевко М.И. Русская молодежная печать в Маньчжурии // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. – С.228-232.

Базанов П.Н. Издательская политика политических организаций русской эмиграции // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю.Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin; Европейский Дом, 2000. – С.113-119.

Базанов П.Н. Издательства и периодика «Ди-Пи» // Книга. Культура. Читатель. – СПб., 1998. – С.135-143.

Белов В. Белая печать. Ее идеология, роль, значение и деятельность: Материалы для будущего историка. – Пг.: Госиздат, 1922.

Бернев С.К. Печать на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944) // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / СПб. гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А.Шомракова. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – Т.154. – С.195-202.

Блюм А. Зарубежная русско-еврейская печать и литература в оценке коммунистической цензуры (По материалам «Секретного бюллетеня Главлита» за 1923 г.) // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Вып.2: 1919–1939 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1993. – С.240-246.

Блюм А. Печать Русского зарубежья глазами Главлита и ГПУ // Новый журнал. – 1991. – №183. – С.264-282.

Вишнякова Н.В. Русская эмигрантская печать в США (1868–1917) // Страницы истории книжной культуры. – Новосибирск, 1999. – С.179-206.

Дельвин С. Первая волна русской литературной эмиграции: Особенности становления и развития // Демократизация культуры и новое мышление. – М., 1992. – С.105-126.

Динерштейн Е.А. Советская власть и эмигрантская печать (20-е годы) // Книга: Исследования и материалы. – М., 2001. – Сб.79. – С.197-228.

Досталь М.Ю. Печатные источники для изучения истории славистики Русского зарубежья: (Чехословацкий славистский центр) // Славистика СССР и Русского зарубежья 20–40-х годов XX в. – М., 1992. – С.38-52.

Дьяков В.А. «Русская идея» в эмигрантских изданиях 1920–1968 гг. // Славяноведение. – 1995. – №4. – С.3-16.

Еськина Л.А. Библиография Русского зарубежья: Обзор // Мир библиографии. – 1998. – №1. – С.98-101.

Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю.Черняев / СПб. филиал Ин-та российской истории РАН; ИРЛИ; Всемирный клуб петербуржцев; СПб. гос. ун-т экономики и финансов; СПб. информационно-культурный центр «Русская эмиграция». – СПб.: Suomin Pietarin; Европейский Дом, 2000. – 445 с.

Зернов Н.М. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиографии их книг по богословию, религиозной философии, истории Церкви и православной культуре: 1921–1972. – Бостон, 1973. – 182 с.

Зимица В.Д. Эмигрантская казачья пресса 20–30-х годов как исторический источник // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: Проблемы, опыт, поиски, решения. – Тверь, 1992. – С.70–80.

Ивкина А.П. Библиография Русского зарубежья (Первая «волна» послереволюционной эмиграции): История и современное состояние: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996. – 17 с.

Издательское и библиографическое дело Русского зарубежья (1918–1998 гг.): Учебное пособие / Г.В.Михеева, И.А.Шомакова, П.Н.Базанов, И.Л.Полотовская; Ред. Е.П.Сударикова; СПб. гос. ун-т культуры и искусств. Кафедра общей библиографии и книговедения. – СПб.: СПбГУКИ, 1999. – 134 с.

Ильина О.Н. Библиографическое освоение литературы русского зарубежья // Современное библиографическое информационное образование. – СПб. – Вып.1. – С.49–76.

Исаков С.Г. Русские в Эстонии (1918–1940): Историко-культурные очерки. – Тарту: Компу, 1996. – 400с.

История и культура русского населения Латвии: Краткий библиографический указатель / Сост. Т.Фейгмане // Русские в Латвии: История и современность. – Рига, 1997. – Вып.2. – С.117–131.

Карпов С.В. Послевоенная печать российской эмиграции в «холодной войне» // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / СПб. гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А.Шомакова. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – Т.154. – С.220–227.

Карпов С.В. Российская эмиграция в информационной войне против Советского Союза // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю.Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin; Европейский Дом, 2000. – С.108–113.

Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) / Харьковский гос. педагог. ун-т им. Г.С.Сковороды. – Харьков: Книжное рекламное агентство «РА», 1998. – 476 с.

Маглова М.Б. Эмигрантская либеральная печать о новой экономической политике 1921–1928 гг. (По материалам Пражской коло-

нии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. экон. акад. им. Г.В.Плеханова. – М., 1995. – 22 с.

Марьяняк А.В. Литература русской эмиграции о Российской армии конца XIX – начала XX в. // История России XIX–XX вв.: Новые источники понимания. – М., 2001. – С.136-144.

Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Ин-т российской истории РАН. – М., 1997. – 245 с.

Мелихов Г.В. Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М., 1997. – С.96-105.

Михайлов О.Н. Литература Русского зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – 432 с.

Михеева Г.В. Библиографический учет белогвардейской и эмигрантской литературы (1918–1922 гг.) // Историко-библиографические исследования. – СПб., 1993. – Вып.3. – С.19-35.

Николюкин А.Н. Литература Русского зарубежья в ИНИОН // Россия и современный мир. – 1993. – Вып.1. – С.175-177.

Полотовская И.Л. Центры библиографирования изданий Русского зарубежья // Библиография. – 1997. – №4. – С.139-153.

Полчанинов Р.В. Издания «ди-пи» в Нью-Йоркской Публичной библиотеке // Полчанинов Р.В. Заметки коллекционера. – London, 1988. – С.232-240.

Пронин А.А. Историография российской эмиграции: Монография / Уральская независимая общественная б-ка. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 185 с.

Раев М. Галактика Гутенберга: Издательское дело на чужбине // Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С.96-123.

Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П.Полторацкого. – Питсбург, 1972. – 409 с.

Рыжак Н.В. Периодическая печать русского Харбина в крупнейших библиотеках Москвы // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. – С.223-226.

Серков А.И. Русские масонские библиотеки и печатные издания XX века // Тезисы докладов и сообщений конференции по итогам научной работы Российской государственной библиотеки за 1992 г. – М., 1993. – С.89-91.

Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – 408 с.; 2-е изд., испр. и доп.: Париж: YMCA-Press, 1984. – 426 с.;

3-е изд., испр. и доп.: Краткий биографический словарь Русского зарубежья / Р.И.Вильданова, В.Б.Кудрявцев, К.Ю.Лаппо-Данилевский. – Париж; М.: УМСА-Press; Русский путь, 1997. – 448 с.

Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья: В 2 кн. – М.: Ред. альманаха «Российский архив», 2002. – Кн.1. – 608 с.; Кн.2. – 560 с.

Толстой И. Курсив эпохи: Литературные заметки. – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. – 202 с.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте. – Paris: УМСА-Press, 1983. – 422 с.

Хисамутдинов А.А. Детская русская эмигрантская литература в Китае // Библиография. – 1999. – №3. – С.145-150.

Хисамутдинов А.А. Русская морская зарубежная библиотека // Мир библиографии. – 1998. – №6. – С.46-49.

Хисамутдинов А.А. Русская печать в Китае: Описание редких изданий в русской коллекции Гамильтонской библиотеки Гавайского университета // Россияне в Азии. – 1994. – №1. – С.254-282.

Шинкарук И.С., Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция и ее печать. 1920–1939 гг. – М.: Ипполитов, 2000. – 100 с. – (Сер. «Русские без отечества»).

Яковлева Т.А. Политико-экономическая печать российской эмиграции: К истории создания // Историко-экономический научный журнал. – Иркутск; Чита. – 1998. – №3. – С.32-36.

Beyer T., Krafz G., Werner X. Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg. – [Berlin]: Arno Spitz, 1987. – 245 s.

Ђурић О. Руска литерарна Србија: 1920–1941 (писци, кружоци и издања). – Горњи Милановац-Београд, 1990. – 301 с.

Лукишић И. Руска емигрантска периодика у Југославији између два рата // Зборник Матице српске за књижевност и језик. – Нови Сад, 1989. – Књ.27. – №2.

Lukšić I. Popis periodičnih izdanja ruske emigracije u Jugoslaviji 1920–1945 // Književna smotra. – Zagreb, 1987. – Br.65-66.

McMillin A. Exiled Russian writers of the third wave and the émigré press // Modern Language Review. – 1989. – P.406-413.

Richard J. La presse l'émigration russe. – Aix-de Provence, 1966. – 109 p.

Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in Europäischen Bürgerkrieg / Hrsg. von K.Schlögel. – Berlin, 1995. – 550 S.

КНИЖНОЕ ДЕЛО, ИЗДАТЕЛЬСТВА И ИЗДАТЕЛИ

Библиографии

Алексеев А.Д. Литература Русского зарубежья: Книги 1917–1940: Материалы к библиографии / Отв. ред. К.Д.Муратова. – СПб.: Наука, 1993. – 202 с.

Аранс Д. Библиография русских книг, изданных за пределами СССР. 1980–1989. – Washington: Russica, 1990. – 257 с.; 2-е, доп. изд.: *Аранс Д.* Русские книги за рубежом. 1980–1995. – М.: ГПИБ, 2001. – 471 с.

Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937. – М.: Лантерна–Вита, 1994. – 623 с. – (Studia Bibliographica; Т.1).

Каталог книг Русской публичной библиотеки в Белграде. – Белград, 1929. – 192 с.

Книга Русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки. 1918–1991: Библиографический указатель: В 3 ч. / Науч. ред. В.И.Харламов; Сост. Е.А.Акимова и др. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт; М.: Пашков дом, 1997–2001. – (Книжный мир России; Вып.4). – Ч.1: А–К. – СПб.: РХГИ, 1997. – 624 с.; Ч.2: Л–Т. – М.: Пашков дом, 2001. – 742 с.; Ч.3: У–Я. Вспомогательные указатели. – М.: Пашков дом, 2002. – 527 с.

Колеров М. Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887–1947. – М.: ОГИ, 2000. – 132 с.

Международный сводный каталог русской книги (1918–1926) / Сост. И.А.Ковалева и др.; Ред. Е.К.Соколинский. – СПб.: Изд-во РНБ, 2002. – Т.1: А–Бедный. – 2002. – XXXVI, 700 с.

Русская зарубежная книга: В 2 ч. / Комитет русской книги; Под ред. С.П.Постникова. – Прага: Пламя, 1924. – Ч.1: Библиографические обзоры. – 142 с.; Ч.2: Библиографический указатель (1918–1924). – 162 с.

Тургеневская общественная библиотека [Париж]: Каталог по беллетристике. – Париж, 1924–1929. – [Вып.1]: Книги, поступившие до 1924 г. – 1924. – 136 с.; [Вып.2]: Книги, поступившие в 1924–1926 гг. – 1929. – 59 с.

Штейн Э. Поэзия Русского зарубежья в библиотеке Эммануила Штейна / Под общ. ред. и с предисл. О.Штейн; Вступит. ст. М.Поповского. – Orange, Conn.: Antiquary, 2000. – 212 с.

Штейн Э. Поэзия русского рассеяния: 1920–1977. – Ashford, Conn.: Ладья, 1978. – 182 с.

Les editeurs reunis: Каталог русских книг зарубежных изданий. 1990–1991. – Paris: YMCA-Press, [1991]. – 224 с.

Modern Russian Books Published Outside Russia: Catalog. – New York, 1981. – 43 p.

Монографии, общие исследования и обзоры

Абызов Ю.И. Рижские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.336-339.

Базанов П.Н. Архивные материалы русских эмигрантских издательств в США во второй половине XX века // Россия в США: Сб. статей / Ред. А.В.Попов. – М.: Ин-т военного и политического анализа, 2001. – С.227-241.

Базанов П.Н. Издательская деятельность младороссов // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / СПб. гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А.Шомакова. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – Т.154. – С.186-192.

Базанов П.Н. Книжное дело русской эмиграции «Дипийского периода» (1945–1951 гг.) // Книга: Исследования и материалы. – М., 2002. – Сб.80. – С.365-378.

Базанов П.Н., Шомакова И.А. Книга Русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века: Учебное пособие. – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2001. – 113 с.

Быстрова О.В. Берлинские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.22-32.

Быстрова О.В. Константинопольские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.206-208.

Быстрова О.В. Парижские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.303-307.

Быстрова О.В. Польские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.315-316.

Быстрова О.В. Стокгольмские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.468-469.

Быстрова О.В. Харбинские издательства // ЛЭРЗ-2. С.488-490.

Быстрова О.В. Шанхайские издательства // ЛЭРЗ-2. С.504-505.

Вацек Й. Пражские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.330-332.

Глезеров С.Е. Издательская деятельность на территориях антибольшевистских правительств Северо-Запада России в годы Гражданской войны, 1918–1920 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПбГУКИ. – СПб., 2002.

Даскалов Д. Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии // Славяноведение. – 1996. – №5. – С.84-97.

Демидова О.Р. Книга в культуре Русского зарубежья // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских

чтений / СПб. гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А.Шомракова. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – Т.154. – С.214-220.

Емельянов Ю.Н. «Русский Берлин» (Издательские центры в 20–30-х гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П.Челышева, Д.М.Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн.1. – С.35-41.

Еськина Л.А. Русское книгоиздание в Гельсингфорсе в 1918–1939 гг. // Мир библиографии. – 2000. – №1. – С.64-66.

Еськина Л.А. Финские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.482-485.

Ипполитов С.С., Катаева А.Г. «Не могу оторваться от России»: Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. – М.: Ипполитов, 2000. – 161 с.

Исаков С.Г. Книгоиздательское дело // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). – Тарту; СПб., 2001. – С.221-233.

Исаков С.Г. Русское книгоиздательское дело в Эстонской Республике (1918–1940) // Радуга. – 2000. – №3. – С.67-79.

Исаков С.Г. Эстонские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.508-511.

Катаева А.Г. Горький и русское издательское дело в Германии в начале 1920-х гг. // Новый исторический вестник. – 2000. – №2. – С.5-18.

Катаева А.Г. Русская издательская деятельность в Германии 1920-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Ист.-арх. ин-т, 2000. – 22 с.

Катушкина В.В. Мемуары как источник изучения книжного дела Русского зарубежья в Европе (1917–1939 гг.) // Наука и культура Русского зарубежья. – СПб., 1997. – С.286-294.

Коростелев О. «Зильберштейн и Макашин в одном флаконе...» (Владимир Ефимович Аллой: 1945–2001) // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. – Кн. 2 / Сост., ред. и изд. М.Пархомовский; Науч. ред. и сост. Д.Гузевич. – Иерусалим, 2002. – С.129-140. – (Русское еврейство в зарубежье; Т.4(9))

Кремнев С.С. Михаил Васильевич Шатов – библиограф и издатель «второй» эмиграции // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / СПб. гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А.Шомракова. – Т.154. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – С.155-164.

Кузнецова Т.В. Деятели русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг.: Биографический словарь / Дальневост. гос. науч. б-ка. – Хабаровск, 1998. – 68 с.

Кузнецова Т.В. Издательская практика Бюро по делам российских эмигрантов // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: Исто-

рический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. – С.217-221.

Кузнецова Т.В. Русская издательская практика в Маньчжурии (первая половина XX века) // Вопросы регионального книговедения: Сб. науч. тр. молодых ученых / РАН, Сиб. отд.; Гос. публич. науч.-техн. б-ка. – Новосибирск, 1996. – С.31-58.

Кузнецова Т.В. Центры русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг.: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / РАН, Сиб. отд.; Гос. публич. науч.-техн. б-ка. – Новосибирск, 1999. – 22, [1] с.

Левитан И. Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе. – Нью-Йорк, 1968. – Кн.2.

Мирук Н.В. Издательская деятельность И.В.Гессена в Берлине // Российское зарубежье. Итоги и перспективы изучения: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., 17 ноября, 1997 г. / РГГУ; Отв. ред. С.В.Карпенко. – М., 1997. – С.45-46.

Насыбулина Т. Издательское дело Русского зарубежья. Европа. 1917–1939 // Книговедение: Новые имена. – М., 1999. – Вып.4. – С.60-69.

Пайчадзе С.А. Издательства, книжная торговля и библиотеки Харбина в начале XX столетия // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. – С.211-214.

Пайчадзе С.А. Русская книга в Харбине в 20–30-е гг. XX столетия: Проблемы изучения // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. – С.214-217.

Селезнева Т.В. Д.Д.Бурлюк – редактор-издатель (Период эмиграции: 1920–1967) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П.Челышева, Д.М.Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн.2. – С.441-445.

Селезнева Т.В. Издательское дело российских эмигрантов в Америке: (1917–1930 гг.) // Книга: Исследования и материалы. – М., 1996. – Сб.72. – С.149-159.

Соколинский Е.К. Русская книга 1918–1926 гг. в фондах библиотек Чехии, Польши, Германии (Из опыта работы над «Международным сводным каталогом русской книги 1918–1926») // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / СПб. гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А.Шомракова. – Т.154. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – С.140-145.

Шомракова И.А. Белградские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.21-22.

Шомракова И.А. Болгарские издательства // ЛЭРЗ-2. – С.43-44.

Шомракова И.А. Книжное дело Русского зарубежья (Европа, 1917–1940) // Книга: Исследования и материалы. – Сб.67. – М., 1994. – С.165-184.

Шомракова И.А. Книжное дело Русского зарубежья и возрождение русской культуры // Возрождение культуры России. – Вып.5. – СПб., 1997. – С.14-26.

Шомракова И.А. Материалы по истории книжного дела Русского зарубежья в Бахметевском архиве // Россия в США: Сб. статей / Ред. А.В. Попов. – М.: Ин-т военного и политического анализа, 2001. – С.80-85.

Шомракова И.А. Проблема источника при изучении книжного дела Русского зарубежья // Наука и культура Русского зарубежья. – СПб., 1997. – С.268-280.

Юниверг Л. Евреи-издатели и книготорговцы Русского зарубежья // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.1: 1919–1939 гг. / Сост. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1992. – С.129-141.

Drews P. Russische Schriftsteller am Scheideweg. Berlin 1921–1923 // Anzeiger für slavische Philologie. 12. – 1981. – S.119.

Kasack W. Die russische Schriftsteller-Emigration. Beiträge zur Geschichte, den Autoren und ihren Werke. – München, 1996.

Saroyan M. The Russian press in Manchuria 1920–1945 // Siberia II: Question siberiennes; histoire, cultures, literature / Ed. by B.Chichlo. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1999. – P.525-533.

Отдельные издательства

ВОЗРОЖДЕНИЕ (Париж, 1926–1939, 1948–1974).

Базанов П.Н., Шомракова И.А. «Возрождение» // Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века. – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2001. – С.78-79.

ГЕЛИКОН (М.; с 1921 – Берлин, с 1926 – Париж, 1918–1933).

Юниверг Л. Абрам Вишняк и его издательство «Геликон» // Русское еврейство в зарубежье. – Т.1(6) / Сост., гл. ред. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1998. – С.164-176.

ДОМ КНИГИ (Париж, 1929–1939).

Гузевич Д. Парижский «Дом книги» (Михаил Каплан) // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. – Кн.2 / Сост., ред. и изд. М.Пархомовский; Науч. ред. и сосост. Д.Гузевич. – Иерусалим, 2002. – С.98-110. – (Русское еврейство в зарубежье; Т.4(9))

ЖИЗНЬ С БОГОМ (Брюссель, 1946–1997).

Поснова И. Издательство «Жизнь с Богом» // Начала. – 1991. – №3. – С.78-85.

Каталог-библиография издательства «Жизнь с Богом» / Подгот. С.А.Гуськов // Начала. – 1991. – №3. – С.86-95.

ИЗДАТЕЛЬСТВО З.И.ГРЖЕБИНА (Пг.; с 1923 – Берлин, 1919–1929).

Голубева О.Д. Горький и издательство З.И.Гржебина // Голубева О.Д. Горький-издатель. – М., 1968. – С.116-122.

Hardeman H. The publishing house of Z.I.Grzhebin, Petrograd–Moscow–Berlin, 1919–1923 // Solanus. New Series. – 1987. – №1. – P.41-53.

Гржебина Е. З.И.Гржебин – издатель: (По документам и воспоминаниям его дочери) // Solanus. New Series. – 1987. – №1. – С.4-40 ; То же: Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.1: 1919–1939 гг. / Сост. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1992. – С.146-168.

Борха Мойя А.М. Книгоиздательская деятельность З.И.Гржебина в истории русской культуры первой четверти XX в. // Книга, молодежь, перестройка: Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов отрасли. Секция книговедения и социология печати: Тез. докл. – М., 1990. – С.23-24.

Зиновий Гржебин и Максим Горький. (Из истории послереволюционной издательской деятельности З.И.Гржебина) / Предисл. Л.Юниверга // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.1: 1919–1939 гг. / Сост. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1992. – С.141-145.

Вайнберг И. «Все будет оценено – не может быть иначе» // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.1: 1919–1939 гг. / Сост. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1992. – С.169-192.

Юниверг Л.И. З.И.Гржебин и его издательская деятельность // Книга: Исследования и материалы. – М., 1994. – Сб.69. – С.122-133.

Динерштейн Е.А. Крах берлинского издательства З.И.Гржебина // Europa orientalis. – 1995. – Т.14. – №2.

Ипполитов С.С. Гржебин Зиновий Исаевич (1877-1929) // Зарубежная Россия. http://zaross.rsuh.ru/biogr/zs76_grzheb_k.html

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА (Нью-Йорк, 1952–1956).

Издательство имени Чехова: Каталог 1952–1956. – [Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956]. – 79 с.

«Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г.В.Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) / Публ., подгот. текста и примеч. О.А.Коростелева // Адамович Г.В. Собр. соч.: Одиночество и свобода. – СПб.: Алетейя, 2002. – С.323-346.

Шомракова И.А. И.Бунин, Г.Иванов и Издательство им. Чехова. По материалам Coll. Chekhov Publishing House в Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Вох №1) // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю.Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin; Европейский Дом, 2000. – С.319-324.

Базанов П.Н., Шомракова И.А. Издательство им. Чехова // Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века. – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2001. – С.76-78.

ПЕТРОПОЛИС (Пг; с 1923 – Берлин, с 1935 – Брюссель, 1918–1939).

Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис»: Новые материалы по истории «Русского Берлина» // Русская литература. – 1991. – №1. – С.189-204.

Рейтблат А. Я.Н.Блох и издательство «Петрополис». Письма к Я.Н.Блоху // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.3: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1994. – С.170-189.

Лозинский Г.Л. «Petropolis» // Книга: Исследования и материалы. – Сб.59. – М., 1989. – С.158-162.

Харер К. «Верчусь как ободранная белка в колесе»: Письма Михаила Кузмина к Я.Н.Блоху (1924–1928) // Шестые тыняновские чтения: Тез. докл. и материалов для обсуждения. – Рига; М., 1992. – С.222-243.

ПЛАМЯ (Прага, 1923–1926).

Издательство «Пламя»: Каталог. – Прага, 1924. – 16 с.

Евгений Ляцкий: Материалы к биографии / Подгот. текстов и публ. С.И.Михальченко. – Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. – 176 с.

Я.ПОВОЛОЦКИЙ и К^о (Париж, 1910–1914, 1919–1934).

Каталог: В 3 ч. (Рус. изд-во Я.Поволоцкий и К^о). – Париж, 1925. – Ч.1. – 73 с.; Ч.2. – 59 с.; Ч.3. – 26 с.

ПОСЕВ (Менхегоф; с 1946 – Лимбург-на-Лане, с 1952 – Франкфурт-на-Майне, с 1992 – Москва, 1945–).

Издательство «Посев» / Сост. А.Н.Артемов. – Frankfurt am Main: Посев, 1985–1989. – [Вып.1]: 1945–1985. – 1985. – 120 с.; [Вып.2]: 1986–1987. – 1987. – 32 с.; [Вып.3]: 1988–1989. – 1989. – 32 с.

Свободное слово «Посева»: 1945–1995: Сб. статей и библиографический указатель / Сост. М.В.Горбаневский и др. – М., 1995. – 208 с.

Базанов П.Н., Шомракова И.А. «Посев» // Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века. – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2001. – С.73-76.

РИФМА (Париж, 1949–1980).

Базанов П.Н., Шомракова И.А. «Рифма» // Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века. – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2001. – С.79-80.

СЕВЕРНЫЕ ОГНИ (Стокгольм, 1920–1921).

Шомракова И.А. «Северные огни» – издательство Русского зарубежья и его создатель Е.А.Ляцкий: (По архивным материалам) // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / СПб. гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А.Шомракова. – Т.154. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – С.179-185.

Евгений Ляцкий: Материалы к биографии / Подгот. текстов и публ. С.И.Михальченко. – Брянск: Издательство БГПУ, 2000. – 176 с.

СЛОВО (Берлин, 1920–1939).

Каталог издательства «Слово». – Berlin, 1922. – 16 с., ил.

Гессен И.В. «Слово» // Годы изгнания. – Paris: YMCA-Press, 1979. – С.89-113.

Письмо И.А.Бунина И.В.Гессену / Публ. С.П. // Новое литературное обозрение. – 1993. – №4. – С.160-161.

Гессен В.Ю. Жизнь и деятельность И.В.Гессена – юриста, публициста и политика. – СПб.: Изд-во «Сударыня», 2000. – 188 с.

ТРЕТЬЯ ВОЛНА (Париж; с 1992 – Москва, 1976–).

Базанов П.Н., Шомракова И.А. «Третья волна» // Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века. – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2001. – С.84-85.

ЭРМИТАЖ (Анн-Арбор, 1979 –).

Базанов П.Н., Шомракова И.А. «Эрмитаж» // Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века. – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2001. – С.85.

ATHENEUM (Париж, 1986–2001).

Материалы к библиографии Владимира Аллоя: Книги и журналы (1977–2001) / Сост. Т.Притыкина // Диаспора: Новые материалы. – Т.2. – СПб.: Феникс, 2001. – С.697-705.

LA PRESSE LIBRE (Париж, 1982–1984).

Материалы к библиографии Владимира Аллоя: Книги и журналы (1977–2001) / Сост. Т.Притыкина // Диаспора: Новые материалы. – Т.2. – СПб.: Феникс, 2001. – С.697-705.

ВИКТОР КАМКИН (Вашингтон, 1959–1974).

Пальмова И. След на земле: Страницы жизни Виктора Камкина. – М.: АО «Международная книга», 1995. – 384 с.

Базанов П.Н., Шомракова И.А. «В.Камкин» // Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века. – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2001. – С.80-81.

YMCA-PRESS (Париж, 1920–).

Карташев А. 35 лет издательства YMCA-Press // Вестник РСХД. – 1955. – №37.

Книгоиздательство Христианского союза молодых людей YMCA-Press: Каталог 1921–1956: Богословие, философия, русские классики, художественная литература, педагогика, учебники. – Париж, 1956. – 127 с.

Карташев А.В., Струве Н.А. 70 лет издательства «YMCA-Press». 1920–1990. – Paris: YMCA-Press, 1990. – 40 с.

Толстой И. Издательство «Имка-Пресс» // Звезда. – 1992. – №2. – С.205-206.

Материалы к библиографии Владимира Аллоя: Книги и журналы (1977–2001) / Сост. Т.Притыкина // Диаспора: Новые материалы. – Т.2. – СПб.: Феникс, 2001. – С.697-705.

Базанов П.Н., Шомракова И.А. «YMCA-Press» // Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века. – СПб.: Петербургский ин-т печати, 2001. – С.81-84.

«YMCA-Press» в Архангельске: Встречи с Н.А.Струве: лекции, интервью, беседы. – Архангельск, 2002. – 183 с., ил.

ПЕРИОДИКА

Библиографии и справочники

Газеты русской эмиграции в фондах Отдела литературы Русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиографический каталог. – Вып.2 / РНБ; Сост. Е.В.Макаревич. – М., 1994. – 60 с.

Головин Н.Н. Указатель статей, относящихся к истории войны 1914–1918 гг. на русском фронте, русской революции, гражданской войны и русского контрреволюционного движения, появившихся в: «Русский инвалид», «Часовой», «Руль», «Россия и славянство», «Русский голос», «Царский вестник», «Сегодня», «Возрождение», «Последние новости»: В 2 т. – [Б. м., 1935?]. – Т.1. – 420 л.; Т.2. – 533 л.

К библиографии дальневосточной прессы: студенческая пресса Харбина / Сост. А.Лукашин // Новый журнал. – 1974. – №114. – С.252-259.

Летопись русских зарубежных периодических изданий / Сост. Р.Полчанинов. – New York: New Hyde Park, 1981.

Магеровский Л.Ф. Библиография газетного собрания Русского Заграничного исторического архива за годы 1917–1921 / Под ред. Я.Прокеша. – Прага: М-во внутренних дел, 1939. – 128 с.; То же: New York: Norman Ross Publishers, 1994. – VIII, 127 с.

Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий Российского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1990) / ГПИБ; ГБЛ; Сост. И.Е.Березовская и др.; Ред.-сост. М.А.Овсянникова. – М.: ГПИБ, 1991. – 87 с.

Никаноров А.Б. Предварительный список периодических изданий Русского зарубежья Латвии и Эстонии (1919–1940 г.) // Историко-библиографические исследования. – СПб., 1995. – Вып.5. – С.184-249.

Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке: 1920–1980: Сводный указатель статей = L'emigration russe: revues et recueils: 1920–1980: Index general des articles / Под ред. Т.Л.Гладковой и Т.А.Осоргиной; Предисл. М.Паева. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1988. – 661 с.

Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.) / Сост. А.И.Бардеева, Э.А.Брянкина, В.П.Шумова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 464 с.

Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1992 гг.) / Сост. Э.Алексеева и др. – СПб.: Изд-во РНБ, 1993. – 142 с.; 2-е изд., испр. и доп.: Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1995 гг.) / Сост. Г.В.Михеева и др. – СПб. Изд-во РНБ, 1996. – 200 с.

Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках: В 2 вып. – Харбин, 1927–1936. – Вып.1: По 1-ое января 1927 г. – Харбин: Изд. Общества изучения Маньчжурского края, 1927. – 41 с.; Вып.2: С 1-го января 1927 г. по 31-ое декабря 1935 г. – Харбин: Изд. Экономического бюро Харбинского управления государственной железной дороги, 1936. – 36 с.

Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919–1952 гг. / Ин-т по изучению истории и культуры СССР. – Мюнхен, 1953. – 165 с. – (Исследования и материалы; Т.6).

Штейн Э. Журналы и газеты лагерей «Ди-Пи», находящиеся в собрании Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) // Штейн Э. Русская печать лагерей «Ди-Пи». – Orange, Conn.: Antiquary, 1993. – С.118-131.

Catalogue collectif des périodiques conservées dans les bibliothèques de Paris et dans les bibliothèques slaves en caractères cyrilliques; état des collections en 1950. – Т.1-2. – Paris, 1956.

Golovin N.N. Index of Russian Periodicals Published Abroad. – [S.l.] – 71 л.

Historique de la Presse Périodique de l'émigration Socialiste Russe: 1917–1937 / By B.I.Nikolaevsky // Bulletin of the International Institute for Social History. – 1938. – Vol.1. – P.5-17.

Historique de la Presse Périodique de l'émigration Socialiste Russe: 1917–1937 / By S.Postnikoff // Bulletin of the International Institute for Social History. – 1938. – Vol.2. – P.97-104.

Howells D.L.L. Russian émigré serials 1855–1990 in Oxford libraries: Materials for a union catalogue. – Oxford: Meeuws, 1990. –X, 43 p.

Maichel K. Soviet and Russian newspapers at the Hoover institution: A catalog / Hoover Institution of War, Revolution and Peace. – Stanford, 1966. – X, 225 p. – (Hoover Institution bibliographical series; 24).

Newspapers and Magazines in the Russian Language in Canada from 1915–1981 / By R.Bogusis // Russian Canadians: Their Past and Present. – Ottawa: Borealis Press, 1983. – P.187-197.

Ossorguine-Bakounine T. L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1855–1940. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1976. – 342 p.

Périodiques slaves en caractères cyrilliques; état des collections en 1950: Addenda et errata; état général des collections en 1960 / Rédigé par Eugène Belin de Ballu et Tatiana Ossorguine. – Paris: Bibliothèque nationale, 1965. – 231 p.

Périodiques slaves en caractères cyrilliques; état des collections en 1950: Supplément, 1951–1960 / Rédigé par Eugène Belin de Ballu. – Paris: Bibliothèque nationale, 1963. – 522 p.

Russian Émigré Serials: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley, Library / Comp. by A.Urbanc. – Berkeley, 1989. – 125 p.

Russian Periodicals in the Helsinki University Library: A Checklist. – Washington Library of Congress, 1959. – 120 p.

Shatoff M. Half a century of Russian serials. 1917–1968: Cumulative index of serials published outside the USSR: 4 vols. / Ed. by N.A.Hale. – New York: Russian Book Chamber Abroad, 1971–1972. – T.1: 1917–1956. A-M. – 1972. – XVIII, 173 p.; T.2: 1917–1956. N-R. – 1971. – XIV, 174-355 p.; T.3: 1917–1956. S-Z. – 1972. – XV, 356-558 p.; T.4: 1957–1968. A-Z. – 1972. – XVI, 559-697 p.

Supplement to the List of Russian Serials Published by R.Bogusis / By M.Schatoff, R.Polchaninov // Russian Canadians: Their Past and Present. – Ottawa: Borealis Press, 1983. – P.199-201.

Volkoff A.-M. L'emigration russe en Europe: Catalogue collectif des periodiques en langue russe. 1940–1979. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1981. – 147 p.

Unbegaun B.O. Catalogue des périodiques slaves et relatifs aux études slaves des bibliothèques des Paris / Avec une préf. de A.Mazon. – Paris: Librairie Ancienne Honore Champion, 1929. – 221 p.

Монографии, общие исследования и обзоры

Абызов Ю. Периодические издания Латвии // Балтийский архив. – 1999. – Т.5. – С.236-240.

Азаров Ю.А. Русская литературная эмиграция в США 1920–1930-х гг.: (По материалам периодических изданий) // Вестник Московского ун-та. – 2000. – №3. – С.83-97. – (Сер.9: Филология)

Азаров Ю.А. Русская периодическая печать в Финляндии // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Имена. Проблемы. Факты / Под ред. М.В.Михайловой, Т.П.Буслаковой, Е.А.Ивановой. – М., 2000. – Вып.1. – С.236-257.

Будницкий О.В. «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920-1930-х гг. // Вестник Еврейского университета в Москве. – 1994. – № 3. – С.4-27; – то же: Евреи и русская революция. – М.; Иерусалим, 1999. – С.353-373.

Васильев В.В. Казачьи журналы // ЛЭРЗ-2. – С.188-203.

Домнин И.В. Источниковая база изучения жизни и творчества воинства Русского зарубежья: Военная периодика // Проблемы зарубежной архивной России. – М., 1997. – С.142-149.

Ермичев А.А. Русская философия и общественная мысль на страницах эмигрантских журналов // Вече: Альманах русской философии и культуры. – Вып.9. – СПб., 1997. – С.229-237.

Ермичев А.А. Философская и общественная жизнь в журналах Русского зарубежья // Вестник Русского христианского гуманитарного ин-та. – №3. – СПб., 1999. – С.325-343.

Жирков Г.В. Культура и журналистика Русского зарубежья 20–40-х гг. // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю.Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin; Европейский Дом, 2000. – С.246-249.

Жирков Г.В. Между двух войн: Журналистика Русского зарубежья (1920–1940 гг.): Учебное пособие. – СПб.: ИГУП, 1998. – 208 с. – (Библиотека гуманитарного ун-та)

Жирков Г.В. Проблемы исследования истории журналистики Русского зарубежья // Журналистика на пороге XXI века: Исторический опыт, современное развитие. – Владикавказ, 1997. – Вып.2. – С.43-67.

Иванов А.С. Однодневные газеты (1918–1940) // ЛЭРЗ-2. – С.288-294.

Исаков С.Г. Периодическая печать // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). – Тарту; СПб., 2001. – С.234-272.

Карасик В. Русско-еврейская периодика Великобритании // Русские евреи в Великобритании / Ред.-сост. М.Пархомовский, А.Рогачевский. – Иерусалим, 2000. – С.273-290. – (Русское еврейство в зарубежье; Т.2(7))

Карасик В. Русско-еврейская периодика Франции: 1904–1947 // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. – Кн.2 / Сост., ред. и изд. М.Пархомовский; Науч. ред. и сост. Д.Гузевич. – Иерусалим, 2002. – С.111-128. – (Русское еврейство в зарубежье; Т. 4(9))

Кисилева Г.Б. Критико-библиографическая информация на страницах русскоязычных периодических изданий Чехословакии (1920–1939 гг.) // Культурная миссия Российского зарубежья: История и современность. – М., 1999. – С.161-169.

Краснова Т.И. Структура эмигрантского газетного текста // Вестник СПб. ун-та. – 1999. – Вып.2.– С.93-100. – (Сер.2: История, языкознание, литературоведение)

Краснова Т.И. Типы эмигрантских газет 1918 года по содержанию-идеологическим признакам: Опыт изучения содержания и формы // Вестник СПб. ун-та. – 1995. – Вып.2. – С.110-113. – (Сер.2: История, языкознание, литературоведение).

Леонидов В.В. Альманахи // ЛЭРЗ-2. – С.9-20.

Лысенко А. Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг. – М.: Русская книга, 2000. – 368 с.

Лысенко А.В. Зарождение берлинской русскоязычной прессы в первые послереволюционные годы // Вестник Московского ун-та. – 1999. – №1. – С.6-16. – (Сер.10: Журналистика).

Лысенко А.В. Трансформация образа России в русскоязычной прессе Берлина 20-х годов (Период введения нэпа в России) // Вестник Московского ун-та. – 1999. – №5. – С.22-34. – (Сер.10: Журналистика).

Магеровский Л.Ф. Русские газеты революции, гражданской войны и эмиграции // Славянская книга (Прага). – 1925. – №9. – С.147-151.

Меймре А. История русскоязычной еврейской периодики в Эстонии (1918–1940 гг.) // Между Востоком и Западом. Евреи в русской и европейской культуре: Сб. статей. – Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2000. – С.258-278.

Меймре А. «Потенциальное издание» в системе русской периодики Эстонии (1918–1940): К постановке проблемы // *Studia Slavica*: Сб. науч. тр. молодых филологов. – Сб.2. – Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2001. – С.341-347.

Меймре А. Русская периодика в Эстонии: Газетная борьба середины 1920-х годов // *Русская литература XX века в контексте европейской культуры / Уч. зап. Таллиннского пед. ун-та. A13 Humaniora.* – Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1998. – С.85-98.

Меймре А. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии: На материале периодической печати. – Tallinn: Изд-во ТПУ, 2001. – 165 с. – (Таллиннский педагогический ун-т. Диссертации по гуманитарным наукам; 6)

Меймре А. Русские периодические издания Эстонии // *Балтийский архив.* – 1999. – Т.5. – С.227-235.

Меймре А. Русские юмористические периодические издания Эстонии // *Studia Slavica*: Сб. науч. тр. молодых филологов. 1. – Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1999. – С.155-161.

Меймре А. Система русской периодики в Эстонии в 1918–1940 гг. // Меймре А. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии: На материале периодической печати. – Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2001. – С.14-66.

Михеева Г.В. «Белая» печать: (Белогвардейские периодические издания как объект библиографирования в 1918–1922 гг.) // *Библиография.* – 1992. – №3/4. – С.109-115.

Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России. – М., 2001. – 160 с.

Николаев Д.Д. Н.А.Тэффи и русские периодические издания в Чехословакии // *Творчество Н.А.Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века.* – М., 1999. – С.111-147.

Олевская В.В. Зарубежные периодические издания как источник поиска российских документов // *Проблемы зарубежной архивной России.* – М., 1996. – С.67-75.

Орлицкий Ю.Б. «Что им Самара?..» [Русская эмигрантская печать начала 20-х годов о Поволжье] // *Самарский краевед.* – Самара, 1994. – С.94-101.

Пименов И.В. Периодическая печать Русского зарубежья // *Учен. зап. / Моск. гос. соц. ун-т; М-во труда и соц. развития РФ.* – М., 2000. – №2. – С.164-172.

Публицистика Русского зарубежья (1920–1945): Сб. статей. / Сост. И.В.Кузнецов, Е.В.Зеленина. – М.: Союзполиграфпром; Факультет журналистики МГУ, 1999. – 352 с.

Пудовкина Ю.Н. Сменовеховские журналы: К истории возникновения // Вестник Московского ун-та. – 1992. – №5. – С.44-52. – (Сер.10: Журналистика)

Путеводитель по русской и русскоязычной периодике в Европе // Зарубин В.В. Из записной книжки. – Мюнхен, 1988. – С.70-100; То же: Москва. – 1991. – №1. – С.198-207.

Розенберг В.А. Русская зарубежная периодическая печать // Русская книга за рубежом. – Прага, 1924. – С.133-140.

Русев Р.Д. Литературные газеты и журналы русской эмиграции в Болгарии (1921–1943 гг.) // Славяноведение (М.). – 2001. – №4. – С.83-90.

Соловьева Н.А. Периодические издания русской эмиграции в Харбине // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. – С.226-228.

Харина Н.А. Эмигрантская журналистика в формировании политического и социального пространства Русского зарубежья: Берлин, 1921–1923 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1999. – 201 с.

Штейн Э. Журналы русского Китая // Знамя. – 1990. – №5. – С.231-236.

Яковлева Т.А. Пути возрождения: Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б.Струве, П.Н.Милюкова и А.Ф.Керенского. – Иркутск: Изд-во Иркутской экономической академии, 1996. – 216 с.

Acouturier M. Les revues de l'emigration et de la dissidence russes // Le Débat. – 1981. – № 9 (Février). – P.72-79.

Отдельные издания

АПОЛЛОН-77 (Париж, 1977)

Бетаки В. «Аполлон-77» // Звезда. – 1992. – №4. – С.206-207.

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (Берлин, 1921–1937. – №1-22).

Гессен И.В. Годы изгнания. – Paris: YMCA-Press, 1979. – С.91-92.

Голубева М.И. «Архив русской революции» И.В.Гессена как исторический источник // Вестник Московского ун-та. – 1995. – №3. – С. 45-57. – (Сер.8: История)

Голубева М.И. Иосиф Владимирович Гессен – издатель «Архива русской революции»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1996. – 24 с.

Гессен В.Ю. Жизнь и деятельность И.В.Гессена – юриста, публициста и политика. – СПб.: Изд-во «Сударыня», 2000. – 188 с.

БЕСЕДА (Берлин, 1923–1925. №1-7).

Лазарев Л. Ожившая история // Вопросы литературы. – 1964. – №4. – С.11-31.

Максимова В.А. Горький – редактор (1918–1936). – М., 1965. – С.58-81.

Сергеев М.А. Об одном уникальном начинании А.М.Горького // Сибирские огни. – 1966. – №5. – С.157-163.

Platone R. Un tentativo fallito: la rivista «Beseda» // Europa Orientalis. – 1984. – №3. – P.171-201.

Толстой И. «Беседа» // Звезда. – 1991. – №3. – С.205-206.

Вайнберг И. И. Почему журнал «Беседа» не пошел в Россию (По архивным материалам) // Социальные и гуманитарные науки: Зарубежная литература. РЖ. – 1995. – №4. – С.28-63. – (Сер. 7: Литературоведение)

Вайнберг И. Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г.Каплун, поэт В.Ф.Ходасевич и другие // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.4: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1995. – С.187-207.

Вайнберг И. Жизнь и гибель берлинского журнала М.Горького «Беседа» // Новое литературное обозрение. – 1996. – №21. – С.363-376.

Вайнберг И.И. «Беседа» // ЛЭРЗ-2. – С.32-42.

БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ (Брюссель, 1926. №1-2).

Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиеп. Избранное. – Петрозаводск: Святой остров, 1992. – С.47-52.

Тихомирова Е.В. Творчество М.Цветаевой в критике Русского зарубежья: Эпизод с «Благонамеренным» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвузовский сб. науч. тр. / Ред. колл. П.В.Куприяновский, Л.Н.Таганов, Н.А.Молчанова и др. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1993. – С.189-198.

Сапов В.В. «Благонамеренный» // ЛЭРЗ-2. – С.42-43.

БОРЬБА (Париж, 1929–1932. №1-22).

Домогацкая Е.Г. «Борьба» // ЛЭРЗ-2. – С.44-45.

БОРЬБА ЗА РОССИЮ (Париж, 1926–1931).

Указатель к «Борьбе за Россию» за 1926–1927 гг. – №1-58. – Париж, 1928.

Домогацкая Е.Г. «Борьба за Россию» // ЛЭРЗ-2. – С.45-48.

БЫЛОЕ (Париж, 1933. №1-2).

Толстой И. «Былое» (1933) // Звезда. – 1991. – №11. – С.206-207.

БЮЛЛЕТЕНИ ДОМА ИСКУССТВ (Берлин, 1922. №1-3).

Померанцева Е.С. Хроника Дома искусств в Берлине: («Бюллетени Дома искусств») // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. РЖ. – 1996. – №4. – С.78-88. – (Сер.7: Литературоведение).

Померанцева Е.С. Дом искусств в Берлине и «Бюллетени Дома искусств» // ЛЭРЗ-2. – С.123-128.

ВЕРЕТЕНО (Берлин, 1922.- №1).

Кудрявцева В.Ю. «Веретено» // ЛЭРЗ-2. – С.49-50.

Толстой И. «Веретено» // Звезда. – 1991. – №11. – С.206-207.

ВЕРЕТЕНЬШ (Берлин, 1922. №1-3).

Коваленко С.А. «Веретеньш» // ЛЭРЗ-2. – С.50-52.

ВЕРСТЫ (Париж, 1926–1928. №1-3).

Саакянц А.А. Журнал «Версты» // Новый журнал. – 1991. – №183. – С.211-217.

Агеносов В.В. «Версты» // ЛЭРЗ-2. – С.52-56.

ВЕСТИ ДНЯ (Таллин, 1926–1940. №1-140).

Пономарева Г.М. «Вести дня» // ЛЭРЗ-2. – С.56-57.

ВЕСТНИК ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЛОЖ Д<РЕВНЕГО> И П<РИНЯТОГО> ШОТЛАНДСКОГО УСТАВА (Париж, 1959–1964. №1-14).

Серков А.И. Вестник Объединения русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава // Звезда. – 1992. – №7. – С.206-207.

ВЕСТНИК РХД (Париж, 1925–).

Никитин В.А., Богословский А.Н. «Вестник русского христианского движения» // ЛЭРЗ-2. – С.57-61.

Богословский А.Н. «Вестник русского христианского движения» // ЛЭРЗ-2. – С.515-522.

ВЕСТНИК СОЮЗА РУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В ЭСТОНИИ (Ревель, 1927–1940).

Исаков С.Г. «Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии» // ЛЭРЗ-2. – С.61-62.

ВЕЩЬ (Берлин, 1922. №1-3).

Молок Ю. «Вещь» как вещь, или Полемика на языке графики // Пинакотека. – М. – 1999. – №10/11. – С.146-153.

Молок Ю.А. Берлинский журнал «Вещь» и его русские критики // Русский авангард 1910–1920-х годов в европейском контексте. – М., 2000. – С.299-307.

Фрезинский Б.Я. «Вещь» // ЛЭРЗ-2. С.62-64.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ (Париж, 1952–1974.- №1-129).

«Военная быль»: Систематический указатель к журналу; №86-100 // Военная быль. – 1969. – №100. – С.31-36.

ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ (Нью-Йорк, 1960–1967.- №1-5).

Толстой И. «Воздушные пути» // Звезда. – 1992. – №8. – С.201-202.

Дымерская-Цигельман Л. «Свобода жить вне горечи и мести...» (Юлий Марголин на страницах альманаха «Воздушные пути») // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.4: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. Иерусалим, 1994. – С.146-162.

Дымерская-Цигельман Л. Альманах «Воздушные пути» и его издатель-редактор Роман Гринберг // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.5 / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1996. – С.135-152.

Леонидов В.В. «Воздушные пути» // ЛЭРЗ-2. – С.522-524.

ВОЗРОЖДЕНИЕ (Париж, 1925–1940. №1-4239).

Струве Г.П. Страница из истории зарубежной печати: Начало газеты «Возрождение» // Мосты. – 1959. – №3. – С.374-394.

Суттело А.В. «Возрождение» и либеральный консерватизм П.Б.Струве // Гуманитарные знания. – Вып.2, Кн.1: Исторические исследования. – Омск: ОмГПУ, 1998. – С.197-205.

Ломоносов А.В. «Возрождение» // ЛЭРЗ-2. – С.64-74.

ВОЗРОЖДЕНИЕ (Париж, 1949–1974. №1-243).

Birchler N. Литературная политика парижского журнала «Возрождение», 1949–1974 // Schweizerische Beitrage zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau, August 1998 / Hrsg. von J.P.Locher. – Bern: Peter Lang, 1998. – S.7-20.

Петрова Т.Г. «Возрождение» // ЛЭРЗ-2. – С.524-531.

Арьев А.Ю. Георгий Иванов в журнале «Возрождение» // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю.Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin; Европейский Дом, 2000. – С.319-324.

ВОЛЬНАЯ СИБИРЬ (Прага, 1927–1930. №1-9).

Барсукова Н.А. Из истории изданий товарищества «Вольная Сибирь» в Праге // Книга: Материалы и исследования. – М., 1991. – С.177-181.

Моравский Н.В. Пражский сборник сибиряков-эмигрантов // Культурная миссия Российского зарубежья: История и современность: Сб. статей / М-во культуры РФ; Российский ин-т культурологии; Отв. ред. Э.А.Шулепова. – М., 1999. – С.177-193.

Николаев Д.Д. «Вольная Сибирь» // ЛЭРЗ-2. – С.74-77.

ВОЛЯ РОССИИ (Прага, 1920–1932).

«Воля России». Систематический указатель статей, помещенных в «Воле России» за 1922–1926 гг. – Прага: Славянское изд-во, 1927.

Слоним М. «Воля России» // Русская литература в эмиграции: Сб. статей под ред. Н.П.Полторацкого. – Питсбург, 1972. – С.291-300.

Толстой И. «Воля России» // Звезда. – 1990. – №8. – С.206-207.

Зверев А.М. «Журнал политики и культуры»: «Воля России» // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. РЖ. – 1996. – №4. – С.89-106. – (Сер.7: Литературоведение)

Джурич О. Белградский журнал «Руски архив» и пражский «Воля России»: Сходства и различия // Rossica: Науч. исследования по русистике, украинистике, белорусистике (Прага). – 1998–1999. – Vol.3-4. – №2. – С.103-114.

Zdražilová M. Kritická rubrika časopisu Volja Rossii jako kolektivní text a jeho čtení ruskou emigrací // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939). (Менее известные аспекты темы) / Под ред. Л.Белошевой. – Прага: Славянский ин-т АН ЧР, 1999. – С.138-163.

Зверев А.М. «Воля России» // ЛЭРЗ-2. – С.77-85.

ВРАТА (Шанхай, 1934–1935).

Панков К.И. Русское литературное зарубежье в Китае. На стыке двух культур. На примере дальневосточного сборника «Врата» // Румянцевские чтения: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., (17–18 апреля, 1997 г.). – М., 1997. – С.151-154.

ВРЕМЕННОК ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КНИГИ (Париж, 1925–1938. №1-4).

Леонидов В.В. Общество друзей русской книги и «Временник Общества друзей русской книги» // ЛЭРЗ-2. – С.279-281.

ВРЕМЯ (Берлин, 1919–1925. №1-355).

Николаев Д.Д. «Время» // ЛЭРЗ-2. – С.85-90.

ВРЕМЯ И МЫ (Тель-Авив, Нью-Йорк, Париж, 1975–; Нью-Йорк, Москва с 1993).

Ланин Б.А. «Время и мы» // ЛЭРЗ-2. – С.531-532.

ВСТРЕЧИ (Париж, 1934. №1-6).

К истории русской зарубежной литературы. О парижском журнале «Встречи». С приложением переписки двух редакторов / Пред. и комм. Г.Струве // Новый журнал. – 1973. – №110. – С.217-246.

Красавченко Т.Н. «Встречи» // ЛЭРЗ-2. – С.90-94.

ГЛАГОЛ (Анн-Арбор, 1977–1981. №1-3).

Толстой И. «Глагол» // Звезда. – 1991. – №4. – С. 206.

ГОЛОС МИНУВШЕГО НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ (Париж, 1926–1928. №1(14)-6(19)).

Тхоржевский С. «Голос минувшего» // Звезда. – 1989. – №8. – С.196-201.

Этова О.В. «Голос минувшего на чужой стороне» // ЛЭРЗ-2. – С.99-102.

«Голос минувшего» (Москва. 1913–1923). «На чужой стороне» (Берлин; Берлин – Прага; Прага. 1923–1925). «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж. 1926–1928): Систематическая роспись статей и заметок / Сост. и вступит. ст. Ю.Н.Емельянов. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. – 306 с.

ГОЛОС РОССИИ (Берлин, 1919–1922. №1-1085).

Трущенко Е.Ф. В.П.Крымов как редактор газеты «Голос России» // Социальные и гуманитарные науки: Зарубежная литература. РЖ. – 1995. – №4. – С.19-23. – (Сер.7: Литературоведение).

Трущенко Е.Ф. «Голос России» // ЛЭРЗ-2. – С.102-108.

ГРАНИ (Менхегоф, Лимбург, Франкфурт-на-Майне, 1946–; Москва – 1991–).

Завалишин В. Четверть века журнала «Грани» // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П.Полторацкого. – Питсбург, 1972. – С.301-308.

«Грани»: Журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли: Содержание с №1 по 100, 1946–1976, с прилож. содержания всех самиздатских журналов и сборников, напечатанных в «Гранях»... / Сост. А.Артемова. – Франкфурт-на-Майне, 1977. – 144 с.

Бетаки В. «Грани» // Звезда. – 1991. – №3. – С.206-207.

Миссия «Граней»: (Из интервью с основателем журнала Е.Р.Романовым) / Интервью взял А.М.Югов // Грани. – 1986. – №141; То же: Свободное слово «Посева», 1945–1995. – М., 1995. – С.57-79.

Брейтбарт Е.А., Сапов В.В. «Грани» // ЛЭРЗ-2. – С.532-534.

ГРЯДУЩАЯ РОССИЯ (Париж, 1920. №1-2).

Трущенко Е.Ф. «Грядущая Россия» // ЛЭРЗ-2. – С.108-110.

ДВИНСКИЙ ГОЛОС (Двинск, 1925–1940).

Абызов Ю.И. «Двинский голос» // ЛЭРЗ-2. – С.112-113.

ДЕНЬ РУССКОГО РЕБЕНКА (Сан-Франциско, 1934–1955).

Лисица О.В. «День русского ребенка» // ЛЭРЗ-2. – С.113-114.

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (Харбин, 1930–1939).

Бузுவ О.А. «День русской культуры» // ЛЭРЗ-2. – С.114-116.

ДЛЯ ВАС (Рига, 1933–1940. №1-270).

Трубилова Е.М. «Для Вас» // ЛЭРЗ-2. – С.116-118.

ДНИ (Берлин, 1922–1925; Париж, 1925–1933).

Петрова Т.Г. Эмигрантский еженедельник «Дни» (Париж, 1928–1933) в противостоянии несвободе советской печати: (Вопросы литературы, искусства и культуры) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. РЖ. – 1996. – №3. – С.134-143. – (Сер.7: Литературоведение).

Панков К.И. Роль газеты «Дни» в литературной жизни «Русского Берлина» 1922–1925 // Румянцевские чтения. – М., 1996. – С.181-183.

Панков К.И. Роль берлинской газеты «Дни» в деле консолидации литературных сил Русского зарубежья: 1922–1925 гг. // Культурная миссия Российского зарубежья: История и современность: Сб. статей / М-во культуры РФ; Российский ин-т культурологии; Отв. ред. Э.А.Шулепова. – М., 1999. – С.154-160.

Петрова Т.Г. «Дни» // ЛЭРЗ-2. – С.118-122.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК (София, Берлин, Париж, 1921–1931. №1-7).

Маслин М.А. «Евразийские временники» как источник классического евразийства // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Философия. – М., 1999. – №1. – С.94-100; То же: Евразийская идея и современность / Под ред. Н.С.Кирабаева, А.В.Семущкина, С.А.Нижникова. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – С.203-213.

Ревякина А.А. «Евразийский временник» // ЛЭРЗ-2. – С.129-133.

ЕВРЕЙСКАЯ ТРИБУНА (Париж, 1920–1924).

Каплан В. «Еврейская трибуна» о России и русском еврействе (Париж, 1920–1924) // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.2: 1919–1939 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1993. – С.167-180.

ЕВРОПЕЕЦ

Гусман Л.Ю. Эмигрантская газета «Европеец» // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / СПб. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А.Шомракова. – Т.154. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – С.208-214.

ЖАР-ПТИЦА (Берлин, Париж, 1921–1926. №1-14).

Толстой А.В. «Жар-Птица»: Эмиграция и судьба художественной эпохи // Камера обскура. – 1998. – №3. – С.36-39.

Лурье Ф.М. Журнал «Жар-Птица»: Аннотированная хронологическая роспись. – СПб.: Баргузин, 1999. – 48 с. – (Шедевры русской периодики).

Трубилова Е.М. «Жар-Птица» // ЛЭРЗ-2. – С.134-139.

ЖИЗНЬ (Берлин, 1920. №1-12).

Николаев Д.Д. «Жизнь» // ЛЭРЗ-2. – С.139-141.

ЖУРНАЛ СОДРУЖЕСТВА (Выборг, 1933–1938)

Из истории русской печати в Финляндии. «Журнал содружества»: Начало пути (1933–1934) / Вступит. ст. и публ. А.Г.Тимофеева; Комм. А.Г.Тимофеева, К.Трибла // Русская литература. – 2000. – №1. – С.190-261.

Еськина Л.А. «Журнал содружества» // ЛЭРЗ-2. – 141-142.

ЗАКОН И СУД (Рига, 1929–1938).

Ковальчук С. Судьба журнала «Закон и Суд» // Балтийский архив. – 1999. – Т.4. – С.88-103.

ЗАПИСКИ НАБЛЮДАТЕЛЯ (Прага, 1924).

Заградка М. «Записки наблюдателя» // Вопросы литературы. – 1993. – №2. – С.331-334.

ЗАПИСКИ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В США (Нью-Йорк, 1967–).

А.Н. [Николюкин А.Н.] «Записки русской академической группы в США» // ЛЭРЗ-2. – С.534.

ЗАРНИЦА (Нью-Йорк, 1925–1927. №1-18).

Селезнева Т.В. «Зарница» // ЛЭРЗ-2. – С.143-147.

ЗАРНИЦЫ (Константинополь, София, 1921. №1-26).

Николаев Д.Д. «Зарницы» // ЛЭРЗ-2. – С.147-151.

ЗА РОССИЮ (София, 1932–1940).

Артемов А. «За Россию» // Посев. – 1990. – №4. – С.138-152.

ЗАРЯ (Харбин, 1920–1938).

Бузев О.А. Газета «Заря» в культурной жизни Харбина 1920–30-х годов // Годы, люди, судьбы: История российской эмиграции в Китае. – М., 1998. – С.12-14.

Бузев О.А. «Заря» // ЛЭРЗ-2. – С.151-152.

ЗА СВОБОДУ! (Варшава, 1921–1932).

Петрова Т.Г. «За свободу!» // ЛЭРЗ-2. – С.152-157.

Цуриков В.А. К истории эмигрантской публицистики и литературы в Варшаве: Письма Дмитрия Философова, 1930–1934 // From the

other shore: Russian Writers Abroad Past and Present (Toronto). – 2003. – №3. – С.55-96.

Неизданные письма Д.В.Философова [1926–1939] / Пред., подг. текстов и примеч. Д.С.Дюрранта // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. – 1999. – Vol.III. – №1. – С.5-184.

Пахмусс Т.А. Страницы из прошлого: Переписка З.Н.Гиппиус, Д.В.Философова и близких к ним в «главном» // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1997.– М., 1998. – С.70-101.

ЗВЕНО (Париж, 1923–1928).

Ревакина А.А. Г.Адамович – критик журнала «Звено» // Русское литературное зарубежье. – М., 1993. – Вып.2. – С.86-107.

Осовский О.Е. Николай Бахтин на страницах журнала «Звено» (1926–1928) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П.Челышева, Д.М.Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн.2. – С.167-181.

Коростелев О.А., Федякин С.Р. «Звено» (Париж, 1923–1928) // ЛЭРЗ-2. – С.157-167.

«...Наша культура, отраженная в капле...»: Письма И.Бунина, Д.Мережковского, З.Гиппиус и Г.Адамовича к редакторам парижского «Звена» / Публ. О.А.Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. – Вып.24. – СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. – С.123-165.

Коростелев О.А. Подчиняясь не логике, но истине... («Литературные беседы» Георгия Адамовича в «Звене») // Адамович Г.В. Собр. соч. Т.: Литературные беседы. «Звено» (1923–1928): В 2 кн. / Вступит. ст., сост. и примеч. О.А.Коростелева. – СПб.: Алетейя, 1998. – Кн.1. – С.5-30.

Коростелев О.А. Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. – Т.1(6) / Сост., гл. ред. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1998. – С.177-201.

М.М.Винавер в Париже (Из «Воспоминаний» Розы Георгиевны Винавер) / Публ., вступит. заметка и комм. О.А.Коростелева // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. – Кн.1 / Ред.-сост. М.Пархомовский, Д.Гузевич. – Иерусалим, 2001. – С.186-205. – (Русское еврейство в зарубежье; Т.3(8))

«Звено» (Париж, 1923–1928): Аннотированная роспись содержания / Под общ. ред. и с пред. О.А.Коростелева. – М.: Водолей, [в печати].

ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА (Париж, 1920–1921).

Позднякова Г.И. Дон Аминадо и «Зеленая палочка» / СПб. академия культуры. – СПб., 1997. – С.144-151. – (Тр. СПб. акад. культуры; Т.143)

Гуткина А.М. «Зеленая палочка» // ЛЭРЗ-2. – С.174-175.

ЗНАМЯ (Берлин, 1921. №1-2).

Головенченко А.Ф. «Знамя» // ЛЭРЗ-2. – С.175-176.

ИЗВЕСТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (Харбин, 1925–1938. №1-12).

Стародубцев Г. По страницам харбинского журнала «Известия юридического факультета» (1925–1938) // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – №6. – С.137-142.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЖИЗНЬ (Париж, 1934. №1-30).

Павловец М.Г. «Иллюстрированная жизнь» // ЛЭРЗ-2. – С.177-179.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ (Париж, 1924–1939. №1-1245).

Юниверг Л. «Иллюстрированная Россия» как зеркало эмигрантской жизни 20–30-х годов // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.2: 1919–1939 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1993. – С.202-220.

Марченко Т.В. «Иллюстрированная Россия» // ЛЭРЗ-2. – С.179-184.

КОНТИНЕНТ (Берлин, Мюнхен, 1974–; Париж, Москва, 1991–).

Максимов В. Десять лет журналу «Континент» // Стрелец. – 1984. Апрель. – С.39-42.

Филиппов В.В. Журнал «Континент» и вопросы изучения литературы Русского зарубежья // Русская словесность. – 1994. – №5. – С.75-78.

Указатель содержания журнала «Континент» за 1974–1999 гг. (№1-99) / Сост. Я.Кротов // Континент. – 1999. – №100. – С.403-455.

Васильев В.В. «Континент» // ЛЭРЗ-2. – С.534-538.

КРУГ (Париж, 1936–1938. №1-3).

Летаева Н.В. «Круг» // ЛЭРЗ-2. – С.210-212.

ЛЕТОПИСЬ (Берлин, 1937. №1).

Николаев Д.Д. «Летопись» // ЛЭРЗ-2. – С.214.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ (Рига, 1928. №1-3).

Ивкина А.П. Критико-библиографические журналы Русского зарубежья 1920-х гг. («Новости литературы» и «Литература и жизнь»): Опыт обзора // Историко-библиографические исследования. – СПб., 1996. – Вып.6. – С.139-147.

Ивкина А.П. «Литература и жизнь» // ЛЭРЗ-2. – С.214-216.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННОК (Мюнхен, 1951–1952. №1-4).

Богомолов Н.А. «Литературный современник» // ЛЭРЗ-2. – С.538-539.

МЕЧ (Варшава, 1934–1939. №1-272).

Баран Х. Мережковский и журнал-газета «Меч» // Д.С.Мережковский. Мысль и слово. – М.: Наследие, 1999. – С.178-197.

Д.С.Мережковский в варшавском еженедельнике «Меч» / Вступит. заметка и публ. А.Н.Николюкина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. РЖ. – 1999. – №1. – С.180-203. – (Сер.7: Литературоведение).

Николюкин А.Н. «Меч» // ЛЭРЗ-2. – С.224-230.

Цуриков В.А. К истории эмигрантской публицистики и литературы в Варшаве: Письма Дмитрия Философова, 1930–1934 // From the other shore: Russian Writers Abroad Past and Present (Toronto). – 2003. – №3. – С.55-96.

Неизданные письма Д.В.Философова [1926–1939] / Пред., подг. текстов и примеч. Д.С.Дюрранта // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. – 1999. – Vol.III. – №1. – С.5-184.

Пахмусс Т.А. Страницы из прошлого: Переписка З.Н.Гиппиус, Д.В.Философова и близких к ним в «главном» // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1997. – М., 1998. – С.70-101.

МИР И ИСКУССТВО (Париж, 1930–1931).

Домогацкая Е.Г. «Мир и искусство» // ЛЭРЗ-2. – С.230-232.

МИР И ТВОРЧЕСТВО (Париж, 1931. №1-2).

Павловец М.Г. «Мир и творчество» // ЛЭРЗ-2. – С.232.

МОЛВА (Варшава, 1932–1934. №1-545).

Павловец М.Г. «Молва» // ЛЭРЗ-2. – С.232-235.

Цуриков В.А. К истории эмигрантской публицистики и литературы в Варшаве: Письма Дмитрия Философова, 1930–1934 // From the other shore: Russian Writers Abroad Past and Present (Toronto). – 2003. – №3. – С.55-96.

Неизданные письма Д.В.Философова [1926–1939] / Пред., подг. текстов и примеч. Д.С.Дюрранта // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. – 1999. – Vol.III. – №1. – С.5-184.

Пахмусс Т.А. Страницы из прошлого: Переписка З.Н.Гиппиус, Д.В.Философова и близких к ним в «главном» // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1997. – М., 1998. – С.70-101.

МОРСКИЕ ЗАПИСКИ (Нью-Йорк, 1943–1963).

«Морские записки»: Систематический и алфавитный указатели, 1943–1963. – [Б. м.], 1964. – 43 с.

МОРСКОЙ СБОРНИК (Бизерта, 1921–1923).

Бизертинский «Морской сборник», 1921–1923: Указатель статей; Биографии авторов / Сост. В.В.Лобицын. – М.: Пашков дом, 2000. – 40 с.

МОСКВА (Чикаго, 1929–1931. №1-22).

Николаев Д.Д. «Москва» // ЛЭРЗ-2. – С.235-238.

МОСТЫ (Мюнхен, 1958–1970. №1-15).

Андреев Г. (Хомяков Г.А.). В отраженном свете: «Мосты», эмиграция, Россия // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П.Полторацкого. – Питсбург, 1972. – С.309-320.

Толстой И. «Мосты» // Звезда. – 1990. – №8. – С.206-207.

Зверев А.М. «Мосты» // ЛЭРЗ-2. – С.539-543.

НАКАНУНЕ (Берлин, 1922–1924)

Галушкин А.Ю. Еще раз о письме Горького в газету «Накануне» // Горький и его эпоха: Исследования и материалы / Отв. ред. Б.А.Бялик. – М.: Наука, 1989. – Вып.2. – С.256-261.

Осинов В.А. Газета «Накануне». Берлин (1922–1924 гг.) // Россия и современный мир. – М., 1994. – Вып.2. – С.173-179.

Быстрова О.В. «Накануне» // ЛЭРЗ-2. – С.238-242.

НАРОДНОЕ ДЕЛО (Ревель, 1920–1921. №1-180).

Исаков С.Г. Газета «Народное дело» («За народное дело») и другие эсеровские издания // Исаков С.Г. Русские в Эстонии (1918–1940): Историко-культурные очерки. – Тарту: Компту, 1996. – С.156-176.

Исаков С.Г. «Народное дело» // ЛЭРЗ-2. – С.242-243.

НАЦИЯ (Шанхай, 1932–1939. №1-86).

Стрижев А.Н. «Нация» // ЛЭРЗ-2. – С.243-244.

НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ: Историко-литературные сборники (Берлин, Берлин – Прага, Прага, 1923–1925. №1-13).

Этова О.В. «Голос минувшего на чужой стороне» // ЛЭРЗ-2. – С.99-102.

«Голос минувшего» (Москва. 1913–1923). «На чужой стороне» (Берлин, Берлин – Прага, Прага. 1923–1925); «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж. 1926–1928): Систематическая роспись статей и заметок / Сост. и вступит. ст. Ю.Н.Емельянов. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. – 306 с.

НАША ГАЗЕТА (Ревель, 1927–1928).

Исаков С.Г. «Наша газета» // ЛЭРЗ-2. – С.244-245.

НАША ЖИЗНЬ (Берлин, 1926. №1/2).

Николаев Д.Д. «Наша жизнь» // ЛЭРЗ-2. – С.246.

НАША ЗАРЯ (Пекин, Тяньцзин, 1928–1939).

Бузуев О.А. «Наша заря» // ЛЭРЗ-2. – С.246-247.

НОВАЯ ГАЗЕТА (Париж, 1931. №1-5).

Голубева Л.Г. «Новая газета» // ЛЭРЗ-2. – С.247-248.

НОВАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ (Гельсингфорс, 1919–1922).

Еськина Л.А. «Новая русская жизнь» // ЛЭРЗ-2. – С.99-102.

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА (Берлин, 1922–1923).

Исаков С.Г. Профессор А.С.Яценко: Опыт краткой биографии // Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. – Tartu, 1987. – Т.19. – С.187-198.

Струве Г.П. Журналы Русского зарубежья: «Новая русская книга» // Русская литература. – 1990. – №1. – С.108-131.

Михеева Г.В. Журнал А.С.Яценко «Русская книга» («Новая русская книга») // Книга: Исследования и материалы. – М., 1992. – Сб.64. – С.99-114.

Ермолова М.А. Журнал «Русская книга» («Новая русская книга») как источник изучения репертуара книги Русского зарубежья // Русская печать XIX–XX вв. – М., 1994. – С.90-107.

Гуткина А.М. Первый критико-библиографический журнал Русского зарубежья // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. РЖ. – 1995. №4. – С.23-28. – (Сер.7: Литературоведение)

Гуткина А.М. «Русская книга», «Новая русская книга» (Берлин, 1921–1923) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. РЖ. – 1995. – №4. – С.112-118. – (Сер.7: Литературоведение)

Кубанова Л. Журналы А.С.Яценко о Борисе Пильняке // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения. – М., 1995. – С.126-133.

Кубанова Л.Г. Журналы «Русская книга» и «Новая русская книга» в диалоге литератур метрополии и эмиграции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. – М., 1996. – 21с.

Гуткина А.М. «Новая русская книга» // ЛЭРЗ-2. – С.250-253.

НОВИК (Нью-Йорк, 1936–1955, 1957–1961).

Наумов О.Н. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930–1950-е годы) // Отечественные архивы. – 1994. – №6. – С.7-16.

НОВОЕ ВРЕМЯ (Белград, 1921–1930. №1-2835).

Из истории белградского «Нового времени»: Письма М.А.Суворину. 1921–1930 гг. / Публ. С.Шумихина // Новое литературное обозрение. – 1995. – №15. – С.194-214.

Быстрова О.В. «Новое время» // ЛЭРЗ-2. – С.253-255.

Азаров Ю.А. Газета «Новое время» в эмиграции // Вестник Московского ун-та. – 2002. – №1. – С.119-133. – (Сер.9: Филология)

НОВОЕ ВРЕМЯ (Печоры, 1941–1944).

Пономарева Г.М. Б.Тагго-Новосадов в газете «Новое время» (1941–1944) // Балтийский архив. – 1996. – Т.1. – С.252-260.

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО (Нью-Йорк, 1910–).

Цынкова О. «Новое русское слово» – феномен долголетия // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.5 / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1996. – С.162-181.

Рогачевский А.Б. Эдуард Лимонов в «Новом русском слове» // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация / Сост. А.Данилевский и С.Доценко. – Тарту, 1997. – С.311-335.

Селезнева Т.В. «Новое русское слово» // ЛЭРЗ-2. – С.255-258.

НОВОЕ СЛОВО (Берлин, 1933–1944. №1-680).

Williams R. The «New Word» and General Biskupsky // Williams R. Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1972. – P.344-350.

Hufen C. Die Zeitung «Novoe Slovo»: Eine russische Zeitung im Nationalsozialismus // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg. – Berlin: Akademie Verlag, 1995. – S.459-467.

Коростелев О.А. «Новое слово» // Социальные и гуманитарные науки. РЖ. – 1999. – №2. – С.188-194. – (Сер.7: Литературоведение); То же с сокращениями: ЛЭРЗ-2. – С.258-260.

НОВОСЕЛЬЕ (Нью-Йорк, Париж, 1942–1950).

Юниверг Л. «Скромное, но полезное русское дело»: Из истории журнала «Новоселье» // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.4: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1994. – С.229-245.

Трубилова Е.М. «Новоселье» // ЛЭРЗ-2. – С.543-546.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ (Берлин, 1922. №1-2).

Ивкина А.П. Критико-библиографические журналы Русского зарубежья 1920-х гг. («Новости литературы» и «Литература и жизнь»): Опыт обзора // Историко-библиографические исследования. – СПб., 1996. – Вып.6. – С.139-147.

Быстрова О.В. «Новости литературы» // ЛЭРЗ-2. С.260.

НОВЫЙ ГРАД (Париж, 1931–1939. №1-14).

Варшавский В. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – С.277-310.

Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University, 1957; 2-е изд. / Вступит. ст. Л.Аллена. – СПб.; Дюссельдорф: Logos; Голубой всадник, 1993. – С.216-225.

Варшавский В. Перечитывая «Новый град» // Мосты. – 1965. – №11. – С.267-285.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С.191-196.

Сафронов Р.Ю. «Новый град» и идеи преобразования России // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П.Чельшева, Д.М.Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн.1. – С.101-107.

Указатель содержания журнала «Новый град» // Вече: Альманах русской философии и культуры. – СПб., 1998. – Вып.11. – С.168-172.

Ермичев А.А. «Новый град» // ЛЭРЗ-2. – С.261-263.

НОВЫЙ ДОМ (Париж, 1926–1927. №1-3).

Померанцева Е.С. «Новый дом» // ЛЭРЗ-2. – С.263-266.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ (Нью-Йорк, 1942–).

Указатель содержания 58-ми книг «Нового журнала» (1942–1959) // Новый журнал. – 1959. – №58. – С.1-39 (отд. пагин.).

Гуль Р. Двадцать пять лет // Новый журнал. – 1967. – №87. – С.6-28.

Указатель содержания 101 книги «Нового журнала» (1942–1970) // Новый журнал. – 1970. – №101. – С.1-59 [отд. пагин.].

Гуль Р. «Новый журнал» // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П.Полторацкого. – Питсбург, 1972. – С.321-332; То же: ЛЭРЗ-2. – С.546-552.

Гуль Р. «Новому журналу» 40 лет // Новый журнал. – 1982. – №149. – С.5-13.

Гуль Р. «Новому журналу» 45 лет // Новый журнал. 1986. – №162. – С.5-31.

Кашкаров Ю. «Новый журнал» // Наше наследие. – 1991. – №5. – С.103-104.

Указатель содержания «Нового журнала» с 1 по 190/191 книгу // Новый журнал. – 1993. – №190/191. – С.469-631.

Голубков М. «Новый журнал» вчера и сегодня // Новый журнал. – 1993. – №192/193. – С.499-505.

К истории «Нового журнала» (По письмам М.А.Алданова к М.С. и М.О. Цетлиным из архива С.Ю.Прегель в Иллинойском университете, Урбана-Шампейн, США) / Публ., вступит. заметка и комм. М.Пархомовского // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.4:

1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1994. – С.310-325.

Гуль Р. Письма писателям-эмигрантам / Публ. В.Крейда // Новый журнал. – 1995. – №200. – С.278-295.

Письма писателей к Р.Гулю / Публ. Г.Поляка, примеч. В.К. // Новый журнал. – 1995. – №200. – С.296-310.

Указатель содержания «Нового журнала»: №№192-200 // Новый журнал. – 1995. – №200. – С.361-372.

Письма А.М.Ремизова, И.А.Бунина, М.А.Алданова, Г.В.Адамовича к Роману Гулю / Вступит. заметка, публ. и примеч. Е.Лубянской, Л.Мнухина // Звезда. – 1995. – №2. – С.79-89.

Бирман М. Создатели «Нового журнала» // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.5 / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1996. – С.153-161.

Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал» // Отечественная история. – 1999. – №5-6.

Крейд В. Первая эмиграция в «Новом журнале» // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю.Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin; Европейский Дом, 2000. – С.279-284.

Коростелев О.А. Роман Гуль – редактор «Нового журнала» // Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т.III: Россия в Америке / Пред. и развернутый указ. имен О.Коростелева. – М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. – С.5-23.

Крейд В. Новый журнал (Нью-Йорк, осн. в 1942 г.) // Новый исторический вестник. – 2002. – №2. – С.141-149.

Крейд В. «Новый журнал» (Нью-Йорк, осн. в 1942 г.) // Зарубежная Россия. http://zaross.rshu.ru/pechat/zs104_nz_k.html

Гуль Р., Карпович М. Письма о «Новом журнале» / Публ. Веры Крейд // Новый журнал. – 2002. – №226.

Крейд В. Слово о «Новом журнале» // Русский Нью-Йорк: Антология «Нового журнала» / Сост. А.Н.Николюкин; Вступит. ст. В.Крейда, А.Н.Николюкина. – М.: Русский путь, 2002. – С.5-8.

Николюкин А. Без нас нет России (Из истории русской зарубежной культуры) // Русский Нью-Йорк: Антология «Нового журнала» / Сост. А.Н.Николюкин; Вступит. ст. В.Крейда, А.Н.Николюкина. – М.: Русский путь, 2002. – С.9-24.

Новый журнал / The New Review: Систематический указатель содержания 1942–2000 гг. / Сост. Е.И.Коган. – Нью-Йорк, 2002. – 350 с.

НОВЫЙ КОЛОКОЛ (Лондон, 1972. №1).

Толстой И. «Новый колокол» // Звезда. – 1990. – №10. – С.206-207.

Штурман Д. Аркадий Белинков и «Новый колокол» // Русские евреи в Великобритании / Ред.-сост. М.Пархомовский, А.Рогачевский. – Иерусалим, 2000. – С.291-300. – (Русское еврейство в зарубежье; Т.2(7))

НОВЫЙ КОРАБЛЬ (Париж, 1927. №1-4).

Ревякина А.А. «Новый корабль» // ЛЭРЗ-2. – С.266-270.

НОВЬ (Ревель, 1928–1935. №1-8).

Костанди О. Литературные особенности сборника «Новь» // Балтийский архив. – 1996. – Т.2. – С.147-157.

ОБЛАКА (Ревель, 1920. №1-4).

Исаков С.Г. «Облака» // ЛЭРЗ-2. – С.271.

ОБЩЕЕ ДЕЛО (Париж, 1918–1922, 1928–1934).

Зверев А.М. «Общее дело» // ЛЭРЗ-2. – С.271-277.

Гардзонио С. Италия и русская эмиграция в Италии на страницах газеты Вл. Бурцева «Общее дело»: Материалы к библиографии // From the Other Shore. – 2001. – №1. – Р.91-128.

Владимир Бурцев и его корреспонденты / Публ. О.В.Будницкого // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С.110-113.

ОГНИ (Прага, 1921. №1-14).

Николаев Д.Д. «Огни» // ЛЭРЗ-2. – С.285-287.

ОГНИ (Прага, 1924. №1-22).

Николаев Д.Д. «Огни» // ЛЭРЗ-2. – С.287-288.

ОКНО (Париж, 1923. №1-3).

Леонидов В.В. «Окно» // ЛЭРЗ-2. – С.294-296.

ОПЫТЫ (Нью-Йорк, 1953–1958. №1-9).

Толстой И. «Опыты» // Звезда. – 1991. – №8. – С.206-207.

Ревякина А.А. «Опыты» // ЛЭРЗ-2. – С.553-558.

К истории «встречи двух эмиграций»: Документ из архива Р.Н.Гринберга / Публ. Р.Янгирова // Canadian-American Slavic Studies. – 2003. – Vol.37. – №1-2 (spring – summer). – Р.121-131.

«Дребезжание моих ржавых русских струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., пред. и комм. Р.Янгирова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. – СПб.; Париж; Феникс; Atheneum, 2000. – С.345-397.

Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967 / Вступит. ст., публ. и комм. Р.Янгирова // Диаспора: Новые материалы. – Т.1. – Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2001. – С.477-556.

«Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958): Исследования и материалы / Сост. О.А.Коростелев // Литературоведческий журнал. – 2003. – №17: 1). *Коростелев О.А.* «Опыты» в отзывах современников; 2). *Симоненко-Большагина О.А.* «Петербург» и «Москва» в культурном пространстве журнала «Опыты»; 3). *Федякин С.Р.* Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах»; 4). Переписка Г.В.Адамовича с Р.Н.Гринбергом: 1953–1967 / Публ., подгот. текста и прим. О.А.Коростелева; 5). Из редакторского архива Ю.П.Иваска / Публ. А.Н.Богословского; прим. О.А.Коростелева; 6). «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958. №№1-9): Аннотированная роспись содержания; Именной указатель / Сост. О.А.Коростелев. – [В печати]

ОРИОН (Париж, 1947).

Толстой И. «Орион» // Звезда. – 1991. – №12. – С.203-204.

ОСТРОВ (Берлин)

Тихомирова Е. Зеркало и Зазеркалье: Литература метрополии и эмиграции в берлинском альманахе «Остров» (Искусство и искушения жизни) // Волга (Саратов). – 1997. – №3/4. – С.186-190.

ОТЕЧЕСТВО (Париж, 1921–1923. №1-6).

Домогацкая Е.Г. «Отечество» // ЛЭРЗ-2. – С.296-298.

ПАНОРАМА (Ревель, 1931. №1-5).

Исаков С.Г. «Панорама» // ЛЭРЗ-2. – С.299-300.

ПАРИЖСКИЙ ВЕСТНИК (Париж, 1925–1926. №1-274).

Домогацкая Е.Г. «Парижский вестник» // ЛЭРЗ-2. – С.307-308.

ПАРИЖСКИЙ ВЕСТНИК (Париж, 1942–1944. №1-112).

Коростелев О.А. «Парижский вестник» // Социальные и гуманитарные науки. РЖ. – 1999. – №2. – С.195-202. – (Сер.7: Литературоведение); То же с сокращениями: ЛЭРЗ-2. – С.558-560.

ПЕРЕЗВОНЫ (Рига, 1925–1929. №1-43).

Крейд В. «Перезвоны» // ЛЭРЗ-2. – С.311-313.

Меки Э.Б. Марина Цветаева в «Перезвонах» // Балтийский архив. – 1996. – Т.1. – С.231-236.

Крейд В. «Перезвоны» (Рига, 1925-1929) // Зарубежная Россия. http://zaross.rsuh.ru/pechat/zs23_per_g.html

«Перезвоны» (1925–1929) // Новый исторический вестник. – 2001. – №1(3). – С.114-117.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ (Нарва, 1930. №1-4).

Исаков С.Г. «Полевые цветы» // ЛЭРЗ-2. – С.314-315.

ПОНЕДЕЛЬНИК (Шанхай, 1930–1934. №1-4).

Толстой И. «Понедельник» // Звезда. – 1991. – №9. – С. 206-207.

Штейн Э. Художники русского Китая, ХЛАМ и «Понедельник» (Иконография) // Новый журнал. – 1998. – №213. – С.213-239.

Таскина Е.П. «Понедельник». ЛЭРЗ-2. – С.316-317.

ПОСЕВ (Франкфурт-на-Майне, 1972–).

Журнал «Посев» // Россия и современный мир. – М., – 1997. – №1. – С.249-257.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ (Ревель, 1920–1927).

Исаков С.Г., Пономарева Г.М. «Последние известия» // ЛЭРЗ-2. – С.317-319.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ (Париж, 1920–1940. №1-7015).

«Последние новости»: Юбилейный сборник, 27 апреля 1920 – 1930. – Париж, 1930. – 64, XXIV с., ил.

Александров С.А. Газета «Последние новости». Париж (1920–1940 гг.) // Россия и современный мир. – М., 1994. – Вып.2. – С.180-186.

Бирман М. В одной редакции (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.3: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1994. – С.147-169.

Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н.Милюков в эмиграции. – М.: АИРО-XX, 1996. – С.62-82.

Купцова И.В. Художественная жизнь «Русского Парижа» на страницах газеты «Последние новости» (1920–1922 гг.) // Культурная миссия Российского зарубежья. История и современность: Сб. статей / М-во культуры РФ; Российский ин-т культурологии / Отв. ред. Э.А.Шулепова. – М., 1999. – С.170-176.

Никитина А.С. Редакторская деятельность П.Н.Милюкова в газете «Последние новости» в 1921 г. // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю.Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin; Европейский Дом, 2000. – С.25-29.

Петрова Т.Г. «Последние новости» // ЛЭРЗ-2. – С.319-329.

Друг «Последних новостей» (*Дон Аминадо*. [Слово о В.Е.Жаботинском]) / Публ. А.Иванова // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. – Кн.1 / Ред.-сост. М.Пархомовский, Д.Гузевич. – Иерусалим, 2001. – С.14-29. – (Русское еврейство в зарубежье; Т.3(8))

Коростелев О.А. Георгий Адамович в газете Милюкова «Последние новости» // Адамович Г.В. Собр. соч. – Т.: Литературные замет-

ки. – Кн.1 («Последние новости» 1928–1931). – СПб.: Алетейя, 2002. – С.5-26.

ПРАВОСЛАВНАЯ МЫСЛЬ (Париж, 1928–1974).

Полищук Е.С. «Православная мысль» (1928–1971): Указатель содержания // Вопросы философии. – 1993. – №12. – С.90-93.

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ (Ладомирово, 1928–1934).

Стрижев А.Н. «Православная Русь» // ЛЭРЗ-2. – С.329-330.

ПРИНЕВСКИЙ КРАЙ (Гатчина, Нарва, 1919–1920. №1-50).

Исаков С.Г. «Приневский край» // ЛЭРЗ-2. – С.332.

ПУТЬ: Орган русской религиозной мысли (Париж, 1925–1940. №1-61).

Оболенский А.П. Указатель авторов, предметов, рецензий к журналу «Путь» (Париж, 1925–1940). – Нью-Йорк, 1986. – 58 с. – (Приложение к XIX тому «Записок Русской академической группы в США»).

Абрамов А.И. «Путь» (№№1-61) – орган русской религиозной мысли при Религиозно-философской академии в Париже // Путь: Орган русской религиозной мысли. – Кн.1. – М.: Изд-во «Информ-Прогресс», 1992. – С.4-6.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С.183-191.

Зеленина Е.В. Журнал «Путь» Н.А.Бердяева в системе печати Русского зарубежья // Вестник Московского ун-та. – 1997. – №3. – С.56-66. – (Сер.10: Журналистика).

Путь: Орган русской религиозной мысли. Paris, 1925–1940: CD-ROM [электронное издание полного комплекта журнала на компакт-диске]. – М.: Business Forms Company, 1998.

Даниленко Б. Зерна единого хлеба: Указатель статей и публикаций журнала «Путь». – М.: Синодальная б-ка Московского патриархата, 1998. – 21 с.

Кротов Я.Г. «Путь» // ЛЭРЗ-2. – С.332-334.

Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. – Киев: Феникс, 2000. – 656 с.

Езова Л.Д. Переосмысление опыта русской духовной культуры парижским журналом «Путь» // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы. – М., 2001. – С.47-66.

РАССВЕТ (Петроград, 1905–1917; Берлин, 1922–1924; Париж, 1924–1934)).

Маркиш Ш. Жаботинский в парижском «Рассвете» // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. – Кн.1 / Ред.-

сост. М.Пархомовский, Д.Гузевич. – Иерусалим, 2001. – С.30-43. – (Русское еврейство в зарубежье; Т.3(8)).

Хазан В. К. Бальмонт, Ш.Авивит и русско-еврейский еженедельник // Хазан В. Особенный еврейско-русский воздух. – М.; Иерусалим, 2001. – С.201-205.

РЕВЕЛЬСКОЕ ВРЕМЯ (Ревель, 1925).

Меймре А. Русская периодика в Эстонии: Закрытие газеты «Ревельское время» // История журналистики Русского зарубежья XIX–XX веков: Тез. науч. конф., (ноябрь, 1997 г.). – СПб., 1997. – С.23-25.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ (Таллин, 1920–1931. №1-78).

Федоров М.В. Журнал «Революционная Россия» в 1920–1928 гг. // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю.Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin; Европейский Дом, 2000. – С.20-25.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ (Нью-Йорк, 1920–1921. №1-2).

Иезуитова Л. Родная земля в Нью-Йорке // Всемирное слово (СПб.). – 1993. – №4/5. – С.51-52.

РОДНАЯ СТАРИНА (Рига, 1928–1933. №1-13).

Марченко Т.В. «Родная старина» // ЛЭРЗ-2. – С.339-340.

РОДНОЕ СЛОВО (Варшава, 1926–1927).

Николаев Д.Д. «Родное слово» // ЛЭРЗ-2. – С.340-341.

РОДНЫЕ ПЕРЕЗВОНЫ (Брюссель, 1952–1970. №1-217).

Головенченко А.Ф. «Родные перезвоны» // ЛЭРЗ-2. – С.560.

РОССИЯ (Париж, 1927–1928. №1-37).

Струве Г. Из истории русской зарубежной печати: Издания П.Б.Струве // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П.Полторацкого. – Питсбург, 1972. – С.333-351.

Трущенко Е.Ф. «Россия» // ЛЭРЗ-2. – С.341-343.

РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО (Париж, 1928–1934. №1-233).

Васильев В.В. «Огни» // ЛЭРЗ-2. – С.343-349.

РУБЕЖ (Харбин, 1927–1945).

Толстой И. «Рубеж» // Звезда. – 1991. – №9. – С. 206-207.

Штейн Э. Харбинский «Рубеж» // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.3: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1994. – С.209-219.

Володькина Е.В. «Рубеж» – журнал русских эмигрантов в Харбине // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. – С.237-239.

Таскина Е.П. «Рубеж» // ЛЭРЗ-2. – С.349-350.

РУЛЬ (Берлин, 1920–1931. №1-3309).

Карпенко С. «Руль»: зеркало кадетского Берлина // Новый журнал. – 1998. – №212. – С.251-267.

Зверев А.М. «Руль» // ЛЭРЗ-2. – С.351-360.

Сперкач А.И. «Руль» (Берлин, 1920-1931) // Зарубежная Россия. http://zaross.rsuh.ru/pechat/zs55_rul_k.html

РУССКАЯ ГАЗЕТА (Париж, 1923–1925. №1-344).

Иванов А.С. «Русская газета» // ЛЭРЗ-2. – С.361-364.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ (Рига, 1920. №1-65).

Домогацкая Е.Г. «Русская жизнь» // ЛЭРЗ-2. – С.364-365.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ (Рига, 1924. №1-63).

Домогацкая Е.Г. «Русская жизнь» // ЛЭРЗ-2. – С.365-366.

РУССКАЯ КНИГА (Берлин, 1921. №1-9).

Исаков С.Г. Профессор А.С.Яценко: Опыт краткой биографии // Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. – Tartu, 1987. – Т.19. – С.187-198.

Михеева Г.В. Журнал А.С.Яценко «Русская книга» («Новая русская книга») // Книга: Исследования и материалы. – М., 1992. – Сб.64. – С.99-114.

Ермолова М.А. Журнал «Русская книга» («Новая русская книга») как источник изучения репертуара книги Русского зарубежья // Русская печать XIX–XX вв. – М., 1994. – С.90-107.

Гуткина А.М. «Русская книга», «Новая русская книга» (Берлин, 1921–1923) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. РЖ. – 1995. – №4. – С.112-118. – (Сер.7: Литературоведение).

Гуткина А.М. Первый критико-библиографический журнал Русского зарубежья // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. РЖ. – 1995. – №4. – С.23-28. – (Сер.7: Литературоведение)

Кубанова Л. Журналы А.С.Яценко о Борисе Пильняке // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения. – М., 1995. – С.126-133.

Кубанова Л.Г. Журналы «Русская книга» и «Новая русская книга» в диалоге литератур метрополии и эмиграции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т мировой лит-ры им. А.М.Горького. – М., 1996. – 21с.

Николаев Д.Д. «Русская книга» // ЛЭРЗ-2. – С.366-377.

Николаев Д.Д. Журнал «Русская книга» (1921 год): Идеологическая платформа и литературная критика // Литературное зарубежье:

Национальная литература – две или одна? – Вып.21. / Отв. ред. Ю.Я.Барабаш. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.63-137.

РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ (Париж, 1921–1925. №1-7).

Головенченко А.Ф. «Русская летопись» // ЛЭРЗ-2. – С.377.

РУССКАЯ МЫСЛЬ (София, 1921. №1-12; Прага, 1922. №1-7; Прага – Берлин, 1922. №8-12; 1923–1924. №1-12; Париж, 1927. №1).

Струве Г. Из истории русской зарубежной печати: Издания П.Б.Струве // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П.Полторацкого. – Питсбург, 1972. – С.333-351.

Каназирска М. «Русская мысль» в Болгарии (1921 г.) // Российский литературоведческий журнал. – 1994. – №4. С.43-53; То же: Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П.Челышева, Д.М.Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн.2. – С.58-73.

Колеров М.А. Русские писатели и «Русская мысль» (1921–1923). Новые материалы // Минувшее: Исторический альманах. – Вып.19. – М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. – С.234-253.

«Русская мысль» (1921–1927): Роспись содержания / Сост. М.А.Колеров // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 г. – СПб.: Алетейя, 1998. – С.287-317.

Трущенко Е.Ф. «Русская мысль» // ЛЭРЗ-2. – С.377-381.

РУССКАЯ МЫСЛЬ (Париж, 1947–).

Богословский А.Н. Газета «Русская мысль»: Единство культуры поверх границ // Новый мир. – 1992. – №1. – С.193-195.

Сурат И. О литературном приложении к «Русской мысли» // Новый мир. – 1992. – №1. – С.195-197.

Мнухин Л.А. «Русская мысль» // ЛЭРЗ-2. – С.560-565.

РУССКИЕ ЗАПИСКИ (Париж; Шанхай, 1937–1939. №1-21).

Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. – Bloomington: Indiana University, 1957; 2-е изд. / Вступит. ст. Л.Аллена. СПб.; Дюссельдорф: Logos; Голубой всадник, 1993. – С.225-230.

Толстой И. «Русские записки» // Звезда. – 1990. – №10. – С.206-207.

Павловец М.Г. «Русские записки» // ЛЭРЗ-2. – С.381-386.

РУССКИЕ НОВОСТИ (Париж, 1945–1970. №1-1288).

Slyskov L.A. N.P.Smironov et les «Russkie novosti» // Cahiers du monde russe. – 1997. – Vol.38. – №3. – P.415-428.

Н.А.Тэффи в газете «Русские новости» (1945–1947) / Публ., вступит. заметка, примеч. Е.Домогацкой // Творчество Н.А.Тэффи и рус-

ский литературный процесс первой половины XX века. – М., 1999. – С.200-251.

Домогацкая Е.В. «Русские новости» // ЛЭРЗ-2. – С.565-567.

РУССКИЙ В АНГЛИИ (Лондон, 1936–1939. №1-16).

Казнина О.А. «Русский в Англии» // ЛЭРЗ-2. – С.386-388.

РУССКИЙ ГОЛОС (Нью-Йорк, 1917–).

Павловец М.Г. «Русский голос» // ЛЭРЗ-2. – С.388-389.

РУССКИЙ ГОЛОС (Харбин, 1920–1926. №1-1610).

Бузуев О.А. «Русский голос» // ЛЭРЗ-2. – С.389-390.

РУССКИЙ ИНВАЛИД (Париж, 1930–1940. №1-152).

Ревякина А.А. «Русский инвалид» // ЛЭРЗ-2. – С.394-396.

РУССКИЙ КОЛОКОЛ (Берлин, 1927–1930. №1-9).

Сапов В.В. «Русский колокол» // ЛЭРЗ-2. – С.397-398.

РУССКИЙ ЭМИГРАНТ (Берлин, 1920–1921. №1-7).

Николюкин А.Н. «Русский эмигрант» // ЛЭРЗ-2. – С.402-403.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ (Париж, Нью-Йорк, Москва, 1978–).

«Русское возрождение»: Алфавитный указатель материалов журнала с №1 по №61 включительно // Русское возрождение. – 1995. – №62. – С.181-203.

Богословский А.Н. «Русское возрождение» // ЛЭРЗ-2. – С.567-569.

РУССКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ (Париж, 1955–1961. №1-268).

Мнухин Л.А., Савин А.В. «Русское воскресенье» // ЛЭРЗ-2. – С.569-570.

РУССКОЕ ВРЕМЯ (Париж, 1925–1929).

Павловец М.Г. «Русское время» // ЛЭРЗ-2. – С.403-405.

РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ (Пекин; Харбин, 1920-1921. №1-5).

Николаев Д.Д. «Русское обозрение» // ЛЭРЗ-2. – С.405-408.

РУССКОЕ СЛОВО (Харбин, 1926–1935. №1-2894).

Бузуев О.А. «Русское слово» // ЛЭРЗ-2. – С.408.

РУСЬ (Берлин, 1920. №1-2).

Павловец М.Г. «Русь» // ЛЭРЗ-2. – С.418.

САТИРИКОН (Париж, 1931. №1-28).

Иванов А. Парижский «Сатирикон» // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.4: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1994. – С.208-219.

Демидова О.Р. К истории третьего «Сатирикона» // Вестник Удмуртского ун-та. – Ижевск, 1999. – (Спец. выпуск)

Спиридонова Л.А. «Сатириконтон» // ЛЭРЗ-2. – С.414-419.

Дюсембаева Г. Антон Крайний в «Сатириконтоне» // Новое литературное обозрение. – 2001. – №48. – С.231-237.

САТИРИКОН (Франкфурт-на-Майне, 1951–1953. №1-26).

Дмитренко С.Ф. «Сатириконтон» // ЛЭРЗ-2. – С.570-571.

СВОБОДА (Варшава, 1920–1921).

Петрова Т.Г. «За свободу!» // ЛЭРЗ-2. – С.152-157.

СВОБОДНАЯ РОССИЯ (Ревель, 1919. №1-19), СВОБОДА РОССИИ (Ревель, 1919–1920), ЗА СВОБОДУ РОССИИ (Ревель, 1920. №1-23).

Исаков С.Г. Из истории русской периодической печати в Эстонии: Газета «Свободная Россия» («Свобода России», «За свободу России») // Сб. статей к 70-летию проф. Ю.М.Лотмана. – Тарту, 1992. – С.439-452.

Исаков С.Г. Газета «Свободная Россия» («Свобода России», «За свободу России») // Исаков С.Г. Русские в Эстонии (1918–1940): Историко-культурные очерки. – Тарту: Компю, 1996. – С.144-155.

Исаков С.Г. «Свободная Россия», «Свобода России», «За свободу России» // ЛЭРЗ-2. – С.420-421.

СВОБОДНОЕ СЛОВО (Ревель, 1921. №1-161).

Исаков С.Г. «Свободное слово» // ЛЭРЗ-2. – С.421.

СВОБОДНЫЕ МЫСЛИ (Париж, 1920–1921. №1-12).

Павловец М.Г. «Свободные мысли» // ЛЭРЗ-2. – С.422.

СВОИМИ ПУТЯМИ (Прага, 1924–1926. №1-13).

Петрова Т.Г. «Своими путями» // ЛЭРЗ-2. – С.422-426.

СЕГОДНЯ: Независимая демократическая газета (Рига, 1919–1940).

Абызов Ю.И. Газета «Сегодня» // Звезда. – 1992. – №5/6. – С.206-207.

Абызов Ю. Рижская газета «Сегодня» – кто ее делал, кто в ней печатался и кто ее читал // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Вып.2: 1919–1939 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1993. – С.221-239.

Спроге Л. Беллетристика Т.Д.Клименко-Ратгауз на страницах газеты «Сегодня» // Балтийский архив. – 1996. – Т.1. – С.237-243.

Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. – Кн.1-5. – Stanford, 1997. – (Stanford Slavic Studies; Vol.13-17.); Кн.1: На грани эпох. – 446 с., ил.; Кн.2: Сквозь кризис. – 464 с.; Кн.3: Конец демократии. – 472 с.; Кн.4: Между Гитлером и Сталиным. – 392 с.; Кн.5: Близость катастрофы. – 356 с., ил.

Абызов Ю. И. «Сегодня» // ЛЭРЗ-2. – С.426-431.

Абызов Ю. Газета «Сегодня» 1919–1940: Роспись: В 2 ч. – Рига: Латвийская Нац. б-ка, 2001. – Ч.1. – 415 с.; Ч.2. – 387 с.

СИНТАКСИС (Париж, 1978–).

Левкин А. Вне метрополии: Журнал «Синтаксис» // Даугава. – 1990. – №8. – С.110-115.

СЛОВО (Париж, 1922–1923. №1-35).

Кулешова О.В. «Слово» // ЛЭРЗ-2. – С.434-436.

СЛОВО (Рига, 1925–1929. №1-1035).

Абызов Ю.И. «Слово» // ЛЭРЗ-2. – С.436-439.

СМЕНА ВЕХ (Париж, 1921–1922. №1-20).

Hardeman H. The journal «Change of Landmarks» (Smena Vekh), Paris, 1921–1922: A second step toward reconciliation with the Bolsheviks // Slavica Gandensia. – 1987. – №14. – P.49-67.

Квакин А.В. Эмигрантская интеллигенция в поисках третьего пути: «Смена вех» // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П.Челышева, Д.М.Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн.1. – С.25-34.

Квакин А.В. «Смена вех»: Парижский этап деятельности // Русская эмиграция во Франции (вторая половина XIX – середина XX в.): Тез. республиканской науч. конф. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И.Герцена, 20–21 апреля, 1995 г. – СПб., 1995. – С.55-56; Более полный вариант: Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.): Сб. науч. статей – СПб., 1995. – С. 65-72.

Квакин А.В. «Смена вех». Что это было // Историки размышляют: Сб. статей / МГУ, Ин-т гос. управл. и соц. исслед. – М., 1999. – С.115-158.

«Смена вех» (Париж, 1921–1922): Роспись содержания / Сост. О.В. // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год. – М.: ОГИ., 1999. – С.408-414.

Красавченко Т.Н. «Смена вех» // ЛЭРЗ-2. – С.439-442.

Российская интеллигенция: критика исторического опыта: Тез. докл. Всероссийской науч. конф. с международным участием, посвященной 80-летию сборника «Смена вех», 1–2 июня 2001 г. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 272 с.

Воробьев О.А. «Третий путь» сменовеховства (обзор парижского еженедельника «Смена Вех» за 1921–1922 гг.) // <http://voa.chat.ru/change.htm>

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Современные записки. Указатель к №1-26 (за 1920–1925 гг.) // Современные записки. – 1925. – №26. – С.528-544.

Современные записки. Указатель к №27-50 (за 1926–1932 гг.) // Современные записки. – 1932. – №50. С.I-VII.

«Современные записки»: Указатель. №1-69 (1920–1937). – Париж, 1938. – 94 с.

Вишняк М. «Современные записки»: Отчет-воспоминания // Новый журнал. – 1948. – №20. – С.224-255.

Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. – Bloomington: Indiana University, 1957; 2-е изд. / Вступит. ст. Л.Аллена. СПб.; Дюссельдорф: Logos; Голубой всадник, 1993. – 236 с.

Вишняк М. «Современные записки» // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П.Полторацкого. – Питсбург, 1972. – С.353-360.

Пархомовский М. По другую сторону баррикад, или Кто создавал «Современные записки» // Евреи в культуре Русского зарубежья: Сб. статей, публикаций и эссе. – Вып.1: 1919–1939 / Сост. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1992. – С.219-225.

Дэвис Д. Переписка редактора журнала «Современные записки» // Российский литературоведческий журнал. – 1994. – №4. – С.25-31; То же: Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П.Челышева и Д.М.Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн.1. – С.34-42.

Кельнер В. Евреи и еврейский вопрос в парижском журнале «Современные записки» // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.3: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1994. – С.190-208.

Николюкин А.Н. Зинаида Гиппиус о «Современных записках» // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. РЖ. – 1995. – №4. – С.63-73. – (Сер.7: Литературоведение).

К истории парижского журнала «Современные записки» (1920–1940 гг.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. РЖ. – 1995. – №4. – С.88-111. – (Сер.7: Литературоведение). 1). *Ревякина А.А.* «Мозговой центр» журнала – М.В.Вишняк – С.88-93; 2). *Леонидов В.В.* Душа «Современных записок» – И.И.Фондаминский – С.93-97; 3). *Ревякина А.А.* «Самый принципиальный» редактор журнала – В.В.Руднев – С.97-102; 4). *Николюкин А.Н.* «Современные записки» под критическим взглядом З. Гиппиус – С.102-111.

Ермичев А.А. Русская философия и общественная мысль в журнале «Современные записки» // Вече: Альманах русской философии и культуры. – СПб., 1997. – Вып. 8. – С.218-234.

Богомолов Н.А. «Современные записки» // ЛЭРЗ-2. – С.443-451.

Млечко А.В. «Современные записки» в контексте культуры Русского зарубежья: К постановке вопроса // Вестник Волгоградского

гос. ун-та. – Волгоград, 2001. – Вып.1. – С.66-71. – (Сер.8: Литературоведение. Журналистика).

Жулькова К.А. Литературная критика парижского журнала «Современные записки» (1920–1940). Проблемы литературно-критического процесса: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 2001. – 23 с.

Азаров Ю.А. Журнал «Современные записки»: Партийная редакция и литература // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Имена. Проблемы. Факты / Под ред. М.В.Михайловой, Т.П.Буслаковой, Е.А.Ивановой. – М., 2002. – Вып.2. – С.279-297.

СОРРЕНТИНСКАЯ ПРАВДА (Сорренто, 1924).

Ревякина И. А.М.Горький и В.Ходасевич в рукописном журнале «Соррентинская правда»: Запрещенное и забытое // Потаенная литература. – Иваново, 2000. – Вып.2. – С.138-144.

Рукописный журнал «Соррентинская правда» №2 / Вступит. ст. И.А.Ревякиной; Публ. и примеч. М.М.Богоявленской и И.А.Ревякиной // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.764-795.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК (Берлин, 1921–1963. №1-784).

Хейфец М. «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна // Евреи в культуре Русского зарубежья. – Т.1: 1919–1939 гг. / Сост. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1992. – С.203-218.

Указатели журнала «Социалистический вестник», 1921–1963 / Etablie par M.A.Lande, preface d'A.Liebich. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1992. – 415 p.

СПОЛОХИ (Берлин, 1921–1923. №1-21).

Риптинг М. Рассказ К.Д.Бальмонта «Лунная гостья» на страницах берлинского журнала «Сполохи» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. – Иваново, 1999. – Вып.4. – С.98-101.

Головенченко А.Ф. «Сполохи» // ЛЭРЗ-2. – С.464-466.

СТАРЫЙ НАРВСКИЙ ЛИСТОК (Нарва, 1923–1924, 1925–1940).

Пономарева Г.М. «Старый нарвский листок» // ЛЭРЗ-2. – С.467-468.

СТРАНА И МИР (Мюнхен, 1984–1992).

Хазанов Б. За тех, кто далеко // Знамя. – 1998. – №3. – С.163-168.

Хазанов Б. «За тех, кто далеко...» // Русское еврейство в зарубежье. – Т.1(6) / Сост., гл. ред. и изд. М.Пархомовский. – Иерусалим, 1998. – С.202-212.

СТРЕЛЕЦ (Париж; Нью-Джерси, 1984–1988).

Бетаки В. «Стрелец» (1984–1988) // Звезда. – 1991. – №2. – С.206-207.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ (Прага, 1922–1925. №1-22).

Николаев Д.Д. «Студенческие годы» // ЛЭРЗ-2. – С.469-474.

ТАЛЛИНСКИЙ РУССКИЙ ГОЛОС (Таллин, 1932–1934. №1-83).

Исаков С.Г. «Таллинский русский голос» // ЛЭРЗ-2. – С.475-476.

УДАР (Париж, 1922–1923. №1-4).

Терехина В.Н. «Удар» // ЛЭРЗ-2. – С.480-482.

ЧАСОВОЙ (Париж, 1929–1988).

Шинкарук И.С. «Часовой» – историко-публицистический журнал военной эмиграции // Российское зарубежье. Итоги и перспективы изучения: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., 17 ноября, 1997 г. / РГГУ; Отв. ред. С.В.Карпенко. – М., 1997. – С.43-45.

ЧИСЛА (Париж, 1930–1934).

Варшавский В. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – С.178-185.

Дельвин С.Б. Становление младоэмигрантской литературы: Роль сборников «Числа» // Общественные науки в России. РЖ. – 1992. – №5-6. – С.112-124. – (Сер.7: Литературоведение).

Андреева В. Время «Чисел» // Гнозис. – 1979. – №5-6. – С.3-15; То же: Антология Гнозиса: Современная русская и американская проза, поэзия, живопись, графика и фотография. – СПб., 1994. – Т.1. – С.323-331.

Вокруг «Чисел» [тематический выпуск журнала] // Литературное обозрение. – 1996. – №2: 1). *Мосешвили Г.* «Между человеком и звездным небом». – С.4-7; 2). *Еремина Л.* Рыцарь культуры. – С.8-10; 3). *Коростелев О.* Комментарии к «Комментариям». – С.11-16; 4). *Менегальдо Е.* Воображаемая вселенная Бориса Поплавского (1903–1935). – С.16-28; 5). *Леонидов В.* «Трудный писатель». – С.38-40; 6). *Мосешвили Г.* Стихи из заколдованного круга. – С.49-51; 7). *Кудрявицкий А.* «...Не расплескав любви, смирения и жажды». – С.53-56; 8). *Деган М.* Благотворная жажда. – С.59-62; 9). *Васильева М.* Неудачи «Чисел»... – С.63-69; 10). *Пахмусс Т.* «Зеленая лампа» в Париже. – С.70-72; 11). *Мельников Н.* «До последней капли чернил...»: Владимир Набоков и «Числа». – С.73-82; 12). *Кубрик А.* Молчание и зеркала. – С.83-88; 13). *Пахмусс Т.* Зинаида Гиппиус в «Числах». – С.89-90.

Мокроусов А. Жизнь без авторитетов // Новое время. – 1999. – №28. – С.42-43.

Летаева Н.В. «Числа» // ЛЭРЗ-2. – С.496-502.

Мокроусов А.Б. Лермонтов, а не Пушкин: Споры о «национальном поэте» и журнал «Числа» // Пушкин и культура Русского зарубежья: Межд. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения [Пушкина], 1–3 июля, 1999 г. / Сост. М.А.Васильева. – М.: Русский путь, 2000. – С.153-166.

Мекш Э.Б. Двинский писатель Арсений Формак в парижском журнале «Числа» // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы. – М., 2001. – С.176-183.

Федякин С.Р. Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // Литературоведческий журнал. – 2003. – №17. – [В печати].

ШАНХАЙСКАЯ ЗАРЯ (Шанхай, 1925–1940).

Бузуев О.А. «Шанхайская заря» // ЛЭРЗ-2. – С.504.

ЭПОПЕЯ (Берлин, 1922–1923. №1-4).

Красавченко Т.Н. «Эпопея» // ЛЭРЗ-2. – С.506-508.

ЭХО (Ковно, 1920–1940).

Головенченко А.Ф. «Эхо» // ЛЭРЗ-2. – С.511-512.

ЭХО (Париж, 1978–1980).

Толстой И. «Эхо» // Звезда. – 1990. – №9. – С.204-205.

D

Annex

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов А.И. 705
Абызов Ю.И. 662, 673, 683, 691, 710, 711
Аввакум, протопоп 337, 339, 359, 382, 452, 454
Аверченко А.Т. 352, 354
Авивит Ш. 706
Авксентьев Н.Д. 286, 611
Агеносов В.В. 667, 688
Агнивец Н.Я. 462
Адамович (по мужу Высоцкая) Т.В. 603, 604
Адамович Г.В. 237, 258, 340, 343, 344, 402-432, 435-608, 677, 694, 701, 703, 704
Аджемов М.С. 291, 292
Адольф, вел. герцог Люксембургский 61
Адрианов С.А. 366
Адрианова Т.И. 665
Азадовский К.М. 384, 491
Азаров Ю.А. 683, 699, 713
Азарх Л.М. 208
Азеф Е.Ф. 533, 534, 578, 579
Айхенвальд Ю.И. 233
Акименко Ф. 122
Акимова Е.А. 672
*Алданов (Ландау) М.А. 339, 340, 388, 415-417, 457, 460, 467, 485, 488, 501, 502, 517, 549, 558, 574, 575, 700, 701
Александр II, имп. 11, 12, 14, 22
Александр III, имп. 11-13, 15, 61
Александр Баттенбергский, кн. Болгарии 20, 61
Александра Федоровна, имп. 34, 63, 442
Александров А.В. 182, 183
Александров Г.В. 187, 192-199, 201-203, 208-218, 220-222, 225-227, 264-267, 269, 276, 279, 281
Александров Г.В., мл. 194, 196, 212
Александров С.А. 704
Алексеев А.Д. 672
Алексеев М.В. 46
Алексеева Э. 681
Алексеев М.И. 668
Алексей Николаевич, цесаревич 34, 43
Алкивиад 522
Алланд, америк. поэт 654
Аллен Л. 708

Курсивом выделены страницы, где данное лицо выступает публикатором или автором текста (кроме авторов писем). Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Аллен, художник 28
 *Аллин (Александровский) А.А. 204
 Аллой В.Е. 536, 663, 679, 680
 Алчевский И.А. 146
 Альвенслебен Ф.И., гр. 43
 Альперин А.С. 585, 586, 588
 Альтенбургская (урожд. герцогиня Мекленбург-Согрениц) Е.Г., принцесса 49
 Альтман Н.И. 95, 97
 Альтшуллер М. 143
 д'Амелиа А. 361
 Амфитеатров-Кадашев В.А. 66
 Андерсен Г.-Х. 181
 Андреев В.Л. 381-383
 Андреев В.М. 378, 379, 386, 387, 389
 *Андреев Г. (Хомяков Г.А.) 447, 484, 497-499, 600, 697
 Андреев Л.Н. 350, 383, 388
 Андреев Н.Е. 460, 462
 Андреева В. 714
 Андроникова-Гальперн С.А. 381, 385, 536
 Аничков Е.В. 366
 Анна Ярославна 331
 Анненков Ю.П. (*Б.Темирязов) 88, 537, 538, 606
 Анненский И.Ф. 394, 416, 428, 467, 468, 510, 514, 535, 550, 552, 585
 Ансерме Э. 156
 *Анстей (урожд. Штейнберг, в первом браке Матвеева) О.Н. 423
 Антощенко А.В. 664
 Апетян З.А. 134, 140, 171
 Апухтин А.Н. 181
 Арабажин К.И. 366
 Арагон Л. 78, 79, 95
 Аранс Д. 662, 666, 672
 *Аргус (Айзенштадт М.К.) 204
 Аржаковский А. 705
 Аронсон Г.Я. 422, 423, 446, 452, 453, 455, 457, 458, 460, 464, 476, 477, 479, 480, 493, 496-498, 506, 508, 522-524, 526
 Арсеньев Д.С. 22, 60
 Артемов А.Н. 678, 691, 693
 Архангельский А.А. 169, 200, 208, 223, 226
 Арцыбушева (Арцибушева) М.А. 103, 116
 Арьев А.Ю. 379, 689
 Асафьев Б.В. 169
 Асеев Н.Н. 629-631, 634-636, 640, 645, 656
 Асеева О. 635
 Асеевы, семья 635
 Асланов А. 156
 Асмус В.Ф. 150
 Астров И. 488, 491 поэт
 Аташева (урожд. Фогельман) П.М. 195, 198, 208-213, 215-221, 225, 226, 263-270, 273, 274, 276-279
 Ауслендер С.А. 394
 Афонский Н. 175
 *Ахматова (Горенко) А.А. 181, 347, 348, 475, 477, 535-537, 540, 542, 543, 557, 590, 594, 595, 608
 Ахрон И.Ю. 183
 Бабель И.Э. 73, 90, 91, 341, 343, 364-366, 378, 379, 389
 Багриновский М.М. 183
 Багрицкий Э.Г. 396, 397
 Бажанов Б.С. 186
 Базанов П.Н. 668, 669, 673, 676, 678, 679, 680
 *Базиль В. де (*Чернов, наст. фам. Воскресенский В.Г.) 99-118
 Балакирев М.А. 124, 164
 *Баланчин Дж. (Баланчивадзе Г.М.) 117, 521, 522
 Балаш Б. 188
 Балиев Н.Ф. 200, 252, 253
 Бальзак О. де 84
 Бальмонт К.Д. 154, 181, 198, 233, 237, 458, 459, 520, 622, 706, 713
 Барабаш Ю.Я. 708
 Баран Х. 696
 Баранова-Шестова Н.Л. 361, 376
 Барановская В.В. 189
 Баратов Н.Н. 100
 Баратынский Е.А. 388, 504, 505, 643
 Бардеева А.И. 681
 *Бардо Б. (Жаваль К.) см. *Bardot В.
 Бардыгин Н.М. 300
 Барк П.Л. 322
 Баррет-Браунинг Е. 487, 488, 491
 Барро Ж.Л. 192
 Барсукова Н.А. 689
 Бартельс, художник 28

- Баршев Н.В. 378, 379
Бассиано М., кн. (Caetani M., principessa di Bassiano; урожд. Chapin) 339, 392, 395, 399, 400
Батюшков К.Н. 416, 643
Бауэрс Ф. (Bowers F.) 150
Бах И.С. 175
Бахметев Б.А. 284-288, 291-294, 296, 298, 300, 305, 306, 308-312, 316-319, 324, 325, 329, 330, 616
Бахрах А.В. 340, 439, 540, 541, 550, 554, 555, 585, 586, 592, 593, 598, 599
Бахтин Н.М. 241, 694
Бачев П. 206
Башмаков А.А. 573
*Бедный Д. (Придворов Е.А.) 636
Безак (урожд. Шипова) Е.Н. 43, 44
Безак Ф.М. 43, 44
Безобразов М.В. 49
Безобразовы, семья 51
Бейлис М.М.В. 69
Бекжанова Н.В. 665
Бекман-Щербина Е.А. 138
Беленький И.Л. 663, 665
Белинков А.В. 702
Белинский В.Г. 416, 417, 432, 439, 440
Белобровцева И.З. 462
Белов В. 668
Белова Т.Н. 663
Белошевская Л.Н. 690
*Белый А. (Бугаев Б.Н.) 63, 340, 342, 353, 384, 394, 485, 508, 530, 553
Бельский В.И. 117
Беляев М.П. 124-126, 128, 153, 179
Бенуа А.Н. 23, 26, 27, 54, 155, 159
Бенуа Л.Н. 31, 65
Берберова Н.Н. 200, 345, 384, 473, 521, 522, 534, 581, 589, 601
Берг В. фон 96, 116
Берг Ф.Ф., гр. 9, 60
Бердяев Н.А. 376, 378, 441, 463
Березовская И.Е. 681
Березовская-Шестова А.Е. 361
Беринг М. (Baring M.) 336
Берлиоз Г. 253
Бернард М. 123
Бернацкий М.В. 291, 296, 298, 299, 307-309, 313, 315, 316, 319
Бернев С.К. 668
Бернштейн Л. 122
Бертон, оптик 219, 220
Бессель В.В. 124, 125, 153, 163
Бетаки В.П. 686, 691, 714
Бетховен Л. ван 147, 166, 169, 175, 182
Билибин И.Я. 27, 162
Бирман М.А. 701, 704
Бирюков И.А. 66
Биск А.А. 491, 495-498, 506, 519, 520, 523, 525
Бицилли П.М. 407, 409, 410
Бичерахов Л.Ф. 100
Блаватская Е.П. 131, 239
Блажевич О.М. 235
Блинов С.Г. 60, 664
Блок А.А. 200, 337, 340, 394, 407, 458, 471, 498, 507, 510, 551-553, 586, 593, 594, 600
Блок Г.П. 62
Блох А.С. 427, 429
Блох Я.Н. 678
Блюм А.В. 668
Блюм Р. 117
Богатырев П.Г. 84, 96
Богданов П. 268
Богомолов Н.А. 337, 402-557, 581, 595, 667, 672, 695, 712
Богословский А.Н. 343, 688, 703, 708, 709
Богословский, реставратор 26, 27
Бодлер Ш. 550, 551, 578
Бойтлер А.С. 190
Болезлавская-Вульфсон Б.С. 93, 97
Болошина Л. 235
*Большухин Ю. (Кандиев Ю.Я.) 506, 507, 523, 525
Бондарева Л.И. см. Герреро Л.
Бонч-Томашевский М.М. 235
Борджер Л. 282
Борис III, король Болгарии 62
Боровиковский В.Л. 23
Бородин А.П. 124, 173
Борха Мойа А.М. 677
Босенко В.И. 199, 211, 218, 219, 223, 282
Боткин М.П. 23, 24, 28, 29, 62
Боткин С.С. 30
Боура С.М. (Bowra) 439, 440
Бочаров С.Г. 412
Браз А.Э. 29
Браилловский А.Я. 423

- Брамс И. 104, 182
 Браун А. 338, 354, 356, 357, 360-362, 364, 371, 372, 378, 379, 387-389, 391-395, 401
 Браун К. (Brawn С.) 546, 547
 Брауэр О. 200
 Брейтбарт Е.А. 691
 Бретаницкая А. 122, 359
 Бретон А. (Breton) 79, 95, 598, 599
 Брешко-Брешковская Е.К. 37, 65
 Брик Л.Ю. 95, 636, 639, 652
 Брэдли Ф. (Bradley F.) 533, 534
 Брюллов П.А. 24
 Брюсов В.Я. 338, 414, 415, 549, 597, 643, 647
 Брянкина Э.А. 681
 Буайе П. 371
 Буало Н. 454
 Будберг А.П. 287
 Будда-Жемчужин, офицер 47
 Будницкий О.В. 283-332, 616, 664, 683, 702
 Бузони Ф. 182
 Бузуев О.А. 692, 693, 698, 709, 715
 Булатовский И.В. 348
 Бунин И.А. 257, 339-341, 343, 348, 349, 353, 354, 369, 386, 388, 409, 411, 412, 425, 444, 465, 470, 473-475, 477, 482, 509, 558, 614, 622, 624, 625, 678, 701
 Бунина (урожд. Муромцева) В.Н. 354, 474
 Бунины, семья 621, 624
 Бунюэль Л. 203
 Бургина А. 662
 Буренин В.П. 576, 577
 Бурихин И.Н. 667
 Буркин И.А. 537, 538, 601
 Бурлюк Д.Д. 628-638, 638-655, 656-658, 675
 Бурлюк Д.Д., сын 634
 Бурлюк М.Н. 630, 631-636, 638-640, 644, 645, 649, 650, 651
 Бурлюк Никифор Д. 633, 634, 646
 Бурлюк Николай Д. 630, 633, 646, 658
 Бурлюки, семья 629, 630, 633, 637
 Бурцев В.Л. 613, 614, 702
 Бурьшкин П.А. 291, 292, 300, 306, 315, 317
 Буслакова Т.П. 683, 713
 Быстрова О.В. 673, 697-699
 Бюффон Ж.Л.Л. де см. Buffon
 Бюцов В.Е. 144
 *Бэнкс М. (Марио Бьянки) 200
 Вагнер Р. 129, 147, 182, 467
 Вадимова Д.В. 555, 557
 Вайнберг И.И. 687
 Вакар Н.П. 614, 617, 618
 Вакс Л.А. 217, 266
 *Валентинов Н. см. Вольский Н.В.
 Валери П. 395, 557
 *Вальгор (Горянский (Иванов) В.И.) 230
 Вальдгауер О.Ф. 31
 Вальдемар, принц датский 62
 Вальтер В.Г. 122
 Вандалковская М.Г. 340
 Ванька Каин (Каин И.О.) 381
 Варгафтик Е. 667
 Варлыго А. 66
 Варунц В.П. 156
 Варшавская Т.Г. 534, 535
 Варшавский В.С. 414, 415, 424-427, 429, 441, 448, 449, 452, 453, 456, 458-460, 464, 476, 478-480, 482, 487, 495, 498, 501, 503-505, 512, 517, 521, 534, 540, 541, 552, 607, 699, 700, 714
 Васильев В.В. 683, 695, 706
 Васильев Г.Н. 269
 Васильев С.Д. 269
 Васильев Ф.А. 104, 112
 Васильева М.А. 714, 715
 Васнецов В.М. 23
 Вацек Й. 673
 Вебер Ф. 163
 *Вега (урожд. Волынцева; по 1-му мужу Ланг, по 2-му – Нижерадзе) М.Н. 592, 593
 Веземанн Г. 216
 Вейдле В.В. 189, 191, 340, 403, 413, 425, 480, 495, 497, 500, 504, 505, 508, 513, 519-521, 550, 551, 556, 585, 586, 598, 599
 Вейдле Д.В. 497
 Вейдт К. 229
 Вейнбаум М.Е. 460, 479, 480, 506, 523-525, 559, 573, 576-578, 582, 596
 Вейншал Я.В. 205
 Вейсберг Ю.Л. 145
 Векслер Л. 196
 Величковская Т.А. 407, 409

- Величковский А.Е. 407, 409
Венгеров В.Г. 205, 233
Венгерова З.Р. 446
Вениамин, митр. (Федченков И.А.) 59, 67
*Вересаев (Смидович) В.В. 342, 344
Верлен П. 154, 233
Верн Ж. 420
Вернадский В.И. 194
Вернер М.Е. 235
Верхарн Э. 237
Верховский Ю.Н. 394
Вершинина (по мужу Воскресенская) О.А. см. *Морозова О.А.
Вершовский А.А. 205
Веселовский Б. 31
*Веселый А. (Кочуров Н.И.) 341, 364, 365
Визаров М.С. 190
Викери У. 530, 537, 538, 552
Виленкин М. 352-354, 356
Вильгельм II, имп. 43
Вильданова Р.И. 662, 671
Вильчковский (Елита-Вильчковский) К.С. 470, 472, 475, 478, 483
Вильямс Г.В. 338, 348, 350-352, 363, 364, 395
Винавер М.М. 344, 694
Винавер Р.Г. 694
Винберг Ф.В. 41, 65
Виноградов В.В. 359, 409
Винсент-Бреншиньян М.Ж. 221
Витковский Е.В. 484, 576
Витте С.Ю. 10
Вишняк А.Г. 676
Вишняк М.В. 344, 437, 480, 487, 533, 534, 539, 700, 708, 712
Вишнякова Н.В. 668
Владимир (Белостоцкий), архиеп. 59
Владимир Александрович, вел. кн. 16
Водов С.А. 561, 562, 580, 583
Воеводский Г.С. 47, 49
Вожель Л. 77
*Вознесенский (Бродский) А.С. 235
Войциховский (Вуйциковский) Л. 114, 117
Волков Е.Н. 31, 32, 48, 49, 51, 57
Волкова В.Н. 48, 51
Волконский С.М., кн. 31, 224, 225, 230, 232, 247
Володькина Е.В. 706
Волошин М.А. 388, 394, 419, 658
Вольская Н.А. 492, 571, 573-575
Вольский Н.В. 585, 586
Вольф Г. 126, 182
Воробьев О.А. 711
Воронский А.К. 342
Воронцова Т.В. 237
Воронцова, гр. 57
Врангель Н.Н., бар. 26-29, 31, 62
Врангель П.Н., бар. 28, 33, 56-58, 63, 191, 286-289, 295
Вреден Э.Р. 15
Врубель М.А. 139, 146, 184
Всеволожский И.А. 30
Вулф В. 339
Вулф Л. 339
Вырубов В.В. 570, 571, 573, 589
Вырубова (урожд. Танеева) А.А. 34, 63
Вышеславцев Б.П. 376, 378
Вышнеградский И.А. 122
Вяземская (урожд. Гагарина) В.Ф. 372
Вяземский П.А., кн. 372, 412, 431, 432
Габрилович О.С. 122
Гагарин Б.И. 372
Гагарин В.И. 372
Гагарин Г.Г. 372
Гагарин И.С. 372
Гагарин М.П. 372
Гагарин С.С. 372
Гагарина М.П. 372
Газданов Г.И. 343, 598, 599
Газенклевер Г.Б. 135
Гайдаров В.Г. 186
*Гайдаров (Мацинский) Е.А. 265
Галушкин А.Ю. 697
Галь Ю.В. 423-425, 452-454, 458, 461
Гамалия В.Д. 100
Гамсараган Д. 80
Ганс А. 228-251, 258
Гарганова Л.Л. 330, 331
Гардзонио С. 702
Гардин В.Р. 233
Гартман Ф.А. 122
Гаугер Б.В. 313
Гегель Г.В.Ф. 131

- Гедике А.Ф. 135, 137, 140, 141, 179, 183
 Гейне Г. 467
 Генрих I, король 331
 Георгий Михайлович, вел. кн. 22, 24, 30, 31
 Герасимова Н.К. 63
 Гербель С.Н. 45
 Геринг А.А. 662
 Гермониус Э.К. 288
 Герреро Л. (Guerrero L.) 644, 657
 Герцен А.И. 190
 Гершвин Д. 122
 Гершельман К.К. 403, 452, 453, 456, 461, 482
 Гершензон М.О. 368, 369, 388, 426
 Гессен В.Ю. 679, 686
 Гессен И.В. 679, 686
 Гете И.В. 253, 588, 589
 Гехтман А.Б. 265
 Гиль Х.Х. 11, 16, 18
 Гингер А.С. (*А.Нагао) 405, 413, 417-419, 423, 425, 428-430, 441, 442, 449, 450, 459, 465, 481, 482, 484, 518, 523-526, 536, 553, 608
 Гинденбург (Hindenburg) П. фон 600
 Гиппиус З.Н. 237, 241, 258, 340-345, 369, 383-385, 387, 388, 402, 407, 409, 419, 444, 465-467, 470, 473-479, 481, 483, 485, 487, 488, 500, 544, 545, 553, 558, 570, 571, 611-627, 694, 696, 710, 712, 714
 Гирс И.К. 21
 Гирс М.Н. 286, 287, 291, 292, 295, 298, 300, 307-309, 312, 313, 316, 319, 321, 329
 *Гитлер (Шикльгрубер) А. 66, 70, 439
 Гладков Ф.В. 189
 Гладкова Т.Л. 282, 681
 Глазберг В.Н. 566, 567
 Глазберг Н.Б. 292, 300, 301, 303, 306, 314, 315, 566, 567
 Глазунов А.К. 104, 124, 136, 139
 Глебов И. 169
 Глезеров С.Е. 673
 Глинка Г.А. 453, 454
 Глинка М.И. 141, 164, 165, 174
 Глиэр (урожд. Ренквист) М.Р. 127
 Глиэр Р.М. 126, 127, 145, 166, 183
 Глухарева Г. 103, 106
 Глюк Е.Г. 102, 103, 112, 116
 Гнедич Н.И. 393
 Гоголь Н.В. 339, 361, 398, 416, 439, 440, 445, 446, 455, 534, 541, 591, 603, 648
 Годовский Л. 127
 *Голдвин С. (Гелбфиш Ш.) 271
 Голенищев В.С. 31
 Голинкин М. 142
 Голицына (урожд. Карлова) М.Г., кн. 57
 Голицына А.М., кн. 13
 Голицына, кн., владелица дачи 47
 Голлербах Е.А. 667
 Голлербах Э.Ф. 594, 631-633
 Головенченко А.Ф. 695, 706, 708, 713, 715
 Головин А.Я. 30
 Головин Н.Н. 666, 680, 682
 Головин Ф.А. 35, 38, 40, 63
 Головина А.С. 447, 448, 458, 470, 472-476, 478, 481
 Голофеев, соученик М.М.Пришвина 367
 Голубева Л.Г. 698
 Голубева М.И. 686
 Голубева О.Д. 677
 Голубков М.М. 700
 Гольшнев Е. 122
 Гольверк Е. 211
 Гольдберг В. 663
 Гольденвейзер А.Б. 146
 Гольдштейн, знакомый Г.Адамовича 551
 Гомер 393, 411
 Гомолицкий Л.Н. 406
 Гомон Л. 202
 Горбаневский М.В. 678
 Гордеев, знакомый М.Якубович 192
 Горовиц В.С. 121
 Городецкий С.М. 154, 557
 *Горький М. (Пешков А.М.) 24, 134, 340, 346, 348, 359, 382, 509, 632, 654, 658
 Готье Т. 239, 578
 Гофман В.В. 642, 643, 656, 657
 Грановская Л.М. 663
 *Грановский (Азарх) А.М. 195
 Грановский А., проф. 15
 Грауман С. 194
 Грачева А.М. 338, 347, 355, 395
 Гремийон Ж. 222
 Гречанинов А.Т. 121, 123, 124, 164, 166, 167, 171, 173-175, 183

- Гречанинова (урожд. Рерберг)
В.И. 175
Гречихин Д.М. 103, 112, 116
Гржебин З.И. 184, 350, 677
Гржебина Е.З. 677
Грибоедов А.С. 339, 411, 412
Григ Э. 110
Григориан, продюсер 204
Григорьев А.А. 374
Григорьев С.Л. 115-117
Гринберг Р.Н. 413, 420, 421, 423,
425, 427-430, 446, 451, 455, 456,
519, 520, 536, 540, 541, 546, 547,
689, 702, 703
Гринберг С.М. 456
Гришин Ф.И. 135, 140, 162, 183
Гронский Н.П. 405, 406, 411, 412
Гронский П.П. 405, 406
Гроссе, владелец нотопечатни
163
Гротхейзен, редактор 400
Груздев И.А. 75, 94
Грэм С. 369, 371, 374
Грюнберг Е.Ю. 233
Гуарузим А. 198
Губарев Г.В. 667
Гувер Г.К. 396, 397
Гудзий Н.К. 539, 581
Гузевич Д.Ю. 674, 676, 684, 694,
704, 706
Гуль Р.Б. 487, 488, 491, 492, 505,
533, 534, 578, 579, 583, 605, 700,
701
Гумилев Н.С. 341, 348, 376, 394,
410, 451, 471, 483, 484, 530, 535,
537, 549, 555, 557, 559, 571, 572,
590, 608
Гунст Е.О. 122, 134, 135
Гурджиев Г.И. 239
Гусман Л.Ю. 692
Гуськов С.А. 677
Гуткина А.М. 695, 698, 707
Гутхейль А. 124
Гутхейль К.А. 124, 125, 141, 163-
165
Гучков А.И. 398
Гюго В. 233, 282
Даби Э. 93, 98
Давыдов Л.Ф. 289, 298, 312, 314,
315, 321
Давыдовский И. 193
Дагьяр Л.Л. см. Гарганова Л.Л.
Даль В.И. 174, 418
Дан Л.О. 332
*Дан Ф.И. 188
Дана (Dana H.W.L.) 391, 392
Данилевский А.А. 357, 699
Даниленко Б.О. 705
Данилова И.Ф. 357
Данте Алигьери 454
Даргомьжский А.С. 164, 165
Даскалов Д. 673
Дау Г. 23
Дебюсси К. 122, 158, 169, 182
Деган М. 714
Деклерк Ю. 156
Делакруа Э. (Delacroix) 598, 599
Делиб Л. 104
Дельвиль Ж. 162
Дельвин С.Б. 668, 714
Демидов И.П. 613, 614, 618, 620, 621
Демидова О.Р. 340, 428, 565, 673, 709
Деникин А.И. 46, 50, 63
Державин Г.Р. 339, 374, 501, 508, 547,
548, 637
Держановский В.В. 156, 157, 179
Держановский Е.В. 179
*Деслав Э. (Славченко Е.) 247
Деспотули В.М. 240, 248
Детлаф, владелец музыкального ма-
газина 163
Джамгировы, домовладельцы 162
Джерзалия Р. 314, 321, 324
Джойс Дж. 504
Джонс Э. 651, 657
Джотто ди Бондоне 57
Джурич О. 671, 690
Дидерикс, владелец музыкального ма-
газина 163
Дидерихс А. 182
Диенеш Л. 443, 538
Диксон В.В. 366, 390
Динерштейн Е.А. 668, 677
Дисней У. 222
Дмитренко С.Ф. 710
Дмитриев В.И. 306
Дмитрий Константинович, вел. кн. 11,
13
Добби-Бейтман Р.Ф. (Dobbie-Bate-
man R.F.) 398
Доберт П. 175

- Добкин А.И. 561, 702
 Добринский И.А. 66
 *Добровейн (Барабейчик) И.А. 177, 183
 Добролюбов Н.А. 417
 Добронравов Л.М. 366
 Добрый А.И. 312, 315
 Добужинский М.В. 27, 203
 Добычин Л.И. 379
 Докудовский В. 115, 118
 Долгополов Н.С. 325-327
 Долгорукова Е.М., княжна 15, 61
 Долинский И.Л. 233, 259
 Домнин И.В. 683
 Домогацкая Е.Г. 687, 696, 703, 707-709
 *Дон Аминадо (Шполянский А.П.) 236, 540, 596, 694, 704
 Донской Б. 66
 Досталь М.Ю. 668
 Достоевский Ф.М. 340, 361, 366, 374, 397, 416, 420, 421, 425, 469, 514, 544
 Доценко С.Н. 699
 Драйер К. 631
 Дракули А.Н. 206
 Дрезеке Ф. 134
 Дризен Н.В., бар. 134
 Дряхлов В.Ф. 439, 440
 Лубенский А.П. 20
 Дубянский Н.И. 103, 107
 Дуван Т. 235
 Дукельский В.А. 122, 138
 Дурново П.П. 31
 Дуров В.Л. 66
 Дымерская-Цигельман Л.В. 428, 689
 *Дымов О. (Перельман О.И.) 200
 Дьяков В.А. 668
 Дэвис Д. 712
 Дэвис М. 195
 Дэвис Р. 354, 474
 Дэлоне (Делоне) С.Е. 644
 Дюррант Д.С. 694, 696
 Дюсембаева Г. 710
 Дюшан М. 631
 Дягилев С.П. 27, 101, 102, 105, 115-118, 128, 132, 161, 190, 446, 448, 555, 630
 Дяо (Диао) Шаохуа 663
 Евдаев Н.М. 630, 637, 638, 656
 Евреинов Н.Н. 134, 188, 189, 200, 203-205, 631
 Еврипид 467, 468, 583
 Егорова Л. 100
 Езерская А.С. 632-634, 636, 637, 639, 642, 644, 654-656
 Езова Л.Д. 705
 Екатерина II, имп. 56, 138, 381
 Елагин, сотр. Эрмитажа 31
 *Елагин (Матвеев) И.В. 423-426
 Елисеев Н.Г. 327-330
 Элита см. Вильчковский К.С.
 Емельянов Ю.Н. 674, 691, 697
 Еремина Л. 714
 Ермичев А.А. 683, 700, 712
 Ермолов Д.Н. 582
 Ермолова М.А. 698, 707
 Ермолев И.Н. 204, 233, 256
 Ерофеев В.А. 209
 Ершов В.Ф. 671
 Ершов П.Е. 485, 486
 Есенин С.А. 341, 343, 407, 410, 411, 413, 505, 580
 Еськина Л.А. 668, 674, 693, 698
 Жаботинский В.Е. 704
 Женэ (Genêt) Ж. 599
 Жеребцов Д.М. 41
 Живов В.М. 339
 Животовский С.В. 188
 Жид А. 93, 97, 98
 Жирков Г.В. 683
 Жирмунский В.М. 351
 Жуковский В.А. 393, 441, 442, 547, 591
 Жулькова К.А. 713
 Забродин В.В. 189, 190
 Завадский В.В. 366
 Завалишин В.К. 573, 579, 691
 Заградка М. 693
 Зайцев Б.К. 388, 452, 454, 455, 470, 472, 488, 525, 526, 531, 577, 578
 Залевский В. 667
 Замен К.Е. фон 288, 289, 291, 293, 297, 298, 301-303, 305-307, 311-315, 320
 Замятин Е.И. 73, 88, 96, 464-467
 Замятина (урожд. Усова) Л.Н. 88
 Зарубин В.В. 686
 Зархин А.Г. 256
 Засулич В.И. 14

- Звегинцева (урожд. Раевская) Н.М. 52
 Зверс А. 474
 Зверев А.М. 690, 697, 702, 707
 Зеелер В.Ф. 233
 Зейванг, владелец музыкального магазина 163
 Зеленина Е.В. 685, 705
 Зелинский Ф.Ф. 394
 Зенкевич М.А. 557
 Зеньковский В.В. 478, 486, 487
 Зеньковский С.А. 485, 486
 Зернов Н.М. 669
 Зернова С.М. 328, 330, 331
 *Зиберт Е.П. см. Джонс Э.
 Зилоти А.И. 137, 142, 150, 151, 156, 178, 179
 Зимина В.Д. 669
 Зиновьев А.Д. 33
 *Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 98
 Злобин В.А. 257, 258, 345, 383, 530, 539, 561, 563, 569, 614
 Зозуля Е.Д. 235
 Золя Э. 203, 233, 234
 Зон И.С. 95, 111-113, 116
 Зощенко М.М. 569
 Зубов В.П. 591, 592
 Зуров Л.Ф. 512, 514

 Иванишин Г.А. 63
 Иваников М.Д. 485-488
 Иванов А.С. 684, 704, 707, 709
 Иванов В.И. 204, 232, 235-241, 248, 249, 251
 Иванов Вс.В. 90, 197
 Иванов Вяч.И. 136, 340, 394, 426, 431
 Иванов Г.В. 403, 405, 413, 423, 425, 426, 436, 437, 454, 459, 471, 481, 482, 484, 488-492, 502-506, 510-512, 515, 550, 553, 557-570, 576, 586, 591, 596, 678
 Иванов И.И. 664
 Иванова Е.А. 683, 713
 Иванова О.И. 213
 Иваск (урожд. Межак) Т.Г. 539, 543
 Иваск Ю.П. 402-557, 566, 579, 581, 586, 587, 607, 703
 Ивкина А.П. 663, 669, 695, 699

 *Ивнев Р. (Ковалев М.А.) 469, 471, 472
 Игнатъев А.А. 61
 Игнатъев Н.П., гр. 13, 61
 Игнатъева Е.Н. 13, 14, 61
 Игумнов К.Н. 62
 Иезуитова Л.А. 706
 Извольская Е.А. 381, 395, 482, 513, 516
 Извольский П.П. 51
 Ильин И.А. 378, 627
 Ильина О.Н. 669
 *Ильф (Файнзильберг) И.А. 89
 *Ингстер (Азарх) Б.М. 195, 196, 198, 208
 Инкижинов В.И. 189, 190, 207
 Иноземцев, сотр. Русского музея 22
 Иоанн, архиеп. Сан-Францисский см. Шаховской Д.А.
 Иордан Г. 274
 Ипполитов С.С. 674, 677
 Исаков С.Г. 663, 669, 674, 684, 688, 697, 698, 702-705, 707, 710, 714
 Исакович В.И. 130

 Кабалеvский Д.Б. 157
 Кавальери Э. 538
 Кавальканти А. 202
 Кадиш М. 663
 Казак В. 662, 667, 676
 Казнина О.А. 336, 346, 348, 709
 *Каменев Ю. (Розенфельд Л.Б.) 98
 Каменский В.В. 632
 Камеровский (Комеровский) Л. 242
 Камкин В.П. 541, 679
 Камю А. (Camus A.) 441, 442
 Кан А. 116
 Каназирска М. 708
 Кандинский В.В. 81, 644, 657
 Каннингем М. 192
 Кант И. 131
 Кантемир А.Д. 493
 Кантор М.Л. (*К.Эвальд) 344, 407, 409, 427, 428, 438, 441, 442, 444-446, 448, 455, 456, 463, 471, 476, 478, 480, 481, 484, 487, 490, 493, 497, 511, 512, 516, 517, 521, 539, 585, 586, 596
 Каплан А.Л. 69
 Каплан В. 692
 Каплан М.С. 449, 450, 676
 Каплун (*Сумский) С.Г. 366, 687
 Караваева А.А. 90, 97

- Караим см. Мочульский К.В.
 Карасик В. 684
 Каратыгин В.Г. 147, 157, 159, 160, 169, 171, 172, 176
 Каренн (Карэн) Д.А. 204, 236, 519, 535, 536
 Карпенко С.В. 675, 707, 714
 Карпов Д.В. 628–658
 Карпов С.В. 669
 Карпович М.М. 478, 486, 491-493, 505, 517, 523, 563-566, 586, 701
 Карсавин Л.П. 397
 Карсавина Т.П. 118
 Карташев А.В. 398, 613, 614, 618, 627, 680
 Карузо И.А. 493, 497-499
 Касим (*Альтаментов) А.И. 423
 Кастальский А.Д. 167, 173, 174, 182
 Катаева А.Г. 674
 Катанян В.А. 636, 639, 642, 644, 647, 649, 657
 Катен В. 27
 Катуар Г.Л. 137, 166, 183
 Катушкина В.В. 674
 Каулл А.Э. 31
 Кауфман Дж. 266
 Кауфман Ю. 227
 *Качалов (Шверубович) В.И. 86
 Кашина-Евреинова А.А. 204
 Кашкаров Ю.Д. 700
 Кашперов А.В. 130, 148
 Квакин А.В. 711
 Кванин В.И. 233, 234
 Кельнер В. 712
 Кельс З. 226
 Кембалл Р. 377
 Кеппель, командор 50
 Керенский А.Ф. 37-39, 65, 188, 398, 686
 Керзин А.М. 134
 Керзина М.С. 159, 182
 Кертз А. 215
 Кессель Ж. 192, 224
 Кестлин И.И. 289, 312, 314
 Кипп К.А. 62
 Кирабаев Н.С. 692
 Кирсанов С.И. 636, 638, 640, 642, 650, 655
 Кириш И. 193
 Киселев А. 157
 Киселева Л.И. 664
 Кисилева Г.Б. 684
 *Китон Б. (Фрэнк Д.) 222
 Кишкин Л.С. 663
 Клейман Н.И. 218
 Клейн Л. 192
 Клейн О.Л. 192
 Клеменц Д.А. 22
 *Кленовский Д. (Крачковский Д.И.) 470, 472, 559
 *Клер Р. (Шометт Р.Л.) 206
 Клименко-Раггауз Т.Д. 710
 Клодель П. 504
 Клюев Н.А. 453, 454, 608
 Кнебель И.Н. 184
 *Княжнин (Ивойлов) В.Н. 374
 Ковалева И.А. 672
 Ковалевский М.М. 138
 Коваленко С.А. 688
 Ковальчук С. 693
 Коган А.Э. 353, 354
 Коган Е.И. 701
 Коган И.Г. 304, 305
 Кодрянская Н.В. 410, 491, 492, 515, 516, 528, 583, 584
 Кодрянский И.В. 408, 410
 Козинцева-Эренбург Л.М. 73, 76-81, 83, 85-88, 92, 95, 97, 98
 Козлитин В.Д. 669
 Козлова М. 157
 Козловская О.В. 48, 49, 51
 Кокцов В.Н. 291, 312, 398
 Кокто Ж. 251
 Колеров М.А. 672, 708
 Колетт Г. 251
 Коллонтай А.М. 73, 86, 87, 96
 Коломийцов (Коломийцев) В.П. 157
 Колоницкая А.П. 576
 Колчак А.В. 287, 302, 306
 *Кольцов (Фридлянд) М.Е. 70, 90, 93, 97
 Комаров М. 382
 Комаровский В.А. 348
 Комиссаржевский Ф.Ф. 122, 190
 Компанейский Н. 167
 Кондаков Н.П. 23, 62
 Коненков С.Т. 507, 636
 Коненкова М.И. 636
 Коновалов А.И. 188
 Коновалов С.А. 396, 444, 445
 Константин Константинович, вел. кн. 11, 13

- Конт О. 618
Конюс (урожд. Рахманинова) Т.С. 380, 588, 589
Конюс Г.Э. 130, 131, 137, 183
Конюс Ю.Э. 134
Копленд А. 122
Коптяев А.П. 143, 157
Корабельникова Л.З. 122
Корвин-Пиотровский В.Л. 536
Кордзахия Г.В. 656
Коркунов Н.М.15
Корляков А. 99-118
Корнейчук А.Е. 90, 97
Корнилов Л.Г. 46
Коровин К.А. 258
Королева Н.В. 258
Короленко В.Г. 653, 654, 658
Коростелев О.А. 344, 404, 405, 408, 409, 423, 425, 426, 428, 435, 438, 439, 448, 454, 474, 493, 559-563, 565, 566, 571, 573, 594, 597, 615, 668-715
Корф М.Н., бар. 20
Корш Ф.А. 200
Коршунова В.П. 246
Коссиковский Д.В. 47
Костанди О. 702
Кочетова С. 193
Кочубей, семья 53, 56
Кочубей В.С., кн. 42
Кошиц Н.П. 122
Кравцова И.Г. 348
*Крайний А. см. Гиппиус З.Н.
Кралин М.М. 536
Красавченко Т.Н. 690, 711, 715
Красицкий С. 633
Краснова Т.И. 684
*Крейд В. (Крейденков В.П.) 405, 421, 439, 451, 505, 561, 564, 701, 703
Крейд Вера 421, 439
Крейн А.А. 145, 183
Кремнев С.С. 674
Кривошеева Е. 336, 359
Кропоткин П.А. 132, 133, 155
Кротов Я.Г. 695, 705
Крукер И.Х. 622
Крупенский В.Н. 284-287
Крученых А.Е. 646
Крылов И.А. 392, 643
Крымов А.М. 38
Кубанова Л.Г. 698, 707
Кубе А.Н. 31
Кубрик А.А. 714
Кудрявицкий А. 714
Кудрявцев В.Б. 671
Кудрявцева В.Ю. 688
Кузмин М.А. 182, 337, 394, 471, 568, 593-595, 678
Кузнецов И.В. 685
Кузнецов С.Л. 235
Кузнецова Г.Н. 257, 600
Кузнецова О.Ф. 534
Кузнецова Т.В. 674, 675
Кулешова О.В. 711
Кульман Н.К. 371
Купер Э.А. 148, 158, 178
Куприн А.И. 369, 622, 636
Купцова И.В. 704
Кураев М.Н. 379
*Курнос (Коршун) Дж. 338, 350, 352, 363, 364
Курочкин В.М. 187, 206
Кусевицкая (урожд. Ушкова) Н.К. 123, 130, 133, 138, 148, 150, 164, 182
Кусевицкая О.А. 165
Кусевицкие, семья 127, 134, 137
Кусевицкий С.А. 122-134, 136-184
Кускова Е.Д. 331, 464, 465, 492, 493, 549
Кутепов А.П. 47, 48, 63, 66
Кутиссон Ж.-П. 277
Кутузов М.И. 9-11, 60
Кутырина Е.А. 597
Кушелев-Безбородко Г.А. 37
Кушников М.А. 213
Кюи Ц.А. 159, 182

Л'Эрбье М. 192
Лабиш Э. 206
Лавров А.В. 338, 350, 370
Лагорио А. 186
Ладинский А.П. 383
Лазарев А.М. 378
Лазарев Л.И. 687
Лазаревский Б.А. 198
Лакка Ц.П. 203, 232
Ламм О.П. 135, 140
Ламм П.А. 140, 182
Лампен Г. 208
Ландау Г.А. 575
Ландау Н. 282
Ландовска В. 29, 62

- Ланин Б.А. 690
 Лапин Б.М. 71
 Лаппо-Данилевский К.Ю. 671
 Ларошфуко Ф. де 441
 Ласки Дж. Л. 264-267, 269-271, 274
 Левин В.М. 580
 Левин М.И. 204, 208, 232
 Левитан И. 675
 Левитан И.И. 23
 Левицкий Д.Г. 56
 Левицкий С.А. 523, 525
 Левкин А. 711
 Левшин А.И. 11, 186
 Легар Ф. 66
 *Лежнев А. (Горелик А.З.) 342
 Леконт де Лилль Ш. 494
 Лемберт-Лекайне, владелец музыкального магазина 163
 Лемох Н.В. 24
 *Ленин (Ульянов) В.И. 40, 98, 189, 277, 347, 616
 Ленц Э.Э. 31
 Леонардо да Винчи 31
 Леонидов В.В. 684, 689, 690, 702, 712, 714
 Леонидова Н.Л. 103, 107, 110, 116
 Леонов Л.М. 366
 Леонтьев К.Н. 402, 410, 412, 415-417, 419, 444, 445, 458, 459, 518, 523, 551-553, 555
 Лермонтов М.Ю. 145, 264, 549, 604, 715
 Лесков Н.С. 339, 389
 Летаева Н.В. 695, 715
 Леткова-Султанова Е.П. 514
 Лешетицкий Т.О. 183
 Лианозов С.Г. 188, 300
 Либкен (Либкин) Г.И. 204
 Ливак Л. 419, 430, 459, 472
 Ливен, кн. 15
 Лившиц Б.К. 629, 632, 646, 657
 *Лидин (Громберг) В.Г. 69, 73, 74, 79, 82, 94, 96, 363, 364
 Лимур Ж. де. 260
 Лисица О.В. 691
 *Лисицкая А. 594, 595
 Лист Ф. 253
 Лифарь С.М. 114, 116, 446, 521
 Лихачев Н.П. 30
 Ллойд Г. 222
 Лобицын В.В. 663, 697
 Лобойков В.П. 16
 Логунова Н.А. 606
 Лозинский Г.Л. 678
 Лозинский М.Л. 471, 557
 Ломоносов А.В. 689
 Ломоносов М.В. 349
 Лори Ж. 276
 Лопатников Н. 122
 Лубяникова Е. 701
 Луговской В.А. 546, 547
 Лукашин А. 680
 Лукомский Г.К. 354
 Луначарский А.В. 40, 41, 65, 134, 185, 233, 631
 Лундин А.Ф. 235
 Лурье А.С. 122, 144, 183, 341, 344, 378, 397, 535, 536
 Лурье Ф.М. 354, 693
 Лысенко А.В. 684
 Львов Г.Е. 286, 317
 Львов Л. 273
 *Львов-Никольский (Львов) Н.А. 23
 Львовы-Никольские, семья 23
 Любимова Л.И. 329
 Любич Э. 272
 Лютер (Luther) А. 364
 Лядов А.К. 124, 139, 143, 150, 183
 Ляпунов Б.М. 124, 164
 Ляцкий Е.А. 22, 678, 679
 Магеровский Л.Ф. 681, 684
 Маглова М.Б. 669
 Мазз В.Я. 69, 70
 Мазз С.Я. 69, 70
 Мазз Я.И. 69, 70
 *Май Дж. (Мандель И.) 268
 Майльстоун (Мильштейн) Л. 89, 96
 Макаревич Е.В. 680
 Макаренко Н.Е. 31
 Макаров А.А. 468
 Макаров П.М. 36, 37
 Маклаков В.А. 188, 286, 291-294, 298-300, 306, 308-313, 315-319, 321-332, 456, 457, 518, 520, 535, 573, 574, 586, 597, 616
 Маковский С.К. 348, 395, 403, 413, 417-419, 429, 430, 448, 449, 470-472, 485-488, 492, 510-513, 523, 525, 529, 533, 535, 551, 552, 561, 562, 580
 Максимов В.Е. 695

- Максимова В.А. 687
Мак Фейль см. Макфейль Э.
Макфейль (McFail, McPhail) Э.
310, 312, 314
Маликова М.Э. 354
Маллармэ С. 461, 462
Малмстад (Мальмстад) Дж. см.
Malmstad J.E.
Мальро А. 92, 97, 98, 251
Мальро Р. 97
Малевин Ф.А. 24-26, 62
Мамонтов С.И. 126, 184
Мамченко В.А. 449, 451, 536
Ман Рэй, фотограф 631
Мандельштам О.Э. 396, 421, 454,
472, 474, 475, 477, 483, 484, 518,
546, 547, 557, 571, 572, 595, 608
Мантенья А. 57
Манухин И.И. 621
Марголин Ю.Б. 689
Марголис А.Д. 63
Марджанов К.А. 161
Маритэн Ж. 391
Мария Александровна, имп. 11, 12,
21, 61
Мария Павловна (ст.), вел. кн.
24
Мария Павловна, вел. кн. 16
Мария Федоровна, имп. 15, 21
Марк Ф. 644, 657
Марке М. 214
Маркевич Б.М. 417, 419
Маркевич И.Б. 190
Маркиш Ш. 705
Марков А.К. 31
Марков В.Ф. 405, 418, 423-426,
428, 437, 440-442, 452-454, 462,
463, 467-469, 471, 479, 480, 482-
488, 492, 493, 504, 505, 510, 523,
525, 534, 538, 549, 550, 551, 559,
561-565, 576, 579, 582, 585, 587,
589, 629, 632
Маркс К. 197, 619
Мартынов Л.Н. 547, 548
Марченко Т.В. 695, 706
Марченко, супруги 49
Маршак С.Я. 507
Марыняк А.В. 670
Марьямов Г.Б. 280
Марьянов Д. 211
Маслин М.А. 692
Масловский Г.Р. 210
Мато, певец 204
Маулан, философ 239
Махно Н.И. 245, 246
Маяковский В.В. 76, 186, 271, 341,
397, 410, 461, 628-658
Меерсон Л. 206, 208, 232
Мейерхольд В.Э. 233
Мейре А. 684, 685, 706
Мейчик М.Н. 128, 143
Мекк Н.Ф. фон 126
Мекленбург-Стрелицкий Г.Г.,
герц. 170
Мекш Э.Б. 703, 715
Мелихов Г.В. 670
Меллер-Закомельский, бар., знакомый
Д.И.Толстого 47
Мельгунов С.П. 614-616
Мельников Н.Г. 714
Менегальдо Э. 714
Мережковские, семья 345, 530, 611, 612,
620, 622, 625, 626
Мережковский Д.С. 237, 238, 240-242,
257, 258, 261, 340, 349, 387, 388, 409,
477, 558, 570, 571, 611-627, 661
Меренберг (в 1-м браке гр. де Тор-
би) С.Н., гр. 14, 61
Мессман В.Л. 217
Метнер (урожд. Братенши) А.М. 172
Метнер Н.К. 121, 123, 124, 126, 137, 139,
164-166, 171, 172, 177, 178, 183
Метнер Э.К. 172
Мец А.Г. 351
Мечиков (Мечикян) Г. 242
Микеланджело Буонаротти 136, 537, 538
Микитенко И.К. 90, 97
Миклашевский К.М. 188, 189, 204
Миклошвар М. 37
Миллер К.К. 283-288, 293-295, 313, 316,
319, 321
Миллер М. 405, 509
Мило Д. (Milhaud D.) 158, 223
Мильштейн Н. 121
Милкоков П.Н. 245, 398, 611, 612, 617,
618, 626, 686, 704
Милютина Т.П. 425
Миц З.Г. 425
Мирлиз Х. 356, 359-361, 376, 389, 390,
396
Мирук Н.В. 675
Михаил Михайлович, вел. кн. 11, 13, 61

- Михаил Николаевич, вел. кн. 13, 61
 Михайлов О.Н. 670
 Михайлова М.В. 683, 713
 Михальченко С.И. 678
 Михеева Г.В. 669, 670, 681, 685, 698, 707
 Михельсон Е.К. 187
 Млечко А.В. 712
 Мнухин Л.А. 383, 404, 448, 701, 708, 709
 *Могги (Моггианский) Л.Б. 225
 Моггианский И.М. 22
 Моголи-Надь Л. 81, 95
 Мозжухин А.И. 175
 Мозжухин И.И. 249
 Мокроусов А.Б. 714, 715
 Молок Ю.А. 688
 Молчанов Л.А. 685
 Монзи А. де 211
 Монигетти О. 128, 148
 Монозон Л.И. 208, 209, 216, 262-264, 267, 277-279
 Монробер (в замужестве Лекаш) Д. 77, 95
 Монтё П. 154, 160
 Монтрезор К.-В.Л. 10, 60
 Монтэю Л. А. 202, 262, 263, 265, 268, 271
 Моравский Н.В. 689
 Мордвинов, гр. 23
 Мордерер В.Я. 201
 Мориц П.А. 11
 Морковин В.В. 406
 Морлей Г. 225
 Морозов М.А. 126
 Морозова М.К. 126, 130
 *Морозова О.А. 115, 118
 Морозовы, братья 641
 Морской А.А. 192, 207, 233, 245, 256
 Морской М. 235
 *Моршен Н. (Марченко Н.Н.) 423, 471
 Мосешвили Г.И. 714
 Мосолов А.А. 24, 62
 Моцарт В.А. 169, 483, 484
 Мочульский К.В. 255, 349-352, 355, 359, 360, 364, 368, 373, 378, 538
 Мулен (Moulin) Ж. 115, 118
 Мунштейн Л.Г. (*Lolo) 203
 Муравьев Н. 423
 Муравьева Е. 246
 Муратов П.П. 188, 241
 Муратова К.Д. 672
 Муромцев С.А. 134
 Мусина-Пушкина М.В. 59
 Мусина-Пушкина М.И., гр. 57, 59
 Мусин-Пушкин А.Р. 59
 Мусин-Пушкин В.В., мл. 59
 Мусин-Пушкин В.В., гр. 57, 58
 Мусин-Пушкин В.Р. 59
 Мусин-Пушкин Р.В. 21, 57, 58
 Мусоргский М.П. 30, 124, 125, 153, 256, 257
 Муссиак Ж. 228
 Муссиак Л. 201, 202, 215, 219, 225, 228, 251, 274
 Муссолини Б. 230
 Мэрри Г. (Murray G.) 397
 Мюллер Ф. фон 588, 589
 Мясин (Massine) Л.Ф. 113, 117
 Мясковский Н.Я. 125, 136, 137, 139, 140, 155, 157, 159, 160, 166, 171, 176, 178, 179, 183
 Набоков В.В. 190, 346, 354, 413, 420, 424, 425, 452, 453, 485, 493, 556, 578, 579, 702
 Набоков К.Д. 353, 354, 363
 Набоков Н.Д. 122, 190
 Набокова В.Е. 420, 702
 Навашин Д.С. 78, 95
 Надежина Л. 276
 Надсон С.Я. 436
 Нальпа Л. 206
 Наполеон I, имп. 494, 619
 Напельбаум, семья 557
 Нарбут В.И. 557
 Насыбулина Т. 675
 Натансон Я. (Ж.) 204
 Наумов О.Н. 698
 Нежданова А.В. 142, 146
 Нежинская Р. 621
 Некрасов Н.А. 452, 454, 511, 512
 Некрасов Н.В. 188
 Немирович-Данченко В.И. 173, 269
 Нерадовский П.И. 24
 Нестеров М.В. 23, 25
 Нестьев И. 359

- Нижинская Б.Ф. 113, 117, 118
Нижинский В.Ф. 117
Нижников С.А. 692
Никаноров А.Б. 681
Никитин А. 341, 389
Никитин В.А. 688
Никитин Н.Н. 355
Никитина А.С. 704
Никиш А. 123, 129, 143
Никодим, патриарх 17
Николаев А.Г. 597, 598
Николаев Д.Д. 386, 685, 689, 690, 693, 695, 697, 702, 706, 707, 709, 714
Николаевский Б.И. 534, 682
Николай II, имп. 30, 31, 34, 36, 43, 44, 122, 503
Николай Вильгельм, принц Нассауский 61
Николай Михайлович, вел. кн. 11, 13, 14
Николай Николаевич, вел. кн. 12, 13, 38, 288, 317
Никольская И. 135
Никольская Т.Л. 351, 379
Никольский А.А. 330, 332
Николюкин А.Н. 613, 615, 667, 670, 693, 696, 701, 709, 712
*Никулин (Ольконицкий) Л.В. 197, 219, 220, 246
Нобель Г.Л. 300, 301, 314, 321, 324
Новиков М. 664
Новицкий В.И. 288-294, 296, 298, 300-302, 304-309, 311-316, 319-322, 324, 330
Нольде Б.Э. 291
Носенко Е. 154

Обатнина Е.Р. 350, 355, 395
Оболенский А.П. 705
Оболенский В.А. 611
Оболенский В.С. 21
Обухов Н. 122
Овсянникова М.А. 681
Одарченко Ю.П. 427, 439, 485-487
Одинец Д.М. 617
*Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 403, 405, 425, 436, 437, 454, 458, 459, 471, 472, 474, 480, 484, 486-489, 491, 505, 506, 508, 510-512, 514, 521, 529, 531, 533, 535, 537, 547, 548, 550-552, 555, 557-608
Озеров Д. 12
Олевская В.В. 685
Олеша Ю.К. 485
Ольга Константиновна, королева Греческая 13
Ольга Федоровна, вел. кн. 13
*Опалов Л. см. Подоксик Д.
Орлицкий Ю.Б. 685
Орлов А.И. 179
Орлов Н.А. 29, 62
Орлова Л.П. 194, 196, 212, 213
Орлова О.К., кн. 29, 30
Осипов В.А. 697
Осовский Е.Г. 664
Осовский О.Е. 694
Осокина Т.В. 282
Осоргин М.А. 565
Осоргина А.М. 326
Осоргина Т.А. 681, 682
Оссовский А.В. 121, 134, 136-139, 144, 150, 155, 162, 164, 177, 179, 182
Островский А.Н. 186
Остроухов И.С. 29, 30
Осьминина Е.А. 611-627
Оцуп Г.А. (*Раевский Г.) 441, 442, 453-455, 483, 484, 519, 521, 535
Оцуп Н.А. 236, 569, 570, 590

Пабст Г.-В. 251, 258
Павел Александрович, вел. кн. 11-13, 60
Павлищева, балерина 111
Павлов И.П. 185, 186
Павлова Т.Ф. 60
Павловец М.Г. 695, 696, 708-710
Пайчадзе Г. 131, 165
Пайчадзе С.А. 675
Пальмов В. 629, 630
Пальмова И. 679
Панина В.В. 200, 201
Панков К.И. 690, 692
Папатакис (Papatakis) Н. 599
Парнель (Parnell) Ф. 111, 116
Пархомовский М.А. 668, 674, 677, 678, 684, 687, 689, 692, 694, 695, 699-702, 704, 706, 709, 710, 712, 713
Парчевский К.К. 253, 255
Пастернак Б.Л. 75, 90, 92, 341-344, 349, 384-386, 396, 397, 508, 509, 518-520, 523, 524, 526, 572, 573, 578

- Пастернак Е.Б. 384
 Пастернак Е.В. 384
 Пастухов В.Л. 422, 425, 427, 428, 449, 471, 482
 Патерсон, художник 28
 Паустовский К.Г. 555, 556
 Пахмусс Т.А. 237, 241, 257, 258, 409, 466, 545, 694, 696, 714
 Перхин В.В. 336
 Перцов В.О. 634
 Петр I, имп. 9, 372
 *Петров Е. (Катаев Е.П.) 89
 Петрова Т.Г. 689, 692, 693, 704
 Петровский М.С. 201
 Пиз Ф. 278
 Пикассо П. 508, 644
 Пилсудский Ю. 619
 Пильд Л.Л. 543
 *Пильняк (Воргау) Б.А. 342, 353, 355, 357, 362, 369, 698, 707
 Пименов И.В. 685
 Писарев Д.И. 416, 417
 Пискатор Э. 192
 Платон 522
 Платэ А. 165
 Плотин 341
 Победоносцев К.П. 447
 Поджоли Р. 508, 509, 523, 524, 539
 Подоксик Д. 658
 Подорога В.А. 188
 Пожедаев Г.А. 232, 234, 246
 Позднякова Г.И. 694
 Познер В.С. 343
 Познер С.В. 198, 378, 611
 Покровский Б.Л. 572, 573, 578
 Покровский Н.Н. 204, 255-257
 Полански П. 664
 Полевой Б.Н. 637
 Полищук Е.С. 705
 Полнер Т.И. 618
 Половинкин С.М. 339
 Полонский Я.П. 167
 Полотовская И.Л. 664, 669, 670
 Полторацкий Н.П. 670, 700, 706, 708
 Полчанинов Р.В. 670, 680, 682
 Польшяева Е. 144, 165
 Польская Л.И. 233
 Поляк Г. 426, 505, 701
 Поляков А.А. 460, 462, 559, 560, 563, 565, 570, 572, 576, 577, 582, 596
 Поляков С.А. 365
 Поляновский М.Л. 642, 656
 Померанцев К.Д. 460, 462, 483, 485, 486, 489-491, 510-513, 561, 562, 566, 571, 572, 578
 Померанцева Е.С. 688, 700
 Пономарева Г.М. 688, 699, 704, 713
 Поплавский Б.Ю. 343, 346, 449, 453, 469, 470, 472, 480-482, 487, 505
 Поплавский Ю.И. 200
 Попов А.В. 673
 Попович П.Р. 597, 598
 Поповский М.А. 672
 Портнов, композитор 145
 Посажной А.В. 437, 438
 Поснова И. 677
 Постников С.П. 662, 672, 682
 Поступальский И.С. 632
 Потемкин В.В. 633
 Похитонова (урожд. Святополк-Мирская) С.П. 384, 386
 Правов И.К. 255
 Прегель А.Н. 455, 456
 Прегель С.Ю. 405, 471, 513, 521, 522, 528, 531, 535, 537, 549, 554, 555, 561, 563-565, 570, 580, 596, 601, 604, 606, 608
 Преображенская О.И. 192, 255
 Пригожий Я.Ф. 200
 Придик Е.М. 31
 Примочкина Н.Н. 346, 359
 Присманова А.С. 405, 413, 418, 425, 428, 430, 482, 523, 525, 526, 553
 Притыкина Т.Б. 663, 679, 680
 Пришвин М.М. 366, 367, 395
 Прокеш Я. 681
 Прокопович С.Н. 332
 Прокофьев Г. 147
 Прокофьев С.С. 122, 123, 138, 139, 142, 144, 145, 153, 155, 157, 159, 165, 166, 171, 175-184
 Пронин А.А. 670
 Протопопов, меценат 126
 Пруст М. 189
 Прут И.Л. 193
 Прутченко, попечитель Рижского учебного округа 48

- Прянишников И.П. 126
Пуанкаре Р. 186
Пугачев А. 201
Пудовкин В.И. 189, 190
Пудовкина Ю.Н. 686
Пуссен Н. 450
Путерман И.Е. 77, 91, 95, 397, 398
Пушкин А.С. 14, 61, 117, 256, 264, 335, 351, 368, 369, 396, 596, 643, 715
Пушкин С.А. 407, 409, 413, 416, 425, 439, 484, 501, 504, 528, 536, 548, 550
Пшибышевский С. 235
Пэрс Б. (Pares B.) 336, 351, 369
Пятигорский Г.П. 122
Рабинович И. 140
Рабинович С. 347, 404
Рабинович Я.Б. 512, 514
Равдин Б.Н. 664, 710
Равель М. 122
Радлова (урожд. Дармолатова) А.Д. 594, 595
Раев М. 670, 681, 700, 705
Раевская-Хьюз О.П. 338, 347, 671
Разин С.Т. 376
Райс Э.М. 439-441
Райт-Ковалева Р.Я. 68
Рак В.Д. 382
*Раннит А. (Долгошев А.К.) 607
Расин Ж. 454
*Распутин (Новых) Г.Е. 33, 34, 63
Ратнер Е.В. 223
Ратов Г.В. 200
Рафальский С.М. 550, 551, 559, 585, 586, 596, 597
Рахманинов С.В. 121-123, 125, 126, 131, 132, 134-143, 146, 155, 164-167, 171, 173, 174, 177, 179, 182, 183, 257, 378
Рахманинова И.С. 380
Рахманинова Т.С. см. Конюс Т.С.
Рахманова М. 174
Рахматов Г.Г. 233, 234, 265
Рахумовский И. 23
Рачек И.П. 77, 95
Ребиков В.И. 183
Ревякина А.А. 692, 694, 702, 709, 712
Ревякина И.А. 713
Регель М. 123
Рёдер К. 162
Резников Д.Г. 381, 382, 384
Резникова Н.В. 338, 358, 393, 601
Рейзини Н.Г. 425, 527-532, 541, 544-549, 555
Рейтблат А.И. 678
Рембо А. 643
Ремизов А.М. 88, 89, 96, 335-339, 341-343, 345-401, 452, 454, 455, 472, 481, 482, 502-505, 508, 583, 584, 589, 701
Ремизова-Довгелло (*В.Н.Скоропальский) С.П. 89, 96, 347, 348, 350, 354, 357, 360-364, 366, 368, 370, 371, 373, 374, 376-378, 381, 387, 389-392, 398, 400
Ремизовы, семья 349, 397
Ренар Л. 79, 80, 90
Ренуар П.-О. 77
Репин И.Е. 23-25, 29, 62
Рерих Н.К. 24, 25, 158
Рёскин Дж. 55
Респиги О. 141
Решетников Ф.М. 410, 412
Ржешевский А.А. 269
Ривера Д. 282
Рильке Р.М. 384, 495, 496, 498, 506, 524
*Римский (Курмашев) Н.А. 204, 205, 214
Римский-Корсаков Н.А. 104, 117, 118, 124, 139, 145, 153, 155, 174, 181, 183
Риппинг М. 713
Рихтер Г. 226, 227
Рич, корреспондент «Нью-Йорк Таймс» 648
Риччи С. 31
Робак де, адм. 51
Рогалья-Левицкий Ю.С. 577
Рогачевский А.Б. 356, 462, 684, 699, 702
Родзянко Н.В. 49
Рождественский В.А. 530
Рождественский В.В. 636
Розанов В.В. 337, 339, 340, 345, 361, 366, 367, 374, 378, 381, 382, 386, 390, 395, 399, 402, 416, 417, 431, 432, 441, 444, 464, 465, 479-482, 487, 488, 500-502, 523, 549, 597, 600, 601
Розанов С.Н. 288
Розенберг В.А. 686
Розенталь Л.М. 185, 191-199, 208, 213, 218
Розенталь Р. 191, 192, 194, 195, 282

- Розова Э. 193
 Романов Е.Р. 691
 Романова А.В. 332
 *Рошин (Федоров) Н.Я. 244-246
 Рубинштейн И.Л. 24
 Рубинштейн Н.Г. 123
 Рубинштейн Я.Л. 330
 Рубисова Е.Ф. (Rubisov Н.) 481
 Рудаков Н.П. 206, 232, 234
 Руднев В.В. 405, 613, 614, 712
 Рудольф Л.М. 183
 Румер, постановщик трюков 242
 Русаков В.М. 61
 Русев Р.Д. 686
 Рутгман (Рутгманн) В. 224, 229
 Рыбникова Л. 165
 Рыжак Н.В. 670
 Рыклин Г.Е. 86, 96
 Рязановский Н.В. 339
- Саакянц А.А. 406, 688
 Сабанеев Л.Л. 122, 131, 137, 144, 147, 149, 150, 157, 159, 160, 485-487, 521
 Сабашникова М.В. 366
 Савин А.В. 664, 709
 Савин Н.Э. 62
 Савинков Б.В. 612, 616, 617, 626
 Савицкий П.Н. 336, 352, 401
 Савич (урожд. Мазэ) А.Я. 68-73, 64-94, 95, 97
 Савич А.Т. 69, 70, 75
 Савич Н.В. 319
 Савич О.Г. 68-71, 73-77, 79-85, 87-98
 Савичи, семья 87
 Садовой (Садовский) Б.А. 62
 Сазонов С.Д. 19, 20, 62
 Сазонова (урожд. Слонимская) Ю.Л. 261
 Салтыков-Щедрин М.Е. 354, 416
 Саминский Л. 162, 181
 *Санин (Шёнберг) А.А. 118, 122
 Сапов В.В. 687, 691, 709
 Сараджев К.К. 156, 178
 Сартр Ж.П. 83, 592, 593, 598, 599
 Сафонов В.И. 128, 143
 Сафронов Р.Ю. 700
 Сахаров А. 100
 Сахарова К. 100
 Сац И.А. 183
- Свербеев С.Н. 20
 Свечина Л.А. 48
 Святополк Окаянный 337
 Святополк-Мирская (урожд. гр. Бобринская) Е.А., кн. 377, 378
 Святополк-Мирская О.П. 360, 384
 Святополк-Мирский Д.П., кн. 335-401
 Святополк-Мирский П.Д., кн. 337, 338
 *Северин (Реми К.) 77
 *Северянин И. (Лотарев И.В.) 384
 Севинье М. 557
 Сегель А.Г. 256
 *Седых А. (Цвибак Я.М.) 198, 244, 246, 465, 607
 Сеймур Т. 50, 56
 Сейфуллина Л.Н. 386, 387
 Селезнев Л. 656
 Селезнева Т.В. 675, 693, 699
 Сельвинский И.Л. 341, 378, 379
 Семенов Ю.Ф. 627
 Семушкин А.В. 692
 *Сен-Жон Перс (Леже А.) 484
 Сениор, архитектор 80
 Сен-Санс К. 104
 Серафим Саровский, св. (Мошнин П.) 398
 Сергеев М.А. 687
 Сергеевич В.И. 15
 Сергей Александрович, вел. кн. 12, 13, 60
 Сергей, митр. (Страгородский И.Н.) 67
 Серебрянников А. 282
 Серебрякова-Дмитриева О. 282
 Серков А.И. 440, 670, 688
 Серман И.З. 423
 Серов А.Н. 164, 165
 Серов В.А. 23-25, 29, 30
 Сидоренко Н.А. 665
 Симеон Полоцкий 454
 Симоненко-Большагина О.А. 703
 Синклер Э. 278, 280
 *Сирин см. Набоков В.В.
 Скобелев М.И. 372
 Сковородникова С.В. 282
 Скоропадский П.П. 43, 46, 66
 Скрылов А.И. 667
 Скрыбин А.Н. 122-126, 128-132, 137, 139, 143-153, 162, 166, 167, 169, 177, 181, 183

- Славик Я. 662
Славянский, руководитель хора 18
Слоним М.Л. 344, 381, 464, 465,
508, 518-520, 549-551, 585, 587,
690
Слонимский Н.Л. 183
Слонов М.А. 140, 141
Смирнов А.И. 31, 35
Смирнов М.Н. 116
Смирнова О.М. 100, 103, 112, 116
Смит Дж. см. Smith G.S.
Смоленский В.А. 588, 590
Смурский Н. 235
Собинов Л.В. 123, 130, 131, 133,
134, 137
Соболев А.А. 633
*Сойфер (Осипов) И.А. 232-234,
236, 242, 258
Соколинский Е.К. 672, 675
Соколов Г. 381
Соколов Н. 122
Сократ 522, 583, 584
Солдатёнок К.Т. 184
Соловьев В.С. 340, 410, 416
Соловьева Н.А. 686
*Сологуб (Тетерников) Ф.К. 350,
351, 394
Сольский В.В. 216
Сомов К.А. 27
Сорокина М.Ю. 192, 194, 198, 282
Сосинский Б.Б. 355, 381-384
Спекторский Е.В. 663
Сперкач А.И. 707
Сперо, журналист 236
Спиридонова Л.А. 710
Спроге Л. 710
Ставров П.С. 447, 448
*Сталин (Джугашвили) И.В. 97,
278, 280, 281, 539
*Станиславский (Алексеев) К.С. 173
Старевич В.А. 204
Стародубцев Г. 695
Стасов В.В. 143
Стелловский Ф.Т. 124, 165
Степун М.А. 600
Степун Ф.А. 365, 378, 403, 450,
451, 455, 460, 478, 480, 481, 508,
509, 521, 522, 531, 542-544
*Стернберг Дж. фон (Стернберг И.)
272
Столкин А.Я. 588, 589
Стравинская А.К. 158
Стравинский И.Ф. 118, 121-123,
139, 142, 152, 154-161, 163, 176,
183, 184, 223, 341, 445, 446, 448,
456, 458, 460, 508
*Странник см. Иоанн, архиеп.
Страхов Н.Н. 416, 417
Стрелянов (Кулабухов) П.Н. 100
Стрижев А.Н. 697, 705
*Стрижевский (Радченко) В.Ф. 249
Строганов Г.С., гр. 31
Строганов П.С., гр. 31
Струве В.В. 31
Струве Г.П. 409, 444, 445, 531, 532,
539, 549, 565, 573, 589, 594, 595,
670, 689, 690, 698, 706, 708
Струвс М.А. 346
Струве Н.А. 485, 486, 680
Струве Н.Г. 117, 134, 140, 144-146, 150-
152, 154-156, 160-164, 176, 178, 180, 181
Струве П.Б. 345, 346, 706, 708
Суворин М.А. 698
Сувчинская (урожд. Гучкова, во
2-м браке Трейл) В.А. 385
Сувчинский Б.С. 330
Сувчинский П.П. 122, 144, 145, 190, 336,
337, 339, 342, 345, 346, 348, 349, 351,
352, 358-360, 370, 371, 374-380, 382,
383, 385, 386, 388, 390, 392, 394, 395,
397-398, 400
Сударикова Е.П. 668
Судьбинин С. 130, 131
Сукин И.И. 302-306
Султанов Ю.Н. 514
Сумароков А.П. 452, 454
Суптело А.В. 689
Сурат И.З. 708
Суриков В.И. 25, 26
Суриц Е.Я. 99
Сухаревский Л.М. 209
Сухарев Ю.Н. 671
Сухова-Кобылина (урожд. кн. Гага-
рина) К. 54
Сухомлинов В.А. 20
Сьтин И.Д. 184
Сюй Гохун (Светлана) 665
*Сюлли-Прюдом (Прюдом Р.-Ф.-А.) 494
Табидзе Г.В. 90, 97
Табидзе Т.Ю. 90, 97
Тагго-Новосадов Б.Х. 699

- Танеев С.И. 123-127, 137, 142, 146, 164, 166-170, 183
Тардые А. 214
Тартаковский А.Г. 664
Таскина Е.П. 704, 707
Татищев Н.Д. 448, 449, 480-484, 521, 522
Твардовский А.Т. 68
Терапиано Ю.К. 383, 405, 408, 418, 422, 423, 428, 436, 437, 440, 444, 448-451, 454, 464, 465, 468, 471, 480, 481, 484, 490, 491, 493, 497, 500, 502, 510, 516, 521, 522, 534, 535, 543, 562, 574, 576, 577, 588, 590, 591, 595, 597, 601
Терехина В.Н. 714
Терещенко Е.М. 30, 40, 41
Терещенко М.И. 30, 34, 38, 40, 41, 63, 188
Тер-Погосян М.М. 579, 580
Тесленко Н.В. 51
Тимашева Т. 423
Тименчик Р.Д. 351
Тимофеев А.Г. 678, 693
Тирман, соученик М.М.Пришвина 367
Тиссэ Э.К. 187, 193, 196, 199, 202, 208, 210, 212, 215, 220, 266, 268, 269, 279, 281
Титов А.А. 330, 611
Тихомиров, нотариус 164
Тихомирова Е. 687, 703
Тихон, патриарх (Белавин В.И.) 67
Тихонов Н.С. 63, 91, 97
Толстая (урожд. Голенищева-Кутузова) П.М. 9-11
Толстая (урожд. гр. Шувалова) М.П. 57, 58
Толстая (урожд. Грачева) Л.П. 21
Толстая (урожд. Канкрин, во 2-м браке Stanhope) А.В. 10
Толстая (урожд. Кочубей) Н.В., княж. 42, 46, 47, 49, 52, 53, 56, 57
Толстая (урожд. Тулинова) Е.В. 9
Толстая (урожд. Черткова) Е.М. 19, 22, 24, 32, 38, 42, 46, 47, 52, 53
Толстая А.Л. 452, 453, 532, 533
Толстая Е.М. 10
Толстая И.И. 21, 25, 32, 37, 38, 42, 46-58
Толстая Л.И. 7
Толстая Люд. И. 21
Толстая М. 423
Толстой А.В. 692
Толстой А.И. 21, 32, 33, 37, 41, 45, 47, 49, 52, 53, 56-59
Толстой А.К. 173, 257
Толстой А.Н. 63, 92, 97, 342, 500, 504
Толстой Д.И. 7, 8, 8-59, 60, 65
Толстой И.А. 58
Толстой И.И. (брат Д.И.Толстого) 7, 10, 11, 14, 18, 21, 32
Толстой И.И. (племянник Д.И.Толстого) 18, 21
Толстой И.И. (сын Д.И.Толстого) 21, 32, 33, 37, 42, 46, 47, 49, 52, 53, 56, 57, 59
Толстой И.М. 9-11
Толстой И.Н. 671, 687-691, 697, 701-704, 706, 708, 715
Толстой Л.Н. 29, 62, 123, 340, 396, 397, 410, 412, 417, 453, 469, 532, 539, 542-544, 581, 616, 632
Толстой М.И. (брат Д.И.Толстого) 10, 11, 21, 23, 62
Толстой М.И. (внук Д.И.Толстого) 49, 52, 56
Толстой М.Ф. 9
Толстой Н.М. 11
Толстой С.Л. 183
Толстых Г.А. 665
Томас Д. (Thomas D.) 443
Томпсон П. 657
Топоров В. 613
Топпинг, банковский деятель 301, 303, 314, 315
Трайнин И.П. 218
Трепов Ф.Ф. 14, 61
Третьяков П.М. 30
Третьяков С. 629
Третьяков С.М. 186, 217
Третьяков С.Н. 315
Триоле А. 78
Триоле Э.Ю. 76, 78, 79, 95
Триполитов Н.И. 99, 100, 101-116
Триполитова (урожд. Рюбом) К. 100
Тройницкий С.Н. 27, 31
*Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 591
Трубецкая В.П. 336
Трубецкой Н.С., кн. 336, 339, 341, 348, 352, 358, 401

- Трубецкой С.Н., кн. 143
*Трубецкой Ю. (Нольден Ю.П.) 439, 440, 496, 498, 533, 534
Трубникова Е.М. 692, 693, 699
Трубников А.А. 31
Трущенко Е.Ф. 691, 706, 708
Тувим Ю. 79, 95
Тулинов В.Я. 9
Тулинова (урожд. Дубенская) М.И. 9
Тундудов Д.Ц., кн. 66
Тургенев И.С. 435, 542, 543
Туржанский В.К. 247, 249
Турина В.А. 268
Турнер М. 225
Турочеров Н.Н. 572, 574
Тынянов Ю.Н. 75, 94
Тыркова-Вильямс А.В. 347-350, 369, 376
Тышлер А.Г. 93, 98
*Тэффи (Бучинская, урожд. Лохвицкая Н.А.) 352, 354, 592, 593, 708
Тюнин М.С. 681
Тютчев Ф.И. 372, 428, 492, 498, 514, 523, 525, 568, 576, 594, 641
Уайт П. 210
Угет С.А. 283-287, 291-306, 309, 311-316, 318-325
Уитмен У. 643
Уитни Т. 347
Уланд Л. 393
Ульянов Н.И. 436, 437, 463, 495, 501-503, 533, 534, 559, 574-577, 582, 607
Упит А.М. 507
Усачевский В. 122
Устинов А.Б. 348
Ушаков Д.Н. 418
Ушков К.К. 123, 126
Уэллс Г. 347, 348
Фадеев А.А. 343
Фальк Р. 78, 81, 95, 96, 636
Февральский А.В. 186, 642, 656
Федин К.А. 74, 94, 96
Федоров М.В. 706
Федоров Н.И. 470, 472
Федоров, инженер 242
Федотов А.П. 667
Федотов Г.П. (*Е.Богданов) 341, 344, 378, 398, 497, 500
Федякин С.Р. 351, 435, 448, 703, 715
Фейдер Ж. 187, 206
Фельдман М.И. 206
Фельтен А.Ф. 18, 61
Фердинанд (Франц Фердинанд Д'Эсте), эрцгерцог австрийский 32
Фердинанд I Кобургский, кн. 20, 62
Феркельзам, бар., сотр. Эрмитажа 31
*Фет (Шеншин) А.А. 459, 550-552, 585, 641
Фигурнова О.С. 664
Физ Б.Ю. 535, 536
Филиппов А.И. 230, 236, 240
*Филиппов Б. (Филистинский Б.А.) 607, 608
Филиппов В.В. 695
Филиппов Ф.Д. 114
Филиппова Л.И. 665
Философов Д.В. 612, 693, 694, 696
Фихте И.Г. 131
Фламмарин К. 229, 234, 236, 238, 248
Флейшман Л.С. 344, 347, 366, 377, 396, 671, 710
Флоренский П.А. 340
Флоринский М.Т. 346
Флоровский Г.В. 489, 490
Флота А.П. 495
Фокин М.М. 115, 117, 118, 188
Фондаминский (*Бунаков) И.И. 613, 620, 627, 712
Форш О.Д. 74, 75, 94
Фосет Р. 324
Фостер Л.А. 662
*Фотинский С. (Айзеншер А.С.) 79, 80, 90
Фош Ф. 203
Франк В.С. 509, 523, 524
Фредерикс В.Б. 62
Фрезинский Б.Я. 68-98, 688
Фрейд З. 555
Фрелих О.Н. 196
Френкель С.А. 233
*Фэрбенкс Д. (Дуглас Э.У.) 261, 270, 277
Фэрбенкс Р. 261, 262
Хазан В.И. 205
Хазан В.К. 706
Хазанов Б. 713

- Ханжонков А.А. 232
Харджиев Н.И. 629
Харина Н.А. 686
Харламов В.И. 672
Харрисон Дж. Э. 356, 360, 361, 375-377, 384, 385, 387, 389, 390, 396, 397
Хаусман А.Э. 537
Хейбер Э. 354
Хейфец М. 713
Хейфец Я. 121
Хисамутдинов А.А. 664, 667, 671
Хитрово А.З. 31
Хлебников В.В. 462
Ходасевич В.Ф. 241, 339-342, 344, 345, 382, 383, 387, 388, 397, 414, 432, 435, 474, 496, 561, 581, 604, 687
Хокс Р. 133
Хомяков А.С. 170
Хомяков Г.А. см. *Андреев Г.
Хоффман Г. 192
Хувер см. Гувэр Г.К.
Хьюз Р. 335-401, 671
- Цатуров П.М. 300, 301, 314
Цатуров Ш.М. 300, 314
Цветаева М.И. 335, 339-343, 345, 346, 356, 366, 367, 375-377, 381, 383-386, 397, 399, 405, 406, 411, 437-439, 447-449, 466, 470, 472, 476, 481, 482, 485, 489, 490, 493, 501, 506-508, 526, 548, 591, 713
Цвибак Я.М. см. *Седых А.
Церетели А.А., кн. 100, 113, 116
Церетели И.Г. 398
Цеткин К. 74
Цетлин М.О. 446, 488, 700
Цетлина (урожд. Тумаркина, в 1-м браке Авксентьева) М.С. 405, 415, 423, 427, 445, 446, 450, 455, 456, 460, 464, 470, 471, 476, 478-482, 486-488, 490-492, 495, 497, 498, 500, 511-513, 515-517, 519, 520, 522-524, 526, 528, 530, 531, 545, 700
Цивьян Т.В. 428
Циммерман Ю. 124, 125, 128, 163, 164
Цингель Э. 163
- Цукор Дж. 269
Цуриков В.А. 693, 696
Чаадаев П.Я. 437, 501, 502
Чайковский Н.В. 611-627
Чайковский П.И. 104, 123-126, 141, 169, 174
Чаманский Г.Д. 296, 300, 301, 303, 306, 310
Чаплин Ч.С. 213, 222, 259, 260, 272
Чеботарева Т.Г. 347
Чеквер Л.И. 566-569
Чеквер Р.С. 471, 566, 567, 570, 571
Челноков М.В. 36, 39, 63
Чельшев Е.П. 674, 675, 694, 700, 708, 711, 712
Червинская Л.Д. 427-429, 438, 449, 478, 489, 490, 500, 532, 536, 592, 593
Черепнин А.Н. 122
Черкасова Ф.А. 558-608
Чернова А.В. 355
*Черный А. (Гликберг А.М.) 354
Чернышевский Н.Г. 417, 492, 493
Чернявский Я. 201
Черняев В.Ю. 669, 678, 683, 689, 701, 704
Чертков М.И. 19, 29, 32
Чертов, соученик М.М.Пришвина 367
Чертков С.М. 233, 259
Чесноков А. 183
Чехов А.П. 353, 470, 473-475
Чехов М.А. 188, 189, 206
Чехонин М. 423
Чижевский Д.И. 548
Чингисхан 376
Чиннов И.В. 403, 405, 406, 408, 411, 421, 423, 425, 426, 430, 444, 452, 454, 458, 459, 472, 503, 505, 506, 509, 512, 524, 530-534, 537, 538, 546, 549-551, 554, 556, 585-587
Чириков М.Г. 373
Чириковы, род 372, 373
Членов С.Б. 78, 95
Членовы, семья 78
*Чужак Н. (Насимович Н.Ф.) 629
*Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 643
Чулке О. 18
- Шагинян М.С. 595
Шаляпин Ф.И. 30, 116, 121, 123, 198, 251, 252-261

- Шамшин А.И. 300
Шаршун С.И. 483, 484
Шателен С.А. 296, 300, 301, 303, 305, 308-310, 314, 315, 320-322, 324, 325
Шатов М.В. 665, 682
Шаховская Д. 198
Шаховской Д.А. 340, 341, 372, 373, 378, 380, 602-604, 687
Шаховской Д.М. 665, 674, 675, 694, 700, 708, 711, 712
Шварц Я.С. 70, 72
Шведчиков К.М. 268
Швецов Б.А. 300, 301
Шекспир У. 451, 542
Шеллапутин П.Г. 126
Шеллинг Ф.В. 131
Шелохаев В.В. 667
Шель, банкир 314
Шенк Дж. 263, 270, 277
Шенневьер Д. 182
Шерон Ж. 198, 405, 425, 454, 493, 561, 563, 573
Шестаков Л.И. 165
*Шестов Л. (Шварцман Л.И.) 335, 339-341, 357, 361, 366, 368, 369, 371, 376, 378, 383, 391, 392, 540, 541, 620
Шестовы, семья 360
Шефер П.Н. 39
Шефтель А.М. 220
Шиллер Ф.393
Шиллинг А.А. 12
Шиллинг Г.А. 12
Шиллингер И. 122
Шильдкнехт П.Н. 203
Шинкарук И.С. 671, 714
Ширинская Н. 163
Ширинский В.П. 163
Широков Г. 423
Ширияев Е.Н. 366
Шифрин С.С. 205, 206, 208, 210, 215, 224, 226-228
Шифрин Ж. 93, 98
Шишкин И.И. 23
Шишков А.С. 23
Шкаренков Л.К. 60, 615
Шкловский В.Б. 342, 420, 421
Школьник, сотр. киностудии 265
Шкуро А.Г. 246
Шлецер Б.Ф. 122, 221-223, 360, 361
Шлецер Т.Ф. 130, 146, 148, 149
Шлифштейн С. 138
Шмеман А.Д., прот. 453, 454, 464, 469, 471
Шмитт Ф. 158
Шнейдер И.В. 573
Шомракова И.А. 668, 669, 673-676, 678-680, 692
Шостакович Д.Д. 140
Штейгер А.С. 406, 408, 417, 419, 430, 447, 448, 458, 459, 466, 470, 472, 475, 476, 478, 479, 481-483, 487-490, 496, 505, 514, 535
Штейн Э. 665, 672, 681, 686, 704, 706
Штейнберг М.О. 145, 153, 181
Штерн С.Ф. 611, 613
Штилле Э. 218
Штраух М.М. 190, 194, 196, 220, 255, 261, 269
Штром (урожд. Богданиан) Е.Н. 596, 697
Штурман Д. 702
Шуб Э.И. 276, 279
Шувалова С., гр. 327, 328
Шулелова Э.А. 689, 692, 704
Шуман Р. 118
Шумихин С.В. 7-67, 198, 337, 698
Шумова В.П. 681
Шумяцкий Б.З. 278, 281
Шюзвиль Ж. (Chuzeville J.) 351
Щеголев П.Е. 63
Щерба Л.В. 359
Щербаков А.С. 92, 93, 97
Щербаков Е. 407, 409, 551, 553
Щукин С.И. 641
Эберле, владелец музыкального магазина 163
Эйзенхауэр Д.Д. 473, 474
Эйзенштейн С.М. 185-191, 193-199, 201-203, 208-222, 224-229, 249-251, 255, 261-282
Эйзенштейн Ю.И. 189, 195, 199, 213, 268, 271, 273, 279
Эйхгорн Г., фон 44, 66
Экстер А.А. 98, 203
Эль Греко Д. 31
Элькан (урожд. Абельман) А.М. 449, 451, 456, 510, 561, 562, 585
Элькин Б.И. 332

- Элюар П. 79
 Эмигулашвили М. 215
 Эммонс Т. 664
 Энгель Ю.Д. 129, 147, 174
 Энгельгардт Б.Н. 63-65
 Эпштейн А.Б. см. *Эпштейн Ш.
 Эпштейн Ж. 242
 *Эпштейн Ш. 651, 657
 Эрдман Н.Р. 89, 96
 Эренбург И.Г. 68-97, 271, 366, 596, 597, 631
 Эренбург И.И. 68, 70-73, 76, 87, 94
 Эренбурги, семья 74-81, 83, 84
 Эрмлер Ф.М. 211, 268, 269
 Эсхил 583, 584
 Этова О.В. 691, 697
 Этьеван А. 203, 234
 Эфрон С.Я. 339, 346, 375, 376, 378, 385, 386, 397
 Эфрос А.М. 88, 96
 Эшаппар Ф.В. 22, 31
- Югов А.М. 691
 Юденич Н.Н. 306
 Юдин А.В. 664
 Юзефович В.А. 121-184
 Юков К.Ю. 273, 274, 279
 Юниверг Л. 676, 677, 695, 699
 *Юрасов (Жабинский) В.И. 540-542
 Юрасов С. 423
 Юрасовский А.И. 177
 Юргенсон Б.П. 134, 152
 Юргенсон Г.П. 134, 152
 Юргенсон П.И. 123-125, 176, 177
 Юренев Р.Н. 208, 212, 261
 Юренева В.Л. 235
 *Юрок С. (Hurok; наст. имя Гурок С.И.) 113, 114, 117
- Яворский Б.Л. 140, 358
 Яворский Ю.А. 665
 Якобсон Р.О. 83, 84, 87, 88, 96, 413, 607, 608
 Якобсон С.Н. 83, 84
 Яковлева Т.А. 671, 686
 Яконовский Е.М. 466
 Якубович М.В. (*Мара Гри) 191-195, 197-199, 201, 202, 208, 210, 211, 214, 215, 223, 225, 228, 266
 Янгиоров Р.М. 185-282, 414, 420, 428, 702
- Янова В.П. 235
 Яновский В.С. 420, 451, 464, 465, 486, 487, 602
 *Янтарев Е. (Бернштейн Е.Л.) 200
 Ятманов Г.С. 41, 65
 *Яссен И. см. Чеквер Р.С.
 Яссер И. 122
 Яценко Н. 157
 Яценко А.С. 87, 96, 661, 698, 707
- Acouturier M. 686
 Anderson J. 99
 Arans D. см. Аранс Д.
 Armani A.S. 395
 Arnaud M. 196
 Arnoux A. 229
 *Bardot B. 587, 588
 Barscher M. 300
 Beard M. 356
 Beatrice L. 204
 Belin de Ballu E. 682
 Beresford M. 542
 Beyer T. 671
 Birchler N. 689
 Bizet J.-A. 207
 Bogomolov N. см. Богомолов Н.А.
 Bogusis R. 682
 Bosseno C.-M. 229
 Brion M. 396
 Brown A. J. Ch. см. Браун А.
 Brubach H. 99
 Buchanan N. 300
 Buffon G.L.L., comte 571, 572, 448, 573
 Bulgakowa O. 186, 187, 189, 190, 199, 215, 218, 226, 278-280
 Caetani R. 395
 Cairns, директор банка 300, 301
 Charques R.D. 361, 363
 Chichlo B. 676
 Cocteau J. 99
 Cooper J. 354
 Courmos J. см. Курнос Дж.
 Coutisson J.-P. 274
 Craft R. 156
 Cunliff O.H. 300
 Czapski J. 601
 Dana H.W. 220
 Dana R.H. 392
 Danilova A. 99
 Davies R. 385, 664

- Davydoff L. см. Давыдов Л.Ф.
Derobek J. 51, 56
Desjardin P. 361
Detaille G. 99
Dobry A. см. Добрый А.И.
Dobson, директор банка 300, 301
Dostoyevsky F.M. см. Достоевский Ф.М.
Drews P. 676
Eastwood, знакомый Г.В.Адамовича 548
Eisenstein S. см. Эйзенштейн С.М.
Epstein H. 369
Etard M. 400
Fargue L.-P. 395
Fawcett R. см. Фосет Р.
Gance A. 229
Garsia Márquez V. 99
Geduld H. 278
Gersaglia R. см. Джерзалия Р.
Gippius Z. см. Гиппиус З.
Golovin N.N. см. Головин Н.Н.
Gottesvan R. 278
Graham S. см. Грэм С.
Grzhebin Z.I. см. Гржебин З.И.
Guillain A. 400
Hagglund R. 435
Haiman H. 396
Hale N.A. 682
Halpern S. см. Андроникова-Гальперн С.А.
Hardeman H. 677, 711
Harnstin E. 558
Harrison J.E. см. Харрисон Дж.Э.
Haward A.J. 320
Hellman B. 666
Heurgon-Desjardin A. 361
Howells D.L.L. 682
Hufen C. 699
Huggland R. 602, 603, 607, 608
Huroc S. см. *Юрок С.
Ingram D. 320
Inkijinoff V. см. Инкижинов В.И.
Iswolsky H. см. Извольская Е.А.
Ivanov G. см. Иванов Г.В.
Гурућ О. см. Джурич О.
Jensen P.A. 355
Jopson N.B. 390
Jukovsky V.A. см. Жуковский В.А.
Kaestlin G.H. 320
Kaestlin J.C. 320
Kaestlin P.R. 320
Karlinsky S. 377
Kasack W. см. Казак В.
Kasinec E. 664
Katchaki J.N. 666
Kaznina O. см. Казнина О.А.
Kjellberg J. 666
Koussevitsky S. см. Кусевичский С.А.
Krafz G. 671
Kulikowski M. 666
Lande M.A. 713
Larbaud V. 395
Lavroukine N. 335, 336, 348
Lee P. 666
Leprohon P. 229
Levie S. 395
Liebich A. 713
Limbour G. 396
Locher J.P. 689
Longfellow H.W. 392
Lukšić I. см. Лукший И.
Лукший И. 671
Mac-Fadden I.H. 298
Maichel K. 682
Malmstad J.E. 344, 346, 359, 595
Markov V. см. Марков В.Ф.
Martin F. 204
Maurois A. 361
Mazon A. 683
McMillin A. 671
McPhail A. см. Макфейль Э.
Mirrlees H. см. Мирлиз Х.
Mirsky D.S. см. Святополк-Мирский Д.П.
Mitry J. 197
Mulis G. 99
Muller см. Мюллер Ф. фон
Nikolaevsky B.I. см. Николаевский Б.И.
Nobel G. см. Нобель Г.Л.
O'Dempsey F. 357
Odojevceva I. см. Одоевцева И.В.
Ofer Z. 666
Ossorguine-Bakounine (Ossorguine) T. см. Осоргина Т.А.
Pachmuss T. см. Пахмус Т.А.
Pares B. см. Пэрс Б.
Peacock S.J. 356
Perin J. 594
Petit, супруги 621
Pilnjak B. см. *Пильняк Б.
Platone R. 687

- Plumer H.C.O. 56
Poggioli R. см. Поджоли Р.
Polchaninov R. см. Полчанинов Р.В.
Porquesoi J. 213
Postnikoff S. см. Постников С.П.
Rachůnkova Z. 666
Řeháková M. 666
Remizov A.M. см. Ремизов А.М.
Reynolds B. 352
Reznokoff N. см. Резникова Н.В.
Riasanovsky N.V. см. Рязановский Н.В.
Richard J. 671
Rose W. 369
Rosenthal R. см. Розенталь Р.
Roth M. 192
Roy E. 1e 232
Rudnitski I. 666
Saroyan M. 676
Smirnov N.P. 708
Schlögel K. 671
Shatoff M. см. Шатов М.В.
Slyckov L.A. 708
Smith G.S. 335, 337, 346, 356, 376, 377, 385
Stanhope S.P., лорд Weardate 10
Starewitch L. 204
Stewart J. 356
Stravinsky I. см. Стравинский И.Ф.
Stravinsky V. 156
Suvchinskii P.P. см. Сувчинский П.П.
Taneev S. см. Танеев С.И.
Tchertkov L. 335, 348
Topping см. Топпинг
Tsikounas M. 229
Turkova-Williams A.V. см. Тыркова-Вильямс А.В.
Unbegaun B.O. 683
Urbanic A. 666, 682
Valéry P. см. Валери П.
Viver R. 401
Volkoff A.-M. 683
Walker K.S. 99
Werner X. 671
Whineray W.E. 300, 304
Williams H.W. см. Вильямс Г.В.
Williams R. 699
Woodward, командор 51
Zadrazilová M. 690
Zohrab I. 348, 350, 363

АННОТАЦИИ

Наследие

Д.И.Толстой. Автобиография. Публикация С.В.Шумихина

Сын царского министра и внук сенатора, товарищ по детским играм великих князей, в зрелые годы Д.И.Толстой (1860–1940) руководил Русским музеем, а с 1909 – еще и Эрмитажем. Записки созданы в Ницце, куда графа с семьей унесла русская революционная смута. Автобиография была написана по заказу Русского Заграничного исторического архива в Праге.

60 с.

А.Я.Савич. «Минувшее проходит предо мною...»: Из воспоминаний.

Публикация, запись и комментарии Б.Я.Фрезинского

Вдова писателя О.Г.Савича вспоминает о годах, проведенных с мужем на Западе (1924–1935; сначала в Тюрингии, затем в Берлине и Париже). Встречи с О.Форш, Э.Триоле, Ю.Тувимом, Р.Якобсоном, Е.Замятинным и многими другими. Дружба с Л.М. и И.Г. Эренбургам. Совместные поездки на каникулы по Европе; во время одной из них – прием в советском полпредстве в Норвегии у А.М.Коллонтай. Повествование имеет форму живых картинок «с натуры».

6 + 25 с.

Н.И.Триполитов. Воспоминания. Публикация Андрея Корлякова

Николай Триполитов приступил к воспоминаниям на склоне лет и не успел закончить свои записки. Но даже в таком виде они вносят много нового в историю русского балета за рубежом. Небольшая труппа полковника В. де Базиля, в которую входил Триполитов, со временем стала знаменитым «Original Ballet Russe», воскресившим лучшие традиции русского балета.

2 + 18 с.

Статьи и исследования

Виктор Юзефович. Российское музыкальное издательство.

Первое десятилетие: В Берлине и Москве

Первая часть исследования, посвященного истории Российского музыкального издательства (РМИ) и его учредителю С.А.Кусевичкому. Созданное в 1909 с целью защиты прав русских композиторов, РМИ просуществовало до 1948, и большая часть его истории разворачивалась за пределами России. В работе издательства в

разные периоды в той или иной степени принимали участие почти все крупные отечественные композиторы – Рахманинов, Скрябин, Стравинский, Танеев, Метнер, Гречанинов, Прокофьев и др.

64 с.

Рашид Янгиров. В кадре и за кадром: Российские кинематографисты за рубежом (1925–1930). Часть третья

В заключительной части работы воссоздается трехлетняя парижская эпопея и голливудская авантюра Эйзенштейна с постоянной «игрой на двух досках», его сложные взаимоотношения с русскими эмигрантами, зарубежными режиссерами (Абель Ганс), меценатами (Леонид Розенталь), хозяевами Голливуда, а также собственными властями и «советской общественностью». В довольно неожиданных ракурсах предстают Федор Шаляпин и чета Мережковских, Иосиф Ермольев и Никита Балиев, Сергей Волконский и Дуглас Фэрбенкс, а также многие другие современники знаменитого режиссера.

98 с.

Олег Будницкий. Дипломаты и деньги.

Статья вторая: Национальный фонд

Продолжение работы, опубликованной в четвертом томе «Диаспоры». На материале многочисленных документов (в частности, из Русского архива в Лидсе) рассказывается, как в 1921 была продана последняя часть золотого запаса России, получившая название «колчакского золота». Деньги, вырученные от продажи, имели неожиданно долгую судьбу: последнее ассигнование из этих средств было сделано в 1957 и предназначалось Объединению сестер милосердия Российского Общества Красного Креста во Франции. Лица, ответственные за хранение денег, продемонстрировали миру удивительное, вызывающее уважение чувство долга.

50 с.

Эпистолярная

«...с Вами беда – не перевести»: Письма Д.П.Святополка-Мирского к А.М.Ремизову. 1922–1929. Публикация Роберта Хьюза

Письма и материалы, приводимые в комментариях к ним, позволяют осветить новые, малоизвестные стороны литературной деятельности Ремизова в начале парижского периода, а также место Мирского в литературно-критической и общественно-политической жизни русской эмиграции 1920-х. Они добавляют также новые штрихи к истории евразийского движения и возникновения парижского журнала «Версть». Документы свидетельствуют об активной роли Мирского в переводах и публикации произведений Ремизова на английском и французском языках. Многие попытки окончились неудачей, и это, по-видимому, явилось непосредственной причиной разлада в отношениях Ремизова с Мирским в 1929. Вступительная статья подробно анализирует события.

13 + 55 с.

Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961).

Предисловие, публикация и комментарии Н.А.Богомолова

99 из 100 публикуемых писем написаны между 1952 и 1961 и особенно насыщены литературным материалом. Одна из главных тем – судьба журнала «Опыты», где Иваск был сначала одним из ближайших сотрудников, а затем и главным редактором. Адамович хотел видеть журнал лучшим изданием русской эмиграции, которое в 1950-е оказалось бы в состоянии поддерживать самый высокий уровень интеллектуальной культуры. Подробно обсуждаются внутренние дела журнала: круг реальных и потенциальных авторов, планы новых разделов, поиски меценатов. Вступительная статья и подробный комментарий дают множество дополнительных сведений об упомянутых лицах, произведениях и событиях.

4 + 152 с.

«Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965). Публикация Ф.А.Черкасовой

После смерти Георгия Иванова Адамович оказался едва ли не единственным близким человеком и другом Одоевцевой: он принимает непосредственное участие в жизни поэтессы, хлопочет по ее делам, дает советы практического и творческого характера. В его письмах – критические замечания и рекомендации по поводу новых стихов Одоевцевой, она же, судя по всему, внимательно прислушивается к мнению Адамовича и учитывает его критику. Из писем становится понятно, что общий замысел широко известных мемуаров Одоевцевой восходит к Адамовичу. Подробный комментарий дополняет публикацию и делает ее ценным источником по истории литературы русской эмиграции послевоенного периода.

3 + 48 с.

Varia

Елена Осьминина. «Мы объявим <...> наш Союз Духа существующим...»: Мережковские и Н.В.Чайковский в начале 1920-х

На основе документов, хранящихся в ГАРФ, автор восстанавливает историю взаимоотношений известного русского революционера и общественного деятеля Н.В.Чайковского с З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковским, рассказывает о попытке создания ими в 1921 объединения «Союз духа» и о последовавшем глубоком идейном расхождении в 1925.

17 с.

Давид Бурлюк: «Я был для Маяковского счастливой встречей ...». Публикация Д.В.Карпова

Визит в 1956 в СССР Д.Д.Бурлюка, впервые после долгого перерыва ступившего на родную землю, стал одним из значительных культурных событий периода оттепели. Стенограмма его выступления 10 мая 1956 в Государственном музее В.В.Маяковского печатается

впервые. Во вступительной статье рассказывается, как сложилась жизнь «отца русского футуризма» после эмиграции в 1920.

10 + 21 с.

Библиография

Печатное дело русского зарубежья в исследованиях и документах: Материалы к библиографии. Составитель О.А.Коростелев

55 с.

ABSTRACTS

Heritage

D.I.Tolstoy. Autobiography. Edited by S.V.Shumikhin

A son of the Tsar's minister, senator's nephew and a playmate of the Grand Dukes, Count D.I.Tolstoy (1860–1940) was, at his mature age, director of the Russian Museum and, since 1909, of the Hermitage as well. His memoirs were written for the Russian Foreign Historical Archive (Prague) in Nice, where Tolstoy settled with his family in the wake of the revolutionary upheaval in Russia.

60 p.

A. Ya. Savich. «The bygone days come back to me ...»: Extracts from memoirs. Edited by B. Ya. Frezinskii

The widow of the writer A. Ya. Savich recalls the years she spent with her husband in the West, first in Thüringen, and then in Berlin and Paris, in 1924–1935. She describes their meetings with O.Forsh, E.Triolet, Yu. Tuvim, R.Yakobson, E.Zamiatin, and many others, dwells on their friendship with L.M. and I.G. Erenburg and gives an account of their travels in Europe, which incidentally brought them to a reception at the Soviet Embassy in Norway, hosted by A.M.Kollontai. The narrative has a form of lively pictures drawn «from nature».

6+25 p.

N.I.Tripolitov. Recollections. Edited by Andrei Korliakov

Nikolai Tripolitov began to write his memoirs when he was already in declining years, so he was not able to finish his narrative. But even in their unfinished form, his recollections contribute largely to the history of the émigré Russian ballet. A small company under Colonel V. de Basil, in which Tripolitov danced, became eventually the celebrated «Original Ballet Russe», which revived the best traditions of the Russian ballet.

2+18 p.

Articles, Studies

Victor Yuzefovich. The Russian Musical Publishing House. The First Decade: In Berlin and Moscow

This is the first part of the study devoted to the history of the Russian Musical Publishing House (RMI) and its organizer S.A.Kusevitskii. Set up in 1909 with a view towards protecting the rights of Russian composers, the RMI had existed until 1948, with most of its activities having taken place outside Russia. Among those who collaborated with the publishing house at different times were practically all eminent Rus-

sian composers such as Rachmaninov, Skriabin, Taneyev, Methner, Grechaninov, Prokofiev and others.

64 p.

Rashit Yangirov. On and Off Screen. Russian cameramen abroad (1925–1930). Part III

The focus of the 3rd part of the study is on Eisenstein: his three year long Parisian and Hollywood ventures, complicated relations with Russian emigrants, foreign film producers (Abel Hans), sponsors (Leonid Rosenthal), the Hollywood bosses as well as the Soviet authorities and «Soviet public». One will find here a rather unusual portrayal of F.Shaliapin, the Merezhkovskii couple, Joseph Ermoliev, Nikita Baliev, Sergei Volkonskii, Douglas Fairbanks as well as many other contemporaries of the celebrated Soviet film producer.

98 p.

Oleg Budnitskii. Diplomats and money. Part II. The National Fund

This continues the narrative started in «Diaspora», vol. IV. Drawing largely on numerous documents (including those from the Leeds Russian Archive), the author is telling the story of how the last portion of Russia's gold reserve (known as the «Kolchak Gold») was sold in 1921. The money obtained had been preserved for a long time thereafter – the last spending from these funds was made in 1957 and was designed for the association of nurses of the Russian Red Cross Society in France. The keepers of the money have demonstrated to the world a remarkable sense of responsibility, worthy of respect.

50 p.

Correspondence

«Translating you is such a hard job...»: Letters from D.P.Sviatopolk-Mirskii to A.M.Remizov, 1922–1929. Edited by Robert Hughes

The letters and the materials, included in the commentary, shed light on the new and little known aspects of Remizov's literary work at the beginning of his Parisian period, as well as on the role of Sviatopolk-Mirskii in the literary criticism and the socio-political life of the Russian emigration in the 1920s. These letters also contribute some new features to the history of the Euroasian movement and the emergence of the Parisian journal «Versty». The documents testify to the active role of Mirskii in the translation and publication of Remizov's works into English and French. Many of these efforts ended in failure and this, perhaps, served the immediate cause for the split in the relations between Remizov and Mirskii in 1929. The introduction provides a detailed analyses of the events mentioned.

13+55 p.

One hundred letters from Georgii Adamovich to Yurii Ivask (1935–1961). Prefaced and edited by N.A.Bogomolov

99 out of these 100 letters were written between 1952 and 1961 and are especially abundant in various literary materials. One of their main topics

is the fate of the «Opyty» Journal, with which Ivask first actively collaborated and then became its chief editor. Adamovich wanted the journal to be the best Russian émigré edition, that would be able to maintain, in the 1950s, the highest level of intellectual culture. There is a detailed discussion of the journal's domestic concerns, such as its actual and potential contributors, projects for new sections, search for sponsors. The introduction and detailed commentary provide abundant additional information on the persons, literary works and events mentioned.

4+152 p.

«I bow low to the true friendship ...»: Letters from Georgii Adamovich to Irina Odoevtseva, 1958–1965. Edited by F.A.Cherkasova

After Georgii Ivanov's death Adamovich remained almost the only intimate friend of Odoevtseva. He began to play an important part in her life, acting as her intermediary and adviser in all practical matters as well as literary work. In his letters one will find critical remarks and recommendations concerning Odoevtseva's new poems, and she, so it seems, was lending her attentive ear to his opinion and critique. One can also learn from these letters that the general conception of Odoevtseva's well-known memoirs actually comes from Adamovich. The publication is supplemented by a detailed commentary, which makes it a valuable source on the history of the Russian émigré literature of the post-war period.

3+48 p.

Varia

Elena Osminina. «We shall proclaim our Spiritual Union as existent...»: The Merezhkovskii and N.V.Tchaikovskii in the early 1920s

Using documents from the GARF, the author reconstructs the history of relations between the well-known revolutionary and public figure N.V.Tchaikovskii and Z.N.Gippius – D.S.Merezhkovskii couple, concentrating on their attempt, in 1921, to create a «Spiritual Union» and on their profound ideological divergence which followed in 1925.

17 p.

David Burliuk: «Maiakovskii was lucky to have met me ...». Edited by D.V.Karpov

D.D.Burliuk's visit to the USSR in 1956, when the poet had stepped for the first time on his native soil after the long years of absence, became one of the most remarkable cultural events of the «Thaw period». The shorthand report of Burliuk's talk given at the V.V.Maiakovskii State Museum on 10 May 1956 is being published for the first time. The introduction dwells on the life of the «Father of Russian Futurism» after his emigration in 1920s.

10+21 p.

Bibliography

The typography of the Russian emigration in studies and documents: Materials towards a bibliography. Compiled by O.A.Korostelev

55 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Наследие

<i>Д.И.Толстой</i> . Автобиография. Публикация С.В.Шумихина	7
<i>А.Я.Савич</i> . «Минувшее проходит предо мною». Публикация Б.Фрезинского	68
<i>Н.И.Триполитов</i> . Воспоминания. Публикация Андрея Корлякова	99

Статьи, исследования

<i>Виктор Юзефович</i> . Зарубежное Российское музыкальное издательство	121
<i>Рашид Янгиров</i> . В кадре и за кадром: Российские кинематографисты за рубежом (1925–1930). Часть третья	185
<i>Олег Будницкий</i> . Дипломаты и деньги. Статья вторая. Национальный фонд	283

Эпистолярная

«... с Вами беда – не перевести»: Письма Д.П.Святополка- Мирского к А.М.Ремизову (1922–1929). Публикация Роберта Хьюза	335
Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961). Публикация Н.А.Богомолова	402
«Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965). Публикация Фариды Черкасовой	558

Varia

<i>Е.Осьминина</i> . «Мы объявим <...> наш Союз Духа существующим...» (Мережковские и Н.В.Чайковский в 1920-е)	611
<i>Давид Бурлюк</i> . «Я был для Маяковского счастливой встречей ...» Публикация Д.В.Карпова	628

Библиография

Печатное дело Русского зарубежья в исследованиях и документах: Материалы к библиографии. Составитель О.А.Коростелев	661
---	-----

Аппекс

Указатель имен	717
----------------------	-----

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Выпуск V

Ответственный редактор: Олег Коростелев
Редактор-издатель: Татьяна Притыкина
Компьютерная верстка: И.М.Курдина
Корректор: О.Э.Карпеева
Оформление: Алексей Гаранин

ФЕНИКС

ИД № 05957 от 3.Х.2001

Издательство «Феникс»: 191123, Санкт-Петербург,
Кирочная ул., 31

Заказы направлять по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, СПб., наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/телефакс: (812) 235-15-86
e-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

Подписано в печать 22.08.2003. Формат 60 x 90/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 48 п.л. Тираж 1000 экз.
Заказ 4461

Отпечатано с диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

91. - NICE. - Promenade du Midi et Jetée-Promenade

